ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

АНГЛІИ.

Религія, законодательство, наука, искусство, промышленность, торговля, литература, нравы и обычаи въ ихъ историческомъ развитіи отъ древнѣйшаго періода до настоящаго времени.

606/29

Изданіе І. Д. ТРАЙЛЯ.

ТОМЪ V.

Отъ воцаренія Георга I до битвы при Ватерлоо.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

П. Николаева.

БИБЛІОТЕКА ИМПЕР. РОСС. ИСТОР. МУЗЕЯ

ПОНИЖЕННАЯ ЦѢНА 1 Р.

Изданіе К. Т. Солдатенкова.

Цѣна 2 р. 50 к.

МОСКВА.
Типо-литографія В. Рихтеръ, Тверская, Мамоновскій пер., свой домъ.
1898.

Печатаются слѣдующія изданія К. Т. СОЛДАТЕНКОВА:

Белохъ. Исторія Греціи, т. II (послѣдній).

Брандесъ. Шекспиръ, пер. подъ ред. проф. Н. И. Стороженко.

Ковалевскій М. Происхожденіе современной демократіи, т. I (вторымъ изданіемъ).

Ковалевскій М. Экономическій ростъ Европы, т. II и III.

Лависсъ и Рамбо. Всеобщая исторія, т. V.

Платонъ. Діалоги въ 8 отдѣлахъ и 6 томахъ съ указателемъ и трактатомъ о Платонѣ и его сочиненіяхъ переводчика. Пер. В. С. Соловьева.

Тэнъ И. Историко-литературные этюды.

Эсменъ. Основныя начала государственнаго права, т. II.

«Экономическая Библіотека»: **Шмоллеръ.**

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

АНГЛІИ.

Религія, законодательство, наука, искусство, промышленность, торговля, литература, нравы и обычаи въ ихъ историческомъ развитіи отъ древнѣйшаго періода до настоящаго времени.

Изданіе І. Д. ТРАЙЛЯ.

ТОМЪ V.

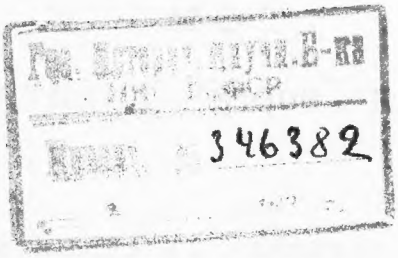
Отъ воцаренія Георга I до битвы при Ватерлоо.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

П. Николаева.

Изданіе К. Т. Солдатенкова.

МОСКВА.
Типо-литографія В. Рихтеръ, Тверская, Мамоновскій пер., свой домъ.
1898.


346382

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА XVII.

Эпоха Вальполя. 1714—1742.

стр.

Политическая исторія.—Гассаля 2
Армія.—Греттона 9
Флотъ.—Лэйрда Клоуэса 16
Открытія и изслѣдованія. 1642—1742.—Раймонда Бизли 20
Исторія законодательства 1688—1742.—Монтэгю 30
Философія.—Уиттакера 35
Медицина.—Дарси Поуэра 41
Классическое образованіе въ Англіи 1570—1742.—Сандиса 45
Литература.—Сентсбюри 62
Искусство. Живопись.—Гугса 76
Гендель и англійская музыка.—Кровеста 79
Земледѣліе. 1689—1742.—Протеро 86
Промышленность.—Тоунзенда Варнера 95
Финансы.—Смита 102
Общественная экономика.—Смита 114
Общественная жизнь.—Батесона 119
Шотландія.—Кольвиля 136
Ирландія.—Жойса 147

ГЛАВА XVIII.

Переходная эпоха.

Политическая исторія.—Гассаля 152
Армія.—Греттона 166
Флотъ.—Лэйрда Клоуэса 182
Изслѣдованія и открытія.—Раймонда Бизли 193
Нонконформизмъ.—Броуна 201
Философія.—Уиттакера 211
Литература.—Сентсбюри 219
Искусство.—Гугса 237
Земледѣліе.—Протеро 263
Промышленность.—Тоунзенда Варнера 267
Финансы.—Смита 284
Національная экономика. Пауперизмъ.—Смита 294
Общественная жизнь.—Батесона 302
Шотландія.—Кольвиля 314
Ирландія.—Жойса 316

ГЛАВА XIX.

Революція и реакція 1784—1802.

СТР.
Политическая исторія.—Гассаля 322
Армія.—Греттона 332
Флотъ.—Лэйрда Клоуэса 343
Изслѣдованія и открытія.—Раймонда Бизли. 351
Господствующая церковь.—Раймонда Бизли. 353
Философія.—Уиттакера 361
Медицина.—Д'Арси Поуэра 367
Искусство.—Гугса. 375
Литература.—Трайля 382
Земледѣліе. — Протеро 394
Промышленность.—Тоунзенда Варнера 400
Финансы.—Саймса. 413
Реформа тюремъ. Говардъ.—Артура Грифитса 420
Общественная жизнь.—Батесона. 425
Шотландія.—Кольвиля 435
Ирландія.—Жойса. 441

ГЛАВА XX.

Борьба Англіи за существованіе 1802—1815.

Политическая исторія.—Гассаля 450
Армія.—Греттона 456
Флотъ.—Лэйрда Клоуэса 471
Церковь.—Гёттона. 473
Наука.—Уиттакера 475
Медицина.—Д'Арси Поуэра 482
Искусство.—Гугса. 485
Литература.—Трайля 502
Промышленность.—Тоунзенда Варнера. 513
Общественная экономика.—Саймса. 524
Общественная жизнь.—Батесона. 531
Шотландія.—Кольвиля. 540
Ирландія.—Жойса. 542

ГЛАВА XVII.

Эпоха Вальполя 1714—1742.

Совершенно невозможно дать политической и общественной исторіи Англіи въ восемнадцатомъ вѣкѣ какое либо одно общее опредѣленіе. Если-бы мы должны были ограничиться только первой половиной столѣтія, мы навѣрное были бы склонны признать это время временемъ пріостановки въ историческомъ развитіи Англіи. Только въ сферѣ политики замѣчаются нѣкоторые признаки прогресса. Дѣло революціи медленно развивалось и упрочивалось, создавались постепенно прецеденты современной конституціонной системы; власть, съ перемѣной династіи перешедшая въ руки двухъ большихъ политическихъ партій, медленно вымирала вслѣдствіе ея злоупотребленій. Событія шагъ за шагомъ приводили къ ниспроверженію олигархіи, созданной вигами на развалинахъ зданія управленія Стюартовъ и до значительной степени изъ матеріаловъ этого разрушеннаго зданія; постепенно подготовлялась почва для созданія конституціоннаго строя на болѣе широкомъ и болѣе популярномъ основаніи; и этотъ строй вѣроятно создался бы до конца столѣтія, еслибы не паника, возбужденная въ англійскомъ народѣ французской революціей. Но въ большинствѣ другихъ сферъ національной жизни въ началѣ столѣтія мы видимъ очень мало признаковъ развитія. Философія того времени была главнымъ образомъ критической и разрушительной; религіозное настроеніе въ первую половину вѣка или замерло или пало; искусство этого періода не одерживало побѣдъ; правда, что прозаическая литература развивалась, но духъ поэзіи угасъ и во всякомъ случаѣ ослабѣлъ. Промышленность и торговля начали быстро и рѣшительно развиваться только во вторую половину вѣка и только въ послѣднія десятилѣтія общество отъ сравнительной инертности перешло къ энергической, во многихъ отношеніяхъ даже возбуждающей опасенія дѣятельности, давшей этому столѣтію исключительное положеніе во всей исторіи англійскаго народа.

Политическая исторія.

Гассаля.

Первое министерство Георга I.

Георгъ 1 прибылъ въ Англію 10 сентября 1714 года; онъ былъ принятъ безъ особеннаго энтузіазма, но его поддерживали всѣ любящіе порядокъ и всѣ приверженцы установленной церкви. Воцареніе его было торжествомъ виговъ. Георгъ, человѣкъ благоразумный и скромный, не имѣлъ никакого понятія объ англійской конституціи и не проявлялъ намѣренія производить опыты съ смѣшаннымъ министерствомъ, что могло бы сдѣлать его положеніе шаткимъ. Крайніе тори, несомнѣнно, надѣялись на возстановленіе Стюартовъ и подготовляли его, и понятно, что Георгъ долженъ былъ отдать себя всецѣло въ руки виговъ. Тоунсгендъ, творецъ трактата о Барьерѣ (Barrier Treaty) сдѣлался первымъ министромъ; главными членами его министерства были Стангопъ, Сундерландъ, Коуперъ, Ноттингамъ, Пультеней, Марльборо и Вальполь. Вліятельнѣйшими изъ нихъ были Тоунсгендъ, Стангопъ и Вальполь. При выборахъ, произведенныхъ чрезъ шесть мѣсяцевъ послѣ смерти Анны, вслѣдствіе вліянія правительства прошло громадное большинство виговъ и съ 1715 года до воцаренія Георга III власть постоянно находилась въ рукахъ этой партіи. Въ теченіи этого продолжительнаго управленія виговъ окончательно опредѣлились главные принципы управленія и вполнѣ были выработаны слѣдствія революціи 1688 года. Благодаря интересу двухъ первыхъ Георговъ къ гановерскимъ дѣламъ и ихъ незнанію англійскихъ нравовъ и обычаевъ главное направленіе дѣлъ находилось въ рукахъ министровъ. Кабинетное управленіе было установлено въ значительной мѣрѣ и парламентская система Англіи получила тѣ особенности, которыя и теперь составляютъ ея характерныя признаки.

Министерство Тоунсгенда. 1714—1717.

Министерство Тоунсгенда, продержавшееся отъ 1714 до 1717 года, главнымъ образомъ посвятило свои силы мирному упроченію новой династіи и защитѣ ея отъ недовольныхъ въ Англіи и отъ якобитскихъ мятежниковъ въ Шотландіи. Мятежи конца 1714 года доказывали, что страна была по своему настроенію торійской, хотя и не якобитской; большинство націи было на сторонѣ наслѣдственнаго права, но преданность къ установленной церкви мѣшала ему поддерживать претендента до тѣхъ поръ, пока онъ оставался католикомъ. Потому нація относилась къ новому королю съ угрюмой, но молчаливой враждебностью. Георга не любили, какъ иностранца; но такъ какъ претендентъ не желалъ отречься отъ католицизма, то

правительству не было причины бояться дѣятельной оппозиціи большинства англичанъ.

Якобитское возстаніе. Актъ о септенатѣ, 1716 г.

При выборахъ въ началѣ 1715 года, какъ сказано, виги получили громадное большинство и сразу начали преслѣдовать своихъ враговъ. Болинброкъ убѣжалъ во Францію и поступилъ на службу къ претенденту, его примѣру послѣдовалъ и Ормондъ; оба она были объявлены парламентскимъ актомъ измѣнниками (attainted); Оксфордъ былъ обвиненъ, просидѣлъ до суда въ Тоуэрѣ два года, а потомъ былъ оправданъ. Эти суровыя мѣры еще болѣе раздражили торійскую партію, возбудили надежды якобитовъ и повели къ возстанію 1715 года. 6 сентября 1715 года знамя Іакова Эдуарда было воздвигнуто въ Киркмихаэлѣ, въ октябрѣ къ Фостеру и Кенмару присоединился Макинтошъ, 12 ноября якобиты уже потерпѣли пораженіе при Престонѣ и опасность въ Англіи была устранена, 13 ноября произошла перѣшительная битва при Шерифмюирѣ и за ней быстро послѣдовало разсѣяніе горныхъ шотландцевъ. Въ концѣ декабря въ Шотландіи появился самъ Іаковъ Эдуардъ, но возстаніе уже было покончено и 4 февраля 1716 года онъ снова отправился во Францію. Главными причинами неудачи этого якобитскаго возстанія были отсутствіе хорошаго управленія, отсутствіе помощи Франціи, отсутствіе самого претендента въ началѣ возстанія и то, что англійскимъ якобитамъ не удалось произвести общее и одновременное возстаніе въ Шотландіи. Много якобитовъ было казнено; Болинброкъ получилъ отъ претендента отставку; регентъ Франціи, герцогъ Орлеанскій, и Дюбуа склонялись къ союзу съ Георгомъ I. Виги одержали такимъ образомъ крупную побѣду. Вліянію церкви былъ нанесенъ сильный ударъ; правительству оставалось только добиться упроченія своего положенія и положенія Гановерской династіи. Въ 1716 году былъ принятъ Семилѣтній актъ (септенатъ), такъ какъ полагали, что при существовавшихъ условіяхъ новые выборы поведутъ къ безпорядкамъ и волненіямъ, если и не къ ниспроверженію существующаго правительства. Несмотря на недостатки этой мѣры, которая увеличила подкупы при выборахъ и въ самой палатѣ общинъ, а кромѣ того заставляла провинціальныхъ дворянъ проживать по долгу въ Лондонѣ, этотъ актъ о септенатѣ несомнѣнно способствовалъ упроченію Гановерской династіи, уменьшилъ количество выборовъ, увеличилъ могущество палаты общинъ и обезпечилъ устойчивость иностранной политики Англіи. Несомнѣнно, что условія того времени оправдывали принятіе подобнаго акта.

Расколъ въ партіи виговъ. Министерство Стангопа. 1717—1721.

Въ 1717 году произошелъ извѣстный расколъ въ партіи виговъ, бывшій началомъ тѣхъ разногласій, которыя впослѣдствіи позволили Георгу III упрочить на время свою личную власть и передать управленіе тори. Въ 1716 году Георгъ I отправился въ сопровожденіи Стангопа въ Гановеръ и въ его отсутствіе Тоунсгендъ поддер-

живалъ принца Уэльскаго въ его ссорѣ съ отцомъ и потому возбудилъ большое неудовольствіе среди ганноверскихъ фаворитовъ короля. Онъ также сильно неодобрялъ подозрительность Георга и его ганноверскихъ министровъ относительно союзника Англіи, Петра Великаго, помогавшаго Англіи противъ Карла XII шведскаго. Личная ненависть короля къ Тоунсгенду и Вальполю, а также интриги графа Карла Сундерланда противъ его сотоварищей по министерству довели дѣло до кризиса. 15 Декабря 1716 года Тоунсгендъ получилъ отставку; 10 апрѣля, послѣ рѣзкихъ дебатовъ о предложеніи дать Георгу деньги для войны съ Швеціей, вышли въ отставку Вальполь и Пультеней, а чрезъ нѣсколько дней ихъ примѣру послѣдовали Оксфордъ и Девонширъ. Стангопъ получилъ должность перваго лорда казначейства и канцлера, а Сундерландъ и Аддисонъ должности государственныхъ секретарей. Новое министерство закрыло конвокацію и этимъ нанесло ударъ независимости установленной церкви. Оно улучшило положеніе диссентеровъ отмѣной акта о схизмѣ, ограничивавшаго ихъ права на образованіе и акта о случайномъ подчиненіи (Occasional Conformity Act), ограничивавшаго ихъ права на занятіе муниципальныхъ и иныхъ должностей—оба эти акта были слѣдствіями господства тори въ царствованіе Анны. Но министерству не удалось провести билль о пэрахъ, ограничивающій право короны назначать новыхъ пэровъ. Если бы этотъ актъ прошелъ, управленіе вигской олигархіи было бы увѣковѣчено, такъ какъ не существовало бы никакихъ конституціонныхъ средствъ, чтобы сломить оппозицію лордовъ желаніямъ короны или палаты общинъ. Въ 1720 году Вальполь и Тоунсгендъ снова вступили въ министерство, вскорѣ павшее, такъ какъ Стангопъ, Крэггсъ и другіе министры были запутаны въ крахъ компаніи Южныхъ морей (South Sea Bubble). Паденіе Стангопа было возвышеніемъ Вальполя и Тоунсгенда; первый оставался канцлеромъ казначейства и главой кабинета съ 1721 до 1742 года, за исключеніемъ шести недѣль послѣ смерти Георга I. При его министерствѣ кабинетная система достигла значительнаго развитія, хотя окончательно вмѣшательство государя было устранено только при Питтѣ младшемъ.

Управленіе Вальполя. 1721—1742.

Такое продолжительное пребываніе Вальполя во главѣ министерства обусловливалось многими причинами. Его поддерживала денежная аристократія и диссентеры, которымъ было обѣщана отмѣна двухъ ограничивавшихъ ихъ права актовъ (Test Act и Corporations Act). Кромѣ того онъ пользовался громаднымъ вліяніемъ на обоихъ королей. Мирная его политика была выгодна для Англіи и обезпечила то громадное матеріальное развитіе страны, которое было главной причиной успѣховъ Англіи въ большихъ войнахъ этого столѣтія. Изгнаніе Болинброка изъ палаты лордовъ, продолжительное пребываніе Картерета въ Ирландіи и смерть Сундерланда освободили

Вальполя отъ всякой серьезной оппозиціи въ первые годы его министерства; а постоянное его вниманіе ко всѣмъ народнымъ желаніямъ, за исключеніемъ желанія уничтожить парламентскіе подкупы, дѣлало его положеніе чрезвычайно прочнымъ. Его вліяніе въ палатѣ общинъ было громаднымъ и ему эта палата обязана своимъ значеніемъ при первыхъ двухъ Георгахъ. Подкупъ сдѣлался организованной системой, и это, въ соединеніи съ его выдающимся талантомъ управленіи палатой, его добродушіемъ, тактомъ и откровенностью, сдѣлали великаго коммонера непобѣдимымъ.

Онъ былъ противникомъ и якобитовъ и католиковъ; онъ не хотѣлъ, чтобы Англія вмѣшалась въ европейскую войну; онъ былъ очень чувствителенъ къ оппозиціи своихъ товарищей по министерству и не любилъ измѣненій и новшествъ; его вліяніе на церковь было роковымъ для нея; онъ не зналъ и даже презиралъ литературу.

Оппозиція.

Постепенно образовалась сильная оппозиція министерству и съ 1726 года начинается рядъ ожесточенныхъ нападеній на внутреннюю и иностранную политику Вальполя. Эта оппозиція состояла изъ торійскихъ приверженцевъ гановерской династіи подъ руководствомъ Виндгама, изъ недовольныхъ виговъ подъ руководствомъ Виндгама, изъ недовольныхъ виговъ подъ руководствомъ Пультенея, и изъ якобитовъ подъ руководствомъ Шиппена и Барнарда. Въ царствованіе Георга II эта оппозиція усилилась присоединеніемъ нѣсколькихъ такъ называемыхъ «мальчиковъ патріотовъ», въ числѣ которыхъ были Питтъ и Честерфильдъ. Болинброкъ и Пультеней старались организовать всѣ эти различные элементы въ единую компактную оппозицію. Для этого была основана газета Craftsman и она въ теченіи многихъ лѣтъ съ чрезвычайной рѣзкостью нападала на министерство Вальполя.

Царствованіе Георга II. 1727—1760

Въ 1727 году, послѣ смерти Георга I, въ теченіи непродолжительнаго времени Спенсеръ Комптонъ замѣнилъ въ министерствѣ Вальполя. Но вскорѣ оказалось, что послѣдній необходимъ и чрезъ нѣкоторое время при поддержкѣ Георга II, и въ особенности королевы, онъ снова получилъ власть. Въ 1730 году изъ министерства вышелъ Тоунсгендъ, вслѣдствіе разногласій съ Вальполемъ по вопросамъ иностранной политики, а также вслѣдствіе того, что онъ понялъ, что онъ пользуется меньшимъ вліяніемъ на короля, чѣмъ его своякъ. Могущество Вальполя было теперь абсолютнымъ и безконтрольнымъ; оно упрочивалось безнадежнымъ положеніемъ якобитовъ, продолжавшимся миромъ и увеличившимся благосостояніемъ страны.

Билль объ акцизѣ.

Въ 1733 году Вальполь попытался провести одну важную мѣру— билль объ акцизѣ (Excise Bill). Когда билль былъ взятъ министерствомъ назадъ, вотировавшій противъ него Честерфильдъ былъ отставленъ отъ должности лорда сенешаля (министра двора — Lord

Steward of Household); съ нимъ ушли и нѣкоторые другіе изъ государственныхъ сановниковъ. Большинство, поддерживающее Вальполя, было столь же сильно, какъ и прежде и Болинброкъ, отчаиваясь въ успѣхѣ, въ 1734 году удалился на континентъ.

Смерть королевы, 20 ноября 1737 года была серьезнымъ ударомъ для Вальполя и оппозиція начала надѣяться на возможность его низверженія. Но король продолжалъ поддерживать своего министра. Въ октябрѣ 1739 года, уступая общественному мнѣнію, Вальполь объявилъ войну Испаніи; но только въ 1741 году затрудненія стали столь большими, что онъ былъ не въ силахъ побороть ихъ. Неудача военныхъ дѣйствій противъ Испаніи и общее недовольство иностранной политикой министра повели къ его паденію; 3 февраля 1742 года Вальполь отказался отъ должности.

Благодаря политикѣ мира и примиренія, благодаря заботливому управленію и финансовымъ мѣрамъ, благодаря умѣнью управлять парламентомъ и подкупамъ, а также благодаря поддержкѣ королевы Каролины, Вальполю удалось упрочить тронъ гановерской династіи и содѣйствовать благосостоянію націи. Его паденіе, не измѣнивъ внутренней политики правительства, было предвѣстникомъ новаго направленія въ политикѣ иностранной. «Паденіе Вальполя, говоритъ Ранке, не было просто паденіемъ обыкновеннаго министра, а паденіемъ политической системы, основанной на союзѣ гановерскаго дома съ регентомъ Франціи».

Англія и Европа. Тройственный союзъ.

Иностранная политика правительства Георга I была удачной по отношеніи къ поддержанію мира; но въ ней были два серьезныя недостатка. Министерство виговъ, позволивъ императору захватить власть въ Италіи, не проявило пониманія національныхъ стремленій этой страны, а въ сѣверной политикѣ оно руководилось гановерскими симпатіями и антипатіями Георга I. Министры, желая мира, руководились истинными интересами страны: Англія только недавно закончила войну и нуждалась въ отдыхѣ и въ свободѣ отъ усложненій иностранной политики. Положеніе Георга I оставалось непрочнымъ и послѣ подавленія мятежа 1715 года; было извѣстно, что претендентъ и его приверженцы только ожидаютъ случая, чтобы сдѣлать новую попытку низвергнуть гановерскій домъ. На континентѣ положеніе дѣлъ было очень запутаннымъ. Австрія и Испанія еще не заключили мира, императоръ продолжалъ выставлять притязаніе на испанскій престолъ; на сѣверѣ противъ Карла XII шведскаго составилась лига прибалтійскихъ государствъ. Стангопу въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ приходилось быть очень осторожнымъ. Георгъ I, заботясь о томъ, чтобы лишить претендента помощи Франціи и устрашенный аггрессивными дѣйствіями Петра Великаго въ Мекленбургѣ (Петръ поддерживалъ своего племянника, герцога мекленбургскаго, но повидимому, стремился къ упроченію русскаго вліянія въ гер-

ɔгствѣ), съ охотой принялъ предложенія французскаге министра Дюбуа, котораго онъ встрѣчалъ въ Гагѣ и потомъ въ Гановерѣ. Регентъ Франціи, герцогъ Орлеанскій, управлявшій страной во время малолѣтства своего племянника, короля Людовика XV, боялся, что Филиппъ V, король испанскій, будетъ пытаться захватить регентство и потому желалъ союза съ Англіей. Въ декабрѣ 1716 года оба государства заключили договоръ, который, по присоединеніи къ нему 4 января 1717 года Голландіи, получилъ названіе Тройственнаго союза. Этотъ Тройственный союзъ былъ признанъ всѣми важнымъ событіемъ въ европейской политикѣ. Въ теченіи двадцати лѣтъ Англія и Франція, недавніе враги, оставались союзницами, и это предупредило войну до 1733 года. Тройственный союзъ былъ большимъ ударомъ для якобитовъ и претендентъ былъ вынужденъ искать убѣжища въ Лотарингіи. Франція послѣ недавней войны, истощившей ея силы, наслаждалать теперь отдыхомъ, въ которомъ она такъ нуждалась; она могла отклонить предложенный ей союзъ съ Россіей и уменьшить расходы.

Но на время эта дружба между Англіей и Франціей, казалось, только увеличила затруднительность положенія. И императоръ и Филиппъ испанскій были одинаково раздражены союзомъ. Испанія при управленіи Альберони заключила въ концѣ 1715 года торговый договоръ съ Англіей и за нимъ въ 1716 году послѣдовало окончательное соглашеніе по договору въ Ассіенто. Съ Австріей Англія заключила Вестминстерскій договоръ въ маѣ 1716 года. Теперь и Австрія и Испанія считали себя обманутыми, такъ какъ каждая изъ нихъ надѣялась, что Англія будетъ помогать ей противъ другой, такъ что теперь Стангопу пришлось улаживать вопросъ относительно притязаній этихъ двухъ державъ. На основаніи Утрехтскаго трактата Австрія получила Неаполь и Сардинію, а герцогъ савойскій съ титуломъ короля получилъ Сицилію, причемъ было опредѣлено, что въ случаѣ прекращенія савойскаго дома островъ будетъ возвращенъ Испаніи. Императоръ рѣшилъ обмѣнять Сардинію на Сицилію, такъ что испанцы, узнавъ объ его намѣреніяхъ и занявъ въ 1717 году Сардинію, а въ слѣдующемъ году Сицилію, защищали несомнѣнныя свои права. Стангопъ рѣшился во что бы то ни стало сохранить миръ на югѣ Европы. Онъ и герцогъ Орлеанскій рѣшили поддержать притязанія императора на Сицилію и англійскій флотъ подъ начальствомъ адмирала Бинга разбить испанскій близь мыса Пассаро 11 августа 1718 года, и этимъ уничтожилъ всѣ планы Филлипа V и Альберони. Австрія присоединилась къ Тройственному союзу, превратившемуся такимъ образомъ въ Четверной союзъ, и ей позволили обмѣнять Сардинію на Сицилію; англійскій флотъ напалъ на испанскіе доки и корабли; въ 1719 году французская армія вторглась въ Испанію; въ концѣ года по настоянію Стангопа Альберони

Четверной союзъ, 1718 г.

получилъ отставку. Въ началѣ слѣдующаго, 1720 года, Филиппъ V согласился на условія Четверного союза, на основаніи которыхъ Дону Карлосу, старшему сыну его второй жены Елисаветы Пармской, было обѣщано наслѣдіе герцогствъ Пармы и Пьяченцы и великаго герцогства Тосканы.

Политика Стангопа была и близорукой и насильственной; онъ оскорбилъ Испанію, отъ которой могъ добится цѣнныхъ уступокъ въ вопросахъ торговыхъ, онъ игнорировалъ стремленія итальянцевъ освободиться отъ ига германцевъ, онъ не принялъ во вниманіе интересы англійской торговли въ Средиземномъ морѣ, но онъ могъ во всякомъ случаѣ указать на то, что при посредствѣ Четверного союза ему удалось добиться умиротворенія на югѣ Европы.

Сѣверная Европа.

Неудача попытки Альберони остановить вторженіе нѣмцевъ въ Италію позволила Стангопу обратить вниманіе на Балтійское море, гдѣ свирѣпствовала Сѣверная война. Данія, будучи не въ состояніи удержать Бременъ и Верденъ, захваченные ею у Швеціи, передала ихъ Георгу, желавшему присоединить ихъ къ своему курфюршеству. Для такой уступки было необходимо согласіе императора и оно было до извѣстной степени обезпечено Вестминстерскимъ трактатомъ 1716 года. Чтобы помочь Георгу увеличить его германскія владѣнія и защитить ихъ во время Сѣверной войны, Стангопъ нарушилъ Утрехтскій трактатъ и игнорировалъ интересы Италіи. Но вліяніе гановерскихъ министровъ Георга I породило холодность между Англіей и Россіей. Сомнительное поведеніе Петра относительно Мекленбурга возбудило общія подозрѣнія, которыя, раздуваемыя Альберони, повели бы къ союзу между Петромъ Великимъ и Карломъ XII, еслибы послѣдній не былъ убитъ въ концѣ 1718 года. Одновременное паденіе двухъ такихъ людей, какъ Альберони и Карлъ XII, возбудило чувства облегченія и въ Англіи и во Франціи. Швеція сразу отказалась отъ плана союза съ Россіей и по совѣту Картерета заключила договоры съ Гановеромъ, Англіей, Пруссіей, Польшей и Даніей.

Англіи не удалась ея попытка помочь Швеціи въ ея войнѣ съ Россіей, но въ 1721 году, благодаря посредничеству Франціи, между двумя этими державами былъ заключенъ Ништадтскій миръ. Стангопъ и Дюбуа чувствовали себя удовлетвореннными успѣхомъ ихъ мирной политики. Англія при союзѣ съ Франціей и Германіей не имѣла причинъ бояться якобитскихъ заговоровъ и Георгъ I почувствовалъ себя прочнымъ на престолѣ Англіи.

Иностранная политика Вальполя.

Политика Вальполя была мирной и дружественной Франціи, но до удаленія Тоунсгенда въ 1729 году онъ не былъ лично отвѣтственнымъ за иностранную политику министерства. Въ періодъ времени отъ 1721 до 1729 года положеніе дѣлъ въ Европѣ было безпокойнымъ вслѣдствіе плановъ Елисаветы Фарнезе завладѣть итальянскими герцогствами для ея сыновей; отношенія англійскаго правительства

съ Испаніей были натянутыми вслѣдствіе обѣщанія даннаго Георгомъ I въ 1721 году возвратить ей Гибралтаръ; столь же натянуты были и отношенія съ Австріей вслѣдствіе стремленій Карла VI поддержать восточно индѣйскую компанію въ Остенде. За неестественнымъ союзомъ между Испаніей и Австріей, созданнымъ въ 1725 году Вѣнскимъ трактатомъ, послѣдовалъ Ганноверскій трактатъ, бывшій дѣломъ Тоунсгенда и Бурбона и встрѣтившій сильное сопротивленіе со стороны Вальполя. Дѣйствительно, въ 1727 году началась война съ Испаніей, но за исключеніемъ несчастной блокады Порто Белло адмираломъ Госье и непродолжительной осады Гибралтара испанцами не произошло ничего серьезнаго. Севильскій трактатъ 1729 года и Вѣнскій трактатъ 1731 года были доказательствами миролюбивой политики Вальполя, хотя ему и пришлось для этого гарантировать Карлу VI прагматическую санкцію, обезпечивавшую наслѣдство его владѣніями за его домомъ.

Война съ Испаніей. 1739.

Въ 1733 году началась война за польское наслѣдство и отказъ Голландіи принимать какое либо участіе въ этой борьбѣ укрѣпилъ Вальполя въ его твердомъ рѣшеніи оставаться вѣрнымъ союзу съ Франціей. Австрійскій дворъ упрекалъ Англію за ея нейтралитетъ и за то, что она покинула своего стараго союзника. Картеретъ, человѣкъ хорошо знакомый съ иностранными дѣлами, тоже поддерживалъ мнѣніе, что интересы Англіи требуютъ уменьшенія могущества дома Бурбоновъ. Но Вальполь боялся нападенія якобитовъ, поддерживаемыхъ французскимъ золотомъ и оружіемъ, а можетъ быть и войскомъ, и Англія до 1739 года оставалась нейтральной. Въ этомъ году оппозиціи удалось заставить Вальполя объявить войну Испаніи. Давно уже между Англіей и Испаніей случались споры по дѣламъ торговымъ и колоніальнымъ, а эпизодъ съ Дженкинсомъ возбудилъ негодованіе общественнаго мнѣнія въ Англіи. Вальполь объявилъ войну очень не охотно; въ 1741 году оказалось, что Англіи, вѣроятно, придется принять участіе въ громадной борьбѣ, вызванной нападеніемъ Франціи, Пруссіи, Испаніи, Сардиніи, Саксоніи и Баваріи на Марію Терезію. Вальполь вяло велъ войну противъ Испаніи и когда въ началѣ 1742 года онъ вышелъ въ отставку, было очевидно, что его система союза съ Франціей болѣе невозможна и что Англіи придется вести крупную борьбу на морѣ противъ Бурбоновъ для возстановленія европейскаго равновѣсія.

Армія.

Греттона.

Вѣроятно, нѣтъ ни одного періода въ новой исторіи Англіи, менѣе интереснаго въ военномъ отношеніи, какъ тѣ двадцать восемь лѣтъ,

о которыхъ трактуется въ этой главѣ Въ Великобританіи въ это время произошло неудачное якобитское возстаніе, извѣстное подъ названіемъ возстанія 15-го года, когда часть шотландскихъ мятежниковъ дошла до Престона въ Ланкаширѣ, а другая часть подъ начальствомъ графа Мара напала на войско короля Георга при Шерифмюирѣ близъ Стирлинга. Какъ при Килликранки въ 1689 году горцы Шотландіи погнали было англійскую пѣхоту, такъ и при Шерифмюирѣ оказалось, что регулярныя англійскія войска не могли устоять противъ бурнаго натиска дикихъ кельтовъ. Когда противъ клановъ были только краснокафтанники, пѣхотные солдаты, горцы гнали ихъ предъ собой; но кавалерійская аттака разбила изъ линіи и превратила пораженіе гановерцевъ въ неудачную битву.

Осада Гибралтара.

Въ средиземномъ морѣ война съ Испаніей заставляла гарнизоны Минорки и Гибралтара быть на сторожѣ. Въ 1720 году шпіоны открыли, что испанцы приготовляются къ внезапному нападенію на Гибралтаръ. Гарнизонъ состоялъ только изъ трехъ небольшихъ батальоновъ и провизіи было только на четырнадцать дней; но вскорѣ подошли подкрѣпленія изъ Минорки и на время опасность была отвращена. Въ 1727 году начался штурмъ и крѣпость была осаждена; память объ этой осадѣ затемнѣна славой большой осады, бывшей полвѣка позже. Но и въ 1727 году нападеніе на Гибралтаръ было энергичное, хотя произведено оно было только со стороны суши; сначала положеніе англичанъ было опаснымъ. Противъ 19,000 испанцевъ англичане имѣли только 1500 человѣкъ. Противъ 164 пушекъ и мортиръ, изъ которыхъ на англійскія батареи можно было бросить по 700 ядеръ въ часъ, у англичанъ было только 58 пушекъ, изъ которыхъ многія были небольшого калибра. Въ крѣпости были измѣнники; тамъ было не мало евреевъ и мавровъ, жаждавшихъ только однихъ денегъ, добытыхъ какимъ бы то ни было путемъ. Нѣкоторые изъ нихъ вошли въ соглашеніе съ испанцами, чтобы захватить ворота и въ извѣстное время открыть ихъ осаждающимъ. Заговоръ былъ открытъ; виновные были казнены и содранная съ нихъ кожа была прибита къ крѣпостнымъ воротамъ, какъ мрачное и свирѣпое доказательство невыгодности неудачной измѣны. Власть Англіи въ моряхъ позволила правительству скоро подвезти къ Гибралтару подкрѣпленія и орудія. Гарнизонъ увеличили до семи тысячъ, поставили новыя пушки и артиллерійскій бой сдѣлался равнымъ. Постепенно англійская артиллерія одержала верхъ, она уничтожила 96 испанскихъ пушекъ и мортиръ и настолько деморализировала испанскихъ пушкарей, что они прекратили бомбардировку. Послѣ пятимѣсячной осады она была снята и былъ заключенъ миръ— вскорѣ, впрочемъ, нарушенный Англіей неудачной экспедиціей противъ Картагены и испанскихъ владѣній въ Америкѣ.

Традиціонная политика Испаніи состояла въ закрытіи ея колоніаль-

ныхъ владѣній для всѣхъ иностранныхъ купцовъ и иностранныхъ товаровъ; торговый институтъ Англіи всегда боролся противъ такой политики. На основаніи Утрехтскаго трактата (1713) кромѣ различныхъ пріобрѣтеній территоріи (Новой Шотландіи, Гибралтара, Гудзонова залива и острововъ Ньюфаундлена, Минорки и С. Киттса) англійскіе купцы получили значительныя привиллегіи. По Ассіентскому трактату (1716) Испанія дала англійской компаніи монополію работорговли съ испанскими колоніями, что давало англичанамъ твердую точку опоры въ этихъ странахъ. Чрезъ три года Англія получила право ежегодно отправлять въ Панаму одинъ торговый корабль въ 600 тоннъ. Англійскіе торговцы были дѣятельны, предпріимчивы и не особенно совѣстливы; они рѣшили за всякую пядь, неохотно уступаемую имъ испанцами, захватывать по цѣлому аршину. Подъ англійскимъ флагомъ велась смѣлая контрабанда; когда отправлялся нагруженный корабль, имѣвшій право ходить въ испанскія колоніи ежегодно, за нимъ слѣдовали и другіе и ночью тайкомъ нагружали этотъ корабль, пока онъ былъ въ испанскомъ портѣ. Такимъ образомъ грузъ одного корабля оказывался неистощимымъ. Испанскіе таможенные чиновники были привязчивы и грубы; они оскорбляли англійскихъ моряковъ и обыскивали англійскіе корабли въ открытомъ морѣ. Несомнѣнно, что каждая изъ націй имѣла основаніе жаловаться на другую; обѣ они были и надменны и непокладливы, обѣ жаждали мщенія. Вальполь тщетно боролся противъ военной партіи. Патріоты, какъ называла себя эта партія, представили къ рѣшеткѣ палаты общинъ одного капитана, по имени Дженкинса, разсказавшаго палатѣ объ оскорбленіяхъ, выдержанныхъ имъ отъ испанскаго командира таможеннаго корабля. Этотъ послѣдній подошелъ къ кораблю Дженкинса и обвинялъ его въ контрабандѣ; но не найдя у него никакой контрабанды, онъ оторвалъ Дженкинсу ухо. На вопросъ, что онъ при этомъ чувствовалъ, Дженкинсъ наэлектризовалъ всю Англію своимъ отвѣтомъ: «я вручилъ свою душу Богу, а свое дѣло моей родинѣ». Дѣло Дженкинса.

Неизвѣстно, правдивъ ли былъ разсказъ Дженкинса, но онъ привелъ англичанъ въ бѣшенство. Вальполь, чтобы сохранить власть, противъ своихъ убѣжденій объявилъ Испаніи войну. Первый ударъ былъ направленъ противъ Порто Белло, бывшаго въ то время важнымъ торговымъ центромъ на атлантическомъ берегу Панамскаго перешейка, недалеко отъ теперешняго города Аспинваля. Вернонъ, бывшій до тѣхъ поръ совершенно неизвѣстнымъ адмираломъ, съ шестью военными кораблями и горстью солдатъ уничтожилъ его укрѣпленія. Этотъ подвигъ совершенно вскружилъ головы англичанамъ. Требовали ни много, ни мало, какъ полнаго уничтоженія испанскихъ колоній въ Америкѣ. Для опустошенія береговъ Чили и Перу отправили эскадру подъ начальствомъ Ансона. Вернону, сдѣ-

лавшемуся идоломъ народа, поручили морскую команду надъ экспедиціей, отправленной въ 1740 году противъ испанскихъ владѣній въ Мексиканскомъ заливѣ. Кромѣ транспортныхъ кораблей, перевозившихъ десятитысячное войско, Вернону довѣрили 115 кораблей съ пятнадцати тысячнымъ экипажемъ. При такихъ силахъ успѣхъ казался обезпеченнымъ; но укоренившаяся зависть между двумя отдѣленіями службы, между арміей и флотомъ, погубила экспедицію. Пока начальникомъ войска былъ лордъ Карткартъ, все шло хорошо. Его здравый смыслъ и тактичность видны въ его извѣстномъ письмѣ къ Вернону: «Въ войскахъ, которыя я привелъ къ вамъ, есть воинскій духъ, есть добрая воля и они, при хорошемъ руководительствѣ, сдѣлаютъ, я надѣюсь, то, чего ожидаетъ отъ насъ нація—они сдѣлаютъ насъ орудіемъ славнаго окончанія войны, которая принесетъ всѣ выгоды, обѣщенныя ея счастливымъ началомъ, причемъ такіе удачные результаты будутъ достигнуты благодаря полной гармоніи между арміей и флотомъ». Но Карткартъ, къ несчастію, умеръ до начала операцій, команда войсками перешла къ генералу Уэнтворту, неимѣвшему ничего общаго съ Верноном, кромѣ его упорства, и столь же презиравшему флотъ, какъ адмиралъ презиралъ армію.

Неудачная экспедиція въ Картагенѣ.

Рѣшили напасть на Картагену, въ то время важный и сильно укрѣпленный городъ въ Карибскомъ морѣ, на западномъ берегу страны, теперь называемой штатомъ Колумбія. Вернонъ былъ настолько невѣроятно глупъ, что сообщилъ одному знакомому французу о цѣли экспедиціи. Французъ немедленно же предупредилъ испанцевъ, которые имѣли время увеличить гарнизонъ до четырехъ тысячъ, поставить 300 пушекъ и сдѣлать всѣ необходимыя для защиты приготовленія. Когда въ мартѣ 1741 года британскій флотъ появился предъ Картагеной, онъ сначала добился нѣкоторыхъ успѣховъ; укрѣпленія внѣшней гавани были разрушены и взяты. Но послѣ этого успѣха все пошло неудачно. Вернонъ и Уэнтвортъ ссорились. Адмиралъ насмѣхался надъ солдатами за то, что они сразу не взяли крѣпости и постоянно подшучивалъ надъ «ихъ лѣнью»; Генералъ съ своей стороны жаловался, что моряки отказались препроводить на землю палатки, магазины и артилерію и постоянно спрашивалъ, почему корабли Вернона не бомбардируютъ города. Наконецъ, послѣ продолжительныхъ пререканій сдѣлали попытку пробить брешь въ стѣнахъ самаго значительнаго изъ укрѣпленій испанцевъ, форта св. Лаврентія; но раньше, чѣмъ это было сдѣлано, Вернонъ довелъ Уэнтворта до того, что тотъ произвелъ нападеніе чрезвычайно плохо организованное. Предполагали произвести нападеніе ночью, но нападающіе въ количествѣ 1200 человѣкъ при восходѣ солнца нетерпѣливо ожидали сигнала къ нападенію. Когда наконецъ получилось долго ожидаемое приказаніе, солдаты весело пошли въ аттаку; но дезертиры-испанцы, бывшіе у нихъ провод-

никами, повели ихъ противъ наиболѣе укрѣпленныхъ мѣстъ форта, а не противъ менѣе укрѣпленныхъ, какъ было условлено. Лѣстницы оказались короткими, гранаты забыли захватить. Главный корпусъ не сдѣлалъ нападенія, чтобы отвлечь защищающихся; флотъ остался недѣятельнымъ; двадцать семь линейныхъ кораблей и многочисленные фрегаты Вернона не сдѣлали по городу почти ни одного выстрѣла. Колона нападающихъ, обстрѣливаемая со всѣхъ сторонъ, не будучи въ состояніи добраться до врага безъ поддержки войска и флота, должна была отступить. На гласисѣ форта Лазаря осталось 600 человѣкъ убитыхъ или раненныхъ, половина всей колоны; это были жертвы препирательствъ и неспособности недостойныхъ генераловъ. Такое пораженіе и дурной климатъ заставили Вернона и Уэнтворта посадить войска на корабли и отвезти ихъ въ Ямайку. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ нападеній на другія испанскія колоніи экспедиція возвратилась въ Англію. Въ этой экспедиціи погибло около пятнадцати тысячъ человѣкъ; большинство ихъ погибло отъ непривычнаго климата и отъ отсутствія всѣхъ медицинскихъ и санитарныхъ предосторожностей, отличавшаго эту мало почетную экспедицію. Американскія колоніи также, какъ и метрополія, долго вспоминали эту экспедицію къ Картагенѣ, потому что въ числѣ англійской арміи было четыре батальона волонтеровъ изъ Новой Англіи и изъ нихъ наврядъ ли одинъ изъ пятидесяти возвратился на родину.

Положеніе арміи.

Въ то время, какъ англійская армія покрыла себя позоромъ въ Вестъ-Индіи, Георгъ II навязалъ странѣ войну за Австрійское наслѣдство. Для поддержанія дѣла Маріи Терезіи армію увеличили до шестидесяти двухъ тысячъ; шестнадцати тысячный корпусъ былъ отправленъ на континентъ, чтобы еще разъ побороться съ французами на пропитанныхъ кровью поляхъ Фландріи. Объ этой войнѣ мы будемъ говорить въ слѣдующей главѣ; но и здѣсь можно будетъ привести свидѣтельство генерала Вольфа, въ его письмахъ къ отцу, о положеніи арміи. Джемсъ Вольфъ поступилъ въ военную службу въ 1742 году и съ отличіемъ служилъ въ Нидерландахъ и въ Шотландіи; въ 1755 году онъ былъ уже на счету, какъ офицеръ, дѣлавшій быструю карьеру. И въ этомъ году онъ написалъ своему отцу, старому заслуженному офицеру: «я очень плохого мнѣнія о пѣхотѣ. Мнѣ извѣстно, что дисциплина въ ней слаба; ее легко привести въ безпорядокъ и трудно возстановить порядокъ. Изъ страха солдаты часто убиваютъ своихъ офицеровъ и въ замѣшательствѣ часто убиваютъ другъ друга. Мнѣ грустно сказать, что наши способы дисциплинировать и обучать войска до крайности неудачны и не приводятъ къ цѣли. Мы бездѣльничаемъ въ мирное время и отличаемся недостаткомъ бдительности и дѣятельности въ военное время. Наше

военное образованіе худшее въ Европѣ; нашими интересами пренебрегаютъ и относятся къ нимъ съ презрѣніемъ».

Онъ описываетъ далѣе состояніе Портсмута, одного изъ главныхъ укрѣпленныхъ городовъ Англіи: «здѣсь нѣтъ и признака дисциплины, заботливости и вниманія. Солдаты до крайности безпорядочны; нѣкоторые изъ нихъ набраны съ кораблей, другіе изъ госпиталей, третьи ждутъ посадки на корабли—всѣ грязные, пьяные, дерзкіе негодяи, еще болѣе испорченные этимъ адскимъ городомъ, гдѣ существуютъ всѣ крайности испорченности, безнравственности, бездѣльничества и распущенности.

Но многимъ изъ солдатъ и офицеровъ не было надобности «портиться» въ Портсмутѣ; они и безъ того были самыми разнузданными изъ разнузданныхъ. Наборъ въ арміи при Георгахъ происходилъ также, какъ и въ царствованіе королевы Анны. Въ нее набирали бродягъ, пьяницъ и тюремныхъ обитателей; ихъ заставляли служить пожизненно или до тѣхъ поръ, пока это будетъ угодно королю; волонтерамъ выдавались награды. Во время Семилѣтней войны рекрутъ было мало; предлагаемыя правительствомъ награды никого не привлекали. Нѣкоторые большіе города открыли подписки для собиранія фондовъ на наборы солдатъ, въ одномъ Лондонѣ было собрано 7039 фунтовъ и на нихъ было нанято 1235 рекрутъ, по 5 фунтовъ 5 шиллинговъ каждый.

Вольфъ съ такимъ же неодобреніемъ отзывается и объ офицерахъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ говоритъ, что если онъ долго останется въ полку, то совершенно испортится, потому что «офицеры распущены и развратны, а солдаты настоящіе черти». Можно, конечно, многое простить людямъ, ведшимъ нестерпимо скучную жизнь въ провинціи, описываемую Вольфомъ. Когда онъ командовалъ батальономъ въ Дуврѣ, онъ находилъ, что послѣобѣденное время такъ скучно, что приходится выдумывать средства, чтобы какъ нибудь обмануть время. «Съ обѣда до пяти часовъ мы съ трудомъ поддерживаемъ разговоръ, такъ какъ никто изъ насъ не имѣетъ сношенія съ столицей; ни кофейни, ни газетъ у насъ нѣтъ и мы совершенно незнаемъ, что дѣлается на свѣтѣ. Отъ 5 часовъ до 8-ми мы ужъ и совсѣмъ не знаемъ, какъ провести время».

Гарнизонная жизнь была монотонной и потому во время отпусковъ офицеры прибѣгали обыкновенно къ сильнымъ возбудительнымъ средствамъ. Одинъ капитанъ, напримѣръ, смертельно ранилъ трактирщика, осмѣлившагося подать ему счетъ за выпитое имъ вино. Два субалтерна, ѣхавшіе на почтовыхъ, разсердились на ямщика, ѣхавшаго въ гору шагомъ, и изрубили его.

Обученіе солдатъ.

Военные были настолько распущены и деморализированы, что неудивительно, что дисциплина была слаба. Будущій герой Квебека, Вольфъ, жалуется, что въ то время не было издано никакихъ ин-

струкцій для батальоннаго ученья, что вообще не было никакихъ общихъ указаній, которыми офицеры могли бы руководиться. «Отъ этого то и происходитъ разнообразіе мѣропріятій въ нашей пѣхотѣ и безпорядочность и колебанія нашихъ линейныхъ войскъ». Искусство стрѣльбы, повидимому, совершенно пренебрегалось, потому что Вольфъ въ письмѣ къ одному другу серьезно упрашиваетъ учить своихъ людей стрѣлять: «позвольте мнѣ рекомендовать вамъ это обученіе; вы убѣдитесь скоро, какъ оно полезно. Можетъ быть, вашъ командиръ не думаетъ этого, но я испыталъ полезность такого упражненія».

Курсъ обученія солдатъ стрѣльбѣ Вольфа замѣчателенъ; изложеніе этого курса въ письмѣ къ другу напоминаетъ намъ какой нибудь современный циркуляръ:

«Стрѣльба пулями въ цѣль учитъ солдатъ цѣлиться, какъ слѣдуетъ, дѣлаетъ рекрутъ стойкими и устраняетъ нелѣпый страхъ, охватывающій молодыхъ солдатъ, впервые заряжающихъ пулями свои ружья. Мы стрѣляемъ сначала по одиночкѣ, потомъ линіями, въ одну, двѣ, три или болѣе линій, и наконецъ залпами; солдаты видятъ дѣйствіе своихъ выстрѣловъ—особенно въ цѣль или по водѣ. Мы стрѣляемъ по скату и при различныхъ уклонахъ почвы, съ высоты и обратно». (*Эти извлеченія изъ писемъ Вольфа заимствованы нами изъ Life of Wolfe—Райта*).

Тактика.

Въ первую половину восемнадцатаго вѣка не произошло замѣтнаго улучшенія въ тактикѣ. Кавалерія въ это время была трудно маневрирующей массой всадниковъ, неспособныхъ двигаться быстро, аттакующихъ мелкой рысью и дравшихся только съ пистолетомъ и карабиномъ; пѣхота аттаковала тяжелыми колонами, мушкеты ея приносили мало пользы и она употребляла ихъ больше, какъ пики Но именно въ это время появляется великій военный реформаторъ, Фридрихъ прусскій. Онъ преобразовалъ кавалерію, выучилъ ее маневрировать быстро, аттаковать въ галопъ и, оставивъ употребленіе огнестрѣльнаго орудія, полагаться больше на рукопашную съ холоднымъ орудіемъ. Его пѣхота была такъ хорошо обучена и дисциплинирована, что онъ могъ полагаться на нее въ аттакѣ линій; его успѣхи въ битвѣ обусловливались настолько же его ружейнымъ огнемъ, насколько и штыками. Благодаря постоянной практикѣ онъ обучилъ своихъ пѣхотныхъ солдатъ заряжать и стрѣлять быстрѣе, чѣмъ другія европейскія войска. По показанію достовѣрныхъ источниковъ, въ случаѣ надобности они могли сдѣлать пять выстрѣловъ въ минуту. Фридрихъ произвелъ реформы и въ артилеріи; онъ понималъ, что для полнаго значенія артилеріи на полѣ битвы необходимо, чтобы пушки могли быстро перемѣнять свои позиціи сообразно требованіямъ измѣняющихся фазисовъ сраженія. Потому онъ сформировалъ легкія батареи, съ такимъ количествомъ лошадей, чтобы

онѣ могли двигаться вмѣстѣ съ летящей во весь опоръ кавалеріей. Смѣлое нововведеніе Фридриха, замѣнившаго при аттакѣ коллону линіей, сначала возбудило въ Европѣ смущеніе, а потомъ, когда такая замѣна оказалась несомнѣнно удачной, то и удивленіе. Такая форма расположенія войскъ, не вполнѣ пригодная для армій всѣхъ народовъ, была настолько пригодна при характерѣ англійской арміи, что сдѣлалась принадлежностью національной системы тактики. Въ первый разъ въ англійской арміи эта система была употреблена, кажется, въ битвѣ при Минденѣ въ 1759 году, когда англійская пѣхота двигалась линіями по равнинѣ, обстрѣливаемой нѣсколькими батареями, побѣдоносно выдержала аттаку болѣе, чѣмъ шестидесяти французскихъ эскадроновъ и своимъ непрерывнымъ огнемъ совершенно разбила и отчасти уничтожила ихъ.

Флотъ.

Лэйрда Клоуэсса.

Составъ королевскаго флота.

Во время смерти Вильгельма III въ 1702 году, Анны въ 1714-мъ, Георга I въ 1727, и Георга II въ 1760-мъ величина королевскаго флота, состоявшаго изъ кораблей шести ранговъ, была слѣдующая:

	1702		1714		1727		1760	
	Кол.	тоннъ.	Кол.	тоннъ.	Кол.	тоннъ.	Кол.	тоннъ.
Перваго ранга. .	7	10,955	7	11,703	7	12,945	5	9,958
Втораго „ .	14	19,447	13	19,323	13	20,125	13	22,825
Третьяго „ .	47	51,988	42	47,768	40	47,958	74	109,494
Четвертаго „ .	62	42,940	69	51,379	64	50,754	63	67,901
Пятаго „ .	30	11,469	42	19,836	27	15,065	54	39,173
Шестаго „ .	15	3,611	24	6,435	27	9,760	61	31,618
	175	140,410	197	156,444	178	156,607	270	280,969

Кораблями перваго ранга считались стопушечные корабли при трехъ полныхъ палубахъ; второго ранга корабли отъ 90 до 100 пушекъ на трехъ палубахъ; третьяго ранга отъ 64 до 84 пушекъ на двухъ палубахъ, четвертаго ранга отъ 50 до 60 пушекъ тоже на двухъ палубахъ, пятаго ранга отъ 30 до 44 пушекъ и шестого ранга отъ 20 до 30 пушекъ. Этими кораблями командывали капитаны. Малые корабли или шлюпки находились подъ начальствомъ командировъ, а еще меньшіе бриги и бомбардирскія судна подъ начальствомъ лейтенантовъ. Но эта система ранговъ военныхъ кораблей до царствованія Анны была нѣсколько неопредѣленной. Распредѣленіе по рангамъ было, правда, введено еще въ срединѣ семнадцатаго вѣка. Но

до конца этого вѣка корабли съ 64 и 70 пушками считались второго ранга, съ 60 пушками третьяго, а съ 30 и 32 пушками четвертаго. По величинѣ кораблей прогрессъ болѣе замѣтенъ въ началѣ восемнадцатаго вѣка, чѣмъ до конца царствованія Вильгельма, когда во флотѣ не было ни одного корабля больше 1700 тоннъ. До смерти Георга II были построены одинъ корабль перваго ранга въ 2047 тоннъ (Royal George), одинъ второго въ 1869 тоннъ (Sandwich), одинъ третьяго въ 1799 тоннъ (Valiant) и одинъ четвертаго въ 1052 тонны (Chatham). Такимъ образомъ въ теченіи пятидесяти лѣтъ новые корабли четвертаго ранга по величинѣ равнялись старымъ кораблямъ третьяго, а новые корабли третьяго ранга были даже больше старыхъ перваго ранга. Пропорціонально увеличилась и тяжесть вооруженія кораблей всѣхъ ранговъ. Напримѣръ, девяноста пушечный корабль второго ранга въ 1716 году выбрасывалъ ядеръ 1608 фунтовъ, а такой же корабль въ 1745 году 1684 фунта; семидесятипушечный корабль третьяго ранга въ 1716 году выбрасывалъ 1056 фунтовъ ядеръ, а такой же корабль 1745 году уже 1480 фунтовъ, пятидесятипушечный корабль четвертаго ранга въ 1716 году выбрасывалъ 642 фунта ядеръ, а такой же корабль въ 1745 году 840 фунтовъ. Точно также увеличились вѣсъ и крѣпость всѣхъ снарядовъ. Напримѣръ, вѣсъ якорей корабля перваго ранга въ 1706 году былъ 74 центнера, а въ 1747—81, второго ранга 66 и 73, третьяго 49 и 59, четвертаго 36 и 49 центнеровъ. Мы уже говорили въ четвертомъ томѣ о способѣ приготовленія дерева для корабля Sovereign of the Seas въ 1637 году.

346382

Въ 1684 году оказалось, что на этомъ кораблѣ старое дерево было такъ прочно, что было трудно вбить въ него гвоздь. Въ началѣ восемнадцатаго вѣка при постройкѣ небольшого корабля перваго ранга Royal William испробовали другой способъ; этотъ корабль былъ спущенъ въ 1719 году и оставался во флотѣ, какъ 84 пушечный корабль, до начала настоящаго вѣка, хотя его уже и не отправляли въ море. Толстые бревна и доски обжигали вмѣсто простого и обычнаго высушиванія; концы балокъ, соединенія дугъ корабля, костылей на гакъ-бордѣ, ридерсы, колѣна и пр. были выдолблены (gouged или snail-creeped), чтобы воздухъ проходилъ къ этимъ частямъ. Позже Барнардъ, кораблестроитель Гарвича, спустившій въ 1757 году корабль «Ахиллесъ», построилъ его безъ вѣдома адмиралтейства изъ зимняго лѣса, сплавленнаго имъ на баркахъ весной. Въ 1770 году оказалось, что дерево было очень прочно и корабль былъ далеко не плохъ, когда его продали въ 1784 году, хотя до этого времени его сильно запустили.

Повышенія офицеровъ во флотѣ.

До этого періода и почти до средины восемнадцатаго вѣка персоналъ флота былъ очень скромнымъ и не замѣчалось стремленія увеличить его до того громаднаго состава, какимъ онъ сдѣлался впо-

слѣдствіи. Этотъ персоналъ состоялъ изъ одного адмирала флота или, какъ его тогда называли, адмирала и главнокомандующаго, изъ одного адмирала бѣлой эскадры, одного адмирала голубой, изъ вице-адмираловъ красной, бѣлой и голубой эскадръ, изъ контръ-адмираловъ красной, бѣлой и голубой эскадръ—такимъ образомъ изъ девяти флагъ-офицеровъ и иногда еще изъ троихъ, называвшихся адмираломъ, вице-адмираломъ и контръ-адмираломъ Великобританіи. Рангъ отставного или запаснаго контръ-адмирала появился только въ 1747 году, такъ что обыкновенно бывало не больше двѣнадцати флагъ-офицеровъ. Потому повышеніе шло чрезвычайно медленно, такъ какъ адмираловъ было немного, а капитановъ всегда по необходимости было множество. Джонъ Леакъ, назначенный контръ-адмираломъ въ 1703 году, пробылъ капитаномъ только четырнадцать лѣтъ; Эдвардъ Уитакеръ, назначенный контръ-адмираломъ въ 1705 году, прослужилъ пятнадцать лѣтъ, Джонъ Норрисъ (1707) семнадцать лѣтъ, Говенденъ Уолкеръ (1710) восемнадцать лѣтъ, Джемсъ Литтльтонъ (1716) двадцать три года, Фрэнсизъ Госьеръ (1720) двадцать четыре года, Георгъ Вальтонъ (1723) двадцать шесть лѣтъ, Сальмонъ Моррисъ (1727) тридцать лѣтъ, Чалонеръ Огль (1739) тридцать одинъ годъ, Ричардъ Лестокъ (1742) тридцать шесть лѣтъ; такимъ образомъ возрастъ флагъ-офицеровъ постоянно дѣлался все большимъ и чтобы имѣть адмираловъ, пригодныхъ для службы, адмиралтейство было наконецъ вынуждено не только увеличить ихъ число, но и выработать планъ отставки для очень старыхъ капитановъ. Увеличеніе персонала началось въ 1742 году, а удаленіе въ отставку, какъ сказано выше, въ 1747 году; тогда первый, выпущенный въ отставку капитанъ, имѣлъ почти сорокъ лѣтъ службы.

Адмиралъ «красной» эксадры.

Мы уже замѣтили, что рангъ такъ называемаго адмирала красной эскадры совсѣмъ не существовалъ. Эта должность занималась адмираломъ флота, на главной мачтѣ котораго развѣвался, однако, не красный флагъ, а національный (union-jack). Тѣмъ не менѣе существовала легенда не только въ обществѣ, но и въ высшихъ сферахъ, что такой рангъ адмирала краснаго флага когда-то существовалъ и былъ уничтоженъ вслѣдствіе того, что адмиралъ этотъ былъ взятъ врагами. Основаній такая легенда не имѣетъ и, однако, она нѣсколько укоренилась въ теченіе восемнадцатаго вѣка, что когда дѣйствительно установили, въ девятнадцатомъ столѣтіи этотъ рангъ, это событіе называли «возстановленіемъ» ранга. Георгъ Айскью, взятый голландцами въ 1666 году, съ именемъ котораго, кажется, была сначала соеденена эта легенда, былъ адмираломъ не красной, а бѣлой эксадры.

Условія, при которыхъ теперь совершались плаванія, значительно улучшились. Квадранъ Гадлея, отчетъ о которомъ былъ изданъ въ 1731 году, вскорѣ послѣ этого вошелъ въ общее употребленіе; над-

зоръ за состояніемъ морской службы былъ усовершенствованъ, устройство маяковъ и бакановъ тоже. «Искусство навигаціи»—капитана Даніеля Ньюгоуза (1727), «Новый календарь моряка»—Натаніэля Кольсона (1746) и первые изъ хронометровъ Гаррисона (1728—58) открыли новую эру въ мореплаваніи. Маяки Нора (1731) и Дуджёна (1736) были первыми кораблями-маяками у береговъ Англіи; освѣщеніе опасныхъ Скерри начинается въ 1730 году.

Плаванія военнаго флота.

Офицеры военнаго флота въ этотъ періодъ совершили нѣкоторыя важныя путешествія и открытія. Важнѣйшимъ изъ нихъ было путешествіе коммодора (впослѣдствіи лорда) Георга Ансона, который 18 сентября 1740 года отплылъ изъ Англіи въ Южное море съ кораблями: «Центуріонъ» 50-ти пушечный, «Глочестеръ», 50-ти пушечный, капитанъ Ричардъ Норрисъ, «Северн» 50-ти, капитанъ Эдвардъ Леггъ, «Перлъ»—40 пушечный, капитанъ Матью Мичель, Wager, 28 пушечный, капитанъ Данди Киддъ, Trial, 8 пушечный, командиръ Георгъ Мюррей (впослѣдствіи лордъ Элибанкъ) и транспортными судами Анна и Industry;—изъ всѣхъ этихъ кораблей только одинъ «Центуріонъ» совершилъ все путешествіе; четыре корабля погибли, а три вернулись раньше. Эскадра выдержала страшныя бѣдствія, но выгоды путешествія были громадны, потому что эскадра захватила множество цѣнныхъ испанскихъ призовъ; на одномъ только изъ этихъ взятыхъ испанскихъ кораблей грузъ стоилъ 400,000 фунтовъ.

Офицеры флота занимались также и полярными изслѣдованіями и въ особенности отыскиваніемъ сѣверозападнаго прохода. Въ 1741 году командиръ Христоферъ Миддльтонъ, раньше поступленія въ королевскій флотъ служившій въ кампаніи Гудзонова залива, получилъ команду надъ небольшой экспедиціей, состоявшей изъ двухъ шлюпокъ; но онъ дошелъ къ сѣверу только до 60° 30′. Въ 1745 году былъ принятъ актъ, предлагавшій премію въ двадцать тысячь фунтовъ за открытіе сѣвернаго прохода британскимъ подданнымъ; были на основаніи этого акта посланы другія экспедиціи, но результатомъ ихъ было только разочарованіе.

Преслѣдованіе пиратовъ.

Въ Вестъ Индіи при Георгахъ продолжали свирѣпствовать буканёры или пираты, о происхожденіи и исторіи которыхъ будетъ сказано дальше. Въ связи съ разсказомъ о дѣятельности флота въ этомъ періодѣ можно упомянуть, что правительство Георга I принимало энергическія мѣры противъ этихъ грабителей, дѣйствія которыхъ парализировали торговлю и превратили нѣкоторые изъ небольшихъ острововъ въ настоящія гнѣзда разбойниковъ. Въ 1717 году была издана прокламація, обѣщавшая прощеніе всѣмъ пиратамъ, которые подчинятся въ теченіе года, за всѣ преступленія, совершенныя ими до начала этого года; по окончаніи же этого срока обѣщано было вознагражденіе всѣмъ офицерамъ его величества, ко-

торые на морѣ или на сушѣ возьмутъ пирата и представятъ его къ суду. Эти мѣры имѣли нѣкоторое дѣйствіе. Дѣятельность Вудса Рожерса въ должности губернатора Багамы послужила примѣромъ другимъ. Но зло продолжало существовать на африканскихъ берегахъ и въ Вестъ Индіи; самымъ смѣлымъ и замѣчательнымъ изъ пиратовъ былъ нѣкто Робертсъ, располагавшій тремя кораблями, однимъ сорока пушечнымъ, другимъ тридцати двухъ и третьимъ двадцати-четырехъ пушечными, всѣ съ чернымъ флагомъ и съ экипажемъ, состоявшимъ изъ отчаяннѣйшихъ головорѣзовъ. Въ 1722 году храбрый и ловкій капитанъ Чалонеръ Огль (впослѣдствіи адмиралъ флота) уничтожилъ этого негодяя и его сообщниковъ. Крейсируя у мыса Лопецъ на «Ласточкѣ», капитанъ Огль узналъ, что Робертсъ со всей его флотиліей находится въ сосѣднемъ заливѣ. Онъ снялъ флаги съ «Ласточки» и сталъ на якорь. Пираты приняли ее за торговый корабль и одинъ изъ ихъ кораблей отрѣзалъ канатъ якоря и погнался за «Ласточкой». Огль вывелъ его въ море, спустилъ паруса, напалъ на пиратскій корабль и послѣ полуторачасовой битвы взялъ его. Потомъ онъ возвратился въ заливъ съ чернымъ флагомъ надъ знаменемъ Британіи. Пираты вышли на встрѣчу своему предполагаемому счастливому товарищу, чтобы привѣтствовать его; когда они подошли къ «Ласточкѣ», Огль открылъ свой флагъ и яростно напалъ на нихъ. Робертсъ и многіе изъ его сподвижниковъ были убиты, черезъ два часа оба корабля взяты. Огль отвелъ ихъ къ мысу Костъ Кэстль. Семьдесятъ четыре изъ ста шестидесяти плѣнниковъ были приговорены къ смерти и пятьдесятъ два изъ нихъ повѣшены въ цѣпяхъ на берегу. За свой подвигъ Огль получилъ рыцарское званіе.

Открытія и изслѣдованія 1642—1742.

Раймонда Бизли.

Поколѣнія, жившія послѣ великой гражданской войны, не настолько интересовались новыми открытіями, какъ ихъ непосредственные предшественники. Они гораздо болѣе были заняты тѣмъ, чтобы занять мѣстности уже открытыя, чѣмъ открытіемъ новыхъ странъ; открытія и изслѣдованія отступаютъ на второй планъ предъ колонизаціей. Авантюристы шестнадцатаго вѣка замѣняются буканёрами семнадцатаго; не было новыхъ открытій, имѣвшихъ такое значеніе, какъ прежнія открытія Дрэка, Фробишера, Дженкинсона, Баффина или Гудзона; не было и столь замѣтныхъ и имѣющихъ такое важное историческое значеніе присоединеній новыхъ территорій, какъ начало

американскихъ колоній въ 1585 году или основаніе англійской имперіи въ Индіи въ 1601 году. Но общій прогрессъ въ англійской торговлѣ, промышленности, морской дѣятельности и колонизаціи былъ безспорнымъ, онъ былъ даже болѣе прочнымъ и непрерывнымъ, чѣмъ раньше, хотя и менѣе блестящимъ; въ это время Англія несомнѣнно идетъ впереди всѣхъ своихъ соперницъ на морѣ и на сушѣ, въ Новомъ свѣтѣ, на востокѣ и на западѣ—впереди самыхъ энергичныхъ и развитыхъ націй, французской и голландской.

Буканёры временъ Дампьера ведутъ свое происхожденіе отъ волонтеровъ-пиратовъ временъ Елисаветы, когда въ началѣ семнадцатаго вѣка испанцы бросили рудники С. Доминго и французскіе бродяги, изгнанные изъ С. Киттса, завладѣли этимъ островомъ. Позже пираты перебрались на холмистый и лѣсной островъ Тортуга и вполнѣ завладѣли имъ. Они охотились за буйволами съ ружьемъ и собаками и, по расказу Экскевемелина, послѣ экспедицій, продолжавшихся иногда годъ или два, возвращались домой для отдыха и раздѣла добычи. Кожи они продавали голландскимъ купцамъ Вестъ Индіи; слуги или рабы бывали часто украдены изъ Европы, какъ самъ Экскевемелинъ, и ихъ принуждали обязываться служить на нѣсколько лѣтъ. Экскевемелинъ разсказываетъ, что въ особенности такимъ похищеніемъ людей занимались англичане. Они требовали отъ своихъ слугъ семилѣтней обязательной службы и продавали ихъ за долги выше двадцати пяти шиллинговъ. Кромѣ того, у нихъ были «естественные рабы», т. е. люди цвѣтныхъ расъ, захваченные ими въ плѣнъ. Буканёры.

Испанцы были непоколебимы въ своей исключительной торговой политикѣ; ихъ стремленіе обращаться со всякимъ иностранцемъ на берегахъ Америки какъ съ контрабандистомъ и грабителемъ было главной причиной объединенія наиболѣе смѣлыхъ и отчаянныхъ моряковъ другихъ европейскихъ націй, постепенно превращавшихся въ пиратовъ. Сначала эти пираты крейсировали въ открытыхъ ботахъ и нападали на всѣ корабли, которые могли взять на абордажъ, въ особенности на испанскіе, шедшіе въ Испанію. Они выдавали себя за мстителей за жестокости, совершаемыя испанцами противъ мексиканцевъ и индѣйцевъ и, какъ разсказываютъ, никогда не отправлялись за добычей, по крайней мѣрѣ въ прежнее время, безъ молитвы объ удачѣ предпріятія и никогда не возвращались съ добычей безъ благодарственныхъ молитвъ. Всякій изъ нихъ, отправляясь въ экспедицію, получалъ опредѣленное количество пищи и зарядовъ; добыча отъ грабежей добросовѣстно дѣлилась соотвѣтственно заслугамъ или рангу каждаго; но прежде всего выдавали долю раненнымъ. Такъ за потерю правой руки раненный получалъ восемь или шесть рабовъ, за другія раны получали соотвѣтственное вознагражденіе. По праву капитанъ или командиръ пиратовъ получалъ

только одну долю добычи, но если его подвиги были блестящими, его вознаграждали добавочными подарками.

Морганъ. Главнѣйшими изъ вождей пиратовъ изъ иностранцевъ были Петръ Великій (Pierre le Grand), успѣхи котораго заставили колонистовъ острова Тортуги сдѣлаться пиратами, Пьерръ Франсуа, Бартоломей Португалецъ, Рошъ Бразиліанецъ, Франсуа Лолануа и Мансвельдтъ, нападавшій на Гренаду и доходившій до Тихаго океана; а изъ англичанъ Люйсъ Скотъ, «первый нападавшій на сушѣ», Джонъ Дэвисъ, завладѣвшій Никарагвой и самый знаменитый изъ всѣхъ Генрихъ Морганъ, сынъ богатаго валлискаго Іемена; онъ служилъ сначала въ Барбадосѣ и въ Ямайкѣ и сдѣлался замѣчательнымъ буканёромъ благодаря покровительству стараго Мансвельдта. Послѣ многихъ мелкихъ подвиговъ онъ въ 1670 году совершилъ нападеніе на Панаму; эта экспедиція снова открыла англичанамъ дорогу къ великому южному морю, гдѣ буканёры положили начало нашимъ свѣдѣніямъ о Тихомъ океанѣ, хотя Ансонъ и позднѣйшіе путешественники часто жаловались на неосновательность и даже лживость ихъ показаній.

Морганъ перешелъ перешеекъ отъ устья рѣки Чагресъ (Chagres) въ десять дней, разбилъ испанцевъ предъ Панамой и разграбилъ городъ. Послѣ посѣщенія Англіи онъ былъ въ декабрѣ 1674 года отправленъ въ чинѣ полковника намѣстникомъ (лейтенантомъ-губернаторомъ) Ямайки и получилъ рыцарское званіе. Въ государственныхъ документахъ мы встрѣчаемъ много указаній на упорное неповиновеніе бывшаго пирата его непосредственному начальнику, лорду Вогану. Старыя привычки сказывались у него, хотя теперь онъ часто преслѣдовалъ пиратовъ. Онъ умеръ въ 1688 году, не сдѣлавъ особыхъ вкладовъ въ исторію міровыхъ открытій, но сыгравъ нѣкоторую роль въ завоеваніи Англіей морей и заморскихъ странъ, гдѣ впослѣдствіи создалась новая англійская имперія.

Кромѣ приключеній буканёровъ о дѣятельности англичанъ въ неизвѣстныхъ или малоизвѣстныхъ частяхъ свѣта отъ начала гражданской войны до перваго путешествія Вилльяма Дампьера (1680) можно сказать немногое. Въ 1670 году Джонъ Нарборо плавалъ въ Магеллановомъ проливѣ и у береговъ Патагоніи и Чили и далъ отчетъ объ этихъ странахъ Карлу II. Въ 1679 году около 300 англійскихъ пиратовъ отправились по примѣру Моргана чрезъ перешеекъ отъ береговъ Атлантическаго океана. Они заключили союзъ съ индѣйцами Даріенскаго перешейка, доставившими имъ лодки на Тихомъ океанѣ. Нѣкоторые изъ нихъ долго пробыли въ Южномъ морѣ и открыли или вновь нашли острова къ западу отъ берега Америки до самаго Жуанъ-Фернандеца; ихъ смѣлость и удачи сдѣлали то, что по словамъ Дампьера въ 1685 году, «Даріенскій перешеекъ сдѣлался обычной дорогой для буканёровъ для перехода отъ Сѣверныхъ морей къ Южнымъ».

Вильямъ Дампьеръ и Кукъ.

Вилльямъ Дампьеръ въ 1680 году совершилъ первое свое важное путешествіе съ этими пиратами. Дампьеръ родился въ 1652 году и въ море пошелъ первый разъ въ 1668 году; но трудности путешествія въ Ньюфаундленъ ему такъ не понравились, что онъ чуть снова не оставилъ морскую службу. Однако, онъ отправился въ восточную Индію въ Бантамъ, и съ 1674 года окончательно перебрался въ Вестъ-Индію. Съ 1676 до 1678 года онъ прожилъ съ рубщиками лѣса въ Campeachy Bay, и съ 1680 года занимался пиратствомъ по берегамъ Тихаго океана. Въ 1681 году онъ возвратился на перешеекъ и перешелъ его, совершивъ трудное, рискованное и очень медленное путешествіе по мѣстамъ, и теперь еще почти никому неизвѣстнымъ, кромѣ индѣйцевъ. Въ слѣдующемъ году Дампьеръ крейсировалъ съ пиратами у Вестъ Индіи и въ іюлѣ 1682 года онъ былъ въ Виргиніи. Тамъ онъ пробылъ до августа 1683 года, когда онъ присталъ къ другому пиратскому приключенію, которое самъ онъ изображаетъ путешествіемъ, совершеннымъ съ цѣлями открытій, подъ начальствомъ капитана Джона Кука, участвовавшаго въ экспедиціи въ Тихій океанъ въ 1680 году, а теперь выдававшаго свою экспедицію, снаряженную англичаниномъ Коулеемъ, за торговую экспедицію къ С. Доминго; но на второй же день плаванія онъ объявилъ, что онъ отправляется къ Гвинеѣ съ пиратскими цѣлями. Захвативъ у Сіерра Леоне хорошій корабль, авантюристы вернулись къ своему первоначальному плану, обогнули мысъ Горнъ и дошли до Жуанъ-Фернандеца. Тамъ къ нимъ присоединился Джонъ Итонъ на кораблѣ «Николай». Узнавъ отъ экипажа взятыхъ ими трехъ кораблей съ хлѣбомъ, что испанцы приготовились къ защитѣ, они бросили свой планъ нападенія на берега Перу и поплыли съ взятыми ими кораблями къ островамъ Галапагосъ или Черепаховымъ (31 мая 1684). Поплывъ оттуда къ сѣверу, они въ началѣ іюля увидали мексиканскій берегъ и въ теченіи слѣдующихъ двѣнадцати мѣсяцевъ въ соединеніи съ другими кораблями (всего у нихъ было десять кораблей и тысяча человѣкъ экипажа) опустошали южную Америку. 27 августа 1685 года Сванъ на кораблѣ Cygnet разстался съ Дэвисомъ, преемникомъ Кука въ командѣ экспедиціей, рѣшившимъ остаться въ Перу, и Дапьеръ пожелалъ идти съ Сваномъ, предполагавшимъ посѣтить Мексику и потомъ переплыть Тихій океанъ. Сванъ и Дампьеръ расчитывали собрать большую добычу, надѣясь на небрежность и невѣжество испанцевъ въ морскомъ дѣлѣ; но какъ раньше въ Перу и Чили, такъ и теперь въ Мексикѣ оказалось, что пираты были разочарованы, такъ какъ внутренняя торговля посредствомъ муловъ и повозокъ до значительной степени замѣнила прежнюю береговую торговлю.

Утомившись наконецъ ожиданіемъ кораблей съ золотомъ, богатыхъ, плохо управляемыхъ, безъ пушекъ, съ невѣжественными ка-

питанами—испанцами и съ измѣнниками матросами-индѣйцами—такихъ, которые имъ удавалось захватывать въ Вестъ Индіи—Сванъ и Дампьеръ 31 марта 1686 года покинули берега Америки и отплыли въ первое изъ своихъ путешествій для открытія австралійскихъ морей, въ первое путешествіе, совершенное въ этихъ моряхъ англичанами. Послѣ семинедѣльнаго плаванія, пройдя всего 6000 миль, когда у нихъ оставалось провіанта только на три дня, когда матросы уже начали поговаривать, что если раціоновъ не будетъ больше, то они съѣдятъ «веселаго и жирнаго» Свана, они достигли Гуама изъ группы Разбойничьихъ острововъ.

Громадность Тихаго океана заставила Дампьера поразмыслить объ ошибкахъ въ морскихъ картахъ того времени относительно вычисленія различныхъ морскихъ путей и измѣренія градусовъ, въ особенности по пути между Африкой и восточной Индіей. Старыя суевѣрія овладѣли было нѣкоторыми изъ его экипажа, они боялись, что при этомъ безконечномъ плаваніи они «выдутъ изъ этого свѣта».

Отъ Разбойничьихъ острововъ Сванъ и Дампьеръ поплыли по дорогѣ мореплавателей шестнадцатаго вѣка къ Филиппинскимъ островамъ. Но проживъ около полгода среди туземцевъ, притѣснявшихъ ихъ и отравившихъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, они взбунтовались противъ Свана и оставили его на берегу съ тридцатью шестью матросами. Остальные выбрали капитаномъ руководителя мятежа, нѣкоего Джона Рида, «красиваго и умнаго молодого человѣка, извѣстнаго также какъ артистъ», и по словамъ Дампьера «составали новые проекты», отправившись сначала къ мысу Коморину. Бурная погода помѣшала имъ крейсировать у Манилы и китайскихъ береговъ, какъ они предполагали сначала; точно также они оставили планъ пиратствовать въ Чермномъ морѣ и послѣ плаванія въ теченіи нѣкотораго времени среди Гвоздичныхъ острововъ (Clove islands) съ ихъ «боязливыми черепахами», «большими раковинами» и «молочнобѣлыми какаду» (crocadores), они встрѣтили на 16° 50′ ю. ш. Новую Голландію или Австралію, 4 января 1688 года.

Эта часть плаванія дала Дампьеру поводъ сдѣлать нѣкоторыя изъ наиболѣе пѣнныхъ изъ его замѣчаній о томъ, что часто у высокихъ береговъ глубина моря значительна, объ отсутствіи гаваней у высокихъ, скалистыхъ береговъ, о необходимости ровнаго дна для стоянки на якорѣ. Его отчетъ о Новой Голландіи представляетъ лучшее англійское описаніе этой вновь открытой англичанами страны.

Дампьеръ утверждаетъ, что у Новой Голландіи онъ уговаривалъ «безумныхъ негодяевъ, матросовъ корабля Cygnet» отправиться въ какую нибудь англійскую факторію или по крайней мѣрѣ возвратиться и забрать Свана, но они угрожали ему высадкой на необитаемый островъ. 12 марта 1688 года они оставили Новую Голландію и въ теченіи двухъ мѣсяцевъ крейсировали безъ опредѣленныхъ

цѣлей. Въ концѣ апрѣля Ридъ, перейдя экваторъ захватилъ и пустилъ ко дну пирогу (proa—небольшое, легкое, судно) туземцевъ не ради корысти, а чтобы помѣшать имъ уйти на берегъ. На Никобарскомъ берегу, который пираты увидали 4 мая, Дампьеръ убѣжалъ или, вѣрнѣе сказать, разстался съ ними. Cygnet же отправился къ Мадагаскару, бывшему въ то время центромъ пиратства и затонулъ тамъ въ заливѣ С. Августина. Дампьеръ говоритъ, что онъ зашелъ такъ далеко только потому, что «онъ зналъ, что чѣмъ дальше онъ зайдетъ, тѣмъ больше знаній и опыта пріобрѣтетъ, а къ этому я и стремился главнымъ образомъ», теперь же онъ рѣшился вести осѣдлую жизнь. Съ семерыми (четверо изъ нихъ были малайцы изъ затопленной пироги) высаженными вмѣстѣ съ нимъ на берегъ, онъ отправился въ Суматру и послѣ рискованнаго плаванія на лодкѣ черезъ пять дней былъ у берега Ашина (15—19 мая, 1688). Оттуда Дампьеръ прошелъ въ факторію Бенкуленъ, гдѣ и поступилъ на службу восточно-индійской компаніи. Но ему не понравилось поведеніе служащихъ и не считая себя безопаснымъ среди «такихъ грубыхъ и варварскихъ людей», онъ въ 1691 году мимо мыса Доброй Надежды возвратился въ Англію. Онъ прибылъ туда 16 сентября этого года и Эвелинъ въ своемъ дневникѣ упоминаетъ объ островитянинѣ, котораго исправившійся пиратъ выдавалъ за индѣйскаго князька.

Второе плаваніе Дампьера въ Австралію.

Въ слѣдующія шесть лѣтъ мы не имѣемъ никакихъ извѣстій о Дампьерѣ, но въ 1697 году онъ издалъ свое «Путешествіе вокругъ свѣта», посвященное Карлу Монтэгю, президенту Королевскаго общества. Въ 1699 году онъ издалъ еще томъ съ отчетомъ о его пребываніи въ Индіи и о его путешествіяхъ въ Тонкинъ, Мадрасъ и другія мѣста и съ посвященіемъ первому лорду адмиралтейства, Орфорду, которому Монтэгю рекомендовалъ Дампьера, какъ начальника экспедиціи для изслѣдованія.

Предложеніе было принято и цѣлью экспедиціи по предложенію самого Дампьера была избрана terra Australis. На военной шлюпкѣ Roebuck онъ отплылъ 14 января 1689 года. Пройдя мимо Африки, онъ 26 іюля увидалъ Новую Голландію, изслѣдовалъ большое пространство ея сѣверозападнаго берега, осмотрѣлъ заливъ Акулъ (Shark's Bay), гдѣ онъ пробылъ долго для осмотра страны. Онъ изслѣдовалъ также и назвалъ своимъ именемъ небольшой архипелагъ между сѣверозападнымъ мысомъ и мелями Роулея (Rowléy Shoals), проплылъ мимо сѣвера Новой Гвинеи и мимо сѣверныхъ, восточныхъ и южныхъ береговъ Новой Британіи и далъ свое имя проливу раздѣляющему эти два острова. Картеретъ въ 1767 году дополнилъ этотъ осмотръ открытіемъ, что заливъ св. Георга въ Новой Британіи въ дѣйствительности есть проливъ, раздѣляющій островъ на два: на Новую Британію и Новую Ирландію.

Отъ 7 до 14 августа Дампьеръ находился въ заливѣ Акулъ, гдѣ онъ увидалъ кенгуру, слѣды которой, «похожіе на слѣды гончей», онъ замѣтилъ еще въ прежнее свое плаваніе; идя потомъ у берега къ сѣверовостоку, онъ нашелъ его нѣсколько болѣе крутымъ и у него много скалистыхъ острововъ. На основаніи сильныхъ приливовъ, существующихъ тутъ, Дампьеръ также, какъ прежніе путешественники, искавшіе сѣверозападнаго прохода, заключилъ, что тутъ долженъ быть проходъ на югъ отъ Новой Голландіи и Новой Гвинеи, къ востоку, въ великое Южное море. Онъ намѣревался пройти по нему на возвратномъ пути отъ Новой Гвинеи, но оставилъ этотъ планъ изъ за недостатка воды, «постояннаго препятствія въ этомъ архипелагѣ».

Новая Гвинея.

Не найдя воды, изслѣдователи въ началѣ сентября отплыли изъ Австраліи въ Тиморъ и послѣ отдыха тамъ снова отплыли, проходя между островами къ сѣверозападу Австраліи, исправляя по пути ошибки въ морскихъ картахъ. Въ день новаго года, 1700 г. они увидали берегъ Новой Гвинеи, высокій, покрытый прекрасными, высокими, зелеными деревьями въ мѣстѣ какъ разъ противъ Амбоины; 4 февраля Дампьеръ былъ у мыса Мабо, крайняго сѣверозападнаго пункта Новой Гвинеи; 14-го онъ обогнулъ папуанскій мысъ Доброй Надежды въ концѣ пролива, теперь называемаго проливомъ Дампьера; 16-го шлюпка перешла экваторъ и уже не видала земли до тѣхъ поръ, пока не дошла до острова Вишарта, т. е. до того архипелага, который теперь вообще называютъ Новой Британіей, а въ то время считали принадлежащимъ къ Новой Гвинеѣ.

Пройдя вдоль восточнаго берега этого острова и войдя въ заливъ, названный Дампьеромъ заливомъ св. Георгія и оказавшійся впослѣдствіи проливомъ, отдѣляющимъ Новую Британію отъ Новой Ирландіи, изслѣдователь наконецъ 9 марта сдѣлалъ самое важное изъ своихъ открытій—онъ открылъ проливъ между Новой Гвинеей и страной къ сѣверовостоку, названный проходомъ Дампьера. Этой странѣ, «не соединенной съ Новой Гвинеей», онъ далъ названіе Новой Британіи.

Дампьеръ тогда поплылъ назадъ вдоль сѣвернаго берега Новой Гвинеи, осматривая и давая названія многочисленнымъ маленькимъ островамъ, наиболѣе любопытнымъ изъ которыхъ былъ «Горящій островъ» (Burning Island), къ сѣверозападу отъ Ново-Британскаго прохода. Этимъ было закончено его изслѣдованіе.

Послѣднее плаваніе Дампьера.

По возвращеніи въ Англію въ 1701 году, онъ былъ осужденъ военнымъ судомъ (8 іюня 1702) за оскорбленіе лейтенанта и признанъ недостойнымъ команды. Тѣмъ не менѣе 16 апрѣля 1703 года ему была поручена команда и онъ 11 сентября того же года отправился въ новое плаваніе, получившее извѣстность высадкой на островъ Жуанъ Фернандецъ Александра Селькирка. Дампьеръ дошелъ только

до береговъ Перу; кругосвѣтное же плаваніе было совершенно его товарищемъ и врагомъ, Вильямомъ Фуннелемъ; печальные результаты путешествія заставили собственниковъ не довѣрять ему болѣе команды въ слѣдующихъ плаваніяхъ. Въ послѣднемъ путешествіи съ капитаномъ Вудсомъ Рожерсомъ на «Герцогѣ и Герцогинѣ» (1708—1711) Дампьеръ былъ только кормчимъ. Эта экспедиція отплыла въ августѣ 1708 года и возвратилась въ октябрѣ 1711 года съ добычей на 200,000 фунтовъ; это была единственная экспедиція, отъ которой Дампьеръ получилъ барыши, такъ какъ его слова были скорѣе славой писателя, чѣмъ умѣлаго капитана. Во время этого плаванія оригиналъ Робинзона Крузо, Александръ Селькиркъ, былъ взятъ съ Жуанъ Фернандеца, гдѣ онъ прожилъ четыре года и четыре мѣсяца (1 февраля 1709). Экспедиція взяла и разграбила на континентѣ городъ Гуаяквиль, взяла тринадцать призовъ и потомъ посѣтила Галапагскіе острова; 22 декабря она захватила галлеонъ съ деньгами изъ Манилы и потомъ сразу чрезъ Тихій океанъ отплыла къ Разбойничьимъ островамъ; 10 марта 1710 года она прошла мимо этихъ острововъ, а 1 октября слѣдующаго года возвратилась въ Англію.

Послѣ этого о Дампьерѣ, какъ изслѣдователѣ, ничего не слышно. Онъ умеръ въ мартѣ 1714 года. Дампьеръ, несомнѣнно, самая значительная фигура въ исторіи открытій и путешествій въ періодъ отъ гражданской войны до воцаренія Гановерской династіи; онъ въ особенности отличался своимъ умѣньемъ наблюдать и описывать естественныя явленія. Онъ былъ настолько великимъ изслѣдователемъ міра дѣйствительности, что капитанъ Лемуэль Гулливеръ Свифта, изслѣдователь фантастическаго міра лиллипутовъ, признаетъ его своимъ братомъ. Изъ другихъ океаническихъ плаваній въ этотъ періодъ плаваніе Коулея, утверждавшаго, что онъ первый изъ англичанъ открылъ и описалъ острова Галапагосъ или Черепашьи у береговъ Экуадора, тоже самое, что и плаваніе Дампьера 1683 года послѣ того, какъ Дэвисъ и Сванъ разстались. Когда флотъ пиратовъ раздѣлился, Коулей отправился съ капитаномъ Итономъ, вмѣстѣ съ нимъ переплылъ Тихій океанъ отъ берега Перу до Гуама въ группѣ Разбойничьихъ острововъ, пройдя всего 7646 миль, и завершилъ кругосвѣтное плаваніе чрезъ Кантонъ и восточную Индію, гдѣ ему опротивѣло мятежное поведеніе экипажа, такъ что онъ покинулъ корабль. Путь домой онъ совершилъ на голландскомъ кораблѣ отъ Батавіи къ мысу Доброй Надежды и оттуда въ Англію. Плаваніе Эдварда Дэвиса послѣ его разлуки съ Сваномъ и Дампьеромъ извѣстно намъ изъ разсказа его хирурга Ліонеля Уофера. Онъ разграбилъ Арику, въ 1687 году въ 150 лье отъ земли почувствовалъ землетрясеніе, разрушившее Лиму, и вернулся мимо мыса Горна въ

Вестъ Индію и Виргинію. Въ 1702 году онъ былъ пиратомъ въ Атлантическомъ океанѣ.

Капитанъ Киддъ.

Другихъ морскихъ экспедицій, сдѣлавшихъ какія либо открытія, было мало. Можно указать только на плаванія Эверарда у Мадагаскара и къ востоку и на плаванія Вилльяма Кидда, а также слѣдуетъ упомянуть о путешествіяхъ на сушѣ и о развитіи американскихъ колоній. Обычное оправданіе буканёровъ, состоящее въ томъ, что еслибы не было этихъ беззаконныхъ экспедицій, то обычай пожалованія исключительныхъ привиллегій торговымъ компаніямъ препятствовалъ бы всякимъ открытіямъ и совершенно уничтожилъ бы то настроеніе, безъ котораго невозможно мореплаваніе, въ концѣ семнадцатаго вѣка утратило значительную часть своего значенія, и въ маѣ 1696 года изъ Плимута былъ отправленъ Вилльямъ Киддъ для преслѣдованія буканёровъ. Когда онъ крейсировалъ у Ньюіорка, его считали благодѣтелемъ общества и благодарные колонисты вотировали ему подарокъ въ 250 фунтовъ. Но уже въ это время у него, кажется, были свои планы. Увеличивъ свой экипажъ девяноста пятью бродягами, такъ что у него было уже 155 человѣкъ команды, онъ объявилъ, что «почтенный и возлюбленный капитанъ Киддъ, командиръ корабля Adventure Galley», отправляется къ Мадагаскару охотиться за пиратами. На плаваніи онъ проявилъ себя въ настоящемъ своемъ свѣтѣ. Въ 1698 году распространились слухи, что Киддъ сдѣлался самъ пиратомъ. Онъ возвратился въ Америку съ такой богатой добычей, какой не приходилось добыть ни одному изъ капитановъ, разгрузился у Лонгъ-Исланда и, какъ говорили, зарылъ въ землю много золота, серебра и драгоцѣнныхъ камней. Далѣе онъ имѣлъ дерзость распустить свой экипажъ и появиться на улицахъ Бостона въ качествѣ богатаго джентльмена. Губернаторъ Нью-Іорка Белламонтъ встрѣтилъ его, арестовалъ (іюль 1699) и отправилъ въ Англію. Онъ былъ осужденъ и 23 мая 1701 года повѣшенъ.

Слѣдующей экспепиціей буканёровъ была экспедиція Джона Клиппертона и Георга Шельвока (1719—21). Они были отправлены въ февралѣ 1719 года въ экспедицію противъ испанцевъ по порученію императора. Корабли скоро раздѣлились и Клиппертонъ, пограбивъ на западномъ берегу южной Америки, переплылъ Тихій океанъ, едва не потерялъ свой корабль у Гуама и наконецъ достигъ Амоя, гдѣ его корабль взяли и продали, какъ призъ. Шельвоку еще менѣе посчастливилось. Онъ ограбилъ Паиту, потерпѣлъ крушеніе у Жуанъ-Фернандеца, но спасся съ своимъ экипажемъ и завладѣлъ испанскимъ кораблемъ. Онъ посѣтилъ Калифорнію, переплылъ Тихій океанъ къ Китаю и въ февралѣ 1721 года вернулся домой мимо мыса Доброй Надежды. Вилльямъ Бетагъ, начальникъ морскихъ солдатъ Шельвока, былъ взятъ испанцами въ плѣнъ и оставилъ намъ интересный раз-

сказъ о пережитомъ имъ въ Перу. О путешествіяхъ Ансона мы будемъ говорить въ слѣдующей главѣ.

Путешествія по сушѣ.

Изъ путешествій по сушѣ, оставляя въ сторонѣ такія путешествія, какъ Бёрнета и Висея по западной Европѣ, можно отмѣтить путешествія Эдуарда Броуна, сына сэра Томаса изъ Норвича, автора Religio Medici, по Богеміи, Моравіи, Венгріи и Балканскому полуострову въ 1668 году и путешествіе по Сиріи Генриха Маундреля въ 1696-мъ; но уже одно упоминаніе о мѣстахъ ихъ странствованій доказываетъ, что англичане въ этотъ періодъ не проникали въ такія отдаленныя части земного шара, какъ во времена Антонія Дженкинсона. Самымъ крупнымъ и самымъ любопытнымъ изъ путешествій этого періода были странствованія Де-ла-Мотрея по Европѣ, Азіи и части Африки (1710 и слѣдующіе годы); онъ далъ подробный и дѣльный отчетъ о всѣхъ земляхъ Оттоманской имперіи и замѣтки о такихъ далекихъ странахъ, какъ Лапландія и средняя Россія. Мотрей былъ французъ по происхожденію, но натурализировался въ Англіи.

Американскія колоніи. 1688—1742.

Наконецъ въ сѣверной Америкѣ львиная доля въ дѣлѣ открытій и изслѣдованій въ этомъ періодѣ принадлежитъ не англичанамъ, а французамъ. Однако миссіонеры, вродѣ Джона Элліота, начавшаго свою проповѣдь въ 1646 году, сдѣлали кое что для изслѣдованія индѣйскихъ территорій за Массачузетсомъ; тоже вліяніе имѣло и пожалованіе Каролины въ 1663 году. Колонія Пенна 1682 года, Пенсильванія, и война короля Вильгельма съ французами въ 1689—97 годахъ увеличили вліяніе и свѣденія англичанъ. Еще болѣе любопытно основаніе генераломъ Джемсомъ Оглеторпомъ Георгіи (1732), какъ убѣжища для почтенныхъ людей, впавшихъ въ Англіи въ несчастія. Здѣсь мы можемъ только упомянуть объ этомъ филантропическомъ предпріятіи, о превосходныхъ отношеніяхъ колонистовъ съ индѣйцами, объ устраненіи рабства и спиртныхъ напитковъ, объ удачномъ отраженіи колоній нападеній испанцевъ изъ Флориды. Можно отмѣтить также попытки колонизаціи въ Лузіанѣ и на Дарієнскомъ перешейкѣ. Но колонизація на перешейкѣ не удалась вслѣдствіе погибели Дарієнскаго плана Вилльяма Патерсона (1695—1700). Имѣлось въ виду открыть новую торговую дорогу на дальній востокъ, чтобы конкурировать съ англійской восточно-индѣйской кампаніей и вознаградить шотландцевъ за вредъ, нанесенный имъ Навигаціонными законами; но планъ былъ плохо выработанъ, еще хуже исполненъ и закончился банкротствомъ.

Исторія законодательства. 1688—1742.

Монтэгю.

Вліяніе революціи. 1689—1742.

Со времени революціи исторія англійскаго законодательства все болѣе и болѣе становится исторіей статутовъ. Революція возвратила законодательному собранію энергію и единство, подчинивъ парламенту корону. Она положила конецъ продолжительнымъ промежуткамъ времени между двумя парламентами и между сессіями парламента. Она сдѣлала почти невозможными внезапныя отстрочки засѣданій и распущенія его, столь частыя въ семнадцатомъ вѣкѣ. Она заставила государя и министровъ сообразоваться съ желаніями націи и посредствомъ энергичной работы искать популярности, чтобы получать субсидіи. Въ сущности она лишила государя его права отвергать билли, принятые обѣими палатами.

Правда, Вильгельмъ пользовался этимъ правомъ нѣсколько разъ по отношенію къ очень важнымъ мѣрамъ, но Анна воспользовалась имъ только одинъ разъ и со времени ея смерти ни одинъ государь не пользовался имъ. Со времени революціи парламентъ собирался каждогодно и засѣдалъ каждый разъ не малое время. Со времени революціи рѣшенія парламента не встрѣчали серьезной оппозиціи. Получалась возможность проводить всѣ законодательныя мѣры, требуемыя общественнымъ мнѣніемъ и прямое законодательство сдѣлалось такимъ образомъ нормальнымъ средствомъ измѣненія закона. Правда, что судебныя рѣшенія продолжали быть могучимъ средствомъ для улучшенія законовъ; но съ этихъ поръ это средство употреблялось только для опредѣленія и примѣненія уже признанныхъ принциповъ, а не для введенія совершенно новыхъ принциповъ.

Новые Статуты.

За исключеніемъ сферы конституціоннаго законодательства, статуты въ царствованія Вильгельма, Анны и Георга I произвели очень немного сколько нибудь важныхъ измѣненій въ законодательствѣ. Можно указать на нѣкоторые изъ статутовъ, имѣющихъ антикварный интересъ или любопытныхъ по ихъ отношенію къ общей исторіи того времени. Такъ, напр., уничтоженія Суда валлисскихъ маркій (Court of the Marches, of Wales), учрежденнаго Генрихомъ VIII, уничтожило послѣдніе остатки той эпохи, когда Валлисъ былъ еще не вполнѣ покоренъ и для охраны тамъ порядка требовалась чрезвычайная юрисдикція. Распространеніе на женщинъ въ извѣстныхъ случаяхъ фелоній (уголовныхъ преступленій) тѣхъ привиллегій духовенства, которыми раньше пользовались только одни мужчины, было завершеніемъ того продолжительнаго процесса, посредствомъ котораго эти привиллегіи духовенства, которыми раньше пользова-

лись только клерки, а потомъ всѣ грамотные мужчины, въ концѣ концевъ утратили всякое отношеніе къ клерикальной профессіи. Право свободнаго завѣщанія собственности было установлено во всей Англіи. До сихъ поръ въ церковной провинціи Іорка и въ лондонскомъ Сити на основаніи обычая вдова и дѣти умершаго пользовались безспорнымъ правомъ на извѣстную часть личнаго его достоянія. Этотъ обычай былъ отмѣненъ для сѣвера статутомъ 1692 года, а для Лондона статутомъ 1724-го. Купцы и промышленники пользовались актомъ Вильгельма III, давшимъ имъ право по общему соглашенію признавать рѣшеніе третейскаго суда имѣющимъ силу рѣшенія судебнаго, такъ что рѣшенія третейскихъ судей дѣлались обязательными для обѣихъ сторонъ, и актомъ Анны, дававшимъ процессамъ силу законныхъ документовъ. Первая серьезная попытка, сдѣланная со времени революціи обезпечить содержаніе низшаго духовенства, была сдѣлана въ актѣ Анны, на основаніи котораго изъ десятинъ и доходовъ перваго года (first fruits), до сихъ поръ получаемыхъ короной, образовался фондъ для увеличенія содержанія священникамъ бѣднѣйшихъ приходовъ. Чрезмѣрное распространеніе картежной и другихъ игръ въ этотъ періодъ вызвало суровый актъ того же царствованія, на основаніи котораго всѣ обязательства, даваемыя при игрѣ въ карты или при пари, или на деньги, даваемыя въ займы завѣдомо для этихъ цѣлей, признавались не имѣющими силы.

Реформа суда по дѣламъ о государственной измѣнѣ.

Гораздо любопытнѣе и важнѣе актъ, регулировавшій судебное слѣдствіе въ дѣлахъ о государственной измѣнѣ и о недонесеніи о таковой. Этотъ актъ важенъ не только для исторіи англійской конституціи, но и для исторіи англійскаго уголовнаго судопроизводства. Въ судахъ объ измѣнѣ и фелоніи, т. е. во всѣхъ дѣлахъ о важныхъ уголовныхъ преступленіяхъ, законъ ставилъ обвиняемаго въ крайне невыгодное для него положеніе. Онъ находился въ заточеніи до дня суда, не имѣлъ права требовать обвинительнаго акта и узнать какіе свидѣтели будутъ выставлены противъ него, не могъ совѣщаться относительно защиты съ профессіональными юристами. При судебномъ слѣдствіи его свидѣтели спрашивались не подъ присягой, какъ коронные. Онъ былъ вынужденъ защищаться самъ, хотя помощь законнаго защитника и допускалась. Такимъ образомъ безъ приготовленія, находясь подъ страхомъ позорной смерти, не обладая юридическими познаніями, не получивъ ни обученія, ни практики судоговоренія и не имѣя понятія о перекрестномъ допросѣ, несчастный долженъ былъ бороться противъ ловко построеннаго обвиненія, противъ показаній, получавшихъ силу отъ принимаемой свидѣтелями присяги, противъ обвинителей, всю свою жизнь занимавшихся полицейской и судебной дѣятельностью. Въ особенности тяжело было положеніе людей, обвиняемыхъ въ государственной

измѣнѣ. Судья всегда былъ болѣе или менѣе предрасположенъ въ пользу государственнаго обвиненія, присяжные часто бывали искусно подобраны шерифомъ, прокуроры-обвинители могли надѣяться, что въ случаѣ осужденія они устроятъ свою карьеру. Въ многочисленныхъ случаяхъ суда за измѣну въ періодъ времени отъ реставраціи до революціи недостатки, присущіе процедурѣ, еще болѣе обострялись грубостью, звѣрствомъ и холопствомъ судей, что должно было вызвать требованія реформы, особенно со стороны виговъ, которымъ пришлось пострадать больше всѣхъ. Въ 1691 году былъ внесенъ билль объ измѣненіи судопроизводства въ дѣлахъ объ измѣнѣ; но этотъ билль не прошелъ, отчасти потому, что виги, находившіеся въ то время у власти, не желали упустить изъ своихъ рукъ этого страшнаго орудія, а частію и потому, что лорды требовали для себя большей защиты, на что не соглашалась палата общинъ. Билль вносился неоднократно, но сдѣлался закономъ только въ 1695 году (7 Вильгельма III). Актъ этотъ опредѣлялъ, что обвиняемый въ измѣнѣ долженъ получить копію съ обвиненія по крайней мѣрѣ за пять дней до суда, а копію съ списка присяжныхъ по крайней мѣрѣ за два дня. Онъ давалъ ему право имѣть законнаго совѣтника, право избирать себѣ защитника; его свидѣтели опрашивались подъ присягой и онъ имѣлъ право заставить ихъ присутствовать при процессѣ, что уже раньше примѣнялось относительно свидѣтелей обвиненія. Уже на основаніи статута Эдуарда VI для осужденія по обвиненію въ измѣнѣ требовалось показаніе двухъ свидѣтелей. Статутъ Вильгельма III присоединялъ къ этому требованіе, чтобы показаніе этихъ свидѣтелей относилось или къ одному и тому же акту измѣны или къ двумъ отдѣльнымъ актамъ одной и той-же измѣны.

Никто не могъ быть преданъ суду по обвиненію въ измѣнѣ спустя три года послѣ совершенія предполагаемаго преступленія, за исключеніемъ обвиненій въ покушеніи на жизнь короля. Наконецъ, на основаніи этого акта при судѣ надъ пэрами и ихъ женами по обвиненію въ измѣнѣ вызывались не небольшое число пэровъ по выбору лорда верховнаго сенешала (High Steward), какъ это практиковалось раньше, а всѣ пэры, имѣвшіе право засѣдать въ палатѣ лордовъ. Такимъ образомъ судопроизводство по дѣламъ объ измѣнѣ сдѣлалось разумнымъ и гуманнымъ. Стефенъ въ своей «Исторіи уголовного законодательства» замѣчаетъ, что этотъ актъ повидимому не имѣлъ особеннаго вліянія на судьбу обвиняемыхъ. Но слѣдуетъ помнить, что правительство послѣ революціи было настолько разсудительно, что не начинало неразумныхъ и ненужныхъ процессовъ. Процедура въ судахъ по обвиненію въ фелоніи оставалась прежней. Въ теченіи восемнадцатаго вѣка сдѣлалось обычнымъ позволять обвиняемому пользоваться помощью адвоката и только не разрѣшалось адво-

катамъ произносить защитительныя рѣчи; это право подсудимаго было признано только въ 1836 году.

Актъ о литературной собственности (Copyright Act) 1709 года былъ достойнымъ этого литературнаго вѣка легальнымъ памятникомъ. До изобрѣтенія книгопечатанія даже популярныя и имѣвшія успѣхъ произведенія воспроизводились въ сравнительно не большомъ количествѣ экземпляровъ. Ни одинъ авторъ не могъ надѣяться жить на доходы отъ продажи своихъ сочиненій. Даже спустя сто лѣтъ послѣ введенія книгопечатанія въ Англіи права литературной собственности не были признаны закономъ. Въ семнадцатомъ вѣкѣ читателей, однако, было уже такъ много, что стоило добиваться права печатать и издавать книги. Такое право и признавалось общими судами. Право литературной собственности, признаваемое судами, было болѣе цѣннымъ, чѣмъ тоже право, признанное статутомъ, такъ какъ оно не было ограничено извѣстнымъ періодомъ времени. Но практически оно имѣло мало значенія, такъ какъ не могло быть осуществляемо. Имѣвшій право литературной собственности могъ получить по суду вознагражденіе за убытки, понесенные имъ отъ нарушенія этого права; но эти убытки онъ долженъ былъ доказать, а доказать можно было только то, что продано небольшее количество экземпляровъ книги, отпечатанной незаконно. Да и эти убытки рѣдко можно было получить, потому что отвѣтчикъ бывалъ обыкновенно неимущимъ. Потому то авторы начали сильно жаловаться на нарушеніе ихъ правъ. Отвѣтомъ на эти жалобы и былъ статутъ 8-го года Анны, послужившій основаніемъ всего послѣдующаго законодательства о литературной собственности. Этотъ статутъ опредѣлялъ, что авторъ всякаго сочиненія, отпечатаннаго до 10 апрѣля 1710 года, имѣетъ исключительное право на изданіе въ теченіи двадцати одного года. Авторы сочиненій, напечатанныхъ послѣ этого времени, получали такое право на четырнадцать лѣтъ; если по окончаніи этого срока авторъ еще былъ живъ, то срокъ продолжался на такое же время. Всѣ экземпляры, отпечатанные въ нарушеніе этого статута, конфисковались въ пользу собственника литературнаго права, который могъ уничтожить ихъ. Издатель же платилъ штрафъ въ пенни съ каждой печатной страницы изданія. Что бы ни одинъ книгопродавецъ не могъ оправдываться въ нарушеніи закона незнаніемъ, отъ всѣхъ имѣвшихъ права литературной собственности требовалось, чтобы они предъявляли свои права для записи ихъ въ книги Stationers Company для опубликованія во всеобщее свѣдѣніе. Для того, чтобы книгопродавцы, имѣвшіе право собственности на изданіе, не назначали за книги чрезмѣрно высокихъ цѣнъ, покупателямъ было предоставлено право жалобы архіепископу Кентербюрійскому, лорду канцлеру и нѣкоторымъ изъ другихъ высшихъ сановниковъ, и эти послѣдніе могли опредѣлить цѣну книги, если

Законъ о литературной собственности.

по разсмотрѣнію находили, что назначенная книгопродавцами цѣна чрезмѣрно высока. Было бы любопытно узнать, воспользовался ли кто нибудь такимъ страннымъ опредѣленіемъ закона. Наконецъ, на основаніи того же акта девять экземпляровъ всякой вновь выпускаемой книги должны были представляться въ Stationers Hall для нѣкоторыхъ библіотекъ (королевской, оксфордскаго и кембриджскаго университетовъ, библіотекъ шотландскихъ университетовъ, библіотеки Сіонской коллегіи въ Лондонѣ и для библіотеки адвокатовъ въ Эдинбургѣ). Въ теченіи долгаго времени полагали, что право литературной собственности на основаніи акта Анны не отмѣняетъ вѣчнаго права литературной собственности, признаваемаго на основаніи общаго права. Но по дѣлу Дональдсона противъ Беккетта, рѣшенному въ 1774 году, палата лордовъ высказалась въ томъ смыслѣ, что вѣчное право литературной собственности по общему праву совершенно отмѣнено актомъ Анны. Этотъ актъ Анны былъ отмѣненъ актомъ 5 го и 6-го годовъ Викторіи, дѣйствующимъ и теперь.

Регистрація правъ владѣнія.

Слѣдуетъ упомянуть объ учрежденіи регистратуръ для документовъ относительно правъ на владѣніе землями въ двухъ графствахъ, Миддльэссексѣ и Іоркширѣ. Публичность всѣхъ актовъ относительно землевладѣнія была на столько желательна, что въ Англіи дѣлались неоднократно попытки въ этомъ направленіи. Эта цѣль до извѣстной степени достигалась старой церемоніей ввода во владѣніе (livery of seisin), до тѣхъ поръ, пока она считалась необходимой для законности передачи владѣнія. Когда адвокатамъ удалось уклониться отъ необходимости такого ввода во владѣнія, то на основаніи акта Генриха VIII требовалось, чтобы всякое условіе о продажѣ и самая продажа всѣхъ вольныхъ земель (полной собственности, фригольдовъ) регистрировалось или въ Вестминстерскихъ судахъ или въ графствѣ, гдѣ находятся земли. Но законники скоро нашли средство обхода и этого статута, такъ что переходы земли снова сдѣлались тайными и снова пришлось бороться съ дурными слѣдствіями такихъ переходовъ владѣнія. Въ семнадцатомъ столѣтіи часто указывали на необходимость регистраціи земель. При республикѣ вносилось нѣсколько биллей относительно регистраціи поземельныхъ договоровъ и сдѣлокъ, но они не превратились въ законъ. Послѣ реставраціи комитетъ палаты лордовъ докладывалъ, что недостовѣрность правъ на владѣніе составляетъ главную причину обезцѣненія поземельной собственности и что противъ этого зла слѣдуетъ бороться введеніемъ регистраціи. Чамберлейнъ, извѣстный прожектеръ и памфлетчикъ временъ Вильгельма III, тоже рекомендовалъ регистрацію. При королевѣ Аннѣ дѣйствительно и были учреждены регистратуры въ восточномъ и западномъ Ридингѣ въ Іоркширѣ и въ Миддльэссексѣ.

Технически эти регистратуры были регистратурами не правъ на владѣніе, а обезпеченій. Говоря иными словами, въ нихъ отмѣча-

лись не фактическіе собственники земли, а только всѣ сдѣлки относительно земель. Покупатель или залогодатель при справкѣ въ этихъ регистрахъ не нашелъ бы прямыхъ указаній относительно лица, имѣвшаго право владѣнія имѣніемъ, которое онъ захотѣлъ бы купить или дать подъ залогъ его деньги, а только массу доказательствъ, изъ коихъ самъ долженъ былъ составить заключеніе о лицѣ, имѣвшемъ права на это имѣніе. Актъ 1735 года учредилъ подобную же регистратуру въ сѣверномъ Ридингѣ, а актъ 1884 года исправилъ и дополнилъ законъ относительно іоркширскихъ регистратуръ. Но система регистраціи, введенная въ царствованіе Анны въ Іоркширѣ и Миддльэссексѣ, не была распространена на другія графства. Это обстоятельство доказываетъ, насколько такая система не удовлетворяетъ потребностямъ современнаго общества.

Актъ четвертаго года царствованія Георга II, опредѣлявшій, чтобы начиная съ 25 марта 1733 года всѣ приказы, обвиненія, защитительные документы, патенты, грамоты, помилованія и т. п. и всѣ судебные документы во всѣхъ англійскихъ судахъ писались только на англійскомъ языкѣ, а не на французскомъ или латинскомъ, былъ уступкой здравому смыслу народа. Черезъ два года было объявлено, что этотъ актъ примѣняется и ко всѣмъ судамъ въ Уэльсѣ. Актъ 1736 года, отмѣнявшій всѣ старые статуты о колдовствѣ и воспрещавшій всякія преслѣдованія за это преступленіе, былъ тоже уступкой здравому смыслу и гуманности. Менѣе интересенъ, но не менѣе важенъ для законодательства о реальной собственности, актъ девятаго года Георга II, воспрещавшій пожертвованіе денегъ на покупки земель для благотворительныхъ цѣлей, если только это не опредѣлялось завѣщаніемъ, составленнымъ въ присутствіи свидѣтелей по крайней мѣрѣ за двѣнадцать мѣсяцевъ до смерти жертвователя, и записаннымъ въ канцлерскомъ судѣ въ теченіи шести мѣсяцевъ послѣ совершенія акта. Этотъ актъ иногда называютъ актомъ Георга II «о мертвой рукѣ» (Mortmain Act), но такое названіе навряд ли точно, такъ какъ цѣлью акта было не устраненіе жертвованій на благотворительныя цѣли, а устраненіе требованій такихъ пожертвованій отъ умирающихъ. Онъ былъ отмѣненъ актомъ 1888 года (Mortmain and Charitable Uses Act), причемъ, однако, въ этомъ послѣднемъ повторяются существенныя изъ его опредѣленій.

Философія.

Уиттакера.

Та полемика деистовъ, о которой мы говорили въ предшествующемъ томѣ, относится собственно къ этому періоду. Изъ числа со-

чиненій, написанныхъ для опроверженія ихъ ученій, въ 1738 году появился первый томъ Divine Legation of Moses—епископа Уорбёртона. Второй томъ появился въ 1741 году, но все сочиненіе было издано только послѣ смерти Уорбёртона (1779) Деисты указывали, что въ Пятикнижіи нѣтъ указаній на наказанія и награды въ будущей жизни. Уорбёртонъ признаетъ это, но именно въ этомъ находитъ доказательство божественнаго происхожденія законодательства Моисея. Онъ говоритъ, что ни одинъ законодатель, не получившій указанія отъ Бога, не упустилъ бы такого очевиднаго средства осуществленія въ жизни своего кодекса. Потому то Моисей и былъ посланникомъ Божіимъ. Сочиненіе Уорбёртона было однимъ изъ наиболѣе разработанныхъ изъ возраженій деистамъ, хотя оно и не изъ тѣхъ сочиненій, которыя имѣютъ постоянный интересъ. Въ это же время появились два философскія сочиненія, имѣвшія большее значеніе: «Альцифронъ»-Берклея и «Аналогія» Бутлера; оба эти сочиненія сначала были написаны какъ отвѣтъ деистамъ и тѣмъ изъ свободомыслящихъ, которыхъ тоже обыкновенно называли деистами, вродѣ напримѣръ Мандевилля.

Мандевилль. Бернардъ Мандевилль (1670—1733) родился въ Роттердамѣ, но онъ превосходно владѣлъ англійскимъ языкомъ, что и доказалъ своей «Басней о пчелахъ», изданной въ 1705 году и переиздаваемой съ добавленіями въ 1714 и 1723 годахъ. Подзаголовокъ этого сочиненія: «Частные пороки—благодѣяніе для общества», указываетъ на содержаніе сочиненія. Принимая опредѣленіе аскетовъ, что добродѣтель состоитъ въ воздержаніи, а порокъ въ приверженности ко всякимъ излишествамъ, Мандевилль доказываетъ, что если бы порокъ былъ окончательно уничтоженъ и въ государствѣ царили бы добродѣтели, то процвѣтаніе общества исчезло бы и государство сдѣлалось бы бѣднымъ и безсильнымъ. Такъ какъ люди отъ природы тщеславны, то они привлекаются къ добродѣтели похвалой и осужденіемъ тѣхъ, кому выгодно для ихъ цѣлей распространеніе добродѣтели среди другихъ. Нѣкоторые считали необходимымъ серьезно возражать противъ подобной аргументаціи, а другіе видѣли въ положеніяхъ Мандевилля простые пародоксы, изъ которыхъ случайно можно извлечь нѣкоторые полезные выводы.

Гётчесонъ. Фрэнсизъ Гётчесонъ (1694—1746) защищалъ принципы Шафтсбюри и возражалъ Мандевиллю. Въ 1725 году появился въ Дублинѣ его первый очеркъ: «Изслѣдованіе о происхожденіи нашихъ идей о красотѣ и добродѣтели». Въ 1729 году онъ былъ назначенъ профессоромъ моральной философіи въ Гласковскомъ университетѣ. Послѣ его смерти его сынъ издалъ его большое сочиненіе «Система моральной философіи» (1755). Въ метафизикѣ Гётчесонъ имѣлъ нѣкоторое вліяніе, какъ приготовлявшій путь для «философіи здраваго смысла», но важнѣе его заслуги какъ писателя объ этикѣ. Онъ при-

знаетъ моральное чувство вполнѣ параллельнымъ эстетическому. На основаніи перваго мы судимъ о дѣйствіяхъ, но къ добродѣтели насъ побуждаетъ неэгоистическое доброжелательство. Нравственное чувство одобряетъ все, что ведетъ къ общему счастію. Фраза Бентама о «величайшемъ счастіи большинства» встрѣчается впервые у Гётчесона.

Вилльямъ Волластонъ (1659—1724) въ Religion of Nature delineated (1722—24) излагалъ этическую теорію, имѣвшую много общаго съ ученіемъ Кларка о «приспособленности вещей». Онъ утверждаетъ, что хорошо то дѣйствіе, которое выражаетъ вѣрное предложеніе. Счастіе достигается познаніемъ истины и выраженіемъ ея въ въ дѣйствіи. Обыкновенно, говоря о теоріи Волластона, останавливаются на ея интеллектуальной сторонѣ, указываютъ, что его предложеніе о «нравственной ариѳметикѣ» было предшественникомъ позднѣйшаго вычисленія наслажденій и страданій утилитаристовъ.

Берклей уже въ своемъ «Разсужденіи о пассивномъ повиновеніи», относившемся къ предыдущему періоду, до извѣстной степени высказался относительно общихъ принциповъ моральной философіи. Въ Aleiphron or Minute Philosopher (1733), направленномъ противъ свободомыслящихъ того времени, онъ нападалъ и на Мандевилля и на Шафтсбюри. Противъ Шафтсбюри онъ настаивалъ на недостаточности чисто эстетической морали, не имѣющей санкціи. Поддерживая деизмъ, Берклей развиваетъ свои собственныя философскія положенія. Изъ «Теоріи Видѣнія» онъ беретъ аргументъ, что объекты зрѣнія представляютъ въ нѣкоторомъ родѣ языкъ, которымъ Богъ говоритъ людямъ. Такъ какъ связь цвѣтовъ съ данными осязанія сама по себѣ столь же произвольна, какъ и связь словъ съ обозначаемыми ими предметами, то невозможно найти иной разумной причины этой связи, кромѣ воли Божіей, соединившей единообразно однѣ идеи съ другими. По языку «Альцифронъ» лучшее изъ всѣхъ произведеній Берклея. „Альцифронъ“ Берклея.

Къ тому же періоду жизни Берклея относятся его сочиненія: Analyst (1734), Querist (1735—37) и Siris (1744). Первое представляетъ критику основныхъ положеній дифференціальнаго исчисленія. При критическомъ изслѣдованіи эти положенія столь же таинственны, какъ и положенія теологическія; такимъ образомъ опровергались тѣ изъ свободомыслящихъ математиковъ, которые воображаютъ, что въ ихъ наукѣ имѣется нѣчто вполнѣ ясное и самоочевидное. Второе сочиненіе вызвано положеніемъ Ирландіи во время Берклея и представляетъ рядъ указаній не выработанной экономической теоріи. Третье сочиненіе является выраженіемъ послѣдней фазы метафизическаго мышленія Берклея. Оно начинается доказательствомъ полезныхъ медицинскихъ свойствъ дегтярной воды и отъ этихъ доказательствъ переходитъ къ теоріямъ о «міровой душѣ» и наконецъ, къ развитію платоновскаго идеализма—что не было вполнѣ несогласимо съ прежними ученіями Берклея, но тѣмъ не менѣе не было и свя-

зано съ ними. Можно представить себѣ дѣло такъ, что это было развитіе подъ вліяніемъ платониковъ той онтологіи, которая и раньше была присуща феноменализму Берклея, но раньше была не вполнѣ ясной.

Бутлеръ. Сочиненія, въ которыхъ епископъ Бутлеръ является философомъ, это его «Проповѣди» (1726), произносимыя имъ въ капеллѣ Государственнаго архива (Chapel of Rolls) и «Аналогія религіи, естественной и откровенной, съ строемъ и ходомъ природы» (1736). Жозефъ Бутлеръ (1692—1752) родился въ Вантажѣ въ Беркширѣ. Онъ сдѣлался епископомъ Бристоля въ 1738 году, а Дюргама въ 1750. Когда ему было двадцать два года, онъ переписывался съ Кларкомъ о нѣкоторыхъ изъ положеній сочиненія послѣдняго: «Разсужденіе о бытіи и аттрибутахъ Бога». Въ письмахъ Бутлера въ особенности замѣчательна спекулятивная осторожность, проявляемая имъ въ замѣчаніяхъ относительно попытки Кларка вывести деизмъ непосредственно изъ сущности пространства, какъ аттрибута, субъектомъ коего можетъ быть только Божество.

„Аналогія" Бутлера. Въ своей знаменитой «Аналогіи» Бутлеръ доказываетъ, что моральныя возраженія противъ откровенной религіи одинаково примѣнимы и къ строю природы. Деисты же предполагаютъ, что строй природы происходитъ отъ Бога. Потому этическія возраженія деистовъ относительно божественнаго характера христіанства, какъ религіи откровенной, не имѣютъ никакого смысла. Отъ апологистовъ христіанства можно требовать только одного—а именно, доказательства, что положительныя свидѣтельства христіанства достаточны для установленія его достовѣрности. Такимъ образомъ аргументы Бутлера заключены въ извѣстныя, вполнѣ опредѣленныя границы. Съ одной стороны, деизмъ признается общей почвой для ортодоксальныхъ и неортодоксальныхъ противниковъ. Съ другой, историческій вопросъ о свидѣтельствахъ предполагается рѣшеннымъ въ пользу тѣхъ, которые отстаиваютъ сверхъестественное происхожденіе христіанства.

Бутлеръ въ своихъ «Проповѣдяхъ» является оригинальнымъ по отношенію къ этическимъ ученіямъ. Основаніемъ этики онъ признаетъ психологію. Такимъ образомъ по методу онъ близокъ не къ Кудворту и Кларку, а къ Шафтсбюри и Гётчесону. Ученіе Шафтсбюри очевидно повліяло на его взгляды на человѣческую природу. Онъ признаетъ существованіе у человѣка чувствъ и страстей, самолюбія и неэгоистическаго доброжелательства; но выше всѣхъ ихъ стоитъ и имѣетъ всѣ права на управленіе всѣми ими, хотя и не всегда имѣетъ соотвѣтствующую этому праву силу, принципъ размышленія или сознаніе. Заимствуя у стоиковъ положеніе, что добродѣтель состоитъ въ «слѣдованіи природѣ», Бутлеръ утверждаетъ, что слѣдовать природѣ значитъ повиноваться не страстямъ и не «хо-

лодному самолюбію», а сознанію. Въ исторіи этики Бутлеръ имѣетъ значеніе вслѣдствіе его утвержденія, что въ числѣ мотивовъ человѣческой природы нѣкоторые неэгоистичны и направлены прямо на благо другихъ, а не происходятъ отъ самолюбія въ болѣе или менѣе видоизмѣненной его формѣ. До нѣкоторой степени всѣ моралисты, утверждавшіе, что существуютъ первичные доброжелательные мотивы, имѣли въ виду противоположныя утвержденія Гоббса.

О Юмѣ (родился въ 1711 году) будетъ удобнѣе болѣе подробно говорить въ слѣдующей главѣ. Тѣ сочиненія, которымъ онъ былъ обязанъ своимъ вліяніемъ на его современниковъ, не относятся къ этому періоду. Но его «Трактатъ о человѣческой природѣ» былъ изданъ въ 1739—40 году и въ настоящее время критика признаетъ это сочиненіе самымъ замѣчательнымъ изъ его произведеній по содержанію, хотя и не по стилю. Онъ доводитъ критицизмъ Локка и Берклея до полнаго отрицанія всѣхъ метафизическихъ идей о «субстанціи». Духъ также, какъ и матерія, могутъ быть разложены въ отдѣльныя воспріятія (перпепціи). Понятіе о невещественной субстанціи, объединяющей всѣ воспріятія, настолько же не имѣетъ смысла, какъ и понятіе о вещественномъ субстратѣ. Такимъ образомъ Юмъ далъ развитіе феноменалистической, а не онтологической сторонѣ ученія Берклея и доставилъ этой сторонѣ прочное вліяніе на европейское мышленіе.

Наука.

Исторія науки восемнадцатаго столѣтія представляетъ отчетъ о детальныхъ изслѣдованіяхъ, занимающихъ мѣсто между двумя періодами великихъ обобщеній. Было открыто множество научныхъ законовъ и появились новыя отрасли науки, вродѣ химіи, но не было новыхъ обобщеній, которыя можно бы было сравнить съ обобщеніями, прославившими семнадцатый вѣкъ; къ обобщеніямъ же девятнадцатаго столѣтія наука еще не была готова.

Математика.

Въ числѣ послѣдователей Ньютона къ этому періоду относятся два математика: Брукъ Тайлоръ (1685—1731) и Колинъ Маклоренъ (1698—1746). Тайлоръ въ своемъ Methodus Incrementorum Directa et Inversa (1715) прибавилъ къ высшей математикѣ новый отдѣлъ, теперь называемый «исчисленіемъ конечныхъ разностей». Въ этомъ сочиненіи находится формула, называемая «теоремой Тайлора», имѣющая существенное значеніе въ дифференціальномъ исчисленіи. Тайлору же мы обязаны математическо-механическимъ рѣшеніемъ проблемы, изслѣдованіемъ которой занимался уже на основаніи правильныхъ принциповъ Гукъ. Маклоренъ, именемъ котораго также названа одна знаменитая теорема, сдѣлался профессоромъ математики въ Эдинбургѣ въ 1725 году по рекомендаціи Ньютона. Въ 1719 году онъ изданъ Geometria organica, sive descriptio linearum curvarum universalis. Его статья о толчкѣ тѣлъ (о перкуссіи) получила въ 1724 году премію французской академіи наукъ. Въ 1740

году онъ вмѣстѣ съ Эйлеромъ и Даніэлемъ Бернулльи получилъ премію французской академіи за статью о приливахъ и отливахъ моря. Нападеніе Берклея на основанія дифференціальнаго исчисленія въ Analist вызвало сочиненіе Маклорена: «Трактатъ о флюксіяхъ» (1742). Маклоренъ пытался изложить весь процессъ въ ясныхъ геометрическихъ доказательствахъ по методу древнихъ, и для этого слѣдовалъ методу Ньютона, разсматривая флюксіи, какъ скорости. Въ этомъ трактатѣ Маклоренъ первый далъ правильный методъ различія между maxima и minima. Послѣ его смерти былъ изданъ его отчетъ объ открытіяхъ Ньютона (1748).

Химія и электрологія.

Ни химія, ни электрологія еще не были установлены, какъ независимыя научныя дисциплины; но были накоплены наблюденія и уяснены понятія. Терминъ «электричество» былъ введенъ Жильбертомъ; онъ примѣнялъ этотъ терминъ для обозначенія свойства нѣкоторыхъ тѣлъ, вродѣ янтаря, при трѣніи притягивать или отталкивать легкія вещества. Его дѣятельность въ области электричества состояла въ провѣркѣ и расширеніи наблюденій древнихъ. Бойль въ разсужденіи объ электричествѣ 1676 года прибавилъ новые факты. Ньютонъ тоже сдѣлалъ нѣсколько новыхъ опытовъ и ввелъ усовершенствованные аппараты. Фрэнсизъ Гауксби въ 1705 году сообщилъ Королевскому Обществу опыты о происхожденіи свѣта при дѣйствіи электричества. Валль (1708) сравнивалъ искру и трескъ, сопровождавшіе притяженіе янтаремъ, съ громомъ и молніей. Но къ настоящему періоду относится, собственно говоря, Стефенъ Грэй (1696—1736), открывшій въ 1729 году, что нѣкоторыя тѣла обладаютъ свойствомъ проводить электричество, а другія нѣтъ. Онъ повторилъ и видоизмѣнилъ опыты своего современника Дюфэ, различавшаго «стеклянное» электричество отъ «каучуковаго» или, какъ назвали позже, положительное отъ отрицательнаго. Такъ же какъ Гауксби и Валль онъ признавалъ подобіе между искуственными электрическими явленіями и громомъ и молніей

Дѣятельность Бойля въ области химіи, относительно ея теоріи, была чисто отрицательной, но она имѣла большое значеніе. Его сочиненіе Sceptical Chemist (1661) много способствовало ниспроверженію того, что называли ятро-химіей, послѣдняго изъ псевдонаучныхъ ученій, предшествовавшихъ созданію науки. Въ концѣ семнадцатаго и въ началѣ восемнадцатаго столѣтія два химика, Бехеръ и Сталь, создали теорію, главное положеніе которой состояло въ томъ, будто при сгараніи тѣла выдѣляютъ субстанцію, именуемую флогистономъ. Эта теорія, несмотря на ея ложность, въ теченіи нѣкотораго времени сказала ту услугу, что она объединяла наблюденія, и она была принята и въ Англіи. Нѣкоторые изъ опытовъ Бойля подготовили путь для ея позднѣйшаго опроверженія. Гукъ въ 1665 году былъ предшественникомъ Лавуазье въ открытіи кислорода, въ

концѣ восемнадцатаго вѣка совершенно устранившемъ теорію флогистона. Ньютонъ въ «Оптикѣ» (1704) говорилъ о природѣ и способѣ образованія газовъ. Стефенъ Гальсъ (1677 –1761) въ Statical Essays (1727—1733) сообщилъ результаты своихъ наблюденій надъ газами. Онъ считалъ атмосферу «хаосомъ», состоящимъ изъ воздушныхъ частицъ, частію упругихъ, частію же неупругихъ. Онъ доказывалъ, что «воздухъ» можно получить дистиллированіемъ различныхъ веществъ; но онъ не изслѣдовалъ свойствъ различныхъ газовъ. Можно сказать, что до слѣдующаго періода въ химіи не пошли далѣе случайныхъ наблюденій.

Медицина

Дарси Поуэра.

При воцареніи въ Англіи Гановерскаго дома медицина, какъ наука, находилась на самомъ низкомъ уровнѣ развитія. Было много практическихъ врачей, но они отличались больше своимъ богатствомъ, своимъ литературнымъ развитіемъ или своими странностями, а не научными открытіями. Радклиффъ и Мидъ, два медицинскихъ свѣтила того времени, сильно отличались одинъ отъ другого. Радклиффъ составилъ практикой большое состояніе. Воспоминаніе о немъ сохранилось благодаря его щедрымъ пожертвованіямъ и прекраснымъ зданіямъ въ Оксфордѣ. Мидъ велъ блестящій образъ жизни и меценатствовалъ. Онъ умеръ сравнительно небогатымъ человѣкомъ и его великолѣпная библіотека была продана. Гартъ, поэтъ, хоронившій Драйдена, остроумецъ Арбутнотъ и историкъ медицины Фрейндъ были собратьями Мида по профессіи и близкими его знакомыми. Но сама медицина еще не существовала. Ея методы и изложеніе были одинаково ошибочны. Ее стѣсняла безграничная вѣра въ авторитеты и она не освободилась еще изъ оковъ гуморальной патологіи. Астрологія еще продолжала существовать и даже Мидъ въ 1704 году издалъ латинскій трактатъ: «О вліяніи солнца и луны на человѣческое тѣло и о производимыхъ ими болѣзняхъ», въ 1748 году онъ издалъ англійскій переводъ этого трактата.

Медицина, какъ профессія.

Хирурги были еще въ худшемъ положеніи, чѣмъ медики. Они составляли подчиненную корпорацію практиковъ и ихъ практика сильно стѣснялась коллегіей врачей. Хирургъ не имѣлъ права лѣчить внутреннихъ болѣзней, ему не позволялось дѣлать важныхъ операцій безъ присутствія врача. Соединенное общество цирюльниковъ—хирурговъ имѣло монополію разрѣшать хирургамъ практиковать въ Лондонѣ и на разстояніи семи миль отъ Сити. Но общество не могло

пользоваться этой монополіей, такъ какъ послѣ прекращенія войны было множество неимѣвшихъ занятій полковыхъ хирурговъ, никогда не бывшихъ учениками членовъ общества цирюльниковъ—хирурговъ и никогда не пользовавшихся ихъ привиллегіями. Потому по закону они не имѣли права практиковать. Тѣмъ не менѣе они практиковали и когда общество пыталось отстаивать свои привиллегіи, то часто оказывалось, что у хирурговъ были такіе могущественные покровители, что обществу было невозможно доводить дѣло до крайности.

Аптекаря составляли тоже отдѣльную группу практиковъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ соотвѣтствующую теперешнимъ фельдшерамъ. Они составляли многочисленную, могущественную и энергичную корпорацію, постоянно ссорившуюся съ коллегіей врачей и часто державшую ихъ впроголодь, такъ какъ аптекаря отказывались призывать врачей на консультаціи и такимъ образомъ лишали ихъ средствъ существованія.

Народная масса въ эту эпоху была, повидимому, до чрезвычайности легковѣрной. Невѣжественные низшіе классы и даже болѣе интеллигентные и лучше образованные средніе классы вѣрили всему, что напечатано. Примѣромъ такого простодушнаго довѣрія можетъ служить дѣло Маріи Тофтъ въ 1727 году, когда весь Лондонъ спорилъ о томъ, родила или не родила кроликовъ бѣдная истеричка, жившая въ Годальмингѣ. Этотъ случай увѣковѣченъ Гогартомъ въ двухъ гравюрахъ, изъ которыхъ одна озаглавлена: Легковѣріе, Суевѣріе и Фанатизмъ.

Медицинская благотворительность.

И однако первые годы восемнадцатаго столѣтія не были абсолютно плохими. Въ это время мы видимъ развитіе филантропическихъ стремленій, принесшихъ пользу бѣднымъ больнымъ въ Англіи. Въ Лондонѣ филантропическое движеніе проявилось устройствомъ общихъ госпиталей Гюи и Вестминстерскаго, а въ провинціи устройствомъ больницъ, учрежденныхъ сначала только для больныхъ и нуждающихся, а потомъ во многихъ случаяхъ сдѣлавшихся центрами развитія медицинской науки. Госпиталь Гюи былъ открытъ 6 января 1725 года «для лѣченья медикаментами или хирургіей такихъ больныхъ, болѣзнь коихъ такъ сильна, что ее считаютъ неизлѣчимой». Госпиталь былъ воздвигнутъ по близости госпиталя св. Ѳомы и частію на его землѣ. Онъ скоро сталъ знаменитымъ и долго считался однимъ изъ лучшихъ въ Англіи. Происхожденіе Вестминстерскаго госпиталя болѣе скромно. Онъ былъ основанъ около 1719 года какъ амбулаторія и постепенно превратился сначала въ общую больницу, а потомъ въ медицинскую школу. Онъ былъ основанъ компаніей благотворителей, которые раньше сообща заботились о лѣченіи больныхъ арестантовъ въ Ньюгэтѣ и другихъ столичныхъ тюрьмахъ.

Обученіе медицинѣ.

Можно сказать, что современная медицина ведетъ свое начало съ 1720 года. Она началась, само собой, измѣненіемъ методовъ обуче-

нія. Въ Лондонѣ не могло быть частныхъ учителей медицины до тѣхъ поръ, пока Общество цирюльниковъ—хирурговъ сохраняло свою монополію обученія анатоміи и хирургіи, дарованную ему парламентскимъ актомъ 24 іюля 1540 года. Этотъ актъ гласилъ: «Старшины (мастера) или правители мистеріи и сообщества лондонскихъ цирюльниковъ и хирурговъ и ихъ наслѣдники навсегда получаютъ право по ихъ волѣ и желанію брать безпрятственно четырехъ осужденныхъ и казненныхъ за фелонію по надлежащимъ королевскимъ законамъ сего государства и вскрывать сіи мертвыя тѣла для дальнѣйшаго и лучшаго знанія, поученія, обученія и опыта въ сказанной наукѣ хирургіи».

Дарованное этимъ актомъ право столь ревниво охранялось, что въ 1714 году Чесельденъ, хирургъ госпиталя св. Ѳомы, начавшій читать лекціи въ 1711 году, былъ вызванъ въ Общество по обвиненію въ томъ, «что онъ часто добывалъ мертвыя тѣла преступниковъ съ мѣста ихъ казни и вскрывалъ ихъ у себя дома». Онъ обѣщалъ «исправиться и былъ оправданъ, но съ выговоромъ за сіе, объявленнымъ по желанію суда старшиной. Несомнѣнно, что менѣе вліятельный, чѣмъ Чесельденъ, человѣкъ былъ бы оштрафованъ. Лекціи Чесельдена принесли, однако, много пользы; около 1730 года Эдуардъ Ноурзъ, хирургъ госпиталя св. Варфоломея, началъ читать лекціи анатоміи въ своемъ лондонскомъ домѣ въ улицѣ Альдерсгэтъ и его ученикъ Персиваль Поттъ былъ у него ассистентомъ. Поттъ, слѣдуя примѣру своего учителя, началъ читать лекціи о хирургіи въ своемъ домѣ въ Уотлингъ-Стритъ въ 1747 году. Около того же времени въ разныхъ частяхъ Лондона читали публичныя лекціи Шарпъ, Бромфильдъ и Никольсъ. Гунтеръ посѣщалъ эти лекціи и онѣ положили основаніе нашимъ современнымъ знаніямъ въ медицинѣ.

Общественное здравіе.

Состояніе общественнаго здравія въ первую половину восемнадцатаго вѣка въ цѣломъ было удовлетворительно. Эпидемій чумы не было послѣ 1665 года, хотя отдѣльные случаи лихорадки съ бубонами и были обычными въ Англіи до средины слѣдующаго вѣка. Мѣсто чумы заняли разнообразныя эпидеміи. Оспа, тифъ, инфлюэнца, эпидеміи горячекъ, дизинтеріи, діарреи и возвратной горячки свирѣпствовали и уносили множество жертвъ и въ городахъ и въ деревняхъ. Матеріальное положенія англійскаго народа значительно улучшилось вслѣдствіе урожаевъ, низкихъ цѣнъ и сильнаго вывоза зерна начиная съ 1715 до 1765 года. Потому смертность должна была быть меньшей, чѣмъ раньше, хотя большинство продолжало умирать отъ такихъ болѣзней, которыя мы теперь называемъ излѣчимыми; увеличеніе благосостоянія повело даже къ увеличенію заболѣваемости. Привычки народа были до крайности грубы и большее благосостояніе вело къ большимъ излишествамъ. Пьянство, замѣчаетъ Крейгтонъ въ своей «Исторіи эпидемій въ Британіи» было столь

распространеннымъ, что 19 января 1726 года коллегія врачей сдѣлала по поводу этого представленіе палатѣ общинъ чрезъ одного изъ своихъ членовъ Фрейнда, бывшаго представителемъ Лаунцестона. Фильдингъ говоритъ, что сто тысячъ человѣкъ въ Англіи живутъ насчетъ пьяницъ. Въ то время на человѣка потреблялось въ годъ шесть галлоновъ спирта, тогда какъ теперь потребляется только одинъ галлонъ на человѣка.

Годы 1718—19, 1727—29 и 1740—42 отличались особенно сильными эпидемическими лихорадками въ Англіи, Шотландіи и Ирландіи. Ирландія сильно страдала отъ голода и дизинтеріи въ 1740—41 годахъ и въ теченіи болѣе ста лѣтъ съ этого времени она никогда не была свободной отъ худшихъ формъ голоднаго тифа.

Оспа и оспопрививаніе.

Главнымъ явленіемъ въ этомъ періодѣ была оспа и ея неудачное лѣченіе. Оспа издавна была въ Англіи эпидемической болѣзнью, но особенно распространенной она стала съ времени Іакова I. Въ то время она была неопасной болѣзнью и ее считали особенно легкой у дѣтей. Смертность отъ этой болѣзни сильно увеличилась послѣ реставраціи, но мы не имѣемъ средствъ для опредѣленія, обусловливалось ли это увеличеніемъ ея силы или измѣненіемъ способа лѣченья; несомнѣнно одно, что съ этого времени появляются частыя эпидеміи оспы и очень немногіе остались непострадавшими отъ нея. Особенно сильныя эпидеміи были въ 1710 и 1719 годахъ. Въ одномъ Лондонѣ въ 1710 году отъ оспы умерло 3,138 человѣкъ, въ другихъ частяхъ страны эпидемія была не менѣе сильной. Гиркъ въ своемъ дневникѣ указываетъ неоднократно на опустошеніе, произведенное оспой въ Оксфордѣ. Эпидемія 1719 года была еще болѣе смертоносной; изъ общаго числа 28,347 смертныхъ случаемъ въ Лондонѣ отъ оспы было не меньше 3,229 смертей. Болѣзнь столь легко узнаваема, что, вѣроятно, эти цифры приблизительно вѣрны. Такія страшныя эпидеміи естественно возбуждали вниманіе и дѣлались попытки уменьшить роковыя послѣдствія болѣзни. Вудвардъ, Грешамскій профессоръ, въ 1714 году прочиталъ въ Королевскомъ Обществѣ сообщеніе Эмануила Тимоніуса отъ декабря 1713 года изъ Константинополя. Тимоніусъ сообщалъ о лѣченіи оспы прививаніемъ, «какъ въ теченіе нѣкотораго времени практикуется въ Константинополѣ». Любопытное содержаніе сообщенія заставило Ганса Слоана сдѣлать дальнѣйшія изслѣдованія относительно этого метода. Отчеты, полученные изъ Смирны, были удовлетворительны; но только весной 1721 года англійскіе врачи начали дѣлать опыты прививокъ, хотя въ Новой Англіи методъ былъ принятъ при большой эпидеміи 1721 года въ Бостонѣ. Заслуга практическаго введенія оспопрививанія принадлежитъ лэди Мэри Уортлей Монтэгю, мужъ которой былъ посланникомъ въ Константинополѣ. Въ мартѣ 1717 года она привила оспу своему пятилѣтнему сыну. Результатъ былъ прекра-

сный, такъ какъ у ребенка была легкая форма. Принцесса Уэльская, съ которой лэди Мэри была въ дружескихъ отношеніяхъ, взялась за это дѣло. Были сдѣланы предварительные опыты надъ тремя мужчинами и тремя женщинами, преступниками, приговоренными къ смертной казни и помилованными на томъ условіи, чтобы они подверглись оспопрививанію; потомъ сдѣланы опыты надъ шестью дѣтьми, призрѣваемыми приходомъ св. Іакова и потомъ еще надъ пятью дѣтьми въ госпиталяхъ. Результаты опытовъ были такъ удовлетворительны, что въ апрѣлѣ 1722 года старшій хирургъ Аміандъ, дѣйствуя по указанію Ганса Слоана, привилъ оспу принцессѣ Амеліи одиннадцати лѣтъ, и девятилѣтней принцессѣ Каролинѣ, дочерямъ принца Уэльскаго. Успѣшный исходъ этихъ операцій повелъ къ распространенію оспопрививанія, хотя въ общее употребленіе оно вошло только около 1740 года. Обязательнымъ же оно было признано только въ 1853 году.

Военные врачи.

Намъ очень мало извѣстно о положеніи военныхъ врачей во время кампаній Марльборо; свидѣтельство очевидца мы имѣемъ только съ того времени, какъ старшій хирургъ Ранби сопровождалъ короля въ кампаніи, закончившейся битвой при Деттингенѣ. Положеніе военныхъ врачей въ началѣ столѣтія было, вѣроятно, немногимъ лучше того, какимъ оно было во времена Джона Вудваля, когда «если помощникъ хирурга не можетъ дѣлать перевязки, то это долженъ дѣлать корабельный цирюльникъ». Списокъ инструментовъ, необходимыхъ для помощника хирурга, доказываетъ, что онъ долженъ былъ быть цирюльникомъ и мозольнымъ операторомъ; онъ былъ обязанъ дѣлать и разныя черныя работы, такъ какъ въ числѣ его орудій мы встрѣчаемъ и «уховертку». Плату онъ получалъ хорошую; хирургъ на большихъ корабляхъ перваго и второго ранга получалъ 17 фунтовъ 10 шил., а на корабляхъ пятаго ранга, обыкновенно называемыхъ «щепками льва» (Lyons whelpes) по 6 фунтовъ, кромѣ разныхъ добавленій.

Классическое образованіе въ Англіи 1570—1742.

Сандиса.

Первый періодъ. 1485—1570.

Смерть величайшаго изъ классическихъ ученыхъ Англіи въ послѣдній годъ описываемаго въ этой главѣ періода даетъ намъ поводъ для ретроспективнаго обзора исторіи классическаго образованія въ Англіи. До возрожденія наиболѣе видными представителями классическаго образованія въ Англіи были Беде и Алькуинъ, Джонъ Салисбюрійскій и Гростетъ, епископъ линкольнскій. Послѣдующая исторія классическаго образованія до смерти Бентлея (1742) распадается на три періода, при-

чемъ самымъ знаменитымъ классикомъ третьяго періода былъ Бентлей. Въ первомъ періодѣ отъ 1485 до 1570 года можно указать на Линакра и Эразма, Ашама и Буханана, какъ на представителей той подражательной и изящной классической учености, которая характеризуетъ итальянскихъ ученыхъ пятнадцатаго и шестнадцатаго вѣка. Объ этотъ періодѣ было достаточно сказано въ третьемъ томѣ этого сочиненія.

Второй періодъ. 1570—1700.

Второй періодъ, составляющій предметъ нашего ретроспективнаго обзора, занимаетъ время отъ послѣдней четверти шестнадцатаго вѣка до конца семнадцатаго. Въ отличіе отъ перваго «итальянскаго» періода, онъ характеризуется главнымъ образомъ разностороннимъ знакомствомъ съ содержаніемъ классиковъ и скорѣе старательной эрудиціей, чѣмъ спеціальнымъ изученіемъ формъ классическихъ языковъ. Представителями этого періода были: въ Германіи Грутеръ и Спангеймъ, въ Италіи Фабретти, въ Голландіи Липсіусъ, Гроцій, Жерардъ Джонъ Фоссъ и его три сына, Даніэль Гейнзіусъ и его сынъ Николай, а также Сальмазій и Грэвіусъ; во Франціи Скалигеръ, Казобонъ, Монфоконъ и многіе другіе. Значеніе французскихъ представителей этого періода заставляетъ многихъ называть этотъ періодъ «французскимъ». Представителями его въ Англіи были многіе французы; помимо той связи, которую въ этомъ вѣкѣ Англія имѣла съ Салмазіемъ, вслѣдствіе извѣстной его полемики съ Мильтономъ, англичане были связаны съ многими изъ вышеупомянутыхъ ученыхъ узами симпатіи и гостепріимства [1]).

Грутеръ 1560—1627. Скалигеръ. 1540—1609. Казобонъ. 1559—1614.

Янусъ Грутеръ родился въ Антверпенѣ, былъ сыномъ бургомистра этого города, но первыя свои свѣдѣнія въ латинскомъ языкѣ онъ получилъ отъ матери, образованной англичанки. Получивъ образованіе въ Норвичской грамматической школѣ, онъ въ 1577 году сдѣлался членомъ коллегіи Гонвиля и Гая. Онъ началъ свои изученія въ кембриджскомъ университетѣ, продолжалъ ихъ въ лейденскомъ университетѣ, и потомъ съ 1592 до 1627 года жилъ въ Гейдельбергѣ, гдѣ сдѣлалъ множество изданій классическихъ авторовъ, уступавшихъ, однако, по своей извѣстности собранію греческихъ и римскихъ надписей, изданному имъ въ 1602 году при помощи Скалигера. Самъ Скалигеръ, обучавшійся у своего отца, былъ извѣстенъ по силѣ своей латинской прозы и по своему умѣнью владѣть

---

[1] Кромѣ Грутера, Скалигера и Казобона Жераръ Джонъ Фоссъ (1577—1649) и его сынъ Исаакъ посѣтили Англію въ 1607 и 1629 гг.; оба они получили церковныя должности въ Англіи и почетныя степени въ Оксфордѣ. Спангеймъ (1629—1710) провелъ послѣдніе восемь или девять лѣтъ своей жизни въ Лондонѣ въ качествѣ посланника Пруссіи, въ старости переписывался съ Бентлеемъ и подарилъ ему свой портретъ, еще и теперь сохраняющійся въ Магистерской ложѣ въ коллегіи Троицы въ Кембриджѣ.

метромъ; но раньше онъ уже получилъ извѣстность, какъ превосходный критикъ текстовъ; изданіемъ своихъ трактатовъ De Emendatione Temporum въ 1583 году и Thesaurus Temporum въ 1608-мъ онъ прославился какъ творецъ хронологіи, какъ науки, и какъ родоначальникъ исторической критики. Послѣ путешествія по Италіи вмѣстѣ съ Муретусомъ, онъ въ 1566 году посѣтилъ Эдинбургъ, Оксфордъ и Кембриджъ; въ послѣдній періодъ его жизни, когда онъ былъ профессоромъ въ Лейденѣ, (1593—1609) онъ переписывался съ Камденомъ [1]). Скалигеръ обладалъ счастливой комбинаціей вкуса и эрудиціи. Казобонъ по эрудиціи уступалъ только одному Скалигеру, но не имѣлъ претензій на обладаніе такимъ тонкимъ вкусомъ; онъ могъ разсчитывать быть его наслѣдникомъ въ Лейденѣ. Но вмѣсто этого онъ получилъ отъ архіепископа Банкрофта приглашеніе пріѣхать въ Англію и провелъ тамъ послѣдніе годы своей жизни (1610—14) въ должности пребендарія въ Кентербюри. Онъ былъ въ милости у короля Іакова I. Онъ издалъ Страбона, Поліэна, Аристотеля, Теофраста, Діогена Лаерція, Светонія, Атенея, Персія и Scriptores Historiae Augustae. Но потомъ «ученость перестала занимать его, хотя иногда онъ со вздохомъ сожалѣнія вспоминалъ о своемъ неоконченномъ Полибіи» [2]). Онъ посвятилъ почти все свое время опроверженію Баронія, причемъ онъ не имѣлъ рѣшительнаго успѣха, хотя и пользовался «полнымъ отсутствіемъ знанія греческаго языка и вообще классическаго образованія» своего противника [3]). За четыре года до своего прибытія въ Англію Казобонъ переписывался съ Генрихомъ Савилемъ, бывшимъ тогда старшиной (provost) Этона и ректоромъ (warden) коллегіи Мертона; въ 1613 году Савиль сопровождалъ его въ Оксфордъ, гдѣ онъ провелъ не мало часовъ среди сокровищъ Бодлеянской библіотеки. Но характеры этихъ двухъ знаменитыхъ ученыхъ были слишкомъ различны, чтобы они были близкими друзьми. «Казобонъ былъ человѣкъ незначительный съ виду, чрезвычайно скромный, но при этомъ дѣйствительно знающій, очень точный въ томъ, что онъ зналъ и высказывающій гораздо меньше того, что онъ зналъ; а сэръ Генрихъ былъ щедрымъ покровителемъ учености, посвятившимъ свое состояніе ея распространенію, изящнымъ по виду и манерамъ, съ придворной тонкой рѣчью, но не свободнымъ отъ болтовни и хвастовства, характеризующихъ вообще придворныхъ Іакова и Карла» [4]). Савиль вѣроятно былъ самымъ ученымъ изъ англичанъ того времени въ области древней литературы. Въ 1581 году онъ издалъ переводъ

---

[1]) Essays—Паттисона.
[2]) Life of Casaubon—Паттисона,
[3]) Ibid.
[4]) Ibid.

части Тацита [1]), его Commentaries an Roman Warfare (1598) были первымъ вкладомъ Англіи въ литературу о классическихъ древностяхъ; оба эти сочиненія были признаны выдающимися и заграницей; въ 1612 году онъ тратилъ свое состояніе на устройство типографіи въ Этонѣ, на снабженіе ея наборщиками и шрифтомъ изъ Голландіи для великолѣпнаго изданія Ивана Богослова. Въ числѣ людей, помогавшихъ ему въ этомъ дѣлѣ, былъ Андрью Доунесъ (1550—1627), бывшій въ теченіе сорока лѣтъ профессоромъ греческаго языка въ Кембриджѣ, «лучшій грекологъ въ христіанствѣ, хотя не грекъ по происхожденію [2]).

Переводы классиковъ.

Изъ переводовъ классическихъ авторовъ имѣлъ особое значеніе переводъ Плутарха сэромъ Томасомъ Нортомъ (1579); этотъ переводъ далъ Шекспиру матеріалъ для его Юлія Цезаря, Антонія и Коріолана. Хорошій переводъ Гомера былъ сдѣланъ Георгомъ Чапманомъ (1557—1634) изъ коллегіи Троицы въ Оксфордѣ, другомъ Шекспира и Спенсера; а его современникъ Филемонъ Голландъ (1551—1636) членъ коллегіи Троицы въ Кембриджѣ, за его переводы Ливія (1600), Плинія (1601), «Moralia» Плутарха, Светонія и Амміана Марцелина, получилъ прозвище главнаго переводчика (Translator-General).

Гатакеръ. 1574—1654.

Первый латинскій переводъ «Этики» Аристотеля, напечатанный въ Англіи, былъ изданъ въ Оксфордѣ въ 1479 году; первымъ англійскимъ изданіемъ классическаго автора было изданіе Пинсономъ Теренція въ 1497 году, первымъ комментаріемъ классическаго произведенія въ Англіи было ученое изданіе Марка Аврелія Антонина Томасомъ Гатакеромъ, изъ коллегіи св. Іоанна, въ 1652 году. Въ его Adversaria, изданныхъ въ 1659 году, мы встрѣчаемъ нѣсколько цѣнныхъ указаній относительно классическаго образованія, доказывающихъ его начитанность.

Сельденъ.

Ученый Сельденъ, бывшій на десять лѣтъ моложе Гатакера, но умершій въ томъ же году, лучше извѣстенъ какъ юристъ; въ его Marmora Arundeliana (1629) онъ далъ первое изданіе важнаго греческаго хронологическаго памятника, называемаго Marmor Parium и находящагося теперь въ Оксфордѣ.

Мильтонъ 1608—1674.

Куратъ Гатакера Томасъ Юнгъ былъ туторомъ Мильтона въ его юности; онъ былъ однимъ изъ пяти авторовъ «Smectymnuus». О классическомъ образованіи поэта мы можемъ узнать изъ автобіографической части его «Апологіи», гдѣ онъ разсказываетъ о своихъ занятіяхъ въ Оксфордѣ, когда онъ «не былъ несвѣдущимъ относительно тѣхъ авторовъ, коихъ наиболѣе рекомендуютъ, относительно серьезныхъ ораторовъ и историковъ, мягкихъ элегическихъ поэтовъ

---

[1]) Поправка Intemelio (вмѣсто in templo) въ Agricola принадлежитъ Савилю.

[2]) Life of Sir Simonds D'Ewes.

и божественныхъ Платона и Ксенофона». Въ теченіи пяти лѣтъ его уединенія въ Гортонѣ онъ наслаждается «полнымъ праздникомъ, перечитывая латинскихъ и греческихъ авторовъ»; въ его трактатѣ о «Воспитаніи» онъ рекомендуетъ своему идеальному студенту начать съ Плутарха и «другихъ сократическихъ разсужденій», послѣ того «перейти къ писателямъ о земледѣліи, къ Катону, Варрону и Колумеллѣ». «Когда грамматическія трудности вскорѣ будутъ преодолѣны, то предъ нимъ будетъ открыта вся историческая физіологія Аристотеля и Теофраста... онъ будетъ также имѣть доступъ къ Витрувію, къ «Естественнымъ вопросамъ» Сенеки, къ Мелѣ, Цельзу, Плинію и Солинусу... и тогда тѣ поэты, которыхъ считаютъ трудными, будутъ легкими и пріятными, какъ то Орфей, Гезіодъ, Теокритъ, Аратъ, Никандръ, Оппіанъ, Діонисій, а изъ латинскихъ Лукрецій, Манилій и сельская часть Виргилія». «Потомъ его юная и гибкая любовь привлечетъ его ко всѣмъ моральнымъ произведеніямъ Платона, Ксенофона, Цицерона, Плутарха, Лаэрція и къ Локрійскимъ фрагментамъ... къ трагедіямъ, трактующимъ о хозяйственныхъ дѣлахъ, какъ то Trachimae, Alcestis и тому подобнымъ къ возвышеннымъ остаткамъ изъ греческихъ законодателей, Ликургу, Солону, Залевку, Харондасу, и потомъ ко всѣмъ римскимъ эдиктамъ и таблицамъ до Юстиніана»... Далѣе пойдутъ «избранныя исторіи, героическія поэмы и аттическія трагедіи съ возвышеннымъ и истинно царственнымъ содержаніемъ и всѣ знаменитыя политическія рѣчи»... Нужно также, «насколько сіе полезно», изучать логику «при посредствѣ изящной и изукрашенной риторики, изучаемой по правиламъ Платона, Аристотеля, Фалерея, Цицерона, Гермогена, Лонгина» и наконецъ студентъ переходитъ къ искусству поэзіи по «Поэтикѣ» Аристотеля и по Горацію».

Списокъ авторовъ, въ дѣйствительно употребляемыхъ Мильтономъ при обученіи его учениковъ, не менѣе замѣчателенъ по своей полнотѣ [1]).

Существуютъ списки Арата, Ликофрона, Эврипида и Пиндара, сдѣланые Мильтономъ, съ замѣтками на поляхъ, доказывающими его критическое искусство; результатомъ его чтеній былъ и тотъ классическій духъ, который такъ замѣтенъ въ его поэмахъ. Слѣдуетъ также упомянуть и о его изящныхъ стихотворныхъ переводахъ латинскихъ элегій въ его молодости и о признаніи его учености республикой, назначившей его латинскимъ секретаремъ—должность, которую онъ занималъ отъ 1649 до 1659 года.

Во время гражданской войны Джемсъ Дюпортъ (1606—79), профессоръ греческаго языка въ Кембриджѣ, продолжалъ спокойно свои лекціи о Теофрастѣ; онъ перевелъ книгу Іова, а также книгу Притчъ, Экклезіаста и Пѣснь Соломона, гомеровскимъ стихомъ; въ 1660 году

---

[1]) Milton—Тодда.

онъ издалъ Homeri Gnomologia. Въ томъ же году онъ не возобновилъ своихъ чтеній, а рекомендовалъ на свою кафедру своего ученика Исаака Барроу (1630—77). Но лекціи этого знаменитаго ученаго мало посѣщались. «Я сижу, какъ аттическая сова, изгнанная изъ сообщества другихъ птицъ» [1])—писалъ онъ. Въ 1663 году Томасъ Станлей (1625—78) сдѣлалъ свое знаменитое изданіе Эсхила съ многими неизданными раньше исправленіями, заимствованными имъ безъ указаній на источники у Казобона, Дората и Скалигера. Меликъ Казабонъ (1599—1671), сынъ знаменитаго ученаго, получилъ образованіе въ Этонѣ и Оксфордѣ и издалъ замѣтки о Персіи, Антонинѣ и Діогенѣ Лаэрціи. Исаакъ Фоссъ (1618—89), младшій сынъ Жерарда Джона Фосса изъ Лейдена, кончилъ свою жизнь въ Англіи въ званіи Виндзорскаго каноника (1673—89) и въ 1684 году издалъ въ Лондонѣ Катулла. Изъ англичанъ однимъ изъ лучшихъ ученыхъ былъ Джонъ Пирсонъ, магистръ коллегій Іисуса и Троицы въ Кембриджѣ, и потомъ епископъ Честерскій (1673).

Извѣстность его основана главнымъ образомъ на его «Изложеніи вѣры», но онъ извѣстенъ также и примѣчаніями къ Діогену Лаэрцію и какъ авторъ Vindiciae Ignatianae. О неоконченномъ его произведеніи о письмахъ Игнатія Вентлей говоритъ, что «даже пыль его сочиненій есть золото» [2]). Томасъ Гэль, профессоръ греческаго языка въ Кембриджѣ (1666), потомъ главный магистръ св. Павла (1672) и Іоркскій деканъ (1697), издалъ собраніе греческихъ мифилоговъ и въ числѣ другихъ сочиненій первое англійское изданіе De Mysteriis—Ямблиха. Въ тоже время въ Оксфордѣ Джонъ Гудсонъ (1660—1719), библіотекарь Бодлеянской библіотеки, приготовилъ изданія Фукидида и Іосифа. Томасъ Кричь (1651—1700) издалъ Лукреція (1695), изданіе, долго остававшееся популярнымъ благодаря ясности и краткости примѣчаній, сокращенныхъ главнымъ образомъ изъ примѣчаній Ламбинуса. Джонъ Поттеръ (1674—1747), воспитывавшійся въ той же школѣ, какъ и Бентлей, въ двадцатитрехлѣтнемъ возрастѣ издалъ «Ликофрона» и «Греческія древности». Послѣ онъ былъ епископомъ Оксфордскимъ (1715) и архіепископомъ Кентербюрійскимъ (1737—47) [3]). Вилльямъ Бакстеръ (1650—1723), главный магистръ школы Merchant Taylors и издатель Анакреона и Горація, издалъ подъ заглавіемъ De Analogia Seu arte Latinae Linguae Commentarius первую

---

[1]) Opuscula—Барроу.

[2]) „Dissertation on Phalaris"—Wagner. „Adversaria Hesychiana"—Пирсона были изданы Гайсфордомъ въ 1844 г. „Annales Cyprianici" появились въ изданіи Кипріана, сдѣланномъ въ 1682 г. Джономъ Феллемъ (1625—86), послѣ деканомъ Церкви Христовой и канцлеромъ и епископомъ Оксфорда.

[3]) Знаменитое изданіе Климента Александрійскаго Поттеромъ вышло въ 1715 г.

элементарную латинскую грамматику въ Англіи [1]). Переводъ Виргилія Драйденомъ и «Разсужденіе о древнихъ и новыхъ медаляхъ» Эвелина появились въ 1697 году. Кромѣ этихъ авторовъ можно упомянуть о Джонсуа Барнесѣ (1654—1712) профессорѣ греческаго языка въ Кембриджѣ (1695), издателѣ Эврипида (1694), Анакреона (1705) и Гомера (1711), признаваемомъ Бентлеемъ «человѣкомъ особенно трудолюбивымъ и очень начитаннымъ; о Генрихѣ Додуэллѣ (1641—1711), профессорѣ исторіи въ Оксфордѣ въ 1688 году, ученомъ авторѣ трактата по хронологіи De Cyclis Veterum (1701) и Annales Thucydidei et Xenophontei (1702). Профессоръ греческаго языка въ Кембриджѣ признавалъ «Письма Эврипида» подлинными, а профессоръ исторіи въ Оксфордѣ, составляя свой вышеупомянутый трактатъ De Cyclis Veterum, принялъ «Письма Фалариса» руководителемъ въ опредѣленіи нѣкоторыхъ хроноголическихъ вопросовъ. Ошибки обоихъ были исправлены Бентлеемъ при замѣчательной полемикѣ о «Письмахъ Фалариса».

Третій періодъ. Бентлей. 1662—1742.

Ричардъ Бентлей воспитывался въ Уэкфильдѣ, четырнадцати лѣтъ четырехъ мѣсяцевъ онъ уже поступилъ въ коллегію св. Іоанна въ Кембриджѣ. Его коллегія не могла избрать его своимъ членомъ, такъ какъ не было вакансій на два мѣста, предназначавшіяся для уроженцевъ Іоркшира, но назначила его главнымъ магистромъ Спальдинга (1682). Въ слѣдующемъ году онъ принялъ предложеніе бывшаго члена коллегіи св. Іоанна, декана св. Павла Стиллингфлита быть туторомъ его сына; въ библіотекѣ Стиллингфлита, одной изъ лучшихъ частныхъ библіотекъ въ Европѣ, Бентлей положилъ основаніе своей будущей извѣстности изученіемъ еврейскаго языка и критикой Новаго Завѣта, а въ особенности изслѣдованіями классической литературы. Въ 1689 году онъ поселился съ своимъ воспитанникомъ въ Вадгамской коллегіи въ Оксфордѣ, гдѣ получилъ постоянный доступъ къ сокровищамъ Бодлеянской библіотеки. Онъ задумалъ тамъ сдѣлать полное собраніе отрывковъ изъ греческихъ поэтовъ и изданіе всѣхъ греческихъ лексикографовъ. Но въ это время онъ издалъ только «Письмо къ Миллю» (1691), приложенное къ изданію Чайльмидомъ хроникера Джона Малеласъ изъ Антіохіи, сдѣланному подъ наблюденіемъ д-ра Милля съ предисловіемъ Гумфри Годи, автора ученаго сочиненія о переводѣ семидесяти толковниковъ. Бентлей подарилъ ученымъ первые плоды своего изученія аттическихъ драматурговъ и очень рано доказалъ свое пониманіе вопросовъ метра, указавъ на непрерывность анапеста. На девяносто восьми страницахъ онъ исправилъ или объяснялъ болѣе шестидесяти греческихъ и латинскихъ авторовъ. Это распространило его извѣ-

---

[1]) 1679 г. Извѣстное сочиненіе Томаса Руддимана (1677—1757), Grammaticae Litinae Institutiones вышло въ Эдинбургѣ въ 1725 г.

стность далеко за предѣлы Англіи; два изъ самыхъ передовыхъ ученыхъ того времени, Грэвій и Спангеймъ, привѣтствовали его, какъ «новую и блестящую звѣзду» англійской литературы [1]). Въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ читать первый курсъ по кафедрѣ Роберта Бойля. Въ связи съ доказательствами о существованіи разумнаго Провидѣнія, онъ первый популярно излагалъ открытія Ньютона («Principia» котораго были изданы только пять лѣтъ до этого времени). Въ томъ же 1692-мъ году Вилльямъ Темпль издалъ Essay on Ancient and Modern Learning, въ которомъ нападалъ на мнѣнія Перро (1687) и Фонтенелля (1688), утверждавшихъ, что новые авторы по геніальности превосходятъ самыхъ лучшихъ писателей древности. Приведемъ одно мѣсто изъ этого сочиненія, какъ самое важное для нашей цѣли: «Въ пользу древнихъ, можетъ быть, можно сказать еще и то, что старѣйшія книги еще и теперь лучшія въ своемъ родѣ. Два самые древніе изъ извѣстныхъ мнѣ прозаиковъ изъ числа тѣхъ, кого мы называемъ языческими авторами — это Езопъ (Басни) и Фаларисъ (Письма); оба они жили почти въ одно время, во время Кира и Пифагора. Всѣ вѣка признали перваго изъ нихъ величайшимъ мастеромъ своего рода и всѣ другіе были только подражателями этого оригинала; я полагаю, что въ «Письмахъ Фалариса» болѣе изящества, ума, силы и генія, чѣмъ во всѣхъ другихъ мнѣ извѣстныхъ, какъ древнихъ, такъ и новыхъ. Я знаю, что нѣкоторые ученые люди (или такіе, которые обыкновенно считаются таковыми) не признаютъ ихъ подлинными. Политіанъ и нѣкоторые другіе приписываютъ ихъ Лукіану; но, по моему мнѣнію, тѣ, которые не считаютъ ихъ оригинальными, проявляютъ мало искусства. Такое разнообразіе страстей, дѣйствій и событій жизни и управленія, такая свобода мысли и смѣлость выраженія, такая доброта къ друзьямъ и презрѣніе къ врагамъ, такое почтеніе къ ученымъ и уваженіе къ добрымъ, такое знаніе жизни и презрѣніе къ смерти, при такой горячности натуры и мстительной жестокости, могли быть изображены только человѣкомъ, обладавшимъ этими качествами. А я не считаю Лукіана способнымъ написать и сдѣлать то, что дѣлалъ Фаларисъ. Въ одномъ вы видите ученаго или софиста, а въ другомъ тирана и повелителя» [2]).

Другъ Бентлея, Вилльямъ Уоттонъ, изъ коллегіи св. Екатерины, занимался приготовленіемъ критическаго изслѣдованія сочиненія Темпля и издалъ его въ 1694 году подъ заглавіемъ Riflections upon Ancient and Modern Learning,—и Бентлей указалъ ему, что двѣ книги, признаваемыя Темплемъ за древнѣйшія и лучшія въ мірѣ, на самомъ дѣлѣ не древнія и не хорошія, что басни Езопа совсѣмъ не принад-

---

[1]) Life of Bentley—Монка.

[2]) Works—Темпля, изд. 1450 г.

лежатъ Езопу, а Письма Фалариса позднѣйшая поддѣлка. Въ это время благодаря панегерикамъ Темпля «Письма» сильно требовались, что побудило Альдриха, декана Церкви Христовой, уговорить молодого члена коллегіи, Карла Бойля, племянника учредителя кафедры Бойля, издать «Письма». Бойль написалъ своему книгопродавцу въ Лондонъ, прося его добыть списокъ манускрипта Фалариса въ библіотекѣ С. Джемса. Бентлей, услыхавъ о предполагаемомъ изданіи, сообщилъ книгопродавцу, что сочиненіе подложно и «не заслуживаетъ распространенія»; [1]) тѣмъ не менѣе, получивъ должность библіотекаря, онъ далъ книгопродавцу возможность получить списокъ книги. Списокъ не былъ сдѣланъ и книгопродавецъ, бывшій виновнымъ въ этомъ, свалилъ вину на Бентлея. Изданіе Бойля появилось въ началѣ 1695 года, причемъ въ предисловіи было сказано, что изъ ста тридцати семи писемъ, находящихся въ манускриптѣ въ Королевской библіотекѣ, cujus mihi copiam ulteriorem Bibliothecarius pro singuluri sua humanitate negavit, списано только сорокъ. Полемика теперь была неизбѣжной; для правильной оцѣнки ее слѣдуетъ помнить, что Бойль никогда не утверждалъ, что «Письма» подлинныя. Въ его предисловіи имѣется нѣсколько сильныхъ доказательствъ противнаго; но вопросъ для него остается открытымъ. Не Бойль, а Вилльямъ Темпль отвѣтственъ за мнѣніе, что авторомъ «Писемъ» былъ Фаларисъ. Потребовалось теперь второе изданіе «Размышленій» Уоттона и авторъ потребовалъ отъ Бентлея исполненія его обѣщанія написать приложеніе объ Езопѣ и Фаларисѣ. Это обѣщаніе и было исполнено въ 1697 году.

«Бентлей начинаетъ съ доказательствъ противъ хронологіи «Писемъ» и съ указанія на очевидные анахронизмы. Считая, что вѣкъ Фалариса былъ самое позднее около 550 года до Р. Х., онъ доказываетъ, что одинъ изъ городовъ Сициліи, Финтіа, упоминаемый въ «Письмахъ», былъ построенъ только триста лѣтъ спустя, а другой городъ Алеза основанъ на 140 лѣтъ позднѣе, что «чаши Териклея», подаренныя Фаларисомъ его врачу, ведутъ свое названіе отъ имени Коринфскаго горшечника, бывшаго современникомъ Аристофана, т. е. болѣе, чѣмъ на 120 лѣтъ позднѣе указанной выше даты. Потомъ въ «Письмахъ» говорится то о Занклѣ, то о Мессанѣ; тогда какъ Занкле и Мессана одинъ и тотъ же городъ и Занкле получила названіе Мессаны болѣе чѣмъ черезъ шестьдесятъ лѣтъ послѣ смерти тирана Агригентскаго; точно также въ нихъ говорится о Тавроменіумѣ; а это названіе дано сицилійскому городу Наксосу долго спустя послѣ времени Фалариса. Кромѣ того авторъ употребляетъ фразу: «искоренить, какъ сосну»—а эта фраза была употреблена Крезомъ, царствовавшимъ въ Лидіи черезъ много лѣтъ послѣ того, какъ Фа-

[1]) On Phalaris—Бентлея, изд. 1699 г.

ларисъ былъ убитъ въ Сициліи; другая его фраза: «слова суть тѣни дѣлъ», принадлежитъ Демокриту, жившему сто лѣтъ спустя. У автора видно также знакомство съ стихами Пиндара и Каллимаха, поэтовъ позднѣйшихъ вѣковъ; онъ не только цитируетъ одно мѣсто изъ Эврипида, но и упоминаетъ о трагедіяхъ, хотя греческая трагедія появилась позже смерти тирана».

«Далѣе Бентлей указываетъ на языкъ «Писемъ», который аттическій, а не дорическій, какимъ бы долженъ былъ быть языкъ царя дорійскій колоніи Агригента. Даже деньги, о которыхъ упоминается въ «Письмахъ», афинскія, тогда какъ сицилійскій талантъ составлялъ только двѣ тысячныхъ аттическаго. Свое изслѣдованіе онъ резюмируетъ слѣдующимъ образомъ»:

«Возмите ихъ въ ихъ цѣломъ. Я скажу, что они просто собраніе общихъ мѣстъ, безъ жизни и безъ отраженія духа времени и условій. Вы чувствуете, въ виду ихъ пустоты и мертвенности, что вы имѣете дѣло съ какимъ нибудь педантомъ, задумавшимся, опершись на свою конторку, а не съ дѣятельнымъ и честолюбивымъ тираномъ, съ мечомъ въ рукѣ повелѣвающимъ милліону своихъ подданныхъ».

«Далѣе Бентлей разсматриваетъ письма Фемистокла, Сократа и Эврипида и доказываетъ, что они поддѣланы черезъ нѣсколько вѣковъ послѣ смерти этихъ лицъ. Его доказательства, какъ и относительно Фалариса, основаны на исторіи и хронологіи, на странномъ содержаніи и безвкусномъ языкѣ этихъ произведеній».

«Относительно «Писемъ» Эврипида Джосуа Барнесъ въ своемъ изданіи 1694 года, несмотря на частное письмо Бентлея, утверждалъ, что сомнѣніе въ подлинности ихъ есть доказательство «или безстыдства или неспособности». Бентлей спокойно и холодно повторилъ свои аргументы и поддержалъ ихъ нѣкоторыми другими».

«Что касается до басенъ Езопа, то Бентлей полагалъ, что онѣ представляютъ переводъ византійскимъ писателемъ четырнадцатаго вѣка Максимомъ Планудомъ, собранія басенъ, написанныхъ холіамбическимъ стихомъ Бабріусомъ, котораго Бентлей считаетъ однимъ изъ позднѣйшихъ писателей».

Мнѣніе Бентлея о «Письмахъ Фалариса» произвело большое впечатлѣніе. Нѣкоторые изъ лучшихъ членовъ Церкви Христовой: Френсизъ Аттербюри, впослѣдствіи епископъ Рочестерскій, и Георгъ Смальриджъ, Робертъ Фрейндъ и его братъ Джонъ, составили союзъ для помощи Бойлю въ полемикѣ. По учености они не могли сравняться съ Бентлеемъ, даже по юмору и сарказму они уступали ему. Но ихъ литературное искусство и ихъ сильныя связи были достаточны для обезпеченія имъ популярности. Въ теченіи двухъ лѣтъ ихъ возраженіе Бентлею вышло въ трехъ изданіяхъ; сначала общее мнѣніе было на сторонѣ Бойля. Писъ въ началѣ полемики писалъ:

«думается, что Бойль правъ; ученость нашего друга (котораго я очень цѣню) нуждается въ нѣкоторомъ пополненіи; я не сомнѣваюсь, что немножко такихъ ударовъ пойдутъ ему въ прокъ» [1]). Свифтъ, жившій въ то время въ Мооръ Паркѣ подъ покровительствомъ Вилльяма Темпля, вмѣшался въ полемику и напалъ на Бентлея въ своей «Баснѣ о бочкѣ», написанной въ 1696 году, а также и въ «Битвѣ книгъ» съ «эпизодомъ о Бентлеѣ и Уоттонѣ», написанной въ слѣдующемъ году. Самъ Темпль, умершій только въ началѣ 1698 года, хвалилъ «пріятное остроуміе и легкость стиля», отличавшіе отвѣтъ Бойля на то, что онъ имѣлъ смѣлость называть «грязной насмѣшкой». Гартъ, одинъ изъ современниковъ Бентлея въ Кембриджѣ и родственникъ Бойля, выразилъ свое мнѣніе о достоинствахъ спорящихъ въ слѣдующемъ двустишіи:

«Какъ брилліанты лучше блестятъ отъ подкладки изъ фольги, такъ Бентлею мы обязаны за Бойля» [2]).

Только одинъ Эвелинъ «стоялъ за своего друга», ожидая, пока онъ не выслушаетъ обѣ стороны [3]).

Бентлей отвѣтилъ въ началѣ 1699 года изданіемъ дополненной «Диссертаціи», которую не безъ основанія считаютъ составляющей эпоху не только въ жизни автора, но и въ исторіи литературы. Его побѣда была полной, но слѣдствія ея не были непосредственно поняты во всей ихъ полнотѣ. Однако, никто изъ приверженцевъ Бойля позже не появлялся въ качествѣ критика [4]), хотя прошло много лѣтъ раньше, чѣмъ Тайруайттъ могъ объявить, что оппоненты Бентлея «убиты какъ громовымъ ударомъ» [5]), а Порсонъ призналъ диссертацію Бентлея «безсмертной» [6]). Помимо достоинствъ полемической ея части, она имѣетъ цѣнность по количеству интересныхъ и точныхъ свѣдѣній по вопросамъ исторіи, хронологіи, древностей, филологіи и критики—напримѣръ свѣдѣній относительно вѣка Пифагора, происхожденія греческой трагедіи, анапеста и сицилійскихъ монетъ. Она была не только «образцовымъ полемическимъ произведеніемъ» и «складомъ эрудиціи». Она также представляетъ образецъ критическаго метода; она была началомъ критической школы классическихъ изслѣдованій, къ которой съ этихъ поръ принадлежали всѣ главные представители науки въ Англіи и Голландіи и которой наслѣдовала «систематическая» или «энциклопедическая»

---

[1]) Январь 1695 г. (Life of Bentley—Монка).
[2]) Despensary—Гарта, 1699 г.
[3]) 21 апрѣля 1698 г. Correspondante Бентлея.
[4]) Life—Монка.
[5]) De Babrio (1776) цитир. у Maehly—Bentley.
[6]) Life of Porson—Ватсона. Проф. Jebb въ своемъ сочиненіи о Бентлеѣ (1882) первый указалъ на позднюю побѣду Бентлея.

школа, созданная въ Германіи около 1783 года Фридрихомъ Августомъ Вольфомъ.

Въ 1700 году Бентлей былъ назначенъ магистромъ Троицы. Тамъ онъ поощрялъ изученіе астрономіи, химіи и еврейскаго языка и нѣкоторыя изъ его реформъ, какъ напр. введеніе письменныхъ экзаменовъ на ученыя степени (fellowships) и ежегодные выборы въ члены (scholarships), были внушены ему искреннимъ желаніемъ добра коллегіи; но въ нѣкоторыхъ изъ дисциплинарныхъ мѣропріятій онъ дѣйствовалъ одинъ, не совѣтуясь съ своими законными помощниками и его управленіе было автократическимъ и произвольнымъ. Вслѣдствіе этого начались серьезныя недоразумѣнія, такъ что въ 1710 году вслѣдствіе жалобъ членовъ коллегіи дѣло дошло до суда по вопросу о томъ, кто на основаніи статутовъ является главнымъ ревизоромъ коллегіи, корона или епископъ Эли. Наконецъ, въ 1714 году Мооръ, епископъ Эли, послѣ изслѣдованія, продолжавшагося въ теченіи шести недѣль, приказалъ приготовить приговоръ о смѣнѣ Бентлея, но до произнесенія этого приговора онъ умеръ 31 іюля. На слѣдующій день умерла и королева Анна. Новый епископъ Эли, Флитвудъ, не хотѣлъ путаться въ это дѣло; при его наслѣдникѣ Гринѣ въ 1728 году была сдѣлана новая попытка произвести ревизію коллегіи; въ 1734 года Бентлея приговорили къ лишенію магистерства; но это могло быть сдѣлано только вицемагистромъ, который предпочелъ уйти и былъ замѣненъ преданнымъ приверженцемъ Бентлея, Уолькеромъ. Снова началась тяжба и она закончилась только смертью епископа Грина въ 1738 году.

„Филемонъ и Менандръ". „Горацій". „Теренцій". Мильтонъ. Гомеръ.

Вернемся однако къ литературнымъ работамъ Бентлея. Въ 1709 году онъ напечаталъ приложеніе къ изданію «Тускуланскихъ рѣчей» Цицерона Джона Дэвиса, члена коллегіи Королевы; въ немъ онъ первый изъ новыхъ писателей указалъ на законы метра римскихъ драматурговъ. Это приложеніе было недружелюбно встрѣчено въ Голландіи Леклеркомъ и Бентлей отомстилъ въ 1710 году, отправивъ къ врагу Леклерка, Петру Бурману, подъ псевдонимомъ Phileleutherus Lipsiensis, исправленіе 323 отрывковъ «Филемона и Манандра», гдѣ съ рѣзкой ироніей доказывается невѣжество издателя этихъ отрывковъ Леклерка. Въ этомъ же году появилось изданіе Гомера Джосуа Барнеса, выпущенное м-съ Барнесъ, побуждаемой къ этому расходу убѣжденіями мужа, что гомеровскія поэмы написаны царемъ Соломономъ. Изданіе было сдѣлано на зло Бентлею, основательно выразившему свое презрѣніе къ отсутствію у издателя критическихъ способностей и знаній. Въ 1711 году Бентлей издалъ своего «Горація» съ болѣе чѣмъ 700 измѣненій текста, сдѣланныхъ главнымъ образомъ по догадкамъ издателя. Въ этомъ произведеніи издатель ставитъ узкія границы поэтической фантазіей поэта и такимъ образомъ приводитъ поэзію Горація къ точной и логической прозѣ. Но даже

ошибки такого критика, какъ Бентлей, часто бываютъ поучительными и въ его толкованіяхъ много безспорно цѣнныхъ указаній грамматическихъ и метрическихъ, а въ предисловіи мы находимъ серьезную попытку опредѣлить хронологію произведеній поэта. Въ 1721 году Бентлей возстановилъ древнюю надпись на пьедесталѣ статуи Аполлона на Делосѣ [1]); еще болѣе поразителенъ былъ его успѣхъ въ 1729 году при возстановленіи текста восьми строчекъ элегіи, найденной на мѣстѣ бывшаго Халкедона на Босфорѣ и невѣрно скопированной Уэлеромъ, Спономъ и Чисгуллемъ [2]). Чрезъ два года памятникъ былъ привезенъ въ Англію и исправленіе Бентлея оказалось совершенно вѣрнымъ. Въ 1722 году онъ пересмотрѣлъ «Никандра». Въ началѣ 1726 года онъ издалъ «Теренція» съ предисловіемъ о метрахъ; дѣло было сдѣлано замѣчательно быстро и въ многихъ мѣстахъ геніальность, проницательность и пониманіе ритма позволили издателю возстановить текстъ. Не менѣе замѣчательны его исправленія «Плавта» [3]). Бентлей предполагалъ также издать «Дукана»; но его замѣчанія были изданы только черезъ восемнадцать лѣтъ послѣ его смерти. Его критическія замѣчанія о «Лукреціи», напечатанныя цѣликомъ только въ 1813 году, дали Мунро поводъ замѣтить, что еслибы Бентлей пользовался манускриптами Фосса, увезенными въ Голландію въ 1690 году, онъ сдѣлалъ бы то, что Лахманъ сдѣлалъ полторастолѣтъ спустя» [4]). Въ 1732 году Бентлей издалъ свой замѣчательный пересмотръ текста «Потеряннаго рая» Мильтона, причемъ онъ выраженіе: «видимая тьма» замѣнилъ напр. «прозрачнымъ мракомъ» и въ многихъ другихъ мѣстахъ проявилъ странное отсутствіе поэтическаго вкуса. Въ томъ же году, и въ 1734-мъ, онъ работалъ надъ давно задуманнымъ изданіемъ Гомера, причемъ главной его цѣлью было возстановленіе версификаціи поэта, рифма стиховъ котораго часто нарушается открытыми гласными и другими метрическими дефектами. Исправленіе должно было быть произведено при помощи манускриптовъ и схоліастовъ, но въ особенности посредствомъ вставки опущенной буквы, древней digamma.—Вставка ея объясняетъ многія изъ метрическихъ особенностей Гомеровскихъ поэмъ; это важное открытіе было сдѣлано Бентлеемъ въ 1713 году [5]). Послѣдней изъ его работъ было изданіе въ 1739 году астронома—поэта Манилія, которое, какъ утверждаютъ, было приготовлено къ печати сорокъ лѣтъ раньше.

Относительно критическихъ изслѣдованій Писанія Бентлей въ 1716

---

[1]) Въ „Correspondence“ письмо къ Миду.

[2]) ibid ср. Jebb--Bentley.

[3]) Изд. проф. Зонненшейномъ въ Captivi (1880) и въ Anecdota Oxoniensia (1883).

[4]) Lucretius—Мунро.

[5]) Life—Монка и Jebb—Bentley.

Греческій Новый Завѣтъ.

году объявилъ архіепископу контербюрійскому о своемъ намѣреніи сдѣлать критическое изданіе Новаго Завѣта. Въ 1720 году онъ сдѣзалъ это объявленіе публично. Онъ хотѣлъ возстановить текстъ, какимъ онъ былъ въ лучшихъ экземплярахъ во время Никейскаго собора. Это предложеніе было поводомъ презрѣнной полемики, начатой Коньерсомъ Миддльтономъ. Если бы намѣреніе Бентлея было исполнено, оно до значительной степени могло бы предупредить изслѣдованія, сдѣланныя только въ девятнадцатомъ вѣкѣ.

Переписка Бентлея съ голландскими учеными.

Бентлей велъ переписку съ многими какъ англійскими, такъ и иностранными учеными. Въ числѣ самыхъ раннихъ изъ его корреспондентовъ былъ старикъ Грэвій, одинъ изъ первыхъ предсказавшихъ ему знаменитость и въ 1697 году публиковавшій изданіе Бентлея болѣе чѣмъ 400 отрывковъ изъ Каллимаха. Въ числѣ ихъ былъ и молодой Гемстергюисъ, въ изданіи котораго «Поллукса» Бентлей призналъ не только ученость и проницательность, но и нашелъ недостатокъ пониманія метра, что едва не заставило юнаго издателя совершенно оставить изученіе греческаго языка [1]). Бентлей помогалъ изданію «Suidas». Кюстера въ университетской типографіи, много обязанной вкусу и хлопотамъ Бентлея, выписавшаго въ 1696 году изъ Голландіи новые шрифты [2]). Онъ въ 1708 году также помогъ этому ученому своими письмами объ Аристофанѣ, что часто заставляетъ сожалѣть, что изданіе этого поэта не было сдѣлано самимъ Бентлеемъ. Другимъ изъ его голландскихъ корреспондентовъ былъ Бурманъ [3]); интересовавшійся критикой текстовъ Лукана и другихъ латинскихъ поэтовъ. Близкія отношенія между англійскими и голландскими учеными въ теченіи большей части восемнадцатаго столѣтія вполнѣ оправдываютъ названіе этого періода классической ученности «Англо-голландскимъ» періодомъ. Заслуги Бентлея были признаны безспорными особенно въ Голландіи, при его жизни Грэвіемъ и Гемстергюйсомъ, а послѣ смерти Валькенаэромъ [4]) и Рункеномъ [5]).

Попъ.

Только тогда, когда Бентлей состарился и не былъ уже опаснымъ противникомъ, на него было произведено серьезное нападеніе Попомъ, повидимому оскорбленнымъ тѣмъ, что Бентлей «говорилъ противъ его Гомера» [6]). Попъ натурально нападалъ на тоже, на что раньше

---

1) Bentleii et Doctorum Virorum Epistola.

2) Letter—Эвелина, 17 августа 1696 г.: „эта прекрасная типографія, устроенная теперь въ Кембриджѣ моимъ достойнымъ и ученымъ другомъ съ большими трудами и заботами“... Life—Монка. Scholae Academicae—Вордсворта.

3) Bentley's Correspodenee, а также Appendix къ Benileii Critica Sacra.

4) Maehly—Bentley.

5) Opusc.

6) Life—Монка. Jebb—Bentley.

нападали Аттербюри и Свифтъ, Варбуртонъ и Арбутнотъ. Въ «подражаніи письму Горація къ Августу» (1737) поэтъ послѣ критики Мильтона прибавляетъ:

„Я не отрицаю красотъ его книги.
Подобно рубящему своимъ отчаяннымъ топоромъ направо и налѣво
Бентлею".

Болѣе ясное нападеніе на «страшнаго Аристарха» находится въ четвертой книгѣ «Дунсіады» (мартъ 1742 г.), гдѣ поэтъ слѣдующимъ образомъ обращается къ богинѣ Глупости:

„Владычица, прогони эту чернь отъ свего трона!
Развѣ не достаточно извѣстенъ Аристархъ?
Твой сильный схоліастъ, неутомимые труды коего
Сдѣлали Горація скучнымъ и унизили пѣсни Мильтона,
Какъ бы онѣ не были поэтичны—все тщетно:
Критики, вродѣ меня, сдѣлаютъ ихъ прозаичными.
Римскіе и греческіе грамматики! Признайте, что онъ выше васъ,
Авторъ чего нибудь большаго, чѣмъ простыя буквы.
Въ то время, какъ вы ползете чрезъ вашу азбуку, подобно Саулу
Встаетъ наша дигамма и возвышается надъ всѣми вами".

Относительно друзей Бентлея будетъ достаточно сказать, что въ 1697 году общество, обычно собиравшееся въ комнатахъ библіотекаря С. Джемса, состояло изъ Эвелина, Рена, Ньютона и Локка, и что онъ былъ близокъ съ Вилльямомъ Уоттономъ и Ричардомъ Мидомъ. За десять лѣтъ до смерти онъ потерялъ своего друга Джона Дэвиса изъ коллегіи Королевы (1679—1732), а за четыре года Жозефа Вассе изъ той же коллегіи (1672—1738), издателя Саллюстія и Фукидида, о которомъ онъ говорилъ: «послѣ моей смерти Вассе будетъ самымъ ученымъ человѣкомъ въ Англіи». [1]). Въ старости его близкими друзьями были Джонъ Тайлоръ изъ коллегіи св. Іоанна (1703—66), издатель Лизія и Іеремія Маркландъ изъ коллегіи Петра (1693—1776), издатель Статія и нѣкоторыхъ трагедій Эврипида, одинъ изъ первыхъ, отрицавшій подлинность переписки между Цицерономъ и Брутомъ и четырехъ рѣчей post Reditum. Изъ другихъ ученыхъ того же вѣка, прямо или непрямо находившихся подъ вліяніемъ Бентлея, можно упомянуть: о Петрѣ Нидгамѣ изъ коллегіи св. Іоанна, издателѣ Гіерокла (1709); о Самуэлѣ Кларкѣ изъ коллегіи Гонвиля и Кая (1675—1729), въ своемъ изданіи Цезаря (1712) восхвалявшемъ Бентлея и въ одномъ изъ своихъ позднѣйшихъ примѣчаній къ Иліадѣ обращавшемъ вниманіе на открытіе Бентлеемъ дигаммы; о Ричардѣ Дэвсѣ изъ коллегіи Эммануила (1708—66), изучавшемъ аттическій синтаксисъ, но заслоненномъ Бентлеемъ и завидовавшемъ его извѣстности; о Іонатанѣ Тупѣ изъ Эксетерской

Друзья Бентлея.

[1]) Literary Anecdotes—Никольса.

коллегіи (1713—85), издавшемъ Лонгина и также какъ Бентлей сдѣлавшемъ много для критики греческихъ лексикографовъ; о Томасѣ Тайруайттѣ изъ коллегіи Королевы (1730—66), членѣ коллегіи Мертона и клеркѣ палаты общинъ, который кромѣ того, что издалъ Чосера и критически разобралъ Шекспира и принималъ выдающееся участіе въ полемикѣ о манускриптахъ Роулея, объяснялъ «Поэтику» Аристотеля, открылъ потерянную рѣчь Исаіи и, слѣдуя Бентлею, открылъ слѣды Бабріуса въ «Басняхъ Езопа»; о Самуэлѣ Мусгравѣ (1739–80) и Веніаминѣ Гитѣ (умеръ въ 1766 г.)—оба изъ Эксетерской коллегіи и оба способные критики греческикъ трагическихъ поэтовъ—и, наконецъ, о Ричардѣ Порсонѣ (1759—1808), привлеченномъ къ критическимъ изслѣдованіямъ чтеніемъ Лонгина—Тупа, а потомъ, когда онъ прочелъ Miscellanea Critica и Dissertation on Phalaris, признавшемъ великими учителями въ искусствѣ критики Дэвса и Бентлея [2]). Одинъ изъ друзей Порсона говорилъ, что Бентлей, Тайлоръ и Маркландъ, вмѣстѣ съ Дэвсомъ, Тупомъ, Тайруайтомъ и Порсономъ составляютъ созвѣздіе «Плеядъ» среди англійскихъ ученыхъ восемнадцатаго вѣка [3]). Блескъ нѣкоторыхъ изъ этихъ семи звѣздъ теперь уже погасъ, но звѣзда Бентлея и теперь еще горитъ ярче всѣхъ остальныхъ.

Еврейскіе и другіе восточные языки.

Въ Англіи очень давно начали изучать еврейскій языкъ; но трудно опредѣлить, какими свѣдѣніями обладали первые переводчики библіи на англійскій языкъ. Немногіе еврейскія буквы, вырѣзанныя на деревѣ, употреблены въ Oration Роберта Вакфильда (1524); первый же еврейскій шрифтъ въ Англіи появился въ 1592 году. Въ Кембриджѣ Шевалье читалъ о еврейскомъ языкѣ вскорѣ послѣ воцаренія Елисаветы, а въ Оксфордѣ его ученикъ Друзій читалъ отъ 1572 до 1575 года [4]). Наиболѣе достопамятное событіе въ исторіи еврейской учености въ Англіи—это изданіе признаннаго перевода Ветхаго Завѣта въ 1611 году.

Изъ двадцати пяти ученыхъ, участвовавшихъ въ этой работѣ, двое пользовались крупной научной извѣстностью; это Ланселотъ Андрьюсъ и Джонъ Овераль; изъ остальныхъ Ливели, Спальдингъ, Кингъ и Байнгъ были профессорами еврейскаго языка въ Кембриджѣ, а Гардингъ и Кильбай въ Оксфордѣ. Бедуэль былъ извѣстнѣйшимъ изъ знатоковъ арабскаго языка въ свое время, а Томпсонъ изъ коллегіи Клэръ, Чадертонъ изъ коллегіи Эммануила и Мильсъ Смитъ изъ коллегіи Брезнозъ были извѣстны знаніемъ древнихъ

---

[1]) Literary Anecdotes—Никольса.
[2]) Life of Porson—Ватсона.
[3]) Предисловіе къ „Tentamen“—Burney.
[4]) Галламъ, II.

языковъ [1]). Архіепископъ Лоудъ при его назначеніи канцлеромъ Оксфорда поощрялъ изученіе восточныхъ языковъ. Въ 1630 году онъ учредилъ кафедру арабскаго языка; профессору было спеціально указано излагать его отношеніе къ еврейскому и сирійскому. Эдуардъ Пококъ, первый профессоръ арабскаго языка (1604 — 91), былъ отправленъ на востокъ для усовершенствованія въ языкѣ и для собиранія внсточныхъ манускриптовъ. Персидскіе, турецкіе и арабскіе манускрипты находились въ числѣ рукописей, подаренныхъ Лоудомъ Бодлеянской библіотекѣ; въ 1631 году университетъ выписалъ изъ Голландіи греческіе и восточные шрифты и свѣдущихъ наборщиковъ [2]). Сельденъ (1584 — 1654) одинъ изъ ученѣйшихъ людей своего времени, зналъ и еврейскій языкъ; въ 1640 году онъ издалъ свое сочиненіе De jure Naturali et Gentium juxta Disciplinam Hebraeorum; бывъ членомъ парламента, въ собраніи богослововъ въ 1643 году онъ «говорилъ удивительно и опровергалъ многихъ въ ихъ собственной спеціальности» [3]). Генрихъ Айнсуортъ, умершій въ Амстердамѣ въ 1662 году, доказалъ свое превосходство, какъ истолкователь библіи своими «Замѣчаніями о псалмахъ и пятикнижіи» Джонъ Лайтфутъ, магистръ коллегіи св. Екатерины (1602—75), въ 1629 году написалъ Christian and Judaical Miscellanies. Изданіе его сочиненій въ двухъ томахъ (англійское въ 1684, а латинское въ 1686) включаетъ очень цѣнныя Horae Hebraicae. Онъ ревностно поддерживалъ планъ изданія многоязычной (Polyglot) библіи, которая связана съ именемъ Бріана Уольтона (1600—61), получившаго образованіе въ Кембриджѣ, послѣ начала гражданской войны бѣжавшаго въ Оксфордъ, гдѣ онъ и составилъ планъ изданія такой библіи. Она была издана въ шести фоліантахъ въ 1657 году съ помощью (въ числѣ другихъ) Томаса Гайда изъ коллегіи Короля въ Кембриджѣ (1636—1703), бывшаго библіотекаремъ Бодлеянской библіотеки, а потомъ профессоромъ арабскаго и еврейскаго языковъ въ Оксфордѣ. Самое значительное изъ сочиненій Гайда — Veterum Persarum et Magorum Religionis Historia (1700). Уольтону помогалъ и Пококъ, въ числѣ сочиненій котораго были «Коментаріи на малыхъ пророковъ» и Specimina Historiae Arabum, а также арабскій переводъ De veritate Religionis Christianae—Гроція-Кафедра аребскаго языка въ Кембриджѣ была учреждена въ 1632 году Томасомъ Адамсомъ, лондонскимъ лордомъ мэромъ въ 1645 году. Второй изъ занимавшихъ эту кафедру, Эдмундъ Кастель, изъ коллегіи Эммануила и св. Іоанна (1606 — 85) посвятилъ труды семнадцати лѣтъ и истратилъ значительное состояніе на изданіе въ 1669 году Lexicon Heptaglotton,

---

[1]) History of English Bible—Уэстсота.
[2]) Life of Laud—Симпкинсона.
[3]) Memoirs—Уатлокка.

словаря еврейскаго, халдейскаго, сирійскаго, самаритянскаго, эфіопскаго, арабскаго и персидскаго языковъ. Другой знаменитый оріенталистъ, Ричардъ Киддеръ, изъ коллегіи Эммануила (1633—1703), епископъ Бата и Уэльса, издалъ въ 1694 году коментаріи на пять книгъ Моисея, а въ 1700 закончилъ свое сочиненіе Demonstration of Messias. Вениміаинъ Кенникотъ, изъ коллегіи Вадгама въ теченіе десяти лѣтъ собиралъ манускрипты для своего изданія еврейской библіи, вышедшей въ 1776 году въ двухъ фоліантахъ. Наконецъ Робертъ Ловтъ изъ Новой коллегіи (1710—87), впослѣдствіи епископъ св. Давида, Оксфорда и Лондона, былъ въ 1741 году профессоромъ поэзіи и въ 1753 году издалъ Academic Prelections, de Sacra Poesi Hebraeorum, а въ 1778 году переводъ Исаіи.

Англо-саксонскій языкъ.

Въ концѣ семнадцатаго вѣка начали особенно усердно изучать англо-саксонскій языкъ, причемъ руководителемъ этого движенія былъ Георгъ Гайксъ (1642—1715), членъ Линкольнской коллегіи, авторъ первой англосаксонской грамматики и составитель когда-то знаменитаго сочиненія Thesaurus Linguarum Septentrionalium, въ которомъ былъ очень полезный каталогъ англосаксонскихъ манускриптовъ, составленный Гумфри Ванлеемъ (1705). Гайксу помогали его племянникъ Вилльямъ Эльстобъ и племянница Елизавета, издатели гомиліи Ильфрика въ день рожденія св. Григорія (1709). Около этого времени Оксфордская типографія отпечатала цѣлый рядъ англосаксонскихъ сочиненій. Въ 1690 году Эльстобъ отпечаталъ образцовую страницу изъ перевода Орозія короля Альфреда; въ 1692 году Жибсонъ (1669—1748) издатель Britannia Камдена, впослѣдствіи епископъ Линкольна, издалъ англосаксонскую хронику; въ 1698 году появилась Heptateuch Твайта, или англосаксонскій переводъ пятикнижія, книги Іисуса Навина и Судей, и изданіе перевода Боэція короля Альфреда Христофоромъ Раулинсономъ [1]). Ричардъ Раулинсонъ, родственникъ Христофора, умершій въ 1755 году, учредилъ въ Оксфордѣ кафедру англосаксонскаго языка.

Литература.

Сентсбюри.

Интересъ этого отдѣла, включающаго все царствованіе Георга I и первую половину царствованія его сына, естественно раздѣляется, хотя не вполнѣ соотвѣтственно раздѣленію этихъ двухъ царствова-

---

[1]) Кембль, въ Bibliotheque Anglo-Saxonne—Michel. 1837.

ній. Во все это время ярко сіяла звѣзда Попа, по популярности и вліянію никто не могъ во весь этотъ періодъ соперничать съ нимъ. Но въ первую половину періода старшее поколѣніе людей королевы Анны вымирало, а во вторую половину начинаютъ появляться новыя школы.

Аддисонъ и его школа.

Исчезновеніе Аддисоновской группы было, какъ уже замѣчено, поразительно быстрымъ. Тиккель, правда, жилъ почти столь же долго, какъ и Попъ, никогда не прощавшій ему дѣйствительнаго или предполагаемаго его намѣренія конкуррировать съ нимъ въ переводѣ Гомера, въ дѣлѣ, къ которому, кстати замѣтить, онъ былъ во многихъ отношеніяхъ болѣе пригоденъ, чѣмъ Попъ. Тиккель былъ то, что французы называютъ «луной» Аддисона, но какъ поэтъ, онъ сіялъ ярче своего солнца; онъ обладалъ особеннымъ дарованіемъ къ сочиненію погребальныхъ элегій; его элегіи на смерть самого Аддисона и на смерть Кадогана въ своемъ родѣ превосходны. Но Пріоръ, какъ сказано, умеръ въ 1721 году, а Парнель, поэтъ не особенно продуктивный, но извѣстный «Пустынникъ» (Hermit) котораго и нѣкоторыя менѣе извѣстныя, хотя и лучшія вещи, вродѣ Ноктюрна (A Night piece), весьма талантливы, умеръ въ 1718 году. Конгревъ и Стиль жили до 1729 года; но Конгревъ въ теченіе почти тридцати лѣтъ ничего не писалъ, кромѣ мелочей, а Стиль въ послѣднее десятилѣтіе своей жизни, когда его мучили нездоровье, разореніе и заточеніе, не написалъ ничего значительнаго. О Гэѣ и Юнгѣ мы будемъ говорить въ этомъ отдѣлѣ. Аддисонъ — «Atticus» (неизвѣстно, зналъ ли онъ объ этомъ страшномъ наказаніи, потому что изданъ »Atticus» быль только послѣ его смерти) — послѣ краткой, но замѣчательно счастливой карьеры, умеръ уже въ 1719 году. Объ его «эссеяхъ» было говорено достаточно; его поэмы, составившіе ему извѣстность (въ особенности знаменитая Campaign, по поводу Бленгеймской побѣды), теперь читаются немногими, да ихъ и не стоитъ читать. Еслибы не удачный родъ «Эссеевъ», внушенный Аддисону Стилемъ, было бы трудно назвать Аддисона великимъ писателемъ. Тѣмъ не менѣе онъ безспорно былъ однимъ изъ талантливѣйшихъ литераторовъ своего времени. Онъ былъ человѣкомъ прекрасно образованнымъ; онъ рано былъ привѣтствованъ Драйденомъ; онъ сдѣлался членомъ Частнаго Совѣта королевы и государственнымъ секретаремъ, женился на графинѣ и былъ не только въ сатирѣ, но и въ дѣйствительности, чѣмъ то въ родѣ литературнаго монарха. Но славу ему составилъ m-r Spectator, а какъ уже сказано, этотъ мистеръ былъ въ нѣкоторомъ родѣ только пріемнымъ сыномъ м-ра Аддисона.

„Гомеръ“ Попа.

Хотя мнѣніе о дурномъ характерѣ Аддисона и въ особенности о его зависти къ Попу, можетъ быть, и было преувеличеннымъ, хотя общее мнѣніе о немъ, можетъ быть, и обусловливалось раздраженіе-

емъ Попа, но нельзя почти сомнѣваться въ томъ, что Аддисонъ былъ бы огорченъ знаменитостью Попа, если бы онъ дожилъ до нея. Безспорно, что послѣдній завоевалъ себѣ славу своимъ переводомъ Гомера, занимавшимъ его почти десять лѣтъ, и начатому по настоянію и подъ покровительствомъ скорѣе Свифта (въ то время очень вліятельнаго), чѣмъ Аддисона; этотъ переводъ далъ ему отъ восьми до десяти тысячъ фунтовъ и благодаря ему онъ и былъ признанъ «величайшимъ изъ живыхъ поэтовъ». Иногда и за худшую работу люди получаютъ лучшее вознагражденіе; но нельзя все же не удивляться условіямъ этого успѣха Попа. Извѣстно, что Попъ плохо зналъ греческій языкъ; да и вообще, не будучи особенно придирчивымъ, можно усумниться, чтобы онъ зналъ какой нибудь языкъ; героическій куплетъ изъ всѣхъ метровъ, вѣроятно, наименѣе пригоденъ для произведенія дѣйствія, хоть сколько нибудь подобнаго дѣйствію греческаго гекзаметра. Люди того времени всего менѣе симпатизировали романтическому или какому либо періоду греческой литературы, за исключеніемъ чисто риторической. И наконецъ теперь, когда уровень переводной работы хотя сколько нибудь повысился, кажется невѣроятнымъ, что переводчикъ можетъ добиться чего нибудь большаго, чѣмъ приличный успѣхъ, литературное уваженіе и скромный доходъ отъ людей, которымъ его работа нужна, какъ подстрочный переводъ (crib).

Но всѣ обстоятельства сложились въ пользу Попа. Во-первыхъ, извѣстный споръ о «древнихъ и новыхъ», о которомъ разсказано выше и забвеніе, которому были преданы испанскіе и итальянскіе авторы, создали нѣкоторый партійный авторитетъ древнихъ. Во-вторыхъ тогда былъ вѣкъ литературныхъ диктатуръ и обѣ партіи — виги, пока Попъ не поссорился съ ними и даже послѣ этого, а тори частію изъ партійности, а частію изъ за личной дружбы — восприняли отъ своихъ оракуловъ мнѣніе, что Попъ «величайшій изъ живыхъ поэтовъ». Въ третьихъ, онъ создалъ нѣчто такое, что, конечно, не было Гомеромъ и было даже очень сомнительной поэзіей, но было прекраснымъ чтеніемъ, въ модномъ размѣрѣ того времени, и сдѣланнымъ въ строго «классическомъ» и «корректномъ направленіи и съ замѣчательнымъ искусствомъ. Какъ теперь тысячи людей, въ дѣйствительности очень мало любящихъ музыку, отправляются слушать знаменитаго пьяниста, такъ и тогда тысячи людей, не любящихъ поэзіи, читали этого знаменитаго, моднаго и ловкаго куплетиста. А кромѣ того при окончаніи этой работы онъ остался одинъ. Нѣкоторые изъ тѣхъ, которые могли бы быть его соперниками, умерли; другіе были его друзьями и почти учениками; третьи боролись съ затрудненіями, которыя часто встрѣчаются литераторами послѣ ихъ краткаго и блестящаго пребыванія подъ солнцемъ

государственнаго покровительства. Даже новаторы были ослѣплены его замѣчательнымъ искусствомъ и его непомѣрной славой.

Въ теченіе послѣднихъ пятнадцати или двадцати лѣтъ своей жизни Попъ поддерживалъ свою славу рядомъ блестящихъ работъ въ литературныхъ родахъ весьма различныхъ, хотя, въ дѣйствительности, весь ихъ блескъ былъ въ исполненіи, а не въ идеѣ или чувствѣ.

Наиболѣе послѣдовательные изъ его поклонниковъ, конечно, несогласятся съ такимъ утвержденіемъ, въ особенности относительно двухъ поэмъ, написанныхъ или во всякомъ случаѣ напечатанныхъ имъ въ 1717 году. Это знаменитыя «Элегія о несчастной лэди» и «Элоиза къ Абеляру». Съ другой стороны тѣ, которые признаютъ за Попомъ большой литературный талантъ, но отказываютъ ему въ поэтическомъ дарованіи, можетъ быть, съ готовностью будутъ поддерживать вышесказанное положеніе именно на основаніи этихъ двухъ его произведеній. Попъ не написалъ ничего болѣе прекраснаго; въ одной изъ поэмъ онъ пытается изобразить смертельную агонію безнадежной любви; въ другой радость, смѣшанную съ угрызеніями совѣсти, любви, которая была счастливой, которая оплакиваетъ то, что было въ прошломъ, и которая при этомъ знаетъ или думаетъ, что и радость и желаніе грѣшны и тщетны. Если онъ поэтъ, то именно этими двумя произведеніями онъ долженъ побѣдить насъ; такъ какъ всѣ признаютъ, что ни въ одной поэмѣ—ни въ «Мессіи», ни въ Atticus, написанномъ около того же времени, ни въ блестящей дерзости Дунсіады, ни въ мрачномъ блескѣ заключенія этой сатиры—нигдѣ онъ съ такой свободой и съ такой умѣлостью не пользовался всѣми рессурсами своего искусства. И однако, одинъ изъ наиболѣе убѣжденныхъ его защитниковъ въ наши дни, называя эти поэмы «мелодичными и горячими», признаетъ, что они «оставляютъ насъ нѣсколько холодными». Горячность, оставляющая насъ холодными, несомнѣнно нѣсколько похожа на холодность.

Въ этихъ поэмахъ основное свойство тоже самое, какое мы встрѣчаемъ вездѣ, не только у Попа, но и во всѣхъ стихахъ и прозѣ этого періода. Мы нигдѣ не получаемъ, такъ сказать, *прямо и непосредственно* чувства, впечатлѣнія, образа или идеи. Писатель вообще, и поэтъ въ особенности, того времени не видитъ, не чувствуетъ, не слышитъ, не думаетъ, чтобы передать намъ соотвѣтственно законамъ искусства выраженіе видѣннаго, слышаннаго, прочувствованнаго и передуманнаго. Онъ сидитъ въ своемъ кабинетѣ и думаетъ: какимъ образомъ человѣкъ съ корректнымъ вкусомъ можетъ наилучшимъ образомъ изобразить актъ видѣнія, слуха, чувства и мышленія кого нибудь, кто видитъ, слышитъ, чувствуетъ и думаетъ? Потому вмѣсто одного перехода (а у великихъ художниковъ этого перехода и совсѣмъ незамѣтно, ибо читатель сливается съ худож-

никомъ или, лучше сказать, художникъ поглощаетъ читателя) мы имѣемъ два или три. Мы не получаемъ даже идеи Попа о «Несчастной лэди» или объ «Элоизѣ»; мы получаемъ только идею Попа о томъ, что нашли бы желательнымъ «свѣдущій Вальшъ и цивилизованный Гренвиль», чтобы написалъ м-ръ Попъ о той или другой изъ этихъ героинь. Совершенно вѣрно, что такое несчастное удлиненіе пути, такое отдаленіе впечатлѣнія отъ воспринимающаго его началось не съ Попа и не съ его современниковъ; но совершенно невѣрно, будто оно началось съ Драйдена. До Драйдена оно замѣчается у Уоллера, у Коулея и у другихъ; оно не всегда встрѣчается у самого Драйдена. Но Попъ не только относительно описаній природы, но и относительно изображеній мыслей и чувствъ человѣка, прибѣгалъ неизмѣнно къ этому методу и этотъ методъ былъ навязанъ имъ даже писателямъ, настолько отличнымъ отъ него, какъ Томсонъ. Блестящее исполненіе и громадная репутація Попа освятили этотъ методъ на цѣлыхъ три четверти столѣтія, до той поры, когда Куперъ и Краббъ полубезсознательно, Блэкъ вполнѣ безсознательно, а Водсвортъ и Кольриджъ съ полнымъ сознаніемъ значенія начатаго ими противъ вліянія Попа похода, свергли это иго съ англійской націи.

Насколько, однако, этотъ процессъ приведенія всего къ нѣкоему полулитературному, полусоціальному правилу корректности дѣлалъ писателей того времени неспособными къ высшей поэзіи, настолько же онъ дѣлалъ ихъ пригодными для извѣстныхъ родовъ литературы, въ которыхъ условное концентрированіе положительно выгодно. За исключеніемъ «Гомера» и двухъ вышеупомянутыхъ поэмъ, всѣ произведенія Попа въ послѣдніе тридцать лѣтъ его дѣятельности были болѣе или менѣе сатирическими; его неудачныя экскурсіи въ философію, которой онъ не понималъ, были тѣсно связаны съ сатирой, не ограничивающейся одними только безуміями отдѣльныхъ лицъ, но распространявшейся и на ограниченность знанія, силы и добродѣтели всего человѣчества. Относительно этого послѣдняго рода теперь всѣ согласны въ томъ, что философія Попа представляетъ по большей части безсмыслицу, изложенную въ блестящей фразеологіи и версифицированную. Двое изъ наиболѣе близкихъ и наиболѣе замѣчательныхъ изъ его друзей были одинъ страшно глубокій и послѣдовательный пессимистъ, а другой самый мелкій и безнадежно пустой оптимистъ. Попъ, воспринялъ пессимизмъ Свифта и оптимизмъ Болинброка, не понимая ни того, ни другого, и смѣшалъ ихъ въ одну кашу; надъ этой то кашей и началъ работать Варбуртонъ, чтобы оправдать и уяснить ее въ примѣчаніяхъ, написанныхъ съ такимъ искусствомъ прорицателя, что Неополитанцы, еслибы только они были поумнѣе, могли бы назначить его пожизненнымъ хранителемъ крови св. Януарія. Что касается до другой части его сатиры,

Дунсіады, то всѣ признали, что онъ извратилъ и испортилъ идею сатиры на общую глупость—идею, внушенную ему Свифтомъ. Эту идею онъ превратилъ въ рядъ безконечно мелкихъ, хотя и безконечно ловкихъ нападеній на своихъ личныхъ враговъ; такія нападенія были испорчены не только личными мотивами, вполнѣ очевидными, но и той ошибкой, что героемъ онъ беретъ сначала трудолюбивую и по своему довольно талантливую литературную клячу, вродѣ Теобальда, а потомъ чрезвычайно ловкаго человѣка, вродѣ Сиббера. Слѣдуетъ, однако, признать, что сатира до извѣстной степени улучшена блестящимъ финаломъ, о которомъ мы уже упоминали; а при томъ всѣ смѣялись надъ отдѣльными деталями. Соціальныя и личныя сатиры Попа—какимъ бы именемъ онѣ не назывались: «Подражаніями Горацію» или письмами къ тому или другому лицу—представляютъ все таки лучшія, наиболѣе характерныя и наиболѣе обработанныя изъ его произведеній. Но и тутъ мы не можемъ все таки назвать ихъ совершенными сами по себѣ. Мы нигдѣ у Попа не встрѣчаемъ того сатирическаго искусства, какимъ обладалъ Драйденъ, одинъ куплетъ или даже одна строка котораго сметала навсегда жертву въ бездну безсмертія и презрѣнія. Мы видимъ, напротивъ, удары стилетомъ разбойника, выскакивающаго изъ засады, наносящаго ударъ и убѣгающаго, настолько же часто не попавъ въ свою жертву или ранивъ ее, какъ и удачно заколовъ ее. Любопытно то, что никто не считалъ жертвъ Попа дурными людьми. Вопреки справедливости и нашему знанію, намъ крайне трудно убѣдить себя, что Шадуэлль не былъ круглымъ дуракомъ, что Шафтсбюри былъ не хуже хотя бы Данби, напримѣръ. «Такъ сказалъ мастеръ» (Драйденъ) — и намъ уже не важны доказательства противнаго. Но кто же будетъ дурно дурно думать о Sporus'ѣ или лэди Мэри, или объ Атоссѣ или даже о Chartres только потому, что на нихъ напалъ Попъ не взлюбилъ ихъ; мы имѣемъ подозрѣніе, а даже и увѣренность, что Попъ далъ имъ поводъ не любить его, и его ударамъ мы аплодируемъ просто, какъ ударамъ гладіатора, самаго ловкаго, какого мы когда либо видали, можетъ быть, даже величайшаго мастера въ своемъ родѣ фехтованія, какой когда либо существовалъ.

Свифтъ.

Совсѣмъ иное слѣдуетъ сказать о томъ великомъ другѣ Попа, о которомъ мы уже упомянули два или три раза, но вскользь. Литературное вліяніе Свифта на его эпоху было не велико; вообще, хотя и не всегда, замѣчали, что вліяніе «міровыхъ писателей» на ихъ соотечественниковъ рѣдко бываетъ большимъ. Насколько Свифтъ мало вліялъ на свое время, настолько же мало онъ находился подъ его вліяніемъ, какъ литераторъ. Это утвержденіе не покажется парадоксальнымъ никому, кто обратитъ вниманіе на сущность, а не на предметы и внѣшнія формы произведеній Свифта. Большая часть

этихъ произведеній—включая почти все, благодаря чему онъ извѣстенъ въ настоящее время, за исключеніемъ «Разсказа о бочкѣ», «Журнала къ Стеллѣ» и нѣкоторыхъ изъ лучшихъ, хотя и не высоко поэтическихъ, но мало цѣнимыхъ, стиховъ — относится къ настоящему періоду, къ періоду ирландскаго изгнанія знаменитаго «декана», когда ему приходилось наполнять часы своего досуга и, если возможно, успокоить литературной работой его неизлѣчимый гнѣвъ на судьбу. Для современнаго читателя «Письма суконщика» гораздо привлекательнѣе первыхъ политическихъ трактатовъ Свифта и несомнѣнно въ своемъ родѣ они выше всего, за исключеніемъ писемъ «Петра Плаймлея», ихъ непосредственнаго подражанія. Эти «Письма» написаны въ 1724 году, почти черезъ десять лѣтъ послѣ смерти королевы Анны; до этого времени Свифтъ былъ занятъ другими дѣлами, въ особенности дѣломъ Стеллы и Ванессы, о которомъ намъ здѣсь говорить незачѣмъ. Черезъ два года послѣ этого, зимой 1726 года, появилось «Путешествіе Гулливера», составляющее вмѣстѣ съ «Разсказомъ о бочкѣ» главный столпъ громаднаго сатирическаго храма, воздвигнутаго геніемъ Свифта. Послѣ смерти Стеллы въ 1728 году онъ снова возвращается къ легкому стиху; къ этому періоду относятся нѣкоторыя изъ удачнѣйшихъ его вещей, хотя ему было уже шестьдесятъ лѣтъ и хотя уже близилась старость, съ ея болѣзнями, одиночествомъ и несчастіями, закончившимися черезъ шестнадцать лѣтъ сумашествіемъ и смертью. «Скромное предложеніе»—самое мрачное и самое безгрѣшное изъ его ироническихъ упражненій; «Защита лорда Картерета», одна изъ лучшихъ его политическихъ вещей; превосходный «Вѣжливый разговоръ» (Polite Conversation)—самая добродушная и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самая тонкая изъ его сатиръ на общество, изящно, хотя нѣсколько и безвкусно «Приказаніе слугамъ». Точныя даты написанія нѣкоторыхъ изъ этихъ произведеній, также какъ многихъ прежнихъ, неизвѣстны. Свифтъ за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда дѣло шло о политическихъ интересахъ, совершенно не заботился о своихъ литературныхъ работахъ; онъ цѣлые годы оставлялъ ихъ въ рукописи и часто отдавалъ ихъ кому нибудь, кто бралъ на себя хлопоты (и доходы) печатанія. Довольно часто встрѣчаются люди, съ нѣкоторымъ недовѣріемъ и даже подозрительностью относящіеся къ нѣкоему почтительному страху, съ которымъ почти всѣ компетентные критики (даже такіе, которые, какъ напр. Теккерей, несправедливы къ Свифту) обыкновенно говорятъ о «великомъ деканѣ». Но всякій, не вполнѣ неспособный цѣнить величіе въ литературѣ, при знакомствѣ съ его произведеніями не будетъ удивляться этому почтительному страху. Правда, не особенно легко опредѣлить настоящія причины того особеннаго очарованія, которое онъ производилъ всегда на лучшіе умы; можно вообще только сказать, что эти причины состоятъ, вѣ-

роятно, въ соединеніи у него самой легкой и игривой комедіи съ самой суровой трагедіей, въ пониманіи и оцѣнкѣ человѣческаго безумія, слабости, низости, сумашествія,—въ пониманіи, непревзойденномъ доселѣ никѣмъ; въ удивительно совершенномъ, хотя и не притязательномъ, языкѣ, одинаково пригодномъ для доказательствъ, для повѣствованія, для изложенія, для инвективы, для легкаго разговора и болтовни—въ языкѣ странно смѣшаннаго характера. У Свифта грубость, почти жестокость, соединялась съ подлинной добротой, даже нѣжностью и шутливостью; бережливость, даже скупость съ великодушіемъ; честолюбіе его умѣрялось полнымъ отсутствіемъ литературнаго тщеславія и зависти. Интересъ къ нему даже у людей, не склонныхъ къ скандаламъ, до значительной степени обусловливается и тайнами его личной душевной жизни—тайнами, привлекающими даже людей, обыкновенно мало интересующихся вопросами личной жизни и которыя, хотя вѣроятно никогда не будутъ поняты, но не перестанутъ никогда возбуждать интересъ.

Замѣчательный талантъ Попа и могущественный геній Свифта имѣли, какъ это часто встрѣчается въ исторіи литературы, менѣе талантливыхъ спутниковъ, Гея и Арбутнота, бывшихъ, такъ сказать, пажами этихъ двухъ рыцарей. Всѣ четверо были близкими личными и литературными друзьями; они сгруппированы въ сатирическомъ куплетѣ Свифта о его смерти и объ огорченіи его друзей. Горе Арбутнота изображено какъ наименѣе продолжительное; но кажется что онъ былъ лучшимъ человѣкомъ изъ всѣхъ нихъ и, навѣрное, онъ больше другихъ любилъ Свифта. До тѣхъ поръ, пока Айткенъ до нѣкоторой, только до нѣкоторой, степени не выдѣлилъ произведенія Арбутнота изъ общей массы произведеній всей группы, было невозможно, да и теперь еще очень трудно, выдѣлить ихъ. Такъ какъ Свифтъ утверждалъ, что Арбутнотъ, а не онъ, написалъ «Искусство политической лжи» и «Исторію Джона Булля», то мы обязаны, конечно, вѣрить ему; но безъ такого указанія мы безъ всякаго колебанія приписали бы эти произведенія самому декану; да и теперь позволительно думать, что въ нихъ многое объясняется его вліяніемъ, если они и не были непосредственно написаны имъ. Гей былъ менѣе простымъ эхо Попа, чѣмъ Арбутнотъ эхомъ Свифта. Онъ родился въ Барнстэплѣ и не получилъ правильнаго образованія; но имѣлъ необычайное счастіе, иногда баловавшее литераторовъ того времени, попасть молодымъ въ общество «умниковъ» и получить покровительство знатныхъ лицъ. Онъ былъ любезнымъ паразитомъ и предпочиталъ общественной службѣ частную, въ родѣ домашняго секретаря и чего нибудь другого, въ знатныхъ семьяхъ, баловавшихъ его, и умеръ сорока семи лѣтъ въ домѣ герцога и герцогини Кинсберри. Литературная его дѣятельность по ея характеру занимаетъ средину между Пріоромъ и Попомъ. Онъ началъ «Не-

Арбутнотъ.

дѣлей пастуха»—рядомъ комическихъ пасторалей, бывшихъ пародіей главнымъ образомъ на Амброза Филипса—продолжалъ очень ловкой Trivia (о лондонскихъ улицахъ) и извѣстными «Баснями», за которыми непосредственно слѣдовала не менѣе извѣстная «Опера нищаго»—вещь, внушенная Свифтомъ, какъ были внушены имъ почти всѣ лучшія вещи, написанныя его друзьями. Въ этихъ вещахъ и въ нѣкоторыхъ другихъ музѣ Гея присущи легкость, остроуміе и изящество; но у него всетаки не было ни воздушной и изящно-тонкой граціи Пріора, ни болѣе глубокихъ нотъ его замѣчательной юмористической меланхоліи.

Меньшіе поэты.

Какъ и относительно прежнихъ періодовъ, мы должны ограничиться бѣглымъ упоминаніемъ о меньшихъ поэтахъ. Исаакъ Ваттсъ, гимны котораго извѣстны всѣмъ по имени и, можетъ быть, не вполнѣ неизвѣстны въ дѣйствительности, тогда какъ его отдѣланныя и безъ его намѣренія юмористическія оды въ Пиндаровскомъ родѣ читаются немногими даже изъ спеціалистовъ по исторіи литературы; Аланъ Рамсей, прекрасный писатель, особенно извѣстный, какъ авторъ черезъ-чуръ захваленнаго «Кроткаго пастуха» и Гамильтонъ изъ Бангоура въ Шотландіи; Маллохъ или Маллетъ, литераторъ не безъ нѣкоторыхъ достоинствъ; Джонъ Байромъ изъ Манчестера, сотрудничавшій въ Spectator'ѣ и дожившій до царствованія Георга Третьяго—якобитъ, мистикъ, корчившій изъ себя брамина, врачъ и очень интересный человѣкъ; Саваджъ, цыганъ и черезъ чуръ захваленный другъ юности Джонсона; Дайеръ; Матью Гринъ, авторъ «Сплина», небольшого, но очень милаго произведенія, и другіе, которымъ почтеніе восемнадцатаго вѣка къ его поэтамъ, консерватизмъ школы и другія условія дали извѣстность, болѣе долгую, чѣмъ заслуживало большинство изъ нихъ, и которыхъ позже несправедливо забыли, какъ будто въ отмщеніе за то, что они такъ долго заставляли забывать гораздо болѣе талантливыхъ меньшихъ поэтовъ семнадцатаго столѣтія. Но двое изъ этихъ забытыхъ поэтовъ заслуживаютъ особаго упоминанія, такъ какъ различіе ихъ вкусовъ и настроеній отразились и на ихъ поэтической дѣятельности, довольно замѣчательной, хотя оба они и были представителями тѣхъ же вліяній, которыя дѣйствовали и на Попа и до извѣстной степени находились подъ его непосредственнымъ вліяніемъ.

Юнгъ.

Эти два поэта были Эдуардъ Юнгъ (1681—1765) и Джемсъ Томсонъ (1700—48). Юнгъ жилъ очень долго; онъ родился почти за двадцать лѣтъ до Томсона и почти на столько же лѣтъ пережилъ его, такъ что еслибы принимать во вниманіе время его рожденія и смерти, то о немъ можно была бы говорить въ предыдущей главѣ или отложить до слѣдующей. Кромѣ того лучшія его произведенія были напечатаны только послѣ излагаемаго теперь періода. Но по

настроенію, какъ личность и какъ литераторъ, онъ относится ко времену двухъ первыхъ Георговъ, если не Анны. Онъ былъ членомъ коллегіи Всѣхъ Святыхъ, но не принялъ посвященія до пятидесятилѣтняго возраста, что было рѣдкостью для людей, оставшихся въ университетѣ послѣ студенчества. Онъ получилъ въ коллегіи квартиру, но не получилъ никакой бенефиціи, хотя велъ себя такъ униженно, какъ ни одинъ изъ литературныхъ льстецовъ того времени, чтобы добиться своихъ честолюбивыхъ цѣлей. Онъ сотрудничалъ въ періодическихъ изданіяхъ Аддисона и Стиля и въ 1713 году издалъ «Послѣдній день», мрачную смѣсь силы, лести и вздора. Онъ пробовалъ писать и драмы и его «Месть» съ фигурой мавра Занга въ теченіе цѣлаго вѣка пользовалась нѣкоторымъ успѣхомъ. Въ 1728 году, до того времени, когда Попъ перешелъ окончательно къ роду общественной сатиры, Юнгъ издалъ Universal Passion, которая была очень популярна и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не хуже сатирическихъ произведеній самого Попа. Потомъ въ теченіе многихъ лѣтъ онъ писалъ ужасныя полуполитическія оды, очень похожія на нѣчто въ родѣ прошеній, чтобъ ему дали титулъ лавреата. Извѣстныя «Ночныя думы» (первоначальное заглавіе ихъ «Жалоба») появились въ послѣдній годъ періода, а закончены были только черезъ два года. Послѣ онъ не написалъ ничего заслуживающаго упоминанія.

Томсонъ.

Въ это время Томсонъ, шотландецъ съ границы, съ прекрасными связями, но безъ средствъ, послѣ обычнаго пребыванія въ Эдинбургѣ пріѣхалъ въ Лондонъ и въ возрастѣ двадцати шести лѣтъ издалъ «Зиму», первое изъ его «Временъ года», незадолго до изданія «Сатиръ» Юнга. Его поддержали враги Попа и поощрялъ самъ Попъ, литературная зависть котораго, правда очень раздражительная, подобно зависти Вольтера направлялась противъ старшихъ и низшихъ, а не противъ талантливыхъ молодыхъ людей. Въ теченіе трехъ лѣтъ—пропустивъ 1729-й годъ—Томсонъ писалъ по одному «Времени года» въ годъ; вся серія, послѣ нѣсколько разъ пересмотрѣнная и передѣланная, вышла въ 1730 году. Въ теченіе нѣкотораго времени Томсонъ путешествовалъ въ качествѣ тутора; но путешествіе не могло уничтожить у него духъ родного очага и результатомъ этого духа была «Свобода» (1734—36), одна изъ худшихъ поэмъ, когда либо написанныхъ дѣйствительно хорошимъ поэтомъ. Имѣя покровителей и синекуру, Томсонъ посвятилъ всю энергію немногихъ оставшихся ему годовъ жизни на написаніе плохихъ трагедій, но однако онъ нашелъ время написать «Замокъ Безпечности», лучшую поэму, написанную въ эпоху между Драйденомъ и Блэкомъ; поэма появилась въ маѣ 1738 года, а въ августѣ авторъ ея умеръ. Кажется, впрочемъ, что она написана была пятнацать лѣтъ раньше, т. е. въ то время, когда были написаны

лучшія произведенія Томсона. Она написана Спенсеровскимъ станcомъ, метромъ, совершенно неупотребляемымъ въ восемнадцатомъ вѣкѣ, обыкновенно пренебрегаемымъ или забытымъ. У Томсона этотъ метръ прекрасно разработанъ, съ оригинальными видоизмѣненіями.

Реакція противъ Попа.

Имѣются два пункта:—одинъ относительно формы, а другой относительно духа—въ которыхъ Юнгъ и Томсонъ одинаково отличаются отъ Попа. Оба они свергли тиранію куплета и возвратились къ бѣлымъ стихамъ, какъ къ избранной формѣ и къ разнообразію метровъ. И оба они по темамъ и изложенію ихъ скорѣе романтики, чѣмъ классики.

При изученіи бѣлаго стиха оба они вернулись къ Мильтону и отчасти къ драматургамъ. Юнгъ являлся нѣсколько болѣе подражателемъ, чѣмъ Томсонъ. Послѣдній, очевидно, взялъ точкой отправленія «Потерянный Рай». Онъ понялъ тайну стиха-параграфа, онъ заимствовалъ у Мильтона нѣкоторыя изъ мелкихъ особенностей манеры, онъ принялъ классическій словарь, хотя и видоизмѣненный вліяніемъ англійскаго языка, реформированнаго въ теченіи двухъ поколѣній. Но онъ совершилъ и нѣчто большее. Въ его ритмахъ замѣчается нѣчто личное, такъ что бѣлый стихъ Томсона составляетъ самъ по себѣ отдѣльный родъ и среди недраматическихъ родовъ англійскаго нерифмованнаго десятистопнаго стиха выдѣляется настолько же, какъ и стихъ Мильтона и Теннисона. Юнгъ, дѣлавшій больше разныхъ попытокъ и создавшій болѣе совершенный бѣлый стихъ только къ старости, не пошелъ такъ далеко, какъ Томсонъ и сдѣлалъ меньше его. Онъ не просто мильтоніанецъ; неровность его стиха (въ ней онъ превосходитъ большинство англійскихъ поэтовъ) замѣчательна. По временамъ у него попадаются стихи, гораздо лучшіе, чѣмъ какой либо стихъ Томсона. Но и въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ, онъ гораздо менѣе его артистиченъ; у него нѣтъ такого вѣрнаго чутья, какъ у Томсона. Можетъ быть, въ этомъ отношеніи его вліяніе было даже болѣе полезнымъ. Бѣлый стихъ Томсона также, какъ куплетъ Попа, ужъ черезъ чуръ совершенъ—онъ недопускаетъ разнообразія. Скачки Юнга, напротивъ, поощряютъ къ развитію.

Еще болѣе разнообразія въ содержаніи произведеній обоихъ поэтовъ и ихъ реакція противъ Попа въ этомъ отношеніи подавала еще большія надежды. У Томсона мы замѣчаемъ возвращеніе къ природѣ, у Юнга углубленіе въ интимныя и искреннія чувства и мысли человѣка. У обоихъ, конечно, замѣчается еще вліяніе условнаго. Абсолютная правдивость наблюденій Томсона еще облечена въ академическія формы выраженія; въ самоанализѣ Юнга замѣтны еще оковы театра, кафедры и моднаго «эссея». Но оба уже свергли иго города, «умниковъ» и обычнаго. Они снова признали то, чего не признавали

два предшествующія поколѣнія; т. е. то, что человѣкъ можетъ находиться одинъ, въ сообществѣ только съ природой и съ собой самимъ.

Прозаики. Теологи и моралисты.

Почти всѣ перечисленные въ этой главѣ писатели были поэтами и только одинъ изъ нихъ, Свифтъ, былъ великимъ прозаикомъ; но письма Попа красивы и другіе тоже писали хорошо. Съ перваго взгляда странно, что въ этомъ «вѣкѣ прозы» придавали главное и преувеличенное значеніе стихамъ. По этой ли причинѣ или по другой какой либо стихи въ этотъ періодъ несомнѣнно замѣчательнѣе прозы. Правда, одинъ Свифтъ могъ заполнить какой угодно литературный періодъ; а кромѣ его былъ Берклей, лучшій изъ авторовъ философской прозы и одинъ изъ лучшихъ прозаиковъ Англіи вообще. Но о Берклеѣ также, какъ и о всѣхъ другихъ философахъ и богословахъ, изслѣдованія которыхъ занимали такую большую часть ума и дарованій въ то время, уже было говорено. Такимъ же образомъ мы не можемъ говорить здѣсь о Мандевиллѣ, который несмотря на свое голландское происхожденіе былъ мастеромъ грубаго, непріятнаго, но энергичнаго и чисто народнаго англійскаго языка и почти такимъ же яркимъ реалистомъ, какъ и Дефое; о Шафтсбюри, его изящномъ предшественникѣ; о деистахъ, которые своими писаніями вызывали гнѣвъ писателей, болѣе достойныхъ, чѣмъ они; о Лесли, Doctor invincibilis полемики того времени; о Лоу, такомъ же сильномъ полемистѣ, какъ и Лесли, и еще болѣе его партійномъ; о Бентлеѣ, равномъ Лесли по ученой полемикѣ; о грубомъ стилѣ, но замѣчательно ясной мысли епископа Бутлера; о мягкомъ, хотя и коварномъ, благодушіи Конайерса Миддльтона. Намъ, правда, остается Болинброкъ, но мы не можемъ быть особенно довольными этимъ. Кажется несомнѣннымъ, что онъ былъ замѣчательнымъ ораторомъ; но относительно этого, какъ и относительно всѣхъ парламентскихъ ораторовъ до Борка, мы почти не имѣемъ никакихъ доказательствъ. Безспорно, что во время своей блестящей молодости онъ ослѣплялъ и привлекалъ литераторовъ отъ Драйдена до Попа. Можно считать несомнѣннымъ, что онъ обладалъ особой магнетической, какъ говорили позже, силой притяженія и только это можетъ объяснить его побѣды надъ услугами, оказанными отечеству Марльборо, надъ женанной добродѣтелью Анны, надъ практическими интригами Гарлея. Его современники считали его и великимъ философомъ и великимъ стилистомъ. Но знаменитое изреченіе: «кто же теперь читаетъ Болинброка»? доказываетъ, какъ быстро онъ утратилъ свой блескъ; хотя въ послѣднее время были сдѣланы нѣкоторыя попытки (главнымъ образомъ вслѣдствіе капризной любви къ нему лорда Биконсфильда) возродить его славу, онѣ всѣ оказались неудачными, Большинство тѣхъ, которые начинали благословеніемъ его, кончали, если и не проклятіемъ, то такой похвалой, значеніе которой было такъ хорошо

извѣстно его другу и барду. Дѣло въ томъ, что каковъ бы ни былъ Болинброкъ въ молодости, раньше того времени, когда торійская партія потерпѣла разгромъ, до значительной степени обусловленный его партійностью и его жаждой власти, позже онъ былъ до значительной степени шарлатаномъ. Его деизмъ, заимствованный у французовъ, былъ мелокъ; его философія, поскольку она не была простомодньмъ философствованіемъ, была еще болѣе мелкой; самый стиль его полированный по французски, поддѣльный, а не настоящій металлъ и не прочное дерево.

Дефое. Мы оставили къ концу одно великое имя—имя Даніеля Дефое. Несомнѣнно, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ политическая и даже личная честность Дефое была немногимъ лучше, чѣмъ у Болинброка; оставляя даже въ сторонѣ вопросъ о политикѣ и нравственности, стараясь забыть тотъ фактъ, что онъ одновременно бралъ деньги отъ торійскихъ издателей за написаніе торійскихъ статей и отъ министровъ-виговъ за то, чтобы эти статьи выходили по возможности менѣе вредными для правительства, общій характеръ его мышленія тупой, филистерскій, почти отвратительный. Но какъ литераторъ, оно все же крупный человѣкъ. Онъ родился въ 1659 году, участвовалъ въ возстаніи Монмоута и началъ рано писать памфлеты; при Вильгельмѣ, у котораго онъ былъ въ милости, онъ сдѣлался извѣстнымъ прозаическими трактатами противъ антиголландскаго настроенія палаты общинъ и деревянными, хотя и не слабыми, поэмами противъ «истинныхъ англичанъ». Перемѣна царствованія принесла ему безпокойства, вслѣдствіе его Shortest way with Dissenters—памфлета противъ высокопарности, написаннаго въ самомъ высокопарномъ тонѣ, и его Rewiew, о которомъ мы уже говорили, былъ написанъ при всяческихъ затрудненіяхъ. Но Гарлей, какъ это ни странно, сочувствовалъ ему и покровительствовалъ; такъ что онъ получилъ отъ него тайное порученіе работать для соединенія съ Шотландіей. Эти занятія Дефое продолжалъ и при Гановерскомъ домѣ по вышеуказанному методу, причемъ жертвой былъ Мистъ, торійскій издатель и его «Журналъ». Въ это время и позже замѣчательная литературрая дѣятельность Дефое была главнымъ образомъ посвящена политическимъ памфлетамъ въ прозѣ и стихахъ и мелкимъ произведеніямъ въ различныхъ литературныхъ родахъ; только шестидесяти лѣтъ онъ началъ писать свои беллетристическія произведенія, въ чистомъ и смѣшанномъ родахъ, создавшія ему его славу. Было бы совершенно невозможно, да и при полномъ отсутствіи сколько нибудь достовѣрныхъ доказательствъ и безполезно, обсуждать здѣсь различныя догадки объ источникахъ, изъ которыхъ черпалъ Дефое. Изъ всѣхъ догадокъ во всякомъ случаѣ, можетъ быть, самая вѣроятная, хоть съ перваго взгляда и самая удивительная, это та, что его произведенія просто результатъ настоящаго и силь-

наго таланта, наконецъ нашедшаго свою сферу и свой настоящій путь. Сначала предполагали—и это самое невѣроятное—что Дефое завладѣлъ чужими рукописями, потомъ что въ его распоряженіи былъ какой-то помогавшій въ его работѣ «Пятница» и наконецъ, что у него были источники, писанные или устные, которые онъ отдѣлывалъ и амплифицировалъ. Какъ бы то ни было, въ 1719 году появился «Робинзонъ Крузо» и любопытный фактъ въ общественной исторіи литературы состоитъ въ томъ, что почти одновременно съ появленіемъ цѣлаго сочиненія или вскорѣ послѣ оно было издано частями. Въ 1720 году появились «Дунканъ Кампбель» (не совсѣмъ романъ), замѣчательные «Мемуары кавалера», одинъ изъ самыхъ живыхъ и повидимому подлинныхъ военныхъ разсказовъ, и «Капитанъ Сингльтонъ», разсказъ объ изслѣдованіи Африки и о пиратахъ; начало этого разсказа не только замѣчательно само по себѣ, но и удивительно вѣрно передаетъ открытія, сдѣланныя въ теченіи послѣднихъ тридцати лѣтъ, что могло быть сдѣлано только при знакомствѣ автора съ португальскими картами и манускриптами. Въ 1721 году Дефое не писалъ ничего; но въ слѣдующемъ году онъ написалъ даже больше, чѣмъ въ 1719-мъ. Въ этомъ году были изданы «Молль Фландерсъ», которую называли «величайшимъ образцомъ чистаго реализма въ литературѣ», «Исторія чумнаго года» и «Полковникъ Жакъ», отдѣльныя мѣста котораго лучшее изъ всего написаннаго авторомъ. «Роксана» въ 1724 году была послѣднимъ и вообще говоря худшимъ изъ его романовъ, если исключить «Новое путешествіе вокругъ свѣта», слабое подражаніе «Капитану Сигльтону» и представляющее чисто ремесленное произведеніе. Онъ написалъ еще много и въ тридцатыхъ годахъ столѣтія былъ очень популярнымъ писателемъ. Потомъ вслѣдствіе не вполнѣ выясненныхъ причинъ онъ снова попалъ въ затрудненія, отъ 1729 до 1731 года скрывался и 29 апрѣля этого года умеръ въ скромномъ жилищѣ близъ Моорфильда.

Много говорили о свойствахъ этого необычайнаго ряда беллетристическихъ произведеній, не имѣвшихъ, такъ сказать, ни роду, ни племени (такъ какъ раньше ничего въ этомъ родѣ не было); но мнѣнія объ отдѣльныхъ произведеніяхъ Дефое очень различны. Исключеніе составляетъ только одинъ Робинзонъ, эта отрада юношества и не рѣдко утѣшеніе старости. Длинноты, часто некрасивыя детали, отсутствіе опредѣленной и сколько нибудь связной интриги и даже характеровъ отталкиваютъ многихъ, а замѣчательная правдивость многихъ привлекаетъ. Повидимому, произведенія Дефое не имѣли непосредственнаго вліянія на литературу; но до него не было такого количества произведеній фикціи въ прозѣ и это доказываетъ, что въ то время уже появилась потребность въ такихъ произведеніяхъ. Вообще же краткій критическій разборъ произведеній Дефое

совершенно невозможенъ. Можно только сказать, что человѣкъ, написавшій хоть одну изъ дюжины вещей, написанныхъ имъ, и ничего больше, считался бы всякимъ компетентнымъ критикомъ равнымъ любому изъ лучшихъ авторовъ «одной книги» въ нашей литературѣ.

Объ общемъ настроеніи того времени, образчикомъ которой былъ даже Дефое, было сказано достаточно въ связи съ разсужденіями о Попѣ; о появленіи реакціи противъ этого общаго настроенія мы сказали, говоря о Юнгѣ и Томсонѣ, такъ что теперь будетъ достаточно нѣсколькихъ дополнительныхъ замѣчаній. «Августовскій» характеръ этого литературнаго періода—подобно характеру другихъ подобныхъ періодовъ, включая и настоящій Августовскій періодъ—главнымъ образомъ ограничивался усовершенствованіемъ очень ограниченной и спеціальной литературной формы насчетъ высшихъ качествъ, не только содержанія, но даже и самой формы. Постоянная опасность монотонности была такъ велика, что она, какъ мы видѣли, чувствовалась, если не ясно сознавалась. Но эта опасность, какъ это часто бываетъ, вызывала и нѣкоторыя достоинства. Никакое стремленіе къ совершенству, каково бы ни было это совершенство (отъ времени до времени дѣлались попытки доказать, что это совершенство не было низменнымъ; но эти попытки мы можемъ признать просто дѣтскими парадоксами) не обходится безъ «нѣкоторыхъ сожалѣній, безъ нѣкоторыхъ стоновъ» о низменности. Ничтожная и условная болтовня эссеистовъ выкупалась не только изящной точностью выраженій, тонкостью наблюденій, но и здравымъ смысломъ, хотя и не высокаго качества, чистой, хотя и не возвышенной, нравственностью, здоровымъ и добрымъ настроеніемъ, удержавшими Англію въ этотъ вѣкъ интеллектуальной плоскости и житейской распущенности отъ тѣхъ золъ, которыя мы видимъ во Франціи и въ другихъ странахъ. Сатира и морализированіе Попа, но ихъ здравости и полезности уступавшія дѣятельности Аддисона и Стиля, проявляли не только почти дьявольскую ловкость ремесленной работы, но и грацію, изящество и воздушность, если и не ангельскія, то во всякомъ случаѣ напоминающія намъ о сильфахъ. Эта грація заблужденій августовскаго вѣка есть искупленіе его грѣховъ и ошибокъ.

Искусство: Живопись.

Гуггса.

Георгъ I, мелкій германскій деспотъ, случаемъ возведенный на престолъ свободной Англіи, не былъ склоненъ покровительствовать

искусству въ странѣ, которую онъ ненавидѣлъ и пребываніе въ которой считалъ непрочнымъ. Его стремленія къ роскоши сформировались по образцу стремленій его врага Людовика XIV и его дворецъ въ Герренгаузенѣ, по живымъ и мертвымъ украшеніямъ, былъ вульгарнымъ нѣмецкимъ подражаніемъ Версалю. Но ни въ Англіи, ни въ Гановерѣ онъ и не пытался серьезно подражать великому королю въ разумномъ покровительствѣ искусству и художникамъ. Георгъ вступилъ на престолъ въ 1714 году, въ годъ рожденія настоящаго художника, Ричарда Вильсона. Джосуа Рейнольдсъ родился на десятомъ году его царствованія, а годъ его смерти, 1727-й, былъ годомъ рожденія Гэнсборо. Но помимо этихъ случайныхъ совпаденій не было никакихъ отношеній между Гановерскимъ домомъ и англійскимъ искусствомъ, никогда не бывшимъ въ такомъ упадкѣ, какъ во время его царствованія.

Англійскіе художники.

Конечно, многіе изъ художниковъ предшествующаго царствованія еще продолжали работать. До 1723 года ловкій фанфаронъ Неллеръ продолжалъ выпускать издѣлія своей мастерской; честный, но мало даровитый Даль продолжалъ рисовать до средины столѣтія. Работы Даля въ галлереѣ въ Петуортѣ, вѣроятно, лучшія изъ картинъ художниковъ этаго царствованія. Лагерръ, бывшій помощникомъ и ученикомъ, а послѣ и соперникомъ Верріо, продолжалъ рисовать «протяженныхъ» святыхъ своего учителя на потолкахъ дворцовъ вельможъ. Онъ былъ выбранъ для разрисовки внутренности купола св. Павла, но потомъ устраненъ въ пользу младшаго его художника. Этотъ художникъ, Торнгилль, родился въ 1676 году и былъ моложе Лагерра на тринадцать лѣтъ. Онъ былъ изъ хорошей семьи, поселившейся въ сосѣдствѣ Мелькомба Региса. Онъ наслѣдовалъ Христофору Рену въ качествѣ представителя этаго мѣстечка въ парламентѣ и въ 1715 году получилъ званіе рыцаря. Какъ и многіе англійскіе художники того времени, сначала онъ былъ только любителемъ и недостаточное артистическое образованіе не уравновѣшивалось у него дарованіемъ. Его обвиняли въ томъ, что онъ пользуется помощниками, «духами», въ особенности нѣкоимъ Томасомъ Жибсономъ и несомнѣнно, что кое чѣмъ онъ обязанъ его помощи. Онъ оставилъ по себѣ память украшеніемъ собора Павла и залы въ Гринвичѣ; но главнымъ то образомъ его помнятъ, потому что онъ былъ другомъ и тестемъ Гогарта. Порученіе рисовать въ соборѣ было, какъ сказано, дано при Аннѣ Лагерру, но потомъ отнято у него Торнгиллемъ, скорѣе, кажется, потому, что онъ былъ свѣтскимъ человѣкомъ, чѣмъ ради его преимуществъ какъ художника Можетъ быть, это и къ лучшему; потому что если онъ и не нарисовалъ мозаики, какъ проектировалъ это Ренъ, то во всякомъ случаѣ Chiaro—Oscuro Торнгиля лучше цвѣтовъ Лагерра. Онъ былъ не безъ выдумки, кисть у него широкая, хотя и неинтересная — качество,

выразившееся въ полной мѣрѣ въ работахъ Ла Сюера. Алегорическая живопись Торнгиля въ залѣ гринвичскаго госпиталя говоритъ за его талантливость. Но она, холодна и претенціозна—тутъ король и королева Вильгельмъ и Марія, сопутствуемые Гименомъ и добродѣтелями, даютъ миръ Европѣ; Аполлонъ ѣдетъ среди знаковъ зодіака, по угламъ четыре элемента, а между колоссальными фигурами, поддерживающими балюстраду, фантастическіе портреты астрономовъ. Юнгъ говоритъ, что «кисть Рафаэля ожила въ рукѣ Торнгиля»—наврядъ ли, однако, съ согласія Рафаэля.

Любители-художники.

Мы сказали, что то было время джентльменовъ любителей и слѣдуетъ сказать, что они были посредственными художниками. Наиболѣе извѣстными изъ такихъ художниковъ — любителей были Жервасъ и Ричардсонъ. Первый былъ другомъ Попа и давалъ ему уроки живописи. Въ вознагражденіе за это онъ получилъ самую грубую лесть; поэтъ посмѣлъ подписать подъ его портретомъ лэди Бриджуотеръ (дочери знаменитаго герцога Марльборо).

„Твоя Бриджуотеръ соперничаетъ съ Еленой Зевкса“.

Нѣсколько лучшимъ художникомъ былъ Іонатанъ Ричардсонъ, получившій извѣстность довольно поздно, такъ какъ онъ родился въ 1665 году. Онъ былъ ученикомъ Рилея и послѣ паденія Неллера и Даля раздѣлялъ съ Жервасомъ славу лучшаго портретиста въ Англіи. Жервасъ и Ричардсонъ были люди съ литературными вкусами и дружили съ литераторами. Жервасъ перевелъ Донъ Кихота, а Ричардсонъ издалъ этюды объ «Искусствѣ критики» и о «Теоріи живописи», а также нѣсколько эскизовъ путешествій и замѣтки о Мильтонѣ. Дочь его вышла замужъ за Гудсона, имѣвшаго честь быть учителемъ Джосуа Рейнольдса; извѣстно, что Рейнольдсъ былъ высокаго мнѣнія, если не объ искусствѣ Ричардсона, то о его учености. Наиболѣе извѣстный изъ его портретовъ — портретъ Матью Пріора поэта, находящійся теперь въ Бодлеянской библіотекѣ.

Иностранные художники.

Въ числѣ иностранныхъ художниковъ, имѣвшихъ покровителей въ Англіи, въ это время были голландецъ Дитрихъ Нетчеръ, сынъ Каспара, Бальтазаръ Деннеръ изъ Альтоны, самый трудолюбивый изъ всѣхъ портретистовъ, и Петръ Тилльмансъ изъ Антверпена, имѣвшій много заказовъ отъ англійской аристократіи, какъ копіистъ, учитель и пейзажистъ; Зинке, миніатюристъ и финифтяныхъ дѣлъ мастеръ изъ школы Птито, началъ свою карьеру въ это царствованіе, хотя его извѣстность въ Англіи на цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ позднѣе. Петръ Монами подражалъ, и иногда съ необычайнымъ успѣхомъ, манерѣ маринистовъ изъ семьи Вандевельде. Въ теченіи года или двухъ въ это царствованіе въ Англіи былъ знаменитый швейцарскій или скорѣе женевскій пастеллистъ Леотардъ; его вы-

соко выработанная и точная, хотя и нѣсколько монотонная, манера была не безъ вліянія на англійскихъ художниковъ этаго жанра.

Скульптура. Скульптура еще болѣе другихъ отраслей искусства продолжала зависѣть отъ иностранцевъ, хотя любовь къ ней никогда не исчезала въ Англіи. Въ числѣ наиболѣе извѣстныхъ скульпторовъ въ послѣдніе годы Георга II былъ Джонъ Михаилъ Райсбрахъ и Петръ Шеемакеръ. Первый былъ белгіецъ и сначала его искусствомъ пользовался архитекторъ Жиббсъ, также какъ искусствомъ Шеемакера Кентъ. И Райсбрахъ и Шеемахеръ, тоже изъ Бельгіи, были прекрасными работниками и оба были сильно въ модѣ. Болѣе знаменитымъ былъ Рубилльякъ, уроженецъ Ліона. Онъ сдѣлалъ много мраморныхъ статуй, отличавшихся достоинствомъ и силой, рѣдкими въ то время. Въ числѣ наиболѣе знамениты памятники герцогу Аржилю въ Вестминстерѣ и Исааку Ньютону въ Кембриджѣ. Его статуя Генделя для сада Вокзала возбудила восторгъ и удивленіе скульптора Ноллекенса. Онъ былъ лучшимъ скульпторомъ въ Англіи того времени и, дѣйствительно, онъ выдается среди всѣхъ скульпторовъ этаго и послѣдующаго царствованій. Наиболѣе значительныя изъ его работъ и сдѣланы во время этаго послѣдняго.

Гендель и англійская музыка.

Кровеста.

Поселеніе Генделя въ Англіи. Гендель былъ самымъ замѣчательнымъ изъ музыкантовъ восемнадцатаго вѣка. Онъ былъ сынъ врача и родился въ Галле въ нижней Саксоніи 23 февраля 1685 года. Отецъ его не подготовлялъ его къ профессіи музыканта и только счастливая случайность привела его къ знакомству съ его первымъ учителемъ музыки, Захау, органистомъ собора въ Галле. Послѣ курса обученія въ Германіи Гендель посѣтилъ Италію; онъ понималъ, что въ итальянской музыкѣ много родственнаго его собственному пониманію искусства. Тайна его послѣдующаго крупнаго успѣха и состояла въ удачномъ соединеніи итальянскаго и германскаго стилей. Послѣ трехлѣтняго пребыванія въ Италіи Гендель вернулся на родину и сдѣлался капельмейстеромъ избирателя Ганноверскаго, впослѣдствіи Георга I. Это было въ 1709 году. Въ слѣдующемъ году Гендель посѣтилъ Англію и подобно многимъ другимъ до и послѣ него получилъ очень благопріятное впечатлѣніе относительно будущаго музыки въ Англіи. Итальянская опера была въ то время новостью, постепенно распространявшейся по всей Европѣ при посредствѣ странствующихъ опер-

ныхъ труппъ. Въ Англіи она появилась въ 1706 году, когда въ Дрюриленскомъ театрѣ поставили «Арсиною«, съ англійскимъ текстомъ. Въ теченіи четырнадцати дней Гендель написалъ «Ринальдо», исполненнаго въ Геймаркетскомъ театрѣ 24 февраля 1711 года. Литераторы и «умники» смѣялись надъ оперой, но публика приняла ее съ восторгомъ. Въ «Ринальдо» не было новыхъ формъ, но красота и оригинальность музыки и блескъ декорацій произвели сенсацію. Несомнѣнно, что это была лучшая опера изъ даваемыхъ до этихъ поръ. Ея успѣхъ рѣшилъ судьбу Генделя; онъ рѣшился навсегда поселиться въ Англіи. Музыкальное искусство въ Англіи въ то время было въ упадкѣ. Музыка временъ Елисаветы была забыта. Во время гражданской войны пострадалъ самый матеріалъ музыки. Реставрація не поправила дѣла, такъ какъ церковная музыка во французскомъ стилѣ и музыка феерій не могли поставить музыкальное дѣло на сколько нибудь прочную ногу. Потому условія для поселенія Генделя въ Англіи и для его дѣятельности были особенно благопріятны; въ теченіе семи лѣтъ ему было довольно работы при дворѣ и среди аристократіи.

Гендель, какъ оперный композиторъ.

Въ 1721 году Гендель началъ предпріятіе, поставившееe его во главѣ музыкальнаго дѣла въ Англіи и сдѣлавшаго изъ него видную фигуру въ англійскомъ обществѣ, а также и крупнаго дѣятеля среди двухъ враждебныхъ партій музыкальнаго міра. Многіе изъ знатныхъ лицъ рѣшили завести въ Лондонѣ постоянную итальянскую оперу, Гендель былъ избранъ руководителемъ предпріятія. Опера устроилась въ Геймаркетскомъ театрѣ подъ неудачнымъ названіемъ «Королевской академіи музыки». Пригласивъ труппу итальянскихъ пѣвцовъ, въ числѣ которыхъ были Дюрастанти и сопранистъ Сенезино (тогда женскія партіи пѣли мужчины), Гендель быстро одну за другой написалъ «Радамиста», «Муція Сцеволу», «Флориданте», «Оттона», «Флавія», «Юлія Цезаря», «Тамерлана», «Роделинду», «Сципіона», «Александра», «Адмета», «Ричарда Перваго», «Сирое» и «Толомео»— всѣ эти оперы составлены по обычному образцу того времени; всѣ онѣ болѣе или менѣе имѣли успѣхъ, но несмотря на старанія и усердіе Генделя предпріятіе успѣха не имѣло. Генделю пришлось встрѣтиться съ тѣми затрудненіями, которыя такъ часто разоряютъ антрепренеровъ. И покровители и пѣвцы начали капризничать и проявлять свой характеръ, а Гендель съ его грубой независимостью и отсутствіемъ уваженія былъ не такимъ человѣкомъ, чтобы терпѣть чье либо вмѣшательство. Его манера обращенія была не изящна, но рѣшительна. Обычными словами, съ которыми онъ обращался къ пѣвицамъ, не желавшимъ исполнять его желаній, были: «если вы не будете пѣть, какъ я написалъ, я возьму васъ за талію и выброшу изъ окна». Понятно, что подобное обращеніе только ускорило кризисъ, перешедшій въ скандалъ во время сезона 1728 года,

когда на сценѣ Геймаркетскаго театра произошло публичное столкновеніе между пѣвцами Куццони и Фаустиной, поддерживаемыми ихъ партіями. Труппа была распущена.

Въ слѣдующемъ году появилась новая антреприза. Гендель въ сообществѣ съ Гейддеггеромъ, извѣстнымъ въ театральныхъ лѣтописяхъ какъ самый безобразный мужчина въ Европѣ, сняли королевскій театръ въ Геймаркетѣ. Для этой антрепризы неутомимый музыкантъ нашелъ новыхъ пѣвцовъ и написалъ новыя оперы: «Лотаріо», «Парфенопу», «Пора», «Эція» «Сосарма» и «Орландо»; но онъ, повидимому, встрѣтилъ и тутъ сильную оппозицію, дѣлавшуюся все сильнѣе и раздраженнѣе и вынудившую его выдти изъ кампаніи. Это было въ 1734 году. Обезкураженный, но не разбитый, рѣшительный композиторъ попробовалъ и въ третій разъ—и на сей разъ уже одинъ—несмотря на сильную оппозицію аристократіи и пѣвцовъ, поклявшихся погубить его. Онъ разсорился съ Сенезино, однимъ изъ тѣхъ знаменитыхъ сопранистовъ, которые въ то время были необходимы для оперныхъ представленій. Сенезино былъ надменнымъ и дерзкимъ, онъ былъ баловнемъ моднаго общества, потому разрывъ съ нимъ означалъ для Генделя разореніе. У пѣвца было много друзей, потребовавшихъ удовлетворенія для него, но Гендель отказался. Онъ поклялся, что Сенезино никогда не будетъ пѣть въ его театрѣ и сердитый композиторъ сдержалъ слово. Друзья Сенезино завели новую оперу въ Линкольнсъ-Инъ-Фильдѣ. Гендель отправился въ Италію, добылъ новыхъ артистовъ и привезъ ихъ въ Лондонъ, нанявъ для своей оперы Ковентгарденскій театръ. Онъ написалъ новыя оперы: «Семирамиду», «Арбаса», «Аріадну», «Пастора Фидо», «Дидону» «Веренику», «Ксеркса» и «Праздникъ Александра»; кромѣ того онъ отдалъ предпріятію всю свою энергію и все состояніе. Но онъ обанкрутился. Разочарованный, утомленный духомъ и тѣломъ, разорившійся Гендель удалился въ Aix la Chapelle. Это было въ 1737 году.

Характеръ оперъ Генделя.

Гендель написалъ сорокъ двѣ оперы. Хотя въ нихъ и много оригинальнаго, Генделевскаго, но по своимъ формамъ они не отличались отъ современныхъ итальянскихъ оперъ. Въ оперѣ Гендель былъ консерваторомъ. Онъ слѣдовалъ стилю своихъ предшественниковъ въ томъ, что мелодіи у него являлись совершенно изолированными; онъ ввелъ очень немногія реформы. Его оперы были настолько въ итальянскомъ вкусѣ, что итальянцы называли его «дорогимъ саксонцемъ» (Caro Sassone)—названіе, котораго не легко добиться нѣмецкому музыканту. Но если въ формѣ его оперъ мы и не видимъ прогресса, то драматизмъ ихъ превосходилъ все существовавшее до сихъ поръ въ оперѣ. Въ прежнихъ операхъ не было выразительности и колоритности и ввелъ ихъ только Гендель. «Ринальдо» по своей колоритности превосходилъ всѣ прежнія оперы и

этимъ своимъ свойствомъ опера была обязана не пѣвцамъ, не драматическимъ актерамъ, а самому композитору, и Гендель сохранилъ его во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, написанныхъ для сцены. Его геніальность выразилась въ оперѣ въ аріяхъ, а не въ хорахъ, какъ въ его ораторіяхъ. Аріи этихъ оперъ, отличающіяся замѣчательной выразительностью, мелодичностью и пафосомъ, могли бы съ удовольствіемъ слушаться и теперь. Даже трудно среди такого богатства арій сдѣлать выборъ; но такія аріи какъ, Caro Vieni a me (изъ «Ричарда Перваго»), которую пѣла Куццони, Vieni torna Idolo mio («Тезей»), Cuor di madre e cuor di miglie («Сосармъ»), Bel piacer («Ринальдо»), и Il tricerbero umiliato («Ринальдо»), отличаются свѣжестью, чувствомъ, симметріей и удобствомъ для голоса, дѣлающими ихъ выше всего, что было написано до Генделя. Также новъ и замѣчателенъ, какъ и аріи, свободный и характерный аккомпаниментъ; онъ при толковомъ употребленіи мѣдныхъ, деревянныхъ и струнныхъ инструментовъ долженъ былъ чаровать слушателей, для которыхъ такая искусная и развитая оркестрировка была новостью. Но несмотря на достоинста арій, на оркестровый аккомпаниментъ, на нѣкоторыя незначительныя улучшенія существовавшихъ формъ, вродѣ введенія квартета въ третьемъ актѣ «Радамисто», двухъ послѣдовательныхъ арій въ двухъ главныхъ партіяхъ въ «Тезеѣ» (что было совершеннымъ новшествомъ), несмотря на свое искусство руководить оперой, Гендель не могъ имѣть успѣха въ Англіи. Надутость и преувеличенія этого жанра не согласовались съ національной серьезностью англичанъ; англійской публикѣ не нравились сильныя любовныя сцены, мужчины, исполняющіе женскія партіи, трагичность. Публика хотѣла англійской оперы и она забыла или не знала Пурселя. Гендель потерпѣлъ неудачу съ итальянской оперой и его репертуаръ теперь настолько же забытъ на континентѣ, какъ онъ былъ тогда непопуляренъ въ Англіи.

Ораторіи Генделя.

Въ то время настоящій Гендель еще не былъ извѣстенъ. Когда его здоровье поправилось, онъ отъ свѣтскаго искусства обратился къ церковному, къ которому онъ былъ особенно способенъ вслѣдствіе своего музыкальнаго образованія. Онъ былъ искреннимъ лютераниномъ и обстоятельства его жизни заставляли его цѣнить реальное и серьезное въ искусствѣ. Благородный языкъ библіи, ея торжественныя истины теперь казались маэстро единственными пригодными для музыкальнаго выраженія при томъ настроеніи, въ какомъ онъ находился. И тогда онъ создалъ свои великія ораторіи, обезсмертившія его имя и имѣвшія такое громадное вліяніе на англійскую музыку. Новизна этого рода духовной музыки состояла въ томъ, что она писалась не для церкви, какъ прежнія ораторіи, а для исполненія въ театрѣ. Первыми ораторіями Генделя были Iohannis Passion (1704), итальянская ораторія La Ressurezione (1708). Послѣ

этого онъ занялся тѣми образцовыми произведеніями духовной музыки, которыя поставили его выше всѣхъ композиторовъ восемнадцатаго вѣка. «Саулъ» былъ исполненъ съ большимъ успѣхомъ въ Геймаркетскомъ театрѣ въ 1739 году; потомъ съ свойственной генію плодовидостью Гендель написалъ: «Израиля въ Египтѣ» (1739) «Оду въ день св. Сесиліи» и «Allegro ed il Penseroso» (1740), царицу ораторій «Мессію» (1741), «Самсона» (1743) «Іосифа» (1744), «Іуду Маккавея» (1747), «Іисуса Навина» (1747), «Соломона» (1748), «Теодору» (1749), «Іефту» (1751) и многія другія.

Характеръ ораторій Генделя.

Эти произведенія сдѣлали Генделя безсмертнымъ. Онъ не изобрѣлъ этого музыкальнаго рода; онъ ведетъ свое происхожденіе изъ Италіи; но Гендель довелъ его до такого совершенства, что ораторія стала идеальной цѣлью всякаго великаго музыканта, цѣлью, къ которой впослѣдствіи приблизился одинъ Мендельсонъ. Замѣчательно, что такія произведенія были написаны пятидесятичетырехъ лѣтнимъ человѣкомъ; не менѣе удивительно и то, что Генделю несмотря на сильную оппозицію аристократіи удалось заставить публику слушать ихъ, что онъ возстановилъ свое состояніе произведеніями, не предназначавшимися для обыкновенныхъ искателей удовольствій. Но маэстро обращался не къ аристократіи, а къ большему среднему классу, и эта публика тогда, какъ и теперь, любила церковную музыку Генделя, революціонизировавшую музыкальныя стремленія и музыкальное мышленіе Англіи. Внутреннія достоинства ораторій Генделя, безъ сомнѣнія, значительны; но не личность композитора, не введеніе новыхъ вокальныхъ и инструментальныхъ методовъ дѣлаютъ ихъ вѣчными образцами искусства. Помимо ихъ возвышенности и красоты, главными характерными ихъ свойствами были умѣлая конструкція и мастерское соединеніе германскаго и итальянскаго стилей. Гендель многимъ обязанъ Пурселю. Введеніе новой формы ораторіи было крупнымъ дѣломъ, но еще болѣе крупнымъ дѣломъ было сдѣлать ихъ художественными и совершенными. Многое обусловливало успѣхъ Генделя. До него въ теченіи цѣлыхъ двухъ вѣковъ въ духовной музыкѣ царилъ строгій, суровый, неколоритный стиль Палестрины. Единственнымъ исключеніемъ была англійская школа. И вотъ внезапно появляется въ музыкѣ Гендель, съ его богатымъ колоритомъ и съ драматизмомъ въ выраженіи. Это было громаднымъ шагомъ впередъ въ музыкѣ. Его рисунки звуками были новостью для того времени; это составило для музыки точку отправленія и повело къ великимъ слѣдствіямъ, къ произведеніямъ Бетховена, Шумана и другихъ. Гендель пытался изобразить звуками такія естественныя явленія, какъ пѣніе птицъ, говоръ ручья и пр. и въ своихъ операхъ; но въ ораторіяхъ онъ былъ еще болѣе экспрессіонистомъ. Въ нихъ онъ изображаетъ въ звукахъ такія картины, какъ остановку движенія солнца, чудесное раздѣленіе на двое Чермнаго моря, на-

ступленіе мрака и т. д. Въ его ораторіяхъ мы можемъ найти всевозможныя оттѣнки выраженія. Въ «Израилѣ въ Египтѣ», въ этой царственной ораторіи, цѣлыя страницы несравненной музыкальной живописи; всѣмъ, изучавшимъ музыку Генделя, хорошо извѣстны мѣстный колоритъ «Мессіи» и такія прелестныя и выразительныя вещи, какъ «Deeper and deeper still», «Waft her, angels», «There wore shepherds abiding in the fields». Вѣроятно, нѣтъ ни одной пьесы описательной музыки, столь извѣстной какъ Dead March въ «Саулѣ». Генделъ двѣсти лѣтъ тому назадъ далъ искусству этотъ великолѣпный подарокъ-колоритность, сдѣлавшую музыку жизненной, какой она и должна быть. Неудивительно, что онъ былъ выше всѣхъ современныхъ ему музыкантовъ и получилъ репутацію безспорно перваго музыканта въ Европѣ. Неудивительно, что его музыка распространялась все больше и больше и дѣлалась все болѣе популярной; въ ней есть такія свойства, которыя сохранятъ ее навсегда отъ забвенія.

Не менѣе, чѣмъ чисто музыкальная сторона образцовыхъ произведеній искусства, давшихъ Генделя неувядаемую славу, важно соціальное ихъ значеніе. Онъ былъ великимъ колористомъ въ музыкѣ; но въ построеніи его ораторій ему оказали добрую услугу не только его геніальность и ученость, а и его религіозные принципы и наклонности. Воспитанный въ атмосферѣ «хораловъ», простой пѣсни протестантской церкви въ Германіи, Генделъ былъ хорошо подготовленъ для созданія новаго рода музыки, составлявшаго развитіе англійскаго церковнаго пѣснопѣнія, столь отраднаго для сердца и уха англичанъ. Это и составляетъ всю тайну яснаго и простого стиля Генделя. Его серьезный отъ природы темпераментъ позволилъ ему превосходно обработывать торжественныя духовныя темы; онъ прекрасно зналъ библію и за отсутствіемъ либреттиста могъ самъ составлять либретто къ своей музыкѣ. Предполагаютъ, что либретто къ «Израилю въ Египтѣ» составлено имъ самимъ.

Оркестрировка. Оркестрировка у Генделя не отличалась отъ обычной въ его время и для насъ она по необходимости представляется бѣдной и блѣдной; потому то такъ и желательны были добавочные аккомпанименты, сдѣланные Моцартомъ, Мендельсономъ и другими музыкантами къ ораторіямъ маэстро, чтобы дать имъ ту инструментальную обработку, которую далъ бы, вѣроятно, и самъ Генделъ, если бы только въ его время такая оркестрировка вообще существовала, Въ числѣ радикальныхъ измѣненій конца восемнадцатаго вѣка было и измѣненіе въ музыкѣ. Инструментальное искусство начало конкурировать съ вокальнымъ и хотя Генделъ не сдѣлалъ, и не могъ сдѣлать, для оркестрировки того, что сдѣлали Моцартъ, Гайднъ и Бетховенъ, онъ все таки сдѣлалъ значительные успѣхи въ употребленіи инструментовъ. Онъ не увеличилъ матеріаловъ оркестрировки, но его оригинальное пользованіе инструментами, какъ въ аккомпаниментѣ, такъ

и въ хорѣ, значительно развило эту сторону музыкальнаго искусства.

Генделъ не создалъ новыхъ музыкальныхъ формъ, но значительно развилъ существующія. Кариссими (1604—74), жившій и умершій до рожденія творца «Мессіи», въ «Іонѣ» сдѣлалъ много для речитатива, двойного хора и инструментальныхъ эффектовъ; но это не можетъ быть сравниваемо съ тѣмъ, что сдѣлалъ Генделъ своими колосальными хорами. Его хоры въ особенности возвышаются надъ всѣми подобными формами искусства; хотя Гайднъ, Споръ, Мендельсонъ и менѣе геніальные музыканты, вродѣ Макфаррена и Сулливана, впослѣдствіи писали ораторіи, только одинъ изъ нихъ, Мендельсонъ, приблизился къ величію и возвышенности хоровъ Генделя. Наиболѣе извѣстные образчики манеры Генделя—это «Amen» и «Hallelujah» («Мессія»), «When his loud voice (Jephta), Gird on thy sword (Саулъ), «He spake the word» и «I Will sing unto the Lord» (Израиль въ Египтѣ), «The many rend the skies» (Праздникъ Александра), и многіе другіе.

Широта замысла, геніальность искусства контрапункта и колоритность ставятъ эти произведенія выше всѣхъ другихъ въ томъ же родѣ и когда мы говоримъ о хорахъ въ музыкальномъ смыслѣ этаго термина, мы всегда невольно вспоминаемъ о Генделѣ. Въ числѣ многихъ написанныхъ имъ хоровъ нѣтъ ни одного, который не служилъ бы доказательствомъ его теоретическаго знанія и его искусства; а кромѣ того они и не отличаются какими либо непреодолимыми вокальными трудностями; наоборотъ, разныя пѣвческія общества въ Англіи поютъ хоры Генделя лучше, чѣмъ что либо другое, такъ какъ маэстро обладалъ тайной создавать самые замѣчательные эффекты простѣйшими средствами. Такая простота всегда соединяется у него съ возвышенностью и даже въ настоящее время эти хоры также, какъ и ораторіи Генделя, представляютъ идеалъ духовной музыки — идеалъ несравненный и недостижимый никѣмъ. Вообще великая услуга, оказанная Генделемъ музыкѣ, состоитъ не въ какихъ либо нововведеніяхъ въ формѣ или въ теоріи, а въ томъ чистомъ и возвышающемъ вліяніи, которое оказали постоянныя исполненія его ораторій. Его музыка подняла тонъ и характеръ искусства и настолько сдѣлалась популярной среди всѣхъ классовъ населенія, что безразличная или вульгарная музыка имѣла съ тѣхъ поръ мало шансовъ на успѣхъ.

Великій музыкантъ работалъ во всѣхъ отрасляхъ своего искусства. Онъ былъ практикомъ въ музыкѣ, понимавшимъ, что народъ можетъ пѣть и что ему можетъ нравиться. Онъ былъ учителемъ королевъ, принцевъ и знати; многіе пѣвцы пользовались его уроками и совѣтами. Въ качествѣ органиста онъ не зналъ соперниковъ. Его игра, когда онъ уже былъ слѣпымъ и когда «небо было

предъ его очами», въ Воспитательномъ домѣ составляла страничку въ исторіи музыки. Онъ былъ не только великимъ музыкантомъ, но и высоко нравственнымъ человѣкомъ; его доброта и щедрость были почти безграничными. Почти невозможно точно измѣрить его вліянія, какъ музыканта, такъ какъ оно было не столько спеціальнымъ, сколько общимъ. Благодѣяніемъ для Англіи была именно атмосфера, созданная музыкой Генделя. Музыканты и композиторы не подражали ему; онъ не создавалъ, какъ это пытался сдѣлать Мендельсонъ, новыхъ формъ и ритмовъ; онъ не былъ такимъ композиторомъ, котораго можно бы было обкрадывать, не подвергаясь риску быть немедленно открытымъ. Но возвышенность, простота и величіе, побѣждающая правдивость каждой написанной имъ строки, возвышая нашу душу, становятся для насъ стольже естественными и привычными, какъ воздухъ, которымъ мы дышимъ. Это вліяніе Генделя было воспитательнымъ; оно выучило насъ понимать какая музыка нравится и должна нравиться англійскому народу. Такое воспитательное значеніе имѣли главнымъ образомъ ораторіи Генделя; благодаря имъ Гендель всегда будетъ считаться великимъ музыкальнымъ учителемъ англійскаго народа. Вліяніе его музыки сдѣлало Англію въ сферѣ этаго искусства тѣмъ, что она есть, и въ благодарность за это тысячи людей ежегодно стекаются къ гробницѣ Генделя въ «углу поэтовъ» въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, чтобы воздать должное генію человѣка, который и послѣ смерти все болѣе и болѣе привлекаетъ насъ.

Земледѣліе—1689—1742.

Протеро.

Крупныя измѣненія въ англійскомъ земледѣліи въ теченіи ста лѣтъ послѣ революціи могутъ быть отожествляемы съ именами пяти человѣкъ: Іетро Туля, лорда Тоунсгенда, Бакуэлля Дишли, Артура Юнга и Кока Голькгама. Стараніями этихъ людей были произведены измѣненія въ методахъ земледѣлія; которыя дали странѣ возможность выдержать наполеоновскія войны и удовлетворить запросамъ промышленнаго населенія, увеличивавшагося по своей численности неправильно, скачками. Благодаря улучшеніямъ, введеннымъ этими піонерами въ дѣлѣ земледѣлія, Англія могла доставлять хлѣбъ и мясо большимъ центрамъ промышленности и торговли, выросшимъ какъ бы по мановенію волшебнаго жезла къ концу восемнадцатаго вѣка, въ такое время, когда было невозможно получить предметы необходимости изъ другихъ странъ. Въ настоящій періодъ мы имѣемъ

дѣло съ исторіей только двухъ изъ этихъ творцовъ новаго англійскаго земледѣлія, Іетро Туля и Тоунсгенда. Но чтобы понять сущность измѣненій, очевидныхъ при сравненіи земледѣлія въ семнадцатомъ и въ девятнадцатомъ вѣкахъ, необходимо составить опредѣленное представленіе о способѣ обработки земли въ 1689 году и въ 1789 годахъ.

Общій видъ страны.

Обширныя пространства, теперь обработанныя, въ то время лежали впустѣ и были неогорожены. Большая часть графства Эссексъ была занята лѣсами Эппингъ и Hainault; еще въ 1793 году Гоунслоу Гитъ и Финчли Коммонъ описывали эту мѣстность какъ пустыню, пригодную для жительства только дикарей и Черокезовъ; два года до этого времени лѣса Сюррея представляли совершенную пустыню вокругъ станцій, стоявшихъ тутъ для почтальоновъ. Если такой было сосѣдняя Лондону мѣстность къ концу восемнадцатаго вѣка, то можно предположить, что сто лѣтъ раньше менѣе цивилизованные округа были еще болѣе менѣе населенными и обработанными. Кэмбриджширъ и Гунтингтонъ-ширъ были еще неосушенны; Робинъ Гудъ нашелъ бы свой лѣсъ въ Шервудѣ покрывающимъ большую часть Ноттингамшира; Дербиширъ былъ еще покрытъ верескомъ и отъ сѣверной части графства до Нортумберланда, на разстояніи 150 миль, путешественникъ не встрѣчалъ ничего кромѣ пустошей. Дорога отъ Беверлея къ Гуллю была обсажена ивами, выдающимися надъ болотами; въ Бартонѣ на Гумберѣ при наступленіи темноты звонили въ колокола, чтобы указывать путешественникамъ дорогу; по дорогѣ изъ Слифорда въ Вриггъ, представлявшей совершенную пустыню, на Дунстановомъ столбѣ зажигался огонь для показанія путешественникамъ дороги.

Жизнь въ деревнѣ.

Болѣе трехъ пятыхъ обработанной земли Англіи обработывалось по системѣ открытыхъ полей, деревнями, представлявшими земледѣльческія общины. Каждая изъ такихъ деревень была изолированной и самостоятельной единицей. Заставныхъ пошлинъ не было и за исключеніемъ главныхъ путей сообщенія дорогъ почти не было. Въ сельскихъ округахъ колесные экипажи были крайней рѣдкостью. Проселочныя дороги, болѣе или менѣе непроѣзжія, идущія отъ деревни къ ея обрабатаннымъ землямъ и прерывавшіяся на границѣ ихъ, могли быть названы дорогами развѣ только изъ вѣжливости. Обыватели не нуждались въ сношеніяхъ даже съ ближайшими сосѣдями, и еще менѣе съ внѣшнимъ міромъ. Поля и стада давали имъ необходимыя пищу и одежду. Въ пустошахъ было достаточно лѣса для построекъ, изгородей и топлива. Въ каждой деревнѣ была своя мельница, обыкновенно составлявшая собственность владѣльца помѣстья; почти во всякомъ домѣ была своя печь для хлѣба и котелъ для варки пива. Женщины пряли шерсть и дѣлали грубое сукно; мужчины сами выдѣлывали кожи. Богатство существовало въ самой

простѣйшей его формѣ; не существовало и раздѣленія труда, такъ какъ употреблялись только самыя грубыя орудія производства. Орудія, необходимыя дяя обработки земли и грубыя хозяйственныя орудія, необходимыя для ежедневнаго употребленія, дѣлались дома. Въ долгіе зимніе вечера крестьяне, ихъ дѣти и слуги вырѣзывали деревянныя ложки, блюда и чаши, производили издѣлія изъ рога или зашивали дыры въ кожанныхъ мѣшкахъ; плели корзины, прилаживали ручки къ косамъ, серпамъ и другимъ орудіямъ, дѣлали бочки, рѣзали ремни для веревокъ, дѣлали изъ ивы или ясеня зубья для боронъ и обжигали ихъ, прилаживали ярма для быковъ и вилы, рѣшетки для боронъ и ручки для сохъ, плели изъ ивняка колыбели и разныя другія подѣлки. Странствующіе плотники, кузнецъ и красильщики посѣщали по временамъ фермы и отдаленныя деревни и исполняли тѣ работы, для которыхъ нужно было ихъ искусство. Не во всякой сколько нибудь значительной деревнѣ были свои плотники и для нихъ всегда бывала работа въ своей деревнѣ. Женщины плели изъ соломы ошейники, шили изъ овечьихъ шкуръ мѣшки для сѣделъ, плели изъ конопли или соломы стремяна и поводья, лили свѣчи. Прялки, веретена и иглы никогда не оставались безъ дѣла. Грубое домашнее сукно и холстъ удовлетворяли ихъ потребностямъ. Во всякомъ фермерскомъ домѣ и въ большей части коттеджей были свои пивоваренные котлы. Самыя названія: Spinster, webster, chepster, litster, brewster, baxter доказываютъ, что женщины пряли, ткали, рѣзали и красили сукно, также какъ пекли хлѣбъ и варили пиво для дома.

Обработка полей.

Землю вокругъ деревни обыватели обработывали сообща, по системѣ открытыхъ полей, какъ члены общаго хозяйства, какъ участники въ одномъ нераздѣльномъ предпріятіи. Средняя величина владѣнія равнялась восемнадцати акрамъ пахотной земли, двумъ акрамъ луга и праву на общій выпасъ и другія общія пустоши для сорока овецъ и столькихъ головъ рогатаго скота, сколько владѣлецъ могъ прокормить въ зимніе мѣсяцы. Но каждое владѣніе не только измѣнялось по величинѣ, но и дѣлилось на мелкіе, не рядомъ лежащіе куски. Одинъ хозяинъ могъ владѣть своей частью земли на правахъ полнаго собственника (freehold), другой на правахъ обязаннаго (copyhold) третій, какъ пожизненный арендаторъ (leaseholder for lives) четвертый, какъ арендаторъ на извѣстное количество лѣтъ, пятый какъ арендаторъ на годъ и шестой, какъ арендаторъ безсрочный (at will). Но каковы бы ни были ихъ права владѣнія землей, всѣ они обработывали ее сообща, по системѣ, введенной еще до норманскаго завоеванія и въ 1689 году господствавшей по крайней мѣрѣ на трехъ пятыхъ всей обработанной земли и хотя постепенно исчезавшей въ послѣднія три десятилѣтія восемнадцатаго вѣка и въ

первую половину девятнадцатаго, но сохранившейся кое гдѣ даже до настоящаго времени.

Земля такой деревни — общины состояла изъ луговъ, пахатной и пастбища. Если взять за образецъ деревню въ Уильтширѣ, то мы видимъ, что форма владѣнія была вообще длинной и узкой, находившейся между низменностями и рѣкой и часто простиравшейся въ длину на три мили. Въ одномъ концѣ общей земли стояли коттеджи, построенные изъ глины и крытые соломой, съ отдѣльнымъ дворомъ каждый или небольшимъ пастбищемъ для лошадей, телятъ и упряжныхъ быковъ. Иногда эти дворы или «телятники» (garstons) были общими всѣмъ владѣльцамъ деревни для прокорма телятъ или быковъ, которые не могли послѣ работы въ теченіи цѣлаго дня прогоняться на общинное пастбище, гдѣ скотъ пасъ пастухъ. Въ этихъ загородкахъ или въ «happy garstons», какъ ихъ называли въ Астонъ Божесъ въ Оксфордширѣ, происходили и деревенскія игрища.

На низинахъ, часто по берегу рѣки, находились сѣнокосы или ings, какъ ихъ называли. Эти сѣнокосы огораживались кусками, распредѣлялись между совладѣльцами и находились въ отдѣльномъ владѣніи отъ Стрѣтенія или отъ Благовѣщенія до покоса. Когда сѣно было скошено и убрано, луга снова превращались въ общее пастбище до слѣдующаго года, когда ихъ снова распредѣляли по участкамъ.

Надъ покосами, вверхъ по холмамъ до такой высоты, гдѣ мѣстность становилась слишкомъ крутой для вспашки и гдѣ земля была очень тощей, шли пахатныя земли въ трехъ поляхъ. Каждый годъ одно изъ этихъ неогороженныхъ полей засѣвалось рожью или пшеницей или смѣсью этихъ двухъ злаковъ, называемой maslin; другое поле засѣвали ячменемъ, овсомъ, бобами или горохомъ; третье лежало подъ паромъ. Пахатная земля обрабатывалась изъ году въ годъ по такой трехпольной системѣ. Каждое изъ трехъ полей дѣлилось на узкія полосы въ акръ или полъакра и эти полосы отдѣлялись одна отъ другой узкими, поросшими кустарникомъ полосками необрабатываемой земли. Все владѣніе деревни распредѣлялось такимъ образомъ, что каждый имѣлъ треть своего владѣнія въ каждомъ изъ трехъ полей и его три полосы не лежали рядомъ, а распредѣлялись такимъ образомъ, что дурная и хорошая земля распредѣлялась равномѣрно. Такъ если напр. Джонъ Доe имѣлъ восемнадцать акровъ пахатной земли, то у него каждый годъ было шесть акровъ подъ пшеницей и рожью, шесть подъ ячменемъ, овсомъ, бобами или горохомъ, а шесть подъ паромъ, и полосы были такъ распредѣлены, что онъ владѣлъ лучшей и худшей землей въ надлежащей пропорціи. Отъ посѣва до жатвы полосы огораживались ихъ владѣльцами. Послѣ вывозки хлѣба изгороди снимались, права общины

на землю возстановлялись и на всей пахатной землѣ пасся деревенскій скотъ.

За покосами и пашнями находилась самая плохая и необрабатываемая земля; ее оставляли неочищенной и она доставляла желуди для свиней, пастбище для рогатаго скота и дерево для построекъ, изгородей и топлива, а также тростникъ, ивнякъ и камышъ для крышъ, веревокъ, корзинъ, постелей и множества другихъ предметовъ, необходимыхъ для дома и фермы. Въ тѣхъ же мѣстахъ находились обыкновенно и пастбища для скота и овецъ. Для пастьбы скота и овецъ сельчане нанимали особыхъ пастуховъ. Бараны и быки составляли собственность всего прихода. Овцы цѣнились больше за шерсть, чѣмъ за мясо, а коровъ держали главнымъ образомъ какъ молочный и вьючный скотъ. Общинный пастухъ прогонялъ овецъ въ низменности или пасъ ихъ по общей пашнѣ, а при откармливаніи ихъ пасли на отдѣльныхъ участкахъ, причемъ каждый хозяинъ доставлялъ своему стаду пищу. Рогатый скотъ выгонялся на общее пастбище въ маѣ и пасся тамъ до окончанія сѣнокоса и до вывоза жатвы съ пахотныхъ полей. Среди лѣта его пасли на прирѣчныхъ болотцахъ или по падямъ и выгоняли на общее пастбище только послѣ вечерняго доенья. Къ концу лѣта онъ кормился остатками травы на покосахъ, стеблями бобовъ и гороха и колосьями пшеницы, ржи, овса и ячменя. Тогдашній фермеръ не зналъ зимняго откармливанья. Онъ, какъ сказано выше, не обращалъ никакого вниманія на совѣты писателей по земледѣлію. Потому его скотъ былъ сколько нибудь сытымъ только къ концу лѣта. Начиная же съ Михайлова дня онъ начиналъ худѣть и зиму жилъ полуголоднымъ и истощеннымъ. Ростбифъ въ старой Англіи для огромнаго большинства ея населенія состоялъ изъ куска мяса стараго вола или старой коровы, убиваемыхъ осенью, когда они были жирнѣе, и засоленныхъ на зиму. «Для пасхи готовь мясо со дня св. Мартина» — совѣтуетъ Туссеръ.

Такова была система обработки большей части обработываемой въ Англіи земли въ семнадцатомъ и восемнадцатомъ вѣкахъ. Недостатки такой системы очевидны. Ни одинъ владѣлецъ не могъ ничего сдѣлать безъ согласія всѣхъ совладѣльцевъ. Для отдѣльнаго члена общины разведеніе рѣпы или клевера было бы разореніемъ ради пользы его сосѣдей. Зимнихъ жатвъ не могло быть до тѣхъ поръ, пока пахатная земля служила общимъ выпасомъ. На безчисленныя полоски и тропинки тратилось даромъ много земли. Полосы были слишкомъ узки, чтобы были возможны поперечныя вспашки и бороньба. Земледѣльцы тратили цѣлые дни на переѣзды къ различнымъ кускамъ, изъ которыхъ состояло ихъ владѣніе; расходы на жнитво и вывозъ значительно увеличивались отдаленностью полосъ. Осушеніе было невозможно, потому что если одинъ осушалъ свою землю, сосѣдъ за-

валивалъ его работы. Потому пахатную землю рѣдко очищали, она заростала репейникомъ, тростникомъ, сорными травами; на ней было не мало мокрыхъ мѣстъ, муравьиныхъ кучь и кротовыхъ норъ. Споры были постоянными, такъ какъ отдѣльнымъ владѣльцамъ было легко запахивать общія борозды, перемѣщать межи сосѣдей или запахивать поворотами плуга ихъ поля или зажинать у нихъ части ихъ нивъ. Уже во времена Петра Пахаря слышатся жалобы на то, что жнецы сжинаютъ хлѣбъ сосѣдей и въ Handlyng Sinne Роберта Брунна упоминается о «безчестныхъ» хозяевахъ, «безчестно воздѣлывающихъ земли». Навозъ безполезно тратился по обширнымъ пустошамъ, гдѣ пасли скотъ. Общая постьба овецъ и рогатаго скота порождала всяческія болѣзни и безпорядки. Въ общемъ стадѣ рѣдко не было паршивыхъ овецъ, въ дурно обработанномъ полѣ рѣдко не было плевелъ. Ни одинъ владѣлецъ не могъ улучшать своихъ стадъ, когда весь полугодный и больной скотъ и овцы всей деревни паслись вмѣстѣ на одномъ общинномъ полѣ. Кромѣ того, пустоши и общинныя поля были страшнымъ вредомъ для сельской экономіи страны; онѣ могли быть использованы съ большей выгодой для страны предпріимчивыми отдѣльными собственниками, чѣмъ общиной невѣжественныхъ, полныхъ предразсудковъ, завистливыхъ и подозрительныхъ совладѣльцевъ.

Земледѣліе въ Шотландіи.

Такое общее описаніе примѣнимо почти ко всѣмъ частямъ Англіи. Шотландія тоже не составляла исключенія. Шотландскіе фермеры, которые теперь считаются самыми искусными, въ 1689 году были хуже англійскихъ и ихъ методы воздѣлыванія земли не измѣнились со времени битвы при Баннокбурнѣ. Александръ Гарденъ изъ Троупа описываетъ систему земледѣлія въ 1686 году. Страна дѣлилась на близкія и далекія поля. Близкія поля находились постоянно подъ зерновыми хлѣбами и бобами; хозяева унаваживали ихъ каждые три года и «были довольны, если за всѣ свои труды получали урожай самъ четвертъ». Далекія поля заростали плевелами и ивнякомъ; черезъ четыре или пять лѣтъ отдыха ихъ вспахивали два раза и засѣвали хлѣбомъ. Потомъ съ нихъ брали сряду три жатвы и послѣ, истощивъ землю настолько, что она уже не окупала сѣмянъ и труда, снова запускали. Арчибальдъ Грантъ изъ Монаймуска въ Абердинширѣ разсказываетъ, что въ 1716 году графъ Ротесъ и нѣкоторые другіе разводили въ поляхъ рѣпу, что служило предметомъ общаго удивленія, что пшеницы не сѣяли нигдѣ, за исключеніемъ восточнаго Лотіана, что изгородей было немного, также мало было порядочныхъ дорогъ и колесныхъ экипажей. Въ его наслѣдственномъ помѣстьи «не было огорожено ни одного акра; не было ни одного дерева, за исключеніемъ немногихъ вязовъ, сикаморъ и ясеней въ небольшомъ огородѣ близь дома, да немногихъ разбросанныхъ деревьевъ на нѣкоторыхъ дворахъ и мелкой поросли, не огороженной

и поѣдаемой овцами и скотомъ. Всѣ фермы смѣшаны и дурно расположены; полоски отдѣльныхъ владѣльцевъ разбросаны; въ помѣстьи ни одного колеснаго экипажа, да и ни одной дороги, по которой могъ бы проѣхать такой экипажъ. Вся мѣстность неровная, бугристая; множество камней, нѣкоторые изъ нихъ очень большіе и крѣпкіе, какъ желѣзо; всѣ межи искривлены въ формѣ S, очень высоки, поросли вредными травами; поля плохія, истощенныя обработкой безъ надлежащихъ вспашки и удобренія. Населеніе бѣдное, невѣжественное, лѣнивое и упорно враждебное загораживанію, насажденіямъ, всякому улучшенію и чистотѣ».

Начало реформы. Переворотъ въ земледѣліи.

Изъ этого описанія видно, что положеніе земледѣлія въ Шотландіи было не лучше, если не хуже, чѣмъ въ Англіи. Но въ обѣихъ странахъ улучшенія были уже не за горами и шли они изъ одного источника. Дональдсонъ, сочиненіе котораго: Husbandry Anatomised (1697), какъ уже сказано, было первымъ шотландскимъ сочиненіемъ о земледѣліи, конечно, не ожидалъ, что фермеры послѣдуютъ его совѣтамъ. Онъ говоритъ, что народъ вѣроятно отвѣтитъ ему: «убирайтесь вы съ вашими безумными понятіями; много у васъ блохъ-то, а мы довольствуемся тѣми средствами, къ какимъ прибѣгали наши отцы». И дѣйствительно, было бы напрасно ожидать, чтобы въ Шотландіи и въ Англіи владѣльцы открытыхъ полей или арендаторы, платившіе голодныя ренты, и даже пожизненные арендаторы могли взять на себя иниціативу въ дѣлѣ улучшеній обработки земли. Невозможно было и для мелкихъ собственниковъ, фригольдеровъ или іеменовъ, произвести измѣненія въ методахъ земледѣлія, такъ какъ это могло въ одинъ годъ довести ихъ до полнаго разоренія. Въ обѣихъ странахъ иниціаторами въ переворотѣ, произшедшемъ въ земледѣліи въ восемнадцатомъ вѣкѣ, были крупные ландлорды. Но къ концу періода появленіе новыхъ рынковъ, созданныхъ внезапнымъ развитіемъ промышленности, убѣдило всякаго разумнаго земледѣльца, что кратчайшій путь къ обогащенію состоитъ въ переходѣ отъ самодовлѣющихъ хозяйствъ къ промышленному хозяйству, производящему хлѣбъ и мясо. Подъ давленіемъ необходимости загораживаніе, какъ необработанной земли, такъ и открытыхъ фермъ, переходъ пустошей въ поля, раздѣлъ общинныхъ земель, большія фермы, долгострочныя аренды, ландлорды и фермеры капиталисты и научное хозяйство—все это потрясло самыя основы прежней деревенской жизни и абсолютно измѣнило ее. Уничтоженіе общинныхъ земель, мелкихъ фригольдеровъ, мелкихъ фермеровъ и даже іеменовъ—такова цѣна, которую заплатила нація за пищу для ея промышленнаго населенія.

Іетро Тулль.

Роль, которую сыгралъ въ этомъ важномъ измѣненіи Іетро Тулль, была скорѣе ролью теоретика, чѣмъ практика. Но принципы, изложенные имъ въ его сочиненіи Horse-Hoeing Husbandry (1733), были

тѣ самые, на которыхъ основывался переворотъ въ земледѣліи. Онъ былъ величайшій изъ реформаторовъ земледѣлія въ Англіи; его рѣшительность, предпріимчивость, благоразуміе, наблюдательность и изобрѣтательность предупредили во многомъ результаты современнаго научнаго земледѣлія. Онъ родился въ 1674 году, поступилъ въ коллегію св. Іоанна въ Оксфордѣ въ 1691-мъ, а потомъ изучалъ въ Лондонѣ юриспруденцію. Въ 1693 году онъ сдѣлалъ путешествіе по Европѣ и вездѣ замѣчалъ методы, продукты и орудія иностранныхъ земледѣльцевъ. Въ 1699 году онъ женился и поселился на фермѣ близь Уоллингфорда, полученной имъ въ наслѣдство отъ отца. Потомъ онъ продалъ эту ферму и большая часть его опытовъ была произведена въ Mount Prosperous, въ Беркширѣ, гдѣ онъ и умеръ въ 1740 году. Тамъ онъ дѣлалъ опыты относительно глубины посѣва, подбиралъ, очищалъ и перемѣнялъ сѣмяна, изобрѣлъ сѣялку, укладывающую сѣмяна въ борозды вмѣсто обычнаго посѣва посредствомъ разбрасыванія рукой. Изученіе жизни растеній убѣдило его, что чѣмъ лучше обработана и переворочена земля, тѣмъ лучше корни получаютъ необходимыя для растенія органическія вещества. Поэтому онъ разсаживалъ пшеницу и рѣпу рядами, съ большими промежутками между ними, опахивалъ ихъ, переворачивалъ и разрыхлялъ, чтобы дать растеніямъ больше питанія.

Опыты Тулля въ его помѣстьи были удачны. Но обыкновенный фермеръ, не понимая значенія подбора и очистки сѣмянъ и сѣявшій какъ попало, разумѣется, не могъ ими воспользоваться. Также безполезно для его ближайшихъ сосѣдей были и его указанія на выгодность разведенія рѣпы, на окучиваніе корнеплодовъ и пшеницы. Настоящія слѣдствія принциповъ, излагаемыхъ Туллемъ, вполнѣ выяснились только тогда, когда они были примѣнены къ дѣлу крупными землевладѣльцами. Въ этомъ направленіи работали такіе люди, какъ лордъ Тоунсгендъ въ Норфолькѣ, лордъ Дюсей, лордъ Галифаксъ, члены шотландскаго общества улучшенія земледѣлія подъ руководствомъ лорда Картрайта и Гопа Ранкейлора. Тѣмъ не менѣе изобрѣтательность Тулля и открытіе имъ настоящихъ началъ практической и раціональнай агрикультуры даютъ ему замѣтное мѣсто среди піонеровъ земледѣлія въ Англіи.

Лордъ Тоунсгендъ.

Карла второго, виконта Тоунсгенда, можно считать типомъ тѣхъ ландлордовъ, которые сдѣлались иниціаторами улучшеній въ земледѣліи. Родился онъ въ 1676 году, а умеръ въ 1738-мъ и унаслѣдовалъ титулъ и помѣстья своего отца когда ему было десять лѣтъ. Онъ игралъ видную политическую роль въ исторіи своей родины въ критическую для нея минуту. При Вильгельмѣ III онъ былъ хранителемъ Частной печати и былъ коммиссаромъ въ переговорахъ объ уніи Англіи и Шотландіи, и въ качествѣ уполномоченнаго вмѣстѣ съ Марльборо въ 1709 году подписалъ миръ въ Гертуйденбергѣ. Въ

этомъ же году въ качествѣ посланника въ Гагѣ онъ велъ переговоры о знаменитомъ Barrier Treaty. При Георгахъ онъ былъ государственнымъ секретаремъ, намѣстникомъ Ирландіи, и вмѣстѣ съ Вальполемъ велъ иностранную политику Англіи.

Въ 1730 году лордъ Тоунсгендъ удалился отъ политической жизни въ Рейнгамъ, въ Норфолькѣ. Тамъ онъ занялся хозяйствомъ, дѣлалъ опыты тѣхъ способовъ земледѣлія, которые онъ видѣлъ заграницей и въ особенности занялся полевой культурой рѣпы и улучшеніями сѣвооборотовъ. Онъ возстановилъ старый, но почти забытый способъ удобренія легкихъ земель Норфолька мергелемъ; онъ поощрялъ и защищалъ огораживаніе полей и, слѣдуя правиламъ, изложеннымъ Іетро Туллемъ, окучивалъ рѣпу вмѣсто того, чтобы сѣять ее безпорядочно. Онъ защищалъ то правило, что «чѣмъ чаще окучивать корни, пока листья не выростутъ выше рядовъ, тѣмъ лучше». Онъ былъ также иниціаторомъ четырехпольной норфолькской системы жатвъ, причемъ чередовались рѣпа, травы и злаки. Введеніе травосѣянія избавляло фермера отъ необходимости оставлять часть полей подъ паромъ и убѣдило его, что при отсутствіи удобренія важно не брать съ земли послѣдовательно одна за другой двухъ зерновыхъ жатвъ. Возможное при этомъ зимнее содержаніе скота позволяло ему держать его въ большемъ количествѣ, давало ему больше навоза, обогащало почву, утраивало урожаи и оправдывало поговорку, что «полный дворъ быковъ и большое стадо овецъ даютъ полный амбаръ хлѣба».

Тоунсгендъ такъ горячо отстаивалъ необходимость разведенія корнеплодовъ, какъ основу улучшеній въ земледѣліи, что получилъ прозвище «рѣпы Тоунсгенда» и это дало поводъ Попу упомянуть о немъ въ его «Подражаніи Горацію»:

„Почему изъ двухъ братьевъ одинъ, богатый и энергичный,
Пашетъ, боронуетъ, навозитъ, работая отъ зари до зари,
А другой ради женщинъ, спорта и вина отвергаетъ
Всѣ Тоунсгендовскія рѣпы и всѣ рудники Гросвенора—
Это извѣстно только той Божественной силѣ,
Которая создаетъ геній въ день рожденія“.

Старанія Тоунсгенда улучшить его имѣніе были вознаграждены. Его способы хозяйства на легкой песчаной почвѣ Норфолька оказались удачными. Тощія борозды, на которыхъ «два кролика дрались за травку», въ нѣсколько лѣтъ были превращены въ хорошо обработанныя и плодородныя земли. Лэндлорды и фермеры, принявшіе его систему хозяйства, нажили состоянія. Въ теченіе тридцати лѣтъ одна ферма увеличила свой ежегодный доходъ съ 180 фун. до 800, другая, отдаваемая раньше лѣснику за 18 фун. въ годъ, была сдана фермеру за 240 ф.; фермеръ Маллетъ, снимавшій 1500 акровъ, нажился настолько, что купилъ помѣстье, дающее 1800 фунтовъ. Юнгъ

въ 1760 году такимъ образомъ описываетъ вліяніе системы Тоунсгенда въ округѣ близь Норвича: «Тридцать лѣтъ тому назадъ это былъ лугъ безъ деревьевъ и кустовъ, простой прогонъ овецъ до другой фермы. Раньше тутъ ѣздило столько повозокъ, что приходилось объѣзжать цѣлую милю, чтобы найти дорогу получше. Теперь здѣсь превосходная дорога, съ обѣихъ сторонъ защищенная живой изгородью; вся мѣстность покрыта изгородями и обработана по Норфолькской системѣ. Арендная цѣна въ десять разъ больше прежней, по 16 шиллинговъ акръ.

Промышленность.

Тоунзенда Варнера.

Современная статистика.

Промышленныя несогласія всегда были сильны въ Англіи, но въ первую половину восемнадцатаго вѣка они становятся сильнѣе, чѣмъ когда либо; войны Вильгельма и Анны стоили дорого и вслѣдствіе новаго финансоваго пріема дѣлать долги уплата за нихъ была возложена на будущія поколѣнія. Вслѣдствіе этого налоговое бремя постоянно увеличивалось. Министрамъ нужно было добывать откуда нибудь деньги, и такъ какъ промышленники не имѣли никакого представительства въ парламентѣ, то понятно, что это бремя часто падало на промышленность. Слѣдствіе этого было двоякое: отдѣльныя отрасли промышленности все болѣе и болѣе враждовали одна съ другой и все болѣе и болѣе занимались политикой, а потомъ сочиненія и данныя о промышленности дѣлались все болѣе и болѣе партійными и недостовѣрными. Для насъ, привыкшихъ считать статистическія данныя болѣе или менѣе отвѣчающими дѣйствительности, даже странно представить себѣ, что было бы столь невозможно найти точность и безпристрастіе въ промышленномъ памфлетѣ 1715 года, какъ въ теперешней политической газетной передовицѣ. И тотъ и другая партійны и написаны съ извѣстной практической цѣлью. Офиціальная статистика того времени достаточно достовѣрна, но къ другимъ статистическимъ даннымъ надо относиться съ крайней осторожностью. Различныя отрасли промышленности прибѣгали къ различнымъ средствамъ, чтобы спастись отъ обложенія.

Одинъ изъ способовъ состоялъ въ томъ, чтобы придать промышленности необычайное значеніе; для этого преувеличивали количество занимающихся этой отраслью промышленности и расчитывали, что всѣ они имѣютъ громадныя семьи, самое существованіе которыхъ зависѣло отъ этой промышленности; утверждали, напр., что отрасль промышленности вторая въ государствѣ, что употребляемые въ ней

матеріалы уже оплачены пошлиной и потомъ дѣлали трогательное воззваніе о неизбѣжномъ разореніи многихъ лицъ, которое де воспослѣдуетъ послѣ введенія налога. Другимъ способомъ было утвержденіе, что промышленность еще молодая и слабая, что она подобна нѣжному ребенку, съ трудомъ выдерживающему иностранную конкурренцію, что доходъ отъ налога будетъ ничтоженъ, а расходы собиранія его столь велики, что на нихъ уйдетъ весь доходъ. Стоитъ ли поэтому губить такую промышленность изъ за такихъ пустяковъ? Въ одномъ всѣ отрасли промышленности были трогательно единодушны—каждая изъ нихъ указывала на другую, какъ на надлежащій объектъ обложенія. Напр., стеклянные заводчики говорили, что они много теряютъ отъ битой посуды, потому слѣдуетъ обложить налогомъ уголь. Собственники угольныхъ копей рисовали печальную картину погасшихъ очаговъ, потому, молъ, слѣдуетъ обложить налогомъ полотно. Владѣльцы полотняныхъ фабрикъ, главнымъ образомъ шотландцы, ссылались въ свою защиту на актъ Уніи и за то имъ казался крайне желательнымъ налогъ на пивныя. Тогда на сцену выступали кабатчики и пивовары, и такъ разгоралась настоящая война: на сцену появлялись шерсть, шелкъ, каленкоры, горшечный товаръ, желѣзо, земля—всѣ отстаивали свои интересы и всѣ необращали никакого вниманія на общественное благо. Таковы всегда бываютъ слѣдствія покровительственной системы.

Шолкъ. Ломбъ. Въ дѣйствительности же, промышленность процвѣтала гораздо болѣе, чѣмъ хотѣли это признать промышленники. Въ особенности процвѣтало шолковое производство. Ткачество шолка установилось прочно; благодаря предпріимчивости Томаса Ломба изъ Италіи было введено и шолкопряденіе. Сэръ Томасъ былъ сынъ норвичскаго ткача, но переселился въ Лондонъ и въ 1707 году сдѣлался членомъ общества оптовыхъ торговцевъ (Mercers Company). Удивленный тѣмъ обстоятельствомъ, что organzine, или шелковая пряжа, ввозится изъ Италіи, онъ уговорилъ своего своднаго брата Джона поѣхать туда и узнать способы этой промышленности. Исторія путешествія этого Джона полна приключеніями; вслѣдствіе зависти итальянскихъ ремесленниковъ ему приходилось соблюдать строгую тайну и прибѣгать даже къ переодѣваньямъ. Да и дѣйствительно, Джонъ былъ шпіономъ въ иностранной землѣ. Но его предпріятіе было удачнымъ; онъ вернулся въ Англію съ нѣсколькими итальянскими рабочими и съ чертежами употребляемыхъ въ промышленности машинъ. Кажется, впрочемъ, что въ этомъ послѣднемъ отношеніи хлопоты Джона были излишними, такъ какъ очень подробное описаніе этихъ машинъ было издано Зонкой въ 1607 и въ 1621 годахъ, а въ 1692 году нѣсколько человѣкъ просили, безуспѣшно, о составленіи англійской кампаніи шолковой пряжи. Но рабочіе были, вѣроятно, дѣйствительно цѣннымъ пріобрѣтеніемъ. Въ 1718 году Томасъ взялъ патентъ на три

машины: одну для крученья тонкаго сырца, другую прядильную и третью для превращенія пряжи въ organzine. Въ 1719 году эти машины были установлены въ Дерби на островѣ Деруэнта; дѣло быстро развилось несмотря на то, что Джонъ Ломбъ умеръ въ 1722 году. Одинъ позднѣйшій писатель приписываетъ его смерть дѣйствію медленнаго яда, даннаго ему нѣсколькими итальянскими рабочими, нарочно для этого пріѣхавшими въ Англію. Эта исторія очень романтична, но не вѣрна. Въ 1732 году срокъ патента Томаса окончился, онъ обратился къ парламенту съ просьбой о его продленіи на томъ основаніи, что онъ де вошелъ въ большіе расходы на обученіе рабочихъ и потому что сардинское правительство на зло ему воспретило вывозъ шолку сырца. Онъ указывалъ также, что благодаря ему шолковыя нитки дешевле на 5 шиллинговъ на фунтъ и что Англія сдѣлалась независимой отъ итальянскаго organzine. Противъ его просьбы возстали прядильщики ангорской шерсти, бумаги и шерстяныхъ нитокъ изъ Манчестера, Маккльсфильда, Лика, Блакбурна и Стокпорта, желавшіе примѣнить его машины къ своимъ отраслямъ промышленности, а также и корпорація Дерби на томъ основаніи, что промышленность Ломба вредитъ шерстяной и что, хотя она и даетъ работу бѣднымъ, но по домамъ и часто заставляя ихъ прибѣгать къ помощи прихода. Въ концѣ концевъ Ломбу отказали въ продленіи срока патента, но въ вознагражденіе ему вотировали 14,000 фунтовъ.

Менѣе удачна была попытка производства въ Англіи шелка сырца. Въ 1718 году Джону Аплётру былъ данъ патентъ на производство въ Англіи сырца. Въ его предложеніи собрать на производство капиталъ въ милліонъ фунтовъ указывается выгодность дѣла и то, что молодыя дамы часто для удовольствія разводятъ шелковичныхъ червей и что разводить тутовыя деревья очень не трудно. Это было справедливо, но прожектеръ не принялъ во вниманіе климата. Въ паркѣ въ Чельзи начали разводить шелковичныхъ червей, были заведены и необходимые аппараты; но все это окончилось, конечно, полной неудачей. Англія, какъ и раньше, получала шолкъ изъ за границы; ежегодно ввозилось кругомъ 2500 тюковъ турецкой кампаніей, 1300 тюковъ изъ Италіи и 850 изъ Индіи. Каждый тюкъ вѣсилъ 160 фунтовъ.

Шерстяная промышленность сохраняла первое мѣсто среди другихъ отраслей англійской промышленности. Ея развитіе было не столько поразительнымъ, сколько непрерывнымъ, ея представители очень ревниво относились къ новымъ промысламъ, могшимъ повредить ей. Такъ ткачи сопротивлялись Ломбу, они боролись съ англійскимъ полотняпымъ промысломъ, такъ какъ англійское полотно конкурировало съ нѣмецкимъ и Германія не могла предложить ничего въ обмѣнъ за англійскіе шерстяные товары; они сильно поддержи-

Шерстяная промышленность.

вали билль 1720 года противъ набивныхъ коленкоровъ; они жаловались, что шерсть контробаднымъ путемъ уходитъ изъ Англіи, почему цѣны сырья повышаются и иностранные ткачи лишаютъ англійскихъ части ихъ работы. Правительство благосклонно относилось къ этой промышленности. Издавались строгіе законы противъ вывоза шерсти; краски для шерсти допускались безъ пошлинъ; поощряли разведеніе марены, брали пошлину съ ирландской шерсти. Гайнесъ расчитываетъ, что для переработки бунта шерсти (240 фун.) въ тонкія ткани, саржу и коломенку (callimancoes), необходима недѣльная работа 302 человѣкъ, т.-е. 7 чесальщиковъ, получавшихъ 3 ф. 10 ш., 250 пряхъ, получавшихъ 18 ф., 20 тростильщиковъ и присучальщиковъ, получавшихъ 7 ф. и 25 ткачей, получавшихъ 12 ф. Этотъ расчетъ указываетъ на обстоятельство чрезвычайной важности, на чрезмѣрное количество ручного труда; при ручной пряжѣ на одного ткача приходится десять пряхъ и заработная плата очень мала. Но въ то время пряденье было подсобнымъ промысломъ, которымъ въ земледѣльческихъ округахъ занимались женщины по вечерамъ по окончаніи дневной работы. Въ сущности, главнымъ препятствіемъ для быстраго развитія шерстяной промышленности была трудность добыванія пряжи. Отъ 1718 до 1724 года средній вывозъ шерстяныхъ товаровъ равнялся 2,962,881 фун., а въ 1758—1742 годахъ 3,500,619 ф.

Полотно, кружева, канитель.

Изъ другихъ отраслей текстильной промышленности непрерывно развивалось производство полотна. Главными очагами этой промышленности были, какъ и раньше, Шотландія и Ирландія; но говорятъ, что въ 1740 году англійская промышленность уже мало уступала шотландской. Въ 1731 году изъ Шотландіи въ Англію ввозили 3,891,573 ярда и изъ Ирландіи 4,081,394 ярда; въ 1739 году изъ Шотландіи 4,801,537 и изъ Ирландіи 6,590,084 ярдовъ. Это, повидимому, доказываетъ что промышленность въ Ирландіи развивалась быстрѣе. Тамъ постоянно завидывали шотландцамъ, а они въ свою очередь жаловались, что ихъ промыслу сильно вредятъ производимыя въ Спитальфильдсѣ полосатыя и клѣтчатыя полотна. Всѣ производители полотна были испуганы биллемъ 1720 года, но онъ поразилъ только производство каленкоровъ. Были воспрещены крашенные и набивные каленкоры и ткачи подозрѣваемыхъ матерій были арестуемы и наказываемы. Послѣ 1736 года были разрѣшены цвѣтныя полотнянныя ткани и бумажные товары дѣлались съ льняной основой. Изъ другихъ мелкихъ промысловъ производство кружевъ выдавалось, когда боялись введенія новаго налога, за вторую промышленность въ странѣ; но значеніе этаго промысла сильно преувеличивалось. Онъ, однако, былъ сильно распространенъ, какъ подсобный промыселъ. Машинная чулочная промышленность все болѣе и болѣе сосредоточивалась вокругъ Ноттингама и Лейчестера.

Въ 1727 году было 2500 машинъ вокругъ Лондона и 5500 въ провинціяхъ. Въ 1730 году начали производить бумажныя чулки; въ 1740 году изобрѣтена машинка для складыванія чулокъ. Англійскія чулки требовались на континентѣ. Среди промышленниковъ было много споровъ; нѣкоторые мастера брали много учениковъ, такъ что не было работы поденнымъ рабочимъ. Два лондонскихъ мастера держали двадцать три и сорокъ девять учениковъ. Кампанія машинныхъ чулочниковъ пыталась устранить это злоупотребленіе, но безуспѣшно. Производство золотой и серебряной канители тоже занимало въ Лондонѣ много рукъ. Въ началѣ царствованія Георга I одинъ приходъ св. Жильса, Криппльгэтъ, имѣлъ восемьдесятъ пять веретенъ для пряжи золотой и серебряной нитки; работало 1275 приходскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, было 118 мастеровъ канительщиковъ, 106 ткачей золотой и серебряной бахрамы; много рукъ было занято производствомъ золотой и серебряной парчи, пуговицъ, не мало было моталокъ золотыхъ и серебряныхъ нитей, прядильщиковъ на машинѣ. Но заработная плата была низкая.

Желѣзный товаръ. Мѣдь.

Развитіе производства желѣзныхъ и мѣдныхъ товаровъ началось только къ концу этаго періода. Въ 1742 году Томасъ Больсоверъ въ Шеффильдѣ, поправляя ручку ножа, наполовину серебряную, наполовину мѣдную, былъ пораженъ мыслью о возможности дѣлать вещи изъ накладного серебра. Онъ ограничился, впрочемъ, мелкими продуктами, вродѣ пуговицъ и табатерокъ; но другой ножевникъ изъ того же города Іосифъ Ганкокъ примѣнилъ его способъ къ подсвѣчникамъ, чайникамъ и другимъ вещамъ; тѣмъ не менѣе развитіе этой отрасли промышленности въ Шеффильдѣ и Бирмингамѣ относится, собственно говоря, къ слѣдующему періоду. Такъ какъ мѣдь и бронза обработывались на каменномъ углѣ, то эта промышленность не встрѣчала тѣхъ затрудненій, которыя задерживали развитіе желѣзной промышленности, т. е. недостатка въ топливѣ. Вудъ въ 1720 году имѣлъ хорошіе мѣдные и свинцовые рудники и приспособленія для производства бронзы, формъ для отливки, котловъ и проволоки; много рабочихъ занято было добываньемъ мѣдной руды въ Девонѣ и Корнвалисѣ и мѣдная промышленность, какъ утверждаютъ, поддерживала 6500 семей.

Желѣзо Дарби и Вудъ.

Желѣзная промышленность была почти стаціонарной. Топливо становилось все рѣже и дороже; количество необдѣланнаго желѣза было недостаточно для потребностей Англіи. Хотѣли было разрѣшить безпошлинный ввозъ американскаго чугуна, но англійскіе промышленники сильно противились этому. Актомъ 1719 года желѣзная промышленность Америки была почти уничтожена. Ввозили шведскій чугунъ, такъ какъ онъ считался лучшимъ для производства стали. Съ 1711—18 желѣза ввозили въ годъ 15,641 тоннъ, съ 1729—35 г. 25,501 тоннъ; а ввозъ въ эти періоды равнялся 4365 и 5334 тоннъ.

Въ 1740 году въ Англіи было всего пятьдесятъ пять домнъ, съ производствомъ всего 17,350 тоннъ, по 294 тонны на домну; всего больше выработывалось желѣза въ Чеширѣ, Глочестерширѣ, Герефордѣ, Салопѣ, Ворчестерширѣ, Суссексѣ и Іоркширѣ. Въ Суссексѣ было большинство домнъ—десять—но вырабатывалось всего меньше, только по 140 тоннъ на домну въ среднемъ, въ Чеширѣ было только три домны, но они вырабатывали по 570 тоннъ каждая. Такъ какъ дерево дорожало, то желѣзные заводчики начали прибѣгать къ углю, т.-е. къ коксу, такъ какъ употребленіе сыраго угля считали совершенно невозможнымъ. Когда писатели того времени говорятъ о плавкѣ желѣза на углѣ, то они подразумѣваютъ коксъ. Дудлей, объ опытахъ котораго мы уже говорили, почти несомнѣнно употреблялъ коксъ, а не уголь. Абрагамъ Дарби изъ Коальбрукдэля для своихъ домнъ употреблялъ тоже коксъ. Онъ первый началъ удачно плавить желѣзо. Онъ и мальчикъ, служащій у него, наблюдали опыты литья желѣза, дѣлаемые голландскими литейщиками и мальчикъ сказалъ ему, что по его мнѣнію онъ знаетъ теперь, въ чемъ заключается ошибка другихъ. Они тогда попробовали новый способъ и Дарби въ 1708 году взялъ патентъ на новый методъ литья желѣза въ пескѣ, безъ глины. Трудно сказать, въ чемъ состояло тутъ усовершенствованіе: въ употребленіи ли одного песка или въ лучшемъ устройствѣ отдушинъ для воздуха. Во всякомъ случаѣ, методъ оставался долгое время секретомъ въ Коальбрукдэлѣ. Абрагамъ Дарби старшій умеръ въ 1717 году, а его сынъ и теска въ 1730 году взялъ управленіе дѣломъ. Иногда утверждали, что онъ открылъ употребленіе кокса для плавки; но несомнѣнно, что еще его отецъ употреблялъ коксъ. Однако, сынъ пользовался имъ больше и имѣлъ большій успѣхъ. Больше шуму, хотя и меньше дѣла, надѣлалъ Вильямъ Вудъ. Кромѣ мѣдныхъ рудниковъ, о которыхъ мы упомянули выше, онъ въ 1720 году заарендовалъ всѣ коронные рудники въ тридцати девяти графствахъ; онъ хвастался, что у него лучшіе желѣзные заводы, наковальни для тонкаго и полосового желѣза, лучшая машина для приготовленія полосъ и домны для производства чугунныхъ болванокъ, рельсовъ, балясинъ, каминныхъ очаговъ и т.-е. Онъ предлагалъ также арендовать пустыя земли и засаживать ихъ дровянымъ лѣсомъ для топлива. Топлива, однако, было мало и въ 1726 году Вудъ говорилъ о ста домнахъ въ Уайтгавенѣ, работающихъ углемъ и предлагалъ произвести невѣроятное количество желѣза. Онъ договорился доставить кампаніи королевскихъ рудниковъ десять тысячъ тоннъ ежегодно, по 11 и 12 фунтовъ за тонну. Въ 1729 году было поставлено одиннадцать домнъ, но произведенное желѣзо оказалось негоднымъ. Десять тоннъ было доставлено кампаніи, но испробовать качество желѣза не позволили. Въ Фризингтонѣ эксперты сдѣлали нѣсколько опытовъ и оказалось, что при второмъ

или третьемъ нагрѣваніи желѣзо ломалось. Вудъ произвелъ около шести тоннъ хорошаго желѣза, но оно было сдѣлано на заводѣ Русселя древеснымъ углемъ. Одинъ насмѣшникъ напечаталъ рекламу, будто бы отъ имени Вуда; въ ней говорилось, что въ Фризингтонѣ заводчики имѣли дѣло съ невѣрными, а теперь пріѣхали въ Лондонъ предложить свои изобрѣтенія. Публика приглашалась смотрѣть превосходный методъ Вуда превращенія желѣзной руды въ порошокъ, смѣшенія ее съ углемъ и приготовленія изъ этой смѣси полосового желѣза, которое ломается при первомъ нагрѣваніи; публика приглашалась подписываться на акціи на милліонъ фунтовъ; за скорую уплату предлагается сорокъ на сто, «принимаются ирландскіе полупенсы мистера Вуда, но на нихъ не даютъ дисконта». Трудность пользованія углемъ была тѣмъ болѣе печальна, что количество добываемаго угля увеличивалось и цѣны на него падали. Но его употребляли только для отопленія домовъ и въ производствахъ кирпича, черепицы, стекла, извести и мѣди.

Стекло.

Большое оживленіе замѣчалось и въ производствѣ стекла. Промышленники негодовали по поводу налога, введеннаго при Вильгельмѣ III, но, повидимому, не особенно страдали отъ него. Производилось значительное количество бутылокъ, оконнаго стекла, кронъ гласа, столоваго и т. п. Напримѣръ, одна фирма производила 20,000 дюжинъ бутылокъ. Обыкновенная цѣна бутылокъ была 3 ш. за дюжину квартъ и 2 ш. 6 д. за пинты. Въ Англіи было больше шестидесяти стеклянныхъ заводовъ. Если судить по книгѣ Годиккера де Бланкура, переведенной съ французскаго въ 1699 году, свѣденія объ этомъ производствѣ были значительны. Въ книгѣ кромѣ описанія обыкновеннаго производства стекла мы встрѣчаемъ указанія на производство цвѣтного, съ примѣсью сафры, магнезіи, ferrelto, crocus martis (шафрана), crocus veneris—и всякой окраски: золотого, желтаго, гранатового, аметистоваго, сапфироваго, бархатно-чернаго, молочно-бѣлаго, мраморнаго, грушеваго, темно-краснаго, жемчужнаго, цвѣта виперы, топаза, опала и подсолнечника.

Керамика.

Фарфоръ и горшечный товаръ производился главнымъ образомъ близъ Бурслема, хотя въ этомъ же періодѣ открыты были заводы въ Чельзи, гдѣ производили прекрасный фарфоръ, и заводъ «Новый Кантонъ» въ Боу. Въ Бурслемѣ Томасъ и Ральфъ Тофтъ работали тонкіе сервизы, извѣстные подъ именемъ мастеровъ. Въ 1720 году Астбюри началъ употреблять кремень; въ 1724 году Редрихъ и Джонесъ изобрѣли новый способъ дѣлать пятна, жилки, дѣлать матовое стекло и подражать порфиру. Бенсонъ сдѣлалъ усовершенствованную машину для измолачиванія кремня въ водѣ желѣзными колесами, причемъ утилизировалась и пыль; въ 1733 году Шоу взялъ патентъ на употребленіе различныхъ сортовъ минераловъ, земли, глины и другихъ веществъ, что бы дѣлать тонкій фарфоръ

снаружи шеколаднаго цвѣта съ бѣлымъ, а внутри бѣлый. Своимъ товаромъ Шоу нажилъ большія деньги, но его разорили другіе горшечники; онъ предъявилъ искъ о защитѣ, но во время процесса оказалось, что существенное въ его секретѣ состояло въ употребленіи кремня, что было старымъ открытіемъ, сдѣланнымъ Астбюри; поэтому судья и призналъ патентъ Шоу недѣйствительнымъ. Къ великой радости всѣхъ промышленниковъ, онъ произнесъ приговоръ противъ Шоу, обратился къ отвѣтчикамъ съ словами; «идите домой, горшечники, и дѣлайте какіе угодно горшки». Много производилось и грубаго горшечнаго товара, дренажныхъ трубъ, черепицы, обычныхъ горшковъ, но въ этомъ промыслѣ не было сдѣлано никакихъ усовершенствованій.

Финансы.

Смита.

Исторія Англіи въ восемнадцатомъ вѣкѣ до значительной степени торговая и экономическая. Война за испанское наслѣдство окончилась торговымъ трактатомъ. Семилѣтнюю войну, создавшую величіе Англіи, основательно называли комерческой войной. Даже Наполеоновскія войны въ сущности были торговой борьбой. Это вѣрно относительно всего столѣтія, но въ особенности вѣрно относительно мирныхъ годовъ 1713—39. Общественную исторію въ эти годы можно назвать исторіей соперничества и постепеннаго примиренія старыхъ «земельныхъ» и новыхъ «денежныхъ людей». Въ религіозной исторіи практическая терпимость относительно диссентеровъ съ 1727 года была исторіей ихъ непрерывнаго обогащенія. Тотъ же фактъ замѣчается даже въ исторіи литературы. Пегасъ запрягся въ колесницу торговли. Свифтъ, Дефое и Аддисонъ писали по вопросамъ денежнаго обращенія, займовъ и кредита. Управленіе виговъ было управленіемъ капиталистовъ. Величайшими событіями этого періода были упроченіе вліянія банка и новой кампаніи восточной Индіи, конвульсіи кампаніи южныхъ морей, уроки о кредитѣ, преподанные обществу дутыми кампаніями, реформа тарифа, установленіе паціональнаго долга и учрежденіе фонда погашенія. Даже война, прервавшая мирный періодъ въ 1739 году, была бы невозможна, еслибы купцы не пожелали отнять у Испаніи силой то, чему они раньше, хотя и протестуя, подчинялись; это, по словамъ Борка, была «война грабежа».

Такимъ образомъ въ этомъ періодѣ появляется новая Англія — Англія промышленности, міровой торговли, торговаго законодатель-

ства, широкихъ кредитныхъ учрежденій, большихъ акціонерныхъ кампаній. Кромѣ этого то было время появленія экономическихъ теорій. Люди начали изслѣдовать, изъ какихъ источниковъ можно получать доходъ и каковы условія національнаго процвѣтанія, создающія эти источники. Они начали критически сравнивать финансовые порядки Англіи съ таковыми же во Франціи, Голландіи и Испаніи. Они поняли, что возможность дѣлать займы дѣлаетъ старую систему накопленія денегъ устарѣлой. Они постепенно, ощупью, разными путями, шли къ системѣ свободы торговли. Они начали сознавать необходимость статистики. Они узнали, что общественное благо достижимо только при посредствѣ гармоніи частныхъ интересовъ. Когда теоретики дошли до этого, меркантильная теорія фактически исчезла; поле было расчищено для Адама Смита и истиннаго ученія о національномъ богатствѣ.

Въ эту то критическую минуту бразды правленія перешли въ руки человѣка, соединявшаго съ самыми сильными пороками и многія добродѣтели дѣлового самоучки, англійскаго сквайра того времени. Вальполь, чтобы ни говорили противъ него, былъ однимъ изъ немногихъ нашихъ великихъ финансовыхъ министровъ. Онъ былъ первымъ изъ ряда, заканчивающагося Гускиссономъ, Пилемъ и Гладстономъ. Онъ обладалъ проницательностью, широкими взглядами и находчивостью настоящаго дѣлового человѣка. Въ вопросахъ обложенія онъ сразу понималъ, гдѣ жметъ сапогъ. Онъ сознавалъ, какое громадное будущее открывается предъ англійской торговлей. Говорили, что онъ можетъ изъ ничего дѣлать золото. Онъ руководилъ страной въ эпоху, когда общество находилось во власти ужасной паники; онъ поставилъ правильно дѣло національнаго долга; онъ былъ иниціаторомъ въ дѣлѣ фискальныхъ реформъ; онъ примирилъ борящіеся классы, примиривъ ихъ интересы; онъ упрочилъ положеніе новой династіи, отождествивъ ее съ національнымъ процвѣтаніемъ. Это безъ сомнѣнія было великимъ дѣломъ. Правда, что онъ презиралъ литературу, боялся религіознаго движенія, избѣгалъ вмѣшательства въ иностранныя дѣла; онъ былъ грубъ, деспотиченъ и прибѣгалъ къ подкупамъ; но назвать его «безъидейнымъ государственнымъ человѣкомъ» значитъ забывать все великое, что онъ совершилъ, и еще болѣе великое, что онъ хотѣлъ бы совершить.

Фискальная система.

Фискальную систему Англіи при первыхъ Георгахъ съ еще большимъ правомъ, чѣмъ систему законодательства во время Кромвеля, можно назвать полной неурядицей. Государственные доходы состояли изъ таможенныхъ пошлинъ, акциза, поземельнаго налога, налога на окна и гербовой пошлины. Всѣ эти налоги основываются на принципахъ противоположныхъ; они возбуждали непрестанную борьбу между классами, между земельными и денежными интересами, между оптовыми и мелочными торговцами, между купцами и потребителями.

Таможенная пошлина и акцизъ должны быть строго опредѣленными и раздѣленными; вмѣсто этого господствовалъ полный хаосъ. Старая субсидія, новая субсидія, подать (impost), добавочная подать, новыя пошлины, спеціальныя пошлины—каждая съ своимъ дифференціальнымъ тарифомъ, нѣкоторыя восходящія до 1660 года—составляли такой лабиринтъ, въ которомъ двигаться могли только эксперты; а эксперты также, какъ и патріоты, обходятся странѣ дорого. Назначеніе этихъ пошлинъ для удовлетворенія извѣстныхъ спеціальныхъ потребностей, для уплаты какого нибудь спеціальнаго долга, было не менѣе сложнымъ. Акты о таможенныхъ пошлинахъ можно назвать актами о воспрещенія ввоза колоніальнаго дерева, мѣховъ, сахара и рыбы, объ уничтоженіи англійскихъ фабрикъ шляпъ, шолку и бумаги, о поощреніи фальсификаціи жизненныхъ продуктовъ, о поощреніи почетной профессіи контрабандиста, и объ общемъ развитіи обмановъ, злоупотребленій и мятежей среди всѣхъ классовъ подданныхъ его величества.

Около пятой государственнаго дохода получалось съ поземельнаго налога. Но этотъ налогъ распредѣлялся съ крайней неравномѣрностью и поземельные собственники считали его открытымъ нарушеніемъ всѣхъ принциповъ справедливости. Налогъ на окна былъ неудачнымъ уже по суммѣ доставляемаго имъ сбора; но онъ былъ удаченъ, если считать его цѣлью лишеніе увеличивающагося населенія необходимаго свѣта и воздуха.

Что касается до расходовъ, то половина ихъ состояла въ ежегодныхъ уплатахъ долга. Нація узнала уже опасную роскошь займовъ, но не выучилась еще примѣнять къ займамъ и ихъ погашенію здравыя начала.

Реформы Вальполя.

Наконецъ, на пути какихъ либо реформъ свояла не только толпа съ ея несокрушимыми предразсудками, но, что еще хуже, цѣлый легіонъ ложныхъ теоретиковъ экономистовъ. Тѣмъ не менѣе были произведены крупныя реформы. Часто и вѣрно замѣчали, что Вальполь нашелъ нашъ тарифъ худшимъ въ мірѣ и оставилъ его лучшимъ. Его планъ акциза 1733 года былъ подготовленъ цѣлымъ рядомъ разумныхъ мѣропріятій. Строевой лѣсъ былъ одной изъ статей колоніальнаго ввоза, указанныхъ въ Навигаціонныхъ актахъ; но большія пошлины препятствовали его ввозу изъ колоній. Вальполь отмѣнилъ эти пошлины. Онъ защищалъ положеніе, очевидное, но до него игнорируемое, что чѣмъ богаче колоніи, тѣмъ больше будетъ въ нихъ спроса на англійскіе товары. Слѣдуя этому положенію, онъ въ 1730 году разрѣшилъ Каролинѣ и Георгіи вывозить рисъ въ Европу на англійскихъ корабляхъ и ихъ рисъ вскорѣ завладѣлъ европейскими рынками. Тоже право въ 1740 году получили Вестъ Индія для ея сахара и сѣверныя китовыя и рыбныя ловли. Впослѣдствіи Боркъ указывалъ на быстрый ростъ колоній при подоб-

ной либеральной политикѣ. Французскіе изгнанники завели въ Спитальфильдсѣ шелковыя фабрики, но имъ вредили тяжелыя пошлины на ввозъ сырца. Вальполь разрѣшилъ возвращеніе пошлинъ при вывозѣ шолковыхъ фабрикатовъ. Перецъ, сдѣлавшійся предметомъ общаго потребленія, былъ обложенъ пошлиной въ 2 ш. 6 д. фунтъ; эта пошлина состояла изъ семи отдѣльныхъ взносовъ, платимыхъ на основаніи семи отдѣльныхъ актовъ. Вальполь уменьшилъ пошлину до 4 д. съ фунта; уменьшены были пошлины на гвоздику и другія прянности. Было замѣчено, что эта мѣра уменьшила фальсификаціи и контрабанду, снова увеличившіяся при увеличеніи пошлины до 2 ш. Питтомъ. Также уменьшены были пошлины на индиго, аптекарскіе товары, бобровыя шкуры и всѣ матеріалы, необходимые при производствѣ бумаги. Когда былъ уничтоженъ налогъ на соль, даже враждебные критики признавали, что это было благодѣяніемъ для бѣдняковъ и что слѣдствіемъ этого было развитіе стекляннаго и кожевеннаго производствъ и рыболовства. Общее правило, руководившее Вальполемъ въ этихъ и подобныхъ реформахъ можно обозначить, какъ стремленіе уменьшить тягость обложенія пищевыхъ и другихъ необходимыхъ жизненныхъ продуктовъ, уничтожить обложеніе англійскихъ фабрикатовъ и поощрять ввозъ сырья, необходимаго для производства этихъ фабрикатовъ. Къ 1721 году Вальполь отмѣнилъ пошлину на 106 статей вывоза и на 38 статей ввоза. Если бы въ періодъ времени между Вальполемъ и Робертомъ Пилемъ не было Питта и наполеоновскихъ войнъ, то Пилю оставалось бы сдѣлать немногое. Другой своевременной реформой было уничтоженіе оцѣнки ввоза прсредствомъ присяги купцовъ, такъ какъ таможенная присяга вошла въ поговорку. Теперь оцѣнка ввозимыхъ продуктовъ также, какъ и всѣхъ другихъ, записывалась въ офиціальныя тарифныя книги. Вообще вся система была упрощена и сдѣлана однообразной.

Акцизъ Вальполя представится намъ особенно важнымъ мѣропріятіемъ, если мы будемъ разсматривать его, какъ выраженіе и высшій пунктъ всей его фискальной политики. На него часто смотрѣли, какъ на простую подачку политическому Церберу, классу поземельныхъ собственниковъ, бывшему якобитскимъ и церковническимъ. И дѣйствительно, онъ былъ однимъ изъ средствъ для пониженія падавшаго на этотъ классъ поземельнаго налога. Но для такого пониженія было и безъ того достаточно основаній.

Билль объ акцизѣ.

Поземельный налогъ. Планъ его реформы. Налогъ на табакъ. Агитація противъ билля объ акцизѣ.

Съ 1717 до 1721 года поземельный налогъ равнялся 3 ш. съ фунта, въ 1722 году онъ понизился до 2 ш.; при опасеніи войны въ 1727 году онъ дошелъ до 4 ш. и въ 1728 — 29 годахъ былъ 3 ш.; въ 1730-мъ 2 ш., а въ 31-мъ только одинъ шиллингъ съ фунта. Для того, чтобы удержать его въ такой пропорціи, Вальполь даже отмѣнилъ мѣру 1730 года и въ 1732 году возстановилъ пошлину на соль.

Поземельный налогъ подвергался суровой критикѣ со времени его введенія. Давенантъ разсчитывалъ, что «ростовщики, адвокаты, торговцы и мелочники» владѣютъ двумя третями національнаго богатства, что земля и иностранная торговля составляютъ остальную треть и однако эти послѣднія несутъ почти всю тяжесть налоговъ. «Земельные люди жалуются, что со времени революціи они несутъ всѣ тяготы». Утверждали, что налогъ всей своей тяжестью ложится на дворянство съ доходомъ ниже тысячи фунтовъ; самъ Вальполь объявлялъ, что «этотъ налогъ разорилъ и погубилъ многихъ». Въ особенности тяжесть его чувствовалась потому, что сначала онъ былъ налогомъ на землю и на движимую собственность, но вскорѣ превратился въ чисто поземельный, не претендуя даже на возможность обложенія движимой собственности, отъ налога были свободны владѣльцы фондовъ и купцы, профессіоналисты и лавочники, а также іемены и мелкіе фермеры, ремесленники и рабочіе. Это происходило просто отъ того, что было невозможно сдѣлать раскладку, какъ это было при Тюдорахъ и Стюартахъ относительно субсидіи. Распредѣлявшіе налогъ сначала получали инструкціи, почти патетическія по ихъ настоятельности, производить точную и дѣйствительную оцѣнку доходовъ и имуществъ, также какъ и земли, не прибѣгая къ старымъ окладнымъ книгамъ. Но въ дѣйствительности раскладка 1692 года была образцомъ другихъ и въ 1697 году этотъ обычай списыванія окончательно установился; о доходахъ и имуществахъ больше не было и рѣчи. Было безполезно заставлять раскладчиковъ присягать, потому что въ этомъ дѣлѣ всегда оказывалось, что на присягу мало обращали вниманіе. Такимъ образомъ сумма налога точно опредѣлилась въ 494,671 фунтовъ, ни больше и ни меньше, и платила его земля, и только она одна. Но это было еще не все. Такъ какъ относительное богатство города и деревни, графствъ и приходовъ, измѣнялось, то поземельный налогъ дѣлался все болѣе и болѣе неравномѣрнымъ; «онъ представлялъ такой неполитическій и неразумный способъ собиранія большихъ суммъ, какой только когда либо существовалъ у какого либо народа» (Галифаксъ). Уже Давенантъ настаивалъ, что его слѣдуетъ замѣнить увеличеннымъ акцизомъ и что если этотъ акцизъ будетъ взиматься съ крупныхъ статей, то не будетъ надобности въ обыскахъ въ домахъ частныхъ лицъ. Потому Вальполь, предлагая уменьшить поземельный налогъ до одного шиллинга и покрыть дефицитъ, превративъ таможенныя пошлины въ акцизъ, имѣлъ въ виду произвести настоящую реформу. Онъ разсчитывалъ, что принятіе его плана сбережетъ 350 тысячъ въ годъ, устранитъ фальсификацію, нанесетъ смертельный ударъ контрабандѣ и увеличитъ Civil List на шестьдесятъ тысячъ въ годъ. Этотъ способъ былъ уже примѣненъ къ шолку въ 1700 году, потомъ въ 1723 году распространенъ на перецъ, чай и кофе — и съ

большимъ успѣхомъ. Это просто современный способъ складовъ товаровъ, Первый билль Вальполя долженъ былъ примѣненъ къ табаку, о чемъ недавно комитетъ Джона Копа докладывалъ палатѣ.. Въ отчетѣ комитета указывалось на обманъ, подкупы, клятвопреступленія и устрашенія, сдѣлавшіяся обычными явленіями. Торговля превратилась въ арену удачнаго мошенничества. Ввозимый табакъ показывали вѣсомъ на двадцать процентовъ ниже дѣйствительности, на столько же увеличивали вѣсъ вывозимаго табака. Чиновники были на жалованьи у купцовъ и держали двойные вѣсы и вели двойныя записи. Обычной формой соглашенія была такая, что чиновники получали треть всей пошлины, которую имъ удавалось утаить у государства и сберечь для торговцевъ. Платили взятки за то, чтобы опилки записывать табакомъ и чтобы бочки въ 60 галлоновъ взвѣшивать съ свинцовыми полосами. Такимъ образомъ съ одной разгрузки одинъ чиновникъ получилъ 550 фунтовъ. Въ послѣднія девять лѣтъ было 2000 преслѣдованій за эти злоупотребленія, было захвачено 209 лодокъ контрабанды, 250 офицеровъ подвергались нападенію, шестеро было убито. Всегда на лицо были лжесвидѣтели, по десяти и двѣнадцати, готовыхъ присягнуть въ чемъ угодно; на берегу же всегда были готовы вооруженныя шайки человѣкъ изъ пятидесяти отчаянныхъ головорѣзовъ контрабандистовъ. Система была нестерпимой тираніей надъ колоніальными плантаторами и чудовищнымъ обманомъ и грабежемъ фиска. Цѣлая система дисконтовъ, взятокъ, благодарностей поддерживала массу освященныхъ временемъ злоупотребленій и вымогательствъ. Всѣ эти бѣдствія могли бы быть легко устранены простымъ средствомъ взиманія съ ввозимаго табака небольшой таможенной пошлины въ $^3/_4$ д. на фунтъ и взиманія полнаго налога ($4^3/_4$) въ формѣ акциза только тогда, когда табакъ дѣйствительно проданъ мелочному торговцу и отпущенъ изъ склада.

Эта мѣра была проста, превосходна и очевидна, но она имѣла два существенные недостатка. Во первыхъ, она называлась биллемъ объ акцизѣ, тогда какъ прежнія мѣры назывались скромно таможенными актами; а во вторыхъ ее предлагалъ министръ, окруженный толпой голодныхъ соперниковъ и интригановъ товарищей. Акцизъ былъ ненавистенъ какъ иностранный способъ обложенія; кромѣ того съ нимъ связывалось ненавистное воспоминаніе о временахъ республики, о тираническихъ налогахъ, которыми были тогда обложены даже предметы первой необходимости. Предполагали, что акцизъ неразрывно связанъ съ суммарной юрисдикціей, съ осмотрами и обысками въ домахъ частныхъ лицъ. Даже землевладѣльцы протестовали противъ него. Они говорили, что не пойдутъ на эту удочку, кинутую имъ ихъ врагами. Локкъ недавно доказалъ имъ, что всѣ пошлины на внутреннее производство въ концѣ концевъ падаютъ на землю. Они полагали, что если и отмѣнятъ поземельный налогъ,

то только затѣмъ, чтобы при первомъ же случаѣ необходимости возстановить его въ болѣе суровой формѣ. Торговцы предполагали, что правительство намѣрено замѣнить всѣ таможенныя пошлины общимъ акцизомъ и тогда придетъ конецъ ихъ свободѣ отъ налоговъ. Народъ предвидѣлъ, что цѣлая армія чиновниковъ наводнитъ страну, что всякій гражданинъ будетъ находиться во власти любого доносчика, что рабочимъ придется питаться корнями, что англичане будутъ рабами и будутъ носить деревянные башмаки, какъ французы. «Ни рабства, ни акциза, ни деревянныхъ башмаковъ» — таковъ былъ общій лозунгъ. Солдатамъ объясняли, что табакъ дойдетъ до невозможныхъ цѣнъ; полковники доносили, что ихъ полки готовы возмутиться. Даже лондонская корпорація была раздражена не менѣе черни и пыталась устрашить парламентъ. Появился цѣлый потокъ памфлетовъ и петицій противъ «этаго чудовища акциза». Тщетно Вальполь указывалъ въ парламентѣ, что при существующей системѣ разоряются какъ плантаторы, такъ и честные торговцы, что сумма пошлины на табакъ равняется 754,000 фунтовъ, а чистаго дохода отъ него получается только 161,000 ф., что треть ввозимаго табаку ускользаетъ отъ пошлины. Тщетно онъ доказывалъ, что и теперь существуетъ акцизъ, доходящій до трехъ милліоновъ въ годъ, и собираемый безъ всякихъ затрудненій, что страшная армія чиновбудетъ доходить ни больше, ни меньше, какъ до 126 человѣкъ, что право обысковъ будетъ гораздо болѣе ограниченнымъ, чѣмъ существующее при дѣйствіи таможенныхъ законовъ, что осуществленіе его плана сдѣлаетъ Лондонъ вольнымъ портомъ и центральнымъ міровымъ рынкомъ. Когда онъ предлагалъ уменьшеніе долга или отмѣну налога на мыло и свѣчи, Уайндганъ отвѣчалъ, что онъ предпочелъ бы акцизу поземельный налогъ въ десять шиллинговъ на фунтъ, потому что это гарантировало бы свободу, а налоговое бремя не было бы тяжелѣе. Когда Вальполь ссылался на отчетъ Копа, Уайндгамъ спрашивалъ: неужели мы должны пожертвовать конституціей ради предупрежденія обмановъ фиска? Совершенно понятно, что Пультеней объявлялъ весь планъ Вальполя средствомъ вовлечь внутренніе избирательные боруги въ сѣтя коронnаго вліянія, благодаря таможнямъ уже господствующаго въ морскихъ портахъ. Но трудно вѣрить въ искренность Джона Барнарда, руководителя дѣлового міра, когда онъ доказывалъ, что купцовъ удовлетворили бы только склады безъ акциза, что и существующій то акцизъ не особенно удаченъ, что Вальполь приводитъ не настоящее число требуемыхъ для сбора акциза чиновниковъ и что если его планъ осуществится, то Лондонъ будетъ не самымъ свободнымъ, а самымъ безпокойнымъ портомъ въ мірѣ. Всѣ враги воспользовались этимъ случаемъ и подняли страшный крикъ, переходящій въ яростное нападеніе.

Большинство, которымъ Вальполь располагалъ, уменьшилось съ 61 голоса до 17. Правда, по второстепенному вопросу. Онъ могъ бы провести свой билль. Но сомнительно, чтобы онъ могъ осуществить свою мѣру на практикѣ и, навѣрное, не могъ бы осуществить ее безъ пролитія крови. «Я не хочу быть министромъ, сказалъ онъ своимъ приверженцамъ, для того, чтобы собирать налоги цѣной крови», и съ свойственнымъ ему юморомъ онъ прибавилъ: «Этотъ танецъ дальше не годится». Онъ уступилъ бурѣ и объявилъ, что въ силу соображеній благоразумія онъ отступаетъ отъ того, что считаетъ и теперь справедливымъ.

Это было любопытнымъ примѣромъ значенія въ политикѣ привычныхъ лозунговъ. Въ послѣдующіе годы лордъ Честерфильдъ цинично замѣтилъ, что еслибы этотъ билль былъ названъ актомъ о лучшемъ обезпеченіи свободы и собственности подданныхъ его величества и объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ изъ наиболѣе стѣснительныхъ изъ таможенныхъ законовъ, онъ былъ бы съ одобреніемъ принятъ всѣми классами населенія. А теперь вся нація встрѣтила его отказъ отъ билля ревомъ торжества. Люди носили кокарды съ надписями: «свобода, собственность и прочь акцизъ». Въ Лондонѣ зажгли иллюминацію. Въ Оксфордѣ въ теченіи трехъ вечеровъ университетъ угощалъ городъ до пьяна, такъ что начали кричать «ура Іакову Третьему». Въ слѣдующемъ даже поколѣніи для полнаго упорныхъ предразсудковъ Джонсона акцизъ былъ «ненавистнымъ налогомъ, сбираемымъ съ товаровъ негодяями, нанятыми тѣми, кому платится акцизъ».

Говорятъ, что послѣ такого пораженія министерство должно бы было подать въ отставку. Но въ то время конституціонная нравственность не была такой щекотливой. Министръ вмѣсто того, чтобы выдти въ отставку, строго и достойно наказалъ группу благородныхъ лордовъ, давно интриговавшихъ противъ него, хотя съ виду они и были его приверженцами, а нѣкоторые даже его товарищами по администраціи. Для процвѣтанія Англіи было полезно, что еще въ теченіе девяти лѣтъ она наслаждалась миромъ и имѣла доброе финансовое управленіе при Вальполѣ; но его положеніе было уже серьезно потрясено и въ новомъ парламентѣ 1735 года большинство значительно уменьшилось.

Національный долгъ.

Въ 1714 году національный долгъ равнялся 52 милліонамъ, ежегодная уплата процентовъ равнялась 3,500,000 ф. Большая часть долга была нефундирована. Свифтъ говорилъ, что такой долгъ разорителенъ. Болинброкъ утверждалъ, что онъ покажется невѣроятно великъ будущимъ поколѣніямъ и такимъ уже кажется и настоящему поколѣнію. Стангопъ былъ проницательнѣе и говорилъ, что долгъ будетъ еще большимъ и что пугаться этого нечего. Но въ то время пугались многіе. А кромѣ того, въ то время, когда по закону ве-

личина процента была равна 5, когда Голландія занимала по 4, и когда, какъ сказалъ одинъ членъ палаты общинъ, для торговыхъ цѣлей можно было легко достать денегъ по 4 процента, было нелѣпо платить владѣльцамъ государственныхъ обязательствъ 6,7 и даже 8 процентовъ. Въ 1710 году Дефое написалъ свой превосходный трактатъ «О займахъ», въ которомъ онъ даетъ эскизъ образованія государственнаго долга, который сначала поощрялся высокими процентами, преміями и лоттереями. Но это повело къ спекуляціи. Благодаря этому, благодаря торговлѣ облигаціями, выпущенными подъ обезпеченіе старыхъ недоимокъ, и вслѣдствіе недостатка наличности во время перечеканки монеты, произошли «искусство и тайны биржевой игры, когда все Сити, казалось, превратилось въ корпорацію для отдачи денегъ подъ проценты». Дефое писалъ для Гарлея и опровергалъ мнѣніе, будто новые «денежные интересы» настолько вигскіе въ политикѣ, что торійское министерство будетъ не въ состояніи дѣлать новые займы. Онъ основательно замѣчалъ, что высокій процентъ и хорошій кредитъ привлекутъ капиталы, несмотря на всѣ политическія партіи и заговоры: люди теперь настолько же не могутъ обходиться безъ фондовъ, какъ и фонды не могутъ обходиться безъ людей; ни одна партія не можетъ обойтись безъ займовъ, какъ не можетъ остановить приливъ у лондонскаго моста. Онъ указываетъ, что когда кредитъ улучшится и парламентъ рѣшительно будетъ поддерживать его, «вы можете отнять преміи, въ теченіи шестнадцати лѣтъ можете прибѣгать къ лоттереѣ, можете понизить процентъ, сведете свое ежегодное погашеніе съ 14 процентовъ на 7, а процентъ съ 7 на 6; если же вы понизите общій процентъ займовъ до 4 на сто, то бумаги должны пасть въ цѣнѣ».

Компанія южныхъ морей. Ея крахъ.

Эти факты были очевидными; потому Гарлей въ 1711 году имѣлъ возможность учредить компанію южныхъ морей и получить для текущаго долга десять милліоновъ фунтовъ, фундируя его и обезпечивая проценты и погашеніе пошлинами съ вина, табаку и другими; новая компанія за этотъ десятимилліонный заемъ получила обѣщаніе монопольной торговли съ испанской южной Америкой и привиллегіи, какія будутъ даны по Утрехтскому договору. Этотъ планъ признавался достойнымъ финансоваго генія Сюлли или Кольбера. Онъ долженъ былъ быть для торіевъ тѣмъ же, чѣмъ былъ для виговъ англійскій банкъ Монтэгю и компанія восточной Индіи. Но пока акціи компаніи стояли только до 77; въ утрехтскомъ договорѣ разрѣшались ограниченная торговля неграми, учрежденіе немногихъ факторій и отправленіе въ испанскія колоніи только одного корабля ежегодно. Такъ какъ первый корабль былъ отправленъ только въ 1717 году, а въ слѣдующемъ снова началась война съ Испаніей, то у компаніи не было прочнаго основанія. Тѣмъ не менѣе Вальполь въ 1717 г. составилъ планъ займа у банка двухъ съ половиной милліоновъ и

у компаніи двухъ милліоновъ, съ пониженіемъ процента съ шести на пять, съ выпускомъ краткосрочныхъ облигацій на двадцать три года и съ уплатой на этотъ заемъ части долга. Но онъ вышелъ въ отставку въ самый день представленія плана палатѣ и осуществленъ планъ былъ уже Стангопомъ. Черезъ два года компанія предложила купить еще на восемьсотъ тысячъ въ годъ невыкупленной ренты. Замѣчательно то, что въ теченіи шести дней двѣ трети владѣльцевъ ренты приняли условія и что акціи компаніи поднялись до $123^1/_2$. Банкъ былъ осторожнѣе; его даже обвиняли, что онъ желаетъ уменьшенія государственнаго долга. Айслаби открыто говорилъ: «денежнымъ людямъ нужда узда; нужно дать имъ понять, что земельные люди обладаютъ главнымъ источникомъ богатства и могущества государства». Планы Лоу, «находившагося въ декабрѣ 1719 года въ апогеѣ своей славы» (Андерсонъ), распространили нѣкотораго рода инфекцію; въ то время не существовало еще надлежащаго органа компетентной финансовой критики и въ теченіи нѣсколькихъ недѣль компанія предложила взять ренты еще на тридцать одинъ милліонъ, Когда банкъ тоже сдѣлалъ соотвѣтственное и конкурирующее предложеніе, директора компаніи южныхъ морей предложили до конца 1720 года уплатить казначейству семь съ половиной милліоновъ. Вальполь стоялъ за банкъ, но принято было предложеніе компаніи! Самая грандіозность плана распространила убѣжденіе, что компанія обладаетъ какимъ то тайнымъ талисманомъ. Акціи ея поднялись до 400. Ходили слухи, что хотятъ обмѣнять Гибралтаръ на нѣкоторые порты въ Перу; было извѣстно, что нѣкоторые изъ вліятельныхъ членовъ министерства поддерживаютъ директоровъ. Въ теченіи слѣдующихъ шести мѣсяцевъ Англія превратилась въ биржевой Бедламъ. Компанія увеличивала свои выпуски облигацій и при каждомъ новомъ выпускѣ росло безуміе покупателей. 12 апрѣля подписались на два милліона новыхъ акцій по 300; 23 апрѣля произвели новый выпускъ облигацій по 400 на полтора милліона. Директора объявили полугодовой дивидентъ въ 10 процентовъ; 2 іюня акціи утромъ стояли 890, послѣ обѣда 640, вечеромъ 750. Въ іюлѣ новый выпускъ въ четыре милліона продавали по 1.000; высшей цѣны бумаги достигли 25 іюня (1.060). Большой обманъ породилъ множество мелкихъ дутыхъ предпріятій. Создавались сотни плановъ, бывшихъ дутыми или простымъ обманомъ, вродѣ компаніи для устройства perpetuum mobile въ милліонъ фунтовъ, компанія для веденія весьма выгоднаго, только никому неизвѣстно какого предпріятія (этотъ остроумный прожектеръ собралъ къ полудню тысячу подписавшихся, а послѣ обѣда удралъ съ деньгами), компанія для устройства госпиталей для незаконныхъ дѣтей съ двумя милліонами, компанія для превращенія ртути въ благородный металлъ и т. д. Часто утверждали, что искъ директоровъ компаніи южныхъ морей въ іюлѣ,

вслѣдствіе котораго всѣ эти компаніи были объявлены незаконными, былъ причиной того, что лопнуло ихъ собственное дутое предпріятіе. Но безуміе общества оказалось сильнѣе этого удара. 31 августа цѣна облигацій была еще 810, въ сентябрѣ онѣ начали быстро падать. 9-го онѣ стояли 550, 21-го уже 150. «Ихъ недавніе друзья всѣ ушли, включая Тори, якобитовъ и папистовъ, потому что они ласкали ихъ всѣхъ; ежедневно уходятъ и банкиры; ихъ не осталось и четвертой части» — говорится въ современномъ письмѣ Томаса Бродрика. Былъ только одинъ человѣкъ, который могъ, если не устранить бѣдствіе, то облегчить его. Всѣ партіи устремляли свои взоры на Вальполя. Онъ самъ продавалъ по 1.000, но онъ противился всему этому плану и оказался настоящимъ пророкомъ. Теперь онъ долженъ былъ справиться съ паникой, не обременяя чрезмѣрно государственнаго кредита; строго разслѣдовать поведеніе министровъ, не губя партіи виговъ; наказать виновныхъ директоровъ, но безъ особыхъ жертвъ. Одинъ пэръ требовалъ, чтобы съ директорами было поступлено такъ, какъ поступали въ Римѣ съ отцеубійцами; петиціи требовали мщенія каннибаламъ биржевой улицы, которые хотѣли бы высосать послѣднюю каплю крови у народа. Но благодаря Вальполю директора отдѣлались штрафами, измѣнявшимися отъ всего ихъ состоянія до небольшой его части; всего съ нихъ было взято два милліона. Судьба министровъ извѣстна: смерть Стангопа и Крэггса, самоубійство Крэггса старшаго, отставка Сундерланда и суровое наказаніе Айслаби и другихъ. Вальполь не смѣлъ защищать только одного Айслаби, взявшаго для себя и своихъ друзей акцій на 797,000 фунтовъ и потомъ сжегшаго отчеты. Наконецъ, послѣ разныхъ неудачныхъ попытокъ заставить банкъ взять часть акцій компаніи, было рѣшено, что семь милліоновъ, которые компанія обязалась уплатить правительству; будутъ сброшены со счетовъ и акціонеры получатъ по 33 ф. ш. 8 д. за сто.

Фондъ погашенія.

И снова погашеніе долга было предоставлено старому методу бережливости и добраго управленія. Вѣра въ ловкость финансовыхъ проектовъ и въ особые пути для государственнаго кредита потерпѣла пораженіе. Но въ сущности она все еще держалась за свое послѣднее прибѣжище, за «священный фондъ погашенія». Сначала это былъ настоящій излишекъ, сбереженіе въ 322,234 фун. получившееся главнымъ образомъ отъ пониженія процентовъ съ 6 на 5 съ части долга въ 1717 году, и сначала это сбереженіе было предназначено на погашеніе долга, сдѣланнаго до 1716 года. Дальнѣйшія мѣропріятія довели фондъ погашенія до 1.200,000 фун. въ годъ къ 1728 году. Но въ народномъ воображеніи онъ превратился въ магическое и неимѣющее цѣнности средство для автоматическаго погашенія долга по правилу сложныхъ процентовъ. Для находившихся въ затруднительномъ положеніи государственныхъ людей этотъ фондъ

представлялъ непобѣдимое искушеніе, источникъ средствъ въ случаѣ крайности—а когда же финансистъ не можетъ указать на крайность? Если сохранялся фондъ погашенія, можно было дѣлать новые долги, не пугая публики. Такимъ образомъ, фондъ былъ успокоительнымъ средствомъ для нервовъ публики. Время отъ времени публика пробуждалась и становилась безпокойной; такъ было въ 1728 году, когда оказалось, что съ 1716 года уплатили только два съ половиной милліона; тогда была агитація въ печати и бурныя пренія въ палатѣ; но все кончилось тѣмъ, что виги объявили, что все благополучно и нація можетъ спокойно спать. Потомъ въ 1732 году у фонда отняли соляной налогъ, изъ него взяли прибавку къ Civil List въ 500,000 ф. чтобы понизить поземельный налогъ до 1 шиллинга. Тщетно Барнардъ восклицалъ, что авторъ подобныхъ мѣръ долженъ быть преданъ проклятію потомства; а Пультеней предложилъ дать Вальполю титулъ «отца», не фонда погашенія, а «отца постоянной арміи и акциза». Въ 1733 году Картеретъ приписывалъ упадокъ торговли ограбленію этого «священнаго фонда»; расходы года должны покрываться его доходами—таковъ былъ его принципъ, принципъ, котораго современные политики придерживаются развѣ тогда только, когда они находятся въ оппозиціи. Уайндгамъ спрашивалъ, какое мы право имѣемъ предполагать, что будущія поколѣнія будутъ богаче; но такое предположеніе ужъ черезъ чуръ удобно, чтобы мы отказались дѣйствовать на основаніи его. Къ концу долгаго управленія Вальполя долгъ во всѣ эти годы мира и процвѣтанія былъ такимъ же, какъ и къ концу великихъ войнъ Марльборо. Если это и слѣдуетъ осуждать, то все же не нужно забывать положенія Вальполя. Онъ долженъ былъ примирить поземельныхъ собственниковъ съ новой династіей; онъ долженъ былъ сохранить преданность владѣльцевъ государственныхъ бумагъ, двѣ трети которыхъ, какъ оказалось въ 1737 году, имѣли меньше 1000 фунтовъ каждый. Онъ долженъ былъ готовиться къ войнѣ съ Испаніей; въ особенности же онъ долженъ былъ сохранять незапятнанной и стоящей выше всякаго подозрѣнія «прекрасную дѣву, государственный кредитъ». Въ извѣстной статьѣ въ Spectator претендентъ изображенъ съ мечемъ въ одной рукѣ и съ губкой въ другой, и всякій изъ владѣльцевъ бумагъ понималъ, какое изъ этихъ орудій страшнѣе. Когда Барнардъ въ 1737 году предложилъ то уменьшеніе процента до 3 на сто и выплату ренты, которое вскорѣ послѣ этого и провелъ Пельгамъ, казалось достаточнымъ отвѣтить, что государственные кредиторы этого не хотятъ. Кромѣ того доказывали, что это было бы несправедливо по отношенію къ владѣльцамъ, имѣвшимъ право въ 1720 году получить всю сумму—въ какомъ разѣ весь расходъ палъ бы на землю. Предложеніе и было отвергнуто—еще одно доказательство того, что политическая экономія и экономическая по-

литика всегда при непрочности династіи партійны и представляютъ классовые интересы. Хорошія мѣры Вальполя дѣлаютъ ему честь какъ финансисту, а дурныя должны быть поставлены на счетъ особымъ затрудненіямъ, которыми онъ былъ окруженъ какъ политикъ.

Общественная экономика.

Смита.

Экономическія измѣненія.

Предъ революціей населеніе Англіи и Валиса было только пять милліоновъ, къ 1742 году оно наврядъ ли было больше шести. Населеніе начало рости быстро только послѣ 1760 года. Относительно численность и доходы отдѣльныхъ классовъ оставались, за единственнымъ исключеніемъ, почти такими же, какими они были въ то время, когда Грегори Кингъ дѣлалъ свои вычисленія. Такимъ исключеніемъ былъ ростъ нѣкоторыхъ городовъ: Шеффильда, Бирмингама, Манчестера, Ливерпуля, Ньюкэстля, Бристоля и другихъ округовъ желѣзной и горшечной, бумажной и шерстяной промышленностей и каменно-угольныхъ. Ростъ этихъ городовъ былъ дѣйствительно замѣчательнымъ. Бирмингамъ, напримѣръ, отъ 1685 до 1725 года увеличился въ семь разъ. Уже въ то время многіе утверждали, что въ Англіи половина населенія живетъ въ городахъ—что въ дѣйствительности то произошло только около 1881 года. Измѣненіе равновѣсія въ населеніи уничтожило давнишнее преобладаніе южныхъ графствъ надъ сѣверными. Хотя исторія промышленности и не достигла еще эпохи великихъ изобрѣтеній и системы фабрикъ, но уже начали дѣйствовать причины, благопріятствующія прогрессу промышленности. Такими причинами были: общее увеличеніе торговли, введеніе изъ за границы новыхъ процессовъ и методовъ производства, и растущее стремленіе отдѣлаться отъ старой системы ограниченій и регулированія. Что касается до перваго изъ этихъ факторовъ, до развитія англійской торговли, то это доказывается значительнымъ развитіемъ восточно—индѣйской, западно и сѣверо-американской торговли, замѣтнымъ увеличеніемъ сбора пошлинъ и успѣхомъ навигаціонныхъ актовъ. Третій факторъ, наиболѣе важный изъ всѣхъ, проявлялся различнымъ образомъ. Въ этомъ періодѣ исчезаетъ опредѣленіе размѣра заработной платы четвертными сессіями мировыхъ судей, статуты объ ученикахъ становятся мертвой буквой, ограничивающая и регулирующая власть городскихъ корпорацій признается прямо вредной и устарѣлой. Промышленность

процвѣтала только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ ничего этого не существовало. Начали понимать то важное положеніе, что въ энергичномъ и многочисленномъ обществѣ конкуренція работаетъ лучше, чѣмъ государственное вмѣшательство въ дѣла промышленности.

Средневѣковая система особыхъ законовъ (ассизовъ), регулирующихъ торговлю хлѣбомъ, пивомъ, сукнами, и гильдій была пригодна только въ такой странѣ, гдѣ накопленіе капиталовъ было ничтожно, а пути сообщенія весьма несовершенны. Въ Англіи восемнадцатаго вѣка уже появились капиталисты-хлѣботорговцы; хотя первымъ каналомъ, можно сказать, былъ каналъ Бриджуотера до Манчестера (1761), но путешествіе Дефое доказываетъ, что задолго до этого времени пользовались рѣками, какъ путями для провоза; въ среднихъ графствахъ были уже шоссированныя дороги и по общему дорожному акту 1741 года онѣ были вводимы повсемѣстно. Эти дороги сразу понизили стоимость перевозки до шиллинга центнеръ и должны были, какъ предсказывалъ Дефое, во сто разъ увеличить потребленіе рыбы.

Въ числѣ другихъ благопріятныхъ условій была относительная дешевизна пшеницы, обусловливаемая главнымъ образомъ цѣлымъ рядомъ урожайныхъ годовъ. Среди рабочихъ пшеничный хлѣбъ очень медленно замѣнялъ употребленіе ржи, овса и ячменя; распространеніе изгородей, казавшееся современникамъ бѣдствіемъ, тѣмъ не менѣе значительно увеличивало производительность земли. Правда, что въ первыя шестьдесятъ лѣтъ восемнадцатаго вѣка было огорожено незначительное пространство сравнительно съ тѣмъ, которое было огорожено въ послѣдующемъ періодѣ — только три милліона акровъ. Замѣчательно, что по показанію Эдена земельныя ренты отъ 1689 до 1795 года почти не повысились. Очевидно, что процвѣтаніе земледѣльческихъ классовъ зависѣло главнымъ образомъ отъ распространенія подсобныхъ промысловъ, которые особенно распространены были въ восточныхъ графствахъ, въ Девонѣ, Сомерсетѣ, Глочестерѣ, Ворчестерѣ и западномъ Ридингѣ. Въ этихъ мѣстахъ «четырехъ или пятилѣтній ребенокъ уже могъ заработывать свой хлѣбъ». Такъ изъ пяти главныхъ процессовъ, необходимыхъ при производствѣ сукна, три (пряжа, тканье и вычесываніе сукна) производились крестьянами и ихъ семьями на дому. Заработная плата въ земледѣліи, собственно, почти не поднялась; по указанію проф. Торольда Рожерса повышеніе равнялось только 20%; но любопытно, что въ изданіи Britanniae Notitia Чамберлейна семнадцатаго вѣка мы встрѣчаемъ указаніе, что англійскіе поденщики имѣли лучшія жилища, пищу и одежду, чѣмъ фермеры въ другихъ странахъ; а въ изданіи 1755 года встрѣчаемъ такую любопытную поправку: заработная плата только 8 или 10 д. въ день—и тѣ, у кого большія семьи, съ трудомъ ихъ прокармливаютъ.

Лучшій общій обзоръ страны въ это время мы находимъ въ путе-

шествіи (Tour) Дефое, 1724—25 года. Оно даетъ общее впечатлѣніе о богатствѣ и благосостояніи, распространившихся послѣ революціи. Многіе округа сдѣлались процвѣтающими вслѣдствіе существованія домашнихъ промысловъ; таковы Норфолькъ, Эссексъ, Девонъ, Сомерсетъ, Уильтсъ, Дорсетъ, Глочестеръ, Лейчестеръ и западный Ридингъ; Кентъ падалъ; но все таки въ округѣ Мэдстонъ около 1500 «сѣрыхъ свитокъ», т. е. іеменовъ, являлись на выборы. Сѣверъ былъ совсѣмъ иной страной, «дикой, обнаженной и страшной»—за исключеніемъ рѣдкихъ промышленныхъ центровъ. Дефое всегда указываетъ, насколько вся страна участвуетъ въ поддержаніи богатства Лондона; даже съ далекаго сѣвера отправляютъ большіе гурты скота для откармливанія ихъ въ болотистыхъ восточныхъ графствахъ для Лондона. Дефое говоритъ, что на югѣ, отъ устья Темзы до Ландсъ-Энда, главный промыселъ составляетъ контрабанда; въ Бристолѣ онъ указываетъ на вредныя слѣдствія вмѣшательства городской корпораціи; онъ указываетъ и на главные очаги диссиденства: Бристоль, Бриджуотеръ, Таунтонъ, Девонширъ, Ридингъ. Ньюкэстль; онъ живо описываетъ главнѣйшія ярмарки: Стоурбриджъ, Пенкриджъ, Горнъ-Файръ, онъ рисуетъ сцены на скачкахъ, въ Ньюмаркетѣ и въ иныхъ мѣстахъ; онъ наконецъ, очень восхваляетъ цивилизованность многихъ провинціальныхъ городовъ, общество которыхъ не вполнѣ поглащается зимними или лѣтними сезонами столицы.

Законы о бѣдныхъ.

Путешествіе Дефое даетъ намъ свѣтлую сторону картины; онъ съ нѣкоторымъ оптимизмомъ описываетъ благосостояніе англійскаго общества. Темную же сторону того же явленія слѣдуетъ изучать по исторіи законовъ о бѣдныхъ. Исторія, правда, говоритъ намъ, что издержки на помощь бѣднымъ съ 8.190.000 фун. въ 1698 году уменьшились до 689:000 ф. въ 1750. Но это уменьшеніе было куплено такой цѣной, которая оказалась тяжелой для потомства, потому что оно было совершенно безпощаднымъ и бдительнымъ соблюденіемъ Settlement Law 1662 года. Экономическія слѣдствія этого закона составили предметъ извѣстной главы въ книгѣ Адама Смита. Фактическое его дѣйствіе описано однимъ современнымъ мировымъ судьей (Бёрномъ): «Обязанность надсмотрищика, кажется, понималась такимъ образомъ, что онъ долженъ мѣшать людямъ поселяться въ приходѣ безъ цертификата, а если у него цертификатъ имѣлся, то предупреждать всѣхъ обывателей прихода, чтобы они не давали ему въ аренду фермы въ 10 фунтовъ въ годъ, предупреждать ихъ, чтобы служащихъ они нанимали не иначе, какъ на полгода, содержать своихъ бѣдныхъ сколь возможно дешевле; торговаться съ упорствующими, чтобы держать ихъ постоянно въ трепетѣ, отдавать бѣдныхъ дѣтей въ ученики, кому бы то ни было и въ какой бы то ни было промыселъ, при этомъ особенно стараться, чтобы мастеръ, которому

они отданы, жилъ въ чужомъ проходѣ, сносить коттеджи и уменьшать населеніе прихода».

Это мѣсто даетъ намъ представленіе, что такое была «открытая война противъ коттеджей, какъ разсадниковъ нищихъ» (Артуръ Юнгъ), раздѣленіе всей страны на воюющіе округа и худшее изъ бѣдствій для бѣдняковъ—невозможность достать себѣ жилище. (Эденъ). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, несомнѣнно, эти законы должны были не соблюдаться, иначе былъ бы необъяснимъ ростъ большихъ городовъ. Но каковъ долженъ былъ быть общій результатъ суроваго закона, исполненіе котораго было поручено двадцати тысячамъ ежегодно избираемымъ и не получающимъ жалованья надсмотрищикамъ? Не даромъ Адамъ Смитъ говорилъ, что ни одинъ бѣднякъ не могъ дожить до сорока лѣтъ, не потерпѣвъ въ то или иное время серьезно отъ этого угнетающаго закона. Законодательное собраніе признало существованіе злоупотребленій и при Георгѣ II приняло акты, обязывающіе надсмотрищиковъ давать ежегодно отчеты, воспрещавшіе имъ давать приказы о помощи товарами, забираемыми въ указанныхъ лавкахъ, контролирующіе ихъ списки бѣдныхъ, получающихъ постоянную помощь и заставлявшіе ихъ болѣе щедро выдавать удостовѣренія (цертификаты), безъ которыхъ рабочіе не могли оставить своего прихода. Тоже стремленіе ограничить тираническую власть надсмотрищиковъ заставляло обыкновенно мировыхъ судей дѣлать опредѣленія о выдачѣ помощи, не обращаясь къ надсмотрищикамъ; актъ Георга I только узаконилъ и видоизмѣнилъ этотъ обычай, на основаніи этого акта судья въ томъ случаѣ, если надсмотрщикъ отказывалъ нуждающемуся въ помощи, вытребовалъ у него объясненія причинъ и только тогда приказывалъ выдавать пособіе. Такимъ образомъ къ концу вѣка уже вполнѣ были очевидны тѣ печальныя слѣдствія, какія имѣла произвольная власть, врученная безотвѣтственнымъ и мало пригоднымъ чиновникамъ.

Рабочіе дома.

Въ исторіи законовъ о бѣдныхъ въ этотъ періодъ помимо вмѣшательства мировыхъ судей и сохраненія Settlement Láws, имѣется еще одинъ фактъ чрезвычайной важности. Это актъ 1722 года, опредѣлявшій устройство рабочихъ домовъ и подачи помощи въ нихъ и только въ нихъ исключительно. Тутъ мы встрѣчаемъ workhousé test 1834 года, все болѣе и болѣе признаваемый основнымъ принципомъ здравой администраціи. Потому странно, что въ одномъ новѣйшемъ нѣмецкомъ сочиненіи говорится, что въ періодъ времени отъ 1601 до 1760 года законодательство не измѣнило принципа системы законовъ о бѣдныхъ. Дѣло въ томъ, что отчеты отдѣльныхъ рабочихъ домовъ, изданные въ 1725 и въ 1732 годахъ, указываютъ, что такихъ домовъ было уже около шестидесяти и дѣйствовали они съ замѣчательными результатами. Лордъ Мансфильдъ въ 1782 году говорилъ, что они уменьшили налогъ для бѣдныхъ на половину; со-

хранились отчеты, доказывающіе, что ежегодные расходы въ С. Альбансѣ съ 566 ф. уменьшились до 275, въ Чатамѣ съ 945 до 574, въ Гарборо съ 170 до 100 и такъ далѣе. Не только можно было недѣлю содержать человѣка на 17 или 18 д., тогда какъ внѣ рабочаго дома онъ стоилъ вдвое дороже, но и «множество лѣнтяевъ, не желая идти въ рабочіе дома, предпочитали сбросить маску и кормиться, не прибѣгая къ помощи». Къ несчастію, самое названіе рабочаго дома имѣло разное значеніе, не то убѣжища, не то исправительнаго дома, не то общественной мастерской. Новые рабочіе дома также часто прибѣгали къ старой ошибочной системѣ «искать работы» для безработныхъ, несмотря на то, что еще Дефое въ своемъ замѣчательномъ памфлетѣ: «Подача милостыни не есть благотворительность» (Giving Alms no Charity) удивительно ярко указывалъ на ошибочность такой системы. Настоящее значеніе и польза рабочихъ домовъ были лучше другихъ поняты Гэемъ, билль котораго 1736 года предлагалъ устроить ихъ повсемѣстно, соединить приходы въ группы, и устроить контроль надъ надсмотрщиками изъ опекуновъ, избираемыхъ мѣстнымъ дворянствомъ. Но противъ этого предложенія возстали всѣ, подняли крикъ, почти стольже рѣзкій, какъ противъ акциза, что это обозначаетъ общій налогъ для бѣдныхъ. Такая широкая соціальная реформа была противна правилу Вальполя: «тихо поспѣшай» и билль Гэя былъ отвергнутъ. Первоначально рабочіе дома имѣли характеръ исправительныхъ заведеній и этотъ характеръ они и сохранили. Существующіе законы противъ бродягъ были сведены въ одномъ статутѣ 1743 года, въ числу бродягъ причислялись фехтовальщики, вожаки медвѣдей, актеры, пѣвцы, фокусники и цыгане. Хотѣли заставить ихъ работать, потому что оказалось, что «для нихъ работа хуже смерти».

Система законовъ о бѣдныхъ имѣла и нѣкоторыя достоинства и очень многіе недостатки; достоинства состояли въ томъ, что къ больнымъ и старикамъ относились гуманно. Актъ 1722 года и Affiliation Act 1732 г. были и важны и полезны. Налогъ для бѣдныхъ постепенно уменьшался; многіе писатели и практическіе люди здравосмотрѣли на дѣло. Съ другой стороны, не мало было и недостатковъ: конфликты между судами, неисполненіе закона, предписывающаго вести списки и давать отчеты, отсутствіе единства и общности, непригодность надсмотрщиковъ, существованіе «партійныхъ интригъ и личнаго усмотрѣнія» и нѣкоторые признаки сантиментализма, служившіе дурнымъ предзнаменованіемъ для будущаго.

Пьянство. Кромѣ закона о бѣдныхъ, дикій и глупый уголовный кодексъ того времени, безстыдная откровенность грабежа и насилія, возмутительныя сплетни и интриги въ обществѣ, смѣсь грубости и приторно—сладкаго, столь поразительная въ литературѣ того времени— все это дѣлаетъ для насъ непріятнымъ чтеніе періодическихъ изда-

ній «пуддинговыхъ временъ» двухъ первыхъ Георговъ. Англичане уже со временъ реставраціи по своей репутаціи пьяницъ превзошли датчанъ и голландцевъ, а теперь впали въ худшее изъ всѣхъ пьянствъ, въ привычку пить джинъ. До 1723 года этотъ порокъ былъ привиллегіей богачей, потому что водка и ромъ были дороги; водка ввозилась изъ Франціи и была обложена большой пошлиной, а ромъ былъ покровительствуемымъ колоніальнымъ продуктомъ. Теперь же въ Англіи начали выдѣлывать виски и джинъ. Въ дебатахъ въ парламентѣ доказывали, что уменьшеніе производства пива и эля повредитъ земледѣлію, а уменьшеніе потребленія рома разоритъ вестъиндскія колоніи. Съ другой стороны, противъ акта о джинѣ Жекайлля приводились соображенія о vested interests, о бѣдныхъ, о свободѣ британцевъ, о нравственности умѣреннаго употребленія напитковъ, о вредности «парламентской водки», о требованіяхъ Civil List'a. Актъ Жекайлля хотѣлъ устранить зло пошлиной въ 20 шиллинговъ на галлонъ и сборомъ въ 50 фунтовъ за разрѣшеніе. Главными слѣдствіями акта были бунты и тайная торговля. Потребленіе британскаго спирта въ 1727 году равнялось тремъ съ половиной милліонамъ галлоновъ, а 1735-мъ почти пяти съ половиной; къ 1842 году оно было уже 7,182,000. Но мелочные торговцы предлагали «напоить за 1 д., за 2 д. напоить мертвецки, а солома даромъ». Употребленію джина приписывали увеличеніе числа разбойниковъ, ростъ пауперизма, появленіе новыхъ болѣзней. Въ 1743 году пошлину внезапно понизили до 1 д. на галлонъ, въ 1751 году, когда потребленіе достигло maximum'a, до одиннадцати милліоновъ галлоновъ, число кабаковъ по спискамъ смертности (многозначительное сопоставленіе) было семнадцать тысячъ. Лондонъ и большіе города были «болѣе похожи на обиталище вакхантовъ, чѣмъ на жилища цивилизованныхъ людей».

Общественная жизнь.

Батесона.

Въ теченіе двадцати восьми лѣтъ управленія Вальполя не произошло никакихъ существенныхъ измѣненій въ характерныхъ особенностяхъ общественной жизни Англіи. Во всѣхъ слояхъ общества замѣчались нѣкоторыя инертность и пассивность и беззаботное подчиненіе существующему положенію; всѣ, кромѣ немногихъ недовольныхъ, вродѣ Свифта, лэди Мэри Монтегю, лорда Гарвея и Гораса Вальполя, вполнѣ удовлетворялись тѣми удовольствіями, какія могъ имъ пред-

ложить свѣтъ. Ихъ нисколько не огорчало отсутствіе всякихъ признаковъ умственнаго и нравственнаго прогресса. Признаки времени отмѣчались, но они не возбуждали протеста; ихъ принимали какъ нѣчто неизмѣнное, неизбѣжное; истинной мудростью считалось отсутствіе всякой идеализаціи и спокойное признаніе фактовъ. Общество знало о существованіи критиковъ, презиравшихъ слабую человѣческую природу и находившихъ удовольствіе въ осмѣяніи ее, но ихъ сужденіямъ не придавали особеннаго значенія. Они не были согласны другъ съ другомъ и своимъ собственнымъ поведеніемъ не проявляли искренняго стремленія къ исправленію, рекомендуемому ими другимъ.

Слово «Chocking» еще не сдѣлалось обыкновеннымъ въ свѣтскомъ обществѣ [1]) и бойкія придворныя дамы, вридѣ миссъ [2]) Белленденъ миссъ Лепель, миссъ Гоу и миссъ Ванъ, не боялись, что ихъ легкомысліе вызоветъ обвиненіе въ безнравственности. Только къ концу этого періода появляются признаки нѣкоторой перемѣны—перехода отъ грубоватости въ обращеніи къ противоположной крайности, къ слащавой вѣжливости, отъ манеръ Вальполя къ манерамъ Честерфильда.

Дворъ. Георгъ I ненавидѣлъ королевскую пышность и не умѣлъ говорить по англійски, потому при его дворѣ было немного англичанокъ и еще меньше англичанъ. На его вечерахъ царили его любовницы: герцогиня Кендаль (г-жа Шулембергъ) и графиня Дарлингтонъ (г-жа Кильмансеггъ). Его несчастный вкусъ къ грубымъ женщинамъ дѣлалъ его предметомъ общихъ насмѣшекъ и обѣ вышеупомянутыя дамы никоимъ образомъ не могли сдѣлаться руководительницами общества.

Болѣе вліятельнымъ былъ дворъ принца Уэльскаго, въ 1717 году послѣ ссоры съ отцомъ удалившагося изъ С.-Джемскаго дворца въ Лейчестеръ Гоузъ, въ сѣверовосточномъ углу сквера, въ то время называемаго Лейчестеръ Фильдсъ. Энергическій характеръ принцессы Каролины привлекъ къ ней много друзей, а любовницы принца были англичанки и отличались красотой и изяществомъ. Всѣ наиболѣе выдающіеся люди того времени собирались у нихъ два раза въ недѣлю и каждое утро ихъ гостинная (drawing-room) сильно посѣщалась. Когда принцъ вступилъ на престолъ, толпа народа сходилась посмотрѣть, какъ его величество публично обѣдаетъ—зрѣлище, которымъ англичанамъ при Аннѣ и Георгѣ I не приходилось наслаждаться.

Здравый смыслъ и добродушіе были добродѣтели, особенно цѣни-

---

[1]) Covent Garden Journal, 1752—Фильдинга.

[2]) Это названіе также, какъ и мистриссъ, давалось порядочнымъ незамужнимъ дамамъ.

мыя Георгомъ и королевой Каролиной; они сами обладали этими добродѣтелями въ зничительной дозѣ; да и вообще это такія свойства, которыя общество въ его цѣломъ цѣнитъ необыкновенно высоко. Эти царственныя особы допускали нѣкоторое проявленіе чувства только въ немногихъ рѣдкихъ случаяхъ. Георгъ II и его супруга считали не деликатнымъ быть больными и скорѣе подчинились бы какимъ угодно мученіямъ, чѣмъ признаться въ своей болѣзни. Точно также ихъ здравому смыслу противорѣчило, и къ сожалѣнію было не столь безвредно, какъ вышеупомянутый страхъ болѣзни, «галантность» обоихъ Георговъ, которую они оба считали необходимой принадлежностью ихъ царственнаго положенія. Съ другой стороны королева считала всякіе «романы» или чувства недостойными ея и соглашалась быть довѣренной своего супруга въ его интрижкахъ [1]).

Даже современники считали рѣзкость выраженій королевы чѣмъ то исключительнымъ. Герцогиня Марльборо замѣтила, что когда Фридрихъ, принцъ Уэльскій, устроилъ свой дворъ въ Норфолькъ-Гоузъ, то «разговоръ принцессы былъ приличнѣе для гостинной, чѣмъ разговоръ мудрой королевы Каролины, у которой полчаса не пройдетъ безъ того, чтобы она не сказала кому нибудь чего нибудь шокирующаго даже тогда, когда она хотѣла быть милостивой; да и вообще ея разговоръ крайне неприличенъ для общественнаго собранія» [2]).

Георгъ II, его супруга и Вальполь были большіе мастера на грубости въ выраженіяхъ и въ сравненіяхъ. Любимымъ восклицаніямъ Георга было Pooh! Stuff! Онъ называлъ всѣхъ своихъ министровъ плутами, негодяями, мошенниками, грязными шутами, дерзкими дураками, вонючими, холерическими идіотами и ерундистами. Но юморомъ грубыхъ шутокъ, которыя такъ любилъ Карлъ II, теперь отличался Робертъ Вальполь, и что не казалось когда-то оскорбительнымъ въ манерахъ короля, славившагося своей блавоспитанностью, было оскорбительно со стороны Вальполя, и заставляло людей считать его маперы, бывшія манерами провинціальнаго сквайра, неблаговоспитанными.

Аристократическія манеры.

Люди, побывавшіе заграницей, сожалѣли объ отсутствіи утонченности въ манерахъ англичанъ. Однако въ нѣкоторыхъ кругахъ знаніе свѣтскихъ обычаевъ, граціозныя движенія и изящество рѣчи получали должное вознагражденіе. Были кружки, отличавшіеся «изящной дикціей, указывающей на свѣтскаго человѣка, извѣстной манерой разговора, которой долженъ обладать въ совершенствѣ всякій

---

[1]) Memoirs—Гервея. Reminiscences—Гораса Вальполя. Life of Lord Chancellor King—Кэмпбелля.

[2]) Извлеченіе изъ писемъ Сары герцогини Марльборо въ изданіи Кунлингама; Walpole's Letters.

джентльменъ». Честерфильдъ училъ, что поздравлять знакомаго съ вступленіемъ въ бракъ веселымъ: «желаю вамъ радости»! — очень грубо, по мужицки; нужно говорить такъ: «повѣрьте, сэръ, у меня словъ недостаетъ для выраженія радости, какую я чувствую по поводу вашего союза съ такой то фамиліей». «Комплиментъ сожалѣнія» не долженъ быть просто: «я грущу о вашей утратѣ», а такой: «надѣюсь, сэръ, вы отдадите мнѣ справедливость и убѣждены, что я не нечувствителенъ къ вашему несчастію, что я принимаю участіе въ вашемъ огорченіи и всегда буду огорченъ, когда вы огорчены» [1]).

Его сынъ началъ свои уроки хорошаго тона въ девять лѣтъ, тогда уже онъ изучалъ латинскій, греческій, французскій языки, исторію и географію. Его увѣщевали не употреблять поговорокъ, вродѣ: «что одному здорово — другому смерть» или «всякій баронъ имѣетъ свою фантазію, какъ говаривалъ одинъ добрый человѣкъ, цѣлуя свою корову». Онъ долженъ былъ обращать вниманіе на изящество движеній рукъ, на манеру надѣвать шляпу и подавать руку.

Одинъ очевидецъ описываетъ, какъ входилъ въ компату Горасъ Вальполь: «въ стилѣ аффектированной деликатности, который мода сдѣлала почти натуральнымъ, въ его рукахъ его chapeau bras, точно онъ хотѣлъ сдавить ее; колѣни согнуты и движется онъ на цыпочкахъ, точно боится, не мокрый ли полъ».

Мужской костюмъ.

Въ это время уже перестали носить длинные парики, съ локонами, доходящими почти до таліи; волосы парика или заплетались въ косу или вкладывались сзади въ черный шолковый мѣшечекъ. «Прекрасный джентльменъ» носилъ «тупею» локоновъ, поднятыхъ надъ лбомъ. Большинство джентльменовъ для ежедневнаго употребленія носили также, какъ Георгъ I, темный парикъ, простой сюртукъ, жилетъ и брюки табачнаго цвѣта и чулки того же цвѣта, праздничное платье для разныхъ церемоній состояло, какъ у Гораса Вальполя, изъ сиреневаго сюртука, жилета, вышитаго тамбуромъ серебрянымъ или бѣлымъ шолкомъ, чулковъ цвѣта куропатки, золотыхъ пряжекъ, кружевъ, бахрамы и напудреннаго парика. Въ началѣ періода на плечахъ носили жгуты; къ краямъ галстуха, чтобы муслинъ держался крѣпче, прикрѣпляли бусы. Полотно для рубашекъ покупали въ Голландіи, отъ десяти до четырнадцати шиллинговъ за англійскій аршинъ (45 дюймовъ) [2]).

Женскій костюмъ.

Въ теченіе первыхъ лѣтъ царствованія Георга I бѣдняки, сельчане, слуги и даже провинціальное дворянство носили индѣйскіе

---

[1]) Chronicles of Fashion—Стона.

[2]) Въ 1734 г. Честерфильдъ выписалъ изъ Гаги четыре дюжины голландскихъ рубашекъ.

ситцы и голландскій набивной каленкоръ. Бунты ткачей шолку и шерсти въ 1719 году и нападенія на улицахъ на женщинъ, рѣшавшихся носить эти ткани, вызвали потомъ законодательныя мѣры; въ 1722 году дамамъ пришлось разрѣзывать свои ситцевыя платья на куски и передѣлывать ихъ въ стеганныя одѣяла и ковры, такъ какъ носить ситцевыя платья было воспрещено. Вмѣсто этого они носили демикотоны, полотно, набитое цвѣтами, изящную «голландку», сдѣланную ихъ собственными руками, съ рискомъ, что разъяренные ткачи сорвутъ съ нихъ эти ткани на улицахъ [1]).

Королева Каролина не обладала вкусомъ въ костюмѣ; при коронаціи она была одѣта по описанію ея друга лорда Гарвея къ костюмъ, представлявшій смѣсь роскоши съ скаредностью. На ней было на 2,400,000 фунтовъ брилліантовъ—но взятыхъ ей у другихъ. Въ это время носили фижмы и ширина юбки допускала дѣлать на нихъ разнообразныя вышивки. При вѣнчаньи принцессы одна дама явилась въ модномъ «люстринѣ» (изъ крученаго шолку) по 13 шиллинговъ ярдъ, вышитомъ громадными вьющимися цвѣтами, пурпурныхъ красныхъ и зеленыхъ цвѣтовъ. Юбка герцогини Бедфордъ была изъ зеленаго падюсуа, богато вышитаго золотомъ, серебромъ и немногими цвѣтами; рисунокъ представлялъ фестоны изъ раковинъ, коралловъ, злаковъ, подсолнечниковъ и водорослей. Другое платье описывается какъ сдѣланное фестонами, поддерживаемыми вышитыми столбами и усѣянное вазонами цвѣтовъ.

«Всего больше мнѣ понравилось платье герцогини Кинсбюри; оно изъ бѣлаго, вышитаго сатина; основа юбки—темные холмы, покрытые всякаго рода травами; на каждой полосѣ юбки старый древесный стволъ, доходящій почти до верху юбки, переломленный и сдѣланный темной синелью, вокругъ этого стола вьются настурціи, плющъ, жимолость, барвенки, вьюнки и всякаго сорта вьющіяся растенія; ими покрыта вся юбка, тутъ и виноградная лоза, листья которой разныхъ оттѣнковъ, какъ они бываютъ при разномъ солнечномъ освѣщеніи—все это нѣсколько меньше натуральной величины, почему они кажутся еще красивѣе; отдѣлка изъ мелкихъ зеленыхъ лентъ съ вышитыми изображеніями разныхъ травъ; на рукавахъ и другихъ частяхъ платья такія же вѣтки, какъ на юбкѣ; нѣкоторые изъ листьевъ отдѣланы золотомъ, часть стволовъ представляются какъ бы озаренными солнцемъ. Я никогда не видала такой красивой и фантастической работы и сержусь на себя, что мнѣ самой это не пришло въ голову, такъ какъ это платье гораздо красивѣе моего и стоитъ не много дороже».

Въ моментъ отчаянія пишущая эти строки восклицаетъ: «я негодую, слыша это слово: изящно и разные его синонимы». Но герцо-

---

[1]) Defoe—Ли.

гиня Кинсбюри не всегда бывала изящна; въ одномъ обществѣ она появилась въ «простомъ чепцѣ», бѣломъ капюшонѣ, застегнутомъ подъ подбородкомъ, въ желтомъ платьѣ изъ ангорской шерсти, безъ буффъ, съ немногими бахрамами у рубашки, въ измятомъ передникѣ и ея капюшонъ виситъ у ней на рукѣ».

Маскарады. Въ это время очень любили фантастическіе костюмы и неутомимо посѣщали маскарады. Анна не одобряла маскарадовъ и не позволила извѣстному оперному антрепренеру Гейдеггеру ввести ихъ. Въ 1716 году Честерфильдъ писалъ Додингтону, что балы, ассамблеи и маскарады замѣнили скучные визитные дни временъ королевы Анны. Маскарады сначала происходили въ королевскомъ театрѣ въ Гэймаркетѣ; билеты продавались въ кофейной Уайта. Старались, чтобы посѣтители были только изъ знати, хотѣли предупредить пьянство и безпорядки—но безуспѣшно. Большое жюри зачислило королевскій театръ въ списокъ вредныхъ сборищъ, «такъ какъ это тоже, что незаконная игра».

Въ 1726 году Лондонскій епископъ говорилъ проповѣдь противъ маскарадовъ въ Боу-Чёрчъ предъ обществомъ улучшенія нравовъ. Король издалъ противъ нихъ прокламацію, но онъ самъ и принцъ посѣщали маскарады и когда Гейдеггеръ былъ назначенъ смотрителемъ королевскихъ увеселеній (Master of Revels), они подъ названіемъ Ridottos вошли въ особую моду. Въ 1727 году м-съ Пендарвесъ писала: «маскарады не воспрещены, но есть и другое увеселеніе съ открытымъ лицомъ, т е. балы». Въ 1729 году большое жюри Миддльэссекса снова признало маскарады одной изъ главныхъ причинъ порока и безнравственности.

Сады. Въ 1733 году одинъ антрепренеръ купилъ виллу въ Чельзи, бывшемъ тогда загороднымъ округомъ, принадлежавшую виконту Ранелагу, за 3200 фунтовъ. Въ 1742 году тамъ разбили сады. Горасъ Вальполь 26 мая 1742 года писалъ: «два дня тому назадъ сады Ранелага въ Чельзи открыты для публики. Тамъ были принцъ, принцесса, герцогъ Кумберландскій, много знати и кромѣ того множество черни. Тутъ обширный амфитеатръ, изящно позлащенный, разрисованный и освѣщенный; туда допускается всякій охотникъ поѣсть, попить, потолкаться или поглазѣть за шиллингъ. Постройки и разбивка сада стоили 16,000 ф. Два раза въ недѣлю тутъ будутъ редуты (Ridottos) по гинеѣ за входъ—за что вы имѣете ужинъ и музыку. Я былъ тамъ послѣдній вечеръ, но не нашелъ особаго веселья. Вокзалъ нѣсколько лучше, потому что тамъ лучше садъ и дорога по рѣкѣ».

При управленіи Іонатана Тайёра Вокзалъ снова вошолъ въ моду, въ 1736 году его снова открыли и украсили рисунками Гогарта. Болѣе скромные люди развлекались у Садлера, въ Ислингтонѣ и Купарсъ-Гарденѣ, въ Ламбетѣ, противъ Сомерсетъ Гоуза. Въ садахъ

Мэрильбонъ модное общество утромъ завтракало, играло въ мячъ и купалось подъ открытымъ небомъ.

Театры.

Помимо религіознаго настроенія и настроеніе національное было враждебно драмѣ. Только немногіе посѣщали драматическіе театры, модное общество посѣщало только оперу. Для конкурренціи съ оперой въ драматическихъ театрахъ начали давать пантомимы и арлекинады; настоящая драма исчезаетъ до конца этого періода, когда Гаррикъ началъ играть шекспировскія драмы въ театрѣ Гудманъ-Фильдсъ. Въ 1728 году успѣхъ «Оперы нищаго»—Гэя въ Линкольнъ-Иннъ-Фильдсѣ былъ поводомъ для развитія тенденціозной политической драмы; но партія двора имѣла возможность воспретить, какъ «непристойныя», всѣ пьесы, враждебныя правительству. «Опера нищаго» шла пятьдесятъ разъ въ Бристолѣ, Батѣ и другихъ провинціальныхъ городахъ; послѣ тридцать шестого представленія въ Лондонѣ Гэй получилъ 800 фунтовъ, а антрепренеръ Ричъ четыре тысячи. Лавинія Фентонъ, игравшая роль Полли, получала только тридцать шиллинговъ въ недѣлю, но за свои труды была вознаграждена тѣмъ, что вышла замужъ за герцога Больтона. Въ 1731 году построили Ковентгарденскій театръ, но опера шла плохо и къ концу періода модное общество для разнообразія посѣщало ораторіи. Въ 1734 году въ Линкольнъ-Иннъ-Фильдсъ была исполнена ораторія Порпоры; м-съ Пендарвесъ нашла ее черезъ чуръ торжественной для театра и предпочитала «Эсфирь» и «Дебору», ораторіи Гайдна. Въ 1741 году въ оперномъ театрѣ поставили роскошныя декораціи, улучшили балетъ и тогда весь городъ началъ посѣщать оперу. Горасъ Вальполь пишетъ: «сцена большая и вся открытая и изображенъ превосходно видъ Венеціи съ Ріальто и множествомъ гондолъ на немъ, полныхъ маскированными, выходящими на берегъ танцующими».

Карты.

Любовь къ картежной игрѣ, которой раньше отличалось только аристократическіе круги, теперь сдѣлалась общераспространеннымъ явленіемъ. Любимой игрой при дворѣ была quadrille, усовершенствованная ломбардная, и «Commerce». Интересъ обѣихъ игръ обусловливался величиной ставокъ. Честерфильдъ въ 1733 году писалъ лэди Суффолькъ: «Я нахожу, что ваши придворныя развлеченія въ Гамптонъ Кортѣ опровергаютъ мнѣнія тѣхъ, которые сожалѣютъ о непостоьнствѣ дворовъ, такъ какъ одни и тѣже развлеченія существуютъ безъ перерыва въ теченіи этихъ послѣднихъ шестнадцати лѣтъ. Торговля («Commerce»—тутъ Честерфильдъ играетъ словами), конечно, должна хорошо играть въ карты, чтобы такъ долго удерживаться... иначе... всякій прочитавшій письмо можетъ самъ добавить остальное» [2]).

---

[1]) Memoirs—Гервея.

[2]) Въ перепискѣ того времени много жалобъ на шпіонство и вскрытіе писемъ.

Гервей пишетъ, что въ отсутствіе короля королева въ С. Джемскомъ дворцѣ проводила свои вечера также, какъ раньше въ Кенсингтонѣ, т. е. въ своихъ частныхъ покояхъ играя въ quadrillè съ двумя дамами, принцеса Каролина, фрейлина и лордъ Гервей играли въ cribbage, а герцогъ, принцесса Эмилія и остальные случайные посѣтители играли въ фаро.

Выигрыши и проигрыши короля и королевы обыкновенно ограничивались сотнями, по въ Крещенье было обычнымъ выигрывать или проигрывать тысячами. Лэди Коуперъ, статсъ-дама, ради своихъ дѣтей отказывалась играть, такъ какъ никто не садился за столъ меньше, чѣмъ съ двумястами фунтовъ [1]).

Дамы, игравшія въ Бельсизѣ, Гампстедѣ и Ричмондѣ, съ рискомъ возвращались съ своими выигрышами въ городъ, такъ какъ на нихъ систематически нападали грабители [2]).

Къ концѣ періода въ моду вошелъ «вискъ» или вистъ, но сначала его считали слишкомъ умной игрой, чтобы въ немъ могли участвовать дамы. Въ 1742 году Горасъ Вальполь нашелъ положительно необходимымъ выучиться играть въ вистъ, такъ какъ безъ него никоимъ образомъ обойтись нельзя.

Игра въ карты на время совершенно вытѣснила чтеніе и разговоры; но она способствовала соединенію половъ. Георгъ II ненавидѣлъ книги и Каролинѣ позволялось читать Роллена только тайкомъ отъ него. Философы-диллетанты уже не занимали того положенія въ обществѣ, какъ раньше. Иногда въ домѣ какой нибудь герцогини былъ свой литераторъ, но въ Англіи не было дамскихъ салоновъ и иностранцы, вродѣ Анжелони, указываютъ, что въ Англіи къ литературнымъ мнѣніямъ женщинъ относились презрительно. Немногія женщины, кромѣ королевы, проявляли какой нибудь интересъ къ политикѣ.

Спекуляція. Отсутствіе умственныхъ интересовъ замѣнялось интересами къ картамъ и лоттереямъ. Большая часть закупокъ женщинъ производилась по лоттерейной системѣ. Нельзя открыть томъ переписки того времени, чтобы не найти указаній на интересъ пишущихъ къ лоттерейнымъ билетамъ [3]) или къ акціямъ компаніи южныхъ морей. Смоллетъ въ 1720 году писалъ: «Биржевая улица (Exchange Alley) наполнена странной толпой государственныхъ людей и церковниковъ, духовныхъ лицъ и диссидентовъ, виговъ и торіевъ, медиковъ и адвокатовъ, купцовъ и даже женщинъ; всѣ другія профессіи и занятія вполнѣ въ пренебреженіи».

---

[1]) „Diary". „London in Iacobite Times"—Дорана. Письма Джона Гервея, перваго графа Бристоль.

[2]) „Defoe"—Ли.

[3]) Лэди Монтэгю.

Улицы были полны экипажами людей, недавно обогатившихся игрой акціями компаніи южныхъ морей; женщины купили на выйгрыши на биржѣ три тысячи золотыхъ часовъ. Дефое спрашиваетъ: «знаете вы, какое лицо у акцій южныхъ морей?» Видъ биржи былъ различенъ при повышеніи и пониженіи акцій. Послѣ рокового 24-го іюня Дефое писалъ: «Теперь вы можете получить свою баранью котлетку въ ресторанѣ безъ того, чтобы кухонная барышня надоѣдала вамъ вопросами о томъ, какъ сегодня стоятъ акціи. Вы можете отправиться въ кофейню и потребовать кофе или чаю и получить ихъ безъ затрудненій, тогда какъ раньше, если вы спрашивали: «Жакъ, дайте мнѣ чаю», онъ, не обращая вниманія на то, что вы требуете, говорилъ вамъ: сэръ, не хотите ли купить на тысячу фунтовъ акцій соляныхъ копей, рыбныхъ ловель и такъ далѣе. Если вы не согласны на его цѣну, эта собака въ синемъ передникѣ кричала: сэръ, я дамъ вамъ тысячную акцію противъ сколькихъ угодно... и такъ далѣе относительно всякаго дутаго предпріятія, какое тогда было въ ходу».

Потери на Биржевой улицѣ отразились на судьбѣ всѣхъ классовъ городского населенія и на судьбѣ высшихъ классовъ въ провинціи; многіе прибѣгали къ самоубійству, многіе дѣлались бродягами и разбойниками.

Отсутствіе законности.

Эгоизмъ, проповѣдуемый многими добродушными членами высшихъ классовъ, какъ доказательство здравомыслія, презрѣніе къ человѣчеству, которымъ многіе циники хвастались, какъ доказательствомъ своего ума и проницательности, въ низшихъ общественныхъ классахъ проявлялся презрѣніемъ къ законности и порядку. Воровство, ограбленіе лавокъ, бродяжничество, нападенія на улицахъ, грабежи на большихъ дорогахъ были обычными явленіями; газеты были полны извѣщеніями о потерянныхъ, т. е. украденныхъ вещахъ и разсказами о небезопасности на улицахъ. Люди, осмѣливавшіеся кричать: караулъ, когда у нихъ стаскивали съ головы парики, немедленно пристрѣливались и преступниковъ обыкновенно не находили. Каждодневно по цѣлымъ недѣлямъ среди бѣлаго дня останавливали дилижансы, отправлявшіеся въ Гампстедъ, Ислингтонъ и Гакней и грабили пассажировъ. Въ теченіи пяти недѣль пять разъ ограбили почты изъ Бристоля въ Лондонъ. Вагонъ, ходившій между Ноттингъ-Гиллемъ и Тибурнъ-Гэтъ, былъ разгруженъ, что потребовало нѣсколько часовъ работы среди бѣлаго дня. Чарингъ-Кроссъ, Гольборнъ, Флитъ и дворъ св. Павла были любимыми мѣстами собраній бродягъ и воровъ. Несмотря на множество арестовъ число нападеній не уменьшалось. Людей вѣшали десятками, дюжинами; многихъ отправляли въ колоніи, потому что при еженедѣльныхъ повѣшеніяхъ въ Тибурнѣ не хватало мѣста для висѣлицъ. Смертная казнь никого не устрашала, повѣшеніе считалось геро-

ческимъ концемъ и путешествіе къ висѣлицѣ было торжественнымъ тріумфальнымъ шествіемъ [1]). Какъ и во Франціи въ дѣлѣ Картуша, съ которымъ Дефое сравниваетъ это время увеличенія числа преступленій, въ 1720—30 годахъ цѣлые общественные классы соединялись съ цѣлью жить грабежами.

Контробандисты соединялись съ мировыми судьями и поземельнымъ дворянствомъ, чтобы обманывать таможни. «Черные» въ западныхъ графствахъ были іемены и зажиточные фермеры, организованные съ цѣлями грабежа; разбойники на большихъ дорогахъ выходили изъ всѣхъ общественныхъ классовъ [2]). Смерть разбойника Жака Шеппарда на висѣлицѣ (1724) и разсказы о его чудесныхъ подвигахъ возбуждали романическихъ юношей подражать ему; исторіи Іонатака Уильда, укрывателя воровъ и краденыхъ вещей, повѣшеннаго въ 1725 году и грабителя на большихъ дорогахъ Дика Тюрпена, повѣшеннаго въ 1739 г., увеличила славу такихъ занятій. Дорожнымъ сторожамъ дали рожки, чтобы давать знать объ опасности ближайшимъ сторожамъ, но систематическое преслѣдованіе грабителей было невозможно при непроѣзжемъ состояніи проселочныхъ дорогъ. Въ 1728 году Дефое издалъ свое сочиненіе о «способѣ предупрежденія уличныхъ грабежи»; онъ доказывалъ, что констебли должны быть крѣпкими, здоровыми людьми, а не старыми и слабыми, и что слѣдуетъ увеличить количество фонарей. Но его предложенія не были приведены въ исполненіе.

Паденіе благотворительныхъ обществъ.

Зачатки гуманистическаго движенія временъ Анны замерли и снова въ обществѣ царилъ грубый эгоизмъ. Больше не было торжественныхъ шествій по улицамъ сиротъ съ знаменами и флагами, какъ бывало при Аннѣ. Дефое обвиняетъ благотворительныя общества и общества для улучшенія нравовъ въ томъ, что тамъ много болтаютъ и ничего не дѣлаютъ. Эти общества «пали и изъ нихъ ничего не вышло». Онъ спрашиваетъ, почему эти общества кромѣ преслѣдованія безобразниковъ и закрытія безнравственныхъ домовъ не преслѣдуютъ за ругательства, за клевету и ненужныя клятвы? [3]) Методы дѣятельности обществъ, приговоры къ штрафамъ и къ тѣлесному наказанію, не позволяютъ имъ цѣлать добро, а кромѣ того ихъ можно подозрѣвать въ политической партійности.

Жизнь въ Лондонѣ.

Въ Лондонѣ раздѣленіе Вестъ-Энда отъ Истъ-Энда, начавшееся еще въ царствованіе Карла I, съ распространеніемъ города къ западу становилось все болѣе и болѣе замѣтнымъ. Фильдингъ въ 1752 году писалъ: [4]) «На памяти многихъ живущихъ свѣтское общество

---

[1]) Ср. Малькольмъ.
[2]) Defoe—Ли.
[3]) Ibid.
[4]) Covent Garden Journal, 1752.

жило въ приходѣ Ковентгардена и большей части прихода С. Жильса въ поляхъ, но теперь сюда забрался врагъ (простой народъ) и теперь кругъ свѣтскаго общества ограничивается Лейчестеръ-Фильдсомъ и Голденъ-Сквером. Отсюда свѣтское общество снова отступило предъ врагомъ къ Гановеръ-Скверу и оттуда его снова прогнали къ Гросвеноръ-Скверу и даже за него, и съ такой быстротой, что оно не остановилось предъ стѣнами Гайдъ-парка и вѣроятно, что вскорѣ оно дойдетъ до Кенсингтона».

Маккай въ 1722 году писалъ:

«Я жилъ въ улицѣ Поль-Молль, обычномъ мѣстѣ жительства всѣхъ иностранцевъ. Нашъ образъ жизни таковъ: встаемъ мы въ девять и тѣ, которые посѣщаютъ утренніе пріемы знати, пребываютъ тамъ до одиннадцати часовъ, или какъ въ Голландіи, отправляются въ чайныя. Около полудня beau monde собирается въ разныхъ кофейняхъ и кондитерскихъ; лучшія изъ нихъ «Кокао» и шоколадныя Уайта, с. Джемса, «Смирна», кофейни м-съ Рокфордъ и Британская—и всѣ онѣ такъ близки одна къ другой, что меньше чѣмъ въ часъ вы видите все общество. Мы отправляемся туда въ портшезахъ, которые очень дешевы, по гинеѣ въ недѣлю или по шиллингу въ часъ, и носильщики служатъ при этомъ намъ и посыльными. Если погода хорошая, мы до двухъ часовъ гуляемъ въ паркѣ, потомъ отправляемся обѣдать; а если грязно, мы у Уайта играемъ въ пикетъ или фаро, или разговариваемъ о политикѣ въ Смирнѣ или въ С. Джемсѣ. Я долженъ при этомъ сообщить вамъ, что у разныхъ партій разныя мѣста собраній; но иностранцевъ вездѣ принимаютъ хорошо; виги не пойдутъ въ Кокао или Озинду, также какъ тори не ходятъ въ кофейню С. Джемса. Шотланды обыкновенно посѣщаютъ Британскую кофейню, а смѣсь разныхъ людей Смирну».

«Ресторановъ здѣсь не такъ много какъ заграницей; но на Суффолькъ-Стритъ есть хорошіе французскіе рестораны. Здѣсь обычно сговариваться въ кофейнѣ идти въ таверну компаніей; тамъ мы сидимъ до шести часовъ, оттуда отправляемся въ театръ, если вы не приглашены на обѣдъ къ кому нибудь изъ знати. Послѣ театра лучшее общество обыкновенно отправляется въ сосѣднія кофейни Тома и Вилля, гдѣ играютъ въ пикетъ и разговариваютъ до полуночи. Если же вамъ больше нравится дамское общество, то имѣется ассамблеи въ домахъ знатныхъ людей».

Кофейни Гарравей, Робина и Іонотана близь Биржи, когда то бывшія модными, теперь посѣщались только дѣловыми людьми. Въ концѣ царствованія Анны содержатели кофеенъ были вынуждены повысить цѣны вслѣдствіе налоговъ на кофе, чай и газеты и брали за кофе 2 д., за зеленый чай $1^1/_2$, за всѣ крѣпкіе напитки по 2 д. за рюмку. Черный чай въ 1710 году продавался отъ 12 до 28 шил-

линговъ, фунтъ зеленаго отъ 10 до 16 ш., «Bohea и Pekoe» были дороже. Контробандный и Sophisticated (т. е. поддѣланный) чаи употреблялись бѣдными, потому что налогъ на чай былъ по 5 шиллинговъ съ фунта. Кофе въ 1710 году стоилъ 5 ш. 8 д., шоколадъ 3 ш. Въ этомъ году цѣны были среднія [1]). Виги не хотѣли пить французскихъ винъ, а тори отказывались отъ портвейна, ввозимаго послѣ Метуэнскаго трактата 1703 года и употребляли токайское, Эрмитажъ, Флоренсъ, Ирландское вино (кларетъ) или шампанское и бургундское; но французскія вина вообще были доступны только богатымъ или тѣмъ, которые могли получать контрабанду. Въ это время въ моду входитъ пуншъ, съ этого же времени начинается потребленіе свѣтлаго эля, горькаго пива и новаго рода пива entire, по 3 д. за кварту. Чамберлейнъ въ его сочиненіи «Положеніе Англіи» 1711 года пишетъ, что французскіе супы, рагу, ветчина, рыба и дичь употреблялись только въ зажиточныхъ семьяхъ, а простые люди ѣли мясо и пуддинги и употребляли хлѣба больше, чѣмъ раньше За исключеніемъ большихъ ресторановъ, вродѣ ресторана Понтака, гдѣ обѣды стоили отъ шиллинга до гинеи съ персоны, можно было пообѣдать за восемнадцать пенсовъ [2]). Въ харчевнѣ Свифтъ за десять пенсовъ получалъ эль, дурной хлѣбъ и три бараньихъ котлетки. Въ «Весеннемъ саду» (Спрингъ-Гарденъ) были знаменитые бертоновское пиво и провѣсное мясо [3]). Посты еще соблюдались. Свифтъ въ посты питался сыромъ, масломъ и похлебкой изъ овощей. На Рождествѣ обычными блюдами были рождественные пироги, ягодный супъ и свинина.

Жизнь въ провинціи.

Количество центровъ общественной жизни на окраинахъ Лондона и въ провинціи постоянно увеличивалось. Въ 1716 году Попъ писалъ изъ Твикенгама: «всѣ эти десять дней я обѣдалъ въ пріятныхъ виллахъ по Темзѣ, берега которой теперь населеннѣе Лондона благодаря сосѣдству Гамптонъ Корта».

Развивавшійся интересъ къ красивымъ садамъ и паркамъ заставлялъ многихъ, раньше пріѣзжавшихъ на лѣто въ городъ, искать развлеченія и отдыха на дачахъ. Они теперь занимались устройствомъ аллей, дѣланьемъ просѣкъ, сажаньемъ елей, устройствомъ водопроводовъ и фонтановъ, постройкой гротовъ, храмовъ, бесѣдокъ и т. д. Въ виллахъ собирались гости цѣлыми семьями и жили по мѣсяцамъ. Удаленіе въ провинцію съ цѣлью наслаждаться деревенской жизнью и деревенскими видами еще не вошло въ моду, такъ какъ въ деревнѣ было не легко достать провизіи [4]). Но города Батъ,

---

[1]) Аштонъ.
[2]) Сэръ Вальполь о счетной книгѣ своего дѣда. Letters.
[3]) Spectator № 83.
[4]) Letters—Попа, 1739.

Тунбриджъ, Ипсомъ и къ концу періода Челтенгамъ были переполнены дачниками [1]). Въ 1714 году Попъ писалъ изъ Бата: «Цѣлый день у меня уходитъ на купанье, ассамблеи, прогулки, посѣщеніе кофеенъ, лоттерей, театра и пр.». Онъ называетъ прогулки Бата лучшими въ мірѣ. Дѣвушки въ 1740 году жаловались, что общество тамъ очень скучное, что все утро проходитъ въ визитахъ (въ How d'ye does) и что дамы въ дамской кофейной разговариваютъ только о подагрѣ и ревматизмѣ. М-съ Пендарвесъ въ 1741 году писала о важныхъ барыняхъ въ Челтенгамѣ, что тамъ «почтенныя и скромныя дамы боятся всякаго необыкновеннаго слова и поступка». Къ концу періода вошли въ моду морскія купанья въ Скарборо. »Новомодные разговоры» въ ассамблеяхъ оживляли провинціальную жизнь. Почти во всѣхъ большихъ городахъ судебныя сессіи, скачки или ярмарки были поводомъ для ассамблеевъ, баловъ, картежныхъ вечеровъ, лоттерей и театровъ [2]). Кембриджъ былъ старомоднымъ городомъ и тамъ ничего этого не было.

Веселая Елисавета Робинсонъ, впослѣдствіи лэди Монтэгю, пишетъ: «въ провинціи дѣлаешь визиты съ рискомъ переломать себѣ кости, но для меня этотъ страхъ никогда не былъ столь силенъ, чтобы заставить меня остаться дома».

21 ноября 1730 года король и королева по дорогѣ изъ Кьюгардена въ С. Джемсъ были выброшены изъ кареты близъ лорда Петерборо въ Парсонсъ-Гринъ около шести часовъ вечера—вѣтеръ такъ сильно раздувалъ факелы, что кучеръ не видалъ дороги [3]). Во многихъ мѣстамъ Англіи въ 1736 году начинаются дорожные бунты [4]). Дороги.

Зажиточные люди ѣздили на почтовыхъ и могли совершить путешествіе отъ Лондона въ Эксетеръ въ три дня, но бѣдные, ѣздившіе въ почтовыхъ вагонахъ, путешествовали медленно. По воскресеньямъ дилижансы не ходили и на сѣверѣ двадцать три мили въ день считалось уже быстрой ѣздой. Свифтъ, ѣхавшій изъ Мооръ-Парка въ Лейчестеръ въ вагонѣ, ночевалъ въ придорожныхъ гостинницахъ по пенни за ночевку, да платилъ по 6 д. за чистыя простыни. Путешественники, имѣвшіе знакомыхъ, останавливались во всѣхъ домахъ богатыхъ дворянъ, даже при отсутствіи собственниковъ [5]), а менѣе счастливымъ приходилось ночевать

---

[1]) Universal Spectator. 1732. Letters—Честерфильда, 1733.

[2]) Suffolk Correspondence; Letters м-ссъ Монтэгю и м-ссъ Делани. Life of Elizabeth Carter—Пеннингтона

[3]) Memoirs—Гервея о непроходимости дорогъ кромѣ главныхъ дорогъ къ Лондону. Suffolk Corresp.: „проклятыя дороги, какъ и весь Чеширъ".

[4]) Ibid.

[5]) Suffolk Corresp.

„Въ худшей комнатѣ худшей изъ гостинницъ, съ циновками вмѣсто стеколъ,
Съ земляным ъ поломъ и грязными стѣнами,
На перинѣ, подбитой соломой,
Съ никогда не закрывавшимися занавѣсками кровати“ [1]).

Веселыя дѣвушки, вродѣ Елисаветы Робинзонъ, «визжали отъ радости», когда по дорогѣ ихъ карета опрокидывалась, но старшіе члены семьи благодаря скукѣ путешествія, страдали нервами (отъ hyp и vapours). Всѣ дамы, имѣвшія въ Лондонѣ друзей, дѣлали свои покупки чрезъ нихъ и много посылокъ чая, шоколада и картъ отправлялось въ провинцію, такъ, напр., м-ссъ Пендарвесъ отправляла ихъ своей сестрѣ въ Глочестерширъ, въ замѣнъ она получала отъ нея маринованныхъ миногъ. Всѣ матеріалы для платьевъ, даже дѣтскіе чепчики, получались изъ города. «Что касается до иголокъ, то я думаю, вы можете оказать честь Глочестеру и купить ихъ тамъ».

Автобіографія свѣтской дамы.

Автобіографія и письма Мэри Гранвилль, по первому браку миссъ Пендарвесъ, впослѣдствіи м-ссъ Делани, даетъ живой отчетъ о жизни въ провинціи и въ городѣ съ точки зрѣнія благовоспитанной дамы. Она училась въ школѣ, содержимой француженкой; въ числѣ воспитанницъ были дочери дворянъ, пивоваровъ и актрисъ. Возвратившись въ свой родной домъ, Бекландъ близь Бродуэя въ Глочестерширѣ, она занималась по утрамъ музыкой, чтеніемъ, французскимъ языкомъ и шитьемъ, вечеромъ играла въ вистъ съ отцомъ, матерью и приходскимъ священникомъ или занималась своими любимыми вырѣзками изъ бумаги, которыми она прославилась—а въ это время отецъ ея читалъ вслухъ. Въ теченіи всей ея жизни она занималась тѣми ручными работами, которыя было въ модѣ: или дѣлала салфеточки для креселъ изъ вышивокъ, или цвѣты, или украшенія изъ перьевъ, или пряла шерсть, ленъ и шолкъ, или штопала или плела шнурки (обычное занятіе королевы) и тому подобное. Она описываетъ свой домъ покрытымъ снаружи лаврами и украшеннымъ домотканными матеріями, изящнымъ фарфоромъ и гравюрами.

Она вскорѣ нашла жениха, человѣка, «разумъ котораго былъ не особенно развитъ, такъ какъ онъ получилъ образованіе сельскаго сквайра», но его родители не согласились на бракъ, сватовство было прервано и онъ вскорѣ умеръ отъ огорченія. Для развлеченія ее отправили провести зиму къ ея родственнику, лорду Лансдоунъ, недавно освобожденному изъ двухлѣтняго заточенія въ Тоуэрѣ и жившему въ своемъ загородномъ имѣніи близь Бата. Тамъ семнадцатилѣтняя дѣвушка встрѣтила Александра Пендарвеса, шестидесятилѣтняго

[1]) О гостинницахъ между Лондономъ и Карлилемъ въ 1719 году см. Gentleman's Magazine, 1762 г.

старика, жирнаго, задыхававшагося, грязнаго, безобразнаго подагрика. Она нашла «его толстую неповоротивую фигуру и красное лицо очень забавными», но вскорѣ къ великому своему ужасу узнала, что ея родственники выбрали «Громіо», какъ она называла его, ей въ мужья. Она сочла своей обязанностью повиноваться людямъ, «желавшимъ устроить ее и освободить своихъ друзей отъ издержекъ и заботы» и приняла ихъ выборъ настолько радостно, насколько это было возможно. Послѣ брака она продолжала считать его «особой, скорѣе отвратительной, чѣмъ привлекательной», но героически скрывала свою ненависть къ нему, и старалась быть съ нимъ любезной. Послѣ нѣсколькихъ опрокидываній кареты по дорогамъ Корнваллиса, къ концу свадебнаго путешествія она пріѣхала въ его домъ, въ старый замокъ съ залой безъ оконъ, съ гнилымъ поломъ въ гостинной и съ разрушенными потолками; окна были высоко надъ ея головой.

Черезъ два года послѣ свадьбы Громіо началъ сильно пить и если онъ не страдалъ отъ подагры, то его приносили домой въ шесть часовъ утра мертвецки пьянаго. Жизнь молодой женщины въ Лондонѣ была не болѣе счастливой, такъ какъ она была жертвой нападеній разныхъ франтовъ и такъ какъ она находила поведеніе мужчинъ, встрѣчаемыхъ ей на ассамблеяхъ, несноснымъ, то и запиралась дома и сидѣла не вставая за своими пяльцами.

Во время вдовства она проводила большую часть времени у герцогини Портландъ въ Бульстродѣ, въ Буксѣ. Герцогиня умѣла привлекать людей; у нея собиралось много веселыхъ и умныхъ дѣвушекъ; живая корреспонденція велась между Пенъ (т.-е. Пендарвесъ), Пипъ (ея сестрой Анной) и Фиджетъ (Елисаветой Робинсонъ, впослѣдствіи м-ссъ Монтэгю). Фиджетъ получила необычное въ то время для дѣвушки образованіе у Миддльтона въ Кемдриджѣ; она читала съ герцогицей Цицерона [1]). Пенъ и Пипъ читали модную литературу, городская дама давала совѣты ея сестрѣ—провинціалкѣ относительно того, какія книги стоитъ купить, а какія только взять на прочтеніе. Герцогиня Портландъ спасла ученую женщину, Елисавету Эльстобъ, отъ нищеты и сдѣлала ее гувернанткой своихъ дѣтей. Занимая такое положеніе, она, конечно, не находила дѣла для ея необычайныхъ умственныхъ способностей, но была очень счастлива, такъ какъ любила дѣтей.

Воспитаніе дѣтей.

Въ это время въ высшихъ кругахъ общества выходитъ изъ употребленія сѣченье дѣтей. Разсказывали, что когда герцогиня Сара

---

[1]) Въ письмѣ къ Мэри Лепель (лэди Гервей) Честерфильдъ говоритъ; „она знаетъ больше, чѣмъ нужно для женщины, такъ какъ прекрасно понимаетъ по латинѣ, хотя благоразумно скрываетъ это“.

Марльборо однажды посѣтила королевскихъ дѣтей, она нашла принцессу (впослѣдствіи королеву Каролину) возстановлявшей порядокъ въ дѣтской. Одинъ изъ дѣтей за непослушаніе подвергся наказанію «на нѣмецкій манеръ» и ревѣлъ во всю мочь. Герцогиня тщетно старалась утѣшить его. «Посмотрите-ка, сказалъ принцъ съ торжествующимъ видомъ—вы, англичане, не благовоспитаны, потому что васъ въ дѣтствѣ не сѣкутъ»... «Гмъ, подумала ея свѣтлость, тебя то должно быть тоже не сѣкли въ дѣтствѣ»... «но я промолчала»— прибавляетъ она [1]).

Въ корреспонденціи того времени дѣти начинаютъ играть болѣе видную роль, они принимаютъ большее, чѣмъ прежде, участіе въ жизни родителей; тѣмъ не менѣе дѣтей аристократовъ еще много оставляли съ слугами и они выучивались отъ нихъ ругаться и пѣть грубыя пѣсни, играя съ своими бэби (куклами), голландскими игрушками, и вертушками (whirligigs) [2]). Въ Country Gentlemans Vademecum (1717) [3]) вычисляются ежегодные расходы семьи нобльмена, состоящей, вмѣстѣ съ слугами, изъ двадцати пяти или тридцати человѣкъ, въ 1200 или 1500 фунтовъ, причемъ плата двадцати слугамъ была только 170 ф. Дефое, въ его памфлетѣ Everebody's Business— Слуги. Nobody's Business (1725), жалуется на рѣдкость женской прислуги и на огромныя платы ей; вмѣсто 30 или 40 шиллинговъ въ годъ онѣ хотятъ получать 6 или 8 фунтовъ. Онъ желалъ бы, чтобы плата была опредѣлена въ 2—5 фунтовъ, потому что иначе женская прислуга скоро потребуетъ 20 фунтовъ. Кухарка не только удвоиваетъ свое жалованье получками на чай, но и беретъ съ лавочниковъ по извѣстному проценту съ каждаго купленнаго въ домъ фунта.

Нѣкто донъ Маноэль Гонзалесъ говоритъ, что слуги—это божеское наказаніе для всѣхъ хозяевъ въ городѣ. Онъ обвиняетъ ихъ въ стачкахъ и въ томъ, что когда они безъ мѣста, то поддерживаютъ другъ друга.

Какъ только дѣвушка изъ деревни приходитъ въ городъ, разсказываетъ онъ, она становится модной лондонской барыней и начинаетъ пить чай и нюхать табакъ. Поступая на мѣсто, она непремѣнно выторговываетъ себѣ чаепитіе два раза въ день.

Подачки на чай были обычнымъ зломъ. Послѣ обѣда у друзей «всѣ слуги становятся въ проходѣ, точно строй стрѣлковъ, отъ управляющаго до обыкновеннаго ливрейнаго лакея, и всѣ протягиваютъ къ вамъ руки, какъ слуги въ нашихъ гостинницахъ».

Хозяинъ дома отворачивается въ такихъ случаяхъ и дѣлаетъ видъ,

---

[1]) „Introd. Anecdotes"—Лэди Монтэгю.

[2]) Correspondence—Лэди Монтэгю.

[3]) Якоба, цитир. въ изданіи Comleat English Gentleman—Дефое.

будто онъ ничего не замѣчаетъ [1]). Королева считала необходимымъ давать на чай какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ, но король называлъ ее за это дурой [2]).

Образованіе. Путешествія.

Самыми аристократическими школами въ то время были Вестминстерская подъ управленіемъ д-ра Фрейнда и Итонская. Въ первой изъ нихъ въ 1728 году было 434 мальчика, большинство изъ хорошихъ семей [3]). Положеніе общественнаго образованія было, однако, весьма неудовлетворительнымъ.

Наступленіе мирнаго времени снова позволило старшимъ сыновьямъ въ богатыхъ семьяхъ совершать свои путешествія по Европѣ, пополнявшія недостатки ихъ образованія. Горасъ Вальполь, когда ему было двадцать два года, съ компаніей друзей отправился (1739) путешествовать и прожилъ въ Парижѣ два мѣсяца, въ Реймсѣ три, оттуда проѣхалъ въ Женеву, Туринъ, Геную, Флоренцію, Римъ, Венецію, потомъ изъ Генуи моремъ назадъ во Францію и чрезъ югъ Франціи въ Орлеанъ. Юныхъ путешественниковъ привлекали только Франція и Италія. Любовь къ собиранію разныхъ рѣдкостей заставляла многихъ осматривать Италію только мелькомъ—противъ такой опасности лордъ Честерфильдъ предупреждалъ своего сына. Лэди Монтэгю, путешествуя въ 1739 году, нашла, что во всѣхъ провинціальныхъ городахъ живутъ англійскія, шотландскія и ирландскія семейства; въ Дижонѣ жило шестнадцать родовитыхъ англійскихъ семействъ.

Браки и похороны.

Устарѣлые законы о бракахъ и общая распущенность въ нравахъ приводили къ тому, что многіе изъ молодыхъ аристократовъ губили себя неровными и необдуманными браками; они вѣнчались тайкомъ въ разныхъ церквахъ и капеллахъ, гдѣ не требовались разрѣшенія, оглашеніе и другія формальности. Расходы и церемоніальности браковъ, крайнее раздѣленіе классовъ, суровый семейный надзоръ надъ молодежью обоихъ половъ были тоже причиной многихъ тайныхъ браковъ. Бѣдная м-ссъ Пендарвесъ, выдержавши семь лѣтъ своего «Громіо», а потомъ двадцать лѣтъ вдовства, съ нѣкоторымъ трудомъ могла выдти за ученаго Делани, такъ какъ ея братъ считалъ семью Делани стоявшей ниже ихъ семьи, но въ концѣ концовъ, хотя и неохотно, согласился и этотъ бракъ оказался счастливымъ.

При бракахъ соблюдались всѣ церемоніи прежняго времени. Въ 1736 году при бракѣ Фридриха принца Уэльскаго мужчины королевской фамиліи раздѣвали принца, а принцессы невѣсту. Въ постели, въ богатомъ дезабилье, она приняла визитъ тестя и потомъ

---

[1]) Travels—Лебланкъ.
[2]) Гервей.
[3]) Memoirs—Рокзаля. Alumni Westmonasteriensis—Вельча.

жениха въ халатѣ изъ серебрянной парчи и въ ночной шапкѣ изъ изящныхъ кружевъ. Потомъ былъ допущенъ дворъ посмотрѣть на жениха и невѣсту, сидѣвшихъ на кровати и окруженныхъ всей королевской семьей [1]). Въ большинствѣ домовъ сохранялись церемоніи бросанья чулокъ, борьбы за подвязки и питья особаго напитка изъ молока съ виномъ (Sack posset) [2]).

Церемоніи при похоронахъ тоже оставались неизмѣнными. При смерти лорда Бьюта старая лэди сидѣла на траурномъ ложѣ, въ комнатѣ, освѣщенной одной свѣчкой; всѣ внуки ея стояли въ ногахъ кровати и непрерывный потокъ посѣтителей молча проходилъ по комнатѣ, выражая этимъ свое соболѣзнованіе. Весь домъ былъ драпированъ чернымъ. Во время траура была необходима черная карета, чернились даже подошвы башмаковъ [3]). Погребеніе обыкновенно происходило ночью и достоинство покойнаго опредѣлялось по количеству факеловъ. Каждый родственникъ въ одной рукѣ несъ вѣтку, обыкновенно размарина, а въ другой факелъ—даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда похороны происходили днемъ. У могилы вѣтки бросались и факелы тушились о землю. Перчатки, шарфы и траурныя кольца раздавались всѣмъ знакомымъ семьи [4]).

На основаніи закона Карла II всѣхъ должно было погребать въ шерстяныхъ одеждахъ, для поощренія промышленности; этотъ законъ еще сохранялся въ силѣ, но нѣкоторыя дамы нарушали его и приказывали похоронить себя въ брюссельскихъ кружевахъ, голландскомъ бѣльѣ и новыхъ лайковыхъ перчаткахъ [5]). М-ссъ Пендарвесъ писала изъ города своей сестрѣ черезъ три мѣсяца послѣ смерти отца относительно траура: «если вы хотите строго держаться правилъ траура, вы должны носить еще два мѣсяца траурныя перчатки, но въ провинціи, если это вамъ удобнѣе, вы можете носить и черныя шолковыя; вы можете также носить въ теченіе этихъ двухъ мѣсяцевъ черныя серьги и ожерелье.

Шотландія.

Кольвиля.

Возстаніе 1715 года.

Унія, завершившая органическое измѣненіе, происшедшее со времени Революціи, выдвинула много трудныхъ политическихъ и об-

---

[1]) Memoirs—Гервея.

[2]) Travels—Миссона. Аштонъ.

[3]) Papers—Вернея. Пеписъ, Торесби. Introductory Anecdotes—лэди Монтэгю.

[4]) Iorevin.

[5]) Queen Anne—Аштона.

щественныхъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ было предоставлено при управленіи Гановерской династіи шотландскимъ вигамъ. Противъ нихъ была партія націоналистовъ или сепаратистовъ, лозунгомъ которой было отмѣна уніи. Причиной существованія якобитовъ было именно это, а не дѣло изгнанной династіи. Этому помогла и якобы якобитская реакція противъ суровой дисциплины святыхъ революціи. Торійская реакція 1710 года какъ по отношенію къ церкви, такъ и по отношенію къ главамъ горныхъ шотландцевъ, была поводомъ возстанія пятнадцатаго года. Когда Георгъ I началъ свое царствованіе безцеремонной враждой къ торіямъ и отставкой Мара отъ должности шотландскаго государственнаго секретаря, онъ далъ якобитамъ вождя. Но ихъ дѣло съ самаго начала было осуждено на погибель. Утрехтскій трактатъ, внезапная смерть Анны и Людовика XIV—всѣ эти событія были очень благопріятны. Гановерскому дому, Шериффмюиръ оказался Килликранки въ миніатюрѣ и неспособный вождь, осмѣлившійся вызвать возстаніе, не могъ умереть такъ, какъ умеръ его образецъ и предшественникъ Дунди и помирился съ безславнымъ изгнаніемъ. Аржиль, генералъ изъ школы Марльборо и Стэра, по честности, патріотизму и воинскому искусству представлялъ поразительный контрастъ съ якобитскимъ вождемъ, которому онъ нанесъ пораженіе. Благодаря ему торжество правительства было полнымъ, несмотря на всѣ его ошибки. Битва при Шериффмюирѣ, при Престонѣ и взятіе Инвернесса произошли въ одинъ день. Возстаніе не имѣло никакой поддержки въ народѣ. Даже фермеры Мара отказались присоединиться къ нему. Можно понять, что Камероны, Макдональды и Макензи вышли изъ своихъ дикихъ гленовъ (долинъ), чтобы присоединиться къ Tinchell — набѣгу, по призыву главы-интригана, но трудно понять, зачѣмъ крупные лорды нижней Шотландіи—Кейтъ-Маришаль, Панмуръ, Соутескъ, Сетонъ, Кенмуръ, Максвель—рѣшились подвергать опасности свою жизнь и свои помѣстья и свои большіе доходы отъ рентъ за это безнадежное дѣло. При лучшихъ условіяхъ они могли найти исходъ своимъ раздраженнымъ національнымъ чувствамъ и употребленіе своимъ способностямъ въ борьбѣ парламентской оппозиціи. Едва правительство подавило возстаніе пятнадцатаго года, какъ эта оппозиція начала готовиться къ возстанію сорокъ пятаго. Вальполь, послѣ 1719 года сдѣлавшійся всемогущимъ, возвратилъ Аржиля, незадолго до того отставленнаго неблагодарнымъ Георгомъ, и въ теченіи многихъ лѣтъ онъ и его братъ лордъ Илай были фактически вицекоролями въ Шотландіи. Подавленіе возстанія оставило горькую память благодаря неразборчивому повѣшенію простыхъ крестьянъ послѣ Престона, благодаря массовымъ ссылкамъ въ колоніи, благодаря позорному проведенію знатныхъ и благородныхъ плѣнниковъ по лондонскимъ улицамъ и обезглавленію ихъ въ Тоуэрѣ. Возста-

ніе 1715 года разорило около пятидесяти лучшихъ семействъ страны, конфискованныя имѣнія которыхъ были поручены коммиссіи шести, засѣдавшей въ Эдинбургѣ. Четверо изъ этой коммиссіи были англичане, въ числѣ ихъ былъ Ричардъ Стиль. Принудительныя продажи на основаніи акта, составленнаго англійскими юристами, по обыкновенію не обращавшими вниманія на условія жизни и понятія чужестранцевъ, возбудили такое сопротивленіе, что въ теченіи четырехъ лѣтъ издержки почти совершенно поглощали доходы съ имѣній. Въ 1719 году конфискованныя имѣнія были переданы акціонерной кампаніи — акціонерная горячка въ то время была въ полномъ разгарѣ — и излишки должны быть употреблены на улучшенія въ странѣ. Эта кампанія развилась изъ Іоркской строительной кампаніи, первоначально (въ 1675 г.) составившейся для доставки воды въ Пиккадили и С. Джемсъ-Филльдсъ. Названіе кампаніи (Assets Company) происходитъ отъ стараго городского дома Іоркской кафедры, къ востоку отъ Чарингъ Кроса. Кампанія разрушила многіе прекрасные историческіе замки, вродѣ Сетона и Leuchars Castle, ввела новыя отрасли промышленности, кое-какъ прозябавшія, и наполнила карманы эдинбургскихъ адвокатовъ своими многочисленными тяжбами.

Бунты. Правительство было непопулярнымъ, такъ какъ представляло организованную систему подкупа и тираніи. Добыча отъ продажи должностей и мѣстъ въ парламентѣ попадала въ руки Илая или его брата Аржиля. Робертъ Дундасъ въ письмѣ къ сыну говоритъ: «я не могу написать вамъ ничего новаго, такъ какъ наши письма вскрываются по старому». Лордъ адвокатъ Крэги подкупалъ бурги и его агентъ въ Дингваллѣ увѣрялъ, что тамъ нѣтъ аргумента сильнѣе водки и кларета. Робертсонъ Охтертайръ разсказываетъ, что во все время царствованія Георга III былъ только одно спорное избраніе въ Пертѣ. Результатомъ этого была сильная оппозиція независимыхъ виговъ, популярная вслѣдствіе фискальныхъ плановъ Вальполя. Лозунгъ былъ тотъ же, какъ у якобитовъ на рынкѣ Кельсо: «прочь унія, прочь налогъ на солодъ и на соль». Налогъ на солодъ былъ распространенъ на Шотландію еще въ 1713 году, но не взимался до 1724-го, когда доже лордъ адвокатъ и государственный секретарь были противъ него. Оба они были отставлены. Теперь больше, чѣмъ когда либо, акцизники начали вторгаться въ дѣла частныхъ лицъ. Въ Гласко былъ особенно непопуляренъ Камбель Шауфильдъ за то, что онъ по вопросу о налогѣ поддерживалъ Илая. Чернь въ 1725 году разграбила его домъ на соляномъ рынкѣ. Мятежъ былъ подавленъ войсками и не безъ кровопролитія. Этотъ бунтъ былъ предшественникомъ лучше извѣстнаго бунта 1736 года, нѣкоторые подробности котораго живо описалъ Александръ Карлиль, бывшій въ то время студентомъ въ Эдинбургѣ.

Диссиденты.

За отсутствіемъ представительства народа въ парламентѣ субститомъ его была ежегодное собраніе кирки, гдѣ велись битвы между «аргателіанцами», т е. партіей Аржиля, и независимыми вигами, ненавидѣвшими Вальполя и его тиранію. Терпимость по отношенію къ епископату и ненавистная «присяга отреченія» сѣяли сѣмена несогласія, такъ какъ ставили церковь въ враждебныя отношенія къ государству. Непосредственнымъ слѣдствіемъ этаго была реформированная или камеронская церковь, героемъ которой былъ Макмилланъ, священникъ въ Бальмаги въ Киркудбрайтѣ. Мѣстомъ начала этого движенія былъ зеленый холмъ выше Дугласа, въ верхнемъ Уордѣ Ланаркшира, болота котораго полны воспоминаніями о преслѣдованіяхъ. Возстановленіе около того же время свѣтскаго патроната тоже было причиной страшнаго недовольства и было поводомъ раскола (Original Secession) 1773 года подъ руководительствомъ Эбенезара Эрскина. Настоящей причиной этого движенія былъ, однако, болѣе глубокій расколъ, развивавшійся въ самой церкви и вполнѣ аналогичный появленію методизма въ Англіи. Уитфильдъ при своемъ посѣщеніи Шотландіи въ 1741 году, дѣйствительно, дружилъ съ Эрскиномъ и принималъ участіе въ великомъ религіозномъ собраніи подъ открытымъ небомъ слѣдующаго года, извѣстномъ подъ названіемъ Cambuslang Wark. Обѣ появившіяся въ это время партіи, умѣренные и евангелисты или High Flyers, были характерными представительницами шотландскаго диссиденства. Отдѣлившіеся (Seceders) всегда появлялись какъ протестъ противъ новшествъ прогрессивной партіи; они объявили, что въ качествѣ истыхъ консерваторовъ они обладаютъ существенными добродѣтелями реформаціи. Они объявляли себя людьми, призванными свидѣтельствовать противъ холоднаго индефферентизма и компроммиссовъ умѣренныхъ. На сторонѣ умѣренныхъ было большинство богатыхъ и способныхъ людей, но распаденіе шотландскаго населенія на секты никогда не совпадало съ классовыми раздѣленіями, какъ это было, по крайней мѣрѣ до значительной степени, въ Англіи. Рядомъ съ церковью существовали соперничествующіе шотландскіе и англійскіе епископалы. Первые были всѣ до одного неприсягнувшими и имъ духовенство сильно пострадало послѣ возстанія пятнадцатаго года. Бёртъ разсказываетъ, что однажды въ воскресенье утромъ, когда молились за короля Георга, вся конгрегція встала и начала чихать.—«Не было ни одного отвѣта (на молитву), кромѣ нашего, ибо ритуалъ былъ самый сухой».

Религія въ сельскихъ округахъ.

Въ отдаленныхъ округахъ горной Шотландіи пресвитеріанское духовенство встрѣчало наибольшую оппозицію. Эней Сэджъ въ новомъ приходѣ Лохъ Карронъ (1726) нашелъ, что богопочитаніе напоминаетъ языческіе обряды и народъ былъ настолько враждебенъ ему, что пытался поджечь амбаръ, въ которомъ онъ жилъ.

Англичане, однако, замѣчаютъ, что пресвитеріанское духовенство вело строгую, незапятнанную жизнь и его больше уважали, чѣмъ англійское. Они проповѣдывали въ галстукахъ и въ цвѣтныхъ сюртукахъ—таково было правило для всѣхъ, за исключеніемъ профессоровъ богословія или людей, отличавшихся особой серьезностью или старыхъ. «Книги общей дисциплины теперь не видно и служба часто безсвязна, неправильна и несвоевременна—замѣчаетъ Калами. Случайныя моленья имѣли слѣдствіемъ неприличную фамильярность Въ теченіи одного черезъ чуръ сухого лѣта одинъ священникъ Лесвальта въ Вигтоунѣ привыкъ читать молитву о дождѣ, и вотъ въ одно воскресенье какой то фермеръ вбѣжалъ въ церковь, бросился къ нему и закричалъ: «съ вашего позволенія, сэръ, остановите-ка ваши освѣжающіе дожди, сѣно о'Балькгирри еще не убрано». Несомнѣнно, однако, что церковь въ это время имѣла большое вліяніе на общественную жизнь. Даже въ будни соблюдались серьезность и приличіе. Елисавета Мюръ (родилась въ 1714 году) разсказываетъ, что въ дни ея молодости всѣ респектабельные люди исповѣдывали евангелическую вѣру, по воскресеньямъ аккуратно ходили въ церковь и ежедневно совершали семейную молитву. «Когда почитали и уважали хозяевъ, отцевъ и главъ клановъ, тогда были и почтеніе и страхъ Божій». Набожность была искренней, хотя намъ она и можетъ казаться преувеличенной. Съ другой стороны въ столицѣ существовали клубы атеистовъ, вродѣ, напримѣръ, клуба «адскаго огня», «Общества сѣры», Demiter Dragoons. Правительство издавало противъ нихъ эликты, вѣроятно потому, что ихъ поддерживали бунтовщики якобиты. Ихъ существованіе даетъ намъ основаніе вѣрить словамъ Елисаветы Мюръ: «въ сущности всѣ ихъ религіозныя чувства состоятъ въ страхѣ предъ адомъ и предъ страшнымъ могуществомъ дьявола». Дѣйствительно, то было время поразительныхъ противорѣчій.

Положеніе страны.

Тридцатые годы восемнадцатаго вѣка были временемъ постепеннаго пробужденія дворянства нижней Шотландіи изъ его вѣкового сна; оно было охвачено духомъ прогресса въ земледѣліи, современемъ совершенно измѣнившимъ положеніе страны. Возвращеніе изгнанниковъ изъ ихъ долговременнаго пребыванія въ Голландіи и постоянныя сношенія съ Англіей повели къ повышенію общаго уровня потребностей. Слѣдствія этого прежде всего были замѣтны въ Лотіанѣ, гдѣ постройка деревенскихъ домовъ-замковъ, разбивка садовъ и парковъ, сажанье украшающихъ деревьевъ, воздѣлываніе пустошей были ясными признаками высшей цивилизаціи. Эдинбургскіе адвокаты и чиновничій классъ вообще были на сторонѣ уніи, которая была имъ выгодна; эти классы скоро начали замѣнять старыхъ территоріальныхъ магнатовъ и вносить знанія въ сельское хозяй-

ство. Съ этого времени появляются тѣ красивые Монплезиры (pleasances) въ Лотіанѣ, которые такъ очаровывали путешественниковъ, вродѣ Макая и Дефое. Даже въ далекій Морэй квакеръ-садовникъ въ Голирудѣ посылалъ сѣмена разныхъ полезныхъ и орнаментальныхъ кустовъ и деревьевъ и разные садовые цвѣты. Мода на гроты, господствовавшая при королевѣ Аннѣ, теперь распространилась на сѣверѣ, вмѣстѣ съ модой на тѣ wildernesses, въ которыхъ искусство соединялось съ природой. Лэйрды начали измѣнять арендные обычаи, остававшіеся неизмѣнными въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ. Общество усовершенствованія земледѣлія (Improvers in Agriculture) начало свои дѣйствія въ 1723 году, взявъ въ аренду для опытовъ огромное болото въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Meadows, или южная часть Эдинбурга. Оно рекомендовало поднимать нови, осушать, огораживать, удобрять известью, но главнымъ измѣненіемъ системы земледѣлія было введеніе клевера и другихъ кормовыхъ травъ, что давало возможность обходиться безъ пастьбы скота и спасти стада отъ зимняго голоданія. Countryman's Rudements лорда Бельгавена (1726) признаетъ положеніе земледѣлія въ восточномъ Лотіанѣ первобытнымъ; это положеніе довольно долго сохранялось у крестьянъ арендаторовъ, которые признавали всяческія усовершенствованія пригодными только для лэйрдовъ, забравшихъ себѣ въ голову разную дурь. Первымъ признакомъ соціальнаго значенія недалекаго переворота въ земледѣліи были бунты изъ-за изгородей въ Галловеѣ въ 1723 году. Ландлорды ради откармливанія скота для южныхъ рынковъ выгнали изъ ихъ помѣстьевъ многихъ изъ бѣдныхъ фермеровъ. Два отряда драгуновъ изъ Эдинбурга разогнали шайки левеллеровъ и Goughers (отъ слова Gough—подрѣзывать поджилки у животныхъ); слѣдствіемъ было полное разореніе народа, соединившееся къ тому же съ крахомъ кампаній Миссисипи и южныхъ морей. Препятствіемъ улучшеніямъ было сохраненіе феодальной системы землевладѣнія, которая при существованіи натуральныхъ рентъ дѣлала собственниковъ неподвижными, а крестьянъ беззаботными.

Несмотря на все, однако, положеніе земледѣлія дѣйствительно улучшилось, по крайней мѣрѣ въ нижней Шотландіи, гдѣ были сдѣланы два нововведенія, впослѣдствіи значительно повліявшія на увеличеніе благосостоянія населенія. Раньше у двери каждаго коттеджа находился небольшой токъ (knokin Stane); тутъ деревяннымъ молотомъ молотили ячмень для приготовленія kail—хлѣба, составлявшаго общеупотребительную пищу крестьянства. Въ это время нѣкто Андрью Флетчеръ съ большими трудами и даже рискомъ привезъ изъ Голландіи мельницу для приготовленія ячменной крупы и поставилъ ее въ Сальтоунѣ въ восточномъ Лотіанѣ. Въ теченіи всего столѣтія Сальтоунскія мельницы доставляли всей странѣ ячменную крупу. Очень важное значеніе имѣло также введеніе картофеля изъ

Ирландіи. Въ первую четверть вѣка мы находимъ случайныя упоминанія о картофелѣ какъ о рѣдкости. Въ 1739 году Грагамъ Тамрауэръ посадилъ его въ полѣ близь Кильсайта. Мелочной торговецъ Генри Прентисъ вскорѣ послѣ этого ввелъ его въ Лотіанѣ, гдѣ въ 1760 году онъ былъ уже распространеннымъ.

Верхняя Шотландія.

Въ этотъ періодъ мы видимъ первыя серьезныя попытки рѣшить вопросъ о горной Шотландіи. Въ горахъ истребили волковъ; послѣдній былъ убитъ Эвеномъ Камерономъ изъ Лохіеля въ 1680 году. Іаковъ VI пытался держать въ повиновеніи главъ клановъ, удерживая ихъ дѣтей въ Нижней Шотландіи, гдѣ имъ давали образованіе. Церковь послѣ революціи слѣдовала этому примѣру, вводя школы въ верхней Шотландіи, гдѣ крестьянство было невѣжественнымъ. Трудно было примирить достоинство и образованіе дворянства съ его беззаконіями и варварствомъ. Даже въ домахъ мелкихъ дворянъ или lacksmen встрѣчались гувернеры съ юга, но честный трудъ презирался и грабежъ считался дозволительной и пріятной забавой. Беззаконія достигли апогея въ особенности послѣ возстанія пятнадцатаго года. Конокрадство и уводъ скота—creagh—были частыми, въ особенности отъ него страдали мирные фермеры крупныхъ вигскихъ лордовъ, Монтрозы въ Ленноксѣ и плодородныя земли Морея и Росса; пытались создать «независимыя кампаніи преданныхъ клановъ», но онѣ были уничтожены въ 1717 году на основаніи акта объ обезоруженіи (Disarming Act). Тогда создали вооруженную полицію подъ начальствомъ преданныхъ правительству предводителей, костюмъ этой полиціи былъ національнымъ; потому ихъ называли черной стражей (Reicudan Dhu) въ отличіе отъ Sidier Roy («красныхъ») или регулярныхъ войскъ, размѣщенныхъ въ худшихъ округахъ, какъ напр. въ фортѣ Августа (1717), въ Рутвенѣ въ Баденохѣ и въ Гленельгѣ у Зунда Слита (1726). Изъ туземныхъ войскъ была сформирована знаменитая «Черная Стража» или 42-й полкъ, впервые собранный въ 1740 году въ Аберфельдѣ. Всѣ эти мѣры правительсто приняло по совѣту лорда адвоката Форбеса Куллодена. Еслибы оно приняло и его совѣтъ о наборѣ среди горцевъ въ арміи за границей, впослѣдствіи приведенный въ исполненіе Чатамомъ, возстаніе сорокъ пятаго года было бы невозможнымъ. Но наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ для уничтоженія безпорядковъ были дороги Вада (1726—37). Тогда путешествія по Шотландіи были крайне затруднительными. Два купца изъ Глазко, отправившіеся въ 1739 году верхомъ въ Лондонъ, не нашли ни одной шоссированной дороги до самаго Грантама, въ 110 миляхъ отъ столицы. До Грантама они ѣхали по узкой тропинкѣ, идущей среди мягкой неудѣланной дороги, по дорогѣ имъ встрѣчались большіе караваны вьючныхъ лошадей. Стиль, отправляясь въ Шотландію, нанялъ француза, чтобы по дорогѣ учиться французскому языку. Вадъ проложилъ двѣ большія дороги

отъ Криффа и Перта до форта Августа и Инвернесса; онѣ, перерѣзавши Грампіаны, соединялись въ одну дорогу отъ Дальнакардоха до Дальуинни. Продолженіе этого пути соединяло Инвернессъ, фортъ Августъ и фортъ Вилльямъ, проходя ниже Гленмора. Вадъ провелъ всего 250 миль пути въ 16 футовъ ширины, построилъ вдоль дороги хижины и сорокъ мостовъ, лучшій изъ которыхъ, послужившій образцомъ мостовъ въ Стирлингѣ, былъ при Аберфельди. Работой въ теченіи лѣта заняли 500 солдатъ. Помощникомъ Вада въ качествѣ инженера былъ Бёртъ, авторъ «Писемъ изъ верхней Шотландіи», въ которыхъ онъ даетъ любопытную картину общественной жизни въ Шотландіи того времени [1]).

Торговля и промышленность.

Крупнымъ общественнымъ фактомъ было развитіе города Глазко. Началось развитіе торговли сахаромъ, сельдями, грубой шерстью, табакомъ; она производилась на корабляхъ, нанятыхъ въ Уитгавенѣ. Товары, привозимые по рѣкѣ на лодкахъ или gabars, доставлялись на лошадяхъ въ Боунессъ на Фортѣ. Такимъ образомъ табакъ доставляется на континентъ главнымъ образомъ «Виргинскими Донами» (Virginia Dons), какъ называли глазковскихъ купцовъ. Эта торговля получила такое значеніе, что въ 1721 году Бристоль и Ливерпуль просили парламентъ объ ея подавленіи. Но только въ 1718 году корабли изъ Глазко переплыли Атлантическій океанъ. Шотландскіе факторы, по большей части люди изъ хорошихъ семей, занявшіеся торговлей, сдѣлали многое для открытія колоній на западѣ. Въ связи съ торговлей развивалась и промышленность; послѣ 1725 года особенно развивается льняная промышленность. Благодаря акту 1727 года о поощреніи промышленности и рыбныхъ ловель, вывозъ быстро увеличивался, въ особенности вывозъ льняныхъ тканей. Въ это же время развивается производство нитокъ въ Пэйслеѣ. Христіана Шоу, дочь лэйрда Баргаррана близъ Пэйслея, проявила необычайныя способности въ пряденьи и черненьи льняныхъ нитокъ и лэди Блантайръ нашла рынокъ для нихъ среди кружевницъ Бата. Одинъ членъ этой семьи во время пребыванія въ Голландіи выучился секретамъ этой промышленности, такъ что Баргарранскія нитки сдѣлались знаменитыми во всей Шотландіи. Тамъ же и въ Глазко давно уже процвѣтало inkle, или производство льняной тесьмы, что тоже было

[1]) Бёртъ говоритъ о ландшафтахъ верхней Шотландіи съ ужасомъ, во всякомъ случаѣ болѣе извинительнымъ, чѣмъ презрѣніе Самуэля Джонсона. Онъ разсказываетъ, что только немногіе офицеры рѣшились взобраться на Бенъ-Невисъ. Это сообщеніе и разсказъ Броди въ письмѣ къ Водроу (1702) были первыми отчетами о горныхъ путешествіяхъ въ Британіи. Тогда еще не умѣли цѣнить горныхъ видовъ. Бёртъ говоритъ о горахъ Шотландіи: „онѣ непріятны, мрачны и темны, съ переходами въ грязно-пурпуровый цвѣтъ и особенно непріятны въ то время, когда вересковъ цвѣтетъ. Онѣ представляютъ изломанныя, неправильныя линіи, чрезвычайно рѣзкія и непріятныя для глаза".

заимствованіемъ изъ Голландіи, откуда Александръ Гарви съ большимъ рискомъ провезъ два челнока и рабочаго изъ Гарлема. Другое романическое приключеніе въ сферѣ промышленности передается на надгробномъ камнѣ въ деревнѣ Дунлопъ; надпись разсказываетъ, что Барбара Жильмуръ, изгнанная съ мужемъ въ Ирландію «въ мрачные и безпокойные дни Карла II», выучилась тамъ дѣлать сыры и по возвращеніи на родину ввела сыровареніе въ Айрширѣ. Семейству Дункана Форбеса, сдѣлавшему такъ много для шотландской торговли, мы обязаны происхожденіемъ великой національной промышленности. Помѣстья этой семьи близь Инвернесса были опустошены во время революціи и послѣдующихъ волненій, закончившихся битвой при Килликранки, и семья получила привиллегію на выгонку виски изъ хлѣба, собираемаго на ея земляхъ Феринтошъ въ Россшайрѣ, за небольшую плату вмѣсто акциза. Въ теченіе долгаго времени виски такъ и называли Феринтошъ. Іорская кампанія тоже сдѣлала кое что для развитія промышленности. Въ помѣстьяхъ на Грантѣ ея агентъ, извѣстный Ааронъ Гилль, пытался (1728) эксплуатировать на широкую ногу большіе хвойные лѣса Спейсайда. Онъ ввелъ способъ сплава дерева по рѣкѣ плотами, вмѣстѣ первобытнаго обычая сплавлять его въ лодкахъ изъ ивняка, покрытыхъ шкурами (coracles. Такія лодки употреблялись на Снеѣ до конца восемнадцатаго вѣка). Въ теченіе вѣковъ восточный берегъ Шотландіи доставлялъ въ Нидерланды рыбу. Торговля находилась въ рукахъ голландцевъ, къ большому огорченію шотландскихъ патріотовъ. Въ лѣтніе мѣсяцы къ большой ловлѣ (Great Fishing), какъ это называлось, приходили сотни голландскихъ буссовъ (двухмачтовое судно—busses). Въ одно лѣто въ Брессай-Зундѣ ихъ было около двухъ тысячъ. Они вели большую мѣновую торговлю, мѣняя товары на рыбу, чулки и пищевые продукты. До 1806 года въ Лервикѣ голландскія и датскія монеты встрѣчались чаще британскихъ. Только въ 1826 году Шотландцы начали привозить для вывоза свою рыбу.

Общественная жизнь.

Все характерное для того вѣка сосредоточивалось въ общественной жизни столицы. Къ счастію мы имѣемъ шотландскую параллель для Попа и Spectator'a въ лицѣ Алана Рамсэя, поселившагося въ Эдинбургѣ въ 1701 году и умершаго тамъ въ 1758-мъ. Открытіе имъ «Easy Club» (1712) было вступленіемъ въ исключительно якобитское общество этого книгопродавца-поэта, этого цвѣтущаго, раскормленаго буржуа. «Evergreen» (1724) было началомъ возрожденія шотландской литературы и отчасти повліяло на все романтическое движеніе. Рамсэй былъ поклонникомъ Попа, Стиля и Гэя, но у него было настолько здраваго смысла и литературнаго вкуса, что онъ могъ оцѣнить останки того, что «корректная» литературная школа называла варварскимъ вѣкомъ. Непосредственно слѣдующій за этимъ «Gentle Shepherd» (1725) представлялъ очень удачный компромиссъ

между «вульгарнымъ» и «жантильнымъ» и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ прекраснымъ изображеніемъ сельскихъ нравовъ. Рамсэй въ своей лавочкѣ на восточномъ концѣ Люкенбботса, откуда ему видны были и Кроссъ и шумная Гай-Стритъ, положилъ основаніе литературной знаменитости стараго Эдинбурга; онъ внесъ освѣжающій элементъ въ эту суровую жизнь, въ ея общественные клубы, въ ея увеселенія, въ ея занятія музыкой и театромъ. Въ извилистой крутой улицѣ Вестъ-Боу, въ этой главной квартирѣ «Боугидскихъ святыхъ» и Tinkler Billies, котораго прославлялъ Робертъ Фергюссонъ, около 1710 года были открыты первыя ассамблеи для танцевъ и онѣ происходили тамъ до 1746 года. Въ одномъ письмѣ дамы изъ Донибристля, помѣстья графа Морея, въ веселомъ мѣстѣ среди Абердоурскихъ лѣсовъ на Фортѣ, къ ея другу въ Морейширѣ мы находимъ любопытныя указанія относительно этихъ празднествъ: «Каждый четвергъ въ четыре часа здѣсь происходятъ собранія для танцевъ—пишетъ она—Билетъ стоитъ полкроны и вы платите кромѣ того за чай, кофе или шоколадъ и бисквиты. Завѣдуютъ собраніями графиня Панмуръ, лэди Ньюгэлль и другъ. Духовенство проповѣдуетъ противъ собраній». Вскорѣ открылись школы танцевъ. Въ 1728 году любители музыки составили общество для еженедѣльныхъ вечернихъ концертовъ; черезъ два года Крэйгъ собралъ шотландскія мелодіи для арфы и шпинета (родъ клавикордъ)—первый сборникъ въ этомъ родѣ. Но въ особенности было много сдѣлано для развитія сценическаго искусства. Тутъ Алланъ Рамсэй встрѣтилъ оппозицію, подобную оппозиціи пуританъ Шекспиру. Подъ его надзоромъ первая постоянная труппа, труппа Тони Астона, играла (1725) такія пьесы, какъ Mourning Bride и Beggars Opera. Водроу писалъ о театрѣ Астона, какъ о «страшномъ развратителѣ нашей молодежи и поощреніи расточительности и тщеславія». Въ 1736 году самъ Алланъ открылъ Новый театръ въ Карубберъ-Клозъ, но ему пришлось имѣть дѣло съ старымъ актомъ о плутахъ и бродягахъ и пришлось закрыть театръ съ большими убытками. Въ стихахъ Аллана упоминается объ увеселеніяхъ на открытомъ воздухѣ, что доказываетъ, что горожане пользовались весело своими досугами. На открытомъ полѣ «Киркивъ поляхъ», къ югу отъ Сити, были мѣста для игры въ мячъ. Вблизи, въ Meadow's, была стрѣльба изъ луковъ, далѣе на Брунтсфильдъ велась особая игра въ мячъ (golf), близъ Голируда былъ теннисъ. Гринвичскій паркъ сѣвера, Лейтъ Линксъ и Пески (Sands) были мѣстами игры въ мячъ (golf), скачекъ и народныхъ гуляній. Городъ улучшался; въ 1735 году начали строить зданіе королевской больницы; извѣстность Эдинбурга, какъ центра медицинской науки, увеличивалась; въ 1720 году Александръ Мунро открылъ школу анатоміи. Главнымъ дѣятелемъ и иниціаторомъ всѣхъ этихъ реформъ былъ Георгъ Друммондъ, три раза бывшій городскимъ головой

(Provost). Его имя извѣстно въ связи съ Новымъ городомъ, первое представленіе о которомъ мы получаемъ отъ графа Мара, составившаго около 1715 года интересный планъ улучшеній, многія изъ которыхъ и были приняты Друммондомъ.

Культура. Эпоха была благопріятна развитію индивидуальности и отличалась странными контрастами, потому что образованіе, чтеніе и путешествія еще не создали единообразія типовъ. Высшіе классы искали чего нибудь получше, чѣмъ грубое образованіе въ грамматическихъ школахъ; въ это время появляются провинціальные пансіоны, въ родѣ шотландскаго Итона въ Далькейтѣ, куда первый президентъ Дундасъ отправилъ своихъ сыновей и его примѣру послѣдовали многіе изъ дворянъ Лотіана. Правда, и тамъ было много грубости. Стрѣтенскіе пѣтушиные бои въ школахъ были почитаемымъ учрежденіемъ. Грубыя наказанія преступниковъ, сѣченье, клейменье и частыя повѣшенія дѣлали нравы грубыми и жестокими. Грамматическія школы Абердина сдѣлали кое какія попытки исправленія нравственности учениковъ посредствомъ цензоровъ и привратниковъ (janitors). Но наиболѣе важнымъ признакомъ прогресса былъ запросъ на образованіе женщинъ. Въ университетахъ старая система туторовъ совершенно замѣнилась профессорскими лекціями, причемъ каждый изъ профессоровъ читалъ по своей спеціальности. Эдинбургъ пользовался хорошей репутаціей въ медицинѣ и наукѣ благодаря цѣлому ряду блестящихъ профессоровъ, вродѣ Монроза, Грегори и Маклорена. Юридическая и церковная карьеры были единственными, открытымм для молодыхъ талантливыхъ людей. До временъ Чатама шотландцы не находили себѣ мѣста въ арміи и въ дѣлѣ колонизаціи; мы встрѣчаемъ ихъ въ университетахъ Лейдена и Утрехта и потомъ они составляли себѣ репутацію и состояніе дома въ адвокатурѣ, покупали помѣстья, занимались реформами въ земледѣліи и вносили утонченность въ якобитское общество столицы. Утверждаютъ, что политика Вильгельма, стремившагося къ привлеченію къ церкви невѣжественныхъ куратовъ сѣвера, понизила нравственный уровень духовенства. Лиценціаты находили занятіе въ качествѣ куратовъ и капелланов въ замкахъ, гдѣ они также мало пользовались уваженіемъ, какъ и левиты временъ королевы Анны. Съ классомъ образованныхъ людей соприкасался классъ бѣдныхъ писцовъ, привѣтствовавшій съ поэтическимъ воодушевленіемъ всякое интересное и выдающееся событіе общественной жизни. Первый каталогъ «библіотеки адвокатовъ», основанной въ 1682 году Георгомъ Маккензи, появился въ 1742 году; въ него внесено сорокъ тысячъ томовъ. Народныя чтенія многимъ обязаны Аллану Рамсэю, первому введшему въ 1728 году передвижныя библіотеки. Въ 1739 году появился Scots Madazine, подражавшій Gentleman's. Черезъ нѣсколько времени послѣ Уніи въ Эдинбургѣ были три газеты, изъ которыхъ Courant

была вигской, а Caledonian Mercury—якобитской. Кромѣ нихъ такія газеты, какъ Flying Post и Gazette, доходили даже въ отдаленныя провинціи. Корреспонденція была обставлена различными затрудненіями. Бёрту приходилось шадить частныхъ лицъ; его курьеры часто перехватывались, какъ видно изъ его неясныхъ намековъ. Когда же курьеръ достигалъ города, то ему приходилось обращаться къ «полезнымъ бродягамъ», разсыльнымъ (caddies), такъ какъ адрессы были въ такомъ родѣ: «М-ръ Арч. Дунбаръ Тундертонъ, подать въ кабинетъ кап. Дунбара въ Желѣзной улицѣ 3-й этажъ ниже Кросса и сѣвернаго конца Клозъ въ Эдинбургѣ», или: «Кап. Филиппъ Анстеръ Ньюгренжъ въ его квартирѣ, немного выше Фортунъ-Уэлль, южная сторона улицы, въ Эдинбургѣ». Книгопечатаніе въ Шотландіи было давно въ упадкѣ, вслѣдствіе вредной монополіи, данной во времена реставраціи нѣкоему Андерсону. Но одинъ изъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ, Вилльямъ Гедъ, уже въ 1725 году работалъ стереотипомъ и въ помѣщеніи на южной сторонѣ Гай Стрита въ 1736 году выпустилъ изданіе Салюстія, первое изданіе стереотипомъ. Въ 1740 году Вальсонъ, профессоръ астрономіи въ Глазко, ввелъ первые штрифты на сѣверѣ отъ Твида, и съ его помощью братья Фулисы въ Глазко отъ 1741 до 1747 года выпустили восемнадцать изданій классиковъ. Въ этомъ періодѣ произошло послѣднее сожженіе колдуньи; въ Дорнохѣ въ Сутерландѣ въ 1727 году была сожжена одна бѣдная женщина; въ 1736 году актъ о колдуньяхъ, уже не исполнявшійся, былъ отмѣненъ. Синодъ 1742 года протестовалъ противъ этого, какъ противъ симптома латитудинаріанства.

Ирландія.

Жойса.

Репрессивное законодательство противъ Ирландіи, бывшее слѣдствіемъ революціи, имѣло естественные результаты и въ началѣ описываемаго періода страна была въ самомъ печальномъ положеніи. Католики были подавлены спеціально противъ нихъ направленными актами, и католики и протестанты одинаково страдали отъ уничтоженія промышленности. Дѣлъ было мало и рабочіе голодали отъ недостатка работы. Враждебное отношеніе англійскаго правительства въ числѣ другихъ бѣдствій породило тѣже же результаты, какъ и въ прежнія времена—т. е. чувство недовѣрія и отвращеніе; протестанты, видя, что ихъ гражданскія права несправедливо нарушаются, что ихъ раззоряютъ, были настроены еще болѣе враждебно

относительно правительства, чѣмъ даже католики, которые въ то время какъ будто уже ни къ чему и не стремились, кромѣ простого права на существованіе. Ирландскій парламентъ раздѣлялъ общее недовольство, но онъ былъ совершенно безсильнымъ. Нѣсколько лѣтъ до этого (въ 1703 году) парламентъ, опасаясь, что эгоизмъ англійскихъ торговцевъ можетъ повести къ дальнѣйшимъ стѣснительнымъ и тираническимъ законодательнымъ мѣрамъ противъ Ирландіи, просилъ парламентскаго объединенія съ Англіей, надѣясь, что ирландцамъ будетъ лучше, если они будутъ имѣть голосъ въ англійскомъ законодательномъ собраніи; но эта петиція была отвергнута. Вскорѣ послѣ начала описываемаго періода появилась новая причина недовольства. Въ тяжбѣ о нѣкоей собственности между двумя ирландцами—извѣстной подъ названіемъ «Дѣла Аннеслея»—англійская палата лордовъ при аппеляціи къ ней отмѣнила рѣшеніе ирландскихъ лордовъ, которые, однако, хотѣли привести въ исполненіе свое рѣшеніе; тогда англійскій парламентъ покончилъ этотъ споръ, принявъ въ 1719 году знаменитый актъ, извѣстный подъ названіемъ «шестаго Георга I», лишавшій ирландскихъ лордовъ права аппеляціи и опредѣлявшій, что англійскій парламентъ имѣетъ право издавать законы для Ирландіи. Слѣдуетъ замѣтить, что это право теперь было предъявлено впервые, такъ какъ въ «законѣ Поининга» о немъ нѣтъ и помина.

Многіе изъ разумныхъ и справедливыхъ протестантовъ въ Ирландіи негодовали на подчиненіе ихъ парламента и на уничтоженіе ихъ только начавшихъ развиваться промысловъ и торговли; въ парламентѣ и внѣ его время отъ времени раздавались серьезные протесты. Много лѣтъ раньше (въ 1698 году) Вильямъ Молинё, одинъ изъ членовъ парламента, представитель дублинскаго университета, нападалъ на несправедливость, оказанную Ирландіи, и отстаивалъ полную независимость ирландскаго парламента и его исключительное право составлять для Ирландіи законы; его заявленія возбудили въ Англіи такую ярость, что по приказанію властей его памфлетъ былъ сожженъ рукой палача. Наиболѣе знаменитымъ изъ ирландцевъ, возставшимъ въ это время на защиту своей родины, былъ знаменитый деканъ св. Патрика въ Дублинѣ, Іонатанъ Свифтъ. Въ 1723 году англійское казначейство безъ согласія ирландскаго парламента выдало англичанину, Вилльяму Вуду, патентъ на чеканку монеты, полупенсовъ и фартинговъ, на 108,000 фунтовъ для обращенія въ Ирландіи; это дало бы 40,000 фунтовъ Вуду и фавориткѣ короля, герцогинѣ Кендаль. Такое грабительство возбудило крайнее негодованіе во всѣхъ слояхъ ирландскаго общества, начиная съ парламента; тѣмъ не менѣе планъ ограбленія ирландскаго народа удался бы, вѣроятно, еслибы не вмѣшательство Свифта. Его «Письма суконщика», написанныя простымъ, энергичнымъ и общепонятнымъ язы-

комъ возбудили населеніе до такой степени, что патентъ на «полупенсы Вуда» былъ отнятъ.

Около того же времени примасу Гугу Боултеру, бывшему капеллану короля, а теперь архіепископу Армагскому, было поручено главное наблюденіе за интересами англичанъ въ Ирландіи. Онъ былъ ярый врагъ католиковъ, но вообще честный человѣкъ. Главнымъ образомъ благодаря его вліянію католики были лишены права голоса при выборахъ. Такъ какъ его старанія заставить католиковъ подчиниться господствующей церкви оказались безуспѣшными, онъ рѣшилъ прибѣгнуть къ другимъ средствамъ. Въ 1730 году онъ убѣдилъ правительство учредить школы (Charter Schools) для воспитанія бѣдныхъ католическихъ дѣтей въ протестантской вѣрѣ; но и эти школы, хотя правительство долго поддерживало и субсидировало ихъ, ничего не сдѣлали въ этомъ направленіи.

ИСТОЧНИКИ 1715—1742

Общая исторія.

Hist. of Engl. in 18 century — Лекки. Hist. of Engl. 1713—83— Лорда Магона. Engl. Constitution—Гирна, Law and Custom of Constitution—Даси. Walpole — Морлея. Объ иностранныхъ дѣлахъ. Hist. of Bourbons in Spain и Hist. of House of Austria—Кокса. Le Regent, l'Abbe Dubois et les Anglais — Визинера. Esprit Public en XVIII Siecle — Обертена. La France sous Louis XV. — Жобеца. Elizabeth Farnese — Армстронга. Expansion of Engl.— Сили.

Спеціальные предметы.

Военная исторія. Life of Wolfe—Райта. Montcalm and Wolfe—Паркмана. Britain and her Rivals — Иннеса. Hist. of Americ War — Стедмана. Hist. of United States—Банкрофта. Hist. Journal of Campaign in N. Amer 1757—60.— Нокса (служилъ подъ начальствомъ Вольфа).

Флотъ. Naval Architecture и Biographïa Navalis—Чарнока. Memoirs of Royal Navy—Деррика. Lives of Admirals — Кампбелля. Sailors Companion (1740)—Коуэля. Naval Expositor (1750) — Блэнкли. Marine Dict.—Фалконера. Hist. Register. Naval Histories — Бёркетта, Ледіарда и и Шомберга.

Изслѣдованія. См. гл. XIX.

Законодательство 1688—1742. Текстъ Статутовъ. Comment. on Laws of Engl.—Блэкстона. Hist. of Crimin. Law of Eng.— Фицджемса Стефена. Law of Copyright—Копингера. Summary of Law of Land and Mortgage Registration—Морриса.

Наука и философія. Hist. and Phil. of Inductive Sciences—Уэвеля. Encycl. Brit. статьи: „Химія“ и „Электричество“. Hist. of Phil.—Убервега. Hist. of Phil.—Эрдмана. English Thought in 18 Century—Лесли Стефена. О Берклеѣ и Юмѣ см. введеніе Грина къ изданію сочиненій Юма.

Медицина и общественное здравіе. Annals of Barber—Surgeons of London.—Сиднея Юнга. Memorials of Craft of Surgery—Соута. Hist. of Epidemics in Britain—Крейгтона. William Smellie and his Contemporaries—Глэйстера. Two great Scotsmen (Гунтеры)—Матера. Memoirs of Botanic Gardens—Семпля. Biogr. Hist. of Guy's Hospital—Уилькса и Беттани. Address on Epidemiology in England—Пайна и „Введеніе" къ перепечаткѣ Loimographia: account of Great Plague—Вильяма Боггурста въ Transact. of Epidimiol. Society of London т. XIII.

Классическое образованіе въ Англіи 1570—1742. Общій обзоръ даетъ Урлихсъ въ Handbuch—Ивана Мюллера. Liter. of Europe—Галлама. Біографическія подробности въ Словаряхъ и въ Liter. Anecdotes of 18 Century—Никольса. Списокъ сочиненій и ихъ даты въ Triennium Philol.—Фрейнда и въ Philol. Schriftsteller—Lexicon—Пёкеля. О Бентлеѣ, кромѣ его сочиненій и переписки, изданныхъ Бёрнеемъ, Фридеманномъ, Вордсвортомъ и другими главные источники: Life—Монка, Richard Bentley—Мёгли, и его біографія пр. Жебба въ Engl. Men of Letters (1882). Замѣчанія о Бентлеѣ, Мэркландѣ, Тайлорѣ, Тупѣ и Тайруайттѣ въ Analecten—Вольфа, перепеч. въ Kleine Schriften—Вольфа и статья Джильса о Дэвсѣ въ Emmanuel College Magazine. Объ изученіи англо-саксонскаго лучшій эскизъ Кэмбля въ Bibliot. Anglo-Saxonne—Мишеля.

Литература и искусство см. гл. XVIII.

Гендель и музыка. Anecd. of Handel—Смита. Reminiscenees of Handel—Кларка. Біографіи Генделя Шёльхера, Рокстро, Хрисандера и Брэя. Ст. Handel въ Dict. of Music—Грове и въ Blackwoods Magazine.

Земледѣліе 1715—1815. New Horse-hoeing Husbandry (1739)—Іетро Тулля. Holkham—Райгби. Journals of R. Agric. Society. Tours (1768—80) и Travels in France (1797)—Артура Юнга, а также Farmers Letters to the People of Eng. (1768—71), Rural Economy (1770), Polit. Arithmetic (1774), Husband. of Three celebr. Engl. Farmers (Бакуэлля, Арбутнота и Дуккета)—его же. Rural Economy of Norfolk (1787), of Yorkshire (1788), of Gloucestershire (1789), of Midland Counties (1790), of West (1796), of South (1798)—Маршаля. Agric. Surveys of Great Britain and Ireland 1793—96 и 1804—13).

Промышленность и горная промышленность. Шелкъ: Encyclop.—Риса, ст. Silk. Diction. of Nation. Biog. ст. Lombe. Tracts relating to Trade въ Британск. Музеѣ. Proposals for Undertaking to produce Raw Silk—Аплетра. Шерсть: Hist. of Woollen and Worsted Manufacture—Бишофа. Great Britains Glory—Гэйнса. Керамика и стекло: Art of Glass—Годикера Бланкура. Желѣзо: Hist. of Iron Trade—Скривенора. Iron and Steel—Перси Dict. of Nat. Biog статья Darby.

Финансы. Исторія лорда Магона и Лекки. Engl. Indus. and Commerce—Куннингама. Economic Interpretation of History—Рожерса. Hist. of Taxes and Taxation—Доуэлля. Memoirs—Гервея (лучшій отчетъ объ акцизѣ Вальполя). Reminiscences, Memoirs и Letters—Гораса Вальполя. Loans—Дефое. Hist. of Commerce—Андерсона. Оригинальные документы въ Walpole—Кокса.

Пауперизмъ и трудъ. Hist. of Poor Laws—Бурна (1764), лучшая книга для того времени, потомъ до 1796 г. извѣстное сочиненіе Эдена. О положеніи разныхъ классовъ и округовъ Tour—Дефое (1724). Memoirs—лорда Гарвея, Горасъ Вальполь, Gentlemans Magazine и парламентскіе дебаты. Eng. Industry and Commerce—Куннингама. England in 18 century—Сиднея. Six centuries of Work and Wages и Economic Interp. of History—Торольда Рожерса. Hist. of England—Лекки и Trades Unions—Уэбба.

Общественная жизнь. Дворъ: Memoirs of Court of George II—лорда Джона Гервея. Memoirs of Courts of England—Жессе. Reminiscences—Вальполя. Chronicles of Fashion—Стоне. Лондонъ: Covent Garden Journal—Фильдинга.

Club life—Тимбса. Сочиненія о Лондонѣ Малькольма, Дорана и Жессе. Батъ: Beau Nash—Гольдсмита. Ralph Allen—Пича. Historic Houses in Bath. Tours — Дефое и Макая. Почта: Annals of Road — Малета. Ralph Allen — Пича.

Общественная жизнь: Сочиненія Пона, Гея, Свифта, Дефое и Фильдинга. Gentlemans Magazine. Eighteenth Century — Андріюса. Retrospect of 18 Century—Миллера. Present State of England (1748)—Джона Чамберлейна. Letters on English (1755)—Анжелони. Literary Anecdotes—Никольса. Сборники писемъ, вродѣ Letterbook of Lord Hervey, Letters—Гораса Вальполя, Лэди Мэри Лепель Гервей, Свифта, лэди Суффолькъ, м-съ Монтэгю, лорда Честерфильда, м-съ Делани. Elizabeth Carter—Пеннингтона.

Шотландія, 1714–42. Letters—Бурта (1747). Біографіи Симона Фразера, лорда Ловита, Дункана Форбеса, написанныя Гиллемъ Бёртономъ. Renfrewshire—Крауфорда. Sheriffdom of Lanark (1710)—Гамильтона. Reminiscences—Максвеля Мумбльса (Statis. Account of Scotland) Countrymans Rudiments—лорда Бельгавена (1723). Northern Itenerary—Гордона (1726). Yorks Building Company—Мюррея. Secret Services—Кера Керсланда (1726). Memoirs of Robert Story—пр. Стори (1725—50). Diary of Senator in College of Justice (1717)—Эрскина (лорда Престонгренджа). Report on Visit to West Highlands (1737)—президента Форбеса. Burgh Records Абердина, Стирлинга, Престуика. Поэмы Аллена Рамсея. Social Life in Moray — Дёнбара. Heart of Midlothian—Скотта.

Ирландія. См. гл. XIX.

ГЛАВА XVIII.

Переходная эпоха.

Политическая исторія.

Гассаля.

Министерство Вильмингтона. 1742—43 г.

Послѣ отставки Вальполя первымъ лордомъ казначейства сдѣлался лордъ Вильмингтонъ (Спенсеръ Комптонъ), канцлеромъ казначейства Сандисъ, а лордъ Картеретъ наслѣдовалъ Гаррингтону въ должности государственнаго секретаря. Другой секретарь Ньюкэстль, Генрихъ Пельгамъ, Гардуикъ и Юнгъ удержали свои мѣста; Аржиля снова назначили начальникомъ кавалеріи. Новое министерство представляло коалицію виговъ, всѣ тори были исключены изъ него. Пультеней отказался вступить въ него и перешелъ въ палату лордовъ, съ именемъ лорда Бата. Вальполь получилъ титулъ лорда Орфорда; самымъ важнымъ членомъ министерства и фактически первымъ министромъ былъ Картеретъ.

Религіозное и политическое пробужденіе.

Въ слѣдующіе годы Англія пережила религіозное и политическое пробужденіе. Оба движенія, руководителями которыхъ были Джонъ Веслей и Вилльямъ Питтъ, были реакціей противъ мертвящаго вліянія системы Вальполя на церковь и государство. Съ паденія Вальполя начинается борьба, имѣвшая цѣлью превратить палату общинъ изъ олигархическаго учрежденія въ народное собраніе, соприкасающееся съ націей, и развитіе системы общей отвѣтственности членовъ кабинета. За исключеніемъ назначенія комитета для изслѣдованія поведенія бывшаго перваго министра и проведенія билля объ ограниченіи числа должностей, которыя могутъ занимать члены парламента — билля, очень полезнаго въ смыслѣ ограниченія вліянія короля — внутренняя политика новаго министерства не была ничѣмъ замѣчательна. Послѣ смерти Вильмингтона въ іюлѣ 1743 году министерство получило отставку.

Послѣ неудачной попытки лорда Бата, поддерживаемаго Картере- Министерство
томъ, составить министерство, Вильмингтону наслѣдовалъ предста- Пельгама.
витель партіи Вальполя, Генрихъ Пельгамъ. Новое министерство 1743—44.
вскорѣ вступило въ столкновеніе съ Картеретомъ по вопросамъ Коалиціонное
иностранной политики и раздраженное его надменностью и недовѣ- министерство.
ряя ему, настояло на его отставкѣ въ ноябрѣ 1744 года. За его отставкой послѣдовало удаленіе лорда Винчельзи и другихъ и тогда Пельгаму удалось составить коалиціонное министерство (Broad—Bottom Administration), въ которомъ были виги, вродѣ наслѣдовавшаго Картерету Каррингтона, Гренвиля, Генриха Фокса, Бедфорда и Графтона, оппозиціонные виги, вродѣ лорда Честерфильда и тори, вродѣ лорда Гоуэра и Джона Гинда Коттона. Короля заставили согласиться на такое коалиціонное министерство, оппозиція была подавлена и Пельгамъ съ товарищами энергично продолжали войну. Но отсутствіе представительнаго характера въ палатѣ общинъ и гановерскія симпатіи короля не позволяли націи стать энергично на сторону какъ парламента, такъ и короны. Поправка Георга Дашвуда къ адрессу, требующая для народа «права свободнаго и истиннаго представительства въ парламентѣ», не была принята и англійскій народъ проявилъ во время якобитскаго возстанія полное равнодушіе къ внутренней политикѣ. Въ февраля 1746 года при самомъ разгарѣ кризиса министерство было настолько непатріотичнымъ, что подало въ отставку съ цѣлью принудить короля допустить въ министерство Вилльяма Питта; послѣ неудачной попытки Картерета, получившаго теперь титулъ лорда Гранвиля, составить министерство, Пельгамы вернулись въ министерство съ Питтомъ въ должности вицеказначея Ирландіи (вскорѣ онъ получилъ должность генералъ казначея арміи) и Генрихомъ Фоксомъ въ должности военнаго министра. За подавленіемъ якобитскаго возстанія послѣдовало обезоруженіе шотландскихъ горцевъ, уничтоженіе юрисдикціи ихъ туземныхъ главъ и воспрещеніе ихъ національной одежды. Послѣ заключенія мира въ Aix-la-Chapelle Пельгамъ провелъ нѣкоторыя полезныя реформы. Онъ воспользовался процвѣтаніемъ страны для уменьшенія процентовъ государственнаго долга съ четырехъ на три. Въ 1752 году по предложенію лорда Честерфильда произведено было исправленіе календаря, въ слѣдующемъ году былъ принятъ «Брачный Актъ» лорда Гардуика для предупрежденія тайныхъ браковъ, а также актъ о натурализаціи евреевъ; но этотъ послѣдній актъ возбудилъ такое негодованіе въ народѣ, что въ слѣдующую же сессію его отмѣнили.

Въ 1754 году смерть Генриха Пельгама положила конецъ умиро- Смерть
творенію партій, бывшему слѣдствіемъ его примирительной политики, Пельгама.
и предсказаніе Георга II, что теперь мира не будетъ, оказалось совершенно вѣрнымъ. Главой министерства сдѣлался старшій братъ

Министерства Ньюкэстля, Девоншира и Питта, Ньюкэстля и Питта. 1754—1761.

Пельгама, герцогъ Ньюкэстль. Лично онъ былъ человѣкомъ честнымъ и обладалъ несравненной опытностью въ дѣлахъ и умѣньемъ управлять парламентомъ, но онъ совершилъ серьезную ошибку, назначивъ руководителемъ палаты общинъ Томаса Робинзона, человѣка ограниченнаго, сдѣлавшагося мишенью нападокъ Питта и Генриха Фокса. Въ 1755 году мѣсто Робинзона и должность государственнаго секретаря занялъ Фоксъ, а осенью Питтъ и канцлеръ казначейства Легге были отставлены за ихъ оппозицію субсидіямъ Россіи и Гессену. Потеря Минорки въ маѣ 1756 года возбудила народное негодованіе и Ньюкэстль въ ноябрѣ вышелъ въ отставку. Ему наслѣдовалъ герцогъ Девонширскій, причемъ первымъ государственнымъ секретаремъ и фактическимъ первымъ министромъ сдѣлался Питтъ. Онъ немедленно приступилъ къ мѣропріятіямъ, требуемымъ положеніемъ дѣлъ. Были составлены полки изъ горцевъ, былъ проведенъ билль объ усиленіи милиціи и въ Америку были отправлены подкрѣпленія. Но онъ не могъ спасти Бинга и чрезъ три мѣсяца министерство пало. Въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ въ Англіи не было министерства. Наконецъ король и Питтъ сошлись на компромиссѣ и было составлено министерство Ньюкэстля-Питта, съ Фоксомъ въ должности генералъ казначея. Успѣхъ англичанъ во время семилѣтней войны до значительной степени обусловливался народнымъ энтузіазмомъ и довѣріемъ къ Вильяму Питту, министерство котораго составило эпоху въ англійской исторіи.

Воцареніе Георга III.

За воцареніемъ въ октябрѣ 1760 года Георга III послѣдовало паденіе Питта и возвышеніе Бьюта, начались мстительныя нападки на виговъ и попытки короля получить нѣкоторыя изъ прерогативъ, которыми корона пользовалась до революціи 1688 года. Съ 1760 до 1770 года король отстаивалъ свое право выбирать министровъ и свое намѣреніе сокрушить могущество виговъ. Въ теченіе этихъ десяти лѣтъ шла борьба, закончившаяся министерствомъ лорда Норта и торжествомъ Георга. Не трудно понять причину его успѣха. Съ 1688 года Англія находилась подъ управленіемъ виговъ; благодаря тому обстоятельству, что первые два Георга были иностранцами, первые министры были фактически полными правителями страны. Георгъ III гордился тѣмъ, что онъ англичанинъ, и рѣшился самъ пользоваться той властью, отъ которой его предшественники отреклись въ пользу Вальполя и его наслѣдниковъ. Онъ вступилъ на престолъ въ такое время, когда народъ начиналъ сознавать, что палата общинъ отнюдь не является его представительницей. Тори, съ воцаренія Георга I фактически исключенные изъ управленія, не могли быть обвиняемы, какъ раньше, въ якобитскихъ стремленіяхъ и соединились вокругъ трона; король, пользуясь непопулярностью виговъ, расходовалъ громадныя суммы на избирательные и парламентскіе подкупы и «содержалъ въ парламентѣ массу людей, поли-

тически связанныхъ съ однимъ только королемъ, ожидавшихъ награды только отъ него одного, и хотя часто занимавшихъ мѣста въ правительствѣ, но скорѣе желавшихъ контролировать его, чѣмъ поддерживать, и если правительство было несогласно съ политикой, лично пріятной королю, то соединявшихся противъ правительства и ниспровергавшихъ его» [1]).

Поддерживаемый такимъ образомъ тѣсной кучкой «королевскихъ друзей», торіями и общественнымъ мнѣніемъ Георгъ III приступилъ къ разрушенію системы исключенія, къ возстановленію королевскихъ прерогативъ, къ устраненію принципа, до сихъ поръ только отчасти признаваемаго, что кабинетъ долженъ представлять собою соединеніе государственныхъ людей, политически вполнѣ солидарныхъ и совокупно отвѣтственныхъ за всѣ предлагаемыя ими мѣры. Король хотѣлъ замѣнить этотъ принципъ «департаментской системой», то есть отвѣтственностью каждаго министра только за его департаментъ и отвѣтственностью за всѣ дѣйствія министровъ только предъ королемъ. Партія виговъ даже при управленіи Вальполя стремилась къ распаденію на отдѣльныя партіи. Ко времени воцаренія Георга III офиціальные виги имѣли своимъ вождемъ Ньюкэстля и послѣ его отставки Рокингама; въ сторонѣ отъ этой главной вигской партіи стояли приверженцы Бедфорда и Гренвиля, а кромѣ того давно уже Питтъ собралъ кучку послѣдователей, боровшихся противъ подкуповъ съ одной стороны и противъ аристократической исключительности съ другой.

Борьба короля съ вигами. 1760—70 г. Дѣло Уилькса.

Первыя попытки Георга III добиться самостоятельности были неудачными. Недолгое министерство Бьюта отличалось подкупностью и неспособностью и внезапно пало 8 апрѣля 1763 года. Бьюту наслѣдовалъ Георгъ Гренвиль, произведшій очень немногія измѣненія. Министерство Гренвила знаменито своими двумя ошибками: нападеніемъ на Уилькса и попыткой обложенія налогами американскихъ колоній. Въ 1763 году Джонъ Уилксъ, издатель «Сѣвернаго британца» (North Briton) былъ арестованъ вмѣстѣ съ сорока девятью другими на основаніи общаго приказа (warrant), подписаннаго государственнымъ секретаремъ, лордомъ Галифаксомъ, за нападеніе въ 45 N на тронную рѣчь. Такая ошибка правительства имѣла слѣдствіемъ полное торжество Уилькса. Его арестъ, какъ члена парламента, былъ объявленъ незаконнымъ, общіе приказы были признаны противными закону, также какъ «приказы объ обыскахъ и захватѣ бумагъ». Послѣ освобожденія Уилксъ началъ преслѣдованіе противъ лорда Галифакса и помошника государственнаго секретаря Вуда и добился присужденія значительнаго вознагражденія. Но обѣ палаты продолжали свою борьбу съ Уилксомъ. Палата общинъ до конца

[1]) History of England—Лекки.

1763 года признала 45N «фальшивымъ, скандальнымъ и мятежнымъ пасквилемъ», палата лордовъ съ своей стороны признала напечатанный Уильксомъ «Эссей о женщинѣ» «скандальнымъ, неприличнымъ и безбожнымъ пасквилемъ». Въ это время Уилькъ, оправившись отъ раны, полученной имъ на дуэли, отправился въ Парижъ и въ его отсутствіе палата общинъ 19 января 1764 года изгнала его за написаніе «скандальнаго и мятежнаго пасквиля»; судъ королевской скамьи 21 января призналъ его виновнымъ въ перепечаткѣ 45N и въ изданіи «Эссея о женщинѣ» и такъ какъ онъ не явился къ суду, то былъ объявленъ внѣ закона. Въ это время негодованіе народа противъ двора и министровъ дошло до крайнихъ предѣловъ и лондонскій общинный совѣтъ благодарилъ своего члена за отстаиваніе свободы страны въ дѣлѣ объ общихъ приказахъ. Въ палатѣ лордовъ Уилькса поддерживали Ньюкэстль, Рокингамъ и Шельбурнъ, а въ палатѣ общинъ Питтъ и Барре. Другая ошибка Гренвиля, введеніе гербовой пошлины, — попытка собирать налогъ съ американскихъ колоній и нарушеніе того принципа, что народъ можетъ облагаться налогомъ только по рѣшенію его представителей — имѣла болѣе серьезныя послѣдствія. Но министерство пало раньше, чѣмъ проявились слѣдствія его политики. Въ сентябрѣ 1763 года къ министерству присоединились Бедфордъ и его партія, но министерство никогда не было сильнымъ и недовольство Георга усилилось благодаря биллю о регентствѣ, внесенному Бедфордомъ и вслѣдствіе упорства и безтактности Гренвиля. Послѣ отказа Питта составить министерство, король былъ вынужденъ прибѣгнуть къ главной партіи виговъ, вернувшихся въ іюлѣ 1765 года къ власти подъ предводительствомъ Рокингама. Рокингамъ пытался исправить ошибки Гренвиля относительно Уилькса и американскихъ колоній и отмѣнилъ актъ о гербовой пошлинѣ (Stamp Act), проведя вмѣсто его Declaratory Act, только утверждавшій право англійскаго правительства облагать американскія колоніи, и такимъ образомъ на время отвратилъ опасную борьбу съ колонистами. Но 7 іюля 1766 года министерство Рокингама пало и ему наслѣдовало министерство герцога Графтона и Питта. Несмотря на важныя мѣры, проведенныя министромъ Рокингама, вродѣ осужденія общихъ приказовъ, отмѣны акта о гербовой пошлинѣ, торговому трактату съ Россіей, видоизмѣненію непопулярнаго налога на сидръ, королю было не особенно трудно низвергнуть его. Паденіе его обусловливалось главнымъ образомъ отказомъ Питта поддерживать Рокингама. Питтъ былъ партійно враждебенъ министерству, онъ былъ несогласенъ съ принципомъ, выраженіемъ котораго служилъ Declaratory Act, ему не нравились фритредерскія мнѣнія Борка, онъ считалъ партію Рокингама исключительной и аристократической. Его отказъ вступить въ министерство Рокингама признается многими самымъ печальнымъ случаемъ въ его

политической дѣятельности. Только соединеніемъ Питта и его партіи съ вигами Рокингама въ то время могло быть составлено сильное министерство.

Въ этомъ министерствѣ, извѣстномъ подъ именемъ министерства Графтона, были самые разнородные элементы; оно состояло изъ послѣдователей Рокингама и Питта съ одной стороны и изъ «королевскихъ друзей» съ другой; въ немъ были Питтъ, Тоунсгэндъ, Нортъ, Шельбурнъ, Барре, Конвей и Камденъ. Сначала оно было прогрессивнымъ, но къ сожаленію Питтъ, который сдѣлавшись лордомъ Чатамомъ, утратилъ свое вліяніе, вскорѣ заболѣлъ и подалъ въ отставку, предоставивъ министерству Графтона въ теченіи четырехъ лѣтъ бороться безуспѣшно съ разными затрудненіями. Постепенно большинство послѣдователей Рокингама вышло изъ министерства и было замѣнено вигами партіи Бедфорда, поддерживавшими короля въ его взглядахъ на дѣло Уилькса и американскихъ колоній.

Мидльэссекскіе выборы 1768 года.

При общихъ выборахъ 1768 года Уилксъ былъ избранъ въ Моддльэссексѣ, въ томъ же году онъ явился къ суду королевской скамьи и былъ приговоренъ къ штрафу и тюремному заключенію на двадцать два мѣсяца. Во время безпорядковъ, происшедшихъ близъ тюрьмы, солдаты стрѣляли въ народъ и Уилксъ рѣзко напалъ въ печати на государственнаго секретаря лорда Веймоута по этому поводу. 3-го февраля 1769 года онъ былъ изгнанъ изъ парламента за «Эссей о женщинѣ», 45 № и письмо о лордѣ Веймоутѣ; 16 февраля онъ былъ переизбранъ и на слѣдующій день палата постановила, что онъ «недостоинъ засѣдать въ этомъ парламентѣ». Наконецъ послѣ четвертаго переизбранія палата общинъ объявила, что «избранъ долженъ быть» полковникъ Люттрель и признала его членомъ парламента. Въ это время канцлеръ казначейства, Карлъ Тоунсгендъ, въ 1767 году провелъ билль объ обложеніи американскаго ввоза разными мелкими таможенными пошлинами, что вызвало громадное раздраженіе въ Америкѣ.

Первое министерство Норта. Побѣда короля 1770—1782.

Послѣ смерти Тоунсгенда и ухода Шельбурна, Чатама и Гренвиля, министерство окончательно распалось и Георгъ Ш, воспользовавшись несогласіями между партіями, назначилъ первымъ министромъ лорда Норта. Хотя вліяніе мидльэссексихъ выборовъ было громаднымъ—такъ какъ слѣдствіями ихъ были появленіе англійскаго радикализма, попытки парламентской реформы, начало собранія народныхъ митинговъ для обсужденія злоупотребленій и появленіе небольшихъ политическихъ обществъ, вродѣ общества защитниковъ билля о правахъ—тѣмъ не менѣе во время министерства лорда Норта съ 1770—82 года не произошло никакихъ конституціонныхъ измѣненій. Вниманіе націи сначала было отвлечено американской распрей, а послѣ 1778 года войной съ Франціей, Испаніей и Голландіей.

Актъ о бракахъ въ королевской семьѣ. Возстаніе Гордона, 1780 г. Второе министерство Рокингама, 1782 г.

Хотя министерство Норта было побѣдой короля и временнымъ установленіемъ департаментской системы управленія, въ теченіи этихъ двѣнадцати лѣтъ не было недостатка въ симптомахъ стремленія народа къ парламентской и другимъ реформамъ.

Въ 1771 году было признано право опубликованія отчетовъ о преніяхъ въ парламентѣ, благодаря твердому неуклонному поведенію лондонскаго лорда мэра и Уилькса противъ палаты общинъ. Въ 1774 году король убѣдилъ Норта провести актъ о бракахъ въ королевской семьѣ, дававшій царствующему государю право воспрещать браки членовъ королевской семьи. Въ 1778 году Георгъ Савиль провелъ билль объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ ограниченій правъ католиковъ; слѣдствіемъ этого былъ мятежъ Гордона въ 1780 году, подавленный только благодаря твердости самого короля. До 1780 года вслѣдствіе мятежнаго поведенія оппозиціи положеніе Норта было очень крѣпкимъ, но послѣ несчастій англичанъ въ послѣднюю фазу американской войны виги Чатама и Рокингама (первые послѣ смерти Чатама подъ руководствомъ Шельбурна) соединились и общественное мнѣніе въ 1780 году проявилось въ южной іоркширской петиціи объ экономическихъ реформахъ, въ биллѣ Борка о поддержаніи этой петиціи, въ предложеніи Дюннинга, что «могущество короны увеличилось, увеличивается и должно быть уменьшено» и въ биллѣ о реформѣ герцога Ричмонда, въ которомъ предлагались ежегодные выборы въ парламентъ, всеобщая (мужская) подача голосовъ и раздѣленіе на избирательные округа. Чатамъ еще въ 1770 году предлагалъ, чтобы каждое графство избирало не по два, а по три представителя. Уилькъ въ 1776 году предлагалъ лишить гнилыя мѣстечки представительства и передать ихъ избирательныя права графствамъ и населеннымъ городамъ. Въ мартѣ 1782 года, вскорѣ послѣ полученія извѣстій о потерѣ Минорки, Нортъ подалъ въ отставку и Рокингамъ составилъ свое второе министерство изъ его приверженцевъ и Чатамовскихъ или Шельбурновскихъ виговъ. Шельбурнъ и Фоксъ были государственными секретарями, Тюрлоу лордомъ канцлеромъ, а Боркъ генералъ казначеемъ арміи. Немедленно приступили къ реформамъ, правительственные поставщики были исключены изъ палаты общинъ и финансовые чиновники были лишены права подачи голосовъ на выборахъ. Ирландіи была возвращена независимость ея законодательства; но раньше проведенія дальнѣйшихъ реформъ Рокингамъ умеръ (въ іюлѣ 1782 года).

Коалиція Фокса и Норта.

Двѣ главныя секціи виговъ подъ главенствомъ Шельбурна и Фокса никакъ не могли согласиться относительно составленія министерства и Георгъ III назначилъ первымъ министромъ Шельбурна, который при удаленіи Фокса, Борка и Кавендиша реорганизовалъ министерство, назначивъ юнаго Вилльяма Питта канцлеромъ казначей-

ства. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, во время которыхъ былъ подписанъ Версальскій миръ, Фоксъ, соединившись съ Нортомъ, низвергъ министерство Шельбурна и 2 апрѣля 1783 года составилось знаменитое коалиціонное министерство съ герцогомъ Портландомъ въ качествѣ перваго министра и Фоксомъ и Нортомъ въ должностяхъ государственныхъ секретарей. Коалиція была очень непопулярной въ странѣ и король воспользовался общественнымъ настроеніемъ, возбужденнымъ противъ билля Фокса объ Индіи, и употребилъ свое личное вліяніе, чтобы заставить палату лордовъ отвергнуть эту мѣру. 18 декабря министры получили отставку и Питтъ, которому было тогда только двадцать четыре года, сдѣлался первымъ министромъ. Послѣ ожесточенныхъ дебатовъ въ парламентѣ, продолжавшихся до марта 1784 года, общественное мнѣніе высказалось столь опредѣленно противъ Фокса и его партіи, что Питтъ 25 марта распустилъ парламентъ; при общихъ выборахъ виги понесли ужасное пораженіе и Питтъ получилъ подавляющее большинство въ парламентѣ.

Георгъ III теперь также, какъ и въ 1770 году, одержалъ великую и, повидимому, рѣшительную побѣду. Въ 1782 году виги низвергли Норта и торіевъ и, казалось, надолго завладѣли браздами правленія. Но смерть Рокингама, за которой послѣдовало возобновленіе несогласій и раздоровъ въ партіи виговъ, заставила Фокса совершить важную тактическую ошибку, вступивъ въ коалицію съ Нортомъ. Эта ошибка оказалась роковой для судьбы партіи виговъ, которая, если исключить недолговѣчное существованіе «министерства всѣхъ талантовъ», съ этихъ поръ оставалась въ оппозиціи до билля о реформѣ. Георгъ III снова самостоятельно назначалъ перваго министра и Питтъ оставался министромъ до 1801 года.

Иностранная политика Англіи. 1742—84.

Послѣ паденія Вальполя въ иностранной политики Англіи начинается окончательно новая и очень важная фаза. Съ началомъ войны за австрійское наслѣдство для Англіи, имѣвшей важные интересы въ Америкѣ, Индіи и Европѣ, становится невозможнымъ остаться въ сторонѣ и смотрѣть, какъ безнравственная коалиція ограбитъ ея союзницу Австрію. Съ 1740 до 1748 года Англія, помогая Маріи Терезіи въ Европѣ, боролась съ Франціей и Испаніей на морѣ и въ колоніяхъ. Съ 1756 до 1763 года она была въ союзѣ съ Фридрихомъ Великимъ, помогала Пруссіи и продолжала и завершила свою борьбу съ Франціей въ Америкѣ и Индіи. Послѣ заключенія Парижскаго мира 1763 года она была изолирована въ Европѣ до начала министерства Питта младшаго 1784 года. Въ теченіе этихъ лѣтъ Франція и Испанія мстили ей за ихъ потери во время семилѣтней войны, успѣшно помогая американцамъ добиться самостоятельности. Во весь этотъ періодъ руководящими принципами англійской политики были вражда къ Бурбонамъ, развитіе колоній и

торговли и сохраненіе европейскаго равновѣсія, особенно на Средиземномъ и Балтійскомъ моряхъ до тѣхъ поръ, пока стремленіе гарантировать безопасность Гановера не повліяла въ 1763 году на отношенія Англіи съ германскими государствами.

Политика Картерета.

Иностранная политика Англіи послѣ паденія Вальполя выиграла въ энергіи и опредѣленности. Новое министерство Вильмингтона было вынуждено воевать съ Испаніей и вмѣшалось въ борьбу между Австріей и Пруссіей за обладаніе Силезіей, и это повело къ открытой враждѣ съ Франціей въ Индіи, Америкѣ и на морѣ. Вопросъ о владычествѣ надъ морями и дальнѣйшіе вопросы объ упроченіи вліянія Англіи или Франціи въ Индіи, о господствѣ въ сѣверной Америкѣ тевтонской или латинской расъ ждали своего рѣшенія. Номинально первымъ министромъ былъ Вильмингтонъ, но иностранной политикой министерства управлялъ Картеретъ. Онъ обладалъ значительными свѣденіями объ европейскихъ дѣлахъ и проявилъ большое дипломатическое искусство въ качествѣ англійскаго посланника въ Стокгольмѣ при министерствѣ Стангопа. Также, какъ и Вальполь, онъ сознавалъ, что для Маріи Терезіи будетъ самой лучшей политикой признать утрату ею Силезіи, но въ отличіе отъ Вальполя онъ предлагалъ энергическое вмѣшательство Англіи въ европейскую войну и борьбу съ Бурбонами въ Германіи, Нидерландахъ и Италіи. Всѣ усилія должны быть направлены на эту борьбу съ Бурбонами; ей должно пожертвовать всѣми второстепенными интересами. Потому Картеретъ и Георгъ II пытались, хотя и тщетно, убѣдить Марію Терезію признать Карла Альберта баварскаго Императоромъ, признать потерю Силезіи, заключить миръ съ Пруссіей и сосредоточить всѣ силы для нападенія на Францію. Нужно возстановить великій союзъ 1701 года и завершить дѣло виговъ, прерванное и, по мнѣнію Картерета, серьезно испорченное Торійскимъ Утрехтскимъ миромъ. Дипломатическія и воинскія усилія англійскихъ министровъ увѣнчались успѣхомъ. Первая силезская война была закончена въ 1742 году трактатами бреславскимъ и берлинскимъ, на основаніи которыхъ Марія Терезія, хотя и неохотно, согласилась на уступку Силезіи; англійскій флотъ имѣлъ успѣхъ въ Средиземномъ морѣ и соединенная армія англичанъ, гессенцевъ и гановерцевъ, извѣстная подъ названіемъ «прагматической арміи», подъ командой Георга II одержала побѣду при Деттингенѣ 27 іюня 1743 года.

Вормскій трактатъ, 1743 г. Паденіе Картерета.

Тогда начались переговоры относительно общаго умиротворенія. Пруссія получила Силезію, положеніе Маріи Терезіи было упрочено, Франція потерпѣла пораженіе. Но до тѣхъ поръ, пока австрійскія войска занимали Баварію и императоръ Карлъ VII былъ бѣглецомъ, было невозможно никакое мирное соглашеніе. Планъ, извѣстный подъ названіемъ Ганауссказо соглашенія и предложенный Георгомъ II и Кар-

теретомъ, оказался неудачнымъ и вмѣсто предполагаемаго соглашенія въ сентябрѣ 1743 года былъ подписанъ Вормскій трактатъ между Англіей, Голландіей, Австріей, Саксоніей и Сардиніей, на основаніи котораго договарившіяся державы обязывались гарантировать европейское равновѣсіе и Прагматическую Санкцію. Отвѣтомъ на этотъ трактатъ былъ тайный договоръ въ Фонтенебло между Франціей и Испаніей, на основаніи котораго Людовикъ XV и Филиппъ V условились возвратить Баварію императору, захватить Гибралтаръ, Минорку и Георгію. уничтожить Ассіентскій договоръ и передать Парму, Пьяченцу и Миланъ Дону Филиппу, второму сыну Елисаветы Фарнезе. Миръ въ Aix la Chapelle.

Въ мартѣ 1744 года Франція объявила войну Англіи, а въ апрѣлѣ Австріи. Въ сентябрѣ Фридрихъ, боясь за безопасность Силезіи и подозрѣвая объ австрійскихъ планахъ относительно Баваріи, вторгся въ Богемію и началъ вторую силезскую войну; въ ноябрѣ Генрихъ Пельгамъ, наслѣдовавшій Вильмингтону послѣ его смерти въ іюлѣ 1743 года, добился отставки Картерета, независимость и надменность котораго раздражали его сотоварищей министровъ. Затрудненія англійскаго правительства значительно увеличились съ расширеніемъ арены военныхъ дѣйствій. Войну съ Франціей приходилось вести на морѣ и на сушѣ и хотя въ іюнѣ 1744 года англичане взяли островъ мыса Бретона, а въ сентябрѣ супругъ Маріи Терезіи былъ избранъ императоромъ, англичане въ маѣ были разбиты при Фонтенуа, а въ іюлѣ претендентъ, Карлъ Эдуардъ, высадился въ Шотландіи и поднялъ знамя возстанія. Его побѣда при Престонпансѣ 21 сентября и походъ его по Англіи до самаго Дерби возбудили въ Лондонѣ панику. Его отступленіе было большимъ облегченіемъ для правительства и хотя онъ одержалъ въ январѣ 1746 года побѣду при Фалькиркѣ, но въ концѣ концовъ былъ 16 апрѣля разбитъ герцогомъ Кумберландомъ при Куллоденѣ и бѣжалъ во Францію. Попытки французскаго правительства произвести нашествіе въ Англію кончились неудачей; но во Фландріи маршалъ Саксонскій былъ непобѣдимъ и битва при Року въ ноябрѣ 1746 года отдала въ его руки австрійскія Нидерланды. Въ апрѣлѣ 1747 года Франція объявила войну Голландіи, а въ іюлѣ герцогъ Кумберландъ, пытавшійся помѣшать нашествію французовъ въ Соединенные провинціи, былъ разбитъ маршаломъ Саксонскимъ при Лауфельдѣ. Бергенъ-опъ-Зоомъ былъ взятъ и французы осадили Мастрихъ, но борящіяся стороны были уже истощены. Несмотря на то, что русская армія двигалась чрезъ Германію на помощь союзникамъ, Пельгамы, испуганные возможностью паденія Мастриха, спѣшили съ переговорами о мирѣ; 30 апрѣля 1748 года предварительныя мирныя условія были подписаны Франціей, Англіей и Голландіей. Англія и Франція обязались возвратить всѣ свои завоеванія; Испанія согласилась на возстановленіе Ассіентскаго договора; Пруссія получала Силезію, Сардинія часть

Миланскаго герцогства, а Донъ Филиппъ Парму, Пьяченцу и Гвасталу, Марія Терезія понесла нѣкоторыя потери; но Прагматическая Санкція была признана и Англія имѣла удовлетвореніе видѣть, что положеніе ея союзницы было упрочено. Англія, обезпечивъ свою власть надъ морями, могла теперь безъ всякаго опасенія ожидать возобновленія борьбы съ Франціей. Послѣ окончанія войны вопросъ объ отношеніяхъ между Англіей и Франціей въ Америкѣ и въ Индіи остался нерѣшеннымъ и трактатъ въ Aix-la-Chapelle былъ только перемиріемъ. Годы отъ 1748-го до 1756-го были безпокойными и подготовительными къ семи-лѣтней войнѣ. Англія была въ союзѣ съ Австріей, Россіей и Саксоніей и враждебна Франціи, Испаніи и Пруссіи.

Измѣненія въ дипломатіи въ 1756 г. Питтъ и семилѣтняя война.

Англійское правительство, желая сохранить равновѣсіе силъ на Балтійскомъ морѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ остаться въ хорошихъ отношеніяхъ съ Россіей, отказалось присоединиться къ аггресивнымъ планамъ Елисаветы и Маріи Терезіи противъ прусскаго короля. Отношенія Англіи съ Австріей съ каждымъ годомъ становились все менѣе дружественными. Мирная политика Вальполя во время войны о польскомъ наслѣдствѣ и его оппозиція Остендской восточно-индійской кампаніи уничтожили дружбу Карла VI, а политика Картерета и его наслѣдниковъ, рекомендовавшихъ Маріи Терезіи признать уступку Силезіи, части миланскаго герцогства и Пармы Фридрику, Карлу Эммануэлю и Дону Филиппу, возбудила сильный гнѣвъ королевы-императрицы. Вѣнскій Дворъ былъ раздраженъ условіями Barrier Traité и рѣшилъ вернуть себѣ Силезію. По совѣту Кауница начались переговоры съ Франціей, которые послѣ того, какъ сдѣлалось извѣстнымъ заключеніе въ январѣ 1756 года Вестминстерской конвенціи между Англіей и Пруссіей, повели къ первому Версальскому договору въ маѣ, а черезъ годъ ко второму договору. Война между Англіей и Франціей изъ-за американскихъ владѣній была неизбѣжной; Георгъ II боялся за безопасность Ганновера, а Пруссія искала защиты противъ Россіи и Австріи. Потому въ Вестминстерской конвенціи обѣ державы согласились гарантировать нейтралитетъ Германіи. Англія и Россія остались въ мирныхъ отношеніяхъ, но старый союзъ съ Австріей былъ уничтоженъ. Россія, Австрія, Франція и Саксонія приготовлялись къ нападенію на Пруссію, а Англія и Франція начали окончательную борьбу за владычество въ Индіи и Америкѣ. Въ то время, какъ Фридрихъ началъ семи-лѣтнюю войну вторженіемъ въ Саксонію въ августѣ 1756 года, англійскій флотъ терпѣлъ пораженія въ Средиземномъ морѣ. Минорка была потеряна. Только въ іюлѣ 1757 года въ Англіи составилось одно изъ самыхъ сильныхъ и успѣшныхъ министерствъ этого вѣка, министерство Питта-Ньюкэстля.

Питтъ, увеличивъ субсидіи Фридриху Великому, удерживалъ фран-

цузовъ борьбой въ Европѣ въ то время, какъ англійскіе генералы и адмиралы завладѣвали Америкой, и уничтожилъ всякую надежду Франціи на владычество въ Индіи. Конвенція, заключенная 10 сентября 1757 года герцогомъ Кумберландомъ съ французами въ Клостерсевенѣ, не была признана англійскимъ правительствомъ и послѣ побѣды Фридриха при Росбахѣ, 5 ноября 1757 года, Фердинандъ Брауншвейгскій, которому было поручено вести военныя операціи въ западной Германіи, задерживалъ тамъ французовъ до окончанія войны.

1759 годъ былъ годомъ великихъ побѣдъ; Французы 1 августа были разбиты при Минденѣ, французскіе флоты были почти уничтожены при Lagos и Квиберонѣ; за завоеваніемъ Гвадалупы, Тикондероги, Форта Ніагары и Квебека въ слѣдующемъ году послѣдовало взятіе Монреаля. Французскій министръ Шуазель началъ тогда переговоры, но они не имѣли никакихъ послѣдствій и военныя дѣйствія продолжались.

Паденіе Питта и Парижскій миръ, 1763 г.

Смерть Фердинанда VI испанскаго въ 1759 году, за которой въ слѣдующемъ году послѣдовала смерть Георга II, произвела значительныя измѣненія въ политикѣ Франціи и Англіи. Новый испанскій король Карлъ III въ августѣ 1761 года заключилъ съ Франціей семейный договоръ, на основаніи котораго обязался объявить войну Англіи, если до мая 1762 года она не заключитъ мира съ Франціей. Питтъ, подозрѣвая существованіе этого договора, желалъ объявить войну Испаніи и завладѣть флотомъ съ платиной до его прибытія въ Кадиксъ. Но Георгъ III и Бьютъ, наслѣдовавшій Гольдернессу въ должности государственнаго секретаря сѣвернаго департамента, желали мира и противились Питту, который поэтому въ октябрѣ 1761 года подалъ въ отставку.

Въ 1762 году Бьютъ сдѣлался первымъ лордомъ казначейства и былъ вынужденъ продолжать политику Питта. Война Испаніи была объявлена въ январѣ 1762 года и велась удачно. Но Бьютъ хотѣлъ мира во что бы то ни стало и въ ноябрѣ того же года были подписаны предварительныя условія. Англія удержала Канаду, Тобаго, Доминику, Св. Винцента, Гренаду, Сенегалію, Горею и Минорку; Франція получила обратно Мартинику, Гвадалупу, С. Люцію и Бельиль, право ловить рыбу у Ньюфаундлена и два небольшіе острова С. Пьерръ и Микелонъ. Испанія уступила Англіи Флориду и всѣ ея владѣнія къ югу и юго-востоку отъ Миссисипи и за это получила отъ Франціи Лузіану. Было также признано право Англіи рубить красное дерево въ Гондурасѣ. Въ Индіи Франція получила обратно свои факторіи, но безъ права строить тамъ укрѣпленія. Парижскій миръ былъ очень непопулярнымъ въ Англіи и несомнѣнно, что хотя Англія и много выиграла по нему, но Бьютъ въ своей торопливости заключить миръ многое выпустилъ изъ рукъ. Онъ раздражилъ со-

юзника Англіи, Фридриха Великаго, внезапнымъ прекращеніемъ выдачи ему субсидій и своими переговорами съ Вѣнскимъ дворомъ. Кромѣ того прусскій король до самой смерти остался убѣжденнымъ, будто Бьютъ убѣждалъ царя Петра III напасть на него.

Въ февралѣ 1763 года были подписаны Парижскій миръ и миръ между Пруссіей и Австріей въ Губертсбургѣ и такимъ образомъ семилѣтняя война была окончена. Англія субсидіями Фридриху, нападеніями на французскія колоніи, на ея берега и торговлю до значительной степени способствовала Пруссіи въ ея борьбѣ за существованіе и вмѣстѣ съ тѣмъ упрочила свою собственную власть на моряхъ.

Политика Англіи послѣ Парижскаго мира. Англія и Россія.

Съ 1763 до 1784 года Англія испытывала слѣдствія иностранной политики Бьюта и завоеванія Канады. Въ теченіе этихъ двадцати одного года министры были заняты политическими несогласіями и раздоромъ съ Америкой и Англія была до значительной степени изолирована въ Европѣ, а американскіе колонисты, теперь освободившіеся отъ постояннаго страха нападеній французовъ, приготовлялись отстаивать свою независимость отъ метрополіи. Едва былъ заключенъ миръ, какъ французскій и испанскій министры, Шуазель и Гримальди, принялись за реорганизаціи арміи и флота своихъ государствъ. Пруссія оставалась враждебной Англіи до смерти Фридриха Великаго, а Португалія подъ вліяніемъ Помбаля, друга Шуазеля и Голландія, завидовавшая коммерческому превосходству Англіи, были склонны поддерживать Францію въ ея враждѣ къ Великобританіи.

Съ Россіей Англія оставалась въ дружественныхъ отношеніяхъ. Англійскіе адмиралы и офицеры помогали русскому флоту въ турецкой войнѣ, начавшейся въ 1768 году, и рѣшительная побѣда при Чесмѣ была одержана благодаря искусству англичанина. Чатамъ признавалъ дружбу Россіи и Англіи основой англійской континентальной политики; во время своего краткаго участія въ министерствѣ Графтона, съ 1766 по 1770 годъ, онъ пытался составить близкій союзъ между Англіей, Пруссіей и Россіей противъ Бурбонскаго дома, который онъ и многіе изъ его современниковъ ненавидѣли отъ глубины души. Фридрихъ Великій, близко связанный съ Екатериной II по тайному договору 1764 года, отказался вступать въ какое либо соглашеніе съ Англіей; но англичане продолжали помогать русскимъ въ турецкой войнѣ до тѣхъ поръ, пока успѣхи русскаго оружія не устрашили англійскаго правительства и всѣ британскіе подданные не были отозваны изъ русской службы. Въ 1772—73 годахъ Англія не сдѣлала ничего, чтобы воспрепятствовать раздѣлу Польши, но она отказалась поддерживать Екатерину въ ея вмѣшательствѣ во внутреннія дѣла Швеціи. Густавъ III 19 августа 1772 года совершилъ переворотъ и англійское правительство, рѣшившись сохранить равновѣсіе силъ на Балтійскомъ морѣ, не только сохраняло свою

политику невмѣшательства, но и помѣшало вступленію въ Балтійское море французской эскадры.

Американская война дала Франціи и Россіи реваншъ. Въ 1778 году Франція признала независимость колонистовъ и между Франціей и Англіей началась война. Въ 1779—80 году Испанія и Голландія послѣдовали примѣру Франціи и Англія поняла, насколько она изолирована въ Европѣ. Въ крайности она пыталась заключить союзъ съ Россіей и просила у Екатерины двадцатитысячной арміи, чтобы «искоренить ростущее безуміе несчастныхъ и обманутыхъ подданныхъ его величества по ту сторону Атлантическаго океана». Екатерина подъ вліяніемъ Панина, поддерживавшаго союзъ съ Пруссіей, отказала англичанамъ въ ихъ требованіи и составила въ 1780 году вооруженный нейтралитетъ, въ которомъ кромѣ Россіи участвовали Франція, Испанія, Пруссія, Голландія, Швеція и Данія. Всякія надежды на помощь Россіи были потеряны, хотя Екатерина и не проявляла намѣренія вмѣшаться въ войну въ защиту выставленныхъ ею принциповъ. Какъ ни печально было положеніе Англіи къ концу 1780 года и въ 1781 году, англійское правительство, поддерживаемое народнымъ раздраженіемъ противъ Франціи, Испаніи и Голландіи, не приходило въ уныніе. Война за независимость Америки.

Французскій и испанскій флоты въ 1781 году, во второй разъ во время войны, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль были господами англійскаго пролива, но Гибралтаръ остался въ рукахъ англичанъ, голландцы потеряли не только св. Евстафія и колоніи Демерару и Эссеквибо и многія изъ ихъ восточныхъ поселеній, но и большое количество торговыхъ кораблей и нѣсколько военныхъ. Англійское правительство въ 1781 году, рѣшившись добиться помощи Россіи, предложило Екатеринѣ за ея союзъ островъ Минорку. Къ счастію, царица не поняла выгодности для Россіи имѣть этотъ островъ въ западной части Средиземнаго моря и предложеніе Англіи было отклонено. За сдачей Іорктоуна, 19 октября 1781 года, послѣдовало признаніе независимости Америки Голландіей и начало переговоровъ о мирѣ. Въ концѣ 1782 года были подписаны предварительныя мирныя условія между Англіей и Соединенными Штатами, а 20 января 1783 года съ Франціей и Испаніей. Независимость Америки была признана Англіей. Франціи были возвращены С. Люція, Тобаго, Сенегалія, Горея, Пондишери, Карикаль, портъ Маге и факторіи въ Ориссѣ и Бенгаліи, а Испаніи — Минорка и восточная Флорида. Англія получила обратно Доминику, Гренаду, Св. Винцента, Св. Христофора, Невисъ и Монсерратъ, фортъ Джемсъ и рѣку Гамбію; ея право рубить лѣсъ въ заливѣ Гондурасъ было снова признано. Версальскій трактатъ, подписанный въ январѣ 1783 года, формально окончилъ войну съ Америкой, въ тотъ же день были подписаны и трактаты съ Франціей и Испаніей. Вилльямъ Питтъ при вступленіи Версальскій миръ. 1783 г.

въ министерство нашелъ Англію истощенной войной, изолированной въ Европѣ, потерявшей всякій престижъ. Онъ долженъ былъ возстановить этотъ престижъ и доказать міру, что Англія достойна того, чтобы считаться великой европейской державой.

Армія.

Греттона.

Въ восемнадцатомъ вѣкѣ военные континента обыкновенно говорили, что въ Англіи «армія львовъ, предводительствуемая ослами». Военная исторія Англіи отъ 1742 до 1783 года оправдываетъ такой приговоръ, такъ какъ изъ всѣхъ, кому довѣрялось командованіе англійской арміей, отличились только двое, Вольфъ и Клайвъ. Большинство же генераловъ были дураки, память о нихъ сохраняется въ связи съ побѣдами, выигранными только благодаря упорному мужеству солдатъ или съ пораженіями, обусловленными ихъ собственной глупостью. А въ случаяхъ отличиться недостатка не было. Англія вела непрерывныя войны, короткіе періоды мира были только перемиріями, притомъ очень плохо соблюдаемыми какъ въ Индіи, такъ и въ Америкѣ.

Деттингенъ. Въ началѣ 1743 года англійскія войска покинули свои зимнія квартиры въ Бельгіи; сорокатысячная армія, состоящая изъ англичанъ и гановерцевъ, была отдана подъ команду лорда Стэра и двинулась въ Германію на соединеніе съ австрійцами. Стэръ былъ обойденъ французскимъ генераломъ, Де-Ноайлемъ, и когда прибылъ и принялъ команду Георгъ II, онъ нашелъ союзниковъ въ плохомъ положеніи, безъ запасовъ и стоявшихъ между рѣкой, глубокимъ и быстрымъ Майномъ, и непроходимыми горами. Де-Ноайль съ шестидесятитысячной арміей ожидалъ ихъ капитуляціи, казавшейся неизбѣжной. Король Георгъ немедленно же двинулся вдоль рѣки, но Де Нойаль перевелъ часть своей арміи чрезъ Майнъ у Деттингена и захватилъ проходъ, по которому должны были проходить отступавшія войска; его баттареи обстрѣливали ихъ съ другой стороны рѣки, за ними слѣдовалъ деташементъ главной французской арміи. Пораженіе казалось неизбѣжнымъ, когда командиръ французскаго деташемента, загораживавшаго дорогу у Деттингена, сошелъ съ высотъ, командовавшихъ надъ проходомъ, и двинулся въ долину, чтобы дать битву союзникамъ. Стычка началась продолжительнымъ артиллерійскимъ сраженіемъ, за которымъ послѣдовали безплодныя кавалерійскія аттаки обѣихъ сторонъ. Потомъ двинулась француз-

ская пѣхота и послѣ ожесточеннаго боя французы были отброшены за Майнъ съ потерей семи тысячъ человѣкъ. Утверждаютъ, что королю Георгу эта побѣда стоила около трехъ тысячъ убитыми и ранеными.

Вольфъ, бывшій въ шестнадцатилѣтнемъ возрастѣ адъютантомъ полка, въ письмѣ къ отцу разсказываетъ о дисциплинѣ войскъ: «майоръ и я (такъ какъ у насъ не было ни полковника, ни лейтенанта полковника), пока не подошли французы, просили и приказывали людямъ не стрѣлять на далекомъ разстояніи, а удержаться, пока непріятель не подойдетъ ближе; но все было безполезно. Всѣ начали стрѣлять, думая, что могутъ попасть въ нихъ—и это едва не погубило насъ. Толку отъ этой стрѣльбы было мало. Какъ французы увидали, что мы прицѣливаемся, они падали, а какъ мы выстрѣлили, они поднималась и начинали быстро стрѣлять въ насъ, что произвело у насъ нѣкоторый безпорядокъ и заставило насъ отступить немного. Однако, мы скоро оправились и съ большой яростью аттаковали ихъ и это дало намъ полную побѣду и заставило врага торопливо отступить».

Битвой при Деттингенѣ кончается весь интересъ этой кампаніи; кампанія слѣдующаго года была безъ особенно важныхъ событій, но въ 1745 году снова произошла большая битва между англичанами и французами. Французская семидесятишеститысячная армія подъ начальствомъ знаменитаго маршала Саксонскаго осаждала крѣпость Турне, ключъ къ австрійскимъ Нидерландамъ. Союзная армія въ пятьдесятъ три тысячи человѣкъ, состоявшая изъ англичанъ, гановерцевъ, голландцевъ и австрійцевъ, двинулась на спасеніе крѣпости и встрѣтила французовъ близъ Фонтенуа въ очень сильной позиціи и съ большой артиллеріей. Голландцы и австрійцы при нападеніи были отбиты, но герцогъ Кумберландскій поклялся, что англичане и гановерцы одни, безъ помощи союзниковъ, одержатъ побѣду. Онъ сформировалъ свои бригады въ одну колонну, состоявшую почти изъ шестнадцати тысячъ человѣкъ, и торжественно двинулся противъ французовъ. Сначала храбрость красномундирниковъ (англичанъ) смела все предъ ними; ни непрестанный ружейный огонь пѣхоты Саксонскаго, ни градъ ядеръ его фланговыхъ баттарей не могли остановить ихъ. Пѣхотная французская гвардія поколебалась и бѣжала, французская кавалерія произвела нѣсколько аттакъ и съ такой энергіей, что лошади натыкались на штыки англійскихъ солдатъ. Все было напрасно. Британскія знамена уже развѣвались надъ французскимъ лагеремъ и Саксонскій послалъ къ королю, совѣтуя ему спасаться бѣгствомъ, когда положеніе дѣлъ внезапно измѣнилось. Маршалъ выставилъ свои пушки прямо въ упоръ противъ истощенныхъ побѣдителей. Онъ двинулъ на нихъ послѣдніе свои резервы: Maison du Roi, французскую гвардію, и

Англійская колонна при Фонтенуа.

ирландскую бригаду, составленную изъ храбрецовъ, благодаря политикѣ англійскаго правительства вступившихъ въ службу къ иностранцамъ. Пѣхотная французская гвардія тоже оправилась и еще разъ произвела яростное нападеніе на врага. Для отраженія этого новаго нападенія были необходимы и новыя силы; у Кумберланда не было англійскаго резерва, а союзники ничего не сдѣлали для того чтобы поддержать его. Англичане не могли дольше держаться. Медленно и угрюмо они отступали въ порядкѣ и продолжая упорно драться, но битва была проиграна; вся Европа дивилась геройству англичанъ, но французы пожали плоды побѣды. Союзники, парализированные отсутствіемъ англичанъ, торопливо отозванныхъ для подавленія возстанія въ Шотландіи, оставались безъ дѣйствія, пока главныя крѣпости Нидерландъ одна за другой переходили въ руки маршала Саксонскаго. До 1747 года у Англіи было слишкомъ много дѣла дома, чтобы она могла заниматься континентальными дѣлами. Потомъ возобновилась прежняя система. Во Фландрію была отправлена англійская армія, ее поддерживали большія войска союзниковъ, часто гораздо болѣе заботившихся о полученіи субсидій, чѣмъ о томъ, чтобы заработать англійское золото въ бою. Въ отчаянной, но нерѣшительной битвѣ при Лафельдтѣ, близь Маастриха, вся тяжесть боя до такой степени очевидно падала на однихъ англичанъ, что Людовикъ XV замѣтилъ: «англичане не только платятъ всѣмъ, но и дерутся за всѣхъ».

Возстаніе 1745 года.

Нашествіе претендента застало англійскихъ министровъ столь не приготовленными къ внутренней войнѣ, что одинъ французскій маршалъ, бывшій въ Лондонѣ въ качествѣ плѣннаго, заявилъ, что «съ двадцатью тысячами поваровъ французской арміи онъ взялся бы завоевать всю Англію». Къ счастію, высадки французовъ не произошло, хотя всѣ англійскія войска были заняты подавленіемъ возстанія. Битва при Престонпансѣ доказала справедливость мнѣнія одного изъ офицеровъ, говорившаго, что «наши солдаты должны привыкнуть къ виду иностранныхъ войскъ, чтобы не теряться и дѣйствовать какъ подобаетъ мужчинамъ, когда они встрѣчаются съ чѣмъ нибудь новымъ и необычнымъ, чтобы они не считали пледы, бакенбарды и широколопыя шляпы чѣмъ то ужаснымъ и непобѣдимымъ». Въ третій разъ въ своей исторіи британскія регулярныя войска были поражены паникой и бѣжали отъ аттаки горцевъ. Джонъ Конъ былъ разбитъ и Карлъ Эдуардъ сдѣлался владыкой Шотландіи. Мятежники вступили въ Англію и дошли до Дерби, гдѣ рѣшили возвратиться въ Шотландію. Въ январѣ 1746 года произошла перѣшительная битва при Фалькиркѣ; дождь былъ такъ силенъ, что подмочилъ весь порохъ и ружья сдѣлались ни на что негодными. Въ апрѣлѣ близь Инвернесса произошла битва при Куллоденѣ, уничтожившая окончательно всѣ надежды Стюартовъ. Карлъ Эдуардъ хотѣлъ про-

извести внезапное нападеніе на герцога Кумберланда раннимъ утромъ; но ночной походъ (одна изъ самыхъ трудныхъ операцій этой войны) былъ неудачнымъ; англійскій генералъ имѣлъ время приготовиться раньше, чѣмъ успѣлъ придти непріятель. Артиллерія начала обстрѣливать горцевъ, «ея огонь обезпокоилъ ихъ и, пострѣлявъ съ четверть часа, они должны были измѣнить свою позицію и двинуться впередъ на нѣсколько сотъ ярдовъ, чтобы напасть на нашу переднюю линію пѣхоты; они произвели это нападеніе съ большей яростью, чѣмъ съ благоразуміемъ, отбросивъ свои ружья и двинувшись съ обнаженными мечами. Они были, однако, отражены и побѣжали съ величайшей стремительностью; наши драгуны, смѣшавшись съ ними, произвели большую бойню и завершили нашу побѣду». Битва была ожесточенной. Изъ одного батальона ветерановъ, дравшихся въ Нидерландахъ и вышедшихъ въ составѣ 350 человѣкъ, было убито и ранено не меньше 120 человѣкъ.

Неоффиціальная война съ французами въ Америкѣ.

Въ 1748 году Европа, утомленная кровопролитіемъ, требовала отдыха, былъ заключенъ общій миръ въ Aix-la-Chapelle, въ одной изъ статей этого мира было опредѣлено, что всѣ завоеванія должны быть возвращены. Въ Азіи Франція возвратила Англіи колонію Мадрасъ, отнятую у восточно-индѣйской кампаніи. Въ Америкѣ англійскій гарнизонъ очистилъ крѣпость Луисбургъ, взятый англичанами въ 1745 году, и бѣлое французское знамя снова развѣвалось надъ этой крѣпостью. Миръ между Англіей и Франціей былъ чисто номинальнымъ. На берегахъ Огайо вскорѣ снова начались враждебныя дѣйствія; Франція давно уже отстаивала неосновательныя и призрачныя притязанія на весь континентъ сѣверной Америки къ западу отъ Аллеганскихъ горъ и старалась отвести англичанамъ только узкую полосу между этими горами и Атлантическимъ океаномъ. Провинціалы, какъ тогда называли колонистовъ, игнорировали эти претензіи Франціи и торговали и селились среди индѣйцевъ въ долинѣ Огайо. Французы, понятно, негодовали. Въ 1753 году изъ Парижа были отправлены приказанія губернатору Канады, чтобы онъ побудилъ индѣйцевъ разрушить британскія торговыя станціи, но такъ какъ обѣ націи теперь не воевали, то было приказано соблюдать строжайшій секретъ. Такъ какъ иррегулярныя войска Франціи и Англіи боролись за обладаніе важнымъ стратегическимъ пунктомъ въ верховьяхъ Огайо, то произошло неизбѣжное столкновеніе. Англійскими провинціалами командовалъ будущій президентъ Соединенныхъ Штатовъ, Вашингтонъ, бывшій въ то время новичкомъ въ военномъ дѣлѣ въ качествѣ майора виргинской милиціи. Онъ былъ разбитъ непріятелемъ, значительно превышавшимъ его по числу войска, и весь его отрядъ былъ взятъ въ плѣнъ. На короткое время французы завладѣли всей долиной Огайо отъ форта Дюкена, построеннаго ими вблизи мѣста ихъ побѣды, тамъ, гдѣ теперь большой городъ Питтсбургъ.

Въ слѣдующемъ году обѣ стороны, приготовлялись къ поддержкѣ и усиленію ихъ колоніальныхъ армій. Брэддокъ былъ отправленъ въ Виргинію съ двумя батальонами; въ Квебекъ отправили Де-Водрейля съ шестью батальонами подъ эскортомъ восемнадцати французскихъ военныхъ кораблей. Пока французскіе дипломаты обманывали С. Джемскій дворъ увѣреніями, будто экспедиція имѣетъ вполнѣ мирный характеръ, Людовилъ XV отправлялъ губернатору Канады тайныя приказанія. Онъ долженъ былъ напасть на британскую территорію, направить противъ колонистовъ индѣйцевъ; но чтобы не компрометировать правительства, онъ долженъ былъ категорически утверждать, что дѣйствуетъ такъ безъ его приказаній. Англійское правительство было безсовѣстно не меньше французовъ. Оно отправило для крейсированія въ Атлантическомъ океанѣ эскадру съ тайными приказаніями захватить или топить всякій французскій корабль, направляющійся въ сѣверную Америку. Туманы Ньюфаундлена спасли французовъ, только три корабля были взяты анлійскимъ адмираломъ Боскавеномъ, остальные ускользнули и безопасно достигли Квебека. Трудно представить себѣ, что война была объявлена формально только черезъ годъ послѣ нанесенія подобнаго оскорбленія.

Въ срединѣ восемнадцатаго вѣка столица Канады, Квебекъ, могъ быть взятъ только флотомъ и всѣ дороги къ нему были заперты французами. Къ востоку рѣка св. Лаврентія была защищена Луисбургомъ, гарнизонъ котораго построилъ форты въ Новой Шотландіи, на спорной территоріи, на которую изъявляли притязанія обѣ державы. Къ западу крѣпость Фронтенакъ (теперь Кингстоунъ) владычествовала надъ озеромъ Онтаріо и гарантировала Квебекъ отъ нападенія съ рѣки св. Лаврентія. Къ югу сотни миль непроходимаго лѣса отдѣляли французовъ отъ англійскихъ колоній; эти непроходимые лѣса прерывались цѣпью прелестныхъ озеръ и рѣкъ, соединяющихъ Гудзонъ и св. Лаврентія. Вдоль этой водной линіи были два укрѣпленные пункта: Кроунъ-Поинтъ (Crown Point) на озерѣ Георгъ и Тикондерога на озерѣ Шампленъ; близь этихъ мѣстъ погибло не мало англичанъ, не только въ войнѣ съ Франціей, но и въ послѣдующихъ несчастныхъ столкновеніяхъ съ ихъ братьями колонистами.

Пораженіе Брэддока.

Англичане составили очень широкіе планы кампаніи на 1755 годъ. Брэддокъ съ регулярными войсками и провинціальной милиціей долженъ былъ завладѣть фортомъ Дюкеномъ; генералы колонистовъ должны были въ это время завладѣть французскими фортами въ Новой Шотландіи, угрожать озеру Шамплена и занять Ніагару. Было бы слишкомъ скучно разсказывать подробно о всѣхъ этихъ операціяхъ; онѣ имѣли цѣлью только отвлеченіе вниманія врага отъ главнѣйшей операціи этой кампаніи, отъ нападенія на фортъ Дюкенъ. Послѣ разныхъ отсрочекъ, причиной которыхъ были апатія и жад-

ность нѣкоторыхъ изъ колонистовъ, Брэддоку удалось наконецъ составить транспортъ для его экспедиціи. Въ маѣ съ 2200 человѣкъ онъ двинулся въ свой несчастный походъ къ Огайо. Два полка британской пѣхоты должны были составлять ядро его отряда, контингентъ матросовъ долженъ былъ проявлять ловкость, часто недостающую солдатамъ, провинціальныя войска должны были служить своими знаніями мѣстности. Но Брэддокъ былъ осужденъ на неудачу. Франклинъ характеризуетъ его слѣдующимъ образомъ: «у него слишкомъ много самоувѣренности, онъ слишкомъ высокаго мнѣнія о храбрости регулярныхъ войскъ и слишкомъ низкаго мнѣнія и объ американцахъ и объ индѣйцахъ». Однимъ словомъ, это былъ типичный средній генералъ того времени: храбрый, какъ левъ, но абсолютно невѣжественный относительно всего, кромѣ рутины своей профессіи, сущность которой онъ былъ неспособенъ понять. Онъ оскорблялъ офицеровъ милиціи, онъ пренебрегалъ дружественными индѣйцами, онъ оттолкнулъ отъ себя кучку отчаянныхъ рубакъ, опытныхъ въ пограничныхъ стычкахъ и предлагавшихъ ему свои услуги въ качествѣ развѣдчиковъ. Походъ былъ крайне труденъ, по большей части среди почти непроходимыхъ лѣсовъ. Триста дровосѣковъ шли впередъ, прорубая дорогу въ двѣнадцать футовъ ширины и по этой дорогѣ медленно двигалась его колонна, растягиваясь иногда на цѣлыя четыре мили. Послѣ двухмѣсячнаго труднаго похода экспедиція достигла наконецъ форта Дюкена. На разстояніи нѣсколькихъ миль отъ этого мѣста Брэддокъ принялъ мѣры предосторожности, обычныя въ Европѣ для войскъ, идущихъ по лѣсамъ въ враждебной странѣ. Онъ выдвинулъ арріегардъ и авангардъ и защитилъ свою колонну фланговыми отрядами. Но онъ не хотѣлъ поставить колонистовъ, которымъ не довѣрялъ, въ авангардѣ, хотя многіе изъ нихъ были люди опытные въ войнѣ съ индѣйцами. Онъ удержалъ ихъ въ арріегардѣ, а въ авангардъ послалъ неопытныхъ рекрутъ изъ Англіи, никогда не видавшихъ краснокожихъ. Часть гарнизона форта Дюкена устроила засаду въ лѣсу, внезапно произвела нападеніе на аглійскія войска и англичане быстро начали падать. Брэддокъ разставилъ свои линіи по всѣмъ правиламъ военнаго искусства и стрѣлялъ залпами въ лѣсъ въ своихъ невидимыхъ враговъ, спрятавшихся за деревьями и съ комфортомъ перестрѣливавшихъ красномундирниковъ. Солдаты были благоразумнѣе своего генерала и сами пытались образовать разсыпной строй и стать подъ прикрытіе деревъ; но Брэддокъ ринулся къ нимъ, согналъ ихъ въ кучу, чтобы они были разстрѣляны врагами. Вашингтонъ спѣшилъ изъ арріегарда съ своей виргинской милиціей и быстро разсыпалъ ее по лѣсу, но Брэддокъ предпочиталъ лучше погибнуть, чѣмъ драться на манеръ индѣйцевъ; съ обнаженнымъ мечомъ онъ бросился на колонистовъ и сбилъ ихъ въ компактную массу, представлявшую

прекрасную цѣль для пуль французовъ. Паника, охватившая тогда войска, была неизбѣжностью. Люди толпились точно овцы, въ ужасѣ стрѣляли въ своихъ, а потомъ разбѣжались. Къ счастію, ихъ почти не преслѣдовали; индѣйцы увлеклись скальпированіемъ мертвыхъ и раненныхъ и не хотѣли преслѣдовать бѣжавшихъ, а французы не могли сдѣлать этого безъ индѣйцевъ. Наши потери въ этой «Изандгльванѣ» восемнадцатаго вѣка опредѣлялись различно; одинъ изъ достовѣрныхъ авторитетовъ опредѣляетъ ихъ въ 139 офицеровъ и 914 солдатъ убитыхъ и раненыхъ. Изъ французовъ пало только шестнадцать человѣкъ, количество индѣйцевъ, пострадавшихъ отъ выстрѣловъ англичанъ, неизвѣстно.

Часто задавали вопросъ, почему колонисты, значительно превышавшіе по численности французовъ, не закончили войны однимъ героическимъ усиліемъ. Дѣло въ томъ, что въ Канадѣ управленіе было сильно централизованнымъ, все населеніе было пріучено къ оружію, изъ Франціи она получала значительную поддержку солдатами, опытными офицерами и военными запасами. Наоборотъ, британскія колоніи представляли союзъ полуреспубликъ, гораздо болѣе заинтересованныхъ борьбой съ своими губернаторами, чѣмъ съ французами, гораздо болѣе занятыхъ торговыми спорами съ сосѣдними провинціями, чѣмъ изгнаніемъ французовъ съ континента сѣверной Америки. Генералы, посылаемые изъ Англіи, слишкомъ часто походили на графа Лоудона. Жители Новой Англіи, много страдавшіе отъ него, говорили, что онъ очень похожъ на св. Георгія на вывѣскѣ таверны: «всегда ѣдетъ, но никогда никуда не пріѣдетъ». Онъ портилъ все, за что только ни брался. Его операціи противъ Монткальма на озерѣ Шампленъ въ 1756 году и морская и сухопутная экспедиція противъ Люисбурга въ слѣдующемъ году были одинаково неудачны. Въ 1759 году его замѣнили Аберкромби, такимъ же ничтожествомъ, какъ и онъ.

Въ 1756 году между Франціей и Англіей началась формальная война. Черезъ годъ англичане потеряли Минорку; нашествіе на Англію казалось неизбѣжнымъ. Но вступленіе Питта въ министерство было началомъ энергической политики. Чтобы дать французамъ дѣло въ Европѣ, въ Бискайскій заливъ для операцій противъ Рошфора было отправлено десятитысячное войско съ шестнадцатью линейными и нѣсколькими другими кораблями. Эта экспедиція могла сдѣлать многое, но отстрочки, несогласія въ мнѣніяхъ, столкновенія между генералами, антагонизмъ между арміей и флотомъ повели къ неудачамъ. Это было повтореніемъ Картагенской экспедиціи, только безъ потери людей.

Въ теченіи лѣта 1757 года дѣла въ сѣверной Америкѣ шли несчастливо для англичанъ. Гарнизонъ форта Вильяма Генриха близъ озера Шамплена сдался Монткальму, недавно прибывшему

французскому генералу, который обязался, что при обратномъ походѣ до ближайшаго англійскаго форта англичанъ будетъ защищать противъ индѣйскихъ союзниковъ французовъ французскій отрядъ. Едва англичане покинули фортъ, какъ множество разбойниковъ бросились туда и убивали въ госпиталѣ раненныхъ на глазахъ у французскихъ врачей, не имѣвшихъ возможности прекратить эту бойню. Плѣнники находились подъ номинальнымъ покровительствомъ французской гвардіи, которая, однако, позволяла дикарямъ «грабить и оскорблять англичанъ, ревѣть точно дьяволы, хватать, въ надеждѣ на скальпированіе, длинные волосы женщинъ, которыхъ было не мало въ лагерѣ». На слѣдующій день, когда плѣнники отошли отъ форта подъ эскортомъ канадской милиціи, состоявшей почти изъ такихъ же дикарей, какъ и индѣйцы, они были окружены большой толпой индѣйцевъ, внезапно напавшихъ на отрядъ съ томагавками въ рукахъ. Дикари безпрепятственно убили и скальпировали многихъ мужчинъ, захватили нѣсколькихъ женщинъ и спѣшили обратно въ Монреаль съ двумястами несчастными плѣнниками, мужчинами и женщинами, и страшно неистовствовали надъ ними. Мужчинъ сжигали на медленномъ огнѣ, ихъ разрѣзывали на куски и варили, несчастныхъ ихъ товарищей заставляли ѣсть эту ужасную пищу, матерей заставляли ѣсть мясо ихъ дѣтей. Наконецъ, французы выкупили плѣнныхъ у своихъ союзниковъ, которыхъ они сами, повидимому, не мало боялись. Очень скоро большинство этихъ индѣйцевъ пало жертвой ихъ эксцессовъ. Когда сдался фортъ Вилльямъ Генрихъ, они разрывали могилы, скальпировали и ѣли трупы и такъ какъ въ горнизонѣ свирѣпствовала оспа, то индѣйцы дорого заплатили за свое каннибальское пиршество.

Тикондерога. Взятіе Люисбурга.

Въ 1758 году операціи англичанъ въ Америкѣ были поставлены на широкую ногу. Номинальнымъ начальникомъ войскъ, собранныхъ для нашествія въ Канаду близъ озера Шамплена, былъ Аберкромби, но настоящимъ вождемъ экспедиціи былъ начальникъ штаба, лордъ Гоу, блестящій молодой человѣкъ, любимецъ какъ регулярныхъ войскъ, такъ и провинціальной милиціи. Чтобы пріучиться къ войнѣ въ лѣсахъ, онъ участвовалъ въ набѣгахъ на французовъ лучшихъ изъ партизанскихъ вождей и благодаря пріобрѣтенному такимъ образомъ опыту могъ ввести многія реформы въ англійскихъ войскахъ. Онъ приказалъ офицерамъ и солдатамъ «оставить весь безполезный багажъ, остричь подъ гребенку волосы, носить кожанные штаны для защиты отъ колючихъ кустарниковъ, выкрасить дула ихъ ружей и нести въ ранцахъ по тридцати фунтовъ мяса, чтобы варить его самимъ, такъ что по показанію изумленныхъ французовъ они могли существовать безъ обозовъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца» [1]). Его

[1]) Montcalm and Wolfe—Паркмана.

смерть въ одной стычкѣ совершенно парализировала Аберкромби; а пока онъ волебался, Монткальмъ не медлилъ и сталъ въ укрѣпленномъ лагерѣ при Тикондерогѣ. Его ловкіе и опытные солдаты навалили бревенъ и устроили изъ толстыхъ деревьевъ крѣпкую засѣку. Такія укрѣпленія, защищаемыя рѣшительными людьми, были почти неприступными для пѣхоты. а Аберкромби все же рѣшился ринуться на нихъ. Онъ не позаботился обойти флангъ врага или угрожать его сообщеніямъ съ св. Лаврентіемъ. Онъ даже не позаботился пустить въ дѣло артиллерію, а составилъ аттакующую колонну и направилъ ее на французовъ. Битва продолжалась въ теченіи шести часовъ. Шесть разъ регулярныя войска и милиція смѣло двигались на врага, шесть разъ они наталкивались на засаду, а французскіе стрѣлки убивали ихъ изъ за своихъ укрѣпленій. Всѣ дрались прекрасно; одинъ изъ шотландскихъ полковъ потерялъ убитыми половину состава; но всѣ усилія солдатъ были напрасны. Монткальмъ побѣдилъ; съ 3600 французовъ онъ отразилъ 15000 британцевъ, изъ которыхъ было убито или ранено двѣ тысячи. Но въ другихъ мѣстахъ англичане имѣли успѣхъ. Фортъ Дюкенъ на Огайо былъ взятъ ими и названъ Питтсбургомъ въ честь великаго министра. Смѣлый набѣгъ на Фронтенакъ (Кингстонъ) уничтожилъ французскій флотъ на озерѣ Онтаріо. Люисбургъ, къ великой радости всѣхъ англичанъ, былъ снова отбитъ у французовъ. Питтъ, послѣ Рошфорской неудачи рѣшившійся назначать генераловъ по выбору, а не по старшинству, довѣрилъ руководство этой важной осадой двумъ молодымъ людямъ. Командиромъ былъ назначенъ Амгёрстъ, составившій себѣ репутацію въ Германіи, помошникомъ его былъ Вольфъ, единственный изъ офицеровъ, отличившійся въ экспедиціи противъ Рошфора; адмиралъ Боскавенъ содѣйствовалъ генераламъ. Матросы и солдаты дѣлили опасности этаго предпріятія и пожали лавры при взятіи Люисбурга и 5600 плѣнниковъ. Никогда еще въ исторіи не была столь очевидна необходимость для Англіи имѣть господство на морѣ, какъ во время этой экспедиціи. Французы для спасенія гарнизона снарядили два большихъ флота, но ни одному изъ нихъ не удалось переплыть океанъ. Тулонская эскадра была задержана въ Средиземномъ морѣ англійскимъ флотомъ, который, опираясь на Гибралтаръ, такъ и не пустилъ французовъ въ Атлантическій океанъ. Рошфорскій флотъ былъ встрѣченъ частью англійской эскадры. плававшей въ проливѣ, и прогнанъ къ скаламъ близъ того порта, изъ котораго онъ вышелъ.

Квебекъ. Паденіе Люисбурга открыло англичанамъ рѣку св. Лаврентія и на этомъ фактѣ была построена Питтомъ операція слѣдующаго года. Онъ отправилъ командующимъ войсками вмѣсто Аберкромби Амгёрста. и приказалъ ему пробиться въ Канаду по долинѣ озера Шамплэнъ-Вольфъ, какъ командиръ арміи флота, долженъ былъ завладѣть не-

приступной крѣпостью сѣвера, Квебекомъ. Уже два раза раньше этаго времени англичане пытались взять этотъ городъ. Въ 1690 году храбрецы изъ Массачузетса, завоевавшіе Новую Шотландію, направились къ Квебеку, но были отбиты. Двадцать одинъ годъ спустя экспедиція изъ нѣсколькихъ британскихъ кораблей и девяти пѣхотныхъ батальоновъ потерпѣла крушеніе у береговъ св. Лаврентія.

Вольфъ достигъ Квебека только къ концу іюля 1759 года. Даже его храбрая душа должна была трепетать, когда онъ увидалъ воочію, съ какими трудностями сопряжено исполненіе его задачи. Квебекъ, построенный на высокой известковой скалѣ, точно внутренній Гибралтаръ возвышается надъ обширнымъ воднымъ бассейномъ, образуемымъ сліяніемъ у его подножія двухъ громадныхъ рѣкъ. Съ юго-запада городъ омывается рѣкой св. Лаврентія, которая въ этомъ мѣстѣ нѣсколько болѣе мили въ ширину. Къ сѣверозападу рѣка св. Карла представляетъ большой ровъ предъ фортификаціями Квебека. Высокія скалы поднимаются надъ рѣкой и составляютъ сзади города большое плато; на разстояніи нѣсколькихъ миль это плато оберегалось сильными отрядами подъ начальствомъ Бугенвилля. Напасть на Квебекъ со стороны рѣки св. Лаврентія казалось невозможнымъ, также безнадежнымъ казалось и нападеніе со стороны рѣки св. Карла; по сѣвернымъ берегамъ этаго большого бассейна были расположены укрѣпленные лагеря Монткальма съ четырнадцатью тысячами войска; правый флангъ этой арміи опирался на рѣку св. Карла, а лѣвый на утесы Монморанси. До тѣхъ поръ, пока онъ не былъ выбитъ изъ этой позиціи, Квебекъ казался неприступнымъ, Въ теченіи нѣсколькихъ недѣль Вольфъ старался прогнать Монткальма или вынудить его къ битвѣ. Но Монткальмъ держался выжидательной тактики. Онъ зналъ, что Амгерстъ очень медленно двигается къ озеру Шамплэнъ и намѣревался удерживать Вольфа до тѣхъ поръ, пока наступленіе осеннихъ дождей заставитъ англичанъ оставить операціи до слѣдующаго года.

Въ началѣ сентября Вольфъ рѣшился на послѣднее средство, на нападеніе на Квебекъ съ запада. Ложными аттаками онъ отвлекъ вниманіе Монткальма, а въ это время войска тайкомъ шли по южному берегу рѣки къ ручью въ нѣсколькихъ миляхъ выше Квебека. Тутъ уже были приготовлены англійскіе корабли, прогнавшіе французскій флотъ. Тотчасъ же, какъ позволила погода, солдатъ посадили на суда и ночью вся флотилія при отливѣ двинулась внизъ по рѣкѣ. Наконецъ, Вольфъ остановилъ свой ботъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ его зоркіе глаза нѣсколько дней тому назадъ замѣтили тропинку, вьющуюся по утесу. Авангардъ былъ высаженъ съ судовъ, медленно поднялся на утесъ и прогналъ оберегавшій это мѣсто французскій аванпостъ. Вскорѣ прибыли и подкрѣпленія. Къ утру четыре тысячи человѣкъ переправились чрезъ рѣку, не потерпѣвъ серьезнаго урона

и захватили гору Авраама, господствующую сзади надъ Квебекомъ. Положеніе Вольфа было, однако, критическимъ. Съ невѣроятной смѣлостью онъ сталъ между двумя вражескими арміями; позади собирались разсѣянные отряды Бугенвилля, впереди находился Квебекъ съ двумя тысячами солдатъ за его укрѣпленіями, а чрезъ ворота двигалось войско Монткальма, котораго такимъ образомъ Вольфъ наконецъ принудилъ къ битвѣ. Шансы были противъ англичанъ, но битва была непродолжительной. Непрерывная стрѣльба британцевъ деморализировала непріятеля, энергія штыковыхъ аттакъ прогоняла ихъ. Въ самый моментъ побѣды Вольфъ, пораженный смертельно тремя пулями, палъ раненымъ. Когда онъ умирающимъ лежалъ на землѣ, одинъ изъ солдатъ закричалъ: «бѣгутъ, бѣгутъ». «Кто бѣжитъ? — простоналъ Вольфъ. «Враги, сэръ» — Вольфъ приподнялся, чтобы приказать отрѣзать имъ отступленіе; потомъ, повернувшись на бокъ, онъ пробормоталъ: «теперь, благодаря Богу, я могу умереть съ миромъ!»

Почти въ тоже время умеръ достойный соперникъ Вольфа, храбрый Монткальмъ, и съ нимъ умерли всѣ надежды французовъ на защиту Канады. «Никогда французская армія не терпѣла такого полнаго пораженія» — писалъ одинъ изъ французскихъ чиновниковъ. Квебекъ сдался и десять англійскихъ батальоновъ, составившихъ ядро войска, въ слѣдующемъ году завоевавшаго Канаду, составили его гарнизонъ.

При дальнѣйшемъ ходѣ войны Питтъ отправлялъ экспедиціи въ различныя части свѣта. Англичане взяли Гаванну въ Вестъ Индіи, изъ Филиппинскихъ острововъ Манилу, и Бельиль у береговъ Франціи. Но на основаніи парижскаго трактата всѣ эти пріобрѣтенія были возвращены. Семь лѣтъ спустя изъ-за Фальклендскихъ острововъ снова чуть не возгорѣлась война съ Испаніей. На значеніе этихъ острововъ въ случаѣ войны съ Испаніей было обращено вниманіе разсказомъ о путешествіи Ансона; въ 1748 году былъ составленъ планъ экспедиціи, но онъ былъ оставленъ вслѣдствіе протеста испанскаго посланника. Въ 1765 году капитанъ Байронъ отъ имени Англіи занялъ ихъ, британскія притязанія основывались на предполагаемомъ первенствѣ открытія ихъ Дэвисомъ въ 1592 и Гавкинсомъ въ 1594 году. Въ 1766 году туда отправили небольшой гарнизонъ, изгнанный испанцами въ іюнѣ 1770 года. Немедленно снарядили было эскадру для отправленія туда, но послѣ переговоровъ испанское правительство уступило и согласилось выдать гарнизонъ. Понятно, что эти столкновенія еще болѣе раздражили Испанію противъ Англіи и подготовили новую войну, вспыхнувшую девять лѣтъ спустя.

Лексингтонъ и Бункерсгилль.

Во время американской войны за независимость первая кровь была пролита въ апрѣлѣ 1775 года близъ Бостона. Таже энергія, кото-

рая въ болѣе счастливыя времена заставляла Массачузетцевъ принимать участіе въ борьбѣ метрополіи съ Франціей и Испаніей, теперь проявилась въ приготовленіяхъ къ гражданской войнѣ. Бостонцы собрали большую милицію и въ Конкордіи, деревнѣ въ двадцати миляхъ отъ Бостона, были собраны запасы, необходимые для снаряженія милиціи. Командиръ королевскихъ войскъ въ Бостонѣ Гэджъ отправилъ сильный отрядъ для уничтоженія магазиновъ. Экспедицію слѣдовало держать въ тайнѣ, но кто то изъ главной квартиры проболтался и войскамъ удалось исполнить данное имъ порученіе только послѣ стычки съ милиціей, стоявшей въ Лексингтонѣ. Уничтоживъ магазины, войска быстро двинулись назадъ; но оказалось, что вся страна уже возстала. Во всякомъ домѣ, за всякимъ деревомъ или изгородью прятались стрѣлки, убивавшіе солдатъ, когда они бѣжали черезъ этотъ огненный строй, солдаты были настолько истомлены во время отступленія, что «имъ приходилось для отдыха ложиться съ высунутыми языками, точно собаки послѣ охоты». Видъ британскихъ регулярныхъ войскъ, отступавшихъ передъ милиціей Массачузетса, настолько ободрилъ обитателей Новой Англіи, что въ непродолжительное время у Бостона собралось около двадцати тысячь человѣкъ; они ожидали только случая, чтобы напасть на королевскія войска. Такой случай скоро явился. Къ сѣверу отъ Бостона находится гора Бункерсгилль, отдѣленная отъ города рѣкой Карла. Эта гора господствуетъ надъ Бостономъ и однако Гэджъ не занялъ ее; колонисты въ полночь, послѣ смѣлаго ночного похода, захватили ее и къ утру кое-какъ укрѣпили.

Тогда только Гэджъ опомнился; около двухъ тысячь человѣкъ было переправлено черезъ рѣку и разставлены въ колонну, состоявшую изъ двухъ рядовъ. Отягощенные провіантомъ на три дня, ранцами, картечницами, аммуниціей и штыками (Стедманъ, военный историкъ этой войны, говоритъ, что весь вѣсъ доходилъ до невѣроятной цифры 125 фунтовъ), войска медленно взбирались по скользкому холму, при такомъ непрерывномъ и уничтожающемъ ружейномъ огнѣ, что солдаты два раза отступали. Но потомъ эти неудачи возбудили ихъ профессіональную гордость; они стыдились быть побитыми милиціей; съ громкими криками и опущенными штыками они бросились къ брустверамъ и прогнали колонистовъ съ горы. Огонь милиціонеровъ былъ, однако, столь убійственнымъ, что почти половина британскихъ солдатъ пала на полѣ этой пирровской побѣды.

Послѣ этой битвы Гэджъ, повидимому, совсѣмъ сошелъ съ ума. Безъ борьбы онъ позволилъ Вашингтону, получившему команду надъ всѣми войсками колонистовъ, блокировать англичанъ въ Бостонѣ и поставить баттареи, господствующія надъ городомъ. Въ мартѣ 1777 года началось бомбардированіе Бостона; тогда только Гэджъ понялъ,

что нужно или прогнать американцевъ съ ихъ позицій, или очистить городъ. Взять позицію было очень трудно, такъ какъ британскимъ войскамъ приходилось взбираться на почти перпендикулярные утесы, «на вершинѣ которыхъ американцы приготовили кожанные мѣшки, связанные вмѣстѣ и наполненные камнями, эти уничтожающіе орудія они скатывали на взбиравшихся вверхъ солдатъ, такъ что колонны могли быть цѣликомъ отброшены внизъ». Поэтому Гэджъ рѣшился отдать Бостонъ колонистамъ и, съ трудомъ посадивъ свой большой гарнизонъ на суда, благополучно прибылъ въ Галифаксъ, въ Новой Шотландіи.

Къ концу лѣта англичане возобновили военныя дѣйствія. Къ Нью-іорку была отправлена экспедиція, составленная изъ войскъ изъ Галифакса и изъ подкрѣпленій, прибывшихъ изъ Англіи. Въ числѣ этихъ подкрѣпленій было не мало гессенцевъ, жестокость которыхъ въ особенности раздражала колонистовъ. Произошло нѣсколько стычекъ; дисциплина и храбрость профессіональныхъ солдатъ выигрывали побѣды, плоды которыхъ часто были потеряны благодаря глупости ихъ начальниковъ. Въ теченіе всей войны планы англійскихъ генераловъ составлялись неумѣло, а исполнялись еще хуже. Такъ напр. Вашингтону, котораго можно бы было совершенно уничтожить при Статенъ-Исландъ, позволили послѣ побѣды надъ нимъ уйти на материкъ. Это дѣло составляетъ лучшій примѣръ непригодности англійскихъ войскъ во время американской войны. Вашингтонъ былъ запертъ въ уголку острова британскимъ войскомъ, по численности много превышавшимъ милицію, бывшую подъ его начальствомъ. Его положеніе было отчаяннымъ, провизіи почти не было, аммуниціи тоже, его солдаты пали духомъ и во всякую минуту перемѣна вѣтра могла отрѣзать ему отступленіе, поставивъ между нимъ и Ньюіоркомъ британскій флотъ. Онъ тайно собралъ флотилію изъ лодокъ и ботовъ, ночью посадилъ на нихъ свои войска—всего девять тысячъ человѣкъ; къ утру ему удалось очистить островъ и незамѣченнымъ британской арміей добраться до континента. То обстоятельство, что американскій отрядъ, прикрывавшій отступленіе, слышалъ звуки лопатъ въ англійскомъ аванпостѣ, доказываетъ, что по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ англійскихъ солдатъ исполнили свой долгъ; но за то это обстоятельство дѣлаетъ еще болѣе непонятнымъ, какимъ образомъ англійскіе пикеты не слышали шума, производимаго посадкой войскъ Вашингтона на лодки. «Ни тихій ропотъ въ лагерѣ врага, ни шумъ веселъ, ни зыбь, производимая отплывавшими лодками, не привлекли вниманія пикетовъ и только въ четыре часа, когда американцы уже отплывали, сдѣлали тревогу. Но даже и тогда, по разсказу Банкрофта, прошло нѣсколько часовъ до тѣхъ поръ, пока англійскіе офицеры нашли нужнымъ отправить въ опустѣвшій американскій лагерь патруль, чтобы провѣрить это поразительное извѣстіе. Но

вообще-то компанія была благопріятна для англичанъ. Къ зимѣ они заняли Ньюіоркъ; Вашингтонъ былъ прогнанъ въ Пенсильванію; приготовились къ серьезному нападенію на Новую Англію, этотъ очагъ возстанія. Генералъ Бургоинь долженъ былъ двинуться изъ Канады къ Гудзону мимо озера Шамплень, генералъ Клинтонъ долженъ былъ двинуться туда же изъ Ньюіорка; войска должны были соединиться въ Альбани и такимъ образомъ отрѣзать Новую Англію отъ остальныхъ возставшихъ провинцій. Гове для того, чтобы отвлечь вниманіе Вашингтона отъ сѣвера, долженъ былъ напасть на него въ Пенсильваніи. Лѣтомъ 1777 года этотъ планъ былъ отчасти исполненъ. Гове отплылъ къ Чезапику, высадился въ Пенсильваніи, разбилъ Вашингтона при ручьѣ Брандуайнъ и взялъ Филадельфію. Такимъ образомъ менѣе важная часть плана удалась; но дѣйствительная цѣль компаніи, нападеніе на Новую Англію, повела къ одному изъ самыхъ ужасныхъ пораженій, когда либо нанесенныхъ британской арміи; единственнымъ извиненіемъ для этого пораженія было развѣ то, что нанесено оно было не иностранцами, а людьми одного языка и расы съ англичанами.

Капитуляція при Сараготѣ.

Отрядъ Бургоиня состоялъ изъ семи тысячь пѣхоты, половину которой составляли нѣмцы, изъ отряда артиллеріи и корпуса канадцевъ, вооруженныхъ топорами. Кромѣ бѣлыхъ въ отрядѣ были и индѣйскіе воины, до союза съ которыми унизилась Британія. Уже двадцать лѣтъ тому назадъ Англія узнала изъ горькаго опыта на канадскихъ и виргинскихъ границахъ, что «краснокожіе, говоря словами Чатама, дикари и людоѣды, мучившіе, убивавшіе, жарившіе и съѣдавшіе жертвъ ихъ варварскихъ битвъ». Тѣмъ не менѣе она не колебалась употреблять этихъ носителей томогавковъ и скальпелей для того, чтобы поработить Новую Англію.

Послѣ первыхъ успѣховъ въ іюлѣ у озера Шамплена ничего не удавалось Бургоиню. Въ октябрѣ онъ стоялъ въ укрѣпленномъ лагерѣ въ лѣсу близь Сараготы, къ западу отъ рѣки Гудзона. Провіантъ у него истощился, сообщенія его были прерваны; онъ былъ окруженъ большимъ войскомъ американцевъ, страшно раздраженныхъ ужасами, совершенными его индѣйцами. Отступленіе было невозможнымъ; единственной его надеждой было энергическое нападеніе на непріятеля. Съ 1.500 солдатъ онъ самъ бросился на лѣвый флангъ американскихъ войскъ. Солдаты дрались храбро, но непріятель былъ много сильнѣе ихъ. Гэтсъ, американскій генералъ, не только отбросилъ Бургоиня, но преслѣдовалъ его до самаго лагеря, ворвался въ ту его часть, гдѣ были нѣмцы и удерживалъ свою позицію до самаго вечера. Ночью Бургоинь отступилъ, но далеко уйти было невозможно. Окруженный со всѣхъ сторонъ врагомъ, слишкомъ благоразумнымъ, чтобы принять битву, которую онъ предлагалъ ему, съ солдатами, умирающими отъ голода и болѣзней, не имѣя никакихъ достовѣр-

ныхъ свѣдѣній о положеніи арміи Клинтона, Бургоинь не имѣлъ другого выхода, кромѣ капитуляціи. По странной ироніи судьбы въ ту самую ночь, когда была подписана капитуляція, было получено посланіе отъ Клинтона, извѣщавшее, что его авангардъ находится только въ пятидесяти миляхъ отъ Сараготы. Это извѣстіе пришло слишкомъ поздно Капитуляція совершилась и войско Георга III въ 5.700 человѣкъ, изъ которыхъ около трехъ тысячъ были англичане, положило свое оружіе къ ногамъ побѣдителей, колонистовъ Новой Англіи.

Капитуляція при Іорктоунѣ.

Вслѣдствіе капитуляціи при Сараготѣ Англія потеряла свои сѣверо-американскія колоніи. Франція, всегда готовая свести съ Англіей свои старые счеты, увидала въ пораженіи англичанъ удобный случай; она признала независимость Соединенныхъ Штатовъ и объявила Англіи войну. Испанія, желавшая вернуть себѣ Гибралтаръ, послѣдовала примѣру Франціи. Если Англія оказалась неспособной побѣдить своихъ мятежныхъ колонистовъ, когда ея господство на морѣ было безспорнымъ, то какимъ образомъ она могла побѣдить ихъ, когда теперь ей приходилось вести борьбу съ своими двумя наслѣдственными врагами въ Европѣ? Министерство терпѣло пораженія въ Америкѣ, случайно выигрывая мелкія ставки, но всегда проигрывая крупныя.

Планъ министерства, если только это можно назвать планомъ, повидимому состоялъ въ томъ, чтобы держать армію въ Нью-Іоркѣ и оттуда отправлять сильные отряды въ Каролины и Виргинію. Въ 1781 году жестокости англичанъ въ сѣверной Каролинѣ до того раздражили колонистовъ, что даже лоялисты радовались, когда Корнвалисъ ушелъ къ сѣверу, къ Виргиніи. Тамъ англійскія войска, руководясь вредной системой топить возстаніе въ крови, произвели страшныя опустошенія, оцѣниваемыя въ два милліона фунтовъ стерлинговъ. Сначала Корнвалисъ дѣйствовалъ безпрепятственно; но когда на подкрѣпленіе регулярныхъ войскъ Соединенныхъ Штатовъ пришла милиція, онъ удалился къ берегу; въ октябрѣ его загнали на полуостровъ Іорктоунъ, при устьѣ рѣки Іоркъ, на виргинскомъ берегу. Тамъ онъ въ торопяхъ укрѣпилъ свой лагерь, надѣясь, что его спасетъ флотъ изъ Нью-Іорка. Но Англія уже не господствовала на морѣ. Сильный французскій флотъ изъ Вестъ-Индіи не только привезъ франко-американской арміи подкрѣпленіе въ три тысячи человѣкъ, но и удерживалъ шедшія на спасеніе арміи англійскія эскадры; когда наконецъ флотъ Британіи прибылъ, было уже слишкомъ поздно. Для защиты своихъ незакопченныхъ укрѣпленій въ Іорктоунѣ у Корнвалиса было только семь тысячъ человѣкъ, а у Вашингтона шестнадцать тысячъ, изъ которыхъ семь тысячъ были французскіе ветераны. Англійскій генералъ дрался до тѣхъ поръ, пока его пушки не были сбиты, пока не были разстрѣляны всѣ ядра и тогда только онъ сдался. Однимъ изъ условій капитуляціи было то, что англій-

скія войска выдутъ изъ Іорктоуна съ музыкой и капельмейстеръ оркестра выбралъ пѣсню, названіе которой замѣчательно вѣрно выражало настроеніе арміи Корнвалиса: «Свѣтъ пошелъ верхъ дномъ» (World's turned upside down).

Великая осада Гибралтара.

Съ капитуляціей при Іорктоунѣ борьба въ Америкѣ была собственно закончена; интересъ войны переносится съ береговъ сѣверной Америки въ Гибралтарскій проливъ. Тутъ Элліотъ геройски удерживалъ свое положеніе въ тяжелые годы великой осады. Съ іюля 1779 года, когда раздался первый пушечный выстрѣлъ, до пріостановки военныхъ дѣйствій въ январѣ 1783 года гарнизонъ страдалъ сильно. Провіанта постоянно недоставало, доставляемый флотомъ состоялъ изъ солонины, такъ что вслѣдствіе недостатка свѣжаго мяса солдаты страдали отъ скорбута. Бомбардировка не прекращалась; одинъ разъ она продолжалась безъ перерыва въ теченіи шести недѣль. Весной 1781 года франко-испанская армія выпустила въ городъ 56.000 ядеръ и 20,000 бомбъ; но это не сломило храбрости гарнизона. Въ концѣ этого года Элліотъ сдѣлалъ блестящую вылазку. Ночью онъ напалъ на линіи врага, забилъ много пушекъ и уничтожилъ нѣсколько баттарей. Нападеніе его было столь неожиданнымъ, что въ одномъ изъ казематовъ онъ нашелъ рапортъ испанскаго офицера, написанный заранѣе для другого дня. Въ рапортѣ было сказано, что въ теченіи ночи не произошло ничего замѣчательнаго. Упорство защиты возбудило удивленіе всей Европы, оно привело союзныхъ государей въ такое отчаяніе, что они предложили публичное состязаніе на призъ за лучшій планъ завоеванія Гибралтара. Былъ принятъ планъ соединеннаго нападенія съ моря и суши. Въ сентябрѣ 1782 года было сдѣлано послѣднее усиліе. Послѣ нѣсколькихъ дней предварительнаго бомбардированія союзный флотъ изъ сорока семи линейныхъ кораблей, множества фрегатовъ и десяти пловучихъ баттарей сталъ на якорь въ 1200 ярдахъ отъ Гибралтара. Огонь былъ ужасный, съ нимъ соединялся и огонь баттарей на испанской территоріи. Въ отвѣтъ на 500 орудій, обстрѣливавшихъ Гибралтаръ, гарнизонъ располагалъ только 97 пушками; но непрерывный огонь англійскихъ пушекъ совершенно деморализировалъ непріятеля. Послѣ восьми часовъ бомбардированія огонь началъ слабѣть; пловучія баттареи были сожжены или затоплены; большая аттака неудалась и на скалѣ продолжало развѣваться британское знамя. Черезъ нѣсколько дней прибыли подкрѣпленія и въ теченіе остального времени не произошло никакихъ значительныхъ военныхъ дѣйствій.

По мирному договору 1783 года Англія признала независимость Соединенныхъ Штатовъ; она уступила Франціи С. Лючію и Тобаго, нѣкоторыя мѣста въ Индіи и на западномъ берегу Африки; но за то она получила нѣсколько острововъ въ Вестъ Индіи. Испаніи

Англія вернула Флориду и Минорку. Этотъ миръ не былъ почетнымъ ни для кого, кромѣ англійскаго флота и гарнизона Гибралтара.

Флотъ.

Лэйрда Клоуэса.

Военные суды.

Мы не имѣемъ возможности даже перечислить всѣ событія изъ исторіи флота въ періодъ, когда въ немъ служили такіе замѣчательны моряки, какъ Гаукъ, Ансонъ, Боскавенъ, Гугсъ и Родней и такіе заслуженные люди, какъ Байронъ, Пококъ, Ватсонъ, Бингъ, Ноулесъ, Бальхенъ, Норрисъ и Варренъ. То былъ вѣкъ блестящихъ подвиговъ, но также, какъ и вѣкъ Анны, то былъ вѣкъ печальныхъ неудачъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ обусловливающихся неспособностью, но въ большинствѣ случаевъ объяснимыхъ или личнымъ соперничествомъ или казенной рутиной. Изъ многихъ случаевъ осужденій военными судами наиболѣе знаменитыми были дѣла о дѣйствіяхъ вице-адмирала Томаса Матьюса у Тулона въ 1744 году и вице-адмирала Джона Бинга у Минорки въ 1756 году. Матьюсъ былъ осужденъ за то, что черезъ чуръ свободно толковалъ правила, опредѣлявшія вопросъ о веденіи морскихъ битвъ. Бингъ былъ осужденъ и разстрѣлянъ за то, что черезъ чуръ буквально исполнялъ эти правила; ни одинъ изъ нашихъ современниковъ, безпристрастно изучившій эти процессы, не признаетъ, чтобы Матьюсъ и Бингъ заслуживали такого суроваго наказанія. Слѣдуетъ упомянуть о любопытномъ эпизодѣ во время суда надъ оправданнымъ вице-адмираломъ Ричардомъ Лестокомъ, неуживчивымъ помощникомъ Матьюса, такъ какъ этотъ эпизодъ часто цитируютъ, какъ доказательство правъ гражданской власти даже въ вопросахъ, относящихся до военной службы. Во время засѣданій военнаго суда его предсѣдатель, контръ-адмиралъ Перри Майнъ, былъ арестованъ по приказу (writ of *capias*) суда общихъ исковъ. Члены суда пришли въ негодованіе и приняли строгія и непочтительныя резолюціи, направленныя противъ лорда главнаго судьи Уилльса и передали ихъ съ своимъ протестомъ въ адмиралтейство. Король былъ плохо освѣдомленъ и приказалъ герцогу Ньюкэстлю написать лордамъ адмиралтейства, что «его величество выразилъ большое неудовольствіе по поводу оскорбленія, нанесеннаго военному суду» и т. д.; тогда лордъ главный судья, очень образованный юристъ и рѣшительный человѣкъ, немедленно приказалъ арестовать всѣхъ членовъ военнаго суда и хотѣлъ начать процессъ для поддержанія достоинства и авторитета

гражданскаго суда, но офицеры смирились и передали ему письменное извиненіе, очень униженное, но вмѣстѣ съ тѣмъ почетное для нихъ и мужественное.

Персоналъ флота.

Сообщая о персоналѣ флота, можетъ быть будетъ небезъинтересно для читателя получить нѣкоторое представленіе о колебаніяхъ въ численности людей, ежегодно опредѣляемыхъ парламентомъ для службы въ королевскомъ флотѣ отъ года революціи до воцаренія Георга III. Въ 1689 году матросовъ было только семь тысячъ. Потомъ число ихъ постоянно увеличивалось до сорока тысячъ, такой составъ держался съ 1694 до 1697 года; въ 1698 году онъ уменьшился до десяти тысячъ, въ слѣдующемъ году увеличился до пятнадцати, а въ 1700 году снова уменьшился до семи. Въ 1701 году составъ увеличился до тридцати тысячъ и въ 1702 году до сорока тысячъ и такимъ оставался до 1712 года. Потомъ постепенно уменьшался до десяти тысячъ и послѣ многихъ колебаній въ 1722 году снова палъ до семи тысячъ. Потомъ въ 1727 году увеличился до двадцати тысячъ, въ 1732 уменьшился до восьми, въ 1734-мъ доходилъ до двадцати, а въ слѣдующемъ до тридцати. Потомъ въ мирное время снова уменьшился, въ 1740-мъ возросъ до тридцати пяти, а въ 1741—48 годы до сорока. Съ наступленіемъ мирнаго времени по обыкновенію опять уменьшился; минимума въ восемь тысячъ составъ персонала флота достигалъ въ 1751 году, но въ 1756 году было вотировано пятьдесятъ тысячъ, а въ 1760 году этотъ составъ былъ увеличенъ даже до семидесяти тысячъ. Такія колебанія съ одной стороны, понятно, ставили адмиралтейство въ большія затрудненія при вербовкѣ людей, а съ другой были тяжелы и для самихъ матросовъ; потому въ 1739, и потомъ въ 1749 годахъ, были сдѣланы попытки, къ несчастію неудачныя, возстановить Register Act. Но положеніе какъ матросовъ, такъ и офицеровъ въ это время значительно улучшилось. Напримѣръ, въ 1729 году было введено половинное жалованье для запасныхъ старшихъ хирурговъ; въ 1732 году было учреждено общество для помощи бѣднымъ вдовамъ морскихъ офицеровъ, самъ король внесъ въ это общество десять тысячъ фунтовъ; въ 1740 году былъ реформированъ комитетъ о больныхъ и раненыхъ, въ томъ же году былъ воспрещенъ насильственный наборъ всѣхъ лицъ выше пятидесяти и ниже шестнадцати лѣтняго возраста и всѣхъ лицъ, служащихъ во флотѣ первый годъ; въ 1747 году были опредѣлены ранги и мундиры офицеровъ; въ 1749 году была сдѣлана неудачная попытка подчинить офицеровъ, находящихся на половинномъ жалованьи, морскому законодательству; въ 1756 году было учреждено морское общество для воспитанія для флота сиротъ и оставленныхъ дѣтей.

Научныя экспедиціи.

Мы уже говорили выше о дѣятельности Бюро долготъ и о изобрѣтеніи хронометровъ Гаррисономъ. Послѣ воцаренія Георга III были

Морской альманахъ.

сдѣланы новые успѣхи въ дѣлѣ открытія способовъ опредѣленія долготъ. Въ 1761 году лорды адмиралтейства приказали капитану Дудлею Диггесу, съ корабля «Дептфордъ», взять на корабль Гарриссона съ его инструментами и идти крейсировать. Корабль сначала достигъ Мадеры, а потомъ Ямайки какъ разъ во время, указанное хронометромъ. Гаррисонъ возвратился на кораблѣ «Мерлинъ» и прибылъ домой послѣ четырехмѣсячнаго отсутствія, причемъ оказалось, что его хронометръ несмотря на дурную погоду во время плаванія ошибается только на 1 минуту 54 секунды—точность раньше недостижимая. Другой опытъ былъ сдѣланъ въ 1764 году на кораблѣ Tartar, капитанъ Джонъ Линдсэй. Отъ 28 марта, когда корабль вышелъ изъ Спитгида, до 19 апрѣля, когда онъ прибылъ въ Мадеру, инструментъ показывалъ совершенно вѣрно и послѣ дальнѣйшаго плаванія къ Барбадосу и возвращенія на купеческомъ кораблѣ, причемъ 18 іюля Гаррисонъ прибылъ въ Лондонъ, ошибка хронометра была только въ 54 секунды. Въ 1765 году Бюро долготъ разсмотрѣло и одобрило морскую таблицу, составленную Витчелемъ, для опредѣленія долготы по лунному методу. Была ассигнована сумма въ тысячу фунтовъ, чтобы дать возможность изобрѣтателю осуществить его планы и при помощи Исаака Лайонса младшаго, Уэльса и Мапсона Витчель изложилъ основаніе плана, который принесъ плоды въ 1767 году, когда благодаря главнымъ образомъ Невилю Маскелину, бывшему въ то время королевскимъ астрономомъ, былъ изданъ первый номеръ «Морского альманаха». Можно указать, какъ на доказательство того, сколько труда было затрачено на эту сложную и важную работу, на то обстоятельство, что въ ежегодныхъ выпускахъ «Морского альманаха» въ теченіе слѣдующихъ пятидесяти лѣтъ встрѣчается только одна ошибка, да и то очень неважная, и что великій астрономъ Лаландъ писалъ: «работаютъ въ Болоньи, въ Вѣнѣ, въ Берлинѣ и въ Миланѣ; но лондонскій «Морской альманахъ» самое совершенное изъ когда либо выходившихъ изданій». Маскелинъ сдѣлалъ много въ теченіе своей долгой жизни, но созданіе «Морского альманаха» составляетъ величайшую его заслугу. Онъ самъ работалъ надъ нимъ въ теченіи сорока лѣтъ.

Улучшенія во флотѣ.

Начало царствованія Георга III представляетъ особенно важный и интересный періодъ въ исторіи британскаго флота, хотя бы потому только, что это было время профессіональнаго обученія офицеровъ, которымъ было суждено прославить британскій флотъ. Миръ 1763 года—это было только за семь лѣтъ до того времени, когда на службу поступилъ Нельсонъ—былъ дѣйствительно линіей раздѣленія между старой эпохой грубой, неразработанной и условной тактики и новой эпохой, когда геніальности и иниціативѣ личности была предоставлена болѣе полная свобода и когда поэтому они начали играть главную роль въ дѣлѣ. Лордъ Гаукъ, котораго

во многихъ отношеніяхъ можно считать лучшимъ изъ командировъ англійскаго флота, проложилъ путь реформамъ въ этомъ отношеніи. Его карьера обнимаетъ съ одной стороны несчастные дни Бинга и Матьюса, а съ другой славную эпоху Нельсона, Коллингвуда и Сомареца. Такъ какъ онъ былъ первымъ лордомъ адмиралтейства съ 1766 по 1771 годъ и въ теченіе многихъ лѣтъ раньше и позже былъ очень вліятельнымъ человѣкомъ въ дѣлѣ управленія флотомъ, то его вліяніе замѣтно во многихъ изъ реформъ, произведенныхъ въ переходный періодъ. Помимо чисто административныхъ реформъ были и реформы существенныя; нѣкоторыя изъ нихъ заслуживаютъ вниманія, какъ имѣющія отношеніе къ благосостоянію всего флота.

Въ 1761 году въ военномъ флотѣ Англіи сдѣланъ былъ первый опытъ обшивки дна кораблей мѣдью. Опытъ былъ произведенъ надъ тридцатидвухъ пушечнымъ фрегатомъ «Alarm», построеннымъ въ Гарвичѣ въ 1658 году. Въ теченіе двадцати лѣтъ корабли всѣхъ ранговъ были обшиты мѣдью, потому что замѣтили, что это не только предохраняетъ дерево, но и улучшаетъ способность корабля къ плаванію. Листы мѣди прибивались винтами къ листамъ особеннаго толстаго картона. Опытъ съ кораблемъ «Alarm» оказался столь удачнымъ, что когда этотъ фрегатъ въ 1812 году потерпѣлъ крушеніе, то дерево на днѣ оказалось замѣчательно прочнымъ, тогда какъ необшитые корабли, построенные одновременно, въ теченіе десяти или пятнадцати лѣтъ, а въ жаркомъ климатѣ даже и раньше, сгнивали окончательно. Раньше для обшивки пробовали свинцовые листы, но опыты были не очень удачны. Другимъ нововведеніемъ въ это время было употребленіе въ военномъ флотѣ цѣпной помпы, усовершенствованной и преспособленной для флота Вильямомъ Коль. Она была принята и капитаномъ Джономъ Альбертомъ Бентинкомъ и въ 1764 году испробована на шестидесятипушечномъ кораблѣ. Опыты съ промежутками продолжались до 1768 года на фрегатѣ «Seaford», стоявшемъ въ Портсмутской гавани; оказалось, что при работѣ на этой помпѣ четырехъ человѣкъ она выкачиваетъ въ 43 секунды тонну воды, тогда какъ для раньше употреблявшейся помпы было необходимо для выкачиванія тонны въ 76 секундъ семь человѣкъ, а при работѣ четырехъ человѣкъ на эту работу нужно было 81 секунда. Кромѣ того при засореніи новая помпа очищалась въ четыре минуты, тогда какъ старую помпу нельзя было совсѣмъ очистить, если не вылить изъ нея всей воды. Поэтому помпа Коля и была принята во флотѣ и во многихъ случаяхъ оказала неоцѣненныя услуги.

Въ это же время было сдѣлано еще болѣе важное нововведеніе, хотя оно вошло въ общее употребленіе гораздо позднѣе. Это установка на нѣкоторыхъ изъ кораблей аппарата для дистиллированія

прѣсной воды изъ соленой. Въ 1761 году Линдъ нашелъ, что морская вода, дистилированная безъ прибавленія чего либо, даетъ совершенно чистую прѣсную воду. Отчетъ объ этомъ открытіи былъ прочитанъ въ Королевскомъ обществѣ въ 1762 году и вскорѣ послѣ этого изданъ насчетъ адмиралтейства. Въ 1763 году одинъ французъ, Пуассонньеръ, изобрѣлъ для это цѣли аппаратъ и этотъ аппаратъ употреблялся въ 1773 году капитаномъ корабля «Racehorse», Константиномъ Джономъ Фиппсомъ, при знаменитомъ полярномъ путешествіи, въ которомъ принималъ участіе Горацio Нельсонъ. Но уже въ 1770 году во флотѣ былъ введенъ другой аппаратъ для дистилированія воды, изобрѣтенія Ирвинга. Въ то время, однако, не полагали, что корабли могутъ обезпечить себѣ прѣсную воду подобными изобрѣтеніями; въ восемнадцатомъ вѣкѣ дистиляторы не были еще обыкновенными принадлежностями кораблей; но уже въ 1771 году комитетъ офицеровъ флота докладывалъ, что для обыкновенныхъ цѣлей всякій корабль можетъ получить посредствомъ дистилляторовъ достаточное количество воды, не употребляя топлива больше, чѣмъ для обычныхъ нуждъ корабля.

Экипажъ флота.

Популярность службы во влотѣ увеличилась въ это время вслѣдствіе дарованія многихъ привиллегій офицерамъ, матросамъ и рабочимъ въ докахъ. Во время спора изъ за Фальклендскихъ острововъ въ 1770 году, напр., правительство предложило премію въ 30 ш. за каждаго способнаго къ службѣ матроса; многіе города предложили добавочныя преміи, какъ то Лондонъ по 40 ш., Бристоль 20 ш., Монтрозъ 42, Эдинбургъ тоже, Абердинъ и Линнъ по 21 ш. каждый. Въ 1773 году правительственная премія за каждаго искуснаго матроса была по 3 фунта, за обыкновеннаго матроса по 2 ф., за рекрута еще не служившаго во флотѣ по 1 ш. Въ 1779 году общественный энтузіазмъ уже не довольствовался одними преміями. Прекрасные семидесятичетырехъ-пушечные корабли: «Гангъ», «Карнатика» и «Бомбей» были начаты въ это время и спущены нѣсколько лѣтъ позже насчетъ Восточно-Индѣйской кампаніи; дѣло не обходилось и безъ другихъ поощреній. Въ 1763 году послѣ заключенія мира морское общество начало отдавать въ торговый флотъ и вообще устраивать всячески множество мальчиковъ ниже шестнадцатилѣтняго возраста, отпущенныхъ съ хорошими аттестатами изъ королевскаго флота. Въ этомъ же году въ отвѣтъ на петицію было приказано, чтобы у матросовъ, дезертировавшихъ, но потомъ вернувшихся на службу и служившихъ добросовѣстно, вычеркнули отмѣтку Б., т. е. бѣжавшій, въ денежныхъ и кассовыхъ книгахъ флота. Въ слѣдующемъ году для поощренія ремесленникамъ, служившимъ въ королевскихъ докахъ, двумъ изъ ста, прослужившимъ добросовѣстно въ теченіе тридцати лѣтъ, были назначены пенсіи по 20 фунтовъ въ годъ; въ 1771 году процентъ увеличили до двухъ

съ половиной; были опредѣлены и разряды для пенсій. Въ 1773 году при осмотрѣ флота въ Спитгидѣ королемъ, его величество пожаловалъ 1500 фунтовъ мастеровымъ и рабочимъ доковъ, провіантскаго отдѣленія и пушечной верфи. Въ томъ же году половинное жалованье капитанамъ было увеличено на 2 ш. въ день, такъ что половинное жалованье тридцати старшихъ капитановъ теперь равнялось 10 ш. и слѣдующихъ пятидесяти 8 ш., а остальныхъ 6 ш. Около того же времени число хирурговъ, имѣвшихъ право на половинное жалованье, было увеличено съ пятидесяти до ста, причемъ одна половина ихъ получала по 2 ш. 6 д. въ день, а другая по 2 ш.; точно также увеличено было и число штурмановъ, имѣвшихъ право на половинное жалованье, до ста, причемъ былъ установленъ такой же размѣръ жалованья; какъ и для хирурговъ. Въ 1779 году положеніе штурмановъ было еще улучшено; двадцать пять старшихъ изъ нихъ имѣли право на полученіе 3 ш. 6 д. половиннаго жалованья, а остальные семьдесятъ пять по 3 ш. въ день. Въ 1781 году улучшилось и положеніе хирурговъ. Въ 1775 году было основано Морское общество въ Дублинѣ (Hibernian Marine Society). Цѣлью его было содержаніе, обученіе ремесламъ и образованіе сиротъ и дѣтей старыхъ и неимущихъ матросовъ королевскаго и торговаго флотовъ.

Призовыя деньги.

Но главнымъ поощреніемъ для военнаго флота были призовыя деньги во время войны для хорошихъ офицеровъ и матросовъ, умѣвшихъ брать призы. Многія состоянія въ Англіи имѣли свое основаніе въ этихъ призовыхъ деньгахъ; небезъинтересно сообщить здѣсь о распредѣленіи добычи, полученной при захватѣ только одного изъ испанскихъ кораблей, «Герміоны», въ 1762 году. Правда, такихъ богатыхъ призовъ было немного; но не рѣдко все таки сумма призовыхъ денегъ, подлежащихъ распредѣленію, доходила до ста тысячъ фунтовъ и выше. «Герміона» была взята у Кадикса кораблемъ «Active»—капитанъ Гербертъ Савьеръ, и «Фавориткой», командиръ Филемонъ Поунэлль, причемъ она не сопротивлялась. Англійскіе корабли принадлежали къ эскадрѣ вицеадмирала Карла Саундерса и коммодора Пирси Бретта и потому эти офицеры, хотя и не участвовали въ взятіи приза, имѣли право на полученіе значительной части денегъ; но даже и послѣ вычета ихъ части, равнявшейся 64,963 ф. 3 ш. и 9 д., оставалось:

Капитану корабля «Active», Савьеру—65,053 ф. 13 ш. 9 д.

Каждому изъ трехъ штатныхъ (commissioned) офицеровъ этого корабля по 13,004 ф. 14 ш. 1 д.

Каждому изъ восьми сверхштатныхъ (warrant) офицеровъ того же корабля по 4,336 ф. 3 ш. 2 д.

Каждому изъ двадцати мелкихъ офицеровъ по 1,806 ф. 10 ш. 10 д.

Каждому изъ 150 матросовъ по 485 ф. 5 ш. 4 д.

Вся доля корабля «Active» равнялась 251,021 ф. 12 ш. Доля «Фаворитки» была меньше, она равнялась 203,181 ф. 4 ш. 3 д. Доля адмирала въ Гаванскихъ призовыхъ деньгахъ, полученныхъ также въ 1762 году, была не меньше 122,697 ф. 10 ш. 6 д.; но эти деньги были получены не вслѣдствіе захвата одного корабля, а цѣлаго морского учрежденія и всего, что тамъ было. Призъ, взятый на «Герміонѣ» былъ перевезенъ изъ Портсмута въ Лондонъ на двадцати вагонахъ, украшенныхъ британскими флагами, развѣвавшихся надъ спущенными испанскими и подъ эскортомъ отряда матросовъ. У Гайдъ-парка его принялъ отрядъ легкой кавалеріи и сопровождалъ его оттуда до Тоуэра. Зрѣлище было такого рода, что цѣлыя сотни ищущихъ приключеній юношей рѣшились сдѣлаться моряками. Но въ карьерѣ моряка кромѣ этой показной ея стороны была и другая. Война, закончившаяся въ 1763 году миромъ въ Фонтенебло, стоила страшно дорого въ смыслѣ потери жизни; такъ дорого, что цифры потерь, если бы онѣ не были оффиціальными, представлялись бы намъ совершенно невѣроятными. Число матросовъ и солдатъ флота, занятыхъ во время кампаніи, равнялось 184,893. Изъ нихъ въ дѣлѣ или случайно убито было только 1511 человѣкъ, но въ теченіе семи лѣтъ отъ болѣзней погибло и отмѣчено отсутствующими не менѣе 133,708 человѣкъ. Несомнѣнно, что въ числѣ ихъ было не мало дезертировъ; но слишкомъ очевидно, что смертность была поражающей, въ особенности въ нѣкоторыхъ изъ гаваней. Капитаны въ то время еще слишкомъ мало интересовались санитарнымъ состояніемъ экипажей.

Жизнь на кораблѣ.

Намъ извѣстно достаточно объ общественной жизни въ королевскомъ флотѣ въ первыя три четверти восемнадцатаго вѣка. Нѣкоторые изъ современныхъ писателей о флотѣ, кажется, склонны сомнѣваться въ правдивости картинъ, нарисованныхъ Смолетомъ, на томъ, молъ, основаніи, что корабельный хирургъ въ то время былъ сверхштатнымъ офицеромъ (warrant-officer), а такъ какъ Смолетъ во флотѣ былъ только хирургомъ, то онъ и не могъ хорошо знать жизни въ «большой каютѣ» и видѣлъ личностей и сцены съ такого далекаго разстоянія, что не могъ сохранить настоящую перспективу и опредѣлить относительное значеніе личностей и положеній. Но такіе господа забываютъ, что Смолетъ, хотя онъ и былъ только хирургомъ, былъ также однимъ изъ проницательнѣйшихъ наблюдателей и талантливѣйшихъ изслѣдователей человѣческой природы и человѣческихъ страстей, и что въ восемнадцатомъ вѣкѣ положеніе этихъ сверхштатныхъ офицеровъ было не такимъ, какъ въ настоящее время. Приговоръ Теккерея въ этомъ отношеніи, вѣроятно, гораздо болѣе справедливъ, а Теккерей пишетъ: «Онъ, я полагаю, не особенно много выдумывалъ; но онъ обладалъ живой воспріимчивостью и то, что онъ видѣлъ, онъ описывалъ съ удивительной

вѣрностью и съ широкимъ юморомъ». Всякій, кто потрудился сравнить описанія жизни на кораблѣ Смолета съ описаніями офицеровъ флота, штатныхъ и занимавшихъ во флотѣ почетное положеніе, не можетъ не придти къ другому заключенію, кромѣ того, что Смолетъ говоритъ правду, очень мало преувеличивалъ и изображалъ жизнь совсѣмъ не въ карикатурномъ видѣ. Тѣ, господа, которые не вѣрятъ Смолету, не могутъ не повѣрить капитану Эдуарду Томпсону, а онъ въ сущности, разсказываетъ совершенно тоже, что и первый. Вотъ что писалъ Томпсонъ въ 1735 году своему молодому родственнику, желавшему поступить во флотъ и что онъ публиковалъ въ послѣдствіи, когда самъ достигъ зрѣлаго возраста:

«Теперь вы живете подъ защитой и окруженный заботами снисходительныхъ родителей, пользуетесь всѣми наслажденіями, какія можетъ дать міръ и родительская нѣжность. Когда вы поступите на службу во флотъ, вы все это утратите и несмотря на свою молодость, вы должны сдѣлаться сами своимъ собственнымъ опекуномъ. Тамъ вы не найдете для себя никакихъ выходовъ, не пайдете человѣка, на груди котораго могли бы вылить свои чувства. Вы должны отказаться отъ хорошаго стола и не имѣть никакого; должны отказаться отъ хорошей постели и лежать какъ попало. Мало того, разрѣшить вамъ спать тамъ, гдѣ нѣтъ и свѣжаго воздуха, будетъ считаться нѣкоторымъ снисхожденіемъ. Вы должны будете вставать черезъ каждые четыре часа—васъ не забудутъ крикнуть, если вы сами позабудете встать; когда вы встанете, нужно, чтобы вы были бдительны и дѣятельны. И день и ночь вамъ будетъ свѣтить только маленькій огарокъ, часто втыкаемый во что нибудь рядомъ съ вашей тарелкой, за отсутствіемъ болѣе удобныхъ приспособленій. Припасы у васъ будутъ соленые и часто дурные, и если вы хотите пищи поразнообразнѣе, вы должны будете сами готовить ее. Я рекомендую вамъ всегда имѣть свой чай и сахаръ; безъ остального вы должны будете обходиться, такъ какъ у васъ мѣста будетъ только для сундучка и гамака, а гамакъ вы не рѣдко должны будете вытаскивать на палубу для защиты отъ пуль; не мѣшаетъ держать на жалованьи матроса и имѣть водку, которая необходима на морѣ; но пить ее всегда надо смѣшанной съ водой... Плохое общество есть проклятіе для всѣхъ молодыхъ людей, а на военныхъ корабляхъ вы встрѣтите собраніе всѣхъ поддонковъ изъ тюремъ; осужденные преступники имѣютъ выборъ только между висѣлицей и поступленіемъ на корабль. Нѣтъ ни одного порока, котораго вы не встрѣтили бы тутъ; ужасныхъ и отвратительныхъ сценъ на военныхъ корабляхъ такъ много, что служба, по моему мнѣнію, должна скорѣе отвращать благородныхъ людей, чѣмъ привлекать ихъ».

Далѣе онъ пишетъ:

«Непріятностей для субалтернъ-офицера флота такъ много и онѣ

такъ тяжелы, что еслибы не было того соображенія, что самые лучшіе люди для того, чтобы сдѣлать себѣ карьеру, должны были пройти по этому грязному пути, не стоило бы и поступать на службу. Положеніе низшихъ офицеровъ въ службѣ его величества— положеніе вассаловъ и расчитывать они могутъ только на чинъ лейтенанта. Тогда отвратительный червякъ превращается въ блестящую бабочку. Можно сдѣлать многое для того, чтобы низшіе офицеры лучше исполняли свой долгъ и чтобы жизнь ихъ была отраднѣе, потому что часто изъ за каприза или гнѣва ихъ заставляютъ даже мести палубу. Вообще власть капитана слишкомъ деспотическая въ примѣненіи къ людямъ, имѣющимъ чувства, приличныя англичанину. Нужно помнить, что всѣ командиры военныхъ кораблей не джентльмены и не образованные люди. Я знаю, что большинство ихъ честные люди, но большинство ихъ также простые моряки. Послѣдняя война, жвачка табаку, тростниковая палка, да умѣнье ругаться—таковы качества, необходимыя для того, чтобы быть лейтенантомъ».

Современные писатели о флотѣ въ особенности часто ошибаются въ томъ отношеніи, что они считаютъ офицеровъ средины восемнадцатаго вѣка похожими на теперешнихъ. Теперешній офицеръ всегда джентльменъ, хотя часто и мало читавшій; онъ видитъ, что и большинство его сотоварищей по службѣ тоже джентльмены и полагаетъ, что его предшественники были такими же. Но онъ ошибается. Не только Смолетъ и Томпсонъ, но и многіе другіе изъ современниковъ на всякой страницѣ ихъ сочиненій разувѣряютъ насъ въ этомъ. Большинство офицеровъ въ то время, какъ и теперь, могли быть благороднаго происхожденія, но отвратительныя условія, въ которыхъ они находились съ самаго нѣжнаго возраста, портили всѣхъ ихъ, за немногими исключеніями, и превращали ихъ въ грубыхъ мужиковъ, хорошихъ моряковъ, можетъ быть, но совершенно негодныхъ для того, чтобы быть въ обществѣ сколько нибудь приличныхъ людей.

Эдуардъ Томпсонъ былъ однимъ изъ немногихъ, не только избѣжавшихъ общаго развращенія нравовъ, но и находившихъ возможность при заботахъ достаточно трудной жизни на морѣ сдѣлаться образованнымъ человѣкомъ. Онъ, кажется, совершилъ путешествіе въ Гренландію на торговомъ кораблѣ въ 1750 году, когда ему было не больше двѣнадцати лѣтъ отъ роду; потомъ онъ служилъ восточно-индѣйской компаніи, былъ забранъ на военный корабль, дрался въ качествѣ мичмана корабля «Stirling Castle» при столкновеніи Гаука съ Конфланомъ и послѣ продолжительной службы умеръ коммодоромъ корабля «Grampus» у западнаго берега Африки въ 1786 году. Его карьера была довольно обычной карьерой во флотѣ въ то время; но Томпсонъ отличался даже отъ образованныхъ офицеровъ теперешняго времени тѣмъ, что онъ былъ дѣятельнымъ, хотя не всегда

удачливымъ, литераторомъ. Онъ издалъ сочиненія Джона Ольдгама и поэта Павла Уитгида; онъ писалъ много и въ прозѣ и въ стихахъ, и далъ англійской литературѣ одну изъ лучшихъ морскихъ пѣсенъ: «Парусъ развѣвается по вѣтру» (Topsail Shivers in the Wind)[1]). Онъ былъ другомъ Джонсона, Уилькса, Кольмана, вообще большинства выдающихся людей своего времени и кромѣ того онъ усердно велъ свой дневникъ. Его дневникъ никогда не былъ изданъ цѣликомъ, вслѣдствіе того, что это оскорбило бы гордость семьи, къ которой онъ принадлежалъ; но Генрихъ Гайманъ, въ руки котораго попала часть этого дневника, въ 1869 году напечаталъ много любопытныхъ изъ него извлеченій. Приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ, какъ дающія указаніе на нравы, господствующія во флотѣ и въ адмиралтействѣ того времени.

«16 августа 1783 г. Пилъ шампанское и бургундское съ лордомъ Кеппелемъ и угощалъ его черепахой. Смѣшанное общество, но не безъ юмора и не безъ свѣденій. Капитаны флота неспособны разговаривать свободно съ высшими.

«13 февраля 1784 г. Ни одинъ городъ не можетъ сравняться по своему разнообразію съ Портсмутомъ, съ его знаменами и ободранными конкубинами; мостовая заросла травой; каждодневная продажа мебели; въ кофейняхъ ни одного флотскаго офицера; дилижансы и почтовые экипажи приходятъ и уходятъ; таверны и гостинницы безъ посѣтителей и однако цѣны неизмѣнны.

«15 февраля. Сдѣлалъ визитъ адмиралу Монтэгю [2]). Никогда не видалъ болѣе грубаго, рѣзкаго и свирѣпаго морского чудища.

«28 ноября Лордъ Родней отправился во Францію, такъ какъ стыдится показанія, даннаго имъ на судѣ Джонсона противъ Сюттона, которое было немногимъ лучше клятвопреступленія. Онъ присягнулъ, что никогда не было ни одного военнаго суда во время плаванія, хотя самъ подписалъ нѣсколько приказовъ о назначеніи военныхъ судовъ, при чемъ лордъ Гудъ былъ президентомъ.

«28 января 1785 г. Провелъ день съ своимъ другомъ Жаксономъ, у него встрѣтилъ Мастермана и Геор. Юнга. Мастерманъ очень хорошо доказывалъ, что наши неудачи въ послѣдней войнѣ объясняются раздорами, господствовавшими въ средѣ нашихъ офицеровъ. Сэръ Гудъ [3]) отказалъ въ помощи адмиралу Грэвсу въ «Чизапикѣ» и Роднею 10 апрѣля—потому что еслибы его эскадра участвовала въ

---

[1]) Положена на музыку Гукомъ, а потомъ Арномъ.

[2]) Джонъ Монтэгю былъ адмираломъ „голубого флага“ и главнокомандующимъ въ Портсмутѣ. Чарнокъ называетъ его „Человѣкомъ строгой честности, очень добродушнымъ, но къ несчастію нѣсколько неумѣреннымъ“.

[3]) Объ отношеніяхъ Гуда съ Роднеемъ см. Letters written by sir Samuel Hood (Navy Record Society, 1895).

дѣлѣ, какъ слѣдуетъ, какимъ образомъ у него не было убитыхъ или немного ихъ?.. Всѣ жестоко грабятъ, отъ сэра Гугса въ Индіи, до адмирала Арбутнота въ Америкѣ, который дѣлитъ свои барыши отъ грабежа съ своимъ секретаремъ Гриномъ, извѣстнымъ во всемъ флотѣ за самаго развратнаго и безстыжаго негодяя».

Въ автобіографіи напечатанной Томпсономъ анонимно въ «Лондонскомъ журналѣ» (London Magazine) 1774—75 г. встрѣчаются подробныя описанія жизни на военныхъ корабляхъ того времени. Къ несчастію, наиболѣе характерныхъ мѣстъ здѣсь привести невозможно, но можно привести характеристику офицеровъ корабля Stirling Castle въ 1755 году, когда онъ находился подъ командой капитана (впослѣдствіи адмирала) Самуэля Корниша, такъ какъ несомнѣнно, что офицеры, характеризуемые Томпсономъ, типичны для того времени. Самымъ непріятнымъ изъ сотоварищей Томпсона былъ, повидимому, капитанъ морскихъ солдатъ. «Противорѣчіе было любимымъ занятіемъ для его языка и для его мозга; грубости и ссоры были его наслажденіемъ. Онъ, казалось, былъ счастливъ, если оскорблялъ кого нибудь; онъ то страстно искалъ дуэли, то хитро избѣгалъ ее, потому что у него, собственно говоря, бывали дни воинственнаго настроенія и дни трусости. Онъ питалъ вражду ко всѣмъ; гдѣ бы онъ ни встрѣчалъ людей, его неизмѣннымъ правиломъ было оскорблять ихъ. Никто не могъ обѣдать вмѣстѣ съ нимъ, потому онъ жилъ въ своей каютѣ пустынникомъ, среди пятисотъ человѣкъ. Пилъ онъ много и по мѣрѣ того, какъ барометръ Вакха поднимался, онъ становился все болѣе непріятнымъ; если кто нибудь рисковалъ своими головой и костями ради его кларета, могъ быть увѣренъ, что получитъ достаточное количества вина и ударовъ. Я одинъ разъ присутствовалъ при подобной сценѣ, когда обѣдало большое общество и ушелъ, какъ и всѣ. Хранителями пустыхъ бутылокъ и стакановъ остались только онъ, да одинъ лейтенантъ ирландецъ. Нѣкоторое время его компаньонъ ему, повидимому, нравился, пока какое то слово его не разсердило. На непріятное слово онъ отвѣтилъ бутылкой, за одной бутылкой послѣдовали и другія, а потомъ полетѣли кубки, стаканы, тарелки, все, что можно было бросить... Трудно встрѣтить у человѣка подобное смѣшеніе трусости и храбрости. Онъ съ аппетитомъ дрался на дуэли и, однако, я видѣлъ въ Вестъ Индіи, какъ онъ глоталъ лекарство, чтобы не пойти въ аттаку, какъ ему было приказано—и этотъ человѣкъ былъ солдатъ и его терпѣли на королевской службѣ. Лейтенанты были шуты гороховые. Первый лейтенантъ былъ храбрый старый шотландецъ, онъ умеръ въ битвѣ съ французскимъ фрегатомъ; второй былъ швабра, выбившій сапогомъ всѣ зубы у своего слуги негра; третій—пустой, пьяный грибъ, надутый, невѣжественный и дерзкій; четвертый ловкій франтъ; писалъ и читалъ онъ плоховато; но въ теченіе цѣлыхъ

часовъ сидѣлъ надъ книгой, чтобы его считали ученымъ—все таки онъ былъ ловкій морякъ и храбрый парень. Священникъ былъ робкимъ, невѣжественнымъ, но нравственнымъ человѣкомъ; хирургъ не имѣлъ никакого понятія о своей профессіи и предпочиталъ розги всякимъ другимъ операціямъ. Лейтенантъ морскихъ солдатъ былъ ученымъ и ветераномъ; онъ и дрался хорошо и хорошо воспѣвалъ битвы... таковы то были офицеры, съ которыми я имѣлъ честь служить во время плаванія къ Нью-Іорку, куда мы прибыли 9 августа 1756 года».

Можно съ увѣренностью сказать, что офицеры другихъ шестидесяти пушечныхъ кораблей того времени ничѣмъ существеннымъ не отличались отъ офицеровъ корабля Stirling Castle.

Изслѣдованія и открытія

Раймонда Бизли.

Послѣ Дампьера главными піонерами въ дѣлѣ открытій были въ Англіи Ансопъ и Кукъ. Путешествіе перваго было, однако, главнымъ образомъ интересно въ военномъ отношеніи; оно было предпринято вслѣдствіе войны съ Испаніей, начавшейся въ 1739 году и цѣлью его было нападеніе на испанскія владѣнія въ Перу и въ другихъ частяхъ южной Америки. Корабль Ансона «Центуріонъ», единственный, совершившій путешествіе до самаго конца, былъ шестидесятипушечный; экипажъ его состоялъ больше чѣмъ изъ четырехъ сотъ матросовъ; съ нимъ отплыли четыре другіе военные корабли, военная шлюпка и два провіантскихъ корабля; экспедиція отплыла 8 сентября 1740 года. Переходъ въ Мадеру занялъ сорокъ дней вслѣдствіе противныхъ вѣтровъ, но 28 ноября экспедиція перешла экваторъ и 16 декабря увидала берегъ Бразиліи. Плывя вдоль берега южной Америки и зондируя болѣе послѣдовательно, чѣмъ прежніе мореплаватели, флотъ Ансона послѣ захода въ заливъ св. Юліана въ Патагоніи избѣжалъ встрѣчи съ испанскимъ флотомъ, отправленнымъ захватить его, но сильно пострадалъ отъ бурь при мысѣ Горнъ. День прохода пролива Ле Мэръ (Le Maire Strait) былъ «послѣднимъ радостнымъ днемъ, который пришлось видѣть большей части экипажа». Люди начали страдать отъ скорбута и бури разбивали корабли; наконецъ корабль Ансона прибылъ къ назначенному мѣсту стоянки на Жуанъ Фернандецъ съ 167 человѣкъ изъ пятисотъ. Тамъ къ нему присоединились два другіе корабля его эскадры и простояли тутъ нѣкоторое время, найдя тамъ нѣкоторыя доказательства пребыванія Селькирка около тридцати двухъ лѣтъ тому назадъ.

Плаваніе Ансона.

Наконецъ 8 сентября 1741 года флотъ снова отплылъ, чтобы начать военныя дѣйствія противъ Испаніи съ экипажемъ на трехъ корабляхъ, едва достаточнымъ для одного «Центуріона». Единственнымъ утѣшеніемъ было то, что было нечего бояться флота Испаніи въ этой части свѣта. Ансонъ потому немедленно приступилъ къ дѣлу, взялъ нѣсколько небольшихъ призовъ, взялъ штурмомъ Пайту и крейсировалъ мимо Акапулько (въ февралѣ и мартѣ 1742 года), дожидаясь галлеона изъ Манилы; но такъ какъ отплытіе этого галлеона съ золотомъ было отстрочено, то въ мартѣ онъ оставилъ берега Америки, переплылъ Тихій океанъ, въ августѣ былъ у Разбойничьихъ острововъ, гдѣ отдыхалъ на «счастливомъ островѣ» Тиніанъ. Люди снова начали страдать отъ скорбута и потому этотъ отдыхъ былъ необходимъ.

Въ то время, какъ Ансонъ съ большинствомъ экипажа находился на берегу, онъ имѣлъ несчастіе на время потерять свой корабль. «Центуріонъ» былъ сорванъ съ якоря и его не видали отъ 22 сентября до 11 октября. Въ это время Ансонъ, рѣшившись подчиниться своей судьбѣ, началъ обдумывать планъ о спасеніи экипажа. Онъ велѣлъ вытащить на берегъ небольшой взятый имъ испанскій корабль, распилить его и удлиннить до двѣнадцати футовъ, такъ что его вмѣстимость увеличилась бы до сорока тоннъ и на немъ было бы возможно добраться до Китая. Къ счастію, плотники съ ихъ орудіями были на берегу, а также и кузнецъ съ наковальней, но безъ необходимыхъ мѣховъ. Нужно было какъ нибудь устроить мѣхи; въ теченіе нѣкотораго времени это считали невозможнымъ въ виду отсутствія кожъ, но у нихъ было достаточно шкуръ, на берегу они нашли боченокъ извести и выдѣлали ей нѣсколько шкуръ, а пушка послужила для импровизированныхъ мѣховъ вмѣсто трубки. На приготовленную барку нагрузили кокосовые орѣхи, рисъ, сушеное мясо, снабдили ее восьмидесятью зарядами, карманнымъ компасомъ, «немного лучшимъ, чѣмъ игрушечный» и грубо сдѣланнымъ квадрантомъ. Такимъ образомъ эти храбрые люди побѣдили всѣ препятствія, но возвращеніе корабля измѣнило положеніе дѣлъ и 21 октября весь экипажъ оставилъ Тиніанъ, уничтоживъ съ такимъ трудомъ построенное судно. Изъ Тиніана Ансонъ отплылъ къ Макао и пройдя мимо Формозы прибылъ въ Макао 12 ноября; рѣка Кантона, при устьѣ которой онъ сталъ на якорь, была въ то время единственнымъ китайскимъ портомъ, посѣщаемымъ европейцами. Тамъ онъ чинилъ «Центуріонъ», выдержавъ не мало борьбы съ китайскими чиновниками и возвратившись къ Филиппинскимъ островамъ, захватилъ у мыса Св. Духа галлеонъ изъ Манилы. Призъ, цѣнимый въ полтора милліона долларовъ, былъ гораздо больше Центуріона; на немъ было 550 человѣкъ экипажа и 64 пушки. Галлеонъ былъ снабженъ мелкимъ оружіемъ и хорошо защищенъ противъ аборда-

жа; но при всѣхъ этихъ преимуществахъ онъ былъ взятъ послѣ трехчасового боя, потерявъ 67 человѣкъ убитыми и 84 раненными, тогда какъ «Центуріонъ» потерялъ убитыми только двухъ, а ранеными семнадцать человѣкъ, да и тѣ всѣ, кромѣ одного, выздоровѣли. «Столь мало полезны самыя разрушительныя оружія въ неопытныхъ и необученныхъ рукахъ».

Вернувшись въ Макао, Аксонъ продалъ галлеонъ и отправился въ Англію мимо мыса Доброй Надежды. Онъ оставилъ берегъ Китая 15 декабря 1743 года, былъ у мыса Доброй Надежды 11 марта 1744-го и замѣчательно счастливо избѣжавъ встрѣчи съ враждебнымъ французскимъ флотомъ въ проливѣ, какъ избѣжалъ встрѣчи съ испанской эскадрой Іосифа Пизарро у Патагоніи, бросилъ якорь у Спитгида (15 іюля) послѣ плаванія, продолжавшагося три года и девять мѣсяцевъ. Призовыя деньги были перевезены въ Лондонъ въ тридцати двухъ вагонахъ, съ военной музыкой; разсказъ о плаваніи выдержалъ четыре изданія въ годъ, былъ переведенъ на семь европейскихъ языковъ, вообще имѣлъ успѣхъ большій, чѣмъ какой либо изъ морскихъ журналовъ прежняго времени.

Плаваніе Байрона.

Время между плаваніями Ансона и Кука было временемъ плаваній Байрона, Валлиса и Картерета, а также временемъ изслѣдованій въ сѣверной Америкѣ, о которыхъ мы не можемъ разсказывать въ нашемъ краткомъ обзорѣ. Можно, однако, замѣтить, что въ 1752 году кампанія, которой была отдана колонія Георгія, передала свою грамату коронѣ и такимъ образомъ поселеніе, какъ филантропическое предпріятіе, было закончено. Но научныя экспедиціи въ Тихомъ океанѣ, непосредственно предшествующія плаванію Кука, должны быть описаны здѣсь; онѣ были не совсѣмъ безполезны, хотя теперь о нихъ почти совершенно забыли.

Джонъ Байронъ, отправленный 2 іюля 1764 года съ кораблями «Дельфинъ» и «Тамаръ», служилъ подъ начальствомъ Ансона мичманомъ на кораблѣ Wager и послѣ крушенія этого корабля у береговъ Чили написалъ тотъ разсказъ о своихъ страданіяхъ, на который намекаетъ его внукъ въ «Донъ Жуанѣ», когда онъ говоритъ, что его герой интереснѣе, чѣмъ любой изъ мучениковъ въ «разсказѣ моего дѣдушки». Во время путешествія 1764 года въ южныхъ моряхъ онъ въ особенности настаивалъ на существованіи въ Патагоніи гигантовъ, тогда какъ многіе утверждали, что они обыкновенные высокіе люди. Завладѣвъ Фальклендскими островами, онъ обогнулъ мысъ Горнъ и направился чрезъ Тихій океанъ, идя по сѣверному берегу Низкаго Архипелага (Low Archipelago) и открылъ нѣкоторые изъ самыхъ сѣверныхъ острововъ этой группы. Въ особенности онъ изъявлялъ притязаніе на открытіе острововъ Св. Георга въ 14°5' южной ширины и 145° западной долготы. Но такіе результаты слишкомъ ничтожны сравнительно съ тѣми, какіе онъ могъ

бы получить, еслибы онъ въ этой части свѣта систематически занялся новыми открытіями. Острова Товарищества были у него почти на пути, но онъ, кажется, заботился только о томъ, чтобы держаться курса Ансона и о томъ, чтобы совершить кругосвѣтное плаваніе, а не о томъ, чтобы увеличить наши знанія о Тихомъ океанѣ. Онъ вернулся 9 мая 1766 года послѣ двадцати двухъ мѣсячнаго плаванія; о немъ говорили, что «ни одинъ мореплаватель никогда не совершалъ кругосвѣтнаго плаванія въ такое короткое время», какъ будто бы въ этомъ состоитъ цѣль путешествія для открытій.

Валлисъ и Картеретъ.

Болѣе удовлетворительными были плаванія Валлиса и Картерета на «Дельфинѣ» и «Ласточкѣ» (1766—68) Картеретъ былъ лейтенантомъ Байрона въ плаваніи 1764 года; на «Ласточкѣ», разставшись съ Валлисомъ и «Дельфиномъ» во время прохода по Магелланову проливу (11 апрѣля 1767 года), онъ отправился на отдыхъ въ Масафуэро и приготовился тамъ къ работѣ по старому и давно забытому способу «отысканія неизвѣстныхъ странъ». 2 іюля 1767 года онъ открылъ островъ Питкэрнъ; отплывъ оттуда въ сѣверо-западномъ направленіи, онъ замѣтилъ множество раньше незамѣченныхъ острововъ по дорогѣ къ Новой Гвинеѣ—какъ то, острова герцога Глочестера, Говера, Симпсона, Картерета, Гарди, Валлиса, Лейга и королевы Шарлоты. Достигнувъ Новой Британіи, онъ сдѣлалъ важное дополненіе къ открытію Дампьера. Оказалось, что заливъ св. Георга, какимъ его считали раньше, въ дѣйствительности есть проливъ, отдѣляющій собственно Новую Британію отъ другого острова, названнаго Картеретомъ Новой Ирландіей. Наконецъ, открывъ и давъ названія островамъ Сандвичевымъ, Байрона, Новаго Гановера, герцога Портланда и нѣкоторымъ другимъ, Картеретъ направился къ Англіи мимо Филиппинскихъ острововъ, Явы и мыса Доброй Надежды, закончивъ такимъ образомъ полезное плаваніе, самое важное въ смыслѣ открытій со временъ Дампьера (20 марта 1769 года). Капитанъ Валлисъ привезъ въ Англію интересную коллекцію различныхъ орудій, употребляемыхъ дикарями; онъ вернулся за годъ до Картерета, открывъ или увидавъ, какъ онъ утверждалъ, пятнадцать отдѣльныхъ острововъ, въ числѣ ихъ знаменитое Таити, въ первый разъ видѣнный Квиросомъ, послѣднимъ изъ испанскихъ героевъ и названный имъ Сажиттаріа, а теперь переименованный англійскимъ капитаномъ въ честь короля Георга III. Его путешествіе непосредственно предшествовало плаванію, заставившему потомство забыть о его предшественникахъ.

Первое плаваніе Кука.

Въ 1768 году Королевское Общество убѣдило правительство отправить въ южныя моря корабль подъ начальствомъ Кука для наблюденія прохода Венеры по диску солнца на островѣ Таити. Кукъ былъ сынъ земледѣльческаго рабочаго и убѣжалъ во флотъ отъ мелочнаго торговца, которому былъ отданъ для обученія. Онъ служилъ

юнгой на частныхъ корабляхъ, совершающихъ сѣверныя береговыя плаванія, но ему удалось поступить въ королевскій флотъ; онъ сдѣлался впервые извѣстнымъ въ качествѣ обозрѣвателя береговъ Ньюфаундлена и Лабрадора. Теперь ему было уже сорокъ лѣтъ и предложеніе Королевскаго Общества открыло ему путь къ знаменитости. 25 августа 1768 года онъ отплылъ изъ Плимута въ качествѣ лейтенанта и начальника корабля Endeavour, мирнаго корабля, отплывавшаго съ мирными цѣлями, ради науки и безъ всякаго флибустьерства. Его сопровождали Карлъ Гринъ въ качествѣ астронома, Іосифъ Банксъ и Соландеръ натуралисты, Буханъ для собиранія растеній и Паркинсонъ какъ рисовальщикъ. Въ день новаго года (1769) экипажъ при приближеніи къ мысу Горну началъ жаловаться на холодъ; 11 января Кукъ увидалъ Фальклапдскіе острова и вскорѣ послѣ того Огненную землю.

22 января 1769 года Кукъ вступилъ въ проливъ Ле-Мэръ, 26-го онъ обогнулъ мысъ Горнъ и вступилъ въ Тихій океанъ. Плывя въ теченіи нѣсколькихъ недѣль къ западу, онъ увидалъ нѣсколько острововъ, видѣнныхъ годъ тому назадъ Бугенвилемъ и открылъ пѣсколько новыхъ. 11 апрѣля онъ прибылъ въ Таити и ставъ на якорь въ портѣ Королевскаго залива, приготовился къ высадкѣ.

3 іюня наблюдали проходъ Венеры а 13-го корабли отплыли. Результатомъ этого посѣщенія Таити было первое основательное изслѣдованіе самаго знаменитаго изъ всѣхъ мелкихъ острововъ Тихаго океана и всей группы, извѣстной подъ названіемъ острововъ Товарищества. Были произведены наблюденія надъ обычаями, управленіемъ, религіей, нравственностью и характеромъ таитянъ, имѣвшія важное значеніе для будущаго; эти изслѣдованія первыя установили надлежащее представленіе о роли изслѣдователя. Это было уже не простое открытіе новыхъ странъ, а полное описаніе повыхъ племенъ. Таитяне, вороватые, но не плуты, похотливые, но не знавшіе стыда и коварства, любезные и до крайности довѣрчивые, были настоящими дѣтьми природы.

15 августа Кукъ закончилъ свое изслѣдованіе острововъ Товарищества и 7 октября прибылъ къ сѣверовосточному берегу Новой Зеландіи, въ мѣстѣ, названномъ имъ заливомъ Бѣдности. Этотъ большой островъ въ 1642 году посѣтилъ Тасманъ, но съ этого времени всѣ изслѣдователи обходили его. Туземцы тутъ оказались очень непохожими на дружелюбныхъ таитянъ. Они были жестокими людоѣдами и грозили путешественникамъ, если тѣ вздумаютъ высадиться на берегъ; но Кукъ объѣхалъ весь восточный берегъ острова отъ мыса Турнагэнъ до Сѣвернаго мыса, а потомъ поплылъ вдоль западнаго берега. Къ концу марта 1770 года онъ обошелъ оба главные острова Новой Зеландіи и такимъ образомъ доказалъ,

что они не соединены съ какимъ нибудь великимъ южнымъ материкомъ

Въ послѣдній день марта корабль Endeavour оставилъ Новую Зеландію и направившись къ западу, 18 апрѣля лейтенантъ Гайксъ увидалъ прямо впереди землю, которая оказалась южной частью Новой Голландіи или Австраліи, какъ она называется теперь. Кукъ плылъ къ сѣверу вдоль этого берега и 21 апрѣля увидалъ въ первый разъ дымокъ, что доказывало, что земля эта обитаема. 13 мая на берегу увидали туземцевъ и высадились; вскорѣ послѣ этого вошли въ Ботанибей, названный этимъ именемъ, потому что Банксъ и Соландеръ составили тутъ коллекцію растеній и цвѣтовъ. Сойдя съ рифа, на который наткнулся корабль 10 іюня, Кукъ исправлялъ свой корабль въ рѣкѣ Endeavour, прошелъ мимо Great Barrier Reef, сначала по внутренней, а потомъ по внѣшней его сторонѣ, и завладѣвъ всѣмъ берегомъ отъ 28° до 10° южной широты отъ имени Георга III и давъ ему названіе Новаго южнаго Валлиса, вошелъ въ проливъ Торресъ.

Пройдя между Новой Гвинеей и Новой Зеландіей и доказавъ окончательно, что это два отдѣльные острова, онъ 8 октября прибылъ въ Батавію на Явѣ и здѣсь потерялъ отъ лихорадокъ и эпидеміи почти тридцать офицеровъ и матросовъ изъ экипажа, бывшаго въ добромъ здравіи въ теченіи всего плаванія. Отсюда Кукъ быстро поплылъ домой и 12 іюля 1771 года сталъ на якорь въ Доунсѣ послѣ трехлѣтняго плаванія, превосходившаго по своему значенію всѣ другія плаванія англійскихъ кораблей за послѣдніе сто лѣтъ.

Второе плаваніе Кука.

За свое плаваніе Кукъ получилъ званіе командира и былъ снова отправленъ искать слѣдовъ великаго южнаго материка и въ особенности нѣкоего сомнительнаго мыса Circumcision (Обрѣзанія), который будто бы видѣлъ французскій мореплаватель Бенуа въ 1709 году къ югу отъ мыса Доброй Надежды на 54° южной широты и 11° восточной долготы. У него были два корабля Resolution и Adventure; онъ отплылъ 13 іюля 1772 года; отойдя отъ мыса Доброй Надежды 22 ноября, онъ до 1 февраля 1772 года тщетно искалъ воображаемый материкъ и наконецъ убѣдился, что мнимый мысъ «Обрѣзанія» есть ничто иное, какъ какая нибудь большая пловучая льдина. Пройдя 16 января 1773 года антарктическій кругъ, Resolution 8 февраля потерялъ изъ виду Adventure; 17-го Кукъ въ первый разъ видѣлъ южное полярное сіяніе; 16 марта, находясь на 59° южной широты и 146° восточной долготы, лавируя вблизи 60-й южной параллели отъ мыса Доброй Надежды до юга Тасманіи, онъ на время оставилъ поиски южнаго материка, оказавшагося несуществующимъ или существующимъ въ такихъ высокихъ широтахъ, что не стоило искать его; 26 марта онъ сталъ на якорь въ заливѣ Dusky, близъ самаго южнаго пункта Новой Зеландіи, проплывъ въ 117 дней один-

надцать тысячъ миль и ни разу не видавъ за это время земли. При дальнѣйшемъ плаваніи въ зундъ Королевы Шарлоты въ Новой Зеландіи, гдѣ онъ 18 мая снова нашелъ корабль Adventure, Кукъ подвергался нѣкоторой опасности отъ тифоновъ, одинъ изъ которыхъ прошелъ въ шестидесяти ярдахъ разстоянія отъ кормы его корабля. Потомъ съ своими обоими кораблями онъ плылъ по южному Тихому океану до 140° западной долготы, отыскивая земли между 41 и 46 градусами южной широты. Воды открытаго во всѣхъ направленіяхъ моря убѣдилъ Кука, что близко земли нѣтъ и 17 августа онъ былъ уже въ Таити. Захвативъ съ собой двухъ туземцевъ на смѣну тѣмъ двумъ, которыхъ онъ потерялъ въ первомъ своемъ плаваніи, Кукъ въ началѣ октября отплылъ къ островамъ Товарищества, а въ Новую Зеландію вернулся въ ноябрѣ [1]).

Въ декабрѣ онъ снова оставилъ большой южный островъ, чтобы еще разъ поискать Австралійскаго материка; 23 декабря онъ достигъ 67° широты, гдѣ у самаго антарктическаго круга былъ остановленъ льдами. Возвратившись назадъ, онъ изслѣдовалъ большое пространство неизвѣстнаго моря къ сѣверу отъ антарктическаго круга отъ 130 до 140 градуса долготы, нигдѣ не найдя земли; потомъ снова вступилъ въ тропики, 11 марта 1774 года увидалъ островъ Пасхи, не видавъ земли въ теченіе 104 дней [2]). Со временъ открытія острова Роггевейномъ онъ наврядъ ли посѣщался кѣмъ нибудь; Кукъ узналъ его по гигантскимъ статуямъ на берегу, описаннымъ голландскимъ мореплавателемъ. Въ апрѣлѣ Кукъ посѣтилъ Маркизскіе острова, открытые въ 1595 году Менданой, посѣтилъ опять Таити и объѣхалъ острова у сѣверовосточнаго берега Австраліи, теперь названные Новыми Гебридскими—острова св. Духа Квироса или Большіе Цикладскіе Бугенвиля. За этимъ послѣдовало важное открытіе—большого острова Новой Каледоніи; но такъ какъ тамъ Кукъ не нашелъ провизіи, то вернулся въ Новую Зеландію; пробывъ у ея береговъ отъ 18 октября до 10 ноября, онъ отправился къ мысу Горну, чтобы еще не разъ искать южнаго материка къ югу отъ этого мыса; 21 декабря онъ былъ въ зундѣ Рождества у Огненной земли и обогнувъ мысъ Горнъ, открывъ нѣсколько мелкихъ острововъ въ высокихъ южныхъ широтахъ—въ особенности 14 января 1775 года Южную Георгію, а черезъ нѣсколько дней Сандвичеву землю—онъ 19—21 марта достигъ мыса Доброй Надежды и услыхалъ тутъ о другомъ своемъ кораблѣ Adventure, который прошелъ уже тутъ по пути домой. 29—30 іюля онъ высадился въ Плимутѣ послѣ трехлѣтняго отсутствія и потерялъ только четырехъ человѣкъ—что было рѣшительной побѣдой надъ скорбутомъ.

---

[1]) 30 октября корабли въ послѣдній разъ снова разошлись.

[2]) 27 января Кукъ достигъ крайняго пункта къ югу, 71°, 10′.

Третье плаваніе Кука. Его смерть.

Третье плаваніе Кука было первоначально попыткой рѣшить вопросъ о сѣверозападномъ проходѣ со стороны Азіи, какъ пытался уже къ концу своей жизни Баффинъ. 12 іюля 1776 года Кукъ отплылъ изъ Плимута на кораблѣ Resolution, а 10 августа за нимъ послѣдовалъ и его прежній спутникъ Discovery подъ начальствомъ капитана Джемса Карла Клерка. Оба корабля 10 ноября сошлись у мыса Доброй Надежды. Прибывъ въ декабрѣ въ Тасманію, Кукъ стоялъ въ февралѣ 1777 года въ теченіи двухъ недѣль въ зундѣ Королевы Шарлоты въ Новой Зеландіи, потомъ открылъ острова Гервея или Кука и описалъ туземцевъ Мангая. На островахъ Товарищества онъ посѣялъ ананасъ и дыни, возвратилъ домой своего друга таитянина Омаи и потомъ поплылъ къ сѣверу къ Берингову проливу. По пути онъ въ февралѣ 1778 года открылъ острова, названные имъ Сандвичевыми, по имени графа Сандуича, бывшаго тогда первымъ лордомъ адмиралтейства: плывя къ сѣверо-востоку, онъ увидалъ берегъ Америки почти въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ 1579 году Френсизъ Дрэкъ достигъ своего крайняго пункта въ Новомъ Альбіонѣ. Отсюда идя вдоль берега къ сѣверу, онъ въ концѣ марта достигъ Нутка Зундъ и назвалъ его зундомъ короля Георга. Онъ отплылъ отсюда 26 апрѣля и вошелъ въ глубокій морской заливъ, какъ онъ полагалъ. Это оказалась, однако, рѣка; проплывъ по ней двѣсти миль отъ устья, Кукъ снова вышелъ изъ нея 5 іюня и къ 7 августа достигъ западнаго края Америки на 66°, названнаго имъ мысомъ Принца Валлійскаго. Плывя оттуда къ западу, онъ къ ночи былъ у берега Азіи и такимъ образомъ въ теченіи одного дня видѣлъ два континента; 12 августа, плывя къ сѣверу, онъ видѣлъ оба континента сразу. Но пройдя чрезъ Беринговъ проливъ на 71°, онъ былъ уже на краю льдовъ (17 августа). Вернувшись назадъ отъ этой компактной, какъ стѣна, ледяной массы, въ двѣнадцать футовъ вышины и распространявшейся къ востоку и западу насколько можно было видѣть, Кукъ вернулся чрезъ проливъ къ острову Уналашкѣ, къ юго-западу отъ зунда Нортона, гдѣ встрѣтилъ трехъ русскихъ, имѣвшихъ тутъ магазины запасовъ и небольшую шлюбку въ тридцать тоннъ и узналъ отъ нихъ о послѣднихъ изслѣдованіяхъ Камчатки Берингомъ и другими офицерами русской службы.

Кукъ окончательно оставилъ Беринговъ проливъ 26 октября и въ то же число слѣдующаго мѣсяца былъ у Сандвичевыхъ острововъ. Онъ открылъ нѣсколько раньше незамѣченныхъ острововъ и оставался въ Гаваи до 4 февраля 1779 года и тогда снова вышелъ въ море. Вынужденный бурями 11 февраля возвратиться, онъ разсорился съ туземцами изъ за воровства и стычки, случившихся черезъ два дня послѣ его прибытія. Ему не удалось заманить ихъ царька на свой корабль, гдѣ онъ хотѣлъ задержать его въ качествѣ зало-

жника; и стычка въ гавани, въ которой былъ убитъ глава туземцевъ, заставила послѣднихъ собраться на берегу и помѣшать царьку идти съ англійскимъ капитаномъ и даже напасть на того, кого они нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ чтили какъ бога. Пока Кукъ стоялъ къ дикарямъ лицомъ, никто не осмѣлился ударить его; но доброта его сердца погубила его. Онъ обернулся къ своимъ, находившимся въ ботѣ матросамъ, чтобы приказать имъ прекратить стрѣльбу; въ эту минуту его закололи въ спину и онъ упалъ мертвый, лицомъ въ воду (14 февраля 1779 года). Послѣ разныхъ затрудненій и кровопролитія 20 февраля возвратили его тѣло, по крайней мѣрѣ руки, черепъ, кости ногъ и ружье и башмаки, Такимъ образомъ закончилъ свою жизнь величайшій изслѣдователь восемнадцатаго вѣка, одинъ изъ благодѣтелей человѣчества, настоящій отецъ нашихъ австралійскихъ колоній, закончившій дѣло океаническихъ открытій. Онъ былъ однимъ изъ немногихъ людей, вышедшихъ изъ ничтожества и добившихся знаменитости — что бываетъ гораздо труднѣе и рѣже, чѣмъ обыкновенно говорятъ. Еслибы онъ возвратился изъ своего третьяго плаванія, король, цѣнившій его по заслугамъ, сдѣлалъ бы дворяниномъ (рыцаремъ) человѣка, котораго французское правительство по настоянію Тюрго избавило вмѣстѣ съ его кораблемъ отъ всякимъ враждебныхъ противъ него дѣйствій, какъ «благодѣтеля всѣхъ націй». До конца своей жизни онъ не умѣлъ правильно читать и писать; но былъ прекраснымъ наблюдателемъ, превосходнымъ математикомъ, истиннымъ геніальнымъ самородкомъ въ той наукѣ мореплаванія, въ которой геніальность состоитъ въ «безконечной способности къ труду».

Нонконформизмъ.

Броуна.

Признаніе нонконформизма. Молитвенные дома.

Актъ о терпимости 1689 года, даровавъ свободу богопочитанія, далъ нонконформизму въ нѣкоторомъ родѣ опредѣленное мѣсто среди учрежденій страны. Съ этого времени молитвенные дома нонконформистовъ регистрируются и находятся подъ защитой королевскихъ судовъ; собственность, даваемая на религіозныя цѣли, гарантируется актами, признаваемыми законными; священники нонконформистовъ получаютъ разрѣшеніе и даютъ торжественную присягу и такимъ образомъ дѣлаются квази-духовными лицами и получаютъ право не быть присяжными, приходскими надзирателями и церковными старостами—обязанности, которыя должны были исполнять міряне. Имѣя

теперь въ первый разъ со времени реставраціи возможность открыто признавать себя отдѣльными и самостоятельными общинами, нонконформисты прежде всего должны были позаботиться о устройствѣ своихъ молитвенныхъ домовъ. Во время господства Кромвеля пресвитеріанскіе и индепендентскіе священники не имѣли этой необходимости, такъ какъ по мѣрѣ того, какъ вслѣдствіе смерти или смѣщенія священниковъ освобождались ихъ мѣста, они получали эти оффиціальныя бенефиціи. Но теперь, добившись при Вильгельмѣ III религіозной свободы, они уже не могли получать церквей, кромѣ немногихъ, построенныхъ во времена преслѣдованія или на основаніи декларацiи о терпимости. Отъ реставраціи до революціи ихъ собранія или разгонялись или происходили подъ открытымъ небомъ и иногда въ частныхъ помѣщеніяхъ. Потому первымъ дѣломъ было устроить помѣщенія для собраній. На это они и обратили всѣ свои усилія. Изъ парламентскаго отчета 1853 года мы видимъ, что съ 1688 до 1690 года было зарегистрировано не менѣе 939 молитвенныхъ домовъ; въ слѣдующія десять лѣтъ было построено еще 1279, а въ 1720 году ихъ было ужэ 4374. Большинство изъ нихъ были временные вродѣ жилыхъ домовъ, амбаровъ, комнатъ, зарегистрированныхъ временно, пока не будутъ выстроены постоянные молитвенные дома. Въ 1715 году Даніэль Ниль добылъ отчетъ о количествѣ вольныхъ церквей въ Англіи и Валисѣ; число ихъ было 1150; но въ этомъ отчетѣ были только индепенденты и баптисты и не сосчитаны квакеры, у которыхъ было восемьдесятъ постоянныхъ общинъ въ одномъ только Іоркширѣ, и пресвитеріане, у которыхъ въ Ланкаширѣ было отъ тридцати до сорока конгрегацій и которыхъ было много и въ нѣкоторыхъ другихъ графствахъ, такъ что этотъ списокъ, очевидно, далеко не полонъ. Мы вѣроятно не особенно много ошибемся, если скажемъ, что въ четверть вѣка отъ воцаренія Вильгельма III до смерти королевы Анны было открыто около полутора тысячъ новыхъ молитвенныхъ домовъ.

Якобиты.

Нѣкоторые изъ нихъ были снесены вскорѣ послѣ постройки. Диссентеры, интересы которыхъ были на сторонѣ Гановерскаго дома, всѣ безъ исключенія были на сторонѣ короля и противъ претендента; потому когда въ 1715 году претендентъ былъ провозглашенъ королемъ Іаковомъ III, якобиты кричали: «церковь въ опасности!» «Высокая церковь и Сахеверель!» и «Долой пресвитеріанство», какъ во времена королевы Анны, и начали разрушать или жечь молитвенные дома диссентеровъ. Въ Оксфордѣ всѣ ихъ молитвенные дома были разрушены, также какъ капеллы въ Рекзамѣ и Нунитонѣ, а также въ Стаффодширѣ и въ другихъ частяхъ Англіи. При подавленіи возстанія диссентеры обратились къ королю и разсказавъ ему о томъ, что имъ пришлось вынести, заявили, что всегда, когда

были намѣренія ввести въ Англіи папизмъ и произвольную власть, диссентеры-протестанты первые подвергались нападеніямъ. Король отвѣтилъ имъ выраженіемъ своего негодованія на «нехристіанское и варварское обращеніе» съ ними и обѣщалъ имъ вознагражденіе.

Ограниченіе правъ нонконформистовъ.

Политическая исторія нонкоформизма въ восемнадцатомъ столѣтіи тѣсно связана съ попытками отмѣнить нѣкоторыя ограниченія, которымъ подвергались диссентеры даже послѣ того, какъ актъ о вѣротерпимости опредѣлилъ ихъ легальное положеніе. Актъ о корпораціяхъ 1661 года опредѣлялъ, что никто, въ теченіе года до выборовъ не принимавшій причащенія по обрядамъ церкви Англіи, не можетъ быть избранъ мэромъ, альдерменомъ, секретаремъ города, байлли или членомъ городского совѣта. Совершенно несомнѣнно, что Test Act 1673 года имѣлъ въ виду совсѣмъ не нонконформистовъ, а только папистовъ, такъ какъ вся нація полагала, что ей грозитъ опасность отъ папизма короля и наслѣдника престола, герцога Іоркскаго. Тѣмъ не менѣе онъ вліялъ и на нонконформистовъ, такъ какъ увеличивалъ ограниченія, опредѣляемыя актомъ о корпораціяхъ. Актъ опредѣлялъ, что всякій, прежде допущенія къ какой либо службѣ или полученія жалованья на основаніи патента и пожалованія его величества или прежде занятія какого либо мѣста и полученія какой либо команды въ Англіи и Валисѣ, въ Бервикѣ, въ королевскомъ флотѣ или на островахъ Джерсеѣ и Гернсеѣ, долженъ въ теченіе шести мѣсяцевъ принять присягу и подписать декларацію противъ пресуществленія, и въ теченіе же шести мѣсяцевъ принять причащеніе по обрядамъ англиканской церкви въ одно изъ воскресеній въ какой нибудь церкви послѣ божественной литургіи и представить въ этомъ удостовѣреніе отъ священника и церковнаго старосты. Всякій, обвиняемый въ томъ, что онъ занялъ какую нибудь должность, не исполнивъ вышеизложенныхъ обязательствъ, лишался права исковъ въ судахъ, права быть опекуномъ и душеприкащикомъ, получать наслѣдство или дарственную, занимать какую либо общественную должность и кромѣ того долженъ былъ уплатить 500 фунтовъ штрафа.

Эти акты, неотмѣненные и актомъ о терпимости, были, разумѣется, очень стѣснительны для нонконформистовъ. Они объявляли, что готовы принимать присяги въ вѣрноподданничествѣ, въ подчиненіи верховной власти короля надъ церковью, но заявляли, что не хотятъ принимать причащенія по обрядамъ англиканской церкви не только потому, что они не принадлежатъ къ этой церкви, а и потому, что считаютъ кощунствомъ исполнять торжественный актъ любой церкви, имѣющій значеніе чисто религіозное, ради того только, чтобы получить право на исполненіе гражданскихъ обязанностей. По ихъ мнѣнію, это значило унижать религію, возбуждать къ ней презрѣніе, и, какъ позже говорилъ Куперъ:

„Дѣлать символъ искупительной милости
ключомъ къ должности, отмычкой для захвата мѣста“.

Они указывали, что актъ о корпораціи лишаетъ гражданскихъ правъ многихъ почтенныхъ и способныхъ людей и въ нѣкоторыхъ случаяхъ отдаетъ управленіе общественными дѣлами людямъ некомпетентнымъ, ко вреду корпорацій, промышленности и торговли. Что же касается до акта о присягѣ, имѣвшаго цѣлью защиту отъ опасности папизма со стороны государя и его наслѣдника, то въ настоящее время онъ совсѣмъ не нуженъ, такъ какъ царствующій государь протестантъ и престолонаслѣдіе обезпечено за домомъ, ревностно преданнымъ протестантизму.

Другой причиной для жалобъ былъ актъ о «случайномъ единовѣріи» (Occasional Conformity Act) 1711 года, опредѣлявшій, что всякій, занимающій какую нибудь гражданскую или военную должность и притомъ посѣщающій сборище или какое либо религіозное собраніе, состоящее не менѣе чѣмъ изъ десяти человѣкъ и не принадлежащее къ установленной церкви, штрафуется въ суммѣ 40 фунтовъ и лишается права занимать на будущее время какую либо общественную должность.

Агитація противъ актовъ.

Въ 1717 году началась агитація объ отмѣнѣ этихъ актовъ и въ слѣдующемъ году въ палату лордовъ былъ внесенъ билль объ отмѣнѣ ихъ графомъ Стангопомъ. Онъ отстаивалъ права диссентеровъ на пользованіе полными гражданскими правами и утверждалъ, что предлагаемая мѣра усилитъ, а не ослабитъ англиканскую церковь. Его поддержалъ епископъ Годли краснорѣчивой защитой принциповъ христіанской свободы; онъ утверждалъ, что религіозная присяга представляетъ ограниченіе естественныхъ правъ человѣка, составляетъ вредъ для государства и оскорбленіе религіи. Годли поддерживали епископы Глочестерскій и Линкольнскій; но въ особенности убѣдительной была рѣчь епископа Петерборо Кеннета, объявившаго, что произвольныя мѣры и преслѣдованія прошлаго времени наносили оскорбленіе духовенству и несчастіе государству. Онъ осмѣивалъ лозунгъ: «церковь въ опасности» и говорилъ, что имъ пользовались для вредоносныхъ цѣлей и что онъ становился «страшнымъ шумомъ въ устахъ глупыхъ бабъ и дѣтей». При второмъ чтеніи билль прошелъ большинствомъ 86 голосовъ противъ 68, но при передачѣ въ комитетъ статьи относительно актовъ о присягѣ и о корпораціяхъ были вычеркнуты изъ билля и онъ прошелъ безъ нихъ. Причиной такого изуродованія билля было то, что лордъ Сундерландъ увѣрилъ короля, будто попытка отмѣнить актъ о присягѣ погубитъ весь билль; потому диссентерамъ чрезъ лорда Баррингтона сообщили, что король желаетъ отмѣны билля о случайномъ единовѣріи и отсрочки вопроса объ актахъ о присягѣ и о корпораціяхъ. Уважая такое желаніе короля, диссентеры на время уступили, получивъ опре-

дѣленное обѣщаніе, что въ скоромъ времени будутъ отмѣнены и эти акты. Но отмѣнены они были только черезъ сто лѣтъ. Дѣло откладывалось изъ году въ годъ вслѣдствіе увѣреній Роберта Вальполя, что отмѣна несвоевременна или, какъ говорила королева, что «во всякое время несвоевременно дѣлать необходимое». Дальнѣйшія попытки добиться отмѣны актовъ были сдѣланы въ 1787 и въ 1789 годахъ, когда въ палату общинъ были внесены билли Бофуа и въ 1790 году, когда этотъ вопросъ былъ выдвинутъ Фоксомъ, произнесшимъ знаменитую рѣчь въ защиту религіозной свободы и въ пользу диссентеровъ. Но въ это время французская революція породила опасенія противъ свободы и билль былъ отвергнутъ громаднымъ большинствомъ. Только 9 мая 1828 года король далъ согласіе на билль объ отмѣнѣ актовъ о присягѣ и о корпораціяхъ.

Дѣло о лондонскихъ шерифахъ.

Въ это время были сдѣланы и другіе шаги въ направленіи къ свободѣ. Въ 1732 году былъ учрежденъ еще и теперь существующій комитетъ, извѣстный подъ названіемъ депутаціи диссентеровъ, для отстаиванія религіозной свободы; въ 1754 году онъ началъ искъ въ дѣлѣ, имѣвшемъ отношеніе къ интересамъ диссентеровъ Лондона. Въ 1742 году Робертъ Гросвеноръ, диссентеръ, былъ избранъ шерифомъ и при отказѣ принять пріобщеніе по обрядамъ англиканской церкви былъ вызванъ лондонской корпораціей къ суду скамьи короля, рѣшившему дѣло противъ него. Для устраненія на будущее время подобныхъ случаетъ корпорація сдѣлала постановленіе о взиманіи штрафа въ 400 фунтовъ со всякаго, который при назначеніи на должность откажется принять ее и о взиманіи штрафа въ 600 фунтовъ со всякаго, который откажется отъ должности, будучи избранъ. Это постановленіе было принято съ обдуманной цѣлью угнетенія диссентеровъ. При избраніи на должность шерифа кандидатами представляли диссентеровъ, одного за другимъ, и такъ какъ всѣ они отказывались, то съ нихъ брали штрафы, сумма которыхъ въ теченіе шести лѣтъ дошла до пятнадцати тысячъ фунтовъ, употребленныхъ на постройку новой ратуши (Mansion House).

Въ 1754 году диесентеры рѣшили протестовать противъ такого угнетенія. Въ этомъ году на должность шерифа назначили трехъ диссентеровъ, одного за другимъ; они по совѣту депутаціи отказались отъ службы и отъ уплаты штрафа. Ихъ вызвали къ суду шерифа и приговоръ суда былъ противъ нихъ. Они аппелировали къ Court of Hustings, гдѣ судьей былъ городской секретарь (Recorder of City); его приговоръ былъ тоже противъ нихъ. Тогда они потребовали рѣшенія спеціальной коммиссіи изъ пяти судей, въ 1762 году отмѣнившей приговоръ обоихъ судовъ. Тогда корпорація въ свою очередь аппелировала къ палатѣ лордовъ; дѣло подробно обсуждалось въ этой палатѣ въ 1767 году и рѣшеніе было въ пользу диссентеровъ. Тогда то лордъ Мансфильдъ сдѣлалъ свое извѣстное за-

явленіе о томъ, что корпорація должна проиграть свое дѣло, на какихъ бы соображеніяхъ она ни основывала свои притязанія. Онъ краснорѣчиво нападалъ на настроеніе корпораціи, говорилъ, что преслѣдованія неразумны, несогласимы съ естественными правами человѣка, противны духу и правиламъ христіанской религіи. Что же касается до постановленія корпораціи, то, повидимости, цѣль его состоитъ въ томъ, чтобы заставить порядочныхъ и способныхъ людей служить корпораціи; но онъ не можетъ не выразить мнѣнія, что корпорація заботилась, принимая свое постановленіе, не столько о службѣ, сколько о штрафахъ. На службу назначились диссентеры, одинъ слѣпой, другой больной, разумѣется, не ради того, что ихъ нашли пригодными для службы. Въ случаѣ, обсуждаемомъ теперь лордами, отвѣтчики признаются закономъ неспособными и по твердому убѣжденію оратора, они и выбраны потому, что неспособны. Они избраны затѣмъ, чтобы съ нихъ взять штрафъ на основаніи постановленія, принятаго спеціально для этой цѣли. Въ заключеніе онъ предлагалъ палатѣ лордовъ утвердить приговоръ комиссіи пяти судей.

Эта побѣда дѣла свободы, одержанная въ 1767 году, повела за собой другую въ 1779 году, когда съ священниковъ—диссентеровъ и школьныхъ учителей болѣе не требовали подписанія тридцати девяти статей, а простого объявленія, что они христіане и протестанты, что они признаютъ ветхій и новый Завѣтъ содержащими въ себѣ откровеніе воли Божіей. Въ 1812 году были отмѣнены присяга для квакеровъ, акты о сборищахъ и пятимильный, до тѣхъ поръ все еще сохранявшіеся въ книгѣ статутовъ; вольныя церкви относительно защиты закона отъ нападенія на нихъ во время общественнаго богослуженія были поставлены въ одинаковое положеніе съ установленной церковью. Унитаріи были лишены привиллегій, которыми пользовались диссентеры на основаніи акта о терпимости и до девятнадцатаго вѣка оставались внѣ закона, такъ какъ ихъ богослуженіе и публичная защита ихъ религіозныхъ убѣжденій были воспрещены. Въ 1813 году въ парламентъ былъ внесенъ билль объ отмѣнѣ статутовъ Вильгельма III и Георга III, признававшихъ отрицаніе догмы о Троицѣ кощунствомъ и лишавшихъ всѣхъ такихъ лицъ права пользоваться привиллегіями на основаніи акта о терпимости. Принятіе этого билля дало унитаріямъ всѣ права, какими пользовались и другіе диссентеры.

Упадокъ диссентерства.

Исторія нонконформизма въ восемнадцатомъ вѣкѣ дѣлится на двѣ части: на исторію стараго диссентерства и на исторію новаго диссентерства. Старое диссентерство въ срединѣ столѣтія падаетъ и послѣ возрожденія религіознаго чувства при Уэслеѣ и Уитфильдѣ появляется новое. Причины паденія стараго диссентерства различны. Люди, вышедшіе изъ лона церкви въ 1662 году и давшіе нонконфор-

мизму его отличительный характеръ и духовный импульсъ, перемерли, младшее поколѣніе почти забыло даже ихъ имена, традиціи ихъ были смутны и неопредѣленны. Съ утратой личныхъ отношеній, связывавшихъ многія изъ аристократическихъ семей съ такими людьми, какъ Овенъ, Бакстеръ и Гове, эти семьи начали переходить къ господствующей церкви. Такъ было не только въ Лондонѣ, но и въ провинціяхъ. Тамъ, гдѣ попадались способные и краснорѣчивые проповѣдники, ведущіе примѣрную жизнь, и гдѣ, напротивъ, духовенство господствующей церкви не отличалось ни способностями, ни примѣрнымъ образомъ жизни, въ нонконформизмъ переходили люди профессіональныхъ и торговыхъ классовъ. Но когда энергія, пробудившаяся въ нонконформизмѣ послѣ акта о терпимости, была израсходована, наступили реакція и упадокъ. Пристлей, хорошо знавшій Ланкаширъ, считаетъ, что въ царствованіе двухъ первыхъ Георговъ число диссентеровъ въ этомъ графствѣ уменьшилось на треть. Поземельное дворянство, особенно высшій его классъ, изъ котораго многіе были пресвитеріанами со времени республики, отреклось отъ нонконформизма и изъ старыхъ нонконформистскихъ семей у немногихъ оставалось по одному члену нонконформисту. Много сдѣлалъ въ этомъ отношеніи актъ о случайномъ единовѣріи 1711—17 года. Люди, вродѣ Томаса Абнея и Джона Фрайера, альдерменовъ лондонскаго Сити, мэры нѣкоторыхъ провинціальныхъ корпорацій, мировые судьи имѣли частныхъ капелановъ и перестали посѣщать общественное богослуженіе своей секты и чтобы сохранить свои мѣста, причащались въ приходскихъ церквахъ.

Помимо этихъ и подобныхъ соціальныхъ силъ наиболѣе могущественной причиной реакціи среди нонконформизма былъ упадокъ религіознаго духа. Около 1729 года начинаются жалобы, что церкви нонконформистовъ падаютъ по численности и по ихъ духовной дѣятельности. Въ сочиненіи, озаглавленномъ «Изслѣдованіе причинъ паденія диссентерства», авторъ опровергаетъ такія утвержденія и говоритъ, что если нѣкоторыя изъ общинъ и падаютъ, то другія въ Лондонѣ процвѣтаютъ и увеличиваются. Но и самъ онъ указываетъ на нѣкоторые недостатки и предлагаетъ нѣкоторыя реформы. Этотъ памфлетъ вызвалъ отвѣтъ Филиппа Доддриджа, человѣка, занимавшаго видное положеніе и пользовавшагося большимъ вліяніемъ среди нонконформистовъ. Въ сочиненіи, озаглавленномъ «Свободныя мысли о лучшихъ средствахъ возрожденія диссентерства», онъ указываетъ на то, что вопросъ о ростѣ или упадкѣ диссентерства не есть чисто религіозный, а до извѣстной степени вопросъ о серьезной набожности и благочестіи. По его мнѣнію, упадокъ нонконформизма, если таковой дѣйствительно существуетъ, происходитъ отъ духовнаго упадка среди его учителей и что средство исцѣленія въ возрожденіи практической религіозности. Онъ говоритъ, что сила нонконформистскихъ церквей

не въ аристократическихъ кругахъ, а въ народѣ—а народъ можно привлечь не сухими ортодоксальными проповѣдями, а серьезными евангелическими.

Аріанство. Доддриджъ тутъ указываетъ на дѣйствительную причину упадка, потому что безжизненное аріанство завладѣло кафедрами какъ господствующей церкви, такъ и нонконформистскихъ общинъ. У послѣднихъ оно выразилось въ умолчаніи о великихъ истинахъ евангелія, на которыхъ такъ настаивали въ прежнее время; это молчаніе обусловливалось не столько забвеніемъ самихъ истинъ, сколько нежеланіемъ прибѣгать къ старымъ способамъ ихъ изложенія. Опредѣленность ученія считалась догматизмомъ и признавалась вредной и оскорбительной. Большее вниманіе обращали на естественныя и моральныя основы христіанства и гораздо меньшее на сверхъестественныя и спиртуальныя его основанія. Продолжали употреблять старыя фразы, но онѣ не имѣли уже прежняго значенія. Люди говорили языкомъ ихъ отцовъ, но утратили ихъ вѣру. Религія молитвеннаго дома сводилась къ простой формальности и къ традиціи.

Веслей. Въ это время упадка общественное вниманіе было возбуждено двумя молодыми священниками, вырвавшимися изъ обычныхъ, условныхъ и рутинныхъ узъ церковной жизни. Джонъ Веслей, сынъ ректора Эпворта въ Линкольнширѣ, будучи студентомъ въ Оксфордѣ, много размышлялъ о религіозныхъ вопросахъ, но онъ самъ признавалъ рѣшительной эрой въ его религіозной жизни собраніе членовъ университета въ Альдерсгэтъ-Стритъ, гдѣ одинъ изъ собравшихся читалъ сочиненіе Лютера о посланіи къ Галатамъ. Въ этотъ день открылись у него глаза и онъ понялъ, что живая вѣра имѣетъ своимъ средоточіемъ не раціональныя вѣрованія и не теологическія разсужденія, а живую личность Христа. Онъ почувствовалъ, какъ онъ говоритъ, что «на сердцѣ у него сдѣлалось тепло, что онъ ожидаетъ спасенія отъ Христа, отъ Него одного»; у него появилась «увѣренность, что Христосъ снялъ съ него грѣхъ и спасъ его отъ закона грѣха и смерти». Онъ понялъ, что Духъ Божій не только въ библіи, а и въ душѣ человѣка, что Онъ даетъ свѣтъ и жизнь человѣку восемнадцатаго вѣка также, какъ людямъ перваго вѣка.

Если это и было фанатизмомъ, то такимъ фанатизмомъ, который одушевилъ человѣка и позволилъ ему провести пятьдесятъ лѣтъ жизни рѣдкаго благородства и рѣдкой послѣдовательности. Веслей проповѣдывалъ въ теченіе нѣкотораго времени въ церквахъ въ Лондонѣ и въ провинціи и въ 1742 году отправился къ себѣ на родину въ Эпвортъ и такъ какъ тамъ ему не позволили проповѣдывать въ церкви, онъ объявилъ, что будетъ проповѣдывать на кладбищѣ. Стоя на гробницѣ своего отца, онъ говорилъ собравшемуся вокругъ него народу; впечатлѣніе было столь сильное, что въ тече-

нін семи вечеровъ онъ говорилъ проповѣди и добился поразительныхъ результатовъ. Эта недѣля вѣчно будетъ памятной въ религіозной исторіи этого времени, какъ начало великаго и достопамятнаго религіознаго движенія.

Георгъ Уитфильдъ.

Сотрудникомъ его въ великомъ религіозномъ возрожденіи былъ Георгъ Уитфильдъ, также приготовлявшійся къ церковной карьерѣ и также прошедшій путь религіознаго опыта. У него не было такой замѣчательной способности къ организаціи, какъ у Веслея, но онъ былъ за то несравненнымъ народнымъ проповѣдникомъ восемнадцатаго вѣка. Люди самыхъ различныхъ убѣжденій свидѣтельствуютъ о томъ глубокомъ впечатлѣніи, какое онъ производилъ. Слушавшіе его не только заинтересовывались и убѣждались, но и одушевлялись энтузіазмомъ къ новому образу жизни. Въ началѣ 1739 года онъ проповѣдывалъ подъ открытымъ небомъ угольщикамъ Кингсвуда (Королевскаго лѣса) близъ Бристоля, сначала у него было двѣсти слушателей, а потомъ около десяти тысячъ. Черезъ два мѣсяца онъ началъ проповѣдывать въ поляхъ вблизи Лондона, на общинномъ лугѣ Кеннингтона, въ поляхъ Гакнея, въ Моорфильдѣ, Смитфильдѣ и Майфэйрѣ—вездѣ такимъ же громаднымъ аудіенціямъ и съ такими же удивительными результатами. Съ 1739 года до самой смерти въ 1770 году онъ продолжалъ неустанно работать. Когда онъ получалъ доступъ въ церковь или капеллу, онъ съ радостью пользовался такимъ случаемъ и произносилъ въ нихъ проповѣди; но если его не пускали въ церкви, или онѣ оказывались малы для его слушателей, онъ съ такой же готовностью проповѣдывалъ на кладбищахъ и рыночныхъ площадяхъ или на деревенскомъ лугу.

Организація Веслеянъ.

Вліяніе дѣятельности Веслея и Уитфильда проявилось въ двухъ направленіяхъ: сначала въ оживленіи духовной дѣятельности въ существующихъ церквахъ, а потомъ въ созданіи новыхъ религіозныхъ общинъ, объединившихся въ церковную систему, извѣстную подъ названіемъ Веслеянства. Система была создана нуждами, созданными новой жизнью. Обращенные путемъ проповѣди должны были быть соединены въ общины, организованныя и получившія такія учрежденія, которыя помогали бы людямъ, только что вступавшимъ на путь христіанской жизни. Джонъ Веслей чрезъ Петра Болера вошелъ въ сношенія съ моравскими братьями и отъ этой общины онъ заимствовалъ пѣвческія собранія и праздникъ любви; ночное бдѣніе и сборища для разъясненій писанія были его собственными изобрѣтеніями. Онъ надѣялся достать для своихъ общинъ, по мѣрѣ ихъ возникновенія, священниковъ изъ среды духовенства господствующей церкви, но въ этомъ ему пришлось разочароваться. Сначала онъ колебался относительно того, чтобы пользоваться мірянами въ качествѣ проповѣдниковъ, потому что по настроенію онъ былъ церковникомъ, но когда изъ среды его послѣдователей вышли такіе замѣ-

чательные проповѣдники, какъ Томасъ Максфильдъ и Джонъ Нельсонъ, онъ болѣе не колебался. Слѣдующимъ шагомъ въ дѣлѣ организаціи былъ созывъ проповѣдниковъ для совѣщанія о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Первая конференція веслеянъ состоялась въ 1744 году и состояла изъ шести духовныхъ и по крайней мѣрѣ четырехъ мірянъ-проповѣдниковъ.

Эта конференція указываетъ на то, какъ постоянно росло движеніе: черезъ двадцать два года на конференціи 1765 года было уже девяноста два бродячихъ проповѣдниковъ; въ теченіе двухъ лѣтъ количество веслеянскихъ округовъ въ Англіи увеличилось отъ двадцати до двадцати пяти, въ Ирландіи отъ семи до восьми, въ Шотландіи отъ двухъ до четырехъ. Это развитіе не только продолжалось, но и прогрессивно росло. Веслей умеръ въ 1791 году и въ это время въ веслеянскихъ общинахъ было уже 278 священниковъ. Веслей до самой смерти считалъ и себя и свои общины принадлежащими къ господствующей церкви и онъ умеръ, увѣщевая своихъ послѣдователей никогда не оставлять ее. Но тотчасъ же послѣ его смерти проявился протестъ противъ церковническаго подчиненія законамъ установленной церкви. Веслей избѣгалъ собраній, одновременныхъ съ церковнымъ богослуженіемъ, и не позволялъ веслеянскимъ священникамъ причащенія вѣрующихъ. Противъ этого и начались серьезные протесты и черезъ четыре года споровъ въ обоихъ этихъ вопросахъ сдѣланы были уступки протестующимъ; веслеянская служба происходила въ тѣже часы, какъ и въ господствующей церкви, причащеніе производилось въ веслеянскихъ молитвенныхъ домахъ ихъ священниками, и такимъ образомъ веслеяне около 1795 года совершенно отдѣлились отъ господствующей церкви.

Индепенденты. Многіе изъ пережившихъ это религіозное движеніе присоединились къ другимъ общинамъ. Индепенденты, благодаря болѣе народной формѣ ихъ управленія, сохраняли болѣе религіозной жизни, чѣмъ пресвитеріане. Пристлей говоритъ: «Тѣ, кого именуютъ индепендентами, сохранили всю ревность старыхъ пуританъ и къ нимъ постоянно переходятъ изъ среды методистовъ; изъ этихъ послѣднихъ образовалось много индепендентскихъ общинъ». Въ концѣ восемнадцатаго и въ началѣ девятнадцатаго столѣтій росту нонкоформизма способствовали и многія другія причины. Если священникъ былъ серьезнымъ человѣкомъ и евангелистомъ, то часто его преемникъ оказывался непохожимъ на него и прихожане, при немъ возродившіеся къ религіозной жизни, послѣ его смерти искали поученія, къ которому они уже привыкли, у нонконформистовъ. Съ другой стороны попадались беззаботные и распущенные приходскіе священники, изъ прихожанъ которыхъ многіе переходили въ ряды диссентеровъ. Священникъ, писавшій въ 1801 году о «Причинахъ отдѣленія отъ церкви», говоритъ о «недавнемъ и настоящемъ быстромъ увеличеніи

числа диссентеровъ» и о томъ, что «положеніе духовенства значительно измѣнилось въ послѣднія двадцать лѣтъ вслѣдствіе увеличенія диссентерскихъ проповѣдниковъ и сборищъ диссентеровъ». Что, дѣйствительно, число диссентеровъ увеличилось—это доказывается регистрами ихъ молитвенныхъ домовъ. Изъ парламентскаго отчета 1853 года, на который мы уже ссылались, видно, что въ десятилѣтіе отъ 1731 до 1740 года зарегистрированныхъ молитвенныхъ домовъ было только 448, а въ періодъ отъ 1791 до 1800 ихъ было уже 4394; въ періодъ отъ 1801 до 1810 года 5460, а въ періодъ съ 1811 до 1820 года 10,161; такимъ образомъ въ тридцать лѣтъ число ихъ увеличилось на 20,015. Хотя большинство зарегистрированныхъ молитвенныхъ домовъ были жилые дома и комнаты, т. е. временныя помѣщенія, но все же это увеличеніе доказываетъ энергію движенія и увеличеніе числа вѣрующихъ сравнительно съ предыдущимъ періодомъ.

Философія.

Уиттакера.

Давидъ Юмъ.

Было уже указано выше, какое важное вліяніе на религіозную жизнь того времени имѣла раціоналистическая философія, главными представителями которой были деисты. Но въ этотъ періодъ философія сдѣлала дальнѣйшій шагъ и вышла изъ границъ деистическаго раціонализма. Давидъ Юмъ (1711—76) родился въ Эдинбургѣ. Его «Трактатъ», написанный имъ во время пребыванія его во Франціи (1734—37), былъ изданъ въ Лондонѣ въ 1739—40 году. Полное его заглавіе: «Трактатъ о человѣческой природѣ—попытка введенія въ вопросы морали экспериментальнаго метода разсужденія». Юмъ былъ разочарованъ неуспѣхомъ этого трактата среди читающей публики и обработалъ его отдѣльныя части въ новыя диссертаціи, болѣе обработанныя по формѣ, но сокращенныя вслѣдствіе опущенія нѣкоторыхъ указаній, наиболѣе отвлеченныхъ и наиболѣе яркихъ по своему скептицизму. Самыми важными изъ такихъ опущеній были: изслѣдованіе сущности математической истины и критика понятія субстанціи, какъ духовной, такъ и матеріальной. Позднѣйшія философскія рааботы Юма, соотвѣтствующія частямъ его «Трактата»—это «Изслѣдованіе человѣческаго разума» (1748), «Диссертація о страстяхъ» и «Изслѣдованіе принциповъ нравственности» (1751). «Опыты, литературные, моральные и политическіе» появились въ 1741 годъ Въ позднѣйшемъ изданіи «Опытовъ» (1770) были помѣщены и три вышеупомянутые трактата и «Естественная исторія ре-

лигія», въ первый разъ изданная въ 1755 году. «Діалоги о естественной религіи» были изданы въ 1779 году, послѣ смерти Юма, но написаны они были задолго до смерти.

Философія Юма въ цѣломъ была скептицизмомъ. Доводя критику Локка и Берклея до ея естественныхъ выводовъ, онъ доказалъ невозможность на основаніи признанныхъ философскихъ началъ раціональнаго построенія посредствомъ метафизическихъ или натуръ-теологическихъ доказательствъ. Но въ философіи Юма имѣется и положительная сторона. Напримѣръ, въ политикѣ его критика, отдѣлавшись отъ всякихъ гипотезъ объ «естественномъ договорѣ», приготовила путь для изслѣдованія историческаго происхожденія учрежденій.

Точно также по отношенію къ деистической полемикѣ онъ доказывалъ, что предположеніе о нѣкотораго рода этическомъ монотеизмѣ, какъ о первобытной религіи человѣчества, есть простая фантазія, неоснованная ни на чемъ и что политеизмъ, вродѣ греческаго и римскаго, гораздо ближе къ характеру первобытной или естественной религіи. Въ «Попыткѣ введенія экспериментальнаго метода въ разсужденіи о нравственности» Юмъ былъ однимъ изъ творцовъ теоріи ассоціаціи идей. Его взгляды на отношеніе между причиной и слѣдствіемъ, нѣсколько скептическіе вслѣдствіе ихъ противоположности съ принимаемыми въ то время традиціонными раціоналистическими или апріорными опредѣленіями причинности, были по существу тѣже, которые въ настоящее время называются позитивными; въ этикѣ Юмъ былъ первымъ, опредѣленно формулировавшимъ ученіе уталитаризма.

Ассоціація идей разсматривалась какъ начало, проявлявшееся въ явленіи памяти. Гоббсъ, Локкъ и Берклей пользовались этимъ принципомъ для уясненія болѣе сложныхъ душевныхъ явленій. Локкъ въ одной главѣ «Опыта» употребилъ этотъ терминъ для описанія тѣхъ особыхъ ассоціацій. которыя фиксируется въ умѣ посредствомъ опыта. Юмъ обобщилъ этотъ принципъ и высказалъ положеніе, что умственная ассоціація есть родъ всемірнаго тяготѣнія, которое можно сравнить съ тяготѣніемъ матеріи. Онъ приводилъ основы ассоціаціи къ тремъ: къ сходству, къ смежности (contiguity) во времени или въ пространствѣ, и къ отношенію причины и слѣдствія. Содержаніе духа, по мнѣнію Юма, составляютъ впечатлѣнія и послѣдующія ихъ воспроизведенія, идеи. Законы ассоціаціи объясняютъ, какимъ образомъ впечатлѣнія и идеи соединяются въ ихъ настоящемъ порядкѣ, такъ какъ всякое состояніе духа снова вызываетъ другое душевное состояніе, или подобное, или раньше сопровождавшее или слѣдовавшее или предшествовавшее первому, или являющееся по отношенію къ нему, какъ слѣдствіе къ причинѣ.

Критики указали, что признаніе причины и слѣдствія отдѣльнымъ

основаніемъ аасоціаціи идей совсѣмъ не согласуется съ теоріей Юма. При развитіи этого положенія онъ приходитъ къ заключенію, что единственный источникъ нашей идеи о причинной связи есть просто опытъ. Видя, что извѣстныя событія всегда соединяются въ извѣстномъ порядкѣ, мы, ожидаемъ, что они и всегда будутъ соединяться въ томъ же порядкѣ. Это ирраціональное ожиданіе и есть все въ этомъ случаѣ, такъ какъ не имѣется никакой интуитивно-сознаваемой необходимости въ отношеніи причинности. Никакое частное слѣдствіе не можетъ быть логически выведено изъ его причины безъ опыта. На практикѣ мы можемъ умозаключать отъ причинъ къ слѣдствіямъ на основаніи прежняго опыта, предполагая, что будущій опытъ будетъ похожъ на прежній. Насколько мы можемъ умозаключать такъ, мы можемъ признать причинность настолько же въ духѣ, какъ и въ вещахъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы дѣйствительно болѣе увѣрены въ томъ, какъ при данныхъ обстоятельствахъ поступитъ извѣстная личность, чѣмъ въ томъ, каковы будутъ слѣдствія физическихъ свойствъ вещества. Стало быть, Юмъ, несмотря на существованіе въ его теоріи причинности скептическаго элемента, принадлежитъ къ школѣ психоголовъ-детерминистовъ.

Въ своихъ этическихъ теоріяхъ Юмъ признаетъ основаніемъ одобренія нами извѣстныхъ дѣйствій ихъ полезность для дѣятеля или для другихъ. Въ душѣ человѣка есть начало симпатіи, вслѣдствіе которой благо другихъ есть источникъ удовольствія, а вредъ, сдѣланный другому, источникъ страданія даже для тѣхъ, которые лично не потерпѣли. Различныя моральныя добродѣтели получаютъ свои свойства частію отъ той степени, въ какой въ нихъ входятъ элементы желанія личнаго блага и симпатіи къ другимъ, а отчасти отъ относительнаго участія въ ихъ образованіи съ одной стороны чувства, а съ другой разсужденія о средствахъ и цѣляхъ. Разумъ не есть высшій моральный принципъ, онъ только даетъ намъ возможность расчитать средства, которыми мы можемъ достигать цѣлей, предписываемыхъ намъ чувствами, одно изъ коихъ есть неэгоистическое благожелательство. Юмъ говоритъ, что при помощи такихъ различеній можно рѣшить споръ между школами «разума» и «нравственнаго чувства».

Очень близка къ этической доктринѣ Юма и доктрина Адама Смита, изложенная имъ въ его «Теоріи моральныхъ чувствъ» (1759). Отличительнымъ пунктомъ ученія Смита можно признать понятіе о «безпристрастномъ наблюдателѣ». Безпристрастный наблюдатель, благодаря естественному принципу симпатіи, представляетъ себѣ мотивы другихъ и смотря потому, одобряетъ ли онъ ихъ или неодобряетъ, онъ признаетъ поведеніе другихъ нравственно хорошимъ или нравственно дурнымъ. Требованіе морали и состоитъ въ томъ, чтобы дѣйствовать такимъ образомъ, чтобы безпристрастный наблюдатель

Адамъ Смитъ.

симпатизировалъ намъ. Мы имѣемъ возможность составить этическое сужденіе относительно насъ самихъ, спросивъ себя: симпатизировали бы мы, еслибы были на мѣстѣ безпристрастнаго наблюдателя, нашимъ мотивамъ и одобряли бы вызываемое этими мотивами поведеніе. Такимъ образомъ мы можемъ считать безпристрастнымъ наблюдателемъ, находящимся въ насъ самихъ, нашу совѣсть или наше сознаніе.

Гартлей. Обыкновенно творцомъ англійской школы ассоціаціонной психологіи считаютъ Давида Гартлея (1704—57). Такое мнѣніе основательно въ томъ отношеніи, что позднѣйшій ассоціонизмъ происходитъ скорѣе отъ Гартлея, чѣмъ отъ Юма, хотя въ обобщеніи принципа ассоціаціи Юмъ имѣетъ первенство. Ученіе Гартлея изложено въ его «Замѣчаніяхъ о человѣкѣ, его строеніи, его обязанностяхъ и его ожиданіяхъ» (1749). Первое указаніе на свою психологическую теорію онъ получилъ не отъ Юма, а отъ одного священника, нѣкоего Гэя, который случайно воспользовался принципомъ ассоціаціи для объясненія того, какимъ образомъ люди стремятся къ средствамъ, какъ будто они сами составляютъ цѣли дѣйствія. Гартлей дѣлаетъ попытку свести всѣ законы ассоціаціи къ закону смежности во времени или въ пространствѣ. На основаніи одного этого закона не только память, но и явленія воспріятія (перпенціи), мышленія, эмоцій и воли объясняются какъ комбинація духовныхъ элементовъ. Психологическое ученіе объ ассоціаціи идей соединяется тутъ съ теоріей физіологической смежности душевныхъ процессовъ. Эта послѣдняя теорія заимствована отъ одного положенія Ньютона въ его Principia и состоитъ въ положеніи, что соотвѣтственно духовнымъ процессамъ въ нервномъ веществѣ происходятъ физическія колебанія (вибраціи), оставляющія послѣ себя вполнѣ подобныя же колебанія (vibratiuncles). Эти послѣднія не слѣдуетъ считать тожественными съ психическими состояніями, а только ихъ неизмѣнными спутниками. Гартлей по своему психологическому ученію детерминистъ.

Пристлей. Жозефъ Пристлей (1733—1804) болѣе оригиналенъ въ своихъ вкладахъ въ области экспериментальной науки, чѣмъ въ области философіи; тѣмъ не менѣе онъ имѣетъ значеніе и какъ философъ. Въ 1775 году онъ публиковалъ сокращенное изданіе «Замѣчаній» Гартлея подъ заглавіемъ: «Теорія Гартлея о человѣческомъ духѣ на основаніи принципа ассоціаціи идей». Онъ отдѣляетъ психологическое ученіе Гартлея отъ его физическихъ гипотезъ. Въ «Изысканіяхъ о матеріи и духѣ» (1777) и въ «Ученіи о философской необходимости» (1777) онъ защищаетъ матеріализмъ и детерминизмъ. Также какъ и Гартлей онъ старался примирить свое ученіе съ христіанствомъ. Онъ считаетъ деизмъ доказаннымъ устройствомъ вселенной и отвергая понятіе о естественномъ безсмертіи души, онъ

вѣритъ, что человѣкъ будетъ сверхъественно воскрешенъ изъ мертвыхъ.

Къ морали ученіе объ ассоціаціи идей было примѣнено Абраамомъ Тукеромъ (1705—74) въ сочиненіи: Light of Nature pursued, изданномъ въ 1768 году подъ псевдонимомъ Эдуарда Сирча. Тукеръ въ философіи былъ послѣдователемъ Локка, а въ психологіи послѣдователемъ Гартлея. Конечной цѣлью для человѣка онъ признаетъ «собственное удовлетвореніе» (довольство—satisfaction) каждаго. По волѣ Божіей эта цѣль связана съ общимъ благомъ, къ которому и сводятся всѣ правила нравственности. Возможность неэгоистическаго дѣйствія объясняется принципомъ ассоціаціи. Палей, о системѣ котораго будемъ говорить въ слѣдующей главѣ, въ позднѣйшей обработкѣ теологическаго утилитаризма признаетъ свои обязательства предъ Тукеромъ. Тукеръ.

Продолжателемъ этической школы интеллектуалистовъ былъ Ричардъ Прайсъ (1723—91). Изъ прежнихъ англійскихъ моралистовъ онъ всего больше напоминаетъ Кудворта. Онъ былъ близкимъ другомъ Пристлея, но въ перепискѣ между ними, изданной въ 1778 году, Прайсъ былъ защитникомъ ученія о свободѣ воли, объ единствѣ и невещественности человѣческой души. Въ числѣ его друзей былъ и Франклинъ, къ которому онъ обратился съ нѣкоторыми замѣчаніями о статистикѣ, публикованными въ Philosophical transactions 1769 года. Предполагаютъ, что его «Воззваніе къ народу по вопросу о національномъ долгѣ (1771) повліяло на Питта при возстановленіи имъ фонда погашенія, созданнаго Вальполемъ въ 1716 году и уничтоженнаго въ 1733-мъ. Въ своемъ трактатѣ озаглавленномъ «Обзоръ главныхъ вопросовъ нравственности» (1757) онъ утверждаетъ, въ противность мнѣнію Гётчинсона, что идеи о добрѣ и злѣ воспринимаются не чувствомъ (sense), а разумомъ. Эти идеи суть простыя, неподлежащія анализу и воспринимаются интуитивно; дѣйствія хороши или дурны сами по себѣ. Онъ также, какъ и Кларкъ, опредѣляетъ хорошія или дурныя дѣйствія, какъ согласующіяся или несогласующіяся съ настоящимъ отношеніемъ вещей. Своимъ положеніемъ, что разумъ можетъ сдѣлаться мотивомъ дѣйствія, налагая на волю идею справедливаго, какъ законъ для нея, Прайсъ является предшественникомъ этическаго ученія Канта. Прайсъ.

Особенно важно съ научной точки зрѣнія въ этомъ періодѣ—это постепенный выходъ электричества и химіи изъ стадіи попытокъ. Въ другихъ отрасляхъ знанія продолжались открытія. Открытіе Брадлеемъ аберраціи свѣта относится къ предыдущему періоду, но Брадлей получилъ должность королевскаго астронома въ 1742 году и такъ какъ его великое открытіе перемѣщенія оси земли относится къ этому періоду, то мы можетъ говорить здѣсь о всей его дѣятельности.

Астрономія Брадлей.

Одинъ изъ замѣчательныхъ французскихъ ученыхъ (Делабръ; цитируется Уэвелемъ въ его «Исторіи индуктивныхъ наукъ») признаетъ Джемса Брадлея (1692—1762) за его открытія имѣющимъ право считаться замѣчательнѣйшимъ астрономомъ послѣ Гиппарха и Кеплера. Первое изъ двухъ его важныхъ открытій было сдѣлано въ 1727 году. Уже Рёмеръ, датскій астрономъ, вычислилъ скорость свѣта на основаніи наблюденій надъ затмѣніями спутниковъ Юпитера. Брадлей пришелъ къ своему открытію аберраціи свѣта—которая есть слѣдствіе того, что свѣтъ не переносится моментально, а съ извѣстной скоростью—рядомъ наблюденій для опредѣленія годичнаго параллакса неподвижныхъ звѣздъ. При этихъ наблюденіяхъ онъ нашелъ, что звѣзды имѣютъ незначительное кажущееся движеніе, отличное отъ того, которое производится параллаксомъ и наконецъ, онъ напалъ на удачное предположеніе, объясняющее этотъ фактъ. Объясненіе это состоитъ въ томъ, что такъ какъ свѣтъ и наблюдатель на землѣ оба находятся въ движеніи, то кажущееся направленіе видимаго объекта будетъ слегка отклоняться отъ дѣйствительнаго соотвѣтственно составной этихъ двухъ движеній. Брадлей продолжалъ наблюденія въ этомъ направленіи; результатомъ и было другое его важное открытіе, открытіе перемѣщенія оси земли. Сначала онъ считалъ нутацію возможной причиной движенія, объясняемаго аберраціей свѣта, но потомъ отказался отъ такого предположенія. Необходимъ былъ значительный рядъ наблюденій для открытія перемѣщенія земной оси, потому что циклъ его не годичный, какъ циклъ аберраціи, а восемнадцатилѣтній. Въ теченіе этого времени полюсъ земли, помимо движенія, обусловливаемаго прецессіей равноденствій, движется по небольшому эллипсису, такъ что кажущееся положеніе полярной звѣзды нѣсколько измѣняется съ каждымъ годомъ этого цикла. До конца полуцикла въ девять лѣтъ Брадлей создалъ теорію, связывающую перемѣщеніе оси земли съ притяженіемъ луны. Его гипотеза была провѣрена Томасомъ Симпсономъ и другими извѣстными математиками, которымъ онъ предложилъ ее; было доказано, что нутація есть необходимое слѣдствіе закона тяготѣнія. Это открытіе было сдѣлано въ 1747 году.

Физика и химія. Блэкъ. Открытіе углекислоты и скрытой теплоты.

Выдающееся мѣсто среди ученыхъ этого періода, какъ физикъ и химикъ, занимаетъ Жозефъ Блэкъ (1728—99). Въ химіи его имя извѣстно въ связи съ открытіемъ «фиксированнаго воздуха», т. е. углекислоты; а въ физикѣ съ открытіемъ скрытой теплоты. Блэкъ систематически пользовался вѣсами и такимъ образомъ положилъ начало количественной химіи. Онъ доказалъ, что мягкія земли, вродѣ извести и магнезіи, посредствомъ обжиганія становятся ѣдкими, вслѣдствіе выдѣленія особаго рода воздуха, который тяжелѣе атмосфернческаго и негоденъ для дыханія. Блэкъ назвалъ этотъ воздухъ «фиксированнымъ», такъ какъ онъ существуетъ не только въ

газообразномъ состояніи, но въ соединеніи съ другими веществами, вродѣ необожженной извести и магнезіи въ состояніи твердаго тѣла. Открытіе это было сдѣлано въ 1754 году. Съ 1759 до 1763 года Блэкъ занимался изслѣдованіями, приведшими къ теоріи скрытой теплоты. Онъ нашелъ, что при переходѣ тѣла подъ вліяніемъ теплоты изъ твердаго состоянія въ жидкое или изъ жидкаго въ газообразное теплота во все время, необходимое для такого перехода, сообщается тѣлу не повышая его температуры.

Блэкъ назвалъ скрытой теплотой ту, которая измѣняетъ состояніе тѣла, а не его температуру. Онъ доказалъ также, что различныя вещества требуютъ различнаго увеличенія тепла для нагрѣванія всей массы тѣлъ до извѣстной температуры. Это различіе было обозначено терминомъ: специфическая теплота. Блэкъ былъ не только замѣчательнымъ изслѣдователемъ, но и отличался замѣчательно яснымъ изложеніемъ научныхъ данныхъ. Въ 1766 году онъ былъ избранъ на кафедру химіи въ Эдинбургскомъ университетѣ и благодаря его лекціямъ этотъ предметъ сдѣлался модньмъ.

Пристлей. Открытіе кислорода.

Многія важныя открытія въ области пневматической химіи были сдѣланы Пристлеемъ; самымъ важнымъ изъ нихъ было открытіе кислорода, или какъ назвалъ его Пристлей, «дефлогистическаго» (dephlogisticated) воздуха въ 1774 году. Пристлей открылъ, что красная окись ртути при нагрѣваніи выдѣляетъ газъ, лучше поддерживающій горѣніе, чѣмъ обыкновенный воздухъ. Онъ назвалъ этотъ газъ «дефлогистическимъ» воздухомъ, такъ какъ предполагалъ, что этотъ газъ совершенно не имѣетъ въ себѣ флогистона. Онъ утверждалъ, что атмосферическій воздухъ поддерживаетъ горѣніе только до извѣстной степени, такъ какъ онъ только отчасти лишенъ флогистона, причемъ совершающійся процессъ состоитъ въ томъ, что «начало горѣнія» извлекается изъ горящаго тѣла воздухомъ до тѣхъ поръ, пока этотъ послѣдній не будетъ вполнѣ насыщенъ флогистономъ. Воздухъ же насыщенный флогистономъ (phlogisticated) совсѣмъ не поддерживаетъ горѣнія. Пристлей доказалъ, что около одной пятой атмосферическаго воздуха не насыщено флогистономъ и призналъ этотъ элементъ атмосферы тождественнымъ съ воздухомъ, выдѣляемымъ при нагрѣваніи красной окиси ртути. Открытіе Пристлея, усвоенное Лавуазье, повело къ отреченію отъ теоріи флогистона и къ полному преобразованію химіи; самъ Пристлей до конца продолжалъ признавать теорію флогистона и старался объяснять ею всѣ новые факты, открытые какъ имъ самимъ, такъ и другими.

Интересно отмѣтить, что тогдашняя наука отличалась признаніемъ существованія различныхъ мнимыхъ субстанцій, вродѣ флогистона, причемъ каждая изъ такихъ субстанцій изобрѣталась спеціально ради объясненія какой нибудь одной группы фактовъ. Въ теоріи теплоты, напримѣръ, измѣненія температуры или состоянія тѣлъ объяснялись

воспріятіемъ или выдѣленіемъ особой субстанціи теплорода (caloric). Для объясненія электрическихъ явленій были изобрѣтены другія субстанціи, одаренныя такими свойствами, какія считались необходимыми. Всѣ эти понятія, также какъ и понятіе о флогистонѣ, были временно полезны; нѣкоторыя изъ нихъ и теперь еще сохраняются ради удобства математическаго исчисленія или для удобства изложенія; но теперь не полагаютъ уже, что онѣ суть реальности. Отъ нихъ отдѣлались частію благодаря увеличивающемуся координированію разныхъ частей физической науки, а частію вслѣдствіе дальнѣйшаго развитія механическихъ понятій.

Электричество. Франклинъ. Самымъ виднымъ изъ изслѣдователей въ области электричества былъ Веніаминъ Франклинъ, въ 1752 году отправившій изъ Филадельфіи въ Англію отчетъ о своемъ знаменитомъ опытѣ, когда онъ при посредствѣ бумажнаго змѣя извлекъ изъ облаковъ электричество. Этимъ опытомъ, вскорѣ повтореннымъ и подтвержденнымъ въ Англіи и во Франціи, онъ доказалъ тождество—о которомъ и онъ самъ и другіе догадывались уже ранѣе—грома и молніи съ явленіями разряда электричества. Франклинъ былъ теоретикомъ электричества также, какъ и открывателемъ новыхъ фактовъ; онъ былъ однимъ изъ ученыхъ, выработавшихъ представленіе о единой субстанціи, обусловливающей всѣ проявленія электричества. На основаніи такого представленія электрическія отталкиванія и притяженія зависятъ отъ распредѣленія электрической жидкости. Тамъ, гдѣ она собирается въ большомъ количествѣ, тѣло становится наэлектризованнымъ положительно; тѣже части тѣла, изъ коихъ она отвлечена, наэлектризованы отрицательно.

Ватсонъ. Эта теорія электричества, какъ положительнаго и отрицательнаго, была предложена Вильямомъ Ватсономъ (1715—1807), сдѣлавшимъ также много важныхъ фактическихъ открытій. Онъ усовершенствовалъ лейденскую банку, изобрѣтенную около 1745 года и первый замѣтилъ искру, появляющуюся при ея разрядѣ. При опытахъ, устроенныхъ Королевскимъ обществомъ для опредѣленія скорости электричества, онъ былъ главнымъ экспериментаторомъ.

Кантонъ. Другимъ выдающимся изслѣдователемъ въ этой научной дисциплинѣ былъ Джонъ Кантонъ (1718—72). Кантонъ былъ первымъ изъ англичанъ, провѣрившимъ экспериментальное доказательство Франклина о тождествѣ молніи и электричества. Въ слѣдующемъ году (1753) въ Королевскомъ обществѣ была прочитана его статья о «Электрическихъ опытахъ—попытка объясненія отдѣльныхъ явленій». Въ этой статьѣ онъ указываетъ на свое открытіе, что нѣкоторыя облака наэлектризованы положительно, а другія отрицательно. Въ Америкѣ такое же открытіе было сдѣлано Франклиномъ и это обстоятельство было поводомъ къ дружескимъ отношеніямъ между Франклиномъ и Кантономъ. Самымъ важнымъ изъ открытій Кантона

было открытіе электрической индукціи или притяженій и отталкиваній, производимыхъ въ тѣлахъ сосѣдними наэлектризованными тѣлами. Кантону удалось дать и теоретическое объясненіе этихъ явленій, принявъ ученіе о такъ называемой электрической атмосферѣ.

Полная теорія явленій индукціи была выработана Эпинусомъ и Кавендишемъ. Объ этомъ мы скажемъ въ слѣдующей главѣ. Теперь нужно упомянуть о нѣкоторыхъ другихъ важныхъ опытахъ. Пристлей, Кантонъ и другіе изслѣдовали явленія «пироэлектричества». Эти явленія состоятъ въ пріобрѣтеніи электрической полярности нѣкоторыми веществами подъ вліяніемъ теплоты, напримѣръ турмалиномъ. Изслѣдованы были также электрическія свойства у рыбъ. Доказали, что удары ската происхожденія электрическаго. Гунтеръ изучилъ анатомію его органовъ. Въ Philosophical Transactions 1776 года Кавендишъ далъ отчетъ объ устройствѣ искусственнаго ската въ подражаніе явленіямъ, производимымъ живымъ скатомъ. Робертъ Саймеръ около 1759 года сдѣлалъ интересные опыты о электрическихъ явленіяхъ, наблюдаемыхъ въ шолковыхъ и шерстяныхъ чулкахъ одинаковаго и разныхъ цвѣтовъ. Саймеръ поддерживалъ теорію двухъ отдѣльныхъ электрическихъ токовъ, уже предлагаемую раньше Дюфэемъ. Эта теорія также, какъ и теорія одного тока, была постепенно обработана математически. Теперь электрологи приближались уже къ открытію закона электрической силы, соотвѣтствующей силѣ всемірнаго тяготѣнія.

Литература.

Сентсбюри.

Общая характеристика періода.

Историкъ англійской литературы, и въ особенности при бѣгломъ обозрѣніи своего предмета, можетъ найти, что другіе періоды болѣе интересны въ смыслѣ высшей литературной красоты, полнѣе въ смыслѣ различныхъ родовъ литературы, болѣе замѣчательны по знаменитымъ во всемъ мірѣ именамъ авторовъ и вообще болѣе замѣчательны, чѣмъ сорокалѣтній періодъ средины восемнадцатаго вѣка, который намъ надо теперь разсмотрѣть. Но едва ли онъ найдетъ періодъ болѣе законченный и болѣе характерный. Въ этомъ періодѣ господствуетъ странная и характерная фигура Джонсона, и въ теченіи большей части періода господство это было безспорнымъ. Въ этомъ періодѣ мы видимъ появленіе, развитіе и временный упадокъ одного изъ важнѣйшихъ родовъ прозаической фикціи. Точно также

мы видимъ въ этомъ періодѣ появленіе великой англійской исторической школы, и это даже въ томъ случаѣ, если мы отложимъ до слѣдующей главы бесѣду о Гиббонѣ, Боркѣ и Рейнольдсѣ, которые однако принадлежатъ отчасти къ этому періоду. Этотъ періодъ, считая себя вполнѣ «классическимъ» и «корректнымъ», былъ тѣмъ не менѣе началомъ романтическаго возрожденія, которое къ концу періода было представлено Бёрнсомъ, Блэкомъ, Краббомъ и Коуперомъ; въ этомъ періодѣ мы встрѣчаемъ романтическія экскурсіи Перси въ надлежащемъ направленіи и Вальполя, Макферсона и Чаттертона въ направленіяхъ болѣе или менѣе ненадлежащихъ. Въ этомъ періодѣ появилась своя собственная любопытная школа поэзіи, средняя между классицизмомъ и романтизмомъ, представителями которой были Грей и Коллинсъ. Наконецъ этотъ періодъ былъ временемъ Грубъ-Стрита. Въ эти годы, начиная съ того времени, когда Бойзъ писалъ, просунувъ свои руки въ дыры на салфеткѣ, до того, когда Чатертонъ погибъ отъ гордости и къ сожалѣнію, можетъ быть, и отъ безумія, происходили тѣ дѣйствительныя или выдуманныя сцены, которыя изобразилъ Маколей въ одной изъ самыхъ блестящихъ и самыхъ знаменитыхъ изъ его статей и которыя и раньше и позже его съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ изображали и другіе.

Грубъ-Стритъ.

Никто изъ пишущихъ эскизы о литературѣ въ ея связи съ общественной исторіей не можетъ обойтись безъ упоминанія о Грубъ-Стритѣ; должны упомянуть о ней и мы. Я сразу заявляю, что не будучи особенно склоненъ къ парадоксамъ или къ ребяческому желанію не соглашаться съ лучшими изъ авторитетовъ, я тѣмъ не менѣе отношусь нѣсколько подозрительно къ легендамъ о Грубъ-Стритѣ. Можетъ быть, немногіе изъ домовъ этой улицы стояли на прочномъ грунтѣ; я полагаю, что большинство ихъ были воздушными замками фантазіи. Другими словами, я смотрю съ большимъ сомнѣніемъ на изображеніе Маколеемъ обычныхъ и неизбѣжныхъ горестей и бѣдствій, испытываемыхъ будто бы литераторами средины восемнадцатаго вѣка. Извѣстные и страшные примѣры подлежатъ значительнымъ оговоркамъ. Обыкновенно указываютъ на три жертвы: Саважа, Бойза и Чатертона. Но случай Чатертона настолько исключительный, что могъ произойти во всякое время. Саважъ во всякомъ случаѣ былъ маленькимъ поэтомъ, которому посчастливилось имѣть товарищемъ и панегиристомъ человѣка замѣчательнаго и который былъ просто цыганъ, и долженъ былъ погибнуть при всякихъ обстоятельствахъ. Бойзъ былъ такой негодяй, что его собственныя показанія обвиняютъ его въ томъ, что онъ дѣлилъ барыши отъ безчестья его жены, и такой лѣнтяй, что потерялъ хорошую должность только изъ за того, что въ тотъ день, когда ему было нужно явиться съ рекомендательными письмами, шелъ дождь. Изъ

подобныхъ примѣровъ невозможно дѣлать никакихъ общихъ выводовъ; это дѣти, отравляющія себя послѣ совершенія крупной кражи, или такіе господа, которые вслѣдствіе своихъ пороковъ и безумія голодали бы даже въ раю шестишиллинговыхъ повѣстей.

Но Фильдингъ, Коллинсъ, Джонсонъ, Гольдсмитъ, скажутъ намъ, были людьми несомнѣнно талантливыми; нѣкоторые изъ нихъ имѣли слабости, но это были дѣйствительно только слабости, а не что нибудь похуже — и всѣ они сидѣли въ тюрьмѣ или подвергались опасности быть арестованными за долги. Но разберемся въ этомъ поподробнѣе. Коллинсъ, періодъ испытанія для котораго былъ непродолжительнымъ, явился предъ публикой съ самымъ тоненькимъ томикомъ стиховъ, несомнѣнно очень хорошихъ. Я знаю, что многіе полагаютъ, будто благодарная публика сразу же обязана начать кормить поэта черепаховымъ супомъ съ золотой ложки — можетъ быть, она и дѣйствительно обязана дѣлать это; но несомнѣнно и то, что если бы Джонъ Мильтонъ въ семнадцатомъ вѣкѣ или Альфредъ Теннисонъ въ девятнадцатомъ попытались жить и уплачивать по счетамъ на доходы съ «Аллегро» или съ «Дворца искусства», имъ пришлось бы не лучше, чѣмъ Коллинсу. Разсказы о мотовствѣ Фильдинга, можетъ быть, и преувеличены, но несомнѣнно, что у него была способность бросать деньги, а когда онъ взялся за свое настоящее дѣло, онъ, будучи совершенно неизвѣстнымъ беллетристомъ, получилъ за свое первое произведеніе не маленькую сумму, 150 фунтовъ, а за второе даже и значительную, 600 фунтовъ. Джонсонъ явился въ Лондонъ безъ денегъ, безъ рекомендацій, даже безъ университетскаго диплома и хотя обладалъ большой начитанностью, но не имѣлъ никакой спеціальности; притомъ слѣдуетъ помнить, что Джонсонъ былъ, какъ это положительно доказано, совершенно неспособенъ къ усидчивой работѣ, былъ по натурѣ медлителенъ и писалъ только въ минуты настроенія, а эти минуты были у него нечасты. Что касается до Гольдсмита, то даже вѣрующіе въ Грубъ-Стритъ должны сознаться, что поэтъ, который могъ задолжать двѣ тысячи фунтовъ, да кромѣ того истратить не мало заработанныхъ денегъ, не можетъ жаловаться на другихъ, а развѣ только на себя самого, и не долженъ плакаться на безденежье.

Правда, что существуетъ поразительный и съ перваго взгляда необъяснимый контрастъ между тѣмъ временемъ, когда Гарлей и Монтэгю соперничали другъ съ другомъ въ раздаваніи мѣстъ съ пенсіонами знаменитымъ литераторамъ и тѣмъ, когда Вальполь не заботился ни о литературѣ, ни о литераторахъ. Правда и то, что оба эти періода очень отличны отъ позднѣйшаго времени, когда авторы получали значительныя суммы отъ перепечатокъ, или отъ еще болѣе позднѣйшаго времени, когда они въ промежуткахъ между изданіями ихъ большихъ книгъ могли наполнять свои кошельки пи-

саніемъ журнальныхъ статей по пятидесяти или по сту фунтовъ за штуку. Но и тутъ необходимо сдѣлать нѣкоторыя оговорки. Смоллетъ въ срединѣ описываемаго періода заработалъ двѣ тысячи фунтовъ своей «Исторіей Англіи» — очень хорошей компилятивной работой, но все таки только компилятивной. Джонъ Кампбелль, предметъ забавнаго восхваленія Джонсона за его церковничество, работая на книгопродавцевъ, какъ извѣстно, въ теченіе многихъ лѣтъ имѣлъ изрядный доходъ; тоже можно сказать и о Шиббирѣ (Scheb-beare) и о другихъ; а карьера поэта лауреата Вилльяма Уитгида показываетъ, чего можно было достигнуть при очень скромномъ талантѣ, соединенномъ съ почтенной жизнью, съ надлежащимъ прилежаніемъ и съ небольшой протекціей.

Дѣло, кажется, просто въ томъ, что блестящій успѣхъ Аддисона, Свифта и Попа соблазнялъ чрезмѣрно большое и постоянно увеличивающееся количество молодыхъ людей, и университетскихъ и неуниверситетскихъ, сдѣлаться литераторами, что началось отдѣленіе литераторовъ отъ духовныхъ лицъ, что многіе изъ гражданъ Грубъ-Стрита находились подъ вліяніемъ довольно обычнаго заблужденія, будто можно заниматься какимъ нибудь дѣломъ и жить имъ, не будучи совсѣмъ дѣловымъ человѣкомъ и что при этомъ дѣятельность газетъ, передвижныхъ библіотекъ и другихъ учрежденій, дающихъ заработки литераторамъ, еще не достаточно развилась. Но чтобы человѣкъ съ хорошими способностями, съ надлежащимъ благоразуміемъ, съ надлежащимъ прилежаніемъ и съ такой подготовкой къ своей профессіи, какая необходима для всякой профессіи,—если только онъ не былъ сумашедшимъ, вродѣ Коллинса и Смарта—имѣлъ меньше шансовъ пробить себѣ дорогу въ срединѣ восемнадцатаго вѣка, чѣмъ во всякое другое время—это я считаю по крайней мѣрѣ далеко не доказаннымъ.

Самуэль Джонсонъ.

Рядомъ съ сомнительнымъ существованіемъ Грубъ-Стрита особое вниманіе привлекаетъ уже несомнѣнное существованіе ея наиболѣе знаменитаго гражданина, великаго лексикографа. Карьера Джонсона, факты которой благодаря Босвелю и комментаторамъ Босвеля слишкомъ общеизвѣстны, чтобы ихъ стоило пересказывать, началась, собственнно говоря, нѣсколько раньше этого времени, потому что онъ написалъ свою первую поэму и заслужилъ похвалы Попа (пытавшагося также помочь ему) въ 1738 году. Но всѣ послѣдующіе годы были заняты работой для Кэва и только въ 1744 году появилось первое самостоятельное прозаическое произведеніе Джонсона —его чрезвычайно пристрастная, но очень хорошая «Біографія Саважа». Онъ умеръ черезъ сорокъ лѣтъ послѣ этого, т. е. въ теченіе этихъ сорока лѣтъ онъ принадлежитъ къ описываемому теперь періоду. Начало этой продолжительной литературной карьеры извѣстно также мало, какъ хорошо извѣстна вторая ея часть, когда

Небо и Шотландія послали въ Лондонъ его біографа Джемса Босвеля; до сихъ поръ нѣсколько непонятно, какимъ образомъ Джонсонъ, безъ денегъ, безъ знатныхъ друзей, будучи притомъ до нѣкоторой степени затворникомъ и при его литературной дѣятельности, хотя и почтенной, но далеко не великой, могъ занять то положеніе, которое онъ болѣе или менѣе удерживалъ по крайней мѣрѣ тридцать лѣтъ изъ этихъ сорока.

Въ первое изъ этихъ десятилѣтій было объявлено и закончено составленіе «Словаря» (хотя выходъ задержался на нѣкоторое время) и въ 1749 году вышло достопамятное, хотя и не столь громадное, изданіе «Тщеты человѣческихъ желаній»—сочиненія, стоявшаго много выше, чѣмъ «Лондонъ»; въ томъ же году плохая трагедія «Ирена» имѣла нѣкоторый, довольно спорный успѣхъ; потомъ появились интересныя періодическія изданія въ аддисоновскомъ родѣ: Rambler, написанный почти цѣликомъ Джонсономъ между 1750 и 1752 годами и Adventurer, для котораго онъ доставилъ Гавксуорту около полуторы дюжины номеровъ.

Второе десятилѣтіе началось появленіемъ въ свѣтъ «Словаря», весной 1755 года, и знаменитымъ письмомъ къ Честерфильду, которое несомнѣнно представляетъ прекрасный образецъ англійской прозы, но которое, можетъ быть, ужъ черезъ чуръ расхвалено критиками и историками. Цивилизованность Честерфильда была можетъ быть нѣсколько пустой и слащавой, но едва ли была надобность въ такомъ выстрѣлѣ съ девяностопушечнаго корабля, чтобы потопить подобную лодчонку; нѣтъ никакихъ доказательствъ того, чтобы обруганный авторъ «Писемъ» когда либо обманулъ какія либо разумныя надежды Джонсона; неисправимые защитники дьявола могутъ сказать, что такое торжественное увѣщаніе, обращенное къ ихъ патрону, доказываетъ, пожалуй, готовность признать, что патронъ обязанъ быть провидѣніемъ.

Говорить объ этомъ, впрочемъ, не стоитъ. Между 1758 и 1760 годами появился Idler, рядъ статей, составляющихъ цѣлое, стоящее выше Rambler'а. «Расселасъ» появился въ это же время, въ 1759 году и, за исключеніемъ гораздо позднѣйшихъ и болѣе замѣчательныхъ «Біографій поэтовъ», чисто литературная дѣятельность Джонсона была закончена. Были окончены и всѣ его заботы. Онъ всегда былъ тори и хотя онъ былъ также немного якобитомъ, но нѣкоторое соглашеніе между роялистами всякаго рода позволило ему безъ особаго нарушенія приличій принять пенсію отъ Георга III. Было бы лучше, если бы онъ не брался за своего «Шекспира», котораго онъ откладывалъ такъ долго, что противъ него выставляли обвиненія (гораздо болѣе справедливыя, чѣмъ относительно пенсіи) въ безчестности относительно подписчиковъ; да и сдѣлалъ онъ это изданіе въ концѣ концовъ плохо. Въ 1763 году онъ по-

знакомился съ своимъ спутникомъ Босвелемъ и въ слѣдующемъ году появился «Клубъ».

Въ теченіе тридцати лѣтъ Джонсонъ искалъ призванія и пропитанія, въ теченіе слѣдующихъ двадцати лѣтъ онъ находилъ пропитаніе, хотя не вполнѣ нашелъ свое призваніе. Ему оставалось еще цѣлыхъ двадцать лѣтъ жизни, въ теченіе которыхъ,—если оставить въ сторонѣ его постоянное нездоровье и одиночество (такъ какъ его жена, знаменитая Тетти, умерла раньше)—онъ жилъ почти такъ, какъ ему хотѣлось — чего далеко нельзя сказать о большинствѣ другихъ литераторовъ. Его послѣднее жилище въ Больтъ-Кортѣ, не очень модное и блестящее, кажется было очень удобнымъ и приличнымъ; странная компанія домочадцевъ, собравшаяся у него, была собрана имъ по его выбору, а не была ему навязана неохотно признаваемымъ родствомъ или, что еще хуже, неудачнымъ бракомъ; онъ имѣлъ общество, какое ему хотѣлось имѣть и господствовалъ во всякомъ обществѣ, въ которомъ появлялся.

Между 1770 и 1775 годами онъ написалъ четыре политическіе памфлета, наиболѣе извѣстный изъ которыхъ по заглавію — по содержанію то ни одинъ изъ нихъ неизвѣстенъ — это «Обложеніе не есть тиранія»; тутъ Джонсонъ очень логично и съ исторической точностью, но не обращая вниманія на условія и на требованія времени, доказываетъ неосновательность американскаго возстанія. Въ 1773 году онъ поѣхалъ съ Босвелемъ въ Шотландію— это было знаменитымъ путешествіемъ и оба путешественника оставили намъ знаменитые разсказы о немъ. Въ 1775 году онъ сдѣлался докторомъ правъ, а чрезъ два года началъ писать «Біографіи поэтовъ». Послѣдніе его годы были омрачены болѣзнями и припадками меланхоліи, преслѣдовавшими его всю жизнь, а также разрывомъ съ мистриссъ Трэль, домъ которой въ Стритгэмѣ при жизни ея мужа былъ любимымъ его пріютомъ и которая овдовѣвъ и желая выдти замужъ во второй разъ, принимала его не такъ любезно, какъ раньше. Но у него было много другихъ вѣрныхъ друзей отъ Эдмунда Борка до Фанни Бёрней; онъ умеръ 13 декабря 1784 года, навѣрное не самымъ несчастнымъ, хотя и не величайшимъ изъ англичанъ. Мнѣніе, будто судьба была къ нему неблагосклонна, навѣрное преувеличено, но не преувеличено мнѣніе о благосклонности къ нему музъ.

Всѣ компетентные критики—а о Джонсонѣ писали наиболѣе компетентные изъ критиковъ—находили необходимымъ признаніе, что человѣкъ былъ болѣе замѣчателенъ, чѣмъ его произведенія; но при этомъ имъ было не легко указать, въ чемъ именно состояло его величіе какъ человѣка. Послѣ многихъ лишнихъ восхваленій и нѣкоторыхъ преувеличенныхъ умаленій достоинствъ его произведеній, всѣ компетентные критики рѣшили признать эти произведенія, за

исключеніемъ, можетъ быть, «Біографій поэтовъ» второстепенными. Дѣйствительно, «Біографіи поэтовъ» принадлежатъ, пожалуй, къ произведеніямъ невторостепеннымъ, но не онѣ дали Джонсону знаменитость среди современниковъ; можно полагать даже, что онѣ не столько помогли ему сдѣлаться знаменитымъ, сколько раньше пріобрѣтенная имъ знаменитость помогла ихъ успѣху. Въ то время, когда Джонсонъ писалъ ихъ, онъ, человѣкъ, никогда не бывшій особенно скромнымъ ни въ чемъ, кромѣ развѣ вопросовъ религіозныхъ, могъ говорить съ такимъ авторитетомъ, съ какимъ не могли говорить ни Драйденъ, ни Попъ, ни другой Джонсонъ, знаменитый писатель, жившій за полтораста лѣтъ до Самуэля—а авторитетъ въ дѣлѣ критики вещь крайне важная. Молодой адвокатъ можетъ быть такимъ же умнымъ и знающимъ юристомъ, какъ и лордъ главный судья и однако его мнѣніе никогда не можетъ имѣть такого значенія. Но нужно прибавить къ чести Джонсона, что онъ дѣйствительно обладалъ всѣми качествами, необходимыми для судьи и притомъ онъ былъ настоящимъ человѣкомъ своего времени. То, что онъ зналъ, было, можетъ быть, и не то, что стоило бы знать; но его современники считали это стоющимъ знанія; а то, чего онъ не зналъ, можетъ быть и нужно было знать, но его современники не думали такъ. Кромѣ того, несмотря на всѣ его капризы, на всѣ его предразсудки, на всю его скверную привычку защищать все, имѣвшее успѣхъ, онъ обладалъ здравымъ смысломъ въ такое время, когда ни одно свойство человѣческаго ума не цѣнилось такъ высоко, какъ здравый смыслъ. Въ дѣлѣ знанія онъ иногда былъ неправъ, въ дѣлѣ вкуса онъ былъ неправъ часто и всегда былъ неправъ въ своихъ причудахъ. Но онъ былъ вполнѣ честенъ въ своихъ приговорахъ; въ немъ не было ни капли лицемѣрія; нравственная его природа въ лучшія минуты была благороднѣйшая, здоровая и благожелательная. Часто утверждали, что все его величіе создано Босвелемъ. Но его вѣкъ, вѣкъ Борка и Гиббона, не былъ ни глупымъ, ни легкомысленно довѣрчивымъ; современники Босвеля не читали и не ошибались относительно Джонсона. Онъ не былъ величайшимъ или наиболѣе универсальнымъ изъ англійскихъ литераторовъ, но онъ былъ наиболѣе англійскимъ изъ нихъ, и намъ нечего стыдиться, признавая его за наше воплощеніе въ литературѣ, хотя и не за нашъ литературный образецъ.

Новеллисты.

Насколько личность Джонсона является господствующей среди литераторовъ того времени, настолько родъ новеллы (повѣсти) является господствующимъ въ тогдашней литературѣ. Историки литературы могутъ доказывать, что задолго до средины восемнадцатаго вѣка въ Англіи писалось много повѣстей. Но если не называть повѣстью «Гуливера», то никто, кромѣ Дефое, не посвящалъ своихъ силъ прозаической фикціи, а произведенія Дефое не имѣли ни предше-

ственниковъ, ни послѣдователей, они стоятъ совершенно особнякомъ въ литературѣ. Четыре замѣчательные нувеллисты средины восемнадцатаго вѣка не имѣли непосредственныхъ предшественниковъ и имѣли мало послѣдователей и тѣмъ не менѣе ихъ произведенія представляютъ отдѣльное и необходимое развитіе прозаической фикціи. До нихъ существовалъ романъ, существовала и новеллета—произведенія m-me Лафаейетъ и ея послѣдователей во Франціи—но не было новеллы, хотя Мариво могъ бы создать этотъ родъ, еслибы онъ не былъ такъ лѣнивъ и безпеченъ.

Эти четыре нувеллиста были люди различнаго возраста; но самыя раннія изъ произведеній троихъ изъ нихъ (Стернъ стоитъ нѣсколько особнякомъ) почти совпадали по времени и были, навѣрное, результатомъ не подражанія, а примѣра, возбуждающаго оригинальные таланты. «Памела» появилась въ 1740 году; ея пародія, бывшая, однако, болѣе, чѣмъ простой пародіей, «Жозефъ Андрьюсъ» въ 1742-мъ, «Родерикъ Рандомъ» въ 1748-мъ. Ричардсонъ родился въ 1688 году, а умеръ въ 1763-мъ; Фильдингъ родился въ 1707 году, а умеръ въ 1754-мъ; Смоллетъ былъ на четырнадцать лѣтъ моложе Фильдинга, котораго онъ пережилъ на семнадцать лѣтъ и на тридцать лѣтъ моложе Ричардсона. Стернъ (1713—68) приходится между Фильдингомъ и Смоллетомъ, но продолжительное время, проведенное имъ въ бездѣльи въ его іоркширскомъ уединеніи, дѣлаетъ его моложе въ литературѣ; только въ 1760 году появился «Тристрамъ Шэнди», какъ новогодній подарокъ полусмущенной, полуобрадованной публикѣ. Каждый изъ этихъ писателей имѣлъ такія сильныя и оригинальныя дарованія, что почти невѣроятно, чтобы который нибудь изъ нихъ умеръ, не давъ чего нибудь оригинальнаго публикѣ; но каждый изъ нихъ, повидимому, чѣмъ нибудь обязанъ своимъ предшественникамъ и можно предполагать, что въ окружающемъ ихъ обществѣ существовало нѣчто, какое то настроеніе, которое повліяло на всѣхъ ихъ. Какъ бы то ни было, въ теченіе тридцати лѣтъ отъ «Памелы» до «Гумфри Клинкера» они дали тому роду англійской литературы, который до сихъ поръ былъ бѣднѣйшимъ по количеству произведеній, почти бѣднѣйшимъ по своему общественному значенію и, за исключеніемъ произведеній Буніана, Дефое и Свифта, абсолютно бѣднѣйшимъ по литературнымъ достоинствамъ, такое мѣсто, что этотъ родъ въ то время могъ считаться наиболѣе важнымъ изъ всѣхъ литературныхъ родовъ и его важное значеніе въ будущемъ было обезпечено.

Ричардсонъ. Фильдингъ. Смоллетъ. Стернъ.

Въ то время было не мало и другихъ нувеллистовъ; нѣкоторыя изъ ихъ произведеній не совсѣмъ плохи, а другія заслуживаютъ самаго полнаго презрѣнія. Но лучшія изъ нихъ, напримѣръ, прелестная фантазія «Петръ Вилькинсъ», изящная нелѣпость «Джонъ Бункль», почтенныя произведенія Сары Фильдингъ, сестры Генриха, и Шар-

лоты Леннокъ, были не характерными, а исключительными, да и не особенно замѣчательны, какъ исключенія; что же касается до беллетристическаго мусора того времени, скучнаго или грязнаго, пошлаго или надутаго, то мусоръ во всякое время одинаковъ и во всякое время вызываетъ только усмѣшку, да пожатіе плечами. Даже относительно вышеупомянутыхъ замѣчательныхъ произведеній отдѣльная ихъ критика была бы неумѣстной. Можно сказать вообще, что Ричардсонъ былъ первымъ, подчинившимъ простыя приключенія (хотя у него ихъ не мало) обрисовкѣ характеровъ и старательному изображенію обыкновенной жизни, а также былъ первымъ англійскимъ беллетристомъ, заимствовавшимъ у сцены драматическій интересъ и имѣвшимъ на своихъ читателей то очищающее, посредствомъ возбужденія въ нихъ сожалѣнія и ужаса, вліяніе, которое оказываетъ трагедія, и внесшимъ въ свои произведенія ту сатиру на жизнь и обычаи, которая считалась достояніемъ одной только комедіи.

Можно прибавить къ этому, что Фильдингъ, составивъ себѣ такое же представленіе о характерѣ повѣсти (мы не рѣшимся сказать, что онъ заимствовалъ его у Ричардсона), усовершенствовалъ этотъ литературный родъ, введя въ него удивительный, доходящій до гигантскихъ размѣровъ юморъ; онъ съ одной стороны отдѣлался отъ изнѣженности и скучной мелочности описаній, бывшихъ крупными недостатками манеры Ричардсона, а съ другой далъ повѣсти полноту, совершенную человѣчность—свойства, никѣмъ не превзойденныя и равныя которымъ можно встрѣтить только у немногихъ; наконецъ, онъ далъ фикціи правильную архитектуру плана, по искусству и правильности непревзойденную ни однимъ изъ литературныхъ родовъ. Можно указать также, что Смоллетъ, уступая Фильдингу въ этомъ искусствѣ архитектуры произведенія, въ общей человѣчности типовъ, въ высотѣ и ширинѣ юмористическаго изображенія жизни, ввелъ въ повѣсть множество юмористическихъ и занимающихъ вниманіе читателя эпизодовъ, снова соединивъ во едино старую и болѣе разнообразную, хотя и болѣе поверхностную, манеру изображенія событій и приключеній съ новой манерой изображенія характеровъ и нравовъ. Наконецъ, можно сказать, что Стернъ ввелъ въ повѣсть элементъ фантастическій, причемъ несмотря на всю его фантастичность сохраняется главное отличительное свойство всѣхъ четырехъ беллетристовъ — вѣрность дѣйствительности. Ричардсонъ въ этомъ великомъ искусствѣ изображенія жизни является кабалистомъ или схоластикомъ; Фильдингъ—замѣчательнымъ артистомъ и ученымъ; Смоллетъ — веселымъ комикомъ, не боящимся впасть въ фарсъ, а Стернъ—фантастомъ, на половину сантиментальнымъ, на половину насмѣшливымъ какъ Рабле. Но всѣ они, каждый по своему, остаются вѣрны дѣйствительности и всѣ они изображаютъ ее

такимъ образомъ, какой раньше считали достояніемъ только одной поэзіи.

Съ нашей спеціальной точки зрѣнія въ этихъ писателяхъ и въ ихъ произведеніяхъ имѣется нѣчто положительно новое. До сихъ поръ намъ приходилось представлять себѣ, возсоздавать жизнь и людей извѣстной эпохи посредствомъ очень труднаго мыслительнаго процесса. До этого времени историкъ давалъ намъ только отрывочныя указанія; сатирикъ, показанія котораго имѣли, конечно, большую цѣнность, могъ быть не безъ основанія заподозрѣнъ въ преувеличеніи; въ такомъ же преувеличеніи невозможно было не подозрѣвать и драматурга. Не только вѣроятно, но и достовѣрно, что нѣкоторыя преувеличенія встрѣчаются и у Ричардсона и Фильдинга, и еще болѣе у Стерна и Смоллета. Напримѣръ, и въ то время (около 1750 года) было бы не легко встрѣтить въ жизни сквайра Вестерна или сэра Стентора Стиля; можетъ быть пасторъ Трулливеръ нѣсколько отполированъ и изукрашенъ; навѣрное совсѣмъ не было общимъ правиломъ, чтобы молодая лэди съ не вполнѣ безобразнымъ лицомъ и съ нѣкоторымъ состояніемъ не могла выдти изъ дому безъ цѣлаго эскадрона конницы или отряда скороходовъ Боу—Стрита для ея защиты отъ насилія или похищенія. Но это особый родъ преувеличенія, при которомъ беллетристъ ни на одну минуту не выпускаетъ изъ виду вѣрность дѣйствительности. Потому то читатель получаетъ необъяснимое и непоколебимое довѣріе къ автору. Даже въ чрезмѣрной манерности Ричардсона, въ намѣренной юмористичности Смоллета, въ фантазіи Стерна мы чувствуемъ реальность общаго плана и подробностей; это жизнь, какова она есть; а Фильдингъ для насъ является настоящимъ чаровникомъ, докторомъ Фаустомъ. Въ срединѣ восемнадцатаго вѣка имѣлись, конечно, стороны жизни, которыхъ онъ не изобразилъ; но относительно того, что онъ изображалъ, мы знаемъ, что та или иная личность дѣйствительно существовала, что въ ея существованіи намъ невозможно усумниться, что его изображеніе представляетъ доказательство болѣе несомнѣнное, чѣмъ любое предисловіе къ парламентскому акту.

Поэзія. Въ послѣднее время многіе и съ разныхъ точекъ зрѣнія пытались смягчить суровый приговоръ, составленный относительно поэзіи восемнадцатаго вѣка въ началѣ романтическаго движенія и вообще въ первую половину девятнадцатаго вѣка. Это попытки часто были довольно остроумными и иногда не лишены силы. Но какъ бы мы ни смотрѣли на дѣло, какія бы оговорки мы ни дѣлали, что мы можемъ сказать о періодѣ, который въ теченіе сорока лѣтъ отъ смерти Попа до появленія вышеупомянутыхъ четырехъ писателей не далъ ничего, что при крайней даже снисходительности можно бы было назвать настоящей первокласной поэзіей, за исключеніемъ лучшихъ произведеній Грея и Коллинса, недавно вновь найденной образцовой работы

Кита Смарта, немногаго у Шенстона, кой какихъ блёстокъ у Акенсайда, Масона и у немногихъ другихъ? Если все это собрать въ одинъ томъ, то томъ этотъ вышелъ бы очень маленькій; да и то я никакъ не могу признать, что поэтическое содержаніе этого тома равнялось бы произведеніямъ такихъ не особенно видныхъ поэтовъ, какъ Блэкъ и Донне.

И однако этотъ періодъ очень интересенъ, гораздо интереснѣе, чѣмъ могутъ допустить хулители его и даже чѣмъ предполагаютъ благосклонные, но неумѣренные панегиристы. Правда, что о большинствѣ поэтовъ этого періода совершенно невозможно говорить здѣсь. Даже обыкновенные историки литературы умалчиваютъ о произведеніяхъ Мура (не Томаса), Кауторна, Куннингама (не Аллэна) и Яго. Мы не можемъ (да я не хотѣлъ бы, если бы и могъ) говорить объ удивительномъ Вильки, объ его Epigoniad'ѣ, которая предвосхитила лучшія антиякобинскія шутки своимъ знаменитомъ стихомъ:

„Какой проницательный умъ можетъ составить
Хотя слабое понятіе о свирѣпствующей бурѣ“?
(What penetrating mind can rightly form
A faint idea of a raging storm)?

и въ которой рифмуются bough и drew. Мы не можемъ остановиться даже на эпическихъ произведеніяхъ Гловера, на его невозможныхъ «Леонидѣ» и «Атенаидѣ», на его балладѣ «Духъ адмирала Госье; на обоихъ Уитгидахъ («чистомъ Уитгидѣ и ловкомъ Уитгидѣ», какъ ихъ называли въ то время), на Фауксѣ и Ловибондѣ, на Маллетѣ и Бойзѣ, на Джекайнсѣ и Кэмбриджѣ и на многихъ другихъ. Скажемъ только, что если кто нибудь пожелаетъ составить правильное понятіе, не нарушаемое разными нелѣпостями, о характерѣ поэзіи этого періода, тотъ долженъ изучить Джона Ланггорна, родившагося въ 1735 году и умершаго въ 1779-мъ, и Вилльяма Юліуса Микля, родившагося въ 1734-мъ и умершаго въ 1788 году. Первый, о которомъ теперь немногіе знаютъ что либо, кромѣ того развѣ, что онъ былъ невольнымъ посредникомъ между Бёрнсомъ и Скоттомъ въ единственномъ случаѣ, когда они встрѣтились, былъ Краббомъ того періода; а послѣдній Монкомъ Льюсомъ и отчасти Соутеемъ того времени. Ни тотъ, ни другой не былъ во всякомъ случаѣ великимъ поэтомъ и въ произведеніяхъ ихъ (гораздо болѣе заслуживающихъ вниманія, чѣмъ произведенія неосновательно восхваляемаго Беатти и другихъ) слишкомъ все таки замѣтны недостатки, свойственные поэзіи того времени.

Эти недостатки для людей, не имѣющихъ ни времени, ни охоты изучать произведенія меньшихъ поэтовъ, всего лучше могутъ быть показаны изученіемъ болѣе извѣстныхъ поэтовъ; можетъ быть даже, что у нихъ они замѣтнѣе. Оставляя въ сторонѣ Джонсона, который Оссіанъ.

въ сферѣ поэзіи былъ карликомъ, такими извѣстными поэтами можно безспорно признать Шенстона, Коллинса, Грея, Гольдсмита и Чаттертона. Подлогъ Макферсона (потому что несомнѣнно, что это былъ подлогъ) болѣе интересенъ какъ указаніе на тенденцію, чѣмъ по существу. Публика нуждалась въ романтическомъ, въ «смутно кельтскомъ», въ чемъ нибудь такомъ, чего у ней еще не было—и Макферсонъ отвѣтилъ на этотъ запросъ съ нѣкоторой талантливостью. Всѣ другіе вышепоименованные поэты тоже гонялись за удовлетвореніемъ этого запроса публики, не какъ сознательные поддѣлыватели, а какъ честные, но еще неумѣлые художники.

Шенстонъ. Мы перечислили ихъ имена въ хронологическомъ порядкѣ, по годамъ ихъ рожденія, и этотъ порядокъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и порядокъ поэтическаго преемства. Шенстонъ родился въ 1714 году и умеръ чрезъ пятьдесятъ лѣтъ, онъ обладалъ прелестью и свѣжестью утренней зари. Онъ жилъ какъ мелкій провинціальный сквайръ въ небольшомъ помѣстьи Лизоуэсъ и написалъ «Пасторальную балладу» въ четырехъ частяхъ, вполнѣ нереальную и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательную по ея стремленію къ реальному; далѣе—прелестное стихотвореніе въ спенсеровомъ родѣ: «Школьная учительница» (отнюдь не бывшее подражаніемъ Томсону) и нѣсколько стиховъ въ смѣшанномъ родѣ, главнымъ образомъ легкихъ, что было уже большой заслугой. Въ такомъ родѣ поэзіи даже маленькіе поэтики того времени или такіе люди, какъ Байромъ Манчестерскій, котораго было бы несправедливо назвать поэтикомъ, хотя нельзя назвать и поэтомъ, часто писали превосходно. Но Шенстонъ, по природѣ домосѣдъ несмотря на его любовь къ гостинницамъ, въ поэзіи пребываетъ отнюдь не дома. Онъ самъ не знаетъ, гдѣ онъ и къ чему онъ стремится; онъ пишетъ въ стилѣ рококо и pastiche просто потому, что не желаетъ быть ординарнымъ и условнымъ.

Коллинсъ. О Коллинсѣ нѣсколько опасно говорить, потому что очень серьезныя анафемы грозятъ всякому, который рѣшится не признавать Коллинса настоящимъ поэтомъ и ничѣмъ инымъ, какъ поэтомъ. Но всякій критикъ долженъ не бояться никакихъ анафемъ, кромѣ своихъ собственныхъ. Коллинсъ родился въ 1721 году, онъ умеръ въ возрастѣ тридцати восьми лѣтъ; за десять лѣтъ до смерти онъ былъ умалишеннымъ и въ теченіе этихъ десяти лѣтъ онъ не писалъ ничего. Нѣсколько одъ, написанныхъ имъ до его болѣзни, заняли бы не больше ста страничекъ, по двадцати строкъ въ каждой, нашихъ обыкновенныхъ изданій стихотвореній. Въ числѣ ихъ есть прекрасныя вещи—знаменитыя «Страсти», изящная «Панихида въ Цимбелинѣ», прекрасныя «Строки на гробѣ Томсона» и другія. Но поэтъ поетъ въ оковахъ—въ оковахъ не безумія, а условности. Джонсонъ, бывшій добрымъ и вѣрнымъ другомъ Коллинса, хотя и былъ не совсѣмъ умѣлымъ критикомъ романтической поэзіи и скорѣе склон-

нымъ восхищаться классической формой одъ, чѣмъ возмущаться ей, былъ, однако, правъ, когда онъ говорилъ, что фразеологія Коллинса представляетъ образчикъ заблужденія, будто «человѣкъ пишетъ стихами, если онъ не пишетъ прозой». Ни у одного изъ извѣстныхъ мнѣ поэтовъ, ни у Россети, ни у Донне, не замѣчается такого печальнаго недостатка, такой искусственности поэтической дикціи, какъ у Коллинса. И причина этого очевидна. Онъ былъ истиннымъ поэтомъ, но къ несчастію для него пѣлъ въ духѣ одного вѣка на языкѣ другого. Онъ пробовалъ сказать шибболетъ—и не могъ: и хотя съ изящной граціей говорилъ шибболетъ, все же это былъ шибболетъ.

Грей былъ, вѣроятно, ниже Коллинса по своему поэтическому дарованію, но онъ имѣлъ надъ нимъ нѣкоторыя преимущества. Онъ былъ вполнѣ здравомыслящимъ человѣкомъ, воспитывался онъ въ лучшемъ обществѣ, никогда не страдалъ отъ денежныхъ затрудненій; лучшую часть своей пятидесяти пятилѣтней жизни (1716—71) онъ прожилъ удобно, если и не весело, въ Кембриджѣ; онъ былъ знатокомъ какъ классической, такъ и новой литературы. Его настроеніе было тоже романтическимъ, но проклятіе, тяготѣвшее надъ эпохой, не дало и ему настоящаго органа романтизма и онъ пребывалъ въ сумеркахъ. Онъ написалъ очень мало; я лично нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что причиной этого было то, что онъ очень рано понялъ безнадежность разлада между своими понятіями и способностью ихъ выраженія Оставленныя имъ произведенія, хотя и не столь изящны, какъ произведенія Коллинса, страдаютъ меньше отъ разлада между внутреннимъ и внѣшнимъ законами поэтическаго творчества; но за то въ нихъ менѣе внутренней оригинальности, они менѣе интересны. «Элегія» безъ сомнѣнія изящна; но въ ней тѣже недостатки, какъ въ произведеніяхъ Ламартина: она тепленькая, ни то, ни се. Ученость и тонкій вкусъ Грея спасли его въ «Бардѣ» и въ «Роковыхъ сестрахъ» отъ грубой поддѣлки Макферсона и отъ юношеской незрѣлости Чаттертона. Но мнѣ думается—хотя многимъ это и покажется ересью—что онъ лучше въ легкихъ стихотвореніяхъ, вродѣ эпитафіи мечтательной Селимы или «Длинной исторіи»—въ томъ родѣ, въ которомъ были хороши всѣ въ то время и прекрасные образцы котораго можно найти и на нечитаемыхъ теперь страницахъ Смарта и Уитгида. Грей.

«Реликвіи англійской поэзіи» Перси, изданіе которыхъ въ 1765 году можно сказать нанесло роковой, хотя и не непосредственный, ударъ какъ классической, такъ и полуклассической школамъ, было въ нѣкоторомъ родѣ пограничной линіей, отдѣлявшей вышеупомянутыхъ поэтовъ отъ Гольдсмита и Чаттертона. Гольдсмитъ родился въ 1728 году; но онъ долго не писалъ или по крайней мѣрѣ не издавалъ ничего; его «Путешественникъ» появился только въ 1764 году, «Вакфильдскій священникъ» въ 1766-мъ, «Покинутая деревня» въ 1770-мъ, Гольдсмитъ.

a She Stoops to Conquer въ 1773 году. Въ слѣдующемъ году Гольдсмитъ умеръ, оставивъ кромѣ этихъ знаменитыхъ произведеній много недурныхъ компилятивныхъ работъ и прелестныхъ оригинальныхъ— легкія поэмы: «Искупленіе», «Окорокъ ветчины» и другія; прекрасные полуаддисоновскіе, полуфранцузскіе эссеи: «Міровой Гражданинъ», «Пчела» и т. д. Могутъ удивляться, что мы считаемъ Гольдсмита наряду съ Чаттертономъ принадлежащимъ ко времени послѣ «Реликвій» Перси. Объяснимъ это. При всѣхъ значительныхъ переворотахъ, политическихъ, литературныхъ или иныхъ, слѣдствія бываютъ двоякія. Нѣкоторые стоятъ на сторонѣ возстанія, а другіе (такихъ бываетъ меньше, но они не хуже первыхъ) становятся на сторону реакціи. Гольдсмитъ и былъ реакціонеромъ. Онъ не только не обладалъ критической способностью; его замѣчанія о литературѣ обыкновенно настолько же слабы, насколько превосходны его замѣчанія о жизни; Онъ по всей вѣроятности не только былъ готовъ предоставить своему знаменитому друга доктору Джонсону (къ которому онъ питалъ и зависть и вмѣстѣ съ тѣмъ любовь и уваженіе) мыслить за себя, но у него, собственно говоря, не было поэтическаго темперамента, хотя онъ и писалъ прелестные стихи. Потому онъ насмѣхался надъ изученіемъ старыхъ поэтовъ, тщательно избѣгалъ этаго изученія и по формѣ и духу принадлежалъ къ незнайкамъ школы Попа.

Чаттертонъ.

Чаттертона никоимъ образомъ нельзя назвать незнайкой. Въ числѣ многихъ незрѣлыхъ произведеній, оставленныхъ этимъ несчастнымъ юношей, многія совершенно неразличимы отъ обыкновенныхъ виршей версификаторовъ того времени. Но произведеніе, давшее ему знаменитость и о положительномъ значеніи котораго и еще теперь многіе спорятъ, было совсѣмъ иного рода. Онъ не получилъ прямого внушенія отъ Перси, потому что его извѣстныя подражанія «Роулей» были написаны въ 1764 году, когда ему было только двѣнадцать лѣтъ, т.-е. до появленія «Реликвій». Такимъ образомъ это ясный примѣръ вліянія направленія, носящагося въ воздухѣ. Какія попытки онъ дѣлалъ въ этомъ направленіи, какъ онъ обманулъ многихъ невѣжественныхъ и нѣкоторыхъ не совсѣмъ невѣжественныхъ людей, какъ онъ имѣлъ нѣкоторый успѣхъ въ газетахъ и даже добился постановки небольшой пьесы, какъ съ апрѣля до августа 1770 года онъ велъ неравную борьбу съ Лондономъ и слишкомъ быстро уступилъ въ этой борьбѣ, отравившись въ Брукъ-Стритъ въ Гольборнѣ, еще не достигши девятнадцатилѣтняго возраста — все это извѣстно изъ сотень разсказовъ и статей, изъ многихъ пьесъ и поэмъ. То обстоятельство, что его подражанія древнимъ были приняты за подлинныя ихъ произведенія, доказываетъ только то, что его современники были болѣе, чѣмъ онъ, невѣжественны и что они также, какъ и онъ, интересовались всѣмъ средневѣковымъ. Можно спорить о положительной цѣнности его произведеній, но здѣсь это было бы

неумѣстно. Достаточно сказать, что если будетъ вообще доказано, что отъ семнадцатилѣтняго юноши можно требовать чего нибудь большаго, чѣмъ простой надежды, тогда и будетъ необходимо разбирать, было ли что нибудь большее, чѣмъ надежда на будущее, въ дарованіи Чаттертона. О его сотоварищѣ, бывшемъ такимъ же, какъ и онъ, доказательствомъ стремленія тогдашняго общества къ чему нибудь не современному, не ясному, не правильному и не прозаическому, о Макферсонѣ, авторѣ «Оссіана», мы уже упомянули и намъ остается только упомянуть о Чёрчилѣ, довольно ничтожномъ человѣкѣ, не очень достойномъ сатирикѣ, настоящая заслуга котораго (часто просматриваемая) состояла въ томъ, что онъ въ своемъ десятистопномъ стихѣ подражалъ не столько Попу, сколько Драйдену и повліялъ въ этомъ направленіи на своего школьнаго товарища Купера.

Драматурги. Шериданъ.

Выше мы упоминали о пьесѣ Гольдсмита She stoops to Conquer, и это ведетъ насъ отъ поэтовъ къ драматургамъ, которые въ этомъ періодѣ очень любопытны. Легче изобрѣсти, чѣмъ доказать, объясненія внезапнаго процвѣтанія и блеска драмы въ восемьдесятыхъ годахъ восемнадцатаго вѣка. Игра Гаррика не можетъ служить объясненіемъ, потому что онъ былъ на сценѣ уже давно. Да если его сценическая дѣятельность и объясняетъ дѣятельность и удачи такихъ почтенныхъ драматурговъ, какъ Кольманъ, Кумберландъ, Мурфи и м-съ Коулей, она не объясняетъ появленія Гольдсмита и Шеридана и въ особенности послѣдняго. Упомянутая пьеса Гольдсмита: She stoops to Conquer и болѣе ранняя пьеса «Добродушный человѣкъ» имѣли скорѣе беллетристическій интересъ и литературныя достоинства, чѣмъ строго драматическій интересъ. Но «Школа злословія», «Критикъ», «Соперники» и даже «Дуэнья»—это уже чистыя драматическія произведенія и не только пріятныя, но положительно великія—первыя три навѣрное велики въ своемъ родѣ. Крокеръ и Тони Лумпкинъ настолько же у мѣста въ драмѣ, какъ были бы у мѣста въ разсказѣ. Но Пуффъ, сэръ Антони, Жозефъ Сюрфэсъ, такъ сказать, родились на сценѣ и ихъ родная земля только на сценѣ. То обстоятельство, что въ теченіе пятнадцати или двадцати лѣтъ были созданы драматическія произведенія, какихъ не было раньше въ теченіи болѣе чѣмъ шестидесяти лѣтъ и не было по крайней мѣрѣ въ теченіе послѣдующихъ шестидесяти лѣтъ, — это загадка, которую можно развѣ объяснить какой либо фантастической и фаталистической теоріей, а никакъ не трезвымъ изслѣдованіемъ фактовъ.

Историки.

Менѣе загадочно, хотя для большой публики, можетъ быть, и менѣе интересно и во всякомъ случаѣ менѣе эпизодично и менѣе оторвано отъ предыдущаго и послѣдующаго появленіе англійской исторической школы, ведущей свое начало съ этаго періода и, можно сказать достигшей тогда полнаго, хотя еще далеко не законченнаго,

развитія—такъ какъ половина дѣятельности Гиббона относится къ этому періоду, хотя по недостатку мѣста мы и будемъ говорить о немъ въ слѣдующей главѣ. Въ Англіи великіе историки появились поздно, но въ этой сферѣ не было такого почти абсолютнаго отсутствія предшественниковъ, какъ въ другихъ сферахъ прозаической литературы. Во время Елисаветы и Іакова было не мало почтенныхъ хроникеровъ, былъ блестящій мастеръ историческаго стиля Ралейгъ, былъ ученый и компетентный историкъ Ноллесъ. Періодъ гражданскихъ войнъ далъ Англіи, на половину случайно, геніальнаго историческаго портретиста, если не историка, Кларендона. Но послѣ этаго въ теченіе долгаго времени въ области исторіографіи не было сдѣлано ничего; обязанность излагать англійскую и европейскую исторію была представлена эммигрантамъ, вродѣ Рапена, или почтеннымъ, но безнадежно тупымъ людямъ, вродѣ Карта и Гарта.

Было бы совершенно безполезнымъ дѣломъ пытаться посредствомъ очень легко создаваемыхъ и притомъ совершенно фантастическихъ гипотезъ объяснять, почему такой пробѣлъ былъ, повидимому совершенно внезапно и неожиданно, заполненъ Давидомъ Юмомъ (1711—76) и его на десять лѣтъ младшимъ соотечественникомъ Вилльямомъ Робертсономъ (1721—93). Накопленіе историческаго матеріала, примѣръ французскихъ бенедиктинцевъ, какъ образцовъ въ дѣлѣ изысканій, и французскихъ историковъ, начиная съ Мезерея, въ дѣлѣ историческихъ компиляцій, дѣлали необходимыя попытки историческаго синтеза; не безъ вліянія остался, вѣроятно, и примѣръ Конайерса Миддльтона и его «Жизнеописанія Цицерона». То обстоятельство, что и Юмъ и Робертсонъ оба были шотландцами, писавшими съ большимъ трудомъ скорѣе на нѣкоторомъ литературномъ діалектѣ, чѣмъ на обыкновеннымъ разговорномъ языкѣ, было вѣроятно простой случайностью, не требующей никакого особаго объясненія.

Для насъ гораздо важнѣе было то, что они дали образецъ популярной литературной исторіи и что ихъ примѣръ не остался безъ непосредственныхъ подражателей. Важнѣйшія изъ произведеній Юма были не историческими и объ нихъ мы уже говорили: но и его «Исторія» произведеніе значительное. Оно, къ сожалѣнію, и теперь еще остается единственнымъ примѣромъ «Исторіи Англіи», отличающейся и значительной силой ума и выдающимся мастерствомъ стиля. Старыя обвиненія въ партійности положительно смѣшны. Торизмъ Юма не заставлялъ его отступать отъ полнаго безпристрастія, какъ заставляли отступать отъ нее папизмъ Лингарда, виггизмъ Маколея и неолиберализмъ Грина; а кромѣ того у него была ясность настроенія, которой, къ сожалѣнію, не обладалъ ни одинъ изъ этихъ трехъ историковъ. Болѣе серьезными недостатками—изъ которыхъ одинъ былъ болѣе или менѣе неизбѣжнымъ, а другой былъ свойственнымъ всей эпохѣ — были неполнота свѣдѣній и нѣсколько ка-

валерственная манера обращенія съ историческими данными. Но можно полагать, что его мастерство изложенія и стиля искупаетъ даже эти недостатки.

Робертсонъ

По сравненію съ Юмомъ Робертсонъ былъ менѣе талантливымъ человѣкомъ, но за то онъ всецѣло посвятилъ себя исторіи. Его «Исторія Шотландіи» въ 1758 году и «Исторія Карла V», написанная одиннадцать лѣтъ позже, дали ему много славы, много денегъ и несравненное положеніе—и онъ заслуживалъ этаго. Если эти историки нѣсколько и шокируютъ насъ своимъ пренебреженіемъ къ документамъ и подробностямъ, за то они имѣютъ громадное преимущество предъ своими послѣдователями (кромѣ Гиббона) въ томъ, что они изъ за деревьевъ не теряютъ изъ виду лѣса. Взгляды ихъ опредѣленные и, какія бы мелкія поправки ни сдѣлали въ этихъ взглядахъ люди, любящіе архивную пыль, они обыкновенно широки и вѣрны.

Гиббонъ.

Не намъ приходится говорить о томъ, насколько такой широтой и вѣрностью взглядовъ обладалъ Гиббонъ. Нашъ эскизъ литературы этаго періода близится къ концу и мѣста намъ остается лишь настолько, чтобы воздать въ двухъ словахъ должное человѣку, который былъ величайшимъ историкомъ на свѣтѣ, какимъ бы оговоркамъ не подвергали такое утвержденіе. И однако, онъ былъ типическимъ писателемъ своего времени, если не по своимъ достоинствамъ, то по своимъ недостаткамъ. Замыселъ и начало его великаго сочиненія относятся къ этому періоду и его слава освѣщаетъ это періодъ настолько же, если не болѣе, чѣмъ слѣдущій.

Мы не можемъ говорить о Боркѣ, такъ какъ наиболѣе блестящее и монументальное произведеніе Бёрка — то сочиненіе, въ которомъ онъ пытался и съ большимъ, чѣмъ кто либо изъ писателей, успѣхомъ остановить и предотвратить потокъ французской революціи— было написано позднѣе; съ еще большимъ удобствомъ можно отложить бесѣду о Рейнольдсѣ и о его серьезныхъ и талантливыхъ работахъ объ англійскомъ искусствѣ. Но этотъ періодъ былъ уже предтечей новаго времени, такъ какъ къ нему принадлежитъ писатели, не создавшіе эпохи, не великіе, но настолько хорошіе, что хроникеръ литературы неохотно умалчиваетъ о нихъ. Веслеи были замѣчательными не только какъ проповѣдники, а и какъ авторы гимновъ; младшій изъ нихъ Карлъ (1708 — 78) былъ недюжиннымъ поэтомъ. Въ беллетристикѣ Chrysal почти неизвѣстнаго Карла Джонстона, подражаніе Смоллету, которому подражалъ и Медменгамъ; эксцентричный «Знатный дуракъ» Брука, хорошая книга для чтенія въ гостинницѣ во время дождливой погоды, и даже первое произведеніе Макензи «Чувствительный человѣкъ», авторъ которой знакомъ намъ по «Скотту» Локгарта, написанному почти шестьдесятъ лѣтъ позже—по крайней мѣрѣ заслуживаютъ упоминанія. «Новый путе-

водитель по Бату» Анстея (1776) написанъ стилемъ не поэтическимъ и не прозаическимъ и имѣлъ вліяніе на будущій легкій стихъ. Но не пытаясь болѣе дѣлать полное перечисленіе всѣхъ именъ тогдашнихъ писателей, мы можемъ закончить нашъ обзоръ указаніемъ на эссеистовъ, бывшихъ предшественниками позднѣйшихъ газетчиковъ и журналистовъ.

Эссеисты. Письма и мемуары.

Традиціи аддисоновской школы еще продолжали существовать; къ эссеистамъ этой школы присоединились, какъ уже было сказано, и такіе люди, какъ Джонсонъ и Гольдсмитъ. Но въ этомъ родѣ литературы наиболѣе замѣтными были двое людей знатнаго происхожденія, которые подобно Конгреву, хотѣли считаться только джентльменами и однако гонялись за милостями музъ. Одинъ изъ нихъ — это графъ Филиппъ Честерфильдъ, а другой Орасъ Вальполь, который умеръ съ титуломъ тоже настоящаго графа, графа Орфорда, по котораго никто иначе никогда не называетъ, какъ просто Вальполемъ.

Оба эти писателя были вполнѣ людьми своего времени и такъ какъ одинъ изъ нихъ на двадцать пять лѣтъ моложе другого, то они даютъ намъ полную и несравненную картину восемнадцатаго вѣка, какъ онъ отразился на характерѣ личностей высокого происхожденія, превосходнаго образованія и исключительной талантливости. Оба они прожили долго. Честерфильдъ, родившійся въ 1694 году, умеръ въ 1773-мъ; Орасъ Вальполь, родившійся въ 1717 году, умеръ въ 1797-мъ. Честерфильдъ, государственный человѣкъ и придворный, принадлежалъ къ вѣку меценатства и безплодной корректности скорѣе, чѣмъ къ вѣку романтическихъ изысканій. Но его извѣстныя «Письма» къ его незаконному сыну, его Characters и немногія его стихотворенія доказываютъ, что это былъ человѣкъ съ замѣчательными умственными способностями, который могъ сдѣлать многое, да и сдѣлалъ не мало. Вальполь, младшій сынъ, не обладавшій особенными политическими и государственными способностями, виртуозъ и диллетантъ, очень рано началъ заниматься готической архитектурой, стилемъ ренесанса, средневѣковымъ романомъ и коллективированіемъ и былъ представителемъ совершенно иного и позднѣйшаго теченія. Ни одинъ изъ нихъ не издавалъ много; но Честерфильдъ самъ не издалъ ничего (Письма были изданы послѣ его смерти его невѣсткой), а Вальполь имѣлъ свою типографію и издалъ кое-что. Но извѣстность онъ пріобрѣлъ не своими «Царственными и благородными писателями», не своей «Таинственной матерью», даже не своимъ «Отрантскимъ замкомъ», хотя это послѣднее произведеніе и интересно для исторіи англійскаго романа, а своими многочисленными, разнообразными и пріятными письмами, полнаго собранія которыхъ, къ сожалѣнію, не имѣется. Лэди Мэри, т. е. Марія Вортлей Монтэгю, и лордъ Гервей раньше сдѣлали кое что въ этомъ напра-

вленіи, такъ что Англія не сильно осталась позади Франціи въ жанрѣ писемъ и мемуаровъ. Еще болѣе сдѣлалъ Честерфильдъ; но больше всѣхъ сдѣлалъ несомнѣнно Вальполь. Онъ, разумѣется, франтъ и хлыщъ, какъ часто презрительно называли его; у него были всѣ недостатки человѣка, родившагося на бахромѣ пурпурной мантіи, у него этихъ недостатковъ даже больше, чѣмъ у самихъ носителей такой мантіи; онъ былъ плохимъ критикомъ дѣятельности другихъ и не особенно хорошо оцѣнивалъ и свою собственную дѣятельность. Но его произведенія недурны въ литературномъ отношеніи и неоцѣнимы въ историческомъ. Вмѣстѣ съ «Джонсономъ» Босвеля они даютъ намъ почти полную картину интеллектуальной, общественной и литературной жизни этого періода и представляютъ необходимое пособіе для того, чтобы наслаждаться и чтобы вполнѣ понять «Оду о страстяхъ», «Элегію на деревенскомъ кладбищѣ», «Тома Джонса», «Клариссу», «Гумфри Клинкера», «Тристрама Шэнди», Rambler, Decline and Fall, She Stoops of Conquer и «Школу злословія».

Искусство.

Гугса.

Общество диллетантовъ. Томасъ Гудзонъ.

Воцареніе Георга II можно назвать предразсвѣтнымъ мракомъ въ исторіи искусства. Въ 1727 году, въ годъ его восшествія на престолъ, Гогарту, въ то время извѣстному только какъ искусный рисовальщикъ, было уже двадцать девять лѣтъ; Ричарду Вильсону тринадцать; Рейнольдсъ былъ четырехлѣтнимъ ребенкомъ, а Фрэнсизъ Котсъ двухлѣтнимъ. Гэнсборо былъ груднымъ младенцемъ. Ромней и Райтъ Дерби родились позже. Дворъ при Георгѣ II былъ не менѣе чужестраннымъ, чѣмъ при его отцѣ. Онъ не заботился объ искусствѣ и съ одинаковымъ равнодушіемъ относился какъ къ иностраннымъ, такъ и къ туземнымъ художникамъ. Тѣмъ не менѣе, при Георгѣ II уже начинается поощреніе искусства знатоками, можетъ быть не всегда понимающими дѣло. Въ 1734 году было учреждено «общество диллетантовъ» группой «изящныхъ джентльменовъ», которые послѣ поѣздокъ по Италіи «пожелали поощрять на родинѣ вкусъ къ тѣмъ предметамъ, которые такъ много удовольствія доставили имъ заграницей». Конечно, въ 1734 году названіе диллетантовъ не имѣло въ себѣ ничего позорнаго. Многіе изъ основателей общества были настоящими любителями, а нѣкоторые и людьми знающими. Они составляли экспедиціи для археологическихъ изслѣдованій, издавали описанія путешествій по странамъ, гдѣ когда-то

процвѣтало искусство, устраивали курсы и вообще играли роль комитета для развитія изящнаго вкуса. Ихъ поддерживало основанное девятнадцать лѣтъ позже «общество искусства», преслѣдовавшее болѣе утилитарныя цѣли. Оба общества назначали преміи для соревнованія художниковъ, давали свои помѣщенія подъ выставки и оказывали искусству и художникамъ покровительство, если и не всегда просвѣщенное, то всегда послѣдовательное и искреннее. Если дворъ не былъ щедрымъ по отношенію къ туземнымъ художникамъ, то онъ не былъ щедрымъ и къ пріѣхавшимъ изъ за границы, хотя среди нихъ бывали и выдающіеся люди, вродѣ Леотарда и Каналлети, по долгу жившіе въ Англіи. Въ сферѣ тогдашняго искусства наиболѣе выдающимися людьми были Жервасъ, Ричардсонъ и жанристъ Гейманъ. Имъ наслѣдовалъ Томасъ Гудсонъ, бывшій до появленія Рейнольдса моднымъ портретистомъ. Его chef d'oeuvre—это семейная группа, написанная по заказу Карла герцога Марльборо; но написана она только въ шестидесятыхъ годахъ столѣтія и вѣроятно, что къ этому времени онъ выучился кое чему отъ младшаго поколѣнія, къ которому выражалъ такое презрѣніе. Знаніе и проницательность этого имѣвшаго въ то время успѣхъ художника видны изъ того, что онъ высказалъ презрѣніе къ своему ученику Рейнольдсу и говорилъ про него, что «онъ никогда не отличится». Вообще говоря, англійскіе художники начала царствованія Георга II вполнѣ заслуживаютъ забвенія, сдѣлавшагося ихъ удѣломъ—за исключеніемъ, конечно, Гогарта, геніальная дѣятельность котораго заполняетъ періодъ до появленія Рейнольдса и его современниковъ.

Гогартъ.

Вѣроятно, ни одинъ великій художникъ не имѣлъ такихъ ограниченныхъ дарованій отъ природы, какъ Гогартъ. Онъ не обладалъ пониманіемъ высшихъ родовъ красоты, онъ былъ равнодушенъ къ утонченнымъ наслажденіямъ, доставляемымъ колоритомъ и формой; въ его произведеніяхъ не было ни капли поэзіи и, однако, для родного искусства онъ сдѣлалъ больше кого либо, раньше или позже его жившаго. Въ англійскомъ искусствѣ до него царили неискренность и аффектація, не было ни честности, ни возвышенности стремленій и эти недостатки не искупались техническими достоинствами. Онъ внесъ въ искусство правду и уничтожилъ обманъ. Онъ выучилъ англичанъ понимать, что мужчины и женщины эпохи Георговъ во всякомъ случаѣ болѣе достойны изображенія, чѣмъ фигуры мнимой мифологіи и что трагедія ежедневной жизни даетъ для кисти художника болѣе интересные сюжеты, чѣмъ фиктивныя горести боговъ и пастушекъ. Даже Пивная улица и Водочный переулокъ въ Лондонѣ пригоднѣе для цѣлей художника, чѣмъ офранцуженная и приглаженная Аркадія.

Гогартъ родился въ Бартоломью-Клозъ 10 ноября 1697 года. Отецъ его былъ сыномъ бѣднаго вестморландскаго фермера, но онъ

былъ человѣкъ съ нѣкоторымъ образованіемъ и добывалъ пропитаніе частію корректурой, а частію въ качествѣ писателя Грубъ Стрита. Сынъ его Вилльямъ по его желанію былъ отданъ въ ученики къ Гамблю, граверу на серебрѣ въ Кранбурнской улицѣ. Онъ выучился гравировать на мѣди и первой его работой послѣ годовъ обученія была его собственная карточка: «В. Гогартъ, граверъ, 23 апрѣля 1720 года». Отъ карточекъ и виньетокъ на счетахъ онъ перешелъ къ гравюрамъ для посуды и къ сатирическимъ рисункамъ, а потомъ къ иллюстраціямъ книгъ, вродѣ путешествій Обри-де-ла Мотрея и «Апулея» Бриско. Онѣ не особенно характерны, но уже въ 1724 году онъ издалъ «Городскіе вкусы», гдѣ осмѣивалъ моднаго «человѣка на всѣ руки», Вилльяма Кента. Это, кажется, была первая гравюра, изданная имъ на собственный счетъ. За ней послѣдовали карикатура на алтарную картину Кента и иллюстраціи къ «Гудибрасу». Въ нихъ много грубаго и живого юмора, уже настоящаго гогартовскаго, хотя сюжеты и заимствованы у другого. Такъ какъ въ то время была особенно сильна конкуренція между Кентомъ и Торнгиллемъ, то нападки Гогарта на перваго обратили на него вниманіе Торнгилля, допустившаго его въ свою студію и обучившаго его рисовать масляными красками. Гогартъ началъ рисовать семейныя группы—небольшія «разговорныя пьесы», какъ онъ называлъ ихъ (conversation pieces) и въ этомъ родѣ онъ достигъ значительнаго искусства.

Въ 1729 году онъ убѣжалъ съ дочерью Торнгилля, но при этомъ подозрѣвали, что побѣгу способствовала сама мать дѣвушки. Вскорѣ послѣ этого брака онъ началъ рисовать первую изъ «Карьеръ», обезсмертившихъ его имя. Для грубости нравовъ того времени характерно то обстоятельство, что онъ въ такую минуту своей жизни, будучи новобрачнымъ, избралъ такой сюжетъ, какъ «Карьера распутницы». Эта серія изъ шести картинъ есть настоящій микрокозмъ искусства Гогарта—искусства несравненно искренняго, пикантнаго, интереснаго и вполнѣ драматичнаго. Но въ «Карьерѣ распутницы» нѣтъ ни одной искры нѣжности. Деревенская дѣвушка, соблазненная въ первой картинѣ сводней, по мнѣнію Гогарту заслуживаетъ своей судьбы, переходя отъ счастья быть любовницей еврея къ Бридуэлю, къ тяжелому труду, къ «болѣзни и смерти, къ позорному погребенію и къ забытой могилѣ». Въ послѣднемъ актѣ художникъ въ особенности неумолимъ; о «распутницѣ» никто не пожалѣетъ; даже ея дитя нисколько не тронуто, оно на переднемъ планѣ картины закручиваетъ свою косичку—«единственное лицо въ этой компаніи—по словамъ Эліа—которое не лицемѣритъ». Отсутствіе нѣжности еще болѣе замѣтно въ слѣдующей серіи: «Карьера распутника». Но въ этой серіи въ первый и въ послѣдній разъ встрѣчается попытка пафоса. Дѣвушка, соблазненная Томомъ Рэку-

элемъ, изображена нѣсколько разъ. Въ первой картинѣ онъ бросаетъ ее, въ четвертой она предлагаетъ ему ея кошелекъ, чтобы уплатить долгъ, за который его хотятъ арестовать. Въ седьмой и послѣдней она утѣшаетъ своего соблазнителя, теперь неисцѣлимаго маніака въ Бедламѣ. Но и въ этихъ картинахъ сантиментальный или патетическій мотивъ разработывается безъ дѣйствительной симпатіи и безъ признаковъ энергіи и геніальности, съ какими Гогартъ разработываетъ наиболѣе отвратительные инциденты. При сужденіи объ этихъ произведеніяхъ слѣдуетъ помнить, что обѣ серіи создавались съ цѣлью воспроизведенія ихъ въ гравюрахъ и что Гогарта слѣдуетъ судить не просто какъ художника, а какъ художника-гравера.

Въ промежутокъ времени между изданіями этихъ двухъ серій Гогартъ положилъ основаніе англійскому законодательству о правѣ собственности на художественныя произведенія. Вмѣстѣ съ Георгомъ Виртю и другими граверами и издателями онъ обратился въ парламентъ съ петиціей о принятіи акта, гарантирующаго исключительную собственность художника на его произведенія. Эта петиція повела къ внесенію билля, 15 мая 1735 года утвержденнаго королемъ, какъ разъ во время, чтобы серія «Карьера распутника» вышла подъ защитой закона. Гогартъ имѣлъ право предъ своей смертью сказать, что «онъ сдѣлалъ гравюры значительной отраслью торговли этой страны; теперь здѣсь это занятіе болѣе распространено, чѣмъ въ Парижѣ или въ какомъ либо другомъ мѣстѣ». Безспорно, что Гогартъ теперь нашелъ свое настоящее призваніе, хотя онъ всегда стремился къ стилю исторической живописи, т. е. къ такому ея роду, въ которомъ онъ не могъ имѣть успѣха. Онъ самъ говоритъ: «находя, что религія, самая главная поощрительница этого стиля въ другихъ странахъ, отвергаетъ его въ Англіи, онъ не желаетъ сдѣлаться ремесленникомъ портретистомъ и желая быть оригинальнымъ, оставилъ всякую надежду добиться успѣха въ этомъ родѣ искусства.

Гогартъ, самъ не получившій правильнаго художественнаго обученія, тѣмъ не менѣе понималъ значеніе такого обученія; послѣ смерти Торнгилля въ 1734 году, когда онъ получилъ, какъ онъ выражался, его «заброшенный аппаратъ», онъ нанялъ студію Рубилльяка во дворѣ Петра въ переулкѣ св. Мартина и при помощи нѣкоторыхъ художниковъ устроилъ тамъ школу. Онъ объявилъ съ свойственной англичанамъ самоувѣренностью, что эта школа „для практическихъ цѣлей равна французской или существующей въ любой странѣ». Во всякомъ случаѣ, въ ней обучалось большинство позднѣйшихъ художниковъ царствованія Георга II; она процвѣтала до 1768 года, когда «аппаратъ» перешелъ къ вновь основанной Королевской академіи. Болѣе сомнительной услугой его предъ искусствомъ была его

неутомимая вражда къ тѣмъ художникамъ, которыхъ онъ называлъ «черными мастерами», или лучше сказать, къ тѣмъ гравюрамъ съ картинъ, которыя предлагались публикѣ продавцами картинъ [1]). Въ письмѣ къ м-съ Піоцци о докторѣ Джонсонѣ онъ говоритъ, что его разговоръ сравнительно съ разговорами другихъ—это тоже, что живопись Тиціана по сравненію съ картинами Гудзона. «Но, прибавляетъ онъ, вы не говорите объ этомъ другимъ, потому что я, какъ вамъ извѣстно, воюю съ знатоками и такъ какъ я ненавижу ихъ, то они и полагаютъ, что я ненавижу Тиціана — ну, и пусть ихъ».

Во всякомъ случаѣ онъ не стѣснялся сообщать всѣмъ, что онъ ненавидитъ и презираетъ иностранное искусство. И кстати и некстати онъ высказывалъ свою враждебность. Для своего извѣстнаго аукціона въ февралѣ 1745 года онъ выпустилъ билеты «для лицъ, желающихъ быть покупателями картинъ Гогарта», и на билетахъ изобразилъ свою борьбу съ «черными мастерами». Колѣнопреклоненная Магдалина пробиваетъ дыру въ несчастной «Распутницѣ», также немилосердно обращаетея св. Францискъ съ неподражаемой скромницей въ картинѣ «Утро»; сцена въ тавернѣ въ картинѣ «Карьера распутника» пробиваетъ себѣ дорогу мимо «Олимпійскаго праздника» Тиціана, «Полночный современный разговоръ» прогоняетъ «Вакханаліи». Рубенса. Очевидно, что для Гогарта не одна «чернота» старыхъ мастеровъ составляла ихъ преступленіе. Любопытно отмѣтить цѣны, по которымъ были проданы произведенія Гогарта на этомъ аукціонѣ:

Шесть картинъ «Карьеры распутницы» по 14 гиней каждая	88 ф. 4 ш.
Восемь картинъ «Карьеры распутника» по 22 гиней каждая	184 ф. 16 ш.
«Утро»	21 ф.
«Полдень»	38 ф. 17 ш.
«Вечеръ»	39 ф. 18 ш.
«Ночь»	27 ф. 6 ш.
«Бродячіе актеры	27 ф. 6 ш.
	427 ф. 7 ш.

Въ 1745 году, въ годъ аукціона, слава Гогарта и его производительность достигаютъ апогея. Въ этомъ году онъ закончилъ «Модный бракъ», образцовое свое произведеніе въ сатирическомъ жанрѣ, а за годъ раньше онъ написалъ свой образцовый портретъ Симона Фразера лорда Ловата. Вторую картину «Брака» не только по драматической силѣ, но и по художественнымъ достоинствамъ, можно считать лучшимъ его произведеніемъ.

---

[1]) Забавный разсказъ объ ихъ хитростяхъ въ письмѣ Гогарта въ St. James Evening Post въ защиту картинъ Торнгилля, подписано „Бритофилъ“ (1737 г. Hogarth—Добсона).

Размѣры нашей работы не позволяютъ намъ подробнаго разсмотрѣнія всей дѣятельности великаго художника. Наше удивленіе къ его величію не уменьшается отъ оцѣнки его личныхъ качествъ. Къ счастію, онъ самъ нарисовалъ себя такимъ, какимъ по его желанію мы должны представлять его себѣ, и этотъ портретъ есть настоящее образцовое произведеніе, замѣняющее цѣлую біографію. На немъ мы видимъ личность неизящную, простую, плебейскую, грубоватую, обладающую проницательностью и здравымъ смысломъ, не великаго ученаго и не великаго мыслителя, а просто честнаго и прямого изслѣдователя истины, какъ онъ понималъ ее, И намъ незачѣмъ напоминать объ ограниченности его художественныхъ дарованій. Его портреты, несомнѣнно, ничемъ не отличаются отъ обычной работы, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда лицо и фигура изображаемаго человѣка даютъ возможность прибѣгнуть къ сатирѣ. Онъ могъ изобразить грубость и коварство лорда Ловата или юмористическую насмѣшливость Уилькса съ большой силой проникновенія, но его «Капитанъ Корамъ въ сиротскомъ домѣ», несмотря на всѣ свои достоинства, вещь вполнѣ ординарная. Въ его «Сигизмундѣ», нарисованной старательно и масляными красками, нѣтъ силы, а его священныя изображенія, вродѣ «Павла предъ Феликсомъ» въ передней Линкольнсъ—Инна, имѣютъ всѣ недостатки худшихъ изъ «черныхъ мастеровъ». Фигура Павла можетъ считаться самымъ худшимъ образцомъ школы упадка итальянскаго искусства. И все же онъ создалъ школу—главнымъ образомъ, правда, школу карикатуры, но все же настоящую и оригинальную. Вліяніе Гогарта мы видимъ не только у Жильрея и Роуландсона, но и у Крюйкшанкса и Дойля старшаго. Многіе замѣчаютъ даже вліяніе его двухъ «Карьеръ» въ сатирѣ Лича и даже у художниковъ еще болѣе позднихъ. Насколько бы не превосходили его въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ художники девятнадцатаго вѣка, онъ навсегда останется величайшимъ изъ драматическихъ рисовальщиковъ Англіи.

Вліяніе Гогарта было здоровымъ вліяніемъ; онъ не имѣлъ, какъ мы замѣтили, чувства красоты формъ, онъ не былъ и великимъ колористомъ; но его рисунокъ твердъ и легокъ, и цвѣтъ надлежащій и часто очень удачный. Но, по вѣрному замѣчанію его біографа, своего единственнаго положенія среди англійскихъ художниковъ онъ достигъ не своими заслугами въ качествѣ гравера, не своими достоинствами какъ художникъ. «Его главное право на память въ потомствѣ состоитъ въ томъ, что онъ былъ художникомъ-хроникеромъ жизни и нравовъ, сатирикомъ и юмористомъ на полотнѣ. Его искусство схватывать смѣшное и фантастическое можетъ быть сравниваемо только съ его способностью передавать трагическое и ужасное. Онъ не только умѣлъ правильно смотрѣть и выбирать безъ колебаній, но и соединялъ съ такой способностью рѣдкую и замѣчатель-

шую способность повѣствованія въ дѣйствіи. Другіе художники имѣли успѣхъ въ сценахъ юмористическаго жанра или въ отдѣльныхъ сценахъ страсти и ужаса, но ни одинъ не обладалъ такой драматической способностью, ни одинъ съ такой ловкостью и увѣренностью не проявлялъ ее въ одной картинѣ за другой, какъ этотъ драматургъ кисти. Выбрать какое нибудь общественное зло, какой нибудь модный порокъ, строго показать его людямъ съ «окаменѣлыми сердцами», живо вообразить его и изобразить со всей силой безпощаднаго реализма, сорвать съ него всѣ условныя одежды, ударить его въ самое чувствительное мѣсто, обнажить его тайныя и позорныя слѣдствія до самаго ихъ неизбѣжнаго конца, играть съ нимъ съ неисчерпаемымъ остроуміемъ, съ удачнѣйшимъ и смѣлымъ юморомъ, украсить его всѣми фантастическими и внушительными деталями, постоянно помнить даже въ минуты серьезности, что въ жизни шутовское соприкасается съ патетическимъ, что странный и ядовитый смѣхъ Мефистофеля постоянно слышится при разсказѣ о самомъ грустномъ въ жизни—таковы были его дарованія, таково было его призваніе... и въ немъ онъ никогда не имѣлъ соперниковъ».

Ландшафтъ. Ричардъ Вильсонъ.

Если мы можемъ признать Гогарта творцомъ жанровой англійской живописи, то съ такимъ же основаніемъ мы можемъ признать и Ричарда Вальсона творцемъ англійскаго ландшафта, хотя и не современнаго. Онъ былъ моложе Гогарта на шестнадцать лѣтъ и родился въ августѣ 1714 года въ Пенагосѣ, деревнѣ въ Монтгомериширѣ, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Повидимому, онъ проявилъ способность къ живописи, такъ какъ отецъ отправилъ его въ Лондонъ и помѣстилъ въ студію къ неизвѣстному портретисту Райту. Онъ самъ началъ съ портретовъ и хотя дошедшіе до насъ портреты не отличаются никакими выдающимся достоинствами, но среди современниковъ такой колористъ, какимъ былъ Вильсонъ, легко могъ добиться значительной популярности. Во всякомъ случаѣ ему покровительствовала королевская семья, какъ это видно изъ того, что онъ писалъ портреты принца Уэльскаго и герцога Іоркскаго, находящіеся теперь въ національной портретной галлереѣ. До тридцатипяти-шестилѣтняго возраста Вильсонъ, повидимому, не только жилъ на свои заработки портретиста, но и скопилъ деньги, давшія ему возможность осуществить мечту его жизни и совершить путешествіе въ Италію.

Въ 1750 году онъ уѣхалъ въ Италію, гдѣ встрѣтился съ двумя художниками, вліяніе которыхъ опредѣлило все его будущее. Первый, встрѣченный имъ въ Венеціи—это Цуккарелли, мастеръ искусственной красоты въ такъ называемомъ классическомъ родѣ. Ему дѣлаетъ честь то обстоятельство, что онъ призналъ у Вильсона выдающійся художественный талантъ и убѣдилъ его посвятить всѣ свои силы ландшафту. Въ Римѣ Вильсонъ встрѣтилъ Клода Жозефа

Верне, который хотя и воспитался въ дурной школѣ но былъ почти великимъ художникомъ, и тотъ поддержалъ совѣты Цуккарелли. Вильсонъ подпалъ подъ вліяніе Верне, что было, вѣроятно, прискорбно, потому что для Верне мѣстность, окружающая Вѣчный городъ, гдѣ онъ прожилъ двадцать лѣтъ, казалась единственной пригодной для ландшафта и такую узость взгляда онъ до нѣкоторой степени передалъ и Вильсону. Во всякомъ случаѣ въ теченіе шести лѣтъ, проведенныхъ въ Римѣ Вильсономъ, онъ сдѣлался выдающимся ландшафтнымъ живописцемъ, обладавшимъ кое чѣмъ большимъ, чѣмъ мастерство того золотого солнечнаго освѣщенія, которымъ въ такой превосходной степени отличался его другъ Верне. При рекомендаціяхъ Верне онъ, повидимому, имѣлъ въ Римѣ достаточно работы, но въ 1757 году онъ возвратился въ Англію и поселился въ Лондонѣ, гдѣ и началъ заниматься исключительно ландшафтомъ. Въ Англіи появился уже спросъ на ландшафтную живопись, хотя и не легко опредѣлить причины происхожденія этаго спроса. Казалось, что будущее Вильсона обезпечено, но ему пришлось разочароваться въ своихъ надеждахъ. Цуккарелли прибылъ въ Англію раньше его и рынокъ былъ заваленъ театральными ландшафтами итальянскаго художника. Любопытно, что въ теченіе менѣе чѣмъ десяти лѣтъ Цуккарелли сдѣлалъ себѣ кистью состояніе, тогда какъ четверть вѣка добросовѣстнаго труда не дала бѣдному Дику, какъ называли его друзья, даже такого обезпеченія, чтобы онъ могъ не бояться голодной смерти. Въ 1768 году при основаніи Королевской академіи Вильсонъ былъ однимъ изъ ея первыхъ членовъ; послѣ онъ получилъ должность библіотекаря академіи и это, вѣроятно, и спасло его отъ нужды. Говорятъ, что Пенни вскорѣ послѣ его возвращенія въ Англію убѣждалъ его ради успѣха принять легкую манеру Цуккарелли и, вѣроятно, онъ былъ правъ; но Вильсонъ отказался и голодалъ.

Позже онъ страдалъ отъ конкуренціи Генсборо и отъ реакціи противъ классической манеры въ ландшафтной живописи. Рёскинъ обвиняетъ Вильсона въ томъ, что онъ «просто приспособлялъ Пуссеня и Сальватора» и что матеріалъ свой онъ бралъ въ незнакомой Кампаніи. Но такое замѣчаніе слишкомъ очевидно тенденціозно. Несомнѣнно, что въ его картинахъ замѣтно вліяніе художниковъ, послѣдователемъ которыхъ онъ былъ, а также и мѣстности, гдѣ онъ изучалъ свое искусство. Его листья напоминаютъ Клода и Пуссеня, въ его валійскихъ ландшафтахъ кое что напоминаетъ о Кампаньи; его скалы принадлежатъ скорѣе къ вулканическимъ, чѣмъ къ Камбрійской формаціи. Но въ его ландшафтахъ много достоинствъ. Они широки, задуманы грандіозно, и по композиціи внушительны. Несмотря на то, что они потемнѣли отъ времени, колоритъ ихъ и теперь еще изященъ, на нѣкоторыхъ изъ его картинъ и теперь еще виденъ яркій свѣтъ итальянскаго солнца. До самой смерти несчастье

преслѣдовало его: но онъ оставался вѣренъ своему искусству; при жизни у него было мало подражателей, но потомство воздало ему должное.

Какимъ значительнымъ ландшафтнымъ живописцемъ былъ Вильсонъ, это до извѣстной степени можно опредѣлить при разсмотрѣніи дѣятельности его современниковъ, имѣвшихъ наиболѣе успѣха,— Цуккарелли, Георга Ламберта и Смитса Чичестерскаго. Въ ихъ произведеніяхъ мы встрѣчаемъ манерность Клода и Пуссеня — классическіе храмы и нимфы подъ деревьями, и притомъ безъ той широты настроенія, которая у старыхъ мастеровъ до нѣкоторой степени вознаграждаетъ за ихъ искусственность. И тѣмъ не менѣе подражанія Георга Смитса правились больше, чѣмъ ландшафты Вильсона; на выставкѣ ландшафтовъ въ Обществѣ художествъ премію получилъ Смитсъ, а не Вильсонъ. Современники Вильсона.

Немногіе изъ маринистовъ того времени заслуживаютъ упоминанія. Петръ Монами жилъ и работалъ до 1749 года; Самуилъ Скоттъ слѣдовалъ традиціямъ Вандервельдовъ, изображая «спокойный уровень океана». Орасъ Вальполь даже называетъ его первымъ художникомъ своего времени. Онъ нарисовалъ также нѣсколько ландшафтовъ и былъ хорошимъ рисовальщикомъ, хотя и нѣсколько механическимъ. Онъ былъ почти современникомъ Вильсона, такъ какъ родился въ 1710, а умеръ въ 1772 году. Тоже можно сказать о Георгѣ Брукингѣ, Ричардѣ Патонѣ и Вилльямѣ Джемсѣ, который позже былъ очень въ модѣ и который, вѣроятно, находился подъ вліяніемъ Каналетто, въ 1746 году прибывшаго въ Англію. Этотъ знаменитый художникъ пробылъ въ Англіи два года; повидимому монотонность кирпичныхъ домовъ Лондона и холодные тоны сѣвернаго неба были болѣе родственны его холодному темпераменту, чѣмъ мраморъ и солнечный свѣтъ его родной Венеціи. Можетъ быть, первымъ изъ послѣдователей Вильсона въ сферѣ ландшафтной живописи былъ ирландецъ Георгъ Барретъ изъ Дублина; онъ болѣе искусственъ, чѣмъ Вильсонъ и былъ болѣе въ модѣ. Утверждаютъ, что онъ получалъ двѣ тысячи фунтовъ въ годъ за свои ландшафты въ то время, какъ Вильсонъ голодалъ въ своей квартиркѣ на углу Сѣверной улицы, въ Фицрой Скверѣ. Онъ умеръ въ 1784 году, черезъ два года послѣ своего болѣе великаго, но менѣе счастливаго современника. Маринисты.

Въ царствованіе Георга II появляется, какъ мы говорили, англійскій жанръ совершенно готовымъ изъ рукъ Гогарта и Вильсонъ создаетъ англійскую ландшафтную живопись. Въ то-же царствованіе появляется, хотя и не доходитъ еще до полнаго разцвѣта, національная школа портретной живописи. Эта школа, представителями которой были Рейнольдсъ, Генсборо и Ромней, сильно развилась и благодаря ей восемнадцатый вѣкъ былъ золотымъ вѣкомъ англійскаго искусства. Генсборо наиболѣе красивый изъ этаго тріумвирата, Ром- Портретисты.

ней наиболѣе граціозный и привлекательный, а Рейнольдсъ, безспорно, самый великій. Онъ былъ новаторомъ и къ другимъ его лаврамъ слѣдуетъ присоединить и лавры новатора. Любопытно, что именно въ это время внезапно появляется эта школа, потому что за исключеніемъ произведеній шотландца Аллена Рамсэя, всегда мужественныхъ и безъискусственныхъ, портретная живопись въ это время пришла въ окончательный упадокъ. Искусство отъ Вандика до Лели, отъ Лели до Неллера и отъ Неллера до Гудзона однообразно и непрерывно падало.

Рейнольдсъ. Рейнольдсъ получилъ первоначальное свое художественное образованіе въ студіи послѣдняго члена этаго нисходящаго ряда. Онъ былъ сынъ бѣднаго девонширскаго викарія, который для пополненія своего скуднаго жалованья содержалъ школу; въ восемнадцать лѣтъ Рейнольдсъ поступилъ къ Гудзону. Его отецъ, добродушный, но наврядъ ли талантливый человѣкъ, далъ сыну хорошее, но не особенно высокое образованіе, но, что гораздо важнѣе, передалъ ему дѣйствительно тонкое понимапіе и вкусъ къ тому, что мы теперь называемъ культурой.

Трудно сказать, чему онъ выучился и какъ онъ работалъ въ мастерской Гудзона въ Большой улицѣ Королевы; но вѣроятно, что онъ немного вынесъ изъ этаго обученія. Въ послѣдующіе годы онъ жаловался на недостатокъ академическаго образованія и на «отсутствіе способности рисовать обнаженное тѣло, которой долженъ обладать всякій художникъ». Какъ бы то ни было, онъ пробылъ у Гудзона только два года, вмѣсто условленныхъ четырехъ и возвратившись въ Девонширъ, началъ заниматься рисованьемъ портретовъ въ городѣ, называемомъ тогда Плимутскимъ Докомъ, а теперь Девонпортомъ. Нѣкоторое время онъ былъ тамъ въ модѣ; но мода прошла и онъ возвратился въ Лондонъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ, отъ 1744 до 1746-го, онъ рисовалъ портреты въ столицѣ; въ этихъ произведеніяхъ «ученикъ боролся противъ рабства его учителя». Смерть отца удалила его отъ опасной близости съ Гудзономъ и отъ его совѣтовъ и онъ снова вернулся въ Плимутъ. Тамъ онъ встрѣтился съ однимъ художникомъ, талантливымъ неудачникомъ Вильямомъ Ганди, правило котораго, что «картина должна обладать богатствомъ окраски, такъ какъ будто краски сдѣланы изъ сливокъ и сыра», было драгоцѣннымъ правиломъ для молодого художника, привыкшаго считать деревянныя изображенія Гудзона за произведенія искусства. Очевидно, что Рейнольдсъ уже тогда значительно развилъ свои способности. Его портретъ лэди Сомерсъ, нарисованный имъ въ 1747 году, проявляетъ уже манеру Рейнольдса, можетъ быть еще юнаго и невполнѣ зрѣлаго, но настоящую; тутъ Рейнольдсъ уже вполнѣ эмансипировался отъ дурныхъ традицій Большой улицы Королевы.

Рѣдкая случайность — то обстоятельство, что адмиралъ Кеппель

встрѣтилъ Рейнольдса въ большомъ домѣ при Моунтъ-Эджкумбъ и полюбилъ его—позволила Рейнольдсу осуществить мечту всѣхъ художниковъ и посѣтить Италію. Кеппель взялъ его на свой корабль «Центуріонъ», и послѣ пребыванія на Миноркѣ и въ различныхъ другихъ мѣстахъ, которымъ Рейнольдсъ воспользовался для практики въ своемъ искусствѣ, онъ къ концу 1750 года высадился въ Леггорнѣ. Онъ пробылъ въ Италіи менѣе трехъ лѣтъ и два изъ нихъ провелъ въ Римѣ, а на долю Флоренціи, Венеціи и другихъ мѣстъ осталось только четыре или пять мѣсяцевъ. Онъ вернулся домой великимъ художникомъ и то, что онъ называлъ своими «непереваренными понятіями», совершенно исчезло. Въ январѣ 1753 года онъ устроился на постоянное жительство въ Лондонѣ и съ этихъ поръ до самой смерти въ теченіе тридцати девяти лѣтъ работалъ непрестанно и создалъ тотъ рядъ портретовъ, который сдѣлалъ имя сэра Джосуа синонимомъ мастерства въ характеристикѣ. Когда мы говоримъ, что онъ вернулся великимъ художникомъ, мы не хотимъ этимъ сказать, что его развитіе было закончено; вся его жизнь была непрерывнымъ стремленіемъ къ совершенству и только въ послѣдніе годы, послѣ удара паралича, онъ добился той полноты колорита, къ которой онъ стремился всю свою жизнь. Но уже въ 1753 году онъ нарисовалъ портретъ своего друга адмирала Кеппеля и этотъ идеалъ рѣшительнаго и смѣлаго моряка, если бы онъ былъ единственнымъ его произведеніемъ, былъ бы достаточенъ для признанія художника полнымъ мастеромъ. Навряд ли будетъ преувеличеніемъ утверждать, что до сихъ поръ никто въ Англіи не рисовалъ такъ характерно и неудивительно, что этотъ портретъ моментально принесъ автору и славу и надежды на богатство. Знать толпами посѣщала его мастерскую и всякій, кто хотѣлъ считаться въ обществѣ чѣмъ нибудь, хотѣлъ имѣть портретъ работы Райнольдса. Его мастерская, по замѣчанію одного изъ его многочисленныхъ біографовъ, была переполнена «женщинами, хотѣвшими быть изображенными ангелами, и мужчинами, хотѣвшими быть изображенными героями или философами». Онъ сохранилъ свою популярность до конца жизни. Другіе художники, такіе великіе, какъ Генсборо и Ромней и такіе сильные, какъ Опи, нѣкоторое время боролись съ нимъ за первое мѣсто среди англійскихъ художниковъ; но его главенству никто не угрожалъ серьезно, за исключеніемъ Ромнея, на короткое время сдѣлавшагося идеаломъ большей половины Лондона.

Интересно отмѣтить постепенное увеличеніе его популярности на основаніи прозаическаго мѣрила цѣнъ за его портреты. Покойный Ричардъ Редгрэвъ даетъ намъ слѣдующія указанія въ этомъ отношеніи:

«Фарингтонъ разсказываетъ, что во время проживанія Рейнольдса въ переулкѣ св. Мартина цѣны за его портреты были слѣдующія: въ три четверти величины десять гиней, въ половину двадцать ги-

ней, въ натуральную величину сорокъ. Цѣны его учителя Гудзона были нѣсколько выше и вскорѣ и Рейнольдсъ принялъ ихъ. Черезъ четыре или пять лѣтъ оба подняли цѣны до пятнадцати, тридцати и шестидесяти гиней съ портрета соотвѣтствующей величины. Въ 1760 году Рейнольдсъ переселился въ Лейчестеръ-Скверъ и тамъ цѣны были двадцать пять, пятьдесятъ и сто гиней за портретъ. Въ 1781 году, по показанію Малона, цѣны были пятьдесятъ, сто и двѣсти гиней и такими онѣ и остались до его смерти. За «М-ссъ Сидонсъ, какъ трагическая муза», въ Дульвичской галлереѣ, Дезанфансъ заплатилъ ему семьсотъ гиней. За несравненную «Strawberry Girl», за «Muscipula» и за «Shepherd Boy» онъ получилъ по пятидесяти гиней. Приблизительно столько же онъ получалъ за свои историческія картины— за «Смерть Дидоны», находящуюся теперь въ королевской коллекціи, двѣсти гиней, за «Смерть кардинала Бофора» пятьсотъ, за русскую его картину «Геркулесъ, борющійся со змѣями» тысячу пятьсотъ гиней.

Раньше, чѣмъ мы будемъ говорить объ участіи Рейнольдса въ основаніи Королевской академіи и о дѣятельности его знаменитыхъ современниковъ въ этой академіи, слѣдуетъ, хотя бы въ краткихъ словахъ, опредѣлить, что именно сдѣлалъ Рейнольдсъ для развитія англійскаго искусства. «Вы рисуете не такъ, какъ сэръ Годфри»— говорили Рейнольдсу и, къ счастію, упрекъ этотъ былъ основателенъ. Тотъ родъ портретовъ, какіе рисовалъ Неллеръ, съ появленіемъ сэра Джосуа изчезаетъ. Портреты послѣдняго индивидуальны, а не общи, какъ у Неллера. Онъ обладалъ высшей способностью изображенія характеровъ. Не только онъ рисовалъ людей такими, какими они были въ ихъ обыденной средѣ, но и передавалъ ихъ характеръ съ мастерствомъ, незнакомымъ людямъ того поколѣнія. Его дарованіе рисовать живыхъ людей было столь совершеннымъ, что для будущихъ художниковъ оставалось только къ его энергіи и удачному возсозданію прибавить усовершенствованную технику. Спокойствіе и искренность соединялись у него съ удивительной живостью наблюденія и эти дарованія были развиты постоянной и разнообразной практикой. Онъ всегда обращалъ вниманіе на поворотъ головы, на поднятіе руки, на гибкость или деревянность фигуры и, повидимому, всегда умѣлъ уловить дѣйствительно доминующую черту характера человѣка. Онъ умѣлъ отмѣтить эти черты съ замѣчательной тонкостью. Въ особенности съ неподражаемой вѣрностью и симпатіей передавалъ онъ характеръ дѣтей. Рейнольдсъ, по вѣрному замѣчанію одного критика, обладалъ тайной изображенія граціи, отличающей женщинъ и дѣтей. Онъ съ удивительной легкостью передавалъ самыя скоропреходящія настроенія. Невинная радость матери, наивность и скрытая страстность дѣвушки, удивленіе, наивная неловкость, изящные, ласкающіе и бурные капризы ребенка съ его крѣ-

понькими розовыми щечками, прелесть, даже благоуханіе—все это онъ изображалъ съ недосягаемымъ совершенствомъ. Тайна его успѣха въ соединеніи у него наблюдательности художника и страсти художника къ красотѣ съ благороднымъ оптимизмомъ.

До сихъ поръ мы говорили только о вкладѣ, сдѣланномъ Рейнольдсомъ въ дѣло искусства, разсматриваемаго съ высшей точки зрѣнія. Но не менѣе важны были измѣненія, сдѣланныя имъ и въ деталяхъ, составляющихъ, такъ сказать, манеру искусства. Для модныхъ художниковъ того времени тѣло, драпировка, характеръ, положеніе не составляли предмета серьезнаго изученія. Драпировкой служило условное расположеніе складокъ одежды. Лица рисовалась по опредѣленному рецепту и составлявшійся такимъ образомъ фонъ годился для любого цвѣта лица. Положеніе мужчинъ и женщинъ опредѣлялось модой или ихъ предполагаемымъ или дѣйствительнымъ положеніемъ въ обществѣ. Выраженіе характера не шло дальше условнаго франтовства горожанина или условной модности свѣтской дамы. Рейнольдсъ все это измѣнилъ. Онъ не былъ великимъ изобразителемъ тѣла, но его нѣсколько небрежная кисть, pennello volante, какъ назвала ее Анжелика Кауфманъ, всегда давала тѣлу такую окраску, что была видна игра свѣта и тѣни, а иногда и настоящая живость и жизненный блескъ. Онъ умѣлъ схватить индивидуальную постановку фигуры, индивидуальную жестикуляцію—изображалъ-ли онъ м-съ Сидонсъ, обернувшуюся и разсматривающую что то вдали, или Джемса Гунтера, входящаго въ мрачную библіотеку, или ребенка, лѣзущаго на спину матери. Онъ умѣлъ найти движеніе, отличительное для изображаемаго лица. Онъ рисовалъ одежду такой, какой видѣлъ ее; несомнѣнно, онъ располагалъ ея складки, но она представляется вполнѣ реальной, такой, какая подходитъ къ закрываемому ей тѣлу—была ли это одежда кружева герцогини или мундиръ адмирала. Что касается до характера, то Рейнольдсъ могъ уловить любую глубину и самое капризное настроеніе минуты.

Недостатки произведеній сэра Джосуа гораздо легче указать въ общемъ обзорѣ, чѣмъ ихъ достоинства. Мы уже замѣтили, что онъ былъ великъ, какъ изобразитель реальныхъ мужчинъ и женщинъ, и въ особенности дѣтей. Для него было все равно, были ли они облечены въ обычный костюмъ восемнадцатаго вѣка или были историческими и даже мифологическими личностями, вродѣ Генриха VIII или Купидона, Цирцеи и Лесбіи. Онъ рисовалъ ихъ одинаково съ полнымъ успѣхомъ, съ крайней простотой, безъ признака сценичности и съ рѣдкимъ достоинствомъ. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ брался за религіозные и историческіе сюжеты, онъ терпѣлъ полную неудачу. Его герои и святые, его Уголино и Святая Семья представляютъ рѣдкій образецъ соединенія неестественной сценич-

ности съ обыденностью. Онъ съ почтеніемъ и даже съ благоговѣніемъ относился къ итальянскимъ образцовымъ картинамъ религіознаго содержанія; онъ постоянно пѣлъ похвалы возвышенно-идеальному въ искусствѣ, но рѣдко рѣшался стремиться къ нему. Его удивленіе и энтузіазмъ къ старымъ мастерамъ были глубокими и искренними до самой его смерти. Въ послѣдней заключительной лекціи своего курса студентамъ академіи, курса, которому было суждено быть послѣднимъ, онъ такимъ образомъ выражался о Микель Анджело:

«Если бы мнѣ теперь пришлось начинать свою жизнь снова, я хотѣлъ бы идти по слѣдамъ этого великаго учителя; хотѣлъ бы облобызать край его одежды, уловить самое легкое изъ его совершенствъ—и это было бы славой, достаточной для самаго честолюбиваго изъ людей. Я чувствую себя удовлетвореннымъ уже тѣмъ, что я способенъ къ тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя онъ намѣревался возбудить. Я не безъ гордости думаю, что мои лекціи свидѣтельствуютъ о моемъ благоговѣніи къ этому по истинѣ божественному человѣку, и я желалъ бы, чтобы послѣдними словами, произнесенными мной въ академіи съ этой кафедры, было имя Микель Анджело».

И при этомъ, по замѣчанію Рёскина, онъ никогда не думалъ слѣдовать примѣру Микель Анджело и «рисовать Страшный Судъ надъ сквайрами въ Лейчестерширѣ». И мы можемъ только радоваться тому, что онъ не дѣлалъ этого. Его изображеніе знакомыхъ намъ аксессуаровъ было легкимъ и точнымъ, но иногда онъ бывалъ однако и безпечнымъ; его собаки и лошади условны, а живая пантера въ «Цирцеѣ» прямо таки отвратительна.

Недостатки метода Рейнольдса настолько связаны съ его достоинствами, что отдѣлить ихъ довольно трудно. Когда онъ говорилъ своимъ ученикамъ: «разсматривайте находящійся предъ вами предметъ какъ состоящій скорѣе изъ свѣта и тѣни, чѣмъ изъ линій», онъ давалъ имъ правило, которому всегда слѣдовалъ самъ. Кажется, что «онъ никогда не видѣлъ абриса, говоритъ одинъ профессіональный критикъ, а всегда только цѣлую картину, ея широту, цвѣтъ, свѣтъ и тѣни. Его глазъ всегда останавливается на отношеніи частей и на фонѣ фигуръ. Когда фигура сливается съ фономъ, онъ не старается найти ея формы, а также, какъ сама природа, сливаетъ ее съ фономъ. Для него даже свѣтъ и тѣни представляются скорѣе всего различными видоизмѣненіями окрашенной поверхности; онъ какъ бы умственно подбираетъ цвѣта, какъ женщины при вышиваньи подбираютъ шелка. Но сравнительно съ великими мастерами, которымъ онъ поклонялся, съ Жіоржіоне, съ Тиціаномъ и Тинторетомъ (Рембранта онъ—странно сказать—не умѣлъ оцѣнить) его произведенія, по замѣчанію Рёскина, только великолѣпные эскизы.

И однако какой методъ могъ быть пригоднѣе для тѣхъ цѣлей, къ которымъ онъ стремился? Самая легкость его соблазнительна; онъ намѣренно обращается къ случайному зрителю, къ обыденному мышленію; онъ желаетъ остановить прохожаго, но не заботится о томъ, чтобы удержать его и если и удерживаетъ, то просто своимъ необъяснимымъ очарованіемъ, а не обученіемъ, не развитіемъ идеи».

Худшимъ недостаткомъ манеры Рейнольдса была непрочность красокъ его произведеній. Онъ былъ настоящимъ послѣдователемъ итальянцевъ и дорого заплатилъ за свою преданность имъ. Онъ оглохъ, простудившись въ корридорахъ Ватикана; его упорному изысканію «секретовъ венеціанскихъ мастеровъ» можно приписывать его эксперименты, которые и погубили большую часть его картинъ. Самъ онъ печаловался, что не получилъ въ началѣ своей артистической карьеры обученія принципамъ колорита и понималъ, что его непостоянство и колебанія происходятъ отъ горячаго желанія добиться совершенства. Современные эксперты удостовѣряютъ, что онъ употреблялъ воскъ и разные другіе неподходящіе матеріалы и соединялъ притомъ такіе, которые, говоря языкомъ медицины, несогласимы. Онъ клалъ мягкіе матеріалы подъ твердые, быстро сохнущіе подъ медленно сохнущіе, для лакировки употреблялъ растительные пигменты или минеральные, но непригодные вслѣдствіе ненаучныхъ соединеній. Такимъ путемъ несомнѣнно получались превосходные результаты, но въ большей части случаевъ очень непрочные. Нѣкоторыя изъ картинъ линяли вскорѣ послѣ ихъ выхода изъ мастерской художника; многія линяли еще при жизни лицъ, съ которыхъ портреты были сняты; такъ что эпиграма, приписываемая Вальтеру Блакету, была выраженіемъ факта:

„Старые портреты, конечно, предназначались
Для удержанія въ памяти чертъ лица умершихъ;
Но этотъ плутъ все это измѣнилъ—
И у него портреты умираютъ раньше людей“.

И однако несмотря на то, что намъ приходится сожалѣть о томъ, что многія изъ его произведеній теперь представляютъ только безкровные призракп себя самихъ, что нѣкоторыя изъ позднѣйшихъ произведеній испорчены покрышкой изъ оксидированныхъ лаковъ, но даже въ этихъ останкахъ имѣются такія достоинства, которыхъ мы напрасно стали бы искать у другихъ англійскихъ художниковъ.

Королевская академія.

Мы не можемъ здѣсь разсказывать о жизни Рейнольдса, о его друзьяхъ и недругахъ, о спорахъ, на время нарушившихъ покой его удивительно прекрасной жизни. Но мы должны упомянуть объ одномъ событіи, связанномъ съ его именемъ, такъ какъ это событіе составляетъ эпоху въ исторіи англійскаго искусства и его вліяніе чувствуется и до настоящаго времени. Такимъ событіемъ было осно-

ваніе въ 1768 году Королевской академіи. Конечно, идея такого учрежденія не была новой. Въ 1711 году Неллеръ и нѣкоторые изъ его послѣдователей пытались устроить національную школу живописи; мы упоминали уже объ академіи Торнгилля, перешедшей потомъ къ Гогарту и при Мозерѣ испытавшей всякія злоключенія. Въ 1760 году послѣ первой выставки въ Адельфи «Общество художниковъ» устроило ежегодныя выставки и въ 1765 году получило королевскую грамоту, утвердившую общество съ этимъ названіемъ. Оно управлялось двадцатью четырьмя директорами, которые имѣли право избранія членовъ. Въ числѣ первыхъ директоровъ были художники Вильсонъ, Гайманъ и Мозеръ, архитекторы Пэнъ и Чамберсъ, граверъ Макъ Ардель и скульпторъ Вильтонъ. Но члены и директора постоянно ссорились и наконецъ на собраніи въ октябрѣ 1768 года директора были раздавлены голосованіемъ членовъ; шестнадцать изъ нихъ не были избраны вновь, а остальные вышли въ отставку.

Была сдѣлана попытка учредить другое общество. Веніаминъ Уэстъ, человѣкъ хотя и недавно поселившійся въ Лондонѣ, но пользовавшійся вліяніемъ при дворѣ, ухитрился объяснить, что директора не отвѣтственны за то, что его величество называлъ «неприличными распрями». Чамберса, королевскаго архитектора, послали къ королю, чтобы почтительно доложить ему, что многіе изъ извѣстныхъ художниковъ желаютъ учредить общество, имѣющее спеціальной цѣлью развитіе живописи, и просить милостиваго покровительства его величества. Король былъ благопріятно настроенъ; планъ, составленный Мозеромъ, Чамберсомъ и Френсизомъ Котсомъ, былъ представленъ ему и послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ одобренъ. Почти всѣ художники считали необходимымъ содѣйствіе Рейнольдса. Незадолго до этого онъ вышелъ изъ прежняго общества, временнымъ предсѣдателемъ котораго былъ Кирби, обязанный такимъ положеніемъ, вѣроятно, тому обстоятельству, что онъ былъ учителемъ рисованія короля. По какимъ то непонятнымъ причинамъ сохраняли тайну и Рейнольдсъ ничего не зналъ объ образованіи новаго общества. 9 ноября 1768 года былъ уже составленъ списокъ членовъ, въ домѣ Вильтона было назначено собраніе для выбора должностныхъ лицъ. Не вполнѣ извѣстно, какое участіе принималъ въ этомъ собраніи Рейнольдсъ [1]).

---

[1]) Лесли и Томъ Тайлоръ, видѣвшіе оригинальные документы Академіи, положительно утверждаютъ, что Рейнольдсъ послѣ многихъ колебаній (Кирби уговорилъ его, будто король не далъ согласія на основаніе новаго общества) наконецъ по настоянію Уэста рѣшился присутствовать на предварительномъ собраніи. Онъ пріѣхалъ поздно, когда собравшіеся уже хотѣли разойтись, но послѣ его прибытія были приняты правила и формально учреждена Академія.

На слѣдующій день 10 ноября король формально одобрилъ и подписалъ документъ объ учрежденіи академіи; первое общее собраніе вновь учрежденнаго общества состоялось 14 ноября 1768 года. Въ грамотѣ было сказано, что члены королевской академіи не могутъ быть членами какого либо другого лондонскаго общества художниковъ—эта статья была очевидно направлена противъ стараго общества, она исключала изъ новой академіи Ромнея, Аллена Рамсэя, Гудзона и, казалось, и Генсборо.

«Теперь существуетъ множество превосходныхъ художниковъ; такое количество, какого не бывало раньше одновременно въ Англіи»—говорилъ президентъ академіи въ рѣчи при ея открытіи и хотя не всѣ художники были членами академіи, его утвержденіе, несомнѣнно, было вѣрно. Кто были эти «превосходные художники» видно изъ списка первыхъ членовъ академіи въ каталогѣ первой выставки; въ этомъ спискѣ слѣдующія имена, въ числѣ которыхъ семь иностранцевъ и двѣ женщины:

Джосуа Рейнольдсъ, президентъ; Вилльямъ Чамберсъ, казначей; Георгъ Михаилъ Мозеръ, хранитель; Френсизъ Мильнеръ Ньютонъ, секретарь; Эдуардъ Пенни, профессоръ рисованія; Томасъ Сандби, профессоръ архитектуры; Самуилъ Уэль, профессоръ перспективы; Вилльямъ Гунтеръ, профессоръ анатоміи; Френсизъ Гайманъ, библіотекарь; Танъ-Четъ-Туа (китаецъ, нѣчто въ родѣ почетнаго члена); Георгъ Барретъ; Франческо Бартолоцци; Эдуардъ Бёрчъ; Агостино Карлини; Карлъ Каттонъ; Масонъ Чамберлинъ; Баптистъ Чипріани; Ричардъ Косвей; Джонъ Гвинъ; Вилльямъ Гоаръ; Натаніель Гонъ; миссъ Анжелика Кауфманъ; Іеремія Мейеръ; миссъ Мэри Мозеръ; Ноллекенсъ; Джонъ Ричардсъ; Павелъ Сандби; Доменикъ Серресъ; Петръ Томсъ; Вилльямъ Тайлеръ; Вепиміанъ Уэстъ; Ричардъ Вильсонъ; Жозефъ Мильтонъ; Ричардъ Іео; Джонъ Зоффани; Франческо Цуккарелли.

Тутъ нѣтъ имени Генсборо; но это, вѣроятно, просто пропускъ, такъ какъ въ первомъ офиціальномъ каталогѣ у его имени стоятъ буквы R. A. (членъ академіи). Вѣроятно, что имя Ромнея опущено намѣренно. Во всякомъ случаѣ онъ никогда не выставлялъ въ академіи своихъ картинъ и никогда не искалъ чести быть ея членомъ. Генсборо, напротивъ, хотя и мало проявлялъ интереса къ дѣламъ академіи, но въ теченіе многихъ лѣтъ выставлялъ въ ней свои картины.

Интересно отмѣтить, какія картины были выставлены въ первый годъ; ихъ стоитъ перечислить для указанія на вкусы публики и на степень художественнаго таланта, съ которымъ удовлетворялись эти вкусы. Президентъ выставилъ четыре картины, въ томъ числѣ группу миссъ Бувери и Крью и образцовый портретъ миссъ Моррисъ: «Надежда, ухаживающая за любовью». Другими выдающимися карти-

нами выставки были «Геба»—Френсиза Котса; «Гекторъ и Андромаха» и «Венера, дающая совѣты Энею»—Анжелики Кауфманъ, портреты короля и королевы Натаніеля Дэнса; «Мальчикъ съ трубой»—Гоне; «Благовѣщенье»—Чипріани; «Венера, оплакивающая Адониса»—Уэста и «Отъѣздъ Регула»—его же и портретъ лэди Молинё-Генсборо.

Таково было начало королевской академіи, учрежденія, несомнѣнно имѣвшаго огромное вліяніе на развитіе англійскаго искусства. Если оно не имѣло особаго успѣха въ дѣлѣ обученія, то имѣло большое значеніе своими выставками. Благодаря ей искусство сдѣлалось доступнымъ для большой публики и художники получили положеніе болѣе достойное, чѣмъ раньше. Съ самаго же начала академія покровительствовала посредственностямъ, но все же она вознаграждала и заслуги. Кромѣ того она была трибуналомъ, конечно, далеко несовершеннымъ, но все же хоть сколько нибудь справедливымъ и во всякомъ случаѣ художники могли болѣе довѣрять ей, чѣмъ некомпетентнымъ критикамъ и заинтересованнымъ покупателямъ.

Генсборо. Генсборо, какъ сказано, не былъ въ числѣ первыхъ членовъ академіи. Но онъ заслуживалъ этой чести болѣе всѣхъ другихъ, за исключеніемъ сэра Джосуа; этого никто не будетъ оспаривать. Онъ родился весной 1727 года въ Сюдбюри, въ Суффолькѣ, въ семьѣ диссентеровъ. Отецъ его по профессіи былъ суконщикъ и Генсборо былъ менѣе счастливымъ, чѣмъ его соперникъ; онъ получилъ плохое образованіе въ мѣстной грамматической школѣ и довольно часто бѣгалъ съ уроковъ. Рисовать онъ началъ еще ребенкомъ и самыя первыя его студіи указываютъ на попытку имѣть дѣло прямо съ природой. Въ четырнадцать лѣтъ его отправили въ Лондонъ и помѣстили у Гравело, хорошаго иллюстратора книгъ, у котораго онъ, вѣроятно, выучился кое чему хорошему. Позже онъ былъ въ академіи переулка св. Мартина и учился у веселаго рисовальщика ландшафтовъ, Гэймана, отъ котораго, вѣроятно, позаимствовался кое чѣмъ дурнымъ. Но несомнѣнно, что самымъ лучшимъ средствомъ обученія для него были эскизы съ натуры и рисованіе копій съ голландскихъ мастеровъ, ландшафты и портреты которыхъ имѣли для него, въ противоположность Рейнольдсу, повидимому особую притягательную силу. Не найдя работы въ Лондонѣ, Генсборо, которому было только девятнадцать лѣтъ, вернулся въ Суффолькъ, гдѣ женился на Маргаритѣ Бурръ, красивой дѣвушкѣ съ небольшимъ приданымъ. Онъ началъ работать въ Ипсвичѣ, быстро добился заказовъ отъ сосѣднихъ дворянъ и нарисовалъ множество портретовъ ихъ женъ и дочерей и множество видовъ ихъ замковъ. Черезъ девять лѣтъ по совѣту Тикнесса, губернатора форта Ландгуардъ, онъ переселился въ Батъ. Онъ привлекъ впервые вниманіе этого Тикнесса мальчишеской штукой. Тикнессъ увидалъ, что какой то человѣкъ

стоитъ цѣлый день, выглядывая чрезъ стѣну сада одного изъ его друзей, и былъ очень удивленъ, когда ему сказали, что этотъ «бѣдный парень»—картина, парисованная Генсборо. Въ Батѣ Генсборо имѣлъ огромный успѣхъ и вскорѣ онъ получилъ возможность брать за портреты въ полный и половинный ростъ по сту и по сорока гиней — цѣны для провинціальнаго художника очень большія. Въ 1761 году онъ въ первый разъ выставилъ свою картину въ Лондонѣ на выставкѣ въ помѣщеніи Общества художествъ. Онъ выставилъ именно портретъ графа Ньюжента. До 1768 года онъ выставилъ пятнадцать портретовъ, въ томъ числѣ портреты лэди Гросвеноръ и герцога Аржиля, генерала Гонивуда верхомъ на лошади на фонѣ лѣса и актеровъ Кина и Гаррика; этотъ портретъ былъ, по словамъ миссъ Гаррикъ, «лучшимъ портретомъ ея Дэви».

Съ самаго учрежденія Академіи Генсборо регулярно выставлялъ въ ней свои картины и въ томъ числѣ очень немногіе ландшафты. Во время его пребыванія въ провинціи его картины провозились извощикомъ, нѣкоимъ Ультширомъ, отказывавшимся брать за провозъ деньги и получавшимъ за это такую монету, которую онъ цѣнилъ выше всего, т. е. картинки Генсборо. Но въ 1774 году Генсборо вернулся въ Лондонъ и устроилъ свою мастерскую въ Шомбергъ-Гоузѣ, въ Полль Моллѣ. Повидимому, между Генсборо и другими академиками всегда существовало соперничество. Онъ въ 1772 году протестовалъ противъ нечестнаго, по его мнѣнію, помѣщенія его картинъ на выставкѣ и въ теченіе двухъ лѣтъ ничего не выставлялъ. Тѣмъ не менѣе въ декабрѣ 1774 года онъ былъ избранъ въ члены совѣта и даже получилъ голоса на должность президента. Но занятый своимъ искусствомъ и игрой на скрипкѣ—онъ былъ хорошимъ и страстнымъ музыкантомъ—онъ не посѣтилъ ни одного собранія. Это, разумѣется, очень оскорбляло другихъ членовъ совѣта и было сдѣлано предложеніе исключить его; но предложеніе принято не было и онъ снова началъ отправлять свои картины на выставки.

Позже начались болѣе серьезныя недоразумѣнія. Генсборо потребовалъ, чтобы его портреты трехъ принцесъ (Наслѣдницы и принцессъ Августы и Елисаветы), написанные имъ спеціально для повѣшенія въ извѣстныхъ мѣстахъ залы въ Карльтонскомъ дворцѣ, были на выставкѣ повѣшены на той высотѣ, на которой онѣ должны быть повѣшены въ дворцѣ. Это разсудительное требованіе было презрительно отвергнуто подъ тѣмъ пустымъ предлогомъ, что въ академіи существуетъ правило вѣшать всѣ портреты на извѣстной высотѣ. Понятно, что Генсборо оскорбился. Онъ снялъ портреты до открытія выставки и никогда больше не выставлялъ ничего. Это было въ 1784 году, послѣ того, какъ онъ уже десять лѣтъ занимался въ Лондонѣ своимъ дѣломъ. Это были счастливые годы для художника;

количество его произведеній замѣчательно, не менѣе замѣчательно и качество его кліентовъ. Но все время, какъ въ дни славы, такъ и во время неизвѣстности, художникъ оставался вѣренъ своей любви къ ландшафту. Въ денежномъ отношеніи это была невыгодная работа, но каждогодно онъ рисовалъ одинъ или нѣсколько ландшафтовъ—въ 1780 году онъ нарисовалъ шесть. Но покупателей было такъ мало, что всѣ стѣны корридора въ его мастерской были увѣшаны ими. Даже такое образцовое произведеніе, какъ «Дровосѣкъ въ бурю», такъ высоко цѣнимое современными критиками, не нашло покупателя за сто гиней.

Конечно, здѣсь невозможно говорить даже о немногихъ изъ образцовыхъ произведеній Генсборо. Но мы должны упомянуть объ одномъ изъ нихъ, такъ какъ никакое произведеніе Генсборо не возбуждало такого удивленія и не служило предметомъ такихъ оживленныхъ споровъ, какъ это произведеніе. Это портретъ мастера Буттала, обыкновенно называемый «голубымъ мальчикомъ». Предполагаютъ—и много можно сказать за такое предположеніе—что портретъ былъ написанъ съ спеціальной цѣлью опроверженія одной изъ теорій сэра Джосуа. Эта теорія изложена въ восьмой изъ его лекцій, положительно переполненныхъ замѣчательными идеями, однако при формулировкѣ правилъ искусства и художественной критики часто заключающихъ странныя ошибки. Въ лекціи встрѣчается такое мѣсто: «По моему мнѣнію, слѣдуетъ положительно наблюдать, чтобы масса свѣта въ картинѣ была всегда теплаго, мягкаго цвѣта: желтаго, краснаго или желтовато-бѣлаго; голубые же, сѣрые или зеленые цвѣта должны быть почти совершенно исключены и могутъ употребляться только для оттѣненія этихъ теплыхъ цвѣтовъ».

Картина Генсборо обыкновенно признается написанной въ 1779 году, вскорѣ послѣ чтенія лекціи Рейнольдса; но утверждаютъ также, что она была выставлена въ Академіи еще въ 1770 году, какъ портретъ молодого джентльмена; объ этомъ портретѣ Мэри Мозеръ писала, что тутъ Генсборо превзошелъ самого себя. Потому полагаютъ, что наоборотъ Рейнольдсъ хотѣлъ выразить неодобреніе манерѣ Генсборо. Но такое поведеніе совсѣмъ не согласно съ характеромъ Рейнольдса, да и въ виду выдающагося успѣха картины оно было бы ужъ черезъ чуръ не умно. Несомнѣнно однако, что отношеніе между лекціей Рейнольдса и портретомъ существуетъ; но если портретъ былъ дѣйствительно выставленъ въ 1770 году, то Рейнольдсъ могъ совершенно забыть о немъ въ 1778 году. И это было бы неудивительно, потому что несомнѣнно, что когда онъ писалъ приведенное мѣсто, онъ совсѣмъ забылъ о томъ, какая масса голубого цвѣта имѣется въ произведеніяхъ Вандика и другихъ великихъ мастеровъ. Картина Генсборо есть портретъ красиваго темноволосаго и темноглазаго мальчика, одѣтаго по модѣ въ

шелковую жакетку, въ шолковыхъ чулкахъ съ лентами у колѣнъ и съ розетками на башмакахъ. За исключеніемъ воротничка, бѣлаго муслиноваго, и отворотовъ рукавовъ, все изображеніе написано голубой краской. Трудно, по замѣчанію одного восторженнаго критика, дать представленіе о гармоничности этого произведенія.

«Какимъ образомъ сколько нибудь точно передать читателю все изящество отраженія, полноту освѣщенія, свѣтлыя цвѣтовыя пятна и мягкіе, теплые и глубокіе оттѣнки, которые въ ихъ соединеніи смягчаютъ и видоизмѣняютъ напряженность общей окраски? Какъ показать все разнообразіе способовъ, посредствомъ которыхъ художникъ расположилъ оттѣнки такъ, что фигура мальчика выдѣляется на фонѣ осенней листвы желтоватыхъ и зеленыхъ яблонь и на фонѣ неба, полнаго вѣтерка и движенія? Нужно видѣть эту картину и удивляться ей—и вы получите впечатлѣніе, производимое обыкновенно только мастерскими произведеніями искусства. Чтобы получить какое нибудь представленіе объ этомъ чудесномъ произведеніи, мы должны попытаться припомнить о Ватто и Вандикѣ—о смѣлости и совершенной граціи перваго и о суровомъ изяществѣ второго».

Генсборо въ отличіе отъ другихъ великихъ художниковъ: Рейнольдса, Вильсона и Ромнея, никогда, насколько извѣстно, не выѣзжалъ изъ Англіи, никогда не былъ въ Италіи и не изучалъ искусства по картинамъ великихъ мастеровъ. Дѣйствительно, ни одинъ изъ замѣчательныхъ художниковъ не получилъ такого плохого обученія, какъ онъ и о немъ больше, чѣмъ о комъ либо, можно сказать, что отсутствіе образованія замѣнялось геніальностью. Конечно, и на него произведенія другихъ имѣли вліяніе, хотя по нашему мнѣнію не особенно сильное, за исключеніемъ развѣ полуанглійскаго художника Вандика. Такъ что его можно признать самымъ независимымъ изъ художниковъ не только по концепціямъ, но и по исполненію. Какъ рисовальщикъ онъ иногда былъ плохимъ, но никогда не былъ плохимъ какъ колористъ и «шикъ» (употребляя современный терминъ), съ которымъ онъ рисуетъ такія вещи какъ напудренные волосы, манжеты и головные уборы, просто поразителенъ. «Колоритность Генсборо, замѣчаетъ Рёскинъ въ его «Современныхъ художникахъ» —можно поставить рядомъ съ рубенсовской. Онъ самый изящный колористъ изъ всей англійской школы, не исключая даже самого сэра Джосуа». И это можно сказать не только о портретахъ м-ссъ Грэгэмъ, «божественной герцогини», м-ссъ Фицгербертъ и м-ссъ Сидонсъ, но и о «Крестьянской дѣвушкѣ», о «Жатвенной повозкѣ» и дюжинѣ другихъ превосходныхъ ландшафтовъ, разсыпанныхъ по всей Англіи. Даже въ нѣкоторыхъ изъ раннихъ его произведеній, написанныхъ подъ очевиднымъ вліяніемъ голландцевъ, мы замѣчаемъ тоже стремленіе къ колоритности.

На одномъ изъ академическихъ банкетовъ Рейнольдсъ назвалъ Генсборо «лучшимъ изъ нашихъ живописцевъ ландшафта», на что Ричардъ Вильсонъ отвѣтилъ: «и лучшій изъ портретистовъ». И дѣйствительно, современный англійскій ландшафтъ созданъ Генсборо. Онъ находилъ, что деревушки и церкви Вессекса и восточной Англіи, ея лѣса и ручейки, для художника даютъ больше матеріала, чѣмъ пустыни Кампаніи и развалины римскихъ виллъ и акведуковъ. Его ландшафты не допускаютъ нимфъ и римскихъ матронъ въ классическихъ костюмахъ; его крестьяне настоящія дѣти родной земли; ихъ лохмотья настоящія, хотя иногда и очень живописныя лохмотья. Тоже можно сказать объ общей формѣ его группъ деревьевъ, о его тѣнистыхъ рощахъ и лѣсахъ. Они прекрасны потому, что избраны безошибочнымъ глазамъ человѣка, сильно проникнутаго стремленіемъ къ красотѣ природы. Но какъ ни хороши у него массы деревьевъ, ихъ листва не болѣе реальна, чѣмъ у Вильсона. Онъ настолько же не различаетъ тонкія отличія березы, дубы и бука, кусты и травы на переднемъ планѣ его ландшафтовъ часто принадлежать къ несуществующей флорѣ. Нѣтъ ничего болѣе ошибочнаго, какъ утвержденіе сэра Джосуа Рейнольдса, будто трудно опредѣлить, что болѣе замѣчательно—портреты ли Генсборо по ихъ точному сходству или его ландшафты по ихъ портретному изображенію природы. Его достоинства въ каждомъ изъ этихъ родовъ иныя. Онъ даетъ въ своихъ произведеніяхъ болѣе красоты и природы, чѣмъ можетъ дать ихъ простая фотографія. Потому то его ландшафты, несмотря на ихъ очевидные недостатки, обращаютъ на себя вниманіе самаго поверхностнаго наблюдателя, его картины представляются картинами настоящей жизни, полными прелести реальной сельской жизни. Великая заслуга Генсборо предъ роднымъ искусствомъ состоитъ въ полномъ освобожденіи отъ прежнихъ условностей. Онъ отдалъ себя всего природѣ и рѣшительно отбросилъ все, что стояло между нимъ и ею—и она вознаградила своего поклонника щедро.

Невозможно и перечислить всего, что написалъ Генсборо, потому что онъ усердно работалъ въ теченіе сорока трехъ лѣтъ и работалъ столь же быстро, если не быстрѣе, какъ и его великій соперникъ; но онъ менѣе его заботился о овоихъ произведеніяхъ и многія изъ нихъ исчезли.. Но за то сохранившіяся его произведенія мало пострадали отъ времени. Онъ былъ въ полномъ расцвѣтѣ своихъ силъ, когда въ 1788 году умеръ отъ рака. Рейнольдсъ, съ которымъ Генсборо послѣ своей ссоры съ Академіей разошелся, былъ вызванъ къ смертному одру его великаго соперника. Наклонившись надъ умирающимъ, онъ услышалъ его послѣднія слова. Это были слова мира и утѣшенія: «всѣ мы уходимъ на небо и Вандикъ съ нами». Такъ умеръ Томасъ Генсборо, добросердечный, страстный художникъ и музыкантъ, любитель красоты, умный колористъ, человѣкъ ин-

стинкта, прирожденный художникъ съ ногъ до головы. Его соперникъ Рейнольдсъ, человѣкъ наблюдательный и образованный, великій мастеръ характеровъ—и главнымъ образомъ характеровъ мужественныхъ и серьезныхъ, хотя его симпатія къ жизни дѣтей и была несравненной—пережилъ его только на четыре года. Третій изъ тріумвирата прожилъ послѣ нихъ еще четырнадцать лѣтъ.

Ромней.

Намъ остается говорить объ этомъ третьемъ, о Георгѣ Ромнеѣ. Мы должны сразу замѣтить, что это былъ художникъ низшаго, болѣе животнаго темперамента, артистъ менѣе совершенный, менѣе сознательный, болѣе доступный обычнымъ наслажденіямъ красивыми вещами и потому самому, можетъ быть, болѣе человѣчный и болѣе симпатичный изъ всѣхъ трехъ художниковъ. Родился онъ въ Бексайдѣ, близь Дальтона въ Фурнессѣ, въ Ланкаширѣ, въ 1734 году отъ бѣдныхъ родителей. Отецъ его былъ крестьянинъ-собственникъ, одинъ изъ тѣхъ, которые въ сосѣднихъ графствахъ называли «государственными людьми» (Statesman); онъ занимался столярнымъ ремесломъ; онъ былъ, впрочемъ, ловкимъ человѣкомъ, человѣкомъ на всѣ руки; сосѣди называли его честнымъ Джономъ Румней (такова была настоящая его фамилія) и, понятно, что онъ былъ человѣкомъ безъ всякаго образованія. Такимъ образомъ положеніе Ромнея было много хуже положенія Рейнольдса, сына бѣднаго священника, и Генсборо, сына зажиточнаго торговца. Окрестности дома Ромнея были живописны, вблизи были горы—это было почти единственное его преимущество, потому что росъ онъ среди безграмотныхъ земледѣльцевъ и ремесленниковъ, представленія которыхъ объ искусствѣ ограничивались красными слонами, да зелеными дракопами на вывѣскахъ кабачковъ. Учился онъ только до двѣнадцати лѣтъ въ школѣ, содержимой однимъ священникомъ, нѣкоимъ Феллемъ, учившимъ деревенскихъ ребятишекъ за скромную плату въ пять шиллинговъ за четверть. Отецъ Ромнея считалъ, однако, и такой расходъ чрезмѣрнымъ или по крайней мѣрѣ излишнимъ и отдалъ сына въ обученіе плотнику. Тамъ онъ выучился столярничать, а также и простой рѣзьбѣ и кромѣ того прославился умѣньемъ дѣлать деревенскія скрипки. Но страсть къ рисованію и нарисованный имъ случайно портретъ, возбудившій удивленіе одного сосѣда, заставили отца отдать его, девятнадцатилѣтняго парня, въ обученіе одному художнику, нѣкоему Стилю. Это былъ распутный человѣкъ, хваставшійся, будто онъ былъ ученикомъ Ванлоо въ Парижѣ; за его «французскія» манеры ему дали презрительную кличку «графа» Стиля. Этотъ посредственный рисовальщикъ былъ первымъ и единственнымъ учителемъ Ромнея, но къ счастію онъ не особенно много училъ его.

На службѣ у Стиля Ромней заболѣлъ, за нимъ ухаживала одна горничная, Мэри Абботъ, на который онъ по выздоровленіи и женился. Тогда ему было только двадцать одинъ годъ. Стиль пере-

брался въ Іоркъ и взялъ съ собой и ученика; это переселеніе было удачно для Ромнея, такъ какъ нѣкоторые изъ его рисунковъ обратили на него вниманіе сосѣдняго викарія Суттона—самого Лауренса Стерна. Въ Іоркѣ Ромней купилъ нѣсколько гравюръ голландскихъ мастеровъ и на досугѣ копировалъ ихъ маслянными красками. Къ концу своего срока обученія онъ переѣхалъ въ Кендаль, недалеко отъ его родины и добывалъ тамъ средства существованія портретами и копіями съ старыхъ голландскихъ картинъ. Наконецъ онъ накопилъ денегъ для переселенія въ Лондонъ и уѣхалъ туда въ 1762 году, оставивъ женѣ двѣ трети своихъ сбереженій. Повидимому, тутъ не было никакого преднамѣреннаго бѣгства отъ жены, какъ предполагали; художникъ просто искалъ болѣе широкаго поприща для проявленія своего таланта. Въ Лондонѣ онъ сначала обратилъ на себя вниманіе историческими картинами, вродѣ «Смерти генерала Вольфа», получившей первую премію на выставкѣ въ «Обществѣ художествъ», хотя потомъ эта награда и была уничтожена по настоянію сэра Джосуа Рейнольдса, какъ полагалъ Ромней. Потомъ онъ имѣлъ большій успѣхъ съ этими историческими картинами, да и самъ онъ хотѣлъ прославиться въ этомъ родѣ искусства; но къ счастію для него спросъ заставилъ его противъ его воли сдѣлаться третьимъ изъ знаменитыхъ портретистовъ Англіи. Денежныя его дѣла были однако столь хороши, что онъ былъ въ состояніи совершить путешествіе въ Парижъ, гдѣ его сердечно принялъ Жозефъ Верне, по порученію Людовика XV въ то время рисовавшій большіе порты Франціи. Вернувшись въ Лондонъ, Ромней продолжалъ свою работу и потомъ посѣтилъ жившую на сѣверѣ свою семью. Въ это время, за два года до учрежденія Королевской академіи, онъ познакомился съ Ричардомъ Кумберландомъ, съ котораго онъ рисовалъ портретъ и энтузіазмъ котораго оказалъ художнику серьезныя услуги при жизни и сдѣлалъ многое для его славы послѣ смерти. Описаніе Ромнея Кумберландомъ доказываетъ его проницательность и похоже на одинъ изъ тѣхъ мастерскихъ эскизовъ, которыми прославился художникъ. «Ромней—разсказываетъ Кумберландъ—былъ боязливымъ, прилежнымъ, сдержаннымъ и вдумчивымъ человѣкомъ, сознающимъ всѣ невыгоды своего недостаточнаго образованія, отъ природы ипохондрикъ, съ нервами, могущими раздражаться отъ дуновенія любого вѣтерка; въ искусствѣ онъ былъ соперникомъ сэра Джосуа, а по натурѣ прямая его противоположность. Человѣкъ съ малыми потребностями, строго экономный и любившій дѣньги, онъ имѣлъ достаточно случаевъ, чтобы обогатиться даже чрезмѣрно; но онъ съ такимъ жаромъ начиналъ свои портреты и такъ медленно оканчивалъ ихъ, что ему часто не приходилось получать за нихъ платы вслѣдствіе случайностей и измѣненій въ семьяхъ своихъ заказчиковъ. Многіе изъ его кліентовъ были убиты, многія фаворитки были от-

ставлены, многія любящія жены развелись съ мужьями раньше, чѣмъ онъ могъ употребить полчаса труда на ихъ юбки, такъ что непроданныхъ и не окупившихся портретовъ было множество; при большей регулярности и при большей рѣшительности онъ могъ бы удвоить свое состояніе и избѣжать тысячи мелкихъ заботъ, портившихъ его настроеніе».

Въ 1776 году, вскорѣ послѣ встрѣчи съ Кумберландомъ, онъ перебрался въ Ньюпортъ Стритъ, бывшую тогда модным кварталомъ для художниковъ; тамъ онъ писалъ съ m-ss Yates «Трагическую музу» и быстро вошелъ въ моду. Причина его исключенія изъ академіи остается тайной, такъ какъ его принадлежность къ обществу художниковъ была препятствіемъ легко устранимымъ. Вѣроятнѣе всего, что этой причиной было то обстоятельство, что онъ былъ бѣдный, необразованный человѣкъ и въ то время непригодный для образованнаго и даже моднаго общества—такія причины всегда играютъ большую роль въ академическихъ совѣтахъ. Но успѣхъ Ромнея внѣ академіи былъ очень большой; тѣмъ не менѣе, сознавая, при всемъ своемъ успѣхѣ, недостатки своего обученія, онъ оставилъ свою студію и отправился въ Италію въ обществѣ миніатюриста Озіи Гумфри. Онъ долго и серьезно изучалъ произведенія искусства въ Ватиканѣ и потомъ въ Пармѣ, а кромѣ того много рисовалъ съ натуры. Эти занятія положили прочный отпечатокъ на его манеру и если имъ онъ обязанъ своей, можетъ быть, и не вполнѣ удачной любовью къ классической драпировкѣ, скорѣе скульптурной, чѣмъ живописной, то имъ же онъ обязанъ простотой и достоинствомъ, которыя въ соединеніи съ личнымъ, интимнымъ и живымъ изяществомъ даютъ такую неописанную прелесть его произведеніямъ. Вѣроятно также, по замѣчанію одного изъ его біографовъ, что эти изученія позволили ему избѣжать аффектаціи, въ которой были часто повинны его великіе соперники.

Послѣ возвращенія Ромнея въ Англію его практика быстро увеличилась; онъ занялъ домъ въ Кавендишъ-Скверѣ, раньше занимаемый пастелистомъ Котсомъ. Ненависть Рейнольдса къ «человѣку изъ Кавендишъ Сквера», какъ онъ называлъ Ромнея, совершенно необъяснима; къ чести Ромнея слѣдуетъ сказать, что онъ никогда не нападалъ на своего соперника и всегда отвѣчалъ врагамъ Рейнольдса: «Онъ величайшій изъ всѣхъ когда либо жившихъ художниковъ; въ его картинахъ та изящная прелесть, которая есть только въ природѣ и которой нѣтъ въ картинахъ другихъ». Такая похвала со стороны художника, написавшаго м-ссъ Анну Карвардинъ съ ея ребенкомъ, «Швею», «Читающую дѣвушку», м-ссъ Кумберландъ, м-ссъ Стебльсъ съ дочерьми, лэди Мильнеръ, адмирала Іорка въ его дѣтствѣ, была очень цѣнной. Ромнея слѣдуетъ судить именно по этимъ произведеніямъ и по его неоконченнымъ, но блестящимъ эскизамъ,

а не по его болѣе честолюбивымъ историческимъ картинамъ и даже не по тѣмъ роскошнымъ фигурамъ, которыя онъ рисовалъ въ то время, когда находился подъ обаяніемъ лэди Эммы Гамильтонъ, этой воплощенной здоровой, животной красоты

Отношенія Ромнея съ этой извѣстной лэди, вѣроятно, были истолкованы не надлежащимъ образомъ. Несомнѣнно, что многія изъ картинъ, написанныхъ имъ раньше, чѣмъ онъ познакомился съ лэди Гамильтонъ, названы ея именемъ и что о многихъ картинахъ, дѣйствительно нарисованныхъ съ этой роскошной женщины, разсказывали разныя сказки. Они встрѣтились только лѣтомъ 1782 года, когда Карлъ Гревиль (ея любовникъ) привелъ ее въ мастерскую Ромнея. По отношенію къ Ромнею ея поведеніе было безспорно корректнымъ; но онъ, всегда бывшій немного безумнымъ, все болѣе и болѣе сходилъ съ ума отъ ея красоты. Съ этихъ поръ его главной отрадой было рисовать съ этой «божественной лэди», какъ онъ называлъ ее. Подъ вліяніемъ этой страсти онъ, кромѣ безчисленныхъ этюдовъ, создалъ цѣлый рядъ полубогинь, святыхъ и героинь—Кассандръ, Цирцей и Магдалинъ. Хотя Ромней много обязанъ своей знаменитостью этой связи, но вѣроятно, что она была роковой для развитія художника и имѣла для него развѣ только ту выгоду, что помѣшала ему удовлетворить желанію его послѣднихъ лѣтъ рисовать большія оригинальныя картины по настоянію его друга и льстеца поэта Гайлея. Рисованье съ лэди Гамильтонъ и обработка этюдовъ съ нея, а также множество нарисованныхъ имъ портретовъ помѣшали ему исполнить то, что онъ называлъ «моей системой оригинальныхъ сюжетовъ, моральныхъ и оригинальныхъ и притомъ величайшихъ изъ когда либо задуманныхъ»—что наврядъ ли прибавило бы что нибудь къ его славѣ. Онъ уже давно рѣшилъ не возвращаться къ своему семейству. Въ теченіе тридцати семи лѣтъ онъ только два раза посѣтилъ свою жену и только въ 1799 году, несчастнымъ, разбитымъ душой и тѣломъ, онъ вернулся къ кроткой женщинѣ, бывшей когда то сидѣлкой неизвѣстнаго ученика Христофора Стиля и теперь сдѣлавшейся сидѣлкой величайшаго изъ живыхъ художниковъ Англіи. Онъ теперь въ теченіе трехъ лѣтъ лежалъ парализованный и умирающій въ домѣ, который онъ такъ давно покинулъ.

Чрезвычайно трудно оцѣнить надлежащимъ образомъ заслуги Ромнея; своей популярностью у современниковъ онъ, несомнѣнно, до значительной степени обязанъ нѣкоторому возрожденію неоклассицизма, замѣчающемуся въ концѣ вѣка; но онъ никогда не пользовался милостями двора; онъ былъ врагомъ Королевской академіи, не любилъ общества своихъ сотоварищей-художниковъ и они отвѣчали ему тѣмъ же, и тѣмъ не менѣе Норткотъ, ученикъ Рейнольдса, признаетъ, что «у его учителя было меньше заказовъ съ тѣхъ поръ,

какъ въ моду вошелъ Ромней». И это тѣмъ удивительнѣе, что Ромней не имѣлъ приличнаго образованія и что онъ не имѣлъ никакого понятія объ анатоміи. «Если бы искусство могло являться внезапно—говорилъ о Ромнеѣ одинъ академикъ—опъ былъ бы великимъ художникомъ». И мы склонны думать, что въ данномъ случаѣ такъ и было, и что Ромней былъ великимъ художникомъ. И тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что отсутствіе всего, кромѣ божественной искры таланта, сдѣлало его незаконченнымъ художникомъ и помѣшало ему имѣть доброе вліяніе на послѣдующее поколѣніе художниковъ.

О личномъ характерѣ Ромнея обыкновенно отзывались дурно. Несомнѣнно, что его поведеніе по отношенію къ женѣ было неизвинительно; но отношенія его съ семействомъ, несмотря на долгую разлуку, оставались до конца нѣжными. Онъ израсходывалъ свои сбереженія на то, чтобы устроить въ Индіи своего брата, дѣти чтили его память, а жена никогда не жаловалась. Въ концѣ жизни, съ развитіемъ болѣзни, отъ которой онъ умеръ, его естественныя капризы и чудачества увеличились, но дружба съ такими людьми, какъ Кумберландъ, поэтъ Коуперъ, Флаксманъ, Адамъ Уолкеръ и даже Гейлей, доказываетъ, что онъ не былъ лишенъ хорошихъ качествъ. Флаксманъ, которому онъ помогалъ въ его дѣтствѣ, такъ описываетъ посѣщеніе имъ Иртгама, деревенскаго дома Гейлея, гдѣ онъ встрѣтился съ Ромнеемъ: «я имѣлъ счастіе прожить двѣ недѣли такія, какихъ неудастся во всю жизнь прожить большинству моихъ собратій—людей». Послѣ смерти художника онъ писалъ: «въ моей долгой привязанности къ Ромнею я чувствовалъ то очарованіе, которое чувствуютъ читатели Шекспировскаго Гамлета». Это сравненіе очень удачно; у Ромнея мы видимъ странное очарованіе, незаконченность, отсутствіе смѣлости, капризность, неопредѣленную прелесть, а также и признаки безумія и... безславную могилу. Ромней былъ Гамлетомъ среди художниковъ Англіи.

Земледѣліе.

Протеро.

Улучшенія въ земледѣліи

Введеніе въ полевую культуру рѣпы и искусственное травосѣяніе были основами улучшеній въ земледѣліи. Новая система хозяйства доказала, что плодоперемѣнная система гораздо продуктивнѣе старой. Болѣе скота—больше и удобренія; а удобреніе дѣлаетъ почву болѣе богатой и плодородной, такъ что жатвы утроились; а большія жатвы давали возможность держать еще большее количе-

ство стадъ. Такимъ образомъ кругъ земледѣлія казался безконечно увеличивающимся и тѣ, кто рѣшился идти по стопамъ Тулля и Тоунсгенда, богатѣли.

Улучшеніе скотоводства. Бакуэлль.

Но чтобы оцѣнить вполнѣ все значеніе усовершенствованій въ земледѣліи, было необходимо улучшеніе породъ скота. Требовался переворотъ въ содержаніи и скрещиваніи скота. Измѣненія въ искусствѣ скотовода, введенныя Бакуэллемъ, фермеромъ въ Дишли близъ Лофборо въ Лейчестерширѣ, дали результаты еще болѣе замѣчательные, чѣмъ усовершенствованія въ земледѣліи, сдѣланныя Туллемъ и Тоунсгендомъ. Эти измѣненія составляютъ самый выдающійся фактъ въ исторіи земледѣлія въ этомъ періодѣ.

Въ срединѣ восемнадцатаго вѣка главной доходной статьей для англійскихъ фермеровъ была шерсть. Другіе продукты земледѣлія производились не столько для рынка, сколько для домашняго потребленія. Англія была главнымъ образомъ страной пастбищъ, британскій фермеръ сидѣлъ на мѣшкѣ съ шерстью; руно было золотомъ, а мясо овецъ цѣнилось мало. На овецъ смотрѣли, какъ на животныхъ, дающихъ шерсть; ихъ дѣлили на долгошерстныхъ, коротко-шерстныхъ и среднихъ. Шерсть употреблялась для чести, т. е. для чулокъ, или для пряжи, т. е. для тонкаго или грубаго сукна. На этомъ основаніи мелкія безрогія, бѣломордыя Райландскія или Герефордскія овцы считались лучшими, такъ какъ они давали самую тонкую шерсть; за леоминстерскую шерсть давали высшія цѣны, а за ней на рынкѣ шла Котсуольская шерсть. Если отдѣльные овцеводы и заботились о подборѣ производителей, то ихъ выборъ опредѣлялся качествомъ шерсти или разными соображеніями, не имѣвшими практическаго значенія, вродѣ цвѣта головы, формы роговъ или черноты ногъ.

Точно также не обращали вниманія и на складъ рогатаго скота. Скотъ цѣнился не за его способность жирѣть и не за раннюю зрѣлость, а по молочности его и по способности быть рабочимъ скотомъ. На скрещиваніе не обращалось ни малѣйшаго вниманія, за исключеніемъ только сѣверозападныхъ графствъ, по признанію Гартлиба. Всего больше обращали вниманія на величину. Потому въ особенности цѣнили огромную Гольдернесскую породу. «Достоинства почвы—говоритъ Лаусонъ въ своемъ «Новомъ огородѣ» (1826)—Гольдернесса въ Іоркширѣ извѣстны всѣмъ, знающимъ рѣку Гумберъ и тамошнія громадныя стада». «Животныя, писалъ Куллей еще въ 1809 году, скорѣе похожи на плохо сложенныхъ черныхъ лошадей, чѣмъ на быка или корову. Нравятся только слоны, да гиганты». Приходскіе быки избирались за такія свойства, которыхъ не было у любимца Обадіи, такъ сильно защищаемаго мистеромъ Шэнди. Скрещиваніе было вполнѣ неправильное. Для сельскихъ сквайровъ въ царствованіе двухъ первыхъ Георговъ идеаломъ былъ,

вѣроятно, знаменитый «линкольнширскій быкъ», выставленный, какъ сказано въ объявленіи, «съ великимъ удовольствіемъ въ Кембриджскомъ университетѣ» въ царствованіе королевы Анны. Онъ былъ «девятнадцати пядей (hands) вышины и четырехъ ярдовъ длины отъ морды до хвоста. Подобнаго звѣря раньше никогда въ свѣтѣ не бывало. Vivat regina (Sic!)

Такъ какъ давались призы за длиннѣйшія ноги, то не удивительно, что во всей странѣ овцы были тощія, долгоногія, а рогатый скотъ высокій, толстокостый, съ плоскими боками. Но не слѣдуетъ полагать однако, что наши предки совсѣмъ ничего не понимали въ скрещиваніи. Ноги имѣли большое значеніе въ то время, когда животнымъ при пастьбѣ приходилось проходить цѣлыя мили и когда было много болотъ. Толщина костей имѣла значеніе, когда быку приходилось тащить плугъ по твердой глинѣ. Но наступало время, когда говядина и баранина получили большую цѣнность, чѣмъ рабочая способность животнаго и тонкость руна. Бакуэлль былъ оппортунистомъ въ земледѣліи, понявшимъ наступающую перемѣну и умѣвшимъ удовлетворить спросу. Онъ доставилъ мясо милліонамъ и этимъ настолько же увеличилъ богатство страны, какъ Аркрайтъ или Уаттъ. Много памятниковъ въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ воздвигнуто людямъ, гораздо меньше лейчестерскаго фермера заслужившимъ такую честь.

Бакуэлль родился въ 1725 году, ему не было еще и двадцати лѣтъ, когда онъ началъ свои опыты улучшенія породы скота. Когда въ 1760 году его посѣтилъ Артуръ Юнгъ съ рекомендаціями отъ маркиза Рокингама, онъ увидалъ типичнаго британскаго іемена, вродѣ тѣхъ, которыхъ изображали на страффордширской посудѣ: «высокій, широкоплечій, сильный мужчина, съ темнокраснымъ цвѣтомъ лица, въ широкомъ темномъ сюртукѣ, въ красномъ жилетѣ, кожанныхъ штанахъ и высокихъ сапогахъ». На его ферму пріѣзжали посѣтители отовсюду; они осматривали ферму, каналы, орошаемые луга, гдѣ косцы работали отъ мая до Рождества, его знаменитаго чернаго жеребца, его быка «Два пенки» и барана «Двуфунтофика»; они слушали, какъ онъ говорилъ имъ объ основахъ разведенія скота, теперь сдѣлавшихся аксіомами. Но были и такіе секреты, которые онъ не сообщалъ никому, кромѣ одного стараго пастуха; утверждаютъ, что онъ никогда не продавалъ мясникамъ овецъ, не заразивъ ихъ паршами (Rot), чтобы онѣ не годились въ качествѣ производителей. Въ своей кухнѣ онъ угощалъ «русскихъ князей, французскихъ и нѣмецкихъ принцевъ крови, британскихъ перовъ и посѣтителей всѣхъ родовъ». И онъ никогда не измѣнялъ своимъ ежедневнымъ привычкамъ. «Завтракъ въ восемь, обѣдъ въ часъ, ужинъ въ девять, въ одиннадцать въ постель; кто бы у него ни былъ, въ половинѣ десятаго онъ выбивалъ свою послѣднюю трубку». Онъ

былъ такъ гостепріименъ, что несмотря на громадныя суммы денегъ, прошедшія чрезъ его руки, умеръ онъ въ бѣдности.

Когда Бакуэлль началъ свои опыты скрещиванія, онъ подбиралъ овецъ изъ лучшихъ экземпляровъ въ окрестностяхъ и платилъ за нихъ по гинеѣ и даже по полъгинеѣ. Предполагаютъ, что созданная имъ порода овецъ основана на старой лейчестерширской или варвикширской породѣ овецъ, скрещиваемыхъ съ райландскими. Маршаль, писавшій въ концѣ вѣка, такимъ образомъ описываетъ настоящую варвакширскую неусовершенствованную породу: «она широкаго склада, кости у ней тяжелыя, ноги долгія и толстыя, подбородокъ и хвостъ такіе острые, какъ крюки; кожа болтается на ребрахъ, точно скелетъ, покрытый пергаментомъ». Матеріалъ, повидимому, не обѣщающій. Но Бакуэлль преслѣдовалъ вполнѣ опредѣленную цѣль; онъ нашелъ принципъ подбора и секретъ скрещиванія. Онъ употреблялъ только тѣхъ овецъ и барановъ, которые обладали свойствами, которыя онъ желалъ воспроизвести. Онъ хотѣлъ развести животныхъ съ большимъ вѣсомъ лучшихъ частей, которыя быстрѣе вознаграждали бы за расходы на употребляемый ими кормъ. Основой его опытовъ было: «малый по величинѣ и большой по цѣнѣ» или тостъ Голькгама за «хорошо скрытую симметрію». Онъ понималъ, что цѣнность овцы не въ длинѣ ногъ, а въ количествѣ туши, что кости должны быть тонки, форма компактна, и что наиболѣе выгодная порода должна быть формы боченка на коротенькихъ ножкахъ. Подборомъ формы были упрочены способность жирѣть и ранняя зрѣлость и была установлена порода; новая лейчестерская овца Бакуэлля на время устранила всѣхъ ея конкурентовъ. Это была первая порода овецъ, научно созданная въ Англіи, и хотя она была менѣе приспособлена въ восточныхъ и южныхъ графствахъ, чѣмъ другія туземныя породы, она не имѣла соперницъ въ своихъ родныхъ округахъ средней Англіи.

Въ 1755 году Бакуэлль отдавалъ своихъ барановъ въ пользованіе по 16 ш. за сезонъ. Въ 1789 году, за шесть лѣтъ до его смерти, составилось общество для распространенія его породы овецъ и заплатило ему за его барановъ шесть тысячъ гиней за сезонъ. Много повліяли на происшедшія измѣненія захватъ общинныхъ луговъ и всеобщее распространеніе травосѣянія и корнеплодовъ; можно составить нѣкоторое представленіе о произведенныхъ Бакуэллемъ измѣненіяхъ, сравнивая вѣсъ овецъ и рогатаго скота на Смитфильдскомъ рынкѣ въ 1710 и 1795 годахъ. Средній вѣсъ въ 1710 году былъ: быка 370 фунтовъ, телятъ, 50, овецъ 28, ягнятъ 18. А въ 1795 году средній вѣсъ былъ 800, 148, 80 и 50 фунтовъ.

Бакуэлль занимался также и разведеніемъ рогатаго скота. Но въ этомъ онъ не имѣлъ такого успѣха; виной этого былъ его матеріалъ, а не его принципы. Его лейчестерскій длиннорогій скотъ,

произошедшій отъ Кравенскаго скота, былъ очень молочнымъ, но и только. Но по его примѣру были усовершенствованы другія породы, обладавшія лучшими естественными качествами. Тисуотерскій скотъ или Дургамскій короткорогій Карла Коллинга какъ для молока, такъ и для мяса былъ для скотоводовъ тѣмъ же, чѣмъ новая лейчестерская порода овецъ была для овцеводовъ. Повсемѣстно хозяева слѣдовали его примѣру, приняли его правила и соревновали съ нимъ въ усовершенствованіи породъ. Составленіе стадъ овецъ и рогатаго скота сдѣлалось любимымъ занятіемъ богатыхъ людей и выгоднымъ промысломъ для фермеровъ. Если бы Флора Макъ Иворъ не умерла раньше Бакуэлля, она дожила бы до того времени, когда провинціальный дворянинъ былъ скотоводомъ, не будучи «грубымъ двуногимъ быкомъ, вродѣ Килланкурита». Какъ новая лейчестерская порода была усовершенствована и окончательно восторжествовала въ богатыхъ равнинахъ, такъ для холмистыхъ мѣстностей порода Southdowns, а для горъ порода Cheviots были усовершенствованы овцеводами, слѣдовавшими примѣру Бакуэлля. Лейчестерскій фермеръ можетъ считаться до извѣстной степени творцомъ породы Southdowns—Эльмана Глайнда или Іонаса Уэбба Бабрагама, Кеттонскаго стада Коллинга, Герефордской породы Томкинса или Девонской породы лорда Лейчестера и Куартли, доведенныхъ въ послѣдующія пятьдесятъ лѣтъ до совершенства.

Промышленность.

Тоунсгенда Варнера.

Текстильная промышленность.

Мы уже раньше говорили, что для доставленія работы одному ткачу нужна была работа нѣсколькихъ прядильщиковъ; имѣется достаточно доказательствъ, что ручные ткачи первой половины восемнадцатаго вѣка обыкновенно не имѣли много работы. Ихъ трудъ, дѣйствительно, вознаграждался настолько, что они могли имѣть по крайней мѣрѣ одинъ праздникъ въ недѣлю. Тогдашніе хозяева, дававшіе работу ручнымъ ткачамъ, доставлявшіе имъ пряжу и находившіе рынокъ для готоваго товара, жаловались, что во время нельзя получить работы и очевидно, что единственное, о чемъ сожалѣли ручные ткачи, когда настало время фабричнаго производства—это было утрата ими свободы. Не то, чтобы имъ пришлось тогда работать больше; но имъ уже нельзя было работать или неработать, какъ имъ хотѣлось. Хотя вообще было труднѣе для ткача найти пряжу, чѣмъ работу, въ 1730 году положеніе двухъ этихъ

промысловъ находилось почти въ равновѣсіи. Очевидно, что или было большее предложеніе пряжи сравнительно съ тѣмъ количествомъ, которое могло быть передѣлано въ сукно, или, если ткачи могли ткать пряжу быстрѣе, чѣмъ прядильщики прясть ее, тогда являлось стремленіе подогнать отстающій промыселъ и усовершенствовать его, чтобы онъ могъ держаться на одномъ уровнѣ съ другимъ. Такъ именно и было въ текстильной промышленности. Сначала улучшеніе въ ткачествѣ давало перевѣсъ ручному станку. Рынокъ для сукна имѣлся; ткачи были готовы работать, но предложеніе пряжи, всегда нѣсколько отставшее, сдѣлалось совершенно неудовлетворительнымъ. Ткачъ могъ проходить три или четыре мили утромъ и побывать у пяти или шести прядильщиковъ, чтобы набрать достаточно пряжи для того, чтобы проработать остатокъ рабочаго дня. Тогда начали думать объ усовершенствованіяхъ и изобрѣли прядильныя машины. Это выдвинуло впередъ прядильный промыселъ. Пряжа поставлялась на рынокъ дешевле и лучшаго качества, чѣмъ прежде. Предложеніе ея было столь велико, что ручной станокъ не удовлетворялъ уже требованіямъ рынка. Это было стимуломъ для новыхъ изобрѣтеній. Если изобрѣли прядильныя машины, почему бы не изобрѣсти и ткацкія? Потому вскорѣ былъ изобрѣтенъ механическій станокъ и это позволяло ткацкому промыслу опередить временно опередившій было его прядильный. Но механизмъ требуетъ примѣненія какой нибудь силы. Пригодна была бы сила воды, но ей не вездѣ можно было воспользоваться; сила вѣтра слишкомъ непостоянна и слаба, лошадиная сила слишкомъ дорога; такимъ образомъ было необходимо найти такую силу, которую можно бы было употреблять гдѣ угодно и пользованіе которой давало бы барыши. Такимъ путемъ вслѣдствіе усовершенствованія старой воздушной машины была создана паровая машина и промышленность окончательно изъ деревень, гдѣ жили ручные ткачи, съ береговъ рѣкъ Ланкашира и Іоркшира, гдѣ были устроены первыя фабрики, перешла въ города. Я не утверждаю, что ходъ промышленнаго переворота, бывшаго слѣдствіемъ изобрѣтеній, былъ такимъ простымъ и правильнымъ, какимъ онъ изображенъ въ этомъ эскизѣ. Но общіе контуры картины именно таковы. Появился извѣстный импульсъ—и послѣ этого изобрѣтенія съ одного процесса и отъ одной промышленности распространялись на другія, дѣлаясь по пути все болѣе и болѣе широкими и захватывающими.

Изобрѣтенія: Самолетный челнокъ—Кэя. Самопрялка—Пауля и Уатта.

Первымъ въ этомъ ряду изобрѣтателей былъ Джонъ Кэй изъ Бюри. Онъ сначала былъ на шерстяной фабрикѣ въ Кольчестерѣ, но съ 1730 года былъ въ Бюри производителемъ бердъ. Первый патентъ, взятый имъ на скручиваніе и чесанье ангорской шерсти (mohair) и на сученье и лощенье нитокъ не принесъ ничего новаго. Но въ 1733 году онъ взялъ новый патентъ на самолетный

челнокъ (fly-Shuttle). До сихъ поръ челнокъ съ уткомъ передавался при тканьѣ изъ одной руки въ другую. Это былъ очень медленный процессъ и ткать было можно только узкія ткани. И дѣйствительно обычная ширина тканаго сукна была только три четверти ярда, что обусловливалось именно передачей челнока изъ одной руки въ другую. Сущность изобрѣтенія Кэя и состояла въ томъ, что челнокъ переходилъ съ одной стороны станка къ другой посредствомъ механизма, а не передавался изъ руки въ руку. Для челнока была необходима работа только одной руки ткача, а другая оставалась свободной для расправленія сукна послѣ каждаго движенія челнока и челнокъ двигался по широкой ткани также, какъ и по узкой. Это изобрѣтеніе удвоило работу ткача, а кромѣ того и улучшало качество работы. Кэй взялъ патентъ на свое изобрѣтеніе; но ему не удалось одному воспользоваться имъ. Вскорѣ самолетный челнокъ распространился повсюду и требованіе на пряжу возросло еще болѣе. Самъ Кэй занялся тогда прядильной машиной, но ему не удалось. Онъ однако тутъ не былъ первымъ, потому что еще въ 1738 году Люи Пауль взялъ патентъ на новую прядильную машину. Его методъ состоялъ въ употребленіи двухъ валовъ (rollers), изъ которыхъ второй вращался нѣсколько быстрѣе перваго и натягивалъ прядь, подаваемую первымъ. Пауль былъ въ товариществѣ съ Джономъ Уаттотъ изъ Бирмингама и нѣкоторые предполагаютъ, что настоящимъ то изобрѣтателемъ былъ Уаттъ. Самъ онъ утверждалъ это и его сынъ доказывалъ, что у него есть оригинальная модель, сдѣланная его отцомъ въ 1733 году. Вѣроятно, Уаттъ только дѣлалъ машины для Пауля; во всякомъ случаѣ они являются предшественниками Аркрайта въ дѣлѣ пряденья на валахъ. Но машина Аркрайта вошла во всеобщее употребленіе, а машина Пауля и Уатта нѣтъ. Тѣмъ не менѣе послѣдняя не была вполнѣ неудачной; при ея посредствѣ въ день производили девяносто талекъ, но изобрѣтатели не нашли достаточно дѣла, чтобы занимать четыре машины изъ пяти, устроенныхъ ими. Такъ что вопросъ объ удовлетворительномъ предложеніи пряжи оставался нерѣшеннымъ. Слѣдуетъ замѣтить также, что Пауль былъ первымъ, составившимъ планъ круговой или непрерывной чесальной машины. Такъ что хотя онъ и не имѣлъ практическаго успѣха, но первый напалъ на идеи, впослѣдствіи поведшія къ двумъ очень важнымъ изобрѣтеніямъ.

«Дженни» Гаргрива.

Въ 1764 году ручной ткачъ Джемсъ Гаргривъ изъ Блакбурна случайно напалъ на важную мысль, видя, что прядильное колесо, брошенное на полъ, продолжаетъ вращаться, причемъ нить оставалась въ рукѣ прядильщика. Эта идея повела къ открытію самопрялки (jenny), машины, въ первоначальномъ ея видѣ приводившей въ движеніе восемь веретенъ; она, стало быть, въ восемь разъ увеличивала работу ручного прядильщика и даже больше—такъ какъ на

дженни Гаргрива могли работать и дѣти. У этой машины не было валовъ; пряжа шла между двумя полосами и сходила медленно съ веретена, держимаго въ рукѣ. Это была ручная машина; но вскорѣ оказалось, что первоначальное число веретенъ можно легко увеличить. Дѣйствительно, въ одну машину оказалось возможнымъ поставить цѣлую сотню. Гаргривъ самъ употреблялъ свою дженни, но послѣ продалъ нѣсколько машинъ. Тогда прядильщики, боясь, что новая машина лишитъ ихъ работы, ворвались въ домъ Гаргрива и уничтожили машину. Изобрѣтатель переселился въ Ноттингамъ, взялъ тамъ патентъ и устроилъ бумаго-прядильную фабрику; но противъ него начали искъ и вслѣдствіе того, что онъ продавалъ машины, его патентъ былъ признанъ недѣйствительнымъ. Онъ умеръ въ 1778 году, не получивъ особыхъ барышей отъ своего изобрѣтенія. Но не потому, что его машина не имѣла успѣха. Правда, въ бумагопрядильномъ промыслѣ сначала она не вытѣснила ручную пряжу; но она постепенно вводилась сначала въ бумагопрядильной, а потомъ и въ шерстяной промышленности, такъ что во время смерти изобрѣтателя въ Англіи работало двадцать тысячъ ручныхъ самопрялокъ по восьмидесяти веретенъ каждая.

Аркрайтъ. Гаргривъ побѣдилъ одно изъ затрудненій. Онъ добился увеличенія предложенія утка, что позволяло прядильщику не отставать отъ ткача. Но нужно было сдѣлать еще одно. Мы уже говорили, что названіе тканей того времени «бумажными» вѣрно только отчасти. Тогдашняя пряжа была недостаточно крѣпка для основы, потому основа была изъ льняныхъ нитей, а бумагу употребляли только для утка. Такимъ образомъ въ началѣ нарствованія Георга III ткани были полубумажныя. Гораздо выгоднѣе было бы, еслибы бумажная нить была и тонкой и крѣпкой. Это усовершенствованіе и было сдѣлано Аркрайтомъ и Кромптономъ. Ричардъ Аркрайтъ, уроженецъ Престона, сначала былъ цирюльникомъ. Онъ былъ человѣкомъ съ живымъ умомъ и очень наблюдательнымъ, и хотя онъ по профессіи не былъ заинтересованъ текстильной промышленностью, но его умъ былъ настолько воспріимчивъ, что онъ не могъ оставаться равнодушенъ къ окружающимъ его явленіямъ. Нѣтъ доказательствъ, чтобы онъ зналъ объ изобрѣтеніи Пауля, хотя его изобрѣтеніе основывается на тѣхъ же принципахъ. При помощи суконщика Кэя изъ Уаррингтона онъ сдѣлалъ модель, подававшую надежду на успѣхъ. Тогда онъ обратился къ капиталисту Атертону; тотъ предложилъ ему помощь кузнеца и часовщика. Первая машина, впослѣдствіи получившая названіе «водяной» (waterframe), такъ какъ она работала водяной силой, была сдѣлана въ гостинной дома, принадлежавшаго престонской вольной грамматической школѣ. Но помня о судьбѣ Кэя и Гаргрива, Аркрайтъ не захотѣлъ остаться въ Ланкаширѣ и отправился въ Ноттингамъ.

Принципъ прядильной машины Аркрайта состоитъ въ томъ, что пряденіе производитя валами, вращающимися съ различной скоростью. У его машины четыре пары валовъ, приводимыхъ въ движеніе колесомъ и шестерней. Верхній валъ каждой пары обшитъ кожей, а нижній съ выемкой (жолобкомъ) по его длинѣ. Одна пара валовъ вращается быстрѣе другой и нить выходитъ надлежащей тонкости и крѣпости для крученья, производимаго веретенами или бѣгунами (зубцами, flyers), помѣщенными впереди валовъ. Такимъ образомъ получаемая пряжа, называемая «крученой водой» (water twist)—такъ какъ машина приводилась въ движеніе силой воды — была крѣпче производимой раньше. Аркрайтъ указывалъ, что такая пряжа пригодна и для основы. И дѣйствительно основа теперь всегда дѣлается изъ крученной (throstle-spune) пряжи, производимой по принципу Аркрайта, а утокъ изъ простой пряжи (mule-spun) Кромптона. Но въ теченіе нѣкотораго времени на фабрикахъ боялись употреблять эту пряжу для основы. Сначала ее употребляли только въ чулочномъ производствѣ, въ промышленности, процвѣтавшей вблизи Ноттингама; въ 1773 году начали ее употреблять на основу ситцевъ вмѣсто прежней льняной пряжи. Любопытно, что это случилось вслѣдствіе принятія парламентомъ одного акта; парламентъ, руководясь тѣмъ положеніемъ, что всѣ чисто бумажныя матеріи суть индѣйскія, въ 1736 году принялъ актъ для покровительства британской промышленности, обложивъ всѣ бумажные товары двойной пошлиной. Этотъ актъ былъ отмѣненъ въ 1774 году, а въ слѣдующемъ году Аркрайтъ взялъ нѣсколько патентовъ, на основаніи которыхъ весь процессъ приготовленія пряжи, включая чесанье, вытягиваніе, ворсованье и пряденье, производились одной машиной. Позже эта машина была примѣнена и въ другихъ промышленностяхъ. Аркрайту не болѣе другихъ изобрѣтателей удалось отстоять свои права. Но онъ былъ человѣкъ энергичный и дѣловой и создалъ себѣ своимъ изобрѣтеніемъ большое состояніе, хотя и не могъ удержать за собой исключительное пользованіе этимъ изобрѣтеніемъ.

Кромптонъ.

Контрастъ съ удачами Аркрайта составляетъ неудача Самуэля Кромптона. Скромный и нелюдимый, онъ былъ совершенно непригоденъ для жизненной борьбы. Будучи еще молодымъ человѣкомъ и занимаясь пряденьемъ близъ Больтона, онъ почувствовалъ все неудобство постоянно связывать рвавшуюся пряжу, производимую на «дженни» Гаргрива и началъ обдумывать, какъ бы устранить такое неудобство. Боязнь сосѣдей заставила его работать тайкомъ и по большей части ночью. Въ 1779 году его машина, сначала называемая «колесомъ для муслина» (muslin wheel), а потомъ «тонкопрядильной» (собственно «лошакъ» — mule) была готова. Она давала пряжу, по тонкости и крѣпости лучшую, чѣмъ Аркрайтова машина. Это достигалось приспособленіемъ аркрайтовыхъ валовъ къ «дженни» Гаргрива и при-

бавленіемъ одной совершенно новой части—хода для веретенъ (каретки, Spindle-carriage), препятствовавшей чрезмѣрному натягиванію нити. Машина воспроизводила движеніе пальцевъ ручного прядильщика,—когда онъ двумя пальцами держитъ и натягиваетъ прядь во время скручиванья ея веретеномъ. Пряжа Кромптона обратила на себя вниманіе Больтонскихъ мастеровъ. Они начали добиваться отъ изобрѣтателя сообщенія секрета; онъ, боясь насилій черни, сообщилъ свою тайну въ замѣнъ обѣщанія подписки въ его пользу; подписка дѣйствительно состоялась и дала ему всего 67 ф. 6 ш. 6 д. Это было бы смѣшно, еслибы не было такъ печально; во всякомъ случаѣ это было ударомъ для несчастнаго Кромптона, огорченнаго своей неудачей, сдѣлавшагося мизантропомъ, уничтожившаго свои машины и отказавшагося отъ всякой помощи. Наврядъ-ли для него было утѣшеніемъ то обстоятельство, что благодаря его изобрѣтенію была создана процвѣтающая промышленность, производство муслиновъ, на которой очень многіе составили огромныя состоянія.

Результатомъ этихъ изобрѣтеній было то, что прядильное дѣло далеко опередило ткачество по производительности. Изобрѣтенія Гаргрива, Аркрайта и Кромптона значительно перевѣшивали изобрѣтеніе Кэя. Хотя эти усовершенствованія были сдѣланы только въ бумаго прядильномъ дѣлѣ, но они могли быть постепенно примѣнены и къ шерстяной промышленности. Потому у ткачей было теперь много работы и прядильщикамъ иногда даже трудно бывало сбывать ихъ продуктъ; прежніе же ручные прядильщики были почти совершенно выбиты съ рынка. Въ слѣдующей главѣ мы разскажемъ, какимъ образомъ ткачи снова догнали прядильщиковъ.

Желѣзная промышленность. Карронъ. Вилькинсонъ.

Постепенное паденіе англійской желѣзной промышленности доказывалось количествомъ ввозимаго желѣза. Это количество непрерывно росло. Съ 1711 до 1718 г. ежегодно ввозилось по 15,642 тонны, съ 1729 по 1735 г. по 25,501 тоннъ, съ 1750—55 г. 34,702 и съ 1761—66 г. по 48,980 тоннъ. Мы уже говорили о причинѣ такого явленія, о дороговизнѣ деревяннаго угля. Дарби, отецъ и сынъ, доказали, что деревянный уголь можно замѣнить коксомъ и исторія возстановленія желѣзной промышленности есть въ сущности исторія распространенія этаго знанія. Все затрудненіе при работѣ коксомъ было въ устройствѣ мѣховъ. Тромпъ—водяные мѣхи, употребляемые на заводахъ, работавшихъ деревяннымъ углемъ—не имѣлъ надлежащей силы. Прежнія машины для раздуванія были большіе мѣхи, приводимые въ движеніе лошадиной или водяной силой и поставленные рядами, по двое или четверо мѣховъ, чтобы былъ непрерывный, хотя и не сильный, притокъ воздуха. Въ тѣхъ случаяхъ, когда не было подъ рукой естественной водяной силы, она иногда замѣнялась паровой машиной въ ея первоначальной формѣ. Первое усовершенствованіе въ этомъ дѣлѣ было сдѣлано Смитономъ, сдѣ-

лавшимъ въ 1760 году цилиндрическую машину для Рёбука на желѣзномъ заводѣ Каррона. Тутъ сила была непрямой. Машина доставляла воду, которая въ свою очередь приводила въ движеніе четыре раздувавшіе цилиндра. Эти цилиндры были 4 футовъ 6 дюймовъ въ діаметрѣ, съ плотно подогнанными поршнями; внизу былъ открывающійся внутрь клапанъ для допущенія воздуха при поднятіи поршня; при паденіи же поршня этотъ клапанъ закрывался и открывался другой въ трубкѣ, по которой прогонялся воздухъ. Машина была не вполнѣ удовлетворительна, такъ какъ не было регулятора для поддержанія постояннаго тока воздуха—и тѣмъ не менѣе производительность домны съ десяти или двѣнадцати тоннъ на недѣлю увеличилась на сорокъ; въ годъ домна производила около 1500 тоннъ. Если припомнить, что въ 1740 году домна, работавшая деревяннымъ углемъ, давала только 294 тонны, то прогрессъ былъ очевиденъ. Можно было бы и еще сказать кое что объ усовершенствованіи мѣховъ, но мы отложимъ это до тѣхъ поръ, когда будемъ говорить объ Уаттѣ и паровой машинѣ. Но и несовершенныя машины типа Смитоновской все больше и больше входили въ употребленіе. Въ 1788 году производство заводовъ, работавшихъ деревяннымъ углемъ, равнялось 13,100 тоннъ въ годъ, съ 1750 года произошло уменьшеніе на 4250 тоннъ,—тогда какъ въ томъ же году двадцать четыре домны, работавшія коксомъ, дали 37000 тоннъ. Заводчики, работавшіе деревяннымъ углемъ, указывали на дурное качество желѣза, производимаго на коксѣ. И безспорно, что оно было менѣе чистымъ; иногда вслѣдствіе присутствія сѣры оно было при раскаливаніи до красна чрезмѣрно ломкимъ. Тѣмъ не менѣе при хорошей работѣ это желѣзо выходило хорошимъ; одинъ писатель упоминаетъ, что въ 1746 году нѣкто Фордъ, партнеръ Дарби, дѣлалъ желѣзо изъ руды на каменномъ углѣ, добываемомъ въ Кольбрукдэлѣ, крѣпкое или ломкое по произволу и настолько мягкое, что его употребляли для пушекъ. Если это показаніе вѣрно, то Фордъ былъ первымъ, употреблявшимъ простой каменный уголь, потому что хотя Дудлей и говоритъ о «рудномъ углѣ» (pit-coal), но почти несомнѣнно, что до употребленія онъ пережигалъ его въ коксъ. Можно однако усомниться въ точности этаго показанія. Случайный наблюдатель могъ не замѣтить употребленія именно угля, а не кокса, и обратить вниманіе только на то, что употребляется не деревянный уголь. Абрагамъ Дарби для своей домны употреблялъ пять корзинъ кокса, двѣ корзины кокса второго сорта (brays, small coke), одну корзину торфа, и потомъ руду и известнякъ. Управляющимъ Кольбрукдэльскихъ заводовъ въ 1756 году былъ Рейнольдсъ, и въ его время употреблялся и каменный уголь, во всякомъ случаѣ отчасти, для топлива для домнъ. Въ слѣдующей главѣ мы еще возвратимся къ этому вопросу.

Другимъ важнымъ нововведеніемъ было литье стали, открытое

Веніаминомъ Гунтсманомъ изъ Шеффильда. Полагали, что этотъ процессъ очень сложный. Гунтсманъ въ теченіе нѣкотораго времени сохранялъ тайну, но потомъ начались попытки открыть ее. Она и была открыта Уолкеромъ изъ Гринзайда, тоже литейщикомъ, который по преданію переодѣлся бродягой и просилъ позволенія посидѣть и погрѣться у домны. Процессъ Гунтсмана состоялъ въ томъ, что пузырчатая сталь разбивалась и растапливалась въ тигеляхъ съ крышками; жаръ поддерживался до кипѣнія и чрезъ три часа сталь обычнымъ путемъ выливалась въ формы. Поверхъ стали обыкновенно клали слой стекла, но, повидимому это имѣло только то значеніе, что обманывало подражателей. Гунтсманъ употреблялъ превосходные матеріалы и его сталь была высокаго сорта; сначала она не пользовалась популярностью въ Шеффильдѣ, но за то много употреблялась во Франціи, такъ что въ концѣ концовъ и Шеффильдъ долженъ былъ ввести ее въ употребленіе. Именемъ заводовъ Каррона были названы «карронады—пушки, вылитыя въ первый разъ въ 1779 году на желѣзныхъ заводахъ кампаніи Каррона. Онѣ были короче корабельныхъ 4 фунтовиковъ и немного легче 12 фунтовиковъ, но по своему цилиндру такая пушка равнялась 8 дюймовой гаубицѣ». Сверленье этихъ пушекъ было далеко несовершеннымъ, потому что когда посредствомъ тѣхъ же машинъ сверлили на заводахъ Каррона цилиндры для машинъ Уатта, онъ былъ доволенъ, если уклоненіе было не больше трехъ восьмыхъ дюйма. Джонъ Вилькинсонъ изъ Бершама изобрѣлъ усовершенствованную машину для сверленья цилиндровъ и исполнилъ нѣсколько заказовъ для Боультона и Уатта.

Вилькинсонъ.

Въ исторіи желѣзной промышленности Вилькинсонъ фигура очень интересная. Онъ былъ первымъ изъ крупныхъ желѣзныхъ заводчиковъ. Отецъ его былъ старшимъ рабочимъ въ Блэкбарроу; Джонъ и его братъ построили вблизи этаго мѣстечка свою первую домну для плавленія гематита; дѣло процвѣтало и у братьевъ появились кузницы въ Бершамѣ, Брадлеѣ и Мертайръ-Тайдвилѣ, такъ что они сдѣлались самыми крупными заводчиками того времени. Они отлили трубы, цилиндры и всѣ желѣзныя части для парижскаго водопровода. Джонъ Вилькинсонъ такъ сильно и упорно настаивалъ на употребленіи желѣза, что его считали «помѣшаннымъ на желѣзѣ», когда онъ говорилъ о желѣзныхъ мостахъ, домахъ и корабляхъ. Но онъ вскорѣ доказалъ свою правоту; онъ вмѣстѣ съ Абрагамомъ Дарби (третьимъ) настоялъ на постройкѣ перваго желѣзнаго моста, Броселей-Бриджъ, черезъ Севернъ, отлитаго Дарби въ Кольбрукдэлѣ и открытаго въ 1779 году. Въ 1790 году самъ онъ на своихъ заводахъ въ южномъ Уэльсѣ сдѣлалъ первый желѣзный корабль. Этотъ корабль плавалъ по Северну. Его «помѣшательство» преслѣдовало его до смерти; онъ велѣлъ приготовить себѣ желѣзный гробъ

и обыкновенно показывалъ его своимъ друзьямъ и рекомендовалъ имъ заказать такіе же. И не смотря на это гробъ оказался непригоднымъ, такъ что тѣло Вилькинсона лежало, пока не отлили другого.

Увеличеніе спроса на коксъ поддерживало добываніе каменнаго угля. Отъ 1700 до 1750 года количество угля, добываемаго въ Англіи, увеличилось отъ 2,612,000 тоннъ до 4,773,828, а въ 1780 году до 6,424,000 тоннъ. Спросъ на уголь повелъ къ открытію новыхъ рудниковъ; но такъ какъ всегда новые рудники сначала бываютъ невыгодны, то стали все глубже и глубже разработывать старые. По показанію Annual Register за 1769 годъ самымъ глубокимъ рудникомъ въ Англіи въ то время былъ мѣдный въ Эктонъ-Гиллѣ въ Страффордширѣ, гдѣ глубина шахты отъ вершины холма равнялась болѣе, чѣмъ 400 ярдамъ. Обыкновенно шахта углублялась корридорами, отъ 4 до 6 футовъ вышины, идущими къ центральной площадкѣ для склада руды, откуда спускъ къ мѣсту добыванія руды равнялся 160 ярдамъ по лѣстницамъ и бревнамъ, вогнаннымъ въ скалу». Спускаясь отъ главной площадки вы проходите тридцать лѣстницъ, изъ которыхъ половина изломана, а половина безъ ступенекъ, въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ вы идете по ступенькамъ, вырубленнымъ въ скалѣ, въ другихъ мѣстахъ вамъ приходится скользить и вы часто подвергаетесь опасность полетѣть внизъ головой въ рудникъ». Внизу работало шестьдесятъ человѣкъ, по шести часовъ смѣна и по 2 д. за часъ. Руда поднималась на платформу воротомъ и оттуда развозилась по корридорамъ въ тачкахъ, по полторы тонны каждая; у этихъ тачекъ были литыя мѣдныя колеса и по колеямъ въ корридорахъ ихъ возили мальчики отъ двѣнадцати до четырнадцати лѣтъ. Потомъ рабочіе разбивали руду, мальчики на ручныхъ носилкахъ относили ее въ сортировочный сарай, гдѣ ее сортировали дѣвочки; далѣе женщины разбивали ее молотками и потомъ руда промывалась. Плавильные заводы платили за руду отъ семи до шестнадцати фунтовъ за тонну; очищенная и отлитая въ полосы она продавалась 70—90 фунтовъ тонна. Занято было 300 рабочихъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей; женщины получали отъ 4 до 8 д. въ день, дѣвочки и мальчики отъ 2 до 4 д. На рудникѣ была постоянная работа для людей обоихъ половъ отъ пяти до шестидесятилѣтняго возраста. Полагали, что собственникъ, герцогъ Девонширскій, имѣлъ отъ рудника восемь или десять тысячъ фунтовъ годового дохода и давалъ работу всѣмъ бѣднымъ, приходящимъ изъ сосѣднихъ приходовъ. Рудникъ былъ замѣчательно сухъ, работа четырехъ лошадей была достаточна для откачиванія воды. Но при увеличеніи глубины начались и затрудненія съ водой. Даже свинцовые и мѣдные рудники Корнвалиса, которые сначала дренировались просто корридорами, теперь сдѣлались настолько глубокими, что такое дренированіе было уже недостаточнымъ. Начали употреб-

Угольная промышленность. Паровыя машины. Ворчестеръ. Папинъ. Савери.

лять помпы и ряды ведеръ, приводимые въ движеніе или людьми или лошадиной силой, а гдѣ было возможно и водой. Первоначальная паровая машина и употреблялась исключительно для выкачиванія воды. Намъ не зачѣмъ разсказывать, какимъ образомъ постепенно узнали свойства пара; но все-же придется нѣсколько выдти изъ границъ, предназначенныхъ этому отдѣлу, чтобы указать на различныя усовершенствованія, сдѣлавшія паровую машину даже до Уатта машиной сильной и полезной. Первая изъ такихъ паровыхъ машинъ была сдѣлана около 1650 года маркизомъ Ворчестеромъ. Онъ пользовался давленіемъ пара для поднятія воды на значительную высоту. Того же принципа держался и Самуэль Морландъ, примѣнившій его въ царствованіе Карла II къ водопроводамъ и фонтанамъ. Денисъ Папинъ познакомилъ современниковъ съ высокими давленіями своимъ котломъ (Digester), къ которому было приспособлено его собственное изобрѣтеніе, предохранительный клапанъ. Онъ пользовался также паромъ для образованія подъ поршнемъ пустоты, такъ что поршень опускался вслѣдствіе давленія атмосферы, но сгущеніе онъ производилъ посредствомъ тушенія огня, что на практикѣ было совершенно неудобно, хотя сама идея и была вполнѣ вѣрной. Томасъ Савери въ 1698 году взялъ патентъ на свою «огненную машину» (Fire Engine), которая была много практичнѣе Папиновскаго котла. Онъ издалъ сочиненіе «Другъ рудокоповъ» (Miners Friend), гдѣ онъ объяснялъ свое изобрѣтеніе и совѣтывалъ примѣнить его къ выкачиванію воды изъ рудниковъ. Его машина состояла изъ двухъ сосудовъ, сообщающихся съ колодцемъ и съ котломъ. Паръ сгущался и образовалъ пустоту, такъ что вода изъ колодца шла въ сосудъ. Потомъ паръ выгонялся и давленіе на поверхность воды заставляло ее закрывать первый клапанъ и открывать другой въ трубку; по этой трубкѣ вода и поднималась до высоты, опредѣляемой давленіемъ. Оба сосуда поперемѣнно наполнялись и опорожнивались, такимъ образомъ вода непрерывно поднималась на извѣстную высоту. При первыхъ испытаніяхъ машина Савери выбросила воду на крышу и сбила черепицы. Онъ устроилъ машину въ Камденъ-Гоузѣ, которая выкачивала по 3100 галлоновъ въ часъ и сжигала въ двадцать четыре часа бушель угля. Нѣсколько его машинъ было устроено въ Корнвалисѣ, но при большой глубинѣ приходилось употреблять двѣ или три машины, одну надъ другой, что было неэкономно. Кромѣ того давленіе, необходимое для поднятія воды на 80 футовъ, было слишкомъ сильно для котловъ Савери. Часто происходили взрывы; при употребленіи сразу трехъ машинъ одна обыкновенно была не въ порядкѣ и всѣ останавливались. Тѣмъ не менѣе машина Савери была полезнымъ усовершенствованіемъ и дала возможность углублять рудники.

Ньюкоменъ. Слѣдующій шагъ былъ сдѣланъ современникомъ Савери, Томасомъ

Ньюкоменомъ. Въ машинахъ Савери не было поршней; употребленіе ихъ Ньюкоменомъ было важнымъ усовершенствованіемъ. Въ его машинѣ паръ проходилъ въ цилиндръ подъ поршнемъ и потомъ сгущался, атмосферическое давленіе опускало поршень, а такъ какъ послѣдній былъ соединенъ съ коромысломъ, на другомъ концѣ котораго былъ насосъ, то насосъ поднимался. Потомъ снова входилъ паръ и тяжесть коромысла поднимала поршень, что приготовляло машину для слѣдующаго сгущенія пара и поднятія насоса. Вопросъ былъ только въ томъ, какъ сгущать паръ; случайно нашли, что самое лучшее средство для этаго—пустить въ цилиндръ струю холодной воды. Ньюкоменъ и его партнеръ Каллей устроили первую машину въ Гриффъ въ Варвикширѣ, а потомъ въ Ньюкэстлѣ-на-Тайнѣ и въ Аусторпѣ. Послѣ было поставлено много такихъ машинъ въ Корнвалисѣ; одна изъ нихъ въ Гвеннапѣ была съ цилиндромъ въ 47 дюймовъ въ діаметрѣ. Усовершенствованія были сдѣланы Поттеромъ, Бейгтономъ и Смитономъ; послѣдній дѣлалъ особенно сильныя машины. Одна, поставленная имъ въ 1775 году въ Чэсуотерѣ, была съ цилиндромъ въ 6 футовъ діаметра и выбрасывала воду на высоту $9^1/_2$ футовъ. Насосы было по $16^3/_4$ дюймовъ въ діаметрѣ и были въ три подъема (lifts), по сту футовъ каждый. Цилиндръ вѣсилъ $6^1/_2$ тоннъ и наполнялся изъ трехъ котловъ. Машина была 76 лошадиныхъ силъ. Въ 1767 году близъ Ньюкэстля работало 57 машинъ съ 1200 лошадиныхъ силъ всѣ вмѣстѣ. Прайсъ въ 1778 году утверждалъ, что изобрѣтеніе Ньюкомена позволило вдвое углубить шахты, хотя все таки оно не было вполнѣ удовлетворительнымъ. «Всякая изъ такихъ машинъ потребляетъ угля на три тысячи фунтовъ въ годъ». Машины Ньюкомена были дороги по многимъ причинамъ: полной пустоты не производилось, цилиндръ былъ незащищенъ и быстро охлаждался, но больше всего терялось теплоты отъ сгущенія пара въ цилиндрѣ. Для такого большого вмѣстилища требовалось много воды и дороговизна поперемѣннаго нагрѣванія и охлажденія цилиндра была чрезмѣрна. Какъ ни была несовершенна, однако, машина Ньюкомена, она не была простой игрушкой. Она работала, и работала хорошо, хотя и дорого. Было бы большой ошибкой полагать, будто до Уатта въ промышленности не употребляли паровыхъ машинъ. Правда, что онѣ употреблялись для единственной цѣли выкачиванія воды и главнымъ образомъ только въ одной горнопромышленности; но выкачанная вода могла употребляться и для иныхъ цѣлей, напримѣръ для приведенія въ движеніе раздувательныхъ мѣховъ.

Производство посуды связано главнымъ образомъ съ именемъ Іосіи Веджвуда; но хотя онъ много сдѣлалъ для усовершенствованія этой промышленности, но было много и другихъ, менѣе извѣстныхъ, но производившихъ хорошій товаръ. Невозможно перечислить многочи- Горшечные товары и фарфоръ.

сленныя фирмы и разнообразные производимые ими товары; достаточно будетъ указать на общіе процессы производства, на которые были взяты патенты, а потомъ упомянуть о нѣсколькихъ изъ важнѣйшихъ фирмъ. Въ 1744 году Гейлинъ взялъ патентъ на производство фарфора и фаянса. Его матеріаломъ была «*unaker*, земля, продуктъ Чирокезовъ въ Америкѣ; свойства ея таковы: очень вязкая, сильно огнеупорная, чрезвычайно бѣлая, тягучая и съ блестками слюды». Онъ указываетъ на употребляемыя имъ пропорціи. Ее вынимаютъ, обработываютъ на колесѣ, кладутъ въ формы или вырѣзаютъ орудіями. Послѣ перваго обжиганія, называемаго biscuiting, ее можно окрасить и потомъ опустить въ глазурь, сдѣланную по указанію изъ Чирокезской земли (unaker) и особой глазури (glass) и потомъ посуду снова обжигаютъ.

Въ 1748 году Фрей взялъ патентъ на производство товара «по красотѣ и изяществу не уступающаго, а по крѣпости превосходящаго восточные товары, называемые китайскимъ, японскимъ или фарфоромъ». Фрей и Гейлинъ работали въ Боу-Уоркъ; когда въ 1869 году разрывали эту мѣстность, то нашли множество обломковъ и всѣ они изъ неглазированнаго фарфора; обыкновеннаго горшечнаго товара или «Дельфтъ» не оказалось. Возвратимся однако къ патентамъ. Уайтъ въ 1762 году взялъ патентъ на производство тиглей, а «графъ Лараге изъ Лондона» (Counte de Laraguais of London) патентъ на новый способъ производства фарфора. Патентъ Веджвуда отъ 1769 года. Онъ былъ взятъ на украшеніе глиняныхъ и фарфоровыхъ товаровъ золоченной бронзой и особыми рисунками различныхъ цвѣтовъ, въ подражаніе древнимъ этрусскимъ и римскимъ сосудамъ. Но Веджвудъ не особенно заботился о томъ, чтобы брать патенты на свои новые товары. Самый интересный патентъ этаго времени—это патентъ Вилльяма Кукуорти. Онъ первый началъ дѣлать фарфоръ изъ туземнаго матеріала. Производимый до него въ Англіи фарфоръ былъ или ненастоящимъ, или непрочнымъ, или дѣлался изъ матеріаловъ, ввозимыхъ изъ за границы, изъ Китая и другихъ мѣстъ, вродѣ той «Черокезской земли», которую употреблялъ Гейлинъ. Говорятъ, что каолинъ привозился изъ Китая, какъ балластъ, пока китайцы не узнали, зачѣмъ онъ вывозится въ Англію и не воспретили вывоза. Въ 1745 году Кукуорти, бывшій оптовымъ дрогистомъ въ Плимутѣ, обратилъ вниманіе на производство фарфора:

Корнваллискій фарфоръ. Кукуорти. Веджвудъ.

Онъ писалъ: «у меня недавно былъ человѣкъ, открывшій фарфоровую глину—она найдена въ Виргиніи, гдѣ онъ искалъ рудъ и прочтя Дю-Гальда, открылъ фарфоровый шпатъ (petunse) и каолинъ—ввозить его можно за 13 фунтовъ тонна». Это обстоятельство, повидимому, побудило Кукуорти искать матеріалы своего производства въ Англіи и это удалось ему. Для производства были необходимы два вещества: petunse и caulin, какъ называетъ ихъ Кукуорти.

«Этотъ petunse есть родъ гранита; я открылъ его въ приходѣ Жермо въ холмѣ, называемомъ Трегоннинъ; что же касается до каолина, то въ двухъ западныхъ графствахъ его неистощимые запасы. Обыкновенно его употребляютъ для обмазыванія домнъ и частей огненной машины». Онъ добывалъ каолинъ сначала изъ Трегоннинъ Гилль, а потомъ изъ разныхъ мѣстъ въ Корнвалисѣ. Кокуорти договорился съ землевладѣльцами относительно доставки ему матеріаловъ, устроилъ въ Плимутѣ заводъ и въ 1768 году получилъ патентъ на исключительное употребленіе туземныхъ матеріаловъ для производства прочнаго фарфора. Въ 1774 году Кукуорти продалъ свой патентъ Ричарду Чампьону изъ Бристоля и тотъ, получивъ увеличеніе срока патента на четырнадцать лѣтъ, началъ производить бристольскій фарфоръ. Стаффордширскіе горшечники энергично противились увеличенію срока его патента, въ особенности Веджвудъ, доказывавшій, что Чампьонъ не открыватель, а покупщикъ, и что поэтому употребленіе туземныхъ матеріаловъ должно быть разрѣшено всѣмъ. Это были вѣрные принципы, но ими защищалось неправое дѣло. Но несомнѣнно, что Веджвудъ проявилъ и проницательность и великодушіе, отказавшись брать патентъ на свои усовершенствованія. Патенты бывали причиной разорительныхъ процессовъ; самое лучшее покровительство производства—это хорошая работа. Если подражаніе хуже оригинала, оно не страшно. И дѣйствительно, Веджвудъ создалъ себѣ репутацію достоинствами своихъ товаровъ, превосходствомъ вкуса, рисунковъ и исполненія, и новизной товаровъ. Имя Веджвуда издавна было извѣстно среди Бурслемскихъ горшечниковъ: Ааронъ Веджвудъ занимался этимъ промысломъ еще въ началѣ восемнадцатаго вѣка. Джосіа Веджвудъ былъ въ 1744 году ученикомъ у своего брата Томаса. Потомъ онъ устроился самостоятельно въ 1759 году и по мѣрѣ увеличенія дѣлъ открывалъ другія заведенія. Въ 1762 году по преданію, впрочемъ не совсѣмъ достовѣрному, онъ сдѣлалъ для королевы образчикъ такъ называемаго «королевскаго товара», фарфора цвѣта кремъ съ изящной глазурью и получилъ званіе посуднаго мастера (горшечника Potter) ея величества. Репутація его была сдѣлана. «Удивительно, писалъ онъ, какъ быстро входитъ въ употребленіе мой товаръ почти повсемѣстно и какъ онъ всѣмъ нравится». Въ 1769 году онъ открылъ новое заведеніе въ Этруріи. Въ 1773 году онъ сдѣлалъ «составъ терракоты, похожій на порфиръ, лапись-лазурь и другіе красивые камни изъ кристаллическаго рода, изящный черный фарфоръ, имѣющій почти такія же свойства, какъ и базальтъ и прекрасный бѣлый неглазированный фарфоръ или полированную и неполированную терракоту». Въ 1774 году онъ производилъ новый товаръ, «бѣлую терракотту, очень красивую и изящную, пригодную для камеевъ, портретовъ и барельефовъ». Впослѣдствіи такую терракотту переработывали на крапча-

тый вродѣ яшмы товаръ (jasper ware), имѣвшій свойства базальта и въ томъ числѣ свойство пропускать всѣ цвѣтовые лучи. Секретъ при производствѣ этого товара состоялъ въ употребленіи сульфата-барита (cawk) изъ Дербишира. Для достиженія совершенства въ производствѣ были необходимы многіе опыты. Веджвудъ сообщилъ своему партнеру формулы по французски съ указаніемъ числами составныхъ частей и писалъ: «вы не можете представить себѣ, сколько труда и хлопотъ стоило мнѣ сдѣлать двѣ тонны этого состава и притомъ скрыть составъ отъ всѣхъ». Въ 1785 году онъ изобрѣлъ новый товаръ—внутри бѣлый, а снаружи крапчатый. Но еще болѣе, чѣмъ всѣ эти изобрѣтенія, замѣчательно было то, что Веджвудъ употреблялъ громадныя старанія, чтобы всѣ его товары были перваго сорта. Онъ не упускалъ изъ вида ни одной мелочи, не жалѣлъ трудовъ на изслѣдованія, какъ бы трудны, дороги и безнадежны они ни казались; онъ не пренебрегалъ ничьими указаніями. Онъ обращалъ вниманіе на все—на орудія, на образцы, на рисунки. Онъ заботился о томъ, чтобы добыть подходящихъ и искусныхъ рабочихъ. Онъ признавалъ достоинства продуктовъ Флаксмана, хотя и писалъ о немъ Бентлею: «недавно еще онъ былъ ужаснымъ хвастуномъ, но опытъ вылечилъ его отъ этой слабости» Флаксманъ, дѣйствительно, былъ очень цѣннымъ модельщикомъ; съ 1775 года онъ много работалъ для Веджвуда. Первый его счетъ Веджвуду за три вазы и двадцать барельефовъ равнялся только 15 фунтовъ 9 шилинговъ и 3 пенса. Но цѣны его вскорѣ повысились. Веджвудъ больше заботился о качествѣ, чѣмъ о дешевизнѣ, и для лучшихъ вещей всегда давалъ заказы Флаксману. Какъ ни велики были заслуги Веджвуда, оказанныя имъ введеніемъ новыхъ процессовъ, но еще больше была та его заслуга, что онъ поднялъ достоинства самой работы.

Фарфоръ въ Дерби и въ Челъзи.

Въ періодъ отъ 1742 до 83 года производилось много фарфоровыхъ и фаянсовыхъ товаровъ и помимо производства ихъ Веджвудомъ въ Бурслемѣ. Фарфоровый заводъ въ Дерби былъ открытъ въ 1750 году Андрью Планше, но вскорѣ перешелъ къ Вилльяму Дуэсбюри, отправившему въ 1763 году въ Лондонъ сорокъ два ящика товара и продавшему его за 666 ф. 17 ш. 6 д. Дуэсбюри скупилъ и заводъ въ Челъзи и работалъ тамъ съ 1770 по 73 годъ, постепенно переводя дѣло въ Дерби. Заводъ въ Челъзи былъ окончательно закрытъ въ 1784 году. Онъ скупилъ также заводы въ Боу и Ламбетѣ. Въ 1774 году въ Дерби работало почти сто человѣкъ, мужчинъ и мальчиковъ; нѣкоторые изъ рисовальщиковъ получали по полуторы гинеи въ недѣлю. Существуетъ одинъ интересный счетъ проданнаго Дуэсбюри въ 1781 году товара—высшую цѣну получили за «изящный полный сервизъ, окрашенный розами и богатой мозаикой съ золотыми ободочками».

Ворчестерская компанія, основанная въ 1751 году Валлемъ и другими, сначала подражала восточнымъ товарамъ. Былъ-ли открытъ въ Ворчестерѣ способъ перевода рисунка съ мѣдныхъ пластинокъ на фарфоръ—неизвѣстно; но способъ практиковался тамъ въ 1757 году. Садлеръ изъ Ливерпуля взялъ патентъ на этотъ способъ; но въ одной поэмѣ, напечатанной въ Gentlemans Magazine, 1757 года, сказано слѣдующее о портретѣ прусскаго короля на ворчестерской чашкѣ:

«Тебѣ, остроумный Гольдшипъ, хвала, ибо ты первый нарисовалъ на фарфорѣ прекрасный портретъ»

Въ 1758 году къ этому было прибавлено:

«Не огорчайся, мой другъ Гандкукъ, что восхваленъ Гольдшипъ; ты исполнилъ—а онъ получилъ лавры».

Кажется, что изъ всѣхъ трехъ поименованныхъ лицъ Садлеръ имѣетъ право первенства. Онъ былъ граверъ и мысль о переводѣ рисунка пришла къ нему такимъ образомъ. Онъ обыкновенно отдавалъ дѣтямъ испорченные рисунки тарелокъ, они обыкновенно накладывали ихъ на разбитую посуду и играли ей. Садлеръ въ товариществѣ съ Гриномъ началъ дѣлать опыты; по данному имъ подъ присягой показанію онъ въ 1756 году въ Ливерпулѣ отпечаталъ 1200 глиняныхъ черепицъ въ теченіе шести часовъ. Процессъ послѣ былъ усовершенствованъ и Веджвудъ отправлялъ къ Садлеру много товара для отпечатанія. Дуэсбюри въ Дерби въ 1765 году тоже употреблялъ этотъ процессъ и онъ вскорѣ вошелъ въ общее употребленіе.

Каналы. Герцогъ Бриджуотеръ и Бриндлей.

Первый каналъ въ Англіи былъ прорытъ для перевозки угля изъ копей герцога Бриджуотера въ Ворслеѣ до Манчестера, но въ концѣ концовъ ни одной изъ отраслей промышленности каналы не принесли такой пользы, какъ горшечной. Каналы были лучшими и болѣе дешевыми средствами перевоза, чѣмъ всѣ раньше существовавшія; но многіе товары, вродѣ угля, желѣзныхъ товаровъ, могли перевозиться дороже, такъ какъ скорость вознаграждала за дороговизну перевоза, и потому желѣзныя дороги позже съ успѣхомъ конкурировали съ каналами. Но для фарфора и вообще для горшечнаго товара перевозъ по каналамъ и теперь остается наиболѣе удобнымъ, такъ какъ при немъ менѣе ломки. Англія была отсталой страной относительно каналовъ. Не только Голландія, но и Франція опередили ее. Въ Англіи мало было сдѣлано и въ дѣлѣ улучшенія рѣчного плаванія. Въ 1656 году Френсизъ Матью предложилъ соединить каналомъ Изисъ и Авонъ, таже мысль была у очень многихъ; но ничего не было сдѣлано, хотя въ первую половину восемнадцатаго вѣка и исправили рѣки Мерсей, Ируэль, Виверъ, Айръ, Кальдеръ и Санки. Но тарифы были очень высоки. Компанія плаванія по рѣкѣ Мерсей взимала за небольшое разстояніе 3 ш. 4 д.

за тонну. Отправка по рѣкѣ изъ Манчестера въ Ливерпуль стоила 12 ш. за тонну; провозъ сухимъ путемъ стоилъ 40 ш. и цѣна за перевозъ угля изъ Ворслея въ Манчестеръ увеличивала цѣну угля вдвое; и это не удивительно, если мы будемъ помнить, что уголь перевозился въ вьючныхъ корзинахъ, причемъ обычнымъ вьюкомъ для одной лошади было 280 фунтовъ. Герцогъ Бриджуотеръ добился принятія двухъ актовъ (1759 — 60), дававшихъ ему право на проведеніе канала отъ его копей въ Ворслеѣ до Манчестера. Планъ и исполненіе работы принадлежали инженеру герцога, Джемсу Бриндлею. Бриндлей сначала былъ работникомъ на мельницѣ и его считали очень глупымъ парнемъ. Онъ почти не умѣлъ ни писать, ни рисовать, но былъ замѣчательно способенъ ко всякимъ механическимъ работамъ. Онъ сразу понималъ, что нужно дѣлать, какія предстоятъ затрудненія и какъ можно преодолѣть ихъ. Когда онъ затруднялся въ чемъ нибудь, онъ обыкновенно ложился въ постель и думалъ; и онъ добивался успѣха, благодаря своей талантливости, работая часто безъ плановъ и смѣтъ. Онъ сразу доказалъ свою способность рѣшить вопросъ о проведеніи канала. Работа его была простая и прочная. Онъ стремился къ тому, чтобы имѣть значительныя пространства водяного уровня при наименьшемъ числѣ шлюзовъ. По надобности онъ запиралъ ихъ, чтобы избѣжать приливовъ и по возможности пользоваться только водой рѣки. Ему вода представлялась яростнымъ гигантомъ, все опрокидывающимъ на своемъ пути, но «если вы положите гиганта на спину, то какъ бы великъ онъ ни былъ, онъ лишится своей силы». Потому онъ предложилъ герцогу смѣлый планъ избѣжать труднаго подниманія и опусканія воды шлюзами, причемъ предлагалось обойти рѣку Мерсей, проведя каналъ по мосту чрезъ нее. Планъ Бриндлея осмѣяли; инженеръ, которому предложили дать о немъ отзывъ, сказалъ: «я часто слыхалъ о воздушныхъ замкахъ, но никогда не видалъ ихъ». Идея была въ Англіи новой, но заграницей было не мало акведуковъ. Бартоновскій акведукъ былъ построенъ и весь каналъ, къ посрамленію теоретиковъ, былъ законченъ въ 1761 году;—цѣна угля въ Манчестерѣ пала съ 7 д. до $3^1/_2$. Не довольствуясь этимъ, герцогъ поручилъ Бриндлею провести другой каналъ, соединявшійся съ первымъ у Лонгфордскаго моста и идущій до Рункорна. Каналъ былъ построенъ и стоилъ только 220,000 ф. Задолго до окончанія его у герцога уже не хватало денегъ; однажды онъ отправилъ управляющаго собрать ренты впередъ, чтобы имѣть возможность расчитаться съ рабочими. Бриндлей получалъ только по 2 ш. 6 д. въ день, а потомъ по 3 ш. 6 д.; онъ экономилъ невѣроятно: «Ѣда и питье—6 д.»—такова обыкновенная запись въ его дневникѣ, или «измѣреніе отъ Дунгама до Варбуртона Мерсея и Тальуэлля, 3 ш. 11 д., въ Дунгамѣ за два обѣда 1 ш. 3 д., на человѣка 1 ш., въ

Тальуэллѣ, 1 ш. 2 д. за всю ночь въ Варингтонѣ». И все это записано безграмотно, онъ не умѣлъ написать ни титула своего хозяина, ни своей собственной профессіи: «to masuor the Duks pools jnd Smeaton»; вмѣсто «navigation» онъ пишетъ «novocion» и только потомъ дошелъ до умѣнья написать «novogation».

Большой каналъ. Сѣть каналовъ

Правописаніе Бриндлея не вредило торговому значенію каналовъ; вскорѣ и многіе другіе пожелали участвовать въ выгодахъ, доставляемыхъ ими. До окончанія канала герцога Бриндлей производилъ осмотръ мѣстности для канала въ Стаффордширѣ; результатомъ было проведеніе большого канала (Grand trunk Canal). Онъ начинался у Рункорна, проходилъ по солевареннымъ округамъ Чешира, оттуда по округамъ, гдѣ были фарфоровые заводы и потомъ къ югу къ Ружелей, гдѣ поворачивалъ къ востоку, проходилъ мимо Бёртона и соединялся съ Деруэнтомъ при Уильденѣ. Отсюда сообщеніе рѣчное до Гумбера. Проектъ этотъ поддерживалъ и Джосіа Веджвудъ, самъ прокопавшій первый участокъ. Каналъ, включая вѣтки къ Бирмингаму и къ Северну, былъ въ 139 миль. Онъ принесъ огромныя выгоды соляной и горшечной промышленности. Но въ особенности воспользовалась имъ вторая; она потребляла много матеріала, привозимаго издалека, какъ напр., кремень съ юговостока Англіи и глину изъ Корнвалиса и Девона. Привозились даже уголь и известь — послѣднія мили вьюками. Точно также при отправкѣ товаровъ былъ большой рискъ поломки; издержки на перевозъ равнялись воспретительной пошлинѣ, они доходили до шилинга на милю. Изъ Ньюкэстля и Бурслема въ Бриджнортъ каждую недѣлю отправляли по три вагона горшечнаго товара; провозъ восьми тоннъ стоилъ по 3 фунта тонна. Тѣмъ же путемъ отправлялось около ста тоннъ вьюками по 2 ф. 10 ш. тонна. Также провозилась и соль. Около полутораста вьючныхъ лошадей отправлялись каждонедѣльно изъ Манчестера въ Бриджнортъ съ шерстяными и бумажными товарами. Съ проведеніемъ большого канала все это измѣнилось. Провозъ тонны изъ Этруріи въ Ливерпуль вмѣсто 50 ш. стоилъ только 13 ш. 4 д., провозъ изъ Вольвергамптона въ Ливерпуль вмѣсто 5 фунтовъ—1 ф. 5 ш. Провозъ четверти пшеницы на сто миль вмѣсто 20 ш. стоилъ только 5. Проведеніе каналовъ съ этого времени идетъ непрерывно. Бриндлей до его смерти въ 1772 году самъ составилъ планы каналовъ на 365 миль, кромѣ упомянутыхъ выше каналы Вольвергамптонскій, Ковентри, Дроитуичь, Оксфордъ и Честерфильдъ, относительно проведенія многихъ другихъ во всѣхъ частяхъ страны къ нему обращались за совѣтомъ. Каналы начали проводить и въ Шотландіи; тамъ, между прочимъ, были построены каналы Фордъ и Клайдъ и Крианскій. Отъ 1790 до 1794 года приняты были акты о восьмидесяти одномъ каналѣ; страна была покрыта сѣтью водяныхъ путей, изъ которыхъ, конечно, не всѣ были

одинаково необходимы. Разсказы о громадныхъ барышахъ, получаемыхъ спекуляторами, торопливость и безпечность, конечно, повели къ значительнымъ потерямъ и иногда вызывали панику и банкротства. Но такія бѣдствія были случайными, а выигрышъ для промышленности непосредственнымъ и постояннымъ.

Работы Бриндлея замѣчательны въ особенности тѣмъ, что онѣ совершенно оригинальны. Ему приходилось составлять планы и обучать рабочихъ такому дѣлу, которое въ Англіи было неизвѣстнымъ. Бартоновскій акведукъ былъ однимъ изъ примѣровъ его пониманія дѣла. Столь же замѣчательны громадная плотина черезъ Стретфордъ-Мидовсъ, способъ проведенія канала по Сэль-Мооръ-Моссъ, большой тоннель въ 2880 ярдовъ длины у Гэръ-Кэстля; этотъ послѣдній насмѣшники презрительно называли «воздушнымъ замкомъ Бриндлея», пока успѣхъ предпріятія не заставилъ ихъ замолкнуть. Полагали, что плотина у Стретфорда никогда не выдержитъ напора воды, но Бриндлей зналъ свойства мѣстной глины. Онъ доказалъ, что при посыпаніи ея слоями извести плотина не будетъ ползти внизъ, что гравель или песокъ, если отмыть отъ него глину и укрѣпить его желѣзными полосами, окажется прочнымъ. При проходѣ чрезъ болота Сэль-Мооръ-Моссъ каналъ укрѣпили деревянными брусьями, поддерживавшими постройку до окончанія работы, такъ что постройка плотины шла частями. По окончаніи части канала дерево употреблялось и какъ матеріалъ для перевозки земли и какъ матеріалъ для постройки слѣдующей части. Для перевозки Бриндлей употреблялъ два бота съ корытомъ между ними; такое сооруженіе поднимало семнадцать тоннъ. Люкъ внизу корыта позволялъ моментально разгрузиться. Боты изъ канала проводились кессонами въ надлежащія мѣста и опорожнялись; такимъ образомъ по сравненіи съ подвозомъ на телѣгахъ сберегалось 5.000 процентовъ. Иловучія плотничьи мастерскія и кузницы сберегали время. Бриндлей пользовался и современными ему паровыми машинами, въ особенности для откачиванія воды при постройкѣ туннеля у Гэръ-Кэстля на большомъ каналѣ; онъ создалъ также землекоповъ (навигаторовъ или «нэви»—navvies, какъ ихъ называютъ въ Англіи), людей, привыкшихъ къ тяжелымъ работамъ, умѣющихъ обращаться съ громадчыми массами матеріала. Потому позже, когда пришло время для постройки желѣзныхъ дорогъ, не было недостатка въ знающихъ и умѣлыхъ рабочихъ.

Финансы.

Смита.

Національный долгъ.

Въ концѣ мирнаго правленія Вальполя государственный долгъ Англіи равнялся сорока шести милліонамъ фунтовъ. Двѣ войны: за

«ухо Дженкинса» и за австрійское наслѣдство увеличили его до семидесяти семи съ половиной милліоновъ. Семилѣтняя война стоила больше восьмидесяти милліоновъ, а американская девяноста семь. Такимъ образомъ въ 1783 году фундированный долгъ равнялся двѣсти двѣнадцати милліоновъ, да нефундированнаго было девятнадцать. Въ девятнадцать мирныхъ годовъ отъ 1748—56 и отъ 1764—75 произошло очень незначительное измѣненіе. Въ 1737 году фондъ погашенія считали «вѣрнымъ средствомъ уплаты всѣхъ нашихъ долговъ». Но этотъ фондъ составлялся только изъ остатковъ и не всегда давалъ нормальную цифру погашенія (1.250.000 фунтовъ въ 1749 году и 1.800 000 въ 1772). Нѣкоторое сбереженіе было сдѣлано Пельгамомъ посредствомъ конверсіи четырехпроцентнаго долга 1750 года въ трехпроцентный 1757-го. Время отъ времени поднимался крикъ противъ «громадной и нестерпимой задолженности»; въ 1755 году въ дебатахъ парламента говорили, что новая война можетъ стоить пятьдесятъ милліоновъ и что, пожалуй, не найдешь капиталистовъ, которые дали бы такую сумму, и что нѣтъ и такихъ капиталовъ для займа. Но съ другой стороны указывали и на то, что парламентская система Англіи даетъ ей возможность обращаться ко всѣмъ европейскимъ капиталистамъ и что Англія можетъ занимать на полпроцента дешевле Франціи, что она имѣетъ возможность занимать по три процента, что правительство должно принимать во вниманіе не только правило о «способахъ уплаты», но также и то, что можетъ и что хочетъ выплачивать народъ. По мнѣнію Генриха Фокса, поземельный налогъ въ 4 ш. на фунтъ принесъ бы столько при правильной оцѣнкѣ земель, что и займы и таможенныя пошлины были бы ненужными; все это, по его мнѣнію, налогъ на народное невѣжество; оно же, вмѣстѣ съ отвращеніемъ къ прямому обложенію, заставило отвергнуть поголовный и подымный налоги и увеличеніе акциза, налоговъ на окна и поземельнаго. Какъ ни тяжела задолженность, но она въ сущности представляетъ нѣчто вродѣ залоговой задолженности вновь пріобрѣтенныхъ имѣній; нація можетъ платить за свои побѣды надъ своими торговыми соперниками и за происходящій отъ такой побѣды громадный ростъ національныхъ рессурсовъ. Было не пустой похвальбой со стороны Борка, когда онъ въ 1767 году доказывалъ, что Англія менѣе другихъ государствъ обременена налогами, что ея доходы болѣе опредѣленны, чѣмъ доходы любой страны въ мірѣ.

Обложеніе колоній.

Въ 1763 году въ четырнадцати сѣверо-американскихъ колоніяхъ было болѣе двухъ милліоновъ населенія; изъ нихъ три четверти были бѣлые. Такимъ образомъ въ то время населеніе колоній равнялось трети населенія Англіи и Валлиса. Но населеніе Америки увеличивалось гораздо быстрѣе, такъ что Мальтусъ доказывалъ на основаніи примѣра колоній, что населеніе можетъ удвоиться менѣе, чѣмъ въ двадцать пять лѣтъ. Англійская торговля въ теченіе во-

семнадцатаго вѣка увеличилась до громадныхъ размѣровъ и однако отношеніе торговли съ колоніями ко всему объему торговли увеличилось быстрѣе — она съ одной двѣнадцатой всей торговли поднялась до одной трети. Колоніи, можетъ быть, уже созрѣли для независимости, и однако Франклинъ несомнѣнно былъ правъ, когда въ своемъ показаніи предъ комитетомъ палаты общинъ говорилъ, что до 1763 года настроеніе колонистовъ по отношенію къ Англіи было самымъ благопріятнымъ, что для управленія колоніями ничего не нужно, кромѣ пера, бумаги и чернилъ, что ихъ можно вести на тонкой ниткѣ. «Быть старымъ англичаниномъ было уже отличіемъ въ колоніяхъ». Боркъ называлъ ихъ отношеніе къ метрополіи довѣрчивымъ; связи, соединяющія ихъ съ ней, легки, какъ воздухъ и крѣпки, какъ желѣзныя звенья. Питтъ утверждалъ, что только что оконченная война велась въ Европѣ за Америку. Но въ ней и Америка сыграла свою роль; колонисты собирали двадцатитысячное войско и часто доставляли больше, чѣмъ приходилось по распредѣленію на ихъ долю. Они сдѣлали долгъ до двухъ съ половиной милліоновъ и налоги для уплаты этого долга были прапорціонально не менѣе тяжелы, чѣмъ въ Англіи. Одинъ Массачузетсъ доставилъ семь тысячъ человѣкъ и военный корабль, и уплатилъ въ годъ восемьдесятъ тысячъ. Но несмотря на всѣ эти признаки преданности и сердечности, всегда существовало нѣкоторая натянутость отношеній. По отношенію къ налогамъ колонисты наслѣдовали у англичанъ всю ихъ подозрительность. Демократическое управленіе, свобода религіи, страсть къ юриспруденціи и гордость рабовладѣльцевъ создали въ нихъ крайній духъ свободы. Они давно уже негодовали на тиранію политики навигаціонныхъ актовъ, съ которыми можно было мириться только до тѣхъ поръ, пока на нарушеніе ихъ правительство смотрѣло сквозь пальцы. На основаніи этихъ актовъ колонисты могли пользоваться только тѣмъ, чего не могла взять метрополія и за что она не хотѣла платить. Великая имперія была создана и огромный національный долгъ былъ сдѣланъ «ради единственной цѣли созданія цѣлой націи потребителей», а такая политика не умна даже для народа лавочниковъ. Америка должна была отправлять всѣ свои продукты, за исключеніемъ риса, сахара и кожъ, только въ одну Англію; ей неразрѣшали вывоза шляпъ и шерстяныхъ товаровъ, не позволяли дѣлать сталь и даже ограничить ввозъ рабовъ. Правда, что таковъ былъ общій взглядъ всѣхъ европейцевъ на «плантаціи». Англія была еще наименѣе тираническимъ и наиболѣе либеральнымъ изъ всѣхъ колоніальныхъ государствъ.

Правда и то, что для поощренія производства индиго, конопли, льна, дерева выдавались преміи. Кромѣ того всѣ неперечисленные товары (зерно, соленое мясо, рыба, ромъ и пр.) могли вывозиться свободно на англійскихъ корабляхъ. Система возврата пошлинъ ча-

сто вела къ тому, что континентальные товары продавались въ Америкѣ дешевле, чѣмъ въ Англіи, а въ особенности важно было то, что велась безпрепятственно недозволенная торговля съ французской Вестъ-Индіей. Контрабанда была общимъ и почти организованнымъ явленіемъ. Возстаніе колоній было вызвано не столько самой системой, сколько попыткой сдѣлать эту систему реальностью,—попыткой, сдѣланной Гренвилемъ, по несвоевременной добросовѣстности вздумавшимъ читать американскія депеши. Гренвиль соображалъ, что Англія отягощена долгомъ въ девяноста милліоновъ ради колоніальной войны. Онъ собразилъ также, что у правительства имѣется средство понужденія въ томъ, что оно назначало и платило жалованье таможеннымъ чиновникамъ и что оно могло разбирать таможенныя дѣла въ судахъ адмиралтейства безъ присяжныхъ. Но онъ не сообразилъ того, что война освободила колоніи отъ страха предъ Франціей, что колонисты дѣлаютъ отличіе—удобное, хотя и нелогичное—между пошлинами для регулированія торговли и внутренними налогами, устанавливаемыми парламентомъ, въ которомъ они не имѣли своихъ представителей. Его актъ о гербовомъ сборѣ былъ смѣшной ошибкой и его пришлось отмѣнить. И однако трудно не осуждать поведеніе американцевъ, какъ на техническихъ и легальныхъ основаніяхъ, такъ и съ болѣе широкой патріотической точки зрѣнія, несмотря на всю реторику Чатама, на всѣ блестящіе софизмы Борка, на цитаты изъ «законовъ природы» Камдена и на всю ловкость и уклончивость Франклина. Развѣ Америка ничего не должна была вносить на флотъ, развѣ она должна была непризнавать національнаго долга и отказывать даже въ своей долѣ на содержаніе мѣстныхъ военныхъ силъ? Развѣ виги могли отстаивать такое положеніе, что колоніи должны давать субсидіи, какія имъ будетъ угодно, непосредственно коронѣ? Было ли по крайней мѣрѣ осуществимо ихъ предложеніе о допущеніи въ парламентъ ихъ представителей? Конечно, англійскіе государственные люди были до крайности нерѣшительными и вмѣстѣ съ тѣмъ невыносимо надменными, также какъ англійское общественное мнѣніе сначала было слѣпымъ, а потомъ упрямымъ. Но невозможно повѣрить—хотя такіе люди, какъ Вашингтонъ, добросовѣстно вѣрили этому—чтобы что нибудь могло надолго отвратить неизбѣжный разрывъ. Соединеніе акта объ отмѣнѣ гербовой пошлины съ актомъ, объявляющимъ о правѣ парламента вводить налоги, было, разумѣется, роковымъ соединеніемъ двухъ непримиримыхъ принциповъ. Но декларація была съ другой стороны необходимой вслѣдствіе ростущаго раздраженія противъ Америки, а также и вслѣдствіе того, что парламентъ уже раньше два раза заявлялъ этотъ принципъ, а министерство было неспособно добиться отмѣны иначе, какъ такой цѣной. Но пока казалось, что все идетъ хорошо; колоніи добились своего. Послѣ сильной бури,

по выраженію Борка, наступило несравненное спокойствіе. Но въ этомъ покоѣ были всѣ элементы будущей опасности. Общественное мнѣніе въ Америкѣ быстро созрѣвало; въ Англіи горько чувствовали позоръ сдѣланной уступки. Въ 1767 году Карлъ Тоунсгендъ, подталкиваемый, по словамъ Борка, придворными, взялся за невозможное дѣло—вводить налоги и при этомъ нравиться.

«Для того, чтобы сдѣлать налоги выносимыми для американцевъ онъ въ предисловіи къ акту доказывалъ необходимость налога. Для того, чтобы закончить съ вышеупомянутымъ различеніемъ, дѣлаемымъ американцами между внѣшней или портовой пошлиной и внутренними налогами, новый налогъ былъ внѣшнимъ или портовымъ; но для того, чтобы угодить и другой партіи, это былъ налогъ на потребленіе. Для удовлетворенія колонистовъ пошлиной были обложены британскія мануфактуры; для удовлетворенія британскихъ купцовъ пошлина была ничтожная и отнюдь ни на одинъ изъ крупныхъ предметовъ торговли—за исключеніемъ только чая, что касалось интересовъ одной только преданной правительству компаніи восточной Индіи. Для противодѣйствія американской контрабандѣ пошлина на чай была уменьшена съ шиллинга до трехъ пенсовъ. Но для того, чтобы понравиться всѣмъ тѣмъ, которые желали облагать Америку, мѣсто сбора пошлины было перенесено въ колоніи. Что больше можно еще сказать по этому поводу?» (Боркъ).

Предполагаемый доходъ въ сорокъ тысячъ фунтовъ долженъ былъ идти на жалованье судьямъ и чиновникамъ въ Америкѣ. Но «этотъ тонкій планъ имѣлъ судьбу всякой тонкой политики». Американцы усмотрѣли въ немъ перспективы подкуповъ и плутовства, бюрократовъ и судей-угодниковъ двора. Они понимали, что это возстановленіе плана произвольнаго обложенія и тогда они отвергли всякое различіе между налогами и пошлинами; они начали протестовать теперь не только противъ обложенія безъ представительства, но и противъ законодательства безъ представительства; они отвергли власть парламента, хотя и продолжали объявлять, что они повинуются коронѣ. Весь доходъ съ пошлины Тоунсгенда въ первомъ году равнялся только 295 фунтамъ. Непрямымъ слѣдствіемъ плана было то, что чай, стоившій въ Англіи 6 ш. фунтъ, продавался въ Америкѣ за 3 ш. Но американцы признали это просто неумѣлымъ подкупомъ, предлагаемымъ имъ за отреченіе отъ ихъ права и для того, чтобы скрыть отъ нихъ все угрожающее значеніе предисловія къ акту. Они составляли общества, чтобы не пить англійскаго чая; другіе товары они принимали. Лордъ Нортъ далъ другой примѣръ близорукости англійскихъ государственныхъ людей, объявивъ въ 1771 году, что всѣ безпорядки покончены; а въ 1772 году, что онъ смѣло надѣется на продолжительный миръ. Отвѣтомъ на такое пророчество въ декабрѣ 1773 года была «чайная исторія» въ Бостонѣ.

Три пенса пошлины на чай, которую отказались платить колонисты, не безосновательно сравнивали съ тѣми двадцатью шиллингами корабельнаго сбора, которые отказался уплатить Гампденъ. Эта пошлина была удержана съ цѣлью помочь компаніи восточной Индіи; безъ продажи чая въ Америкѣ компанія подвергалась опасности обанкрутиться. Таковы были результаты меркантильной системы для восточнаго и для западнаго полушарій.

Неудивительно, что нѣкоторые смѣлые мыслители доказывали, что увеличеніе колоній ошибка, что они составляютъ слабую сторону государства и что предполагаемыя выгоды для торговли простая иллюзія. Это утверждалъ деканъ Туккеръ; Адамъ Смитъ говорилъ, что регулированіе американской торговли есть «нарушеніе священнѣйшихъ правъ человѣчества», что монополія торговли въ колоніяхъ была для насъ убыточна, что еслибы люди понимали это, они считали бы ихъ отдѣленіе благомъ для обѣихъ странъ; но такъ какъ это пока невозможно, то самое лучшее будетъ сдѣлать ихъ торговлю свободной и дать имъ представительство въ парламентѣ. Боркъ и Чатамъ не хотѣли слушать объ отдѣленіи и считали планъ представительства колоній въ парламентѣ непрактичнымъ; они вѣрили въ возможность примиренія. Обложеніе въ колоніяхъ должно происходить съ ихъ согласія, если же такого согласія не будетъ, то тогда только можно прибѣгнуть къ принудительной власти короны. «Предоставьте Америкѣ самооблагаться, не поддерживайте болѣе старые торговые законы, вернитесь къ политикѣ послѣднихъ 160 лѣтъ и отмѣните пошлину на чай». Таково было мнѣніе, преобладавшее среди торговыхъ сферъ Англіи; онѣ опытомъ убѣдились въ безуміи обложенія Америки, но не убѣдились въ безуміи торговой монополіи въ Америкѣ. Къ несчастію, въ Америкѣ отъ нападокъ на налоги перешли къ нападкамъ и на монополіи; а въ Англіи общественное настроеніе было мстительно-гнѣвное и презрительное. При собраніи въ сентябрѣ 1774 года конгресса, по словамъ короля, болѣе проницательнаго, чѣмъ невѣрившій въ отдѣленіе колоній Вашингтонъ, «жребій былъ брошенъ»; большинство американцевъ не понимало, куда они идутъ; они полагали, что ихъ соглашеніе не покупать товаровъ, ввозимыхъ изъ метрополіи, уничтожитъ двѣ трети ея торговли и доведетъ ее до края погибели; они были также введены въ заблужденіе прежними колебаніями англійской политики, измѣнявшейся чуть ли не съ каждой приходящей изъ Америки почтой. Но общественное настроеніе Англіи всего лучше было выражено Гиббономъ, писавшимъ во время февральскихъ дебатовъ 1775 года, что наступаетъ кризисъ и для торговли и для самой имперіи.

Адамъ Смитъ подвергъ суровой критикѣ существовавшую въ то время систему обложенія. Поземельный налогъ былъ неизмѣннымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ неравномѣрнымъ. Десятина была неравномѣрна

Адамъ Смитъ и его вліяніе на экономическую политику.

до нелѣпости и была препятствіемъ улучшеніямъ. Налогъ на окна долженъ бы былъ превращенъ въ налогъ на жилищныя помѣщенія. Слѣдовало бы обложить и поземельную ренту. Подоходный налогъ онъ считалъ неосуществимымъ, такъ какъ онъ испугалъ бы капиталъ. Патенты онъ одобрялъ, но налогъ на лавки, предложенный въ 1759 году, былъ бы вреднымъ. Гербовыя пошлины Смитъ признавалъ тираническими и неизбѣжно неравномѣрными. Продукты необходимые обложены такъ, какъ будто бы они были роскошью; соль уплачиваетъ 300 процентовъ, кожа 10, мыло 25, свѣчи 15, каменный уголь около 60. Очень вредны преміи на зерно, высокія пошлины на ввозимые скотъ и зерно. Нѣкоторые продукты вполнѣ изгнаны изъ употребленія воспретительными пошлинами, ибо «въ таможнѣ дважды два часто не четыре, а одинъ» (Свифтъ). Система премій, возвратъ пошлинъ и привиллегіи дѣлаютъ то, что таможенные расходы составляютъ 30 процентовъ чистаго дохода. Было бы лучше взимать весь этотъ доходъ съ немногихъ главныхъ статей—сахара, рома, табака, кофе, чая и пряностей. Мы должны имѣть въ виду доходъ, а не монополію, и должны искать дороги опытнымъ путемъ. Контрабанда можетъ быть уничтожена системой складовъ и главное, должны быть освобождены отъ пошлины сырые матеріалы, употребляемые нашими мануфактурами. Пошлины на солодъ, пиво и эль должны быть замѣнены налогомъ на солодъ, который при меньшемъ размѣрѣ обложенія дастъ больше, чѣмъ раньше, причемъ пиво и эль будутъ дешевле.

Можно все таки сказать, что англійская система при всѣхъ ея недостаткахъ была лучше, чѣмъ въ другихъ европейскихъ странахъ. Внутренняя торговля Великобританіи, а также и береговая торговля были почти совершенно свободны. Не только не существовало поголовнаго налога (taille), какъ во Франціи, акциза на хлѣбъ, какъ въ Голландіи, пошлины на всѣ торговыя сдѣлки, какъ въ Испаніи, но не существовало и чудовищнаго дѣленія на фискальные округа, правительственныхъ монополій, откуповъ, столь отягощавшихъ другія страны своей нелѣпостью и жестокостью.

Многіе утверждали, что сочиненіе Смита принесло практическіе результаты только поколѣнію, слѣдовавшему за его выходомъ. Но это утвержденіе невѣрно относительно вліянія сочиненія на фискальную политику. Это вліяніе было поразительнымъ и непосредственнымъ. Сочиненіе сдѣлалось немедленно руководствомъ въ дѣлѣ фискальныхъ нововведеній и реформъ, вродѣ напр. налога на прислугу 1777 года, на обитаемые дома, почтоваго, пошлины на соль 1779 года и многихъ другихъ. Упрощеніе таможенной системы Питтомъ въ 1784 году и уменьшеніе имъ чудовищной пошлины на чай съ 119 до $12^1/_2$ процентовъ были началомъ фискальныхъ реформъ, произведенныхъ имъ, по его собственному признанію, подъ вліяніемъ Адама

Смита—хотя завершеніе этихъ реформъ вслѣдствіе великой войны и было отсрочено почти на сорокъ лѣтъ.

Самоубійственная колоніальная политика и политика, задерживающая внутреннее развитіе, были слѣдствіями теоріи меркантилизма, господствовавшей въ экономической наукѣ въ теченіе двухъ вѣковъ. Эта теорія была представительницей націонализма и національной вражды, бывшихъ слѣдствіемъ исчезновенія средневѣковой идеи объ единствѣ христіанскаго міра. Она до значительной степени усвоила средневѣковыя ограниченія и регулированіе торговли и промышленности. Было бы не совсѣмъ точно признавать эту теорію отожествляющей богатство съ деньгами, потому что лучшіе изъ ея приверженцевъ отвергали такое положеніе. Но въ вѣкъ увеличенія торговли, въ вѣкъ большихъ войнъ съ ихъ требованіями пожертвованій отъ казны, въ вѣкъ поисковъ за новыми фондами, изъ коихъ можно бы было позаимствовать, было легко преувеличить значеніе суммы денежныхъ знаковъ, обращавшихся въ странѣ въ извѣстный моментъ, было легко какъ бы признавать ихъ не только указателемъ процвѣтанія страны, но и его причиной; было легко признать деньги мѣриломъ иностранной торговли и мѣрить все «торговымъ балансомъ». Въ разсужденіяхъ очень часто забывали о землѣ, домахъ и потребляемыхъ благахъ и говорили только о количествѣ золота и серебра, какъ будто только это составляетъ единственную цѣль экономической дѣятельности націи. Адамъ Смитъ нашелъ необходимымъ указать, что естественный ходъ торговли доставитъ всю сумму денегъ, необходимую для обращенія, что покупки и продажи нераздѣльны, что деньги идутъ за товарами, что излишекъ вывоза означаетъ и излишекъ ввоза, что націи также, какъ и личности, могутъ богатѣть только тогда, когда онѣ болѣе производятъ, чѣмъ потребляютъ. Меркантильная теорія.

Меркантильная теорія въ этотъ періодъ уже вышла изъ первой ея стадіи, когда она стремилась достигнуть своихъ цѣлей воспрещеніемъ вывоза денегъ, опредѣленіемъ процентовъ, или принужденіемъ иностранныхъ купцовъ покупать туземные товары. Теоретическія разсужденія выставили даже, хотя и боязливо, идеи о свободѣ, о «природѣ» и объ интересахъ общества.

Окончательная форма, принятая теоріей—теорія покровительства отечественной промышленности—до значительной степени видоизмѣнилась вслѣдствіе опытовъ, сдѣланныхъ въ восемнадцатомъ столѣтіи. Зерно, скотъ и шерсть находились подъ защитой ввозныхъ пошлинъ и преміи на вывозъ. Сукно и желѣзо находились тоже подъ защитой противъ конкурренціи заграничныхъ и колоніальныхъ продуктовъ. Но уже начинали сознавать, что торговля должна соединять націи, а не быть источникомъ раздора, что процвѣтаніе Британіи обусловливается не этими ограниченіями, а произошло вопреки

имъ, что разрѣшеніе свободнаго ввоза также не разоритъ Англію, какъ оно не разорило Голландію, что успѣхъ не достигается тѣмъ, что «лукавство конкуррирующихъ купцовъ превращается въ политическое правило управленія великой имперіи».

Начали уже указывать, что мы должны смотрѣть на Францію не какъ на соперницу, а какъ на рынокъ, очень цѣнный для насъ по ея близости, что интересъ націи состоитъ въ томъ, чтобы имѣть богатыхъ сосѣдей, что богатство одной націи находится въ неразрывной связи съ богатствомъ другихъ. Адамъ Смитъ рѣшительно заявлялъ, что преміи на вывозъ зерна препятствуютъ росту населенія, ослабляютъ внутренній рынокъ и въ концѣ концовъ уменьшаютъ производство, что онѣ удешевляютъ англійское зерно въ сравненіи съ голландскимъ и такимъ образомъ помогаютъ голландскимъ производителямъ. Онъ доказывалъ, что преміи на вывозъ сельдей убиваютъ рыболовство, поднимаютъ цѣны сельдей и возбуждаютъ вредную спекуляцію. Когда онъ далѣе доказывалъ, что меркантильная система жертвуетъ интересами потребителя въ пользу производителя, что она имѣетъ въ виду интересы небольшой группы торговцовъ, а не общіе интересы всей націи, онъ могъ найти достаточно примѣровъ въ новѣйшей и знакомой всѣмъ исторіи. Его нападенію на систему много помогли и важныя измѣненія въ экономикѣ того времени. Америка какъ разъ въ это время отказалась быть орудіемъ узкой меркантильной теоріи метрополіи. Появленіе новыхъ общественныхъ слоевъ положило конецъ политическому господству поземельныхъ собственниковъ. Машины и фабрики уничтожили старые акты объ ученичествѣ и привиллегіи корпорацій. Земледѣліе стало наукой. Въ администраціи законовъ о бѣдныхъ произошли важныя измѣненія. Во всѣхъ сферахъ жизни идеи, господствовавшія со временъ Тюдоровъ, были дискредитированы. Старый страхъ, что голландцы или французы побѣдятъ насъ на поприщѣ торговли, что увеличеніе національнаго долга будетъ невыносимой тяжестью, что истощатся источники государственныхъ доходовъ, почти совершенно исчезъ.

Настала эпоха расширенія, эпоха смѣлости и довѣрія. Старый взглядъ на торговлю и промышленность, какъ на борьбу одной націи съ другими и класса противъ класса, уступалъ мѣсто болѣе новымъ взглядамъ о гармоніи экономическихъ интересовъ, о кооперації личностей для достиженія общей цѣли; появляется тотъ общественный оптимзмъ, который позже потерпѣлъ такое страшное пораженіе. Умы безсознательно приготовлялись къ воспріятію великаго урока, бывшаго однимъ изъ тезисовъ «Богатства народовъ»— урока объ естественной свободѣ человѣка. Люди свободны и равны отъ природы—такова была аксіома, провозглашенная американской декларацією независимости въ 1776 году. Такимъ образомъ въ одинъ годъ былъ нанесенъ смертельный ударъ какъ самой меркантильной

теоріи, такъ и ея послѣднему и худшему продукту, колоніальной системѣ. Крѣпость, взятая Адамомъ Смитомъ, уже была полуразрушенной. Уже до него многіе работали надъ ея разрушеніемъ. Поэтому, а также потому, что Смитъ многимъ обязанъ Юму, Андерсону, Туккеру, Масси, Кене и Тюрго, его невозможно признать творцомъ политической экономіи. Въ его книгѣ встрѣчаются поразительные недостатки; таковы его ошибки относительно капитала, ренты и цѣны, таковы и его ошибочные взгляды, заимствованные имъ у французскихъ физіократовъ, что большая часть необходимаго труда «непроизводительна» и что въ промышленности «природа не дѣлаетъ ничего, а человѣкъ все». Другимъ недостаткомъ было непониманіе того, что экономическая теорія и экономическія учрежденія находятся въ неразрывной связи съ средой—и это дѣлаетъ его критику меркантильной теоріи не то, чтобы нелогичной, но до извѣстной степени несправедливой съ исторической точки зрѣнія. Но главное въ томъ, что онъ навряд ли сознавалъ, что широкое толкованіе его терминовъ; «природа», «конкурренція», «трудъ», рента», безъ строгихъ предварительныхъ опредѣленій этихъ терминовъ, ведетъ къ серьезнымъ ошибкамъ. Онъ принимаетъ за доказанное, что «невидимая рука» такимъ образомъ руководитъ людьми въ ихъ индивидуальныхъ интересахъ, что всѣ эти интересы сливаются въ единое общее благо и онъ не замѣчаетъ, какъ мало остается отъ этой гармоніи, когда дѣло доходитъ до распредѣленія богатства; онъ не замѣчаетъ, что нація можетъ производить богатство, создавая классовыя противорѣчія и ухудшая положеніе рабочихъ.

И тѣмъ не менѣе, трудно было бы преувеличить значеніе книги Адама Смита. Оно обусловливалось главнымъ образомъ ея практичностью. Смитъ писалъ не для однихъ ученыхъ, а и для государственныхъ людей, финансистовъ и дѣловыхъ людей. Онъ понялъ, что вѣкъ нуждается прежде всего въ разрушеніи стараго, что главная надежда на непосредственное будущее таится въ положеніи, что личность есть лучшій судья своихъ собственныхъ интересовъ. При этомъ онъ допускалъ и исключенія: государственное вмѣшательство въ банковское дѣло, въ дѣло образованія, навигаціонные акты, вывозныя пошлины на шерсть, временныя монополіи акціонерныхъ компаній. Онъ былъ настолько уменъ, что умѣлъ быть оппортунистомъ; онъ умѣлъ ждать; онъ объявлялъ, что ожидать полной свободы торговли въ Великобританіи столь-же нелѣпо, какъ вѣрить въ существованіе Утопіи. Его книга полна практическихъ указаній. Неудивительно поэтому заявленіе Шультепея, сдѣланное имъ въ 1797 году, что она обратила это поколѣніе и завоюетъ слѣдующее. Нужно прибавить къ этому, что распредѣленіе и планъ книги не имѣли въ себѣ ничего формальнаго и догматическаго, что въ ней методы дедуктивный и индуктивный и соединены такимъ образомъ, что книга

можетъ считаться основой какъ исторической, такъ и абстрактной экономическихъ школъ; что у Смита, въ отличіе отъ «экономическаго человѣка» нѣкоторыхъ изъ позднѣйшихъ экономистовъ, взглядъ на человѣческую жизнь широкій. Замѣчательно, что, стремясь главнымъ образомъ къ уничтоженію злоупотребленій, Смиту удалось создать многое такое, что оказалось вѣчнымъ; несмотря на то, что онъ былъ практическимъ писателемъ по преимуществу, самое главное его значеніе состоитъ въ его вкладѣ въ чистую науку, потому что онъ первый доказалъ, что «цѣнность» является мѣриломъ человѣческихъ мотивовъ, т.-е. что человѣческая дѣятельность имѣетъ мѣрило и потому подлежитъ научному изслѣдованію. Значительную долю его вліянія слѣдуетъ приписать моменту появленія книги—она появилась какъ разъ во время для того, чтобы нанести смертельный ударъ старой системѣ, для того, чтобы отстаивать дѣло земли и труда, и вмѣстѣ съ тѣмъ до начала новой промышленной эпохи.

Національная экономика. Пауперизмъ.

Смита.

Отчетъ Жильберта указываетъ, что въ 1784 году на основаніи законовъ о бѣдныхъ было израсходовано около двухъ милліоновъ фунтовъ: въ 1742 году было израсходовано немного больше шестисотъ тысячъ—такъ что расходъ увеличился въ шесть разъ больше, чѣмъ населеніе. Кромѣ того такое устрашающее увеличеніе произошло въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ.

Каковы же были причины этого? Существовали такіе мудрые политики и писатели, которые, вмѣстѣ съ многими изъ Grand juries, полагали, что это обусловливалось «привычками бѣдныхъ къ роскоши и бездѣльничеству», ихъ «расточительностью», пьянствомъ или количествомъ кабаковъ. Артуръ Юнгъ приписывалъ это даже вредной привычкѣ пить чай. Болѣе серьезная причина была давно указана Дефое, указывавшимъ на отсутствіе класса пауперовъ въ мѣстностяхъ съ преобладаніемъ домашнихъ промысловъ. Теперь эта система домашняго производства попала въ руки капитала; вязальныя машины въ Ноттингамѣ и Лейчестерѣ и станки въ Манчестерѣ находились въ рукахъ немногихъ хозяевъ. Классъ «мануфактуристовъ» дифференцировался отъ земледѣльческихъ рабочихъ; вслѣдствіе такого отдѣленія оба класса стали въ большую зависимость отъ перемѣщеній промышленности и отъ колебаній въ торговлѣ, вызванныхъ континентальными войнами. Эти классовыя противорѣчія не-

могли быть миролюбиво улажены; законы революціи 1689 года задерживали передвиженіе рабочихъ, препятствовали имъ перенести ихъ трудъ на лучшій рынокъ, препятствовали и нанимателю получить нужныя ему рабочія руки.

«Труднѣе, говоритъ Адамъ Смитъ, для бѣдняка перейти искусственную границу прихода, чѣмъ морской проливъ или горный хребетъ». Надсмотрщики, отказывая въ выдачѣ удостовѣренія, имѣли возможность, такъ сказать, заточить человѣка на всю жизнь, какъ замѣтилъ Гэй въ 1750 и Бёрнъ въ 1764 году. Въ книгѣ статутовъ упоминается, что часто высылали изъ приходовъ больныхъ съ опасностью для ихъ жизни, часто затѣмъ только, чтобы тотчасъ же послѣ аппеляціи снова принять ихъ. Вслѣдствіе подобныхъ безсмысленныхъ законовъ появились закрытые приходы (close parishes). Въ приходѣ, гдѣ земля принадлежала одному лицу, оно могло срыть всѣ коттеджи и свалить на сосѣдніе приходы тяжесть содержанія своихъ бѣдныхъ рабочихъ.

Вліяніе загораживанія полей.

По мнѣнію всѣхъ современниковъ огораживаніе полей было одной изъ причинъ пауперизма; во всякомъ случаѣ оно было причиной плохого положенія юга. Несомнѣнно, что огораживанія значительно увеличили производительность земли; но Масси, Артуръ Юнгъ и Эденъ должны были сознаться, что они часто производились съ очевиднымъ нарушеніемъ интересовъ бѣдныхъ. Загораживаніе общинныхъ земель не только лишало бѣдныхъ очень цѣнныхъ правъ, но такъ какъ старая полевая система замѣнилась особняками, то загораживаніе вело къ округленію фермъ, къ изгнанію мелкихъ владѣльцевъ и въ концѣ концовъ къ увеличенію налоговъ для бѣдныхъ. Это въ особенности происходило тамъ, гдѣ округленіе фермъ сопровождалось превращеніемъ пашни въ пастбище. Въ концѣ концовъ загораживаніе несомнѣнно увеличило богатство страны и потому увеличило и спросъ на трудъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оно превратило мелкихъ владѣльцевъ въ безземельныхъ рабочихъ, которые, утративъ всякія надежды на улучшеніе ихъ участи, перестали заботиться о будущемъ, тратили свои небольшіе заработки немедленно по полученіи ихъ, не дѣлая сбереженій на старость, и въ случаѣ неспособности къ труду вслѣдствіе болѣзни, хотя бы и непродолжительной, они неизбѣжно садились на шею приходу. Любопытно, что въ 1774 году былъ отмѣненъ актъ Елисаветы, имѣвшій цѣлью гарантировать каждому коттеджу владѣніе четырьмя акрами земли.

Цѣны и заработная плата.

Но несомнѣнно, что главной причиной развитія пауперизма въ этомъ періодѣ было повышеніе цѣнъ сравнительно съ заработной платой. Средняя цѣна пшеницы въ Лондонѣ съ 1781—84 гг. была 47 ш. 8 д. за четверть: изъ таблицъ Эдена видно, что средняя цѣна съ 1743—80 г. была 31 ш. За низкими цѣнами, поднимающимися заработными платами и общимъ благосостояніемъ первой половины

восемнадцатаго вѣка наступило двадцатипятилѣтіе, въ которое цѣны однимались безъ соотвѣтствующаго увеличенія заработной платы. Показанія всѣхъ источниковъ доказываютъ, что съ 1774 года заработная плата сильно отставала отъ быстро поднимающихся цѣнъ. Гоуллетъ въ 1787 году разсчитывалъ, что въ теченіе предшествующихъ пятидесяти лѣтъ цѣна пшеницы поднялась съ 32 ш. до 45 за четверть, а заработная плата увеличились только на два пенса на шиллингъ. Но черезъ десять лѣтъ послѣ этаго Эденъ утверждалъ, что въ сельскихъ округахъ заработная плата съ 1737 года удвоилась. Въ дѣйствительности-же, по показанію Артура Юнга въ 1771 году и Адама Смита въ 1776-мъ, въ различныхъ округахъ величина заработной платы была весьма различна. Средняя заработная плата земледѣльческаго рабочаго въ двадцати миляхъ отъ Лондона была 10 ш. 9 д. въ недѣлю, а на разстояніи 110 миль только 6 ш. 3 д. и иногда даже 5 ш. 2 д.—эти цифры относятся къ южнымъ графствамъ. Самая низкая заработная плата была, по показанію Юнга, въ Ланкаширѣ—4 ш. 6 д. На востокѣ и сѣверовостокѣ заработная плата была наивысшей. Изъ ремесленниковъ угольщики въ Ньюкэстлѣ получали въ недѣлю 15 ш., рабочіе на желѣзныхъ заводахъ Шеффильда, горшечники въ Ворчестерѣ, ткачи въ Уэкфильдѣ, рабочіе на шерстяныхъ фабрикахъ въ западныхъ графствахъ получали хорошую плату; но ткачи въ Лавенгамѣ получали только 5 ш. 9 д. Юнгъ признаетъ, что повышеніе цѣнъ съ 1762 года начало вредить рабочимъ классамъ, хотя при этомъ утверждаетъ, будто они были вынуждены отказаться только отъ излишняго. Но не одна только пшеница въ 1767 году была вдвое дороже, чѣмъ въ 1750—62 годахъ; были дороже и мясо, масло и т. д.: соль, мыло, свѣчи и кожи теперь были обложены пошлиной вслѣдствіе семилѣтней и американской войнъ. Въ 1773 году четверть пшеницы стоила глочестерширскому фермеру десяти недѣль труда, а теперь она стоила ему только двухъ или трехъ недѣль. Эденъ однако доказывалъ, что цѣна пшеницы не представляетъ точнаго мѣрила благосостоянія народной массы, если пшеница не составляетъ обычной и необходимой пищи для народа. Извѣстный авторъ трактатовъ о хлѣбной торговлѣ утверждаетъ, что въ 1764 году меньше половины населенія питалось пшеничнымъ хлѣбомъ, обыкновенно же употребляли рожь, овесъ и ячмень. Но очевидно, что употребленіе пшеничнаго хлѣба распространялось быстро, на ржаной и ячменный хлѣбъ начали смотрѣть съ нѣкоторымъ ужасомъ, работники говорили, что они потеряли свои ржаные зубы. Неурожаи послѣ 1762 года повліяли на цѣны всѣхъ хлѣбовъ.

Цѣны этихъ лѣтъ были, по словамъ Эдена, предшественницами «несравненнаго повышенія». Несомнѣнно вообще, что до 1784 года уже началась отчаянная и безнадежная борьба съ жизнью для бѣд-

нѣйшихъ семейныхъ земледѣльческихъ рабочихъ. Общество восемнадцатаго вѣка начинало дорогой цѣной платить за законы революціи 16⁸9 года, за хлѣбные законы, за безумныя войны, за пренебреженіе народнымъ образованіемъ и въ особенности за свое позднее раскаяніе и за неудачныя попытки исправленія зла.

Въ теченіе періода отъ акта о бродяжествѣ (Vagrancy Act) 1744 года до акта Жильберта 1782 года замѣчается измѣненіе въ тонѣ литературы и политическихъ разсужденій по вопросу о бѣдныхъ: это измѣненіе тона доказывало, что наступаетъ эра филантропіи и соціологіи. Когда Фильдингъ въ 1753 году предлагалъ предоставить больныхъ и неспособныхъ къ труду бѣдныхъ частной благотворительности и заставить бездѣльныхъ работать по опредѣленнымъ цѣнамъ, онъ предлагалъ также, чтобы для безработныхъ была найдена работа на основаніи акта 1601 года; онъ заканчиваетъ свое разсужденіе такимъ замѣчаніемъ; «всѣ признаютъ, что теперь бѣдные необезпечены и что съ ними плохо обращаются, на ихъ страданія обращаютъ менѣе вниманія, чѣмъ на ихъ проступки... они голодаютъ, мерзнутъ и погибаютъ въ своей собственной средѣ, а нищенствуютъ, воруютъ и грабятъ среди лучшихъ членовъ общества». Точно такъ и Масси въ 1758 году, и Бёрнъ въ 1764 году сурово и справедливо нападали на систему призрѣнія бѣдныхъ.

У послѣдняго мы находимъ и критику обычныхъ предложеній реформъ, и притомъ такую критику, которая настолько же пригодна и въ настоящее время, какъ была пригодна 130 лѣтъ тому назадъ. Большинство этихъ предложеній игнорировало уроки прошлаго; предлагали планы уже испробованные и оказавшіеся непригодными. Самъ Бёрнъ предлагалъ отмѣну актовъ революціи 1689 года, надзоръ за надсмотрщиками посредствомъ главныхъ надзирателей для цѣлой группы приходовъ и признаніе подачи милостыни такимъ же наказуемымъ преступленіемъ, какимъ было признано и ея прошеніе. Одинъ реформаторъ дѣлаетъ такое замѣчаніе, иронію котораго онъ, повидимому, самъ не замѣчалъ: «Я торжественно объявляю, что отъ приходскихъ надсмотрщиковъ я ожидаю такой же гуманности, какъ и отъ другихъ людей».

Извѣстно, что ничто не ново подъ луной. По крайней мѣрѣ, это отчасти вѣрно относительно общественной исторіи. Потому интересно отмѣтить, что сто лѣтъ тому назадъ дѣлались предложенія объ обязательномъ страхованіи рабочихъ для обезпеченія имъ пенсій въ старости и для созданія фондовъ на случай болѣзни. Интересно также, что и въ то время на такіе предложенія замѣчали, что рабочіе могутъ лучше обезпечить сами себя посредствомъ своихъ обществъ. Не то-ли мы видимъ и въ 1896 году?

Общественное мнѣніе по отношенію къ законамъ о бѣдныхъ отразилось и на законодательствѣ этаго періода. Въ 1753 году былъ

внесенъ билль о ежегодномъ цензѣ и ежегодныхъ отчетахъ по сборамъ для бѣдныхъ. Этотъ актъ не прошелъ, но въ 1776 и въ 1786 году было предложено и принято составленіе отчетовъ. Въ 1761 и въ 1766 годахъ были приняты акты о регистрированіи дѣтей пауперовъ и о помѣщеніи ихъ въ деревняхъ. Гоуллетъ расчитываетъ, что эти акты ежегодно спасали въ Лондонѣ жизнь двумъ тысячамъ такихъ дѣтей. Къ несчастію, на основаніи акта 1756 года пріемъ дѣтей въ воспитательный домъ (Foundling Hospital) былъ объявленъ свободнымъ, и вслѣдствіе этаго число принятыхъ дѣтей со 100 увеличилось до 4000.

Актъ Жильберта.

На основаніи другихъ актовъ приходскіе ученики ремесленниковъ дѣлались свободными въ двадцать одинъ годъ вмѣсто двадцати четырехъ; были изданы новыя правила объ отдачѣ мальчиковъ во флотъ и о порядкахъ въ госпиталяхъ и въ исправительныхъ домахъ; надсмотрщики наказывались за выдачу бѣднымъ денежнаго пособія дурной монетой. Въ 1782 году былъ принятъ актъ Жильберта. Этотъ статутъ, столь часто неправильно толкуемый, имѣлъ важное значеніе. Жильбертъ внесъ въ палату три билля: одинъ относительно улучшеній въ исправительныхъ домахъ, другой относительно лучшей системы помощи бѣднымъ и доставленія имъ работы и третій относительно бродягъ. Прошли только два первыхъ билля. Въ одной статьѣ новаго закона поощрялось соединеніе приходовъ, къ чему реформаторы стремились съ 1722 года. Число приходовъ, воспользовавшихся этой статьей, было однако не велико; ихъ было только 924, объединенныхъ въ 67 корпорацій; но эта статья указывала путь для будущаго. Другая статья ограничивала отдачу въ заработки бѣдныхъ подрядчикамъ; это опредѣленіе было очень полезнымъ. Въ третьей статьѣ воспрещалось принимать въ рабочіе дома способныхъ къ работѣ; это была роковая мѣра, уничтожавшая все значеніе мѣры, принятой въ 1722 году (такъ называемаго workhouse test); были въ новомъ законѣ и другія вредныя опредѣленія: доставленіе работы бѣднымъ вблизи ихъ мѣста жительства было ошибкой и непригодность такой мѣры уже раньше была доказани Дефое и многими другими; дополнительная заработная плата, выдаваемая изъ сборовъ для бѣдныхъ, вредила системѣ выдачъ, разрѣшеніе мировымъ судьямъ назначать ревизоровъ и получавшихъ жалованье опекуновъ было бы полезной мѣрой, еслибы она не приводилась въ исполненіе дурно, такъ какъ дѣятельность мировыхъ судей и до этаго времени достаточно доказала весь вредъ ничѣмъ не ограниченнаго и неотвѣтственнаго вмѣшательства.

Актъ Жильберта былъ мѣрой, нарушавшей вслѣдствіе денежныхъ выдачъ способнымъ къ работѣ бѣднымъ принципы закона о бѣдныхъ Елисаветы, и это уничтожило все доброе, сдѣланное въ шестьдесятъ лѣтъ бдительной, хотя и суровой, администраціи. Мѣра смѣшивала

«бѣдныхъ», въ смыслѣ просто рабочаго класса, и «настоящихъ бѣдныхъ», «неспособныхъ къ труду». Но частію вслѣдствіе нѣкоторыхъ изъ полезныхъ сторонъ акта, частію вслѣдствіе того, что актъ открывалъ дорогу для будущаго, онъ уже содержалъ въ себѣ зародыши важной реформы 1834 года. Эпоха, начинавшаяся актомъ 1667 года, можетъ быть названа эпохой господства надсмотрщика; естественно, что началась реакція, хотя эта реакція и была движеніемъ близорукой филантропіи. Эта реакція замѣчается въ теченіе большей части восемнадцатаго вѣка; принципіально она одержала побѣду еще въ 1782 году и эта побѣда сдѣлалась безспорной послѣ 1795 года. Въ движеніи было два стороны: измѣнилось настроеніе относительно бѣдныхъ и появился рядъ новыхъ методовъ, соотвѣтствующихъ этому новому настроенію. Новое настроеніе было хорошимъ, но новые методы были дурны. На томъ основаніи, что мы осуждаемъ «выдачи» (allowances), и «коллегіи промышленности» (Colleges of industry—рабочіе дома), мы еще не обязываемся не признавать, что заработная плата должна быть тѣмъ или инымъ путемъ возвышена, что слѣдуетъ какимъ либо способомъ бороться съ безсовѣстностью предпринимателей и что любая система лучше системы ничѣмъ неограничиваемой власти надсмотрщиковъ.

Начало рабочихъ союзовъ.

Въ числѣ глубоко укоренившихся идей, завѣщанныхъ средневѣковьемъ восемнадцатому столѣтію, была идея о необходимости неизмѣнныхъ и опредѣляемыхъ властью заработныхъ платъ. Въ семнадцатомъ и восемнадцатомъ вѣкахъ предполагали, что это достигается періодическимъ опредѣленіемъ размѣра заработной платы мировыми судьями въ ихъ четвертныхъ сессіяхъ для каждаго графства. Но уже въ 1740 году такое опредѣленіе заработной платы выходитъ изъ употребленія; рѣшеніе судей въ 1725 году относительно заработной платы въ концѣ вѣка было опубликовано, какъ историческій курьезъ. Попытка опредѣленія заработной платы была сдѣлана и рабочими, соединявшимися въ рабочіе союзы (Trade-unions) для поддержанія минимальной платы, также какъ наниматели и правящіе классы съ 1350 года соединялись для поддержанія опредѣленія посредствомъ законодательства максимальной платы. Въ этомъ отношеніи рабочіе союзы аналогичны средневѣковымъ цехамъ. Главная цѣль системы цеховъ и состояла въ томъ, чтобы непозволять цѣнамъ и заработной платѣ опредѣляться конкуренціей, а поддерживать извѣстный уровень какъ относительно рабочихъ, такъ и относительно работы.

Новые рабочіе союзы въ этомъ отношеніи заняли мѣсто исчезнувшихъ цеховъ. Но, какъ въ недавнее время доказано м-ромъ и м-ссъ Уэббъ, было бы ошибочно признавать эти союзы исторически происходящими отъ цеховъ или приписывать ихъ происхожденіе, какъ это часто дѣлали, появленію фабрикъ и машинъ. Началомъ фабрич-

ной системы можно признать 1785 годъ, годъ окончанія срока патента Аркрайта, годъ, въ который Боультонъ и Уаттъ впервые примѣнили силу пара въ хлопчатобумажномъ производствѣ. А рабочіе союзы появились раньше, почти въ началѣ восемнадцатаго вѣка; фактически они появились съ того времени, когда старыя суровыя ограниченія свободы труда посредствомъ опредѣленія заработной платы, посредствомъ ученичества и муниципальныхъ привиллегій начали игнорироваться, съ того времени, когда ростъ промышленнаго капитала провелъ рѣзкую грань между нанимателями и рабочими. Такъ напр. въ портняжномъ ремеслѣ, когда для устройства мастерскихъ потребовался капиталъ, появилось и рѣзкое разграниченіе классовъ хозяевъ, закройщиковъ и швецовъ, причемъ послѣдніе были «бѣдны, какъ крысы». Въ 1720 году парламенту жаловались, что поденщики-портные, числомъ семь тысячъ, соединились для повышенія заработной платы и уменьшенія часовъ работы. Въ 1744 году жаловались, что не соблюдается законъ, принятый въ 1720 году для опредѣленія максимальной платы; тѣже жалобы слышатся и въ 1767 году. Въ шерстяной промышленности пряденье, тканье и дресированіе сукна производились по домамъ; но «капиталистъ обыкновенно былъ собственникомъ пряжи, станка и сукна также, какъ и собственникомъ фабрики и склада, изъ котораго продавалось сукно». Петиціи въ парламентъ противъ союзовъ чесальщиковъ и ткачей въ Девонѣ и на западѣ начинаются уже съ 1717 года. Когда на сѣверѣ исчезла система домашняго производства, то и тамъ, по показанію Артура Юнга, распространились союзы; утверждаютъ, что въ 1741 году существовалъ союзъ чесальщиковъ Соединенныхъ королевствъ, частію какъ профессіональный (friendly society), а частію съ цѣлью поддержать высокія заработныя платы и исключить изъ производства «дикихъ» («черноногихъ»—blacklegs). Въ чулочномъ производствѣ рабочіе составили союзъ въ 1753 году. Тоже можно сказать и о ножевой промышленности и о ткачествѣ шолковыхъ тканей.

Измѣненіе положенія рабочихъ.

Несомнѣнно, тутъ примѣнимо то правило, что перевороты происходятъ не тогда, когда положеніе дѣлъ безнадежно—дурно, а тогда, когда есть надежда на лучшее будущее. Первые рабочіе союзы образовались въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, въ которыхъ рабочіе были развитѣе и получали высшую заработную плату. По словамъ м-ра Уэбба, кожевники, шляпники, сортировщики шерсти, производители щетокъ и корзинъ и печатники ситцовъ въ то время составляли небольшіе привиллегированные промышленные кружки, находившіеся подъ покровительствомъ законовъ и обычаевъ объ ученичествѣ и подъ защитой симпатій парламента противъ пониженія заработной платы; такъ напр. актъ 1756 года утвердилъ «таблицу поштучной платы» суконщиковъ въ западныхъ графствахъ. Но въ

промежутокъ отъ этого времени до изданія книги Смита парламентъ въ силу аргументовъ, казавшихся неопровержимыми въ каждомъ данномъ случаѣ, началъ слѣдовать прямо противоположной политикѣ. Типичнымъ можно считать случай вязальщиковъ въ средней Англіи; исторія этого случая разсказана въ свидѣтельскихъ показаніяхъ въ палатѣ общинъ. На основаніи ихъ хартіи, стараго статута объ ученикахъ (5 Елисаветы), управленіе принадлежало старостамъ цеха. Потомъ этотъ статутъ не исполнялся. Мастера начали брать многихъ учениковъ и не брали почти поденьщиковъ; приходъ часто платилъ по 5 фунтовъ за каждаго мальчика-ученика. Въ 1710 году рабочіе обратились къ старостамъ съ требованіемъ соблюдать законъ; такъ какъ требованіе не было исполнено, начались безпорядки и уничтоженіе машинъ; въ 1727 году уничтоженіе машинъ было признано уголовнымъ преступленіемъ. Съ 1740 года въ Нортгамптонширѣ вводится система «выгонянія пота» (Sweating) самаго современнаго типа. Барыши хозяевъ были громадны, а заработная плата очень низка; много пользовались женскимъ и дѣтскимъ трудомъ. «Ассоціація вязальщиковъ средней Англіи» (Midland Assotiation of Framework Knitters), очень большой рабочій союзъ, просила въ 1778 году парламентъ опредѣлить заработную плату, павшую до 6 шиллинговъ въ недѣлю. Свидѣтели показали, что плата пала въ послѣднія двадцать лѣтъ, а цѣны на пищу и другіе необходимые продукты повысились; что цѣна машины равнялась 6—8 фунтамъ, а ренты за нее платили по 1 ш. 3 д. до 2 ш. въ недѣлю, т. е. 50 или 70 процентовъ; что рабочаго, купившаго машину, байкотировали; что система собственниковъ машинъ состоитъ въ томъ, чтобы отдать въ аренду какъ можно больше машинъ и давать какъ можно меньше работы. Рабочіе почти умирали съ голоду. Единственнымъ аргументомъ, перевѣсившимъ всѣ другіе, было то, что конкуренція не позволяетъ собственникамъ платить рабочимъ больше, такъ какъ промышленность исчезнетъ. Потому несмотря на петиціи изъ Тьюксбюри, изъ Годальминга, Лондона, Вестминстера, Дерби и средней Англіи, несмотря на безпорядки въ Ноттингамѣ, дѣло осталось по старому. Машинами завалили рынокъ, учениковъ брали сотнями, стачки сдѣлались обычнымъ явленіемъ. Но до фабричнаго законодательства не было средствъ исправленія зла. Тоже самое происходило и въ другихъ отрасляхъ промышленности. Наниматели убѣдили и доказали безпомощнымъ парламентскимъ комитетамъ, что было бы самоубійствомъ ограничить число учениковъ, настаивать на семилѣтнемъ срокѣ обученія и препятствовать употребленію машинъ. Одинъ разъ, однако, палата общинъ обратилась за помощью къ почтенному предразсудку. Въ 1773 году она приняла первый изъ Спитальфильдскихъ актовъ, подтвержденныхъ въ 1782 и 1801 годахъ, дававшій полномочіе мировымъ

судьямъ опредѣлять плату рабочимъ въ шолковой промышленности для защиты ея отъ конкуренціи Франціи. Ученія Адама Смита появились какъ разъ во время; онъ могъ указать на совершившіеся факты и доставить теоретическое основаніе политикѣ, вводимой постепенно законодательствомъ. Въ 1777 году правила объ ученикахъ были отмѣнены въ производствѣ шляпъ, хотя актъ Елисаветы въ его цѣломъ составѣ, включая и опредѣленіе платы мировыми судьями, былъ отмѣненъ только въ 1813 году, а Спитальфидскіе акты въ 1824-мъ.

Борьба между нанимателями, отстаивавшими свободный договоръ и конкуренцію, и рабочими, защищавшими средневѣковыя учрежденія, была пока закончена. Адамъ Смитъ доказалъ, что всѣ выгоды на сторонѣ хозяевъ; у нихъ есть статуты противъ соединенія рабочихъ съ цѣлью повышенія платы, но нѣтъ таковыхъ противъ соединеній для ея пониженія; они могутъ соединяться легче, чѣмъ рабочіе; они могутъ въ нѣсколько недѣль побѣдить рабочихъ голодомъ; движенія рабочихъ, замѣчаетъ Смитъ, обычно кончаются только наказаніемъ и погибелью зачинщиковъ.

Что было дѣлать рабочимъ при подобныхъ условіяхъ? Ближайшей ихъ цѣлью должно было быть фабричное законодательство и отмѣна законовъ противъ союзовъ. Но раньше, чѣмъ они могли сдѣлать что нибудь въ этомъ направленіи, было необходимо изолированнымъ ассоціаціямъ каждой отдѣльной промышленности объединиться и пріобрѣсти солидарность общаго рабочаго движенія. Союзы должны были превратиться въ широкое трэдъ-уніонское движеніе. Это движеніе началось въ послѣдующій періодъ.

Общественная жизнь.

Батесона.

Путешествія. Иностранцы насмѣхались надъ англичанами за ихъ любовь къ путешествіямъ и называли желаніе оставить ихъ родину англійской maladie du pays. Въ члены моднаго «клуба диллетантовъ» принимали только людей, побывавшихъ въ Италіи. Въ 1786 году Вальполь писалъ: «нашихъ множество во Франціи, въ Ниццѣ и въ Швейцаріи; благодаря игрѣ половина совсѣмъ переселилась туда». Многіе уѣзжали туда благодаря модѣ, вслѣдствіе бездѣлья и болѣзней—и это несмотря на всѣ затрудненія, которыя приходилось выносить путешественникамъ и въ особенности на морѣ.

Разсказъ Фильдинга о его путешествіи въ Лисабонъ (1756) даетъ

намъ очень живую картину жизни пассажира на кораблѣ. Рѣшившись вслѣдствіе болѣзни покинуть Лондонъ, онъ сначала хотѣлъ отправиться въ Aix-les-Bains, но не могъ найти корабля, отправлявшагося въ Марсель или въ какой нибудь изъ сосѣднихъ портовъ. Поэтому онъ взялъ билеты на проѣздъ для себя, жены и дочери на купеческомъ суднѣ, «съ превосходными приспособленіями для пассажировъ», и въ томъ числѣ «съ отдѣльными комнатами». Такъ какъ въ то время пристаней не было, Фильдингъ, лишившійся употребленія ногъ вслѣдствіе болѣзни, ужасно страдалъ при переѣздѣ съ берега Темзы на корабль. Потомъ долго стояли на Темзѣ, отчасти вслѣдствіе того, что таможенные чиновники все время праздновали, такъ что не выдавали кораблю свидѣтельства, а отчасти вслѣдствіе разныхъ другихъ причинъ. Въ это время Фильдингу дѣлали операцію (выпускали воду), чтобы показать человѣку, который исправлялъ обязанности «управляющаго, повара, буфетчика, матроса и хирурга», какъ поступать, если придется дѣлать операцію во время плаванія. До окончательнаго отъѣзда изъ Англіи прошелъ цѣлый мѣсяцъ—все ожидали въ проливѣ благопріятнаго вѣтра.

Не мало пришлось выдержать и Смоллету въ 1763 году при переѣздѣ чрезъ проливъ, когда онъ уѣзжалъ на зиму въ Ниццу. Въ Дуврѣ онъ уговорился съ капитаномъ пакетъ-бота о переѣздѣ въ Булонь за пять гиней. Каюта была такъ мала, постели такъ грязны, что Смоллетъ и его семейство рѣшили просидѣть всю ночь. На слѣдующій день капитанъ сыгралъ съ ними обычную штуку, отказавшись высадить ихъ и заставивъ ихъ сѣсть въ лье отъ берега въ открытую лодку. Въ Булони лодочники настаивали на своемъ правѣ перевозить на берегъ всѣхъ пассажировъ, такъ что Смоллету при бурномъ морѣ пришлось перебираться на другую лодку и удовлетворить всѣ три экипажа. Послѣ, при переѣздѣ изъ Флюшинга въ Дувръ, Смоллетъ заплатилъ гинею съ условіемъ, что ему дадутъ постель. Но для шестнадцати пассажировъ было только восемь постелей. Во всѣхъ портахъ высаживаться было дѣломъ нелегкимъ до самаго начала девятнадцатаго столѣтія, когда Ренни началъ улучшать гавани и устраивать пристани. Пакетъ—ботами пользовались люди всѣхъ классовъ; частныхъ яхтъ было очень мало.

Дувръ.

Пріѣзжавшіе въ Англію иностранцы считали англійскихъ таможенныхъ чиновниковъ очень скромными, такъ какъ они не обыскивали кармановъ и ручныхъ саковъ пассажировъ; для выкупа багажа отъ осмотра брали небольшую взятку. Иностранцы свидѣтельствуютъ, что хотя въ Англіи все дорого, но съ иностранцевъ берутъ за все не дороже, чѣмъ съ англичанъ. Особенно дороги были цѣны въ Дуврѣ и по дорогѣ изъ Дувра въ Лондонъ. Чтобы не провести въ Дуврѣ воскресенья одинъ французъ, Гролей, въ 1772 году заплатилъ гинею за мѣсто въ скоромъ дилижансѣ (flying machine) на че-

тыре пассажира, запряженномъ шестью лошадями и ходящимъ съ нарушеніемъ закона о воскресномъ отдыхѣ. На дилижансъ глазѣли многіе, но за то пассажиры, ѣхавшіе въ воскресный день, избѣжали нападеній «сборщиковъ большой дороги» и видѣли только тѣхъ изъ нихъ, которые болтались на висѣлицахъ, стоявшихъ у дороги, разодѣтые и въ парикахъ.

Дороги. Дорога изъ Дувра въ Лондонъ не принадлежала къ числу четырехъ хорошихъ дорогъ, о которыхъ говоритъ Артуръ Юнгъ. Онъ хвалитъ только часть ея отъ Салисбюри до Ромнея, большую сѣверную дорогу отъ Лондона до Барнета, дорогу въ Чельмсфордъ и небольшую часть новой дороги въ Валлисѣ. Назвать всѣ остальныя шоссейными дорогами «было бы оскверненіемъ этого названія»; онъ постоянно называетъ ихъ ужасными, гнусными, ужасно гнусными. Въ особенности онъ жалуется на канавы посреди дорогъ для спуска воды, а также и для опрокидыванія экипажей; канавы были обычнымъ способомъ осушенія въ Норфолькѣ и Суффолькѣ, гдѣ не было ни одной мили путной дороги.

Когда въ 1746 году герцогъ хотѣлъ совершить путешествіе въ Суссексъ, изъ Лондона было предписано, чтобы на встрѣчу его высочеству выходили сторожа и всѣ знавшіе мѣста проваловъ и лужъ съ фонарями и съ длинными шестами на случай необходимой помощи. Продолжительныя путешествія съ сѣвера всего лучше было совершать верхомъ, потому что отъ Гласко до Грантама шоссе не было, а только узкая тропа для вьючныхъ лошадей, а по сторонамъ мягкая грунтовая дорога. Въ 1760 году дилижансъ изъ Эдинбурга въ Лондонъ ходилъ только разъ въ мѣсяцъ, путешествіе продолжалось шестнадцать дней, и значительная часть дороги была не шоссированной. Населеніе сильно протестовало противъ проведенія новыхъ шоссейныхъ дорогъ, такъ какъ сборъ шоссейныхъ пошлинъ считало несправедливымъ. Разрушеніе заставъ признавалось тяжкимъ уголовнымъ преступленіемъ (фелоніей), но не легко было защищать длинную дорожную линію отъ систематическихъ нападеній.

Въ періодъ отъ 1762 до 64 года было проведено 452 акта о проведеніи и исправленіи дорогъ, и тѣмъ не менѣе дорожное дѣло не процвѣтало въ Англіи. Когда «слѣпой ямщикъ» предложилъ контрактъ о проведеніи части новой шоссейной дороги, его предложеніе приняли, такъ какъ онъ просилъ дешевле—профессіональные инженеры за эту цѣну не соглашались. Джонъ Меткальфъ, или «слѣпой Жакъ изъ Нэрсборо, оказался геніальнымъ самородкомъ и замѣчательно хорошо исполнилъ договоръ. Но онъ не ввелъ новыхъ методовъ и настоящія усовершенствованія въ дорожномъ дѣлѣ были сдѣланы только въ началѣ девятнадцатаго вѣка, когда инженеры новой школы предложили радикальныя реформы.

Почтовые дилижансы Пальмера, введенные въ 1784 году, до нѣ-

которой степени реформировали почтовую службу, до тѣхъ поръ относимую верховыми почтальонами. Пальмеръ, арендаторъ театровъ въ Батѣ и въ Бристолѣ, часто совершалъ въ одинъ день проѣздъ, на который почта употребляла три дня; онъ предложилъ почтовому вѣдомству устроить дилижансы. Планъ сначала былъ признанъ неосуществимымъ, но потомъ оказался очень практичнымъ. Изъ Бристоля въ Лондонъ начали ѣздить четырнадцать часовъ. Въ 1792 году изъ главной почтовой конторы ежедневно отходило шестнадцать почтовыхъ каретъ и жители Сити обыкновенно сходились посмотрѣть на это зрѣлище. Въ каретѣ было только пять пассажировъ; четыре внутри и одинъ снаружи, и ее сопровождала вооруженная стража. Срѣзываніе тюковъ прекратилось. Почтовые дилижансы.

Въ томъ же году была произведена другая почтовая реформа; письмоносцамъ въ первый разъ дали мундиръ: красный суконный сюртукъ съ голубыми отворотами, голубые штаны и жилетъ, и шляпу съ золотой лентой.

Для англичанъ, возвратившихся домой изъ заграницы, англійскія гостинницы съ ихъ двухкопѣечными гравюрами, погребами и ящиками для ножей казались очень роскошными; но въ особенности имъ нравились, по словамъ Ораса Вальполя, пиво и газеты. Послѣ французской грубости добродушіе англійскихъ трактирщиковъ казалось очень пріятнымъ. Смоллетъ замѣчаетъ, что во Франціи всѣ вѣжливы, за исключеніемъ кабатчиковъ, а въ Англіи наоборотъ. Интересенъ списокъ блюдъ и цѣнъ на нихъ, составленный Артуромъ Юнгомъ; онъ доказываетъ, что въ то время еще не было такого однообразія въ цѣнахъ, какъ теперь. Юнгъ разсказываетъ объ обѣдахъ въ восемь пенсовъ съ персоны, онъ говоритъ о баранинѣ, уткахъ, тортахъ и сырѣ, о грибахъ, каперсахъ, орѣхахъ и корнишонахъ за два шиллинга. Въ Скарборо Новая гостинница очень дешева, но очень грязна; тамъ онъ получилъ холодную ветчину, цыпленка, омара, тортъ, анчоусы и сыръ за шиллингъ и четыре пенса и кофе или чай за шесть пенсовъ. Въ Ньюкэстлѣ хорошо, но очень дорого—за вареную птицу, устрицы и вальдшнепа полкроны; въ Карлилѣ хорошо—вареный цыпленокъ, куличекъ, стерлядь, торты, мясные пироги и желе за восемнадцать пенсовъ. Пенритъ хорошо и дешево—жареная говядина, яблочный пуддингъ, картофель, сельдерей, вареная форель и стерлядь за шиллингъ. Кендаль хорошо и очень дешево—вареная дичь съ соусомъ, жареная куропатка, вареный харіюсъ, холодная ветчина и три или четыре сорта заграничнаго десерта, по восьми пенсовъ каждый, на троихъ. Юнгъ постоянно упоминаетъ объ анчоусахъ, карпахъ и стерляди. Когда особо берутъ за хлѣбъ, Юнгъ негодуетъ. По мѣрѣ приближенія къ Лондону въ гостинницахъ дороже. Въ Оксфордѣ гостинница Ангела очень грязна, служащіе не обязательны; гостинница Митры посѣщалась, кажется, Гостинницы и пища.

главнымъ образомъ «донами» (членами университета). Моритъ, нѣмецкій путешественникъ пѣшкомъ, оставилъ намъ описаніе проведенной тамъ ночи и своихъ разговоровъ по латини съ встрѣченными имъ тамъ учеными. Моритъ былъ любитель пѣшеходъ, да и денегъ у него было немного, когда онъ рѣшился путешествовать пѣшкомъ по Англіи. Вездѣ онъ встрѣтилъ насмѣшки, сожалѣнія и ругань; онъ шелъ пѣшкомъ по странѣ, гдѣ никто не ходилъ пѣшкомъ по доброй волѣ. Когда онъ былъ непрочь заплатить въ хорошей гостинницѣ, его обыкновенно не пускали туда; въ придорожныхъ гостинницахъ запирали предъ нимъ двери. Онъ былъ очень доволенъ, когда его называли сэръ, а не мастеръ, очень рѣдко онъ находилъ хорошую квартиру и платилъ шиллингъ за ужинъ, постель и завтракъ и четыре пенса за прислугу. Пива онъ пить не могъ; но онъ нашелъ положительно необходимымъ вездѣ пить за здоровье хозяина, чтобы заслужить его благоволеніе. Въ Лондонѣ онъ жалуется на полувареное, полужареное мясо, на капустные листья, сваренные въ водѣ, на однообразіе овощей, такъ какъ парники были только въ имѣніяхъ дворянъ. Пока еще не было поваренной книги д-ра Джонсона, основанной «на философскихъ началахъ» и люди довольствовались книгой Анны Глассе или однимъ изъ многихъ изданій средины столѣтія, изъ которыхъ нѣкоторыя были составлены дамами, а другія французами-поварами въ знатныхъ домахъ. Въ пищѣ бѣдняковъ замѣчалось поразительное отличіе между сѣверомъ и югомъ. Южане питались только хлѣбомъ и сыромъ, и разъ въ недѣлю мясомъ, изжареннымъ у пекаря. На сѣверѣ питались супомъ и разными похлебками изъ овса и картофеля; тамъ топливо было дешево, что обусловливало и разнообразіе кухни. Цѣны на пищу въ разныхъ графствахъ были различны; но средняя цѣна фунта хлѣба была 2 д., масла 6 д., говядины и баранины 4 д. и сыра $3^1/_2$ д. Въ Лондонѣ хлѣбъ стоитъ $2^1/_2$—3 д. въ 1782 году, масло 11 д., говядина 8 д. Молоко $3^1/_2$ д. кварта, а сахаръ шиллингъ за фунтъ.

Время обѣда. Въ свѣтскомъ обществѣ обѣдали въ пять часовъ. Въ это время обѣдали и при дворѣ; послѣ обѣда подавали кофе, въ восемь часовъ въ столовой приготовляли чай, а въ одиннадцать ужинъ. Король обѣдалъ въ два часа, королева и принцессы въ четыре, а люди среднихъ классовъ въ три. Завтракъ былъ неизобиленъ; онъ состоялъ только изъ бутерброда и ветчины. Начали устроивать завтраки въ полдень въ Ранелагѣ и въ частныхъ домахъ, и тогда удивлялись, что на завтракъ подаютъ рыбу, холодныхъ циплятъ, ветчину и другія основательныя блюда. Только университеты держались старыхъ обычаевъ; въ 1752 году въ Оксфордѣ съ неохотой перенесли обѣденное время съ полудня на часъ.

Напитки. Всѣ классы общества пили чай; даже бѣдные пили его хотя разъ

въ день. Въ 1741 году было ввезено около 750,000 фунтовъ; пошлина была по 5 ш. на фунтовъ; но употребляемый бѣдными чай былъ контрабандный, часто очень плохого качества. Въ 1745 году значительное пониженіе пошлины на чай почти уничтожило контрабанду; но вскорѣ пошлину снова увеличили и контрабанда снова появилась. Въ 1795 году пошлины на ромъ было получено около 31,000 фунтовъ и около половины этой суммы съ джина и водки; пошлина съ португальскихъ винъ принесла 430,000, съ испанскихъ 87,500, съ французскихъ и Мадеры до 10,000, съ канарскихъ и рейнскихъ по 1000 фунтовъ. По трактату Эдена Питтъ уменьшилъ пошлины на французскія вина, и въ теченіе шести лѣтъ потребленіе ихъ увеличилось съ 100,000 галоновъ до 683,000; но при объявленіи войны на вина снова наложили большую пошлину. И потребленіе ихъ уменьшилось.

Наиболѣе ввозились контрабандным путемъ чай, кофе и табакъ, французскія вина, ромъ и водка, обложенные въ 1735 году пошлиной въ фунтъ на галлонъ, кисея изъ Вестъ Индіи, кружева, льняныя ткани и батистъ изъ Франціи. «Свободный купецъ» (контрабандистъ) имѣлъ барышъ, если ему удалось изъ трехъ транспортовъ провести одинъ; если парламентскіе отчеты не преувеличиваютъ, то онъ обыкновенно провозилъ все и строилъ себѣ превосходные виллы изъ барышей своей торговли. Контрабандисты вооруженными шайками въ пятьдесятъ или сто человѣкъ на открытомъ берегу нагружали повозки и вьючныхъ лошадей и не встрѣчали сопротивленія со стороны таможенной стражи. Въ теченіе шести мѣсяцевъ въ Суффолькѣ выгрузили 1835 вьюковъ чая и 1689 вьюковъ разныхъ товаровъ, и все это было увезено вооруженными бандами контрабандистовъ. Около двухъ тысячъ боченковъ спирту привозилось ежегодно на берега Гантса, Дорсета и Девона, а таможенные чиновники захватили такое же количество только въ теченіе девяти лѣтъ. «Большимъ складомъ всѣхъ товаровъ, обложенныхъ высокой пошлиной» былъ островъ Мэнъ, оттуда товары отправлялись въ большихъ яликахъ, обыкновенно ускользавшихъ отъ таможенныхъ шлюпокъ, въ Валлисъ, въ Ирландію и Шотландію. Контрабанда.

Даже Адамъ Смитъ сознавался въ нѣкоторой слабости къ контрабандѣ, да и всякій англичанинъ былъ не прочь отъ того, чтобы пріобрѣсти по дешевой цѣнѣ трубку табаку или боченокъ вина для своего погреба. Но крупная контрабанда всегда сопровождается подкупами, ложными присягами, доносами, насиліями и убійствами. Дѣянія шайки Гаукгурста въ 1748 году превзошли по своей жестокости всѣ другія злодѣянія. Одинъ изъ грузовъ чая этой шайки былъ захваченъ и отвезенъ въ таможню, и атаманъ шайки, Томасъ Кингсмилль, ночью напалъ на таможню и освободилъ свой грузъ. Открыли, что одинъ таможенный чиновникъ, Галлей, и башмачникъ

Чатеръ готовы дать показанія о личности преступниковъ. Шайка захватила ихъ, привязала къ лошади и сѣкла до тѣхъ поръ, пока они не свалились. Галлей умеръ подъ ударами; Чатеръ остался живъ, но у него вырѣзали глаза и носъ и потомъ повѣсили.

Полиція. Въ первую половину восемнадцатаго вѣка число насилій, повидимому, ужасно увеличилось. Смоллетъ утверждаетъ, что «воры и грабители теперь сдѣлались такими отчаянными и дикими, какъ никогда со времени цивилизаціи человѣчества». Самъ законъ подавалъ примѣръ жестокости, ни во что не ставя жизнь и человѣческія страданія; теперь намъ кажется, что законъ въ этомъ отношеніи даже отставалъ отъ общественнаго развитія. Процессіи въ Тибурнъ были уничтожены только въ 1783 году, тогда же для ускоренія процесса повѣшенія начали употреблять опускную доску. Говорятъ, что Джонсонъ былъ недоволенъ такими реформами и полагалъ, что люди «обезумѣли въ своихъ стремленіяхъ къ новшествамъ»; но большинство было согласно съ Орасомъ Вальполемъ въ томъ, что реформы необходимы и что Англія страна отсталая и рутинная.

Захватъ Макъ-Леана облегчилъ души многихъ боязливыхъ людей, но всѣ понимали, что «его профессія дѣло не шуточное». Несомненно, что лондонская полиція до реформъ, произведенныхъ Фильдингомъ въ 1750 году, была неудовлетворительна; двѣ тысячи сторожей и патрульныхъ, «вообще людей старыхъ, часто слабыхъ и голодавшихъ на получаемое ими небольшое жалованье», не могли защищать гражданъ Лондона и ихъ собственность; впрочемъ, хотя улицы по ночамъ были небезопасны, дома были болѣе безопасны, чѣмъ раньше. Пользуясь состоящими на жалованьи сыщиками, Фильдингу удалось уничтожить наиболѣе дерзкія изъ разбойничьихъ шаекъ и въ 1757 году это зло было совершенно уничтожено. Но въ предмѣстьяхъ дороги продолжали быть небезопасными. Въ 1781 году разбойники напали на Ораса Вальполя, провожавшаго одну даму на вечеръ въ Твикенгамъ. Дама имѣла настолько присутствія духа, что отдала нападавшему кошелекъ, въ которомъ была негодная монета; она носила при себѣ этотъ кошелекъ именно ради подобныхъ случайностей.

Газеты. До значительной степени возбужденіе общественнаго мнѣнія относительно увеличенія числа преступленій было дѣломъ газетчиковъ. Несмотря на гербовой сборъ съ газетъ продажа ихъ непрерывно увеличивалась, такъ что количество штемпелеванныхъ номеровъ газетъ въ 1753 году доходило до 7.411,757 на населеніе около 6.200.000. Газетчики, по мнѣнію Джонсона «люди недобродѣтельные, пишущіе ложь ради барышей», могли руководить общественнымъ мнѣніемъ не только въ Лондонѣ, но и во всякомъ провинціальномъ городкѣ, имѣвшемъ свою газету. Въ листѣ изъ четырехъ страницъ было обыкновенно много объявленій, немного болтовни и спле-

тень, много насмѣшекъ надъ свѣтской жизнью и немного поэзіи; обзоры выходящихъ сочиненій и передовицы часто отсутствовали. Провинціальныя газеты зависѣли главнымъ образомъ отъ количества и характера корреспонденцій.

Gentlemans Magazine, основанный типографщикомъ Эдуардомъ Кэвъ въ 1731 году, имѣлъ цѣлью концентрированіе на своихъ страницахъ всѣхъ статей и свѣдѣній, помѣщаемыхъ въ четырехстахъ газетахъ, ежемѣсячно выходящихъ въ Лондонѣ и въ провинціальныхъ городахъ. Въ 1732 году къ этому матеріалу прибавили отчеты о парламентскихъ дебатахъ, причемъ ораторы обозначались только иниціалами ихъ именъ. Но въ 1738 году палата общинъ приняла резолюцію, выражавшую «крайнее негодованіе» противъ репортёровъ о засѣданіяхъ, и Gentelmans Magazine, а также и его соперникъ London Magazine, начали помѣщать отчеты какъ бы о воображаемыхъ дебатахъ.

Слабость министерства Бьюта позволила Уильксу печатать памфлеты противъ правительства въ «Сѣверномъ Британцѣ», названномъ такъ въ противоположность газетѣ лорда Бьюта, «Британецъ», редактируемой Смоллетомъ. Преслѣдованіе Уилькса лордомъ Гренвилемъ было неудачнымъ и это поощрило писателей сдѣлаться еще смѣлѣе въ выраженіи ихъ мнѣній. Въ 1767 году въ распространенной ежедневной газетѣ Public Advertiser Вудфалля начали появляться знаменитыя письма Юніуса, и въ 1771 году по настоянію Уилькса былъ поднятъ вопросъ о публикованіи отчетовъ о дебатахъ. Нѣкоторыя изъ лондонскихъ газетъ согласились печатать замѣтки о рѣчахъ съ указаніемъ именъ ораторовъ. Полковникъ Онслоу, «маленькій Георгъ, ничтожное насѣкомое», какъ называли его репортеры, сдѣлалъ этотъ вопросъ своей спеціальностью и жаловался палатѣ на издателей. Нѣкоторые изъ нихъ отказались повиноваться приказу палаты и не появились предъ ея рѣшеткой; была издана прокламація объ ихъ приводѣ и Уильксъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы устроить столкновеніе между властями Сити и парламентомъ. Непокорный издатель былъ въ силу прокламаціи арестованъ однимъ изъ его друзей, сдѣлавшимъ это по соглашенію, и они оба явились предъ Уильксомъ, какъ альдерманомъ Сити. Онъ освободилъ арестованнаго и рѣшилъ, что противъ его друга долженъ быть предъявленъ искъ за незаконный арестъ. Тогда палата предписала, чтобы лордъ мэръ и одинъ изъ альдерменовъ, какъ члены парламента, явились на свои мѣста. Они явились въ сопровожденіи толпы приверженцевъ, защищались противъ обвиненія въ нарушеніи привиллегій, и были отправлены въ Тоуэръ. Съ этого времени публикованіе отчетовъ, оставаясь по прежнему юридически нарушеніемъ привиллегій, было однако молчаливо признано. Но въ парламентѣ еще не было особыхъ помѣщеній для репортеровъ, писать замѣтки имъ тамъ было

воспрещено и галлерея для посѣтителей (Strangers Gallery) часто закрывалась.

Оппозиція реформамъ.

Развитіе газетнаго дѣла распространяло свѣдѣнія въ массахъ населенія, но газеты служили и партійнымъ цѣлямъ и возбуждали часто неосновательную панику. Никогда страна не подвергалась такимъ безсмысленнымъ опасеніямъ и безуміямъ, какъ въ это прозаическое время, въ срединѣ восемнадцатаго вѣка. Самое спокойствіе, господствующее въ обществѣ того времени, заставляло его считать самыя мелкія реформы очень крупными и страшными. Министерство Вальполя едва не пало вслѣдствіе своего разумнаго предложенія о введеніи акциза—предложенія, позже принятаго безъ всякихъ опасеній. Министерство Пельгама вызвало цѣлую бурю своими предложеніями исправить календарь, помѣшать тайнымъ бракамъ и разрѣшить натурализацію евреевъ. Послѣдняя изъ этихъ мѣръ была отмѣнена въ слѣдующую же сессію. Но палата безъ оппозиціи приняла билль Честерфильда, не предвидя его вліянія на общественное мнѣніе.

Исправленіе календаря.

Юліанскій календарь, принятый въ Англіи, былъ основанъ на ошибочномъ предположеніи, будто годъ состоитъ изъ 365 дней и шести часовъ, что для средняго солнечнаго года составляло ошибку въ одиннадцать минутъ—причемъ расчеты лунныхъ фазъ были тоже невѣрны. Ошибки эти были устранены еще въ пятнадцатомъ вѣкѣ, но только при папѣ Григоріѣ XIII Юліанскій календарь былъ замѣненъ во всѣхъ римскокатолическихъ странахъ Грегоріанскимъ.

Въ 1751 году первый мѣсяцъ юліанскаго года соотвѣтствовалъ двѣнадцатому мѣсяцу грегоріанскаго. Билль предлагалъ принять новый стиль, причемъ исключить лишній день високоснаго года. Лордъ Макльсфельдъ, впослѣдствіи бывшій президентомъ Королевскаго общества, помогалъ лорду Честерфильду въ составленіи билля, составленнаго такимъ образомъ, чтобы насколько возможно устранить всякое замѣшательство въ уплатахъ, назначенныхъ на опредѣленные дни года. Одиннадцать дней, отъ среды 2-го до четверга 14 сентября, были исключены. Было исправлено также смѣшеніе между легальнымъ годомъ, начинавшимся 25 марта и календарнымъ новымъ годомъ. Съ этихъ поръ легальный годъ начинался 1 января, и соотвѣтственно этому были опредѣлены и правительственныя четверти года. Расчеты производилъ королевскій астрономъ Брадлей, черезъ ддсять лѣтъ послѣ этого скончавшійся семидесяти лѣтъ отъ какой то неизвѣстной хронической болѣзни. Народъ полагалъ, что его смерть есть слѣдствіе Божьяго наказанія за безбожное предложеніе измѣнить дни празднованія памяти святыхъ угодниковъ.

«Брачный Актъ».

Подробности «Брачнаго акта» лорда Гардуика 1753 года были не столь искусно выработаны, какъ актъ Честерфильда о реформѣ календаря; но общественное мнѣніе было раздражено не столько ненужными строгостями нѣкоторыхъ изъ статей акта, сколько самымъ

принципомъ публичности брака. Даже въ 1768 году миссъ Бёрней писала: »Публичный бракъ! О, какая это пощечина стыдливости женщины! Всѣ протестуютъ противъ публичнаго вѣнчанія, какъ противъ самой отвратительной вещи въ мірѣ». Актъ требовалъ, чтобы всѣ браки происходили въ приходской церкви и чтобы имъ предшествовели три оглашенія въ три воскресные дни. Только архіепископъ могъ выдавать разрѣшенія отъ этихъ правилъ, но и онъ не могъ давать ихъ несовершеннолѣтнимъ безъ согласія родителя или опекуна. Актъ этотъ былъ особенно тяжелъ для нонконформистовъ, священники которыхъ не могли совершать брачнаго обряда— и однако, онъ оставался въ силѣ до настоящаго столѣтія.

Дворъ.

Настроеніе общественнаго мнѣнія было столь непостояннымъ, духъ оппозиціи былъ столь сильнымъ, что нелегко опредѣлить тѣ вліянія, которыя опредѣляли моды въ началѣ царствованія Георга III. Вліяніе двора не было прочнымъ и оно рѣдко было не второстепеннымъ факторомъ въ направленіи общественнаго мнѣнія. Популярность Георга III то росла, то падала, такъ что, появлялась на улицахъ, онъ самъ не зналъ, что ожидаетъ его — попытка на убійство или овація. Измѣненіе нравственнаго тона ближайшихъ придворныхъ кружковъ, вызванное любовью короля и королевы къ семейной жизни, не имѣло такихъ послѣдствій, какихъ можно бы было ожидать при другихъ условіяхъ. Это измѣненіе имѣло вліяніе на средніе классы общества, а не на высшіе и не на придворныхъ. Королева съ семнадцатилѣтняго возраста, со времени брака, ненавидѣла «современные нравы и всѣ наши модныя преступленія». Но она не имѣла возможности и силы дать побѣду добродѣтели. Открывая свою гостинную для пріемовъ два раза въ недѣлю и давая два раза въ годъ придворные балы, она полагала, что дѣлаетъ все отъ нея зависящее; потому то свѣтскіе люди считали посѣщенія двора утомительной обязанностью. Король и королева въ обществѣ были холодны и оффиціальны; они очень дорожили своимъ достоинствомъ; доброта ихъ сердца была извѣстна только немногимъ изъ ихъ друзей, ее не знали даже ихъ дѣти. Потому они не могли устанавливать модъ; они могли издавать указы противъ извѣстныхъ злоупотребленій, но устранить ихъ они не могли. Они воспретили во дворцѣ карточную игру, но манія игры продолжала существовать. Въ 1786 году Вальполь писалъ: «даже проигрышъ ста тысячъ фунтовъ не настолько рѣдокъ, чтобы ему удивлялись».

Мужской костюмъ.

Король и королева любили одѣваться скромно, но модой руководили ихъ старшій сынъ и оппозиція. «Macaroni» (франтамъ), руководителемъ которыхъ былъ Фоксъ, подражали болѣе или менѣе всѣ, желавшіе считаться свѣтскими людьми. Въ 1772 году стремленіе къ эксцентричности заставляло людей прибѣгать въ ихъ костюмѣ къ разнообразію въ покроѣ и въ украшеніяхъ, но въ цѣломъ костюмъ

не измѣнялся до слѣдующаго періода. «Macaroni» и «jessamies» пробовали носить жилеты, доходившіе только до таліи, но длинные жилеты все же удержались. Широкополые сюртуки съ широкими рукавами, дѣлавшіеся изъ различныхъ матеріаловъ и съ различными вышивками, давали возможность разнообразія въ костюмѣ. «Какъ! Онъ обратился къ вамъ въ сюртукѣ, на который и глядѣть не стоитъ? Что за оборванный негодяй!»—говоритъ кавалеръ Эвелины, когда она отказалась признать одного джентльмена своимъ знакомымъ. Костюмы мужчинъ замѣчались не меньше, чѣмъ женскіе; по этому предмету сохранилось достаточное количество указаній въ перепискѣ того времени. Вальполь въ 1761 году писалъ одному изъ своихъ друзей: «Я выбралъ вамъ сюртукъ цвѣта кларета, но насчетъ кружевъ я ничего не рѣшилъ». Рѣшеніе было нелегкимъ дѣломъ. Онъ входитъ въ подробности относительно достоинствъ настоящаго кружева по 20 ш. ярдъ, широкаго и узкаго газоваго кружева, газоваго кружева второго сорта—послѣднее онъ признаетъ поддѣльнымъ и не модным товаромъ.

Въ 1765 году парикмахеры съ волненіемъ узнали, что свѣтскіе люди начинаютъ обходиться безъ париковъ. Горожане по прежнему носили жиденькіе парики (Scratch-wig) безъ тупея, съ локонами вокругъ шеи; но свѣтскіе люди уже отпускали длинные волосы, перевязывали ихъ въ косички, на лбу дѣлали изъ нихъ тупею и съ обѣихъ сторонъ головы носили два локона или clubs. Въ косичкѣ носили Solitaire—кусокъ черной ленты, перевязанной вокругъ шеи и укрѣпляемой сзади.

Женскій костюмъ.

Женщины носили странное соединеніе мѣшка и фижмъ, верхнее платье было впереди открыто и свободно падало съ плечъ; оно волоклось сзади по землѣ или поддерживалось рукой, открывая юбку съ фижмами, украшенную мѣховой опушкой, пуффами или строго геометрическими украшеніями. Рукава узкаго лифа доходили до локтя и къ нимъ пришивались бахрама или кружева. Для выхода «манто» замѣнили длиннымъ пальто или «Ioseph». Въ 1744 году при громадныхъ фижмахъ волосы женщинъ зачесывались такъ, что голова казалась замѣчательно маленькой. Носили маленькія шляпки; если дама была одѣта, какъ молочница (in milk-maid taste), что тогда считалось особенно «тоннымъ», то она надѣвала маленькую соломенную шляпку. Вскорѣ началась реакція и въ 1767 году начали носить громадныя сооруженія изъ волосъ, напудренныя смѣсью помады и муки. Въ 1767—83 годахъ бывали «головы» или «помпоны» въ ярдъ вышины; на нихъ прикрѣпляли ленты, кружева, бабочекъ и даже, какъ говорили, свинью съ цѣлымъ выводкомъ поросятъ. Спереди втыкали огромное страусовое перо, завитое назадъ. Королева воспретила дамамъ «съ перьями на головѣ» появляться при дворѣ—но тщетно. Ея дочери тоже носили перья и позже, когда «голова» (прическа)

стала не такой громоздкой, вмѣсто одного пера начали носить три. Прическу, устроенную парикмахеромъ, было нелегко снять—утверждали, что дамы такъ и спали въ нихъ. Днемъ все сооруженіе перевязывалось въ чепецъ (mob), въ fly-cape a la Theresé, въ «чепецъ Ranelagh» или «Gauze minionett». Концы газа перевязывались подъ подбородкомъ и укрѣплялись сзади головы, вродѣ того, какъ дѣлали тогда торговки на Говенгарденскомъ рынкѣ, которыя, конечно, не носили такихъ головныхъ уборовъ, какъ свѣтскія дамы.

«Синіе чулки».

Въ періодъ отъ 1760—85 года произошло замѣтное улучшеніе въ умственномъ и общественномъ положеніи женщинъ. Онѣ не ограничивали болѣе своихъ интересовъ развлеченіями, нарядами и домашнимъ хозяйствомъ. Въ 1750 году м-ссъ Монтэгю (въ дѣвичествѣ Елисавета Робинсонъ, подруга м-ссъ Делани и герцогини Портландской) сдѣлала попытку произвести реформу, устраивая собранія, на которыхъ не играли въ карты и вечера, на которыхъ «прекрасный полъ могъ бы вести разговоры съ литераторами и умными людьми». Въ 1757 году въ первый разъ въ ея письмахъ встрѣчается названіе «синій чулокъ», въ примѣненіи къ особамъ, посѣщавшимъ такія собранія. Вениміанъ Стиллингфлитъ посѣщалъ ихъ въ утреннемъ костюмѣ, въ сѣрыхъ шерстяныхъ чулкахъ, а не въ черныхъ шелковыхъ, которые носили при вечернемъ костюмѣ. Адмиралъ Боскавенъ называлъ «синими чулками» всю эту компанію и употребляетъ этотъ терминъ въ его презрительномъ значеніи. Компанія приняла этотъ терминъ и объявила, что безъ синихъ чулковъ Стиллингфлита ихъ собранія не были бы полными. Съ 1770 до 85 года «синіе» переживали свою весну. Рокзалль (Wraxall) признавалъ м-ссъ Монтэгю г-жей Дю-Дефанъ англійской столицы, онъ говоритъ, что литераторы (gens de lettres) или синіе чулки «очень многочисленная, сильная и компактная фаланга среди Лондона». М-ссъ Весей, другая умная женщина, поставила себѣ задачей разбить тотъ формальный «кругъ» (circle), который такъ долго былъ модньмъ въ литературныхъ собраніяхъ. Она не хотѣла чтеній вслухъ новыхъ сочиненій и разставляла въ своей гостинной кресла группами, по три въ каждой, къ великому увеселенію миссъ Бёрней. Миссъ Шапонъ замѣняла недостатокъ привлекательности «полнымъ отсутствіемъ аффектаціи», но ея собранія казались миссъ Бёрней черезъ чуръ книжными; она полагала, что «немножко болтовни удивительно бы улучшило дѣло». Къ этой группѣ принадлежали почти всѣ женщины писательницы: Анна Моръ, Елисавета Картеръ, переводчица Эпиктета, Анна Коулей, авторъ «Belle's Stratagem», м-съ Траль и, конечно, Френсизъ Берней. Аристократки и знаменитыя красавицы также гордились своей принадлежностью къ кругу, въ которомъ можно было слушать Ораса Вальполя, доктора Джонсона и Эдмунда Борка. Смерть доктора Джонсона была роковымъ ударомъ для

кружка; въ 1785 году организаторши этого движенія были уже старухами; онѣ сдѣлали свое дѣло и проложили дорогу молодымъ. Было время, когда женщинѣ прощали ея умъ и образованность только тогда, когда они соединялись съ замѣчательной красотой или съ личной привлекательностью. Теперь уже не было необходимости приставать къ «синимъ», чтобы наслаждаться выгодами естественныхъ дарованій; онѣ сдѣлались явленіемъ распространеннымъ.

Шотландія.

Кольвиля.

Возстаніе 1745 года и его слѣдствія.

Якобитское возстаніе одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ эпизодовъ въ исторіи Шотландіи. Оно дало національной литературѣ поводъ для созданія романтическихъ разсказовъ и до сихъ поръ составляетъ источникъ юмористическихъ и патетическихъ повѣствованій. Возстаніе 1745 года, начавшись въ пустыняхъ Лохабера, съ быстротой пограничнаго набѣга распространилось по мирной нижней Шотландіи. Оно быстро охватило Пертъ, Стирлингъ и Эдинбургъ; небольшой гарнизонъ изъ драгуновъ, которому плохо освѣдомленное правительство довѣрило опасный постъ, убѣжалъ съ полей Престонпанса при звукахъ трубъ горцевъ, и эти послѣдніе съ торжествомъ вступили въ Карлиль. Но походъ къ среднимъ графствамъ доказалъ, что цѣлые вѣка отдѣляютъ южанъ отъ общественнаго строя клановъ. Горцы, чужіе имъ по языку и нравамъ, внушали не довѣріе, а только страхъ. Они не дошли еще до Дерби, а отступленіе уже было необходимымъ; хотя это отступленіе къ роднымъ горамъ и было прославлено блестящимъ пораженіемъ Гаулея при Фалькиркѣ, тѣмъ не менѣе полное пораженіе горцевъ при Куллоденъ-Мурѣ (1746) было неизбѣжно. Принцъ, избѣжавъ плѣна только благодаря крайнимъ лишеніямъ, сильно, но вполнѣ заслуженно, пострадалъ за это предпріятіе, которое нельзя не признать преступнымъ, если мы вспомнимъ, что было мало жизни цѣлаго поколѣнія, чтобы уничтожить страшныя слѣдствія возстанія. Карлъ Эдуардъ Стюартъ, за котораго такъ много и такъ напрасно страдали якобиты, кончилъ свое безславное поприще въ 1789 году, какъ разъ наканунѣ революціи, уничтожившей «божественное право королевской власти».

Рѣшеніе вопроса, какимъ образомъ сдѣлать Шотландію вмѣсто источника опасности для государства источникомъ его могущества, составляло новый вопросъ для англійской политики и показало ей

все значеніе разумнаго и доброжелательнаго законодательства. Но сначала казалось, что старые методы подавленія будутъ господствовать и исполнителемъ ихъ былъ кровожадный Кумберландъ, писавшій чрезъ нѣсколько дней послѣ Куллодена: «если мы уничтожимъ всѣхъ, то и тогда начнется снова возстаніе, если мы не изобрѣтемъ новой системы управленія—такова ужъ почва этой страны». Въ началѣ свирѣпствовало строгое подавленіе. Актъ противъ епископата принесъ неприсягнувшему духовенству многія новыя тяжелыя ограниченія въ правахъ. На основанія акта о воспрещеніи носить оружіе первый проступокъ наказывался тяжелымъ штрафомъ и шестимѣсячнымъ тюремнымъ заключеніямъ, второй семилѣтней ссылкой; такія же наказанія грозили горцамъ за ношеніе пледовъ. Но билль канцлера Гардуика относительно уничтоженія наслѣдственной юрисдикціи (1747) способствовалъ приспособленію общественной жизни Шотландіи къ современнымъ условіямъ. Корона давно уже отреклась отъ всѣхъ функцій мѣстной юрисдикціи въ пользу барономъ и такимъ образомъ создалась система штрафовъ въ пользу наслѣдственныхъ шерифовъ. Вознагражденіе въ 152,000 фунтовъ утѣшило территоріальныхъ магнатовъ въ утратѣ ими феодальной власти и помогло въ дѣлѣ улучшенія ихъ помѣстьевъ, что до значительной степени повысило благосостояніе страны. Этотъ актъ, послѣдовавшій за уничтоженіемъ «лордовъ статей» (постояннаго комитета феодальныхъ штатовъ) въ 1690 году, завершилъ процессъ уничтоженія феодализма. Президентъ Форбесъ вмѣстѣ съ этой мѣрой провелъ и другую, имѣвшую не менѣе важное значеніе. Этой мѣрой была передача коронѣ конфискованныхъ имѣній, собираніе рентъ чрезъ посредство ея агентовъ и употребленіе собранныхъ суммъ на улучшенія въ горной Шотландіи. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ послѣ введенія этой мѣры (1752) судебныя ренты взыскивались строго и изгнанія фермеровъ производились при помощи войскъ. И несмотря на это аграрныхъ преступленій не было, за единственнымъ исключеніемъ убійства Камбелля Гленура, такъ красиво описаннаго въ сочиненіи Стевенсона: «Kidnapped». Сборъ полковъ горцевъ для службы заграницей далъ выходъ воинственному духу какъ главъ, такъ и членовъ клановъ, на пользу страны. Сосланные горцы оказались превосходными колонистами, а отставные офицеры употребляли свои сбереженія для улучшенія своихъ помѣстій.

Миръ 1763 года мы можемъ считать началомъ матеріальнаго процвѣтанія Шотландія. Этотъ миръ, вмѣстѣ съ актомъ Монгомери (1770), измѣнившимъ законы о наслѣдованіи, и отмѣной акта о воспрещеніи носить оружіе (1784) до значительной степени залѣчили раны, нанесенныя странѣ возстаніемъ 1745 года.

Въ теченіе слѣдующихъ за 45-мъ годомъ тридцати лѣтъ Шотландія не подавала серьезныхъ поводовъ къ опасеніямъ. Военная поли-

тика Чатама и Норта познакомила страну съ ужасами насильственныхъ наборовъ. Эти ужасы и неразумная фискальная система, вызывавшая развитіе контрабанды, составляли часто источникъ мѣстныхъ безпорядковъ. Неудачная высадка Тюро на островѣ Мэнъ (1755) была первой угрозой нашествія французовъ; она повела къ принятію билля о милиціи (1757). Многіе сильно отстаивали въ 1760 году распространеніе этаго билля и на Шотландію, но правительство боялось дать оружіе странѣ, такъ недавно возмущавшейся. Только въ 1793 году Шотландію допустили къ участію въ національной оборонѣ.

Очень большая партія въ Шотландіи считала отверженіе этой мѣры оскорбленіемъ для націи. Это оскорбленное національное чувство повело къ учрежденію въ Эдинбургѣ Poker Club'a, о первыхъ дняхъ существованія котораго разсказываетъ Александръ Карлиль. Этотъ фактъ любопытенъ, какъ первый признакъ пробужденія общественнаго мнѣнія. Менѣе оправдываемое общественное раздраженіе было вызвано биллемъ объ эмансипаціи католиковъ (Catholic Relief Bill — 1778 г.); по этому поводу въ Шотландіи пробудились всѣ предразсудки, которые нигдѣ не были столь сильными и закоренѣлыми, какъ въ этой странѣ.

Ирландія.

Жойса.

Парламентскія партіи.

Въ Ирландскомъ парламентѣ издавна существовали двѣ главныя партіи. Придворная партія состояла изъ чиновниковъ, начиная съ самого намѣстника (лорда лейтенанта); эти чиновники почти всѣ были англичане и были представителями англійскихъ интересовъ. Они получали приказы изъ Англіи и проводили или пробовали проводить всѣ указываемыя имъ оттуда мѣропріятія. Но рядомъ съ этой партіей всегда существовала рѣшительная оппозиція, обыкновенно немногочисленная—патріоты или патріотическая партія, какъ ее называли—она стояла за независимость и протестовала противъ всякихъ указаній свыше; эту партію поддерживали внѣ парламента многіе способные и талантливые люди. Главнымъ фактомъ политической исторіи Ирландіи въ теченіе этаго періода была борьба патріотической партіи за свободную торговлю и законодательную независимость, борьба, завершившаяся Парламентомъ Граттана въ 1782 году. Необходимо имѣть въ виду, что эта продолжительная и ожесточенная борьба велась исключительно протестантами. Католики, составлявшіе четыре пятыхъ населенія, не имѣли права подачи голоса, были

лишены представительства, политически не существовали; они были вполнѣ исключены изъ участія въ этой борьбѣ. Законы, изданные противъ нихъ, были, однако, до такой степени суровы, что, повидимому, для людей было невозможно ни настаивать на ихъ исполненіи, ни подчиняться имъ; жестокость законодателей до значительной по крайней мѣрѣ степени устранялась на дѣлѣ благорасположеніемъ и состраданіемъ большинства протестантовъ.

Борьба двухъ парламентскихъ партій не прекращалась ни на минуту; патріоты были бодры и дѣятельны и съ каждымъ годомъ силы ихъ росли; духъ независимости распространялся; народъ началъ постепенно довѣрять способности парламента дѣлать добро. Теперь уже не проявлялось желанія законодательной уніи съ Англіей; напротивъ, въ 1759 году, когда распространились слухи о введеніи такой уніи, въ Дублинѣ произошло ужасное возмущеніе.

Тайныя общества.

Угнетеніе крестьянъ дворянствомъ, всегда пользовавшимся поддержкой закона, значительно увеличило нищету, бывшую прямымъ результатомъ уничтоженія ирландской торговли и промышленности. Дворяне-землевладѣльцы требовали чрезмѣрныхъ рентъ, загораживали какъ свою частную собственность общинныя поля, изстари принадлежавшія народу, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ они заставляли фермеровъ и рабочихъ безплатно проводить и исправлять дороги, не участвуя сами въ расходахъ. Народъ доведенъ былъ наконецъ до отчаянія; и католики и протестанты, и сѣверяне и южане, начали составлять тайныя сообщества съ цѣлью силой добиться своихъ правъ и устраненія злоупотребленій. На югѣ такимъ обществомъ были «Бѣлые парни»; къ нимъ пристали и католики и протестанты; на сѣверѣ среди протестантовъ распространились общества «Стальныхъ парней» и «Дубовыхъ сердецъ», а среди католиковъ общество «Защитниковъ». Эти общества часто выходили изъ предѣловъ своей первоначальной задачи и совершали часто преступленія, иногда чрезмѣрно жестокія.

Эммиграція пресвитеріанъ.

Болѣе чѣмъ за пятьдесятъ лѣтъ до этаго времени ульстерскіе пресвитеріане начали массами переселяться въ новую Англію; они были изгоняемы изъ Ирландіи отчасти недостаткомъ работы послѣ уничтоженія шерстяной промышленности, а отчасти религіозными преслѣдованіями, выносимыми ими на основаніи актовъ о присягѣ и о расколѣ. Эммиграція продолжалась и въ этомъ періодѣ; хотя англійское правительство и было обезпокоено уходомъ этаго цвѣта ульстерскаго протестантизма, и соотвѣтственнымъ относительнымъ ростомъ католицизма, оно упорно отказывало въ отмѣнѣ вредныхъ статутовъ, несмотря даже на серьезныя рекомендаціи нѣсколькихъ лордовъ лейтенантовъ. Потому во время американской войны наиболѣе рѣшительные и наиболѣе опасные отряды, боровшіеся подъ начальствомъ Вашингтона противъ Англіи, состояли изъ этихъ из-

гнанниковъ-пресвитеріанъ и изъ сыновей и внуковъ прежнихъ колонистовъ-пуританъ.

Волонтеры.

Американская война имѣла рѣшительное вліяніе на положеніе дѣлъ въ Ирландіи. Почти всѣ войска были удалены изъ страны; она оставалась беззащитной въ такое время, когда американскіе приватеры производили большія опустошенія у береговъ Ирландіи и когда можно было опасаться вражескаго нашествія. Ирландцы поняли, что они должны защищаться сами, не ожидая помощи отъ государства— и начали поэтому записываться въ корпусъ волонтеровъ. Это движеніе началось въ 1779 году въ Бельфастѣ и быстро распространилось; въ четырехъ провинціяхъ составилось нѣсколько ротъ и наконецъ число волонтеровъ дошло до ста тысячъ и главнокомандующимъ ихъ былъ лордъ Чарлемонтъ. Симпатіи волонтеровъ были всецѣло на сторонѣ патріотовъ; движеніе и было возбуждено этой партіей: потому правительство отнеслось къ нему съ подозрѣніями и недовольствомъ, но общественное настроеніе было столь рѣшительнымъ, что правительству пришлось уступить. Оно вынуждено было даже, хотя и противъ воли, дать волонтерамъ оружіе—мундиры и всѣ другія необходимыя принадлежности доставило само населеніе. Это движеніе было исключительно протестантскимъ; католикамъ не давали ни одной сколько нибудь отвѣтственной должности.

Свободная торговля.

Вождями патріотической партіи въ парламентѣ въ это время были два выдающіеся человѣка, Генрихъ Граттанъ и Генрихъ Флодъ. Поддерживаемая теперь волонтерами, эта партія сдѣлалась болѣе самоувѣренной, чѣмъ когда либо. При собраніи парламента въ 1779 году Граттанъ въ внесенной имъ поправкѣ къ адрессу требовалъ свободной торговли; было принято слѣдующее предложеніе: «нація можетъ быть спасена отъ неизбѣжной погибели не временными мѣрами, а единственно свободной торговлей». Это предложеніе было поддержано всей Ирландіей; правительство, терпѣвшее неудачи въ американской войнѣ, при враждебномъ къ нему отношеніи Франціи и Испаніи, не могло долѣе сопротивляться этому справедливому требованію ирландцевъ. Но уничтоженіе ограниченій могло быть совершено только англійскимъ парламентомъ, который ввелъ ихъ; въ 1779 году лордъ Нортъ провелъ нѣкоторыя предложенія о свободномъ вывозѣ изъ Ирландіи шерстяныхъ и другихъ мануфактурныхъ товаровъ и о разрѣшеніи свободной торговли съ колоніями. Такимъ образомъ ирландская промышленность была наконецъ освобождена отъ наиболѣе вредныхъ изъ ограниченій. Но зло было черезъ чуръ укоренившимся, главныя отрасли промышленности были уже безвозвратно уничтожены и до настоящаго времени Ирландія страдаетъ отъ слѣдствій стѣснительныхъ мѣропріятій, отъ отсутствія промышленности и торговли и отъ чрезмѣрной конкуренціи въ земледѣліи, какъ результата отсутствія промышленности.

Подъ давленіемъ американской войны были также отмѣнены наиболѣе вредные изъ законовъ противъ католиковъ. Въ 1778 году былъ отмѣненъ законъ, на основаніи котораго собственность католика переходила къ его старшему сыну, принявшему протестанство; католики получили также право арендовать землю на 999 лѣтъ. Вскорѣ послѣ этаго былъ отмѣненъ и актъ о присягѣ, что было облегченіемъ не для однихъ только католиковъ, а и для диссентеровъ.

Парламентъ Граттана.

Требованія народной партіи увеличивались вмѣстѣ съ ея успѣхами; она теперь требовала свободнаго и независимаго парламента. Но осуществленіе такого требованія было дѣломъ труднымъ. Въ 1780 году Граттанъ предложилъ, чтобы король, лорды и общины Ирландіи были признаны единственной властью, имѣющей право издавать законы, обязательные для Ирландіи. Но правительство обычнымъ путемъ подкуповъ добилось большинства противнаго предложенію Граттана. Тогда Граттанъ рѣшился пустить въ дѣло волонтеровъ; подъ предсѣдательствомъ его, лорда Чарльмонта и Флода состоялось 15 февраля 1782 года собраніе 242 делегатовъ отъ 143 корпусовъ ульстерскихъ волонтеровъ въ Дунганнонѣ и на этомъ собраніи были приняты рѣшительныя резолюціи въ пользу законодательной независимости и вполнѣ свободной торговли. Эти резолюціи были приняты всѣми волонтерскими корпусами Ирландіи. Въ тоже время Ирландскій парламентъ принялъ дальнѣйшія мѣры для облегченія католиковъ; имъ было разрѣшено продавать и покупать земли и открывать школы; въ числѣ другихъ мѣръ была и отмѣна закона, вопрещавшаго католику имѣть лошадь стоимостью выше 5 фунтовъ.

Парламентъ собрался въ Дублинѣ 16 апрѣля 1782 года и Граттанъ въ поправкѣ къ адресу предложилъ дунганнонскія резолюціи. Правительственная партія поняла, что дальнѣйшее сопротивленіе безполезно и даже опасно и поправка была принята единогласно. За этимъ непосредственно послѣдовала отмѣна англійскимъ парламентомъ акта шестого года Георга I. Этотъ «актъ отмѣны», какъ его называютъ, по общему мнѣнію включалъ въ себя и отмѣну «закона Поининга»; за нимъ вскорѣ послѣдовалъ «актъ отреченія», признававшій право Ирландіи издавать для себя законы вполнѣ установленнымъ и отмѣнѣ неподлежащимъ. Это было завершеніемъ дѣла освобожденія ирландскаго парламента.

ИСТОЧНИКИ—1742—1784.

Общая исторія.

Hist. of England in 18 Century—Лекки. His. of England since the Peace of Utrecht—лорда Магона. Constitutional History—Эрскина Мэя. Eng. Church in 18 century—Аббея и Овертона. Life of Shelburne—Фицмориса. Rockin-

gam and his Contemporaries—Альбемарля. Frederick the Great—Лонгмана. Essays o Чатамѣ, Питтѣ, Варренѣ Гастингсѣ, Клайвѣ и Фридрихѣ Великомъ—Маколея. Memoirs of Georgé II—Гервея. Memoirs and Letters to Horace Mann — Ораса Вальполя. Letters of Iunius. Corresp. of George III and Lord North. Thoughts on Present Discontent и Speeches on America—Борка. Memoirs—Рокингама. Political and Social Letters of a Lady of 18 century.—Эмиліи Осборнъ. Bedford Corresp. Diaries and Correspond. of Earl of Malmeshury. Grenville Papers.

Отдѣльные вопросы.

Военная исторія. См. гл. XVII. *Флотъ*. См. гл. XIX.

Нонконформисты и Веслеянцы. 1714—1815. Hist. of Dissenting Deputies (1813). Test Act Reporter (1829). Parliamentary Return of Dissenters Places of Worship отъ 1688 до 1852. Religion under Queen Anne and Georges—Стоугтона. Hist. of Free Churches—Скитса. Congregational His. 1700—1800—Ваддингтона. Lancashire—Галлея. Life of Iohn Wesley—Тайермана. Hist of Wesleyan Methodism—Смита.

Литература—1715—1784. Hist. of Eighteenth Cent. Liter.—Гроза Hist. of Engl. Thought in 18 Cent.—Лесли Стефена. English Humorists—Теккерея. Eng. Poets and Comic Writers—Газлитта. Изданіе Попа—Эльвина и Коуртопа. Life of Iohnson—Босвелля.

Искусство 1715—1815. Hogarth—Аустина Добсона. Life of Reynolds—Лесли и Тайлора. Сочиненія о Рейнольдсѣ Норткота, Филипса и Пуллинга; о Генсборо—Флетчера и Брокъ-Арнольда. George Romney—Гильды Гамлинъ. Историческія примѣчанія Стефенса къ каталогамъ „Reynolds and Gainsborough“ и „Century of Eng. Art.“. Life of Blake—Жильхриста. Hist. of Caricature and Grotesque—Райта. „Rowlandson“ и Works of Iames Gillray—Грего. Lives of Painters and Sculptors—Куннингама. Статьи въ Dict. of Nat. Biog. Century of Painters—Редгрэва. La Peinture Anglaise—Шесно. Handbook to National Gallery—Кука. Studies in Engl. Art.—Ведмора. Engl. Art. in Public Galleries—Уорда.

Науки и Философія. Земледѣліе см. XVII.

Промышленность. Исторіи хлопчатобумажной промышленности—Бэна и Гуэста. Lancashire Worthies—Эспинаса. Inventors of Machines—Вудкрофта. Life and Times of Crompton—Френча. Lives of Engineers—Смайльса. Біографіи Больтона и Уайтта. Hist. of Steam Engine—Терстона. Treatise on Steam Engine—Фарея. Dict. Nat. Biogr. статья Darby. Iron and Steel—Персн. Chemistry: A. Treatise on Coal Mining (1769).—Роско и Шорлемера. Life of Iosiah Wedgewood—Метеярда. Lives of Wedgewoods и Ceramie Art.—Іевета. Relics of Cookworthy—Придо. Englich Industry and Commerce—Куннингама. Inland Navigation—Филипса.

Финансы. См. гл. XIX.

Пауперизмъ. State of Poor—Эдена. Poor Laws (1764)—Бёрна. Engl. Poor Laws System—Ашрота. Engl. Poor Law—Фоуля. „Citizen series“. Журналы палаты общинъ (особенно 1773 и 1778—79 г.). Estimate (1757)—Джона Броуна. Изъ новыхъ книгъ: Trade Unions—Вебба. О гильдіяхъ—Брентано. Capital and Labour—Гоуэля. Hist of Crime—Пайка. England in 18 Century—Сиднея. English Industry and Commerce—Куннингама. Six Century of Work and Wages—Торольда Роджерса.

Общественная жизнь. Сочиненія Андрьюса, какь-то: Byegone England, Byegone Derbyshire, Byegone Iorkshire и т. д. Hist. of England—Лекки. Social

Condition of England and France—миссъ Берри. Chronicles of Fashion—Стона. Estimate—Броуна. My Grandfathers Pocket-book (1701—96)—Валя. Hist. of Peace—миссъ Мартино. Historic. Sketches—Олифанта. Old Times, Dawn of 19 century, English Caricature and Napoleon I—Аштона. Annual Register. Gentlemans Magazine Library—Гомме. MS Collections—Плэса. *Письма* графини Суффолькъ, Ораса Вальполя, графа Орфорда, лэди Гервей, лорда Честерфильда, м—съ Монтэгю, Маріи Эджвортъ. *Біографіи:* Честерфильда—Мати, Фильдинга—Лауренса, Гогарта—Никольса, м—съ Картеръ—Пеннингтона, графини Гунтингдонъ; м—съ Чапонъ, Вильбсфорса. Life of Samuel Iohnson—Босвеля. *Дневники:* миссъ Берней (г-жи Д'Арблей) Journal—Веслея. *Мемуары:* Ласцелеса, Ракзаля, Тэта Вилькинсона. *Воспоминанія:* Анжело, Миллера. Village Life—Мозли. Annals of Road—Мале. History of Coaches—Труппа. Account of British Empire—Макъ-Куллоха. Annals of Commerce—Макферсона. Hist. of British Commerce—Крэйка. Поваренныя книги м—съ Глассъ, Клермонта, м—съ Рандаль. Recreations and Studies of Country Clergyman—Твининга. Vicar of Wakefield—Гольдсмита. Memoirs of Court of Engl. to the Death of George II—Жессе; „Письма" Вальполя; корреспонденція лорда Гервея. Four Georges—Теккерея. *О костюмахъ* сочиненія Фергольта и Аштона. Umbrellas—Сангстера. Объ иностранцахъ въ Англіи сочиненія Анжелони и Морица. England at the Beginning of 19 Century—Сирмонда. Hist. of Newspaper Press—Гранта. Fourth State—Гёнта. Southern Counties—Робертса. Hist. of Nottingam—Сёттона. A. Century of Birmingham Life—Лангфорда. Tours—Артура Юнга. *О Лондонѣ:* Пеннантъ (1790). Жессе, Майтландъ. Club Life in London—Тимбса. English Novel—Ралейга. *О полиціи:* Колькгоунъ. Increase of Robbers—Фильдинга. Hist. of Crime—Пайка. *О контрабандѣ:* Археологическія коллекціи Суссекса, Отчеты парламентскихъ комитетовъ. Smuggling Days and Smuggling Ways—Шора.

Шотландія и Ирландія. См. гл. XIX.

ГЛАВА XIX.

Революція и реакція—1784—1802.

Политическая исторія.

Гассаля.

Побѣда Питта на выборахъ 1784 года съ перваго взгляда представилась рѣшительнымъ событіемъ великой борьбы между Георгомъ III и вигами, начавшейся съ самаго вступленія короля на престолъ. Общественное мнѣніе Англіи считало палату общинъ столь же тиранической, какъ и монархія Стюартовъ и нѣкоторые считали торжество Георга III признакомъ погибели партіи виговъ.

Король несомнѣнно считалъ Питта своимъ избраннымъ министромъ и человѣкомъ, пригоднымъ для проведенія королевскихъ предначертаній. Но въ дѣйствительности пораженіе виговъ въ 1784 году было дѣломъ народа, вполнѣ довѣрявшаго Питту. Этотъ государственный человѣкъ понималъ, что необходимо согласіе между королемъ и его подданными и своей тактичностью добился такого вліянія на короля, что конституція нисколько не пострадала отъ кажущейся побѣды королевской власти. Во время пребыванія Питта у власти власть министерства была упрочена, система кабинетскаго управленія развилась и попытка Турлоу возстановить вредную департаментскую систему, допускавшую независимость политики отдѣльныхъ министровъ, закончилась его удаленіемъ въ 1792 году.

Индѣйскій билль Питта и судъ надъ Гастингсомъ.

До 1792 года Питтъ проводилъ реформы во всѣхъ отрасляхъ управленія. Прежде всего онъ обратилъ вниманіе на индѣйскія дѣла и въ 1784 году провелъ свой билль объ Индіи, учреждавшій контрольный комитетъ, состоявшій изъ шести членовъ и бывшій однимъ изъ правительственныхъ департаментовъ. Хотя отвѣтственность за всѣ политическія отношенія была возложена на комитетъ, но

все относившееся къ сферѣ торговой оставалось въ завѣдываніи кампаніи. Первымъ президентомъ этого контрольнаго комитета, управлявшаго Индіей до 1858 года, былъ Дундасъ. Въ 1788 году начался судъ надъ Уорреномъ Гастингсомъ, онъ продолжался до 1792 года. Гастингса обвиняли въ тираніи, въ хищеніяхъ и жестокости, но онъ былъ оправданъ по всѣмъ пунктамъ обвиненія. Судъ надъ нимъ доказываетъ, что начали больше, чѣмъ раньше, интересоваться дѣлами Индіи; во время управленія генералъ губернатора Корнваллиса (1786—93) начались попытки улучшить жребій крестьянства въ Бенгаліи.

Билль о парламентской реформѣ. Финансовыя мѣры.

Въ апрѣлѣ 1785 года Питтъ внесъ билль о парламентской реформѣ; онъ предлагалъ лишить представительства нѣкоторые изъ бурговъ и увеличить число избирательныхъ округовъ въ графствахъ. Боркъ, Портландъ, Нортъ и большинство его приверженцевъ противились биллю; Фоксъ, одобряя самый принципъ парламентской реформы, не одобрялъ однако подробностей этой мѣры. Разрѣшеніе внести билль было отвергнуто большинствомъ 248 голосовъ противъ 174 и Питтъ въ теченіе всей послѣдующей своей дѣятельности никогда болѣе не поддерживалъ предложеній о парламентской реформѣ. Тѣмъ не менѣе онъ установилъ выслушиваніе въ палатѣ правительственныхъ отчетовъ, насколько могъ препятствовалъ подкупамъ избирателей и время его министерства можно считать временемъ уничтоженія прямыхъ подкуповъ членовъ парламента. Оставивъ планъ о парламентской реформѣ, онъ не оставилъ своихъ стараній исправить злоупотребленія въ финансовомъ управленіи. Онъ обладалъ замѣчательнымъ мастерствомъ финансиста, а государственные финансы онъ нашелъ въ самомъ плачевномъ состояніи. Существовалъ большой нефундированный долгъ, контробанда развилась до громадныхъ размѣровъ, въ 1784 году дефицитъ былъ не меньше трехъ милліоновъ. Въ первые годы своего министерства Питтъ смѣло вступилъ въ борьбу съ этими злоупотребленіями и ему удалось положить основаніе здравой финансовой системѣ. Онъ остановилъ контрабанду своимъ Hovering Act, въ 1786 году онъ принялъ тотъ планъ акцизовъ, который не удалось привести Вальполю въ 1733 году, и вообще различными средствами онъ устранилъ расхищеніе государственной казны Въ 1787 году онъ ввелъ объединеніе различныхъ частей таможенныхъ пошлинъ и акциза. Подобно Шельбурну, онъ проникся взглядами Адама Смита на свободу торговли и хотя вслѣдствіе близорукой оппозиціи англійскихъ торговцевъ, поддерживаемыхъ Фоксомъ и Боркомъ, отъ не могъ въ 1785 году провести мѣры, уравновѣшившія пошлины въ Англіи и Ирландіи, въ 1786 году ему удалось заключить съ Франціей торговый договоръ, бывшій наиболѣе важнымъ результатомъ его законодательной дѣятельности. Потомъ онъ принялъ мѣры для уменьшенія на-

ціональнаго долга, дошедшаго до 250.000.000 фунтовъ. Онъ рѣшилъ употреблять на погашеніе долга по одному милліону въ годъ и до 1807 года существовала система фонда погашенія; въ это время нашли, что планъ Питта, очень полезный въ мирное время, непригоденъ при войнѣ, когда нація была вынуждена занимать большія суммы на высокіе проценты и употреблять ихъ на погашеніе долга, сдѣланнаго раньше на небольшіе проценты. Во время Амьенскаго мира въ 1802 году національный долгъ достигалъ уже суммы въ 574.000.000 фунтовъ.

Торговля рабами.

До начала французской революціи и возстанія въ С. Доминго Питтъ настаивалъ на уничтоженіи работорговли. Въ 1788 году онъ поддерживалъ билль о надсмотрѣ за кораблями работорговцевъ; въ 1789 году онъ присоединился къ Фоксу, Борку и Вильбефорсу для проведенія резолюціи, осуждавшей торговлю рабами. Лекки считаетъ его рѣчь 1792 года объ уничтоженіи работорговли лучшей изъ всѣхъ когда либо произнесенныхъ имъ. Но послѣ 1792 года его отношеніе къ этому вопросу измѣнилось; онъ отказался уничтожить работорговлю въ французскихъ и голландскихъ колоніяхъ, завоеванныхъ Англіей; для этой торговли употреблялись англійскіе корабли, такъ что при министерствѣ Питта англійская работорговля болѣе чѣмъ удвоилась. Въ началѣ войнъ съ Франціей аболиціонистское движеніе уже не возбуждало общаго интереса и только въ 1804 году Вильбефорсъ возобновилъ борьбу.

Билль о регентствѣ.

Въ 1788 году болѣзнь короля угрожала Питту паденіемъ. Назначеніе принца Уэльскаго регентомъ съ неограниченными полномочіями навѣрное повело бы къ министерству виговъ. Фоксъ объявилъ, что въ случаѣ неспособности короля къ управленію страной власть по праву переходитъ къ принцу Уэльскому; Питтъ наоборотъ утверждалъ, что принцъ имѣетъ на регентство не болѣе правъ, чѣмъ всякій другой подданный. Но въ палатѣ лордовъ герцогъ Іоркскій отъ имени принца Уэльскаго заявилъ, что «его королевское высочество слишкомъ хорошо понимаетъ священные принципы, возведшіе Брауншвейгскій домъ на тронъ Великобританіи, чтобы принять и осуществить какую бы то ни было власть на основаніи какихъ бы то ни было притязаній, кромѣ такой власти, которая исходитъ отъ воли народа, выраженной его представителями и ихъ лордствами, собравшимися въ парламентѣ».

Питтъ внесъ билль о назначеніи регентомъ принца съ ограниченной властью. Но уже въ началѣ 1789 года, до проведенія билля, Георгъ III выздоровѣлъ и до конца своей жизни пользовался большой популярностью.

Отъ выздоровленія короля до начала французской войны Питтъ продолжалъ свою прогрессивную политику. Въ 1791 году на основаніи акта объ управленіи Квебекомъ Канада была раздѣлена на двѣ

провинціи; проведенъ былъ билль Митфорда объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ ограниченій правъ католиковъ, а въ 1792 году прошелъ Libel Act Фокса. Министерство Питта совпало съ наиболѣе дѣятельнымъ періодомъ великаго промышленнаго переворота, измѣнившаго англійское общество и значительно измѣнившаго распредѣленіе въ немъ богатствъ. Оно также совпало съ постепеннымъ повышеніемъ религіознаго и нравственнаго уровня, бывшимъ слѣдствіемъ движенія, начатаго Веслеемъ. Жизненность и энергія проявлялись во всѣхъ сферахъ общества, и Питтъ, опираясь на поддержку избирателей, создалъ новую торійскую партію, которая до начала эксцессовъ великой французской революціи пыталась слѣдовать по пути прогрессивной политики.

Слѣдствія французской революціи.

Сначала французская революція не имѣла вредныхъ слѣдствій для либеральнаго законодательства въ Англіи. Правда, попытки Бофуа и Фокса отмѣнить акты о присягѣ и о корпораціяхъ были неудачны; хотя Питтъ въ 1790 году отказался поддерживать предложеніе Флода о парламентской реформѣ на томъ основаніи, что она несвоевременна, тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что только въ 1792 году паника, возбужденная эксцессами революціи, начала имѣть серьезное вліяніе на либеральное законодательство первыхъ лѣтъ министерства Питта. Питтъ привѣтствовалъ начало революціи; онъ надѣялся, что во Франціи будетъ установленно конституціонное управленіе и не видѣлъ основаній для какихъ либо опасеній. Но быстрое и безпорядочное развитіе событій уничтожило симпатіи англичанъ къ французскому народу. Боркъ своими «Размышленіями о французской революціи», изданными въ ноябрѣ 1790 года, оказалъ огромное вліяніе на общественное мнѣніе и много помогъ образованію сильной военной партіи въ Англіи.

Низложеніе Людовика XVI, 10 августа 1792 года, за которымъ послѣдовали сентябрскія убійства, завоеваніе Бельгіи, открытіе Шельды, декреты 19 ноября и 16 декабря, угрозы нашествія въ Голландію, казнь короля—все это возбудило въ Англіи грозное негодованіе и повело къ объявленію войны, 1 февраля 1793 года. Тогда наступилъ кризисъ въ политикѣ Англіи.

Реакція.

Всѣ реформистскіе планы были немедленно оставлены; палата лордовъ отвергла билль объ уничтоженіи работорговли; предложеніе Фокса объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ ограниченій правъ диссентеровъ было отвергнуто; Томъ Пэнъ былъ осужденъ за мятежныя сочиненія. Единственной прогрессивной мѣрой, принятой въ 1792 году, былъ Libel Act Фокса. Въ 1793 году реакція была въ полномъ ходу. Предложеніе Грея о парламентской реформѣ было отвергнуто большинствомъ 294 голосовъ противъ 105; былъ принятъ актъ о надзорѣ за чужестранцами и въ случаѣ надобности о высылкѣ ихъ (Alien Act); за этимъ послѣдовало принятіе акта объ измѣнническихъ сно-

шеніяхъ. Въ 1794 году было пріостановленно дѣйствіе Habeas Corpas Act'a. Политическія преступленія наказывались сурово. Въ 1793 году одинъ шотландскій адвокатъ Мюиръ былъ сосланъ за то, что отстаивалъ парламентскую реформу; священникъ Пальмеръ подвергся такому же наказанію за распространеніе адреса. Въ 1794 году Горнъ Тукъ, Гарди и Тельуолль, судившіеся въ Англіи по обвиненію въ измѣнѣ, были оправданы и съ этого времени прекращаются попытки нарушенія правъ личности и ареста безъ основательныхъ причинъ.

Такимъ образомъ французская революція повліяла на измѣненіе общественнаго настроенія въ Англіи и реакція противъ прогрессивной политики продолжалась до 1822 года. Въ 1794 году произошло знаменитое отдѣленіе герцога Портланда, Борка и многихъ другихъ старыхъ виговъ. Либеральное законодательство прекратилось. Питтъ не выносилъ больше благоразумныхъ и просвѣщенныхъ предложеній и его политика сдѣлалась политикой репрессивнаго законодательства; партія виговъ потерпѣла полное крушеніе. Только меньшинство слѣдовало за Фоксомъ и Греемъ; оно составляло оппозицію Питту, который, начавъ, правда неохотно, войну съ Франціей, повелъ ее энергично и поддерживалъ внутреннюю репрессивную политику. Въ 1795 году были приняты билль объ измѣнѣ (Treasonable Practices Bill) и билль о мятежныхъ сборищахъ; въ странѣ все болѣе и болѣе проявлялось реакціонное настроеніе. Самъ Питтъ хотѣлъ мира и въ 1796 году началъ переговоры съ директоріей; но эти переговоры вскорѣ были прерваны. Положеніе дѣлъ въ Англіи становилось критическимъ. Въ 1797 году начался денежный кризисъ вслѣдствіе недостатка золота и серебра, бывшаго слѣдствіемъ большихъ субсидій, платимыхъ союзникамъ. Для спасенія отъ кризиса правительство разрѣшило англійскому банку пріостановить уплаты и этотъ актъ, который долженъ былъ быть временной мѣрой, былъ отмѣненъ только въ 1819 году. Въ 1798 году былъ введенъ подоходный налогъ въ десять процентовъ со всѣхъ доходовъ выше 200 фунтовъ и въ этомъ же году Фоксъ и его приверженцы, считая политику Питта опасной для свободы, вышли изъ парламента. Въ 1800 году рядъ репрессивныхъ мѣръ былъ завершенъ принятіемъ Corresponding Societies Bill, который, говоря словами Эрскина Мая, «устранилъ англійскую конституцію». Въ іюлѣ того же года было принято соединеніе Великобританіи и Ирландіи и это событіе повело наконецъ къ паденію Питта.

Паденіе Питта.

Въ 1782 году при министерствѣ Рокингама Ирландія добилась законодательной независимости и до 1800 года управлялась парламентомъ Граттана. Возстаніе 1798 года убѣдило Питта въ необходимости законодательнаго объединенія Англіи и Ирландіи и въ 1800 году былъ принятъ актъ уніи. Попытка Питта отмѣнить ограниченія правъ католиковъ не имѣла успѣха; Георгъ III былъ противъ

эмансипаціи католиковъ. Ирландскіе католики, которымъ обѣщали, что Питтъ внесетъ предложеніе объ эмансипаціи, не противились акту Уніи. Уваженіе перваго министра къ Георгу III, здоровье котораго снова возбуждало опасенія, помѣшало Питту сдѣлать попытку провести въ парламентѣ дополнительныя къ Уніи мѣры, положеніе его было затруднительнымъ и въ мартѣ 1800 года онъ подалъ въ отставку. Ему наслѣдовалъ Аддингтонъ, составившій министерство, въ которое вошли лордъ канцлеръ Эльдонъ, лордъ президентъ совѣта герцогъ Портландъ и министръ иностранныхъ дѣлъ лордъ Гавскесбюри (впослѣдствіи лордъ Ливерпуль). При министерствѣ Аддингтона была кончена первая французская война. И Франція и Англія желали мира и 25 марта 1802 года былъ подписанъ Амьенскій миръ.

Англія и Европа. 1784—1802.

По окончаніи американской войны Англія до 1788 года была въ Европѣ изолированной. Погруженный въ свои заботы о реформахъ, Питтъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подчинялъ англійскіе интересы въ Европѣ финансовымъ и административнымъ соображеніямъ. Въ 1784 году, вопреки стараніямъ Верженна получить содѣйствіе Англіи, послѣдняя не сдѣлала ничего, чтобы воспрепятствовать Россіи въ мирное время захватить Крымъ или хотя бы протестовать противъ этого захвата; въ 1785 году Франція поддерживала голландцевъ въ ихъ борьбѣ противъ захватовъ Іосифа II, являлась посредницей при заключеніи 8 ноября трактата въ Фонтенебло между императоромъ и республикой и заключила военный и торговый союзъ съ Голландіей. Этимъ былъ нанесенъ серьезный ударъ вліянію Англіи въ Европѣ, такъ какъ самый старый изъ ея союзниковъ былъ оторванъ отъ нея и господство Франціи въ Голландіи, повидимому, грозило серьозной опасностью европейскому равновѣсію.

Голландія.

Въ Голландіи низшія сословія, слѣдуя своимъ вѣковымъ традиціямъ, поддерживали Штатгальтера Вильгельма V и союзъ съ Англіей, а богатые горожане составляли патріотическую партію, стоявшую за союзъ съ Франціей, полагавшуюся на богатство и финансовые рессурсы Голландіи, и стремившуюся къ уничтоженію наслѣдственнаго штатгалтерства или по крайней мѣрѣ къ лишенію принца Оранскаго всякаго реальнаго значенія въ государствѣ. Обязанность сопротивленія планамъ патріотической партіи, защиты англійскихъ интересовъ и борьбы съ французской партіей пала на англійскаго посланника въ Гагѣ, Джемса Гарриса. Въ сентябрѣ 1786 года патріотическая партія лишила Вильгельма команды арміей и положеніе было критическимъ. Фридрихъ прусскій отказался помочь Штатгалтеру, женатому на его племянницѣ, и совѣтывалъ ему не сопротивляться Франціи. Питтъ тоже не хотѣлъ рисковать честью Англіи для поддержанія оранской партіи и не желалъ изъ-за Вильгельма рисковать войной.

Тройственный союзъ. 1788 г.

Но 17 августя 1786 года Фридрихъ Великій умеръ, а его наслѣдникъ былъ человѣкъ, расположенный къ воинственнымъ приключеніямъ и желавшій вступить въ союзъ съ Англіей. Гаррисъ писалъ къ Питту и настаивалъ на дѣятельномъ вмѣшательствѣ въ дѣла Голландіи, чтобы предупредить полное ея подчиненіе Франціи. Въ февралѣ 1787 года умеръ и французскій министръ Верженнь и его неспособный наслѣдникъ Монморенъ находилъ невозможнымъ продолжать энергическую иностранную политику своего предшественника. Въ маѣ Питтъ согласился выдать Штатгалтеру субсидію въ двадцать тысячъ фунтовъ. 28 іюня принцесса Оранская была оскорблена нѣсколькими гвардейцами близь Гуды и 9 сентября прусская армія вступила въ Голландію. Шталгалтеръ получилъ всѣ свои прежнія права, Монморенъ согласился на разоруженіе и на невмѣшательство въ дѣла Голландіи; а Питтъ, рѣшившійся сопротивляться силой оружія всякимъ аггрессивнымъ попыткамъ Франціи, подписалъ въ апрѣлѣ трактаты съ Голландіей и Пруссіей, а въ іюнѣ заключилъ союзъ съ Фридрихомъ Вильгельмомъ II. Такимъ образомъ былъ упроченъ тройственный союзъ 1788 года, имѣвшій задачей поддержаніе европейскаго мира и въ теченіе слѣдующихъ четырехъ лѣтъ имѣвшій большое вліяніе на европейскія дѣла. Французская политика потерпѣла пораженіе, въ Голландіи было возстановлено вліяніе Англіи, наслѣдственное штатгалтерство было гарантировано Оранскому дому. Джемсъ Гаррисъ за свои заслуги получилъ титулъ лорда Мальмсбюри.

Турецкая война.

До заключенія этого тройственнаго союза, въ августѣ 1787 года, Турція объявила Россіи войну; въ февралѣ 1788 года Іосифъ II заключилъ союзъ съ царицей и напалъ на Порту. Русскіе одержали блестящія побѣды, уничтожили турецкій флотъ и въ декабрѣ 1788 года взяли Очаковъ; но австрійцы терпѣли пораженія и до конца года Іосифъ, больной и обезкураженный, возвратился въ Вѣну. До начала турецкой войны дружба съ Россіей была традиціонной для англійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Но попытка двухъ имперій приступить къ раздѣлу владѣній Порты возбудила опасенія Питта и съ этихъ поръ Англія сильно интересовалась отношеніями между Турціей и Россіей.

Швеція. Миръ между Австріей и Турціей. Англія и Россія.

Лѣтомъ 1788 года Густавъ III шведскій, воспользовавшись восточной войной, напалъ на Финляндію и угрожалъ Петербургу. Это неожиданное нападеніе на Россію было диверсіей, благопріятной Турціи; въ столицѣ Россіи началась паника. Но русскій флотъ послѣ удачнаго сраженія заперъ шведскіе корабли въ Свеаборгской гавани, а мятежъ офицеровъ въ Финляндіи парализировалъ операціи Густава, которому кромѣ того угрожало нападеніе со стороны Даніи. Въ сентябрѣ 1788 года датская армія напала на Швецію и независимость этой страны подвергалась серьозной опасности. Члены тройственнаго союза немедленно приняли мѣры, чтобы балтійское море не

превратилось во внутреннее русское море. Датчане, которымъ Англія и Пруссія пригрозили вмѣшательствомъ, въ октябрѣ 1788 года заключили съ Швеціей перемиріе. Политическое равновѣсіе на балтійскомъ морѣ было возстановлено, Россія получила серьезный урокъ, независимость Швеціи была обезпечена и этимъ Англія была не мало обязана искусству и энергіи Гуга Элліота, англійскаго посланника въ Копенгагенѣ. Россія негодовала на поведеніе Англіи, отказалась отъ посредничества союзниковъ, пыталась составить четвертной союзъ съ Франціей, Австріей и Испаніей и продолжала войну съ Турціей и Швеціей. Слѣдующей задачей Англіи и союзниковъ было умиротвореніе Европы посредствомъ заключенія сепаратнаго мира между императоромъ и Портой. Дѣйствія Австріи противъ Турціи въ 1789 году были успѣшными, но въ австрійскихъ Нидерландахъ, въ Венгріи и въ Богеміи царило недовольство; въ январѣ слѣдующаго года австрійскіе гарнизоны были выгнаны изъ Бельгіи и былъ составленъ актъ уніи бельгійскихъ соединенныхъ провинцій. Но если между союзниками было полное единодушіе по вопросу о посредничествѣ между Австріей и Турціей, то такого единодушія относительно нападенія Даніи на Швецію не существовало. Прусскій король желалъ воспользоваться затрудненіями Австріи для пріобрѣтенія Данцига и Торна и для признанія и поддержанія независимости австрійскихъ Нидерландъ. Англійское правительство не находило для себя возможнымъ поддерживать подобные планы Пруссіи. Оно не желало также сдѣлать невозможными въ будущемъ всякія отношеніи къ Россіи; оно было убѣждено, что осуществленіе плановъ Фридриха Вильгельма сдѣлаетъ союзъ между Россіей и Австріей еще болѣе тѣснымъ. Питтъ готовъ былъ содѣйствовать Пруссіи и Голландіи, чтобы помѣшать зависимости австрійскихъ Нидерландъ отъ Франціи, но противился признанію независимости Бельгіи и надѣялся, что можно добиться примиренія императора съ возмутившимися провинціями. Въ началѣ 1790 года аггрессивная политика Пруссіи угрожала общеевропейской войной; казалось, что Англія будетъ вынуждена или поддерживать воинственные планы Фридриха Вильгельма или выдти изъ тройственнаго союза. Но 18 февраля 1790 года умеръ Іосифъ II и его смерть спасла Европу отъ общей войны. Пруссія въ январѣ заключила съ Турціей договоръ, а въ мартѣ заключила союзъ съ Польшей. Примирительное, хотя и твердое, поведеніе императора Леопольда постепенно разсѣяло всѣ опасности, угрожавшія европейскому миру; его политику поддерживали Англія и Голландія, правительства которыхъ продолжали работать для умиротворенія континента. Фридрихъ Вильгельмъ, видя, что Польша не согласится на уступку ему Данцига и Торна и что Англія не желаетъ поддерживать его воинственную политику, началъ склоняться къ болѣе мирнымъ взглядамъ. Въ августѣ 1790 года онъ заключилъ

съ Леопольдомъ Рейхенбахскій договоръ, по которому императоръ обязался заключить миръ съ Турціей. Черезъ годъ, 4 августа 1791 года, былъ подписанъ Систовскій миръ между Турціей и Австріей и Россія должна была вести войну одна. Леопольдъ получилъ возможность заняться Нидерландами и въ началѣ 1791 года его власть надъ ними была окончательно возстановлена. Въ Россіи Англія ничего не добилась. Въ началѣ 1790 года Екатерина просила посредничества Англіи, но Питтъ отказался поддерживать ея притязанія и надѣялся при посредствѣ тройственнаго союза поставить предѣлы честолюбивымъ планамъ Россіи и Бурбонскаго дома. Онъ протестовалъ противъ занятія Очакова русскими и въ 1791 года преслѣдовалъ политику, открыто враждебную Россіи. Но страна не хотѣла поддержать такую политику и Питту пришлось уступить. Герцогъ Лидсъ, сильно отстаивавшій воинственную политику, вышелъ въ отставку и его мѣсто, какъ министръ иностранныхъ дѣлъ, занялъ лордъ Гренвиль. Торжество Россіи было полнымъ; 9 января 1792 года Екатерина, желая воспользоваться началомъ Французской революціи для дальнѣйшаго раздѣла Польши, заключила Ясскій договоръ.

Дѣло о Нутка-Зундѣ.

Въ эти годы Питту едва удалось избѣжать войны съ Испаніей и Франціей по дѣлу о Нутка-Зундѣ. Нѣсколько англійскихъ купцовъ устроили торговую факторію въ Нутка-Зундѣ на островѣ Ванкуверѣ; въ апрѣлѣ 1789 года испанцы захватили англійскій корабль «Ифигенію», заковали въ желѣза офицеровъ и экипажъ, опустили британскій флагъ и уничтожили факторію. Потомъ въ томъ же году были захвачены и задержаны и другіе англійскіе корабли. Извѣстіе объ этомъ оскорбленіи было получено въ Англіи въ февралѣ 1790 года и Питтъ началъ готовиться къ войнѣ; 5 мая въ обѣихъ палатахъ парламента было прочитано посланіе короля о возможности войны, въ Мадридъ отправили посла съ требованіемъ удовлетворенія, Голландія и Пруссія заявили о своей готовности поддерживать Англію. Испанія съ своей стороны надѣялась на поддержку Россіи и въ особенности Франціи. Франція и Испанія были связаны семейнымъ договоромъ 1761 года и во время американской войны Испанія помогала Франціи. Сначала казалось мало вѣроятнымъ, чтобы Людовикъ отказался присоединиться къ требованіямъ Испаніи. Война Франціи и Испаніи съ Англіей въ 1790 году могла измѣнить весь ходъ французской революціи. Мирабо, наиболѣе вліятельный изъ членовъ Національнаго собранія, объявилъ, что онъ за войну и противъ Англіи. Для сохраненія мира—а Питтъ всегда стоялъ за сохраненіе мира—было необходимо повліять на Мирабо и Лафайета. Питтъ отправилъ въ Парижъ Гуга Эліота, только что вернувшагося изъ Копенгагена, и его вліяніе на Мирабо произвело полное измѣненіе въ настроеніи послѣдняго. Мирабо заявилъ, что онъ стоитъ за миръ; Лафайетъ, находившійся подъ вліяніемъ другого англійскаго

агента, Майльса, не сопротивлялся. Въ концѣ октября 1790 года опасность войны между Франціей и Англіей была устранена; Флорида Бланка, министръ Испаніи, видя, что помощи со стороны Франціи ожидать нечего, заключилъ съ Англіей Эскуріальскій трактатъ, по которому Испанія сдѣлала уступки по всѣмъ спорнымъ вопросамъ. Питтъ одержалъ крупную побѣду, онъ уничтожилъ семейный договоръ, сохранилъ миръ и изолировалъ Францію. Такимъ образомъ тройственный союзъ почти во всемъ имѣлъ успѣхъ и Англія, рессурсы которой были неистощены, была въ состояніи въ 1793 году энергично вести войну съ Франціей.

Англія и Франція. 1795—1802.

До конца 1792 года Питтъ дѣлалъ все возможное для сохраненія мира. Съ самаго начала французской революціи онъ ясно заявлялъ, что намѣренъ держаться системы нейтралитета и его бюджетъ весной 1792 года былъ составленъ въ расчетѣ на миръ. Но развитіе революціи не позволяло ему воздержаться отъ враждебныхъ дѣйствій. Французы, разбивъ въ сентябрѣ пруссаковъ при Вальми, начали агрессивныя дѣйствія. Бельгія была занята послѣ битвы при Жемаппѣ, Шельда была объявлена открытой рѣкой и Голландіи угрожало нападеніе.

Декреты 19 ноября и 15 декабря доказали настроеніе жирондистовъ, а намѣреніе Дюмурье напасть на Голландію дѣлало для Питта необходимымъ принятіе мѣръ для исполненія условій трактата 1788 года. Послѣ казни Людовика, 21 января 1793 года, было уже невозможно сохранить миръ; 8 февраля была объявлена война; Англія, Пруссія, Австрія, Испанія и Голландія пытались завоевать Францію и Питтъ употребилъ всѣ свои усилія для поддержанія коалиціи. Завоеваніе Голландіи въ 1794 году и выходъ изъ коалиціи Пруссіи и Испаніи въ 1795 году дѣлали положеніе Питта очень труднымъ; при учрежденіи директоріи онъ началъ переговоры о мирѣ. Въ 1796 году онъ снова пытался добиться общаго умиротворенія и отправилъ въ Парижъ лорда Мальмсбюри. Но французы отказались отъ обсужденія его предложеній, переговоры, начатые въ 1797 году въ Лилѣ, были не болѣе успѣшными.

Въ 1798 году Питтъ составилъ вторую коалицію; сначала она имѣла успѣхъ, но потомъ закончилась удаленіемъ Россіи и пораженіемъ Австріи. Въ 1801 году, послѣ отставки Питта, продолженіе войны досталось на долю его наслѣднику Аддингтону. За пораженіемъ французовъ Аберкромби въ битвѣ при Александріи, 21 марта, послѣдовало пораженіе датскаго флота въ битвѣ при Копенгагенѣ, 2 апрѣля.

Вооруженному нейтралитету, признанному въ 1800 году Павломъ, нанесенъ былъ сильный ударъ; воцареніе Александра сдѣлало Россію союзницей Англіи и Аддингтонъ могъ заключить Амьенскій миръ. Питтъ не былъ великимъ военнымъ министромъ, но онъ пользо-

вался довѣріемъ страны. Англія во время войны боролась успѣшно на морѣ и въ колоніяхъ; удаленіе же Питта по поводу эмансипаціи католиковъ было почетнымъ и для него самого и для Георга III.

Армія.

Греттона.

Французы и Англичане въ Индіи.

При объявленіи войны между Англіей и Франціей въ Индіи существовали торговыя компаніи трехъ европейскихъ государствъ. У англичанъ была факторія, какъ тогда называли торговыя поселенія, въ Бомбеѣ. Близь Калькуты на Гугли были факторіи французовъ, англичанъ и голландцевъ. На восточномъ берегу англичане въ Мадрасѣ боролись съ своими соперниками французами, жившими въ Пондишерри, гдѣ Дюплей, губернаторъ поселенія, пользовался всякимъ случаемъ, чтобы вредить своимъ сосѣдямъ англичанамъ. Дюплей былъ человѣкъ съ безграничнымъ честолюбіемъ и очень способный. Онъ понималъ, что въ Индіи нѣтъ единства, что огромный полуостровъ представляетъ безсвязную массу дезорганизированныхъ деспотическихъ государствъ, поданные которыхъ различаются по расѣ и по вѣрѣ; онъ понималъ, что при подобныхъ условіяхъ смѣлая европейская нація можетъ править всей Индіей, если будетъ держаться политики, лозунгомъ которой будетъ divide et impera. Онъ давно уже задумалъ устроить въ южной Индіи французскую военную имперію; первымъ шагомъ для этого должно было быть изгнаніе англичанъ изъ Мадраса. Война дала поводъ Дюплею; онъ захватилъ Мадрасъ и удерживалъ его до мира въ Aix-la-Chapelle, когда Франція обмѣняла его на Люисбургъ на островѣ мыса Бретона. Но этотъ миръ былъ только перемиріемъ; онъ не особенно соблюдался и въ Америкѣ, а въ Индіи его совсѣмъ непризнавали; европейскія компаніи продолжали свою борьбу, продавая свои услуги туземнымъ государямъ, борьба которыхъ за владѣнія въ Деканѣ и въ Карнатикѣ опустошала южную Индію.

Защита Аркота Клайвомъ.

Сначала успѣхъ былъ на сторонѣ французовъ и ихъ союзниковъ, но съ 1751 года Клайвъ остановилъ ихъ побѣдоносное шествіе. Въ военныхъ лѣтописяхъ Англіи въ восемнадцатомъ вѣкѣ выдѣляются имена трехъ полководцевъ: Марльборо, Вольфа и Клайва. Марльборо и Вольфъ были профессіональными воинами, они были подчиненными офицерами раньше, чѣмъ сдѣлаться командирами. Не то съ Клайвомъ—онъ не получилъ воинскаго обученія, въ двадцать семь лѣтъ былъ простымъ клеркомъ въ Мадрасской колоніи, когда вслѣдствіе

столкновеній съ французами понадобились офицеры и онъ былъ назначенъ капитаномъ войскъ восточно-индѣйской компаніи. Но едва былъ подписанъ приказъ о назначеніи Клайва, онъ уже получилъ независимую команду и захватилъ городъ Аркотъ, очень важный пунктъ въ владѣніяхъ врага. Французы и ихъ союзники двинулись противъ Клайва, загнали его въ цитадель и начали осаждать ее. Крѣпость занимала пространство болѣе мили въ окружности; во многихъ мѣстахъ стѣны развалились, укрѣпленія были слишкомъ узки, чтобы на нихъ можно было поставить пушки, перапеты были низки и слабы, отстрѣливаться можно было только съ полуразрушенныхъ башень и на нихъ можно было поставить не болѣе какъ по одной пушкѣ. Ровъ былъ совершенно безполезенъ, потому что мѣстами онъ былъ сухъ и заваленъ мусоромъ, а мѣстами чрезъ него было легко перейти въ бродъ. Для защиты такого почти непригоднаго для защиты форта у Клайва былъ гарнизонъ изъ 200 европейцевъ и 300 сипаевъ, туземныхъ солдатъ, обученныхъ англичанами въ Мадрасѣ. За стѣнами стояли 2000 сипаевъ подъ начальствомъ французскихъ офицеровъ, 5000 иррегулярной пѣхоты, 3000 кавалеріи и 150 французскихъ пикейщиковъ—отрядъ войскъ, наиболѣе опасный изъ всѣхъ. Послѣ осады, продолжавшейся сорокъ восемь дней, французы попытались взятъ фортъ приступомъ; но благодаря замѣчательной распорядительности Клайва и хорошей дисциплинѣ его гарнизона, пѣхота, ворвавшаяся въ брешь, была встрѣчена непрерывными и удачными ружейными залпами. Аттакающія колонны отбивались нѣсколько разъ и ихъ пораженіе было завершенно дождемъ гранатъ, бросаемыхъ въ нихъ гарнизономъ. Аттака неудалась; на слѣдующій день осада была снята и Клайвъ могъ двинуться къ осаждаемому въ то время Трихинополису. Получивъ подкрѣпленія, Клайвъ двинулся къ югу, на встрѣчу франко-индѣйской арміи на ея пути къ Каверипаку. Послѣ отчаянной борьбы Клайвъ разбилъ ее и отнялъ у ней артиллерію, что сдѣлало возможнымъ освобожденіе Трихинополиса и захватъ всей французской арміи. Но захваченныя Клайвомъ пушки и взятые имъ плѣнники были только незначительной частью выгодъ, добытыхъ имъ въ этой упорной борьбѣ для его родины. До осады Аркота туземцы были увѣрены, что англичане не умѣютъ драться; даже послѣ защиты Клайва они полагали, что его храбрость есть исключеніе, подтверждающее общее правило. Но послѣ битвы при Каверипакѣ восточные люди поняли, что англичане не только умѣютъ драться, но умѣютъ и бить французовъ. Пріобрѣтенная Клайвомъ военная репутація много помогла ему нѣсколько лѣтъ позднѣе вырвать Бенгалію изъ обагренныхъ кровью рукъ Сураджи Доулахъ.

Къ концу 1758 года Клайва вызвали въ Мадрасъ, чтобы спасти факторію компаніи въ Калькутѣ отъ грозившей ей погибели. Сураджа Довлахъ, набабъ Бенгаліи, восточный деспотъ худшаго сорта, Плассей.

захватилъ собственность компаніи; онъ перебилъ 122 англичанъ, мужчинъ и женщинъ, въ такъ называемой «Черной ямѣ» въ Калькутѣ, оставшіеся въ живыхъ изъ этой маленькой колоніи трепетали за свою жизнь. Клайвъ прибылъ съ небольшимъ отрядомъ, разбилъ набаба въ нѣсколькихъ стычкахъ и добился отъ него вознагражденія за его злодѣянія. Былъ заключенъ миръ; но чѣмъ больше Клайвъ изучалъ характеръ правителя Бенгаліи, тѣмъ болѣе онъ убѣждался, что англичане не будутъ въ безопасности до тѣхъ поръ, пока власть находится въ рукахъ Сураджи Довлаха. Онъ рѣшилъ низложить его и замѣстить своей креатурой, простой куклой, посредствомъ которой компанія управляла бы Бенгаліей. Такимъ орудіемъ былъ признанъ Миръ Джафиръ, одинъ изъ военачальниковъ Сураджи Довлаха. Чтобы получить тронъ, онъ согласился измѣнить своему государю и оставить его съ своими войсками во время битвы между набабомъ и англичанами. Армія Сураджи, очень многочисленная, была плохо дисциплинирована, и въ особенности плохо обученой и дисциплинированной была его тридцатипятитысячная пѣхота; но его восемнадцатитысячная кавалерія состояла изъ людей рѣшительныхъ и хорошо обученныхъ, набранныхъ изъ воинственныхъ племенъ сѣверной Индіи. Его артиллерія состояла изъ небольшой полевой батареи, управляемой французскими солдатами и изъ пятидесяти трехъ большихъ пушекъ, управляемыхъ туземцами. Эти пушки были поставлены на громадныхъ платформахъ на колесахъ, на столько тяжелыхъ, что для перевоза ихъ нужны были силы сорока паръ воловъ спереди и слона, подталкивающаго сзади. У Клайва было только 950 европейскихъ пѣхотинцевъ, пятьдесятъ матросовъ и полдюжины мичмановъ, дѣйствующихъ восьмью легкими пушками, 200 метисовъ и 2100 сипаевъ. Когда обѣ арміи сошлись на полѣ при Плассеѣ, Клайвъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ держался обороны; потомъ, отразивъ нападеніе кавалеріи набаба, онъ приказалъ наступать. Сураджа Довлахъ бѣжалъ, его генералы отступили и единственныя войска, противившіяся наступательному движенію Клайва, были французы-пушкари, дравшіеся съ храбростью, свойственной ихъ народу. Миръ-Джафиръ, ждавшій до послѣдней минуты, теперь присталъ къ Клайву; битва закончилась переходомъ его большого отряда на сторону англичанъ. Побѣда при Плассеѣ дѣлала восточно-индѣйскую компанію фактической, хотя и не номинальной, владычицей трехъ богатыхъ провинцій Индіи: Бенгаліи, Ориссы и Бегара, потому что хотя Клайвъ и возвелъ Мира Джафира на тронъ съ обычными церемоніями, новый набабъ скоро понялъ, что прочность его власти абсолютно зависитъ отъ благорасположенія его англійскихъ союзниковъ.

Хайдеръ-Али. Въ то время, какъ Клайвъ обезпечилъ власть компаніи на Гангѣ, его помощники добились для Англіи уваженія и вліянія въ государ-

ствахъ южной Индіи. Рядомъ побѣдъ надъ французами, закончившихся сдачей Пондишерри въ 1761 году, Англія пріобрѣла большія территоріи и еще большій престижъ. Туземные государи искали помощи англичанъ въ своихъ безконечныхъ войнахъ и такимъ образомъ англичане въ концѣ концовъ столкнулись съ Гайдеръ-Али, султаномъ Мисоры, знаменитымъ авантюристомъ, изъ простого наемнаго солдата сдѣлавшимся могущественнымъ государемъ въ южной Индіи. Когда въ 1780 году французы снова начали войну съ англичанами, они вступили въ союзъ съ Гайдеръ-Али и дали ему офицеровъ, сопровождавшихъ его при его ужасномъ набѣгѣ на Карнатику, когда онъ во главѣ восьмидесятитысячной арміи опустошилъ равнины вокругъ Мадраса.

Директорія и ея интриги противъ Англіи.

Въ 1783 году англичане заключили безславный миръ съ Типпу, наслѣдовавшимъ тронъ Мисоры отъ его отца Гайдеръ-Али, и столь же безславно окончили первую свою войну съ большой конфедераціей Магаратовъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ Индіи было сравнительно спокойно, но при началѣ новой войны между Англіей и Франціей французскіе агенты снова начали интриговать при туземныхъ дворахъ. Англія боялась нашествія французовъ въ Индію и въ 1798 году такое нашествіе не было невѣроятнымъ. Но сѣверо-западѣ въ войскахъ Сциндіи, одного изъ главъ Магаратовъ, офицерами были французскіе авантюристы. Въ Деканѣ въ гвардейскомъ полку Низама Гайдерабада офицеры тоже были французы. Въ Мисорѣ Типпу («гражданинъ Типпу», какъ называли его парижане), чтобы угодить своимъ союзникамъ, позволилъ имъ посадить въ своей столицѣ дерево свободы и украсить ихъ мундиры пуговицами съ изображеніемъ фригійской шапки. Чрезъ посредство губернатора острова Маврикія онъ вступилъ въ союзъ съ республикой и имѣлъ сношенія съ Бонапартомъ въ Египтѣ. Бонапартъ, жаждавшій играть роль второго Александра, писалъ ему изъ Каира: «вамъ уже извѣстно о моемъ прибытіи на берега Чернаго моря съ многочисленной и непобѣдимой арміей, сгарающей желаніемъ освободить васъ отъ желѣзнаго ига англичанъ». Англичане, узнавъ о союзѣ Типпу съ французами, напали на его владѣнія съ тридцатитысячной арміей. Ихъ сопровождалъ большой отрядъ Низама Гайдерабада, который теперь снова былъ въ союзѣ съ компаніей и отправилъ своихъ французскихъ офицеровъ въ Парижъ. Веллингтонъ, бывшій въ то время молодымъ полковникомъ 33 го полка, командовавшій этимъ туземнымъ отрядомъ, разсказываетъ о походѣ этой союзной арміи. Войска Низама и британская армія шли двумя параллельными колоннами, почти въ формѣ квадрата, фронтъ и арріегардъ котораго состояли изъ кавалеріи; «этотъ квадратъ занимаетъ двѣ или три мили, правая и лѣвая стороны его занимали около шести или семи миль, вслѣдствіе того, что полевыя пушки, тащимыя быками, занимали въ колоннѣ

огромное пространство. Внутри этого квадрата двигалось все, принадлежащее къ арміи» [1]). Веллингтонъ разсказываетъ, что въ британской арміи было шесть тысячъ быковъ, хлѣбъ для войскъ Низама везли на 25,000 быкахъ. Когда вся армія была въ движеніи, она занимала около восемнадцати квадратныхъ миль.

Послѣ тяжелаго похода эта армія подошла къ воротамъ Серингапатама; послѣ осады, во время которой отличился Веллингтонъ, эта опора Мисоры была взята приступомъ 4 мая 1799 года.

Битва при Ассайѣ.

Типпу погибъ во время приступа и его смерть освободила англичанъ Мадраса отъ опаснаго сосѣда. Черезъ два года повторились волненія племенъ Магаратовъ, никогда не прекращавшіяся. Эти воинственныя племена представляли постоянную опасность для своихъ сосѣдей, для туземныхъ государствъ, защищать которыя англичане были обязаны на основаніи договоровъ; еслибы они объединились, они могли бы даже представлять угрозу для англійскаго владычества въ Бомбеѣ, въ средней Индіи и на Гангѣ; но къ счастію для умиротворенія Индіи между двумя изъ ихъ главъ Сциндіей, владѣнія котораго находились на сѣверозападѣ, и Пешвой, управлявшимъ Пуной близь Бомбея, начались раздоры. Пешва добился помощи англичанъ и его соперникъ Сциндія началъ готовиться къ войнѣ. Противъ него были отправлены двѣ экспедиціи, обѣ имѣвшія блестящій успѣхъ. Лэкъ выигралъ битвы при Алигарѣ и Ласвари, завладѣлъ Дельфи и Агрой и разбилъ на голову французскія войска Сциндіи. Веллингтонъ тоже одержалъ побѣды въ битвахъ при Аргаумѣ и Ассайѣ. Въ этой послѣдней битвѣ шансы были противъ него и онъ выигралъ ее благодаря тому же спокойному здравому смыслу и быстротѣ дѣйствій, которые онъ впослѣдствіи проявилъ на европейскихъ поляхъ битвы. Утромъ 23 сентября 1803 года Веллингтонъ при рекогнисцировкѣ нашелъ врага разставленнымъ вдоль берега рѣки Катны, близь ея впаденія въ Джевахъ; на равнинѣ были расположены эскадроны знаменитой Магаратской кавалеріи, численностью въ тридцать тысячъ; десять тысячъ пѣхотныхъ пикейщиковъ, обученныхъ французскими офицерами, многочисленная иррегулярная пѣхота и артиллерійскій паркъ, состоявшій изъ 128 пушекъ, тоже съ французскими пушкарями, находились на лѣвой сторонѣ, у деревни Ассай. Послѣ фланговаго движенія англичанъ, за которымъ послѣдовало соотвѣтствующее измѣненіе фронта непріятеля, началась битва. Веллингтонъ рѣшилъ напасть на правое крыло врага и потому приказалъ своему правому крылу двигаться медленно и съ частыми остановками. Но этотъ приказъ не былъ исполненъ; пѣхота и артиллерія англійскаго праваго крыла быстро двинулись впередъ и были

---

[1]) Депеши—Веллингтона.

встрѣчены столь хорошо направленнымъ огнемъ пушекъ Магаратовъ, что поколебались.

Туземный генералъ съ проницательностью настоящаго солдата приказалъ своей кавалеріи аттаковать поколебавшуюся англійскую пѣхоту; но Веллингтонъ не потерялся; онъ двинулъ на конницу Магаратовъ четыре кавалерійскіе полка; англійскіе драгуны, поддерживаемые на флангахъ своими Мадраскими сотоварищами, полетѣли по долинѣ и напали на врага прежде, чѣмъ тотъ успѣлъ опомниться и прогнали его. А во время этаго кавалерійскаго боя оправилась и британская пѣхота. Веллингтонъ постепенно одолѣвалъ врага на лѣвомъ флангѣ и въ центрѣ; Магараты дрались отчаянно, отступили за рѣку и стояли тамъ угрожающими массами. Англійская кавалерія ринулась чрезъ рѣку, разсѣяла пѣхоту врага и потомъ вернулась для отраженія новой и неожиданной опасности. Многіе изъ Магаратовъ, притворившись мертвыми, пропустили мимо себя британскія войска. Теперь же они захватили оставленныя пушки и направили ихъ противъ англичанъ. Отдѣлавшись отъ нихъ, кавалерія Веллингтона снова вступила въ бой съ вражеской кавалеріей. Эскадроны Магаратовъ снова двинулись въ аттаку; но англичане такъ яростно напали на нихъ, что знаменитая конница Сциндіи бѣжала безъ остановки цѣлыхъ двѣнадцать миль. Англичане взяли девяносто двѣ пушки; побѣда хотя и стоило дорого, но была рѣшительной. Веллингтонъ началъ битву съ 4500 человѣкъ, изъ которыхъ регулярныхъ англійскихъ войскъ было только одинъ кавалерійскій и два пѣхотныхъ полка. Его поддерживала пятитысячная кавалерія арміи Пешвы; но вѣрность этаго отряда была сомнительна и въ стычкѣ онъ участія не принималъ. Веллингтонъ потерялъ 428 убитыми и болѣе 1100 раненными; эти цифры доказываютъ, что въ индѣйскихъ войскахъ наступила новая эра и что въ будущемъ англичане должны были считаться съ врагами, съ которыми справляться будетъ не особенно легко.

Количество англійскихъ солдатъ въ Индіи. Тактика.

Здѣсь было бы невозможно изъ года въ годъ или даже по десятилѣтіямъ слѣдить за удивительнымъ ростомъ британской власти въ Индіи. Достаточно будетъ сказать, что въ то время, когда Клайвъ смѣнилъ перо на мечъ, у восточно-индѣйской компаніи было только три или четыре небольшія торговыя факторія въ Индіи, гдѣ по милости туземныхъ царьковъ англичане могли жить и продавать свои товары. Черезъ полвѣка, въ концѣ второй Магаратской войны въ 1805 году, англичане были владыками всей долины Ганга отъ Дельфи до Калькуты; на восточномъ берегу ихъ владѣнія распространялись отъ Гугли до мыса Коморина и охватывали почти всю южную Индію. Войска, храбрости которыхъ Англія была обязана этими пріобрѣтеніями, всегда по численности значительно уступали туземнымъ арміямъ, съ которыми имъ приходилось драться. А кромѣ

того эти войска не цѣликомъ состояли изъ европейцевъ; наоборотъ отношеніе англичанъ къ туземцамъ въ войскахъ компаніи всегда было ничтожное. Такъ въ 1773 году британскій мундиръ въ Индіи носили девять тысячъ бѣлыхъ и сорокъ пять тысячъ сипаевъ; къ концу второй войны съ Магаратами на двадцать пять тысячъ англійскихъ солдатъ туземцевъ было сто тридцать тысячъ. Но британцы въ Индіи значительно превосходили своихъ враговъ по храбрости, но подвижности и по дисциплинѣ, сипаи были обучены и дисциплинированы по той же системѣ, какъ и ихъ бѣлые соратники и находились подъ командой англійскихъ офицеровъ, такъ что во всякое время были готовы слѣдовать за британскими войсками. Тактика, при посредствѣ которой англійскимъ генераламъ удавалось одерживать побѣды надъ врагомъ, превышавшимъ ихъ силами, состояла въ томъ, чтобы угрожать центру и въ тоже время производить возможно болѣе энергичное нападеніе на слабое крыло врага. Тогда его громадная, но слишкомъ плохо обученная пѣхота, неспособная измѣнить для предупрежденія внезапной опасности свой фронтъ, начинала колебаться; внезапное и сильное нападеніе съ фронта порождало въ рядахъ врага панику; линія его была прервана, врагъ разбѣгался и побѣда была одержана. И въ Индіи и въ Англіи обученіе войскъ производилось по образцу, введенному въ прусскую армію Фридрихомъ Великимъ. Любопытно отмѣтить, какъ мало по существу измѣнилось батальонное обученіе въ теченіе послѣднихъ ста лѣтъ. Несомнѣнно, что въ то время движенія были столь многочисленны и сложны, что одинъ англійскій военный писатель послѣдняго столѣтія, генералъ Дундасъ, посвятилъ объясненію ихъ цѣлый огромный томъ. Теперь они немногочисленны и совершенно понятны; но принципъ ихъ остался тотъ же—быстрый переходъ отъ колонны къ линіи и отъ линіи къ колоннѣ.

Реформы въ управленіи арміей.

Раньше, чѣмъ мы будемъ говорить о пораженіяхъ британскихъ армій въ Европѣ, нужно упомянуть о важной реформѣ въ управленіи арміей, совершонной въ 1783 году. Въ XV главѣ мы говорили о странныхъ отношеніяхъ между короной и офицерами полковъ, существовавшихъ при Стюартахъ; офицеры заключали съ государствомъ нормальный договоръ, на основаніи котораго за извѣстную ежегодную плату они обязывались собирать и платить, экипировать и содержать извѣстное количество солдатъ, пригодныхъ для дѣйствительной службы. Если въ теченіе года оказывался барышъ отъ такого договора, то дивиденты дѣлились между ротными командирами; если наоборотъ расходы были велики и рекрута обходились дорого, дефициты покрывались изъ частныхъ средствъ капитановъ. Эта система, бывшая пережиткомъ среднихъ вѣковъ, существовала болѣе ста лѣтъ; только когда былъ принятъ «актъ Борка» военное министерство получило непосредственное управленіе въ дѣлѣ рекру-

тированія и содержанія арміи и устранило искушенія взяточничества, до этого времени преслѣдующія британскаго офицера во всякую минуту на его военномъ поприщѣ.

Война въ Европѣ. Положеніе арміи.

Въ 1793 году началась послѣдняя и величайшая борьба Англіи съ Франціей, и началась она, какъ бывало въ большей части войнъ Англіи, пораженіемъ. Герцогъ Іоркскій, принцъ крови, глупость котораго соединялась съ полнымъ невѣжествомъ въ военномъ дѣлѣ, былъ отправленъ въ Бельгію для подкрѣпленія союзниковъ съ войскомъ, состоявшимъ изъ двадцати тысячъ англійскихъ и десяти тысячъ гановерскихъ солдатъ. Англійскія войска его были очень плохи, такъ какъ со времени окончанія американской войны армія была въ очень неудовлетворительномъ состояніи, «совершенно распущена, малочислена и совсѣмъ безъ дисциплины. Не было однообразія ни въ обученіи, ни въ движеніяхъ; профессіональная гордость была рѣдкостью, еще большей рѣдкостью были профессіональныя знанія. Всѣ отдѣлы управленія были неудовлетворительны. Въ полкахъ офицеры и солдаты были горькими пьяницами, послѣдніе при отсутствіи всякой дисциплины занимались мародерствомъ и совершали всяческія насилія» [1]). Какъ въ моральномъ, такъ и въ физическомъ отношеніяхъ солдаты никуда не годились; нѣкоторые изъ рекрутовъ, высадившихся въ Антверпенѣ въ 1793 году, были или слишкомъ молоды или слишкомъ стары для дѣйствительной службы; цѣлые полки не могли быть пущены въ дѣло вслѣдствіе физическихъ недостатковъ солдатъ. Неудивительно, что такія никуда негодныя войска, да еще подъ начальствомъ такого генерала, какъ герцогъ Іоркскій, не могли отличиться. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ они, правда, дрались храбро; но устоять противъ бурнаго натиска французовъ они не могли. Въ 1794 году Пишегрю, разбивъ союзниковъ при Флёрюсѣ, двинулся противъ герцога Іоркскаго, прогналъ его чрезъ всю Голландію при всѣхъ ужасахъ зимы, самой суровой въ теченіе этого вѣка, и наконецъ загналъ въ Бременъ несчастные остатки этой несчастной арміи. Потери англійскихъ войскъ въ дѣлахъ, въ которыхъ они участвовали, были незначительны; но санитарныя и госпитальныя учрежденія были такъ дурны, что въ отчетѣ 1794 года объ убитыхъ и умершихъ на службѣ во время компаніи 1793 года показано 18,596. Во время этой кампаніи царила полная дезорганизація, было полное отсутствіе системы, распорядительности и предусмотрительности. Интендантство было устроено такъ плохо, что солдаты часто не получали раціоновъ въ теченіе двухъ сутокъ, изношенные башмаки солдатъ не замѣнялись, хотя войскамъ приходилось идти по глубокимъ сугробамъ и переходить рѣки по льду. Штабные офицеры совершенно не знали своихъ обязанностей и ни

---

[1]) Narrative of Campaign in North Holland—Бёнбюри.

одинъ человѣкъ въ арміи, начиная съ главнокомандующаго, повидимому, не имѣлъ ни малѣйшаго представленія о службѣ. Веллингтонъ, служившій въ этой несчастной кампаніи и много воспользовавшійся ея тяжелыми уроками, въ послѣдніе годы говорилъ, что онъ удивляется, какъ могъ спастись хоть одинъ англійскій солдатъ. «Если случалось, что мы обѣдали или пили вино, считалось неприличнымъ безпокоить насъ... Я видѣлъ, какъ передали изъ главной австрійской квартиры пакетъ и какъ его отбросили со словами: подождетъ до завтра!».

Въ слѣдующіе четыре года на континентѣ не было британскихъ армій; но морскія и сухопутныя операціи въ Африкѣ и въ Азіи давали достаточно дѣла войскамъ. Захватъ Голландіи французской республикой присоединилъ и Голландію къ числу враговъ Англіи; потому англичане отняли у голландцевъ два важныхъ стратегическихъ пункта по пути къ Индіи: Цейлонъ и мысъ Доброй Надежды. Въ мелкихъ экспедиціяхъ противъ Вестъиндскихъ острововъ англичане тоже имѣли успѣхъ, хотя онъ и былъ купленъ дорогой цѣной. Климатъ, а не враги, былъ причиной потери болѣе сорока тысячъ солдатъ, отпущенныхъ въ 1795 году изъ службы вслѣдствіе ранъ и болѣзней.

Эти далекія экспедиціи и пораженіе герцога Іоркскаго не могли, конечно, сдѣлать армію популярной; въ солдаты никто не хотѣлъ поступать; когда въ 1799 году былъ составленъ планъ новой экспедиціи въ Голландію, пришлось подкупать милиціонеровъ большими преміями, чтобы побудить ихъ поступить въ дѣйствительную службу. Трудно даже и представить себѣ, какимъ образомъ англичане могли позволить королю снова поручить команду его неспособному сыну и однако такъ и случилось. Герцогъ Іоркскій получилъ команду надъ соединенными силами англичанъ и русскихъ, высадившимися въ Голландіи. Онъ потерялъ десять тысячъ человѣкъ въ пяти стычкахъ, былъ разбитъ и вынужденъ отступить къ берегамъ Сѣвернаго моря, гдѣ ожидалъ найти транспортныя суда. Но ихъ не оказалось и онъ былъ вынужденъ сдаться французамъ и его несчастнымъ солдатамъ удалось спастись отъ заточенія въ французскихъ крѣпостяхъ только вслѣдствіе обмѣна ихъ на соотвѣтственное количество военноплѣнныхъ французовъ.

Аберкромби въ Египтѣ.

Необезкураженное этимъ печальнымъ опытомъ, англійское министерство организировало повую экспедицію, начальство надъ которой было поручено уже не герцогу Іоркскому, а Ральфу Аберкромби, пользовавшемуся репутаціей хорошаго генерала. Онъ долженъ былъ отправиться въ Египетъ, гдѣ французская армія, оставленная Наполеономъ, сохраняла однако свое положеніе и угрожала власти Англіи на востокѣ. Ему было приказано дѣйствовать по возможности совокупно съ экспедиціоннымъ корпусомъ Бэйрда изъ Индіи, получить помощь отъ турокъ и изгнать французовъ изъ долины Нила.

Во время переѣзда войска страдали ужасно; транспортныя суда были такъ плохи, что солдаты были постоянно мокры; у нихъ не было коекъ и они спали на палубахъ безъ постелей и имѣли только одѣяла. Пройдя Мальту, островъ, недавно отнятый у французовъ, Аберкромби шесть недѣль стоялъ у Кипра, ожидая кавалеріи, обѣщанной турками. Это время онъ употребилъ съ пользой, обучая солдатъ быстрой высадкѣ и посадкѣ на суда, такъ что когда 7 марта 1801 года англійскій флотъ, состоявшій почти изъ двухсотъ судовъ, сталъ якоремъ въ заливѣ Абукиръ, солдаты отлично были подготовлены исполнять свой долгъ. Когда былъ поданъ сигналъ къ высадкѣ, люди столпились у бортовъ кораблей и безъ всякаго замедленія заняли свои мѣста въ шлюпкахъ. При второмъ сигналѣ эти военные боты, разставленные въ три ряда по пятидесяти ботовъ въ каждомъ, поплыли къ берегу въ молчаніи, прерываемомъ только правильными ударами сотенъ веселъ; когда они были въ виду французовъ, расположенныхъ на песчанныхъ холмахъ берега, тѣ открыли по нимъ страшный артиллерійскій и ружейный огонь. Нѣкоторые изѣ ботовъ затонули и войска, укрывшись внизу ботовъ съ мушкетами у ногъ, страдали ужасно. Но останавливаться было невозможно; «синія куртки» гребли все сильнѣе и сильнѣе, солдаты громко кричали ура и, когда доплыли до мелкаго мѣста, выпрыгнули въ воду и двинулись къ берегу. Быстро образовавъ боевой строй, они ринулись вверхъ по холмамъ и штыками прогнали французовъ. Такимъ образомъ была произведена высадка первой дивизіи англійской арміи, хотя и съ большимъ уронамъ; было убито 650 храбрецовъ. Когда высадились всѣ остальныя части, Аберкромби послѣдовалъ за французами къ Александріи, хотя онъ и не получилъ еще извѣстій о Бэйрдѣ, который, какъ оказалось потомъ, боролся съ противными вѣтрами въ Чермномъ морѣ.

21 марта произошла битва при Александріи, битва незначительная по численности сражавшихся, потому что на каждой сторонѣ было не больше какъ по двѣнадцати тысячъ, но имѣвшая важное нравственное вліяніе, такъ какъ она доказала, что въ Европѣ еще есть войска, которыя могутъ бить французовъ въ открытомъ бою. Аберкромби сталъ лагеремъ на песчаномъ перешейкѣ въ милю ширины, отдѣлявшемъ озеро Наадахъ отъ моря. Противъ него въ траншеяхъ на высотахъ противъ Александріи стояли французы, рѣшившіе прогнать англичанъ къ ихъ кораблямъ раньше, чѣмъ турки будутъ угрожать изъ Сиріи и раньше, чѣмъ Бэйрдъ прибудетъ изъ Индіи, чтобы напасть на нихъ сзади. Была еще ночь, когда войска по приказу Аберкромби поднялись и стали подъ ружье готовыми къ бою. Внезапно раздались ружейные залпы, доказавшіе, что эта предосторожность была необходима и что врагъ приближается къ аванпостамъ. На лѣвомъ крылѣ французы довольствовались отдаленной

канонадой, въ центрѣ стойкость англійскихъ гвардейцевъ не позволила имъ перейти къ рукопашной; вся опасность сосредоточивалась на правомъ крылѣ. Трудно представить собѣ что нибудь болѣе спутанное и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе живописное, какъ эта битва, начавшаяся въ ночномъ мракѣ и продолжавшаяся при утреннемъ туманѣ. Французскія колонны внезапно появились предъ англійскими войсками и были прогоняемы непрерывными, хорошо направляемыми залпами; руководясь блескомъ выстрѣловъ, французы среди мрака двинули подкрѣпленіе, которое дѣйствительно и прошло незамѣченнымъ между двумя крылами одного англійскаго полка. Англичане, замѣтивъ, что они раздѣлены, обернулись къ врагу и взяли его въ штыки. Произошли яростныя аттаки и контръ аттаки, пушки и знамена переходили изъ рукъ въ руки и, наконецъ, французская колонна исчезла во мракѣ, изъ котораго она вынырнула. Во время этой битвы покрылъ себя безсмертной славой 28-й полкъ (глочестерширскій). Въ то время, какъ полкъ двумя рядами боролся съ фронта съ врагомъ, одинъ офицеръ внезапно услыхалъ сзади французскую команду и, обернувшись, увидалъ блестящія шляпы французовъ, наступавшихъ сзади. Не колеблясь ни на минуту, полковникъ приказалъ заднему ряду обернуться и такимъ образомъ «тонкія красныя линіи», стоя задомъ другъ къ другу, энергично отбросили французовъ. Потомъ тысяча двѣсти французской кавалеріи бурно пролетѣли чрезъ англійскій лагерь; она почти сломила 42-й полкъ (Черную гвардію), напавши въ сумракѣ на его флангъ; но горные шотландцы сформировались въ группы и прогнали враги штыками. Наконецъ, французы отступили, оставивъ на полѣ битвы двѣ тысячи человѣкъ. Англичане потеряли 1500 человѣкъ и храбрый генералъ Аберкромби былъ смертельно раненъ въ битвѣ. Его замѣнилъ Гутчинсонъ; онъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ взялъ въ плѣнъ двадцать четыре тысячи французовъ—весь гарнизонъ Египта—на основаніи условій капитуляціи перевезенныхъ во Францію. Индѣйскій отрядъ Бэйрда прибылъ какъ разъ во время, чтобы принять участіе въ послѣднихъ операціяхъ кампаніи. Его переѣздъ отъ Бомбея до Суэзскаго залива продолжался шесть мѣсяцевъ и тотчасъ же послѣ высадки онъ совершилъ въ теченіе девяти дней походъ въ сто сорокъ миль чрезъ пустыню отъ Чернаго моря до Нила при температурѣ 115° въ тѣни.

Амьенскій миръ.

Амьенскій миръ 1802 года положилъ конецъ войнѣ; Англія возвратила всѣ свои завоеванія, за исключенія острововъ Цейлона и Тринидада, и согласилась возвратить Мальту рыцарямъ, если великія державы гарантируютъ имъ этотъ островъ. Съ ребяческой вѣрой въ прочность этого мира, всегда отличавшей англичанъ, министерство приступило къ разоруженію. Оно распустило милицію, въ теченіе девяти лѣтъ бывшую подъ ружьемъ, распустило и многіе

боевые пѣхотные и кавалерійскіе полки, собранные въ военное время. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ подписанія Амьенскаго мира регулярная армія Англіи состояла только изъ сорока тысячъ человѣкъ, такъ что когда въ 1803 году снова началась война, пришлось снова съ громадными расходами и съ большой потерей, въ смыслѣ пригодности солдатъ къ бою, начинать снова рекрутировать армію.

Флотъ.

Лэйрда Клоуэса.

Морскія путешествія, предпринимаемыя въ это время съ цѣлями изслѣдованія и для расширенія владѣній, имѣли большое значеніе. Въ 1785 году кампанія купцовъ, подъ названіемъ кампаніи Зунда короля Георга, отправила два корабля для открытія торговли между сѣверозападнымъ берегомъ сѣверной Америки и Китаемъ и поручила начальство надъ ними Генриху Портлоку и Георгу Диксону, бывшимъ спутниками Кука въ нѣкоторыхъ изъ его плаваній. Въ 1787 году коммодоръ Артуръ Филипъ на «Сиріусѣ», съ капитаномъ Джономъ Гунтеромъ, въ сопровожденіи корабля «Supply» и девяти транспортныхъ судовъ съ большимъ количествомъ ссыльныхъ обоего пола, отплылъ изъ Спитгида въ Новый южный Валисъ, чтобы устроить уголовную колонію въ Ботанибеѣ. Экспедицію на сто лье къ западу провожалъ корабль «Гіена», съ капитаномъ Михаэлемъ Де Курси. Филипъ прибылъ къ мѣсту назначенія 14 января 1788 года и высадивъ ссыльныхъ, принялъ управленіе колоніей. Вскорѣ послѣ этого туда прибыла французская экспедиція подъ начальствомъ Лаперуза, оставившая Францію въ 1785 году; во время ея пребыванія въ Ботанибеѣ нѣкоторые изъ ссыльныхъ дѣлали попытки бѣгства. Были и другія затрудненія, но Филипу съ теченіемъ времени удалось устранить ихъ; когда онъ возвратился въ Англію въ 1793 году, молодая колонія, къ этому времени значительно выросшая, была уже упрочена. Другимъ важнымъ фактомъ въ 1787 году было образованіе кампаніи Сіерра-Леоне; но здѣсь мы упоминаемъ о ней только потому, что планъ ея принадлежалъ лейтенанту Джону Матьюсу, совершившему путешествіе къ этому берегу въ 1785 году.

Удивительно, что судьба мятежнаго экипажа корабля «Bounty» оставалась такъ долго неизвѣстной, если мы припомнимъ, что въ это время Тихій океанъ былъ изслѣдованъ однимъ изъ самыхъ энергичныхъ путешественниковъ, капитаномъ Георгомъ Ванкуверомъ, который на кораблѣ «Discovery», въ сопровожденіи вооруженнаго тендера

«Чатамъ», находившагося подъ начальствомъ лейтенанта Вильяма Роберта Броутона, оставилъ Темзу 26 января 1791 года, а проливъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ того же года. Онъ долженъ былъ на основаніи данныхъ ему инструкцій отправиться къ Сандвичевымъ островамъ и осмотрѣть ихъ, оттуда идти къ Нутка-Зунду и принять отъ испанцевъ тамошнее поселеніе, осмотрѣть берега острова Ванкувера и вернуться мимо Сандвичевыхъ острововъ, мыса Горна и западнаго берега южной Америки. Пройдя мысъ Доброй Надежды Ванкуверъ дошелъ до юго-западнаго конца Австраліи, плылъ вдоль берега къ востоку, видѣлъ Вандеминову землю, осмотрѣлъ часть южнаго берега Новой Зеландіи и почти мѣсяцъ провелъ въ Отаити. Оттуда корабли пошли къ Сандвичевымъ островамъ и къ острову Ванкувера, въ то время называемому вообще Нутка, и изслѣдовали и произвели съемку его береговъ. Черезъ нѣкоторое время въ Нутка-Зундѣ къ экспедиціи присоединился «Дедалъ», провіантскій корабль, отправленный изъ Англіи подъ начальствомъ лейтенанта Ричарда Гергеста, сдѣлавшаго нѣсколько важныхъ открытій, но убитаго въ Оагу, не достигнувъ берега Америки. Испанцы не хотѣли сдать Нутки, и это долго задержало Ванкувера, воспользовавшагося этимъ временемъ для осмотра береговъ континента. Въ октябрѣ 1793 года лейтенантъ Броутонъ былъ отправленъ домой съ депешами и команда на «Чатамѣ» была передана лейтенанту Пюжету, имя котораго сохранилось благодаря изслѣдованію имъ большого залива, гдѣ теперь Вашингтонъ. Изслѣдованія и обзоры продолжались вдоль западнаго берега Америки и въ сѣверной части Тихаго океана; 25 февраля 1794 года Гавайскіе острова были формально заняты Ванкувером отъ имени короля Георга III. Потомъ онъ занялъ также британскую Колумбію и наконецъ 20 октября 1795 года «Discovery» прибылъ въ Темзу послѣ плаванія, продолжавшагося четыре года восемь мѣсяцевъ и двадцать девять дней. За нѣсколько мѣсяцевъ до этого Броутонъ, получившій рангъ командира, былъ отправленъ на кораблѣ «Providence» въ другое плаваніе. Онъ отправился къ Нуткѣ по той же дорогѣ, какъ раньше Ванкуверъ, и по прибытіи туда нашелъ, что испанцы очистили мѣсто. Оттуда онъ переплылъ сѣверную часть Тихаго океана къ Японіи и Китаю. Онъ потерялъ свой корабль, но продолжалъ изслѣдованія и осмотры на купленномъ шонерѣ въ 80 тоннъ и вернулся въ Англію только въ февралѣ 1799 года.

Вопросъ о производствахъ во флотѣ.

Въ мирное время вопросъ о возведеніи капитановъ въ рангъ адмираловъ неоднократно обращалъ на себя вниманіе страны и парламента. Въ 1787 году Матью Уайтъ Ридлей изложилъ въ палатѣ общинъ дѣло капитана Давида Броди, котораго нѣсколько разъ обходили производствомъ, хотя онъ былъ капитаномъ почти сорокъ лѣтъ и былъ старше многихъ, получившихъ рангъ адмирала. Этотъ запросъ Ридлея не имѣлъ никакихъ послѣдствій, но въ слѣдующемъ году общій

вопросъ о производствѣ въ адмиралы былъ поднятъ въ палатѣ лордовъ лордомъ Роудономъ. Совѣтскимъ приказомъ 1718 года адмиралтейству было предписано, чтобы оно производило офицеровъ въ адмиралы по старшинству службы и обращало только вниманіе на пригодность производимыхъ къ службѣ. Другимъ приказомъ 1747 года адмиралтейству предписывалось исключать изъ службы съ пенсіей тѣхъ изъ капитановъ, которые при долгой и почетной службѣ не были способны служить адмиралами вслѣдствіе старости и болѣзненнаго состоянія. Но при производствѣ въ сентябрѣ 1787 года шестнадцати капитановъ въ адмиралы было обойдено болѣе сорока капитановъ. Нѣкоторые изъ нихъ отказались отъ пенсіи за выслугу лѣтъ, такъ какъ они не только полагали, что ихъ служба даетъ имъ право на большее вознагражденіе, но и считали себя вполнѣ пригодными для дальнѣйшей службы; и вообще производство возбуждало много недовольства, разочарованій и опасеній, такъ какъ никто изъ офицеровъ не могъ быть увѣреннымъ въ полученіи того вознагражденія, которое онъ, по его мнѣнію, заслуживалъ. Такова была аргументація лорда Раудона. Его предложеніе было, однако, отвергнуто безъ голосованія; но это не помѣшало тому, что вскорѣ послѣ этого этотъ вопросъ былъ возбужденъ въ палатѣ общинъ, гдѣ и происходили дебаты по этому предмету. Оказалось, что не соблюдалось никакихъ правилъ при выборѣ капитановъ, что нѣкоторые больные капитаны были произведены въ адмиралы, а другіе давно заслуженные и не больные были обойдены; тѣмъ не менѣе въ этихъ преніяхъ адмиралтейство одержало побѣду, несомнѣнно вслѣдствіе общей увѣренности въ томъ, что производство по старшинству представляетъ большія затрудненія и опасности, чѣмъ производство по выбору, хотя бы министерство и не могло представить удовлетворительныхъ объясненій для своего выбора. Старшій изъ капитановъ, произведенный въ 1787 году, служилъ въ этомъ рангѣ тридцать лѣтъ, а младшій двадцать шесть; еслибы вообще не держались такой или подобной системы, то составъ высшихъ начальниковъ флота въ концѣ концовъ состоялъ бы изъ лицъ совершенно ветхихъ и кромѣ того нѣкоторые изъ офицеровъ, впослѣдствіи въ военное время оказавшіе серьезныя услуги, оставались бы капитанами такъ долго, что не могли бы получить команду, при отправленіи которой они покрыли себя неувядаемой славой. Выборъ шестнадцати капитановъ, сдѣланный въ 1787 году лордомъ Гове, бывшимъ тогда первымъ лордомъ адмиралтейства, всего лучше оправдывается фактомъ, что въ числѣ ихъ были Вильямъ Готамъ, впослѣдствіи лордъ, Джопъ Жервисъ, впослѣдствіи графъ С. Винцентъ, и Адамъ Дунканъ, впослѣдствіи виконтъ. Если бы тогда и въ послѣдующее время не держались такой системы производства, то Нельсонъ не могъ-бы быть произведенъ въ адмиралы и по всей вѣроятности при Трафальгарѣ

флотомъ командовалъ бы не сорокасемилѣтній адмиралъ, а семидесяти или семидесятилѣтній. По тому система, принятая адмиралтействомъ, была несомнѣнно полезна для страны, хотя она и могла быть непріятна для отдѣльныхъ лицъ.

Преміи морякамъ.

Въ тоже время всячески поощряли матросовъ. Въ 1788 году была издана прокламація объ отозваніи всѣхъ британскихъ моряковъ изъ иностранной службы и о воспрещеніи имъ поступать въ таковую безъ спеціальнаго разрѣшенія; въ 1791 году, во время столкновенія съ Россіей, были предложены слѣдующія преміи: опытному матросу 3 фунта, обыкновенному 2 ф., а здоровому рекруту, не служившему еще во флотѣ 1 ф. Въ началѣ войны 1793 года кромѣ королевскихъ премій лондонское Сити предложило 2 ф. всякому опытному матросу и 1 ф. обыкновенному; въ слѣдующемъ году Сити давало всякому опытному матросу 10 гиней, обыкновенному 8, а неслужившему во флотѣ 6 гиней; мальчикамъ, смотря по росту и возрасту, 1 или 2 гинеи. Въ 1795 году преміи были еще выше; въ нѣкоторыхъ случаяхъ онѣ доходили до 30 фунтовъ; но предложеніе настолько отставало отъ спроса, что въ томъ же году былъ принятъ актъ о сборѣ извѣстнаго количества людей съ каждаго графства, отъ 23 человѣкъ въ Рутландѣ до 1081 въ Іоркширѣ; чрезъ нѣсколько недѣль на основаніи другого акта на всѣ британскіе корабли былъ наложенъ арестъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ собрано извѣстное количество людей въ портахъ. Приходилось по распредѣленію отъ трехъ человѣкъ съ острововъ Сцилли и Престонпанса до 1711 человѣкъ въ Ливерпулѣ и 5704 человѣка въ Лондонѣ. Въ 1795 году былъ принятъ актъ, чтобы мелкіе офицеры флота могли назначать часть своего жалованья на содержаніе ихъ женъ и семей и чтобы письма моряковъ пересылались съ единообразной платой въ пенни. На основаніи другого акта, офицеры, переходившіе на половинное жалованье, могли просить уплаты извѣстной части впередъ. Въ 1796 году было увеличено жалованье лейтенантамъ. Тѣмъ не менѣе спросъ, особенно на простыхъ матросовъ продолжалъ превышать предложеніе и въ 1798 году нашли необходимымъ отмѣнить гарантіи противъ насильственныхъ наборовъ, на одинъ мѣсяцъ для угольныхъ судовъ и на пять мѣсяцевъ для другихъ. Удивительно, что при такихъ условіяхъ морская торговля страны не была окончательно раздавлена. Еще болѣе удивительно, что несмотря на насильственный наборъ и на огромное количество призовъ, взятыхъ врагами, торговля послѣ начала войны развилась до грандіозныхъ размѣровъ.

Не достойные офицеры флота.

За то совсѣмъ неудивительно, что при существованіи насильственнаго набора и при пополненіи состава флота подонками населенія во флотѣ существовало огромное недовольство, обусловливаемое также не въ малой степени и тираніей нѣкоторыхъ изъ офицеровъ. Во всякое время офицеры бываютъ разные; но послѣ окон-

чанія американской войны въ англійскомъ флотѣ было, можетъ было, больше, чѣмъ когда либо, офицеровъ болѣе или менѣе недостойныхъ занимаемаго ими положенія. Одинъ случай можетъ служить примѣромъ того, какіе люди могли въ то время получить рангъ капитана, Джонъ Перкинсъ, извѣстный во флотѣ въ концѣ восемнадцатаго вѣка подъ прозвищемъ «Жака Пунша», былъ въ 1782 году лейтенантомъ, въ 1797-мъ командиромъ, а въ 1800-мъ капитаномъ; умеръ онъ въ Ямайкѣ въ 1812 году. Его храбрость неоспорима; онъ имѣлъ большой успѣхъ, командуя кораблями «Drake», «Arab» и «Tartar»; но онъ былъ однимъ изъ любопытнѣйшихъ экземпляровъ, когда либо занимавшихъ въ британскомъ флотѣ рангъ капитана. По свидѣтельству офицера, служившаго съ нимъ на Leeward Station, его всѣ считали мулатомъ, рожденнымъ внѣ брака на островѣ С. Доминго. Его отцомъ, вѣроятно, былъ какой-нибудь британскій капитанъ, который нашелъ, что для устройства судьбы своего незаконнаго сына будетъ всего лучше помѣстить его въ экипажъ или своего корабля или корабля какого нибудь своего друга. Какъ бы тамъ ни былъ, Перкинсъ былъ настолько невѣжественъ, что не умѣлъ ни читать, ни писать и только для служебныхъ надобностей выучился кое-какъ подписывать свое имя. Кажется, что онъ не получалъ нигдѣ команды, за исключеніемъ Вестъ-Индіи; когда онъ состоялъ на половинномъ жалованьи, онъ жилъ въ Кингстонѣ въ Ямайкѣ и тамъ его жизнь и его отношенія съ женщинами были таковы, что скандализировали даже тогдашнее не особенно требовательное общество; тамъ его многочисленные дѣти «всѣхъ цвѣтовъ, за исключеніемъ чисто чернаго» въ теченіе многихъ лѣтъ составляли значительный контингентъ въ арміи лодочницъ, продавцовъ фруктъ и прачекъ. Такихъ офицеровъ, какъ Перкинсъ, наврядъ-ли было особенно много; но эпоха, когда былъ возможенъ такой офицеръ и когда лордъ Родней могъ въ теченіе мѣсяца и четырехъ дней сдѣлать своего сына, которому въ то время было не больше пятнадцати лѣтъ и пяти мѣсяцевъ, изъ мичмана капитаномъ, очевидно была такой эпохой, когда всяческія злоупотребленія были возможны.

Возмущенія во флотѣ.

Этой причиной можно объяснить многіе изъ непріятныхъ крупныхъ бунтовъ во флотѣ, происшедшихъ въ это время. Бунтъ экипажа корабля «Bounty» настолько же обусловливался суровостью капитана Блайга, насколько и прелестями Отаити. Въ 1797 году за мятежомъ флота въ Спитгидѣ послѣдовали болѣе серьезные бунты во флотахъ при Норѣ и въ Сѣверномъ морѣ. Въ первомъ изъ этихъ случаевъ причинами выставлялись недостаточность жалованья и пенсій, недостатокъ провіанта, отсутствіе заботы о бѣдныхъ и разграбленіе вещей матросовъ, рѣдкіе отпуски на берегъ и неуплата жалованія раненнымъ; адмиральтейство сдѣлало уступки во всѣхъ этихъ требованіяхъ. Но когда возмущеніе распространилось и во флотѣ на Сѣвер-

номъ морѣ, были поставлены дополнительныя требованія, чтобы офицеры, выгнанные мятежниками съ корабля, не получали должности на этомъ же кораблѣ безъ согласія экипажа, что бы всѣмъ бѣжавшимъ было объявлено прощеніе, чтобы ихъ не арестовывали, какъ дезертеровъ, чтобы въ военныхъ статьяхъ были произведены нѣкоторыя измѣненія. Адмиральтейство отвѣтило отказомъ на большинство этихъ новыхъ требованій и такъ какъ руководитель мятежа, Ричардъ Паркеръ, настаивалъ на нихъ, то положеніе дѣлъ было опаснымъ, такъ какъ къ мятежникамъ пристало большое количество экипажей. Къ счастію въ этомъ случаѣ адмиральтейство проявило необычную для него твердость; послѣ нѣкотораго времени, въ теченіе котораго страна находилась въ опасности, мятежъ прекратился. Въ этихъ случаяхъ тиранію не выставляли причиной мятежа; но въ другихъ менѣе важныхъ бунтахъ того же времени она несомнѣнно была главной причиной. При страшномъ мятежѣ экипажа «Герміоны» въ сентябрѣ этаго года причиной была тиранія, и только одна тиранія. Фрегатъ подъ начальствомъ капитана Гуга Пигота, человѣка храбраго, но чрезвычайно жестокаго, крейсировалъ близь Пуэрто-Рика; экипажъ, доведенный до отчаянія цѣлымъ рядомъ жестокостей, наконецъ возмутился и убилъ капитана. Конечно, оправдать такое мщеніе нельзя ни при какихъ условіяхъ, а въ этомъ случаѣ дѣло было тѣмъ ужаснѣе, что оно сопровождалось эксцессами. Былъ убитъ не одинъ Пиготъ, а девять другихъ офицеровъ, въ томъ числѣ и мичманъ, совсѣмъ мальчикъ; гнусность поступка была увѣнчана передачей фрегата врагамъ. Почти одновременный бунтъ на кораблѣ «Tremendous» у мыса Доброй Надежды былъ вызванъ тоже жестокостями капитана, который, однако, потребовалъ суда надъ собой и былъ торжественно оправданъ. Таже причина, вѣроятно, вызвала мятежъ на кораблѣ «Даная» въ 1800 году и многіе другіе бунты.

Составъ флота.

При началѣ войны съ Франціей въ февралѣ 1793 года персоналъ королевскаго флота состоялъ изъ одного адмирала флота, изъ 16 адмираловъ, 25 вицеадмираловъ, 22 контръ адмираловъ, 431 капитановъ, 163 командировъ, 1429 лейтенантовъ и 297 штурмановъ— общее число всѣхъ матросовъ и морскихъ солдатъ, включая и офицеровъ всѣхъ ранговъ, было 45,000. Въ октябрѣ 1801 года, при прекращеніи военныхъ дѣйствій предъ подписаніемъ Амьенскаго мира, составъ флота былъ слѣдующій: 1 адмиралъ флота, 45 адмираловъ, 39 вицеадмираловъ, 59 контръ-адмираловъ, 516 капитановъ, 391 командировъ, 2135 лейтенантовъ и 517 штурмановъ, такъ что общее число всѣхъ матросовъ и морскихъ солдатъ, включая и офицеровъ, было уже 135,000. Субсидіи, вотированныя на содержаніе флота, пропорціонально увеличились; въ 1793 года вся сумма, израсходованная на флотъ, была только 4,003,984 фунта, а въ 1801 году уже

16,577,037 ф. Соотвѣтствовалъ этому и составъ самаго флота, какъ это видно изъ слѣдующей таблицы:

	1793 г.		1801 г.	
	Число	тоннъ.	Число	тоннъ.
Перваго ранга .	7	15,859	13	30,384
второго »	24	46,892	21	41,719
третьяго »	119	186,448	151	249,434
четвертаго »	25	27,004	28	31,390
пятаго »	93	74,729	150	140,920
шестого »	41	24,923	44	24,062
шлюпки	49	14.732	116	39,316
бомбардирскіе . .	2	609	14	4,687
брандеры . . .	6	2,547	3	1,091
всего	366	391,743	540	563,003.

Въ этомъ спискѣ не включены малые суда, яхты, транспорты и т. п. Если включить ихъ, то флотъ 1793 года состоялъ изъ 411 кораблей въ 402,555 тоннъ, а флотъ 1801 года изъ 781 корабля въ 650,976 тоннъ. Увеличеніе числа кораблей до значительной степени объясняется захватомъ и продажей во флотъ вражескихъ судовъ. Въ теченіе всей войны Великобританія взяла у своихъ враговъ 570 военныхъ кораблей разнаго наименованія съ 15,934 пушками, а потеряла 59 кораблей съ 1272 пушками, такъ что разница въ пользу англичанъ составляла 511 военныхъ кораблей и 14,662 пушки. Кромѣ того было взято 903 приватера, изъ которыхъ нѣкоторые были тоже куплены для королевскаго флота.

Тактика.

Улучшенія въ морской тактикѣ были естественнымъ слѣдствіемъ опыта. Въ семнадцатомъ и въ началѣ восемнадцатаго вѣковъ морскія битвы происходили какъ бы по молчаливому соглашенію двухъ командировъ, на основаніи опредѣленныхъ правилъ; главной руководящей идеей, всегда присущей въ умѣ каждаго изъ адмираловъ, была та, что онъ, разставивъ свой флотъ въ линію, долженъ стать какъ возможно ближе по курсу, параллельному съ курсомъ противника, и вести борьбу корабль съ кораблемъ, съ борта на бортъ. Какъ служебныя традиція, такъ и печатныя предписанія учили его, что онъ обязанъ во что бы то ни стало держать свой флотъ въ формѣ колонны и ни подъ какимъ предлогомъ не позволять себѣ уклоняться отъ этаго правила. Но время отъ времени смѣлые люди пытались вводить новшества въ тактику, даже рискуя своимъ оффиціальнымъ положеніемъ. Во время голландскихъ войнъ при республикѣ и при Карлѣ II мы встрѣчаемъ нѣсколько примѣровъ личнаго, а не оффиціальнаго, способа вести морскую битву—на эти примѣры спеціалисты-писатели обращали недостаточно вниманія; адмиралы постепенно все болѣе и болѣе освобождались изъ подъ власти писанныхъ

правилъ; но это было временно пріостановлено приговоромъ военнаго морского суда по дѣлу Матьюса послѣ несчастной битвы 1744 года. Матьюсъ осмѣлился оставить линію и такъ какъ нѣкоторые изъ его капитановъ изъ страха нарушить правила, а можетъ быть по другимъ менѣе извинительнымъ причинамъ, не послѣдовали за нимъ, то Матьюсъ и былъ разбитъ. Устрашенный судьбой Матьюса Бингъ прибѣгъ къ другой крайности и былъ наказанъ еще болѣе сурово за пораженіе 1756 года. Эти судебные приговоры, очень печальные и можетъ быть въ обоихъ случахъ несправедливые, имѣли по крайней мѣрѣ то значеніе, что очистили атмосферу. Гаукъ былъ вмѣстѣ съ Матьюсомъ и былъ единственнымъ изъ капитановъ, поддерживавшихъ его надлежащимъ образомъ. Приговоръ суда не повліялъ на сильный характеръ Гаука, какъ онъ повліялъ на болѣе слабаго Бинга. Гаукъ не испугался отвѣтственности, не испугался ее и Роднеи, бывшій однимъ изъ протеже Матьюса, хотя онъ и не участвовалъ въ битвѣ при Тулонѣ. Эти офицеры, въ особенности первый, серьезно изучали морскую тактику, не какъ науку, цѣликомъ содержащуюся въ инструкціяхъ, а какъ науку, находящуюся еще въ дѣтствѣ. Оба они независимо другъ отъ друга пришли къ заключенію, что могутъ быть лучшія системы нападенія, чѣмъ излагаемая въ инструкціяхъ; они рѣшили, что въ томъ случаѣ, если имъ придется быть командирами флота, они должны обращать больше вниманія на условія времени и мѣста, чѣмъ на какія либо формальныя и традиціонныя указанія. Каждый изъ нихъ привелъ свое намѣреніе въ исполненіе. Гаукъ въ Квиберонѣ оставилъ всякую рутину и одержалъ блестящую побѣду. Довольно сомнительно, чтобы разрывъ вражеской линіи въ битвѣ при Сентсъ былъ обдуманнымъ дѣломъ Роднея, но Родней во всякомъ случаѣ сознательно отступалъ отъ рутины въ другихъ случаяхъ, и въ битвѣ при Сентсъ этотъ разрывъ линіи флотомъ Роднея окончательно далъ торжество теоріи, до тѣхъ поръ еще спорной, что главнокомандующій долженъ руководиться болѣе своими личными талантами и личной иниціативой, чѣмъ какими либо правилами. Съ этаго времени старые методы борьбы были почти совершенно оставлены. Бингъ и даже Матьюсъ пришли бы въ ужасъ при видѣ того, что дѣлалось въ Египтѣ, Копенгагенѣ и Трафалгарѣ.

Прогрессъ, даже переворотъ, произошедшій въ теченіе какихъ нибудь пятидесяти лѣтъ, обусловливался главнымъ образомъ силой характера и самоувѣренностью немногихъ, которымъ Англія довѣрила судьбу своего флота въ самые трудные моменты своей исторіи; но онъ обусловливался также и работой, совершонной не на морѣ, а на сушѣ, и не только въ Англіи, а и на континентѣ. Трактаты Павла Госта, Биго Де-Мерога и Клерка Эльдина, конечно, не остались безъ вліянія на развитіе морской тактики, а стало быть и на побѣды британскаго флота.

Мы не можемъ здѣсь подробно излагать ходъ войны 1793—1802 годовъ. Достаточно привести указаніе Магэна, цитирующаго Анри Мартена: »Монтаньяры я якобинцы рѣшились подобно жирондистамъ пропагандировать оружіемъ принципы революціи и надѣялись, что, бросивъ вызовъ всѣмъ королямъ, они сдѣлаютъ для Франціи невозможнымъ отступленіе или остановку». А разъ французская нація приняла такую безумную политику, она могла быть остановлена только оружіемъ. Это было «совершено главнымъ образомъ морскими силами Великобританіи, главнаго дѣятеля этой великой борьбы —прямо посредствомъ флота и косвенно посредствомъ субсидій, извлекаемыхъ изъ ея торговли; эта послѣдняя во время этой трудной и дорогой войны увеличилась почти вдвое. Въ 1801 году агрессивныя тенденціи французской націи истощились. Поскольку онѣ сохранились, онѣ воплотились въ одномъ человѣкѣ; а въ этой формѣ онѣ были и легче различимы и болѣе ненавистны; онѣ стали также и менѣе опасными, такъ какъ могущество одного человѣка, даже геніальнаго, и на добро и на зло меньше, чѣмъ дѣятельность великаго народа».

Изслѣдованія и открытія.

Раймонда Бизли.

Плаваніе корабля «Bounty».

Сравнительно съ открытіями Кука всѣ послѣдующія приключенія англійскихъ изслѣдователей отъ 1780 до 1815 года кажутся незначительными. Главное изъ нихъ отличается романическимъ характеромъ; въ декабрѣ 1787 года одинъ изъ старыхъ товарищей Кука, лейтенантъ Вильямъ Блайгъ, былъ отправленъ ввести хлѣбное дерево изъ Таити въ Вестъ Индію. До прохода мимо Горна сильные западные вѣтры заставили его вернуться, пересѣчь югъ Атлантическаго океана и подойти къ Таити съ запада. Онъ нагрузилъ тамъ свой корабль хлѣбными деревьями и 4 апрѣля 1789 года отплылъ. Но 27 апрѣля весь его экипажъ, за исключеніемъ восемнадцати человѣкъ, возмутился; капитанъ и оставшіеся ему вѣрными люди были посажены на баркасъ съ 150 фунтами хлѣба, 28 галонами воды, небольшимъ запасомъ рома, вина, свинины и кокосовыхъ орѣховъ, съ квадрантомъ и компасомъ. «Онъ найдетъ дорогу домой, если дать ему карандашъ и бумагу; онъ въ мѣсяцъ выстроитъ себѣ корабль»—говорили мятежники. Блайгъ въ этомъ открытомъ ботѣ, въ 23 фунта длины, безъ карты, совершилъ плаваніе въ 3618 миль изъ Таити въ Тиморъ, по пути открывъ часть Новыхъ Гебридскихъ

острововъ, незамѣченныхъ ни Кукомъ, ни Бугенвиллемъ. Во время плаванія люди ужасно страдали и спаслись только потому, что на тридцатый день могли пристать къ сѣверному берегу Новой Голландіи; на сорокъ первый день, 14 іюня 1789 года, они достигли голландскихъ поселеній. Блайгъ вернулся въ Англію 14 марта 1790 года на шонерѣ изъ Тимора; его разсказъ возбудилъ большой интересъ и большое негодованіе. Чрезъ нѣкоторое время въ Таити былъ отправленъ фрегатъ «Пандора» для наказанія мятежниковъ. Но нашли только десятерыхъ изъ нихъ; они были привезены въ Англію и трое изъ нихъ были казнены; остальные убѣжали съ женами — отаитянками и нѣсколькими островитянами на островъ Питкернъ, недавно открытый Картеретомъ (1790). Тамъ ихъ никто не видалъ, кромѣ американцевъ, бывшихъ тамъ въ 1808 году, и только въ 1814 году англійскій фрегатъ прибылъ къ острову и нашелъ единственнаго изъ экипажа, Джона Адамса и колонію, состоящую изъ 47 человѣкъ, смѣшанной англійской и таитянской крови.

Плаваніе къ Шпицбергену.

Большая часть англійскихъ изслѣдованій въ это время была произведена въ южномъ полушаріи. Было сравнительно мало сдѣлано открытій въ сѣверныхъ частяхъ Азіи и Америки. Впрочемъ, въ 1773 году были сдѣланы нѣкоторыя попытки арктическихъ изслѣдованій «по Шпицбергенской дорогѣ»; но два корабля «Racehorse» и «Carcass», отправленные для этого подъ начальствомъ капитана Фиппса, не нашли возможнымъ проникнуть къ сѣверу отъ Шпицбергена и послѣ трехмѣсячнаго плаванія вернулись въ Англію. Но завоеваніе Канады, также какъ завоеваніе центральной Индіи, сдѣлало возможнымъ подробное изслѣдованіе большихъ пространствъ континента, раньше мало извѣстныхъ.

Африка и Австралія.

Въ концѣ восемнадцатаго вѣка начинается дѣятельность въ новыхъ направленіяхъ, съ которой связаны имена трехъ извѣстныхъ путешественниковъ. Джемсъ Брюсъ своими путешествіями по Алжиріи, Нубіи и Абиссиніи (1765—72) и открытіемъ источника Голубого Нила въ Гешѣ (1770) былъ піонеромъ позднѣйшихъ изслѣдованій внутренней Африки. Мунго Паркъ своими двумя путешествіями въ западной Африкѣ и изслѣдованіемъ теченія верхняго Нигера направилъ англійскую предпріимчивость въ ту сторону, которая со временъ Елизаветы, со дней Андрью Баттеля, была почти забыта. Матью Флиндерсъ, изслѣдователь перворазрядный, въ 1795—1800 и въ 1801—3 годахъ продолжалъ дѣло Кука на берегахъ Австраліи; его планы и теперь составляютъ основаніе для адмиралтейскихъ картъ большей части сѣверныхъ, восточныхъ и южныхъ береговъ этого большого острова и почти всей береговой линіи Вандименовой земли.

Изъ этихъ изслѣдователей Паркъ отдалъ своему дѣлу не только время и трудъ, но и жизнь. Для того, чтобы увеличить наши свѣ-

дѣній относительно крайне опасной, нездоровой, но важной мѣстности онъ сначала прошелъ отъ Пизаніи на Гамбіи до Сего на Нигерѣ, спустился по этой рѣкѣ до Силлы и вернулся къ берегу по болѣе южной дорогѣ чрезъ страну Мандинго; но во время второго путешествія онъ палъ жертвой враждебныхъ племенъ близъ Буссы и такимъ образомъ исполнилъ свое обѣщаніе, данное имъ лорду Камдену, что если ему не удастся пройти все теченіе могучей рѣки до самаго моря, то онъ по крайней мѣрѣ умретъ на Нигерѣ.

Господствующая церковь 1715—1815 г.

Раймонда Бизли.

Исторія англиканской церкви въ восемнадцатомъ вѣкѣ очень скудна. Какъ церковь, она никогда въ теченіе своей исторіи такъ не стыдилась себя, какъ въ это время; какъ государственное сословіе, она лишилась своего представительнаго собранія; какъ религіозная сила, она отступила на задній планъ предъ нонкоформистами; какъ учрежденіе, она утратила все свое значеніе.

Нельзя отрицать того, что въ теченіе вѣка со времени реставраціи англиканская церковь руководила религіей Англіи и однако уже въ 1751 году виднѣйшій изъ ея представителей, епископъ дургамскій Бутлеръ, оплакивалъ «общій упадокъ религіи, который въ настоящее время замѣчается всѣми». Онъ говоритъ, что «вліяніе христіанства на умы людей все болѣе и болѣе исчезаетъ». Къ расколу въ 1700 году принадлежало не болѣе двадцатой части населенія, а въ 1800 году къ нему, какъ полагаютъ, принадлежала уже пятая часть, да и принадлежность остальныхъ четырехъ пятыхъ населенія къ господствующей церкви была до значительной степени чисто номинальной. Религіозное движеніе и интересъ къ религіи существовали, какъ извѣстно, у веслеянцевъ или евангелистовъ и слѣдствіемъ этого движенія было отдѣленіе отъ церкви или по крайней мѣрѣ практическое отверженіе ея ученія.

Церковь и Государство.

Прежде всего политическую или внѣшнюю исторію церкви въ восемнадцатомъ вѣкѣ слѣдуетъ разсматривать отдѣльно отъ внутренней или соціальной ея исторіи, или отъ высоко развитой отрасли современной теологіи, отъ полемической ея стороны. Ни раньше, ни позже не было столь рѣзкаго раздѣленія между внѣшней и внутренней жизнью англиканской церкви, между виггизмомъ высшихъ сановниковъ церкви и торизмомъ низшаго духовенства, между достоинствомъ и богатствомъ прелатовъ и униженіемъ и бѣдностью низшаго духовенства.

Якобитское духовенство.

При воцареніи Гановерскаго дома многіе изъ духовныхъ лицъ отказались отъ присяги и такимъ образомъ отдѣлились отъ господствующей церкви. Гораздо большее число ихъ подъ руководствомъ рочестерскаго епископа Аттербюри признало новое правительство, но только какъ установленное парламентомъ и могущее быть отмѣнено тоже парламентомъ. Это «якобитское» духовенство до 1722 года составляло такъ называемую конституціонную оппозицію и, повидимому, держалось въ границахъ торійскаго церковничества. Оно противилось напр. акту объ усиленіи протестантизма въ декабрѣ 1718 года; въ этомъ актѣ предлагалась отмѣна акта о случайномъ единовѣріи, акта о расколѣ и нѣкоторыхъ частей актовъ о присягѣ и о корпораціяхъ; съ еще большей энергіей оно противилось акту о «клятвенномъ обѣщаніи квакеровъ», внесенному въ палату лордовъ въ январѣ 1722 года и дававшему по увѣренію Аттербюри привиллегію «людямъ, которые наврядъ ли христіане». Но въ 1722 году вождь якобитовъ былъ обвиненъ въ измѣнѣ; съ августа 1717 года онъ имѣлъ постоянныя сношенія съ изгнаннымъ королевскимъ родомъ; Вальполь подозрѣвалъ это, если и не зналъ положительно; такъ какъ Аттербюри нельзя было подкупить ни пенсіей въ пять тысячъ фунтовъ, ни винчестерскимъ епископствомъ, то въ августѣ 1722 года его арестовали по обвиненію въ отправкѣ трехъ измѣнническихъ писемъ къ графу Мару, государственному секретарю Іакова. Правительство обвинило его въ парламентѣ на основаніи Bill of Pains and Penalties («билля о преступленіяхъ и наказаніяхъ»); онъ былъ лишенъ обѣихъ своихъ бенефицій, рочестерской кафедры и вестминстерскаго деканства, и присужденъ къ пожизненному изгнанію. Онъ умеръ въ Парижѣ въ лонѣ англиканской церкви въ мартѣ 1732 года. Съ этого времени клерикальное якобитство быстро вымираетъ и при появленіи въ Англіи претендента въ 1745 году онъ не встрѣтилъ въ церкви той поддержки, на которую разсчитывалъ. Въ это время, послѣ закрытія конвокаціи по поводу такъ называемаго «Бангоріанскаго спора» въ 1717 году, избраніе людей для управленія церковью было старательно контролируемо государями, также какъ раньше оно контролировалось Тюдорами.

Закрытіе конвокаціи.

Конвокація была закрыта лѣтомъ 1717 года и несобиралась до 1852 года; закрыта она была потому, что осмѣлилась неодобрить теологическое ученіе приверженца правительства епископа Бангора Гоадли, изложеннаго имъ въ его сочиненіи: «Preservative against the Principles of Nonjurors», и въ проповѣди, произнесенной имъ предъ королемъ Георгомъ I, 17 марта 1717 года; онъ отрицалъ существованіе видимой церкви. Низшая палата конвокаціи 10 мая того же года единогласно осудила это заявленіе, какъ отрицающее всякое управленіе церковью; но раньше рѣшенія епископовъ клерикальное собраніе было отсрочено и не собиралось въ теченіе 135 лѣтъ. Та-

жимъ образомъ духовенство было лишено всякой независимости и вигская администрація могла держать въ рукахъ церковь, требуя принадлежности къ своей партіи, какъ необходимаго условія для занятія высшихъ церковныхъ должностей. Такъ напр. въ 1737 году послѣ смерти архіепископа Уэка лондонскій епископъ Жибсонъ, въ теченіе многихъ лѣтъ бывшій совѣтникомъ Вальполя по церковнымъ вопросамъ и самый ученый и наиболѣе свѣдующій въ государственныхъ дѣлахъ изъ прелатовъ, но противившійся министерству по вопросу о биллѣ относительно квакеровъ и добившійся въ палатѣ лордовъ отверженія этого билля, былъ устраненъ и ему предпочли епископа оксфордскаго Поттера. Чрезъ десять лѣтъ Поттеру наслѣдовалъ Герингъ іоркскій, благодаря своей несомнѣнной преданности политическому и религіозному виггизму; таковы же были и права наслѣдника Жибсона по лондонской кафедрѣ, Ширлока салисбюрійскаго и большинства другихъ епископовъ, назначаемыхъ въ теченіе восемнадцатаго вѣка.

При такой непрерывности ряда либеральныхъ прелатовъ можно было ожидать, что что-нибудь будетъ сдѣлано для измѣненія молитвенника и для примиренія съ диссентерами. Но руководящимъ принципомъ англійскаго правительства въ церковныхъ дѣлахъ отъ Вальполя до Веллингтона былъ принципъ невмѣшательства, лишь бы церковь не проявляла непріятныхъ стремленій къ активности—и этой причиной обусловливалась неудача движенія антисубскрипціонистовъ (не желавшихъ давать подписки о признаніи ученія церкви). Таже причина, помимо энергической оппозиціи прелатовъ, обусловливала и отверженіе билля объ отмѣнѣ ограниченій правъ диссентеровъ (Dissenters Relief Bill), внесеннаго въ парламентъ въ 1773 году. Когда въ 1778 году католики были избавлены отъ наиболѣе суровыхъ изъ опредѣленій уголовныхъ законовъ, въ 1779 году былъ снова внесенъ и принятъ этотъ билль о диссентерахъ. Но терпимость по отношенію къ «папистамъ» повела къ возмущенію Гордона 1780 года, и попытки добиться отмѣны актовъ о присягѣ и о корпораціяхъ, дѣлаемыя въ 1787, 1789 и 1790 годахъ, потерпѣли неудачу. Начало французской революціи отсрочило прогрессъ въ этомъ направленіи почти на сорокъ лѣтъ, за исключеніемъ, впрочемъ, вопроса о католикахъ; ихъ страданія во Франціи возбуждали въ англичанахъ сочувствіе къ нимъ и въ 1791 году были отмѣнены нѣкоторые изъ изданныхъ раньше противъ нихъ статутовъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы они приняли присягу на подданство.

Любопытно то, что главнымъ характернымъ фактомъ церковной исторіи въ восемнадцатомъ вѣкѣ была полемика. Типичный выдающійся церковникъ этаго времени — это памфлетистъ; въ то время казалось важнѣе разсуждать о наиболѣе абстрактныхъ теологическихъ и метафизическихъ тонкостяхъ, чѣмъ участвовать въ церков- Теологическая полемика. Бангоріанскій споръ.

ной практической жизни. Слѣдствія такой маніи полемики были въ высшей степени вредны для религіи; она, казалось, въ этой полемикѣ утрачивала свою силу и привлекательность.

Первымъ изъ этихъ споровъ былъ «бангоріанскій», бывшій, какъ сказано, непосредственнымъ поводомъ закрытія конвокаціи. Но кромѣ этого онъ интересенъ и въ другомъ отношеніи; онъ выдвинулъ наиболѣе даровитаго изъ когда либо существовавшихъ въ нѣдрахъ англиканской церкви религіознаго писателя.— Вильяма Лоу, автора «Serious Call», письма котораго къ епископу Бангорскому (къ Гоадли) были, можетъ быть, лучшими образчиками религіозной полемики этаго столѣтія.

Латитудинаріане.

Нападенія латитудинаріанъ не прекратились съ окончаніемъ бангоріанскаго спора, но постепенно раздѣлились на два главныхъ теченія; одна партія совѣтывала либеральнымъ теологамъ не обращать вниманія на затрудненія, представляемыя требованіемъ давать подписку о согласіи съ припятымъ церковнымъ ученіемъ, оставаться въ церкви и являться въ ней «закваской для массы», а другая партія настаивала на отмѣнѣ этой подписки. Самуэля Кларка, моралиста, ректора св. Іакова въ Вестминстерѣ, часто считали основателемъ первой изъ этихъ школъ теологовъ, безсознательно осмѣянной однимъ восточнымъ государемъ, который выучился у ней избѣгать затрудненій, представлявшихся ему въ его религіи. («Я дѣлаю такъ, какъ поступаютъ мои христіанскіе друзья — сказалъ онъ.—Я говорю, что вѣрю въ Будду, а я въ него не вѣрю»). «Исправленный молитвенникъ и собраніе псалмовъ и гимновъ»—Кларка, изданные въ 1718 году, дали аріанскимъ церковникамъ литургію, пригодную для употребленія въ тринатаріанской церкви; издатель устранялъ всѣ затрудненія увѣреніемъ, что «всякій человѣкъ можетъ разумно согласиться на формулы, требуемыя протестантскимъ исповѣданіемъ, лишь бы онъ могъ въ какомъ либо смыслѣ примирить ихъ съ священнымъ Писаніемъ». Естественно, что такое положеніе подвергалось рѣзкимъ нападеніямъ какъ со стороны диссентеровъ, такъ и со стороны ортодоксальныхъ церковниковъ — нападенію автора: «Address to Conforming Clergy» съ одной стороны и Даніеля Уотерланда съ другой. Сочиненіе этаго послѣдняго: «Case of Arian Subscription Considered» 1721 года было началомъ полемики, слѣдствіемъ которой было то, что большинство изъ руководителей «согласныхъ аріанъ» отказалось отъ своихъ мѣстъ и пристало ко второму крупному движенію «широкой церкви» въ этомъ столѣтіи, къ движенію антисубскрипціонистовъ. Однимъ изъ первыхъ шаговъ въ этомъ движеніи послѣ воцаренія Ганноверскаго дома было изданіе въ 1749 году тома статей, подъ общимъ заглавіемъ: «Свободныя и безпристрастныя изслѣдованія относительно церкви Англіи»; нападки на это сочиненіе встрѣтили отпоръ со стороны человѣка, ставшаго

вождемъ партіи антисубскрипціонистовъ, хотя самъ онъ и не былъ авторомъ ни одного изъ этихъ «Изслѣдованій». Этотъ человѣкъ Фрэнсизъ Блакбурнъ, архидіаконъ Клевеландскій. Любопытно, что это движеніе не имѣло никакихъ практическихъ слѣдствій, несмотря на то, что взгляды партіи раздѣлялись и въ высшихъ сферахъ. Блакбурнъ получилъ архидіаконство по рекомендаціи архіепископа Іоркскаго Гёттона. Герингъ, переведенный изъ сѣвернаго архіепископства въ южное въ 1747 году, горячо одобрялъ такія сочиненія, какъ «Молитвенникъ» Кларка и «Простое объясненіе Вечери Господней» Гоадли (1733). Въ 1750 году епископъ Клогерскій Клайтонъ въ своемъ «Essay on Spirit» настаивалъ на устраненіи изъ молитвенника Символа Вѣры и на общемъ пересмотрѣ молитвенника; въ письмѣ къ архіепископу Кентербюрійскому (1754) Блакбурнъ энергично нападаетъ на самый принципъ подписки, какъ на причину безнравственности націи и неудовлетворительности духовенства. Въ главномъ своемъ сочиненіи «Confessional», изданномъ въ 1768 году, Блакбурнъ защищаетъ тѣже положенія, отрицаетъ возможность добросовѣстнаго общаго согласія съ церковнымъ ученіемъ и нападаетъ на всѣ исповѣдыванія вѣры, какъ на условіе полученія церковныхъ должностей.

При архіепископѣ Корнваллисѣ въ 1768 году антисубскрипціонисты представили «Предложеніе объ освобожденіи отъ подписки» и внесли его въ палату общинъ 6 февраля 1772 года. Предложеніе было подписано только двумястами лицами, но такія вліятельныя личности, какъ епископъ Лоу, Палей и Ватсонъ сочувствовали ему, хотя сами были слишкомъ осторожны, чтобы подписать его. Палата общинъ отвергла предложеніе большинствомъ 217 голосовъ противъ 71 и Боркъ презрительно называлъ петиціонеровъ «людьми, желавшими получать должности, предназначаемыя для людей за обученіе извѣстнымъ доктринамъ, и учащими другимъ противоположнымъ».

Второе предложеніе въ томъ же смыслѣ было представлено архіепископу Корнваллису въ 1772 года и тоже не имѣло послѣдствій; такъ какъ въ это время уже сильно развивалось вліяніе евангелическаго и методистскаго возрожденія, то интересъ къ движенію антисубскрипціонистовъ ослабѣлъ, потому что евангелисты считали это движеніе нападеніемъ на самую сущность христіанства подъ покровомъ либерализма.

Деистическая полемика относится скорѣе къ философіи, чѣмъ къ религіи восемнадцатаго вѣка. Но до нѣкоторой степени деизмъ былъ нападеніемъ на формальныя вѣрованія церкви и потому намъ здѣсь слѣдуетъ упомянуть о «Разсужденіи объ основахъ христіанства» (1724) Антони Коллинса, о «Разсужденіи о чудесахъ Христа» (1727). Вольстона (на это сочиненіе отвѣтомъ было «Изслѣдованіе о свидѣтельствахъ Воскресенія» Ширлока) и о сочиненіи: «Христіанство

Деисты.

столь же старо, какъ и созданіе»—Тиндаля, посвященное доказательству, что человѣку необходима только естественная религія.

Въ отвѣтъ на эту критику христіанства Жозефъ Бутлеръ, бывшій въ то время ректоромъ Стангопа, составилъ свою «Аналогію религіи», изданную въ 1736 году, а Берклей написалъ Dialogues of Alciphron or Minute Philosopher. Юмъ перенесъ деистическій споръ на почву принципіальнаго скептицизма. На его десятый эссей («О чудесахъ») отвѣчалъ Джонъ Леландъ въ его «Обзорѣ деистическихъ писателей», въ сочиненіи, изданномъ въ одномъ году съ посмертными сочиненіями Болинброка (1754), который «отвергалъ всякое мнѣніе, которое могло бы затруднить скептика при его спорѣ съ христіаниномъ». О философской сторонѣ этой полемикѣ, занимавшейся тѣми основными принципами, которые лежатъ въ основѣ стремленія человѣческаго духа къ сверхъестественному, уже было говорено въ другомъ мѣстѣ этаго тома.

«Гутчинсоніанцы», Джонсъ Найландъ (основатель журнала «Британскій критикъ») и Георгъ Горнъ, епископъ норвичскій, были въ этой борьбѣ наиболѣе выдающимися изъ защитниковъ религіозныхъ принциповъ; а Юмъ былъ самымъ выдающимся, Гиббонъ самымъ тонкимъ, Нристлей [1]) самымъ умѣреннымъ, а Томъ Пэнъ самымъ ярымъ изъ бойцовъ раціонализма.

Общественная исторія духовенства.

Общественная исторія церкви въ это время особенно интересна благодаря изобилію матеріаловъ, доказывающихъ почти невѣроятное паденіе и подчиненное положеніе многихъ изъ низшихъ духовныхъ лицъ того времени. Къ сожалѣнію объ этомъ мы можемъ здѣсь сказать только нѣсколько словъ.

Въ числѣ обычаевъ, наиболѣе тяжелыхъ для тогдашняго духовенства, была его зависимость отъ свѣтскихъ патроновъ, на основаніи «ихъ резиньяціи», [2]) истинное назначеніе которой по словамъ архіепископа Секкера состояло «въ порабощеніи священника волѣ и капризу патрона». Но какъ бы плохо ни было положеніе священниковъ, имѣвшихъ приходы, положеніе куратовъ, ихъ помощниковъ, было еще хуже. До временъ французской революціи епископы опредѣляли ихъ жалованье, которое не должно было превышать 50 фунтовъ. Богатый куратъ появляется только со временъ акта 36 года Георга III, опредѣлявшаго максимумъ жалованья въ 75 фунтовъ; церковное законодательство въ это время было, по словамъ Сиднея Смита, законодательство въ пользу епископовъ. Занятіе высшими чинами церкви по нѣскольку мѣстъ и отсутствіе ихъ изъ приходовъ

---

[1]) Въ его „History of the Corruption of Christianity“ (1782) и въ „History of Early Opinions concerning Jesus Christ“ (1786).

[2]) Эти отношенія были, однако, не признаны палатой лордовъ въ 1782 г.

составляли такой же скандалъ, какъ бѣдность и униженіе низшаго духовенства.

Обыкновенно къ извѣстнымъ кафедрамъ присоединяли деканство или доходы капоника; въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти доходныя мѣста давались новому епископу въ вознагражденіе за то, что онъ отказывался отъ удобной для него резиденціи (такъ было даже въ случаяхъ съ такими выдающимися прелатами, какъ Аттербюри, Бутлеръ и Генрихъ Фильпотсъ), а сельскіе священники наврядъ ли стояли на общественной лѣстницѣ выше, чѣмъ Адамсъ Фильдинга или Вакфильдскій викарій Гольдсмита. Бѣдный сельскій священникъ обыкновенно женился на служанкѣ или дочери трактирщика. Еще болѣе рабскимъ было положеніе домашнихъ капелановъ. Они были просто слугами—и не главными слугами, такъ что напримѣръ буфетчикъ имѣлъ сравнительно съ ними серьезныя преимущества. Мѣстные обычаи, кое гдѣ сохранившіеся до настоящаго времени, доказываютъ это странное положеніе вещей. Въ Кумберландѣ долго сохранялся обычай, что приходскій священникъ съ пожемъ и вилкой обходилъ фермеровъ своего прихода и обѣдалъ у каждаго по недѣлѣ взамѣнъ части своего жалованья.

Но хуже всего приходилось полуголоднымъ священникамъ, не находившимъ мѣста. Ольдгамъ жалуется, что въ началѣ столѣтія такихъ священниковъ было очень много:

„Вы наврядъ ли встрѣтите
На улицѣ столько носильщиковъ, сколько поповъ;
Половина этаго священнаго стада
Бродитъ безъ дѣла, не находя приходовъ“.

Положеніе церкви было особенно плохо въ послѣдніе годы министерства Вальполя. Съ этаго времени начинается возрожденіе, вызванное Веслеемъ и Уитфильдомъ, методистами и евангелистами.

Веслеянцы и методисты.

О веслеянскомъ движеніи мы уже говорили. Оно оказало двойственное вліяніе на англиканскую церковь: оно потрясло и вмѣстѣ съ тѣмъ возродило ее; оно отняло у нея многихъ серьезныхъ людей, но за то евангелисты конца вѣка, вожди которыхъ Вильбефорсъ, Симеонъ, Топлэди, Веннъ, Ньютонъ, Коуперъ и Мильнерсъ, были скорѣе послѣдователями Уитфильда и методистовъ-кальвинистовъ, чѣмъ Веслея, влили въ нее новую жизнь. Оно сдѣлало, наконецъ, невозможными пастора, охотившагося за лисицами и отсутствующаго ректора. Въ души націи оно влило новый нравственный энтузіазмъ, который часто казался суровымъ и педантичнымъ, но по своему общественному настроенію былъ здоровымъ; его вліяніе проявилось въ уменьшеніи разврата, безчестившаго высшіе классы общества, въ уменьшеніи грязи, пятнавшей литературу со временъ реставраціи. Еще болѣе важнымъ слѣдствіемъ этого движенія было возрож-

деніе духа милосердія и благотворительности, новыя попытки исцѣлить нзвѣжество, физическія страданія и общественное униженіе отверженныхъ и бѣдныхъ. Воскресныя школы, основанныя Рэйксомъ Глочестерскимъ въ концѣ столѣтія, положили начало народному образованію. Анна Моръ своими сочиненіями и личнымъ примѣромъ привлекла вниманіе англійскаго общества на бѣдность и преступленія земледѣльческаго рабочаго. Страстная симпатія къ униженнымъ и оскорбленнымъ была славой религіи въ концѣ восемнадцаго вѣка; религія вдохновила неканонизированныхъ, но истинныхъ святыхъ: Вильбефорса, Кларксона и Джона Говарда.

Партія «верхней церкви».

Церковное движеніе девятнадцатаго вѣка имѣло своихъ предшественниковъ въ такихъ личностяхъ, какъ епископъ Содора и Мэна Вильсонъ, епископъ Лимерика Жеббъ и Александръ Ноксъ; они составляютъ связующее звено между страстнымъ, но не упорядоченнымъ сакраментализмомъ Джона Веслея и оксфордскими трактаріанцами 1833—1845 годовъ.

Церковныя школы.

Точно также основаніе Національнаго Общества для образованія бѣдныхъ въ 1811 году было первымъ шагомъ по направленію къ теперешней системѣ церковныхъ школъ. Но къ концу описываемаго періода (1815) церковь, какъ учрежденіе, была по словамъ епископа Портеуса только «древнимъ и почтеннымъ учрежденіемъ (establishment), созданнымъ самыми мудрыми, самыми набожными и самыми выдающимися людьми». Наиболѣе активное и аггрессивное направленіе среди церковниковъ того времени принимало форму суроваго и холодного кальвинизма, часто столь раздраженнаго, что онъ представлялъ любопытный контрастъ съ тѣмъ по истинѣ образцовымъ и святымъ образомъ жизни, который часто создавался этимъ направленіемъ. Такъ напр. Симеонъ къ концу своей жизни призналъ себя столь развращеннымъ, что удивлялся, какъ онъ до сихъ поръ не ввергнутъ въ гіенну огненную. Генрихъ Веннъ хвалитъ своего сына за его борьбу съ Гунтингтоніанцами: «ибо ихъ ненависть предпочтительнѣе ихъ похвалъ». Топлади въ 1772 году обращается къ своему духовному отцу, человѣку вдвое его старшему, «съ рѣзкостью смѣлаго молодого человѣка», какъ выразилась жертва его яростнаго нападенія. «Время, сэръ, убѣлило ваши волосы—пишетъ онъ Джону Веслею—и скоро настанетъ часъ, когда вы появитесь предъ судомъ того Бога, на власть котораго большая часть вашей жизни была непрерывнымъ нападеніемъ». Еще болѣе рѣзкими были его стихи по поводу мнимаго намѣренія Веслея возбудить преслѣдованіе противъ кальвинистовъ. Этотъ заговоръ, столь же мнимый, какъ и заговоръ папистовъ во время Карла II, изображенъ имъ въ формѣ басни:

„Есть врагъ, пребывающій вблизи,
Самый совершенный, самый святой и самый хитрый

Изъ всѣхъ когда либо отступавшихъ, грабившихъ и лгавшихъ.
Когда этотъ достопочтенный лисъ однажды
Сидѣлъ и обдумывалъ, какую бы штуку сыграть получше—
Къ нему пришелъ сатана съ визитомъ.
О, я вашъ слуга, другъ мой—сказалъ попъ—
Хотя у васъ и знаки звѣря,
Но я никогда не пожималъ руку болѣе пріятному гостю.
Благодарю, святой человѣкъ—воскликнулъ врагъ—
Я и пришелъ къ вамъ провести съ вами нѣсколько минутъ,
Потому что вы мой добрый другъ".

Въ виду этихъ новыхъ споровъ евангелистовъ старая техническая полемика верхней церкви утратила всякій интересъ и нѣкоторое время казалось вѣроятнымъ, что церковь въ колоніяхъ будетъ оставлена безъ «епископскаго управленія», какъ безполезнаго и даже опаснаго. Неприсягнувшіе (Nonjurors) пытались возстановить употребленіе перваго молитвенника короля Эдуарда VI; но воззваніе къ «католической древности» не имѣло никакого успѣха; «регулярные неприсягнувшіе» исчезли въ 1779 году (послѣ живыхъ сношеній съ русской церковью въ 1720 году, подобнымъ сношеніямъ архіепископа Уэка съ галликанской церковью въ 1618 году). Послѣдній изъ «регулярныхъ» епископовъ умеръ въ Ирландіи въ 1805 году.

Съ другой стороны посвященіемъ шотландскимъ епископатомъ Самуэля Сибюри во епископа Коннектикута 14 ноября 1784 году американская церковь была органически связана съ материнской англиканской—чего боялись нѣкоторые изъ латитудинаріанъ и что многіе изъ церковниковъ того времени считали необходимымъ. Большинство же считало эту связь просто церковническимъ педантизмомъ и, можетъ быть, она была первымъ признакомъ новаго перехода отъ апологіи церкви къ самоувѣренности, отъ защиты ея учрежденій, какъ не абсолютно дурныхъ, къ признанію ихъ превосходства надъ всѣми «независимыми формами» христіанства».

Философія.

Уиттакера.

Скептическіе выводы Юма вскорѣ возбудили реакцію противъ принциповъ Картезія и Локка, служившихъ посылками этихъ выводовъ. Шотландская школа. Рейдъ.

Главнымъ представителемъ этой реакціи былъ Томасъ Рейдъ (1710—96), основатель шотландской школы философіи. Отвѣтъ Рейда Юму, озаглавленный «Изслѣдованіе человѣческаго духа на основаніи принциповъ здраваго смысла» (Inquiry into Human Mind on the

Principles of Common Sense) появился въ 1764 году, его «Опыты объ интеллектуальныхъ способностяхъ» въ 1785-мъ, а «Опыты объ активныхъ способностяхъ человѣка» въ 1788 году. Французская спиритуалистическая школа Кузена и Жофруа сдѣлала обращеніе Рейда къ «здравому смыслу» лозунгомъ реакціи противъ развитія принциповъ Локка во Франціи. Теперь обыкновенно воздаютъ честь Рейду за то, что онъ понялъ настоящій генезисъ идеализма Берклея и скептицизма Юма. Его ученики называли его философское ученіе «естественнымъ натурализмомъ». Онъ считаетъ воспріятіе (перцепцію) источникомъ прямого познанія объекта. Ощущенія (сенсаціи) суть только знаки перцепцій. Духъ изначала имѣетъ нѣкоторыя «сужденія», которыя мы сознаемъ интуитивно. Эти то сужденія Рейдъ и называетъ принципами здраваго смысла. Ихъ существованіе можетъ быть установлено внутреннимъ наблюденіемъ, потому то по мнѣнію Рейда такъ и важна психологія. Вліяніе Рейда на изученіе психологіи было благотворно, даже по мнѣнію тѣхъ, которые не особенно высокаго мнѣнія о его философіи.

Этика Палея. Изъ писателей этого періода объ этикѣ Вилльямъ Палей (1743—1805) въ его «Принципахъ нравственной и политической философіи» (1785) даетъ наиболѣе ясное выраженіе ученію, извѣстному подъ названіемъ «теологическаго утилатаризма». По этому ученію цѣль индивидуума—это его счастіе. Средство достиженія этой цѣли есть повиновеніе волѣ Божіей—повиновеніе влечетъ за собой награду, а неповиновеніе наказаніе. Чтобы узнать при посредствѣ разума, согласуется ли дѣйствіе съ волей Бога, мы должны опредѣлить, ведетъ ли оно къ общему счастію—ибо человѣку повелѣно увеличивать это общее счастіе. Палей въ его «Естественной теологіи или доказательствѣ существованія и аттрибутовъ Божества на основаніи явленій природы (1802) излагаетъ аргументы цѣлесообразности для защиты деизма—аргументы, взятые главнымъ образомъ изъ анатоміи человѣка.

Этика Бентама. Этическое ученіе Іереміи Бентама (1748—1832) есть утилатаризмъ безъ теологіи. Главное значеніе Бентама состоитъ въ его вліяніи на теорію законодательства. Что касается до его политическихъ идей, то его можно признать послѣдователемъ Гоббса и Юма. Объ его отношеніи къ Юму не можетъ быть никакихъ сомнѣній, потому что онъ самъ ссылается на «Трактатъ» Юма для опроверженія теоріи происхожденія политическаго общества отъ первоначальнаго договора. Бентамъ соединяетъ это отрицаніе первоначальнаго договора съ утвержденіемъ, по существу тождественнымъ съ утвержденіемъ Гоббса, что верховная власть въ государствѣ, въ чьихъ бы рукахъ она ни находилась, абсолютна. Эти два принципа и положены Бентамомъ въ основаніе его «Fragment on Governement» (1776), представляющаго нападеніе на взгляды Блэкстона относительно англійской конститу-

ціи, какъ системы соглашеній и компромиссовъ. Конституціонная доктрина была выработана Блэкстономъ на основаніи нѣкотораго рода договорной теоріи; она представляла, несомнѣнно, развитіе тѣхъ ученій объ ограниченной монархіи, на которыя нападалъ Гоббсъ, когда они излагались современными ему юристами. Устранивъ такимъ образомъ старыя конструкціи и подготовивъ фундаментъ, Бентамъ продолжаетъ конструировать на основаніи своихъ собственныхъ предпосылокъ. Законодателю незачѣмъ безпокоиться о мнимыхъ «правахъ» управляющихъ и управляемыхъ по отношенію другъ къ другу, онъ долженъ считать своей цѣлью «величайшее счастіе наибольшаго числа людей» и издавать такіе законы, уголовные и гражданскіе, которые наилучше достигаютъ этой цѣли. Общую формулу цѣли Бентамъ заимствовалъ у Пристлея. Онъ анализируетъ далѣе счастіе, какъ состоящее изъ наслажденій и изъ отсутствія страданій, и разсматриваетъ его какъ нѣкотораго рода алгебраическую сумму, въ которой наслажденія—величина положительная, а страданія—отрицательная. Отправляясь отъ такого анализа цѣли, онъ вырабатываетъ практическія правила въ его «Введеніи къ основамъ нравственности и законодательства» (печаталось въ 1780 году, издано въ 1789-мъ). Позднѣйшія сочиненія Бентама, по большей части очень обширныя, обработаны окончательно не имъ самимъ, а его учениками, получившими отъ него громадную массу рукописей, написанныхъ имъ по разнымъ частнымъ вопросамъ, Дюмону принадлежитъ главная заслуга въ дѣлѣ распространенія идей Бентама на континентѣ.

Политическое вліяніе Бентама.

Вѣроятно, никто до сихъ поръ не оцѣнилъ вполнѣ политическое вліяніе Бентама, начавшееся съ первыхъ лѣтъ девятнадцатаго столѣтія. Это вліяніе проявилось главнымъ образомъ въ дѣятельности Джемса Милля и другихъ философовъ-радикаловъ, вродѣ Грота и Молесворта, но оно проявилось, хотя и въ видоизмѣненной формѣ, и въ дѣятельности виговъ, вродѣ Маколея и Сиднея Смита. Послѣдователи Бентама заимствовали свои политическія теоріи частію непосредственно отъ Гоббса, но примѣняли ихъ согласно ученію самого Бентама. Позднѣйшіе (политическіе, а не законодательные) выводы Бентама изъ его общихъ положеній состоятъ въ признаніи представительной демократіи единственной формой правительства, которая въ настоящее время можетъ обезпечить интересы общества. Правленіе одного или многихъ всегда будетъ пытаться обезпечить свои собственные интересы насчетъ общества, а всѣ смѣшанныя формы правительства неизбѣжно непрочны. Равновѣсіе властей въ государствѣ—если только такое выраженіе что нибудь означаетъ—означаетъ то, что конституція сдѣлалась непригодной къ дѣйствію. При этомъ, конечно, основой всѣхъ этихъ разсужденій остается ути-

латаризмъ; слѣдуетъ помнить, что Бентамъ отъ начала до конца энергично отрицалъ всѣ ученія о «естественныхъ правахъ».

Физика и химія. Кавендишъ.

Въ предыдущей главѣ мы уже упоминали о теоріи электричества Кавендиша. Генрихъ Кавендишъ (1731—1810) величайшій изъ химиковъ и физиковъ Англіи въ этомъ періодѣ. Вмѣстѣ съ Блэкомъ онъ создалъ химію. какъ науку количественную. Во всѣхъ его изслѣдованіяхъ точность его работъ даетъ имъ особую цѣнность въ періодъ созданія новыхъ физическихъ изслѣдованій.

Теорія Кавендиша имѣла отношеніе къ недавно открытымъ явленіямъ индукціи. Онъ сообщилъ теорію Королевскому обществу до изданія Эпинусомъ его Tentamen Theoriae Electricitatis et Magnetismi (1759), но не опубликовалъ ее во всеобщее свѣдѣніе. Узнавъ о теоріи Эпинуса, онъ наконецъ опубликовалъ свою теорію въ 1771 году, такъ что хотя Эпинусъ и опередилъ его по времени, но теорія Кавендиша была развита больше, чѣмъ теорія Эпинуса. Оба они строили свои теоріи на предположеніи существованія единой жидкости, состоящей изъ частицъ взаимно отталкивающихся. Кавендишъ склонялся къ вѣрному предположенію относительно электрическаго притяженія и отталкиванія—т.-е. что это силы, дѣйствующія обратно пропорціонально квадратамъ разстояній.

Опредѣленіе состава воды.

Примѣненіемъ электричества къ химическому опыту Кавендишъ доказалъ, что вода составное тѣло. Это открытіе было опубликовано въ Philosophical Transactions—1784 года. Кислородъ и водородъ (или дефлогистированный воздухъ и воспламеняющійся воздухъ, какъ ихъ называли въ то время) были смѣшаны въ разныхъ пропорціяхъ и посредствомъ электрической искры въ закрытомъ сосудѣ былъ произведенъ взрывъ. Оказалось, что при смѣшеніи ихъ въ извѣстныхъ пропорціяхъ результатомъ взрыва была чистая вода; точно также при смѣшеніи водорода и обыкновеннаго воздуха образуется вода. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ объемъ воздуха уменьшается на одну пятую, т.-е. въ атмосферѣ содержится именно такое количество кислорода. Такимъ образомъ было окончательно доказано, что вода и атмосферическій воздухъ не простыя тѣла. Въ тѣхъ же статьяхъ («опыты надъ воздухомъ») въ Philosophical Transactions былъ опредѣленъ составъ углекислоты. Это открытіе было подготовлено опытами Пристлея, которыми онъ доказалъ, что составъ обыкновеннаго воздуха измѣняется при проходѣ чрезъ него электрической искры.

Кавендишъ также, какъ и Пристлей, оставался приверженцемъ теоріи флогистона, несмотря на то, что его открытія играли такую важную роль въ ниспроверженіи этой теоріи. Однако онъ не былъ такимъ правовѣрнымъ приверженцемъ теоріи, какъ Пристлей. Сохраняя флогистонъ, онъ не признавалъ однако теплоту субстанціей и считалъ мнѣніе Бэкона, что «теплота есть внутреннее движеніе частицъ тѣла», болѣе вѣроятнымъ.

Геологія.

Въ это время геологія изъ стадіи описанія и коллектированія переходитъ къ стадіи теоретической систематизаціи. Геологическіе образчики, въ особенности органическія ископаемыя, давно уже возбуждали любопытство и размышленія о прошломъ состояніи земли, когда было иное распредѣленіе суши и моря. Изъ первыхъ такихъ размышленій достойны замѣчанія размышленія итальянскихъ ученыхъ. Въ 1695 году Вилльямъ Вудвардъ основалъ свой геологическій музей. Онъ завѣщалъ его кембриджскому университету и въ тоже время учредилъ кафедру геологіи и далъ средства на нее. Составленіе геологическихъ картъ было предложено Королевскому обществу докторомъ Листеромъ въ 1683 году и образчикъ такой карты былъ публикованъ Христофоромъ Пакомъ въ 1743 году; но при этомъ руководились такимъ правиломъ, чтобы отличать каждую часть страны на основаніи ея почвы и главнѣйшихъ изъ минераловъ. Такъ что о раздѣленіи на слои еще и не думали. Созданіе научной геологіи въ Англіи принадлежитъ только Джемсу Гуттону и Вилльяму Смиту.

Джемсъ Гуттонъ.

Джемсъ Гуттонъ (1726—97) родился въ Эдинбургѣ и подобно многимъ, поработавшимъ для развитія науки въ это время, былъ медикомъ. Но не найдя медицину выгодной, онъ занялся земледѣліемъ; благодаря своей любви къ химіи онъ началъ изучать минералогію. Во время своего пребыванія въ Голландіи, Бельгіи и на сѣверѣ Франціи онъ началъ изучать поверхность земли и размышлять объ ея исторіи. Въ 1768 году онъ бросилъ занятія хозяйствомъ и съ этихъ поръ посвятилъ все свое время развитію своихъ идей о происхожденіи скалъ и минераловъ. Въ 1785 году онъ сообщилъ свои взгляды недавно учрежденному Королевскому обществу въ Эдинбургѣ въ статьѣ, озаглавленной «Теорія земли или изслѣдованіе законовъ, наблюдаемыхъ при составѣ, диссолюціи и возстановленіи суши на земномъ шарѣ». «Теорія земли» въ обработанномъ видѣ была переиздана въ 1795 году. Другъ Гуттона, профессоръ математики въ Эдинбургѣ Джонъ Плейфэйръ много способствовалъ распространенію его взглядовъ своимъ сочиненіемъ: «Объясненія теоріи земли Гуттона» (1802). Плейфэйръ обладалъ даромъ яснаго изложенія, отсутствовавшимъ у Гуттона.

Гуттонъ положилъ начало геологической теоріи, извѣстной подъ именемъ униформитаріанизма. На основаніи этой теоріи настоящее состояніе земли, и въ частности распредѣленіе скалъ, объясняется вполнѣ причинами, по роду и степени подобными причинамъ и теперь дѣйствующимъ. По мнѣнію Гуттона, скалы образовались изъ разрушенія прежнихъ скалъ. Составныя ихъ части отлагались подъ водой, консолидировались тамъ подъ высокимъ давленіемъ и потомъ поднимались силой подземнаго жара. Расплавленная скала вливалась въ трещины перемѣщенныхъ слоевъ. Поднятая земля отъ вліянія атмо-

сферы разлагается и процессъ разложенія не прекращается до тѣхъ поръ, пока все снова не погрузится на дно моря и консодилированные осадки потомъ снова поднимаются и образуютъ новую сушу. Геологія не космогонія; она занимается только этими перемежающимися измѣненіями—и не имѣется никакихъ свидѣтельствъ относительно начала и конца такого процесса.

Вильямъ Смитъ.

Вилльямъ Смитъ (1769—1839) родился въ Чёрчилѣ въ Оксфордширѣ и былъ минералогомъ и инженеромъ. Съ ранняго возраста онъ обратилъ вниманіе на слои земли; при своей проффессіональной работѣ онъ имѣлъ случай наблюдать и сравнивать слои различныхъ округовъ. Въ своемъ сочиненіи: «Порядокъ слоевъ и ихъ органическіе остатки въ сосѣдствѣ Бата» (1799) онъ наконецъ изложилъ тотъ научный принципъ, который давно занималъ его умъ и который подтверждался его наблюденіями. Этотъ принципъ состоитъ въ опредѣленіи слоя посредствомъ содержащихся въ немъ ископаемыхъ. На основаніи этаго принципа Смитъ доказывалъ, что существуетъ опредѣленный порядокъ въ распредѣленіи слоевъ. Послѣ многихъ лѣтъ собиранія и распредѣленія новыхъ данныхъ Смитъ издалъ большую «Геологическую карту Англіи и Валлиса и части Шотландіи» въ 1815 году. Геологическія карты отдѣльныхъ графствъ были изданы позже и всѣ онѣ составили «Геологическій атласъ Англіи и Валлиса».

Начатки палеонтологіи.

Хотя нѣкоторые изъ прежнихъ геологовъ, и въ Англіи и на континентѣ, высказывали относительно ископаемыхъ взгляды, имѣвшіе нѣкоторое сходство съ взглядами Смита, его идеи были вполнѣ самостоятельны; а кромѣ того онъ развилъ ихъ болѣе, чѣмъ кто либо изъ его предшественниковъ. Онъ подготовилъ путь для Кювье и другихъ, которые благодаря своимъ знаніямъ въ сравнительной анатоміи могли доказать существованіе ископаемыхъ животныхъ видовъ, совершенно отличныхъ отъ существующихъ. Для созданія палеонтологіи, какъ науки, была, конечно, необходима работа многихъ поколѣній натуралистовъ и анатомовъ. Изъ ученыхъ, способствовавшихъ развитію науки, можно упомянуть о Джонѣ Гунтерѣ (1728—93), знаменитомъ хирургѣ. Гунтеръ анатомировалъ болѣе пятисотъ различныхъ видовъ животныхъ. Самъ онъ имѣлъ правильное представленіе объ ископаемыхъ и признавалъ важное значеніе воды, какъ агента въ измѣненіяхъ суши.

Въ это время появляются уже широкія зоологическія обобщенія. Эразмъ Дарвинъ въ своей «Зоономіи» (1794—96) высказалъ мнѣніе о развитіи, а не отдѣльномъ созданіи видовъ. О причинахъ эволюціи онъ держался приблизительно тѣхъ же мнѣній, какъ и его знаменитый наслѣдникъ Ламаркъ. Такимъ образомъ нельзя утверждать, что онъ былъ предшественникомъ своего знаменитаго внука, создавшаго въ наше время доктрину эволюціи. Вмѣсто предположенія объ

измѣненіи вида посредствомъ спонтанейныхъ варіацій, т.-е. посредствомъ варіацій врожденныхъ и причины коихъ точно неизвѣстны, онъ отправлялся отъ наблюденія, что употребленіе частей и органовъ развиваетъ ихъ, а отъ неупотребленія они уменьшаются или исчезаютъ; происшедшія такимъ путемъ измѣненія по его мнѣнію передаются потомкамъ и, при сохраненіи тѣхъ же самыхъ внѣшнихъ условій, они аккумулируются въ послѣдующихъ поколѣніяхъ и наконецъ получается форма, настолько отличная, что она составляетъ новый видъ.

Медицина.

Д'Арси Поуэра.

Періодъ отъ 1742 до 1802 года былъ очень важнымъ какъ для научной, такъ и для практической медицины. За исключеніемъ Джона Гексгама и Вилльяма Гебердена старшаго въ Англіи въ 1742 году не было ни одного дѣйствительно выдающагося медика. Сэръ Гансъ Слоанъ, только что оставившій постъ президента Королевскаго общества, былъ скорѣе человѣкомъ науки, чѣмъ просто медикомъ; а Куллень пріобрѣлъ свою репутацію только въ Шотландіи.

Хирурги составляли съ цирюльниками одну общую корпорацію въ Сити; эта корпорація существовала со временъ Генриха VIII. Только ея члены и имѣли законныя права на хирургическую практику въ Лондонѣ и на разстояніи семи миль отъ Сити. Общество аптекарей, другая корпорація въ Сити, образовавшаяся въ царствованіе Іакова I, какъ отпрыскъ Grocers Company, доставляла второстепенныхъ практиковъ медицины, соотвѣтствующихъ фельдшерамъ; это общество аптекарей состояло подъ контролемъ коллегіи медиковъ, которая пользовалась своими привиллегіями съ чрезмѣрной суровостью. Общественное положеніе медиковъ въ это время было очень хорошо, а общественное положеніе хирурговъ было еще довольно неопредѣленнымъ; о положеніи аптекарей и членовъ шотландскихъ коллегій, которыхъ тогда было много въ Англіи, мы знаемъ изъ повѣстей Смоллета. Это положеніе было чрезвычайно плохо.

Тогдашняя медицина была эмпирической наукой, основанной на невѣрной патологіи. Хирургія была грубымъ ремесломъ, основаннымъ на очень плохомъ знаніи анатоміи. Общество цирюльниковъ-хирурговъ дѣлало все отъ него зависящее для обученія хирургіи и анатоміи при посредствѣ публичныхъ лекцій и демонстрацій, читаемыхъ и дѣлаемыхъ наиболѣе видными изъ практиковъ того времени, но трудность доставанія труповъ для анатомированія дѣлала анатомію

скорѣе теоретической, чѣмъ практической. Акушерствомъ занимались преимущественно женщины, настоящій механизмъ нормальныхъ родовъ былъ извѣстенъ въ Англіи двумъ или тремъ акушерамъ.

Хирурги. Таково было положеніе медицины въ 1742 году; въ 1750-мъ дѣло вполнѣ измѣнилось. Коллегія медиковъ, правда, въ теченіе нѣкотораго времени продолжала еще бездѣйствовать, но въ 1745 году хирурги, бѣдняки, люди безъ всякихъ средствъ, вышли изъ членовъ Общества цирюльниковъ-хирурговъ и составили новое общество хирурговъ; первымъ магистромъ (мастеромъ) былъ избранъ королевскій хирургъ Джонъ Ранби, Чезельденъ былъ однимъ изъ старшинъ. Уставъ общества былъ подобенъ прежнему уставу, но члены несли меньше расходовъ и имъ была предоставлена свобода частнаго обученія. Общество вскорѣ пріобрѣло себѣ помѣщеніе въ Old Bailey, но такъ какъ цирюльники, за небольшими исключеніями, удержали почти всѣ доходы соединеннаго общества, то общество хирурговъ должно было разсчитывать на различныя случайныя поступленія. Эти случайныя поступленія были незначительны, въ веденіи дѣлъ были злоупотребленія, общество въ 1780 году было почти несостоятельнымъ вслѣдствіе банкротства своего секретаря, которому дали взаймы деньги. Былъ назначенъ новый опытный и дѣльный секретарь и вскорѣ дѣла общества поправились. Но потомъ его положеніе опять ухудшилось и въ 1789 году магистръ жаловался, что «въ анатомическомъ театрѣ не читается лекцій, въ библіотекѣ нѣтъ книгъ, она превращена въ канцелярію, а комната комитета превратилась въ гостинную секретаря. Она рѣдко употребляется для засѣданій общества и находится не въ надлежащемъ и въ нечистомъ видѣ». Неудивительно, что при подобномъ печальномъ положеніи дѣлъ общество должно было погибнуть. Оно сдѣлалось притчей во языцѣхъ, и наиболѣе дѣятельные и радикальные изъ членовъ профессіи нападали на него. Наконецъ корпорація нашла, что она уничтожила сама себя незаконнымъ собраніемъ для избранія Клина магистромъ на 1796 годъ. Была сдѣлана попытка возсозданія общества на старыхъ основаніяхъ, но оппозиція была слишкомъ сильна и билль былъ отвергнутъ палатой лордовъ при второмъ чтеніи 17 іюля 1797 года. Послѣ многихъ споровъ рѣшили, что общество должно быть возстановлено коронной хартіей, а не парламентскимъ актомъ. Эта хартія была дана 20 марта 1800 года новому обществу, названному лондонской королевской коллегіей хирурговъ. Хартія давала коллегіи большія привиллегіи въ Лондонѣ; послѣ она была измѣнена въ нѣкоторыхъ изъ подробностей и съ 1843 года это учрежденіе именуется королевской коллегіей хирурговъ Англіи.

Однимъ изъ наиболѣе важныхъ фактовъ въ исторіи медицины въ этомъ періодѣ было улучшеніе общественнаго положенія хирурговъ. Хирургъ всегда былъ лицомъ подчиненнымъ медику, потому что въ

прежнія времена медикъ обыкновенно былъ духовнымъ лицомъ, а хирургъ міряниномъ, дѣлавшимъ операціи по приказанію медика. Такое отношеніе хирурга къ медику сохранялось до недавняго времени. Коллегія медиковъ въ іюнѣ 1632 года получила совѣтскій приказъ, въ которомъ была статья, гласившая, что «ни одинъ хирургъ не имѣетъ права ампутировать, трепанировать голову, открывать грудь или животъ, вырѣзывать камни и дѣлать какую либо важную операцію иначе, какъ въ присутствіи ученаго медика»; и теперь еще есть люди, помнящіе время, когда въ госпиталяхъ предписанія хирурга подписывались врачемъ, иначе по нимъ лекарства изъ аптекъ не выдавали. Только въ началѣ девятнадцатаго вѣка вслѣдствіе энергичныхъ протестовъ Абернети хирургъ могъ дѣйствовать въ своей практикѣ самостоятельно. Съ незапамятнаго времени въ Лондонѣ и, можетъ быть, и въ другихъ большихъ городахъ Англіи бывали немногіе хирурги, не бывшіе въ тоже время и цирюльниками. Въ Лондонѣ они составляли гильдію или братство съ 1354 года и только въ 1540 году соединились съ цехомъ цирюльниковъ. Членовъ этой гильдіи было немного, не болѣе десяти или пятнадцати одновременно, но они поддерживали репутацію хирургіи и, кажется, пользовались лучшей репутаціей, чѣмъ хирурги, бывшіе въ тоже время и цирюльниками. Члены соединеннаго цеха цирюльниковъ и хирурговъ никогда не занимали высокаго общественнаго положенія; даже Клоуэсъ и Гель, Банистеръ и Вудаль, знаменитые хирурги въ концѣ царствованія Елисаветы, никогда не занимали такого положенія, какъ Кай, Буттсъ, Гарвей или Теодоръ Майернъ. Самое соединеніе хирурговъ съ цирюльниками вело къ непріятнымъ ошибкамъ, потому что было невозможно оффиціально опредѣлить, кто практическій хирургъ и кто только цирюльникъ. Только цѣлый рядъ извѣстныхъ хирурговъ, вродѣ Чезельдена, Потта и Гунтера и учрежденіе общества хирурговъ, отдѣльнаго отъ общества цирюльниковъ, уничтожили дурную репутацію профессіи и къ концу восемнадцатаго вѣка лучшіе изъ хирурговъ занимали въ обществѣ тоже положеніе, какъ и лучшіе изъ медиковъ.

Лекціи хирургіи.

Члены общества хирурговъ вскорѣ начали пользоваться своей привиллегіей свободнаго обученія. Персиваль Поттъ началъ читать лекціи въ своемъ домѣ въ Уотлингъ Стритѣ въ 1747 году. Сначала эти лекціи были частными, только для студентовъ, обучавшихся хирургической практикѣ въ сосѣднемъ госпиталѣ св. Варфоломея. Сначала лекторъ стѣснялся и колебался, но по мѣрѣ того, какъ онъ все болѣе и болѣе пользовался довѣріемъ, стиль его улучшался и его лекціи получили такую извѣстность, что самые знаменитые изъ англійскихъ и многіе иностранные хирурги хвастались тѣмъ, что они ученики Потта. Самъ Джонъ Гунтеръ въ 1751 году слушалъ его курсъ.

Акушерство. Реформа въ акушерствѣ въ Англіи была произведена Вилльямомъ Смелли и Джемсомъ Дугласомъ, другомъ Гунтера. Смелли, бывшій скромнымъ практическимъ врачемъ въ Ланаркширѣ, около 1739 года поселился въ Поль-Моль. Онъ нѣкоторое время жилъ во Франціи и тамъ учился у Грегуара младшаго. Онъ началъ потомъ преподавать акушерство въ Лондонѣ, и съ такимъ успѣхомъ, что въ теченіе многихъ лѣтъ бабки яростно нападали на него. Мужчина побѣдилъ, такъ какъ его искусство было основано на лучшихъ свѣдѣніяхъ о нормальныхъ процессахъ беременности и родовъ.

Патологія. Джонъ Гунтеръ. Патологіи или науки о причинахъ болѣзней въ первой половинѣ восемнадцатаго вѣка не существовало. Патологическая анатомія, основаніе патологіи, тоже едва была извѣстна. Правда, производили посмертныя изслѣдованія, но результаты ихъ не записывались, не сводились, кромѣ только исключительныхъ случаевъ. Медики почти ничего не знали о нормальныхъ явленіяхъ въ трупахъ; неудивительно потому, что они не сдѣлали пріобрѣтеній въ знаніи явленій непормальныхъ. Геній одного человѣка, Джона Гунтера, создалъ англійскую патологію и она сразу заняла высокое мѣсто въ наукѣ, потому что онъ ввелъ въ патологію клиническія, анатомическія и опытныя наблюденія, въ ихъ комбинаціи неопровержимыя.

Джонъ Гунтеръ во многихъ отношеніяхъ былъ ученымъ еще болѣе замѣчательнымъ, чѣмъ его братъ Вильямъ. У него было больше единства въ стремленіяхъ и потому больше концентрированія усилій, больше глубины, больше рѣшительности и онъ обладалъ тѣмъ вниманіямъ къ деталямъ, которое въ соединеніи съ способностью къ обобщеніямъ составляетъ свойство умовъ выдающихся. Свойства ума у обоихъ братьевъ были во многихъ отношеніяхъ поразительно схожи. Оба они обладали страстью къ коллективированью. Вильямъ составилъ большой музей, находящійся теперь въ Глазко; онъ началъ иллюстровать свои лекціи, но при этомъ не ограничивался анатомическими препаратами; въ его музеѣ есть отдѣленія предметовъ искусства, книгъ, монетъ и предметовъ естественной исторіи. Музей Джона Гунтера наоборотъ строго научный и единственный въ своемъ родѣ. Онъ находится въ рукахъ королевской коллегіи хирурговъ Англіи въ великолѣпномъ помѣщеніи Линкольнъ-Иннъ-Фильдсъ. Систематическое преподаваніе студентамъ медицины и хирургіи было введено главнымъ образомъ Вильямомъ Гунтеромъ. Онъ устроилъ небольшую школу для общества хирурговъ флота. Лекціи сначала были продолженіемъ лекцій, читаемыхъ Самуэлемъ Шарпомъ, хирургомъ госпиталя Гюи. Гунтеръ читалъ свой первый курсъ въ 1746 году въ домѣ своего друга Джемса Дугласа, въ Пьяцца въ Ковентъ-Гарденѣ. Этотъ курсъ и былъ началомъ правильнаго обученія всѣмъ отраслямъ медицины.

Гунтеровская или Уиндмиль-Стритская школа медицины ведетъ

свое начало отъ этихъ лекцій; она съ видоизмѣненіями существовала до 1831 года. Гунтеръ за свой первый курсъ получилъ семьдесятъ гиней и съ радостью показывалъ эти деньги своимъ друзьямъ, говоря, что у него въ первый разъ такъ много денегъ. Школа процвѣтала и когда Матью Балльи, племянникъ Гунтера, въ концѣ столѣтія оставилъ управленіе ею, онъ за свою долю въ управленіи получилъ не менѣе четырехъ тысячъ фунтовъ. Успѣхъ гунтеровской школы имѣлъ слѣдствіемъ увеличеніе усовершенствованныхъ методовъ обученія въ Англіи и до конца столѣтія были опредѣлены общіе принципы медицинскаго образованія, съ нѣкоторыми необходимыми видоизмѣненіями существующіе и теперь въ томъ видѣ, какъ ввелъ ихъ Вильямъ Гунтеръ. Медицинскія школы.

Въ послѣдніе годы восемнадцатаго вѣка значительно улучшились и школы медицины, существовавшія при госпиталяхъ. Онѣ были устроены около 1680 года при госпиталяхъ св. Варфоломея и св. Томаса; тамъ хирурги брали воспитанниковъ или cubs, коихъ и обучали своему искусству. Но кажется, что до лекцій Потта этимъ студентамъ не давалось никакихъ знаній, кромѣ тѣхъ, которыя они пріобрѣтали у постели больного. Клиническое обученіе врачей еще позднѣйшаго происхожденія; оно заимствовано изъ Шотландіи, гдѣ было поставлено болѣе или менѣе удовлетворительно докторомъ Рутерфордомъ, дѣдомъ Вальтера Скотта, врачемъ Эдинбургской больницы.

Студенты, повидимому, дѣлали все отъ нихъ зависящее, чтобы замѣнить чѣмъ нибудь недостатки оффиціальнаго обученія; во всѣхъ госпиталяхъ, при которыхъ были медицинскія школы, существовали медицинскія студенческія общества. Первое изъ такихъ обществъ, кажется, было основано при госпиталяхъ Св. Томаса и Гюи, въ то время соединенныхъ и помѣщавшихся рядомъ въ Боругѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь желѣзнодорожная станція у Лондонскаго моста. Тамъ въ 1771 году было открыто медицинское общество. Оно было закрыто въ 1852 году, но его традиціи были унаслѣдованы двумя другими обществами при обоихъ госпиталяхъ, теперь раздѣленныхъ. Общество миддльэссекскаго госпиталя было основано въ 1774 году и процвѣтаетъ и теперь; въ 1795 году при Королевскомъ госпиталѣ св. Варфоломея было основано Абернетіанское общество, недавно праздновавшее свой столѣтній юбилей. Другіе госпитали послѣдовали этому примѣру. Появленіе и развитіе студенческихъ госпитальныхъ обществъ совпало съ развитіемъ болѣе важныхъ медицинскихъ обществъ, членами которыхъ были люди, закончившіе свое профессіональное образованіе и занимавшіеся практикой. Одно изъ самыхъ старыхъ изъ этихъ обществъ—это лондонское медицинское и оно же самое процвѣтающее. Эти общества много сдѣлали для развитія медицины, потому что они способствовали свободному обсужденію и Медицинскія общества.

благодаря имъ большое количество наблюденій излагались въ общедоступной формѣ.

Госпитали. Филантропическая дѣятельность продолжала развиваться параллельно съ ростомъ благосостоянія страны. Она имѣла очень практическую форму основанія госпиталей и больницъ для бѣдныхъ. Лондонскій госпиталь въ Уайтчапелѣ началъ свое существованіе въ 1740 году, какъ маленькая больница на Фитерстонъ Стритъ. Потомъ онъ былъ переведенъ на Прескотъ-Стритъ въ Гудмансъ-Фильдсъ, мѣстность и въ то время, какъ теперь, населенную евреями. Вскорѣ потребовалось увеличеніе госпиталя и въ 1757 году былъ воздвигнутъ новый госпиталь на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ находится и теперь. Во всѣхъ провинціальныхъ городахъ Англіи была своя больница или мѣстный госпиталь. Въ Іоркѣ госпиталь былъ основанъ въ 1740 году, въ Девонѣ и Эксетерѣ въ слѣдующемъ. Королевская больница въ Ньюкэстлѣ-на-Тайнѣ была основана въ 1751 году; Общая больница въ Лидсѣ въ 1767-мъ, больница Радклифа въ Оксфордѣ въ 1770-мъ, госпиталь въ Норфолькѣ и Норвичѣ въ 1771-мъ. а бирмингамскій общій госпиталь въ 1779-мъ. Ни одинъ не имѣлъ гарантированнаго обезпеченія; они содержались на добровольные взносы подписавшихся, доказывавшихъ этимъ искренность своего сожалѣнія къ бѣднымъ больнымъ. Стремленіе къ благотворительности среди англійскаго населенія доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что ни одно изъ этихъ учрежденій не закрывало свои двери для больныхъ изъ за недостатка средствъ; и въ дурное и въ хорошее время, деньги всегда были для удовлетворенія ихъ потребностей.

Гигіена. Гигіена или наука объ общественномъ здравіи и санитарія появляются въ послѣднюю половину восемнадцатаго вѣка. Происхожденіемъ этой науки Англія обязана отчасти Джону Принглю, а отчасти Жильберту Блэну. Сэръ Джонъ Прингль въ 1742 году былъ медикомъ графа Стэра, въ то время командующаго британской арміей во Фландріи. Потомъ онъ былъ генералъ-медикомъ войскъ его величества въ Бельгіи и президентомъ Королевскаго общества. Прингль въ 1750 году издалъ «Наблюденія надъ тюремной или госпитальной лихорадкой», въ 1752-мъ вышло первое изданіе его «Наблюденій надъ болѣзнями въ войскахъ» а въ 1783 году вышелъ отчетъ о мѣрахъ, принятыхъ имъ для сохраненія здоровья экипажа военнаго корабля Resolution при его кругосвѣтномъ плаваніи подъ начальствомъ капитана Кука. Давно уже во флотѣ свирѣпствовала цинга, и наставленія Прингля были такъ хороши, а Кукъ примѣнялъ ихъ съ такимъ умѣньемъ, что въ теченіе плаванія, продолжавшагося три года и восемнадцать дней въ разныхъ климатахъ, изъ экипажа въ 118 человѣкъ онъ потерялъ только одного матроса. Употребленіе «сладкой травы» (Sweet-wort), строгое соблюденіе діеты и чистоты,

охрана команды отъ сырости и суровой погоды были главной частью гигіеническихъ правилъ Кука.

Санитарія въ арміи.

Положеніе больныхъ и раненныхъ въ арміи въ началѣ восемнадцатаго вѣка было очень неудовлетворительнымъ. Улучшенія были введены, несомнѣнно по настоянію Прингля, въ 1742 году, когда графъ Стэръ предложилъ герцогу Ноайлю, чтобы госпитали обѣихъ воюющихъ сторонъ считались неприкосновенными и находились подъ общимъ покровительствомъ. Это предложеніе было принято и строго соблюдалось во время кампаніи въ Бельгіи. До этаго соглашенія больныхъ обыкновенно при приближеніи врага удаляли на значительное разстояніе отъ лагеря. Это по необходимосми отвлекало врачей отъ полей битвы—что имѣло слѣдствіемъ смерть многихъ отъ отсутствія своевременной медицинской помощи. Доброе дѣло, начатое Принглемъ, продолжалось Жильбертомъ Блэномъ, бывшимъ сначала медикомъ во флотѣ лорда Роднея, потомъ врачемъ госпиталя Св. Томаса, а послѣ комиссаромъ при адмиральствѣ для леченья больныхъ и раненныхъ матросовъ. Сэръ Жильбертъ Блэнъ сдѣлалъ спеціальныя распоряженія о провіантированіи кораблей, находившихся въ иностранныхъ портахъ, и въ особенности настаивалъ, чтобы не было недостатка въ лимонномъ сокѣ. Его совѣта обыкновенно спрашивали по поводу карантиновъ, устройства тюремъ на берегу, по вопросамъ о перевозкѣ преступниковъ — и во всѣхъ этихъ случаяхъ его совѣты были очень цѣнны. Дѣятельность Принтля и Блэна положила начало новой отрасли науки. Тюремная горячка въ настоящее время неизвѣстна въ Англіи, другія европейскія націи заимствовали у англичанъ военную санитарію, англійскій флотъ самый здоровый въ мірѣ, даже въ торговомъ флотѣ Англіи скорбутъ неизвѣстенъ.

Да и было необходимо созданіе санитарной науки. Еще и теперь памятны такъ называемые «Черные ассизы» въ Ольдъ-Байли, въ апрѣлѣ 1750 года. Въ судѣ присутствовали нѣкоторые изъ видныхъ лицъ, и изъ присутствовавшихъ вскорѣ умерли отъ полученной во время засѣданій горячки лордъ мэръ, одинъ изъ судей суда общихъ исковъ, одинъ изъ бароновъ казначейства, одинъ изъ лондонскихъ альдерменовъ, одинъ барристеръ, одинъ изъ помошниковъ шерифа, два или три студента, чиновникъ лорда главнаго судьи, нѣсколько присяжныхъ и кромѣ того сорокъ лицъ, зашедшихъ въ судъ по дѣлу или изъ любопытства. Положеніе тюремъ не только въ Англіи, но и во всей Европѣ, было отвратительно. Главной причиной тифозныхъ эпидемій было переполненіе тюремъ, но не маловажной причиной былъ и налогъ на окна. Этотъ налогъ былъ введенъ въ 1696 году, въ 1710-мъ дома съ двадцатью — тридцатью окнами платили по десяти шиллинговъ, а дома съ большимъ тридцати количествомъ оконъ—двадцать шиллинговъ. Налогъ замѣненъ другой

формой сборовъ съ обитаемыхъ домовъ главнымъ образомъ благодаря агитаціи, поддерживаемой врачемъ Реджинальдомъ Ортономъ изъ Сундерланда.

Общественное здравіе.

Состояніе общественнаго здравія во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка было удовлетворительно, хотя и менѣе удовлетворительно, чѣмъ въ первую половину. Главной эпидеміей была оспенная. Смертность въ Лондонѣ измѣнялась отъ минимума 522 въ 1797 году, до максимума 3582 во время большой эпидеміи 1763 года. Домъ милосердія, госпиталь мидльэссекскаго графства для оспенныхъ, былъ открытъ въ іюлѣ 1746 года на Уиндмильской улицѣ, Тоттенгамъ Куртъ-Роадъ. Онъ былъ устроенъ для даровой прививки оспы: паціентамъ прививали оспу до 1821 года, хотя для приходящихъ прививка въ 1807 году была замѣнена прививкой коровьей оспы. Операція прививки вскорѣ сдѣлалась модной и выработаны были и методы ея. Предполагалось, что она требуетъ мѣсячнаго приготовленія и потомъ двухнедѣльнаго комнатнаго содержанія паціента. Прививка такимъ образомъ была источникомъ дохода для врачей, вродѣ Ранби, Гаукинса и Миддльтона, часто дѣлавшихъ операціи у людей, принадлежавшихъ къ высшему и среднему классамъ.

Дженнеръ.

Открытіе предупредительнаго дѣйствія коровьей оспы Эдвардомъ Дженнеромъ, врачемъ въ Берклеѣ въ Глочестерширѣ, составляетъ эпоху въ исторіи оспы. Вакцинація была признана методомъ леченья въ 1796 году, хотя ученые нашли намекъ на вакцинацію въ Санктея-Грантамъ, старомъ санкритскомъ сочиненіи, приписываемомъ Дганвантари, а Брюсъ и Гумбольтъ утверждаютъ, что вакцинація была извѣстна въ Персіи и въ южной Америкѣ. Несомнѣнно, что фермеры въ нѣкоторыхъ частяхъ Англіи и въ Голштейнѣ вѣрили давно, что коровья оспа предохраняетъ отъ оспы. Вакцинація съ самаго начала встрѣтила сильную поддержку вліятельныхъ лицъ. Она была добровольно принята высшими классами англійскаго общества и сильно распространилась и среди бѣдныхъ, благодаря дѣятельности энтузіастовъ, изъ которыхъ наиболѣе выдающимися были Джонъ Рингъ и Георгъ Пирсонъ. Развитіе этаго метода поддерживалось также замѣчательнымъ уменьшеніемъ заболѣваній оспой послѣ большихъ эпидемій 1796, 1798 и 1800 годовъ. Это уменьшеніе отчасти объясняется увеличивающимся количествомъ лицъ, привившихъ коровью оспу, а отчасти несомнѣнно и тѣмъ, что значительное количество лицъ выдержали болѣзнь во время этихъ эпидемій и потому были свободны отъ зараженія, такъ какъ заболѣваніе оспой, какъ извѣстно, дѣлаетъ человѣка безопаснымъ отъ второго зараженія гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ самая лучшая прививка коровьей оспы. Впослѣдствіи сдѣлалось извѣстнымъ, что прививка коровьей оспы только временно гарантируетъ отъ заболѣванія и что необходимо повторять вакцинаціи. Съ самаго начала вопросъ о

вакцинаціи возбуждалъ сильные споры. На нее нападали на основаніи научныхъ соображеній, на нее нападали и ради народныхъ предразсудковъ, пользовались статистикой для доказательства ея безполезности. Тѣмъ не менѣе остается несомнѣннымъ фактъ, что со времени ея введенія смертность отъ оспы уменьшилась, такъ что у вакцинированныхъ она почти несуществуетъ и въ особенности у прививавшихъ оспу неоднократно, тогда какъ у невакцинированныхъ смертность значительна, если не производится экономически очень невыгодное изолированіе не только больныхъ, но и всѣхъ живущихъ въ зараженномъ домѣ. Изуродованныя оспой лица теперь такъ рѣдки, что обращаютъ на себя вниманіе, а раньше они были явленіемъ совершенно обычнымъ. Всѣ наиболѣе цивилизованныя націи приняли обязательную вакцинацію. Несмотря на мнѣнія всѣхъ противниковъ предупредительнаго леченья оспы посредствомъ вакцинаціи, при настоящемъ состояніи нашихъ знаній простый здравый смыслъ требуетъ признанія того, что всякаго ребенка слѣдуетъ вакцинировать тотчасъ же, какъ онъ будетъ достаточно силенъ, чтобы вынести операцію и обыкновенно, чѣмъ раньше ее сдѣлать, тѣмъ лучше. Въ особенности слѣдуетъ обращать вниманіе на чистоту лифмы, на операцію не слѣдуетъ смотрѣть какъ на пустую, потому что и при ней возможны тѣже опасныя послѣдствія, какія возможны при всякой легкой хирургической операціи. Отъ времени до времени вакцинацію слѣдуетъ повторять. Съ другой стороны отъ вакцинаціи не слѣдуетъ ожидать слишкомъ много. Оно не представляетъ безусловной гарантіи отъ заболѣванія, а въ нѣкоторыхъ, немногихъ впрочемъ случаяхъ, и совсѣмъ не гарантируетъ отъ него. Въ большей же части случаевъ она на извѣстное время гарантируетъ отъ худшихъ слѣдствій болѣзни, такъ что при эпидеміи человѣкъ избѣгаетъ оспы или получаетъ ее въ очень легкой формѣ.

Искусство.

Гугса.

Современники Рейнольдса Рейтъ.

Мы уже говорили, что въ спискѣ первыхъ членовъ Королевской академіи имѣются имена не менѣе десяти иностранцевъ. Изъ нихъ Чипріани, писавшій мифологическія безсмыслицы, Цуккарели, пейзажистъ, Бартолоцци и Карлини были итальянцы; Анжелика Кауфманъ—тиролька; Зоффани и Мейеръ—нѣмцы; Серре—французъ, Мозеръ и его дочь Марія, рисовавшая цвѣты, были швейцарцы, а Вениміанъ

Уэстъ былъ родомъ изъ англійскихъ колоній въ Америкѣ, впослѣдствіи давшихъ Англіи Джона Сингльтона Коплея. Въ спискѣ членовъ мы не встрѣчаемъ многихъ изъ англійскихъ художниковъ, помимо тѣхъ, которые, какъ Ромней, были исключены изъ Академіи намѣренно. Наиболѣе извѣстнымъ изъ нихъ былъ Жозефъ Райтъ изъ Дерби. Также какъ и Рейнольдсъ, моложе котораго онъ былъ на одиннадцать лѣтъ, онъ былъ сынъ мелкаго провинціальнаго ремесленника и былъ отправленъ отцомъ къ учителю Рейнольдса, Гудсону. Онъ началъ писать портреты, но спеціальность его дарованія была совсѣмъ иная. Онъ былъ мастеромъ въ передачѣ тона и искусственнаго освѣщенія, этимъ онъ составилъ себѣ имя, и его репутація въ этомъ отношеніи заслужена. «Дайте мнѣ ваше искусственное освѣщеніе—говорилъ ему Ричардъ Вильсонъ—и я отдамъ вамъ свое дневное освѣщеніе»; но такой обмѣнъ, не выгодный для Вильсона съ художественной точки зрѣнія, былъ бы невыгоденъ для Райта съ точки зрѣнія коммерческой, потому что Вильсонъ голодалъ, а у Райта всегда были заказчики. Онъ посѣтилъ Италію и, говорятъ, спеціально изучалъ Микель Анжело; но очевидно, что онъ не столько копировалъ старыхъ мастеровъ, сколько дѣлалъ эскизы изверженія Везувія, совпавшаго какъ разъ съ его пребываніемъ въ Италіи. Онъ выставлялъ свои произведенія въ Академіи только случайно, по въ 1781 году былъ избранъ членомъ корреспондентомъ, а чрезъ три года академикомъ; но вслѣдствіе споровъ, подробности которыхъ неизвѣстны, его избраніе было кассировано. Онъ былъ не особенно хорошимъ колористомъ, но его искусственное освѣщеніе превосходно и, кажется, онъ былъ искуснымъ рисовальщикомъ. Въ національной галлереѣ изъ его картинъ находится «Опытъ съ воздушнымъ насосомъ».

Изъ современниковъ Рейнольдса стоитъ упомянуть только о немногихъ. Одинъ изъ нихъ, Натаніель Дэнсъ, одинъ изъ первыхъ членовъ академіи, былъ основательнымъ, хотя и нѣсколько сухимъ портретистомъ и авторомъ множества неинтересныхъ историческихъ картинъ. Модными рисовальщиками животныхъ былъ Джонъ Уоттонъ и Георгъ Стёббсъ—послѣдній изучалъ лошадей и издалъ книгу объ анатоміи лошади. Такимъ же рисовальщикомъ животныхъ былъ и Джемсъ Уордъ, родившійся въ 1769 году, картина котораго «Быкъ» находится въ Національной галлереѣ.

Уэстъ и Барри.

Веніаминъ Уэстъ и Джемсъ Барри были представителями исторической живописи; первый выбиралъ библейскіе и религіозные сюжеты, а второй классическіе и мифологическіе. Картины Уэста въ настоящее время кажутся неудовлетворительными, но въ свое время были очень въ модѣ, такъ что онъ былъ послѣ Рейнольдса президентомъ академіи. Онъ внесъ въ англійское искусство одно очень полезное новшество: при изображеніи современныхъ героиче-

скихъ сюжетовъ онъ не пользовался классическими костюмами. Барри былъ ирландецъ и въ теченіе пяти лѣтъ занимался въ Римѣ; онъ былъ человѣкомъ не талантливымъ, но писалъ въ такомъ стилѣ. который требуетъ большой художественной силы. Въ Лондонѣ онъ поселился въ 1771 году и чрезъ два года былъ избранъ въ академію, гдѣ преподавалъ живопись. Онъ хотѣлъ, чтобы ему поручили расписать внутренность собора св. Павла; и когда его предложеніе было отвергнуто, онъ принялъ предложеніе общества художествъ расписать его залу въ Адельфи. Эта работа, законченная въ 1784 году, доказываетъ стремленіе къ величественному, неизвѣстное его современникамъ. Въ ней встрѣчаются энергія выраженія и распредѣленіе свѣта и тѣней, почти мастерскія. Но композиція часто неясная, движенія въ фигурахъ нѣтъ; въ качествѣ декораціи его картины недекоративны. Онъ также, какъ и Вильсонъ, сильно нуждался; но не могъ выносить своей бѣдности столь философски, какъ Вильдсонъ, и нападки на Рейнольдса въ его публичныхъ лекціяхъ повели къ исключенію его изъ академіи.

Коплей

Нужно упомянуть еще объ другомъ ирландцѣ, Джонѣ Сингльтонѣ Коплеѣ. Онъ родился въ 1737 году въ Бастонѣ въ Массачузетсѣ, чрезъ нѣсколько недѣль послѣ прибытія его родителей въ Новую Англію. Тамъ онъ изучилъ свое ремесло и только въ 1775 году поселился въ Лондонѣ. Въ слѣдующемъ году онъ былъ избранъ членомъ корреспондентомъ, а чрезъ три года академикомъ. Старшій Питтъ умеръ 11 мая 1778 года и трагическій случай его припадка въ палатѣ лордовъ былъ сюжетомъ картины Коплея. Наполненная палата лордовъ, длинный рядъ фигуръ въ парикахъ представляли громадныя трудности для изображенія и сравнительный успѣхъ художника составляетъ мѣрило этихъ трудностей. Болѣе полнаго успѣха онъ достигъ въ изображеніи смерти майора Пирсона, храбраго защитника Джерсея противъ французовъ. Энергія и реализмъ этой картины даютъ ей право былъ поставленной рядомъ съ любымъ произведеніемъ искусства въ этомъ вѣкѣ не только въ Англіи, а и во всей Европѣ. Даже въ настоящее время трудно указать на какую нибудь англійскую историческую картину, которая превосходила бы это произведеніе Коплея—и это несмотря на то, что Коплей не былъ ни замѣчательнымъ колористомъ, ни особенно блестящимъ рисовальщикомъ. Что касается до правдивости произведенія, помимо его драматической силы, достаточно упомянуть, что величайшій авторитетъ въ своемъ дѣлѣ, герцогъ Веллингтонъ, признавалъ картину Коплея лучшимъ изъ извѣстныхъ ему изображеніемъ битвы. Въ картинѣ Коплея мы находимъ современное стремленіе къ вѣрности couleur locale, и точность деталей; задній планъ картины изображаетъ дѣйствительное мѣсто катастрофы. Тоже стремленіе къ точности заставило художника совершить путешествіе въ Гибралтаръ, когда

ему поручили изобразить пораженіе испанцевъ лордомъ Гитфильдомъ. Нѣкоторыя изъ группъ Коплея замѣчательны; но онъ занимаетъ высокое мѣсто среди англійскихъ художниковъ вслѣдствіе его успѣха въ такомъ родѣ живописи, въ которомъ англичане рѣдко имѣли успѣлъ.

Наслѣдники Рейнольдса. Норткотъ и Гоппнеръ.

Теперь намъ надо говорить о многочисленной группѣ художниковъ, принадлежавшихъ къ поколѣнію послѣ Рейнольдса и родившихся по преимуществу въ третьей четверти вѣка. Этихъ людей мы можемъ назвать послѣдователями Рейнольдса, они часто подражали ему и нѣкоторые изъ нихъ были дѣйствительно его учениками. Такимъ ученикомъ былъ Джемсъ Норткотъ, сынъ часовщика и самъ бывшій сначала ученикомъ часоваго мастера въ Плимутѣ. Рейнольдсъ принялъ его въ свою мастерскую (вѣроятно вслѣдствіе того, что оба они были изъ западныхъ графствъ) сначала въ качествѣ ученика, а потомъ въ качествѣ помощника и онъ болѣе другихъ былъ наслѣдникомъ Рейнольдса по духу. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ плодовитыхъ и разнообразныхъ художниковъ изъ всѣхъ, работавшихъ для Шекспира Бойделя. Онъ рисовалъ почти во всѣхъ стиляхъ, былъ умнымъ писателемъ и оставилъ очень цѣнную біографію Рейнольдса. Газлиттъ разсказывалъ, что его разговоръ былъ поучителенъ и живописенъ. Но мантія Рейнольдса досталась не Норткоту, а Джону Гоппнеру. Онъ былъ сынъ одного изъ нѣмцевъ, состоявшихъ при Виндзорскомъ дворѣ и родился въ 1759 году. Въ академію онъ поступилъ семнадцати лѣтъ, получилъ золотую медаль и сдѣлался чрезвычайно популярнымъ портретистомъ. Его подражаніе Рейнольдсу часто дѣлало ему вредъ; онъ подражалъ ему даже въ употребленіи непрочныхъ красокъ. Нѣкоторыя изъ его картинъ очень изящны по колориту и во всякомъ случаѣ онъ заслуживалъ благопріятнаго мнѣнія своихъ современниковъ.

Опи.

Болѣе индивидуальности было у Джона Опи, сына плотника, родившагося въ деревнѣ близъ Труро въ Корнвалисѣ въ 1761 году. Его эскизы обратили на него вниманіе Волькота, сатирика и художественнаго критика, извѣстнаго подъ псевдонимомъ Петра Пиндара. Въ Лондонъ онъ пришелъ почти мальчикомъ и въ 1782 году уже выставилъ свои картины въ академіи. Рейнольдсъ сравнивалъ его съ Караваджіо и даже съ Веласкезомъ; сравненіе очень лестно для Опи и вмѣстѣ съ тѣмъ оно указываетъ и на сильныя и на слабыя стороны его произведеній. Нѣкоторая дикость выраженія и насильственность освѣщенія общи обоимъ этимъ художникамъ. Но портреты Опи часто отличаются замѣчательной силой и чтобы ни говорили относительно «грубаго и неудовлетворительнаго исполненія», энергія и способности «самоучки изъ Корнваллиса» даютъ ему право быть поставленнымъ въ первомъ ряду меньшихъ изъ извѣстныхъ художниковъ.

Другимъ оригинальнымъ художникомъ былъ Вильямъ Бичи, хотя его оригинальность и была нѣсколько поверхностной. Онъ принадлежалъ къ тому же поколѣнію, хотя извѣстности добился нѣсколько позднѣе. Онъ былъ изъ Беркшира, хотѣлъ сдѣлаться адвокатомъ и въ Лондонъ пріѣхалъ восемнадцати лѣтъ, чтобы изучать эту профессію, въ 1771 году. Въ слѣдующемъ году онъ бросилъ изученіе юриспруденціи и поступилъ въ академію. Кончивъ ученье, онъ сдѣлался портретистомъ въ Лондонѣ. Но заказовъ ему не удалось достать и онъ отправился въ Норвичъ; возвратившись въ Лондонъ около 1780 года, онъ пользовался милостями двора. Эта милость была дѣломъ случая, и о ней стоитъ упомянуть только потому, что это доказываетъ, какъ важно было въ то время для художника королевское покровительство. Портретъ одного знатнаго лица, нарисованный Бичи, былъ отвергнутъ академическимъ комитетомъ и это такъ раздражило вельможу, что онъ пожаловался королю, и тотъ позволилъ ему прислать портретъ во дворецъ. Портретъ понравился и Георгъ III заказалъ художнику портреты свой и членовъ своей семьи и репутація Бичи была сдѣлана. На художника мало вліяли Рейнольдсъ или кто либо изъ современныхъ художниковъ, но манера его показная, а краски пріятны; въ 1798 году онъ возведенъ въ дворянское званіе и умеръ восьмидесяти шести лѣтъ, въ 1839 году. Онъ настолько ясно понималъ характеръ своего дарованія, что въ теченіе всей своей длинной и успѣшной карьеры ни разу не брался за историческія картины. Бичи.

Величайшимъ изъ всего этого поколѣнія художниковъ былъ Генрихъ Ребурнъ, шотландецъ. Онъ родился въ 1756 году близъ Эдинбурга и учился у золотыхъ дѣлъ мастера въ этомъ городѣ; но вскорѣ оставилъ это ремесло и, поучившись немного у нѣкоего художника Мартина, началъ работать въ своемъ родномъ городѣ, какъ миніатюристъ и портретистъ. Счастливый бракъ позволилъ ему перебраться въ Лондонъ, гдѣ онъ былъ сердечно принятъ Рейнольдсомъ, на два мѣсяца принявшимъ его въ свою мастерскую и давшимъ ему рекомендательныя письма въ Римъ, гдѣ онъ и учился два года. По возвращеніи онъ поселился въ Эдинбургѣ и благодаря своей талантливости занялъ положеніе, похожее на положеніе Рейнольдса въ Лондонѣ. Ребурнъ былъ конкурентомъ Рейнольдса; онъ обладалъ способностью ассимилировать, нѣсколько подобную той, которая была у Вандика; онъ подражалъ то Рейнольдсу, то Ромнею или Гэнсборо, и еще чаще Томасу Лауренсу. Онъ былъ неровенъ, но лучшія изъ его произведеній могутъ выдержать по силѣ и изяществу сравненіе съ произведеніями этихъ художниковъ. Въ сущности онъ былъ реалистомъ, но утонченнымъ; онъ не обладалъ даромъ идеализаціи, схватыванія духа. Техника нѣкоторыхъ изъ его произведеній, напр. знаменитаго портрета Уордрода изъ Торбанъ Гилля, великолѣпна; Ребурнъ.

мастерское исполненіе соединяется съ тонкой наблюдательностью. Можно напр. въ этомъ портретѣ отмѣтить, съ какой тонкостью онъ передаетъ свѣтъ, падающій чрезъ тонкую ноздрю на нижнюю губу, тающія краски и ширину размаха кисти, напоминающія знаменитое изрѣченіе Норткота относительно еще болѣе выдающагося мастера кисти. Какъ скромно и полно жизненной правды и какъ просто все, что отличаетъ старость, въ этой прекрасной реалистической картинѣ. Тѣни на портретѣ богатыя, темныя; но Ребурнъ почти такъ же хорошо владѣетъ и другими цвѣтами. Таковъ напр. неподражаемый портретъ стараго англійскаго моряка, «Гринвичскій пенсіонеръ».

Лауренсъ.

Но ни одинъ изъ этихъ художниковъ не замѣнилъ Рейнольдса ни въ обществѣ, ни въ мірѣ искусства. Его мѣсто занялъ молодой человѣкъ, впослѣдствіи извѣстный сэръ Томасъ Лауренсъ. Онъ былъ еще ребенкомъ въ то время, когда Ребурнъ воспользовался добротой Рейнольдса. Но Лауренсъ былъ самымъ чудеснымъ изъ чудесныхъ дѣтей. Даже будучи ребенкомъ, въ то время, какъ онъ ѣздилъ на палочкѣ верхомъ и забавлялся другими дѣтскими играми, онъ уже рисовалъ портреты. Родители его были дѣтьми деревенскихъ пасторовъ,—но во время его рожденія содержали гостинницу «Бѣлаго Льва», въ Бристолѣ. Отецъ былъ непосѣда и обанкрутившись въ Бристолѣ, онъ отправился въ Девизъ, а оттуда переселился въ Оксфордъ, потомъ въ Веймоутъ и наконецъ въ Батъ. При такихъ переѣздахъ съ мѣста на мѣсто учить сына трудно, но любящіе родители утверждали, что ихъ сынъ такъ талантливъ, что не нуждается въ образованіи. Въ Батѣ онъ, однако, учился у Вильяма Гоара, извѣстнаго живописца и въ этомъ городѣ онъ копировалъ карандашемъ различныя произведенія старыхъ мастеровъ. За одну изъ копій «Преображенія» Лауренсъ получилъ отъ общества художествъ серебряную палитру; общество. какъ бы предвидя будущность юнаго художника, приказало позолотить палитру. Ему еще не было двѣнадцати лѣтъ, а онъ уже былъ моднымъ портретистомъ; его мастерская въ Батѣ была «мѣстомъ моды и красоты». Въ 1787 году семья переѣхала въ Лондонъ и Лауренса приняли въ королевскую академію. Онъ былъ очень красивъ, съ своими каштановыми локонами, развѣвающимися по плечамъ; его таланты, какъ художника, уже въ то время засвидѣтельствованы оффиціально.

Ему еще не было двадцати лѣтъ, когда произошло его извѣстное свиданіе съ Рейнольдсомъ. Рейнольдсъ и кстати и не кстати уговаривалъ студентовъ изучать старыхъ мастеровъ, но Лауренсу онъ говорилъ другое. «Изучайте прилежно природу, а не старыхъ мастеровъ»—совѣтывалъ онъ ему и этотъ совѣтъ доказываетъ, какъ замѣтилъ одинъ проницательный критикъ, что Рейнольдсъ сразу понялъ какая опасность встрѣтится на пути юнаго художника. Въ теченіе двухъ лѣтъ Лауренсъ добился необыкновенной популяр-

ности. Его красота, его льстивая кисть, его блестящій разговоръ, его прекрасныя, ласкающія манеры сдѣлали его любимцемъ свѣтскаго общества. На двадцать первомъ году онъ былъ корреспондентомъ академіи, такъ какъ по правиламъ быть членомъ нельзя до двадцатичетырехлѣтняго возраста. Въ февралѣ слѣдующаго года 1792 умеръ Рейнольдсъ и король немедленно назначилъ Лауренса на освободившееся мѣсто «королевскаго художника» (Royal Painter in Ordinary). Общество диллетантовъ (Dilettanti) выбрало его своимъ художникомъ, а въ двадцать четыре года онъ получилъ титулъ академика. Онъ достигъ вершины лѣстницы въ такомъ возрастѣ, когда другіе только начинаютъ взбираться на нее.

Лауренсъ могъ быть болѣе великимъ художникомъ, чѣмъ онъ сдѣлался, потому что хотя онъ былъ очень трудолюбивъ и имѣлъ несчастное стремленіе къ поверхностной отдѣлкѣ, но нѣкоторыя изъ его головъ, повидимому зарисованныя сразу, полны огня. Любопытно, что мнѣнія о немъ современниковъ очень различны: Фузели, хорошій рисовальщикъ, говорилъ, что Лауренсъ рисуетъ такъ же хорошо, какъ Вандикъ, и даже лучше, и что его женщины отличаются «лучшимъ вкусомъ». Но Опи былъ ближе къ истинѣ, когда говорилъ, что Лауренсъ дѣлаетъ изъ своихъ заказчиковъ франтовъ и фатовъ, а заказчики дѣлаютъ его самого фатомъ. Уильки тоже указывалъ, что почти всѣ его головы поставлены одинаково. Онъ старательно разрабатывалъ свой даръ льстить кистью и забавно измѣнялъ и дѣлалъ изящными черты лицъ своихъ заказчиковъ. Его называли смягченнымъ сэромъ Джосуа, но сравненіе это наврядъ ли удачно. За исключеніемъ нѣкоторыхъ изъ первыхъ своихъ произведеній, онъ нигдѣ не дѣлаетъ попытокъ проникнуть въ сущность изображаемаго лица. Лауренсъ слабъ именно въ томъ, въ чемъ силенъ Рейнольдсъ. Онъ мало заботился о богатствѣ и гармоніи и о массѣ свѣта и тѣни; рисунокъ онъ цѣнитъ болѣе, чѣмъ живопись, а чистоту болѣе, чѣмъ тонъ. Лауренсъ мастеръ изящно рисовать платье, прекрасныя руки и блестящіе глаза, но его недостатки не менѣе очевидны, чѣмъ его достоинства.

Тѣмъ не менѣе Лауренсъ занимаетъ видное мѣсто въ исторіи англійскаго искусства, какъ послѣдній изъ великихъ портретистовъ, какъ самый плодовитый изъ художниковъ великой эпохи. Онъ достигъ зенита славы въ 1815 году, когда регентъ возвелъ его въ дворянское достоинство. Онъ посѣтилъ Aix-la-Chapelle во время конгресса и рисовалъ императоровъ и королей; его портреты разсказываютъ намъ о судьбѣ таланта, дѣлавшагося все болѣе и болѣе ординарнымъ, хотя изрѣдка изящество лица освѣщаетъ механическую ловкость работы. Въ его пользу слѣдуетъ сказать, что его старательность и трудолюбіе—потому что въ послѣдующіе годы онъ утратилъ ту способность схватывать сходство, которой отличался въ

дѣтствѣ—развили требованіе на старательную обрисовку; его воздержанность въ употребленіи красокъ вывела изъ моды подражаніе Рейпольдсу въ употребленіи яркихъ, но непрочныхъ красокъ. Но несомнѣнно, что въ другихъ отношеніяхъ его вліяніе было вреднымъ. Онъ обладалъ большимъ дарованіемъ, но предпочиталъ сидѣть дома, чѣмъ путешествовать и изучать. Онъ старался льстить своимъ заказчикамъ, вульгарно изображая ихъ болѣе изящными, чѣмъ они были въ дѣйствительности, а не старался, какъ Рейнольдсъ, открыть въ нихъ высшія духовныя свойства. Было, несомнѣнно, что то родственное между его натурой и характеромъ времени, въ которое онъ жилъ—это время было эпохой пустой утонченности, мелкаго изящества, изящества «дамства и кавалерства» Регента и его двора.

Литература.

Трайля.

Поэзія и проза.

Въ «Введеніи» къ этому сочиненію мы уже говорили о контрастѣ въ судьбахъ поэзіи и прозы въ восемнадцатомъ столѣтіи. Въ началѣ описываемаго періода этотъ контрастъ становится особенно сильнымъ и яркимъ. Проза постоянно развивается по своей формѣ, она непрерывно получаетъ приращенія со временъ Аддисона и Свифта до времени Борка и Гиббона и у этихъ послѣднихъ становится орудіемъ, по своему характеру различнымъ у каждаго изъ нихъ, но вообще несравнимымъ съ прежними орудіями англійской литературы по своему разнообразію. Поэзія, наоборотъ, постоянно утрачиваетъ свою энергію, все больше и больше отдаляется отъ животворнаго источника, отъ природы, все болѣе уходитъ въ пустыню безжизненнаго искусства. Услуги, оказанныя Попомъ въ дѣлѣ формальнаго усовершенствованія героическаго куплета и вообще въ дѣлѣ развитія структуры англійскаго стиха, были, несомнѣнно, важнымъ пріобрѣтеніемъ для поэзіи; но въ силу дѣйствія того суроваго закона, управляющаго всѣми дѣяніями человѣчества, думы о которомъ занимали умъ умирающаго короля Артура, примѣръ Попа оказалъ на его послѣдователей вредоносное вліяніе. По словамъ поэта, преклонявшагося предъ геніальностью Попа, но бывшаго притомъ піонеромъ движенія, впослѣдствіи свергнувшаго его иго, Попъ сдѣлалъ поэзію механическимъ искусствомъ, такъ что всякій воркующій стихослагатель могъ выучить ее наизустъ. Нѣсколько страницъ, даже нѣсколько дюжинъ строчекъ изъ самой популярной поэмы того

времени были бы вполнѣ достаточны для доказательства того, что наступало уже время для появленія новой поэзіи, а также и того, насколько извратила поэзію старая добрая привычка къ правильности, привитая къ англійской поэзіи Попомъ.

Вліяніе Попа.

И все таки необходимо сдѣлать нѣкоторыя оговорки: обыкновенно осуждаютъ холодность и искусственность школы Попа и удаленіе ея и отъ вѣчныхъ истинъ природы и отъ искренняго человѣческаго чувства, какъ будто бы эти недостатки были свойственны лично самому Попу и были культивируемы его подражателями. Точно также неосновательно принято говорить о руководителяхъ романтическаго и натуралистическаго возрожденія поэзіи, что они снова возвратили англійскую поэзію на вѣрный путь съ того ложнаго пути, на который завелъ ее Попъ. Но такія утвержденія представляютъ несправедливую суровость по отношенію къ поэту и чрезмѣрную снисходительность къ его времени. Поэтическій духъ въ восемнадцатомъ вѣкѣ не былъ никѣмъ заводимъ на ложный путь — просто потому, что онъ совсѣмъ не двигался. Онъ пребывалъ на одномъ мѣстѣ въ ожиданіи развитія поэтическихъ силъ, происшедшаго въ концѣ вѣка, въ ожиданіи рожденія новой пѣсни. Попъ просто бралъ поэзію такой, какой онъ нашелъ ее; въ этомъ отношеніи онъ былъ на одномъ уровнѣ съ вѣкомъ, а не впереди его, и съ успѣхомъ посвятилъ свои силы усовершенствованію формы. То, что мы въ настоящее время считаемъ въ его поэзіи прозаическимъ, было слѣдствіемъ прозаичности вѣка. Его стремленія къ природѣ были ни болѣе, ни менѣе хладны, его пониманіе ея ни болѣе, ни менѣе вѣрно, какъ стремленія и пониманіе Аддисона, Юнга, Шенстона или Томсона. Всѣ они одинаково смотрѣли на нее глазами пейзажиста, съ тѣмъ же ограниченіемъ поля зрѣнія широкими абрисами ландшафта, съ той же нечувствительностью къ ея очарованіямъ и тайнамъ. Даже у Грея только случайно встрѣчаются блестки чего нибудь болѣе глубокаго и возвышеннаго; даже въ его «Элегіи», при всемъ ея изяществѣ, только въ одномъ стансѣ, начинающемся строчкой: The breezy call' of incense-breathing morn—звучитъ голосъ, исходящій изъ самаго сердца природы.

Если содержаніе поэзіи не было усовершенствовано Попомъ, то оно и не было имъ ухудшено и требованіе новой школы, чтобы поэзія была ближе къ природѣ, было протестомъ не противъ заблужденій самого Попа, а противъ неподвижности и ограниченности періода Попа. Противъ него по всей справедливости можно сказать только одно—да и то относительно его вліянія, а не относительно его геніальности—а именно: что удивительный блескъ его искусственнаго метода настолько скрывалъ бѣдность содержанія, что въ теченіе многихъ лѣтъ послѣ его смерти его поэзія спасалась отъ дискредитированія, которое было, однако, ея неизбѣжной судьбой. Многіе стихо-

плеты должны были проявить безплодное мастерство искусства, превращеннаго Попомъ въ механическое, раньше, чѣмъ этотъ механизмъ былъ разоблаченъ окончательно; цѣлое поколѣніе воркующихъ поэтиковъ должно было повторять его пѣсни раньше, чѣмъ публика поняла, что это безсмысленное журчанье.

Гейлей. Въ первые годы этого періода не было признаковъ, что близко такое разоблаченіе. Изъ всѣхъ воркующихъ, о которыхъ столь презрительно говорилъ Коуперъ и къ которымъ онъ, конечно, не хотѣлъ причислить своего друга и впослѣдствіи біографа, никто не ворковалъ такимъ тоненькимъ и слабенькимъ голоскомъ, какъ Вильямъ Гейлей (1745—1820). И однако лучшая вещь Гейлея: «Торжество характера», изданная въ 1781 году, была событіемъ дня. Авторъ былъ человѣкъ очень образованный, обладавшій утонченнымъ умомъ и его «Письма къ Ромнею» доказываютъ, что онъ обладалъ недюжиннымъ художественнымъ чутьемъ. Читая его воркованья, нельзя не чувствовать презрѣнія къ поэту вмѣстѣ съ искренней симпатіей къ человѣку. Его натура была сама простота—та простота, которой нѣтъ въ его произведеніяхъ; его характеръ былъ столь же скроменъ, сколь его муза претенціозна. Его искренность и добродушіе непреодолимо проявились даже въ его стихотворномъ нападеніи на Юма; даже въ письмахъ къ рѣзкой Аннѣ Сьюардъ онъ не могъ отъ души обругать своего грубаго критика Джонсона; онъ постоянно проговаривается лестными для него эпитетами и его прекрасная, но сердитая корреспондентка потѣшно уговариваетъ его взять эти эпитеты назадъ. Джонсонъ, не смотря на то, что онъ глоталъ книги, признается, что онъ не могъ прочитать болѣе двухъ страницъ «Торжества характера», а потомство, вѣроятно, не могло прочитать и этихъ двухъ страницъ. Даже для закаленнаго въ бояхъ критика интересъ произведенія состоитъ только въ томъ, что оно обдуманное подражаніе знаменитому образцу, иногда переходящее въ пародію. Фривольное содержаніе поэмы, лже-героическая манера, ея механизмъ будуарной фееріи и инциденты «сверхъестественной гостинной»—все это до комизма похоже на «Похищеніе локона». Мы встрѣчаемся тутъ со всѣми фокусами Попа безъ его вдохновенія—тутъ имѣются только его воздушная фантазія, грація изобрѣтательности и опьяняющій блескъ его стиха. Время отъ времени вамъ бьетъ въ носъ благоуханіе этаго свѣтлаго и легкаго поэтическаго шампанскаго, но при этомъ васъ почти всегда преслѣдуетъ непріятное впечатлѣніе, что вы пьете его по утру изъ бутылки, откупоренной и оставленной открытой прошедшимъ вечеромъ. Вообще поэма наиболѣе совершенный примѣръ непригодности традицій Попа. Стихъ Гейлея всегда безошибоченъ и гладокъ, онъ старательно обрабатываетъ его, у него никогда не встрѣтите грубости и неизящнаго. Потому то именно и очевидна ошибочность его поэтическаго символа вѣры, что прихо-

дится относиться отрицательно къ поэту, который могъ бы занять самое высокое положеніе среди поэтовъ — еслибы поэзія состояла только изъ одной «правильности».

Школа Делла-Круска.

Тѣмъ же, чѣмъ былъ Гейлей, или похуже его, были Вильямъ Уитгидъ, поэтъ лавреатъ и его теска, Павелъ Уитгидъ. Еще хуже—такъ какъ у нихъ не было ни честности, ни искренности Гейлея, а только претензіи на образованность, которой Гейлей дѣйствительно обладалъ — были члены общества взаимнаго удивленія, извѣстнаго подъ названіемъ «Школы Делла Круска» (названо такъ по всевдониму нѣкоего Роберта Мерри, главнаго умника этой школы). Это общество основалось для изданія альбома нелѣпостей, въ которыхъ боролись за преобладаніе безсиліе чувства съ аффектаціей стиля. Гейлей и другъ его, миссъ Сьюардъ, кокетничали съ школой; нѣкоторые писатели, которыхъ считали «слишкомъ умными, чтобы быть тамъ», вродѣ О'Кифа и Рейнольдса, болѣе или менѣе принадлежали къ ней. Съ ней имѣла сношенія и миссъ Трэль (или миссъ Піоцци); въ числѣ членовъ былъ смѣшной человѣчекъ, нѣкто Уптонъ, въ стихахъ котораго обычная лесть себѣ и сотоварищамъ сдѣлалась почти безвредной, потому что была очень смѣшна; потомъ нѣкто Вильямсъ, человѣкъ нѣсколько болѣе способный, чѣмъ его товарищи, но за то съ болѣе дурными склонностями, и множество другихъ простаковъ и обманщиковъ, имена которыхъ настолько же забыты теперь, какъ были бы забыты имена поэтиковъ, жившихъ за полтораста лѣтъ до нихъ, если бы Попъ не написалъ своей Дунсіады.

Бавіада и Мевіада.

Въ первыя пять или шесть лѣтъ, начиная съ 1785 года, когда появился ихъ безцѣнный альбомъ, эта школа глупости и претензій очень нуждалась въ своей Дунсіадѣ. И наконецъ она получила ее отъ руки болѣе грубой и менѣе талантливой по сравненію съ Попомъ, но для нея достаточно сильной. Вильямъ Жиффордъ (1757—1826) былъ человѣкъ скромнаго происхожденія, который благодаря большимъ способностямъ, неутомимости въ трудѣ и помощи одного покровителя сдѣлался настоящимъ ученымъ и занялъ почетное положеніе въ литературныхъ кругахъ. Онъ не обладалъ особенно тонкимъ критическимъ вкусомъ, но умѣлъ различить безсмыслицу, обладалъ значительнымъ, грубымъ, но настоящимъ юморомъ и мастерствомъ сатирическаго стиха. Если сатира Попа была рапирой, то сатира Жиффорда была простой дубовой дубиной и онъ такъ умѣло пользовался этимъ оружіемъ въ «Бавіадѣ» и «Мевіадѣ», двухъ его сатирахъ на школу Делла Круска, что это общество идіотовъ распалось на его составные элементы индивидуальной глупости.

Коуперъ.

Протестъ Вильяма Коупера противъ поэтическихъ ошибокъ вѣка былъ болѣе общаго характера и болѣе серьезенъ, хотя и менѣе прямъ и сознателенъ. Коуперъ былъ ученый, писалъ гимны, моральные и сатирическіе стихи раньше, чѣмъ явился предъ обществомъ въ ка-

чествѣ истиннаго и искренняго, хотя и неглубокаго, поэта природы, какимъ его имя сохранилось въ потомствѣ. Въ 1784 году онъ не издалъ, да наврядъ ли и писалъ, ничего въ этомъ родѣ. Трудно въ настоящее время сказать, сохранилось ли бы его имя въ потомствѣ, какъ имя выдающагося литератора, еслибы онъ написалъ только такія поэмы, какъ «Прогрессъ заблужденія», «Надежда», «Милосердіе» и другія гомиліи въ честь главныхъ добродѣтелей или даже наиболѣе сильную изъ всѣхъ этихъ поэмъ—«Застольная бесѣда». Эти поэмы по существу принадлежали къ вымиравшему жанру, онѣ были реминисценціями поэтическаго прошлаго и онѣ неизбѣжно затемняются для насъ другими его произведеніями, которыя были уже предвѣстниками поэзіи будущаго. Но и ихъ можно читать не безъ пользы и во всякомъ случаѣ ихъ долженъ прочесть всякій, желающій вполнѣ оцѣнить поэтическое дарованіе Коупера. Въ особенности обладаетъ выдающимися достоинствами послѣдняя изъ упомянутыхъ поэмъ, въ которой встрѣчаются мѣста сильно дѣйствующей, иногда даже возвышенной реторичности, удивительно вѣрныя и глубокія критическія замѣчанія, причемъ поэтъ проявляетъ замѣчательное мастерство въ трудномъ искусствѣ разсужденія въ стихахъ; не менѣе замѣчательны и ея чисто техническія достоинства; рифмованный куплетъ этой поэмы мѣстами испорченъ грубостью фразеологіи и слабостью метра, но въ немъ есть мужественная сила, которой мы не встрѣчаемъ въ англійской литературѣ со временъ Драйдена, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ мѣстъ у Черчиля.

„Task“. Въ 1785 году его другъ и поклонница лэди Аустенъ случайно дала ему счастливое указаніе, которому онъ и послѣдовалъ съ замѣчательнымъ успѣхомъ. Разсказываютъ, что когда онъ искалъ сюжета, она сказала ему: «пишите, о чемъ угодно. Напишите объ этой софѣ». Коуперъ полушутливо принялъ это полушутливое порученіе и написалъ поэму въ шести книгахъ: Task. Было бы невѣрно сказать объ этой прекрасной и во многихъ отношеніяхъ замѣчательной поэмѣ, что она была вызвана обдуманнымъ намѣреніемъ протестовать противъ школы Попа. Правда, что Коуперъ тутъ бросаетъ героическій куплетъ, но скорѣе ради свободы въ движеніяхъ, чѣмъ ради какихъ либо полемическихъ цѣлей.

Онъ всего меньше былъ новаторомъ и отнюдь не былъ революціонеромъ въ искусствѣ. Онъ проявляетъ свой консерватизмъ своей привязанностью къ старомодной условности въ поэзіи, къ утомительному обычаю олицетворять абстрактныя свойства, къ напудренной церемонности при трактованіи самыхъ обыкновенныхъ вещей. За исключеніемъ немногихъ, и не всегда удачныхъ, попытокъ на фамильярность, манера Коупера при трактованіи обыденнаго остается манерой прошлаго вѣка, столь радикально противоположной принципамъ «естественной» поэтической дикціи, на которой впослѣдствіи

такъ настаивалъ Вордсвортъ, съ большей впрочемъ горячностью, чѣмъ слѣдовало бы—вслѣдствіе того эта несомнѣнная истина была въ теченіе еще многихъ лѣтъ дискредитирована его преувеличеніями въ теоріи и неудачнымъ, доходящимъ до смѣшного, примѣненіемъ на практикѣ. Коуперъ еще очень далекъ отъ открытаго признанія простыхъ объектовъ, простыхъ идей и жизненныхъ интересовъ, защитѣ которыхъ посвящено знаменитое предисловіе къ «Лирическимъ балладамъ». Поэзія Коупера иногда нисходитъ до обыденнаго, но всегда сохраняя свое достоинство; она обращаетъ вниманіе и на чайникъ съ чаемъ, и на катушку шелка, и на скромныя удовольствія и занятія деревенскаго жилища, но всегда съ снисходительностью жены сквайра къ деревенскимъ школьникамъ. Коуперъ кромѣ того придерживается еще нѣкоторой неопредѣленности въ выраженіяхъ, столь чуждой всякой истинной поэзіи, преисполненной идеями и жаждущей выразить ихъ въ образахъ. Читая его произведенія, вы наслаждаетесь литературной отдѣлкой и вмѣстѣ съ тѣмъ раздражаетесь ихъ растянутостью и словообиліемъ. Вотъ, напр., сущность извѣстнаго мѣста въ шестой книгѣ: «жестоко напрасно растоптать червя (четыре строки)... вы можете случайно раздавить улитку, но всякій гуманный человѣкъ, если увидитъ ее, то пощадитъ (четыре строки)... Вредный и ничтожный червякъ можетъ быть убитъ, если попадетъ въ домъ (шесть строкъ)... но пока онъ живетъ въ своемъ мѣстѣ, несправедливо губить его (семь строкъ); однимъ словомъ человѣкъ можетъ отнимать жизнь, если того требуютъ его удобство, здоровье и безопасность (три строки)... но не иначе» (четыре строки)... По выразительности всѣ эти строки, конечно, безупречны, но ихъ ни много, ни мало, какъ двадцать восемь.

Когда Коуперъ выходитъ изъ сада въ поле, когда онъ становится лицомъ къ лицу съ природой, когда онъ перестаетъ морализировать и начинаетъ описывать, онъ пріятнѣе. Правда, въ его описаніяхъ нѣтъ поэтическаго очарованія; но эти описанія несомнѣнно правдивы. Читать лучшія и наиболѣе простыя изъ его произведеній въ этомъ родѣ послѣ описаній Попа—это все равно, что отъ группы раздушенныхъ пастушковъ и пастушекъ Ватто перейти въ свѣжую и благоуханную атмосферу полей и рощъ. Мы чувствуемъ, что наконецъ мы имѣемъ дѣло съ поэтомъ, который пишетъ, употребляя современную фразу, «устремивъ свой взоръ на предметъ», съ поэтомъ, описывающимъ природу по наблюденію, а не по наслышкѣ, не по традиціи, съ поэтомъ, у котораго даже холодныя и наименѣе описывающія изъ его прилагательныхъ его собственныя, а не заимствованныя изъ учебника реторики, который описываетъ то, что видитъ и прочувствовалъ видѣнное. Несомнѣнно, что онъ не прочувствовалъ видѣнное съ духовной торжественностью Вордсворта, съ напряженной эмоціональностью Китса; онъ не пробуждаетъ въ нашей груди

таинственнаго отзвука, но въ первый разъ въ теченіе вѣка мы слышимъ у него ясный и вѣрный тонъ.

Блэкъ. Другимъ предшественникомъ возрожденія поэзіи, хотя и не имѣвшимъ никакого вліянія и открытымъ, такъ сказать, только въ послѣдующемъ столѣтіи, былъ Вильямъ Блэкъ (1757—1827). Блэкъ, какъ натуралистъ, какъ протестантъ противъ искусственности, на нѣсколько лѣтъ предшествовалъ Коуперу и шелъ дальше Вордсворта. Его «Поэтическіе эскизы» были изданы только въ 1783 году, черезъ годъ послѣ изданія перваго тома Коупера, но были написаны, кажется, между 1768 и 1776 годами; въ первый изъ этихъ годовъ автору было двѣнадцать лѣтъ, а во второй двадцать. За «Эскизами» слѣдовали въ 1789 году «Пѣсни невинности» и въ 1794-мъ «Пѣсни опыта». Блэкъ, бывшій художникомъ скорѣе, чѣмъ поэтомъ и, слѣдуетъ можетъ быть прибавить, бывшій прежде всего мистикомъ, кажется не нравился поаолѣнію, привыкшему къ тонамъ Гейлея и Анны Сьюардъ—да и не могъ ему нравиться. И слѣдуетъ признаться, что поэтъ съ такимъ немузыкальнымъ ухомъ и съ такой неудовлетворительной грамматикой, какъ Блэкъ, наврядъ ли могъ сдѣлаться реформаторомъ въ поэзіи. Даже теперь безпристрастный критикъ долженъ отвергнуть многое изъ того немногого, что написалъ Блэкъ, какъ непоэтическое и безсмысленное; но невозможно отрицать у него существованія высокихъ поэтическихъ качествъ, изящной прелести и свѣжести чувства. Сходство его лучшихъ произведеній съ лучшими произведеніями Вордсворта настолько же поразительно, насколько забавно родство двухъ поэтовъ въ ихъ худшихъ произведеніяхъ. Онъ былъ предшественникомъ Вордсворта не только въ его благородной простотѣ, но и въ его обидныхъ ребячествахъ. Если онъ на пути къ Парнасу былъ предшественникомъ Вордсворта, то онъ былъ его предшественникомъ и по дорогѣ въ пустыню пафоса. У Блэка юморъ, повидимому, также отсутствовалъ, какъ и у Вордсворта; у перваго есть строчки совершенно прозаическія, поражающія насъ почти стольже, какъ пророческія пародіи второго.

Бёрнсъ. Въ такомъ сочиненіи, какъ предлагаемое читателю, невозможно, конечно, говорить о высокомъ значеніи Роберта Бернса, какъ одного изъ величайшихъ лириковъ. Клкъ ни былъ великъ талантъ Бернса, (1759—96), какъ ни были замѣчательны его пѣсни по ихъ истинной страстности, самъ онъ не можетъ имѣть мѣста въ книгѣ, посвященной главнымъ образомъ исторіи направленій и литературныхъ вліяній. Такъ какъ онъ писалъ на шотландскомъ діалектѣ—по крайней мѣрѣ свои настоящія поэтическія произведенія—то понятно, что онъ не могъ имѣть прямого вліянія на развитіе англійской поэзіи. Кажется, что онъ даже не имѣлъ прямого вліянія и на главныхъ изъ поэтовъ Англіи. Первое изданіе его поэмъ появилось въ Кильмарнокѣ въ 1786 году, а второе въ Эдинбургѣ въ слѣдующемъ году.

Онъ сразу имѣлъ успѣхъ у своихъ земляковъ, его слава въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ его недолгой жизни была безспорной и она все время увеличивалась по обѣ стороны границы. Бернсъ умеръ за два года до изданія «Лирическихъ балладъ», но онъ горячо сочувствовалъ начаткамъ новаго поэтическаго движенія въ Англіи и признавалъ поэму Коупера «славной поэмой». И однако, никакъ нельзя утверждать, чтобы онъ пользовался популярностью среди англійскихъ читателей до тѣхъ поръ, пока вполнѣ не развилась натуралистическая и романтическая школа. Однимъ словомъ, Бернсъ не способствовалъ возвращенію англійской поэзіи къ природѣ; напротивъ, возвращеніе англійской поэзіи къ природѣ сдѣлало популярнымъ Бернса среди англичанъ.

Вордсвортъ и Кольриджъ.

Когда была издана поэма Коупера, Вордсворту было только тринадцать лѣтъ, а Кольриджу двѣнадцать. Можно считать несомнѣннымъ, что оба они читали и преклонялись предъ этой поэмой въ юности, но нѣтъ доказательствъ того, чтобы она повліяла на нихъ. Въ первыхъ ихъ произведеніяхъ можно прослѣдить вліяніе германской поэзіи; но развитіе обоихъ поэтовъ было далеко неравномѣрнымъ—и это обстоятельство, къ сожалѣнію, часто забываютъ. Кольриджъ до двадцати пяти лѣтняго возраста написалъ два изъ лучшихъ и наиболѣе зрѣлыхъ изъ его лирическихъ стихотвореній: «Оду прошедшему году» и еще болѣе благородное произведеніе «Франція». Вордсвортъ былъ старше Кольриджа на два года, но до этого времени написалъ только тѣ первыя свои произведенія, на основаніи которыхъ, не смотря на присутствіе въ нихъ зародышей истинной поэзіи, было бы трудно съ увѣренностью предсказать его будущую знаменитость, какъ поэта. Только къ концу описываемаго періода два поэта соединились для изданія сборника поэмъ, который обыкновенно, хотя и не вполнѣ правильно, признается началомъ новой эры въ исторіи натуралистической школы поэзіи. Первый томъ «Лирическихъ балладъ» вышелъ въ 1798 году, а второй съ знаменитымъ предисловіемъ Вордсворта въ 1800-мъ. Потому разсмотрѣніе ихъ мы можемъ отложить до слѣдующей главы.

Краббъ.

Перевороты въ поэзіи также, какъ и въ политикѣ, никогда не бываютъ дѣломъ одного или двухъ людей. Возмущеніе противъ выродившихся традицій школы Попа бродило во многихъ умахъ и принимало различныя специфическія формы. У Вордсворта оно приняло форму стремленія къ болѣе правдивому изображенію внѣшней природы и къ болѣе простой поэтической формѣ. Но послѣдователи Попа не менѣе отступали отъ правдивости изображенія фактовъ человѣческой жизни, чѣмъ отъ вѣрности изображеній природы. Требованіе реальности при изображеніи человѣка и вселенной по ея отношенію къ человѣчеству было такимъ же неизбѣжнымъ послѣдствіемъ возмущенія противъ господствующей поэтической школы, какъ и тре-

бованіе правдивости и простоты въ изображеніи природы; и первое изъ этихъ требованій нашло выраженіе, энергическое и почти грубое, въ стихахъ Георга Крабба (1754—1832). Краббъ, сынъ приходскаго учителя, потомъ получившаго небольшую должность въ таможнѣ, явился въ Лондонъ въ 1789 году съ своей поэмой: «Библіотека», но безъ всякихъ средствъ; дойдя до крайнихъ предѣловъ нищеты, отъ которой его спасло благодѣтельное вмѣшательство Борка, онъ получилъ благодаря этому умному и благородному покровителю возможность издать не только написанное раньше произведеніе, но чрезъ два года, въ 1783 году, и вторую поэму: «Деревня», создавшую ему славу даже можетъ быть больше, чѣмъ «Приходскій регистръ», «Боругъ» и Tales of the Hall. Это была не высокая поэтическая слава; многіе изъ критиковъ даже совсѣмъ не признаютъ Краббса поэтомъ. Но если у него и нѣтъ того очарованія, которое необходимо для превращенія правды въ поэзію, то въ его произведеніи есть сущность поэзіи, сама правда. Онъ во всякомъ случаѣ уводитъ читателя далеко и отъ условнаго міра Попа и отъ идеализированной деревенской жизни Гольдсмита. Деревня, изображаемая «самымъ строгимъ, но лучшимъ художникомъ природы», какъ называли Краббса, очень не похожа на Sweet Auburn и послѣ цѣлаго вѣка гуманной поэзіи эры упадка мы чувствуемъ, что такой рѣзкій реализмъ имѣетъ дѣйствіе освѣжающее. До этаго времени поэзія сводилась къ безупречной дидактикѣ добродѣтельной Анны Моръ и къ драматическимъ общимъ мѣстамъ Джоанны Байлли, другой героини слишкомъ легко воспламеняющагося Скотта.

Проза. Англійская проза въ этомъ періодѣ даже болѣе, чѣмъ въ предшествующемъ, олицетворяется двумя великими писателями, Боркомъ и Гиббономъ. Они были бы признаны великими даже въ томъ случаѣ, еслибы ихъ литературныя достоинства были менѣе выдающимися; дѣйствительно, они были послѣдними изъ группы замѣчательныхъ прозаиковъ, украшавшихъ литературу въ предъидущемъ поколѣніи. Джонсонъ умеръ въ годъ, съ котораго начинается этотъ періодъ; Юмъ и Гольдсмитъ за нѣсколько лѣтъ раньше его; Ричардсонъ и Фильдингъ умерли раньше Юма, первый на пятнадцать, а второй больше чѣмъ на двадцать лѣтъ. Потому у Гиббона и Борка не было современниковъ, которыхъ можно бы было признать не только первостепенными прозаиками, но даже и второстепенными, за исключеніемъ одного Макинтоша.

Гиббонъ. Въ теченіе четырехъ лѣтъ съ 1784 по 1788 годъ вышли послѣдніе томы «Паденія римской имперіи»; они дали ихъ автору то выдающееся положеніе среди историковъ, которое упрочивается за нимъ съ каждымъ новымъ поколѣніемъ. Можетъ быть, было естественно, что любимая и иногда очень утомительная манера Гиббона намекать на его обширную начитанность, а не проявлять ее вполнѣ, сначала

возбудила нѣкоторыя подозрѣнія относительно этой начитанности или по крайней мѣрѣ относительно глубины его знаній; но у Гиббона эта манера намекать, за которой современные компиляторы очень искусно скрываютъ поверхностность своихъ знаній, была просто особенностью стиля. Выраженіе Гиббона: «мы могли бы, еслибы захотѣли»—искренно, тогда какъ компиляторы обыкновенно не могутъ, хотя бы и захотѣли. Когда послѣдніе цитируютъ дюжину словъ изъ какого нибудь малоизвѣстнаго источника, они это дѣлаютъ затѣмъ, чтобы скрыть свое невѣжество относительно всего его содержанія; когда это дѣлаетъ Гиббонъ, то онъ дѣлаетъ это потому, что не хочетъ прерывать теченія своего повѣствованія, не хочетъ дѣлать отступленія въ полдюжины фразъ, когда можетъ сжать ихъ въ нѣсколько словъ. И у него всегда оказывается, что въ этихъ немногихъ словахъ сосредоточивается полнота знаній, доступныхъ въ то время. «Всякому критику извѣстно, замѣчаетъ Сентсбюри, что нѣтъ ничего опаснѣе ссылки или намека по вопросу недостаточно изученному и что именно тутъ то всего легче открыть невѣжество или подлогъ. Можно смѣло утверждать, что съ Гиббономъ этаго никогда не случалось. Были нѣкоторыя вещи—неособенно многія—которыхъ онъ не зналъ и не могъ знать; но почти всегда онъ зналъ то, что могъ знать». И кромѣ того онъ пользовался богатствомъ своихъ знаній съ умѣньемъ разбираться въ подробностяхъ, съ умѣньемъ дѣлать глубокія и широкія обобщенія—и въ этомъ никто не превосходитъ его и немногіе съ нимъ могутъ сравниться.

Понятно, что подобнаго согласія относительно достоинствъ и недостатковъ его стиля существовать не можетъ. Его критиковали многіе, имѣвшіе право критиковать и еще большее количество такихъ, которые этаго права не имѣли. Кольриджъ, языкъ котораго не смотря на все его краснорѣчіе далеко несовершенный, осуждалъ стиль Гиббона въ такихъ странныхъ выраженіяхъ, которыя гораздо болѣе дискредитируютъ критика, чѣмъ критикуемаго; но и другіе, менѣе пристрастные и выражавшіеся умѣреннѣе, выставили противъ него достаточное количество упрековъ. Стиль Гиббона признавали монотоннымъ, неэластичнымъ, аффектированнымъ, надутымъ; его называли экзотическимъ по духу и не англійскимъ по строенію. Наиболѣе серьезнымъ изъ этихъ обвиненій можно признать второе. Послѣднее тоже имѣетъ нѣкоторое основаніе, хотя и поверхностно и едва ли его сдѣлалъ бы человѣкъ, знающій, насколько Гиббонъ цѣнилъ французскій языкъ и то обстоятельство, что свое великое произведеніе онъ началъ писать на этомъ языкѣ. Если же обратить вниманіе на это обстоятельство, то будетъ безспорно, что типическая фраза Гиббона по ея конструкціи и каденсу имѣетъ большее сродство съ фразой французскихъ прозаиковъ. Въ особенности это видно въ стремленіи Гиббона никогда, по скольку это возможно, не закан-

чивать фразу глаголомъ, прилагательнымъ или предлогомъ и его привычкой, которая производитъ монотонность въ стилѣ, заканчивать фразу, опять таки поскольку это возможно, существительнымъ съ предлогомъ of. Такое окончаніе, правда, у всѣхъ англійскихъ писателей преобладаетъ надъ всѣми другими синтаксическими формами; но у Гиббона такое преобладаніе прямо таки чрезмѣрно. Изъ тридцати пяти фразъ, выбранныхъ случайно на двухъ страницахъ его произведенія, не менѣе двадцати имѣютъ такое окончаніе Такъ что эта форма окончанія у него встрѣчается не только чаще всякой другой, но и чаще всѣхъ, вмѣстѣ взятыхъ.

Мы полагаемъ, что слишкомъ замѣтная монотонность гиббоновскихъ періодовъ обусловливается до значительной степени тѣмъ, что читатель безсознательно чувствуетъ все это однообразіе конструкціи. Во всякомъ случаѣ по отношенію къ прозаику, обладавшему такой силой и величественностью, какъ Гиббонъ, подобный упрекъ нельзя считать особенно серьезнымъ. Море, вѣдь, тоже монотонно; это одинъ изъ его деффектовъ. Но есть люди, которые могутъ безъ утомленія очень долго слушать шумъ его волнъ; есть и такіе энтузіасты, которымъ никогда не надоѣстъ слушать величавые періоды Гиббона. Тѣ же, кого его періоды утомляютъ, могутъ искать развлеченія у позднѣйшихъ англійскихъ писателей. На берегахъ шумящаго моря достаточно веселыхъ кіосковъ и казино, въ которыхъ они могутъ слушать оркестръ, разыгрывающій избранныя мѣста изъ легкихъ комическихъ оперъ.

Обвиненіе въ надутости и торжественности отчасти сводится къ обвиненію въ аффектаціи или, говоря иначе, въ претенціозности, а отчасти къ обвиненію въ неэластичности. Возвышенность манеръ, проявляемая въ общественной жизни людьми, положеніе которыхъ позволяетъ такое проявленіе, обыкновенно именуется болѣе почетнымъ именемъ величавости. Она не признается надутой до тѣхъ поръ, пока не становится смѣшной. У Гиббона она очень рѣдко доходитъ до смѣшного и если это и случается иногда, то обусловливается это неэластичностью стиля, который не можетъ приспособиться къ требованіямъ историческаго повѣствованія. Гиббонъ просто не умѣетъ быть фамильярнымъ—и это вполнѣ опровергаетъ упрекъ въ аффектаціи. Его величавость не только у него естественна, она съ нимъ нераздѣлима. Онъ проявляетъ ее и въ «Автобіографіи», хотя въ этой неподражаемой исповѣди и много прелести. Когда Гиббонъ «вздыхаетъ, какъ любовникъ, но повинуется, какъ сынъ»—читатель, можетъ быть, и улыбнется, но какъ критикъ онъ удивляется. Снисходительность Гиббона къ незначительному или неблагородному, когда они встрѣчаются ему въ его повѣствованіи, производитъ такое же комическое впечатлѣніе, какъ и его разсужденія въ автобіографіи о домашнихъ дѣлахъ. Во всякомъ случаѣ все это нечасто встрѣчается

у всякаго серьезнаго историка. Для всѣхъ же другихъ цѣлей его стиль есть орудіе удовлетворительное; въ качествѣ же орудія ума, ироніи, краснорѣчія и колоритнаго описанія, размѣренность его дѣлаетъ его особенно блестящимъ.

Боркъ.

Сэръ Макинтошъ, по разсказу Крокера, однажды сказалъ, что Гиббонъ могъ быть выкроенъ изъ уголка мозга Борка, и Боркъ не замѣтилъ бы этаго. Для того, чтобы опредѣлить отношеніе самого Макинтоша къ Борку, пришлось бы прибѣгнуть къ дифференціальному исчисленію. Выраженіе Макинтоша было во всякомъ случаѣ дерзостью; оно никуда не годится, какъ и всякая попытка соизмѣрять несоизмѣримое. Несомнѣнно вѣрно, однако, что разсуждая съ Боркомъ въ теченіе часа о какомъ либо абстрактномъ вопросѣ, мы прошли бы значительно большую часть интеллектуальнаго пути, чѣмъ разсуждая съ Гиббономъ въ теченіе такого же времени даже о наиболѣе философскихъ сторонахъ его исторіи. Но это до извѣстной степени есть результатъ большаго числа идей и ихъ болѣе быстрой смѣны—а иногда даже и не идей, а образовъ, которые мы встрѣчаемъ у Борка. Иначе говоря, Боркъ превосходитъ Гиббона совсѣмъ не глубиной и обширностью своего ума, какъ ошибочно полагалъ Макинтошъ; онъ превосходитъ его большей энергіей, болѣе дѣятельной игрой воображенія, выражавшагося въ фразеологіи самой богатой и самой разнообразной, какая когда либо была къ услугамъ оратора или писателя.

Протестуя такимъ образомъ противъ вышеупомянутаго преувеличеннаго сравненія Борка съ Гиббономъ, можно признать однако, что у Борка соединеніе мысли и выраженія достигаетъ такой силы, какой не замѣчается у Гиббона. Во всѣ періоды современной исторіи въ Англіи не было недостатка въ краснорѣчивыхъ и мудрыхъ политическихъ писателяхъ. Часто въ одномъ лицѣ мы встрѣчаемъ соединеніе мысли и выраженія, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ глубина мышленія не уступаетъ силѣ выраженія. Но можно сомнѣваться, чтобы кто нибудь изъ писавшихъ о политикѣ или философіи политики соединялъ въ такой степени, или въ степени только приблизительной, мудрость и краснорѣчіе, какъ Боркъ. Конечно, и онъ не вполнѣ свободенъ отъ вліянія традиціи и воспитанія; и онъ принималъ многія изъ догмъ партіи виговъ на вѣру; но за этими исключеніями, коихъ немного сравнительно, его блестящія способности къ теоретизированію и къ обобщенію всегда уравновѣшивались вполнѣ практической критикой здраваго смысла. Свое несравненное дарованіе Боркъ проявилъ именно въ теченіе описываемаго нами періода. Въ 1790 году появились его: «Размышленія о французской революціи», гдѣ всѣ способности, проявляемыя Боркомъ въ прежнихъ его произведеніяхъ, были посвящены имъ дѣлу, которому онъ былъ страстно преданъ. Произведеніе вышло образцовымъ.

Макинтошъ. Переходъ отъ Борка къ Макинтошу—это переходъ отъ генія къ таланту и притомъ переходъ слишкомъ внезапный и рѣзкій даже, чтобы онъ былъ пріятнымъ. И однако Макинтошъ былъ, можетъ быть, единственнымъ изъ прозаиковъ, о которомъ стоитъ упомянуть въ періодъ, когда жили и писали Гиббонъ и Боркъ. Робертсонъ былъ конечно почтеннымъ историкомъ, но какъ прозаическій писатель онъ былъ простымъ подражателемъ своимъ англійскимъ образцамъ. У Макинтоша несомнѣнно оригинальности больше. Vindiciae Gallicae еще и теперь можно читать съ удовольствіемъ; оно пользовалось бы еще большей репутаціей, еслибы не вызывало постоянно сравненій съ замѣчательнымъ сочиненіемъ, на которое оно было отвѣтомъ. При всѣхъ достоинствахъ произведенія читатель невольно вспоминаетъ, что оно написано тѣмъ всестороннимъ человѣкомъ, котораго пристрастные друзья считали чудомъ, а потомство совершенно забыло.

Земледѣліе.

Протеро.

Препятствія развитію земледѣлія. Въ первыя три четверти восемнадцатаго вѣка въ земледѣліи совершился поразительный прогрессъ; начали лучше понимать обработку земли и плодоперемѣнную систему, а разведеніе скота сдѣлалось выработанной наукой. Но этотъ прогрессъ былъ частичнымъ и вполнѣ мѣстнымъ. Только въ восточныхъ графствахъ и въ Лейчестерширѣ земледѣльцы воспользовались новыми источниками знанія, открытыми такими людьми, какъ Тулль, Тоунсгендъ и Бакуэлль. Характеръ фермеровъ, величина участковъ и сравнительно небольшое количество открытыхъ полей частію объясняютъ лучшее состояніе земледѣлія въ этихъ округахъ. Всѣ писатели, какъ то Артуръ Юнгъ и Маршаль, согласны въ томъ, что въ Норфолькѣ фермеры «занимаютъ въ обществѣ такое же положеніе, какъ духовенство и мелкіе сквайры»; въ Линкольнширѣ «многіе садились на своихъ лошадокъ и изслѣдовали другія части страны»; въ Лейчестерширѣ фермеры «много путешествовали и сообщались другъ съ другомъ». Въ другихъ мѣстностяхъ земледѣліе, напротивъ, почти не прогрессировало въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ вслѣдствіе преобладанія пустошей, системы открытыхъ фермъ, отсутствія арендныхъ договоровъ, бѣдности и невѣжества фермеровъ, упорства ихъ въ сохраненіи традиціонныхъ пріемовъ хозяйства, отсутствія рынковъ и трудности сообщеній. До преодолѣнія этихъ препятствій прогрессъ въ земле-

дѣліи не могъ быть общимъ. Именно съ устраненіемъ ихъ и связано неразрывно имя Артура Юнга.

Пустоши и общинное владѣніе.

Обширные округа, какъ уже сказано, лежали впустѣ и были неогорожены. Въ 1795 году въ отчетѣ Комитета земледѣлія значилось, что въ Великобританіи находятся впустѣ двадцать два милліона акровъ, изъ нихъ въ Англіи болѣе шести съ четвертью милліоновъ. Кромѣ этихъ милліоновъ акровъ необрабатываемой земли въ большей половинѣ приходовъ Англіи въ 1760 году земля обработывалась деревенскими общинами по вышеописанной нами системѣ. Такъ напр., въ Кембриджширѣ изъ 147,000 акровъ воздѣлываемой земли 132200 были открытыя поля; въ Беркширѣ изъ 438,000 акровъ по такой системѣ обрабатывались 220,000 акровъ. Равнина Пикерингъ въ Іоркширѣ арендовалась городомъ—общія пастбища овецъ и луга заросли плевелами и кустами, пахотныя земли были истощены непрерывными жатвами, луга косили изъ году въ годъ безъ всякихъ ихъ улучшеній.

Въ Назеби изгороди для пастбищъ окружали деревню, съ домами, построенными изъ глины; открытыя поля, обрабатываемыя по трехпольной системѣ, были искрещены тропинками, ведущими къ отдѣльнымъ участкамъ и наполнявшимися грязью въ дождливое время года; пастбища оставались въ естественномъ состояніи, заростая папоротниками, репеемъ и кустами. Таковы были условія, въ которыхъ находилось большинство открытыхъ фермъ. Плодоперемѣнная система, въ которой важную роль играли корнеплоды, ни могла быть введена на землѣ, находившейся въ общемъ владѣніи отъ августа мѣсяца до Срѣтенья; къ стадамъ, плохо кормленнымъ и низкорослымъ, невозможно было примѣнять правила Бакуэлля. Не безъ основанія Артуръ Юнгъ приходилъ къ заключенію, что «Готы и Вандалы, фермеры открытыхъ полей, должны вымереть, чтобы могла произойти радикальная перемѣна».

Не имѣя никакихъ гарантій въ прочности владѣнія, ни одинъ фермеръ не можетъ помѣщать въ свою ферму капитала. Обычной же въ странѣ формой аренды, за исключеніемъ мѣстностей, гдѣ преобладала система фригольдовъ, была аренда по соглашенію, которое могло быть уничтожено обѣими договаривавшимися сторонами при предупрежденіи за шесть мѣсяцевъ. Въ Эссексѣ и Суффолькѣ были уже извѣстны аренды на извѣстное количество лѣтъ, съ условіями относительно способа веденія хозяйства. Но вообще на такія аренды смотрѣли подозрительно и не только фермеры, но и ландлорды, потому что «онѣ давали фермеру указаніе, когда онъ можетъ начинать систематически истощать землю». Если между ландлордомъ и его фермерами существовали хорошія отношенія, то простая аренда изъ году въ годъ (tenure at will) практически гарантировала фермеру его владѣніе и все же неувѣренность въ прочности такого владѣнія несом-

нѣнно задерживала всякую предпріимчивость фермеровъ. Были обычными также пожизненныя аренды; онѣ, конечно, вполнѣ гарантировали положеніе фермера; но ихъ полезность въ этомъ отношеніи уравновѣшивалась отсутствіемъ всякихъ условій относительно системъ обработки и сохраненіе построекъ фермы. Безъ долгосрочныхъ арендъ ни одинъ фермеръ не хочетъ вкладывать въ ферму капиталъ; безъ опредѣленія условій относительно системы хозяйства и исправленія построекъ ни одинъ ландлордъ не могъ спокойно передать фермеру полное завѣдываніе владѣніемъ на продолжительное время.

Традиціонные пріемы хозяйства.

Другимъ важнымъ препятствіемъ прогресса были невѣжество и бѣдность фермеровъ, масса мѣстныхъ предразсудковъ и упорная привязанность къ устарѣлымъ способамъ хозяйства. Фермеры жили изо дня въ день и устарѣлая система, по которой они обработывали свои земли, могла дать производителямъ только ихъ насущный хлѣбъ. Они не могли и мечтать ни о чемъ большемъ. Тамъ же, гдѣ фермы были огорожены и обрабатывались отдѣльными арендаторами, копигольдерами или фригольдерами, традиціонные пріемы обработки цѣнились какъ наслѣдіе отцовъ, какъ привиллегія. Такъ напримѣръ въ Кентѣ во времена Гартлиба и спустя полтораста лѣтъ, во времена Юнга, очень часто въ плугъ запрягали по двѣнадцати лошадей или быковъ. Лиль, писатель восемнадцатаго вѣка, сообщаетъ, что въ Гампширѣ былъ обычай запрягать въ плугъ отъ восьми до десяти быковъ. Слѣды этаго обычая видны въ старыхъ извилистыхъ бороздахъ, сохраняющихся и теперь на пастбищахъ. Длина упряжи и неповоротливость плуга обусловливали очень большіе повороты къ краямъ пашни. Чтобы устранить это неудобство, борозды дѣлали искривленными, слѣдствіемъ этаго были и тѣ сохраняющіяся кривыя борозды, о которыхъ мы упомянули.

Въ Глочестерширѣ въ концѣ восемнадцатаго вѣка для вспашки нивы нужны были шесть лошадей, два человѣка взрослыхъ и одинъ мальчикъ. Норфолькскій пахарь на парѣ лошадей и съ норфольскимъ плугомъ исполнялъ въ тоже время туже работу и сбереженіе равнялось 120 фунтамъ въ годъ. Но только чрезъ двадцать лѣтъ сосѣди воспользовались этимъ примѣромъ. Юнгъ, писавшій въ 1768 году, говоритъ, что во многихъ мѣстностяхъ и не слыхивали о клеверѣ и рѣпѣ. Въ Нортумберландѣ клевера не сѣяли до 1752 года. Въ этомъ же графствѣ рѣпу сѣяли въ разбросъ до 1780 года. Опахиваніе до конца столѣтія рѣдко практиковалось гдѣ нибудь, кромѣ восточныхъ графствъ. Въ 1811 году Дэвисъ писалъ отчетъ о земледѣліи въ Уильтширѣ; несмотря на то, что овцеводство было тамъ главной отраслью хозяйства, культура рѣпы была почти неизвѣстна.

Отсутствіе путей сообщенія.

Трудность борьбы съ мѣстными предразсудками и распространенія новыхъ идей увеличивалась вслѣдствіе плохихъ путей сообщенія. Шоссейныя дороги начали проводить въ 1663 году или во всякомъ

случаѣ въ царствованіе Георга II. И однако на продолженіи восемнадцати миль по шоссейной дорогѣ отъ Престона до Вигана Артуръ Юнгъ нашелъ «выбоины въ четыре фута глубины и тонулъ въ грязи лѣтомъ, во время дождей, и встрѣтилъ три разбитыя повозки». Въ Эссексѣ по узкимъ проселочнымъ дорогамъ съ глубокими колеями, часто загроможденнымъ цѣлыми рядами повозокъ, такъ глубоко завязшихъ въ грязи, что для вытаскиванія ихъ оттуда нужно было тридцать или сорокъ лошадей, «проѣхать можетъ развѣ только мышь съ ея грузомъ». «Изъ всѣхъ проклятыхъ дорогъ, безчестящихъ это королевство въ вѣка варварства, не было ни одной, которая могла бы сравниться съ дорогой отъ Билльриккая до Тильбюри» — пишетъ Юнгъ въ 1769 году. Въ провинціяхъ дороги были только проселочныя, устроенныя на основаніи правила: по Сенькѣ и шапка. Зимой онѣ по большей части были непроѣзжими ни для кого, кромѣ всадниковъ на доброй лошади. Колокольцы въ то время были не простымъ украшеніемъ—они служили необходимымъ предупрежденіемъ, чтобы избѣжать столкновенія встрѣчныхъ обозовъ.

Вліяніе переворота въ промышленности.

Отдѣленные отъ сосѣдей непроѣзжими дорогами, получавшіе отъ земли только одно пропитаніе, фермеры не имѣли никакихъ поощреній для усовершенствованій. Но Уаттъ, Аркрайттъ и другіе вскорѣ съ быстротой чисто революціонной произвели переворотъ въ обществѣ. Населеніе въ промышленныхъ центрахъ увеличивалось скачками. Появились громадные рынки для продуктовъ земледѣлія. До сихъ поръ было мало раздѣленія труда, потому что употреблялись только простѣйшія орудія; ткачи и прядильщики кромѣ своихъ промысловъ занимались и земледѣліемъ. Но быстрое развитіе промышленности повело къ ихъ полной разлукѣ съ землей; примѣненіе машинъ къ ручнымъ промысламъ завершило общественный переворотъ. Раздѣленіе труда было экономической необходимостью; фермеры и ремесленники становятся взаимозависимыми производителями. Какое же вліяніе долженъ былъ имѣть этотъ переворотъ на земледѣліе страны? Какимъ образомъ страна съ строго покровительственной таможенной политикой и находившаяся въ войнѣ со всей Европой должна была добыть пищу для растущаго населенія, сосредоточеннаго въ желѣзныхъ и угольныхъ копяхъ? Очевидно, что фермы должны были превратиться въ промышленныя заведенія для производства говядины и баранины, что большія фермы, капиталисты-фермеры, долгосрочныя аренды должны были устранить всѣ препятствія на пути развитія хозяйства. Англія, вынужденная выбирать, должна была пожертвовать ради промышленности своими пустошами и общинными полями, своими сельскими общинами, своими мелкими іеменами и копигольдерами и замѣнить красоту и живописность крестьянской жизни монотонностью наемнаго труда.

Въ этомъ переворотѣ, происшедшемъ въ земледѣліи, видную роль

Дѣятельность Артура Юнга.

игралъ Артуръ Юнгъ—хотя и можно сомнѣваться, чтобы его крестовый походъ противъ устарѣлыхъ формъ хозяйства имѣлъ какія либо послѣдствія, еслибы онъ не поддерживался нуждами промышленности. Ему больше, чѣмъ кому либо изъ отдѣльныхъ личностей, Англія была обязана огораживаніемъ пустошей, уничтоженіемъ открытыхъ фермъ, разведеніемъ общинныхъ земель и консолидированіемъ владѣній, и все это измѣнило положеніе сельскихъ обывателей съ быстротой естественнаго катаклизма. Его энергія была главнымъ агентомъ въ дѣлѣ распространенія новыхъ идей о земледѣліи, собиранія статистическихъ данныхъ, распространенія свѣдѣній о новыхъ опытахъ, созданія Комитета земледѣлія, устройства фермерскихъ клубовъ и земледѣльческихъ выставокъ и премій.

Артуръ Юнгъ родился въ 1741 году въ Брадфильдъ-Голлѣ близь Бюри св. Эдмонда и началъ свою карьеру банкротствомъ въ качествѣ практическаго фермера. Въ 1767 году онъ началъ путешествовать и писать свои очерки сельской жизни въ Англіи, Ирландіи и Франціи. Съ этого времени до 1810 году онъ неустанно проповѣдывалъ объ усовершенствованныхъ пріемахъ земледѣлія. Онъ былъ неутомимъ; памфлеты и отчеты слѣдовали одинъ за другимъ; въ его земледѣльческомъ журналѣ: «Annals» сотрудничалъ самъ Георгъ III. Въ 1793 году былъ учрежденъ Комитетъ земледѣлія и Юнгъ былъ его секретаремъ до 1810 года. Онъ умеръ въ 1820 году; въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ своей жизни онъ былъ вполнѣ слѣпымъ. Въ теченіе вѣка послѣ его смерти его слава была затемнена самой полнотой его успѣха. Онъ признавалъ абсолютную необходимость добыть пищу для растущаго населенія и предложилъ рѣшеніе этой трудной проблемы. Онъ рекомендовалъ политику полнаго развитія всѣхъ рессурсовъ страны, уничтоженіе пустошей, раздѣленіе общинныхъ полей, уничтоженіе открытыхъ фермъ, консолидированіе владѣній, помѣщеніе въ земледѣліе капиталовъ какъ ландлордами, такъ и фермерами, долгосрочныя аренды, большія фермы и усовершенствованные методы обработки земли и скотоводства. Болѣе продукта—говорилъ онъ—больше и барыша, выше ренты ландлорда, больше дохода у фермера, выше плата рабочихъ и больше пищи для народа. Система, защищаемая имъ, установилась настолько прочно и настолько полно, что люди забыли, что раньше существовали совсѣмъ иныя условія—и въ этой работѣ Юнгу помогли давленіе цѣнъ и громадный ростъ промышленнаго населенія. Только недавно въ Англіи снова вспомнили о Юнгѣ вслѣдствіе возобновленія борьбы между крупными и мелкими фермерами, тогда какъ во Франціи борьба между фермерами-капиталистами и крестьянами-собственниками никогда не прекращалась—и его имя было всегда центральнымъ при обсужденіи спорныхъ вопросовъ.

Двѣ наиболѣе важныхъ перемѣны, происшедшихъ въ сельской жизни Англіи въ послѣдніе годы восемнадцатаго столѣтія—это уни-

чтоженіе пустошей и раздѣлъ общинныхъ полей. Загораживаніе полей имѣло цѣлью сдѣлать всю почву въ странѣ обрабатываемой; оно повело также къ уничтоженію системы открытыхъ полей, неизбѣжной при общинномъ владѣніи. Старый способъ огораживанія общинныхъ земель и пустошей состоялъ въ изданіи приказовъ (writs) о раздѣлѣ и размежеваніи. Но такой способъ былъ черезъ чуръ дорогимъ, чтобы его можно было примѣнять ко всѣмъ землямъ.

Огораживаніе пустошей и раздѣлъ общинныхъ земель. Экономическія и политическія слѣдствія.

Позже общинныя земли дѣлились или по соглашенію заинтересованныхъ лицъ или на основаніи частныхъ парламентскихъ актовъ. Но и при этомъ затрудненія были такъ велики, что на практикѣ огораживанія были почти невозможны. Было почти невозможно добиться соглашенія всѣхъ заинтересованныхъ лицъ, а для полученія парламентскаго разрѣшенія было необходимо согласіе четырехъ пятыхъ общинниковъ, лорда помѣстья и владѣльца десятины. Къ концу столѣтія подъ давленіемъ общественной необходимости было проведено много такихъ частныхъ актовъ. Но послѣ 1801 года, когда былъ принятъ первый общій актъ о загораживаніяхъ, процессъ ускорился. Въ періодъ времени отъ 1793 до 1809 года въ Англіи и Валлисѣ площадь обрабатываемой земли увеличилась на четыре съ половиной милліона акровъ. Не можетъ быть спора о томъ, что съ точки зрѣнія хозяйственной и экономической загораживанія были выгодны для страны. Но общественныя выгоды этого переворота болѣе сомнительны. Вѣроятно, что «Сельскій Джентльменъ», писавшій въ 1772 году памфлетъ о «Выгодахъ и невыгодахъ загораживаніи пустошей», былъ правъ, когда онъ говорилъ, что ландлорды, фермеры и вся нація выигрываютъ отъ этого измѣненія, но что земледѣльцы-общинники, превращаясь въ наемныхъ рабочихъ, пострадали.

Дѣйствительно слѣдствіемъ огораживаній, этого великаго общественнаго факта послѣднихъ лѣтъ восемнадцатаго столѣтія, было исчезновеніе земледѣльца-общинника и его превращеніе въ наемнаго рабочаго. Исчезновеніе іемена и мелкаго фригольдера было слѣдствіемъ различныхъ причинъ и оно произошло главнымъ образомъ позднѣе. Можно, конечно, противопоставлять выгоду націи личнымъ потерямъ. Безъ огораживанія пустошей и общиннымъ земель, безъ уничтоженія открытыхъ фермъ Англія не могла бы прокормить своего ростущаго населенія, не могла бы выдержать наполеоновскихъ войнъ и занять первое мѣсто въ борьбѣ націй за господство въ сферѣ промышленности.

«Гдѣ вы найдете мелкаго фермера—совершенно справедливо замѣчаетъ Юнгъ—который удобрилъ бы всю свою ферму мергелемъ, расходуя до 100—150 тоннъ на акръ, который бы осушилъ всю свою ферму, истративъ на акръ 2 или 3 фунта, который заплатилъ бы большую цѣну за городское удобреніе и перевозилъ бы его за тридцать миль на ферму, который удобрялъ бы свои луга, тратя по

5 фунтовъ на акръ, который для усовершенствованія породы своихъ овецъ далъ бы тысячу гиней за пользованіе однимъ бараномъ въ теченіе одного сезона, который посылалъ бы въ другой конецъ страны за новыми орудіями и за людьми, умѣющими управляться съ ними, который платилъ бы людямъ за пребываніе въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ употребляютъ новые способы хозяйства, ввести которые онъ желалъ бы въ своихъ фермахъ?»

Новая система фермерства, дѣйствительно, въ то время была необходимостью. Ландлорды и фермеры начали помѣщать въ землю капиталъ и находили такое помѣщеніе выгоднымъ. Фермерство начало развиваться очень быстро. Кокъ изъ Гольдгама представляетъ, можетъ быть, самый выдающійся примѣръ крупнаго ландлорда, посвятившаго свою энергію и свой капиталъ развитію своего хозяйства. Его продолжительная и полезная дѣятельность продолжалась и въ девятнадцатомъ вѣкѣ и потому ее мы отмѣтимъ дальше. Но движеніе, во главѣ котораго онъ стоялъ начиная съ 1772 года, имѣло представителей среди крупныхъ ландлордовъ во всѣхъ частяхъ Англіи и Шотландіи. Въ концѣ восемнадцатаго вѣка появляется та система земледѣлія и землевладѣнія, которую мы знаемъ въ настоящее время; начинается и раздѣленіе поземельныхъ классовъ на ландлордовъ, фермеровъ и рабочихъ.

Промышленность.

Тоунзенда Варнера.

Паровыя машины.

Хотя и ошибочно полагать, что до Уатта паровая машина не была въ употребленіи, но вѣрно то, что употребленіе ея было очень ограничено. Она употреблялась только для выкачиванія воды. Мы уже говорили, что причиной такого ограниченнаго ея примѣненія была дороговизна. Но была и другая причина—а именно та, что не умѣли еще надлежащимъ образомъ соединить продольное движеніе стержня съ вращательнымъ движеніемъ колеса. Правда, что еще въ 1736 году Іонатанъ Гульсъ помѣстилъ пару колесъ съ лопастями въ кормѣ бота и приводилъ ихъ въ движеніе машиной Ньюкомена. Но это сооруженіе было очень неуклюже и пробы плаванія такого бота по рѣкѣ Авону были неудачны. Во всѣхъ помпахъ сила была примѣняема къ оси, къ другому концу которой прикрѣплялся шатунъ. Это обусловливало медленность дѣйствія машины Ньюкомена. Настало время для усовершенствованій, которыя и были произведены Джемсомъ Уаттомъ.

Въ 1756 году Уаттъ, бывшій мастеромъ математическихъ инструментовъ, поселился въ Гласко. Городскія гильдіи ставили ему всяческія препятствія, такъ какъ онъ не служилъ въ качествѣ ученика; но университетъ далъ Уатту помѣщеніе въ одномъ изъ своихъ зданій, гдѣ городъ не имѣлъ права мѣшать. Въ 1763 году ему пришлось чинить машину Ньюкомена и онъ началъ дѣлать съ ней опыты. Онъ замѣтилъ, что причина дефектовъ машины состоитъ въ томъ, что въ ней теряется даромъ много тепла вслѣдствіе сгущенія пара въ самомъ цилиндрѣ. Такимъ образомъ терялось не менѣе трехъ четвертей всей теплоты. Эта потеря устранялась бы, если бы цилиндръ всегда имѣлъ температуру входящаго въ него пара. Паліативы, вродѣ кожуховъ на цилиндрѣ, цилиндры изъ плохихъ проводниковъ тепла и тому подобныя приспособленія, не рѣшали вопроса. Уаттъ рѣшился устроить отдѣльный холодильникъ, въ которомъ можно было устроить пустоту (vacuum), такъ чтобы паръ входилъ туда и сгущался тамъ. Уаттъ сдѣлалъ модель машины на основаніи такихъ соображеній.

Модель работала хорошо. Проблема теоретически была рѣшена, но для преодолѣнія разныхъ затрудненій потребовалось много лѣтъ работы. Однимъ изъ затрудненій было созданіе въ холодильникѣ надлежащей пустоты. Для этаго Уаттъ употреблялъ воздушный насосъ, приводимый въ движеніе машиной. Онъ также покрылъ верхъ цилиндра, чтобы предупредить трату тепла при опусканіи стержня, причемъ стержень проходилъ чрезъ сальникъ. Это предупреждало давленіе на стержень атмосферы; но Уаттъ рѣшился устранить атмосферическое давленіе—потому онъ пропускалъ паръ вверхъ цилиндра, такъ что паръ опускалъ стержень. При этомъ открывалась дорога отъ верхней части цилиндра къ нижней; давленіе пара вверху и внизу было одинаково, тяжесть коромысла снова поднимала стержень; такъ какъ паръ внизу сгущался въ отдѣльномъ холодильникѣ, то машина снова была готова для дальнѣйшаго дѣйствія. Такимъ образомъ вмѣсто старой воздушной машины была создана паровая. Уаттъ сначала употреблялъ только низкія давленія, потому что пока въ употребленіи былъ холодильникъ, для исполненія работы было достаточно низкаго давленія. Но даже и при этомъ Уатту приходилось бороться съ недостаткомъ денегъ и плохой работой. Первое изъ этихъ затрудненій было устранено тѣмъ, что Уаттъ вошелъ въ компанію съ Рёбукомъ изъ Каррона. Компанія основалась въ 1767 году и Рёбукъ обязался уплатить долги Уатта до тысячи фунтовъ и найти денегъ для дальнѣйшихъ опытовъ. За это онъ долженъ былъ получить двѣ трети доходовъ. Уаттъ взялъ патентъ и продолжалъ опыты. Но даже рабочіе въ Карронѣ работали не достаточно хорошо для него. Цилиндры приводили его въ отчаяніе; онъ пробовалъ мѣдь, цинкъ, свинецъ, литое желѣзо; но цилиндры изъ

твердыхъ металловъ выходили невѣрны, а изъ мягкихъ скоро теряли свою форму. Машина, устроенная Уаттомъ въ Киннейлѣ, не дѣйствовала какъ слѣдуетъ. Для довершенія бѣдъ Рёбукъ запутался въ долгахъ и въ 1773 году обанкрутился. Онъ задолжалъ 1200 фунтовъ Матью Боультону изъ Бирмингама и въ уплату долга Боультонъ взялъ его паи въ машинахъ Уатта. Киннейльская машина «Вельзевулъ», какъ назвалъ ее Уаттъ, была разобрана и отправлена въ Бирмингамъ.

Боультонъ и Уаттъ.

Матью Боультонъ, новый компаньонъ Уатта, началъ свое поприще какъ фабрикантъ мелкихъ металлическихъ товаровъ: пуговицъ, цѣпочекъ, пряжекъ и т. п. Капиталы у него были и дѣло процвѣтало. Въ 1762 году онъ построилъ фабрику въ Сого и увеличилъ производство, начавъ производить металлическую посуду и позолоченные товары. Въ 1769 году ему предложили пай въ патентахъ Уатта, но онъ отказался. Онъ былъ энергичнымъ, предпріимчивымъ и упорнымъ человѣкомъ и въ особенности гордился тѣмъ, что производилъ всѣ товары перваго сорта. При его помощи Уаттъ началъ дѣлать успѣхи. Вилькинсонъ изъ Бершама отлилъ восемнадцатидюймовый цилиндръ и вѣрно просверлилъ его. Рабочіе въ Сого работали аккуратно. Въ 1776 году машина Уатта, сдѣланная для Вилькинсона въ Брокслеѣ, работала исправно. Начали поступать заказы. «Скажите Вилькинсону—писалъ Боультонъ—чтобы онъ вылилъ и просверлилъ дюжину цилиндровъ отъ двѣнадцати до пятнадцати дюймовъ въ діаметрѣ и столько же холодильниковъ. Послѣдніе слѣдуетъ прислать сюда, такъ какъ намъ нужно имѣть ихъ въ готовности и тогда мы можемъ приготовить машину въ двѣ или три недѣли. Я рѣшилъ дѣлать отъ двѣнадцати до пятнадцати въ годъ и пятьдесятъ вращательныхъ машинъ въ годъ». Въ 1777 году Уаттъ самъ отправился въ Корнваллисъ устраивать тамъ машины для выкачиванія; объ одной изъ нихъ, поставленной въ Чэсуотерѣ, онъ писалъ: «скорость, сила, величина и ужасный шумъ машины удовлетворили всѣхъ очевидцевъ». Она выкачивала воду такъ, какъ ни одна машина до нея. Извѣстія быстро распространились во всей странѣ. Въ 1781 году Боультонъ писалъ Уатту: «въ Лондонѣ и въ Манчестерѣ всѣ обезумѣли отъ паровыхъ машинъ». Въ 1783 году Уаттъ сдѣлалъ паровой молотъ, дѣлавшій 300 ударовъ въ минуту; молотъ вѣсилъ полторы тысячи фунтовъ; но его молотъ также, какъ и всѣ другіе въ восемнадцатомъ вѣкѣ, былъ «tilt»—т.-е. молотъ прикрѣплялся къ концу вала и головка его поднималась кулаками вала или какимъ либо инымъ приспособленіемъ; такимъ образомъ головка двигалась по кривой и могла наносить прямой ударъ только сравнительно небольшимъ предметамъ, потому что при большихъ у молота было мало мѣста для произведенія дѣйствія. Машина была неудовлетворительна, потому что чѣмъ тяжелѣе и больше была штука, тѣмъ хуже работалъ мо-

лотъ. Уаттъ, стало быть, не опередилъ въ этомъ Насмита, молотъ котораго былъ устроенъ иначе и лучше. Въ 1786 году Уаттъ сдѣлалъ двойныя машины значительной величины; онѣ были поставлены въ «Альбіонъ Миллсъ» близь моста Блэкфріаровъ. Каждая изъ машинъ была въ пятьдесятъ силъ и работала при давленіи пара въ пять фунтовъ на дюймъ. Она приводила въ движеніе двадцать паръ жернововъ и молола 150 бушелей пшеницы въ часъ; сила пара употреблялась также для вѣянія, просѣванія, нагрузки и разгрузки, для подниманія и т. д. Машины этихъ знаменитыхъ мельницъ были сдѣланы по рисункамъ Джона Ренни (впослѣдствіи строителя мостовъ Ватерлоо и Лондонскаго) изъ литого или кованнаго желѣза. До сихъ поръ употребляли почти всегда дерево, хотя еще Смитонъ въ 1754 году сдѣлалъ въ Карронѣ желѣзное колесо, а Мурдокъ устроилъ желѣзныя сооруженія для мельницы въ Айрширѣ. Самъ Уаттъ указывалъ на употребленіе желѣза; это доказывается письмомъ Боультона въ 1781 году, въ которомъ Боультонъ пишетъ: «мнѣ нравится вашъ планъ дѣлать всѣ главныя части изъ закаленной стали и изъ лучшаго шведскаго желѣза съ врѣзанными зубьями. Спрашивается, не слѣдовало-ли-бы сдѣлать машину для дѣленія и вырѣзыванія зубьевъ? Желѣзо при такомъ способѣ нарѣзки меньше бы изнашивалось». Машины Ренни были замѣчательны по превосходству и точности работы, онѣ произвели полный переворотъ въ мельничномъ дѣлѣ. Возвратимся, однако, къ машинамъ Уатта. Онъ вскорѣ получилъ заказы иа пильныя машины въ Америку, на машины для сахарныхъ заводовъ въ Вестъ Индіи, для бумажныхъ фабрикъ, для мельницъ, для перемалыванія кремня на горшечные заводы. Въ 1785 году была заказана машина для шолковой фабрики въ Маккльсфильдѣ; была сдѣлана машина для хлопчатобумажной фабрики Робинзона въ Паппльуикѣ въ Ноттингамширѣ. Первыя машины въ Манчестерѣ и въ Гласко были поставлены въ 1789 и 1792 годахъ. Въ періодъ времени отъ 1780 до 1800 года паровая машина сдѣлалась главнымъ двигателемъ во всѣхъ отрасляхъ промышленности. Когда вѣтряныя мельницы стояли, когда замерзали водяныя мельницы, машины Уатта работали и работали экономно.

Изобрѣтатель неутомимо работалъ надъ усовершенствованіемъ своихъ машинъ. Мы уже говорили, что онъ настаивалъ на приготовленіи частей изъ желѣза. Онъ изобрѣлъ регуляторъ для клапана («governor»), что позволяло непрерывно поддерживать силу пара. На мотыль (колѣнчатый валъ—crank) для употребленія въ паровой машинѣ былъ взятъ патентъ Пикардомъ, такъ что его вырвали изъ рукъ у Уатта; и тогда онъ составилъ планъ новаго приспособленія для непрерывнаго вращательнаго движенія—«солнечное и планетное колесо». Его машины были двойными, т.-е. паръ проходилъ попеременно то сверху, то снизу стержня. Усовершенствованія произ-

водились въ Сого. Помошникъ Уатта Мурдокъ сдѣлалъ первую колебательную машину (oscillating engine), хотя и не ввелъ ее въ употребленіе для практическихъ цѣлей; онъ также первый пользовался угольнымъ газомъ для освѣщенія. Мурдокъ дѣлалъ опыты съ 1794 до 1802 года. При празднованіи по поводу заключенія Амьенскаго мира въ 1802 году Сого было освѣщено газомъ, съ 1803 года имъ начали постоянно освѣщать заводы. Другія фирмы вскорѣ послѣдовали примѣру Сого. Въ 1805 году въ Гласко газъ былъ почти въ общемъ употребленіи. Смайльсъ указываетъ, какъ на примѣръ медленнаго распространенія знаній и прочности заблужденій, на то, что газъ долго считали огнемъ и на то, что когда впервые газомъ освѣтили палату общинъ, члены съ большой осторожностью дотрогивались до трубъ и удивлялись тому, что онѣ холодныя.

Каменный уголь и желѣзо.

Въ 1783 году въ плавильномъ дѣлѣ коксъ и каменный уголь окончательно замѣняютъ своего стараго конкурента, уголь древесный; но послѣдній сохранился для одной цѣли, именно для ковки желѣза. Это задерживало развитіе желѣзной промышленности также, какъ препятствовалъ развитію текстильной промышленности недостатокъ пряжи. Первымъ, съ успѣхомъ употреблявшимъ каменный уголь для ковки желѣза, былъ Генрихъ Кортъ. Подобно большинству изобрѣтателей, онъ, собственно, не былъ первымъ, а только усовершенствовалъ то, что не додѣлали его предшественники. Выгоды употребленія каменнаго угля были такъ очевидны, что всякій желѣзный заводчикъ думалъ о немъ. Доказано, что Ребукъ въ Карронѣ дѣлалъ полосовое желѣзо на каменномъ углѣ въ 1763 году, но это желѣзо навряд-ли было годнымъ для ковки, потому что Уаттъ пишетъ, что онъ ѣздилъ въ Карронъ и показалъ, какъ дѣлать желѣзо, а раньше тамъ не дѣлали ни одной тонны. Въ 1766 году два брата, Крэнеджи, работавшіе въ Коальбрукдэлѣ, говорили Рейнольдсу, что они считаютъ каменный уголь пригоднымъ для отражательныхъ печей (reverberatory furnace), т.-е. печей, въ которыхъ пламя только касается желѣза, въ отличіе отъ обыкновенной плавильной печи, въ которой топливо и желѣзо находятся въ соприкосновеніи. Идея отражательной печи была уже не новой, такъ какъ одинъ изъ піонеровъ въ дѣлѣ употребленія каменнаго угля, нѣмецъ Блюстонъ, пробовалъ плавить желѣзо въ такой печи въ концѣ семнадцатаго вѣка. Но вышеупомянутые братья настаивали на вѣроятности успѣха при попыткѣ производства по такому способу ковкаго желѣза и опытъ доказалъ, что они были правы. Вопросъ былъ въ томъ, чтобы получить желѣзо въ болѣе чистомъ видѣ, чтобы оно не было ломко, какъ литое; для этаго было необходимо освободить его отъ примѣсей, вродѣ кремнезема, сѣры и фосфора и вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшить количество углерода. Рейнольдсъ позволилъ Крэнеджамъ сдѣлать опыты въ Бриджнортѣ и опытъ оказался удачнымъ. «Желѣзомъ,

положеннымъ въ печь, были старыя втулки, которыя всегда дѣлались изъ крѣпкаго желѣза; желѣзо вышло изъ печи самое неломкое, какое только мнѣ приходилось видать—говоритъ онъ. Полоса въ $1^1/_4$ дюймовъ въ квадратѣ, кажется, имѣла очень мало «Cold Short»... Это «Cold Short» есть техническій терминъ для обозначенія ломкости желѣза при его охлажденіи, обусловливаемой присутствіемъ фосфора. Мѣховъ при опытѣ не употребляли, топливомъ былъ каменный уголь. Первый опытъ былъ многообѣщающимъ; но все таки что то было не совсѣмъ ладно. Рейнольдсъ былъ однако не такой человѣкъ, чтобы бросить дѣло; то обстоятельство, что Коальбрукдэль не составилъ себѣ репутаціи способомъ Крэнеджей, представляетъ достаточное доказательство того, что полнаго успѣха они не добились. Дѣйствительно, качество добываемаго по этому способу желѣза было такъ различно, что довѣряться этому способу было невозможно. Другая попытка была сдѣлана Петромъ Оньонсомъ изъ Мертайръ-Тайдвиля въ 1783 году. Онъ положилъ въ печь желѣзныя болванки, замазалъ дверцы и употребилъ мѣха. Огонь поддерживался до тѣхъ поръ, пока металлъ при переворачиваніи его рабочимъ сдѣлался менѣе жидкимъ и тогда онъ былъ собранъ и откованъ. Этотъ способъ далъ хорошее ковкое желѣзо, но въ это время Кортъ уже началъ производить лучшее.

Кортъ. Пудлингованіе и прокатываніе желѣза.

Генрихъ Кортъ родился въ Ланкаширѣ въ 1740 году и былъ мастеромъ на желѣзномъ заводѣ въ Фонтлей, близь Фарегама. Ковкое желѣзо въ Англіи дѣлали по большей части изъ русскаго желѣза, цѣна его съ 70 копѣекъ повысилась до 220 и потому Кортъ рѣшился попробовать дѣлать ковкое желѣзо изъ англійскихъ болванокъ. Сдѣлавъ опытъ, онъ взялъ въ 1783 году патентъ на прокатываніе желѣза въ полосы или листы вмѣсто отбиванія ихъ молотомъ; въ 1784 году онъ взялъ патентъ на процессъ пудлингованія. Для этого процесса была устроена отражательная печь съ нижней камерой для растопленнаго металла. Въ печь клали болванки, топили каменнымъ углемъ. Печь закрывалась, пока металлъ не расплавится. Тогда открывалось отверстіе, рабочій переворачивалъ массу длинной желѣзной полосой—при этомъ происходило выдѣленіе газовъ и появлялось голубоватое пламя. Желѣзо такимъ образомъ декарбонизировалось, т. е. углеродъ сгоралъ и желѣзо очищалось. Пламя поддерживалось настолько, что желѣзо дѣлалось тѣстообразнымъ; тогда его можно было собрать въ комки или blooms и разгребать ихъ въ печи кочергой, пока они не получали надлежащей величины. Послѣ эти комки клали подъ молотъ или въ тиски (squeezer)—послѣ чего ихъ помѣщали въ прокатные валы Корта. Можно судить о сбереженіи при процессѣ пудлингованія въ соединеніи его съ прокатываніемъ по тому обстоятельству, что до этого времени заводы выпускали не болѣе двадцати тоннъ ковкаго желѣза въ недѣлю. Для обработки тонны полосового

или листового желѣза требовалась непрерывная въ теченіе двѣнадцати часовъ работа молота, тогда какъ съ прокатными валами въ такое же время можно было сдѣлать пятнадцать тоннъ. Кортъ отправилъ свое листовое желѣзо подрядчикамъ на постройку кораблей; они одобрили желѣзо и дали ему заказы. Онъ устроилъ заводъ въ Госпортѣ. Крупные заводчики въ южномъ Валлисѣ, Гомфрей и Краушау, узнавъ объ его изобрѣтеніи, пріѣхали осмотрѣть его заводъ и согласились уплатить ему большія деньги за разрѣшеніе пользоваться его методомъ. Процессъ сдѣлался еще болѣе распространеннымъ, когда Кортъ обанкротился и его патентъ былъ конфискованъ правительствомъ. Этотъ процессъ употребляется и теперь; въ принципѣ измѣненій нѣтъ, хотя кое какія измѣненія въ подробностяхъ и были сдѣланы, благодаря увеличенію знаній. Недостатокъ печи Корта состоялъ въ томъ, что нижнее дно было изъ песку, такъ что для каждаго пудлингованія было необходимо дѣлать новый очагъ (hearth) и такъ какъ сразу можно было пудлинговать небольшое количество желѣза, то производство было незначительно. Одинъ мастеръ могъ сработать въ день только четыре очага. Процессъ былъ ускоренъ, когда песокъ замѣнили твердымъ днищемъ изъ литого желѣза, на которомъ слой пепла образовалъ днище камеры, въ которой обработывалось желѣзо. Изобрѣтеніе Корта дало сильный толчекъ желѣзной промышленности. Ковкое желѣзо сдѣлалось дешевле и потому стало болѣе распространеннымъ. Краушау въ 1787 году производилъ только сорокъ тоннъ въ мѣсяцъ, а въ 1812 году тѣже заводы въ Сайфартфѣ производили 200 тоннъ въ недѣлю.

Крупные желѣзные заводы.

Такъ какъ во всѣхъ главныхъ процессахъ желѣзодѣлательной промышленности теперь можно было замѣнить древесный уголь каменнымъ или коксомъ, то уже не было больше необходимости въ томъ, чтобы желѣзные заводы находились вблизи лѣсовъ. О слѣдствіяхъ этого мы будемъ имѣть случай говорить, когда будемъ разсматривать перемѣщеніе промышленности, бывшее слѣдствіемъ происшедшаго въ ней переворота. Желѣзодѣлательная промышленность устроилась тамъ, гдѣ былъ каменный уголь; теперь это было первымъ необходимымъ условіемъ ея развитія. Важны также были водяные пути, и въ особенности водяная сила Ребукъ устроивалъ свои заводы насколько возможно ближе къ водѣ; въ этомъ отношеніи былъ въ особенности удобенъ южный Валлисъ. Минеральныя богатства этой части королевства были раньше такъ мало извѣстны, что въ 1765 году Бэконъ получилъ аренду на 99 лѣтъ на всѣ минеральныя богатства пространства въ сорокъ квадратныхъ миль въ мѣстности около Мертайръ-Тайдвиля за 200 фунтовъ въ годъ. Черезъ двадцать лѣтъ Бэконъ продалъ свои права съ барышемъ, не говоря уже о доходахъ съ заводовъ. Слѣдствіемъ этой продажи было устройство заводовъ въ Сайфартфѣ, Пенъ-и-Дарранѣ и Доулейсѣ. Мы уже упомянули объ

операціяхъ Краушау, владѣльца перваго изъ этихъ заводовъ. Краушау былъ іоркширецъ; его отправили въ Лондонъ ученикомъ къ торговцу желѣзомъ; у этого торговца главными покупателями были женщины, приходившія покупать, и, если можно и украсть, утюги—вотъ онъ и отправилъ Краушау устроить эту часть своей торговли. Онъ былъ способнымъ парнемъ, и быстро сдѣлалъ себѣ карьеру, такъ что изъ прикащика превратился наконецъ въ «желѣзнаго короля» южнаго Валлиса, жители котораго выходили на улицы при его поѣздкахъ и зѣвали на его желѣзное величество. Тогда уже наступало время основанія крупныхъ желѣзныхъ заводовъ. У Карронской компаніи было пять домнъ, шестнадцать воздушныхъ печей, печи для обжиганія огнеупорной глины, машина, поднимающая двадцать восемь тоннъ воды въ минуту и приводящая въ движеніе мѣхи, и четыре сверлильныхъ машины. Въ 1784 году въ Коальбрукдэлѣ было шестнадцать «огненныхъ машинъ» (такъ назывались въ то время паровыя машины), восемь домнъ, девять наковаленъ и болѣе двадцати миль рельсоваго пути. Этотъ послѣдній былъ построенъ Рейнольдсомъ. Мы уже упоминали объ операціяхъ Вилькинсона. Всѣ желѣзные заводы заказывали Уатту и Боультону паровыя машины для приведенія въ движенія мѣховъ; по мѣрѣ увеличенія силы мѣховъ увеличивали и величину печей. Печи, въ которыхъ работали древеснымъ углемъ, были отъ двѣнадцати до восемнадцати футовъ вышины, а теперь ихъ строили гораздо болѣе вмѣстительными. Въ Буттерлеѣ въ 1790 году построили квадратную печь въ сорокъ футовъ вышины и всю изъ камня. Въ Валлисѣ построили печь въ семьдесять футовъ, но нашли ее черезъ чуръ большой и, пробивъ дыру въ боку, уменьшили ее до сорока футовъ. Большинство жо печей было отъ десяти до двѣнадцати футовъ въ бокахъ (наиболѣе широкая часть печи—boshes), къ вершинѣ же они уменьшались до четырехъ футовъ. Позже такія печи были признаны слишкомъ узкими. Раньше обыкновенно въ печахъ была одна форма (tuyere). При паровомъ мѣхѣ заводчикамъ нужно было думать только о каменномъ углѣ, желѣзной рудѣ, плавкѣ и, гдѣ возможно, о водномъ пути. Желѣзные заводы въ лѣсныхъ округахъ быстро закрывались. Въ лѣсу Динъ каменный уголь было легко получить; но дни заводовъ въ Суссексѣ были сосчитаны. Въ 1788 году тамъ работало только два завода, въ Фарнгерстѣ и въ Ашбурнгэмѣ, да и они вскорѣ закрылись; вмѣсто ихъ зажглись домны въ Валлисѣ, въ Шотландіи и на сѣверѣ Англіи, гдѣ до этихъ поръ не было никакой промышленности, кромѣ угольныхъ копей. Извѣстный заводъ Боулингъ-Инъ былъ основанъ въ 1780 году; до конца столѣтія были устроены заводы Лоу-Муръ и въ Фарнлеѣ. «Лучшее іоркширское» желѣзо, производимое этими компаніями, дѣлалось также, какъ и теперь. Употребляли уголь Better Bed; онъ при обжиганьи даетъ самый лучшій коксъ въ мірѣ, такъ какъ сѣры почти

нѣтъ. Желѣзнякъ, лежащій надъ каменнымъ углемъ Black Bed, вырывался, вывѣтривался для выдѣленія изъ него шлаковъ, размельчался, плавился и изъ него дѣлались болванки. Эти болванки потомъ плавились съ золой, причемъ мѣхи направляли на поверхность всей массы. Почти весь углеродъ, содержавшійся въ болванкѣ, выдѣлялся; уменьшалось и количество кремнезема, сѣры, магнезіи и фосфора. При окончательномъ процессѣ пуддлингованія окончательно выдѣлялся углеродъ и желѣзо получалось чрезвычайно чистое. Этотъ процессъ очищенія въ тоже время былъ введенъ въ употребленіе въ южномъ Валлисѣ—изобрѣтеніе его обыкновенно приписываютъ Самуэлю Гомфрею. Въ 1791 году въ Англіи было семьдесятъ три домны, употреблявшія каменный уголь и выдѣлывавшія ежегодно до 67,548 тоннъ, и двѣнадцать въ Шотландіи, выдѣлававшихъ 12480 тоннъ. Работавшихъ древеснымъ углямъ домнъ было только двадцать двѣ. Изъ Швеціи ввозили 20000 тоннъ желѣза (Oregründ), изъ Россіи 50,000. Къ 1796 году количество домнъ увеличилось до 121, онѣ вырабатывали въ среднемъ по тысячѣ тоннъ ежегодно каждая.

Текстильная промышленность. Механическій станокъ Картрайта.

Съ 1740 до 1783 года благодаря изобрѣтеніямъ Гаргрива, Кромптона и Аркрайта предложеніе пряжи увеличилось; оно было такъ велико, что ткачи не могли передѣлывать ее. Теперь произошло соотвѣтственное развитіе ткачества благодаря примѣненію къ ткацкому станку сначала водяной силы, а потомъ и силы пара. За исключеніемъ изобрѣтенія Кэемъ самолетнаго челнока, ручной станокъ въ теченіе вѣковъ оставался безъ измѣненій. Изобрѣтеніе Кэя давало ткачу возможность дѣлать болѣе широкія сукна и работать быстрѣе, но оно не произвело переворота въ ткацкомъ дѣлѣ, какъ изобрѣтеніе дженни и пряденье валами произвели въ прядильномъ дѣлѣ. Переворотъ въ ткачествѣ былъ произведенъ Картрайтомъ, изобрѣтателемъ механическаго станка. Картрайтъ былъ священникомъ; онъ въ 1784 году посѣтилъ фабрики Аркрайта и когда разговоръ зашелъ о возможности дѣлать ткацкія машины, онъ утверждалъ, что это сдѣлать возможно. Надъ нимъ начали смѣяться; но онъ отстаивалъ свою мысль и говорилъ, что для этого требуется только тройное движеніе. Онъ уѣхалъ, но продолжалъ обдумывать свой планъ и съ помощью кузнеца сдѣлалъ первый механическій станокъ. Это была удивительно неуклюжая машина—и это неудивительно, если вѣрить Картрайту, что до своего изобрѣтенія онъ никогда не видалъ какъ работаютъ на обыкновенномъ ткацкомъ станкѣ. Въ его механическомъ станкѣ основа помѣщается перпендикулярно; «бердо—прибавляетъ онъ—падаетъ съ тяжестью 123 фунтовъ (with weight of half of a hundred weight), а пружины, бросающія челнокъ, выбросили бы Конгревовскую ракету». Дѣйствительно, даже для медленной работы на этомъ станкѣ была нужна сила двухъ крѣпкихъ мужчинъ. Тѣмъ не менѣе, поощренный своимъ успѣхомъ, Картрайтъ взялъ патентъ въ

1785 году и тогда только сдѣлалъ то, что большинство людей сдѣлали бы прежде всего—то есть, осмотрѣлъ и изучилъ дѣйствіе обыкновеннаго ручного станка. Послѣ этого онъ могъ сдѣлать нѣкоторыя усовершенствованія, на которыя и взялъ новый патентъ, а потомъ завелъ фабрику въ Донкастерѣ. Онъ не первый составилъ планъ ткацкой машины и не первый осуществилъ этотъ планъ. Женнесъ въ семнадцатомъ вѣкѣ тоже устроилъ какой-то механическій станокъ и въ 1678 году былъ взятъ патентъ на «новую машину для производства полотна». Но Картрайтъ первый имѣлъ практически успѣхъ, особенно въ производствѣ широкихъ тканей. Первая машина Картрайта приводилась въ движеніе быкомъ, но уже въ 1789 году на его фабрикѣ въ Донкастерѣ была паровая машина. Въ 1791 году одна манчестерская фирма заказала ему 400 его станковъ; но фабрика его сгорѣла, вѣроятно была подожжена рабочими, полагавшими, что машина отниметъ у нихъ работу и хлѣбъ.

Картрайтъ не ограничился патентомъ на свой механическій станокъ; въ 1789 году онъ взялъ патентъ на машину для чесанья шерсти, хотя и въ этомъ у него былъ предшественникъ, нѣкто Исаакъ Миллсъ, взявшій патентъ въ 1723 году. Вліяніе этой машины Картрайтъ на шерстяную промышленность было очень значительно. Въ шерстяной промышленности употреблялась короткая шерсть, волокна которой сваливались, такъ что крѣпость основы обусловливалась не длиной, а упругостью переплетающихся волоконъ. Крученая шерсть дѣлалась изъ длинныхъ волоконъ и ихъ приходилось расчесывать или выпрямлять рукой. Такимъ образомъ промышленность зависѣла отъ чесальщиковъ, у которыхъ было много работы и которые получали хорошую плату, такъ что они, подобно прежнимъ ручнымъ прядильщикамъ, имѣли возможность проводить много времени въ праздности. Изобрѣтеніе Картрайта уничтожило ихъ благосостояніе. Его машина не очищала шерсти, а только распрямляла ее и связывала въ грубыя пряди. Очищеніе производилось при второй или третьей операціи машины. Три такія машины съ однимъ надсмотрщикомъ и десятью дѣтьми расчесывали тюкъ шерсти въ теченіе двѣнадцати часовъ. Такъ какъ для чесальной машины не требовалось ни огня, ни масла, то сбереженіе на этомъ хватало на плату надсмотрщику и дѣтямъ и фабрикантъ клалъ въ свой карманъ то, что онъ раньше платилъ ручнымъ чесальщикамъ, причемъ для прядильной машины шерсть, вычесанная машиной, была на 12 процентовъ лучше вычесанной ручнымъ трудомъ, такъ какъ она была лучше перемѣшана и пряди были ровнѣе. Картрайтъ утверждалъ, что его машина замѣняетъ двѣнадцать ручныхъ чесальщиковъ; но если судить по современному стихотворенію, то машина, которую называли «Большой Бенъ» (Big Ben), была еще выгоднѣе:

„Ну-ка, господа чесальщики, послушайте, что я вамъ скажу о нашемъ Большомъ Бенѣ.
Она въ день вычешетъ больше шерсти, чѣмъ пятьдесятъ человѣкъ,
Съ ихъ ручными гребнями, съ ихъ бердами и другими старомодными орудіями.
Плохо теперь приходится старому епископу Блэзу“.

Св. Блэзъ—это патронъ чесальщиковъ шерсти. Машина Картрайта была не вполнѣ удовлетворительна; усовершенствованія и измѣненія въ ней были сдѣланы Топлисомъ, Гаукслеемъ и Райтомъ. Машины для чесанья шерсти возбудили огромное недовольство; въ палату общинъ было внесено предложеніе воспретить ихъ употребленіе, но оно было отвергнуто. Дни подобнаго вмѣшательства законодательства прошли. Парламентъ началъ смотрѣть на промышленность съ болѣе широкой точки зрѣнія и не желалъ подавить ростущей промышленности ради того, чтобы освободить людей, обладавшихъ извѣстнымъ спеціальнымъ искусствомъ, отъ конкуренціи машинъ.

Отбѣлка тканей.

Слѣдуетъ отмѣтить еще два усовершенствованія, не въ самой текстильной промышленности, а въ связанныхъ съ ней искусствахъ. Это отбѣлка и печатаніе ситцевъ. Старый процессъ отбѣлки требовалъ погруженія ткани въ разные щелока и потомъ выставленія ихъ на воздухъ на долгое время. Ланкаширскіе города были окружены обширными лугами, на которыхъ раскладывали эти отбѣливавшіяся ткани. Людямъ, не привыкшимъ къ такому зрѣлищу, они представлялись, особенно при солнечномъ свѣтѣ, блестящими огромными водными бассейнами. Для отбѣлки льняныхъ тканей требовалось шесть мѣсяцевъ. Въ 1774 году Шиль (Scheele) открылъ хлоринъ и бѣлильныя свойства этого газа и нѣкоторыхъ сложныхъ тѣлъ, въ составъ которыхъ онъ входилъ, были доказаны въ 1789 году Бертолетомъ. Было доказано, что по новому способу отбѣлка можетъ быть совершена въ 48 часовъ. Для окончательнаго усовершенствованія процесса потребовалось много опытовъ, но уже къ 1800 году имъ пользовались многіе, и между прочими Теннантъ въ Гласко, сдѣлавшій нѣкоторыя усовершенствованія. Сбереженіе времени было громадное, хотя новый способъ имѣлъ вредное вліяніе на прочность тканей, и этотъ деффектъ не устраненъ и въ настоящее время.

Набивка ситцевъ.

Такое же сбереженіе было произведено употребленіемъ цилиндрическаго печатанія ситцевъ. Набивные ситцы были воспрещены актомъ 1721 года, такъ какъ предполагали, что ихъ нельзя дѣлать въ Англіи. Въ 1736 году такъ называемымъ Манчестерскимъ актомъ было разрѣшено печатаніе тканей съ льняной основой, какъ туземныхъ. Этотъ актъ мѣшалъ Аркрайту до его отмѣны въ 1774 году, когда разрѣшили набивку ситцевъ. Но старый процессъ печатанія былъ чрезвычайно медленнымъ. Цвѣта накладывались рукой на деревянный блокъ и съ него переводились на ткани. Блоки были небольшіе, но

большей части пяти дюймовъ на десять. Для отпечатанія 28 ярдовъ каленкора нужно было 448 разъ пройти блокомъ. Если требовался другой цвѣтъ, приходилось продѣлывать снова всю операцію. Печатники получали отъ 40 до 60 шиллинговъ въ недѣлю, рисовальщики одѣвались по модѣ и ихъ называли «мистеръ». Обычными рисунками были различнымъ образомъ расположенные листья, небольшіе кружки, ранеты, узелки, кости, пятнышки и цвѣточные горшки или маслянки. Пиль, дѣдъ извѣстнаго государственнаго человѣка, получилъ свое прозвище «Parsley Peel», потому что ввелъ въ рисунки ситцевъ листья петрушки. Самый дешевый ситецъ стоилъ 3 ш. или 3 ш. 6 д. за ярдъ. Въ 1764 году Фрайеръ, Грингоу и Ньюберри проектировали машину для печатанія и крашенья шолковыхъ, шерстяныхъ, льняныхъ, хлопчатобумажныхъ матерій и кожи посредствомъ мѣдныхъ цилиндровъ, на которыхъ краска накладывалась другими цилиндрами. Въ 1765 году какой-то джентльменъ изъ Парижа печаталъ по 200 аршинъ коленкора въ часъ или, по крайней мѣрѣ, говорилъ такъ. Цилиндрическое печатаніе въ Англіи фактически началось въ 1783 году посредствомъ машины, сдѣланной однимъ шотландцемъ, Беллемъ. Большая фирма Ливесея, Гаргрива, Галля и К° начала печатаніе цилиндрами въ 1785 году. Машина состояла изъ шести цилиндровъ, на которыхъ вырѣзывались образцы или части ихъ. Цвѣты на цилиндры накладывались такъ называемымъ «box-doctor» и снимались съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ ихъ было ненужно, стальнымъ упругимъ лезвеемъ. Машина замѣняла сто старыхъ печатниковъ и сотню помогавшихъ имъ мальчиковъ. Ситцы быстро пали въ цѣнѣ и вошли въ общее употребленіе.

Сорта бумажныхъ матерій были очень разнообразны. Благодаря Кромптону, англійская промышленность кисеи быстро развилась. Въ Ланкаширѣ производили кисеи различныхъ сортовъ: book-muslin, mull-muslin, leno и легкая кисея въ Гласко; производили также полосатыя и клѣтчатыя кисеи. Въ Гласко же выдѣлывались платки «Pullicat и Bandana»; въ Варрингтонѣ и въ Іоркширѣ производили канифасы, бумажный батистъ, нитки для шитья; множество коленкоровъ выдѣлывались фабриками Аркрайта и въ Ланкаширѣ. Бумажныя ткани начали замѣнять шолковыя. Хлопчато-бумажныя ткани

Въ 1775 году хлопка ввозилось 4,764,589 фунтовъ; въ 1785-мъ—11,482,083 ф., а въ 1789-мъ—32,576,023 ф. Изъ двадцати трехъ милліоновъ фунтовъ, ввезенныхъ въ 1787 году, почти семь милліоновъ было изъ Вестъ Индіи, шесть изъ французскихъ и испанскихъ колоній, почти шесть изъ Турціи, два съ половиной изъ Бразиліи и около полутора милліоновъ изъ голландскихъ колоній. Изъ Америки почти не ввозилось хлопка. Въ 1784 году американскій корабль съ хлопкомъ былъ конфискованъ таможней на основаніи навигаціонныхъ актовъ, такъ какъ хлопокъ былъ не изъ Соединенныхъ Штатовъ.

Въ 1871 году изъ Америки ввезли хлопка въ пять тысячъ разъ больше, чѣмъ весь ввозъ хлопка въ 1791 году.

Полотна. Вскорѣ изъ хлопчатобумажной промышленности машины перешли и въ льняную. Тутъ, собственно говоря, приходилось примѣнить тѣже принципы, но пришлось преодолѣвать разныя трудности, обусловливаемыя различіемъ матеріала—и на это нужно было время. Въ отчетахъ комитета о шотландской промышленности съ 1760 года часто упоминается объ усовершенствованныхъ машинахъ; но всѣ онѣ не имѣли успѣха на практикѣ. Въ 1787 году фирма Кендрью и Портгоузъ изъ Дарлингтона взяла патентъ на машину для льняной пряжи, въ которой были примѣнены валы Аркрайта, употреблявшіеся въ бумажной промышленности. Двѣ большіе фирмы взяли разрѣшеніе на пользованіе этой машиной—Маршаля и К° въ Лидсѣ и въ Шревсбюри, и Джемса Ивори и К° въ Брайтонѣ. Эта послѣдняя построила въ 1789 году большую фабрику и до 1803 года вела дѣла удачно, но потомъ обанкротилась. Одинъ изъ компаньоновъ снова началъ дѣло въ 1804 году; но дѣло шло плохо, въ 1815 году фабрика опять обанкротилась, въ 1817 году она продавалась за двѣ тысячи фунтовъ и покупателей не нашлось. Патентъ Кендрью не имѣлъ комерческаго успѣха. Маршаль и К° сдѣлала съ нимъ нѣкоторые опыты, но фирмѣ помогалъ Маттью Муррей, сдѣлавшій нѣкоторыя усовершенствованія. И все таки фирма съ 1788—1793 годъ не находила, чтобы машинное пряденье льна было выгоднымъ. Новыя изобрѣтенія, улучшенная прядильная машина и чесальная машина, на которыя Муррей взялъ патентъ въ 1793 году, оказались болѣе удачными; съ этого времени машинная льняная пряжа дѣлается обычной. Въ послѣдніе годы столѣтія къ Джону Маршалю, оставшемуся единственнымъ представителемъ фирмы, присоединилось нѣсколько капиталистовъ. Въ Лидсѣ и въ Шревсбюри были воздвигнуты новыя фабрики; въ Шревсбюри въ 150 футовъ длины, 36 ф. ширины и въ пять этажей. Въ 1793 году у фирмы было 832 веретенъ, а въ 1810-мъ—5,796. Въ 1809 году одинъ изъ партнеровъ взялъ первый патентъ на машинное трепанье льна. На эти факты стоитъ указать по той причинѣ, что изобрѣтеніе машиннаго пряденья льна иногда приписывалось французу Жирарду. Въ 1810 году Наполеонъ предложилъ награду въ милліонъ франковъ за изобрѣтеніе льнопрядильной машины и утверждаютъ, что Жирардъ съ поразительной быстротой, на слѣдующій же день, изобрѣлъ машину. Но уже двадцать лѣтъ тому назадъ въ Англіи существовали вышеупомянутыя фирмы. И дѣйствительно, главное право Жирарда на то, чтобы считаться изобрѣтателемъ, состояло въ томъ, что онъ обанкротился—эта судьба часто постигала ему подобныхъ.

Финансы.

Саймса.

При вступленіи Питта въ министерство дефицитъ въ національномъ бюджетѣ равнялся шести милліонамъ, а національный долгъ достигъ небывалой величины. Вслѣдствіе американской войны и другихъ причинъ долгъ въ теченіе двадцати восьми лѣтъ съ семидесяти четырехъ милліоновъ дошелъ до двухсотъ сорока четырехъ. Но Питтъ получилъ власть при благопріятныхъ условіяхъ. Англія не вела войны, промышленный переворотъ, хотя еще только что начавшійся, уже сильно увеличилъ производительность страны. Питтъ изучалъ «Богатство народовъ» и многое заимствовалъ у Адама Смита. Въ первомъ же своемъ бюджетѣ (1784) несмотря на большой дефицитъ онъ смѣло уменьшилъ пошлину на чай съ 119 процентовъ его цѣны до $12^1/_2$. Онъ понималъ, что высокія пошлины порождаютъ контрабанду, отъ которой страдаетъ казна, и что уменьшеніе пошлины поведетъ къ увеличенію потребленія. Но все таки ему пришлось для устраненія дефицита и для покрытія новаго, образовавшагося отъ уменьшенія пошлины, ввести новые налоги. Онъ рѣшилъ ввести новыя пошлины на патенты разнаго рода, налоги на выѣздныхъ и верховыхъ лошадей, обложить налогомъ серебряную посуду (золотая уже была обложена) и окна. Послѣдній изъ налоговъ, вѣроятно, былъ очень неразумнымъ, такъ какъ онъ имѣлъ слѣдствіемъ лишеніе домовъ свѣта. Питтъ во всякомъ случаѣ стремился къ тому, чтобы получать деньги съ богатыхъ классовъ населенія и притомъ такимъ образомъ, чтобы имъ было нелегко уклониться отъ взноса налоговъ. Онъ не хотѣлъ увеличивать покровительственныхъ пошлинъ и несомнѣнно, что выборъ предметовъ обложенія былъ для него довольно ограниченнымъ. Въ бюджетѣ 1785 года были внесены значительныя измѣненія. Главнѣйшимъ образомъ эти измѣненія произошли въ распредѣленіи налоговъ и въ способахъ ихъ собиранія. Питтъ воспринялъ отъ Адама Смита представленіе объ огромной важности уменьшенія издержекъ собиранія налоговъ и доведенія до минимума обмановъ въ этомъ дѣлѣ. Главный изъ новыхъ налоговъ падалъ непосредственно на лавочниковъ. Питтъ полагалъ, что въ концѣ концовъ этотъ налогъ будетъ уплаченъ потребителями и что взимать его съ лавочниковъ проще и удобнѣе. Но противъ всѣхъ этихъ налоговъ сильно протестовали и въ 1789 году большинство ихъ было отмѣнено и они были замѣнены налогомъ на наслѣдства.

Къ 1786 году финансы настолько поправились, что Питтъ нашелъ

Фондъ погашенія. 1788 г.

возможнымъ приступить къ погашенію національнаго долга. Онъ предложилъ откладывать ежегодно изъ доходовъ по одному милліону для образованія фонда погашенія. Вѣроятно, онъ находился подъ вліяніемъ извѣстнаго и общераспространеннаго заблужденія, примѣромъ котораго можетъ служить разсужденіе извѣстнаго моралиста Прайса, исходившаго изъ того положенія, что небольшая сумма, откладываемая ежегодно и приносящая сложные проценты, современемъ превратится въ громадную сумму. Питтъ старался устранить всякіе перерывы въ дѣйствіи этого автоматическаго фонда погашенія. Надзоръ надъ нимъ долженъ быть порученъ отдѣльной коммиссіи и, насколько возможно, изъятъ изъ вѣдѣнія парламента. Но какъ быть въ томъ случаѣ, если парламентъ разрѣшаетъ новые займы, за которые надо заплатить проценты болѣе высокіе, чѣмъ тѣ, которые получаются съ фонда погашенія? Всякій ребенокъ пойметъ, что въ этомъ случаѣ фондъ хуже чѣмъ безполезенъ. Но Питтъ придавалъ такое значеніе этимъ безполезнымъ попыткамъ связать руки правительству въ будущемъ и его мнѣніе имѣло такое вліяніе, что для поддержанія фонда неприкосновеннымъ нація рѣшилась получать съ откладываемыхъ денегъ по три процента и въ тоже время занимать по шести. Фондъ несмотря на увеличеніе долга и на увеличеніе процентовъ существовалъ до 1807 года.

Торговый трактатъ съ Франціей.

Питтъ, какъ и подобало ученику Адама Смита, былъ убѣжденнымъ фритредеромъ; но не было никакихъ шансовъ заставить парламентъ согласиться на то, что и теперь еще многіе называютъ односторонней политикой свободной торговли. Потому Питтъ довольствовался заключеніемъ торговыхъ трактатовъ, изъ которыхъ наиболѣе важнымъ былъ трактатъ съ Франціей, заключенный въ 1786 году. На основаніи его большая часть покровительственныхъ пошлинъ въ обѣихъ странахъ была или уничтожена или уменьшена. Интересно, что въ оппозиціи этому трактату были промышленники, а поддерживали его ландлорды т. е. какъ разъ противоположно распредѣленію партій при спорахъ о свободной торговлѣ въ девятнадцатомъ вѣкѣ.

Финансы въ 1789—92 г.

Въ слѣдующіе годы въ бюджетахъ Питта не было никакихъ значительныхъ измѣненій. Съ 1789 до 1792 года былъ рядъ неурожаевъ, а въ то время благосостояніе страны зависѣло отъ урожаевъ гораздо болѣе, чѣмъ теперь. Тѣмъ не менѣе промышленный прогрессъ и мудрая финансовая политика Питта имѣли такія слѣдствія, что въ 1792 году было возможно приступить къ уменьшенію нѣкоторыхъ налоговъ, въ особенности въ интересахъ бѣдныхъ и среднихъ классовъ населенія. Такъ были уничтожены налоги на женскую прислугу и на свѣчи, налоги съ оконъ ограничены домами, въ которыхъ было не меньше семи оконъ. Англія находилась нака-

нынѣ войны, но министръ настолько мало ожидалъ ее, что считалъ возможнымъ нѣкоторое уменьшеніе доходовъ.

Но война началась и съ ней начался сильный финансовый кризисъ. Онъ начался бы даже и въ томъ случаѣ, еслибы войны не было. Существенной его причиной было перепроизводство, вызванное благопріятными предшествовавшими годами. Громадные капиталы были вложены въ новыя машины, въ фабрики, въ каналы. Въ теченіе восьми лѣтъ, съ 1784—1792, количество находившихся въ обращеніи банковыхъ билетовъ почти удвоилось; запасовъ и кредитовъ во многихъ банкахъ было мало. Насталъ неурожай, число банкротствъ внезапно увеличилось; въ ноябрѣ 1792 года ихъ было 105, тогда какъ раньше ихъ было въ среднемъ по пятидесяти въ мѣсяцъ. Въ декабрѣ произошло незначительное улучшеніе; 1 февраля была объявлена война и за нимъ сразу произошло нѣсколько крупныхъ банкротствъ. Изъ четырехъ сотъ банковъ сто прекратили платежи, большинство остальныхъ боролось съ страшными затрудненіями. Всѣ начали требовать своихъ денегъ и не давали взаймы. Вложенные въ дѣло капиталы реализировать было невозможно. Англійскій банкъ несмотря на увѣщанія правительства настаивалъ на сокращеніи выпусковъ билетовъ. Многія фирмы находились въ опасности; былъ образованъ комитетъ палаты общинъ, немедленно рекомендовавшій выпускъ билетовъ казначейства на пять милліоновъ. На основаніи этого плана былъ произведенъ заемъ въ два милліона; но даже одна увѣренность въ томъ, что правительство готово оказывать кредитъ солиднымъ предпріятіямъ, имѣла вѣроятно болѣе значенія, чѣмъ самый заемъ. Паника прекратилась. Займы были уплачены и правительство отъ этой операціи получило чистый доходъ. Кризисъ 1793 года.

По окончаніи кризиса война сначала имѣла на торговлю менѣе вредное вліяніе, чѣмъ можно было ожидать. Преобладаніе Англіи на морѣ позволило ей захватить многія изъ дѣлъ, которыя иначе находились бы въ рукахъ французовъ. Въ 1795 году Франція господствовала въ Голландіи и это дало Англіи поводъ завладѣть многими отраслями торговли, находившимися раньше въ рукахъ голландцевъ. Устраненіе двухъ этихъ конкуррентовъ болѣе чѣмъ уравновѣсило потери торговли съ Франціей и опасности, которымъ подвергался торговый флотъ Англіи. Кромѣ того были захвачены многіе французскіе и голландскіе корабли съ большимъ грузомъ. Цѣнность призовъ, взятыхъ во время войны 1793—1802 годовъ, равнялась четырнадцати милліонамъ. Война и торговля.

Торговыя выгоды Англіи до значительной степени были меньше, чѣмъ можно было бы ожидать при подобныхъ условіяхъ, вслѣдствіе необходимости удовлетворить нейтральныя государства. На основаніи «Правила 1756 года» нейтральныя государства не имѣли права ве- Нейтральныя государства.

сти съ воюющими сторонами торговли. признанной незаконной при началѣ войны. Это порождало несогласія съ державами, жаловавшимися, что Англія мѣшаетъ ихъ торговлѣ съ портами французскихъ колоній въ Вестъ Индіи. Потому правило было измѣнено сначала въ 1794-мъ, а потомъ въ 1798 годахъ. Нейтральнымъ государствамъ было разрѣшено вывозить колоніальные продукты въ ихъ порты или въ Англію. Но оказалось, что это даетъ возможность уклоняться отъ исполненія многихъ постановленій правилъ. Торговля велась главнымъ образомъ на американскихъ корабляхъ между враждебными портами, причемъ номинальнымъ мѣстомъ назначенія объявлялись американскіе порты. Такимъ образомъ американскій корабль нагружался во французской колоніи, увозилъ грузъ въ американскій портъ, а оттуда его было легко препроводить въ непріятельскую страну.

Вооруженный нейтралитетъ.

Еще болѣе серьезнымъ ударомъ для англійской торговли было угрожающее положеніе балтійскихъ державъ. Онѣ требовали, чтобы нейтральные корабли имѣли право торговать съ воюющими сторонами всѣмъ, кромѣ военной контрабанды. Такіе товары, какъ дерево, пенька и т. п., не были строго говоря военной контрабандой, но они могли служить для военныхъ цѣлей и было достаточно основаній, какъ политическихъ, такъ и торговыхъ, чтобы Англія противилась подобнымъ требованіямъ. Далѣе спорили о томъ, что такое дѣйствительная блокада. Россія, Швеція и Данія заключили конвенцію съ цѣлью отстаиванія своихъ взглядовъ и Россія наложила запрещеніе (амбарго) на всѣ британскіе корабли, находившіеся въ ея портахъ. Англія слѣдовала той же системѣ относительно русскихъ, шведскихъ и датскихъ кораблей (1801). Слѣдствіемъ всего этого была битва при Копенгагенѣ. Для нашихъ цѣлей будетъ достаточно замѣтить, что положеніе сѣверныхъ державъ было ударомъ для англійской торговли.

Финансовыя затрудненія.

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше чувствовалась тяжесть войны. Населеніе быстро росло. Перепись 1791 года указала увеличеніе въ девять процентовъ. По переписи 1801 года увеличеніе было одинадцать процентовъ въ десять лѣтъ. И это въ такое время, когда вслѣдствіе войны цѣны на продукты земледѣлія поднялись, когда переворотъ въ промышленности выбросилъ многихъ рабочихъ на улицу, когда налоги постоянно увеличивались. Питтъ все таки оставался вѣренъ ученію Адама Смита. Онъ старался уменьшить тяжесть налоговъ, падавшихъ на бѣдныхъ, и получать налоги съ собственности и наслѣдствъ; онъ принялъ даже принципъ прогрессивнаго налога. Расходы были громадны—доходы Великобританіи и Ирландіи съ 19 милліоновъ въ 1792 году увеличились до 33 милліоновъ въ 1800-мъ. Питтъ былъ вынужденъ увеличить таможенныя пошлины и другіе падавшіе на бѣдныхъ налоги; представительство землевладѣль-

цевъ въ парламентѣ было такъ сильно, что поземельная собственность была свободна отъ многихъ изъ тяготъ, которая должна бы была нести по справедливости. Неудивительно, что рабочіе классы сильно страдали и что короля при его проѣздѣ по улицамъ встрѣчали криками: «хлѣба и мира» (1795).

Неразмѣнные банковые билеты.

Въ 1796 году опасеніе нашествія французовъ повело къ банкротству многихъ провинціальныхъ банковъ. Они взяли свои резервы изъ Англійскаго банка. Въ февралѣ наличность банка уменьшилась до одного милліона и правительству снова пришлось вмѣшаться. На сей разъ оно прибѣгло къ радикальной мѣрѣ — къ признанію банковыхъ билетовъ неразмѣнными, за исключеніемъ спеціально указанныхъ случаевъ. Одной изъ главныхъ цѣлей такой мѣры было освобожденіе золота и серебра для вызова. Кромѣ расходовъ на свои собственныя экспедиціи Англіи приходилось уплачивать большія субсидіи союзникамъ. Въ 1795 году было отправлено 478.000 фунтовъ въ Гановеръ, 317,000 въ Гессенъ, 150,000 въ Сардинію и меньшія суммы въ Брауншвейгъ, въ Баденъ и въ Дартмштадтъ. Питтъ, кажется, не сообразилъ того, что драгоцѣнные металлы имѣютъ свойство притекать снова въ страну, производящую товаровъ больше, чѣмъ нужно для ея потребленія. Эта разница и составляла дѣйствительное мѣрило способности Англіи вести дорого стоящую войну. Тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что введеніе неразмѣнныхъ билетовъ временно было облегченіемъ и что, можетъ быть, стоило подвергаться невыгодамъ такого обращенія до тѣхъ поръ, пока выпуски билетовъ были строго ограниченными. Директора банка отлично понимали все значеніе такихъ ограниченій. Опытъ французской системы ассигнацій доказалъ всѣмъ, какое бѣдствіе чрезмѣрное бумажное обращеніе и Англійскій банкъ пользовался своими полномочіями съ такимъ благоразуміемъ и умѣренностью, что въ теченіи одиннадцати лѣтъ (1797—1808) его билеты не пали въ цѣнѣ сравнительно съ золотомъ, за исключеніемъ особыхъ случаевъ и то временно. Вѣроятно, однако, что неразмѣнные билеты повели къ общему повышенію цѣнъ, что увеличило нищету бѣдныхъ.

Бюджеты 1796—1801.

Покрытіе военныхъ расходовъ и субсидіи союзникамъ повели къ введенію новыхъ и новыхъ налоговъ. Въ 1796 году на налоги, подлежавшіе раскладкѣ, были наложены вторые десять процентовъ. Увеличены были налоги и пошлины на лошадей, вина, табакъ и шляпы. Налоги на наслѣдства приносили больше дохода, такъ какъ душеприкащиковъ заставляли выплачивать ихъ до передачи собственности наслѣдникамъ. Въ 1797 году произошло новое увеличеніе налоговъ, въ особенности пошлинъ на трансферты (денежные переводы), гербовая пошлина была удвоена. Всякая продажа съ аукціона была обложена пошлиной, на всѣ легальные документы наложили пошлину въ десять процентовъ. И все таки оставался дефицитъ;

въ 1798 году Питтъ обратился къ странѣ съ требованіемъ «тройного обложенія», т.-е, всѣ должны были платить «по крайней мѣрѣ» втрое больше того, что платили въ предыдущій годъ въ формѣ налоговъ, подлежащихъ раскладкѣ. Платившіе ранѣе больше 25 фунтовъ должны были теперь платить больше чѣмъ втрое. Платившіе 50 ф. или больше — впятеро. Была предложена и альтернатива — а именно, подоходный налогъ въ десять процентовъ со всѣхъ доходовъ выше 200 ф. въ годъ. Доходы ниже 60 ф. были изъяты отъ налога. Доходы между эти двумя нормами платили бы меньше десяти процентовъ. Слѣдующимъ финансовымъ планомъ Питта для составленія капитала было разрѣшеніе ландлордамъ выкупать поземельную подать на условіяхъ, настолько для нихъ выгодныхъ, что почти четверть королевства откупилась бы отъ поземельнаго налога въ 1798 и 1799 годахъ. Потомъ онъ обратился къ добровольной подпискѣ на покрытіе расходовъ государства и дѣйствительно такимъ путемъ получилъ больше двухъ милліоновъ. Наконецъ, онъ окончательно вмѣсто сложнаго плана тройного обложенія принялъ подоходный налогъ, такъ какъ первый планъ оказался совершенно неосуществимымъ и велъ только къ обманамъ казны. Питтъ для своего плана подоходнаго налога сдѣлалъ такое вычисленіе доходовъ разныхъ классовъ населенія:

Ландлорды (Англія и Валлисъ)	20 мил.
Владѣльцы десятинъ и фермеры (съ земли) . . .	10 мил.
Дома, рудники и каналы	8 мил.
Профессіональные доходы	2 мил.
Доходы съ Шотландіи	5 мил.
Доходы съ заокеаническихъ владѣній	5 мил.
Доходы съ общественныхъ фондовъ	12 мил.
Доходы отъ иностранной торговли	12 мил.
Доходы отъ внутренней торговли	28 мил.
	102 мил.

Въ этой таблицѣ нѣтъ заработной платы, да и доходы другихъ классовъ населенія, вѣроятно, показаны ниже дѣйствительныхъ. Тѣмъ не менѣе таблица интересна, хотя на нее слѣдуетъ смотрѣть только какъ на приблизительную. Ожидали, что вслѣдствіе различныхъ вычетовъ налогъ принесетъ семь съ половиной милліоновъ, а въ дѣйствительности онъ принесъ только шесть милліоновъ; и потому въ 1800 и 1801 годахъ были введены новые налоги. Питтъ старался покрыть расходы каждаго года налогами. Онъ боялся увеличенія долга и паденія государственнаго кредита, и все же несмотря на всѣ его старанія онъ къ концу войну увеличилъ долгъ на двѣсти семьдесятъ одинъ милліонъ, такъ что въ это время ежегодная уплата

процентовъ государственнаго долга равнялась десяти процентамъ всего дохода націи, а налоги поглощали двадцать процентовъ дохода.

Адамъ Смитъ и Мальтусъ.

Мы уже указали на вліяніе книги Смита на финансовую политику Питта, въ особенности на торговые трактаты 1786 года и на бюджеты до войны и во время войны. Но въ другихъ отношеніяхъ вліяніе Адама Смита на экономическую политику было незначительно — оно было вліяніемъ искуснаго аналитика фактовъ. Раздѣленіе труда продолжало развиваться. Производство становилось все болѣе и болѣе крупнымъ; но наниматели руководились, конечно, не столько аргументами шотландскаго экономиста, сколько указаніями опыта.

Промышленное развитіе Англіи вступило въ такую фазу, когда было неизбѣжно появленіе фабричной системы, когда промышленные города должны были увеличиваться и численно и по населенію. Такое увеличеніе естественно вызывалось новыми механическими изобрѣтеніями. Оно далѣе облегчалось самой войной, которая, дезорганизируя промышленность, открывала вмѣстѣ съ тѣмъ карьеру для способныхъ и счастливыхъ людей, создававшихъ себѣ состоянія, пользуясь исключительными обстоятельствами. Только позднѣе вліяніе Смита сдѣлалось особенно замѣтнымъ. Но въ это время на національное мышленіе начинаетъ имѣть вліяніе и другой экономистъ. Это—Мальтусъ, первый этюдъ котораго о «Населеніи» появился въ 1798 году. До сихъ поръ полагали, что увеличеніе населенія фактъ отрадный. Теперь населеніе Англіи увеличивалось съ небывалой быстротой и вмѣстѣ съ этимъ увеличивалась и нищета рабочихъ классовъ. Экономическія теоріи вообще представляютъ слѣдствіе существующихъ экономическихъ условій. Теперь вредныя слѣдствія увеличенія населенія до значительной степени обусловливались тремя рядами причинъ: 1) дезорганизаціей, вызванной промышленнымъ переворотомъ, выгодностью при этомъ переворотѣ пользованія дѣтскимъ трудомъ и отсутствіемъ всякаго покровительственнаго вліянія фабричнаго законодательства, законодательства объ образованіи и т. п.; 2) возвышеніемъ цѣнъ на хлѣбъ, причемъ война дѣлала ввозъ его опаснымъ и дорогимъ и лишала Англію многихъ рынковъ, раньше доставлявшихъ ей хлѣбъ; 3) неудовлетворительными законами о бѣдныхъ (о которыхъ мы будемъ говорить въ слѣдующей главѣ), прямо поощрявшими размноженіе бѣднѣйшихъ классовъ. Ученіе Мальтуса согласовалось и съ другими направленіями, лежащими внѣ сферы экономической жизни. Реакція противъ французской революціи включала и реакцію противъ надеждъ на усовершенствованіе человѣческаго рода, противъ надеждъ на наступленіе золотого вѣка послѣ низверженія политической тираніи. Теперь питать подобныя надежды значило быть заподозрѣннымъ въ симпатіи къ Франціи, въ недостаткѣ патріотизма, въ желаніи ввести царство террора. Мальтусъ нанесъ страшный ударъ политическимъ утопіямъ; онъ утверждалъ, что су-

ществуетъ причина, присущая самой природѣ человѣка и роковая для всѣхъ утопій—именно тенденція населенія увеличиваться быстрѣе средствъ существованія. Намъ незачѣмъ здѣсь разсуждать о вѣрности такого положенія. Достаточно будетъ указанія, что въ 1798 году, въ годъ появленія «Опыта о населеніи», въ Англіи богатство въ формѣ пищевыхъ продуктовъ не увеличивалось равномѣрно съ увеличеніемъ числа ѣдоковъ, хотя богатство въ другихъ его формахъ, вѣроятно, увеличивалось быстрѣе, чѣмъ населеніе.

Реформа тюремъ—Говардъ.

Артура Гриффитса.

Реформа тюремъ или, вѣрнѣе сказать, требованія такой реформы начались съ появленіемъ Джона Говарда въ концѣ восемнадцатаго вѣка. До него всѣ формы жестокостей и злоупотребленій свирѣпствовали въ тюрьмахъ соединенныхъ королевствъ. Говардъ возбудилъ вниманіе людей, остававшихся холодными въ виду менѣе краснорѣчивыхъ и убѣдительныхъ нападеній. Уже раньше, въ 1728 году, по настоянію Общества для распространенія христіанскихъ знаній парламентъ производилъ изслѣдованіе о состояніи тюремъ. Попгамъ внесъ билль объ уничтоженіи платъ тюремщикамъ и онъ сдѣлался закономъ въ 1774 году. Тогда то Джонъ Говардъ началъ свою работу и съ большой опасностью для жизни сталъ посѣщать тюрьмы. Онъ объѣхалъ всю Англію, проникалъ въ самыя ужасныя темницы и безстрашно обличалъ всѣ видѣнные имъ ужасы. Тюрьмы въ Англіи были безчестьемъ для цивилизаціи. Заточеніе въ тюрьму по какой бы то ни было причинѣ означало тогда погребеніе заживо и было невыносимымъ страданіемъ. Темницы были зачумленными мѣстами; спеціально имъ свойственная болѣзнь, похожая на современный тифъ, гнѣздилась въ нихъ постоянно и часто принимала форму эпидемической. Тюремный тифъ уносилъ больше жертвъ, чѣмъ палачи; его губительное дѣйствіе распространялось на суды, на судей, присяжныхъ, защитниковъ, свидѣтелей, однимъ словомъ на всѣхъ, вступавшихъ въ соприкосновеніе съ зараженными ассизами. И это неудивительно, такъ какъ сотни несчастныхъ томились въ подземельяхъ, лишенные свѣта, воздуха, воды и часто пищи.

Тюрьмы по большей части были частными учрежденіями или, по крайней мѣрѣ, управлялись такимъ образомъ, чтобы онѣ окупали сами всѣ расходы; ихъ отдавали въ аренду безжалостнымъ, хищнымъ

смотрителямъ, пользовавшимся всякими средствами, чтобы вытянуть деньги у несчастныхъ, порученныхъ ихъ жестокому присмотру. Всѣ, даже не осужденные, вносили деньги за содержаніе въ тюрьмѣ; люди, объявленные по суду невинными, снова сажались въ тюрьму до тѣхъ поръ, пока не уплатятъ эту чудовищную плату. Вездѣ въ тюрьмахъ употребляли оковы, хотя ихъ употребленіе и признавалось незаконнымъ; всѣ, и осужденные и подсудимые, мужчины и женщины, и юноши и старцы, заковывались въ цѣпи и за освобожденіе отъ нихъ тюремщики требовали особой платы. Тюрьмы были темными, потому что содержатели ихъ не хотѣли платить налога на окна; вода была дорога, потому ее отпускали мало; санитарныхъ мѣръ, какъ мы ихъ понимаемъ въ настоящее время, тогда нигдѣ не принимали, а въ особенности въ тюрьмахъ. Бѣдные арестанты, какихъ было большинство, чуть не умирали съ голоду, потому что пищу имъ не всегда доставляли; постели ихъ изъ старой гнилой соломы были переполнены грязью и міазмами; доктора боялись подходить къ больнымъ близко; капелланы издали напутствовали умирающихъ и они были предоставлены заботамъ случайныхъ самоотверженныхъ товарищей. Но еще хуже жестокаго пренебреженія властей было угнетеніе слабѣйшихъ арестантовъ сильными; существовали особые тюремные обычаи, вродѣ garnish или footing — т. е. собиранія денегъ съ новичковъ для угощенія товарищей. Если у нихъ не было денегъ, ихъ раздѣвали до нага и они такимъ образомъ были осуждены на несчастное существованіе; имъ не позволяли подойти къ огню, лечь на солому и получать ихъ долю въ подаяніяхъ.

Заточеніе за долги. Бѣлые рабы.

При этомъ слѣдуетъ помнить, что многіе изъ арестантовъ совсѣмъ не были преступниками. Должники составляли большую часть населенія тюремъ; это были жертвы тогдашняго торговаго законодательства, отдававшаго кредитору тѣло его должника и лишавшаго его возможности получить долгъ. Эти должники часто приводили съ собой въ тюрьму и свои семьи; и безъ того ограниченное пространство тюрьмы наполнялось слабыми и невинными женщинами и дѣтьми. Подсудимые составляли остальную часть арестантовъ; люди, въ глазахъ закона еще невинные, содержаніе которыхъ подъ стражей оправдывалось только необходимостью доставить ихъ къ суду, вслѣдствіе бездѣйствія судей и рѣдкости засѣданій суда годами томились по тюрьмамъ, ожидая суда и возможнаго освобожденія. Съ виновными законъ расправлялся быстро. Арестанты, надъ которыми былъ произнесенъ приговоръ, не долго оставались въ тюрьмахъ; всѣ неповѣшенные продавались въ рабство и отправлялись въ американскія плантаціи, гдѣ выносили ужасныя мученія подъ полутропическимъ солнцемъ, безъ всякой надежды на освобожденіе раньше семи или четырнадцати лѣтъ. Цѣна такого бѣлаго раба была двадцать фунтовъ, и люди, торговавшіе человѣческимъ мясомъ, часто жаловались, что этотъ

товаръ настолько испорченъ вынесенными жестокостями, что они терпятъ солидные убытки. Говардъ нашелъ этихъ несчастныхъ, ожидавшихъ ссылки въ тюрьмахъ, прикованными цѣпями къ полу. Многихъ изъ нихъ держали въ самыхъ отвратительныхъ условіяхъ въ понтонахъ на Темзѣ и вездѣ среди нихъ была страшная смертность.

Къ счастію, крестовый походъ Говарда противъ злоупотребленій въ тюрьмахъ вскорѣ имѣлъ осязательныя послѣдствія. За дѣло взялся парламентъ; онъ вызвалъ энергичнаго филантропа къ своей рѣшеткѣ для дачи показаній. Нѣкоторые изъ благонамѣренныхъ людей сразу приступили къ возможному устраненію злоупотребленій. Герцогъ Ричмондъ по совѣту и указаніямъ Говарда построилъ новую тюрьму для Суссекса; другія тюрьмы были устроены въ Оксфордѣ, Стаффордѣ и Глочестерѣ по улучшеннымъ планамъ, и въ этихъ новыхъ тюрьмахъ нѣкоторыя изъ худшихъ злоупотребленій были уничтожены. Правительство съ своей стороны задумало широкій планъ реформъ, въ которомъ уже содержался зародышъ современной тюремной системы, и исполненіе этаго плана было поручено Говарду. Великій филантропъ далеко опередилъ свой вѣкъ. Возставая противъ злоупотребленій, онъ ясно понималъ истинные принципы уголовнаго наказанія, какъ мы ихъ понимаемъ въ настоящее время. Взгляды, защищаемые имъ, нашли выраженіе въ актѣ 19 года Георга III, въ которомъ высказывалась надежда, что «преступники, подвергнутые одиночному заключенію, соединенному съ тяжелымъ трудомъ и религіознымъ обученіемъ, могутъ быть не только средствомъ устрашенія другихъ, но и сами могутъ исправиться и пріобрѣсти привычку къ труду».

Пенитенціарныя тюрьмы.

Говардъ не былъ утопистомъ; онъ былъ практическимъ филантропомъ и его планы были здравы и осуществимы. Главной идеей его новаго и просвѣщеннаго плана была идея объ учрежденіи въ различныхъ мѣстностяхъ страны пенитенціарныхъ домовъ и Говардъ предлагалъ, чтобы они были построены главнымъ образомъ самими преступниками. Онъ тутъ былъ предшественникомъ современной практики. Сначала должна быть построена ограда и потомъ внутри ея производились всѣ необходимыя работы: клали фундаментъ, дѣлали кирпичи, пилили лѣсъ, обсѣкали камни совершенно также, какъ двадцать лѣтъ тому назадъ работали въ Вормвудъ-Скрёббсъ. Тюрьмы должны были быть обширными, съ достаточнымъ количествомъ камеръ, чтобы каждый арестантъ могъ имѣть отдѣльную; пища должна была быть изобильной, надзоръ разуменъ и направленъ на исправленіе, но безъ излишней снисходительности къ людямъ, нарушившимъ законъ. Еслибы планъ Говарда былъ принятъ и осуществленъ, тюремная реформа была бы осуществлена по крайней мѣрѣ на пятьдесятъ лѣтъ раньше. Но многія препятствія погубили его дѣло; вслѣдствіе трудности отвести мѣста для тюремъ произошли промедленія; за этимъ начались несогласія между Говардомъ и его сотоварищами

по осуществленію плана. Онъ тотчасъ же отказался отъ дѣла; были назначены другіе надзиратели, которые купили землю, заключили контракты на постройки и хотѣли уже приступить къ работамъ, какъ вдругъ правительство остановило всѣ дальнѣйшія дѣйствія.

Планъ пенитенціарныхъ домовъ былъ принятъ въ теоріи, но на практикѣ его не хотѣли осуществить. То, что мы теперь считаемъ наиболѣе здравымъ въ дѣлѣ уголовнаго наказанія, въ то время считалось только горькой необходимостью; несмотря на протесты Говарда правительство предпочитало ссылку въ отдаленную страну, если только таковая имѣлась въ его распоряженіи. Недавнія открытія капитана Кука дали правительству обширную территорію Австраліи, вмѣсто утраченныхъ американскихъ колоній, и правительство сразу приняло новый планъ ссылки за море. Было нѣчто особенно привлекательное въ теоріи, дававшей преступнику возможность искупить его преступленіе и сдѣлаться полезнымъ членомъ общества въ новой странѣ, вдали отъ воспоминаній и искушеній прежней жизни. Эта идея, повидимому, вполнѣ испытанная, все еще привлекаетъ французовъ, такъ какъ они помнятъ только о результатахъ и забываютъ или не хотятъ оцѣнить все зло, приносимое ссылкой. Для многихъ и теперь еще неудача системы ссылки заслоняется тѣмъ фактомъ, что она будто бы дала англійской коронѣ ея драгоцѣннѣйшія колоніи. Эта система представляется имъ средствомъ сдѣлать преступниковъ честными, превратить бродягъ въ полезныхъ гражданъ — эта система, однимъ словомъ, по ихъ мнѣнію создала Австралію. Намъ незачѣмъ разсуждать о томъ, дѣйствительно ли эта великолѣпная страна процвѣла благодаря ссылкѣ или вопреки ей; во всякомъ случаѣ сами колонисты осудили ссылку и со времени этаго перваго крупнаго и несомнѣнно очень удачнаго опыта система ссылки болѣе не практиковалась. Невозможно во всякомъ случаѣ отрицать многихъ крупныхъ дурныхъ сторонъ этой системы, ея крайней дороговизны, ея несправедливости, ея окончательной непригодности, какъ средства исправленія—объ этихъ недостаткахъ системы мы будемъ имѣть случай говорить потомъ, такъ какъ этотъ важный вопросъ былъ поставленъ жизнью въ позднѣйшее время. Ссылка.

Возстановленіе уголовной ссылки уничтожило попытки учрежденія пенитенціарныхъ домовъ.

Но въ это время была сдѣлана еще одна попытка идти по слѣдамъ Говарда и осуществить его взгляды. Извѣстный Іеремія Бентамъ занялся вопросомъ о реформѣ тюремъ и въ 1791 году предложилъ правительству свои услуги въ качествѣ устроителя тюремъ; онъ хотѣлъ воздвигнуть «Паноптиконъ» или особую тюрьму по выработанному имъ плану и обязался самъ взять на себя управленіе извѣстнымъ количествомъ преступниковъ. Этотъ Паноптиконъ или Inspection House долженъ былъ представлять зданіе, устроенное такимъ обра- Паноптиконъ Бентама.

зомъ, чтобы его обитатели находились «подъ присмотромъ во всякую минуту ихъ жизни». Онъ долженъ быть круглымъ, «вродѣ желѣзной клѣтки или стекляннаго фонаря, величиной, какъ Ранелагъ, съ камерами по окружности»; такое устройство при помощи закрываемыхъ и открываемыхъ фортокъ въ камерахъ, такъ что надзиратели оставались невидимыми, давало возможность власти быть вездѣприсущей, такъ что преступникъ, находившійся въ полномъ или ограниченномъ одиночномъ заточеніи, пребывалъ подъ постояннымъ надзоромъ. Бентамъ давалъ обязательство хорошо содержать арестантовъ, давать имъ здоровую пищу, хорошія постели, достаточную одежду, много свѣта, воздуха и тепла и каждому изъ нихъ отдѣльную камеру. За все это онъ долженъ былъ получить исключительное право на продукты труда арестантовъ; но его отвѣтственность не оканчивалась съ ихъ освобожденіемъ. Послѣ освобожденія онъ обязывался находить имъ работу и удерживая часть ихъ заработковъ въ тюрьмѣ, онъ составлялъ бы капиталъ для обезпеченія ихъ въ старости.

Эта реформа была бы громаднымъ шагомъ впередъ, еслибы только планъ Бентама осуществился. Но даже и въ настоящее время онъ неосуществленъ, хотя его основныя положенія и признаются вѣрными. Планъ Бентама, былъ, однако, принятъ парламентомъ и въ 1794 году былъ принятъ актъ, дававшій Бентаму полномочія. Тѣмъ не менѣе проектъ не приводился въ исполненіе въ теченіе многихъ лѣтъ. На предварительныя расходы государство отпустило деньги, Бентамъ истратилъ не мало и изъ своего кармана и все таки не было ничего сдѣлано. Онъ, правда, купилъ мѣсто для тюрьмы въ округѣ Тотгильдъ-Фильдсъ, но и только — если не считать безконечныхъ тяжбъ относительно израсходованія ассигнованныхъ суммъ. Позже, снова было сдѣлано предложеніе о постройкѣ пенитенціарныхъ тюремъ, на землѣ, купленной Бентамомъ, построили извѣстную Милльбанкскую тюрьму. Она такимъ образомъ есть наслѣдница Паноптикона Бентама; но самъ онъ не сдѣлалъ больше ничего для реформы тюремъ.

Послѣдователи Говарда.

Вниманіе къ важному вопросу о тюремной реформѣ было живо до тѣхъ поръ, пока Говардъ переживалъ тѣ опасности, которымъ онъ добровольно подвергалъ себя во всѣхъ частяхъ Англіи. Мѣстныя власти во многихъ мѣстахъ дѣлали все, отъ нихъ зависящее; но Ньюгэтъ, главная темница въ Лондонѣ, оставалась тѣмъ же гнуснымъ заведеніемъ, какъ и раньше и была совершенно непригодна для помѣщенія того количества арестантовъ, которое тѣснилось въ ней. Послѣ смерти Говарда вопросъ о тюремной реформѣ былъ забытъ; старыя злоупотребленія возродились снова и они существовали въ началѣ девятнадцатаго вѣка. Снова раздались голоса филантроповъ, но ни одинъ изъ нихъ не дѣйствовалъ такъ энергично, какъ Говардъ. Тѣмъ не менѣе его наслѣдники были почтенные люди, вродѣ

Нейльда и Силы Тольда; квакеры, и въ особенности м-ссъ Фрей, сдѣлали тоже много добраго въ восточныхъ графствахъ. Вскорѣ было основано общество для исправленія арестантовъ Фоуэллемъ Буксто-номъ; оно состояло изъ людей вліятельныхъ и занялось тюремнымъ вопросомъ. Старанія провести тюремную реформу сдѣлались послѣ-довательными и непрерывными. Объ этомъ движеніи и его слѣд-ствіяхъ мы будемъ говорить въ слѣдующемъ томѣ.

Общественная жизнь.

Батесона.

Боркъ говорилъ о днѣ 6 октября 1789 года, что этотъ день можно считать началомъ самой важной изъ всѣхъ революцій — революціи въ чувствахъ, въ нравахъ и въ мнѣніяхъ; и эта революція по его мнѣнію была вредной. Онъ писалъ это о Франціи, но его слова примѣнимы и къ Англіи, такъ какъ чувства, нравы и мнѣнія англичанъ тоже измѣнились подъ вліяніемъ событій, происходившихъ во Франціи и измѣнились не настолько къ худшему, какъ хочетъ увѣрить насъ Боркъ. Вліяніе французской революціи.

Собственная жизнь Борка представляетъ примѣръ измѣненія политическихъ взглядовъ. Охваченный ужасомъ при видѣ событій, происходившихъ во Франціи, полагая, что эти событія суть слѣдствія тѣхъ демократическихъ взглядовъ, которыхъ раньше держался и онъ самъ, онъ отдѣлился отъ своихъ прежнихъ друзей и началъ проповѣдывать міру объ опасности «ихъ злыхъ принциповъ и ихъ черныхъ сердецъ». Онъ увлекъ за собой большинство своихъ соотечественниковъ, но Питтъ не сразу сдѣлался его послѣдователемъ. Въ теченіе еще четырехъ лѣтъ Питтъ спокойно шелъ своей дорогой, не желалъ интересоваться дѣлами Франціи и посвящалъ свои силы заботамъ о финансахъ Англіи. Но въ 1793 году и онъ подчинился господствующему теченію и тоже измѣнилъ своимъ прежнимъ взглядамъ. За нимъ пошли многіе, которые раньше устояли противъ краснорѣчія Борка. Но было меньшинство, увлеченное революціоннымъ потокомъ въ противоположномъ направленіи. Политическія партіи теперь различались на основаніи новыхъ принциповъ; начинаетъ образовываться демократическая партія, признававшая единственной законной властью избираемую; люди, давно боровшіеся противъ разныхъ классовыхъ привиллегій, теперь, вдохновляемые примѣромъ Франціи, начинаютъ предъявлять широкіе планы реформъ.

Мятежи.

Слѣдствія революціи наврядъ ли можно отдѣлить отъ слѣдствій войны, бывшей ея послѣдствіемъ. Война съ ея голодными цѣнами и тяжелыми налогами вызывала народныя волненія и они болѣе или менѣе сливались нли смѣшивались съ агитаціей въ пользу конституціонной реформы. И народныя волненія и конституціонная агитація одинаково подавлялись репрессивными мѣрами; первыя выражались въ бунтахъ, а послѣдняя въ мятежныхъ сочиненіяхъ. Было трудно отличить человѣка, нападавшаго на мясную лавку или на пекарню съ криками: «миръ и прочь голодъ», отъ политика, имѣвшаго теоретическія мнѣнія относительно правъ человѣка. Всѣ, требовавшіе мира, признавались якобинцами и многія крайности, въ которыхъ были повинны благонамѣренные, забывались при господствующемъ настроеніи. Мятежъ въ Бирмингамѣ, лозунгомъ котораго было: «церковь и король», былъ гораздо болѣе крупнымъ, чѣмъ любой изъ мятежей, возбужденныхъ требованіемъ реформы. Въ Ноттингамѣ также до начала голодныхъ бунтовъ бунты и нападенія на собственность возбуждались никѣмъ инымъ, какъ «голубыми» или лоялистами, ежедневно сжигавшими изображенія Тома Пэна, купавшими читателей его произведеній и разбивавшими окна въ домахъ мнимыхъ якобинцевъ.

Причины паники.

Въ ноябрѣ 1792 года французская республика издала эдиктъ о братствѣ, въ которомъ приглашала всѣ націи слѣдовать примѣру Франціи и обѣщала помочь всѣмъ, послѣдовавшимъ ея призыву. Это было прямымъ поощреніемъ, какъ предполагали, всѣмъ существовавшимъ демократическимъ обществамъ осуществить ихъ преступныя намѣренія. Многіе полагали, что англійское правительство должно издать прокламацію для предупрежденія народа противъ преступныхъ и мятежныхъ сочиненій, распространяемыхъ въ народѣ и приказать преслѣдовать людей, составляющихъ и издающихъ такія сочиненія.

Политическія общества.

Знали о существованіи такъ называемаго Общества революціи и хотя оно было основано въ честь революціи 1688 года, а не революціи 1789—го, хотя тамъ пили за память Вильгельма III, а не за паденіе королей, самое его названіе возбуждало подозрѣніе. Существовали Общество изученія конституціи и Общество друзей народа; оба эти общества имѣли цѣлью, по крайней мѣрѣ номинально, работу для парламентской реформы. Нѣкоторые изъ членовъ этихъ обществъ стояли за всеобщую подачу голосовъ, потому считали вѣроятнымъ, что они также, какъ Лондонское корреспондирующее общество, ведутъ тайные переговоры съ французскими якобинцами.

Книга Пэна.

Книга Пэна о «Правахъ человѣка» была распространена въ громадномъ количествѣ экземпляровъ и на основаніи прокламаціи отъ мая 1792 года его подвергли преслѣдованіямъ. Защитникъ Пэна тщетно доказывалъ, что въ Англіи никогда не считалось преступнымъ высказывать свое мнѣніе о вопросахъ политической философіи, тщетно онъ указывалъ на то, что лично онъ не одобряетъ теоріи о равен-

ствѣ людей—Пэнъ былъ осужденъ. Была издана новая прокламація, объявлявшая, что будетъ собрана милиція для подавленія мятежнаго духа, возбуждаемаго злонамѣренными людьми, дѣйствующими по соглашенію съ чужестранцами съ цѣлью ниспроверженія общественнаго порядка и правительства.

Открытіе кинжаловъ.

И какъ разъ въ это время, какъ будто для доказательство того, что опасенія правительства не были неосновательными, въ Бирмингамѣ нашли три тысячи кинжаловъ. Но несмотря на общую панику многіе осмѣливались полагать, что «сцена съ кинжалами», устроенная Боркомъ въ палатѣ общинъ, была неудачной. Тѣмъ не менѣе это открытіе послужило поводомъ для принятія акта объ измѣнническихъ сношеніяхъ (Traitorous Correspondence Act), имѣвшаго задачей уничтожить всякія сношенія съ французами; въ тоже время образовались общества добровольцевъ; члены ихъ стали подслушивать разговоры въ общественныхъ собраніяхъ въ надеждѣ услыхать что нибудь мятежное, о чемъ можно бы было донести правительству. Въ 1794 году вѣрили въ существованіе большого заговора съ цѣлью ниспроверженія правительства; пріостановили дѣйствіе Habeas Corpus Act'a и начали преслѣдованія за измѣну. Изъ числа присяжныхъ исключали всѣхъ заподозрѣнныхъ въ неблагонамѣренности и на основаніи самыхъ недостовѣрныхъ показаній людей единогласно признавали виновными.

Оскорбленіе короля.

Въ октябрѣ при проѣздѣ короля на открытіе парламента въ его карету бросали камнями и кричали: «дайте намъ хлѣба, прочь война, прочь голодъ!»—такъ какъ война начала сильно чувствоваться бѣдными классами населенія. Этотъ инцидентъ былъ поводомъ для новаго статута объ измѣнѣ, на основаніи котораго для обвиненія въ измѣнѣ не требовалось никакого доказательства; а также для принятія билля о мятежныхъ сборищахъ, воспрещавшаго всякія собранія, состоящія больше чѣмъ изъ пятидесяти человѣкъ, безъ предварительнаго сообщенія о нихъ властямъ, которыя должны были присутствовать на собраніи и преслѣдовать всякаго оратора, стремившагося возбудить ненависть или презрѣніе къ правительству.

Бунты рабочихъ.

Въ 1797 году Фоксъ предложилъ отмѣну этихъ актовъ, доказывая, что «мнѣнія тѣмъ болѣе невинны и безвредны, чѣмъ болѣе они открыты», но его аргументація не имѣла успѣха, потому что хотя опасенія, что въ Англіи тоже произойдетъ революція, исчезли, промышленная революція требовала мѣръ подавленія. Неурожаи и закрытіе иностранныхъ рынковъ подняли въ началѣ 1796 года цѣны хлѣба до 79 шил. за четверть. Измѣненія, произшедшія въ промышленности, и нищета рабочихъ, лишившихся заработковъ, увеличивали число недовольныхъ. Потому въ 1799 году былъ принятъ актъ о корреспондирующихъ обществахъ (Corresponding Socities Act), за основаніи котораго всѣ общества, имѣвшія тайныя засѣданія и требованія отъ своихъ чле-

новъ присяги, признавались незаконными. Былъ принятъ также актъ о «соединеніяхъ» (Combination Act), направленный противъ рабочихъ союзовъ.

Актъ противъ рабочихъ союзовъ.

Актъ о соединеніяхъ былъ принятъ въ 1799 и 1800 годахъ. Помимо вызвавшихъ его политическихъ обстоятельствахъ, изъ самыхъ его опредѣленій очевидно, что онъ былъ проведенъ ради подавленія рабочихъ союзовъ, образовавшихся на фабрикахъ Іоркшира и Ланкашира. Цѣль союзовъ состояла въ томъ, чтобы заставить исполнять неотмѣненные законы Тюдоровъ, въ особенности Статутъ 5 года Елисаветы, требовавшій семилѣтняго обученія ремеслу. Послѣ учрежденія въ Галифаксѣ союза въ 1796 году поденщики узнали о томъ, что старые законы давали имъ защиту противъ рабочихъ, не бывшихъ учениками. Союзы рѣшили преслѣдовать судомъ фабрикантовъ, нарушавшихъ старые законы и попытались опредѣлить минимальную плату. Чтобы помѣшать ихъ дѣятельности, актъ о соединеніяхъ и призналъ всѣ промышленные союзы незаконными, какъ союзы рабочихъ, такъ и хозяевъ. Только поденщики-печатники ситцевъ протестовали и доказывали, что «ни одинъ поденщикъ или рабочій не будетъ гарантированъ отъ преслѣдованія, если вздумаетъ поговорить съ товарищемъ о своей работѣ или своихъ дѣлахъ»; но на этотъ протестъ никто не обратилъ вниманія.

Голодные бунты.

Но пока возбужденіе народа по поводу регулированія промышленности и заработной платы не вело къ насильственнымъ дѣйствіямъ. Даже среди строительныхъ рабочихъ, находившихся въ состояніи постояннаго недовольства послѣ того, какъ былъ отвергнутъ билль о регулированіи ихъ заработной платы (1779), съ 1790 года не происходило никакихъ насилій. Почти всѣ бунты, происходившіе въ городахъ въ концѣ восемнадцатаго столѣтія, были не рабочими бунтами, а голодными. Въ 1800 году при цѣнѣ пшеницы въ 115 шил. 11 д. за четверть народное недовольство достигло крайнихъ предѣловъ. Поднялись не только цѣны хлѣба, но въ теченіе семи лѣтъ и цѣны мяса, масла и сахара удвоились.

Въ Ноттингамѣ несмотря на большіе общественные сборы для облегченія бѣдствія народъ нападалъ на пищевыя лавки на рыночной площади и разбилъ хлѣбные амбары на верфяхъ. «Дѣйствительно, ужасно было видѣть, съ какой голодной жадностью матери уносили зерно въ своихъ передникахъ, чтобы поскорѣе накормить ребятишекъ». Для подавленія безпорядковъ были собраны волонтеры. Въ Лондонѣ бунты были постоянными и сопровождались разбиваніемъ оконъ и нападеніями на хлѣботорговцевъ. Народная ненависть направлялась главнымъ образомъ на скупщиковъ и торгашей зерномъ и мясомъ. Скупщиками (forestallers) называли людей, скупавшихъ продукты до привоза ихъ на рынокъ; перекупщики или торгаши (regraters) покупали для перепродажъ на томъ же рынкѣ; оптовые

торговцы (engrossers) повышали цѣны, скупая зерно. Бѣдняки полагали, что повышеніе цѣнъ вполнѣ обусловливается дѣйствіями этихъ лицъ, скупающихъ дешево хлѣбъ и не продающихъ его до поднятія цѣнъ. Судьи поддерживали въ народѣ такое мнѣніе. Главный судья Кеніонъ поздравлялъ присяжныхъ, осудившихъ одного скупщика, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «вашъ приговоръ оказываетъ странѣ благодѣяніе, можетъ быть большее, чѣмъ какой либо судебный приговоръ». Составилось множество обществъ для преслѣдованія скупщиковъ судомъ на основаніи разныхъ старыхъ актовъ. Въ сентябрѣ 1800 года, когда хлѣбъ въ 4 фунта былъ по 1 шил. 9 д., рѣшили собрать большой митингъ на лондонскомъ хлѣбномъ рынкѣ; въ объявленіяхъ о немъ говорилось, что если соберется много народу, цѣна хлѣба будетъ только 6 д. «Товарищи, говорилось въ объявленіяхъ, до которыхъ поръ вы будете покойно и трусливо позволять, чтобы васъ облагали и доводили до голодной смерти продажные люди и наемники правительства? Неужели вы будете выносить ихъ несправедливыя монополіи въ то время, какъ ваши дѣти требуютъ хлѣба? Нѣтъ, онѣ не должны больше существовать ни одного дня. Мы властители; пробудитесь же изъ вашего сна» и т. д. Двѣ тысячи человѣкъ собрались въ рыночномъ переулкѣ (Mark-Lane), освистали мучниковъ и хлѣбныхъ факторовъ и бросали камнями въ квакеровъ. Появился лордъ мэръ и прочелъ актъ о мятежахъ, констэбли напали на чернь, но она разошлась только тогда, когда улицы были очищены волонтерами стражниками Тоуэра и волонтерами палаты восточной Индіи (East India House volunteers). Послѣ подавленія бунта лордъ мэръ издалъ прокламацію, требующую отъ лондонскихъ гражданъ, чтобы они не подходили къ окнамъ или оставались въ заднихъ комнатахъ, когда для разогнанія мятежныхъ сборищъ призывается военная сила. Въ ноябрѣ ожидали большого митинга механиковъ на Кеннингтонскомъ лугу; въ торопяхъ собрали Частный совѣтъ для разсмотрѣнія необходимыхъ мѣръ подавленія; когда насталъ ожидаемый день, лугъ былъ переполненъ полиціей и войсками и сборище не состоялось. Цѣна хлѣба при заключеніи мира была 1 шил. 10 д., и на время народъ успокоился.

Переворотъ произошелъ въ политическомъ настроеніи, произошелъ онъ и въ обычаяхъ. Путешествія заграницей стали невозможными и потому вошло въ моду ѣздить на берега моря въ Маргэтъ, Веймоутъ или въ Брайтельмстонъ, какъ въ то время называли Брайтонъ. Такъ какъ примѣръ подавала королевская семья, то было легко повѣрить въ достоинства морскихъ купаній. Но когда подоходный налогъ достигъ такихъ размѣровъ, что съ двухсотъ фунтовъ взималось двадцать, стало невозможнымъ предаваться дорогимъ увеселеніямъ.

Дороговизна муки вызвала необходимость въ перемѣнѣ діеты. Въ Діета

іюлѣ 1795 года Частный совѣтъ умолялъ населеніе отказаться отъ пуддинговъ и пироговъ и объявлялъ, что даже его члены съ этихъ поръ будутъ питаться только рыбой, мясомъ и овощами и домашнимъ хлѣбомъ съ примѣсью риса. Онъ рекомендовалъ потреблять не больше четырехфунтоваго хлѣбца на человѣка въ недѣлю. Хлѣбъ должно было подавать по числу обѣдающихъ, чтобы ни кусочка не пропадало даромъ. Даже на королевскій столъ не подавалось другого хлѣба, кромѣ домашняго съ примѣсью риса. Богатымъ рекомендовали не покупать супного мяса, а брать только лучшія части, чтобы остальныя могли покупать бѣдные люди. Бѣдныхъ учили варить супы и дѣлать рисовые пуддинги. Рисъ былъ продуктомъ новымъ, еще мало употреблявшимся; правительство давало на проданный рисъ такую премію, чтобы цѣна его никогда не превышала 35 шиллинговъ за сто фунтовъ. Въ 1801 году правительство предложило преміи на ввозъ зерна и муки всѣхъ сортовъ и провело актъ «о черномъ хлѣбѣ» (1800), воспрещавшій продажу пшеничнаго хлѣба и свѣжаго хлѣба всѣхъ сортовъ, пока не будетъ распроданъ черствый.

Костюмъ. Дороговизна муки и налогъ на пудру, введенный Питтомъ (1795) произвелъ полную перемѣну въ внѣшнемъ видѣ мужчинъ и женщинъ, потому что мужчины перестали носить напудренные парики, а женщины перестали пудрить головы. Лица обоихъ половъ начали носить натуральные волосы. Но это только часть измѣненій, произшедшихъ въ костюмѣ въ періодъ времени отъ 1784 до 1795 года. Фоксъ былъ руководителемъ модъ въ старые дни башмаковъ съ красными каблуками, онъ и теперь остался руководителемъ модъ, когда стали одѣваться просто. Мемуары Рокзалля свидѣтельствуютъ объ этомъ весьма опредѣленно и ихъ свидѣтельству можно вѣрить. «Фоксъ и его друзья, можно сказать, повелѣваютъ городу; они одѣваются аффектировано небрежно и показываютъ свое презрѣніе ко всѣмъ установившимся обычаямъ, и прежде всего они дискредитировали старый костюмъ». Изъ Брукскаго клуба, клуба оппозиціи, новая мода распространилась чрезъ частныя ассамблеи въ Лондонѣ. Клубъ Уита, правительственный клубъ, не имѣлъ вліянія на моды. Даже принцъ Уэльскій носилъ извѣстные Вестминстерскіе цвѣта Фокса, голубой и свѣтло-желтый, и хотя мало вѣроятно, чтобы онъ когда либо проявлялъ презрѣніе къ модному костюму, онъ надѣвалъ голубой и свѣтло-желтый утренній костюмъ въ такихъ случаяхъ, при которыхъ раньше былъ необходимъ парадный костюмъ. Въ парламентѣ носили придворное платье и шпаги до тѣхъ поръ, пока Фоксъ не появился въ большихъ сапогахъ и въ сюртукѣ. Когда въ 1783 году составилось коалиціонное министерство, парадный костюмъ и голубая лента лорда Норта казались неумѣстными «среди сюртуковъ, длинныхъ жилетокъ и грязныхъ сапоговъ его новыхъ товари-

щей». Шпаги въ парламентѣ перестали носить, ихъ перестали носить и въ общественныхъ собраніяхъ. Плебейскій зонтикъ замѣнилъ палку съ набалдашникомъ, и джентльмены могли теперь ходить по улицамъ подъ защитой зонтика, не беря кэба. Фоксъ предложилъ Питту налогъ на пудру и задолго до принятія предложенія отказался отъ ея употребленія. Но «хотя парадные костюмы постепенно погибали отъ атрофіи, говоритъ Рокзалль, они не исчезали окончательно до эпохи якобинизма и равенства, въ 1793—94 годахъ».

Мужской головной уборъ.

Уже въ 1791 году Вальполь писалъ: «я не узнаю современнаго поколѣнія; молодые люди съ ихъ грязными рубахами и лохматыми волосами настолько же унизили дворянство, какъ чернь во Франціи». Онъ находилъ, что возстаніе противъ париковъ повело «къ уничтоженію всякой индивидуальности», тогда какъ для насъ представляется, что именно оно и возстановило индивидуальность. Но наиболѣе молодые и наиболѣе радикальные люди стригли волосы. Они составили «клубъ стрижекъ» или «Бедфордскихъ стрижекъ»; ихъ назвали такъ потому, что въ извѣстной сценѣ въ Уобурнскомъ аббатствѣ герцогъ Бедфордъ и компаніи молодыхъ дворянъ формально отказались отъ употребленія пудры и удалились въ парикмахерскую комнату, чтобы вымыть и остричь головы.

Фракъ и панталоны.

Измѣненіе въ покроѣ брюкъ и сюртуковъ было замѣтно уже въ 1785 году, когда короткіе брюки до колѣнъ съ пряжками у колѣнъ уже не носились людьми, слѣдившими за послѣдней модой. Вмѣсто нихъ начали носить панталоны, застегивавшіеся пуговицами или перевязываемые длинными снурками ниже колѣнъ, сначала на срединѣ икръ, до которыхъ доходили гессенскіе сапоги; а въ 1793 году брюки доходили уже до щиколокъ. При дворѣ еще носили короткіе брюки съ пряжками, тамъ впервые въ исторіи царствовали старыя моды. Тамъ не видно было узкихъ брюкъ изъ козловой кожи и вообще ничего такого, что было въ новомъ чудовищномъ вкусѣ (immense taste). Тамъ еще носили и башмаки съ пряжками, а не снурки, вошедшіе въ моду къ великому неудовольствію бирмингамскихъ мастеровъ.

Широкополые сюртуки все болѣе и болѣе суживались и вверхъ и внизъ отъ таліи, гдѣ застегивались на одну пуговицу. Въ 1786 году появляется «воробьиный хвостъ» (Sparrow-tail); и вскорѣ франты (beaus и bucks) носили только фраки. Боковые карманы, раньше дѣлавшіеся съ широкими клапанами, теперь дѣлались близко одинъ къ другому сзади и безъ клапановъ, воротники дѣлались узкими Парадные сюртуки и брюки были полосатые шелковые. Въ особенномъ употребленіи были голубой и темный цвѣта, земляничный и темно-оливковый. Жилеты дѣлались изъ бѣлаго шолку и богато вышитые. Обыкновенный домашній костюмъ состоялъ изъ «ранелагскаго» сюртука (Ranelagh frock-coat) изъ простого или крученаго табинета (ма-

теріи полушолковой, полушерстяной). Въ 1795 году сюртукъ и жилетъ изъ самаго тонкаго сукна стоилъ 3 ф. 8 ш., жилетъ и брюки изъ флорентина или сатина 3 ф. 3 ш., жилетъ и брюки изъ кашмира 1 ф. 16 ш., брюки изъ манчестера 16 ш. и выше. Модным пальто было «Спенсеръ», получившій свое названіе отъ графа Спенсера, державшаго въ 1792 году пари, что онъ будетъ носить пальто, которое войдетъ въ моду. Оно доходило только до таліи, такъ что видны были фалды фрака. Совершенный контрастъ «Спенсеру» представлялъ thread-paper, длинное, застегивающееся до низу пальто съ капюшономъ, «какъ у стражниковъ», по покрою похожее на Ньюмаркетское. Въ 1800 году въ модѣ были пальто Jean de Bry; на плечахъ они были подбиты ватой и застегивались тремя большими пуговицами; эти пальто были короткія спереди, не достигавшія брюкъ и при нихъ носили цвѣтные жилеты; часовыхъ кармановъ было два, изъ нихъ висѣла связка печатей. Вышивокъ и кружевъ уже не носили, манжеты у рубашекъ вышли изъ моды. Сюртуки застегивались выше, чѣмъ прежде; носили широкій кисейный галстукъ, или перевязанный въ узелъ или обертываемый складками вокругъ шеи и почти покрывавшій подбородокъ.

Мужскія шляпы.

Мужской костюмъ былъ обыкновенно длиннымъ, но не широкимъ; соотвѣтственно длиннымъ брюкамъ и длиннымъ сюртукамъ начали носить вмѣсто треуголокъ высокія шляпы. Шляпа формы сахарной головы была съ маленькими полями и дѣлалась изъ бобра или изъ шолку темныхъ цвѣтовъ. Для полноты костюма франту было необходимо носить стеклышко въ глазу или лорнетку (quizzing-glass).

Костюмъ сельскихъ жителей.

Простые горожане или сельскіе жители, конечно, одѣвались иначе. Они обыкновенно носили широкополые сюртуки и брюки до колѣнъ. Средняя цѣна пальто въ лавкахъ готоваго платья была 13 ш., жилета 6 ш. 6 д., брюкъ 3 ш. 9 д., чулокъ 1 ш. 9 д., рубашки 4 ш. 6 д., башмаковъ 7 ш. и шляпы, «которую можно носить три года», 2 ш. 6 д. Полотно и батистъ были еще очень дороги. Женская рубашка стоила 3 ш. 8 д., тогда какъ шерстяное платье стоило 6 ш. 6 д.; юбка изъ грубаго сукна (linsey-woolsey) стоила 4 ш. 6 д., пара башмаковъ 3 ш. 9 д., корсетъ, который носился шесть лѣтъ стоилъ 6 ш., а дешевая шляпа 1 ш. 8 д.

Женскій костюмъ.

Полагаютъ, что непродолжительный переходный періодъ отъ крайней искусственности дамскаго костюма до крайней его простоты объяснялся вліяніемъ портретистовъ. Въ 1785 году итальянскія соломенныя шляпки и локоны начинаютъ замѣнять высокія прически (mobs и heads). Въ 1788 году фижмы были небольшія, лифъ узкій и очень низкій, бюстъ закрывался бѣлымъ кисейнымъ платочкомъ. Потомъ наступилъ классическій періодъ, несомнѣнно подъ вліяніемъ французовъ; носили длинные локоны a la victime и a la guillotine; платье падало прямо съ плечъ, безъ перехвата въ таліи. «Капотъ

Каролины» (Caroline wrapper) 1795 года походилъ на армякъ возчиковъ; талія обозначалась иногда поясомъ, чуть не подъ мышками. Для платьевъ такого покроя годились только легкія ткани; чтобы сохранить воздушный видъ, необращали никакого вниманія на погоду. Рокзалль говоритъ, что такіе костюмы гораздо пригоднѣе для итальянскаго или греческаго климата. Любимыми украшеніями были вышивки по рисункамъ съ греческой жимолости или съ раскопокъ Помпеи. Для выхода надѣвали перчатки до локтя или митенки и шарфы; тѣло такимъ образомъ было защищено отъ погоды плохо, но голова и лицо укутывались; на головѣ носили сначала шляпку (peasant bonnet), подвязываемую подъ подбородкомъ, а потомъ высокую квакерскую шапку (poke-bonnet), съ Valence или развѣвающейся кружевной вуалью, мало гармонирующей съ мнимой классической внѣшностью. Госпожа Рекамье обладала слишкомъ изящнымъ вкусомъ, чтобы одѣваться такъ. Въ 1802 году она произвела нѣкоторую сенсацію въ Кенсингтонъ Гарденѣ, появившись одѣтой a l'antique, въ кисею, облекавшую ея формы какъ складки тоги на статуѣ; волосы ея были заплетены сзади, и падали вокругъ лица мелкими локонами и были намазаны huile antique; на головѣ былъ большой вуаль. Англичанки въ вечернихъ костюмахъ дополняли греческія или римскія прически султаномъ (panache или bristle-plume), связкой перьевъ на лбу. Косынки на груди вышли изъ моды и на непродолжительное время вошло въ моду обертываніе шеи до подбородка кисеей въ подражаніе мужскому галстуху того времени. Но въ 1795 году начали носить низко вырѣзанный лифъ, открывавшій плечи. Такъ какъ талію посили очень высоко, то лифъ былъ только двухъ или трехъ дюймовъ ширины.

Вліяніе революціи на нравы.

При такой полной перемѣнѣ во внѣшности произошло измѣненіе и въ тѣхъ «моральныхъ мнѣніяхъ», о которыхъ говоритъ Боркъ. Даже измѣненія дамскаго костюма до нѣкоторой степени указывали на такое измѣненіе. Измѣненія костюма произошли въ направленіи перехода отъ искусственности къ простотѣ, въ нравахъ этому соотвѣтствовало упрощеніе образа жизни, что было необходимостью вслѣдствіе общаго обѣднѣнія. Правда, что женскій костюмъ былъ просто переходомъ отъ одной формы искусственности къ другой; тоже можно сказать и объ идеяхъ того времени о нравственности. До 1793 года благосостояніе страны увеличивалось непрерывно, такъ что страданія, вызываемыя войной, очень сильно чувствовались всѣми классами населенія. Отъ общаго обѣдненія уцѣлѣли только фабриканты, промышленность которыхъ развилась, да фермеры, благодаря высокимъ цѣнамъ хлѣба. Высшіе и средніе классы страдали и это отразилось на ихъ понятіяхъ о нравственности. Когда въ Англіи получилось извѣстіе о смерти Людовика XVI, театры внезапно опустѣли и вся нація облеклась въ трауръ. Тоже было и во все послѣдую-

щее время; о Ранелагѣ больше не слышно, маскарады тамъ были закончены и въ 1803 году онъ былъ закрытъ. Не было больше прогулокъ въ Пантеонѣ, маскарадовъ и оперъ; до 1812 года помѣщеніе Пантеона служило для концертовъ и лекцій.

Игра въ карты.

Въ это время впервые общественное мнѣніе высказалось противъ игръ въ карты. Въ 1796 году главный судья Кеніонъ, произнеся приговоръ о возвращеніи выигрыша въ 15 фунтовъ, угрожалъ, что онъ будетъ выставлять къ позорному столбу всѣхъ обвиняемыхъ въ игрѣ въ карты, «хотя бы это были первыя дамы въ странѣ». Жилльрей написалъ каррикатуру, изображавшую двухъ дамъ, которыхъ за ихъ пристрастіе къ карточной игрѣ называли «дочери фараона» (отъ Фаро, названіе игры), стоящими у позорнаго столба. Въ 1797 году лэди Букингамширъ, лэди Елисавета Люттрель и другія были вызваны къ суду по обвиненію въ картежной игрѣ въ домѣ первой изъ этихъ дамъ въ С. Джемскомъ Скверѣ. Онѣ были оштрафованы по 50 фунтовъ, хотя и не выставлены къ позорному столбу; но съ этихъ поръ игра въ обществѣ не пользовалась хорошей репутаціей. Въ такую эпоху, когда совершалось столько замѣчательныхъ событій, разговоръ былъ интереснѣе картъ. Въ обществѣ политическое возбужденіе замѣняло прежнія удовольствія и развлеченія. Время было такое, что вездѣ—и въ войскѣ, и во флотѣ, и въ парламентѣ, и въ финансовомъ мірѣ, и въ литературѣ—люди составляли себѣ карьеру. Въ такое время молодые люди были вынуждены дѣйствовать, а не путешествовать съ туторами, чтобы выучиться добиваться высокаго общественнаго положенія профессіональныхъ бездѣльниковъ. Это время было время великихъ изобрѣтеній, когда способности всякаго рода быстро вознаграждались.

Филантропія.

Никогда страданія бѣдныхъ не были такъ очевидны даже для случайнаго наблюдателя, какъ въ это время. Понятно, что это должно было вызвать къ жизни филантропическія и гуманитарныя мѣропріятія. Мыслители начинаютъ заниматься новыми вопросами, выдвинутыми впервые положеніемъ промышленности. Политико-экономы стремятся къ ихъ разрѣшенію, филантропы стараются облегчить человѣческія страданія. То была эпоха добровольныхъ и недобровольныхъ жертвъ. Помимо филантропическихъ попытокъ временнаго облегченія, создаются планы для воспитанія бѣдныхъ и привитія имъ привычекъ экономіи; основываются многочисленныя сберегательные банки и общества взаимной помощи. Миссіонерскія общества возобновляютъ свою дѣятельность; въ 1808 году основывается «Британское школьное общество». Вездѣ открываются воскресныя школы. Страданія дѣтей возбуждаютъ общія симпатіи, въ 1803 году учреждается «Общество для улучшенія положенія малолѣтнихъ трубочистовъ».

Общество исправленія нравовъ.

Почти всѣ тогдашніе моралисты настаивали на строгомъ соблюденіи воскреснаго дня. Какъ будто для доказательства того, что мо-

ралисты 1800 года не далеко ушли отъ моралистовъ 1700 года, основались новое общество Вильбефорса съ старымъ названіемъ «Общества исправленія нравовъ» и «Общество соблюденія воскреснаго дня». Въ 1787 году король послѣдовалъ примѣру Вильгельма и Маріи и издалъ прокламацію противъ пороковъ. Вильбефорсъ воспользовался общественнымъ настроеніемъ, чтобы основать свое общество. Архіепископъ Кентербюрійскій, по его словамъ, «глубоко пораженъ потокомъ распущенности, съ каждымъ днемъ все болѣе распространяющейся». Къ обществу Вильбефорса присоединились оба архіепископа, всѣ епископы, шесть герцоговъ и многіе изъ знати. Общество уже не встрѣчало протестовъ, какъ бывало раньше.

То было серьезное, сознательное время, когда люди задавались серьезными задачами. Изящество манеръ не пользовалось такимъ почетомъ, какъ раньше; теперь требовалось внѣшнее нравственное приличіе. «Частныя слабости» терпѣлись только до тѣхъ поръ, пока общество не оскорблялось ихъ внѣшними проявленіями. Въ 1768 году развѣ немногіе особенно щекотливые люди считали скандальнымъ поведеніе перваго лорда казначейства герцога Графтона, предоставившаго королевѣ свою любовницу, Нанси Парсонсъ; а въ 1802 году Фоксу пришлось жениться на миссъ Армистидъ, чтобы доставить ей доступъ въ общество. Даже пороки принца Уэльскаго и герцога Іоркскаго открыто осуждались обществомъ.

Шотландія.

Кольвиля.

Управленіе Дундаса. 1783—1803.

Назначеніе Генриха Дундаса лордомъ адвокатомъ (1775) отдало власть въ руки наиболѣе значительнаго изъ людей, когда либо управлявшихъ Шотландіей. Онъ происходилъ изъ стараго рода, члены котораго въ теченіе трехъ предыдущихъ поколѣній занимали высокое положеніе въ судѣ и адвокатурѣ. До его паденія и обвиненія въ 1805 году, когда онъ получилъ уже титулъ виконта Мельвиля, онъ пользовался высокой репутаціей наравнѣ съ Питтомъ, Фоксомъ и Боркомъ. Онъ пріобрѣлъ извѣстность какъ ораторъ, сопротивляясь въ парламентѣ всякому соглашенію съ вооруженными американскими колонистами. Поклонникъ и другъ Питта, онъ лѣтомъ 1783 года смѣло поддерживалъ его противъ нападеній сильной оппозиціи виговъ. Въ должности казначея флота, потомъ военнаго министра и перваго лорда адмиральтейства онъ былъ душой національной обороны, и ему одному Англія обязана успѣхомъ кампаніи въ Египтѣ.

Онъ все время былъ одной изъ самыхъ твердыхъ опоръ торжествующихъ тори. Онъ противился первому изъ предложеній парламентской реформы, резолюціи Дюннинга относительно увеличивающагося могущества короны (1780); при началѣ французской революціи и при возбужденіи прогрессивнаго движенія въ Англіи онъ сразу заявилъ себя яростнымъ антиякобинцемъ. Въ Шотландіи онъ прибѣгалъ къ энергическимъ репрессивнымъ мѣрамъ. Тамъ только малая часть населенія имѣла право подачи голоса. Самоизбирающіеся городскіе совѣты должны были собираться въ какомъ нибудь мрачномъ уголку ихъ мрачныхъ ратушъ и выбирать тѣхъ, на кого укажетъ имъ Дундасъ. Въ графствахъ «пергаментные бароны» съ цензомъ, состоявшимъ изъ болотъ, топили въ этихъ болотахъ голоса законныхъ избирателей, фригольдеровъ. При выборахъ 1790 года, когда власть Дундаса была въ апогеѣ, избирательные округа оспоривались только въ девяти графствахъ. Въ то время весь составъ избирателей въ графствахъ равнялся 2652 человѣкъ. Эдинбургъ имѣлъ одного представителя и онъ избирался тридцати двумя избирателями. Управленіе выборами было легкимъ дѣломъ для министра, положеніе котораго давало ему распоряженіе сотнями хорошихъ должностей какъ по внутреннему управленію, такъ и заграницей. Кокбурнъ называетъ Дундаса «Фараономъ Шотландіи; кто стоитъ за него, тотъ находится въ безопасности». Политическое мышленіе отсутствовало, общество спало и было равнодушнымъ. Всѣ великіе писатели Шотландіи, Робертсонъ и Блэръ, философы Юмъ и Адамъ Смитъ, ученые Маклоренъ, Кулленъ и Блэкъ, не имѣли правъ подачи голоса и не могли принимать никакого участія въ общественной жизни. Въ послѣднее десятилѣтіе восемнадцатаго вѣка почти тысяча приходскихъ священниковъ составили статистическіе отчеты о странѣ и ни одинъ изъ нихъ не выражалъ неудовольствія политическимъ положеніемъ. Если бы въ Шотландіи не было нѣсколькихъ мечтателей и недовольныхъ диссентеровъ, она была бы самой лучшей изъ странъ для ея правителей.

Парламентская реформа.

Призраки атеизма, якобинизма и иностраннаго нашествія были самыми сильными опорами владычества Дундаса. Они отпугивали отъ двухъ настоятельныхъ вопросовъ того времени—отъ вопросовъ о реформѣ бурговъ и о реформѣ парламентской. Уже въ 1783 году ремесленники и мелкіе торговцы агитировали въ пользу исправленія злоупотребленій въ бургахъ и въ 1787 году обратились къ парламентскимъ вожакамъ. Питтъ не отвѣчалъ имъ, но Фоксъ и Шериданъ обѣщали имъ свою поддержку. Но Дундасъ всегда противился предложеніямъ, которыя наносили ударъ его вліянію, и его поведеніе на сей разъ, единственный разъ въ теченіе всей его политической карьеры, сдѣлало его непопулярнымъ въ глазахъ его земляковъ. Вопросъ о реформѣ бурговъ былъ отложенъ ради болѣе важнаго вопроса о

парламентской реформѣ. Это нанесло первый ударъ власти Дундаса. Якобинское движеніе отразилось въ Англіи основаніемъ «Общества друзей народа». Шотландская отрасль этаго общества при собраніи въ Глазко 1792 обязалась поддерживать равное представительство и избираемый на небольшой срокъ парламентъ. У правительства вездѣ были шпіоны. Коронные чиновники съ подозрительностью смотрѣли даже на лекціи Дюгальда Стюарта о «Политической экономіи» въ Эдинбургскомъ университетѣ. Дундасъ настаивалъ, чтобы его племянникъ, лордъ адвокатъ, принялъ энергическія мѣры. Холопы—присяжные, руководимые извѣстнымъ судьей Браксфильдомъ, съ удовольствіемъ расправились съ народными вождями. Мюиръ, вицепрезидентъ общества, другъ Барраса, Кондорсе и Лафайета, гуманный и просвѣщенный членъ шотландской адвокатуры, былъ приговоренъ къ четырнадцатилѣтней ссылкѣ. Священникъ изъ Дунди, Фисше Пальмеръ, былъ изгнанъ на семь лѣтъ. Секретарь «Общества Соединенныхъ Шотландцевъ», Скирвингъ, и англійскіе делегаты Жеральдъ и Маргаротъ были сосланы на четырнадцать лѣтъ. Ихъ друзья, Шериданъ, Уитгидъ и Фоксъ и членъ палаты лордовъ Стангопъ старались спасти ихъ, но правительство было слишкомъ сильно. Всего печальнѣе въ этой исторіи политическаго мученичества—это паника, которая теперь охватила общество, слишкомъ долго инертное; эта паника не позволяла правящимъ и денежнымъ классамъ понять настоящее положеніе народа, она заставляла судей и присяжныхъ выносить такіе безсмысленные приговоры, которыхъ вскорѣ пришлось стыдиться всѣмъ здравомыслящимъ шотландцамъ. Эти политическія преслѣдованія ускорили реформу и усилили оппозицію виговъ, пережившую управленіе Дундаса. Братья Эрскины были душой этой партіи шотландскихъ виговъ. Томасъ Эрскинъ, членъ судебнаго сословія въ Англіи и послѣ лордъ канцлеръ, былъ однимъ изъ первыхъ пятидесяти членовъ «Общества друзей народа» и защитникомъ Тома Пэна. Братъ его Генрихъ остался въ родномъ Эдинбургѣ, его политическія убѣжденія исключала его изъ участія въ общественной жизни страны и не позволяли ему занять высшій постъ въ его профессіи, несмотря на очарованіе его характера, на его остроуміе и краснорѣчіе, которыми такъ гордились его земляки. Торійское управленіе породило поколѣніе привиллегированныхъ посредственностей, а оппозиція дала Шетландіи людей, основавшихъ журналъ Edinburgh Review (1802): Бругама, Жеффри, Горнера и Сиднея Смита.

Земледѣліе. Положеніе Горной Шотландіи.

Для разсказа объ удивительномъ развитіи промышленности въ Шотландіи потребовался бы цѣлый трактатъ. Началомъ матеріальнаго прогресса страны можно считать время окончанія семилѣтней войны (1763). Подъ вліяніемъ примѣра Англіи и Голландіи піонеры работали со времени Уніи. Герцогиня Гордонъ, дочь графа Петерборо, первая привезла съ юга плуги; народъ началъ привыкать къ новымъ

методамъ травосѣянія, косьбы, обработки пустошей и осушенія болотъ. На границѣ поводырь при пахотѣ, Даусонъ, воспользовался уроками Бакуэлля, котораго онъ посѣтилъ изъ любознательности и въ 1764 году засѣялъ рѣпой семьдесятъ акровъ. Въ этомъ же округѣ извѣстный судья лордъ Кэмсъ началъ свое поприще самаго виднаго изъ реформаторовъ шотландскаго земледѣлія. Онъ прямо или косвенно участвовалъ во всѣхъ нововведеніяхъ въ дѣлѣ земледѣлія. На его земляхъ въ графствѣ Пертъ были испробованы колоніи изъ отставныхъ солдатъ (1752 — 57); но опытъ былъ неудаченъ, за то онъ съумѣлъ воспользоваться силами бѣдныхъ феодальныхъ фермеровъ, изгнанныхъ изъ горныхъ помѣстій. Кэмсъ сдѣлалъ больше; его журналъ Gentlaman Farmer (1777) составляетъ эпоху въ развитіи земледѣлія въ странѣ. Онъ первый также ввелъ техническое сельскохозяйственное обученіе; онъ выбралъ одного изъ фермеровъ средняго Лотіана, нѣкоего Уайгта, для составленія отчета о сосѣднихъ помѣстьяхъ. Шесть томовъ этаго отчета (1778 — 84) даютъ дѣльное, разумное и крайне интересное описаніе этаго періода важныхъ реформъ. Кэмсъ составилъ планъ основанія «Комитета земледѣлія», осуществленный потомъ Джономъ Синклэромъ, и основалъ «Общество Горной Шотландіи» (1784). Статистическіе отчеты и отчеты графствъ въ послѣднее десятилѣтіе восемнадцатаго вѣка доказываютъ распространеніе просвѣщенныхъ и прогрессивныхъ стремленій среди поземельныхъ собственниковъ. Сельская жизнь и сельскіе обычаи измѣнялись и земледѣльцамъ старой школы, вродѣ Роберта Бёрнса, приходилось погибать. Молотилка Мейкля (1787) замѣнила цѣпъ и сберегла по крайней мѣрѣ одинъ процентъ всего продукта страны; плугъ Смэлля, вошедшій въ употребленіе около того же времени, изгналъ навсегда старый тяжелый плугъ, запрягаемый волами. Торговля, развившаяся вслѣдствіе появленія новыхъ потребностей и увеличенія производства, заставила прокладывать настоящія дороги вмѣсто прежнихъ тропинокъ; повозки замѣнили прежнія сани и телѣги съ деревянными колесами. Но горная Шотландія и острова оставались еще въ своемъ первобытномъ видѣ. Это обусловливалось и климатомъ, и недоступностью этихъ мѣстностей, и перенаселеніемъ вслѣдствіе дурной системы землевладѣнія, и гордостью и вмѣстѣ съ тѣмъ бѣдностью ландлордовъ. Посредники или tacksmen, которые такъ долго пользовались всѣми выгодами положенія, съ поднятіемъ рентъ и уничтоженіемъ духа клана были изгнаны. Безземельные крестьяне, давно фактически превратившіеся въ рабовъ, эммигрировали тысячами и искали новой Каледоніи въ дѣвственныхъ лѣсахъ Новой Англіи и на рѣкѣ св. Лаврентія. Появленіе большихъ стадъ овецъ (1767) ускорило эммиграцію и было причиной громадныхъ денежныхъ рентъ. Это измѣненіе системы хозяйства почти не вызывало аграрныхъ безпорядковъ. Въ 1792 году, правда, произошло

кратковременное возстаніе въ восточномъ Россѣ, причемъ крестьяне хотѣли загнать овецъ въ море; но это возстаніе было легко подавлено. Знаменитыя Сутерландскія изгнанія фермеровъ (1812) надѣлали много шума. Они были слѣдствіемъ совершенно благонамѣренныхъ стремленій поселить безземельныхъ крестьянъ въ новыхъ рыбачьихъ деревняхъ, но фермеръ-рыбакъ оказался невозможностью и вопросъ остался нерѣшеннымъ. Фискальное законодательство препятствовало развитію мѣстной промышленности. Тяжелые налоги и невыносимыя ограниченія перевоза соли, угля, зерна, шерсти превращали приморскихъ жителей въ смѣлыхъ и дѣятельныхъ контрабандистовъ. Расходы по сбору превышали доходы отъ пошлинъ. Только около трети всей пошлины съ соли попадало въ государственную казну. Общественныя и промышленныя стѣсненія дѣлали правительство ненавистнымъ и общая деморализація доходила до крайнихъ предѣловъ.

Промышленность.

И однако несмотря на неразумные законы промышленность вслѣдствіе энергіи и разумности народа развивалась. Благодаря стараніямъ такихъ людей, какъ Форбесъ, Кэмсъ и множества другихъ самоотверженныхъ новаторовъ, положеніе страны измѣнилось настолько, что по показанію одного современника человѣкъ, возвратившійся въ Шотландію послѣ сорокалѣтняго отсутствія, нашелъ бы дорогу только по сосѣднимъ холмамъ. Комитетъ льняной промышленности (1727) поддерживалъ старый домашній промыселъ преміями на лучшіе товары, цѣнность которыхъ съ 293,864 фунтовъ въ 1748 году увеличилась до 936,453 ф. въ 1805-мъ; этотъ промыселъ кормилъ жителей многихъ промысловыхъ деревень. Общество британскаго рыболовства (1786) старалось о заведеніи рыболовства сѣтями и неводомъ въ глубокомъ морѣ и до 1830 года выдавало преміи. Всего больше промышленность развилась въ Гласко. Старшина (Provost) Ингрэмъ завелъ первую фабрику набивныхъ ситцевъ въ Поллокшау въ 1742 году; до конца вѣка такихъ фабрикъ въ городѣ и въ окрестностяхъ было уже тридцать, Изобрѣтенія Гаргрива, Кромптона и Аркрайта около 1785 года повели къ созданію хлопчатобумажной промышленности и къ большому производству кисеи. Давидъ Дэль, филантропъ и прогрессистъ, около этаго времени снялъ землю въ помѣстьяхъ судьи Браксфильда и при помощи Аркрайта основалъ новую промышленную деревню Нью Ланаркъ близь водопада на Клайдѣ. Его водяная мельница была первой въ этомъ родѣ въ Англіи. Онъ воспользовался трудомъ изгнанныхъ горныхъ шотландцевъ; молодежь онъ помѣстилъ въ баракахъ, нанялъ для нихъ учителя — и это въ такую эпоху, когда народное образованіе признавалось вредной роскошью. Вездѣ, гдѣ только можно было имѣть рабочихъ и водяную силу, заводились хлопчатобумажныя фабрики. При окончаніи срока патента Аркрайта (1785) развитіе промышленности сдѣлалось еще болѣе быстрымъ. Уаттъ построилъ свою первую модель въ 1763 году

въ своемъ домѣ близь Брумилау въ Гласко и когда одинъ изъ его согражданъ (Робертъ Мюиръ первый въ Гласко сдѣлалъ приводящую въ движеніе механизмъ машину, она была поставлена на хлопчатобумажной фабрикѣ въ 1792 году. Машина Уатта, какъ сказано выше, въ первой разъ была употреблена для бумагопряденья въ Манчестерѣ въ 1789 году), для приведенія въ движеніе прядильной машины вмѣсто ручного труда употребилъ механическій двигатель (1792), Уаттъ примѣнилъ къ этому процессу силу пара, такъ что Тоддъ въ этомъ же году воспользовался для пряденья новымъ двигателемъ. До 1818 года въ городѣ и въ окрестностяхъ было уже пятьдесятъ четыре хлопчатобумажныхъ прядильныхъ фабрикъ съ 600 веретенъ. Робертъ Миллеръ въ Гласко въ 1796 году взялъ патентъ на механическій станокъ—была основана фабрика съ 200 станками. Красильное дѣло развивалось паралельно ткацкому; оно многимъ было обязано Макинтошу, прославившемуся своими непромокаемыми тканями. Онъ нашелъ въ Лондонѣ одного руанскаго красильщика, нѣкоего Папильона, и увезъ его на сѣверъ (1785), и при помощи Дэля завелъ красильное дѣло. Населеніе Гласко при началѣ развитія хлопчатобумажной промышленности въ 1785 году равнялось только 45,889 человѣкъ, а въ 1819 году во время первой городской переписи было уже 147,197. Духъ предпріимчивости распространился и на другіе города. Пэйслей удачнѣе всѣхъ подражалъ Гласко и производилъ нитки, газы и тесемки. Въ 1785 году въ этомъ городѣ многія фирмы выплачивали рабочимъ по пятисотъ фунтовъ въ недѣлю. Дунди началъ ввозить изъ Голландіи и изъ Балтійскихъ странъ много конопли для грубаго холста и парусины. Одинъ квакеръ изъ Гласко устроилъ бѣлильню и красильню въ Пертѣ (1735), гдѣ промышленность процвѣтала; въ Дунфермлинѣ вмѣсто тиковъ начали около 1750 года производить камчатое полотно и въ 1792 году тамъ работало 1200 станковъ. Въ Абердинширѣ развилось производство чулокъ и откармливаніе свиней для флота. Даже далекіе шетландскіе острова производили чулокъ на 17,000 ф. въ годъ (1801). Разработывали и минеральныя богатства страны. Въ Крамондѣ близь Эдинбурга Каделль ковалъ шведское желѣзо, пользуясь водяной силой; въ Карронѣ былъ устроенъ заводъ для обработки мѣстной руды (1760); желѣзная промышленность быстро распространилась по всему Ланаркширу. Для полученія болѣе глубоко лежавшимъ слоевъ угля начали употреблять новые методы. Въ Шеттльстонѣ была устроена первая машина для выкачиванія воды изъ шахтъ въ 1764 году.

Ирландія.

Жойса.

Послѣ 1782 года единственной связью между парламентами Англіи и Ирландіи была общая для нихъ власть одного государя. Парламентъ Граттана былъ вполнѣ независимъ и свободно могъ издавать законы для Ирландіи. Но была необходима внутренняя парламентская реформа, потому что несмотря на то, что парламентъ Ирландіи былъ свободенъ, онъ былъ столь несовершенъ, какъ только можетъ быть несовершенно представительное собраніе. Изъ трехсотъ членовъ палаты общинъ не болѣе семидесяти двухъ избиралось свободными голосами избирателей, всѣ остальные прямо или косвенно назначались лордами или иными вліятельными личностями, обыкновенно торговавшими мѣстами. Гнилыя мѣстечки, созданныя во времена Стюартовъ, выбирали по приказу правительства, когда оно хотѣло, чтобы былъ выбранъ кто нибудь изъ его приверженцевъ. Католики, составлявшіе большую часть населенія, совсѣмъ не имѣли представителей. Парламентъ не былъ представителемъ націи, онъ не представлялъ даже всего протестанскаго населенія. Онъ таилъ въ самыхъ нѣдрахъ своихъ элементы разложенія и упадка, и отвратить это разложеніе могла только радикальная реформа.

Парламентская и торговая реформы.

Въ странѣ еще продолжали бороться двѣ враждебныя партіи, очень рѣзко разграниченныя. Патріотическая партія стремилась къ парламентской реформѣ, правительственная, напротивъ, упорно противилась всякимъ реформамъ; посредствомъ подкупа эта послѣдняя партія всегда была въ большинствѣ въ парламентѣ. Волонтеры стояли за реформу и въ 1783 году Флоодъ внесъ билль, выражавшій ихъ требованія; но правительство было сильнѣе и послѣ бурныхъ дебатовъ билль былъ отвергнутъ. Боялись столкновенія между волонтерами и правительствомъ, но благодаря вліянію лорда Чарльмонта конвентъ волонтеровъ былъ отстроченъ, причемъ время слѣдующаго собранія не было опредѣлено. Это было смертельнымъ ударомъ вліянію волонтеровъ, съ этихъ поръ уже не игравшихъ замѣтной роли въ политическихъ дѣлахъ страны. Хотя нѣкоторыя изъ ограниченій, губившихъ ирландскую промышленность, были отмѣнены, тѣмъ не менѣе еще существовали запретительныя пошлины на ирландскіе товары, вывозимые въ Англію; изъ Англіи же въ Ирландію привозилось мало; такое положеніе дѣлъ сильно вредило ирландской торговлѣ и промышленности. Въ этомъ отношеніи ирландское правительство стояло за реформы; но когда въ 1785 году Питтъ внесъ въ англійскій парламентъ очень умѣренныя предложенія въ этомъ направленіи, торговыя компаніи, фабриканты и купцы, настаивавшіе

на сохраненіи несправедливыхъ монополій, обогащавшихъ ихъ и разорявшихъ Ирландію, подняли такую бурю въ странѣ, что предложенія Питта были отвергнуты.

Общественные безпорядки.

Освобожденіе ирландскаго парламента не повело къ улучшенію положенія страны; одинаковыя причины продолжали производить тѣже слѣдствія, какъ и раньше; вездѣ свирѣпствовали нищета и недовольство. Среди крестьянства снова появились тайныя общества; повсемѣстно начались опасные безпорядки. На югѣ снова появились «бѣлые парни», на сѣверѣ «утренніе парни» (Peep-o-Day Boys). Эти общества состояли изъ протестантовъ и пресвитеріанъ, враждовавшихъ главнымъ образомъ съ католиками; а католики съ своей стороны составили общество «защитниковъ». Между членами этихъ тайныхъ обществъ происходили настоящія битвы и множество людей съ обѣихъ сторонъ убивалось и калѣчилось. Граттанъ предлагалъ въ парламентѣ назначеніе слѣдствія по этому поводу, но его предложеніе было отвергнуто; вмѣсто него правительство провело въ 1787 году страшный Билль о возстаніяхъ (Insurrection Bill) и, какъ обычно, за принятіемъ этаго билля послѣдовали безчисленныя казни и ссылки; разумѣется, это не улучшило положеніе дѣлъ, а скорѣе ухудшило его.

Соединенные ирландцы.

Въ 1790 году французская революція произвела сильное впечатлѣніе на умы высшихъ классовъ населенія Ирландіи. Въ Дублинѣ и Бельфастѣ были основаны клубы; рѣчи и изданія ихъ безпощадно обличали злоупотребленія и подкупность правительства; но послѣднее было неумолимо и не хотѣло ни въ чемъ измѣнить своей системы. Членами этихъ клубовъ были лордъ Чарльмонтъ, лордъ Мойра, Гамильтонъ Ровэнъ, Теобальдъ Вольфъ Тонъ и Напперъ Танди — всѣ они были протестанты и дворяне. Въ 1791 году Тонъ основалъ общество Соединенныхъ Ирландцевъ въ Бельфастѣ, членами котораго были люди всѣхъ вѣроисповѣданій и всѣхъ общественныхъ классовъ; главной цѣлью общества, вполнѣ легальной, было уничтоженіе вліянія правительства при посредствѣ парламентской реформы и уничтоженіе ограниченія политическихъ правъ разновѣрцевъ.

Католики въ Дублинѣ уже нѣсколько лѣтъ раньше составили общество подъ названіемъ католическаго комитета. Цѣлью этаго общества было отстаиваніе интересовъ католиковъ вообще и отмѣна еще не уничтоженныхъ уголовныхъ законовъ, направленныхъ противъ католиковъ, въ частности; но помимо этаго католики не вмѣшивались въ политику. Старанія католическаго комитета увѣнчались нѣкоторымъ успѣхомъ. Въ 1793 году въ ирландскомъ парламентѣ прошелъ билль, возвращавшій католикамъ право подачи голоса, открывавшій имъ почти всѣ положенія въ обществѣ и администраціи, какъ гражданской, такъ и военной, и разрѣшавшій имъ открывать школы. Но все таки сохранились нѣкоторыя серьезныя ограниченія и самымъ серьезнымъ было то, что ни одинъ католикъ не могъ быть членомъ парламента.

Руководители общества соединенныхъ ирландцевъ были очень дѣятельными въ Дублинѣ и въ Бельфастѣ, собирали митинги, распространяли очень смѣлые адрессы; за это нѣкоторые ихъ нихъ были преслѣдуемы и приговорены къ штрафамъ и тюремному заключенію. Шли тайные переговоры о нашествіи французовъ и главнымъ агентомъ соединенныхъ ирландцевъ былъ протестантъ, пасторъ Вилльямъ Жаксонъ. Но въ общество проникли шпіоны и правительство узнало объ его планахъ. Жаксонъ былъ арестованъ; его судили и признали виновнымъ, но ему удалось принять мышьякъ и онъ умеръ въ докахъ. Сильно скомпрометированный Гамильтонъ Ровэнъ бѣжалъ въ Америку.

Къ концу 1794 года Вилльямъ Питтъ принялъ мѣры для полной эмансинаціи ирландскихъ католиковъ; съ этой цѣлью лордомъ-лейтенантомъ Ирландіи былъ назначенъ графъ Фицвилльямъ, человѣкъ справедливый, либеральный и просвѣщенный. Это назначеніе возбудило общую радость въ странѣ. Онъ немедленно принялся за дѣло и при его помощи въ началѣ 1795 года Граттанъ внесъ билль объ эмансипаціи. Но неожиданное препятствіе уничтожило всѣ эти замыслы. Нѣкоторые изъ злонамѣренныхъ выходцевъ изъ Ирландіи убѣдили короля, что протестантская религія подвергается опасности и Георгъ наложилъ свое veto и этимъ устранилъ весь планъ реформы. Фицвилльямъ былъ отозванъ и снова вернулись къ старой политикѣ насилія и принужденія. Какова бы ни была причина такой неудачи, но разочарованіе было горькимъ; ирландцы, не только католики, но и протестанты, сильно негодовали; неудача плана Питта до значительной степени объясняетъ всѣ послѣдующія ужасныя бѣдствія.

Народъ былъ доведенъ до отчаянія; онъ рѣшился на возстаніе и на основаніе республики. Соединенные ирландцы теперь отказались отъ легальныхъ способовъ дѣйствія и составили настоящее тайное общество, члены котораго были связаны клятвой. Вольфъ Тонъ былъ скомпрометированъ нѣкоторыми шпіонскими указаніями и ему пришлось эммигрировать; онъ отправился въ Америку съ цѣлью добиться помощи Франціи и Соединенныхъ Штатовъ. Въ Ульстерѣ, какъ всегда, безпорядки приняли форму раздраженной религіозной борьбы. Протестанты составили новое общество «оранжистовъ» и откровенно высказывали свое намѣреніе изгнать изъ Ульстера всѣхъ католиковъ; по всей провинціи католиковъ подвергли сильнымъ преслѣдованіямъ. Вольфъ Тонъ еще раньше пытался устроить соглашеніе между обѣими религіозными партіями, но всѣ его старанія были тщетны.

Правительство все это время старалось помѣшать распространенію въ Ирландіи революціонныхъ ученій; оно видѣло, что всѣмъ католикамъ, желавшимъ вступить въ ряды духовенства, приходилось

искать образованія во Франціи. Оно боялось, что молодые священники внесутъ въ Ирландію революціонныя идеи и чтобы помѣшать этому учредило въ 1795 году Майнутскую коллегію для образованія католическаго духовенства, съ ежегоднымъ доходомъ въ восемь тысячъ фунтовъ.

Между тѣмъ силы соединенныхъ ирландцевъ продолжали расти; наконецъ число членовъ общества достигло ста тысячъ; въ числѣ другихъ вліятельныхъ лицъ къ нему присталъ и братъ герцога Лейнстера, лордъ Эдвардъ Фицджеральдъ; среди членовъ общества было много католиковъ. Въ декабрѣ 1796 года по настоянію Вольфа Тона французскій флотъ, состоящій изъ сорока трехъ военныхъ кораблей съ пятнадцатитысячнымъ войскомъ и съ сорокапяти тысячью ружей, подъ начальствомъ генерала Гоша, отплылъ въ Ирландію, но былъ разсѣянъ бурями; только шестнадцать кораблей вошли въ Бантри-Бай, но и они въ виду бурной погоды скоро вернулись во Францію. Послѣ этого былъ принятъ второй актъ о возстаніи; многіе руководители соединенныхъ ирландцевъ были арестованы; солдаты, іемены и милиція совершали ужасныя, невыразимыя гнусности и потѣшались надъ несчастными крестьянами, такъ что многіе совершенно мирные люди были вынуждены пристать къ соединеннымъ ирландцамъ. Другая попытка нашествія была сдѣлана въ 1797 году голландскимъ флотомъ подъ начальствомъ адмирала Винтера, но эта экспедиція сначала была отложена вслѣдствіе дурной погоды, а потомъ флотъ былъ разбитъ при Кампердоунѣ адмираломъ Дунканомъ.

Возстаніе 1798 года.

Мятежники наконецъ рѣшились приступить къ дѣйствіямъ и назначили днемъ общаго возстанія 23 мая 1798 года. Но бывшіе въ ихъ средѣ шпіоны сообщали правительству о всѣхъ ихъ движеніяхъ. Въ мартѣ нѣкоторые изъ руководителей были арестованы и въ числѣ ихъ лордъ Эдвардъ Фицджеральдъ, получившій при сопротивленіи смертельную рану. Два брата Ширсы, Генрихъ и Джонъ, барристеры, были арестованы, осуждены и повѣшены. Возстаніе оказалось не общимъ, а мѣстнымъ; оно ограничилось только графствами Кильдеръ, Уиклоу и Векфордъ; въ Векфордѣ возстаніе имѣло религіозный характеръ, какого оно не имѣло въ другихъ мѣстахъ; почти всѣ мятежники были католики, хотя нѣкоторые изъ вождей были протестанты. Крестьяне въ Векфордѣ были людьми мирными и работящими, среди нихъ тайныя общества не имѣли успѣха и они совсѣмъ не желали возстанія, но они были вынуждены взяться за оружіе ужаснымъ варварствомъ солдатъ, іеменовъ и въ особенности милиціи сѣвернаго Корка. Они возстали въ отчаяніи, безъоружные, безъ плана и руководителей; въ своей слѣпой ярости они совершали страшныя жестокости надъ мирными обывателями-протестантами въ возмездіе за еще болѣе страшныя злодѣянія милиціи. Во главѣ ихъ сталъ приходскій священникъ Джонъ

Мурфи, маленькая капелла котораго была сожжена; подъ его начальствомъ возстанцы уничтожили роту милиціи сѣвернаго Корка при Оулартѣ 27 мая. Наканунѣ этого дня шайка мятежниковъ въ четыре тысячи человѣкъ была разбита при Тарѣ. Мятежники взяли Эннискорти и Горей и устроили свой главный лагерь близъ Эннискорти на Винегаръ-Гиллѣ. 30 мая при «Трехъ Скалахъ» близъ Вексфорда они напали и уничтожили отрядъ солдатъ; мятежники послѣ этого завладѣли Вексфордомъ; тамъ они праздничали, пьянствовали и производили насилія надъ людьми, которыхъ считали врагами. Тутъ они избрали начальникомъ одного протестантскаго дворянина, Бадженаля Гарвея. Въ іюнѣ они взяли Невтонбарри и Нью-Россъ, но вскорѣ были прогнаны изъ обоихъ этихъ мѣстъ солдатами. Чернь, бѣжавшая изъ Нью-Росса, захватила множество лоялистовъ въ мѣстечкѣ Скуллабогъ, перебила тридцать семь человѣкъ, заперла остальныхъ плѣнниковъ (болѣе сотни человѣкъ) въ амбаръ и подожгла его, такъ всѣ они сгорѣли. Потомъ мятежники двинулись было на Дублинъ, но генералъ Нидгамъ встрѣтилъ ихъ на пути туда и разбилъ при Арклоу. 21 іюня генералъ Лэкъ двинулся на ихъ главный лагеръ на Винегаръ-Гиллѣ съ двадцатитысячнымъ войскомъ и послѣ упорной битвы разбилъ и разогналъ мятежниковъ. Этимъ, собственно говоря, возстаніе было закончено; многіе руководители были арестованы и повѣшены, и въ ихъ числѣ Бадженаль Гарвей и отецъ Мурфи. Теперь вся страна была у ногъ іеменовъ и милиціи, совершавшихъ страшныя насилія надъ крестьянами; а бродячія шайки мятежниковъ все еще появлялись кое гдѣ и въ возмездіе совершали насилія надъ лоялистами.

На сѣверѣ возстаніе началось въ іюнѣ. Но мятежники были разбиты въ двухъ битвахъ и ихъ вожди, Генрихъ Жой Макъ-Кракенъ и Генрихъ Мунро были схвачены и повѣшены—Мунро повѣсили на воротахъ его дома.

Въ іюнѣ лордомъ лейтенантомъ назначили лорда Корнваллиса, человѣка гуманнаго и просвѣщеннаго. Онъ остановилъ жестокости солдатчины и успѣлъ возстановить кое какъ порядокъ. Послѣ подавленія возстанія были двѣ небольшихъ французскихъ экспедиціи въ Ирландію, въ томъ же 1798 году. Одна изъ нихъ, подъ начальствомъ генерала Гумберта, высадилась при Киллалѣ, а другая, подъ начальствомъ адмирала Бомпара, вошла въ Лоуфъ Свилли; но обѣ безъ труда были отражены. Вольфъ Тонъ, бывшій на одномъ изъ кораблей Бомпара, былъ взятъ и отправленъ въ Дублинъ; тамъ его судили и приговорили къ повѣшенію; но утромъ дня, назначеннаго для казни, онъ перѣзалъ себѣ горло перочиннымъ ножемъ и чрезъ нѣсколько часовъ умеръ отъ раны.

Унія.

Вильямъ Питтъ полагалъ, что теперь настало время для осуществленія его любимаго проекта парламентской уніи Ирландіи и Англіи.

Въ то время намѣстникомъ Ирланціи былъ, какъ сказано, лордъ Корнваллисъ, и главнымъ секретаремъ лордъ Кэстльри. По указанію Питта были приняты всѣ мѣры для проведенія Уніи въ слѣдующую же парламентскую сессію. Ирландское правительство и раньше пользовались подкупами, но теперь подкупы были доведены да небывалыхъ размѣровъ. Собственниковъ гнилыхъ мѣстечекъ купили за крупныя деньги—всего на подкупы истратили 1,260,000 ф. и эту сумму заставили уплатить Ирландію. Подкупы были повсемѣстными, ихъ даже и не скрывали. Голоса покупали за титулъ пэра, за пенсіи, за мѣсто судей, за назначеніе на разные посты и прямо за деньги. Лордъ Корнваллисъ, человѣкъ порядочный, высказывалъ открыто свое негодованіе на то, что и его заставляютъ принимать участіе въ подобныхъ безстыдныхъ сдѣлкахъ.

Парламентъ открылся 2 января 1800 года. Граттанъ, въ теченіе нѣкотораго времени не бывшій въ парламентѣ, былъ снова избранъ и занялъ свое мѣсто. Въ Дублинѣ царило страшное возбужденіе, такъ что для сдерживанія черни приходилось прибѣгать къ военной силѣ. Лордъ Кэстльри внесъ предложеніе объ Уніи; анти-уніонисты подъ предводительствомъ Граттана, говорившаго снова съ прежнимъ увлеченіемъ и краснорѣчіемъ, возстали противъ предложенія—но несмотря на всѣ усилія оно было принято. Одинъ только свѣтлый лучъ пробивается въ мракѣ этого событія: сто членовъ парламента были чисты отъ этого подкупа и до конца противились предложенію Кэстльри.

Чтобы ослабить сопротивленіе католиковъ, имъ было сообщено, что за Уніей немедленно же воспослѣдуетъ эмансипація. Но обѣщаніе не было исполнено—актъ объ эмансипаціи католиковъ былъ принятъ только чрезъ двадцать девять лѣтъ.

ИСТОЧНИКИ—1784—1802.

Общая исторія.

Hist. of Engl. in XVIII century—Лекки. Administrations of Great Britain—Льюса. Constit. Hist.—Эрскина Мэя. Engl. Industry and Commerce—Куннингама. Hist. of Engl.—Брайта. Influence of Sea Power on Wars of French Revolution—Мэгена. Біографіи Питта—лордовъ Стенгона и Розбери. Burke—Д. Морлея. Charles Iames Fox—Уэкмана. Life—Вильберфорса. Изъ современныхъ источниковъ: Reflections on French Revolution и Appeal from Old to New Whigs—Борка. Путешествія Артура Юнга. Memoirs of life of Samuel Romilly. Diaries and Corresp. of Malmesbury. Grenville Papers.

Отдѣльные предметы.

Военная исторія. Expansion of Eng.—Силли. Britain and her Rivals—Инеса. Colonial France—Нормана. Decisive Battles in India и Final French Struggles in India—Маллесона. „Dupleix“ и „Clive“—его же. (Rulers of India). Hist. of India—Орма. British Dominion in India—Ляйеля. Regimental hist. of Madras Fusiliers. Supplementary Despatches—Веллингтона. Drill Regulations Дундаса. Narrative of Campaign in Holland—Бунбюри. Campaign in Egypt Вильсона. Статья Эльмсли въ Journal of United Service Instit. (1895).

Флотъ—1742—1815. Lives of British Admirals.—Дж. Кампбелля (продолжено Іоркомъ и Стевенсономъ). Biogr. Navalis—Чарнока. Naval Hist. of Great Britain—Джемса (продол. Чамьеромъ). Royal Naval Biogr.—Маршаля. Letters of Sir Hood—1781—83. Sailors Letters to his Friends—Томпсона. His. of Edward and Maria—его же, анонимно въ London Magazine 1774 г. Рукописный журналъ капитана Томпсона изд. Геймана (Cornhill Magazine) Naval and Military Memoirs of Great Britain (1804)—Битсона, Memoirs of Rise and Progress of Royal Navy—Деррика. Influence of Sea Power on History и Influence of Sea Power on French Revolution and Empire—Мэгена.

Открытія и изслѣдованія 1642—1802. О Дампьерѣ: Collection of voyages Гарриса. Voyages—Гакке. Voyage of Captain B. Sharp. Public Record Office, Minutes of Court—martial, т. X. Captains Letters. Sloane Mss въ Британскомъ музеѣ. Собственные разсказы Дампьера и Фуннеля—Dampier's Voyages. О Морганѣ и букканёрахъ: Bukaneers of America—Эксвемелина. Present State of Jamaica 1683 г. Journals of Jamaica Assembly. Hist. of Jamaica 1774. О Нарборо и другихъ: Journal Нарборо. Naval Biogr.—Чарнока. Біографія Ансона—Джона Барроу. Account of Anson's Voyage—Вальтера. Journal of Voyage to South Seas—Паско Томаса. О Кукѣ: его біографія въ Biog. Britan.—Кипписа. Отчеты о его первомъ плаваніи въ Voyages—Гавксуорта, о второмъ—его собственный и Георга Форстера, о послѣднемъ—его собственный и Кинга. Narrative of Cook's Death—Давида Самвеля, врача на „Discovery“. Egerton Mss въ Брит. музеѣ, гдѣ journal его послѣдняго плаванія до 6 января 1779 г. System of Geog.—Банкса, и въ особенности новое изданіе „Журналовъ“ Кука Уартономъ и его письма въ Captain's Letters. О Бляйгѣ, Адамсѣ и др. см. Mutineers of Bounty—Бельчера. Mutiny of Bounty—Барроу. Notes and Querries. Royal Naval Biog. Маршаля и статьи въ Dict. of Nation. Biog. О Брусѣ: его Travels. Travels—Плейфейра Travels of Lord Valentia and of Salt. О Флиндерсѣ: его Voyage to Terra Australis и его Observations on Coasts of Van Dieman's Land. О Паркѣ: его Travels въ Journal of a Mission to the Interior of Africa и Collect. of Voyages—Пинкертона.

Исторія церкви 1715—1815. Corres.—Аттербюри и Memoir Никольса. Walpole Parl. Hist.—Кокса. Works—Секкера. View of Principal Deistical Writers—Леланда. Hist. of Nonjurors—Латбюри. Life and Works—архидіакона Блакбурна. Біографіи Лау—Овертона, Уотерланда—Вана Мильдерта, Ворбуртона—Гурда, Веслея—Тайермана, Симеона—Каруса. Hist. of American Church—Вильберфорса. Engl. Church in VIII century—Овертона. Church history—Перри.

Философія. Life of Bentham—Боуринга ср. Life of James Mill—Бэна.

Наука, медицина и общественная жизнь.—См. гл. XVIII.

Земледѣліе. См. гл. XVII.

Промышленность. См. гл. XX.

Экономическая исторія, Журналы палаты общинъ и отчеты парламентскихъ комитетовъ и коммиссій—о *шерстяной* промышленности 1803, 4 и 6 год., о *хлопчато-бумажной* 1808, 9 г., о *финансахъ* и *денежномъ обращеніи*, 1797 и 1811 г. Growth of Engl. Ind. and Comm.—Куннингама. Hist. of Brit. Comm.—Леона Леви. Hist. of Prices—Тука. Enquiry into Production and Consumption of Precious Metals—Якоба. Hist. of Taxation—Доуэлля. Engl. Poor Law System—Ашрота. Wealth of Nations—Адама Смита. Essay—Мальтуса. State of Poor—Эдена. Theory and Practice of Banking—Маклеода. Annals of Comm.—Макферсона. Progres of Nation—Портера. „Капиталъ"—Маркса. Money-Уалькера. Сочиненія Рикардо. Econ. Studies—Бажеліота. Hist. of Polit. Econ. in Engl.—Прайса.

Тюрьмы. State of Prisons in Engl. and Wales—Джона Говарда (1792). Jayl Fever—Прингля (1756). Изъ парламентскихъ актовъ актъ Понгама; 16 Георга III о замѣнѣ ссылки тюрем. заключеніемъ; 19 Георга III, о устройствѣ петенціарныхъ тюремъ. Акты комитета о полицейскихъ и тюремныхъ учрежденіяхъ 1798 г. и отчетъ парлам. коммиссіи о петенціарныхъ тюрьмахъ 1811 г. Panopticon or Inspection House.—I. Бентама („Сочиненія"—изд. Боуринга). Principles of Penal Law—Эдена. Secondary Punishement—Гита въ парл. отчетахъ 1837 г. Лекки т. VI. State of Prisons Нейльда (1812).

Шотландія. Jacobite Rebellion—Чамберса. Memoirs of Rebellion—Джонстона. Lord Advocates—Омонда. Arniston Memoirs (семейства Дундасъ). Исторіи Эдинбурга-Мейтланда (1753) и Арнота (1788). Annals of Glasgow—Клеланда. Gentleman Farmer—Кэмса, Present State of Agriculture (1778—84)—Уайта. Statis. Account (1791—99). County Reports to Board of Agric. (1797—1818). Rural Recollections (1765—1829)—Робертсона. Condition of Hebrides (1780)—Буханана. Econ. Condition (1808)—Уолькера. Observations on Highlands (1805)—Селькирка. Sutherland Improvements—Лоха. Sutherland Evictions in 1812—14—Селлара. Report of Crofter Comm.—Исторіи Стьюарта (1825), Скена (1837), Броуна. Scottish Gael—Логана. Orkney and Shetland Hist.—Тюдора. Highlands and Western Isles—Док. Макъ-Кулоха. Путешествія Покока (1760), Грея (1764). Gray and his Friends—Товея. Путешествія Пенната (1769), Джонсона и Босвеля (1773), Дугласа (1782), Невте (1791), Жильпина (1792), Герона (1793), Леттиса (1794), С. Фонда (1794), Стоддарта (1799), м—съ Мюррей (1799), Ал. Кампбеля (1802), Дороти Вордсвортъ (1803), Гогга. Ettrick Shepherd (1803). Memoirs: Ал. Карлиля изъ Инвереска (1721—1801). Рамсая изъ Охтертайра (1736—1814), книгопродавца въ Эльжинѣ Исаака Форсайта (1768—1859), Сомервиля изъ Іедбурга (1741—1814), купца изъ Кромарти, Вильяма Форсайта (1722—99). **Воспоминанія:** Фино-Скота (1785—1821), Memoirs and Corres.—м—ссъ Грантъ изъ Лагана. Memorabilia Domestica—Дональда Сэжа. Memorials, Journal, Circuit Journeys—Ген. Кокбурна. Автобіографія м—ссъ Флетчеръ. Біографіи: Кэмса—лорда Вудгоузели, Эрскина—Монкрифа, Джона Гома—Генриха Макензи, Адама Смита—Дугальда Стьюарта, Жеффри—Кокбурна, Бёрнса—Курри. Henry Erskine—Фергюссона. Scott—Локгарта. Letters from Edinburgh (1776)—Тонгама. Illustrations to Gentle Shepherd (1788)—Давида Аллэна. Поэмы Фергюсона и Бёрнса. Hist. of Scottish Stage—Жаксона. Humphrey Clinker—Смоллета. Peter's Letters to his Kinsfolk. Memorials of Old Edinburgh—Даніеля Вильсона. Traditions of Old Edinburgh—Роберта Чамберса. Folk Lore of North-east of Scotland—Грегора. Northern Rural Life—Александера.

Ирландія 1714—1800. Hist. of Engl. in 18 century—Лекки. English in Ire-

land in 18 century—Фроуда. Hist. of Ireland—Плоудена. Two Centuries of Irish History. Two Chapters of Irish Hist. Дёнбара Ингрема. Hist. Review of Legislative Systems in Ireland—Болля. Works—Свифта. Hist. of Irish Rebellion—Мусгрева. Autobiography of Wolfe Tone—Барри о'Бріена. Memoirs and Corresp. of Lord Charlemont—Жильберта. Corresp.—Кэстльри и Корнваллисе. Біографіи и рѣчи Граттана, Флоуда, Плункета и Куррана. Works—Борка. Rise and Fall of Irish Nation—Беррингтона. Hist. of United Irishmen—Маддена. Life of Edward Fitzgerald—Мура. Автобіографія Гамильтона Ровэна. Hist. of Presbyterian Church in Ireland—Рейда. English Interference with Irish Indust.—Свифта Макъ-Нейля. How Union was carried—его же. Corresp. between Pitt and Rutland. Commercial Restraints on Ireland—Гётчинсона.

ГЛАВА XX.

Борьба Англіи за существованіе. 1802—1815.

Политическая исторія.

Тассаля.

Министерство Аддингтона.

Питту въ качествѣ перваго министра въ 1801 году наслѣдовалъ Аддингтонъ; онъ составилъ свое министерство изъ полныхъ посредственностей и управлялъ Англіей до 1804 года. Въ первые годы его управленія Англія имѣла успѣхъ на морѣ и на сушѣ. Побѣды при Александріи (21 марта) и при Копенгагенѣ (2 апрѣля 1801 года) ускорили ходъ мирныхъ переговоровъ и при воцареніи въ Россіи Александра I между ней и Англіей въ іюнѣ этого года былъ заключенъ договоръ. Французамъ не удалось произвести нашествіе въ Англію и потому они пошли на соглашеніе и въ октябрѣ были подписаны предварительныя условія мира. Англія возвратила всѣ ея завоеванія, за исключеніемъ Цейлона, Тринидада, британской Гвіаны и Тобаго. До утвержденія предварительнаго мирнаго договора Бонапарту удалось упрочить вліяніе Франціи въ Голландіи, Швейцаріи и Италіи, что оправдывало опасенія Гренвиля и другихъ, утверждавшихъ, что первый консулъ не намѣренъ отказаться отъ своихъ воинственныхъ замысловъ. Но Англія была утомлена войной. Питтъ надѣялся, что и Бонапартъ пойметъ выгоды мира; надѣялись, что Англія, дѣлая уступки, вполнѣ добровольныя, убѣдитъ Европу въ безкорыстіи ея дѣйствій. 27 марта 1802 года былъ подписанъ Амьенскій договоръ. Но не прошло и года, какъ сдѣлалось очевиднымъ, что этотъ миръ есть только перемиріе. Бопапартъ не прекращалъ своихъ аггрессивныхъ дѣйствій; осенью 1802 года онъ присоединилъ къ Франціи островъ Эльбу и значительную часть сѣверной Италіи,

занялъ Швейцарію и по отношенію къ Англіи принялъ такой образъ дѣйствій, который долженъ былъ вызвать новую европейскую войну. Онъ требовалъ запрещенія англійскихъ газетъ, нападавшихъ на него, изгнанія всѣхъ французскихъ эммигрантовъ, удаленія Бурбоновъ и его агенты пытались возбудить возстаніе въ Ирландіи.

Новая война 1803 г.

Бонапартъ рѣшилъ завладѣть Мальтою, которую англійское правительство къ счастію еще не передало рыцарямъ св. Іоанна. Въ началѣ 1803 года даже Аддингтонъ понялъ, что война неизбѣжна и проявилъ надлежащую энергію. Лордъ Уитвортъ, англійскій посланникъ, былъ отозванъ изъ Парижа и 18 мая была объявлена война. Началась борьба противъ могущества перваго консула. Французская революція сначала симпатизировала стремленіямъ всѣхъ народовъ, добивающихся свободы; результатомъ революціоннаго движенія было уничтоженіе нѣкоторыхъ мелкихъ династій, Европа испытала внезапное и спасительное пробужденіе. Съ возвышеніемъ Бонапарта принципы революціи были устранены, начался періодъ завоеваній, грозившій установить гегемонію Франціи въ Европѣ. Европа медленно возставала противъ такой опасности, борьба противъ Бонапарта превратилась въ національную—и «онъ палъ предъ возмущеніемъ народовъ». Возмущеніе Эммета въ 1803 году, бывшее слѣдствіемъ интригъ французскихъ агентовъ, воспользовавшихся недовольствомъ Ирландіи, увеличивало затрудненія министерства Аддингтона. Министерство не могло справиться съ критическимъ положеніемъ дѣлъ, здоровье короля слабѣло, было необходимо сильное министерство и наконецъ 26 апрѣля Аддингтонъ вышелъ въ отставку и Питтъ, сдѣлавъ попытку привлечь въ кабинетъ Фокса и Гренвиля, былъ вынужденъ вслѣдствіе враждебности послѣдняго составить торійское министерство, угодное королю и состоящее изъ Гарровби, Эльдона, Портланда, Кэстльри, Гавксбюри, Мельвиля и Камдена, причемъ Каннингъ, Гёскиссонъ и Персеваль получили второстепенныя должности. Министерство, составленное изъ такихъ лицъ, было слабымъ и Питтъ, обладая небольшимъ большинствомъ въ палатѣ, былъ вынужденъ вести борьбу съ Бонапартомъ.

Въ декабрѣ 1804 года первый консулъ сдѣлался императоромъ и составилъ планъ нашествія въ Англію. Англія готовилась къ защитѣ, былъ принятъ билль о національной оборонѣ, флотъ былъ значительно увеличенъ. Опасность со стороны Франціи нисколько не уменьшила затрудненій Питта въ парламентѣ. Въ декабрѣ 1804 года лордъ Гарровби, военный министръ, былъ вынужденъ подать въ отставку, въ кабинетъ вошелъ Аддингтонъ съ титуломъ лорда Сидмоута. Въ это время оппозиція падала на способное и успѣшное управленіе флотомъ лорда Мельвиля. Большинствомъ одного голоса палата 8 апрѣля 1805 года выразила неодобреніе министру и онъ немедленно подалъ въ отставку; его примѣру въ іюлѣ послѣдовалъ

и Сидмоутъ, отношенія котораго съ Питтомъ были очень натянутыми. Лордъ Мельвиль былъ формально обвиненъ и преданъ суду палаты лордовъ, но былъ оправданъ 12 іюля 1806 года.

Второе министерство Питта.

Въ то время, какъ Питтъ велъ борьбу съ парламентомъ, его иностранная политика сначала была успѣшна. Нельсонъ и Кальдеръ спасли Англію отъ опасности нашествія; образованіе третьей коалиціи изъ Англіи, Россіи и Австріи въ 1805 году указало Наполеону на необходимость раздавить Австрію. 20 октября онъ окружилъ и взялъ въ плѣнъ цѣлую австрійскую армію подъ начальствомъ Мака при Ульмѣ; 2 декабря при Аустерлицѣ произошла «битва трехъ императоровъ» и французы одержали полную побѣду. Франція побѣждала на сушѣ, но на морѣ потерпѣла тяжкое пораженіе. 21 октября Нельсонъ выигралъ битву при Трафальгарѣ, заплативъ за побѣду жизнью. Море было снова во власти Англіи; послѣдній флотъ Наполеона былъ уничтоженъ и торговля Англіи была вполнѣ обезпечена.

Министерство всѣхъ талантовъ.

23 января 1806 года Питтъ умеръ; извѣстія объ Аустерлицкой битвѣ и распаденіе коалиціи сильно подѣйствовали на его и безъ того уже разстроенное здоровье. Всякая надежда на успѣшную борьбу съ Франціей на время была потеряна; въ теченіе слѣдующихъ двухъ лѣтъ Наполеонъ составлялъ гигантскіе планы завоеваній. За смертью Питта послѣдовало распаденіе кабинета и образованіе министерства Гренвиля или кабинета всѣхъ талантовъ. Иностраннымъ министромъ былъ Фоксъ, первымъ лордомъ адмиралтейства Гоуикъ, хранителемъ частной печати Сидмоутъ, канцлеромъ казначейства Петти, министрами внутреннихъ дѣлъ и военнымъ Спенсеръ и Виндгамъ, президентомъ совѣта Фицвилльямъ, генералъ фельдцейместеромъ лордъ Мойра. Работорговля была уничтожена на основаніи Abolition Bill'я; 25 марта 1807 года начаты были переговоры съ Франціей, но они ясно доказали, что довѣрять Наполеону невозможно. Въ сентябрѣ 1806 года умеръ Фоксъ и должность министра иностранныхъ дѣлъ занялъ Гоуикъ. Министерство понимало необходимость энергичнаго веденія войны; въ октябрѣ 1806 года битвы при Іенѣ и Ауерштадтѣ уничтожили Пруссію и 21 ноября Наполеонъ издалъ свои знаменитые берлинскіе декреты. Онъ объявилъ всѣ британскія владѣнія находящимися въ положеніи блокады, Франціи и всѣмъ зависимымъ отъ нея государствамъ воспрещались торговля и всякія сношенія съ ними; всѣ англійскіе товары, всякая частная собственность англичанъ объявлены подлежащими конфискаціи, а всѣ британскіе подданные признавались военноплѣнными. 7 января 1807 года министерство Гренвиля отвѣтило на эти декреты первымъ изъ совѣтскихъ приказовъ, воспрещавшимъ торговлю съ портами, находившимися во владѣніи Франціи и ея союзниковъ. Началась торговая война, продолжавшаяся до 1815 года. «Французскіе солдаты превратились въ береговую стражу, оберегающую рынки отъ вторженія англичанъ, британскій флотъ

превратился въ таможенные корабли для уничтоженія торговли Франціи». Декреты и приказы возбудили въ Пруссіи раздраженіе противъ Наполеона, а въ Соединенныхъ Штатахъ противъ Англіи. Но министерство Гренвиля пало раньше, чѣмъ могло принять дальнѣйшія мѣры противъ Франціи и раньше, чѣмъ билль о работорговлѣ сдѣлался закономъ. Вопросъ объ эмансипаціи католиковъ снова былъ поднятъ въ формѣ билля о службѣ въ арміи и во флотѣ. Въ Ирландіи съ 1793 года католики могли занимать любыя мѣста въ ирландской арміи до чина полковника включительно, но послѣ Уніи они не сохраняли своихъ чиновъ при пребываніи въ Англіи. Министры, предлагая отмѣну такой аномаліи, рѣшили, чтобы всѣ мѣста въ арміи и флотѣ были открыты какъ для католиковъ, такъ и для нонконформистовъ. Король, напуганный лордомъ Сидмоутомъ и надѣявшійся, что герцогъ Портландъ будетъ въ состояніи составить министерство, объявилъ, что не приметъ предложенія министерства, за исключеніемъ только дополненія акта 1793 года, такъ какъ рѣшилъ только ассимилировать законы въ Англіи и Ирландіи. Министерство соглашалось взять свой билль назадъ, но король потребовалъ отъ него обязательства, что вопросъ объ эмансипаціи католиковъ снова не будетъ возбужденъ. Министерство не хотѣло дать такого обязательства и 18 марта 1807 года было отставлено. Георгъ III снова побѣдилъ: въ 1770 году онъ вручилъ власть лорду Норту, въ 1784 году онъ сдѣлалъ министромъ Вилльяма Питта, а теперь онъ окончательно отдѣлался отъ виговъ, находившихся съ этихъ поръ въ оппозиціи до билля о реформѣ. Несомнѣнно, что Георга въ его борьбѣ съ вигами поддерживало общественное мнѣніе, но несомнѣнно и то, что во всѣхъ указанныхъ случаяхъ ему не мало помогли и темныя интриги. 27 апрѣля парламентъ былъ распущенъ, избиратели поддержали короля—у новаго министерства оказалось значительное большинство.

Министерство Портланда.

Во главѣ новаго антикатолическаго министерства былъ герцогъ Портландъ, членами его были: канцлеръ казначейства Персеваль, министръ иностранныхъ дѣлъ Канингъ, военный и колоній Кэстльри, внутреннихъ дѣлъ Гавксбюри, впослѣдствіи лордъ Ливерпуль. Министерство энергично продолжало воинственную политику послѣдняго времени министерства Гренвиля; въ ноябрѣ 1807 года былъ изданъ второй совѣтскій приказъ, позволявшій репрессаліи противъ товаровъ, кораблей и жителей Тосканы, Неаполя, Далмаціи и Іонійскихъ острововъ; третьимъ и четвертымъ приказами были предусмотрѣны и запрещены разные обходы опредѣленій первыхъ двухъ приказовъ вродѣ продажи кораблей воюющей стороны нейтральнымъ государствамъ. Эти мѣры были необходимы, такъ какъ Наполеонъ распространилъ свою континентальную систему и на берега Средиземнаго моря и вообще, очевидно, стремился къ полному уничтоженію англійской торговли.

Тильзитскій договоръ. Захватъ Англіей датскаго флота.

Разбивъ русскихъ при Эйлау 7 февраля, Наполеонъ 7 іюля заключилъ съ Александромъ I Тильзитскій договоръ, бывшій угрозой для независимости Европы. Канингъ отвѣтилъ на это соглашеніе двухъ императоровъ захватомъ датскаго флота 8 сентября, а Россія пыталась заставить союзницу Англіи, Швецію, присоединиться къ континентальной системѣ. Англичане въ это время разбили французовъ въ битвѣ при Майда, взяли у голландцевъ колонію мыса Доброй Надежды и напали на испанскую колонію Буйносъ Айресъ. Но значеніе всѣхъ этихъ мелкихъ успѣховъ блѣднѣетъ предъ знаменитой и удачной борьбой Англіи противъ попытокъ Наполеона завладѣть Испаніей. Онъ рѣшилъ сдѣлать испанскимъ королемъ одного изъ своихъ родственниковъ и закрыть для Англіи испанскіе порты.

Англія и Португалія.

Въ іюнѣ 1808 года Наполеонъ посадилъ на испанскій престолъ своего брата Іосифа, а еще въ ноябрѣ предыдущаго года Жюно занялъ Лисабонъ—королевскій португальскій домъ бѣжалъ въ Бразилію. Англійскія войска высадились въ Португаліи 1 августа 1808 года, 21 августа Веллеслей одержалъ побѣду при Вимьерѣ, но 30 августа Гью-Дальримпль заключилъ съ французами конвенцію въ Синтрѣ. Въ Англіи эта конвенція возбудила страшное негодованіе и Джонъ Муръ, которому было поручено командованіе британскими войсками въ Португаліи, двинулся къ Саламанкѣ. Услыхавъ о приближеніи Наполеона онъ отступилъ и 16 января 1809 года далъ битву при Корунѣ. Его смерть и конвенція въ Синтрѣ на время смутили англійское правительство и только въ апрѣлѣ 1809 года, когда команда была передана Веллеслею, начались энергическія военныя дѣйствія на полуостровѣ.

Министерство Персеваля.

Въ 1809 году министерство подверглось нападеніямъ оппозиціи, да и въ немъ самомъ начались раздоры. Нападали вообще на систему управленія, и въ особенности на главнокомандующаго, герцога Іоркскаго, на Кэстльри и на Персеваля. Вальхеренская экспедиція оказалась неудачной. Слѣдствіемъ этой неудачи была дуэль между Кэстльри и Канингомъ 9 сентября; за этимъ послѣдовали отставка обоихъ и реорганизація министерства. Въ октябрѣ первымъ министромъ сдѣлался Персеваль, министромъ иностранныхъ дѣлъ лордъ Веллеслей, военнымъ лордъ Ливерпуль и помощникомъ секретаря лордъ Пальмерстонъ. Въ теченіе этихъ бурныхъ трехъ мѣсяцевъ Артуръ Веллеслей одерживалъ въ Португаліи побѣды. Онъ заставилъ французскую армію отступить и двинулся къ Мадриду. Въ іюлѣ онъ одержалъ побѣду при Талаверѣ и еслибы не плохая военная администрація Англіи, онъ добился бы значительныхъ результатовъ. Онъ однако ограничился пока защитой Португаліи и укрѣпилъ линіи Торресъ-Ведрасъ; Массенѣ не удалось выбить его изъ его позицій и онъ потерпѣлъ пораженіе при Бусако 29 сентября 1810 года. Въ 1811 году Веллингтонъ все еще держался оборонительной так-

тики; за битву при Талаверѣ онъ получилъ титулъ виконта Веллингтона. Въ маѣ онъ далъ битвы при Фуэнтесъ д'Оноро и при Альбуэра; французы завершили въ этомъ году завоеваніе востока Испаніи и угрожали Португаліи.

Англичанамъ помогли событія въ центральной и сѣверовосточной Европѣ. Хотя борьба Австріи съ Наполеономъ была неудачной и Вѣнскій миръ 14 октября 1809 года уменьшилъ австрійскую территорію, но было очевидно, что сопротивленіе народовъ французскому владычеству увеличивается. Народныя силы во всей Европѣ медленно, но несомнѣнно вступали въ борьбу съ деспотизмомъ французскаго императора. Къ концу 1811 года отношенія между нимъ и Александромъ сдѣлались натянутыми, оба монарха приготовлялись къ войнѣ. Въ 1812 году произошелъ знаменитый походъ въ Москву и результатомъ его было возстаніе сѣверной Германіи. Пруссія и Россія заключили союзъ, къ которому потомъ примкнула и Австрія; началась война за освобожденіе. Дѣйствія Веллингтона въ Португаліи играли не малую роль въ дѣлѣ паденія Наполеона. Въ ноябрѣ 1810 года болѣзнь Георга II сдѣлала необходимымъ назначеніе принца Уэльскаго регентомъ, въ 1811 году былъ принятъ билль о регентствѣ, ограничивающій права принца.

Министерство Персеваля оставалось у власти, но въ февралѣ 1812 года Веллеслей вышелъ въ отставку, а въ маѣ Персеваль былъ убитъ нѣкоимъ Беллингамомъ. Первымъ министромъ тогда сдѣлался лордъ Ливерпуль, а министромъ иностранныхъ дѣлъ Кэстльри, остальные министры удержали свои портфели. Министерство энергично поддерживало Веллингтона; война съ Америкой, вызванная совѣтскими приказами, послѣ борьбы, въ которой удачи и пораженія почти уравновѣшивались, закончилась Гентской конвенціей, подписанной 24 декабря 1814 года. Министерство Ливерпуля.

Въ 1812 году Веллингтонъ взялъ Сіудадъ-Родриго и Бадахосъ, одержалъ побѣду при Саламанкѣ и 12 августа вступилъ въ Мадридъ. Вынужденный отступить къ Португаліи предъ значительной французской арміей, въ 1813 году онъ снова двинулся впередъ, одержалъ побѣду при Витторіи 21 іюня и при Пиренеяхъ. Въ слѣдующемъ январѣ Сультъ очистилъ Байону. Въ октябрѣ Наполеонъ проигралъ битву при Лейпцигѣ и отступилъ за Рейнъ. Союзники вступили во Францію въ январѣ 1814 года. Веллингтонъ пробился чрезъ проходъ Бидассоа, въ февралѣ разбилъ Сульта при Ортецѣ, а въ апрѣлѣ при Тулузѣ. Послѣ блестящей кампаніи противъ русскихъ, австрійцевъ и пруссаковъ Наполеонъ долженъ былъ отречься и въ апрѣлѣ война была закончена. Людовикъ XVIII былъ возстановленъ и границы европейскихъ государствъ были опредѣлены Вѣнскимъ конгрессомъ. Но во время конгресса Наполеонъ въ мартѣ 1815 года бѣжалъ съ Эльбы и только 18 іюня битва при Ватерлоо уничтожила всѣ его Побѣды Веллингтона. Низверженіе Наполеона. Умиротвореніе Европы.

надежды и повела къ второй реставраціи Людовика на условіяхъ, выработанныхъ подъ вліяніемъ Англіи. Въ рѣшеніи различныхъ вопросовъ, возникавшихъ во время борьбы съ Наполеономъ, лордъ Кэстльри и герцогъ Веллингтонъ пользовались значительнымъ вліяніемъ. Англія получила на Вѣнскомъ конгрессѣ Мальту, Іоническіе острова, Гельголандъ, мысъ Доброй Надежды, островъ Маврикія, Цейлонъ, Тринидадъ и Тобаго. Австрійскія Нидерланды и Голландія были соединены подъ властью принца Оранскаго, Норвегія и Швеція тоже подъ властью одного короля; Россія получила большую часть Польши, Пруссіи дали часть Саксоніи, а Австріи Венецію и ея владѣнія; генуэзская республика была отдана Сардиніи. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ англійскимъ представителямъ удалось заставить Францію, Испанію, Португалію и Нидерланды уничтожить работорговлю.

Окончательное умиротвореніе Европы было во многихъ отношеніяхъ неудовлетворительнымъ, но оно было большимъ облегченіемъ для Англіи. Она теперь получила громадное вліяніе въ Европѣ, но иуженъ былъ продолжительный миръ, чтобы можно было заняться удовлетворительнымъ рѣшеніемъ многихъ возникшихъ во время войны вопросовъ.

Армія.

Греттона.

Гарнизонъ Англіи въ 1804 г. Рекрутированіе арміи.

Вскорѣ послѣ Амьенскаго мира Англія, жаждавшая разоруженія, сократила свою армію почти до полнаго ея распущенія и потому при началѣ новой войны съ Франціей она находилась въ крайне опасномъ положеніи. Въ виду угрожавшаго нашествія Наполеона она могла выставить для защиты своей территоріи только сорокъ тысячъ регулярныхъ войскъ. Но министерство благодаря невѣроятнымъ усиліямъ съумѣло въ нѣсколько мѣсяцевъ собрать армію, внушительную по крайней мѣрѣ по ея численности. Отчеты за 1804 годъ показываютъ, что въ Великобританіи было регулярной пѣхоты 75,000 человѣкъ, регулярной кавалеріи 12,000, милиціи 80,000 и іеменовъ и волонтеровъ 343,000. Эти послѣднія могли быть употребляемы только для мѣстной, а не для общей обороны; утверждали, что они поглощали такое количество людей, которые могли бы служить въ арміи или въ милиціи, что рекрутированіе для этихъ послѣднихъ было очень затруднительнымъ. Остроумцы того времени даже говорили, что министерство «не столько снаряжаетъ армію, сколько дѣ-

лаетъ ея снаряженіе невозможнымъ». Уменьшало ли существованіе волонтеровъ число рекрутъ для войска и для милиціи или нѣтъ, трудно сказать; но несомнѣнно, что поддерживать численность арміи во время войны было дѣломъ до крайности труднымъ, хотя послѣ 1808 года требовалось для пополненія урона отъ смертности, отпусковъ и дезертерства всего только двадцать двѣ тысячи рекрутъ ежегодно. Какъ бы предупреждая систему, теперь связывающую милицію съ регулярной арміей, Питтъ соединилъ съ каждымъ линейнымъ полкомъ корпусъ милиціи, который и доставлялъ батальонамъ «пушечное мясо»; этимъ до значительной степени рекрутированіе облегчалось. Въ теченіе двѣнадцати лѣтъ отъ 1803 до 1814 года изъ 270,000 человѣкъ, поступившихъ въ армію, не менѣе 113,000 было волонтеровъ изъ милиціи. Но этого было мало для пополненія ежегодной убыли; армія была непопулярна главнымъ образомъ потому, что людямъ приходилось обязываться служить неопредѣленное время—говоря другими словами, обязываться быть солдатами всю жизнь. Правительство разрѣшило пріемъ въ солдаты мальчиковъ ниже шестнадцатаго возраста въ количествѣ десяти процентовъ; по словамъ Дюпена «понтоны и тюрьмы неоднократно опустошались для пополненія рядовъ арміи», и все таки рекрутъ было такъ трудно набрать, что стоимость каждаго въ 1807 году доходила почти до 40 фунтовъ. Въ этомъ году ввели систему ограниченнаго обязательства, т. е. краткосрочной службы; люди обязывались служить подъ знаменами отъ семи до двѣнадцати лѣтъ съ правомъ возобновлять свое обязательство и потомъ подъ старость получать пенсію. Слѣдствіемъ такой уступки общественному мнѣнію было такое увеличеніе числа рекрутъ въ регулярную армію, что рыночная ихъ цѣна уменьшилась съ сорока до тридцати фунтовъ.

До средины восемнадцатаго вѣка ряды арміи пополнялись исключительно англичанами и жителями нижней Шотландіи. Во время семилѣтней войны Чатамъ открылъ ряды арміи для горныхъ Шотландцевъ и они съ охотой поступали на службу; ирландцы были допущены въ армію «безъ отреченія отъ ихъ вѣрованій и ихъ національности» только въ 1800 году [1]). Они тоже съ радостью поступали въ армію буквально десятками тысячъ; въ первыя четырнадцать лѣтъ девятнадцатаго вѣка Ирландія отдала арміи соединенныхъ королевствъ не меньше ста тысячъ своихъ сыновъ.

Иностранцы въ Англійской арміи.

Во время войнъ восемнадцатаго вѣка въ англійскихъ войскахъ было много иностранцевъ, они составляли въ англійской арміи и отдѣльные иностранные батальоны. Во время наполеоновскихъ войнъ тоже было не мало иностранцевъ въ англійской арміи; въ 1809 году ихъ было тридцать семь тысячъ, въ 1812-мъ количество ихъ дохо-

[1]) Plea for the Peasant—генерала Бутлера.

дило до сорока пяти тысячъ, въ 1813 году изъ 261,000 регулярныхъ воиновъ около 54,000 или больше двадцати процентовъ были иностранцы. Лучшими изъ этихъ иностранныхъ солдатъ были нѣмцы; были отряды французовъ-роялистовъ, швейцарцевъ, грековъ, сицилійцевъ, корсиканцевъ, калабрійцевъ и т. д. Нѣкоторые изъ иностранныхъ батальоновъ составлялись изъ доброкачественныхъ элементовъ, но другіе были нежелательными прибавками къ британской арміи и для своихъ начальниковъ представляли скорѣе источникъ опасности, чѣмъ источникъ силы [1]).

Милиція. По англійскимъ законамъ служба въ милиціи обязательна для каждаго взрослаго; хотя на практикѣ вошло въ обычай довѣрять внутреннюю оборону волонтерамъ, бывали однако времена, когда ряды милиціи пополнялись не волонтерами, а рекрутами. Во время семилѣтней войны Чатамъ пополнялъ ряды милиціи наборами по жребію; во время французскихъ войнъ съ 1792 до 1811 года тоже сохраняли систему жеребьевки—иначе говоря милиція состояла изъ рекрутъ, когда поступленіе волонтеровъ было недостаточно для пополненія ея рядовъ. Въ 1808 году для дополненія регулярной милиціи, которая была обязана служить въ любой части соединеннаго королевства, по жеребьевкѣ собрали новое войско, называемое мѣстной милиціей, не для общей службы, а только для обороны отдѣльныхъ округовъ. Зажиточные люди, поступавшіе по жребію въ мѣстную милицію, не имѣли права ставить за себя замѣстителя, хотя въ регулярной милиціи такое право было имъ предоставлено. Вслѣдствіе злоупотребленій, связанныхъ съ такой системой замѣны, и была отмѣнена система набора по жребію. Общественное мнѣніе возмущалось такими случаями, о которыхъ сообщалось въ отчетѣ 1810 года, когда въ Плимутѣ замѣстителю платили по 60 фунтовъ, когда одного замѣстителя наняли съ условіемъ, чтобы онъ во все время войны получалъ по четыре шиллинга въ день, а третій продался по вѣсу за 7 ш. 3 д. за фунтъ. Послѣ 1811 года милиція набиралась изъ вольныхъ людей при барабанномъ боѣ, а не изъ рекрутовъ, вынужденныхъ служить противъ воли.

Во все время французскихъ войнъ милиція оказала странѣ неоцѣненныя услуги; не только это «конституціонное войско» доставляло почти половину регулярныхъ солдатъ, но оно освобождало линейные полки отъ гарнизонной службы въ королевствѣ и такимъ образомъ дѣлало для нихъ возможной службу заграницей. Чрезъ нѣсколько лѣтъ батальоны милиціи были нисколько не хуже линейныхъ; въ 1814 году большая бригада, составленная исключительно изъ милиціи, была отправлена во Францію для подкрѣпленія Веллингтона; но она

---

[1]) Разсказъ о бунтѣ въ Мальтѣ у Бенбюри: Passages in Great Wor with France.

прибыла слишкомъ поздно и не принимала участія въ послѣднихъ военныхъ дѣйствіяхъ.

Распредѣленіе арміи.

Во время наполеоновскихъ войнъ Англія содержала громадную армію, разсѣянную по лицу земного шара. Такъ въ 1809 году, за шесть лѣтъ до окончанія войны, подъ англійскими знаменами было семьсотъ тысячъ человѣкъ. Гарнизонъ соединенныхъ королевствъ равнялся приблизительно 108,000 регулярной пѣхоты и кавалеріи, 65,000 регулярной милиціи, 200,000 мѣстной милиціи и 190,000 волонтеровъ. Заграницей было кромѣ того сто десять тысячъ регулярныхъ войскъ; изъ нихъ на Средиземномъ морѣ было двадцать двѣ тысячи; да почти столько же въ Вестъ Индіи; въ Индіи, включая войска восточно индійской компаніи въ четыре тысячи европейцевъ, было двадцать четыре тысячи бѣлыхъ, составлявшихъ ядро туземныхъ войскъ. Въ сѣверной Америкѣ было восемь тысячъ солдатъ; гарнизонъ Цейлона состоялъ изъ четырехъ тысячъ, 1300 солдатъ стерегли ссыльныхъ въ Новомъ Южномъ Валлисѣ. На Мадерѣ было 900 человѣкъ, для защиты мыса Доброй Надежды было нужно не менѣе шести тысячъ штыковъ. Кромѣ этаго отряды морскихъ войскъ, полки артилеріи и корпусъ инженеровъ составляли вмѣстѣ около восемнадцати тысячъ человѣкъ; въ Португаліи противъ французовъ боролась небольшая армія въ двадцать двѣ тысячи человѣкъ.

Отношеніе правительства къ войску.

Современное поколѣніе, привыкшее къ заботамъ о солдатахъ, съ трудомъ повѣритъ, насколько невнимательно относилось правительство къ своей арміи на полуостровѣ. Веллингтонъ дѣлалъ что могъ для своихъ солдатъ, но даже его замѣчательная способность къ организаціи не могла сдѣлать ничего въ виду апатіи, съ которой министерство относилось къ войскамъ. Военное министерство посылало ему подкрѣпленія, но припасы получались имъ рѣдко, а деньги еще рѣже, хотя изъ Англіи ежегодно отправлялись милліоны на субсидіи континентальнымъ державамъ, борющимся противъ Наполеона. Часто солдаты не получали жалованья по шести мѣсяцевъ; они дѣлали походы босыми и въ лохмотьяхъ; въ теченіе четырехъ кампаній у нихъ не было палатокъ. Часто они и голодали; за больными ухаживали плохо; госпитали были настолько скудно снабжены всѣмъ необходимымъ, врачей было такъ мало, что часто двѣсти умирающихъ были предоставлены заботамъ одного фельдшера, который и долженъ былъ перевязывать имъ раны и удовлетворять всѣмъ ихъ потребностямъ. Веллингтонъ боролся изо всѣхъ силъ съ такимъ положеніемъ дѣлъ и боролся успѣшно, насколько позволяло ему его вліяніе. Но офицеры даже на глазахъ герцога оставались холодными къ страданіямъ солдатъ и по большей части оставались безнаказанными, и только развѣ случайно подвергались взысканіямъ. Такъ однажды за обѣдомъ Веллингтону сообщили, что на одномъ недалекомъ посту находится значительное число больныхъ солдатъ, лежащихъ прямо

подъ открытымъ небомъ, безъ всякаго крова и приспособленій противъ дурной погоды. Вечеромъ герцогъ отправился въ эту деревушку, осмотрѣлъ больныхъ и разбудилъ офицеровъ въ удобныхъ домахъ, служившихъ имъ квартирами. На его вопросъ, почему больныхъ оставили безъ всякаго призора, командиръ хладнокровно отвѣтилъ, что помѣстить ихъ негдѣ. Самъ герцогъ тогда обошелъ всѣ дома, занятые недостойными офицерами, и назначилъ въ каждую изъ квартиръ по нѣскольку больныхъ, потомъ приказалъ немедленно перенести больныхъ по домамъ. Приказъ былъ принятъ съ такой угрюмостью, что Веллингтонъ на слѣдующую же ночь рѣшилъ снова внезапно посѣтить деревушку; оказалось, что больныхъ снова выгнали на улицу. Ихъ опять помѣстили въ дома, офицеры были арестованы и отправлены въ главную квартиру, гдѣ ихъ и посадили въ карцеръ за неповиновеніе приказу генерала.

Отношеніе офицеровъ къ солдатамъ.

Для смягченія участи солдатъ многое могло быть сдѣлано офицерами, еслибы они смотрѣли за своими частями и защищали ихъ отъ послѣдствій беззаботности, искони свойственной англійскому солдату; но за исключеніемъ гвардіи и легкой дивизіи Крауфурда и немногихъ изъ линейныхъ полковъ, офицеры не заботились о своихъ частяхъ. Дѣйствительно, однимъ изъ самыхъ крупныхъ затрудненій для Веллингтона было заставить своихъ офицеровъ исполнять ихъ долгъ по отношенію къ солдатамъ. Такъ въ сентябрѣ 1812 года въ приказѣ по войскамъ Веллингтонъ «увѣщеваетъ» офицеровъ исполнить тѣ приказанія, которыя онъ недавно отдалъ относительно ежедневнаго осмотра аммуниціи. Черезъ нѣсколько недѣль въ циркулярѣ онъ говоритъ, что при отступленіи отъ Бургоса офицеры сразу утратили всякую власть надъ солдатами и слѣдствіемъ этого были эксцессы, преступленія и неизвинительныя потери, истинной причиной которыхъ слѣдуетъ признать пренебреженіе офицеровъ къ ихъ долгу. И тѣмъ не менѣе несмотря на дурное обращеніе солдаты всегда дрались хорошо. Они отличались замѣчательной храбростью и неоцѣненной неспособностью признать себя побитыми; солдатскія доблести вообще были замѣчательны, но за то и ихъ проступки противъ дисциплины въ первые годы войны были ужасны. Они были пьяницами, грабителями, непослушными людьми; подъ вліяніемъ возбужденія они совершали дикія жестокости, дѣлавшія ихъ болѣе опасными для друзей, чѣмъ для враговъ.

Но въ оправданіе солдатамъ слѣдуетъ сказать, что многіе изъ начальниковъ подавали имъ дурной примѣръ, не только въ Испаніи, но и въ другихъ странахъ. Отчеты военныхъ судовъ доказываютъ, какъ низокъ былъ уровень нравственности среди англійскихъ офицеровъ. Нѣкоторыхъ приговаривали къ карцеру за пьянство на караулѣ, на парадѣ, при исполненіи обязанностей; другихъ за растраты, многихъ удаляли изъ службы за оскорбленіе дѣйствіемъ начальниковъ;

одинъ полковникъ былъ арестованъ за то, что на улицѣ билъ сержанта, одинъ капитанъ за пьянство въ баракахъ вмѣстѣ съ солдатами и за то, что онъ поощрялъ солдатъ совершить ужасное оскорбленіе женщины. Нужно сказать также, что въ Испаніи солдаты были лишены всякаго сдерживающаго вліянія религіи; протестантскихъ пасторовъ въ войскахъ было немного; у католиковъ же, составлявшихъ почти половину арміи Веллингтона, для удовлетворенія ихъ религіозныхъ потребностей не было ни одного священника.

Наказанія

Во всякой арміи дисциплина должна быть строгой и наказанія суровыми, но въ началѣ девятнадцатаго вѣка въ англійской арміи суровость доходила до звѣрства. За исключеніемъ сравнительно рѣдкихъ случаевъ смертной казни, обычнымъ наказаніемъ за всякаго рода преступленія, важныя и мелкія, было бичеваніе и притомъ настолько жестокое, что наши современники съ трудомъ могли бы повѣрить. Военные суды обыкновенно приговаривали солдатъ къ 1500 ударамъ и только въ 1807 году главнокомандующій приказалъ, чтобы наибольшимъ количествомъ ударовъ было 1000. Въ нѣкоторыхъ батальонахъ тѣлесное наказаніе было столь обычнымъ дѣломъ, что къ «треугольникамъ» для наказанія привязывали половину солдатъ. Въ одномъ несчастномъ полку, расквартированномъ въ Индіи, число ударовъ ежемѣсячно въ среднемъ было семнадцать тысячъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ барабанщикамъ, исполнявшимъ обязанности палачей, приказывали медленно отсчитывать до пяти между ударами, чтобы продлить мученіе; при наказаніи присутствовали врачи для подачи помощи несчастнымъ, если съ ними дѣлалось дурно, чтобы потомъ отпустить имъ полное количество ударовъ, къ которому ихъ приговорили. Какъ ни ужасно было тѣлесное наказаніе въ арміи, въ милиціи оно было еще ужаснѣе; тамъ офицеры, малоопытные въ дисциплинированіи солдатъ, пороли ихъ при малѣйшемъ поводѣ. Общественное мнѣніе наконецъ потребовало смягченія наказаній и въ 1812 году новымъ приказомъ по конной гвардіи количество ударовъ, къ которому могли приговаривать военные суды, было ограничено 300; но еще до этаго приказа среди наиболѣе просвѣщеннаго офицерства началась агитація въ пользу реформы. Въ войскахъ, расквартированныхъ по берегамъ Средиземнаго моря, нѣкоторые смѣлые и гуманные командиры начали отступать отъ обычаевъ и отъ строгой буквы военныхъ правилъ; вмѣсто того, чтобы пороть солдатъ за малѣйшій поступокъ, они приговаривали ихъ къ одиночному заключенію съ тяжелымъ трудомъ—и это имѣло хорошія послѣдствія. Но новыя понятія распространялись медленно и во время великой войны порядокъ въ британской арміи поддерживался главнымъ образомъ кошками, хотя въ случаяхъ грабежей Веллингтонъ немилосердно вѣшалъ преступниковъ дюжинами на деревьяхъ вдоль дорогъ. Неудивительно, что люди, набранные изъ низшихъ классовъ населенія,

заражаемые невольнымъ общеніемъ съ преступниками и страдающіе отъ желѣзной дисциплины, въ такихъ случаяхъ, какъ взятіе Бадахоса, нарушали дисциплину и совершали самыя ужасныя злодѣянія.

Тактика. Когда французская революція повела къ общеевропейскимъ войнамъ, въ континентальныхъ арміяхъ обычной тактикой была тактика, введенная Фридрихомъ Великимъ. Линейныя движенія прусской арміи основывались на предположеніи, что солдаты, исполнявшіе ихъ, вполнѣ обучены и дисциплинированы; потому они не годились для рекрутъ революціонныхъ армій и потому французскіе офицеры видоизмѣнили прежнюю аттаку колонной, которую Фридрихъ замѣнилъ аттакой линейной. Вмѣсто того, чтобы пускать въ дѣло громадныя колонны, какъ было въ срединѣ восемнадцатаго вѣка, французскихъ рекрутъ разставляли въ небольшія подвижныя колонны, состоявшія изъ 400 или 500 человѣкъ, и двигали ихъ на врага— причемъ впереди ихъ шли застрѣльщики, задачей которыхъ было прикрывать движеніе колонны посредствомъ быстраго и мѣткаго ружейнаго огня.

Такія колонны двигались въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, чтобы онѣ имѣли возможность развернуться, т. е. образовать боевую линію. Въ томъ случаѣ, если онѣ подвергались нападенію, онѣ развертывались и непрерывно стрѣляли въ приближавшагося врага линейнымъ ружейнымъ огнемъ; если напротивъ врагъ держался оборонительной тактики, солдаты оставались въ колоннѣ и аттаковали въ штыки. Такой строй можно назвать гибкой цѣпью, а линейный строй Фридриха желѣзной полосой; первый требовалъ сравнительно незначительнаго обученія и меньшей стойкости и больше давалъ простора замѣчательной храбрости, самоувѣренности и интеллигентности отдѣльнаго солдата, служившаго подъ знаменами республики; потому онъ оказывался замѣчательно пригоднымъ до тѣхъ поръ, пока французскіе солдаты отличались такими свойствами. Но когда Наполеонъ сдѣлался императоромъ, онъ хотѣлъ замѣнить конскрипціей всеобщую воинскую повинность, введенную во время республики. Зажиточнымъ людямъ было разрѣшено ставить за себя замѣстителей и они съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе пользовались такой привиллегіей; такимъ образомъ въ рядахъ императорскихъ армій сознательные элементы все болѣе и болѣе сокращались. Потомъ ветераны республики начали вымирать; для удовлетворенія постояннаго запроса на людей, вызываемаго кампаніями во всѣхъ частяхъ Европы, начали отправлять въ дѣло мальчиковъ, нервы которыхъ не могли выдерживать напряженія, къ которому привыкли прежніе солдаты. Качество офицеровъ тоже понизилось, потому что и раньше то среди нихъ было сравнительно немного людей, способныхъ командывать батальонами, дравшимися небольшими и изолированными колоннами; по мѣрѣ повышенія такихъ командировъ въ

чинѣ или смерти ихъ, наслѣдники оказывались неспособными слѣдовать ихъ примѣру. Поэтому и по другимъ причинамъ вскорѣ оказалось, что императорскія арміи не могутъ удержать прежній строй республиканскихъ армій; потому, чтобы дать рекрутамъ болѣе увѣренности въ себѣ и для того, чтобы батальонные командиры болѣе были на глазахъ у генераловъ, колонны дѣлали все болѣе и болѣе массивными и слѣдовательно менѣе гибкими. Въ особенности такъ было при Ватерлоо, когда колонны, двинутыя противъ англичанъ, были въ двадцать четыре ряда.

Артиллерійская тактика Наполеона состояла въ томъ, что онъ разставлялъ пушки въ одномъ мѣстѣ и направлялъ ихъ огонь на ту часть позиціи непріятеля, которую онъ намѣревался аттаковать, чтобы прорвать линію и деморализировать и раздавить непріятеля въ этомъ пунктѣ посредствомъ ядеръ раньше, чѣмъ колонны двинутся на него въ штыки. Что касается до кавалерійской тактики, то онъ выдвигалъ ава́нгардъ изъ легкой кавалеріи на сорокъ, пятьдесятъ или даже сто миль отъ главной арміи, такъ что эта кавалерія прикрывала фронтъ и фланги арміи цѣпью движущихся вдоль пути аванпостовъ; такимъ путемъ онъ получалъ свѣдѣнія о позиціяхъ и движеніяхъ непріятеля и не давалъ непріятельскимъ рекогносцировочнымъ отрядамъ приближаться къ его главной арміи. Веллингтонъ не могъ соперничать съ Наполеономъ въ такомъ смѣломъ распоряженіи кавалеріей, такъ какъ правительство скупилось и не давало ему достаточныхъ артиллерійскихъ и кавалерійскихъ отрядовъ. На полуостровѣ свѣдѣнія относительно движеній непріятеля онъ долженъ былъ собирать при посредствѣ своихъ штабныхъ офицеровъ. Они преслѣдовали на разстояніи пушечнаго выстрѣла французскую армію и отмѣчали все видѣнное ими, надѣясь, что скорость ихъ породистыхъ скакуновъ всегда спасетъ ихъ отъ плѣна. Герцогъ, повидимому, никогда не могъ понять значенія концентрированнаго огня большихъ массъ артиллеріи; но главное различіе его тактики отъ наполеоновской все таки состояло въ управленіи пѣхотой. Императоръ всегда аттаковалъ колонной, а герцогъ всегда линіей, и колонны признавалъ пригодными только для маневрированія, а не для боя. И при нападеніи и при защитѣ британскіе солдаты, разставленные въ линію въ два ряда, всегда могли выдержать бой съ вражеской пѣхотой; ихъ стойкость, какъ при защитѣ, такъ и при контръ-аттакахъ, описывается маршаломъ Бюжо, превосходнымъ французскимъ генераломъ, слѣдующимъ образомъ:

«Англичане обыкновенно занимаютъ хорошо избранную оборонительную позицію и проявляютъ только часть ихъ силъ. Сначала обыкновенно начинается артиллерійскій бой. Потомъ съ большой поспѣшностью, не изучивъ позиціи, не имѣя времени сообразить, есть ли у насъ средства для фланговой аттаки, мы двигаемся прямо,

чтобы взять быка за рога. Въ разстояніи тысячи ярдовъ наши солдаты возбуждаются, начинаютъ разговаривать, ускоряютъ свое движеніе; колонна нѣсколько растраивается.

«Англичане стоятъ спокойно и молча, съ заряженными ружьями и кажутся неподвижной длинной красной стѣной. Ихъ стойкость всегда производитъ сильное впечатлѣніе на молодыхъ солдатъ.

«Мы быстро подвигаемся, крича: vive l'Empereur! En avant! à la bayonette! кепи (shakos) надѣваются на дула ружей, колонна двоится, ряды разстраиваются, волненіе становится бурнымъ, по мѣрѣ движенія мы стрѣляемъ.

«Англійская линія остается молчаливой и неподвижной съ поднятыми ружьями даже въ то время, когда мы находимся отъ нея только въ трехстахъ шагахъ; англичане, кажется, не хотятъ замѣчать приближающейся бури.

«Такой контрастъ поразителенъ. Каждому невольно думается, что непріятель давно бы могъ стрѣлять и что огонь, когда онъ начнется, будетъ очень непріятенъ. Наша пылкость хладѣетъ. Нравственная сила стойкости, ничѣмъ несокрушимая (если даже эта стойкость кажущаяся), по сравненію съ безпорядочностью, оглушающей себя шумомъ, невольно поражаетъ насъ. Въ эту то минуту сильнаго возбужденія стѣна англичанъ прицѣливается неописуемое чувство приковываетъ нашихъ солдатъ къ мѣсту; они начинаютъ стрѣлять. Упорные и концентрированные залпы непріятеля разрѣжаютъ наши ряды; смущенные, мы пытаемся возстановить равновѣсіе; тогда три оглушительные ура прерываютъ молчаніе врага; при третьемъ крикѣ они бросаются на насъ, обращая насъ въ бѣгство. Но къ нашему величайшему удивленію они не пользуются своимъ преимуществомъ и не гонятся за нами дальше сотни ярдовъ, а спокойно отступаютъ къ своей позиціи въ ожиданіи новой аттаки».

Стрѣльба.

По мнѣнію генерала Марбо, служившаго въ Испаніи въ штабѣ Массены и Ланна, одной изъ главныхъ причинъ пораженій французовъ въ Испаніи была стрѣльба британской пѣхоты. Онъ признаетъ англичанъ лучшими стрѣлками въ Европѣ, единственными солдатами, которыхъ надлежащимъ образомъ обучаютъ ружейной стрѣльбѣ. Тѣмъ не менѣе, даже принимая во вниманіе несовершенство употребляемаго въ то время оружія, слѣдуетъ признать, что требованія въ то время были невысокими; въ 1804 году объ одномъ стрѣлковомъ отрядѣ говорили: «они превосходные стрѣлки, такъ какъ попадаютъ въ щитъ на 150 ярдовъ». Для обученія стрѣльбѣ солдатамъ выдавали, кажется, только шестьдесятъ зарядовъ въ годъ; легкая кавалерія получала только по пятидесяти на человѣка, а линейныхъ солдатъ и милиціонеровъ считали достаточно подготовленными къ бою, если они выстрѣливали по тридцати зарядовъ въ годъ. Отъ одного квартирмейстера стрѣлковой бригады мы знаемъ, что онъ, будучи рек-

рутомъ, прославился какъ хорошій стрѣлокъ—изъ его первыхъ десяти выстрѣловъ всѣ попали въ щитъ, а двѣ пули попали въ центръ (bullséye); щиты были въ шесть футовъ вышины и два ширины, цѣль была въ восемь дюймовъ въ діаметрѣ, а разстояніе только въ пятьдесятъ ярдовъ—и тѣмъ не менѣе его стрѣльба была признана такой хорошей, что его очень хвалили и капитанъ далъ ему шесть пенсовъ на водку [1]).

Обмундированіе.

Во время испанской войны въ обмундировкѣ произошли значительныя измѣненія. Плотно облекавшіе тѣло мундиры съ тонкими таліями, узкія брюки и короткія штиблеты замѣнили широкіе мундиры, штаны и длинныя застегиваемыя на пуговицы штиблеты, гораздо болѣе практическія, но менѣе красивыя, и такъ долго бывшія мундиромъ британской арміи. Офицеры въ походахъ постепенно замѣнили парадныя шляпы суконными картузами, такъ какъ парадныя шляпы были такъ велики, что края почти доходили до плечъ. Но если величина шляпъ уменьшилась, то мундиры носили такіе длинные, что полы ихъ доставали почти до пятокъ. Портупеи носили вокругъ таліи, а не чрезъ плечо, какъ теперь; волоса носились длинные, что было противно понятіямъ поколѣнія, которому одинъ главнокомандующій говорилъ, что «волосы у солдата не должны быть длиннѣе полъдюйма». Было сдѣлано одно хорошее нововведеніе: къ превеликой радости всѣхъ солдатъ были въ 1808 году уничтожены косички. Одинъ изъ полковъ, отправившійся заграницу какъ разъ въ то время, когда пришелъ этотъ приказъ, съ троекратнымъ ура бросилъ свои косички въ Портсмутскую гавань, другой торжественно закопалъ ихъ въ землю, а третій сжегъ этотъ остатокъ варварской и безсмысленной моды.

Еслибы въ то время уничтожили не одни только косички, а сдѣлали улучшеніе въ распредѣленіи тяжести, которую приходилось таскать на себѣ солдатамъ во время похода, то избѣжали бы многихъ несчастій и спасли бы много жизней. Тяжесть, и безъ того «достаточно большая, чтобы препятствовать свободному движенію пони», распредѣлялась такъ неудобно, что все тѣло было скрючено, голова выдавалась впередъ и движенія сердца были несвободны; говоря словами одного частнаго лица, солдаты были наполовину разбиты раньше, чѣмъ дѣло доходило до сраженія.

Стрѣлокъ Гаррисъ, полковой сапожникъ стрѣлковой бригады, въ его «Воспоминаніяхъ» такимъ образомъ описываетъ тяжесть, которую приходилось таскать солдатамъ въ Испаніи: «кромѣ моего полнаго ранца, на верху его была свернутая шинель, одѣяло и лагерный котелокъ, мѣшокъ, набитый кожей для починки сапогъ, молотокъ и другіе инструменты, сухари и мясо на три дня, манерка съ

[1]) Surtees—Twenty-five Iears in Rifle Brigade.

водой, сѣкира и ружье и 80 зарядовъ въ картечницѣ». Только стрѣлковые полки были вооружены ружьями, другіе полки—мушкетами, обыкновенно называемыми Brown Bess.

Мелкія экспедиціи. 1802—1815.

Побѣды Веллингтона настолько извѣстны, что намъ незачѣмъ говорить о нихъ; англичане были такъ упоены блестящими подвигами своей арміи въ Испаніи, что почти совершенно забываютъ о другихъ мелкихъ экспедиціяхъ. И однако въ исторіи именно этихъ экспедицій есть много поучительнаго, хотя часто и обиднаго для національной гордости. Правда, что нападенія англичанъ на колоніи непріятеля были обыкновенно удачными и присоединили къ британской имперіи колонію мыса Доброй Надежды и островъ св. Маврикія, Гвіану и Санта-Лучіа. Правда, что во время войны 1812—14 года англичане удачно защищали Канаду противъ Соединенныхъ Штатовъ, хотя и не безъ пораженій англійскихъ армій. Но въ Европѣ тѣ компаніи, гдѣ полководцемъ былъ не Веллингтонъ, были если не вполнѣ неудачными, то во всякомъ случаѣ вполнѣ безрезультатными. Даже до битвы при Трафальгарѣ англійскій флотъ былъ настолько силенъ, что могъ охранять перевозку армій въ любое мѣсто на берегахъ Средиземнаго и Сѣвернаго морей — и несмотря на это англичане ничего не сдѣлали. Армія не могла бороться противъ глупыхъ распоряженій правительства въ военномъ дѣлѣ. Министерство и его военные совѣтники были совершенно неспособны составить планъ удачной экспедиціи въ Европу, объяснить генераламъ цѣли этихъ экспедицій и удовлетворить всѣмъ нуждамъ экспедиціоннаго корпуса. Часто въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ командующіе генералы не получали отъ военнаго министерства никакихъ инструкцій и когда наконецъ получались депеши, то онѣ оказывались такъ написанными, что понять ихъ было совсѣмъ невозможно.

Неаполь и Сицилія. 1809.

Въ 1805 году Англія отправила семитысячное войско въ Неаполь, будто бы для помощи неаполитанцамъ и ихъ союзникамъ русскимъ чтобы выгнать изъ Италіи французовъ, а на самомъ дѣлѣ съ тайными приказаніями занять Сицилію, чтобы ей не завладѣлъ Наполеонъ. Командовалъ соединенной арміей англичанъ, русскихъ и неаполитанцевъ Ласи, ирландскій генералъ въ русской службѣ, любопытный образчикъ генераловъ, часто посылаемыхъ континентальными державами противъ Наполеона и его молодыхъ и энергичныхъ маршаловъ. Этотъ почти восьмидесятилѣтній ветеранъ обыкновенно удивлялъ членовъ военнаго совѣта въ Неаполѣ тѣмъ, что во время засѣданій вынималъ свой ночной колпакъ, надѣвалъ его и мирно спалъ, пока подчиненные ему генералы обсуждали положеніе дѣлъ. Но даже и въ старости Ласи сохранялъ горячность, свойственную ирландцамъ, потому что, какъ онъ самъ выражался, «онъ былъ всегда готовъ драться». Но въ эту компанію драться не пришлось. Побѣда при Аустерлицѣ освободила французовъ отъ всякихъ опас-

постей и громадное французское войско съ сѣвера Италіи двинулось противъ союзниковъ. Русскіе отправляли свои войска на Іоническіе острова, англичане отправились въ Сицилію, гдѣ съ разрѣшенія государя Сициліи, неаполитанскаго короля, до 1813 года содержали большой гарнизонъ, расквартированный главнымъ образомъ у Мессинскаго пролива. Можетъ быть, было счастіемъ для союзниковъ, что въ 1805 году имъ не пришлось драться, потому что по пути изъ Англіи оказалось, что въ Мальтѣ, операціонномъ базисѣ англійскихъ войскъ, было мало запасовъ аммуниціи и кремней для ружей. Вообще въ это время заграничныя экспедиціи снаряжались замѣчательно небрежно; у русскихъ, напр., не было денегъ; когда имъ пришлось уходить изъ Неаполя, оказалось, что у нихъ нѣтъ ни провизіи для отправленія на Корфу, ни денегъ, ни кредита у мѣстныхъ торговцевъ. Бёнбюри говоритъ, что они не избѣжали бы плѣна, еслибы англійскій генералъ на свой рискъ не далъ имъ сухарей и не далъ взаймы 25000 фунтовъ.

Въ слѣдующемъ году произошелъ единственный искупающій эпизодъ неудачной борьбы англичанъ въ Италіи, побѣда при Майдѣ. Англійскій генералъ Стюартъ рѣшился сдѣлать внезапный набѣгъ на французовъ, занимавшихъ провинцію Калабрію. Съ быстротой и сохраняя тайну, что было не совсѣмъ обычнымъ дѣломъ въ военной исторіи Англіи, около шести тысячъ человѣкъ были посажены на суда въ Мессинѣ и высажены въ заливѣ св. Евфиміи, близъ деревни Майды, по имени которой и названа побѣда, одержанная англичанами. На слѣдующій день (2 іюля) Стюартъ, оставивъ отрядъ для прикрытія отступленія, двинулся противъ французовъ и встрѣтилъ ихъ въ долинѣ Майды подъ начальствомъ извѣстнаго генерала Ренье. Отрядъ Ренье былъ больше корпуса Стюарта на тысячу человѣкъ и кромѣ того у него было 300 человѣкъ кавалеріи, тогда какъ у англичанъ ее совсѣмъ не было; такъ что вообще шансы были на сторонѣ французовъ.

Оба войска сразу начали аттаку; произошла ожесточенная битва, въ которой смертоносная стрѣльба британской пѣхоты и легкость, съ которой они помѣрились штыками съ наполеоновскими ветеранами, одинаково возбудили удивленіе французовъ. Въ критическую минуту битвы правое крыло Ренье было обойдено, французы начали колебаться и сломились отъ натиска англичанъ, боевыя способности которыхъ они такъ долго презирали. Вслѣдствіе отсутствія конницы Стюартъ не могъ преслѣдовать французовъ и его войско возвратилось къ берегу; тамъ въ этотъ же день случилось происшествіе, очень забавное, но доказывавшее, насколько было развито сознаніе долга среди англійскихъ солдатъ. Бригада купалась въ морѣ, когда прискакалъ штабный офицеръ и закричалъ, что приближается французская кавалерія. Въ одну минуту солдаты выскочили изъ воды,

перебросили черезъ плечи свои портупеи, схватили ружья и построились, не надѣвая одеждъ. Тревога оказалась напрасной, пыль, поднятая стадомъ буйволовъ, обманула зрѣніе юнаго штабнаго офицера.

Побѣда англичанъ не имѣла послѣдствій; черезъ нѣсколько дней они возвратились въ Сицилію; но моральное значеніе этой стычки было громадное: она возродила довѣріе Англіи въ храбрость ея солдатъ и возбудила воинственный духъ, проявившійся потомъ въ экспедиціи Веллингтона въ Испаніи.

Сицилія, какъ операціонный базисъ, повидимому была безполезна, потому что хотя оттуда было отправлено нѣсколько экспедицій, ни одна не имѣла никакого вліянія на борьбу съ Наполеономъ. Гарнизонъ Сициліи прогналъ французскія войска съ Іоническихъ острововъ, но при нападеніи на турокъ въ Египтѣ англичане были отражены съ большимъ урономъ; а ихъ демонстраціи противъ французской арміи на югѣ Италіи были до крайности слабы. Англійскій гарнизонъ Сициліи доставилъ отрядъ, съ которымъ Вилльямъ Бентинкъ въ 1813 году высадился на сѣверовосточный берегъ Испаніи въ надеждѣ произвести диверсію въ помощь Веллингтону нападеніемъ на французовъ въ Каталоніи — проектъ былъ разумный, но исполненъ онъ былъ плохо. Въ слѣдующемъ году Бентинкъ во главѣ англоитальянской экспедиціи собралъ легкіе лавры, отнявъ у слабаго французскаго гарнизона Геную.

Вальхеренъ.

Если военныя операціи въ Италіи и были безплодными, онѣ все таки не были пораженіями, какимъ была Вальхеренская экспедиція, когда отправили большую армію на погибель на зараженные лихорадками острова Шельды. Увеличивающее значеніе Антверпена какъ стоянки французскихъ судовъ давно возбуждало въ Англіи безпокойство; въ 1809 году отправили въ Шельду экспедицію съ инструкціями уничтожить арсеналы и доки Антверпена и Флюшинга. Въ іюлѣ тридцать семь линейныхъ кораблей, двадцать три фрегата, тридцать три шлюпки, восемьдесятъ два пушечныхъ бота и транспортные суда съ 39,000 солдатъ были отправлены въ Батавскій архипелагъ; изъ всѣхъ разсказовъ французовъ очевидно, что еслибы экспедиція немедленно напала на Антверпенъ, то городъ долженъ бы былъ сдаться, такъ какъ въ это время его гарнизонъ былъ очень малъ. Къ несчастію команда надъ арміей была поручена лорду Чатаму, полному ничтожеству, не унаслѣдовавшему энергіи его отца и не имѣвшему способностей его младшаго брата, Вилльяма Питта. Вслѣдствіе ли глупости или вслѣдствіе упрямства онъ совершенно не понялъ инструкціи; вмѣсто того, чтобы внезапно захватить Антверпенъ, онъ сыгралъ въ руку французамъ, теряя драгоцѣнное время въ осадѣ Флюшинга. Его движенія были такъ медленны, что въ теченіе шести дней послѣ паденія этой крѣпости армія продвинулась только на тридцать миль къ ея главной цѣли. Въ теченіе этого времени фран-

цузы сдѣлали Антверпенъ неприступнымъ, а тутъ англійская армія начала погибать отъ лихорадокъ Вальхерена. Официальный журналъ компаніи показываетъ, какъ быстро распространялись среди войскъ лихорадка и гриппъ; 22 августа «болѣзнь начала показываться» и сильно развилась въ теченіе слѣдующихъ двадцати четырехъ часовъ; 25 августа свалилось три тысячи солдатъ, на слѣдующій день болѣзнь развивалась ужасающимъ образомъ; 28-го она достигаетъ ужасныхъ размѣровъ: больныхъ было почти четыре тысячи.

Въ концѣ августа Чатамъ созвалъ военный совѣтъ для обсужденія положенія дѣлъ; было рѣшено отказаться отъ проектовъ относительно Антверпена, оставить отрядъ въ пятнадцать тысячъ на островѣ Вальхеренѣ, а остальную армію немедленно же отослать въ Англію. До исполненія этаго рѣшенія лихорадка унесла много жертвъ; 8 сентября количество больныхъ, считая и отправленныхъ въ Англію, доходило до 10,948, черезъ два дня на островѣ Вальхеренѣ было больныхъ 7300; ихъ такъ трясло, что они едва могли двигаться. Джемсъ, историкъ англійскаго флота, утверждаетъ, что въ началѣ 1810 года въ Англіи было болѣе одиннадцати тысячъ больныхъ лихорадкой.

Одинъ очевидецъ сообщаетъ, что черезъ три недѣли послѣ высадки его батальона въ Вальхеренѣ въ его ротѣ «на ногахъ оставалось только три или четыре человѣка; остальные, ослабѣвшіе какъ дѣти, лежали рядами въ амбарѣ съ кусками чернаго хлѣба, ѣсть который они уже не могли, и стонали». Врачи были завалены работой; двоимъ изъ нихъ приходилось ухаживать за пятистами больными, пока на помощь имъ не были назначены флотскіе врачи—во флотѣ эпидеміи не было. При первой же возможности больныхъ свалили кучами на транспортныя суда и отправили домой; ихъ отпаивали настоемъ хины, которую приготовляли ведрами и давали больнымъ цѣлыми большими стаканами. Въ англійскихъ больницахъ вальхеренцы быстро умирали; одинъ счастливецъ, которому удалось выздоровѣть, лежалъ въ комнатѣ съ одиннадцатью кроватями; «съ своей кровати, стоявшей въ углу—разсказываетъ онъ—я наблюдалъ, что комната наполнялась десять разъ; паціентовъ всѣхъ отнесли въ могилу». Наконецъ признали невозможнымъ держать гарнизонъ въ такомъ зараженномъ мѣстѣ и до Рождества его окончательно очистили. Въ этой несчастной компаніи погибло семь тысячъ человѣкъ, убитыхъ климатомъ, а не врагами, и почти половина выжившихъ вернулась въ Англію съ навсегда потерянным здоровьемъ.

Отступленіе Мура.

1809 годъ былъ памятнымъ для англійской арміи: осенью Вальхеренская несчастная экспедиція, лѣтомъ побѣда Веллингтона при Талаверѣ, въ январѣ отступленіе Мура чрезъ Испанію и его блестящая битва при Корунѣ. При этомъ знаменитомъ отступленіи войска ужасно страдали отъ холода, голода и утомленія; дисциплина часто

нарушалась, но храбрость никогда не покидала солдатъ; солдаты, которыхъ рѣшительные командиры, вродѣ Крауфурда, сѣкли за неповиновеніе почти на глазахъ непріятеля, на полѣ битвы всегда храбро исполняли свой долгъ съ спинами, окровавленными отъ ударовъ кошки.

Женщины въ арміи.

Во время походовъ британскихъ армій за ними слѣдовало множество женъ и семей солдатъ. При походѣ Мура многія попали въ руки французовъ; Марбо говоритъ, что въ одномъ амбарѣ нашли не меньше тысячи или тысячи двухсотъ англійскихъ женщинъ и дѣтей; почти всѣ очень красивыя, онѣ были слишкомъ истощены, чтобы слѣдовать за арміей и потому были оставлены на милость врага. Другимъ удалось достигнуть берега и вернуться домой послѣ удивительныхъ приключеній, прекрасно описанныхъ въ уже цитированной нами книгѣ: «Воспоминанія стрѣлка Гарриса».

Экспедиція Крауфурда въ Чили.

Офицеры также часто брали въ походъ женъ и дѣтей. Когда въ 1806 году Крауфурда назначили начальникомъ небольшей дивизіи, отправленной противъ испанцевъ въ Чили, онъ съ трудомъ убѣдилъ своихъ офицеровъ оставить семьи въ Англіи. Разсказъ объ этой экспедиціи доказываетъ, насколько медленно снаряжались заморскія экспедиціи въ началѣ настоящаго столѣтія. Англія, повидимому, также мало дорожила временемъ, какъ и здоровьемъ своихъ воиновъ. Пятитысячное войско Крауфурда было посажено на суда въ концѣ іюля, но только въ серединѣ ноября оно получило приказъ отплыть изъ Фальмута. Первой его стоянкой былъ С.-Яго, одинъ изъ острововъ Зеленаго Мыса; тамъ войско оставалось четыре недѣли въ ожиданіи приказаній; пришелъ наконецъ приказъ идти къ колоніи мыса Доброй Надежды, куда войско и прибыло въ серединѣ марта 1807 года. Съ истинно національнымъ незнаніемъ географіи, флотъ бросилъ якорь въ False Bay; тутъ оказалось, что нельзя достать ни хлѣба, ни воды и флотъ перебрался въ Капъ-Тоунъ. Тамъ Крауфурдъ получилъ приказъ спѣшить, но не къ Чили, а къ рѣкѣ Плато, на восточномъ берегу южной Америки; къ серединѣ іюня, послѣ почти одиннадцатимѣсячнаго плаванія, утомленный отрядъ высадился близъ Монтевидео. Тамъ онъ нашелъ другой значительный отрядъ, отправленный изъ Англіи для освобожденія изъ рукъ колонистовъ 1400 британскихъ солдатъ; они попали въ плѣнъ къ испанцамъ въ 1806 году при дерзкой и неразрѣшенной правительствомъ попыткѣ адмирала Гома Попгама. Въ началѣ 1806 года Попгамъ, конвоировавшій экспедицію Бэйрда въ колонію мыса Доброй Надежды, вздумалъ завоевать испанскія колоніи на рѣкѣ Плато. Онъ убѣдилъ Бэйрда дать ему 1500 солдатъ и, не получивъ никакихъ приказаній изъ Англіи, переплылъ Атлантическій океанъ и высадилъ войско близъ Буйносъ Айреса. Сначала командиръ отряда Бересфордъ гналъ испанцевъ, но

потомъ они оправились и такъ стѣснили его, что онъ былъ вынужденъ сдаться со всѣмъ своимъ отрядомъ.

Экспедиція въ Буйносъ-Айресъ.

Вскорѣ послѣ прибытія Крауфурда армія начала походъ къ Буйносъ Айресу (іюль 1807 года); но къ несчастію командующимъ былъ генералъ Уитлокъ, человѣкъ, неспособность и трусость котораго погубили экспедицію. Послѣ нѣсколькихъ переходовъ по равнинамъ, гдѣ кишѣли испанскіе наѣздники, захватывавшіе своими лассо всѣхъ отставшихъ, войско прибыло къ Буйносъ-Айресу; сами испанцы потомъ говорили, что еслибы англичане сразу аттаковали городъ, онъ долженъ бы былъ сдаться. Но Уитлокъ такъ долго колебался, что жители имѣли возможность укрѣпить городъ. Крыши домовъ Буйносъ Айреса были плоскія, съ парапетами кругомъ нихъ, оконъ было немного и ихъ забаррикадировали, двери домовъ были очень толсты и крѣпки. Всякая женщина, даже всякій ребенокъ могли спустить курокъ ружья, выставленнаго въ отверстіи; каждый домъ превратился въ крѣпость, на улицахъ провели траншеи, на опасныхъ мѣстахъ поставили пушки. По какой то необъяснимой причинѣ Уитлокъ приказалъ снять кремни у мушкетовъ; онъ хотѣлъ, чтобы на улицахъ его солдаты дрались вооруженные только пиками, а не огнестрѣльнымъ оружіемъ. Солдатъ отправляли въ городъ небольшими отрядами, неимѣющими никакой связи одинъ съ другимъ, безъ приказаній, безъ подкрѣпленій, безъ орудій для разбиванія дверей, за которыми стояли обыватели и стрѣляли въ англичанъ. Понятно, что аттака неудалась. Изъ офицеровъ было убито или ранено семьдесятъ человѣкъ, изъ солдатъ раненныхъ или убитыхъ было тысячу, да 1500 взято въ плѣнъ; испанцы взяли 1500 мушкетовъ и не меньше трехъ знаменъ. Уитлокъ вмѣсто того, чтобы на другой день возобновить нападеніе, согласился удалиться отъ рѣки Плато, если испанцы освободятъ плѣнниковъ. Войска, негодовавшія на пораженіе, были отправлены въ Англію, Уитлока судили военнымъ судомъ и приговорили къ разжалованію.

Послѣ цѣлаго ряда такихъ неудачъ было неудивительно, что подвиги Веллингтона въ Испаніи привели англичанъ въ восхищеніе. Если въ восемнадцатомъ вѣкѣ въ Англіи было только три великихъ полководца: Марльборо, Вольфъ и Клайвъ, то во время продолжительной борьбы съ Франціей Веллингтонъ былъ единственнымъ изъ генераловъ, заслуживавшимъ названіе настоящаго полководца.

Флотъ.

Лэйрда—Клоуэса.

При возобновленіи войны съ Франціей въ 1803 году первымъ лордомъ адмиральтейства былъ лордъ С. Винцентъ, командовавшій

флотомъ въ Средиземномъ морѣ въ теченіи четырехъ лѣтъ до 1799 года. Онъ отличался въ этой командѣ, какъ одинъ изъ лучшихъ организаторовъ своего времени и довелъ до высшей степени совершенства тотъ флотъ, которымъ потомъ Нельсонъ удивилъ міръ; но его управленіе адмиралтействомъ было неудачнымъ. Онъ несвоевременно занялся реформой доковъ и экономничалъ въ мелочахъ; несомнѣнно, что такая система дѣлала для Нельсона борьбу особенно трудной. Наслѣдникъ С. Винцента былъ тоже человѣкомъ не особенно пригоднымъ въ такую минуту. Генрихъ Мельвиль былъ честнымъ человѣкомъ, и тѣмъ не менѣе заключаемые имъ контракты на поставки для флота были такого рода, что его предали суду; правда, онъ былъ оправданъ по всѣмъ десяти выставленнымъ противъ него обвиненіямъ, но ему пришлось оставить адмиралтейство человѣкомъ компрометированнымъ. Еслибы капитаны не были въ эту критическую минуту англійской исторіи людьми болѣе сильными, чѣмъ администраторы, положеніе Англіи было бы очень тяжелымъ.

Усовершенствованія во флотѣ.

Общее состояніе флота во время наполеоновскихъ войнъ было почти такимъ же, какъ и во время революціонныхъ войнъ, но отъ времени до времени производили нѣкоторыя реформы во флотѣ. Напримѣръ въ 1806 году увеличили жалованья и пенсіи; въ 1809 году морскимъ солдатамъ тоже дали нѣкоторыя поощренія; въ томъ же году королевское морское убѣжище было окончательно устроено, что обезпечило судьбу сиротъ и дѣтей служащихъ во флотѣ.

Усовершенствованія матеріальной части флота были болѣе значительными. Спасительный ботъ, изобрѣтенный Генрихомъ Гритгидомъ изъ Соутъ-Шильдса, былъ усовершенствованъ и введенъ во всеобщее употребленіе на всемъ побережьи Англіи. Изобрѣтатель получилъ отъ общества искусствъ золотую медаль и пятьдесятъ гиней, отъ парламента 1200 фунтовъ, а кромѣ того награды отъ Тринити-Гоуза и Ллойда—и тѣмъ не менѣе приходится сказать, что его заслуги не были достаточно оцѣнены. Слѣдуетъ отмѣтить также изобрѣтеніе подвижного киля (Sliding kiel) капитаномъ Джономъ Шэнксомъ. Во время войны постоянно пользовались кораблями съ такимъ килемъ; значеніе этаго изобрѣтенія состояло въ томъ, что мелко сидящіе корабли могли плыть быстрѣе, легче было управлять ими, быстрѣе можно было снаряжать ихъ, удобнѣе ставить на якорь и съ меньшимъ рискомъ вытаскивать на берегъ. Дополненіемъ изобрѣтенія Гритгида былъ спасательный аппаратъ капитана Манби. Это былъ прототипъ современнаго аппарата; онъ состоялъ изъ ядра, привязываемаго къ снуру (line) и выбрасываемаго изъ мортиры такимъ образомъ, чтобы снуръ протягивался надъ разбитымъ кораблемъ, находящимся недалеко отъ мѣста разряда мортиры. Но въ эту эпоху деревянныхъ судовъ опасность пожара навряд-ли была меньше опасности отъ воды; лейтенантъ Джекайль въ 1811 году усовершен-

ствовалъ переходъ отъ простой ручной помпы, въ то время употреблявшейся на корабляхъ, къ сильной паровой машинѣ, выбрасывающей столбъ воды выше главной мачты двадцатипушечнаго корабля. На кораблѣ Royal William работали этой новой помпой семь человѣкъ, машина выбрасывала воду на 76 футовъ вертикально, и на 108 футовъ по діагонали; но результаты были еще лучше, когда воду трехъ помпъ соединили въ одномъ пріемникѣ съ одной трубой. Такую машину поставили на корабляхъ Venerable и Tigre и было предписано поставить ее и на всѣхъ военныхъ корабляхъ, когда они будутъ на стоянкѣ для исправленія.

Составъ флота.

Въ 1803 году на флотъ было ассигновано 10.211,357 фунтовъ; матросовъ и морскихъ солдатъ въ послѣдніе мѣсяцы этого года было сто тысячъ. Въ послѣдній годъ войны ассигновка на флотъ дошла до 19.032,700 фунтовъ, наибольшее количество матросовъ и морскихъ солдатъ было девяносто тысячъ. Но въ нѣкоторые годы количество людей было большимъ. Напримѣръ, въ 1812 году ихъ было 145,000. Число офицеровъ отъ 1803 до 1815 года значительно увеличилось. Адмираловъ вмѣсто 45 было 70, вице-адмираловъ вмѣсто 36—73, контръ-адмираловъ вмѣсто 51—76, капитановъ вмѣсто 668—824, командировъ вмѣсто 413—762, лейтенантовъ вмѣсто 2480—3211, штурмановъ вмѣсто 529—666. Пропорціонально этому увеличилось и число кораблей. Въ началѣ 1703 года линейныхъ кораблей было 172, въ 299,350 тоннъ, въ началѣ 1815 года ихъ было уже 214, въ 389,961 тоннъ. Увеличеніе числа другихъ кораблей было еще большимъ. Число фрегатовъ увеличилось съ 184 до 245; въ 1803 году всѣхъ крессирующихъ судовъ было только 546, въ 516,978 тоннъ, а въ 1815 году ихъ было уже 792, въ 716,805 тоннъ. Наибольшее число судовъ было въ 1813 году, ихъ было тогда 919, въ 797,204 тоннъ; въ этомъ году было кромѣ того 99 транспортныхъ судовъ, провіантскихъ и т. п., такъ что все число кораблей королевскаго флота доходило до 1000, въ 869,954 тонны. Въ теченіе двѣнадцати лѣтъ англійскій флотъ посредствомъ захвата иностранныхъ судовъ увеличился на 33 линейныхъ корабля и 68 фрегатовъ, кромѣ громаднаго количества мелкихъ судовъ; количество же кораблей, не принятыхъ потомъ во флотъ, а захваченныхъ и уничтоженныхъ англичанами, доходило до 36 линейныхъ и 70 фрегатовъ.

Церковь

Гёттона.

Міряне.

Въ началѣ девятнадцатаго столѣтія церковь вполнѣ воспользовалась всѣми выгодами евангелическаго движенія. Теперь энтузіазмъ

не считался болѣе безнравственнымъ или неприличнымъ. «Спиритуальное донъ-кихотство», это любопытное выраженіе цинизма, притворявшагося ортодоксіей, замѣнилось серьезнымъ обращеніемъ къ вѣрующимъ со стороны писателей, бывшихъ истинными христіанами, вродѣ Вилльяма Вильбефорса и Анны Моръ. Вліяніе церкви гораздо болѣе проявлялось теперь въ жизни мірянъ, чѣмъ въ оффиціальныхъ заявленіяхъ духовенства. Джонсонъ даже болѣе былъ преданъ искреннему и набожному церковничеству, чѣмъ торизму. Анна Моръ была соединительнымъ звеномъ между вѣкомъ великаго лексикографа и новой эпохой такихъ людей, какъ Маколей и Фриманъ; въ ея церковническомъ настроеніи соединялись начала, бывшія дѣятельными въ оба эти періода. Анна Моръ въ теченіе всей ея долгой и дѣятельной жизни пользовалась для защиты христіанства и личнымъ примѣромъ, и народными балладами, и теологическими статьями, и даже отвратительнымъ орудіемъ дидактической повѣсти. Она была церковницей по преимуществу. Объ установленной церкви она думала такъ, какъ думали Попъ о мірозданіи, а герцогъ Веллингтонъ о британской конституціи до реформы:

„Я не думаю, чтобы наша церковь нуждалась въ улучшеніи,
Но я думаю, что она нуждается въ посѣщеніи“.

Имя Анны Моръ было популярнымъ во всей Англіи. Вліяніе Вилльяма Вильбефорса было еще болѣе поразительнымъ. Онъ былъ политическимъ человѣкомъ съ дней своей юности, близкимъ другомъ Вилльяма Питта и вліятельнымъ совѣтникомъ многихъ государственныхъ людей. Но онъ былъ болѣе извѣстенъ всему міру, какъ горячій и неутомимый борецъ за уничтоженіе рабства и какъ единственный изъ государственныхъ людей того времени, ставившій религію выше всѣхъ другихъ соображеній. Какъ основатель и покровитель многихъ религіозныхъ обществъ, какъ искренній филантропъ, какъ популярный религіозный писатель,—его «Практическій взглядъ» несомнѣнно былъ лучшимъ отраженіемъ религіознаго настроенія общества конца восемнадцатаго вѣка,—онъ представляетъ лучшій примѣръ практическаго вліянія евангелизма въ лонѣ установленной церкви. Міряне начала девятнадцатаго вѣка воспитывались подъ вліяніемъ методистскаго движенія и слѣдствія этого религіознаго возрожденія сказались у многихъ, которыхъ никоимъ образомъ нельзя назвать евангелистами. Соутей, Вордсвортъ и Кольриджъ, каждый по своему, были глубоко затронуты религіознымъ настроеніемъ эпохи и это настроеніе безспорно было вызвано въ обществѣ евангелизмомъ. Съ другой стороны, Вальтеръ Скоттъ былъ однимъ изъ людей, значительно повліявшихъ на возрожденіе симпатіи къ историческимъ традиціямъ и къ среднимъ вѣкамъ.

Церковь освободилась отъ слѣпой преданности къ какой либо

политической партіи. Въ числѣ епископовъ были и тори и виги. Если евангелическая партія и была сильно заражена новымъ консерватизмомъ, бывшимъ протестомъ противъ революціи, то приходское духовенство сильно склонялось къ здоровому виггизму. Парръ былъ большимъ почитателемъ Карла Джемса Фокса; онъ рѣшился сказать: «надѣюсь, сэръ, что и по вашему мнѣнію нашей церкви нисколько не повредитъ немного республиканства». Церковь и политика.

Сила церковническаго настроенія въ странѣ зависѣла отъ поддержки выдающихся и добросовѣстныхъ мірянъ. Было бы невозможно въ виду того, что имѣются достаточныя доказательства о способностяхъ и превосходной жизни многихъ епископовъ, признать епископовъ недостойными занимаемаго ими положенія. Но скандалы правительственнаго патроната еще не были уничтожены, существовали не только цѣлыя поколѣнія «епископовъ изъ греческой комедіи», но и многіе послѣдователи Гоадли, «мертвеннымъ латитудинаріанствомъ» котораго Вильбефорсъ объяснялъ худшія свойства епископата, проявлявшіяся въ этомъ вѣкѣ. Безспорно, что еще и теперь отсутствіе нравственнаго горячаго убѣжденія характерно для ученій, раздающихся съ кафедры. Даже церковники признаютъ это и сожалѣютъ о такомъ отсутствіи [1]). Епископы.

Положеніе церковничества въ университетахъ представляетъ лучшій примѣръ общаго настроенія. Деканъ церкви Христовой, Кирилъ Джаксонъ, былъ болѣе, чѣмъ епископъ — онъ былъ дѣлателемъ епископовъ, такъ какъ правительство совѣтывалось съ нимъ о каждомъ назначеніи. И однако онъ едва ли былъ настоящимъ церковникомъ. Его наслѣдникъ извѣстенъ главнымъ образомъ тѣмъ, что онъ появлялся при ежедневномъ богослуженіи только предъ молитвой св. Іоанна Богослова. Вообще, по словамъ Томаса Джефферсона Гогга, въ университетахъ была «атмосфера холодныхъ, непоучительныхъ разсужденій, доказательствъ, вѣроятностей, возможностей и цѣлаго груза холоднаго раціонализма». Такова была среда, противъ которой возмущался Шелли и въ которой воспитывалось то духовенство, которое описано Дженъ Аустенъ.

Наука

Уиттакера.

Съ начала девятнадцатаго вѣка увеличеніе научныхъ открытій идетъ ускореннымъ темпомъ. Появляются также и новыя научныя

---

[1]) См. Secular Essay (1802)—Бревстера, викарія въ Стоктонъ на Тисѣ.

теоріи, повышающія уровень новыхъ наукъ. Въ описываемый краткій двѣнадцатилѣтній періодъ въ химіи создается атомистическая теорія, въ оптикѣ происходитъ возрожденіе колебательной теоріи въ такой формѣ, что признаніе ея было только вопросомъ времени. Механическая теорія теплоты подготовляется накопленіемъ фактовъ, окончательно ниспровергавшихъ ученіе о вещественномъ теплородѣ. Появляются новыя ботаническія классификаціи; въ физіологіи нервной системы было сдѣлано открытіе, по своему значеніе болѣе, чѣмъ какое либо изъ открытій въ сферѣ физіологіи, сдѣланныхъ въ промежутокъ времени съ открытія кровообращенія, приближавшееся къ этому великому открытію Гарвея.

Астрономія Гершель.

Въ астрономіи важныя открытія сдѣланы Вильямомъ Гершелемъ (1738—1822), который родился въ Гановерѣ, но большую часть своей жизни прожилъ въ Англіи. Рядомъ съ нимъ мы должны напомнить и о его сестрѣ Каролинѣ Гершель (1750—1848), не только помогавшей ему въ астрономическихъ наблюденіяхъ, но и открывшей самостоятельно нѣсколько кометъ и нѣкоторыя изъ туманныхъ пятенъ, включенныхъ въ каталогъ ея брата. Самое замѣчательное изъ открытій Гершеля—это открытіе планеты Урана, сдѣланное имъ при помощи усовершенствованнаго телескопа въ 1781 году. Въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ математики занимались вычисленіемъ его орбиты. Результатомъ было то, что ни одно изъ предположеній не объясняло наблюденій, за исключеніемъ предположенія, что Уранъ есть планета. При этомъ же предположеніи движенія Урана оказывались вполнѣ согласующимися съ теоріей Ньютона. Это была первая новая планета, прибавленная къ семи старымъ планетамъ. Гершель продолжалъ свои наблюденія надъ Ураномъ и открылъ нѣкоторые изъ его спутниковъ. Изъ другихъ его наблюденій, наблюденія надъ двойными звѣздами имѣютъ особую важность, какъ давшія новыя доказательства закона всемірнаго тяготѣнія. Въ рядѣ статей, представленныхъ Гершелемъ Королевскому обществу съ 1784 по 1818 годъ, онъ опредѣлилъ положеніе солнца среди неподвижныхъ звѣздъ.

Химія. Дальтонъ.

Химія была вновь создана Лавуазье, который примѣнилъ открытія Бристлея и Кавендиша для опроверженія теоріи флогистона и для выработки новой химической теоріи. Первый мемуаръ Лавуазье о его новой теоріи появился въ 1775 году. Въ своемъ Traité Elementaire de Chimie (1789) онъ составилъ временный списокъ химическихъ элементовъ на основаніи его теоріи. Новое важное открытіе въ теоріи химіи было сдѣлано Джономъ Дальтономъ (1766—1844), сообщившимъ свои предположенія своему другу Томсону въ 1804 году. Дальтонъ большую часть своей жизни былъ учителемъ математики въ Манчестерѣ. Раньше, чѣмъ онъ занялся химіей, онъ уже много сдѣлалъ для физики. Первые зародыши его атомистической теоріи изложены имъ въ статьѣ: «О составѣ смѣшанныхъ газовъ», читанной

имъ въ Манчестерскомъ литературномъ и философскомъ обществѣ въ 1811 году. Будучи пораженъ той идеей, что старая атомистическая гипотеза примѣнима въ физикѣ, онъ рѣшился примѣнить ее и къ химіи, и въ этой дисциплинѣ придалъ гипотезѣ такую форму, что наиболѣе общіе изъ законовъ, даваемыхъ опытомъ, могли быть выведены изъ этой гипотезы. До Дальтона представленія объ эквивалентности различныхъ количествъ различныхъ элементовъ и объ ихъ соединеніи въ опредѣленныхъ пропорціяхъ уже были до извѣстной степени ясно формулированы. Дальтонъ, формулируя законы эквивалентности и опредѣленныхъ пропорцій съ полной точностью, показалъ, что эти законы могутъ быть объяснены предположеніемъ, что вещество состоитъ изъ атомовъ, т. е. частицъ, можетъ быть и не недѣлимыхъ, но при химическихъ процессахъ недѣлимыхъ. Атомы, или конечныя частицы элементовъ, обладаютъ опредѣленнымъ вѣсомъ, неизмѣннымъ для каждаго изъ элементовъ. Отношенія этихъ вѣсовъ могутъ быть выражены цифрами. При соединеніи элементовъ для образованія составного тѣла происходитъ соединеніе атомовъ въ группы, тожественныя по числу и характеру составляющихъ ихъ атомовъ. Эти молекулы, или группы атомовъ и составляютъ конечныя единицы составного тѣла до тѣхъ поръ, пока оно химически не измѣняется. Химическое разложеніе предполагаетъ перераспредѣленіе атомовъ. Изъ такого представленія объ атомахъ необходимо слѣдуютъ и эквивалентность извѣстнаго количества одного элемента съ извѣстнымъ количествомъ другого, и опредѣленныя пропорціи элементовъ въ составномъ тѣлѣ. Законъ о сложныхъ пропорціяхъ вытекаетъ изъ способности атома извѣстнаго элемента соединяться съ однимъ, двумя или болѣе атомами другихъ элементовъ.

Первый послѣдователь теоріи Дальтона, Томсонъ, изложилъ ее въ третьемъ изданіи: «Системы химіи» (1807). Самъ Дальтонъ сообщилъ ее публикѣ въ «Новой системѣ химической философіи» (томъ 1-й 1808). Какъ всегда бываетъ съ великими научными теоріями, нѣкоторыя стороны химической теоріи Дальтона болѣе или менѣе смутно излагались и раньше, но до него никто не пользовался теоріей для систематизаціи всѣхъ несвязанныхъ раньше химическихъ обобщеній. Новая теорія была быстро принята химиками и до сихъ поръ составляетъ основаніе этой научной дисциплины.

Въ то время, какъ Дальтонъ занимался выработкой своей теоріи, экспериментальная химія получила новый импульсъ вслѣдствіе открытій въ электрологіи. Въ 1790 году Гальвани открылъ движенія членовъ мертвой лягушки подъ вліяніемъ прикосновенія двухъ различныхъ металлическихъ пластинокъ. Это наблюденіе создало новую отрасль электрологіи. Въ 1800 году Вольта закончилъ свое открытіе электрическаго столба, имѣвшаго цѣлью усиленіе дѣйствія новаго рода электричества посредствомъ увеличенія количества мета-

лическихъ пластинокъ, соприкасающихся съ жидкостью, химически на нихъ дѣйствующей. Въ томъ же году Никольсонъ и Карлиль открыли, что вода разлагается посредствомъ Вольтова столба. Это открытіе послужило точкой отправленія для электрохимическихъ изысканій Гумфри Дэви (1778—1829).

Электрологія и химія. Дэви.

Дэви началъ свои опыты въ 1800 году. Въ 1807 году ему удалось разложить поташъ на кислородъ и металлъ потассій. За этимъ послѣдовало разложеніе соды и щелочей. Въ статьѣ, прочитанной въ Королевскомъ обществѣ въ 1806 году, Дэви сдѣлалъ заключеніе, что «электро-химическія комбинаціи и разложенія объясняются законами электрическихъ притяженій и отталкиваній» и утверждалъ, что «химическія и электрическія притяженія производятся одной и той же причиной, въ одномъ случаѣ дѣйствующей на частицы, а въ другомъ на массы». Такимъ образомъ наиболѣе важные его опыты были произведены послѣ развитія его теоретическихъ положеній. Въ связи съ этими опытами онъ продолжалъ разрабатывать свою электрохимическую теорію, на основаніи которой нѣкоторые изъ элементовъ обладаютъ положительно-электрическими свойствами, а другіе отрицательно—электрическими. Позже это положеніе было развито Фарадеемъ.

Теорія теплоты.

Изысканія Дэви относительно теплоты имѣютъ особое значеніе, какъ подготовлявшія выработку механической теоріи. Въ статьѣ, изданной въ 1798 году, онъ пытается опровергнуть ученіе о веществомъ теплородѣ, указывая на появленіе теплоты при треніи въ количествѣ, совершенно необъяснимомъ общепринятой тогда теоріей. Изслѣдованія о теплотѣ, сдѣланныя въ томъ же направленіи, составляютъ значительную часть изысканій Веніамина Томсона (1753—1814), наиболѣе извѣстнаго подъ именемъ графа Румфорда.

Румфордъ.

Имена Дэви и Румфорда связаны не только одинаковымъ направленіемъ и результатами ихъ изысканій о теплотѣ, но и ихъ отношеніями къ Королевскому Институту. Въ 1799 году графъ Румфордъ и Джозефъ Банксъ составили проектъ учрежденія Королевскаго Института; въ 1800 году Институтъ получилъ свою хартію и Румфордъ избралъ Дэви первымъ профессоромъ Института. Новые законы лучистой теплоты были установлены Джономъ Лесли (1766—1832) въ его «Опытномъ изслѣдованіи сущности и распространенія теплоты» (1804). Лесли склоняется къ отрицанію «теплородной и холодящей жидкости» и утверждаетъ, что истинная теорія есть какая либо форма колебательной теоріи. Въ 1805 году онъ наслѣдовалъ отъ Плэйфейра кафедру математики въ Эдинбургѣ. Теологи тщетно протестовали противъ его назначенія на томъ основаніи, что онъ относительно причины и слѣдствія держится взглядовъ Юма. Этотъ протестъ теологовъ былъ поводомъ защиты ученія Юма о каузальности Тамасомъ Броуномъ.

Важныя открытія въ химіи и физикѣ были сдѣланы Вилльямомъ Гайдомъ Волластономъ (1766—1828), внукомъ писателя объ этикѣ Вилльяма Волластона. Въ частности Волластонъ открылъ множество новыхъ металловъ, изобрѣлъ отражательный гоніометръ (инструментъ для измѣренія угловъ) и камеру люциду; онъ открылъ также темныя линіи въ солнечномъ спектрѣ и первый сдѣлалъ платиновые тигли пригодными для работы въ лабораторіяхъ. Онъ одинъ изъ первыхъ защищалъ атомистическую химическую теорію. Онъ самъ былъ близокъ къ открытію дальтоновскаго закона сложныхъ пропорцій; но съ точностью въ опытахъ онъ соединялъ спекулятивную осторожность, помѣшавшую ему дѣлать новыя оригинальныя обобщенія. Волластонъ.

Конечно, здѣсь невозможно даже упомянуть о всѣхъ важныхъ изслѣдованіяхъ, сдѣланныхъ въ этомъ періодѣ; но слѣдуетъ отмѣтить «Изслѣдованіе о росѣ» (1814). Уэльса, какъ о классическомъ образцѣ примѣненія индуктивнаго метода. Уэльсъ различными опытами доказалъ, что осажденіе росы вполнѣ объясняется предположеніемъ охлажденія тѣлъ, на которыхъ садится роса, посредствомъ излученіи тепла до температуры, при которой водяные пары въ воздухѣ не могутъ оставаться въ газообразномъ состоянія. Теорія росы Уэльса.

Замѣчательнѣйшимъ физикомъ этого періода былъ Томасъ Юнгъ (1773—1829). Онъ былъ человѣкомъ очень разностороннимъ. Онъ былъ практическимъ врачемъ и сдѣлалъ важныя физіологическія изысканія о давленіи крови. Онъ былъ товарищемъ Дэви въ Королевскомъ институтѣ, съ 1802 года онъ былъ иностраннымъ секретаремъ Королевскаго общества. Уже въ 1814 году онъ дешифровалъ нѣкоторые изъ египетскихъ гіероглифовъ и издалъ работу по этому предмету въ 1823 году. Но главной его заслугой было то, что онъ далъ колебательной теоріи свѣта прочное основаніе въ опытѣ и вычисленіи. Теорія, что свѣтъ есть колебательное движеніе эфира, наполняющаго вселенную, уже и раньше защищалась Гукомъ и Гюйгенсомъ, но теорія была невыработанной; авторитетъ Ньютона заставилъ ученыхъ принять эмиссіонную теорію свѣта, на основаніи которой свѣтъ состоитъ изъ частицъ, выбрасываемыхъ свѣтящимися предметами. Слѣдуетъ, впрочемъ, помнить, что Ньютонъ не былъ совершенно чуждъ понятія объ эфирѣ. Гюйгенсу удалось объяснить нѣкоторыя свѣтовыя явленія лучше Ньютона, но его свѣтовая теорія не объяснила многихъ другихъ явленій, такъ какъ онъ считалъ колебанія свѣтоноснаго эфира продольными, т. е. происходящими по направленію луча, подобно воздушнымъ колебаніямъ, производящимъ звукъ. Юнгъ вмѣсто продольныхъ колебаній предположилъ колебанія поперечныя и при такомъ предположеніи объяснилъ многія любопытныя явленія преломленія, интерференціи, поляризаціи и двойного преломленія, необъяснимыя ни эмиссіонной теоріей Ньютона, ни старой формой колебательной теоріи. Кромѣ того Юнгъ былъ въ со- Оптика. Юнгъ.

стояніи предсказать явленія еще ненаблюдаемыи до него. Эмиссіонная теорія не могла сдѣлать этого. Для каждаго новаго явленія она должна была принимать и новую гипотезу.

Сначала изслѣдованія Юнга не были признаны физиками. Бругамъ въ Edinburgh Reviev (1803) напалъ на его лекцію «О теоріи свѣта и цвѣтовъ», какъ на опасное опроверженіе здравыхъ методовъ Бэкона и Ньютона. Ученые также неблагосклонно отнеслись къ его взглядамъ. Во Франціи нѣсколько позднѣе Юнга Френель, почти независимо отъ него, изложилъ колебательную теорію свѣта и развилъ ее болѣе удовлетворительно при помощи математики. Теорія Френеля тоже сначала встрѣтила оппозицію со стороны нѣкоторыхъ математиковъ, но у ней были способные приверженцы и она наконецъ побѣдила. Только тогда, когда теорія Юнга была получила это подкрѣпленіе и когда теорія была принята во Франціи, ее признали и въ Англіи.

Ботаника. Въ описываемый періодъ былъ сдѣланъ большой шагъ впередъ въ естественной классификаціи растеній. Такимъ шагомъ было сочиненіе Роберта Броуна (1773–1858): Prodromus Florae Novae Hollandiae et Insulae Van Diemen, изданное въ 1810 году. Въ 1801 году Броунъ участвовалъ въ качествѣ натуралиста въ экспедиціи капитана Флиндерса для обзора береговъ Новой Голландіи. Въ 1805 году онъ привезъ въ Англію образцы почти четырехъ тысячъ видовъ растеній. Такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ были еще неизвѣстны, то было необходимо видоизмѣнить естественную систему. Броунъ заимствовалъ естественную систему отъ Жюссье, классификація котораго была значительнымъ прогрессомъ по сравненію съ искусственной системой Линнея. Искусственная классификація Линнея, введенная въ срединѣ восемнадцатаго вѣка, представляла огромную реформу по сравненію съ прежними системами; на основаніи прежнихъ классификацій было невозможно легко распознавать растенія, хотя сами по себѣ эти классификаціи и были до извѣстной степени предшественницами современной. Классификація Линнея и имѣла цѣлью легкое распознаваніе растеній, такъ что терминологія и классификація Линнея сдѣлались прочнымъ пріобрѣтеніемъ науки; тѣмъ не менѣе самъ Линней сознавалъ желательность естественной системы. Броунъ и далъ прочную основу такой системѣ. Позже, во времена Дарвина, несовершенно сознанныя цѣли этой системы—бывшей скорѣе результатомъ инстинкта натуралиста, чѣмъ результатомъ логическихъ опредѣленій—были уяснены общей идеей о генетической связи.

Физіологія животныхъ. Карлъ Белль. Другимъ важнымъ научнымъ пріобрѣтеніемъ были открытія Карла Белля (1774–1842) въ физіологіи животныхъ. Въ 1811 году Белль издалъ свое сочиненіе: «Новыя идеи объ анатоміи мозга». Въ немъ онъ изложилъ свое открытіе, состоявшее въ томъ, что различныя части нервной системы и различныя нервныя волокна имѣютъ функ-

цію передавать мозгу ощущенія и передавать отъ него мускуламъ двигательные импульсы. Такая спеціализація функцій еще была неизвѣстна Виллису, сочиненіе котораго Anatome Cerebri (1664) составляетъ и теперь основаніе анатоміи нервъ. Виллисъ и всѣ анатомы до Белля предполагали, что тѣже части нервнаго вещества исполняютъ и чувствительныя и двигательныя функціи. Въ дѣйствительности же, какъ показалъ Белль, большинство нервовъ или чисто чувствительныя или чисто двигательныя. Задніе корешки спинныхъ нервовъ передаютъ отъ переферіи только ощущенія, а передніе передаютъ къ переферіи только двигательныя импульсы. Первичныя волокна корешковъ для образованія нервовъ спиннаго мозга соединяются въ нервный шнуръ (cord) и потомъ снова развѣтвляются въ мускулахъ и кожѣ. Такимъ образомъ, хотя и нѣтъ однообразія въ распредѣленіи нервныхъ волоконъ, но вездѣ существуетъ антитеза между чувствительными и двигательными волокнами. Другое сочиненіе Белля: «Анатомія выраженія» (1804) имѣло значеніе потому, что оно дало импульсъ изученію отношеній, существующихъ между чувствованіемъ и движеніемъ. Это сочиненіе и теперь считается классическимъ.

Философія. Стюартъ и Броунъ.

Къ этому періоду можно отнести Дугальда Стюарта (1753—1828) Томаса Броуна (1778—1820); оба они гораздо болѣе значительны, какъ психологи, чѣмъ какъ философы; оба принадлежатъ къ школѣ Рейда. Стюартъ въ своей психологіи придаетъ большое значеніе ассоціаціи, но во всемъ остальномъ придерживался ученія Рейда и былъ краснорѣчивымъ его излагателемъ. У Броуна съ другой стороны замѣчается рѣшительная склонность пойти дальше ученія Рейда, хотя онъ и не окончательно разорвалъ съ нимъ. Онъ уже подготовилъ ученія позднѣйшихъ англійскихъ ассоціанистовъ.

Памфлетъ Броуна о юмовской теоріи причинности (1804) въ третьемъ изданіи (1818) превратился въ цѣлый трактатъ: «Изслѣдованіе объ отношеніи причины и слѣдствія». Броунъ считаетъ это отношеніе ничѣмъ инымъ, какъ отношеніемъ между предыдущимъ и послѣдующимъ, но въ тоже время онъ отвергаетъ скептицизмъ Юма и допускаетъ интуитивную вѣру въ постоянство и универсальность причинной связи. Общая его психологія изложена въ «Лекціяхъ о философіи человѣческаго духа», въ четырехъ томахъ, изданныхъ послѣ его смерти. Въ 1851 году этотъ трактатъ вышелъ девятнадцатымъ изданіемъ. Броунъ отвергаетъ ученіе объ «умственныхъ способностяхъ», заимствованное Рейдомъ у схоластиковъ и трактуетъ психологію какъ науку феноменальную, занимающуюся состояніемъ сознанія; орудіемъ же ея онъ признаетъ анализъ. Особенно цѣнна его теорія протяженія (extension). Тутъ онъ разлагаетъ осязаніе на осязаніе въ настоящемъ смыслѣ этого термина и на мускульное чувство. Броунъ старается объяснить, какимъ образомъ мускульныя

ощущенія, послѣдовательныя во времени, группируются такимъ образомъ, что порождаютъ воспріятіе (перцепцію) положеній, существующихъ въ пространствѣ. Онъ объясняетъ этотъ процессъ законами ассоціаціи или какъ онъ предпочитаетъ выражаться, *внушенія* (Suggestion). Онъ различаетъ внѣшнія расположенія (affections) духа отъ внутреннихъ, а также «простое» внушеніе отъ «относительнаго». Къ простому внушенію онъ относитъ память и т. п., къ относительному,—сужденіе, сравненіе и т. д. Его анализъ волевого воспоминанія (Voluntary reminiscence) и творческаго (Constructive) воображенія, а также и все сдѣланное имъ для теоріи воспріятія, признается позднѣйшими представителями англійской психологіи оригинальнымъ вкладомъ въ развитіе принципа ассоціаціи.

Медицина

Д'Арси Поуэра.

Медицина, какъ профессія.

Первые годы девятнадцатаго вѣка были мрачными годами для наиболѣе проницательныхъ людей изъ членовъ врачебной профессіи въ Англіи. Свѣтила медицины, сдѣлавшіе такъ много для развитія медицины и хирургіи въ началѣ царствованія Георга III, перемерли. Вилльямъ Гунтеръ умеръ въ 1783 году, Персиваль Поттъ въ 1788-мъ, а Джонъ Гунтеръ, можетъ быть наиболѣе великій изъ нихъ, десять лѣтъ позже. Матью Балльи, еще продолжалъ работать для дѣла, оставленнаго незаконченнымъ его знаменитыми дядьями, но онъ, Броди и отчасти Абернети были единственными врачами, выдѣлявшимися изъ среды посредственностей.

Коллегія врачей и Общество аптекарей продолжали идти своимъ путемъ по прежнему; но Коллегія хирурговъ снова находилась въ дурныхъ рукахъ, несмотря на попытку реорганизировать ее и на хартію 1800 года. Въ то время не было необходимости для лицъ, желавшихъ практиковать, въ какихъ либо экзаменахъ. Большинство врачей, практиковавшихъ въ большихъ городахъ, дѣлались членами Коллегіи врачей, Коллегіи хирурговъ или Общества аптекарей, потому что это давало имъ положеніе. Членство Коллегіи врачей давалось только людямъ, получившимъ степень въ старыхъ университетахъ. Членство Коллегіи хирурговъ и Общества аптекарей получалось посредствомъ пребыванія ученикомъ и экзаменами. Большое количество практикующихъ безъ разрѣшенія, а также и имѣвшихъ дипломы въ Шотландіи, дѣлали конкуренцію очень невыгодной для лицъ, полу-

чившихъ высшее образованіе. Въ особенности плохо приходилось аптекарямъ; имъ платили только за лекарства, а не за подаваемые ими медицинскіе совѣты. При этомъ вслѣдствіе налога на стекло 1812 года цѣна бутылокъ значительно увеличилась. Этотъ налогъ оказался смертельнымъ ударомъ для аптекарей, потому что онъ почти уничтожилъ ихъ барыши съ разныхъ настоевъ; 3 іюля 1812 года аптекаря собрали совѣщаніе и въ слѣдующемъ году сдѣлали представленіе о необходимости подвергнуть надлежащему надзору компетентной корпораціи аптекарей, хирурговъ и акушерокъ. Въ силу этого представленія было основано Соединенное общество аптекарей и хирурговъ, руководителемъ котораго былъ Маннъ Бюрровсъ. Была также сдѣлана попытка создать экзаменаціонную коммиссію, независимую отъ всѣхъ существующихъ корпорацій, но этотъ планъ не былъ осуществленъ вслѣдствіе оппозиціи двухъ Коллегій и Общества аптекарей. Началась продолжительная переписка между этими корпораціями и Соединенными аптекарями, и наконецъ Общество аптекарей согласилось внести въ парламентъ билль, одобренный и Коллегіей врачей—причемъ Коллегія хирурговъ оставалась въ сторонѣ. Этотъ билль былъ принятъ 15 января 1815 года, онъ и составляетъ до настоящаго времени основаніе современныхъ законоположеній о медицинской и хирургической практикѣ.

Оспопрививаніе

Оспопрививаніе постепенно распространялось среди культурныхъ классовъ англійскаго общества и благодаря трудамъ Ринга и другихъ многимъ оспу прививали безплатно. Число смертей отъ оспы въ Лондонѣ быстро уменьшилось. Въ 1804 году отъ нея умерло только 622 человѣка, а въ 1811-мъ, когда общее число смертей въ столицѣ было 17,000, отъ оспы умерло только 751. Такія цифры очень незначительны при сравненіи съ 1,200 или 2,000 смертей отъ оспы въ періодъ отъ 1761 до 1800 года. Неизвѣстно, однако, не объясняется ли это уменьшеніе или большая его часть естественнымъ ослабленіемъ болѣзни, обыкновеннымъ при всякой эпидеміи послѣ періода необычайно сильнаго ея развитія. Въ 1802 году былъ назначенъ парламентскій комитетъ для разсмотрѣнія значенія оспопрививанія и притязаній Дженнера на первенство въ открытіи его способа. Докладъ комитета былъ благопріятнымъ и палата общинъ вотировала чтобы сумма не больше десяти тысячъ фунтовъ была «ассигнована его Величеству для вознагражденія Эдварда Дженнера за открытіе прививанія коровьей оспы, предупреждающаго ужасную оспенную болѣзнь». Потомъ 29 іюля 1807 года и 8 іюня слѣдующаго года была вотирована сумма въ двадцать тысячъ фунтовъ на учрежденіе національнаго оспопрививательнаго института. Теперь это учрежденіе составляетъ часть министерства мѣстнаго управленія (Local Government Board) и доставляетъ лимфу повсемѣстно.

Эпидеміи.

Крейгтонъ въ своей «Исторіи эпидемій въ Британіи» говоритъ,

что въ семнадцатомъ и въ восемнадцатомъ вѣкахъ было нѣсколько опасныхъ эпидемій кори. Эти эпидеміи были изолированными и только въ концѣ восемнадцатаго вѣка начинаютъ свирѣпствовать дѣтскія болѣзни кори, коклюша и скарлатины. Смертность отъ коклюша постоянно увеличивалась въ теченіе восемнадцатаго вѣка отъ нуля въ 1704 году до 573 въ 1780-мъ. Болѣзнь, однако, была не новая и увеличеніе объясняется отчасти лучшей системой классификаціи болѣзней, а отчасти болѣе точной номенклатурой. Конвульсіи составляли часто причину смерти при коклюшѣ и такъ какъ въ отчетахъ показывалось меньшее число конвульсій, то понятно, что увеличивалось число зарегистрированныхъ случаевъ смерти отъ настоящей причины, отъ коклюша

Въ началѣ девятнадцатаго вѣка было также нѣсколько эпидемій скарлатины; одной изъ этихъ эпидемій предшествовала какая то любопытная эпидемическая болѣзнь, вѣроятно того же характера, убившая «миріады» кошекъ. Но болѣзнь въ полной ея силѣ появилась въ Англіи только позднѣе. Дизентерія, наоборотъ, ослабѣла и почти перестала быть эпидемической. Она свирѣпствовала въ восемнадцатомъ вѣкѣ и въ особенности смертельной была въ 1758—62 и въ 1780—82 годахъ. Произошло также замѣчательное уменьшеніе смертности отъ тифа и лихорадокъ въ 1803—16 годы. Это уменьшеніе совпадаетъ съ увеличеніемъ благосостоянія, обусловливаемаго повышеніемъ заработной платы, вызваннымъ военными расходами того времени.

Медицина въ арміи.

Организація врачебнаго дѣла въ арміи въ 1799 году извѣстна намъ благодаря предписаніямъ Военномедицинскаго комитета полковымъ врачамъ въ сентябрѣ этаго года. Въ то время еще не было промежуточныхъ степеней между медицинскимъ комитетомъ и генералъ-инспекторомъ, обыкновенно людьми штатскими, и полковыми хирургами. Хирурги обыкновенно назначались въ полки послѣ экзаменовъ, сначала въ Обществѣ хирурговъ, а потомъ въ особой экзаменаціонной коммиссіи. Врачи имѣли значительную власть и въ нѣкоторомъ отношеніи были независимы отъ командировъ. Они имѣли право брать четыре шиллинга въ недѣлю изъ жалованья каждаго больного солдата для госпитальнаго стола, для доставленія больнымъ «разумнаго комфорта и удобствъ, какія только возможны». При этомъ особенно предписывалось давать больнымъ лучшій пшеничный хлѣбъ и свѣжее мясо. Вино и пиво доставлялись на счетъ правительства. Они должны быть выдаваемы лично хирургомъ или фельдшеромъ и, если это невозможно, то предписывалось смѣшивать ихъ съ пищей паціента, чтобы они были менѣе вкусными. Кроватей въ госпиталѣ полагалось числомъ въ четыре процента всего состава полка. Правительство содержало также сидѣлокъ, получавшихъ по шиллингу въ день; онѣ должны были ухаживать за больными, стирать на нихъ

и иногда помогать въ раздачѣ имъ лекарствъ и въ приготовленіи пищи.

Искусство.

Гугса.

Отведенное намъ мѣсто въ этомъ томѣ не позволитъ намъ подробно говорить о всѣхъ послѣдователяхъ и наслѣдникахъ Лауренса, бывшаго самымъ выдающимся художникомъ такъ называемой наполеоновской эры — вродѣ напр. Гарлоу, наиболѣе извѣстнаго по его картинѣ: «Судъ надъ королевой Екатериной», Джона Джэксона, Томаса Филлипса, Вильяма Овера и Мартина Арчёра Ши. За исключеніемъ Гарлоу они написали лучшія свои произведенія позже и также, какъ Ватсонъ Гордонъ, Говардъ, Гильтонъ, Этти Гэйдонъ, относятся къ позднѣйшему времени.

Жанръ. Уильки.

Тоже можно сказать и о Давидѣ Уильки; но большинство изъ его произведеній, положившихъ основаніе школѣ англійскаго жанра, написано имъ въ этотъ періодъ и потому о немъ и слѣдуетъ упомянуть здѣсь. Онъ былъ сынъ шотландскаго священника, родился въ 1785 году въ Культсѣ въ Файфширѣ и его склонность, когда онъ былъ еще ребенкомъ, къ искусству была столь очевидной, что не смотря на предразсудки, обычные въ пресвитеріанскихъ семьяхъ, отецъ отправилъ четырнадцатилѣтняго мальчика въ Эдинбургскую академію. Въ то время академіей управлялъ авторъ скучныхъ историческихъ картинъ, Джонъ Грэгэмъ; въ качествѣ учителя онъ имѣлъ то достоинство, что заставлялъ Уильки писать человѣческія фигуры. Уильки работалъ усердно, но онъ сознавалъ, что его талантъ находится въ иной сферѣ. Восемнадцати лѣтъ онъ возвратился въ Культсъ и нашелъ свой сюжетъ въ ежегодной ярмаркѣ, происходившей въ сосѣдней деревнѣ Питласси. Эта работа по письму и цвѣтамъ не похожа на позднѣйшія его картины, но задумана она хорошо. Уильки въ то время было только девятнадцать лѣтъ; но ему уже хотѣлось побывать въ Лондонѣ и продажа «Ярмарки» за 25 фунтовъ позволила ему осуществить свое намѣреніе. Въ двадцать лѣтъ онъ уже въ Лондонѣ и учится въ академіи: ему не было еще двадцати одного года, какъ онъ нарисовалъ «Деревенскихъ политиковъ» и писалъ отцу; «имѣю дерзость надѣяться, что когда нибудь Шотландія будетъ гордиться Давидомъ Уильки». Въ слѣдующія годы онъ написалъ «Слѣпого скрипача». «Рекомендательное письмо», «Деревенскій праздникъ», «Жмурки». Въ маѣ 1812 года онъ уже рѣша-

ется на выставку своихъ картинъ. Онъ былъ членомъ академіи раньше опредѣленнаго ея уставомъ возраста, а въ 1811 году былъ уже академикомъ.

Всѣ его произведенія отличаются изяществомъ колорита, хотя въ первое время и замѣчается нѣкоторая тяжеловатость; но въ особенности несравненны характеръ и движеніе его группъ. Позже, послѣ продолжительнаго континентальнаго путешествія, послѣ посѣщенія имъ Парижа, Мюнхена, Рима и Мадрида, онъ измѣнилъ свои пріемы и свои сюжеты — и измѣнилъ ихъ къ худшему. Онъ подпалъ подъ вліяніе видѣннаго имъ, въ особенности въ Испаніи, и по возвращеніи рѣшился пробовать писать «въ болѣе смѣломъ и болѣе дѣйствительномъ стилѣ». Въ этомъ стилѣ онъ написалъ свои позднѣйшія историческія картины; но эти произведенія не глубоки; въ особенности разачаровываетъ зрителей знаменитая его картина: «Проповѣдь Джона Нокса». Послѣ этаго своего путешествія Уильки безпощадно пользуется асфальтомъ, что сначала дѣлало картины блестящими, но потомъ совершенно черными. Если вліяніе манеры его послѣднихъ картинъ было вреднымъ, то вліяніе его первыхъ произведеній превосходно. Уильки былъ піонеромъ въ новомъ для англійскихъ художниковъ родѣ искусства. Это искусство было дѣйствительнымъ новымъ и въ немъ англичане могли работать съ успѣхомъ—начало ему было положено Уильки. Онъ выучилъ своихъ соотечественниковъ разсказывать на полотнѣ исторію скромныхъ обывателей, не вдаваясь ни въ проповѣдь, ни въ сатиру — разсказывать интересно и притомъ такъ, что разсказъ былъ произведеніемъ искусства. Онъ доказалъ, что это настолько же возможно въ Англіи временъ регентства, какъ было возможно раньше въ республиканской Голландіи.

Пейзажъ. Какъ ни медленно было развитіе ландшафтной живописи въ Англіи, но пониманіе этаго рода живописи въ публикѣ распространялось еще медленнѣе. Вильсонъ умеръ чуть не нищимъ, потому что никто не хотѣлъ покупать его настоящихъ ланшафтовъ и его итальянскихъ сценъ. Ландшафты Генсборо были также не оцѣнены, хотя они несмотря на всѣ ихъ недостатки полны живости и выразительности, бывшихъ слѣдствіемъ его искренняго интереса къ красотамъ родной страны. Общественное мнѣніе было завоевано для этаго рода живописи только удивительной прозой Констэбля и чудесной поэзіей Тёрнера. Но въ промежутокъ времени между неудачами Вильсона и Генсборо и побѣдами Констэбля и Тёрнера жило и работало, и не вполнѣ безуспѣшно, цѣлое поколѣніе художниковъ. Нѣкоторые изъ нихъ подражали главнымъ образомъ голландскимъ мастерамъ, другіе Вильсону, третьи Генсборо и наконецъ одинъ изъ нихъ подражалъ самой природѣ.

Морландъ. Первымъ изъ нихъ былъ Георгъ Морландъ. Онъ родился въ 1763 году въ Лондонѣ и былъ сыномъ художника, довольно извѣстнаго

какъ граверъ и пастелистъ. Георгъ былъ однимъ изъ чудесныхъ дѣтей, такъ какъ въ десять лѣтъ онъ уже выставлялъ въ академіи свои рисунки. Отецъ самъ училъ его, такъ какъ изъ нравственныхъ соображеній не хотѣлъ отдать его въ академическую школу, чтобы онъ не вошелъ въ общеніе съ студентами. Планъ оказался удачнымъ для выработки художника. Георгъ выучился хорошо рисовать; краски у него всегда были хорошо расположены и красивы. Но нравственность южнаго Морланда вышла не блестящей. Съ ранней юности онъ предался бездѣльничанію и пьянству и рисовалъ только тогда, когда ему были нужны деньги на кутежи. Онъ все время велъ дурную жизнь и женитьба на сестрѣ его друга, Уорда, тоже художника, на двадцати третьемъ году, нисколько его не исправила. Онъ былъ постоянно въ долгахъ. Иногда его сажали въ тюрьму и тогда онъ рисовалъ, чтобы выкупиться; иногда онъ бѣгалъ отъ кредиторовъ, велъ жизнь бродяги, ночевалъ въ амбарахъ, грязныхъ кабачкахъ или въ цыганскихъ таборахъ. Съ большой легкостью кисти онъ соединялъ наблюдательность и память и это позволило ему воспользоваться опытомъ его бродячей жизни. Смерть въ долговомъ отдѣленіи въ сорокадвухлѣтнемъ возрастѣ была достойнымъ закончаніемъ его порочной жизни. За то она окружила его имя нѣкоторымъ поэтическимъ ореоломъ, такъ что его картины вошли въ моду, Сюжеты ихъ преимущественно пасторальные; у него много сходства съ Генсборо, особенно въ изображеніи листьевъ. У него много сценъ пьянства, много амбаровъ съ жующими кормъ деревенскими лошадьми, придорожныхъ гостинницъ съ ихъ посѣтителями, ночныхъ грабителей и цыганскихъ таборовъ. По направленію онъ реалистъ, но у него много искусственности; въ его картинахъ постоянно встрѣчается искусственная гамма цвѣтовъ. Тѣмъ не менѣе онъ былъ настоящимъ художникомъ и даже въ самыхъ обыденныхъ сюжетахъ онъ умѣетъ интересовать зрителя; колоритъ у него иногда замѣчательно изященъ. Въ отличіе отъ большинства современныхъ ему художниковъ, напримѣръ Иббетсона или Георга Бомона, работы которыхъ простое подражаніе Вильсону, Морландъ всегда оригиналенъ. Этотъ пьяница доказалъ своимъ соотечественникамъ, что идиллическая жизнь англійской деревни пригодна для художественнаго изображенія. Его искусство не великое искусство, но все же искусство и онъ выучилъ публику удивляться ему.

Насмитъ и Калькоттъ.

Вѣроятно, что вкусъ къ реалистическому ландшафту, созданный Морландомъ, проложилъ дорогу Патрику Насмиту. Онъ былъ сынъ шотландскаго пейзажиста, бывшаго ученикомъ честнаго, хотя и не талантливаго Рамсея; онъ явился въ Лондонъ въ 1805 году, черезъ два года послѣ смерти Морланда. Несмотря на свое шотландское происхожденіе онъ умѣлъ цѣнить простую пасторальную красоту юга Англіи, ея богатыя пастбища и прекрасныя рощицы. Манера его

сильно напоминаетъ голландцевъ, и въ особенности Виннанта, на котораго онъ похожъ по чистотѣ и простотѣ цвѣта и сюжетовъ. Его нѣсколько рѣзкій рисунокъ составляетъ поразительный контрастъ съ Морландомъ, но въ его картинахъ имѣются тѣже условія популярности: онѣ красивы и понятны. Тоже можно сказать и о современникѣ Насмита Каллькотѣ, впослѣдствіи сэра Августѣ; онъ изъ хористовъ сдѣлался академикомъ и его карьера была типической карьерой удачника. Вкусъ къ ландшафту окончательно установился. Пастбища Каллькота, съ рѣчкой и пасущимся скотомъ, и его береговые виды очень милы; иногда онъ рисовалъ озаренную солнцемъ дорогу съ рѣдкой удачей. Онъ учился у Гоппнера, былъ членомъ академіи въ 1806 году, а академикомъ съ 1810 года. Мы упоминаемъ о немъ здѣсь потому, что онъ имѣлъ успѣхъ; но онъ не проложилъ новыхъ путей въ искусствѣ и неимѣлъ вліянія на искусство своей родины.

Кромъ и Норвичская школа.

Одинъ изъ пейзажистовъ этого періода могъ бы создать родъ новаго ландшафта, если бы судьба была къ нему благосклоннѣе. Это былъ Джонъ Кромъ изъ Норвича, родившійся въ 1768 году и бывшій предшественникомъ Констэбля, хотя и не Тёрнера. Другимъ художникамъ приходилось выносить удары судьбы—нѣкоторымъ при своевременной поддержкѣ кого нибудь, другимъ при малой поддержкѣ—но Джонъ Кромъ ни откуда не имѣлъ поддержки. Онъ былъ сыномъ ремесленника, ткача; родился онъ въ небольшомъ провинціальномъ городѣ, гдѣ не было ни художественной школы, ни музея. Онъ не получилъ почти никакого образованія и съ одинадцати лѣтъ долженъ былъ заработывать себѣ пропитаніе, сначала въ качествѣ посыльнаго въ аптекѣ, а потомъ ученика маляра. Кажется, что его учитель рисовалъ и вывѣски для кабачковъ и онъ выучился у него начаткамъ своего искусства. Онъ былъ самоучкой и копировалъ фламандскіе и голландскіе ландшафты Гервея изъ Каттона. Во всякомъ случаѣ онъ выучился настолько, что рѣшился сдѣлаться учителемъ рисованія. Учениковъ у него было много, но онъ не бросилъ своей практики рисованья вывѣсокъ; это и уроки рисованія поддерживали его семью. Но съ самаго начала онъ дѣлалъ эскизы пейзажей и они были полны оригинальности. Генсборо при своемъ непреодолимомъ стремленіи къ ландшафту прекрасно рисовалъ лѣсъ; Кромъ, напротивъ, отличаясь точностью рисунка и болѣе сильнымъ чувствомъ красоты природы, рисовалъ не лѣсъ, а деревья и притомъ изображалъ ихъ такъ, какъ Рейнольдсъ рисовалъ людей. Произведенія Крома были чуть ли не первымъ примѣромъ современнаго стремленія къ импрессивности обыденнаго. Крому, хотя и находившемуся до извѣстной степени подъ вліяніемъ Вильсона, незачѣмъ было ѣздить въ Кампанью для того, чтобы изображать уединенность. Плоская мѣстность Норфолька съ малыми подъемами, замѣняющими холмы и до-

лины, была пригодна для его задачи не менѣе пустыни или Гималаевъ. Лучшимъ примѣромъ можетъ служить его картина: «Верески близь Норвича» (Mousehold Heath), теперь находящаяся въ Національной галлереѣ. «Это произведеніе—говоритъ одинъ французскій критикъ—такое простое, что только великій художникъ могъ дать ему величіе. Оно представляетъ длинный блѣднозеленый спускъ; на переднемъ планѣ трава и кусты, а дальше онъ поднимается къ небу. Огромные облака повисли надъ круглой вершиной холма. И ничего больше. И однако въ этой простотѣ у Крома полное выраженіе тишины и уединенія. Въ этомъ небольшомъ пространствѣ, не обезпокоенномъ духовеніемъ вѣтерка, въ этой тишинѣ, не нарушаемой ни однимъ звукомъ, вы чувствуете себя такимъ далекимъ отъ дѣлового города. Это пустыня и ея величавость». Искусство Крома было центральнымъ, но именно потому, что у него не было благопріятной среды, вліяніе его незначительно. Кромъ несмотря на то, что онъ былъ другомъ Бичи, не выставлялъ въ академіи до 1806 года, когда ему было уже сорокъ лѣтъ. Въ теченіе пятнадцати лѣтъ отъ этого времени до его смерти въ Лондонѣ было не больше дюжины его картинъ. Но въ 1803 году онъ основалъ въ Норвичѣ общество художниковъ; это общество не имѣло большого вліянія, оно не сдѣлалось постояннымъ факторомъ въ художественной жизни Англіи и все таки его съ большимъ правомъ можно назвать школой, чѣмъ любое изъ обществъ, существовавшихъ въ Англіи въ теченіе полувѣка.

Къ этой школѣ принадлежалъ Джонъ Селль Котманъ, тоже норвичскій уроженецъ, хотя и учившійся въ Лондонѣ; онъ кромѣ безчисленныхъ маринъ масляными красками былъ выдающимся акварелистомъ и граверомъ крѣпкой водкой. Нѣкоторыя изъ его гравюръ и чертежей зданій превосходны. Къ той же школѣ принадлежалъ и Джемсъ Старкъ, ученикъ Крома, манера котораго, хотя и суховатая и не столь широкая, какъ у его учителя, проста и вѣрна природѣ. Другимъ извѣстнымъ ученикомъ Крома былъ Георгъ Винцентъ, человѣкъ очень разносторонній. Его наиболѣе извѣстное произведеніе—это прекрасный видъ Гринвичскаго госпиталя съ рѣки, переполненной судами и залитой солнечнымъ свѣтомъ. Но наиболѣе близкимъ по настроенію ученикомъ Крома былъ Робертъ Ладбрукъ, женатый на сестрѣ жены Крома. Его лѣсныя сцены и виды окрестностей Норвича вполнѣ реалистичны и часто обладаютъ важной импрессивной красотой произведеній самого Крома.

Сыновья обоихъ художниковъ шли по той же дорогѣ; но за исключеніемъ одного Джона Бернея Крома, извѣстнаго своими лунными пейзажами, они пользовались только мѣстной извѣстностью. Норвичское общество просуществовало не долго. Послѣдняя его выставка была въ 1818 году, со смертью Джона Крома въ 1821 года Норвичская школа прекращаетъ свое отдѣльное существованіе.

Первыя картины Констэбля.

Мы откладывали бесѣду о двухъ художникахъ, о которыхъ упомянули раньше, какъ о величайшихъ изъ англійскихъ пейзажистовъ: о Констэблѣ, великомъ мастерѣ краснорѣчивой прозы ландшафта, и о Тёрнерѣ, великомъ поэтѣ. Мы были вынуждены къ этому, такъ какъ произведенія, которыми они прославились, были написаны позже, хотя родились они оба и воспитывались въ теченіе этого періода. Выросшій въ деревнѣ Джонъ Констэбль (1776—1837), которому ландшафтъ обязанъ своимъ освобожденіемъ отъ условности, не только не скоро былъ признанъ своими современниками, но и самъ не скоро понялъ, въ чемъ сила его таланта. Только въ 1802 году онъ окончательно рѣшился сдѣлаться «живописцемъ природы и никогда больше не искать истины изъ вторыхъ рукъ». Но еще въ 1813 году онъ рисовалъ портреты по пятнадцати гиней штука (хотя слѣдуетъ сказать, что онъ дѣлалъ это ради пропитанія) и его большой пейзажъ 1814 года: «Lock» былъ такъ неудаченъ, что онъ позже взялъ его у купившаго назадъ и далъ ему въ замѣнъ совершенно новую картину. Хотя Констэбль съ 1802 до 1815 года не даромъ провелъ время, но все же это было временемъ посѣва, а не жатвы. Геній его, которому было суждено произвести переворотъ въ этомъ родѣ живописи, не скоро былъ признанъ, и еще болѣе долгое время не пользовался почетомъ.

Первыя произведенія Тёрнера.

Тёрнеръ, родившійся въ апрѣлѣ 1775 года въ Майденъ-Лэнъ въ Лондонѣ, годомъ раньше Констэбля, и умершій только въ 1851 году, не могъ жаловаться на непризнаніе его таланта со стороны современниковъ. Въ двадцать четыре года онъ былъ членомъ академіи, а черезъ три года, въ 1803 году, уже академикомъ. Въ другомъ мѣстѣ мы будемъ говорить о его мастерствѣ въ акварели. Его искусство одинаково изумительно въ акварели, въ живописи масляными красками и въ гравированіи. Его Liber Studiorum и теперь самая лучшая изъ существующихъ коллекцій гравированныхъ пейзажей; замѣчательно, что нѣкоторыя изъ его гравюръ даже лучше оригинальныхъ этюдовъ. И тѣмъ не менѣе, хотя онъ и былъ уже замѣчательнымъ художникомъ во многихъ родахъ живописи, но въ этомъ періодѣ, до его континентальнаго путешествія 1819 года, онъ все же еще только подражатель. Масляныя картины перваго періода называли произведеніями студента и несмотря на всѣ ихъ достоинства такой приговоръ вѣренъ въ томъ смыслѣ, что Тернеръ подражаетъ манерѣ то того, то другого изъ мастеровъ. Сначала онъ подражалъ Вильсону и голландскимъ маринистамъ, потомъ Пуссену и Клоду, и иногда Морланду. Хотя подражанія часто превосходятъ оригиналъ, тѣмъ не менѣе безспорно, что они все же подражанія. Тёрнеръ—міровое чудо, мастеръ, чарующій насъ струями свѣта и блестящей облачной перспективой, оригинальный художникъ, создавшій «Fighting Temeraire», «Странствованіе Чайльда Гарольда» и «Полифема, насмѣхающагося

надъ Улиссомъ»—относится къ мирному времени, а не къ воинственной эпохѣ, закончившейся въ 1815 году.

Миніатюра. Косвей.

Миніатюра, первый изъ родовъ живописи, въ которомъ проявился талантъ англичанъ, достигла, какъ мы видѣли наибольшаго процвѣтанія во времена Стюартовъ. Самуилъ Куперъ, современникъ Пеписа, изящныя головки котораго непревзойдены никѣмъ изъ позднѣйшихъ миніатюристовъ, былъ представителемъ четвертаго послѣ современника Елисаветы, Николаса Гилльярда, поколѣнія. Его наслѣдниками въ восемнадцатомъ вѣкѣ были Флатманъ, Александръ Броунъ, Бойтъ, Ленсъ и Гоупи. Георгъ II и королева Каролина покровительствовали миніатюристамъ и художникамъ по эмали. Михаилъ Мозеръ, первый хранитель Королевской академіи, и Натаніель Гонъ и Мейеръ, современники великихъ портретистовъ, были въ числѣ первыхъ членовъ академіи. Озія Гумфри, Коллинсъ, ученикъ Мейера, Самуилъ Шелли и Джемсъ Никсонъ пользовались тоже покровительствомъ двора и получали отъ него заказы на портреты и небольшія историческія картины. Но самымъ извѣстнымъ миніатюристомъ этого вѣка былъ Ричардъ Косвей, родившійся въ 1740 году. Онъ также, какъ и Рейнольдсъ, былъ уроженцемъ западныхъ графствъ, сыномъ школьнаго учителя и также ученикомъ Гудзона. Онъ прославился не только своими головками, во и небольшими изображеніями во весь ростъ—причемъ фигура была только очерчена, а лицо сдѣлано съ крайней заботливостью. Чрезвычайная, хотя и нѣсколько однообразная пріятность выраженія, грація и очень яркіе цвѣта составляютъ отличительные признаки его произведеній. Ни одинъ художникъ не обладалъ такимъ умѣньемъ льстить и ни одинъ не пользовался такимъ умѣньемъ столь неразборчиво, какъ Косвей. Онъ рисовалъ всѣхъ современныхъ ему красавицъ и всѣхъ желавшихъ быть красавицами, и удовлетворялъ всѣхъ. Тридцати лѣтъ онъ былъ выбранъ членомъ академіи, а въ слѣдующемъ году академикомъ. Жена его тоже была миніатюристкой и оба они благодаря эксцентричности, тщеславію и талантливости мужа и красотѣ и кокетству жены скоро сдѣлались модными художниками. Косвей въ самомъ разгарѣ своей извѣстности сдѣлался послѣдователемъ Сведенборга и утверждалъ, что онъ имѣетъ свиданія съ Лицами Святой Троицы и рисуетъ портреты съ Дѣвы Маріи. Въ 1804 году жена его бросила и послѣ бурной жизни въ Парижѣ временъ имперіи сдѣлалась начальницей монастыря въ Ліонѣ. Самъ онъ дожилъ до восьмидесяти лѣтъ и оставилъ множество красивыхъ произведеній.

Наиболѣе извѣстнымъ изъ подражателей Косвея былъ Генрихъ Эдриджъ, извѣстный также, какъ граверъ эстамповъ (mezzotint engraver), какъ пейзажистъ и составитель архитектурныхъ плановъ. Послѣ него этотъ родъ искусства падаетъ, хотя прекрасны были работы и на бумагѣ и на слоновой кости Альфреда Чалона, и на эмали Ген-

риха Бона, сдѣланнаго Георгомъ III королевскимъ художникомъ по эмали Королевскимъ (эмалистомъ); этотъ титулъ оставленъ за нимъ и двумя наслѣдниками Георга.

Гравюра. Стотгардъ.

Не менѣе значительнымъ было къ концу третьей четверти вѣка развитіе искусства иллюстрированія книгъ и гравированія. Такія сочиненія, какъ «Шекспиръ», альдермана Бойделя, были иллюстрированы, какъ мы уже говорили, знаменитыми и модными художниками, вродѣ Ромнея, Уэста, Норткота и Опи. Кромѣ крупныхъ художниковъ, къ которымъ можно причислить и Анжелику Кауфманъ, слѣдуетъ упомянуть и многихъ мелкихъ. Таковыми были Мортимеръ, юноша, получившій премію отъ Ромнея, Уиатли, заслужившій почетную извѣстность прелестью своего деревенскаго жанра, Гамильтонъ и Чипріани, Смайркъ и Ричардъ Уэстель. Въ числѣ этихъ мелкихъ художниковъ были двое, отличавшіеся такимъ оригинальнымъ талантомъ, что о нихъ нельзя не упомянуть здѣсь. Это Вилльямъ Блэкъ и Томасъ Стотгардъ. Оба они были лондонцы и почти одинаковыхъ лѣтъ; первый родился въ 1757 году, а второй въ 1755-мъ. Стотгардъ, также, какъ и Лауренсъ, бывъ сыномъ трактирщика. Начаткамъ своего искусства онъ выучился, былъ ученикомъ рисовальщика на шолковой фабрикѣ. Такая школа нѣсколько оригинальна, но въ ней онъ все же усвоилъ себѣ представленіе о рисункѣ и о пропорціяхъ. Его манера рельефнаго изображенія массъ и граціозность его композиціи, проявившіяся въ его извѣстномъ рисункѣ «Щита Велингтона», доказываютъ всю полезность такого обученія. Онъ страстно любилъ свое искусство иллюстратора и скоро нашелъ работу у издателей. Онъ иллюстрировалъ всѣхъ поэтовъ въ знаменитомъ изданіи Белля, начиная съ Гомера, хотя трудно представить себѣ что нибудь столь мало героическое, какъ рѣзецъ Стотгарда. Иногда у него есть пафосъ, но нигдѣ нѣтъ трагичности; время отъ времени мы встрѣчаемъ у него граціозную радость, но смѣхъ и юморъ не въ его силахъ. «Повидимому, онъ не могъ понять злобности, грубости и низости—говоритъ Рёскинъ—его фигуры таковы, какъ будто онъ скопировалъ ихъ съ людей, никогда не имѣвшихъ ни одной недоброй мысли и никогда не совершившихъ ни одного неблагороднаго дѣла. Съ этой любовью къ душевной чистотѣ у него соединяется любовь къ простой физической мягкости, какъ будто онъ всегда жилъ среди мягкой травки и чистыхъ источниковъ, среди нѣжныхъ деревьевъ и камешковъ, споткнуться о которые невозможно». И дѣйствительно нѣтъ ничего комичнѣе и жалостнѣе попытокъ Стотгарда выразить недоступныя ему настроенія; онъ былъ мастеромъ только въ своей сферѣ. Онъ былъ очень плодовитымъ художникомъ; утверждаютъ, что число его рисунковъ не менѣе четырехъ тысячъ и вѣроятно, что ихъ гораздо больше. У него совершенно не было ложнаго стыда, свойственнаго художникамъ; онъ не отка-

зывался ни отъ какой работы. Онъ иллюстрировалъ все, что угодно, съ одинаковой простой и нѣсколько женственной граціей — и карманныя книжки, и кипсэки, и модныя и дѣтскія книги. Академія очень цѣнила его достоинства; онъ былъ избранъ ея членомъ въ 1794 г. Онъ рисовалъ также и масляными красками, хотя эти картины принадлежали, вѣроятно, къ слабѣйшимъ изъ его произведеній. Стотгарда часто сравнивали съ Фра-Анжелико, а Тёрнеръ признавалъ его англійскимъ Жіотто.

Блэкъ.

Стотгардъ—это типъ всего покойнаго, простого, граціознаго, счастливаго, доходящаго даже до монотонности и скуки, а Блэкъ, наоборотъ, самая оригинальная и даже дикая фигура въ исторіи англійскаго искусства и литературы. Онъ учился у Базира младшаго, извѣстнаго гравера, но зарабатывая себѣ хлѣбъ гравированьемъ (нѣкоторые изъ рисунковъ Стотгарда воспроизведены имъ), по ночамъ онъ работалъ надъ своими таинственными и фантастическими картинами. Онъ былъ въ этихъ картинахъ и поэтомъ и пророкомъ, и иллюстраторомъ и граверомъ. Его произведенія во всѣхъ родахъ замѣчательно неровны. Въ нѣкоторыхъ изъ его стихотвореній, напримѣръ въ стихотвореніи къ «Вечерней звѣздѣ», есть мѣста столь совершенныя, что съ ними не могутъ сравняться произведенія любого поэта восемнадцатаго вѣка. Съ другой стороны въ нихъ много непонятнаго, а иногда и положительно нелѣпаго. Тоже можно сказать и объ его рисункахъ; кое что въ нихъ граціозно, блестяще и интересно, а другое безсвязно, насильственно и даже грубо комично. Его методы тоже очень разнообразны. Такъ его «Пѣсни опыта» исполнены въ самой необыкновенной манерѣ, которую онъ объяснялъ, какъ результатъ прямого откровенія, полученнаго имъ въ ночномъ видѣніи отъ брата Роберта. Онъ пользовался разными пигментами, въ томъ числѣ золотомъ и серебромъ — и часто съ замѣчательнымъ успѣхомъ. Его искусство въ такой радужной окраскѣ замѣчательно, судя хотя бы только по одной фигурѣ, находящейся въ національной галлереѣ: «Духъ Питта, ведущій бегемота»... Параллельно этому изображенію изображеніе Нельсона, столь же мало понятное. Но Блэкъ не довольствуется такими сравнительно простыми аллегоріями. Для его жаднаго воображенія нѣтъ ничего слишкомъ великаго и слишкомъ малаго — отъ небесныхъ высотъ до адской бездны, отъ душъ героевъ и святыхъ дѣвъ, отъ олицетвореній грома, отъ Бога Отца, отъ смерти, проглатывающей солнце, до Кентербюрійскихъ пиллигримовъ и духа блохи. Неудивительно, что его всегда посѣщаютъ видѣнія. Онъ видитъ духовъ великихъ людей не только въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ, но даже на непоэтической дорогѣ Пекгамъ Рай онъ видитъ деревья, «полныя ангеловъ», а въ Фульгамѣ онъ присутствуетъ при погребеніи феи. Потомство признало Блэка безумцемъ, но безумцемъ истинно вдохновеннымъ. Неудивительно, что его

не могли оцѣнить въ эпоху французской революціи въ Англіи временъ регентства. Онъ умеръ въ бѣдности, сохранивъ всю вѣру своей юности, что «его дѣло не въ накопленіи денегъ, а въ созданіи славныхъ формъ, выражающихъ божественныя идеи». Онъ не имѣлъ никакого вліянія на своихъ современниковъ; но безспорно, что подъ его вліяніемъ находился одинъ видный художникъ, недавно умершій и бывшій также, какъ и Блэкъ, великимъ поэтомъ.

Бевикъ. Намъ осталось указать еще на одного очень оригинальнаго художника, бывшаго почти современникомъ Блэка и Стотгарда и много способствовавшаго развитію англійскаго искусства, хотя онъ работалъ и въ болѣе скромной сферѣ. Это Томасъ Бевикъ, родившійся въ 1753 году въ Ньюкэстлѣ-на-Тайнѣ; онъ возстановилъ въ Англіи искусство гравированія на деревѣ. Его книга о четвероногихъ и его исторія птицъ Британіи доказываютъ безспорное и замѣчательное дарованіе. Глубокое знаніе естественной исторіи, движеній и выраженія животныхъ соединяются у него съ замѣчательнымъ искусствомъ изображенія ихъ перьевъ и шкуръ и съ подлиннымъ юморомъ. Его ландшафты при этомъ очень реальны и иногда замѣчательно изящны. Многіе изъ нихъ ему помогали рисовать его братъ и нѣкто Робертъ Джонсонъ, бывшіе оба его учениками. Бевикъ создалъ школу граверовъ по дереву, сохранившуюся до настоящаго времени и отличавшуюся многими и разнообразными талантами.

Юмористы. Бевикъ, какъ сказано, былъ и юмористомъ; но онъ жилъ въ такое время, когда требовалось что нибудь болѣе мужественное, конкретное и типичное. Былъ еще спросъ на сатиру, вродѣ гогартовской, хотя бы и лишенной гогартовской сочности. Но подражатели Гогарта—нѣкоторые изъ нихъ, вродѣ Сандби, были его врагами, а другіе, вродѣ Коллета, его друзьями—были очень плохи. Слишкомъ ужъ очевидно было у нихъ подражаніе; нужно сравнить фигуры хотя бы въ такомъ произведеніи, какъ «въ Весеннемъ саду»—Лоутербурга, чтобы замѣтить грубость и преувеличеніе гогартовской сатиры—грубый ротъ, фигуры карликовъ, громадная голова, грубая и преувеличенная—и это не оправдывается, какъ у Гогарта, его несравненной искренностью.

Жильрей. Волненія, предшествовавшія французской революціи, и вызванныя ею войны, повидимому, создали и благопріятствовали развитію новаго рода сатирической живописи. Политика поглощала все; чернь была возбуждена не менѣе, чѣмъ люди изъ общества. Потому Сайеръ, Бёнбюри, Вудвардъ, Бойнъ и многіе другіе менѣе извѣстные художники находили сбытъ для своихъ произведеній. Но возрожденіе сатирической живописи связано главнымъ образомъ съ именами двухъ художниковъ, Джемса Жильрея и Томаса Роуландсона. Жильрей былъ сынъ кавалериста, дравшагося при Фонтенуа. Онъ былъ сѣверянинъ также, какъ Бевикъ и подобно Гогарту учился у рѣзчика по металлу. Онъ тоже, какъ говорятъ, былъ изъ рано развившихся дѣтей и въ

двѣнадцать лѣтъ уже рисовалъ и гравировалъ по металлу. Но несомнѣнно ему принадлежащая первая работа относится къ 1779 г., когда ему было уже двадцать четыре года. Въ этомъ году онъ поступилъ въ академію и потомъ во все время продолжительной войны съ Франціей онъ рисовалъ цѣлую массу пасквилей, пасквинадъ и сатирическихъ инвективъ, непревзойденныхъ никѣмъ по силѣ и грубости. Превосходный и выразительный рисовальщикъ, обладавшій значительнымъ даромъ расположенія фигуръ и композиціи, сатирикъ рѣзкій и неумолимый, онъ, кажется, заимствовалъ лозунгъ у одного изъ французовъ, которыхъ онъ такъ искренно ненавидѣлъ: «смѣлость и смѣлость — и еще смѣлость!» Его ядовитыя нападенія на Францію, на французскую революцію и на сочувствовавшихъ Франціи англичанъ, разумѣется, пользовались покровительствомъ короля и королевы; рисунки Жильрея всегда доставлялись въ Виндзоръ. Типичнымъ произведеніемъ въ этомъ родѣ было «Парадный обѣдъ Дюмурье въ С. Джемсѣ». Побѣдоносный генералъ изображенъ самымъ ужаснымъ санкюлотомъ, размахивающимъ кинжаломъ; за столомъ служатъ главы оппозиціи: Тукъ, Фоксъ и Шериданъ. Въ числѣ блюдъ—королевская корона и епископская митра; главный лакей, Карлъ Джемсъ Фоксъ, ставитъ на столъ телячью голову съ знакомыми чертами лица Вильяма Питта. Карикатуры Жильрея на Наполеона и его семью.—Наполеонъ, пекущій королей изъ тѣста или въ видѣ Гулливера ѣдущій на своей лодкѣ въ присутствіи Бробдингнагьяновъ Георга и Шарлоты, Жозефина въ нарядѣ пуассардки и тому подобныя неприличія—тоже были очень по вкусу королю. Кажется, что старый король и королева не особенно шокировались и «Анти-Сахаритами»—королевской группой, обучающей раскапризничавшихся принцессъ удобству пить чай безъ сахара, причемъ король приговариваетъ: «прекрасно, прекрасно!». Не шокировались они и грубымъ реализмомъ «Добродушія», гдѣ король оретъ на ухо глухому и испуганному мужику. Но самый смѣлый рисунокъ Жильрея—это его знаменитая картина «Грѣхъ, смерть и чортъ»—гдѣ королева (которую онъ всегда изображаетъ беззубой вѣдьмой) вмѣшивается въ споръ Питта съ Тюрлоу. Это оскорбленіе дворъ не простилъ Жильрею, но кажется, что художникъ не особенно огорчался утратой придворной милости. Публика продолжала осаждать лавку мистриссъ Гумфри въ С. Джемсъ Стритъ, гдѣ продавались его рисунки. Эта лавочка изображена имъ въ рисункѣ: «Очень скользко». Жильрей часто отвратителенъ; но лучшія его произведенія истинно вдохновенныя; многіе изъ его рисунковъ, очевидно, были сдѣланы подъ вліяніемъ настоящей страсти. Онъ недолго пережилъ паденіе Наполеона, бывшаго предметомъ наиболѣе ядовитыхъ изъ его нападеній; въ послѣдніе годы своей жизни Жильрей былъ помѣшаннымъ.

Сатирическая живопись Томаса Роуландсона шире по замыслу, ме- Роуландсонъ.

нѣе рѣзка, но за то и менѣе сильна, чѣмъ сатира Жильрея. Лучшія его произведенія, впрочемъ, не каррикатуры. Напримѣръ двѣ молодыя женщины на софѣ въ любимой публикой картинѣ «Гармонія» обладаютъ изяществомъ, родственнымъ манерѣ Генсборо и это сходство еще усиливается превосходной выпиской причесокъ. Роуландсонъ принадлежалъ къ среднему классу и въ академію поступилъ шестнадцати лѣтъ. Но онъ вскорѣ уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ жила его тетка. Тамъ онъ получилъ прекрасное образованіе и вернулся въ Англію настоящимъ мастеромъ своего дѣла. Въ Лондонѣ онъ серьезно занялся дѣломъ, имѣлъ мастерскую въ Уордуръ Стритѣ и посылалъ портреты и этюды въ академію. Но позже онъ посвятилъ себя игривымъ и юмористическимъ рисункамъ, давшимъ ему извѣстность. Его эскизы всегда блестящи; онъ большой мастеръ рисунка, фигуры полны движенія и часто изящны. Кромѣ того онъ былъ самымъ плодовитымъ изъ художниковъ. Не особенно интересуясь политикой и скандалами этого скандальнѣйшаго времени, онъ за то больше, чѣмъ кто либо изъ его современниковъ, даетъ въ своихъ картинахъ изображеніе современныхъ нравовъ. Бѣга, охота, катанья, бараки, конторы, оксфордскія коллегіи, театръ, кофейня, фехтовальная зала, собачьи бои, ярмарки, пріемы, лондонскія уличныя сцены, охотничьи обѣды—все это, всѣ городскія и деревенскія сцены, онъ изображалъ съ одинаковой легкостью. Его сатира обыкновенно очень добродушна и только иногда онъ наноситъ страшный ударъ какому нибудь лицемѣрію, какъ напримѣръ въ его изображеніи смертнаго ложа, гдѣ больной окруженъ друзьями и врачами и только одинъ изъ присутствующихъ сожалѣетъ о немъ—и этотъ присутствующій Смерть. Ему также особенно удавались картины путешествій—родъ, въ которомъ піонеромъ былъ Гогартъ. Самыми значительными произведеніями въ этомъ родѣ были: «Путешествіе къ обломкамъ корабля Royal George» 1782 года, «Путешествіе въ Брайтгельмстонъ», 1789-го и «Путешествіе въ сѣверный и южный Валлисъ» 1800 года. Изъ рисунковъ съ текстомъ (доставляемымъ его другомъ Уигстидомъ) одинъ, «Молодыя дамы изъ Лимингтона въ сильный вѣтеръ», напоминаетъ о Джонѣ Личѣ; Роуладсонъ умеръ послѣ продолжительной болѣзни въ 1827 году.

Крюикшанки, Исаакъ и Георгъ.

Изъ многихъ соперниковъ Жильрея и Роуландсона особенно заслуживаетъ упоминанія Исаакъ Крюикшанкъ, не столько за его работы, сколько потому, что онъ отецъ очень извѣстнаго Георга Крюикшанка. Крюикшанкъ старшій занимался почти исключительно политикой; но вѣроятно его сильной стороной была не сатира, а просто серьезный и не лишенный изящества реализмъ. Еслы сравнить такой рисунокъ, какъ «Общій постъ-Ламбетъ», съ другимъ: «Спитальфильдсъ», то контрастъ поразителенъ. Реальная группа жены голодающаго ткача и ея дѣти превосходны, а каррикатура на обжору епископа дѣтская. Крюикшанкъ умеръ въ 1811 году, оставивъ двухъ

сыновей, Роберта и Георга. Оба были художники, но искусство отца перешло только къ младшему. Отецъ умеръ отъ алкоголизма и въ этомъ несомнѣнно объясненіе почти фанатической страстности, съ которой его сынъ Георгъ боролся противъ торговли водкой до самаго конца его долгой и занятой жизни. Онъ началъ работать черезъ два года послѣ смерти отца. Его «Судъ любви», гдѣ изображены регентъ и лэди Гертфордъ, отмѣченъ 1 ноября 1812 года. Юный сатирикъ, которому было всего восемнадцать лѣтъ, уже началъ свой походъ противъ пьянства и его свобода не только въ словахъ, вложенныхъ имъ въ уста его дѣйствующихъ лицъ, но и въ изображеніи характеровъ, замѣчательна. Изображеніе фаворитки, пьяной и сидящей на колѣняхъ у регента, и стоящаго рядомъ мужа, поразительно даже въ эту эпоху своеволія. Но Георгъ Крюикшанкъ, хотя и начавшій писать рано и по характеру напоминавшій эпоху реставраціи, принадлежитъ не къ наполеоновской эпохѣ, а къ позднѣйшимъ годамъ девятнадцатаго вѣка.

Пастелисты и граверы.

Восемнадцатый вѣкъ, и въ особенности его вторая половина, чрезвычайно богатъ произведеніями почти всѣхъ родовъ искусства. Кромѣ крупныхъ портретистовъ и пейзажистовъ, крупныхъ рисовальщиковъ и иллюстраторовъ, многіе англичане составили себѣ имя и состоянія въ качествѣ пастелистовъ. Правда, тогдашнія пастели кажутся намъ теперь просто старательной и неинтересной работой, но онѣ очень цѣнны съ исторической точки зрѣнія. Френсиза Нептона, умершаго девяноста лѣтъ въ 1788 году, можно считать основателемъ школы; наиболѣе замѣтными изъ его послѣдователей были Вильямъ Гоаръ, учитель Лауренса и Френсиза Котса, и его ученикъ Джонъ Руссель. Въ это время также развилось гравированіе разныхъ родовъ; какъ крѣпкой водкой, такъ и кислотами. До царствованія Георга III большинство извѣстныхъ граверовъ, вродѣ Голлара и Симона, были иностранцы, хотя попадались среди нихъ и англичане. Теперь же появляется цѣлая группа англичанъ и натурализованныхъ иностранцевъ. Таковы, напр., Виваресъ и Уоллетъ, извѣстные своимъ искусствомъ передавать листья, Бартолоцци, Робертъ Стрэнжъ, Фиттлеръ, Шарпъ и Сандби—этотъ послѣдній академикъ. Утверждаютъ, что больше сотни граверовъ были заняты воспроизведеніемъ произведеній одного только Рейнольдса.

Акварель. Козенсъ

Англійское искусство акварели можно считать въ восемнадцатомъ вѣкѣ еще новымъ искусствомъ; по конечнымъ его результатамъ, если не по непосредственной дѣятельности акварелистовъ, его можно считать самымъ важнымъ изъ новыхъ пріобрѣтеній въ сферѣ искусства. Конечно, акварель была старымъ искусствомъ—старше, чѣмъ масляная живопись; не была новостью и живопись водяными красками на бумагѣ. Голландскіе художники работали прекрасно акварелью сто лѣтъ раньше этого времени; миніатюристы тоже успѣшно

работали тѣми же матеріалами въ то время, когда еще не вошла въ употребленіе слоновая кость. Но различіе между такой работой и зрѣлымъ искусствомъ Тёрнера не въ степени только, а родовое. Англійскіе первые акварелисты заимствовали свою манеру не отъ голландцевъ, вродѣ Остада и Дюзарта, и не отъ англичанъ, вродѣ Купера и Флатмана. Очевидно, ихъ искусство развилось изъ рисунковъ архитекторовъ. Эти послѣдніе, бывшіе скромными помощниками антикваріевъ и анналистовъ, работали прямо съ натуры, передавая свои непосредственныя впечатлѣнія и совсѣмъ не сознавая того, сколько прелести въ такой непосредственности. Изъ этихъ работниковъ выбирались художники, отправляемые правительствомъ въ научныя путешествія; такъ напр. капитанъ Кукъ въ свое послѣднее плаваніе взялъ съ собой Джона Веббера, а Вилльямъ Александеръ сопровождалъ лорда Макартнея. Нѣкоторые изъ китайскихъ эскизовъ послѣдняго художника, впрочемъ, сдѣланы уже красками, но это было въ 1792 году. Пауль Сандби, учитель рисованія Георга III, родился въ 1725 году, такъ что онъ, собственно говоря, принадлежитъ къ старшему поколѣнію, но за то онъ и не пошелъ дальше работы топографа. Его называли отцомъ акварельнаго искусства; но такой титулъ справедливѣе дать Джону Козенсу, бывшему моложе его на двадцать семь лѣтъ. Джонъ былъ сыномъ Александра Козенса, тоже художника, который, какъ говорятъ, былъ незаконнымъ сыномъ Петра Великаго и родился въ Италіи. Джонъ Козенсъ еще только начиналъ рисовать водяными красками, но онъ былъ настоящимъ художникомъ и вообще первымъ изъ аквалеристовъ, проникнутымъ настроеніемъ пейзажиста. Констэбль однажды даже сказалъ о немъ, что это величайшій изъ когда либо существовавшихъ пейзажистовъ. Онъ, повидимому, изобрѣлъ, или по крайней мѣрѣ зналъ, многія изъ современныхъ пріемовъ, какъ напр. промываньe и перетиранье поверхности. Наиболѣе онъ извѣстенъ своими итальянскими видами, писанными для альдермана Бекфорда. Онъ выставлялъ въ академіи всего только одинъ разъ, и тогда Тёрнеръ объявилъ, что онъ выучился изъ этого произведенія болѣе, чѣмъ изъ всякаго другого. Это произведеніе называлось: «Ландшафтъ-Аннибалъ на походѣ чрезъ Альпы и его армія въ плодоносныхъ равнинахъ Италіи»—сюжетъ совершенно Тёрнеровскій—къ сожалѣнію эта картина теперь исчезла. Современники Козенса, Вилльямъ Пэйнъ, сосѣдъ Рейнольдса въ Плимптонѣ, и Джонъ Смитъ, иначе называемый Варвикъ Смитъ, ввели дальнѣйшія усовершенствованія въ манерѣ акварели. Первый былъ очень извѣстенъ какъ учитель, а о послѣднемъ Генсборо говорилъ, что онъ первый изъ акварелистовъ, вполнѣ подражавшій природѣ.

Джиртинъ. Тёрнеръ. Дальнѣйшій прогрессъ былъ сдѣланъ Томасомъ Джиртиномъ, лондонцемъ, скончавшимся въ 1802 году двадцати девяти лѣтъ; это

художникъ болѣе современный по настроенію, по широтѣ кисти, такъ какъ онъ обращаетъ больше вниманія на массу, чѣмъ на абрисы, у него больше глубины и богатства, чѣмъ вѣрности колорита. Онъ не долго учился у аквалериста старой школы Дайса; но главное его обученіе состояло въ копированіи старыхъ мастеровъ, вродѣ Руккерса, Гирна и Козенса, а также въ сниманьи видовъ изъ оконъ доктора Мунро въ домѣ послѣдняго въ Адельфи, гдѣ у Джиртина былъ товарищъ студентъ, тоже лондонецъ—а именно, самъ Джозефъ Маллордъ Вилльямъ Тёрнеръ. Этотъ замѣчательный художникъ тамъ началъ изучать то, что занимало его всю его жизнь—полную передачу освѣщенія. Прежде всего онъ хотѣлъ возсоздать тѣни въ ихъ настоящемъ колоритѣ—сначала съ нѣкоторымъ пожертвованіемъ освѣщенія; но потомъ при болѣе детальномъ изученіи у него появилось и мастерство передачи освѣщенной поверхности. Любопытно, что Тёрнеръ въ акварели до самаго конца своего поприща воздерживался отъ пользованія въ своихъ картинахъ тѣлеснымъ цвѣтомъ, хотя въ этюдахъ употреблялъ его; онъ утверждалъ, что употребленіе этого цвѣта погубитъ искусство акварели и уничтожитъ его красоту и оригинальность.

Всегда трудно опредѣлить точно, когда именно извѣстное направленіе въ искусствѣ достигло зрѣлости; но принявъ 1800-й годъ за время, когда Тёрнеръ вполнѣ изучилъ свое искусство, мы можемъ сказать, что въ этомъ году англійское акварельное искусство достигло зрѣлости.

Общество акварелистовъ.

За піонерами новаго рода искусства и за громаднымъ и оригинальнымъ талантомъ Тернера стояла значительная группа художниковъ-акварелистовъ, частію принадлежащихъ къ одному съ ними поколѣнію, а частію къ поколѣнію послѣдующему. Недовольные небольшими, плохо освѣщенными комнатами, отведенными ихъ произведеніямъ королевской академіей, часть этихъ «фрондеровъ» отдѣлилась и въ ноябрѣ 1804 года основало Общество акварелистовъ. Главные руководители его, Гиллсъ, Пайнъ, Шелли, Уэльсъ, Джонъ Варлей, Гловеръ и Джильпинъ, были не изъ перворазрядныхъ художниковъ; Тёрнера не было среди нихъ, такъ какъ онъ уже былъ избранъ академикомъ. Число членовъ общества было ограничено и право выставлять картины принадлежало только членамъ. Сначала выставка общества имѣла большой успѣхъ, но исключительность его возбудила недовольство среди другихъ художниковъ, такъ что въ 1808 году было основано другое общество. Но временно акварель вышла изъ моды. Новое общество умерло отъ истощенія, старшее шло такъ плохо, что чрезъ нѣсколько лѣтъ тоже рѣшило закрыться. Но не всѣ члены его согласились на такое самоуничтоженіе; человѣкъ двѣнадцать, въ томъ числѣ Барретъ, Гловеръ, Коплей Фильдингъ и чрезъ нѣкоторое время Давидъ Коксъ и Линнель, устроили

новую выставку. Но и тутъ судьба не благопріятствовала имъ, несмотря на достоинства произведеній. Выставка оказалась неудачной и на слѣдующій годъ она несостоялась. Это временное паденіе интереса къ акварели произошло въ 1815 году. Тѣмъ не менѣе искусство установилось уже настолько прочно, что оно не могло серьезно пострадать отъ временной неудачи выставокъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить имена художниковъ, работавшихъ въ это время. Изъ прежнихъ Георгъ Барретъ и плодовитый Джонъ Варлей еще были въ полной силѣ. Талантливому рисовальщику архитектурныхъ проектовъ Самуилу Проуту, только что выбранному членомъ общества, было тридцать два года; почти столько же было Петру де Винту и самому талантливому изъ нихъ, Давиду Коксу. Фильдингу, мастеру въ изображеніи глубокихъ и туманныхъ далей, было двадцать восемь лѣтъ; а Вилльямъ Генрихъ Гёнтъ былъ моложе на три года. Очевидно, что національная англійская отрасль искусства не только процвѣтала въ 1815 году, но никогда она не подвергалась меньшей опасности паденія, какъ именно въ это время.

Скульптура.

Въ числѣ скульпторовъ, работавшихъ въ Англіи въ первой половинѣ восемнадцатаго вѣка, было нѣсколько англичанъ, вродѣ Френсиза Бёрда; но талантливъ былъ только одинъ, французъ Людовикъ Рубильякъ изъ Ліона. Во время основанія академіи въ 1768 году Рубильяка уже не было въ живыхъ, а Райсбрэкъ и Шеемакеръ, его соперники, сошли со сцены и единственными скульпторами, избранными въ члены академіи, было только Джозефъ Уильтонъ и Агостино Карлини. О послѣднемъ намъ извѣстно мало, кромѣ того, что онъ дѣлалъ довольно хорошіе бюсты и былъ первымъ блюстителемъ королевской академіи. Вторымъ блюстителемъ былъ Уильтонъ, бывшій способнымъ и оригинальнымъ художникомъ, хорошимъ анатомомъ и искуснымъ ваятелемъ мрамора. Онъ учился у французскаго скульптора Пигалля и жилъ нѣсколько лѣтъ въ Италіи. О немъ можно судить по его памятнику Вольфа; онъ самъ и его современники считали этотъ памятникъ образцовымъ произведеніемъ, хотя намъ теперь онъ кажется тяжелымъ и нескладнымъ, представляющимъ неудачное смѣшеніе полныхъ фигуръ и рельефовъ. Открытіе академической школы и то обстоятельство, что два первые блюстителя были скульпторы, несомнѣнно дали толчекъ развитію скульптуры. Это доказывается именами Ноллекенса, Банкса и Бэкона.

Бэконъ.
Банксъ.
Ноллекенсъ.

Бэконъ, родившійся въ 1740 году, былъ на пять лѣтъ моложе Банкса и на три моложе Ноллекенса и поступилъ въ академію съ фарфороваго завода въ Чельзи; послѣ онъ дѣлалъ группы, фигуры и животныхъ для заводовъ, производившихъ посуду извѣстную подъ названіемъ lithodipra. Онъ былъ очень счастливъ на преміи; изъ шестнадцати состязаній на общественные памятники онъ получилъ пятнадцать премій. Его работъ много въ Вестминстерѣ; самое из-

вѣстное изъ его произведеній памятникъ Чатаму, а лучшее — памятникъ бригадиру Гопу. Банксъ былъ ученикомъ рѣзчика по дереву и въ теченіе года учился въ академіи св. Мартина, такъ что онъ получилъ сравнительно хорошее образованіе. Но онъ былъ неталантливымъ художникомъ. Онъ брался за странные сюжеты, напр. для императрицы Екатерины онъ рисовалъ «Вооруженный нейтралитетъ», его «Разъяренный Ахиллъ» такъ и не нашелъ покупателя. Его гигантскій памятникъ Эйру Куту, съ пальмовымъ деревомъ по срединѣ, одинъ изъ худшихъ монументовъ въ Вестминстерскомъ аббатствѣ. Но все таки онъ обладалъ нѣкоторымъ дарованіемъ и отличался изящнымъ пафосомъ; утверждаютъ, что королева Шарлота расплакалась при видѣ его памятника Пенелопѣ Бутби. Онъ искренно преклонялся предъ античными произведеніями, но, несомнѣнно, не столько вдохновлялся ими, сколько помнилъ о нихъ. Настроеніе Джозефа Ноллекенса болѣе мужественное. Онъ также, какъ и Шантрей, обладалъ способностью къ портретнымъ изображеніямъ, но только къ нимъ однимъ. Его бюсты очень натуральны, хотя иногда и нѣсколько манерны, и онъ заслуживаетъ памяти за ихъ реализмъ. Онъ умеръ въ 1819 году восьмидесяти одного года, но уже задолго до смерти пересталъ работать.

Флаксманъ.

Единственнымъ англійскимъ скульпторомъ этого вѣка, котораго можно назвать геніальнымъ, былъ Джонъ Флаксманъ. Онъ родился въ 1755 году въ Іоркѣ и былъ сыномъ литейщика, работавшаго у Рубильяка. Джонъ былъ слишкомъ болѣзненнымъ ребенкомъ, чтобы посѣщать школу, такъ что его дѣтство прошло въ мастерской его отца, гдѣ онъ рисовалъ и лѣпилъ, пробовалъ самъ учиться латинскому языку и выучивалъ наизусть латинскія басни. Въ двѣнадцать лѣтъ онъ получилъ премію общества искусствъ за медальонъ, въ пятнадцать лѣтъ онъ былъ студентомъ академіи и получилъ серебрянную медаль. Въ двадцать лѣтъ онъ получилъ заказы отъ фирмы Веджвуда лѣпить для ея товаровъ классическія группы и медальоны. Онъ оказался очень способнымъ къ этому дѣлу. Его искусство лѣпить мелкіе барельефы дѣйствительно феноменально, но работа мелкихъ вещей несомнѣнно имѣла вредное вліяніе на развитіе его таланта. Даже послѣ семилѣтняго пребыванія въ Италіи, когда ему было уже тридцать два года, онъ не могъ отдѣлаться отъ этого вліянія; онъ никогда не могъ вполнѣ справиться съ статуями въ натуральную величину. Самой выгодной изъ его работъ во время пребыванія въ Италіи были рисунки для изданій Гомера и Данте, не только оригинальные, но и полные классическаго, почти настоящаго греческаго настроенія. Онъ дѣлалъ немного бюстовъ и статуй; его эмблематическія группы и общественныя памятники не особенно подходили къ характеру его таланта. Гораздо лучше его многочисленные рельефы, образцы которыхъ можно видѣть во многихъ собо-

рахъ и церквахъ. Большинство ихъ символическія группы, выражающія какую нибудь простую идею или настроеніе, напр. грусть, резиньяцію или утѣшеніе. Онъ трактуетъ такія темы хотя и въ классическомъ духѣ, но не холодно и не условно; онъ умѣетъ соединять истинно человѣчный пафосъ съ никогда не покидающей его граціей. Онъ чуть ли не единственный изъ англійскихъ скульпторовъ, который обладалъ секретомъ соединенія гармоничности античной композиціи съ неаффектированнымъ движеніемъ дѣйствительной жизни. О его талантѣ лучше всего можно судить по коллекціямъ его рисунковъ, эскизовъ и студій въ Лондонѣ и Кембриджѣ. Однимъ изъ его первыхъ покровителей былъ Ромней, Блэкъ и Стотгардъ были друзьми его юности. Въ 1800 году онъ былъ избранъ академикомъ, а въ 1810 году назначенъ профессоромъ скульптуры въ академіи. Его лекціи цѣнны во многихъ отношеніяхъ и въ особенности тѣмъ, что онѣ доказываютъ, что и страстный классикъ можетъ отдавать должное готическому искусству.

Литература.

Трайля.

„Лирическія баллады“.

Обыкновенно началомъ реакціи англійской поэзіи противъ классицизма восемнадцатаго столѣтія считаютъ годы 1798—1800. Въ первый изъ этихъ двухъ годовъ появилось первое изданіе «Лирическихъ балладъ», а во второй изъ нихъ второе изданіе этого знаменитаго тома съ черезъ чуръ прославленнымъ предисловіемъ, въ которомъ Вордсвортъ изложилъ свои взгляды на истинные принципы поэзіи. Какъ бы мы ни смотрѣли на эту реакцію съ ея романтической или съ ея натуралистической стороны, признавая ее подготовленіемъ для болѣе смѣлаго, открытаго и живописнаго изображенія человѣческихъ дѣяній и страстей, или подготовкой поэтовъ къ стремленію къ болѣе близкому соприкосновенію съ природой, къ болѣе простой и искренней поэтической формѣ, мы все же не можемъ принять точности этихъ датъ. Кольриджъ, котораго мы считаемъ первымъ представителемъ этого движенія, никого не привлекъ къ романтизму своимъ примѣромъ при изданіи «Лирическихъ балладъ»; Вордсворту ни его примѣромъ въ текстѣ, ни его разсужденіями въ предисловіи, конечно, не удалось убѣдить людей, что онъ нашелъ настоящій, но забытый языкъ музъ. Но достаточнымъ оправданіемъ того, что появленіе «Лирическихъ балладъ» признается началомъ но-

вой эры, состоитъ въ томъ, что оба поэта ясно понимали двойственный характеръ движенія и обдуманно стремились къ созданію новаго направленія въ поэзіи въ то время, какъ въ ихъ умѣ создавался планъ книги. Это доказывается во всякомъ случаѣ разсказомъ самого Кольриджа. Въ извѣстномъ мѣстѣ «Biographia Literaria» онъ говоритъ:

«Я не помню, кому изъ насъ первому пришла въ голову мысль о возможности созданія ряда поэмъ двухъ родовъ. Въ однихъ событія и дѣятели должны были быть, по крайней мѣрѣ отчасти, сверхъестественными; тутъ достоинство произведеній должно было состоять въ томъ, чтобы заинтересовать читателя драматической правдой эмоцій, естественно сопровождающихъ такія положенія, предполагая ихъ дѣйствительно существующими. Сюжеты второго рода поэмъ должны были быть избраны изъ обыденной жизни, характеры и событія должны быть такими, какіе легко встрѣтить въ любой деревнѣ, вездѣ, гдѣ можетъ найти ихъ вдумчивый и чувствительный человѣкъ».

Оставляя въ сторонѣ случайный ингредіентъ сверхъестественнаго, бывшій, очевидно, только однимъ изъ средствъ отдаленія событій и дѣятелей изъ сферы обыденной жизни, (сущность всего опредѣленія и состоитъ только въ такомъ отдаленіи)—вторая половина приведенной цитаты есть полное опредѣленіе романтическаго. Генерически оно отличается отъ реалистическихъ поэтическихъ формъ тѣмъ, что намѣренно занимается событіями, которыя, будучи сверхъестественными или нѣтъ, представляются болѣе интересными, чѣмъ событія обыденной жизни и потому имѣютъ болѣе возвышенный характеръ; отъ чисто же фантастическаго романтическое отличается своей драматической правдой. Послѣдняя фраза цитаты, конечно, есть изложеніе теоріи Вордсворта о содержаніи поэзіи, которую онъ потомъ дополнилъ въ предисловіи къ «лирическимъ балладамъ» своей теоріей языка поэзіи.

Результаты этой попытки извѣстны. Колльриджъ далъ только двѣ вещи въ этомъ общемъ трудѣ, а Вордсвортъ все остальное—непропорціональность столь велика, что по словамъ Кольриджа его произведенія не только не уравновѣшивали другія, а казались скорѣе вставками совершенно иного содержанія. Помимо того главный его вкладъ, безсмертное стихотвореніе «Старый морякъ», относится скорѣе къ школѣ аллегорической фантазіи, чѣмъ къ романтической, такъ какъ планъ и событія наврядъ ли обладаютъ достаточной связностью, чтобы придать произведенію тотъ человѣчный интересъ, къ которому по собственному признанію стремился поэтъ. Отрывокъ «Христабель», его истинно романтическое образцовое произведеніе, бывшее дѣйствительно прародителемъ всей романтической поэзіи, въ силу случайности, не имѣвшей прецедентовъ въ литературѣ, осталось въ рукописи и ему было суждено вдохновить другого поэта,

прочитавшаго его задолго до того времени, какъ онъ появился въ печати. Что касается до знаменитой поэтической теоріи, изложенной два года позднѣе Вордсвортомъ, то въ это время ее не раздѣлялъ даже его товарищъ, который въ своихъ Biographia Literaria, изданныхъ семнадцать лѣтъ спустя, совершенно уничтожилъ ее, присоединивъ къ своей критикѣ выраженія уваженія и почтенія къ автору теоріи.

Теорія Вордсворта.

Теорія и критика ея—одинъ изъ лучшихъ образцовъ критическаго анализа на англійскомъ языкѣ—могутъ быть изложены здѣсь только въ немногихъ словахъ. Вордсвортъ выставляетъ два главнѣйшія положенія: 1) языкъ поэзіи тождественъ съ прозаическимъ; этимъ онъ хочетъ сказать, что поэты могутъ и должны пользоваться обыкновеннымъ прозаическимъ языкомъ и что всякое существительное, прилагательное, глаголъ и всякая фраза, законно употребляемая въ прозѣ, пригодны и для поэзіи и 2) по многимъ причинамъ, неосновательность которыхъ потомъ доказалъ Кольриджъ, деревенскій языкъ лучше всякаго другого пригоденъ и для прозы и для поэзіи. Иначе говоря, на основаніи этой теоріи у прозы и у поэзіи одинъ только языкъ—и именно крестьянскій. Это было въ сущности дополненіемъ извѣстнаго открытія господина Журденя. Деревенскій парень имѣлъ даже больше основаній быть довольнымъ, чѣмъ достойный мѣщанинъ; какъ ни пріятно было послѣднему открыть, что онъ въ теченіе болѣе сорока лѣтъ говорилъ прозой, самъ не зная объ этомъ, но первому было еще пріятнѣе узнать, что онъ всю свою жизнь говорилъ поэтическимъ языкомъ, не подозрѣвая этого.

Даже простому человѣку, безъ помощи всякой критики, безъ спеціальнаго изученія предмета, долженъ былъ придти въ голову такой вопросъ: если проза ничѣмъ по существу не отличается отъ поэзіи, зачѣмъ же писать стихами, а не прозой? Вордсвортъ, нужно отдать ему справедливость, предвидитъ въ своемъ предисловіи такой вопросъ и его отвѣтъ очень характеренъ для его совершенно безхитростнаго настроенія. «Почему осуждать меня, говоритъ онъ, если къ подобнымъ описаніямъ—т. е. къ описанію деревни и ея жителей, сдѣланному истинно поэтическимъ языкомъ или такимъ языкомъ, который онъ считаетъ поэтическимъ — я попробую присоединить то очарованіе, которымъ по общепризнанному мнѣнію отличается метрическій языкъ?»

Сравните напр. слѣдующія четыре строки:

In distant countries I have been
And yet I have not often seen
A healthy man, a man full grown,
Weep in the public roads alone.

съ нѣсколько коварнымъ, но совершенно точнымъ и сдѣланнымъ деревенскимъ языкомъ переложеніемъ Кольриджа: I have been in a

many parts far and near, and I dont known that I ever before saw a man crying by himself in the public road—a grown man, I mean, that was neither sick nor hurt—и вы въ смущеніи спросите: да гдѣ же тутъ прибавлена прелесть метрической рѣчи, признанная всѣми? Да если бы вы и нашли ее, то она отнюдь не доказываетъ теоріи Вордсворта, будто бы простой деревенскій языкъ и есть естественный языкъ поэзіи, потому что не оригиналъ Вордсворта, а переложеніе Кольриджа, какъ онъ самъ указываетъ, есть естественное выраженіе, которое употребилъ бы крестьянинъ и онъ отличается отъ языка поэта даже словаремъ, напр. синонимами parts вмѣсто distant countries, или crying—вмѣсто weep и т. д.

Очевидно, что желая прибавить очарованіе, Вордсвортъ совершенно выдаетъ свою теорію головой. Разъ приходится признать, что прозаическій языкъ, чтобы имѣть прелесть, свойственную поэзіи, требуетъ какого либо искуственнаго прибавленія, то положеніе Вордсворта безнадежно. Изъ этого признанія слѣдуетъ, что настоящимъ языкомъ поэзіи не можетъ быть обыденный языкъ того или другого общественнаго класса или какая либо иная произвольно избранная и догматически опредѣляемая форма выраженія, что такимъ языкомъ можетъ быть признанъ только такой, который какъ по выбору словъ, такъ и по ихъ расположенію можетъ увеличить наслажденіе, получаемое читателемъ отъ простого литературнаго выраженія мысли автора. Увеличиваютъ или не увеличиваютъ паслажденіе читателя эти избранныя и извѣстнымъ образомъ расположенныя слова—это ужъ вопросъ не законовъ поэзіи, а просто эстетическій фактъ; ничья поэзія въ этомъ отношеніи не вызываетъ такихъ разнообразныхъ мнѣній, какъ поэзія Вордсворта. Когда онъ спрашиваетъ собирателя піявокъ: «гдѣ вы живете и что вы дѣлаете?»—онъ, конечно, не увеличиваетъ того наслажденія, какое мы получили бы, еслибы этотъ вопросъ былъ сдѣланъ прозой. Но когда онъ сравниваетъ подвижимую, стоящую у озера фигуру этого собирателя съ облакомъ:

> That heareth not the loud winds when they call,
> But moveth altogether if it move at all,

тогда онъ, конечно, добивается такого увеличенія нашего наслажденія.

Критика Кольриджа.

Намъ незачѣмъ слѣдовать за Кольриджемъ въ его подробномъ опроверженіи этой ошибки Вордсдорта. Было бы достаточно для этого даже одного изъ его аргументовъ. Сильнѣйшіе изъ нихъ слѣдующіе: 1) даже въ томъ случаѣ, еслибы словарь поэзіи былъ тождественнымъ съ словаремъ прозы, то одно измѣненіе синтаксиса вслѣдствіе требованій рифмы составляло бы существенное различіе этихъ двухъ формъ рѣчи и 2) собственный примѣръ Вордсворта опровергаетъ его правила, такъ какъ до поэзіи онъ возвышается только тогда, когда употребляетъ поэтическій языкъ; тогда какъ въ

томъ случаѣ, когда онъ намѣренно отказывается отъ употребленія такого языка, онъ впадаетъ въ голую и плоскую прозу. Примѣръ Вордсворта искупаетъ его теорію, у Кольриджа нѣтъ теорій, которыя ему нужно бы было искупить. Потому онъ раньше Вордсворта получилъ вліяніе тогда какъ вліяніе Вордсворта было, можетъ быть, въ концѣ концовъ бо́льшимъ. Вслѣдствіе какой то ироніи судьбы оказалось, что Кольриджъ, заботившійся больше о содержаніи поэзіи, чѣмъ о ея механизмѣ, былъ однимъ изъ величайшихъ англійскихъ мастеровъ поэтической формы, тогда какъ Вордсвортъ, считавшій себя изобрѣтателемъ или во всякомъ случаѣ возстановителемъ истиннаго поэтическаго языка, занимаетъ въ англійской литературѣ почетное мѣсто вслѣдствіе силы и глубины поэтическаго чувства— которыя перевѣшиваютъ даже многіе недостатки формы. Несравненная музыкальность перваго обогатила англійскую поэзію также, какъ вдохновеніе второго расширило ея горизонты.

Озерная школа.

Было бы большой ошибкой считать этихъ двухъ поэтовъ непосредственными основателями школы, въ томъ смыслѣ, въ которомъ употребляютъ этотъ терминъ, когда говорятъ, напр., о греческомъ философѣ или старомъ мастерѣ. Въ такомъ смыслѣ озерной школы совсѣмъ не существовало, какъ это давно уже указывалъ извѣстный писатель, имя котораго въ началѣ столѣтія соединяли съ именами предполагаемыхъ основателей школы. Дѣло въ томъ, что Вордсвортъ по рожденію и по браку имѣлъ естественную связь съ страной озеръ и вслѣдствіе литературной симпатіи привлекъ туда и Кольриджа, который въ свою очередь вслѣдствіе брачныхъ связей привлекъ Соутея. Вслѣдствіе такихъ случайныхъ личныхъ или семейныхъ связей первоначально и образовалась колонія на озерахъ; современные же критики, не зная или не желая знать объ этихъ фактахъ, вообразили, что три поэта сошлись вслѣдствіе общности литературнаго направленія, и особенно вслѣдствіе общности взглядовъ на истинную роль поэзіи, и на истинную теорію поэтической дикціи. Подъ вліяніемъ такого заблужденія, замѣчаетъ Де Кинси, люди находили въ ихъ произведеніяхъ общія свойства и назвали ихъ общимъ именемъ поэтовъ озерной школы, хотя у Вордсворта и у Соутея не было ничего общаго и ихъ враждебность всегда совершенно очевидна.

Тѣмъ не менѣе случайное ихъ сожительство въ одной мѣстности было во всякомъ случаѣ счастливымъ обстоятельствомъ. Если вслѣдствіе его публика и была несправедлива относительно отдѣльныхъ лицъ, то это сожительство косвенно популяризировало новое направленіе поэзіи и возбудило въ публикѣ любопытство къ личности поэтовъ. Такія знакомыя, хотя и не точныя, выраженія, какъ «озерная школа», «лакисты», «озерная поэзіи», несомнѣнно возбуждали общественное вниманіе къ вопросамъ о содержаніи поэзіи и о ея

манерѣ. Но строго говоря, къ школѣ принадлежали только два поэта, Вордсвортъ и Кольриджъ, потому что Соутей, бывшій замѣчательнымъ прозаикомъ, въ качествѣ поэта былъ много ниже обоихъ и его поэмы, когда то высоко цѣнимыя, теперь считаются простой реторикой. Ламбъ, Де Кинси и другіе, имена которыхъ въ тогдашней полемикѣ часто соединялись съ школой, были гораздо менѣе приверженцами школы, чѣмъ поклонниками двухъ великихъ поэтовъ.

А кромѣ того изъ этихъ двухъ поэтовъ учителемъ и пропагандистомъ идей школы былъ только одинъ. «Христабель» Кольриджа пользовалась вліяніемъ еще до изданія этой поэмы, вліяніе это не было широкимъ, но сильнымъ и значительнымъ; поэма была издана только въ 1816 году, да и тогда имѣла мало вліянія на критику и тѣмъ болѣе на публику. Слѣдуетъ также имѣть въ виду, что черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ написанія поэмы, около 1802—3 года, поэтическія способности автора ослабѣли вслѣдствіе болѣзни и злоупотребленія опіемъ. Его талантъ созрѣлъ быстрѣе, чѣмъ у Вордсворта, но время его цвѣтенія было страшно коротко. Старшій поэтъ напротивъ продолжалъ упорно работать въ теченіе многихъ лѣтъ. Нельзя сказать, что ростъ его таланта былъ непрерывнымъ, по крайней мѣрѣ нельзя сказать, чтобы всѣ стороны его таланта развивалась. Вордсвортъ никогда не обладалъ красотой языка и способностью самокритики. Къ обсуждаемому періоду относится самая большая изъ его поэмъ: Excursion. Она написана въ 1814 году и потому ее можно считать принадлежащей ко времени полнаго развитія таланта поэта и, дѣйствительно, въ поэмѣ есть мѣста, достойныя таланта Вордсворта; и однако ни въ одной его поэмѣ не замѣчается такой неровности, какъ въ этой; нигдѣ мы такъ быстро не спускаемся съ поэтической высоты къ самой плоской прозѣ; читая ее, мы постоянно должны вспоминать, что авторъ этихъ общихъ мѣстъ есть вдохновенный творецъ: «Оды на безсмертіе».

Поэмы Скотта.

Какъ извѣстно, чтеніе неоконченной поэмы «Христабель» въ рукописи дало первый толчекъ созданію романтичесчихъ поэмъ Вальтера Скотта. До этихъ поръ онъ былъ извѣстенъ только нѣкоторыми метрическими переводами съ нѣмецкаго и немногими оригинальными стихотвореніями, хотя его склонность къ романсу уже проявилась въ собраніи имъ и изданіи шотландскихъ балладъ. Но въ 1805 году случайное повтореніе «Христабель», которую онъ читалъ два или три года тому назадъ, «фиксировало, какъ говоритъ Локгартъ, музыку этой превосходной поэмы въ его памяти» и онъ рѣшился изложить исторію Джильпина Горнера въ подобныхъ стихахъ,—результатомъ была «Пѣснь послѣдняго министреля»; въ 1808 года за этимъ послѣдовалъ «Марміонъ», а въ 1810 «Лэди озера»; съ этихъ поръ Скоттъ почти ежегодно издавалъ по одной романтической поэмѣ и закончилъ серію въ 1815 году «Лордомъ острововъ». Поэмы поль-

зовались большимъ и заслуженнымъ успѣхомъ, потому что хотя у Скотта и не было чрезвычайной музыкальности Кольриджа, его мечтательной нѣжности, его мистическаго воображенія, все таки въ его повѣствованіяхъ есть огонь и характерность, въ его описаніяхъ природы много мастерства — доказательствомъ можетъ служить превосходное начало: «Лэди озера»: The stag at eve had trunk his fill»; эти строки неизбѣжно заставляютъ всѣхъ, не рѣшающихся признать настоящей поэзіей эти блестящіе рифмованные романсы, сдѣлать ихъ опредѣленія поэзіи болѣе широкими. Горячее вдохновеніе Скотта несомнѣнно начало нѣсколько охладѣвать около 1815 года послѣ десятплѣтней плодовитой поэтической работы; но, какъ извѣстно, только убѣжденіе, не совсѣмъ неосновательное, въ томъ, что первыя романтическія поэмы Байрона заслоняютъ въ мнѣніи публики его поэмы, заставило Скотта, къ его славѣ и къ неувядаемой славѣ англійской литературы, перейти отъ поэзіи къ прозѣ.

Первыя поэмы Байрона.

Поэтъ, заставившій Скотта оставить поэтическое поприще, еще пока не превзошелъ его въ силѣ таланта, хоть ему и было суждено потомъ превзойти его; то обстоятельство, что публика предпочла сценическихъ героевъ «Корсара» и «Гяура» настоящему драматизму «Марміона» или «Пѣсни послѣдняго министреля» доказываетъ скорѣе непостоянство ея литературнаго вкуса, чѣмъ правильность ея оцѣнки. Не слѣдуетъ забывать, что поэтическая слава Байрона въ 1815 году основывалась только на этихъ блестящихъ, но искусственныхъ поэмахъ. Правда, уже появились двѣ первыя, худшія изъ всѣхъ, пѣсни Чайльда Гарольда; но онѣ далеко не давали надежды на появленіе такихъ блестящихъ произведеній, какими были послѣдующія пѣсни. Только въ послѣдующій періодъ Байронъ занимаетъ то мѣсто въ англійской поэзіи, которое отведено ему судомъ потомства.

Первыя произведенія Шелли.

Совсѣмъ иное слѣдуетъ сказать о Шелли, бесѣду о которомъ вы тоже должны отложить до слѣдующаго тома. Онъ былъ на пять лѣтъ моложе Байрона и получилъ извѣстность гораздо позднѣе его; но его геній созрѣлъ быстрѣе и въ такомъ возрастѣ, въ которомъ авторъ «Донъ Жуана» и третьей и четвертой пѣсней «Чайльда Гарольда» еще довольствовался грубыми общими мѣстами «Часовъ бездѣлья», будущій авторъ «Освобожденнаго Прометея» и «Ченчи» уже написалъ «Королеву Мабъ». Незрѣлость и недостатки этой странной поэмы слишкомъ замѣтны. Осмѣянная или игнорируемая во время ея появленія, она въ позднѣйшее время была расхвалена нѣкоторыми до нелѣпости; но при всѣхъ ея юношескихъ недостаткахъ и крайностяхъ, безпристрастный критикъ не можетъ не признать ее самымъ поразительнымъ и могучимъ произведеніемъ фантазіи и самымъ многообѣщающимъ произведеніемъ, когда либо написаннымъ поэтомъ, которому не было еще и двадцати лѣтъ. Нельзя во всякомъ случаѣ отрицать того, что лучшія ея мѣста гораздо болѣе

напоминаютъ намъ о настоящемъ Шелли, чѣмъ произведенія Байрона до 1816 года напоминаютъ настоящаго Байрона, а въ этомъ году Байрону уже было двадцать лѣтъ.

Изъ другихъ меньшихъ поэтовъ (хотя въ то время ихъ наврядъ ли признали бы меньшими) слѣдуетъ упомянуть о Кампбеллѣ и Мурѣ. Первый изъ нихъ, впрочемъ, могъ бы имѣть право и на названіе перворазряднаго поэта, если имѣть въ виду только тѣ изъ его небольшихъ стихотвореній, которыя самъ онъ цѣнилъ наименѣе. Два батальныя стихотворенія и одна патріотическая баллада. Томаса Кампбелля, «Моряки Англіи», «Гогенлинденъ» и стихотвореніе въ честь побѣды при Копенгагенѣ считаются и до сихъ поръ одними изъ лучшихъ образчиковъ воинственной лирики на англійскомъ языкѣ. Ихъ читаютъ и имъ удивляются и теперь, когда «Удовольствія надежды»— эти мягкія и изящныя стихотворенія на манеръ Гольдсмитовскихъ, доставившія знаменитость юношѣ Кампбелю въ такое время (1799), когда манеру Гольдсмита можно бы было считать совершенно устарѣлой, совершенно забыты, за исключеніемъ развѣ немногихъ строкъ. Послѣ почти десятилѣтняго воздержанія отъ поэтической дѣятельности Кампбель былъ увлеченъ романтическимъ движеніемъ, результатомъ этого увлеченія была «Гертруда Віомингъ»; поэма была хорошо принята, но далеко не имѣла того успѣха, какъ прежнія произведенія автора. Кампбель сохранится въ потомствѣ своими менѣе крупными произведеніями и въ этомъ отношеніи онъ похожъ на Томаса Мура, безсмертіе котораго тоже слѣдуетъ признать съ нѣкоторыми оговорками. Томасъ Муръ (1779—1852) въ первые годы описываемаго періода пріобрѣлъ нѣкоторую извѣстность томикомъ изящныхъ, хотя и не вполнѣ приличныхъ любовныхъ поэмъ, а въ 1807 году вошелъ въ соглашеніе съ однимъ музыкальнымъ издателемъ относительно доставки ему текста къ собранію ирландскихъ мотивовъ. Ни раньше, ни позже никто не имѣлъ подобнаго успѣха въ дѣлѣ составленія текста къ музыкѣ. Правда, что въ «Ирландскихъ мелодіяхъ» есть нѣкоторыя слѣды ихъ происхожденія; онѣ до извѣстной степени искуственны, въ нихъ нѣтъ свѣжести и наивности, эпической силы и простоты настоящей народной поэзіи; но онѣ были произведеніемъ человѣка, котораго меланхолическая прелесть страны и ея музыка вдохновила столь истиннымъ и столь сильнымъ чувствомъ, что его стихотворенія часто, если и не всегда, выше простой обыденности и возвышаются до настоящей поэзіи. Отсутствіе такой искренности дѣлаетъ другія его произведенія сравнительно холодными и безжизненными—вслѣдствіе чего его »Ирландскія мелодіи» и немногія другія лирическія произведенія сохраняются въ литературѣ и до сихъ поръ, тогда какъ «Лалла—Рукъ» совершенно забыта.

Кампбель и Муръ.

Принимая во вниманіе то замѣчательное количество и разнообра-

Проза 1802—1815.

зіе родовъ, которымъ отличалась литература непродолжительнаго разсматриваемаго нами періода, нельзя не удивляться тому нѣсколько странному отсутствію великихъ прозаиковъ, которымъ онъ отличается. Но необходимо ограничить это замѣчаніе только самими произведеніями, а не авторами, такъ какъ въ періодъ отъ 1802 до 1815 года жили и писали люди, впослѣдствіи оставившіе прочный слѣдъ въ прозаической литературѣ. Но они или еще не достигли зрѣлости, или еще не сознавали своей настоящей силы. Скоттъ въ теченіе всего этаго періода занимался писаніемъ метрическихъ романовъ и только въ 1815 году, т. е. въ концѣ описываемаго періода, написалъ «Ваверлея». Де-Кинси въ теченіе этаго періода или велъ цыганскую жизнь въ Лондонѣ или охотился на озерахъ. Газлитъ уже работалъ въ 1812 году въ періодической печати, но еще не проявилъ той критической способности, въ которой съ нимъ не могли сравняться ни его современники, ни люди послѣдующихъ поколѣній. Карлъ Ламбъ уже оставилъ свои раннія и не особенно удачныя попытки писать стихи, къ которымъ его побудили его дружба и уваженіе къ Вордсворту; послѣ непродолжительнаго и еще менѣе удачнаго ухаживанія за драматической музой онъ издалъ первыя прозаическія вещи, которыя уже указывали на него, какъ на очень умнаго и симпатизирующаго цѣнителя поэзіи эпохи Елизаветы, но въ которыхъ еще только частію проявлялся изящный талантъ эссеиста, сдѣлавшагося потомъ подъ псевдонимомъ «Elia» однимъ изъ классическихъ прозаиковъ Англіи.

Соутей.

Былъ только одинъ перворазрядный прозаическій писатель, уже и въ это время давшій литературѣ произведенія перворазрядныя. Именно въ это время Соутей переработалъ свою журнальную статью въ небольшую, но самую лучшую изъ его біографій. Біографія Нельсона также, какъ и другія біографіи Соутея, можетъ быть признана образцомъ англійской прозы девятнадцатаго вѣка. И это тѣмъ болѣе замѣчательно, что Соутей въ отличіе отъ двухъ величайшихъ прозаиковъ предшествующаго поколѣнія не обладалъ какой либо чрезвычайной силой индивидуальности, которая дѣлала бы его стиль индивидуальнымъ. Писатели, обладающіе такой силой индивидуальности, разумѣется, создаютъ оригинальныя вещи и оставляютъ потомству замѣчательные литературные памятники. Но по той же причинѣ они являются гораздо менѣе яркими представителями своей эпохи и ихъ произведенія гораздо менѣе бываютъ указателями стадіи развитія, достигнутой литературнымъ языкомъ въ то время, когда они пишутъ. Біографіи же Соутея опредѣлили характеръ прозы девятнадцатаго вѣка. Менѣе формальная по конструкціи, менѣе реторичная, чѣмъ проза предыдущей эпохи, она отличалась простотой и правильностью, художественной сжатостью и сдержанностью. Въ прозѣ Соутея нѣтъ тѣхъ качествъ, которыя поражаютъ насъ у Гиббона, которыя чару-

ютъ, почти опьяняютъ насъ у Борка; но мы сознаемъ въ тоже время, что ни Боркъ, ни Гиббонъ не могли бы воспользоваться ихъ литературнымъ орудіемъ для краткой біографіи съ такимъ мастерствомъ, съ какимъ пользуется своимъ орудіемъ Соутей въ Біографіи Нельсона. И въ особенности мы сознаемъ, что для среднихъ людей, которыхъ всегда бываетъ больше, чѣмъ безсмертныхъ писателей, проза Соутея несравненно болѣе полезный образецъ, чѣмъ проза Гиббона или Борка.

Критика.

Если образцовыя біографіи этаго замѣчательнаго писателя были единственнымъ цѣннымъ вкладомъ въ прозаическую литературу въ теченіе этаго періода, то въ первое его десятилѣтіе уже произошли два событія, имѣвшія большую важность для исторіи англійской литературы. Тогда впервые появляется критика, какъ отдѣльная литературная отрасль. Конечно, и раньше существовали крупные критики, часто люди, отличавшіеся и замѣчательнымъ умомъ и выдающимся талантомъ. Таковы были Драйденъ въ семнадцатомъ столѣтіи и Джонсонъ въ восемнадцатомъ; но они только случайно, такъ сказать, были критиками; они были поэтами, учеными, историками, всегда и прежде всего моралистами, а критиками они бывали только потомъ и случайно. И въ особенности значеніе и вліяніе ихъ критики обусловливались только ихъ извѣстностью. Если имена ихъ не подписывались или не были извѣстны, не было возможности замѣнить ихъ личный авторитетъ какимъ либо корпоративнымъ. Для публики было совершенно безразлично, что извѣстная статья объ извѣстной книгѣ или извѣстномъ литературномъ явленіи появлялась въ World или въ Connaisseur. Періодическая печать въ это время еще не пользовалась никакимъ авторитетомъ, публика еще не прислушивалась къ ея мнѣнію, какъ прислушивается теперь, когда она знаетъ, что это мнѣніе даже и въ томъ случаѣ, если статья не подписана и невозможно угадать ея автора, принадлежитъ тому или другому изъ сотрудниковъ органа, всѣ работники въ которомъ болѣе или менѣе талантливы и люди признанной компетентности въ области литературной критики.

Въ самомъ началѣ періода критика и нашла такой органъ. Въ 1802 году небольшая группа литераторовъ, соединенныхъ общими литературными симпатіями и одинаковыми политическими убѣжденіями, основала журналъ Edinburgh Review. Всѣ они обладали несомнѣнными, хотя и неодинаковыми, способностями, большинство ихъ обладало значительными свѣдѣніями и по крайней мѣрѣ одинъ изъ нихъ, Бругамъ, обладалъ всеобъемлющимъ знаніемъ. Въ первыхъ номерахъ журнала далъ свои произведенія Скоттъ; Сидней Смитъ тоже писалъ тамъ свои остроумныя статьи, будущій канцлеръ Бругамъ писалъ неутомимо и съ поразительной быстротой о всевозможныхъ предметахъ; Френсизъ Джефрей, первый издатель, былъ въ нѣкоторомъ родѣ

прирожденнымъ издателемъ, такъ что черезъ нѣсколько лѣтъ новый журналъ сдѣлался силой. Неудачное и невеликодушное нападеніе журнала въ 1809 году на испанскихъ патріотовъ, въ то время пытавшихся бороться противъ Наполеона, раздражило подписчиковъ тори; слѣдствіемъ этаго было основаніе другого журнала Quaterly Review. Новый журналъ, съ самаго начала пользовавшійся одобреніемъ и дѣятельной поддержкой Скотта и вскорѣ получившій помощь и другихъ видныхъ писателей, вродѣ Соутея, Локгарта и другихъ, сразу занялъ положеніе, равное прежнему журналу; можно сказать, что въ теченіе болѣе чѣмъ одного поколѣнія оба журнала играли роль «исполнительныхъ комиссаровъ печати» или «лорда верховнаго цензора», которую раньше исполняли съ такимъ авторитетомъ отдѣльные писатели, но фактически упраздненную со времени Джонсона.

Джефрей и другіе критики.

Конечно, эти журналы были настолько же мало непогрѣшимы, какъ и всякіе другіе «исполнительные комиссары», какіе существовали въ литературѣ, да вѣроятно и впредь существовать будутъ; къ несчастію, въ числѣ ихъ ошибокъ попадались и чрезвычайно важныя, о которыхъ потомство вспоминаетъ въ связи съ именами геніевъ, непризнанныхъ ими. За это они подверглись чрезмѣрному наказанію. Зоилъ могъ быть очень компетентнымъ судьей поэзіи, но вслѣдствіе того, что онъ имѣлъ несчастіе нападать на безсмертнаго, онъ и самъ сдѣлался безсмертнымъ — только наоборотъ. Онъ живетъ въ потомствѣ съ непріятной кличкой Homeromastix'a, потому что объ Иліадѣ и Одиссеѣ онъ высказалъ свой приговоръ, что «это негодится». Къ счастію для критика, оскорбившаго Вордсворта и для другого, непризнавшаго Китса, эти грѣхи не составляютъ всего ихъ багажа. Они высказывали много иныхъ и болѣе здравыхъ сужденій, и потому было бы несправедливо помнить, какъ это обыкновенно дѣлается, только объ этихъ ошибкахъ. Джеффрей во всякомъ случаѣ былъ критикомъ съ недюжинными способностями, что доказывается его остроумными и безпристрастными отзывами о современной ему литературѣ; ему и Джиффорду въ Quaterly помогали писатели, заслуги которыхъ въ дѣлѣ поддержанія высокаго уровня литературы и въ дѣлѣ открытія и разоблаченія претензій литературныхъ бездарностей далеко перевѣшиваютъ тѣ ошибки въ критическихъ отзывахъ, въ которыхъ ихъ упрекали. Безспорно, что на ихъ приговоры вліяли сильныя партійныя разногласія, столь рѣзкія въ началѣ девятнадцатаго вѣка, что они вводили эти партійные взгляды въ такія сферы литературы, гдѣ они неумѣстны; но это означаетъ только то, что люди рѣдко доходятъ въ своей дѣятельности до высоты своихъ принциповъ. Литературные же ихъ принципы были безупречны и они только дѣлаютъ честь людямъ, съумѣвшимъ провозгласить и ввести ихъ. Остается несомнѣннымъ тотъ фактъ, что два большіе журнала, основанные въ началѣ текущаго столѣтія, первые начали

исполнять функціи, чрезвычайно важныя для интересовъ англійской литературы, что главные ихъ сотрудники несомнѣнно составляли «коллегію критики», въ настоящемъ смыслѣ этаго слова, что они создали традиціи, которымъ слѣдовали позднѣйшія поколѣнія и критическій методъ, который только былъ развитъ, а не измѣненъ ихъ наслѣдниками.

Промышленность.

Тоунсенда Варнера.

Введеніе новыхъ процессовъ.

Въ отличіе отъ второй половины восемнадцатаго вѣка періодъ 1801 до 1815 года не отличался важными изобрѣтеніями. Правда, изобрѣтеній было не мало, но они были мелкія или только представляли усовершенствованія извѣстныхъ уже процессовъ. Машины употреблялись во всѣхъ отрасляхъ промышленности и приспособлялись отъ одной отрасли къ другой. Онѣ становились все болѣе сложными, но не были новыми по ихъ принципамъ. Паровая машина стала обычной, ей пользовались для новыхъ цѣлей. Городское населеніе быстро увеличивалось, вездѣ появились фабрики, настала эпоха капиталистовъ, эпоха организаціи труда. Люди, обладавшіе деньгами и дѣловыми способностями, примѣняли изобрѣтенія восемнадцатаго вѣка и составляли громадныя состоянія. Но время было такое, что требовались подвижность и предпріимчивость; ни одинъ фабрикантъ, неспособный усвоить новыя понятія, разбогатѣть не могъ. Во всѣхъ отрасляхъ промышленности все болѣе и болѣе пользовались изобрѣтеніями, сдѣланными въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ; дженни, водяныя машины и тонкопрядильная машина сдѣлались общераспространенными. Келли пытался примѣнить къ послѣдней механическую силу и хотя ему не вполнѣ удалось это, онъ все таки имѣлъ возможность устроить такъ, что одинъ рабочій управлялъ двумя машинами. На желѣзнодѣлательныхъ заводахъ вездѣ употребляли пудлингованіе и прокатываніе; цилиндрическое печатаніе ситцевъ тоже вошло въ общее употребленіе. Механическій станокъ и чесальная машина тоже распространялись, хотя и медленно.

Механическій станокъ. Радклифъ.

Механическій станокъ былъ непопуляренъ среди рабочихъ, но не это было причиной его поздняго распространенія. Устроенный Картрайтомъ, онъ былъ очень несовершенной машиной, хотя лежащій въ его основаніи принципъ и былъ очень плодотворнымъ. Онъ былъ неуклюжъ и работа на немъ была медленной, такъ какъ было необходимо его постоянно останавливать, чтобы направлять основу.

Честь побѣды надъ такимъ неудобствомъ принадлежитъ двоимъ: Джонсону, рабочему въ Стокпортѣ, и его хозяину Вилльяму Радклифу, давшему Джонсону деньги на опыты. Радклифъ былъ человѣкомъ съ извѣстными общественными убѣжденіями, онъ не хотѣлъ, чтобы англійская хлопчатобумажная крученная пряжа вывозилась; самъ онъ не хотѣлъ продавать пряжу съ его фабрики иностранцамъ и устроилъ въ 1800 году въ Манчестерѣ большой митингъ прядильщиковъ хозяевъ для разсмотрѣнія этого вопроса. Затрудненіе состояло въ добываніи хлопчатобумажнаго утка. Съ 1750 по 1788 годъ «хлопокъ сдѣлался почти всеобщимъ матеріаломъ на фабрикахъ» — говоритъ Радклифъ; ручная пряжа была заброшена, мѣсто ея заняла новая прядильная машина. И все таки ручная машина сохранялась кое гдѣ. Ратклифъ приводитъ въ примѣръ Томлинсоновъ, четырехъ дѣвушекъ-сиротъ, изъ которыхъ младшей было сорокъ лѣтъ; у нихъ было прядильное заведеніе, состоявшее изъ двухъ паръ ручныхъ чесальныхъ машинъ и пяти ручныхъ колесъ; своей работой онѣ уплачивали ренту съ ихъ фермы. Онѣ держали три коровы, одну лошадь, обработывали поле и ихъ ферма была извѣстна продажей яицъ и масла. Одна изъ сестеръ выдерживала конкуренцію до 1822 года. Но вообще такія заведенія быстро погибали отъ конкуренціи машинъ. Ткачи устраивали свои заведенія повсемѣстно; ремонтировались и приспособлялись для ткацкихъ заведеній старые амбары, завозни, всякія надворныя строенія. Строили и новые коттеджи. Всякая семья заработывала до 40, 60, 80, 100 и даже 120 шиллинговъ въ недѣлю. Увеличеніе и распространеніе житейскихъ удобствъ были очевидными. Люди ходили въ церковь въ лучшемъ платьѣ, во всякомъ коттеджѣ появились часы, обычными стали и чайные сервизы. Это былъ золотой вѣкъ для рабочихъ хлопчатобумажной промышленности. Ткачей оказывалось мало. Въ тридцати миляхъ отъ Манчестера въ сторону Чешира и Дербишира не было ни одной деревни, куда нѣкоторые изъ фабрикантовъ не отдавали бы основы для ея переработки въ товары и не запимали бы работой всѣхъ ткачей льняныхъ и шерстяныхъ товаровъ, производство которыхъ падало по мѣрѣ роста хлопчатобумажнаго производства. Радклифъ приступилъ къ усовершенствованіямъ именно въ виду недостатка ткачей и станковъ. Джонсонъ былъ сынъ рабочаго на его фабрикѣ, онъ былъ человѣкомъ не столько прилежнымъ, сколько остроумнымъ и умѣлымъ. Радклифъ объяснилъ этому лѣнивому умнику, что именно требуется и послѣ нѣсколькихъ опытовъ они устроили:

«Новую систему сноваиья, наклейки, дрессированья, навертыванія на веретена, натягиванія и крученія пряжи, изобрѣли новые челноки для ткачей; новый челнокъ былъ на половину меньше стараго».

Процессъ работы описывается Радклифомъ слѣдующимъ образомъ:

«Пряжа сначала навертывается съ веретена на катушки машиной (windingmachine), при этой операціи она для увеличенія натягиванія пропускается чрезъ воду. Потомъ катушки вкладываются въ ткацкую машину и основа съ нихъ переходитъ на ось (beam) дрессировальной машины. Оттуда основа навертывается на ось ткацкаго станка, но предъ этой операціей она проходитъ чрезъ дресированіе горячимъ крахмаломъ. Потомъ основа выжимается между валами для освобожденія отъ влаги, полученной ей при дрессированіи и натягивается потомъ на цинковые цилиндры, нагрѣваемые паромъ для просушки. Во время этого процесса она слегка вычесывается при движеніи и обвѣвается быстро вращающимися опахалами (fanners)».

На такой процессъ, болѣе сложный и совершенный по сравненію съ прежними, Радклифъ взялъ патентъ. Дальнѣйшія усовершенствованія механическаго станка были сдѣланы Гарроксомъ, станки котораго были желѣзные и гораздо меньше и компактнѣе старыхъ. Его станки, какъ болѣе простые и болѣе быстро работавшіе, вошли въ общее употребленіе. Въ 1813 году было въ дѣлѣ 100 дрессированныхъ машинъ и 2,300 механическихъ станковъ. Но это было только начало развитія; въ 1820 году было уже 14,150 станковъ, а въ 1833—100,000.

Машины въ шерстяной промышленности.

Механическій станокъ былъ непопулярнымъ, но онъ не возбуждалъ въ рабочихъ такого озлобленія, какъ чесальная машина. Механическій челнокъ употреблялся главнымъ образомъ въ хлопчатобумажномъ ткачествѣ, тогда какъ чесальная машина употреблялась въ шерстяной промышленности. Хлопчатобумажная промышленность была молодой и ей приходилось бороться съ многими препятствіями; она никогда не пользовалась покровительствомъ парламента, по временамъ къ ней относились не особенно милостиво. Шерстяная промышленность напротивъ была баловнемъ Англіи; она, такъ сказать, переросла мѣру. Раньше промышленникамъ было достаточно предъявить какое нибудь требованіе, чтобы ихъ немедленно удовлетворяли. Она была старой и почетной промышленностью, особенно выгодной для королевства, любимицей, поддерживаемой королями и государственными людьми и уважаемой и покровительствуемой парламентомъ. Такъ какъ почти всѣ крупныя изобрѣтенія въ текстильной промышленности примѣнялись сначала къ хлопчатобумажной промышленности, то рабочіе шерстяной промышленности сначала не были затронуты ими. Но чесальная машина Картрайта нанесла имъ сильный ударъ; эта машина была изобрѣтена не для обработки хлопка и потомъ примѣнена въ шерстяной промышленности, она была сразу введена въ этой послѣдней и совсѣмъ не имѣла отношенія къ хлопчатобумажной промышленности. Поэтому рабочіе были особенно раздражены противъ машины. Такъ какъ почти всѣ механическіе процессы, употребляемые при хлопчатобумажномъ пряденьи, могли съ

нѣкоторыми видоизмѣненіями быть примѣнены и къ шерстяной промышленности, то удивительно, что они были примѣнены къ ней сравнительно поздно. Въ 1800 году, когда ручное пряденье хлопчатой бумаги уже вышло изъ употребленія, ручное пряденье шерсти было еще обычнымъ. Въ теченіе нѣкотораго времени даже въ настоящемъ столѣтіи ручная пряжа шла объ руку съ машинной. Такая медленная замѣна ручного труда машиннымъ въ шерстяной промышленности обусловливалась тѣмъ обстоятельствомъ, что промышленность не была локализирована, а распространена по всей странѣ.

Когда при принятіи акта Уніи предполагали разрѣшить вывозъ шерсти въ Ирландію, были поданы противъ этого петиціи отъ ста тринадцати фирмъ въ Лондонѣ, изъ Корнваллиса, Экзетера, Тотнеса, Тивертона, Вельшпуля, Фрома, Бюри С. Эдмундъ, Гуддерсфильда, Тавистока, Пэнсуика, Рочдэля, Гунтингдона, Норвича, Сомерсетшира, Сюдбюри, Галифакса, Глочестера, Бюри, Престона, Гарборо, Уитнея, Уивелискомба, Соутварка, Брадфорда, Сиренчестера, Кольна, Бернлея, Банбюри, Шревсбюри, Лидса, Уэкфильда, Гауорта, Кендаля, Аддингама, Киддерминстера, Кейгли, Скиптона и Салисбюри. Хлопчатобумажная промышленность была локализирована въ Ланкаширѣ и Чеширѣ и свѣдѣнія о новыхъ машинахъ быстро распространялись; кромѣ того эта промышленность, какъ молодая, была болѣе гибкой и менѣе связанной традиціями. Шерстяная промышленность напротивъ была старой и сравнительно болѣе неподвижной, въ ней подражаніе рѣдко имѣло мѣсто. Поэтому трудно сказать что либо опредѣленное относительно распространенія въ ней машинъ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ онѣ были приняты спокойно, а въ другихъ были причиной бунтовъ и насилій; вражда къ машинамъ была не только мѣстной, но и случайной; нѣкоторыя изъ машинъ возбуждали ее, а другія нѣтъ. Мы уже упомянули о враждѣ къ чесальной машинѣ; ворсильныя машины напротивъ были приняты благосклонно и до конца столѣтія были уже въ общемъ употребленіи. Въ 1793 году Артуръ Юнгъ упоминаетъ о машинахъ для разчесыванія шерсти (unclothing and puffing out). Въ западномъ Ридингѣ ручные прядильщики носили свою шерсть на тростильную машину для чесанья (scribbing and carding) и трощенія. Въ 1790 году упоминается о машинахъ для трепанья шерсти передъ ея чесаньемъ; «при посредствѣ этой машины фабрикантъ за $1^1/_2$ д. дѣлаетъ столько, сколько раньше дѣлалось за $4^1/_2$ д. Работы для прядильщиковъ было все таки достаточно даже и въ то время, когда предварительная обработка производилась машинами. Но введеніе машинъ не ограничилось одной предварительной обработкой. Въ 1791 году машинное пряденіе на дженни происходило въ Барнстэплѣ, Оттери С. Мэри и Кендалѣ. На машины косились, но оказалось, что работа имѣется и для ручныхъ прядильщиковъ. Машинная пряжа конкурировала съ ручной, но сна-

чала не выбросила ее съ рынка. Правда, ручнымъ прядильщикамъ приходилось работать больше, чтобы имѣть возможность удержаться, ихъ затрудненія увеличивались тѣмъ обстоятельствомъ, что машинная пряжа была тоньше, а такъ какъ прядильщикамъ платили съ фунта, то для полученія той же платы имъ приходилось сдѣлать больше. Около 1800 года машинное пряденіе было уже обычнымъ въ западномъ Ридингѣ. Это было дѣломъ Вениміана Готта, крупнаго фабриканта, вводившаго разныя новыя машины. Ручные прядильщики заработывали очень мало. Въ восточныхъ графствахъ они получали 4 д., тогда какъ въ 1760 году они получали 7 д., но промышленность ушла оттуда и потому заработная плата понизилась. Въ Галифаксѣ въ 1791 году прядильщики получали 1 шил. 3 д., но по показанію Радклифа хлопчатобумажная промышленность отвлекла отъ шерстяной всѣхъ лучшихъ прядильщиковъ, такъ что шерстянымъ фабрикантамъ было трудно получить пряжу. Только плохіе прядильщики оставались въ шерстяной и чулочной промышленности; высшая заработная плата въ хлопчатобумажной промышленности привлекала рабочихъ, лучшимъ изъ нихъ было не трудно достать работу. Плата, даваемая шерстяными фабрикантами прядильщикамъ, была мала сравнительно съ платой прядильщиковъ хлопчатой бумаги, но эта дешевизна рабочихъ обусловливалась плохой работой, потому Готтъ и другіе фабриканты нашли необходимымъ примѣнить прядильныя машины и въ шерстяной промышленности. Готтъ не довольствовался этимъ; онъ пошелъ дальше и ввелъ машины для дрессированья и стрижки шерсти. Обѣ эти машины, ворсильная и стригальный станокъ (gig-mill и shearing frames) вызвали сильное раздраженіе среди рабочихъ. Не было, казалось, отрасли промышленности, въ которую не вторглась бы машина; давленіе, выдерживанное ручнымъ трудомъ, было сильнымъ и въ концѣ концовъ невыносимымъ. Рабочіе пришли въ полное отчаяніе, когда одна машина за другой уничтожала ихъ благосостояніе. Съ 1811 до 1815 года въ западномъ Ридингѣ происходятъ бунты; рабочіе организовались и обучались разрушенію ворсильныхъ машинъ.

Для нихъ было достаточно двадцати минутъ для того, чтобы собраться, разбить машины и разойтись. Одинъ фабрикантъ, Горсфаль, былъ застрѣленъ у своего дома; трое было казнено за это преступленіе; за нападеніе на фабрику Картрайта казнили четырнадцать рабочихъ. За такое же преступленіе въ Манчестерѣ было повѣшено восемь человѣкъ. Но даже эти наказанія не уничтожили духа протеста, постоянно проявлявшагося то тамъ, то сямъ. Для шерстяной промышленности за введеніемъ машинъ не наступилъ золотой вѣкъ, какъ онъ наступилъ въ хлопчатобумажной. Хлопчатобумажная промышленность была болѣе способна къ распространенію, чѣмъ

шерстяная. Количество суконныхъ товаровъ значительно увеличилось, но далеко не такъ, какъ количество бумажныхъ тканей. Золотой вѣкъ хлопчатобумажной промышленности обусловливался тѣмъ, что новыя машины сначала не приводились въ движеніе механически и потому работы было много—по крайней мѣрѣ ткачи были всегда заняты—но когда шерстяная промышленность вступила на тотъ же путь развитія, положеніе дѣлъ измѣнилось. Приходилось считаться не съ одними только машинами, а и съ механизмами, приводящими ихъ въ движеніе. Сила пара замѣнила руки, механическій станокъ замѣнилъ ткача, онъ могъ переработать много пряжи, не требуя работы лишнихъ ткачей. А кромѣ того страна страдала отъ продолжительной войны—и эта война послѣ берлинскихъ декретовъ превратилась въ промышленную. Пища была дорога, торговля была дезорганизирована и жребій рабочихъ классовъ былъ вдвойнѣ тяжкимъ.

Чулочная и кружевная промышленности.

Изъ всѣхъ промышленныхъ округовъ рабочія волненія были всего сильнѣе въ Ноттингамѣ. Тамъ пряжа Аркрайта прежде всего была употребляема въ чулочной промышленности. Аркрайтъ вступилъ въ компанію съ Струттомъ, сдѣлавшимъ видоизмѣненіе въ чулочной машинѣ, такъ что чулки выходили безъ шва. Это усовершенствованіе Струтта было видоизмѣненно и примѣненно для другихъ цѣлей Морисомъ, Краномъ и Эльзе. Другой изъ Ноттингамскихъ промышленностей была кружевная; машины въ ней были введены Фростомъ, Краномъ, и Гарвеемъ. Даусонъ въ 1791 году сдѣлалъ дальнѣйшіе опыты въ томъ же направленіи. Въ Ноттингамѣ нищета сдѣлалась очень замѣтной. Въ 1783 году чулочники, работавшіе простые бумажные или шерстяные чулки, получали отъ десяти до двѣнадцати шиллинговъ въ недѣлю, но заработная плата постоянно падала и къ 1800 году заработная плата была только 7 шиллинговъ. Въ 1803 году Джозефъ Гиткотъ, въ то время молодой двадцатилѣтній человѣкъ, сдѣлалъ машину для производства кружевъ, она замѣняла подушку, нитку и множество иголокъ. Дѣло было трудное, но Гиткотъ не бросилъ своего намѣренія. Онъ взялъ два патента въ 1808 и 1809 годахъ и его машина, хотя и чрезвычайно сложная, имѣла успѣхъ. Первый квадратный ярдъ кружевъ, сдѣланный ей, былъ проданъ за 5 фунтовъ, теперь работа такого куска кружева стоитъ не больше 5 д. Гиткотъ устроилъ фабрику въ Лофборо, на которой работало пятьдесятъ пять машинъ.

Бунтъ Люддитовъ.

Въ это время, въ 1811 году, произошли такъ называемые Люддитскіе бунты. Машины уже давно возбуждали вражду рабочихъ; случайная выходка Нэда Люда дала поводъ къ серьезнымъ волненіямъ. Вездѣ въ Ноттингамширѣ, Дербиширѣ и Лейчестерширѣ машины были разбиты. Бунтовщики работали по ночамъ, назначеніе особыхъ констэблей и даже посылка солдатъ были безполезны. На улицахъ Ноттингама были вывѣшены объявленія о наградѣ тому,

кто доставитъ Люддитамъ мэра, живымъ или мертвымъ; мѣстная милиція была на сторонѣ мятежниковъ; одного фабриканта застрѣлили, захватили оружіе и присягали не класть его, пока не уничтожатъ всѣ машины. Наконецъ для возстановленія порядка въ округъ было отправлено семь полковъ. Въ это время всѣ машины Гиткота были разбиты и онъ оставилъ Лофборо и поселился въ Тивертонѣ.

Желѣзные мосты.

Намъ незачѣмъ подробно останавливаться на примѣненіи машинъ къ шолковой и льняной промышленности. Невозможно также говорить здѣсь и о развитіи желѣзной промышленности, все болѣе и болѣе развивавшейся по мѣрѣ того, какъ спросъ на желѣзо увеличивался. Мы уже упоминали выше о первомъ желѣзномъ мостѣ и о первомъ желѣзномъ кораблѣ. Знаменитый инженеръ Ренни очень сильно вѣровалъ въ пригодность желѣза для постройки мостовъ; но его планы казались его современникамъ черезъ чуръ смѣлыми. Онъ предложилъ построить желѣзные мосты черезъ Конвей-Ферри и Менай-Стрѣтсъ въ одинъ пролетъ. Онъ началъ постройку Соутваркскаго моста въ 1815 году съ арками изъ литого желѣза; центральная арка съ пролетомъ въ 240 футовъ была самой широкой изъ желѣзныхъ арокъ, когда либо отлитыхъ. Ренни первый употреблялъ желѣзо для машинныхъ приводовъ. Вскорѣ не только для приводовъ, но и для самыхъ машинъ не употребляли ничего кромѣ желѣза, такъ что вскорѣ появилась новая промышленность — производство машинъ. Въ настоящее время употребленіе сложныхъ машинъ столь обычно, что мы склонны забывать, почему такъ легко теперь пользуемся ими. Это довѣріе къ машинамъ обусловливается главнымъ образомъ увѣренностью, что всѣ машины дѣлаются по одному образцу и что если какая нибудь часть ихъ сломается, то ее легко замѣнить другой, точь въ точь такой же, сдѣланной совершенно точно. Эта возможность замѣны частей сдѣлала для распространенія машинъ больше чѣмъ что либо другое. Но въ 1800 году не было еще общей увѣренности въ точности даже такого сравнительно простого приспособленія, какъ гайка винта. Если ломался винтъ, то было необходимо дѣлать и новую гайку, чтобы она приходилась какъ разъ точно; это было проще, чѣмъ прилаживать новый винтъ къ прежней гайкѣ—относительно болѣе сложныхъ частей машины трудности были, разумѣется, еще большими.

Механики: Брамагъ и Моудслей.

Устройство образцовыхъ частей машины и точность въ механическихъ работахъ были дѣломъ цѣлаго ряда замѣчательныхъ механиковъ, первымъ изъ которыхъ былъ Брамагъ. (Bramah). Главнымъ изобрѣтеніемъ его былъ гидравлическій прессъ (1795), у него инженеры выучились, какимъ образомъ практически пользоваться мелкими импульсами для полученія большихъ давленій. Очень хорошей работы были также и его знаменитые замки. Однимъ изъ его рабочихъ былъ Генрихъ Моудслей, обладавшій замѣчательной ловкостью

въ работѣ. Моудслей скоро оставилъ Брамага и устроилъ свою мастерскую—всѣ, работавшіе съ нимъ, удивлялись его способностямъ—«Онъ великъ съ 18 дюймовой пилкой»—говорили о немъ рабочіе. Работая у Брамага Моудслей изобрѣлъ кожанный воротникъ гидравлическаго пресса—очень простое приспособленіе; прижимаемое давленіемъ воды, оно не допускало течи по пистону, когда же давленія не было, пистонъ двигался совершенно свободно. Онъ изобрѣлъ также неподвижную каретку (slide-rest), посредствомъ которой неподвижно укрѣплялись орудія сверлильнаго станка (lathe tools). Каретка (go-cart) Моудслея дѣлала сверленіе болѣе точнымъ, что было очень важно для нарѣзки винтовъ. Такимъ образомъ Моудслей былъ первымъ, дѣлавшимъ нарѣзку однообразной—это дѣло было усовершенствовано и завершено Клементомъ и Уитвортомъ. Моудслей сдѣлалъ также сорокъ четыре сложныя машины по рисункамъ Марка Изамбарда Брунеля для дѣланья блоковъ. Онѣ были поставлены въ Портсмутскихъ докахъ и дѣйствовали такъ хорошо, что при работѣ съ ними десять человѣкъ дѣлали столько, сколько раньше дѣлали 110 рабочихъ. Но вліяніе Моудслея на точность и систематичность работы было еще важнѣе его изобрѣтеній—самымъ лучшимъ доказательствомъ этого служитъ то, что у него обучались такіе люди, какъ Клементъ, Муррей, Уитвортъ, Робертсъ, Насмитъ и Мюиръ.

Пароходы. Симингтонъ и Белль.

Также, какъ и многія другія плодотворныя идеи, идея примѣненія какой нибудь механической силы къ судоходству была не новой. Въ шестнадцатомъ вѣкѣ Бласко де Горай дѣлалъ опыты въ гавани Барселоны. Мы уже упоминали о Савери, Папинѣ и Іонотанѣ Гульсѣ. Но идея сдѣлалась осуществимой только въ концѣ восемнадцатаго вѣка, послѣ изобрѣтенія машины Уатта. Эту идею разработывали въ Америкѣ и во Франціи до 1800 года, но безуспѣшно. Въ послѣдніе годы столѣтія одинъ шотландецъ Миллеръ изъ Дальсвинтона дѣлалъ опыты съ лопастями, приводимыми въ движеніе людьми. Симингтонъ первый выработалъ примѣненіе силы пара и въ 1788 году поставилъ небольшую машину въ двѣ лошадиныя силы на ботѣ, имѣвшемъ внутри лопасти—этотъ ботъ двигался со скоростью пяти миль въ часъ. Большая машина, стоившая 250 фунтовъ и поставленная на кораблѣ въ 90 футовъ длины, была менѣе удачной. Миллеръ тогда бросилъ дѣло, но Симингтонъ получилъ заказъ отъ лорда Дундаса и построилъ для него «Шарлоту Дундасъ». Ботъ предназначался для плаванія по каналу Форта и Клайда; онъ работалъ достаточно хорошо, но собственникамъ непонравился и они отказались принять его. Герцогъ Бриджуотеръ заказалъ Симингтону восемь такихъ судовъ, но вскорѣ умеръ и Симингтонъ остановилъ работу. Въ это время Фультонъ, видѣвшій «Шарлоту Дундасъ», заказалъ въ Сого морскую машину, уѣхалъ съ ней въ Америку и поставилъ ее на кораблѣ «Клермонтъ», съ успѣхомъ ходившемъ по Гудзону. Въ 1813

году Генрихъ Белль изъ Глазго, обдумывавшій свой планъ и дѣлавшій опыты съ 1786 года, построилъ «Комету» въ три лошадиныхъ силы, и началъ регулярно плавать по Клайду. Новому судну не столько дивились, сколько боялись его и одинъ шкиперъ паруснаго судна, котораго перегналъ и осмѣялъ экипажъ «Кометы», воскликнулъ: «Пошелъ ты съ глазъ долой. Удивляюсь, какъ это Всемогущій терпитъ эту чортову машину».

Харак. перев.

Періодъ, о которомъ мы говорили въ этой и въ двухъ предшествующихъ главахъ, обыкновенно называютъ переворотомъ въ промышленности. Въ 1740 году промышленность, если и не была вполнѣ примитивной, то во всякомъ случаѣ нѣсколько старомодной. Въ 1815 году она была уже современной по существу, такой же, какова она и въ настоящее время. Потому здѣсь будетъ удобно указать на главныя черты этого промышленнаго переворота. Прежде всего самыя размѣры промышленности сильно увеличились. Въ 1740 году настоящей хлопчатобумажной промышленности совсѣмъ не существовало; всѣ такъ называемыя бумажныя ткани дѣлались съ льняной основой; ввозъ хлопка для бумазей, фителей и другихъ цѣлей равнялся только 1,645,031 фунтовъ, въ 1789 году онъ достигалъ уже 32,576,023 фун., а въ 1815 году равнялся уже ста милліонамъ фунтовъ. Въ 1775 году пряжа № 80 стоила 42 шил. фунтъ, въ 1815 году № 100 (тоньше) стоила 8 д. Продажная цѣна № 100 въ 1786 году была 38 ш., а въ 1807 году 6 ш. 9 д. Въ шерстяной промышленности данныя не такъ поразительны, но всетаки любопытны. Въ 1771 году шерсти ввезено 1,800,000 фунтовъ, въ 1814-мъ 15,700,000. Въ 1742 году въ Іоркширѣ было произведено 45,000 штукъ широкой матеріи и 62,800 узкой; въ 1815-мъ 330,000 широкой и 162,000 узкой; въ тоже время средняя длина куска болѣе чѣмъ удвоилась. Объявленная цѣнность вывозимыхъ шерстяныхъ тканей въ 1742 году была 3,358,000, а въ 1816-мъ 9,387,000 фунт. Въ 1740 году желѣза въ болванкахъ было сдѣлано 17,350 тоннъ, въ 1806-мъ 258,206, а въ 1825-мъ 581,367 тоннъ. Въ 1740 году желѣзо почти не вывозили, а ввозили много, въ 1815 году было вывезено 91,000 тоннъ; отъ 1792 до 1812 года количество возимаго желѣза уменьшилось съ 51,000 тоннъ до 24,000. Сильно звилось производство посуды, а также льняная промышленность нѣсколько меньше шолковая. Цѣнность вывоза увеличилась съ 97,788 ф. въ 1740 году до 58,624,550 ф. въ 1815 году; цѣнъ ввоза увеличилась съ 6,703,778 ф. до 32,987,396 ф. Государственный доходъ увеличился съ 3,997,000 до 71,900,005 ф., ченіе съ 6,064,000 увеличилось до десяти милліоновъ.

Измѣненіе системы промышленности.

Увеличеніе размѣровъ промышленности, какъ бы оно значительно ни было, еще не составляетъ переворота. Для этаго необходимо измѣненіе самаго характера производства. И такое измѣненіе дѣйствительно произошло. Въ 1740 году промышленность была

еще домашней. Прядильщики и ткачи работали на дому. Мужчина работалъ когда ему вздумается, жена его и дѣти въ свободное время пряли. Пряденье было, собственно говоря, подсобнымъ промысломъ, производимымъ по вечерамъ и въ то время, когда не было работы въ полѣ. Фабрикъ и фабрикантовъ въ современномъ смыслѣ этого слова еще не существовало. Въ 1740 году манчестерскіе купцы начали раздавать основу (льняную) и хлопокъ ткачамъ и получая обратно сукно, платили за чесанье, пряжу и тканье. Въ 1740 году ткацкій станокъ былъ такимъ же, какъ при введеніи ткачества; усовершенствованіемъ былъ только самолетный челнокъ, причемъ Дайеръ въ своей поэмѣ «Руно», изданной въ 1757 году, еще не слыхалъ о немъ. Пряденье тоже было такимъ же, какъ въ средніе вѣка. Въ текстильной промышленности совсѣмъ еще не было машинъ, за исключеніемъ употребляемыхъ Ломбомъ въ Дерби. Контрастъ съ такимъ положеніемъ дѣлъ въ 1815 году поразителенъ. Появляются фабрикантъ и фабрика. Мужчины становятся «руками», работающими извѣстные часы. Женщины и дѣти тоже занимаютъ мѣста у машинъ, быстро замѣнившихъ всѣ старые методы. Въ 1740 году на основаніи акта объ ученикахъ 1563 года заработная плата въ каждомъ округѣ опредѣлялась мировыми судьями. Въ 1725 году такъ и дѣлалось; но этотъ обычай такъ скоро вышелъ изъ употребленія, что въ 1795 году опубликовали объ опредѣленіи заработной платы ланкаширскими мировыми судьями въ 1725 году, какъ объ курьезѣ. Далѣе законъ опредѣлялъ, что ткачемъ не можетъ быть человѣкъ, не пробывшій семь лѣтъ ученикомъ и что ткачъ не можетъ держать болѣе трехъ учениковъ, если на каждаго сверхштатнаго ученика не будетъ держать поденщика. Въ теченіе восемнадцаго вѣка всѣ эти правила выходятъ изъ употребленія также, какъ и правило объ опредѣленіи платы. Но ученичество не исчезло окончательно, напротивъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно сдѣлалось средствомъ угнетенія. Такъ какъ ткачеству можно было выучиться въ теченіе года, то въ текстильной промышленности появляется много «незаконныхъ» ткачей, причемъ хозяева держали неограниченное количество учениковъ, такъ какъ по истеченіи года трудъ учениковъ оказывается чрезвычайно дешевымъ. Когда настали тяжелыя времена, рабочіе припомнили о законодательствѣ Елисаветы. Они просили парламентъ о соблюденіи старыхъ статей закона о заработной платѣ и объ ученикахъ, и нѣкоторые изъ хозяевъ въ Ланкаширѣ не протестовали противъ этого. Но большинство палаты не раздѣляло этихъ идей, какъ ретроградныхъ; статьи объ опредѣленіи платы были отмѣнены въ 1813 году, а статьи объ ученикахъ черезъ годъ; такимъ образомъ исчезли всѣ остатки средневѣковой промышленности.

Перемѣщенія промышленности.

Промышленность измѣнилась не только по размѣрамъ и по существу, она измѣнила и свое мѣсто. Мы уже упоминали о перемѣще-

ніи желѣзной промышленности. Перемѣщеніе текстильной промышленности было еще больше замѣтнымъ. Раньше ткачи жили во всѣхъ деревняхъ. Когда появилась прядильная машина, прядильщики ушли на фабрики и ткачи собрались вокругъ нихъ, обработывая пряжу, доставляемую имъ фабриками. Потомъ настала эра примѣненія механической силы—и сначала водяной. Фабрики тѣснились у рѣкъ и постепенно все далѣе и далѣе вверхъ по теченію. А это вело къ уничтоженію шерстяной промышленности въ восточныхъ графствахъ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нельзя было пользоваться водяной силой. Работы стало мало, заработная плата падала, но несмотря на ея паденіе, работы становилось все меньше и меньше. Наиболѣе благоразумные изъ рабочихъ переселялись на сѣверъ, люди непредпріимчивые оставались дома до тѣхъ поръ, пока вся промышленность не была убита конкуренціей сѣвера. Мелкіе хозяева, видя, что трудно стало доставать рабочихъ, все болѣе и болѣе держали учениковъ; они брали дѣтей изъ рабочихъ домовъ, что было очень удобно и для хозяевъ, получавшихъ дешевыхъ рабочихъ и для приходскихъ властей, такимъ путемъ отдѣлывавшихся отъ дѣтей пауперовъ—однимъ словомъ для всѣхъ, кромѣ несчастныхъ учениковъ, которымъ приходилось работать въ низенькихъ, нездоровыхъ, плохо вентилируемыхъ помѣщеніяхъ, которыхъ дурно помѣщали или на самыхъ фабрикахъ или въ сосѣднихъ амбарахъ; ихъ плохо кормили, мучили работой; они часто уродовались вслѣдствіе чрезмѣрнаго напряженія ихъ дѣтскихъ, неразвившихся организмовъ, вслѣдствіе пыли, дурного воздуха, запаха масла. Ученичество всегда было дурной системой, единственной гарантіей при ней служитъ то, что одна изъ договаривающихся сторонъ родители ребенка. Но когда родителя замѣняетъ приходскій надсмотрщикъ, то ученикъ попадаетъ неизбѣжно между молотомъ и наковальней. Фабриканту, сэру Роберту Пилю дѣлаетъ честь то обстоятельство, что онъ первый воззвалъ къ закону для защиты учениковъ. По акту Пили (1802) часы работы были сокращены до двѣнадцати (включая и время на обѣдъ), ночная работа была запрещена и были назначены инспектора для наблюденія за исполненіемъ закона. Это былъ первый изъ фабричныхъ законовъ и благодаря ему нѣкоторыя изъ злоупотребленій системы ученичества были устранены. Но въ 1802 году сила пара начинаетъ замѣнять водяную. Промышленность снова удаляется отъ рѣкъ и переходитъ въ промышленные города, туда, гдѣ дешевле уголь и трудъ, въ особенности дѣтскій.

Слѣдствія переворота.

Люди, изучающіе исторію съ цѣлями осужденія всего прошлаго, найдутъ многое въ характерѣ промышленнаго переворота, подлежащее осужденію. Они укажутъ на плохо построенныя фабрики въ дымныхъ городахъ, замѣнившія прежнюю домашнюю промышленность; они укажутъ на ужасную продолжительность рабочаго дня,

на низкія заработныя платы, на вражду между хозяевами и рабочими. Они скажутъ, что у рабочихъ было мало работы, потому что благодаря машинамъ пользовались трудомъ дѣтей, что дѣти, выростая внѣ сферы домашняго вліянія, безъ всякаго воспитанія, выростали жестокими и грубыми. Они укажутъ и на то, что рабочимъ было мало пользы отъ машинъ, да немного пользы принесли онѣ и изобрѣтателемъ. Кей умеръ заграницей забытымъ и нищимъ, Гаргрива прогнали съ родины, Кромптонъ дошелъ до полной нищеты; изобрѣтеніе Картрайта не дало бы ему ничего, если бы за него не вознаградило изобрѣтателя правительство; Кортъ умеръ банкротомъ, Радклифъ и Гарроксъ обанкротились, только Веджвудъ, Аркрайтъ, Уаттъ и Гиткотъ воспользовались плодами своихъ изобрѣтеній. Изобрѣтеніями воспользовались фабриканты, пользовавшіеся изобрѣтеніями, защитить которыя не могли и патенты. Трудно возразить что нибудь противъ всѣхъ этихъ обвиненій, особенно въ виду того, что они оказываются вполнѣ справедливыми по отношенію къ многимъ отдѣльнымъ случаямъ. Но слѣдуетъ помнить, что трудности переходной эпохи ухудшались продолжительной войной и что только изобрѣтенія и развитіе промышленныхъ силъ позволили Англіи выдержать напряженіе и въ концѣ концевъ остаться побѣдительницей. А кромѣ того безполезно жалѣть о томъ, что было неизбѣжнымъ. Эпохи прогресса и переворотовъ часто бываютъ тяжелыми; но временныя трудности не должны ослѣплять насъ относительно происходящаго прогресса очень реальнаго.

Общественная экономика.

Саймса.

Торговля. Амьенскій миръ естественно послужилъ стимуломъ для оживленія англійской торговли. Онъ устранилъ многія опасности и открылъ торговлѣ многіе во время войны закрытые рынки. Вывозъ сразу увеличился съ 39,7 милліоновъ до 45,1. Онъ возмѣстилъ съ избыткомъ за ввозъ хлѣба, понизившій цѣны пищи, что, разумѣется, было выгодно для бѣдняковъ. Торговцы спѣшили воспользоваться новыми выгодными условіями и когда въ 1803 году война снова началась, многіе изъ нихъ разорились. Но это было скорѣе слѣдствіемъ чрезмѣрной спекуляціи, чѣмъ военнаго времени. Вскорѣ торговля снова оживилась. Морская супрематія Англіи позволила ей развивать ея торговлю во всѣхъ направленіяхъ и все болѣе и болѣе монополизировать міровую транзитную торговлю. Развитіе британской торговли смутило ея враговъ и Наполеонъ видѣлъ въ ней самое серь-

езное препятствіе для осуществленія его плановъ. Онъ рѣшилъ закрыть континентальные рынки для англійскихъ товаровъ. Но его планъ не удался. Лишить континентъ англійскихъ товаровъ значило повредить ему больше, чѣмъ самой Англіи.

Тѣмъ не менѣе въ концѣ концовъ война должна была вредно отозваться па развитіи промышленности. Она отвлекала и трудъ и капиталъ отъ производительныхъ цѣлей. Съ патріотической точки зрѣнія, можетъ быть, и было пріятно, что враги и соперники страдали больше, чѣмъ Англія; но съ комерческой точки зрѣнія вредъ, нанесенный иностранцамъ, отразился и на Англіи. Торговля въ концѣ концовъ сводится къ обмѣну товарами или услугами. Если иностранцы не могутъ посылать намъ своихъ продуктовъ, они не могутъ покупать и нашихъ.

Споры съ нейтральными государствами.

Кромѣ этаго война повела къ возобновленію споровъ съ нейтральными державами. Чѣмъ дальше шла война, тѣмъ съ большимъ искусствомъ и смѣлостью практиковалась система нарушеній нейтралитета. Враги подъ покровительствомъ нейтральнаго флага конкурировали съ Англіей на всѣхъ нейтральныхъ рынкахъ; англійская торговля, несмотря на господство Англіи на морѣ, становилась невыгодной и опасной. Нейтральные корабли имѣли то преимущество надъ англійскими, что они не подвергались военному риску и потому не нуждались въ экстренномъ страхованіи. Наконецъ въ 1806 году былъ изданъ совѣтскій приказъ, объявлявшій блокаду отъ Эльбы до Бреста. Настоящей блокады этихъ береговъ, конечно, не существовало. Наполеонъ отвѣтилъ Англіи Берлинскими декретами, въ которыхъ обвинялъ Англію въ нарушеніи законовъ цивилизованныхъ націй. Онъ объявилъ, что будетъ признавать всѣ Британскіе острова находящимися въ блокадѣ и будетъ захватывать всѣ товары и всѣхъ подданныхъ Британіи. Обѣ стороны принимали все болѣе и болѣе крайнія мѣры (1807), нарушая общепризнанныя положенія международнаго права и съ чрезвычайной суровостью относясь къ нейтральнымъ государствамъ, помогавшимъ врагу своей торговлей. Такимъ образомъ морской торговлѣ былъ нанесенъ страшный ударъ и Англія сильно страдала. Мѣсто правильной торговли замѣнила система грубого насилія и хитрости. Новая политика завела Англію въ новые споры съ нейтральными государствами и въ концѣ концовъ повела къ войнѣ съ Соединенными Штатами. Несмотря, однако, на всѣ препятствія общій прогрессъ англійской торговли видѣнъ изъ слѣдующихъ данныхъ:

Года.	Ввозъ въ милліон.	Вывозъ.
1795 Великобрит.	20,1	22,2
1805 Соедин. королев. . .	28,5	38
1815 Тоже.	32,9	51,6

Налоги. Развитіе торговли было прямой необходимостью, такъ какъ странѣ приходилось выносить усиленную налоговую тяжесть. Послѣ Амьенскаго мира подоходный налогъ былъ отмѣненъ, но при возобновленіи военныхъ дѣйствій его снова ввели. Много было жалобъ на «инквизиторскій» характеръ этаго налога. Поэтому рѣшили разбить окладные листы на отдѣльные предметы обложенія, чтобы избѣжать требованія объ объявленіи общей суммы дохода. Доходы ниже 60 фунтовъ были освобождены отъ налога, налогъ пониженъ для доходовъ отъ 60 до 150 фунтовъ. Въ тоже время на пиво, вино, спиртъ, чай, сахаръ и другіе товары наложили тяжелыя дополнительныя пошлины. Въ слѣдующемъ году налоги были еще увеличены, при этомъ указывали на временный характеръ новыхъ налоговъ. Нѣкоторые изъ нихъ должны были быть отмѣнены по окончаніи мира. На дѣлѣ такія обѣщанія исполнены не были. Въ 1805 г. налоги были снова увеличены. Подоходный налогъ былъ увеличенъ до шести съ половиной процентовъ. Пошлинами были обложены и аукціоны; пошлины на кирпичь, стекло, соль и т. д. были увеличены. Въ 1806 году подоходный налогъ увеличили до десяти процентовъ; увеличили и почти всѣ портовые сборы. Пошлина на чай доходила до 96 процентовъ его цѣнности. Въ 1808 и 1809 году налоги были увеличены вновь, а также введены и нѣкоторые новые. Многіе изъ этихъ новыхъ налоговъ оказались ничего не приносящими. Канцлеръ казначейства въ 1811 году жаловался, что «неимѣется ни одной части одежды — сапогъ, башмаковъ, кожи, брюкъ и т. д., ни одной изъ домашнихъ вещей—замковъ, ключей, колокольчиковъ и т. д. — которую ему не рекомендовали бы, какъ предметъ обложенія». Онъ указывалъ на ничтожный доходъ налоговъ на шляпы и перчатки и объявлялъ, что намѣренъ отмѣнить ихъ. Тѣмъ не менѣе въ 1812 и въ 1815 годахъ ввели новые налоги, не менѣе нелѣпые, чѣмъ уничтоженные. Таковы были налоги на мыло, свѣчи, стекло и т. п. Несмотря на все это, съ 1791 по 1817 годъ не было ни одного года, когда бы государственные доходы покрывали расходы. Долгъ быстро увеличивался, еще быстрѣе росли проценты. Въ 1790 году процентовъ платили 9,4 милліоновъ, а въ 1815 году 30,5 милліоновъ.

Пауперизмъ. Но даже увеличеніе расходовъ и долга было менѣе страшнымъ, чѣмъ ростъ пауперизма. Основаніемъ стараго закона о бѣдныхъ былъ актъ Елизаветы. Послѣ реставраціи онъ былъ видоизмѣненъ введеніемъ приходской системы—что повело къ появленію закрытыхъ приходовъ, находившихся во владѣніи одного ландлорда, который и выгонялъ бѣдныхъ, чтобы приходу не пришлось содержать ихъ. Въ 1782 году былъ принятъ актъ Жильберта — имѣвшій цѣлью устранить это, соединяя приходы для содержанія и помощи бѣднымъ. Онъ опредѣлялъ также, чтобы способныхъ къ работѣ бѣдныхъ не посы-

лали въ рабочіе дома; такія лица должны были получать помощь на дому. Такая вредная система чрезъ нѣсколько лѣтъ получила значительное распространеніе. Магистратъ Спимгамленда въ Беркширѣ принялъ систему выдавать пособія по такому расчету: при извѣстной цѣнѣ пшеницы, онъ опредѣлялъ minimum, на который могъ существовать мужчина, женщина и ребенокъ—и сколько стоитъ каждый лишній ребенокъ. Если заработокъ семьи былъ ниже этаго минимума—недостача покрывалась изъ сборовъ на бѣдныхъ. Другія мѣстности вскорѣ послѣдовали примѣру Беркшира и система пособій (Allowances) постепенно распространилась во всей Англіи. Слѣдствія такой системы легко было предвидѣть. Путь къ пауперизму былъ такъ легокъ и удобенъ, что большинство рабочихъ попало на него. Имъ незадавали никакихъ непріятныхъ вопросовъ и понятно, что рабочіе вскорѣ начали считать пособіе своимъ правомъ. Эта система была прямымъ поощреніемъ неразумныхъ браковъ и порожденія законныхъ и незаконныхъ дѣтей. Наконецъ она передавала значительную часть суммъ, которыя должны были выплачиваться, какъ заработная плата, отъ нанимателей другимъ лицамъ и при ней были возможны всяческія злоупотребленія. Понятно, что налогъ для бѣдныхъ сильно и быстро увеличился. Въ три года съ 1848 по 1850-й средняя ежегодная величина его равнялась только 690,000 фун., а въ три года съ 1783 по 1785-й она равнялась почти двумъ милліонамъ. Въ 1812 г. сборъ для бѣдныхъ достигалъ громадной суммы въ 6,656,105 фун. Эта система поощряла также и увеличеніе населенія. Перепись 1801 года показали увеличеніе на 11 процентовъ, перепись 1811-го на 14 процентовъ, перепись 1812—на 21 процентъ—самое большее увеличеніе за десятилѣтіе, относительно котораго имѣются данныя.

Денежное обращеніе.

Состояніе денежнаго обращенія и обмѣна съ иностранными государствами увеличивало заботы и затрудненія послѣднихъ лѣтъ войны. Мы говорили уже, что съ 1797 года въ Англіи денежное обращеніе было неразмѣннымъ. Это было причиной повышенія цѣнъ неблагопріятнаго обмѣна и лажа на золото. Размѣры зла зависѣли въ значительной степени отъ размѣровъ выпусковъ бумажныхъ денегъ, а при быстрыхъ комбинаціяхъ цѣнъ и кредита было почти невозможно избѣжать излишнихъ выпусковъ. Въ 1811 году появился извѣстный отчетъ финансоваго комитета палаты общинъ, доказывавшій, что выпуски банковыхъ билетовъ были чрезмѣрными вслѣдствіе ограниченія размѣна ихъ. Потому комитетъ настаивалъ, чтобы въ теченіе слѣдующихъ двухъ лѣтъ размѣнъ былъ возстановленъ. Но послѣ четырехдневныхъ преній палата отвергла это предложеніе и даже выскасказала то нелѣпое положеніе, будто бумажныя деньги не обезцѣнены—хотя цѣна золота по сравненію съ банковыми билетами поднялась съ 3 ф. 17 ш. $10^1/_2$ д. въ 1800 году до 4 ф. 10 ш. въ 1810-мъ, т. е. на 13 процентовъ.

Кризисъ 1811—1814.

Въ годы послѣ 1808-го иностранная торговля Англіи походила на азартную игру. Никто не зналъ, что дальше предприметъ Наполеонъ, и каково будетъ вліяніе его дѣйствій на цѣны. Когда онъ занялъ Испанію, цѣна испанской шерсти увеличилась на 250 процентовъ. Цѣны итальянскаго шолку, американскаго табаку, хлопка и большой части ввозимыхъ товаровъ страшно колебались вслѣдствіе военныхъ событій или ожиданія войны. Такъ, когда испанскія колоніи въ южной Америкѣ фактически стали независимыми, для торговли Англіи внезапно открылись громадные рынки. Результатомъ была бѣшеная спекуляція. Займы въ Англійскомъ банкѣ подъ учетъ векселей увеличились до 15 милліоновъ въ 1809 году и до 20 ти въ 1810-мъ; кредитъ часто оказывали такимъ людямъ, которые не могли представить никакого солиднаго обезпеченія. Количество провинціальныхъ банковъ увеличилось, они еще болѣе щедро раздавали деньги. Въ 1797 году такимъ образомъ было 270, а въ 1810-мъ ихъ было уже 721 и сумма, выданная ими подъ учетъ векселей, равнялась 39 милліонамъ. Потомъ произошелъ крахъ и сокращеніе какъ кредита такъ и торговли. Ввозъ 1810 года равнялся 39 милл., а въ 1811 онъ уменьшился до 26 милл. Вывозъ тоже въ теченіе одного года уменьшился съ 48 до 32 милл. Много стало и банкротствъ—правительство должно было вмѣшаться и разрѣшить казначейству выпустить на шесть милліоновъ его билетовъ. Но прежде, чѣмъ выяснились вполнѣ слѣдствія кризиса, торговля снова оживилась. Наполеонъ объявилъ Россіи войну—и порты Россіи и сѣверной Германіи открылись для англійской торговли. Снова многіе составили себѣ состоянія, снова началась безумная спекуляція. Вывозъ въ 1812 году достигъ суммы въ 41 милліонъ и цѣны вывозимыхъ товаровъ сильно поднялись на внутреннемъ рынкѣ. При этомъ урожай понизилъ цѣну пшеницы съ 155 шил. за четверть въ августѣ 1812 года до 68 шил. въ іюлѣ 1813-го. Въ 1814 году снова крахъ и въ теченіе трехъ лѣтъ произошелъ цѣлый рядъ банкротствъ. Обанкротились восемьдесятъ девять банкировъ, разореніе и нищета были повсемѣстными.

Экономическая теорія.

Ученія Адама Смита и Мальтуса продолжали пользоваться большимъ вліяніемъ среди образованныхъ и дѣловыхъ сферъ. Въ это время появляется и третій изъ великихъ творцовъ англійской школы политической экономіи. Рикардо по происхожденію былъ еврей и съ пятнадцатилѣтняго возраста познакомился съ банковыми операціями. Онъ родился въ 1772 году и былъ юношей въ то время, когда революціонное правительство Франціи дѣлало свои смѣлые опыты съ неразмѣнными бумажными деньгами. За этимъ послѣдовали финансовые кризисы съ 1793 по 1813 годъ, ограниченія размѣна въ Англіи, колебанія въ иностранномъ обмѣнѣ, повышенія и паденія цѣнъ, повышеніе лажа на золото; люди на биржѣ наживали и теряли громад-

ныя состоянія. Рикардо анализировалъ всѣ эти экономическія явленія. Онъ тоже составилъ состояніе, но онъ интересовался болѣе теоретическими вопросами, чѣмъ спекуляціями; онъ имѣлъ возможность провѣрять создаваемыя имъ теоріи цѣлымъ рядомъ наблюденій. Казалось, что весь міръ обратился въ арену для экономическихъ экспериментовъ.

Вслѣдствіе этихъ условій Рикардо имѣлъ возможность уяснить основные принципы для рѣшенія вопросовъ о денежномъ обращеніи, объ иностранной торговлѣ и обмѣнѣ — Рикардо въ этомъ отношеніи находился въ такихъ благопріятныхъ условій, какъ ни одинъ изъ прежнихъ экономистовъ. Образцовый отчетъ финансоваго комитета палаты общинъ основанъ былъ на ученіи Рикардо и въ особенности на его брошюрѣ: «Высокая цѣна драгоцѣнныхъ металловъ есть доказательство обезцѣненія банковыхъ билетовъ» (1809). Его защита этого отчета въ 1811 году была важнымъ вкладомъ въ полемику, начавшуюся по поводу его брошюры. Потомъ онъ занялся другими частями экономической теоріи—тутъ онъ былъ столь же оригиналенъ, хотя имѣлъ меньше успѣха. Онъ жилъ во время промышленнаго переворота и занялся потому анализомъ новой системы земледѣлія, промышленности и торговли—и въ этомъ анализѣ онъ также силенъ, какъ и въ анализѣ вопросовъ о банкахъ и обмѣнѣ. Но онъ не хотѣлъ понять того, что люди совѣмъ не представляютъ простыхъ орудій обмѣна. Его теоріи цѣнности, заработной платы и ренты суть блестящіе выводы изъ понятія о вполнѣ свободной конкурренціи, изъ всеобщаго, неквилицифированнаго стремленія дешево покупать и дорого продавать. Но попытка излагать эти теоріи, какъ представляющія, хотя бы и приблизительно, дѣйствительные факты промышленной жизни, приводила многихъ изъ позднѣйшихъ экономистовъ къ нелѣпостямъ и преувеличеніямъ и сильно задержала развитіе здравыхъ экономическихъ теорій. Индивидуалисты и соціалисты заблуждались одинаково.

Краткое резюмированіе промышленной исторіи Англіи въ теченіе описываемаго въ этой главѣ періода чрезвычайно затруднительно. Война, со всей измѣнчивостью въ политическихъ событіяхъ, въ союзахъ, въ открытіи и закрытіи рынковъ; быстрыя и постоянныя измѣненія въ процессахъ земледѣлія, промышленности и торговли; вліяніе стараго закона о бѣдныхъ и новаго денежнаго обращенія—всѣ эти временныя колебанія скрывали постоянныя тенденціи. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ фактовъ ясны до очевидности.

Населеніе.

Первый изъ этихъ фактовъ быстрый ростъ населенія. Перепись 1801 года показала, что населеніе Великобританіи равнялось 9,8 милліоновъ; въ 1821 году оно увеличилось до 14,3 мил. Въ прежніе періоды англійской исторіи мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго такому увеличенію. Дѣйствительно въ теченіе пятисотъ лѣтъ отъ

1300 до 1800 года увеличеніе населенія было меньшимъ (вѣроятно, вдвое меньшимъ) увеличенія его въ теченіе этихъ двадцати лѣтъ. Замѣчательны были также и измѣненія въ распредѣленіи населенія. Въ теченіи этихъ двадцати лѣтъ, при общемъ увеличеніи населенія на тридцать процентовъ, населеніе Лондона увеличилось на сорокъ процентовъ. Населеніе же Ливерпуля, Манчестера (съ Сальфордомъ), Гласко и Брадфорда доходило почти до семидесяти пяти процентовъ. Это указываетъ, что населеніе увеличивалось въ городахъ гораздо быстрѣе, чѣмъ въ деревняхъ и что изъ городовъ быстрѣе другихъ росли промышленные города сѣвера и портовые города сѣверо-запада. Ростъ большихъ городовъ не болѣе замѣчателенъ, чѣмъ ростъ промышленныхъ и горно-промышленныхъ деревень—фактъ, раньше совсѣмъ неизвѣстный въ Англіи.

Увеличеніе національнаго богатства.

Увеличеніе національнаго богатства было, вѣроятно, нѣсколько менѣе быстрымъ, чѣмъ ростъ населенія. Величина подлежащихъ обложенію доходовъ съ земель, домовъ и т. п. въ 1798 году оцѣнивалась въ сорокъ пять милліоновъ фунтовъ, а въ 1815 году въ шестьдесятъ милліоновъ. Принимая во вниманіе, что война, усовершенствованія въ промышленности и въ путяхъ сообщенія стремились увеличить ренты, представляется довольно вѣроятнымъ, что столь же быстро увеличивались и другія отрасли національнаго дохода; на это указываютъ и статистическія, хотя и весьма несовершенныя, и иныя данныя. Мы уже говорили, какъ быстро росли налоги для помощи бѣднымъ и для уплаты процентовъ государственнаго долга. Съ другой стороны мы указывали и на увеличеніе иностранной торговли. Количество тоннъ кораблей Великобританіи увеличилось съ 1435 въ 1793 году до 1985 въ 1803-мъ и до 2349 въ 1813-мъ т.-е. количество тоннъ увеличилось въ теченіе двадцати лѣтъ больше, чѣмъ на шестьдесятъ два процента—значительно больше, чѣмъ ростъ населенія.

Цѣны.

Мы уже отмѣтили чрезвычайное колебаніе цѣнъ во время войны. Средняя цѣна пшеницы напр. въ періодъ отъ 1793 до 1799 года была 3 ф. 4 ш., въ 1800-мъ она поднялась до 5 ф. 16 ш. 8 д. Въ періодъ отъ 1802 до 1808 года она пала до 3 ф. 13 ш. 9 д., въ періодъ отъ 1809 до 1813 года снова поднялась до 5 ф. 7 ш. и въ 1814—16 годахъ пала до 3 ф. 12 ш. 9 д. Колебанія цѣнъ другихъ товаровъ комбинированы для сорока наиболѣе важныхъ товаровъ Джевонсомъ въ такой таблицѣ. Принимая за 100 ихъ цѣны въ 1783 году, онѣ были въ 1793-мъ—98, въ 1796-мъ—128—въ 1797-мъ—110 и въ 1800-мъ—142; потомъ послѣ очень быстрыхъ колебаній онѣ достигаютъ максимума 151 въ 1809 году, а потомъ постепенно падаютъ до 1816 года, когда онѣ равнялись 92. Очевидно, что положеніе, будто война подняла цѣны, слѣдуетъ принимать съ нѣкоторыми оговорками. Будетъ точнѣе сказать, что

общій, за исключеніемъ пшеницы, уровень цѣнъ былъ во время войны нѣсколько выше сравнительно съ цѣнами предшествующихъ лѣтъ; но вообще были чрезвычайныя колебанія цѣнъ и увеличеніе ни разу не превышало пятидесяти процентовъ, иногда, какъ напр. въ 1797 году, не превышая десяти процентовъ,

Заработная плата.

Сколько нибудь удовлетворительныхъ данныхъ относительно заработной платы въ теченіе этого періода не имѣется. Но вѣроятно, что вообще заработная плата повысилась приблизительно столько же, сколько среднія цѣны всѣхъ товаровъ, заисключеніемъ пшеницы. Такое исключеніе конечно, до чрезвычайности важно; оно объясняетъ крайнюю нищету народа при неурожаяхъ. Нужно помнить также и то, что за очень частыми въ то время финансовыми кризисами слѣдовали годы, когда работы было мало. Многіе искусные работники лишились работы и сошли въ разрядъ чернорабочихъ вслѣдствіе непрерывныхъ изобрѣтеній машинъ и новыхъ примѣненій какъ машинъ, такъ и силы пара. Но въ болѣе удачные годы войны народной массѣ, вѣроятно, жилось нѣсколько лучше, чѣмъ въ предшествующіе имъ мирные годы.

Общественная жизнь.

Батесона.

Заключеніе мира было принято съ восторгомъ, потому что оно было равнозначительно возвращенію къ нормальнымъ цѣнамъ. Въ Лондонѣ всѣ окна были иллюминованы сальными свѣчами или цвѣтными лампочками, разставленными такъ, что онѣ составляли слово: «Миръ». Зданія Боультона и Уатта въ Бирмингамѣ были освѣщены газомъ. Почтовыя кареты выѣзжали съ почтовой станціи увитыя лаврами и съ крупными надписями: «Миръ съ Франціей». Слухи о подписаніи мира опережали ихъ и толпы народа тѣснились по дорогамъ изъ Лондона, ожидая ихъ прибытія съ подтвержденіемъ этого извѣстія. Совершались общественныя молебствія и торжественные королевскіе выѣзды по лондонскимъ улицамъ. Впрочемъ, произошло и одно непріятное приключеніе. Отель французскаго посольства былъ иллюминованъ такъ, что составлялись буквы R. G. и слово Concord. Но къ несчастію короны надъ буквами не было, а слово Concord толпа прочла Conquered—начался мятежъ; его остановили тѣмъ, что поставили корону и замѣнили дурно истолкованное слово Concord словомъ Amity.

Послѣдній заговоръ.

Въ Англіи не совершенно еще отдѣлались отъ страха предъ революціей; открытіе заговора полковника Деспарда, повидимому, убѣждало трусливыхъ людей въ основательности ихъ опасеній. Деспардъ основалъ общество распространенія свободы, имѣвшее цѣлью убить короля и захватить общественныл учрежденія. Въ свидѣтели о невинности Деспарда былъ вызванъ лордъ Нельсонъ, тѣмъ не менѣе Деспарда и шестерыхъ изъ сорокашести арестованныхъ его сообщниковъ повѣсили. Послѣдними его словами были, что министры вѣшаютъ его за то, что онъ былъ другомъ свободы—и многіе изъ толпы привѣтствовали его. Но это былъ уже послѣдній заговоръ въ этомъ родѣ. Скоро для всѣхъ стало очевиднымъ, что англійскіе республиканцы, если таковые и существовали, совсѣмъ не похожи на французскихъ.

Послѣ объявленія мира англичане, такъ долго лишенные возможности путешествовать за границу, отправились въ Парижъ, чтобы видѣть сокровища искусства, привезенныя Наполеономъ изъ Италіи. Въ первый періодъ войны англичане были настолько отрѣзаны отъ сношеній съ континентомъ, что нѣкоторые писатели высказывали чувство крайняго отчужденія, охватившее ихъ при ихъ новомъ посѣщеніи Франціи. За исключеніемъ эммигрантовъ, стекавшихся въ Англію во время революціи, англичанамъ не приходилось имѣть сношенія съ иностранцами. Нѣкоторые, впрочемъ, завязали дружескія отношенія съ эммигрантами, нѣкоторые женились на иностранкахъ, и теперь жаждали посѣтить родину ихъ новыхъ родственниковъ. Утверждаютъ, что въ 1792 году въ Англіи было не меньше сорока тысячъ французовъ-эммигрантовъ, многіе изъ нихъ были членами высшаго французскаго общества. Въ Джуниперъ-Голлѣ въ Сюрреѣ Фанни Бёрней встрѣтила госпожу Сталь, Таллейрана, Нарбонна и своего будущаго мужа, генерала д'Арбле.

Возобновленіе войны.

Но миръ продолжался только одинъ годъ, въ 1803 году снова была объявлена война, и на этотъ разъ въ Англіи уже не было партіи мира. Былъ учрежденъ патріотическій фондъ, въ него сразу было внесено двѣнадцать тысячъ фунтовъ. Купцы, клерки и акціонеры Ллойда составили общую подписку для помощи людямъ, боровшимся для защиты родины. Четыреста тысячъ человѣкъ записались волонтерами, сами обмундировались и отказались отъ жалованья. Отношеніе народа къ Франціи и къ военной политикѣ правительства замѣтно измѣнилось. Въ началѣ войны англичане сознавали, что они борятся противъ «вооруженной доктрины», а теперь Англія боролась за свое существованіе. Для народа доктрина, республиканская или конституціонная, не имѣла особаго значенія, война за философскіе принципы не могла возбудить въ немъ энтузіазма, когда ему былъ нуженъ прежде всего хлѣбъ. Но когда воевать пришлось съ Наполеономъ, грозившимъ нашествіемъ, даже голодъ не

казался страшнымъ и ни одинъ голосъ не раздался въ пользу мира. Дикій страхъ, охватившій раньше людей просвѣщенныхъ, высшіе и средніе классы, боявшіеся чтобы революціонныя ученія не распространились въ Англіи, теперь замѣняется охватившимъ всю націю страхомъ, страхомъ наиболѣе распространеннымъ среди бѣдныхъ и наиболѣе невѣжественныхъ классовъ общества.

Страхъ вражескаго нашествія.

Въ октябрѣ 1804 года Наполеонъ готовился вторгнуться въ Англію; по всей странѣ распространились патріотическія воззванія, требовавшія отъ всѣхъ англичанъ, чтобы они вооружились на защиту родины. Въ пасквиляхъ и каррикатурахъ на Бонапарта говорилось все, что могло возбудить противъ него народное чувство. Онъ магометанинъ, отравлявшій въ Яффѣ больныхъ; онъ возбуждаетъ своихъ адскихъ собакъ—французовъ къ нападенію на Англію обѣщаніями дозволить имъ всяческія насилія. «Онъ обѣщаетъ своимъ солдатамъ обогатить ихъ нашей собственностью и насытить ихъ похоть съ нашими женами и дочерьми». Духовенство проповѣдывало войну, поэты писали патріотическія баллады. Во всѣхъ графствахъ происходили митинги для организаціи защиты. Введены были торжественные общіе посты; въ эти дни обучали волонтеровъ. Всякій домовладѣлецъ, если онъ не былъ волонтеромъ или если не былъ физически неспособнымъ, долженъ былъ уплачивать 8 франковъ въ годъ или записываться въ констэбли. Лошадиные барышники предлагали своихъ лошадей, Пикфордъ и другія крупныя фирмы предлагали свои вагоны для транспортовъ. Питтъ сталъ во главѣ трехъ тысячъ волонтеровъ и намѣревался идти на войну. Вильбефорсъ писалъ, что «его храбрость заставитъ его быть впереди всѣхъ на битвѣ». 26 октября 1803 года Георгъ III производилъ смотръ корпуса лондонскихъ волонтеровъ, состоявшаго изъ 12400 человѣкъ; семь его сыновей ѣхали за нимъ. Лордъ Эльдонъ говорилъ, что онъ «никогда не видалъ такого прекраснаго зрѣлища». Старый король хотѣлъ стать во главѣ арміи и распорядился, чтобы королева и принцесы искали себѣ убѣжища у епископа Ворчестерскаго; съ ними отправляли прислугу и мебель, чтобы не обезпокоить епископа. Казначейство изъ банка намѣревались перевезти въ Ворчестерскій кафедральный соборъ въ тридцати вагонахъ подъ охраной волонтеровъ; артиллерію и магазины изъ Вульвича намѣревались по большому соединительному каналу (grand junction Canal) перевезти въ среднія графства. Были сдѣланы распоряженія, чтобы о приближеніи врага давали знать посредствомъ баковъ. Газеты обязывались не сообщать ничего объ королевскихъ арміяхъ и о движеніяхъ непріятеля иначе какъ съ разрѣшенія государственнаго секретаря, который два раза въ день долженъ былъ печатать свои отчеты. Свирѣпствовала шпіономанія, путешествія были невозможны. Не хватало ни оружія, ни перевозочныхъ средствъ; люди были недовольны правительствен-

ными распоряженіями, но за то сильный страхъ и охватившая всѣхъ паника заставляли всякаго гражданина вѣрить, что судьба страны зависитъ отъ его личныхъ усилій. Партійная вражда была почти забыта. Питтиты были готовы предоставить Фокситамъ заботу объ удаленіи женщинъ и дѣтей въ безопасныя мѣста, лишь бы сохранить за собой болѣе отвѣтственныя обязанности національной обороны.

Арестъ британскихъ подданныхъ заграницей.

Въ концѣ 1805 года булонскій лагерь былъ снятъ и паника въ Англіи прекратилась. Но чувство раздраженія и горечи осталось и оно увеличилось въ 1806 году, когда берлинскіе декреты объявили всѣхъ британскихъ подданныхъ за границей военноплѣнными. Въ возмездіе за захватъ Англіей призовъ до объявленія войны Наполеонъ приказалъ арестовать всѣхъ англичанъ, отъ восемнадцати до шестидесяти лѣтъ, путешествовавшихъ и жившихъ во Франціи. Такихъ плѣнниковъ было около одиннадцати тысячъ, да 1300 человѣкъ было арестовано въ Голландіи. Это событіе было причиной многихъ трагедій; исторія жизни англійскихъ плѣнниковъ въ Дулансѣ, близь Амьена, Лилля и Валансьена еще не разсказана. Въ Англіи было около двадцати пяти тысячъ французскихъ плѣнниковъ, содержащихся главнымъ образомъ въ Плимутѣ, Портсмутѣ, Норманъ-Кроссѣ близь Петерборо, въ Ливерпулѣ и Чатамѣ. Они сильно голодали, и теперь сохранились преданія объ ихъ искусствѣ дѣлать корзины и игрушки, продажей которыхъ они и жили. У нихъ не было постоянной работы, выходить имъ разрѣшалось до вечера на честное слово, лишь бы они не уходили больше, какъ на милю отъ города, назначеннаго имъ мѣстомъ жительства. Французское и англійское общество соприкасались въ теченіе десяти лѣтъ только при посредствѣ этихъ плѣнныхъ.

Волненія на фабрикахъ.

Никто не сомнѣвался въ обязанности правительства продолжать войну, но симпатія къ воинственной политикѣ не могла уничтожить политическія и промышленныя волненія. Въ особенности опасны были послѣднія. Трэдъюньонисты желали возстановленія въ новой формѣ статута объ ученичествѣ, т.-е. акта Елисаветы; они желали распространенія его на новыя отрасли промышленности, появившіяся послѣ его принятія и къ которымъ онъ поэтому и не примѣнялся. Хозяева напротивъ противились актамъ и требовали ихъ отмѣны, потому что правило о семилѣтнемъ ученичествѣ мѣшало имъ въ случаѣ внезапнаго спроса на рабочія руки доставать ихъ дешево и давало возможность рабочимъ организоваться и отстаивать свои права противъ нанимателей. Повинуясь требованіямъ хозяевъ, правительство пріостановило дѣйствіе статута Елисаветы, сначала на годъ потомъ это повторялось ежегодно; въ 1810 году законъ былъ отмѣненъ для шерстяной промышленности, а въ 1814 году и для всѣхъ отраслей промышленности. Ткачи и суконщики, въ нарушеніе актовъ 1799 и 1800 годовъ противъ союзовъ, соединились въ «учрежденія»

(institutions) и истратили десять или двѣнадцать тысячъ на петиціи противъ отмѣны и пріостановки актовъ. Фабриканты тоже съ своей стороны составили такіе же незаконные союзы противъ рабочихъ учрежденій. Актъ противъ союзовъ какъ хозяевъ, такъ и рабочихъ исполнялся не особенно строго, частію вслѣдствіе недостатка полиціи, а частію вслѣдствіе того, что правительство не сознавало всей важности этаго вопроса.

Въ 1805 году рабочіе на чулочныхъ фабрикахъ въ Ноттингамширѣ, Лейчестерширѣ и Дерби составили большой союзъ для преслѣдованія людей, поступавшихъ на фабрики не пройдя срока ученичества. Они надѣялись для этой цѣли воспользоваться своими правами, какъ общество, имѣющее хартію; но дѣло они проиграли; было рѣшено что они имѣютъ право избирать старшинъ и т. д., регулировать внутреннее управленіе своего цеха, но не имѣютъ права требовать обязательнаго ученичества.

Рабочіе хлопчатобумажной промышленности и печатники ситцевъ не пострадали отъ пріостановки дѣйствія статутовъ, такъ какъ къ нимъ они никогда не примѣнялись, но ихъ требованія были такія же, какъ и требованія суконщиковъ. Они желали введенія правилъ объ ученичествѣ для ограниченія числа рабочихъ, а также опредѣленія минимальной платы закономъ. Въ теченіе восемнадцатаго вѣка ихъ заработная плата опредѣлялась приблизительно «расцѣнкой», (Statement list of prices), но обычай публиковать эту расцѣнку вышелъ изъ употребленія и рабочіе хотѣли его возстановленія. Ткачи на шелковыхъ фабрикахъ работали покойно съ тѣхъ поръ, какъ на основаніи Спитальфильдскихъ актовъ начали снова публиковать расцѣнку.

Въ 1802 году билль Шеридана, основанный на отчетъ комитета палаты общинъ, о мѣрахъ для помощи печатникамъ ситцевъ, былъ отвергнутъ при второмъ чтеніи и союзъ печатниковъ былъ возстановленъ. Союзы сначала не пытались добиться своихъ цѣлей посредствомъ стачекъ. Но постепенно сдѣлалось очевиднымъ, что парламентъ признаетъ защищаемую тогда экономистами теорію, что трудъ, подобно всѣмъ другимъ товарамъ, подчиненъ закону спроса и предложенія. Тогда союзы попытались повысить плату посредствомъ стачекъ. Серьезная стачка была организована прядильщиками въ Ланкаширѣ въ 1808 году. Въ этомъ году въ палату былъ внесенъ билль, предлагавшій въ виду крайнихъ страданій рабочихъ опредѣленіе минимальной платы. Хозяева объявили, что они вслѣдствіе колебаній хлопчатобумажной промышленности во время войны страдаютъ еще больше, чѣмъ рабочіе; билль былъ взятъ назадъ и опредѣленіе размѣра минимальной платы было признано неосуществимымъ и ложнымъ въ принципѣ. Тогда прядильщики оставили работы, 60000 станковъ остановились. Рабочіе требовали повышенія платы на $33^1/_3$ процентовъ, хозяева предложили повысить ее на двадцать про-

центовъ. Рабочіе отказались. Въ Рочдэлѣ ткачи разбили тюрьму, выпустили арестантовъ—но стачка была безполезной, вѣроятно вслѣдствіе недостаточной организаціи.

Страданія рабочихъ.

Война продолжалась—заработная плата продолжала падать, а цѣны повышаться. Бѣдные ткачи въ Гамильтонѣ, въ Ланаркширѣ отказывались отъ милостыни и не хотѣли братъ не заработанныхъ денегъ, собранныхъ для помощи имъ—и они начали заработывать эти деньги проведеніемъ тротуара отъ Гамильтона де Ботвель-Бриджа. «Они не знали, насколько они украсили эту дорогу для будущихъ поколѣній»—говоритъ миссъ Мартино.

Люддиты.

Въ 1811 году многіе изъ чулочныхъ фабрикантовъ въ Ноттингамѣ отпустили своихъ рабочихъ, потому что новыя машины работали такъ быстро, что рынокъ былъ заваленъ. Начались бунты люддитовъ. При всякомъ разрушеніи машинъ говорили, что это дѣло Нэда Люда. Сюттонъ, на основаніи словъ Блакнера, извѣстнаго Ноттингамскаго демократа, вѣроятно, имѣвшаго настоящія свѣдѣнія, утверждаетъ, что Нэдъ Людъ или Людламъ былъ невѣжественнымъ парнемъ, который при приказаніи отца собрать его иглы взялъ молотокъ и разбилъ ихъ. По другой версіи Людъ былъ безумнымъ, въ припадкѣ уничтожившимъ двѣ чулочныя машины. Люддиты не только ломали машины, но и нападали на фабрикантовъ и хлѣботорговцевъ, требуя хлѣба. Къ нимъ пристали и рабочіе кружевныхъ фабрикъ, ломавшіе новыя машины для кружевъ. Парламентъ принялъ актъ, признававшій уничтоженіе всякихъ машинъ, употребляемыхъ въ промышленности, уголовнымъ преступленіемъ; въ 1812 году въ Іоркѣ повѣсили семнадцать рабочихъ. Къ этому времени было уничтожено уже 624 чулочныхъ машинъ. Симпатія народа къ бунтовщикамъ въ промышленныхъ округахъ дѣлали захватъ преступниковъ труднымъ дѣломъ. Мятежное настроеніе распространилось и среди рабочихъ шерстяныхъ и хлопчатобумажныхъ фабрикъ. Начали жечь фабрики, завладѣли складами милиціи, мятежники захватили оружіе. За этимъ начались и убійства; съ домовъ и церквей снимали свинцовыя крыши, чтобы дѣлать изъ нихъ пули. Каждую ночь совершались преступленія и всѣ фабриканты находились въ осадномъ положеніи.

Въ 1812 году сорокъ тысячъ ткачей на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ начали стачку — весь комитетъ стачечниковъ былъ арестованъ по обвиненію въ составленіи незаконнаго сообщества. Въ 1813 году рабочіе бунты прекратились, отчасти вслѣдствіе паденія цѣнъ, въ 1814-мъ они снова начались вслѣдствіе упадка дѣлъ, обусловливаемаго плохимъ состояніемъ кредита. Лордъ Сидмоутъ, въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ (home Secretary), занялся подавленіемъ бунтовъ и съ этаго времени ни на минуту не зналъ покоя.

Въ это время бывали и другія народныя движенія, но они ка-

жутся совершенно ничтожными по сравненію съ рабочими волненіями. Демократическая партія усилилась, когда въ 1804 году началъ бороться за ея дѣло Коббетъ. Онъ былъ очень способнымъ пропагандистомъ и разсѣваемыя имъ идеи падали на плодоносную почву. Тѣмъ не менѣе реформаціонное движеніе не сдѣлало особенныхъ успѣховъ. Наиболѣе важнымъ событіемъ политической агитаціи въ этомъ періодѣ была смѣшная сцена, въ которой главную роль сыгралъ сэръ Френсизъ Бурдеттъ (1810). Агитація началась по поводу закрытія галлереи для постороннихъ лицъ въ палатѣ общинъ во время дебатовъ о Вальхеренской экспедиціи. Это предложеніе считали нарушеніемъ привиллегій печати. Дебатирующее общество, «Британскій форумъ», напечатало замѣтку о митингѣ, на которомъ было предложено выразить порицаніе правительству. Палата общинъ вызвала къ своей рѣшеткѣ типографщика и отправила его въ Ньюгэтъ за нарушеніе привиллегій парламента. Бурдеттъ сдѣлалъ по этому поводу запросъ, но былъ поддержанъ только тринадцатью членами. Тогда онъ написалъ своимъ избирателямъ письмо, въ которомъ отрицалъ «право палаты заточать въ темницу англійскій народъ». Коббетъ напечаталъ это письмо въ своей газетѣ Political Register. Палата признала письмо пасквилемъ, а писавшаго нарушившимъ привиллегіи и спикеръ приказалъ приставамъ палаты исполнить приказъ объ отправленіи Бурдетта въ Тоуэръ. Когда приставъ (Sergeant-at-Arms) приступилъ къ исполненію приказа, домъ Бурдетта въ Пиккадили оказался запертымъ и оберегаемымъ народомъ. Приставъ нѣсколько разъ стучался въ двери, не получая отвѣта. Спикеръ тогда спросилъ мнѣнія судей о законности своего приказа раньше, чѣмъ приказать взломать двери. Лордъ Эльдонъ отказался дать совѣтъ. Въ теченіе двухъ дней и двухъ ночей народъ занималъ улицу, расходясь только на короткое время, когда читали актъ о мятежѣ. Отовсюду были вызваны войска и наконецъ приставъ подъ защитой гвардейцевъ взломалъ заднія двери и засталъ сэра Френсиза Бурдетта читавшимъ Великую Хартію своему маленькому сынку. Онъ былъ уведенъ въ Тоуэръ, солдатамъ было приказано напасть на толпу и стрѣлять. Бурдеттъ предъявилъ искъ противъ спикера и пристава и послѣ преній было рѣшено, что ихъ оффиціальное положеніе не препятствуетъ имъ явиться отвѣтчиками предъ судомъ. Тамъ ихъ поведеніе было признано правильнымъ, и Бурдетта освободили при отстрочкѣ засѣданій парламента. Къ великому негодованію народа, онъ не явился предъ собравшейся толпой, желавшей сдѣлать ему овацію, а отплылъ изъ Тоуэра по рѣкѣ. Его поведеніе приписали трусости, а не скромности и популярность его значительности пострадала. Дѣло, повидимому, кончилось фіаско, но съ этаго времени палата не такъ быстро рѣшалась на подавленіе свободы рѣчи и общественнаго мнѣнія.

Дѣло Бурдетта.

Способность лондонской черни волноваться по самому ничтожному поводу проявилась въ мятежахъ 1809 года, когда послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ волненій въ новомъ Ковентгарденскомъ театрѣ возстановили старыя цѣны. Дѣло началось съ суда надъ Клиффордомъ, барристеромъ, обвиненнымъ въ возбужденіи къ бунту, такъ какъ онъ явился въ театрѣ съ буквами O. P. (т. е. старыя цѣны) на шляпѣ. Несмотря на обвиненіе судьи, присяжные оправдали его; Кембль уступилъ и лондонцы выиграли свое дѣло.

Было достаточно причинъ для признанія этого періода мрачнымъ, тѣмъ не менѣе не было недостатка въ признакахъ того, что рессурсы и энергія страны не истощились. Развитіе инженернаго искусства сдѣлало возможнымъ крупныя общественныя работы; снова начали проводить дороги. Знанія и изобрѣтенія позволили строить водопроводы, мосты, маяки, доки и молы въ такихъ мѣстахъ, гдѣ прежнія поколѣнія считали это невозможнымъ.

Дороги. Особенно прославился въ качествѣ инженера Томасъ Тельфордъ, ученикъ каменьщика, сынъ простого пастуха. Онъ провелъ Эллсмерскій каналъ, соединявшій Мерсей, Ди и Севернъ, строилъ водопроводы и желѣзные мосты; когда онъ былъ инженеромъ графства Салопъ въ 1802 году, ему было поручено исполнить обширный планъ проведенія дорогъ въ Шотландіи. Въ теченіе восемнадцати лѣтъ онъ провелъ 920 миль хорошихъ дорогъ съ 1200 мостами. Дороги Тельфорда потребовали много труда, такъ какъ пришлось преодолѣвать многія препятствія. Укладывали нижнее полотно изъ плитняка, заливали глиной пространство между камнями, чрезъ каждые сто ярдовъ дѣлали дренажъ и на это нижнее полотно клали верхнее изъ мелкаго камня и гравеля. До этихъ поръ дороги обыкновенно дѣлались изъ круглышей-кремней и гравеля, въ расчетѣ на то, что тяжелыя повозки постепенно утрамбуютъ такую дорогу. Но на самомъ дѣлѣ онѣ не утрамбовывали, а только разбивали дорогу и дѣлали на ней рытвины. Въ 1815 году Макадамъ употреблялъ вмѣсто небитыхъ кремней гранитные осколки и при посредствѣ этого матеріала, а также вслѣдствіе тщательности при процессѣ консолидированія, онъ получилъ превосходное полотно дороги.

Лондонъ. Въ восемнадцатомъ вѣкѣ въ Лондонѣ были построены два новые моста: Вестминстерскій въ 1750 году и Блэкфріаровъ въ 1769-мъ. Въ 1810 году Ренни началъ строить мостъ Страндъ, теперь Ватерлооскій; въ 1815 году онъ началъ постройку Соутваркскаго моста. Темза перестала быть «молчаливымъ путемъ гражданъ». Фрэнсизъ Бурдеттъ сдѣлалъ совсѣмъ необычную вещь, уѣхавъ изъ Тоуэра по рѣкѣ. Главныя улицы сдѣлались удобными для пѣшеходовъ, были устроены тротуары, по которымъ толпились постоянно проходящіе, держась обыкновенно извѣстной стороны. Были сдѣланы и переходы чрезъ улицы изъ плитняка, очень удобные для пѣше-

ходовъ, но очень неудобные для экипажей. Боковыя улицы мостились голышами (kidney-Stones-кочками), очень неудобными и для ходьбы и для ѣзды. Въ 1810 году газовое освѣщеніе улицъ становится обычнымъ.

Обычаи.

Симондъ, французъ изъ Америки, посѣтившій Англію въ 1810 году, разсказываетъ, что лавочки пирожниковъ посрединѣ дня были переполнены «очень приличными особами обоихъ половъ, въ особенности мужчинами, завтракавшими лепешками, пирожками и т. п. и стаканомъ сыворотки—весь завтракъ стоилъ 6 или 8 д.» До десяти часовъ, говоритъ онъ, на улицахъ никого не видно. Свѣтское общество подаетъ признаки жизни въ три или четыре часа, отъ шести до восьми обѣдаютъ. Дѣлаютъ визиты, причемъ никто не садится; нѣтъ ни разговоровъ, ни картъ, ни музыки; народъ только толкается, двигается изъ комнаты въ комнату, а потомъ въ зальныя двери... и опять съ другимъ такимъ же визитомъ. Много времени тратится на ожиданіе въ хвостѣ каретъ и на дорогѣ въ ожиданіи своего экипажа. На это времени идетъ гораздо больше, чѣмъ на самыя посѣщенія. Лекціи въ Королевскомъ институтѣ стали модными; половина слушателей состоитъ изъ дамъ, «боязливо дѣлающихъ замѣтки». Было бы безполезно проповѣдывать относительно недостатковъ общества, такъ похожаго на современное. Кажется, что съ тѣхъ поръ произошли измѣненія только въ обѣдѣ. Обѣдъ на десять или двѣнадцать персонъ состоялъ изъ двухъ блюдъ и десерта. Симонду подавали: супъ, рыбу, жареное и вареное мясо, овощи, шпинатъ и ветчину—все сразу; а вторымъ блюдомъ было: рагу, дичь, сельдерей, макароны, сливки и пирожное. Десертъ подавался отдѣльно. Такое меню было нѣсколько старомоднымъ; блюда подавались очень горячими. Изъ винъ подавали: мадеру, хересъ, кларетъ, бургонское и шампанское; легкое пиво или эль подавались въ высокихъ кружкахъ вродѣ бокаловъ для шампанскаго. Употребляли «воду, насыщенную углекислотой», немногіе пили вино, смѣшанное съ водой. Симондъ нашелъ одинъ обычай несогласнымъ съ гордостью англичанъ. Предъ каждымъ обѣдающимъ къ концу обѣда ставили чаши изъ цвѣтного стекла, и всѣ, и женщины и мужчины, отпивали немного воды, полоскали ротъ и выплевывали воду. Смоллетъ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ писалъ о французахъ, что «они совершенно чужды тому, что мы называемъ приличнымъ, но у каждаго есть своя собственная чашка, они не пьютъ всѣ изъ одного кувшина—и нѣтъ привычки болѣе отвратительной, какъ употребленіе стеклянныхъ стакановъ». Общій кувшинъ и двухзубыя вилки были въ Англіи еще въ общемъ употребленіи.

Шотландія.

Кольвиля.

Городъ Гласко былъ піонеромъ въ заморской торговлѣ, но только въ 1718 году первый изъ его кораблей переплылъ Атлантическій океанъ. Крупная торговля Гласко съ Вестъ Индіей начинается съ 1732 года, когда гласковскіе торговцы начинаютъ доставлять въ колоніи товары и брать у нихъ на комиссію ихъ продукты. Это положило начало торговлѣ табакомъ, составлявшей до Американской войны болѣе половины всего ввоза въ Гласко. Въ это время у Гласко были кореспонденты во всѣхъ портахъ, отъ Леггорна до Бремена. Грузы распредѣлялись молодыми агентами между планта торами; такимъ образомъ они поддерживали шотландскую промышленность и распространяли въ колоніяхъ шотландскую энергію и дѣловитость. Городъ процвѣталъ. «У Старосты Кохрена—говоритъ Смоллетъ въ «Гумфрѣ Клинкерѣ»—были корабли во всѣхъ моряхъ». У Глассфорда во время семилѣтней войны было двадцать пять кораблей и онъ торговалъ на полмиліона. Купцы по своему богатству соперничали съ фабрикантами, одинъ изъ которыхъ, умершій въ 1819 году, оставилъ состояніе въ триста тысячъ фунтовъ, составленное имъ производствомъ кисеи. Послѣ уничтоженія торговли табакомъ купцы начали открывать новыя отрасли торговли. Въ 1787 году открылась въ Лондонѣ первая комиссіонная торговля гласковскими товарами; вскорѣ послѣ этаго начали прибѣгать къ системѣ распродажъ. До этого времени даже Дунди имѣлъ дѣла съ Лондономъ чрезъ посредство факторовъ; купцамъ часто приходилось ожидать денегъ по два года. Клайдъ, рѣка, богатая рыбой, но неудобная вслѣдствіе сильныхъ приливовъ, была уже недостаточнымъ путемъ сообщенія при ростѣ торговли. Горожане перенесли свою прежнюю гавань изъ Дёмбартона и превратили бѣдную деревушку Ньюваркъ, стоящую на другой сторонѣ рѣки, въ бойкій портъ Гласко и тамъ построили одинъ изъ первыхъ сухихъ доковъ. Но настоящей гавани Гласко, Брумилоу, еще не было. Смитонъ изслѣдовалъ рѣку въ 1755 году; въ это время по Клайду плавало только шестьдесять семь судовъ; но ничего еще не было сдѣлано, пока за дѣло не взялся Гольбурнъ изъ Честера. Ему въ 1775 году удалось доводить до города корабли, сидящіе въ водѣ на шесть съ половиной футовъ. Въ 1816 году къ этой глубинѣ прибавилось еще три фута. Въ 1805 году корабль въ 150 тоннъ груза изъ Лиссабона разгрузился въ самомъ центрѣ города. Одновременно съ углубленіемъ рѣки началось въ 1768 году проведеніе канала Форта и Клайда, законченнаго въ 1790-мъ.

Успѣхъ этого предпріятія и одновременныхъ англійскихъ предпріятій возбудилъ спекуляцію въ дѣлѣ проведеніи каналовъ. Болѣе важнымъ событіемъ было начало постройки пароходовъ—піонеромъ въ этомъ дѣлѣ былъ Патрикъ Миллеръ, обыватель Гласко, братъ лорда президента Гленли. Онъ намѣревался устроить лопасти, приводимыя въ движеніе людьми, но нѣкто Тайлоръ, бывшій учителемъ въ его семьѣ—Миллеръ былъ лэйрдомъ Дальсуинтона и ландлордомъ Нитсдэля, мѣста родины Бёрнса—совѣтывалъ ему примѣнить новое изобрѣтеніе Уатта; а другъ Тайлора, Симингтонъ, механикъ въ Лидгильсѣ, составилъ рисунки. Первый опытъ на большомъ пруду въ Дальсуинтонѣ, въ 1788 года, былъ удаченъ. Большой корабль, сдѣланный на заводѣ Каррона, былъ испробованъ тамъ же, на каналѣ, въ 1789 году съ еще большимъ успѣхомъ. Въ 1803 году пароходъ «Шарлота Дундасъ» Симингтона вела баржи по каналу, но ее оставили, такъ какъ боялись, чтобы пароходъ не повредилъ берега. Тутъ съ пароходомъ ознакомился Фультонъ, американецъ—и онъ потомъ водилъ его по Гудзону (1807); Тайлоръ сообщилъ объ опытѣ своему другу, Генриху Беллю, въ 1812 году пустившему по Клайду новый пароходъ «Комета». Отецъ Фультона былъ шотландецъ, эммигрировавшій въ Америку изъ Думфрисшира. Эти опыты развили вновь стремленія къ плаваньямъ и въ 1816 году, при открытіи Вестъ-Индской торговли, Гласко былъ одинъ изъ первыхъ городовъ, отправившихъ туда корабли. Плаваніе изъ Гласко въ Лондонъ на пароходѣ было совершено въ первый разъ въ 1815 году.

Лордъ Кокбурнъ, которому въ теченіе сорока лѣтъ его судейскаго поприща пришлось разъѣзжать по Шотландіи, въ своихъ «Circuit Journeys», говоритъ, что «люди, привыкшіе къ желѣзнымъ дорогамъ, и даже почтовымъ каретамъ, неповѣрятъ тому, какъ мы путешествовали въ прежніе годы». Макадамъ, инженеръ въ Айрширѣ, настолько же помогъ дѣлу проведенія дорогъ, какъ и Стефенсонъ. Онъ измѣнилъ весь процессъ мощенья дорогъ—раньше поддерживаемыхъ принудительной дорожной повинностью (Statute—labour), столь же ненавистной, какъ corvée во Франціи. Въ 1758 году Карлиль изъ Инвереска, отправляясь къ югу, на одной изъ наиболѣе проѣзжихъ дорогъ не видалъ ни одного колеснаго экипажа до самаго Дургама, гдѣ уже началась шоссированная дорога. Первый дорожный актъ (Toll Act—1763) былъ принятъ для части этой дороги въ восточномъ Лотіанѣ. Къ сѣверу отъ Эдинбурга дорожное дѣло прогрессировало настолько къ 1773 году, что Джонсонъ нашелъ пріятнымъ ѣхать чрезъ Файръ, не платя пошлинъ. Между столицами были почтовыя станціи, но до 1776 года къ сѣверу отъ Эдинбурга ихъ еще не было. Въ 1758 году начала ходить почтовая карета, запряженная четверкой, изъ Гласко въ Эдинбургъ—она проѣзжала это разстояніе только въ двѣнадцать часовъ. Послѣ 1799 года время проѣзда сократилось на

половину. По западной главной дорогѣ въ это время продолжались работы. Бёрнсъ при своихъ объѣздахъ въ качествѣ акцизнаго чиновника видѣлъ заставы на новой дорогѣ по Нитсдэлю (1791). Дилижансы Плюмера (1788) ѣхали отъ Гласко до Лондона въ шестьдесятъ пять часовъ; разъ въ недѣлю изъ Думфри отправлялся дилижансъ, запряженный шестью лошадями, въ Карлиль. Фортъ приходилось переѣзжать три раза по старымъ бродамъ. Мостъ, построенный въ 1771 году Смитономъ чрезъ Тей у Перта, замѣнилъ лодочниковъ. Форсайтъ, купецъ изъ Эльджина, разсказываетъ о своей поѣздкѣ въ скоромъ дилижансѣ (1791). Черезъ Форфаръ карета проѣзжала тринадцать миль въ три съ половиной часа. Изъ Іорка онъ сдѣлалъ 150 миль въ двадцать четыре часа, а къ сѣверу отъ Эдинбурга въ девятнадцать часовъ проѣхали только восемьдесять четыре мили. Между Пертомъ и Инвернессомъ почтовыя кареты начали ходить въ 1806 году, но правильное сообщеніе между Абердиномъ и Инвернессомъ установилось только въ 1811 мъ. На большихъ рѣкахъ еще не было мостовъ, такъ на Спеѣ при Фогаберѣ не было моста до 1801 года. Къ сѣверу отъ Дорноха мѣстность находилась почти въ естественномъ состояніи, пока маркизъ Стаффордъ не началъ вводить улучшеній въ Сутерландскихъ помѣстьяхъ (1807). Правительство оказывало кое какую помощь, но главнымъ образомъ работали мѣстныя власти; онѣ провели главныя дороги къ Тонгу и Уику (1814). Ко времени смерти маркиза было сдѣлано имъ 450 миль дороги и 134 моста. Его достойный соперникъ въ дѣлѣ улучшеній, лордъ Бридэльбанъ, проводилъ дороги въ горной Шотландіи. Путешественникъ Пеннантъ (1770) видѣлъ, что его люди дѣлали дорогу у Лохъ-Тайсайда и у Тайндрума. Но на западѣ горной Шотландіи путешествія еще въ теченіе долгаго времени совершались по морю— что обусловливалось вообще положеніемъ этой мѣстности.

Ирландія.

Жойса.

Первое собраніе соединеннаго парламента Великобританіи и Ирландіи состоялось въ январѣ 1801 года. Ирландскія католики ожидали отъ него исполненія данныхъ имъ обѣщаній. Но въ коронной рѣчи объ эмансипаціи католиковъ даже не упоминалось—это объяснили упрямствомъ короля. Питтъ подалъ въ отставку, но заступившій его министръ былъ противникъ эмансипаціи и, повидимому, этотъ вопросъ былъ оставленъ навсегда.

Въ это время Соединенные Ирландцы, собиравшіеся теперь на континентѣ, начали надѣяться на помощь Наполеона и отправили для подготовленія новаго возстанія въ Ирландіи Роберта Эммета, горячаго и благороднаго молодого двадцати четырехлѣтняго человѣка. Зиму 1802 года онъ провелъ въ Дублинѣ, заводя сношенія и подготовляя копья и другое оружіе. Случайность ускорила начало возстанія; въ іюлѣ 1803 года онъ вышелъ съ сотней людей, расчитывая захватить Дублинскій замокъ Но ничего не удавалось: чернь возстала, начались безчинства, лорда главнаго судью Кильвардена, человѣка честнаго и гуманнаго. случайно въ это время проѣзжавшихъ по улицѣ, вытащили изъ кареты и убили. Эмметъ въ ужасѣ убѣжалъ изъ города; но вскорѣ его забрали, судили и повѣсили въ Дублинѣ. Возстаніе Эммета.

Въ это время началъ свое поприще величайшій изъ вождей ирландскаго народа, Даніель О'Коннель или «Освободитель», какъ его обыкновенно называли; съ этого времени въ теченіе почти полувѣка онъ былъ главной фигурой въ исторіи Ирландіи. Одинъ изъ первыхъ вопросовъ, въ обсужденіи котораго онъ принималъ участіе—это вопросъ о veto. Небольшая фракція католиковъ выразила готовность принять эмансипацію съ условіемъ предоставить королю право veto при назначеніи католическихъ епископовъ; но когда этотъ проектъ сдѣлался извѣстнымъ, всѣ католики, руководимые О'Коннелемъ, отвергли подобное соглашеніе; а кромѣ того парламентъ отвергъ петицію объ эмансипаціи даже и при такомъ условіи (1808). О'Коннель.

ИСТОЧНИКИ 1802—1815.

Общая исторія.

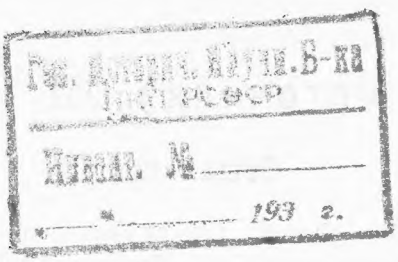
Hist. of Modern Europe—Файфа. Life of Napoleon—Ланфрея. Hist. of Europe—Алисона. Hist. of Peninsular War—Непира. Influence of Sea Power upon Wars of French Revolution—Мэгэна. Administration of Great Britain—Корневалля Люиса. Hist. of Engl.—Мартино. Constit. Hist.—Эрскина Мэя. Life of Pitt—Стангопа. Life of Castlereagh—Алисона. Life of C. Stewart. Life of Liverpool—Іонга. Корресп. Корнваллиса, депеши Веллеслея. Recollections of Society in France and England—Клементины Дэви. Corres. и Diaries—Крокера. Corresp.—Кэстльри.

Спеціальные предметы.

Военная исторія. Hist. of Military Force of Great Britain—Дюпена. Military Force—Клода. Passages in Great War—Бёнбюри. Military Miscellany—Маршаля. Short Hist. of Great Packet—Гольдена (въ Unit. Service Magazine).

Diary of Swabey (въ Proceedings of Artillery Institution). Hist. of 3 and 4 Battalions of Worcester Regiment—Гольдена. Recollections of Riffleman Harris—Курлинга. Walcheren Expedition — Грея. Authentic Narrative of Proceedings under Craufurd—Уитлока. Craufurd and his Division—Крауфурда. Plea for Peasant—Бутлера. Vicissitudes of Regimental Colours—Гольдена.

Наука и философія. Hist. of Inductive Sciences—Уэвеля. Статьи въ Encycl. Brit. О значеніи Броуна см. статью Робертсона: „Association of Ideas— въ Encycl. Brit. и Philos. Remains.

Литература (1784—1815). Eighteenth Cent. Literat.—Госсе. „Gray"—его же и „Cowper"—Голдуина Смита (въ Engl. Men of Letters). Статья о Краббе въ Essays in Engl. Liter. — Сентсбюри. Biographia Literaria — Кольриджа. Критич. этюды о Боркѣ, Гиббонѣ, Робертсонѣ и Макинтошѣ въ Engl. Prose Selection — Крэйка. Монографіи о Боркѣ и Гиббонѣ (Eng. Men of Letters).

Промышленность (1784—1815). Hist. of Cotton Manufact. — Бэнса. Linen Trade—Уордена. Hosiery and Lace—Фелькина. Hist. of Wool and Woolcombing — Бёрилея. Hist. of Weaving — Барлоу. Hist. of Woollen and Worsted Manufact.—Бишофа. Origin of Power Loom—Радклифа. Hist. of Iron Trade— Скривенера. Metallurgy—Перси. Статьи въ Annual Register, въ Philos. Transactions и въ Statistical Account of Scotland. Diction. of Nation Biogr. Lancashire Worthies — Эспинаса. Industrial Biogr., Lives of Engincers, Lives of Boulton and Watt—Смайльса. Life of Watt—Мюиргида. Biogr. of Inventors— Беннета Вудкрофта. Hist. of Ceramic Art, Lives of Wedgwoods — Жевитта. Life of Ios. Wedgwood—Метеярди. Hist. of Pottery and Porcelain—Чаферса. Indust. Revolution—Тойнби. English Industry and Commerce — Куннингама. Tours—Артура Юнга. Popular Hist.—Найта.